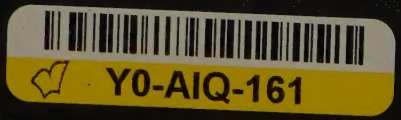
Y0-AIQ-161

[illegible]

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ
П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета
К. М. Станюковича.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1906 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1906.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайловскій просп., № 29.

КОНСТАНТИНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СТАНЮКОВИЧЪ.

(Біографическій очеркъ).

Военная жизнь давно уже имѣла въ нашей литературѣ своихъ бытописателей, и крупныхъ, и мелкихъ, изображавшихъ ее съ разныхъ сторонъ и давшихъ о ней полное понятіе. Стоитъ вспомнить разсказы Бестужева-Марлинскаго, воспѣвшаго воинскія доблести, очерки боевой жизни графа Льва Толстого, взглянувшаго совершенно уже трезвыми глазами на эту жизнь, и, наконецъ, очерки военнаго быта Афанасьева-Чужбинскаго,—въ которыхъ онъ посвятилъ наше общество во всѣ подробности военной жизни, въ мирное время,—чтобы убѣдиться, что жизнь нашего сухопутнаго воина была почти вполнѣ исчерпана нашими писателями. Но того уголка общественной жизни, въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ моряки, со всѣми особенностями его своеобразнаго быта, съ его оригинальными правами, понятіями, съ интереснѣйшими типами его представителей, въ нашей «изящной словесности» долго никто не касался. По крайней мѣрѣ со времени появленія «Фрегата Надежды» и «Лейтенанта Бѣлозора» того же Марлинскаго у насъ ничего не было изъ морского быта. Появлялись только, и въ большихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, и отдѣльно, отрывочныя, словно мимоходомъ сдѣланныя, изображенія жизни моряковъ, дававшія мало понятія о ней, о людяхъ, населяющихъ корабль. Пополнить такой важный пробѣлъ въ русской литературѣ суждено было одному изъ талантливыхъ нашихъ беллетристовъ-публицистовъ—Станюковичу, который впервые ввелъ русскаго читателя въ неизвѣстный ему дотолѣ мірокъ, далъ полную мастерскую картину корабельнаго быта, съ яркими, разнообразными фигурами моряковъ. Станюковичъ первый попытался сдѣлать для моряковъ нѣчто подобное тому, что давно сдѣлалъ относительно военнаго

быта «великій писатель земли русской», по слѣдамъ котораго пошли уже и другіе многочисленные беллетристы. Станюковичъ, подобно графу Льву Толстому, сказалъ *новое* слово въ области, избранной имъ для своихъ повѣствованій. Онъ изучилъ въ совершенствѣ ту среду, въ которой вращался съ молодыхъ лѣтъ, глубоко вдумался въ ея явленія и съумѣлъ настолько живо, во всѣхъ подробностяхъ воспроизвести ея бытъ, что его «Морскіе разсказы» получили вѣсъ и значеніе въ литературѣ и пріобрѣли обширный кругъ читателей.

Существовалъ старый литовскій родъ Станьковичей герба Вадвичъ. Представитель его, Дмитрій Степановичъ Станьковичъ вступилъ въ русское подданство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1656 году, послѣ взятія Смоленска. Отъ него и пошла фамилія смоленскихъ дворянъ Станюковичей. Его праправнукъ Михаилъ Николаевичъ Станюковичъ служилъ во флотѣ и былъ командиромъ севастопольскаго порта и севастопольскимъ военнымъ губернаторомъ, состоя въ чинѣ вице-адмирала. Еще будучи бригаднымъ командиромъ 5-й флотской дивизіи, 2-й бригады, онъ женился на Любови Федотовнѣ Митьковой, уроженкѣ юга, также дочери моряка; отъ брака ихъ и родился Константинъ Михайловичъ Станюковичъ, въ Севастополѣ, 13-го марта 1843 года. Эта дата находится въ метрическомъ свидѣтельствѣ писателя, тогда какъ въ послужномъ спискѣ мичмана Станюковича значится 17-е марта 1844 года. Отецъ Константина Михайловича представлялъ собою характерный типъ «морского волка», моряка стараго закала, до щепетильности честнаго, но суроваго, необычайно требовательнаго по службѣ, наказывавшаго матросовъ за малѣйшую провинность безпощадно. Въ страхѣ и чуть не въ рабскомъ повиновеніи держалъ онъ и семью свою. Это былъ человѣкъ желѣзной воли, жестокій, непреклонный, не задумывавшійся ни надъ чѣмъ при проявленіи своей власти. Словомъ— «грозный адмиралъ», котораго за жестокость матросы называли «генераломъ-арестантомъ». Но они знали, что этотъ страшный начальникъ вѣчно заботился о томъ, чтобы они были сыты, тепло и чисто одѣты, имѣли отдыхъ и досугъ и могли что-нибудь заработать внѣ службы. Грозный адмиралъ «поступалъ согласно понятіямъ времени, и совѣсть его была спокойна. Служба требовала суровой муштровки, «лихихъ» матросовъ и беззавѣтнаго повиновенія, а жестокость была въ модѣ. Мать Станюковича представляла совершенную противоположность суровому супругу: тихая, кроткая, нѣжная, она вмѣстѣ съ тѣмъ была существомъ безвольнымъ, запуганнымъ. Дѣтей она любила горячо, мужа боготворила.

Въ такой обстано́вкѣ росъ юный Станюковичъ, запечатлѣвая въ памяти сцены домашней жизни, въ которой деспотизмъ отца заставлялъ трепетать всѣхъ членовъ семьи, и частые разговоры о неистовыхъ наказаніяхъ линьками, о побѣгѣ какого-нибудь матроса, вынужденнаго къ этому безчеловѣчной, жестокой муштровкой, или даже о смерти жертвъ суровыхъ старыхъ порядковъ во флотѣ и т. п. Въ душѣ умнаго и наблюдательнаго ребенка просыпался какой-то смутный протестъ и противъ отцовскаго гнета, и противъ безчеловѣчности большинства окружавшихъ его моряковъ, служакъ николаевскаго времени. Дальнѣйшія обстоятельства его жизни только способствовали росту этого протеста, въ особенности, когда чтеніе сдѣлалось его любимымъ занятіемъ. Читать Станюковичъ научился довольно рано, занимаясь съ гувернанткой, которая учила его также языкамъ французскому и нѣмецкому. Кромѣ того съ нимъ занимался, отбывавшій въ Севастополѣ наказаніе въ солдатской службѣ, одинъ изъ осужденныхъ по дѣлу Петрашевскаго — Ипполитъ Николаевичъ Дебу. При всей суровости тогдашняго времени, мѣстное начальство относилось къ Дебу очень снисходительно. «Моряки, казалось, не умѣли быть жестокими преслѣдователями и безъ того наказаннаго человѣка». Ему разрѣшали, внѣ службы, носить партикулярное платье и давать уроки во многихъ домахъ, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ. Станюковичъ сохранилъ самыя благодарныя воспоминанія о своемъ учителѣ, замѣчательно добромъ, сердечномъ человѣкѣ, прихода котораго онъ всегда ожидалъ съ нетерпѣніемъ. По словамъ Станюковича, «онъ какъ-то умѣлъ заставлять учиться, и уроки его были положительнымъ удовольствіемъ для ученика. Довольно было сказать И. Н. Дебу одно лишь слово: «стыдно», чтобы заставить меня горько сокрушаться о неприготовленномъ урокѣ и просить его не сердиться. Я не только любилъ его, но былъ, такъ сказать, влюбленъ въ своего учителя». Съ началомъ крымской кампаніи, когда непріятельскія войска высадились у Евпаторіи, Дебу долженъ былъ находиться въ строю, и его уроки прекратились.

Тринадцати лѣтъ Станюковичъ былъ опредѣленъ въ пажескій корпусъ, но пробылъ въ немъ всего полтора года и 5-го ноября 1857 года былъ переведенъ въ морской кадетскій корпусъ, послѣ двухмѣсячной подготовки изъ математики съ однимъ штурманскимъ офицеромъ. Свою корпусную жизнь Станюковичъ довольно подробно описываетъ въ очеркѣ «Маленькіе моряки», касаясь и порядковъ заведенія, и состава преподавателей. Хотя послѣ поступленія Станюковича уже, такъ сказать, вѣяло шести-

десятыми годами и началось обновленіе въ морскомъ вѣдомствѣ, но въ морскомъ корпусѣ еще царили традиціи николаевскаго времени, сохранились и старые, отжившіе преподаватели и воспитатели, и чисто патріархальная грубость нравовъ. Тѣмъ не менѣе новыя вѣянія такъ или иначе ощущались. Нѣкоторымъ отраженіемъ ихъ явился въ корпусѣ преподаватель русскаго языка и словесности Ѳедоръ Акимовичъ Дозе. «Словно вешняя душистая струя свѣжаго воздуха, — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Станюковичъ: — ворвалась въ классъ, и чѣмъ-то новымъ, хорошимъ, возбуждающимъ пахнуло на огрубѣлыхъ кадетъ, благодаря этому учителю, приглашенному начальствомъ, вѣроятно, для оживленія учительскаго персонала». До него кадеты были знакомы съ произведеніями Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова и Пушкина, да и то въ самой незначительной степени. Дозе познакомилъ ихъ основательнѣе съ Пушкинымъ и впервые съ Лермонтовымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ, съ «Бѣдными людьми» Достоевскаго. Онъ объяснялъ смыслъ и характеръ произведеній этихъ писателей, и, «благодаря ему, кадеты впервые услыхали горячее, живое слово объ униженныхъ и оскорбленныхъ, о возвышающемъ значеніи литературы, объ ея задачахъ и идеалахъ и громадной важности подготовлявшагося освобожденія крестьянъ... Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ пробудилъ юношей, заставилъ работать дремавшій мозгъ, заронилъ добрыя сѣмена и старался развить литературный вкусъ, пріохочивая къ хорошему чтенію». Хорошія воспоминанія сохранилъ Станюковичъ и о М. И. Сухомлиновѣ (впослѣдствіи академикѣ), преподававшемъ словесность въ старшихъ классахъ послѣ Дозе; преподавалъ онъ недолго и ушелъ изъ корпуса, кажется, не по своей волѣ. Въ корпусѣ Станюковичъ много читалъ и безъ всякаго разбора, не выключая и современныхъ журналовъ. Книгами его снабжалъ, между прочимъ, и корпусный законоучитель, священникъ В. Ѳ. Березинъ, человѣкъ умный, образованный, развитой. Однажды въ классѣ онъ засталъ Станюковича за чтеніемъ какой-то критической статьи въ «Современникѣ». Въ книжкѣ оказался и листокъ со стихотвореніемъ Константина Михайловича, стихотвореніемъ, обличавшимъ корпусное начальство. Священникъ не только возвратилъ кадету и книжку, и стихи, но и пригласилъ къ себѣ. И съ этого времени между «батюшкой» и кадетомъ установились дружественныя отношенія: во время посѣщеній Станюковича отецъ Березинъ, принимавшій его очень радушно, вполнѣ снисходительно слушалъ разсужденія своего ученика о прочитанныхъ книгахъ, давалъ ему совѣты, поощрялъ его стремленіе къ развитію, влеченіе къ литературѣ.

Во время установленнаго лѣтняго плаванія, Станюковичъ, будучи старшимъ гардемариномъ, попалъ на корабль «Орелъ» и на немъ сдѣлалъ двухмѣсячную кампанію, во время которой побывалъ въ Ревелѣ, Гельсингфорсѣ и Балтійскомъ морѣ и хорошо познакомился тамъ, какъ и другіе гардемарины, по его собственному признанію, «съ кюмелемъ, шведскимъ пуншемъ и финляндской «сексой», а также воочію видѣлъ картины корабельной варварской дрессировки матросовъ съ порками посредствомъ веревочныхъ линьковъ,—о чемъ въ дѣтствѣ онъ слышалъ только разсказы. По отзывамъ товарищей, Станюковичъ отличался въ корпусѣ настойчивостью, твердостью, серьезностью и считался «литераторомъ». Онъ писалъ гладкіе стихи и вообще прекрасно владѣлъ перомъ. Одно изъ его стихотвореній даже попало въ печать. Оно называется «Старый солдатъ» и помѣщено въ 1859 г. въ журналѣ «Сѣверный Цвѣтокъ», издававшемся роднымъ братомъ Станюковича, Александромъ Михайловичемъ. Чтобы дать понятіе, насколько юный шестнадцатилѣтній поэтъ владѣлъ формой, приводимъ нѣсколько строфъ изъ названнаго стихотворенія:

День деньской бѣднякъ шатался,
Отставной солдатъ,
Подаяніемъ питался,
Жизни былъ не радъ...
«Что не сходишь ты въ столицу,—
Каждый говорилъ,—
Помѣстили бы въ больницу,
Ты бы не ходилъ!»
«Эхъ! не долго же придется
Мнѣ на свѣтѣ жить,
Скоро мѣсто мнѣ найдется:
Кончу я ходить!
Старъ! А хочется подраться,
Штыкъ ужъ мнѣ не братъ!..»
И пойдетъ опять шататься
Отставной солдатъ!

Незадолго до выпуска, Станюковичъ, подъ вліяніемъ чтенія и новаго духа того времени, намѣревался поступить въ университетъ. Онъ долженъ былъ просить на это позволенія у своего суроваго отца. Ему такъ хотѣлось серьезно учиться, стать полезнымъ родинѣ человѣкомъ, что онъ отважился предстать передъ «грознымъ адмираломъ». Произошла тяжелая, полная трагизма, сцена. Отецъ желалъ, чтобы сынъ, также какъ дѣдъ и онъ самъ, былъ морякомъ и чтобы фамилія Станюковичей не исчезла изъ списковъ флота послѣ его смерти, а потому, конечно, наотрѣзъ отказалъ сыну. И не только, со страшнымъ гнѣвомъ, отказалъ,

но и рѣшилъ «выбить дурь изъ головы» заразившагося либеральнымъ духомъ сына. Съ этой цѣлью «грозный адмиралъ» немедленно отправился къ морскому министру и просилъ его назначить сына на корветъ, отправлявшійся въ кругосвѣтное плаваніе. До выпуска въ офицеры Станюковичу оставалось всего полгода, но онъ оставилъ, по волѣ отца, корпусъ и 18 октября 1860 года отправился на винтовомъ корветѣ «Калевала», построенномъ въ Финляндіи, изъ Кронштадта въ море. Такимъ образомъ, экзаменъ пришлось ему держать не въ корпусѣ, а въ Печилійскомъ заливѣ, на эскадрѣ передъ экзаменной комиссіей моряковъ.

Межъ тѣмъ, литературныя занятія Станюковича шли своимъ чередомъ. Онъ усиленно писалъ стихи, и до своего отъѣзда, въ теченіе 1860 года, напечаталъ въ «Сѣверномъ Цвѣткѣ» семь пьесъ: «Ты, бывало, гордилась красою», «Я ласкалъ ея кудри прелестные», «На кладбищѣ», «Миньона», «Два голоса», «Ты гордости полна стояла предо мною» и «Изъ Шевченко». Вотъ одна изъ пьесъ, характеризующая его тогдашнюю юную музу:

Ты, бывало, гордилась красою
И всегда такъ была весела,
А теперь!.. Разскажи, что̀ съ тобою,
Что хорошаго въ жизни нашла?
Не мечтая о жизни тщеславной,
Ты, какъ лилія, дома цвѣла,
Такъ зачѣмъ же продажей безславной
Ты себя старику отдала?
И съ тѣхъ поръ ты скучна и уныла,
Ужъ не можешь ты радостей знать,
И печаль твой румянецъ сокрыла,
Ты должна все страдать и страдать.
Жизнь пустая тебѣ надоѣла,
Ты любовью хотѣла бы жить...
Какъ сперва ты любить не умѣла,
Такъ теперь ты не въ силахъ любить...

Корветъ «Калевала», на которомъ находился Станюковичъ, слѣдовалъ къ устьямъ рѣки Амура. По прибытіи во Владивостокъ, юный морякъ заболѣлъ и пробылъ въ мѣстномъ лазаретѣ болѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ. По выпискѣ изъ него онъ поступилъ на винтовой транспортъ «Японецъ» и плавалъ на немъ въ китайскихъ водахъ съ самаго начала ноября 1861 г. по 15 апрѣля 1862 г. Затѣмъ, короткое время онъ былъ на шхунѣ «Пурга», ходившей изъ Владивостока въ заливъ Де-Кастри, и въ среднихъ числахъ іюня 1862 г. переведенъ на клиперъ «Абрекъ», плававшій въ китайскихъ водахъ и Тихомъ океанѣ. На немъ онъ пробылъ до 11 января 1863 года, послѣ чего былъ отправленъ начальникомъ эскадры Тихаго океана въ Кохинхину,

въ городъ Сайгонъ, для поступленія на винтовой клиперъ «Гайдамакъ», плававшій у береговъ Китая, Японіи и рѣки Амура.

Въ это время, въ оставленной Станюковичемъ Россіи, кипѣла преобразовательная дѣятельность. Видное участіе принималъ въ ней и великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ въ то время былъ молодымъ генералъ-адъютантомъ, предсѣдателемъ Императорскаго русскаго географическаго общества, и сравнительно въ короткій періодъ успѣлъ провести довольно важныя реформы во флотѣ и морскомъ вѣдомствѣ. Реформы коснулись и органа этого вѣдомства—«Морского Сборника», который изъ сухого спеціальнаго изданія превратился въ живой, современный журналъ, ставшій разрабатывать разные, болѣе или менѣе жгучіе, вопросы, волновавшіе тогда наше общество. Вспомнимъ, что въ этомъ изданіи нашли себѣ мѣсто статьи Пирогова «Вопросы жизни», «Школа и жизнь» и друг. Въ «Морской Сборникъ» послалъ и Станюковичъ свою замѣтку «Мысли по поводу глуповцевъ г. Щедрина» и свой первый очеркъ изъ морской жизни «Жизнь въ тропикахъ». Замѣтка напечатана въ 1862 году, а очеркъ въ 1863 г., и съ этого момента начинается литературная карьера Константина Михайловича.

Съ 10 іюня по 4 августа 1863 г. онъ плавалъ снова на клиперѣ «Абрекъ», ходившемъ отъ устья Амура до Шанхая, и, наконецъ, былъ посланъ начальникомъ тихоокеанской эскадры съ депешами въ Петербургъ, къ генералъ-адмиралу и управляющему морскимъ министерствомъ. Это было сдѣлано для того, чтобы, въ уваженіе къ заслугамъ его отца, дать молодому моряку движеніе по службѣ. Ему предстояла блестящая карьера, которая прельстила бы многихъ на мѣстѣ Станюковича. Но онъ былъ не изъ такихъ людей. Мишурный блескъ не прельщалъ его, и въ двадцать лѣтъ съ небольшимъ онъ уже исповѣдывалъ идеи эпохи Возрожденія и жаждалъ болѣе скромной, но болѣе плодотворной дѣятельности, въ которую могъ бы вложить и умъ, и дарованія, и всѣ силы, и которая помогла бы ему провести въ жизнь свѣтлые идеалы свободы, равенства, братства. Подъ вліяніемъ осмысленнаго чтенія, подъ впечатлѣніемъ встрѣчъ, знакомствъ и бесѣдъ съ людьми, глубоко сочувствовавшими освободительному движенію шестидесятыхъ годовъ, Станюковичъ еще въ корпусѣ проникся этими идеалами, и съ теченіемъ времени они только ширились и крѣпли въ немъ. Испробовавъ свои силы въ литературѣ, увидѣвъ, что онъ можетъ, умѣетъ писать, Станюковичъ уже не задумывался надъ выборомъ дороги. Онъ понималъ, что поприще писателя повито терніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря словами поэта,— «это многихъ славныхъ путь!» Ему казалось, однако, что за-

нятія литературой несовмѣстимы съ его службой, къ которой онъ, тѣмъ болѣе, не чувствовалъ никакого призванія... Задумавъ выйти въ отставку, Станюковичъ просилъ разрѣшенія у отца, такъ какъ безъ согласія послѣдняго начальство не соглашалось уволить молодого моряка. Отецъ оставилъ письмо сына безъ всякаго отвѣта. Тогда Станюковичъ, унаслѣдовавшій отъ отца настойчивость, твердость и энергію, вторично написалъ «грозному адмиралу», что если онъ не дастъ разрѣшенія, то Станюковичъ устроитъ такъ, что его исключатъ изъ службы. И непреклонная воля сына заставила «грознаго адмирала» уступить. Онъ писалъ ему: «Позора не желаю и противъ вѣтра плыть не могу... Выходи въ отставку и забудь отнынѣ, что ты мой сынъ!» И мичманъ 11-го флотскаго экипажа Константинъ Станюковичъ былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ чинъ лейтенанта... и предоставленъ самому себѣ въ борьбѣ съ жизнью.

Получивъ свободу, Станюковичъ съ большимъ рвеніемъ отдался литературѣ. Онъ напечаталъ въ «Морскомъ Сборникѣ», «Эпохѣ», и другихъ изданіяхъ свои очерки изъ кругосвѣтнаго плаванія и изъ морского быта — впечатлѣнія его поѣзди въ Кохинхину, на Мадеру и острова Зеленаго мыса и проч. Но этимъ онъ пока и исчерпалъ свои морскія впечатлѣнія, «не находя себя», не чувствуя своего настоящаго призванія въ литературѣ. Онъ, что называется, началъ разбрасываться, размѣниваться на мелочи, изъ-за куска насущнаго хлѣба. Онъ писалъ юмористическіе очерки, стихи, разсказы, отчеты о драматическихъ и балетныхъ спектакляхъ, сотрудничалъ въ «Голосѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Русской Сценѣ», «Будильникѣ» и другихъ изданіяхъ, большей частью подписываясь различными псевдонимами. Въ это время онъ уже пріобрѣлъ довольно обширныя знакомства въ литературныхъ кружкахъ, и подъ ихъ вліяніемъ задумалъ поближе познакомиться съ народомъ. «Хожденіе въ народъ» молодежи тогда было особенно въ модѣ. Потянуло въ деревню, къ черноземной силѣ, и Станюковича. Онъ получилъ мѣсто сельскаго учителя въ селѣ Чаадаевѣ, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Село это было очень бѣдное, мужики все малоземельные; они ходили, главнымъ образомъ, въ городъ на заработки и выручали мало, и новоиспеченному сельскому учителю пришлось увидѣть самую крайнюю бѣдность и безотрадное существованіе. Ученики любили своего учителя и всячески оказывали ему вниманіе. «Иногда,— разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ сельскаго учителя» Станюковичъ: — крынку молока несетъ мальчуга и обижается,

если откажешься». Учились дѣти съ большой охотой и удовольствіемъ. За то не мало было хлопотъ съ отцами. Дѣтей, желавшихъ ходить въ школу, было много, но не всегда пускали ихъ въ школу. «Что это вы Ваньку-то въ училище не пускаете?» — спрашивалъ Станюковичъ у однихъ родителей. — «Глупенекъ еще, родимый,— отвѣчали учителю.—Малъ... Куда ему... Да и — не въ гнѣвъ тебѣ будь сказано,—батюшко баилъ, что ты по псалтырю не вучишь... Такъ какое же это будетъ ученіе? И опять: сказываютъ—ты безъ розги вучишь! А нешто безъ розги вучатъ?..» Приходилось учителю быть свидѣтелемъ семейныхъ драмъ и безчинствъ и урезонивать пьяныхъ, озвѣрѣвшихъ мужиковъ. Словомъ, не легко ему было тянуть лямку сельскаго учителя въ безпросвѣтной глуши. Въ концѣ-концовъ, онъ бросилъ это мѣсто и, пробывъ на немъ съ 1865 по 1866 годъ, вернулся въ Петербургъ, гдѣ въ слѣдующемъ году женился на Любови Николаевнѣ Арцеуловой, прекрасной музыкантшѣ, окончившей курсъ въ с.-петербургской консерваторіи. Въ женѣ онъ пріобрѣлъ нѣжнаго, вѣрнѣйшаго друга, огромную нравственную опору. Она до конца жизни писателя берегла и лелѣяла его, бодро неся тѣ невзгоды, которыя выпали на долю Константина Михайловича въ его тяжелой, трудовой жизни.

Ставъ семейнымъ человѣкомъ, онъ принужденъ былъ, конечно, работать съ удвоенной энергіей, не покладая рукъ. Писалъ онъ съ необычайной быстротой, почти безъ всякихъ поправокъ, на срокъ, на спѣхъ. Объ отдѣлкѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Онъ поставлялъ разсказы чуть не для каждаго нумера «Петербургскаго Листка» въ теченіе полутора года, велъ фельетонные наброски въ этой же газетѣ, въ «Женскомъ Вѣстникѣ», «Гласномъ Судѣ», «Новомъ Русскомъ Базарѣ» и другихъ изданіяхъ. Несмотря на всю спѣшность работы, онъ успѣлъ выработать стиль, быть оригинальнымъ, живымъ, бойкимъ фельетонистомъ. Онъ умѣлъ, хотя и скользилъ по поверхности жизни, уловить характерныя черты современныхъ теченій, проявилъ много наблюдательности и въ особенности щеголялъ правдивымъ, мѣткимъ изображеніемъ повседневной житейской пошлости и незамысловатыхъ душевныхъ побужденій человѣка. Онъ все больше и больше узнавалъ людей въ разныхъ слояхъ общества и приходилъ къ далеко не утѣшительнымъ выводамъ. Нескрываемая насмѣшка, злая иронія на ряду съ юморомъ невольно бросаются въ глаза въ разсказахъ и очеркахъ, написанныхъ имъ въ молодые годы. На нихъ лежитъ печать нѣкотораго пессимизма, который по счастью не успѣлъ развиться, уступивъ много мѣста вѣрѣ въ лучшее грядущее, вѣрѣ въ человѣка. Но

сатирическое отношеніе къ дѣйствительности, къ взаимнымъ человѣческимъ отношеніямъ осталось у него навсегда, также, какъ и пониманіе многихъ сторонъ человѣческаго сердца, которое съ теченіемъ времени сдѣлалось нѣсколько глубже. Темные, грязные уголки души человѣческой не ускользали отъ его наблюденій, и немудрено, что его рѣчь нерѣдко дышитъ горечью и злостью, что отъ нея вѣетъ презрѣніемъ къ человѣку. Это презрѣніе и ядовитая насмѣшка по отношенію къ людямъ не исчезаютъ и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Станюковича, но за то въ значительной степени искупаются оттѣнками задушевности, печали и искренней скорби. Станюковичъ не былъ глубокимъ психологомъ. Онъ не изучалъ всесторонне человѣческую душу и довольствовался лишь тѣмъ немногимъ, что легко бросалось ему въ глаза. «Когда кондуктора на желѣзныхъ дорогахъ,— разсказываетъ одна изъ близко знавшихъ Станюковича писательницъ:—неиначе обращались къ нему, какъ «ваше сіятельство», «ваше превосходительство», онъ саркастически улыбался и съ злой насмѣшкою подмигивалъ пріятелю. И по уходѣ кондуктора пояснялъ свою мимику словами: «Далъ рубль—ну, и величаетъ! За рубль можетъ отца продать, не только обозвать «превосходительствомъ» или подъ руку въ вагонъ посадить... Скучно, когда всю эту несложную человѣческую душу знаешь, какъ свои пять пальцевъ». Но это знаніе человѣческой психологіи, которымъ гордился писатель, было довольно поверхностное, мнимое, и этимъ объясняется то, что самыя выдающіяся его произведенія теряли отъ слабой попытки писателя обрисовать психологическую сторону его героевъ. Невозможность вдумываться въ свои произведенія, при крайней спѣшности быстрой работы, пріучила Станюковича къ чисто фельетонной работѣ, къ фельетонной манерѣ, и отъ этого онъ уже никогда не могъ вполнѣ отдѣлаться даже въ своихъ большихъ романахъ, имѣющихъ несомнѣнное публицистическое значеніе, и большой интересъ по темамъ, въ нихъ затронутымъ, по умѣлому освѣщенію общественныхъ явленій.

Несмотря на свой усидчивый литературный трудъ, Станюковичъ порядкомъ нуждался и вынужденъ былъ все-таки искать занятій внѣ литературы. Въ 1870 году онъ поступилъ на службу въ управленіе Курско-Харьковской желѣзной дороги. Эта служба ему достаточно претила, такъ какъ ему пришлось невольно познакомиться съ закулисной стороной дѣла, увидѣть воочію взяточничество, казнокрадство, обсчитываніе рабочихъ и тому подобныя «инженерскія» прелести. Собравъ здѣсь богатый матеріалъ, который онъ вскорѣ использовалъ отчасти въ своемъ драматическомъ произведеніи «На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ»,

Станюковичъ оставилъ службу въ желѣзнодорожномъ управленіи и въ 1871 г. получилъ мѣсто въ Петербургѣ, въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ, послѣ чего служилъ въ Ростовѣ-на-Дону въ Волжско-Донскомъ обществѣ, будучи его директоромъ. Онъ оставался здѣсь до 1876 г. и на этомъ кончилась и частная служба Константина Михайловича, отдавшагося затѣмъ всецѣло литературѣ. Въ 1871 г. онъ невольно заставилъ впервые говорить о себѣ, по поводу не состоявшейся постановки на казенной сценѣ его комедіи «На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». Она уже была одобрена театрально-литературнымъ комитетомъ и взята артистомъ П. И. Зубровымъ для его бенефиса, какъ вдругъ, распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 27-го октября 1871 г., была запрещена къ представленію. Въ ней выведены были на свѣжую воду господа инженеры, желѣзнодорожники, всѣ ихъ мошенничества, плутни, словомъ, вопіющія злоупотребленія, и желѣзнодорожные дѣльцы, у которыхъ «рыльце было въ пушку», хлопотали усиленно, чтобы произведеніе, столь компрометирующее безшабашныхъ негодяевъ, не попало на сцену. И, разумѣется, они добились своего: обычный, полный произволъ нашей власти пришелъ имъ на помощь... Позднѣе и авторъ, и нѣкоторые артисты нѣсколько разъ хлопотали о разрѣшеніи пьесы къ представленію, но хлопоты остались безуспѣшны. Тѣмъ не менѣе комедія Станюковича въ слѣдующемъ же году была напечатана въ журналѣ «Дѣло».

Съ этого времени началось постоянное сотрудничество Станюковича въ журналѣ Благосвѣтлова. Въ «Дѣлѣ» съ 1872 по 1881 годъ напечатаны его большіе романы: «Безъ исхода», «Два брата», «Омутъ», сцены изъ современной жизни — «Родственники», нѣсколько разсказовъ и очерковъ, и фельетоны: «Письма знатныхъ иностранцевъ» и «Картинки общественной жизни». Романы Станюковича вполнѣ подходили подъ направленіе благосвѣтловскаго органа и, отвѣчая требованіямъ времени, носили ярко тенденціозный характеръ въ ущербъ художественности. Нѣкоторые критики находили, что идеи, проводимыя въ этихъ романахъ, слишкомъ общи, элементарны, но почти всѣ признавали способность автора связывать даже какъ будто разнородныя явленія и событія въ нѣчто цѣлое, а также и умѣнье въ прекрасной живой формѣ изображать отрицательныя стороны русской жизни, наши всякія неурядицы. Критика не могла не поставить въ заслугу Станюковича, что, и въ большихъ и мелкихъ произведеніяхъ своихъ, онъ проявляетъ необычайную стойкость убѣжденій ему дорогихъ, что онъ всегда на сторонѣ осво-

бодительнаго движенія общества и не перестаетъ враждовать противъ нашей косности, нашего равнодушія и застарѣлаго эгоизма. Ему отдавали должное, какъ безспорно талантливому беллетристу, правдиво и мѣтко характеризовавшему наши нравы и удачно очерчивавшему нѣкоторые характеры. При всемъ гнетѣ цензуры, который тогда обрушивался на русскую печать вообще, и на либеральную въ особенности, Станюковичъ все-таки умѣлъ провести любимую идею, дать яркое освѣщеніе современному положенію, и это больше всего цѣнила молодежь, среди которой романы Станюковича имѣли успѣхъ немалый. Но несравненно бо́льшій успѣхъ, и притомъ общій, имѣли фельетоны Станюковича «Письма знатнаго иностранца», благодаря которымъ его имя пользовалось извѣстностью даже въ далекой Сибири.

Кромѣ «Дѣла», Станюковичъ помѣщалъ съ конца семидесятыхъ годовъ фельетоны изъ общественной жизни въ «Пчелѣ», подъ псевдонимомъ *К. Наташина,* «Московскомъ Обозрѣніи» (1877), «Новостяхъ», подъ псевдонимомъ *Пимена-лѣтописца*, «Русской Правдѣ» Гирса, «Молвѣ» Полетики, гдѣ напечаталъ также свой романъ «Наши нравы», и, наконецъ, въ «Порядкѣ» Стасюлевича подъ псевдонимомъ *Стараго Пимена.* Въ 1877—1879 гг. Константинъ Михайловичъ жилъ въ Швейцаріи, въ Кларанѣ, гдѣ также, какъ и въ Парижѣ, вращался въ кружкахъ нашихъ эмигрантовъ, будучи съ ними въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. И за это онъ вскорѣ поплатился. Въ 1881 году онъ сдѣлался однимъ изъ соредакторовъ «Дѣла», въ слѣдующемъ году взялъ его въ аренду у вдовы бывшаго издателя Е. А. Благосвѣтловой, а въ 1883 г. пріобрѣлъ его въ собственность. Онъ повелъ журналъ на довольно широкихъ началахъ, оживилъ его новыми силами и строилъ «великіе планы». Однако это требовало значительныхъ средствъ, а ихъ не было. Пріѣхавъ изъ-за границы въ Петербургъ, Станюковичъ сталъ хлопотать о денежномъ займѣ для журнала. На помощь къ нему пришла въ это время Марія Константиновна Цебрикова, извѣстная писательница, одна изъ видныхъ дѣятельницъ по защитѣ правъ женщины и расширенію женскаго образованія и авторъ замѣчательнаго политическаго «открытаго письма» къ Государю. Не дожидаясь просьбы Станюковича, она сама отдала ему свои сбереженія—нѣсколько тысячъ трудовыхъ заработанныхъ денегъ. Матеріальная сторона была, такимъ образомъ, улажена. Но журналъ требовалъ большой серьезной работы, большой затраты силъ. Станюковичъ былъ слишкомъ преданъ своей идейной работѣ, чтобы какія бы то ни было затрудненія могли поколебать его энергію, его стойкость и наслѣдственное упрямство. Напутствуемый пожеланіями

своихъ заграничныхъ друзей, онъ спѣшилъ вернуться въ Россію. Надо сказать, что онъ всегда необыкновенно трогательно заботился о тѣхъ нашихъ эмигрантахъ-писателяхъ, которые, живя за границей, неминуемо должны были нуждаться. Онъ давалъ имъ заработокъ, какъ въ своемъ журналѣ, даже предпочтительно передъ остальными сотрудниками «Дѣла», такъ и въ прочихъ изданіяхъ старался пристроить ихъ работы. Эти писатели и другіе его друзья, глубоко цѣнившіе Станюковича, какъ необыкновенно стойкаго въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ писателя, непоколебимаго демократа, желали чѣмъ-нибудь выразить сочувствіе руководителю честнаго органа и устроили ему прощальный обѣдъ, на которомъ говорились рѣчи, лилось свободное слово. Этотъ обѣдъ въ связи съ постояннымъ общеніемъ нашего писателя съ русскими эмигрантами не прошелъ ему даромъ. Русскіе шпіоны усердно слѣдили за Станюковичемъ, и едва ступилъ онъ, возвращаясь изъ-за границы, на родную землю, какъ былъ арестованъ и посаженъ въ домъ предварительнаго заключенія. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!» Не скомпрометированный ни въ какихъ замыслахъ относительно пресловутаго «подрыванія государственныхъ основъ», Станюковичъ единственно за сношенія съ нашими эмигрантами, жившими въ Парижѣ и Швейцаріи, былъ лишенъ свободы и административнымъ порядкомъ отправленъ въ ссылку. Во время заключенія ему не дозволили даже проститься съ любимой дочерью, по приговору врачей обреченной на смерть. Весной 1885 года Станюковичу предложено было уѣхать на три года въ Сибирь, съ правомъ избрать мѣстомъ жительства Томскъ. Станюковичъ, такимъ образомъ, не только лишился свободы, но и былъ разоренъ, такъ какъ литературное предпріятіе его, веденное на занятыя деньги, должно было рушиться. Онъ не успѣлъ даже передать журнала въ сколько-нибудь хорошія руки, и «Дѣло», въ концѣ концовъ, попало не то къ какому-то адвокату, не то къ мелкому писателю, нѣкоему г. Дурново, впослѣдствіи сотруднику «Московскихъ Вѣдомостей». Новый собственникъ «Дѣла» очень быстро похоронилъ этотъ органъ, просуществовавшій болѣе двадцати лѣтъ и пользовавшійся такимъ огромнымъ успѣхомъ.

Станюковичъ и въ ссылкѣ не потерялъ бодрости духа и серьезно принялся за работу. «Нѣтъ худа безъ добра»—говоритъ русская пословица, и ее вполнѣ можно было примѣнить и къ Станюковичу. Въ Томскѣ ему пришла счастливая мысль использовать, наконецъ, тотъ богатый матеріалъ, который онъ добылъ во время недолгой службы во флотѣ. Онъ задумалъ написать нѣсколькихъ морскихъ разсказовъ и, такимъ образомъ, переставъ

блуждать вокругъ да около, сталъ работать въ той области, въ которой былъ полнымъ хозяиномъ. Это случилось не сразу, но начало было сдѣлано. Вообще, какъ пишущій человѣкъ, Станюковичъ чувствовалъ себя въ Томскѣ хорошо. «Работы,—писалъ онъ своей пріятельницѣ Е. С. Некрасовой:—много—и слава Богу, что много, такъ какъ въ захолустьяхъ, подобныхъ Томскому, при условіяхъ, въ которыхъ находишься, чѣмъ больше работы, тѣмъ лучше. Только бы работа спорилась и хоть сколько-нибудь удовлетворяла авторское чувство, а у меня оно капризно и доходитъ до хандры...» Еще задолго до ссылки Станюковичъ уже началъ отучаться отъ привычки писать «съ плеча», наскоро. Теперь онъ нѣсколько разъ редактировалъ почти каждое свое произведеніе и особенно ревниво относился къ этому дѣлу. «Ахъ, вы, конечно, знаете,—писалъ онъ той же Некрасовой:—эти авторскія сомнѣнія, одолѣвающія нашего брата, хотя бы онъ давно печатался и никогда не зналъ непріятности отказа. Здѣсь вотъ, въ Томскѣ, гдѣ и времени больше и гдѣ я работаю не такъ скоропостижно, какъ работалъ бывало прежде въ Питерѣ, эти сомнѣнія почему-то одолѣваютъ сильнѣе. Все по временамъ кажется, что пишешь не такъ, какъ нужно, не такъ, какъ могъ бы». Некрасова свидѣтельствуетъ, что чувство авторскаго недовольства доходило у Станюковича до того, что онъ отправлялся на почту и бралъ рукопись обратно, а придя домой, снова принимался за ея пересмотръ. «Не разъ,—говоритъ она:—переправляя изъ Сибири черезъ мои руки ту или другую работу въ столичныя редакціи, онъ просилъ предварительно прочесть и при случаѣ, не стѣсняясь, высказать ему о ней свое мнѣніе. «Ругать не стѣсняйтесь»,—прибавлялъ онъ».

Живя въ Томскѣ, Станюковичъ работалъ въ мѣстной «Сибирской Газетѣ», гдѣ помѣщалъ разныя статьи и даже стихотворенія и напечаталъ большой романъ «Въ мѣста не столь отдаленныя» подъ псевдонимомъ *Н. Томскаго*. Изъ Сибири, на второмъ году жизни въ ссылкѣ, онъ послалъ въ «Вѣстникъ Европы» свой первый серьезный разсказъ изъ морской жизни, подъ заглавіемъ «Василій Ивановичъ». Онъ былъ напечатанъ въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ этого журнала за 1886 годъ, въ силу тогдашнихъ цензурныхъ условій подписанный псевдонимомъ (буквами *И. Ст.*). Одновременно появился и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» его же разсказъ «Бѣглецъ—изъ дневника бывшаго моряка». Оба эти произведенія произвели впечатлѣніе своей безыскусственной простотой, живостью и крайнимъ интересомъ затронутыхъ въ нихъ темъ. Талантливое изображеніе судовой жизни, превосходная обрисовка типовъ мо

ряковъ на фонѣ пейзажной картинки,—ясно говорили, что здѣсь водила перомъ опытная рука человѣка, чрезвычайно близко знакомаго съ морской жизнью, изучившаго ее до мелочей. Матросскія фигуры и характеры «морскихъ волковъ» были представлены вѣрно, правдиво и очевидно срисованы прямо съ натуры. Въ разсказѣ «Василій Ивановичъ» авторъ вывелъ два поколѣнія моряковъ, старое въ лицѣ главнаго героя, старшаго офицера клипера, именемъ котораго и озаглавленъ разсказъ, и молодое въ образѣ гардемарина Непенина. Простодушный, искренній Василій Ивановичъ, прозванный матросами «Чистотой Ивановичемъ» за его неустанныя заботы о чистотѣ судна, не въ состояніи отрѣшиться отъ старины. Онъ добръ, безкорыстенъ, не одержимъ честолюбіемъ, весь отданъ службѣ и полонъ любви и симпатій къ тѣмъ, которые его окружаютъ. Послѣднее не мѣшаетъ ему, какъ радѣтелю служебныхъ интересовъ, трепещущему высшаго начальства, раздавать зуботычины, хотя и очень умѣренно. Онъ яркій представитель традицій канувшаго въ вѣчность паруснаго флота, положительный типъ былого, типъ, которому глубоко сочувствуетъ авторъ. Благодаря этому, еще ярче выступаетъ фигура карьериста Непенина, про котораго говорятъ: «изъ молодыхъ, да ранній» и который, являясь представителемъ новаго, парового флота, способенъ драть съ живого и мертваго, способенъ на всякую жестокость, а по внѣшности, по манерѣ обращенія можетъ даже внушить къ себѣ симпатію; онъ великолѣпно маскируется и вводитъ въ заблужденіе мало проницательныхъ людей. Словомъ, этотъ типъ—живой продуктъ отрицательныхъ сторонъ новаго времени, ближайшій родственникъ щедринскому «чумазому». Оба эти типа прекрасно продуманы у Станюковича, но и второстепенные типы, даже довольно блѣдные, не лишены интереса и значенія. Типичнымъ, крайне интереснымъ, оригинальнымъ вышелъ у Станюковича и унтеръ-офицеръ Лютиковъ въ разсказѣ «Бѣглецъ». Происходя изъ раскольничьей семьи архангельскихъ поморовъ, выросшій въ средѣ религіознаго фанатизма, подвижничества, Лютиковъ былъ очень оригинальной личностью. Исполнительный до педантизма, усердный служака, однако безъ угодливости и желанія отличиться передъ нечальствомъ, онъ пользовался большимъ авторитетомъ и уваженіемъ среди матросовъ, но былъ для нихъ чужой. «Уменъ онъ очень для матросской жизни... Это не годится...»—говорили про него матросы и считали его гордымъ человѣкомъ, который, въ концѣ концовъ, дезертировалъ. И этотъ разсказъ, написанный мастерски, былъ встрѣченъ большимъ сочувствіемъ.

Слава Станюковича, какъ автора морскихъ разсказовъ, съ

каждой новой вещью разгоралась все ярче, и имя писателя, вступившаго на истинный путь, начало пріобрѣтать популярность. Въ 1888 году Станюковичу было разрѣшено вернуться изъ ссылки, гдѣ, кстати сказать, онъ увеличилъ число своихъ друзей и поклонниковъ. Около этого времени супруга Константина Михайловича, Любовь Николаевна, получила небольшое наслѣдство, и это дало ей возможность удерживать мужа отъ чрезмѣрной работы, а затѣмъ и увезти его за границу для отдыха. Отдыхъ писателя, однако, былъ не дологъ: крохотныя средства, нежданно осчастливившія семью, скоро изсякли, пришлось снова усиленно работать. Въ Парижѣ онъ оставался недолго; совѣтовался здѣсь съ Шарко относительно своей невралгіи, начавшей сильно одолѣвать Константина Михайловича еще въ Томскѣ, и, вообще, принялся серьезно за лѣченье. Бодрость духа и хорошее настроеніе, по обыкновенію, не покидали его. Со свойственной ему чуткостью и живостью онъ интересовался всѣмъ окружающимъ, внимательно присматривался къ явленіямъ политической и общественной жизни Парижа, близко принимая къ сердцу французскіе депутатскіе выборы и т. п. «Въ Парижѣ, — писалъ онъ г-жѣ Некрасовой: — живемъ недурно; я въ волненіи по поводу разныхъ французскихъ дѣлъ. Я бродилъ въ ночь выборовъ Буланже по парижскимъ бульварамъ и видѣлъ эту парижскую «толпу», которая производитъ такое впечатлѣніе. Я былъ и въ палатѣ и видѣлъ нынѣшнихъ знаменитостей политическихъ. Полагаю, что Франція наканунѣ большихъ передрягъ, и не удивляюсь, что такой проходимецъ, какъ Буланже, можетъ имѣть значеніе и собирать вокругъ своего имени массы. Недовольство, безработица, недовѣріе къ обѣщаніямъ радикаловъ — все это чувствуется здѣсь на каждомъ шагу. Хочется чего-нибудь, но только «другого», и вотъ это-то «другое» и воплощается стадомъ въ проходимцѣ, обѣщающемъ что-то новое...» Въ этомъ отрывкѣ виденъ весь Станюковичъ съ его безпокойной, живой душой, съ его взглядами и пониманіемъ политическихъ событій. Если съ такимъ интересомъ относился онъ къ дѣламъ чужого края, то, конечно, жизнь родной страны несказанно волновала его. Онъ всѣмъ сердцемъ чувствовалъ и переживалъ общественныя бѣдствія, онъ выходилъ изъ себя по поводу цензурнаго гнета, упадка литературы, всевозможныхъ крайнихъ мѣръ и т. д. Онъ съ отчаяніемъ писалъ своей знакомой по поводу произвола и насилія властей, или равнодушія русскаго общества къ общественнымъ интересамъ: «О, Господи, какая все старая гнусь! Даже и гадости-то оригинальной нѣтъ!..»

Скорбное настроеніе, негодованіе на окружавшія его неурядицы,

па закоренѣлые недуги общества. Станюковичъ невольно вносилъ въ свои произведенія общаго характера съ яркой публицистической окраской. Въ нихъ слышался призывъ къ обществу очнуться отъ сна, перестать заниматься одними личными дѣлами, оглянуться внимательно на окружающее. Исполненный благихъ намѣреній, честный писатель иногда не могъ поглубже вникнуть въ положеніе вещей и вслѣдствіе этого часто шелъ ощупью, наугадъ, искусственно подбиралъ факты и многимъ явленіямъ давалъ освѣщеніе не совсѣмъ вѣрное, былъ узко-тенденціозенъ. И въ ранѣе упомянутыхъ своихъ романахъ и повѣстяхъ — «Безъ исхода», «Два брата», «Омутъ»—и въ остальныхъ, особенно позднѣйшихъ:—«Первые шаги», «Исторія одной жизни», «Наши нравы», «Жрецы», «Откровенные», «Равнодушные», «Черноморская сирена», «Что ей надо?»—Станюковичъ даетъ живое, достаточно колоритное изображеніе жизни современнаго общества со всѣми порывами и стремленіями чуткой молодежи и честныхъ борцовъ за идею, и съ тѣми темными пятнами, которыя бросаютъ на свѣтлый фонъ зарождающейся новой жизни представители старой жизни, ея разложенія, началъ уже отжившихъ. Бойкость, остроуміе, интересъ содержанія, отлично веденная интрига, горячій, благородный задоръ,—составляютъ неотъемлемое содержаніе этого рода произведеній, интересныхъ и поучительныхъ, большей частью отражающихъ освободительныя идеи и взгляды нашей интеллигенціи. Но тѣмъ не менѣе въ нихъ тенденціозный публицистъ, иногда далеко не проницательный, мало освѣдомленный, заслоняетъ чуткаго, даровитаго художника, спокойнаго и объективнаго, какимъ Станюковичъ является въ своихъ морскихъ разсказахъ.

По возвращеніи изъ Парижа, Константинъ Михайловичъ началъ особенно усиленно, какъ-то лихорадочно работать, проживая то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ въ 1892 году онъ былъ однимъ изъ пайщиковъ журнала «Русское Богатство» и былъ избранъ вторымъ редакторомъ этого изданія. Однако здѣсь онъ усидѣлъ недолго, уступивъ мѣсто другимъ лицамъ. Свои произведенія онъ помѣщалъ въ «Русскомъ Богатствѣ», «Мірѣ Божьемъ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Русской Школѣ», «Журналѣ для всѣхъ», «Русской Жизни», почти во всѣхъ лучшихъ журналахъ для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ и болѣе всего въ газетѣ «Русскія Вѣдомости», гдѣ съ 1890 по 1903 годъ печатались наиболѣе выдающіеся его морскіе разсказы: «Грозный адмиралъ», «Въ штормъ», «Нянька», «Матроска», «Пассажирка», «Безпокойный адмиралъ», «Морской волкъ» и другіе. Главное вниманіе Станюковича, поня-

вшаго. наконецъ, свое истинное назначеніе, было теперь сосредоточено на морскихъ разсказахъ. Они точно писаны совсѣмъ другой рукой. Отъ нихъ вѣетъ настоящей жизнью, какой-то невыразимой бодростью, свѣжестью, вѣетъ воздухомъ моря, которое, по чьему-то справедливому замѣчанію, точно и въ самомъ дѣлѣ благотворно вліяетъ на общій тонъ разсказовъ изъ корабельной жизни. Въ нихъ талантливый живописатель своеобразнаго быта моряковъ, любовно относящійся къ матросу и типичнымъ «морскимъ волкамъ», людямъ долга, спокойнымъ и мужественнымъ, превосходнымъ товарищамъ, готовымъ постоять другъ за друга,—совершенно преображается. Тутъ онъ—знающій, полный хозяинъ, отвѣчающій за каждую подробность, за каждую мелочь. Тутъ нѣтъ измышленій, ничего вымученнаго, притянутаго, тутъ все правдиво, естественно, выпукло, типично. Съ необыкновенной задушевностью относится онъ къ лицамъ, имъ изображаемымъ, рисуя ихъ съ полной правдивостью, съ полнымъ безпристрастіемъ и привлекательныя и несимпатичныя черты моряковъ. Что особенно дорого въ разсказахъ Станюковича, посвященныхъ морскому быту, именно это отношеніе его къ морякамъ, его любовь къ нимъ, его тонкое пониманіе ихъ душевныхъ побужденій. Съ полной правдивостью изображая грубость нравовъ моряка дореформенной эпохи, жестокость однихъ и безправіе, беззащитность другихъ, онъ поясняетъ причины этой, почти повальной тогда, жестокости и является хорошимъ психологомъ, какъ типовъ отрицательныхъ, родственныхъ безпощадно-суровому морю, такъ и положительныхъ. На сторонѣ послѣднихъ—всѣ его симпатіи. Съ особенной любовью и напряженнымъ вниманіемъ Станюковичъ относится къ типу робкаго, незлобиваго человѣка, являющагося мишенью для насмѣшекъ и издѣвательствъ, гонимаго, терпящаго обиды, который порою проявляетъ истинное геройство въ своемъ неистощенномъ терпѣніи и непротивленіи обидчикамъ, прощая людямъ ихъ жестокость. Подобный типъ встрѣчается у Станюковича и въ офицерской, и въ матросской средѣ, и въ средѣ «плебеевъ»—штурмановъ. Старый матросъ изъ евреевъ, Исайка, въ разсказѣ того же названія, бросающійся въ море отъ людского жестокосердія, матросъ Прохоръ Житинъ или, какъ пренебрежительно всѣ называли его—Прошка, Никандръ Мироновъ Пташкинъ, главное дѣйствующее лицо очерка «Мрачный штурманъ», старшій офицеръ Василій Ивановичъ, въ разсказѣ, носящемъ это имя,—все это лица того типа «униженныхъ и оскорбленныхъ», который особенно удается Станюковичу.

Глубоко ему симпатизируя, писатель нимало не преувели

чиваетъ нравственныхъ качествъ этого рода героевъ своихъ, не сентиментальничаетъ, не стремится искусственнымъ подборомъ фактовъ разжалобить читателя, а напротивъ, рисуетъ смѣшныя стороны, комическое положеніе пасынковъ судьбы, жертвъ людского недомыслія и жестокосердія. На ряду съ этими типами Станюковичъ даетъ цѣлую галлерею правдивыхъ, жизненныхъ фигуръ, по большей части просто портретовъ, людей стараго закала, порожденныхъ дореформенными порядками и жестокими нравами и крѣпко еще держащихся за старину. Одни изъ нихъ убѣжденно не желаютъ порвать съ нею; это—истые фанатики. Другіе, при всемъ добродушіи своемъ, не умѣютъ отрѣшиться отъ старыхъ предразсудковъ, отъ зуботычинъ и мордобитій, хотя и употребляютъ ихъ довольно умѣренно. Таковъ, напримѣръ, боцманъ Щукинъ, самодуръ, который не хочетъ никакъ понять и запомнить повторяемыя ему наставленія и предупрежденія, что «нонче правовъ этихъ нѣтъ, чтобы зря драться». Таковъ и самъ Василій Ивановичъ, герой упомянутаго разсказа, и, наконецъ, Ветлугинъ—«грозный адмиралъ», благородный, идеально честный, но звѣрски поддерживающій «дисциплину» и порядки на кораблѣ... и на сушѣ. Удивительно сочными мазками пишетъ Станюковичъ фигуры отрицательныхъ типовъ и скорбнаго прошлаго, и переходной жизни нашего флота, и отчасти утѣшительнаго настоящаго. Онъ не сгущаетъ, однако, красокъ, не хлещетъ бичомъ сатиры отсталыхъ, требовательныхъ, изступленныхъ въ своемъ служебномъ рвеніи старыхъ «морскихъ волковъ». Не дѣлаетъ онъ этого и въ отношеніи тѣхъ «молодыхъ, да изъ раннихъ» людей безъ всякихъ правилъ, какъ о нихъ отзывается герой разсказа «Василій Ивановичъ», который наивно поражается, что теперешніе молодые люди особенно озабочены получить теплое мѣстечко и побольше безгрѣшныхъ доходовъ, что теперь каждый только свою линію ведетъ и только и думаетъ о рублѣ... Какой-нибудь мичманенокъ—и уже разсчитываетъ: гдѣ больше содержанія достанется». И положительные, и отрицательные типы Станюковичъ рисуетъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ, ища въ тѣхъ и другихъ прежде всего человѣка, рисуетъ sine ira et studio, какъ истинный художникъ. Кромѣ фигуръ двухъ упомянутыхъ разрядовъ—униженныхъ, слабыхъ, и угнетателей, представителей грубой силы—у Станюковича движется множество среднихъ, эпизодическихъ лицъ, изъ которыхъ большая часть также довольно типичны и въ своемъ родѣ очень интересны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить хотя бы штабсъ-капитана Осинникова или «Синуса Синыча», какъ тихонько звали его гардемарины, основательнаго

служаку изъ штурманскихъ «косточекъ», или безстрашнаго, поразительно владѣющаго собою, капитана клипера «Красавецъ» въ разсказѣ «На каменьяхъ», матроса Шутикова («Человѣкъ за бортомъ»), артиллериста Ѳому Ѳомича, приходящаго въ восторгъ отъ правильно произведеннаго на кораблѣ салюта и не скрывающаго недовольства на тѣхъ, кто не раздѣляетъ съ нимъ этого восторга, лейтенанта Снѣжкова въ «Безпокойномъ адмиралѣ» и проч. Всѣ эти люди, и хорошіе и дурные, съ самыми разнородными стремленіями, наклонностями и воззрѣніями, живутъ на судахъ вмѣстѣ въ исключительной обстановкѣ, въ особенныхъ условіяхъ. Ихъ интересы, часто діаметрально противоположные, неминуемо сталкиваются, ихъ рознь въ обыкновенные моменты корабельной жизни является неизбѣжной. Все это прекрасно разработано у Станюковича и наиболѣе ярко представлено въ очеркахъ «Бѣглецъ», «Матросскій линчъ», «Человѣкъ за бортомъ», «Куцый», «Непонятый сигналъ» и друг. Однако эта разнохарактерная, въ смыслѣ своихъ душевныхъ побужденій, толпа превращается въ иные моменты въ нѣчто тѣсно сплоченное, нераздѣльное, когда каждый въ отдѣльности забываетъ о своихъ личныхъ интересахъ. Такіе, сравнительно рѣдкіе, моменты изображены въ разсказахъ «Въ штормъ», «На каменьяхъ», «Отъ Бреста до Мадеры», «Свѣтлый праздникъ», «Одно мгновеніе», «Ледяной штормъ». Это также изъ наиболѣе выдающихся разсказовъ Станюковича, который, впрочемъ, въ своихъ морскихъ очеркахъ умѣетъ всегда быть интереснымъ, разсказывая даже самую незамысловатую исторію, избирая какой-нибудь пустой, довольно обыденный сюжетъ.

Не искусственнымъ путемъ, не тенденціознымъ подборомъ фактовъ Станюковичъ вызываетъ въ читателѣ симпатію, сочувствіе, состраданіе или негодованіе и отвращеніе къ изображаемымъ имъ лицамъ. Онъ достигаетъ этого инымъ путемъ— простой, задушевной передачей событій, правдивой, объективной, яркой обрисовкой дѣйствующихъ лицъ, съ ихъ различными темпераментами, большей частью сложившимися подъ непосреднственнымъ вліяніемъ корабельной жизни, морской службы. Условія этого быта, по чьему-то счастливому выраженію, скорѣе похожи на подневольное тюремное сожительство, чѣмъ на свободную жизнь, и его-то съ такой полной правдой, порою до поразительныхъ мелочей, рисуетъ Станюковичъ. Идеи шестидесятыхъ годовъ, положившихъ начало народолюбію и изслѣдованіямъ народнаго быта и самихъ его представителей,— отразились совершенно ясно и опредѣленно и на морскихъ разсказахъ Станюковича, въ которыхъ матросу, вышедшему изъ той же народ-

ной среды, посвящены самыя симпатичныя, дышащія большой любовью и сердечностью, строки. Въ этихъ разсказахъ изъ морской жизни интересны и художественны не только лица и сущность содержанія, но и фонъ картинъ морского быта, пейзажъ. Небольшими, но выпуклыми мазками пишетъ Станюковичъ этотъ часто рѣзко мѣняющійся фонъ, виды превосходно знакомой ему стихіи, капризной и коварной. Какъ въ панорамѣ проходятъ передъ читателями тропическое утро, тропическая ночь на морѣ, штормъ, величественное затишье, высокія съ бѣлыми гребнями волны, мелкая рябь или зеркальная гладь, небо ясное, звѣздное, залитое ослѣпительнымъ свѣтомъ или заслоненное грозовыми тучами, изборожденными молніей. Къ этимъ явленіямъ природы, къ смѣнамъ стихіи присматриваются и моряки, испытываютъ тѣ или другія настроенія, ощущенія, отдаются воспоминаніямъ. Эти душевныя перемѣны и впечатлѣнія обитателей корабля, главнымъ образомъ, и нужны автору морскихъ разсказовъ, а самый пейзажъ является у него лишь неизбѣжнымъ дополненіемъ къ картинѣ морского быта. И нерѣдко читатель узнаётъ о происходящемъ на морѣ лишь по тѣмъ ощущеніямъ и настроеніямъ, которыя вызываются природой, моремъ въ томъ или другомъ обитателѣ корабля. Морской пейзажъ — по удачному замѣчанію одного критика — занимаетъ такое же мѣсто въ очеркахъ Станюковича, какое ландшафтъ занималъ на картинахъ итальянскихъ мастеровъ старой школы, занятыхъ изображеніемъ человѣческихъ чувствъ и мыслей: крошечныя деревья, ничтожныя рѣчки, микроскопическія строенія помѣщались около огромной человѣческой фигуры, выражавшей и лицомъ, и позой любовь, страданія, восторгъ, смиреніе и т. п. Какъ бы то ни было, но и при нежеланіи автора давать слишкомъ много мѣста пейзажу, онъ помогаетъ, вмѣстѣ съ незамысловатымъ сюжетомъ и безыскусственнымъ построеніемъ разсказа, общему прекрасному впечатлѣнію. У Станюковича среди морскихъ разсказовъ нѣтъ слабыхъ и неинтересныхъ. Соединенные межъ собою общимъ предметомъ и родственностью настроенія, представляющіе нѣчто цѣлое, какъ бы большую законченную картину, они увлекательны и взятые порознь, и всѣ вмѣстѣ. Они дополняютъ другъ друга и необыкновенно гармонично сложены, въ нихъ нѣтъ ничего лишняго, ни умышленно недосказаннаго, а живой, простой языкъ, безъ малѣйшихъ вычуръ, также производитъ прекрасное впечатлѣніе. И этимъ простымъ языкомъ, простой передачей Станюковичъ достигаетъ иногда настоящей виртуозности. Таковы, напримѣръ, сцены общаго напряженія, когда клиперъ «Красавецъ» попадаетъ на каменья среди непроглядной тьмы, или

сцена щегольского входа другого клипера въ одинъ изъ рейдовъ въ Индѣйскомъ океанѣ и проч. Таковы живые портреты какого-нибудь бѣдоваго боцмана или блестящаго капитана, не говоря уже о «грозномъ адмиралѣ», въ разсказѣ того же имени, написанномъ «лучшей кровью сердца» писателя. Бывшіе товарищи Станюковича по службѣ, посѣдѣвшіе на ней, свидѣтельствовали публично, на юбилеѣ писателя, что въ произведеніяхъ его, посвященныхъ морю и морякамъ, все глубоко правдиво до послѣдней мелочи, и что Станюковичъ написалъ вѣрную и полную картину нашего флота въ одинъ изъ самыхъ выдающихся и характерныхъ моментовъ его бытія. Морскіе разсказы Станюковича имѣютъ несомнѣнное общественное значеніе. Они много способствовали смягченію «жестокихъ нравовъ» въ нашемъ флотѣ, они съ безпощадной правдивостью показали его лицо и изнанку, освѣтили темныя стороны какъ стараго, дореформеннаго порядка въ немъ, такъ и пореформенный складъ жизни корабельныхъ обитателей. Таковы заслуги «пѣвца моря», во второй періодъ его литературной дѣятельности, наконецъ, нашедшаго свою стихію. Но не въ одной этой области должны цѣниться его заслуги. Какъ беллетристъ-публицистъ, какъ представитель политико-общественной сатиры, громившій старые, истлѣвшіе устои, государственные и общественные, призывавшій общество на борьбу съ темными силами, таившимися и вверху и внизу, Станюковичъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ былъ всегда борцомъ за самую широкую свободу, и его значеніе и вліяніе въ этомъ направленіи не подлежатъ сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на ряду съ Н. Г. Помяловскимъ, А. К. Шеллеромъ, И. В. Ѳедоровымъ (Омулевскимъ), Н. Ѳ. Бажинымъ и другими беллетристами тенденціознаго направленія. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ онъ уже отрѣшается отъ общихъ мѣстъ, яснѣе намѣчаетъ свои задачи, вдумчивѣе относится къ обществу, его окружающему, онъ чувствуетъ себя властнымъ сказать вѣское слово, сдѣлать свой приговоръ. Но судьбѣ не угодно было дать ему время открыть всю свою душу...

Ни нужда, заставлявшая писателя работать до изнеможенія, ни личныя невзгоды, передряги, обрушивавшіяся на него постоянно, не могли пошатнуть его вѣры въ жизнь, въ свое призваніе, его бодрости и стойкости физической и душевной. Но когда умеръ его сынъ, юноша, на которомъ покоились лучшія надежды писателя и въ которомъ онъ уже видѣлъ подростающаго друга и товарища, Константинъ Михайловичъ какъ-то сразу постарѣлъ и духомъ, и тѣломъ. Его стала грызть дурно скрываемая имъ тоска, его лицо уже начало отражать тайный

недугъ, быстро подтачивавшій его организмъ. Онъ былъ теперь все чаще и чаще хмуръ и раздражителенъ; его покидала вѣра въ жизнь и въ ту благородную борьбу, настойчивымъ и убѣжденнымъ проповѣдникомъ которой онъ былъ въ своихъ произведеніяхъ. «На мѣсто героя, джентльмена, чадолюбиваго отца,— говоритъ хорошо знавшая Станюковича г-жа Некрасова: — остался доживать жизнь больной діабетомъ, съ разбитыми нервами старикъ, который съ этихъ поръ уже нигдѣ не находитъ себѣ покоя и, по привычкѣ къ путешествію, все время теперь метался съ юга на сѣверъ, изъ одного мѣста въ другое...»

Свѣтлымъ пятномъ на темномъ фонѣ труженической, полной всякихъ мукъ и страданій, жизни Станюковича было чествованіе талантливаго писателя по случаю тридцатипятилѣтія его литературной дѣятельности. Въ этомъ чествованіи очень ярко отразилось глубокое сочувствіе нашей интеллигенціи и нашей молодежи къ автору морскихъ разсказовъ и къ романисту-публицисту. Не только братья-писатели, журналисты, многіе моряки и просто публика привѣтствовали Станюковича, но и самые юные читатели, для которыхъ также немало потрудился Константинъ Михайловичъ. Они прислали ему трогательные адресы, благодаря его за тѣ часы истиннаго наслажденія, которое они испытывали, читая его замѣчательные разсказы: «Вокругъ свѣта на Коршунѣ», «Разсказы стараго боцмана», «Матросикъ», «Севастопольскій мальчикъ» и другіе, помѣщенные въ журналахъ «Родникъ», «Юный Читатель», «Всходы», «Вокругъ Свѣта» и проч. Станюковичъ умѣлъ говорить съ дѣтьми простымъ, понятнымъ языкомъ, заинтересовать ихъ дѣйствительной жизнью, возбуждать въ ихъ отзывчивой душѣ сочувствіе къ бѣднымъ, угнетеннымъ, забитымъ, обездоленнымъ, словомъ, въ ихъ сердцахъ «сѣялъ разумное, доброе, вѣчное». Дѣтскіе разсказы Станюковича вполнѣ отвѣчаютъ своей цѣли, никогда не утратятъ интереса, и ихъ педагогическое значеніе несомнѣнно. По свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ Станюковича, онъ писалъ разсказы для дѣтей съ увлеченіемъ, едва ли не гораздо большимъ, чѣмъ то увлеченіе, съ какимъ онъ создавалъ свои шедевры изъ морской жизни для взрослыхъ. Дѣтскіе разсказы его интересны еще и тѣмъ, что въ нихъ разсыпано много автобіографическихъ чертъ, и оттого-то отъ произведеній этого рода вѣетъ такой свѣжестью и прелестью.

Въ 1902 году Станюковичъ уѣхалъ въ Неаполь, думая найти тамъ душевное успокоеніе и облегченіе отъ недуга. Но послѣдствія непосильнаго труда и всѣхъ пытокъ жизни, выпавшихъ на его долю, давали теперь себя знать во всей силѣ. У Станюковича обнаружилось мозговое переутомленіе, выразившееся въ довольно

сильной степени, его діабетъ принималъ зловѣщую форму. Константинъ Михайловичъ протянулъ недолго и 7-го мая 1903 года скончался въ Неаполѣ, вдали отъ родины, которую онъ такъ горячо любилъ, какъ человѣкъ и истинный гражданинъ, и гдѣ его имя не должно забыться, если не какъ публициста, то какъ талантливаго «пѣвца моря»,—этой стихіи, могучей и вольной, еще въ юношескомъ сердцѣ его поднявшей бурное стремленіе, неутолимую жажду свободы.

Петръ Быковъ.

МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ.

I.

Ослѣпительно роскошный пейзажъ предсталъ во всей своей красотѣ, когда солнце, медленно выплывъ изъ-за горизонта, залило свѣтомъ и блескомъ островъ, утопавшій въ зелени, на фонѣ которой сверкали бѣлые дома и хижины маленькаго Гонолулу, пріютившагося у лагуны коралловаго рифа, подъ склономъ зеленѣющихъ горъ съ обнаженными золотистыми верхушками.

Чарующая роскошь тропической растительности, блескъ моря, зелени и свѣта, переливы то нѣжныхъ, то яркихъ красокъ, сверкавшихъ подъ лучами солнца, тихо плывущаго въ бирюзовую высь,—все это казалось какой-то волшебной декораціей. Не вѣрилось, что наяву видишь такую прелесть.

Вокругъ царила мертвая тишина. Только изъ-за узкой полоски барьернаго рифа, отдѣляющаго лагуну отъ океана, доносился тихій ропотъ замиравшей зыби. Городъ еще спалъ въ своей кудрявой зеленой люлькѣ. Рейдъ былъ безмолвенъ. Шлюпки не сновали между берегомъ и нѣсколькими судами, стоявшими на рейдѣ, и пристань была безлюдна.

Среди этой торжественной тишины расцвѣтавшаго тропическаго утра вдругъ раздался свистъ боцманской дудки, и вслѣдъ затѣмъ въ тиши гонолульскаго рейда разнеслись энергическія привѣтствія по адресу матросскихъ родственниковъ,—внезапно напомнивъ вамъ, что вы находитесь на оторванномъ клочкѣ далекой родины—на палубѣ русскаго клипера, въ тотъ самый моментъ, когда начинается генеральная чистка, послѣ прихода военнаго судна на рейдъ.

Это—не обычная, ежедневная чистка, нѣсколько напоминающая мытье голландскихъ городковъ, а нѣчто еще болѣе серьезное. Это—то торжественное жертвоприношеніе богу морского порядка и богинѣ чистоты, которое матросы коротко называютъ «каторжной чистотой».

Клиперъ пришелъ на рейдъ наканунѣ, передъ вечеромъ, и потому «чистота» была отложена до утра. И вотъ, какъ только пробило восемь стклянокъ (4 часа), клиперъ ожилъ.

Босые, съ засученными до колѣнъ штанами, матросы разсыпались по палубѣ. Одни, ползая на четверенькахъ, усердно заскребли ее камнемъ и стали тереть пескомъ; другіе «проходили» голиками, мылили щетками борта снаружи и внутри и окачивали затѣмъ все обильными струями воды изъ бранспойтовъ и парусинныхъ ведеръ, кстати тутъ же совершая утреннее свое омовеніе.

Подъ горячими лучами тропическаго солнца палуба высыхаетъ быстро, и тогда-то начинается настоящая «отдѣлка». Нѣсколько десятковъ матросскихъ рукъ принимается убирать судно, словно кокетливую, капризную барыню на балъ.

Клиперъ снова трутъ, скоблятъ, тиранятъ—теперь уже «начисто»—подкрашиваютъ борты, подводятъ на нихъ полоски, наводятъ глянецъ на пушки, желая, во что бы ни стало, уподобить чугунную поверхность зеркальной, и оттираютъ мѣдь люковъ, поручней и кнехтовъ съ такимъ остервенѣніемъ, словно бы рѣшились тереть до тѣхъ поръ, пока блескъ мѣди не сравнится съ блескомъ солнца.

Перегнувшись на реяхъ, марсовые ровняютъ закрѣпленные паруса; на марсахъ подправляютъ «подушки» парусовъ у топовъ. Внизу—разбираютъ и укладываютъ снасти. Двое матросовъ висятъ по бокамъ дымовой трубы на маленькихъ, укрѣпленныхъ на веревкахъ, дощечкахъ, слывущихъ на морскомъ жаргонѣ подъ громкимъ названіемъ «бесѣдокъ» (хотя эти «бесѣдки» такъ же напоминаютъ настоящія, какъ висѣлица—турецкій диванъ),—подбѣливая мѣста, чуть тронутыя сажей, и мурлыкая себѣ подъ носъ однообразный мотивъ, напоминающій въ этихъ южныхъ широтахъ о далекомъ сѣверѣ.

Уборка въ полномъ разгарѣ. Старый боцманъ Щукинъ, по обыкновенію, уже начинаетъ сипнуть отъ ругани, придумывая самыя затѣйливыя и неожиданныя варіаціи на одну и ту же тему, не столько ради необходимости «поощрить» сколько для соблюденія боцманскаго престижа и

изъ желанія щегольнуть плодами своей неистощимой ругательной фантазіи. Въ этомъ онъ рѣшительный виртуозъ, не знающій соперниковъ. Не даромъ онъ считается заправскимъ боцманомъ и служитъ во флотѣ пятнадцать лѣтъ.

У матросовъ работа кипитъ. Они лишь урывками бѣгаютъ своей особенной матросской побѣжкой (въ-припрыжку) на бакъ—курнуть на скорую руку, захлебываясь затяжками махорки,—взглянуть на сіяющій зеленый берегъ и перекинуться замѣчаніями насчетъ окружающей благодати.

Такая же отчаянная чистка идетъ, разумѣется, и внизу: въ палубѣ, въ машинѣ, въ трюмѣ, словомъ, повсюду, до самыхъ сокровенныхъ уголковъ клипера, куда только могутъ проникнуть швабра, голикъ и скрябка и долетѣть крѣпкое словечко.

Уже восьмой часъ на исходѣ.

Уборка почти окончена. Только кое-гдѣ еще мелькаютъ послѣдніе взмахи суконокъ и кладутся послѣдніе штрихи малярной кисти.

Матросы только-что позавтракали, переодѣлись въ чистыя рубахи и толпятся на бакѣ, любуясь роскошнымъ островомъ и слушая разсказы шлюпочныхъ, побывавшихъ вчера на берегу, когда отвозили офицеровъ.

Въ открытый люкъ каютъ-компаніи виденъ накрытый столъ съ горой свѣжихъ булокъ и слышны веселые голоса только-что вставшихъ офицеровъ, разсказывающихъ за чаемъ о вчерашнемъ ужинѣ на берегу, о красотахъ апельсинной рощи, о прелестяхъ каначекъ...

Все теперь готово къ подъему флага и брамъ-рей. Клиперъ «приведенъ въ порядокъ», т.-е. принялъ свой блестящій, праздничный, нарядный видъ. Теперь не стыдно его показать кому угодно. Сдѣлайте одолженіе, пожалуйте, и разиньте рты отъ восхищенія при видѣ этого умопомрачающаго блеска!

Палуба такъ и сверкаетъ бѣлизной своихъ гладкихъ досокъ съ черными, вытянутыми въ нитку, линіями просмоленныхъ пазовъ и такъ чиста, что хоть не ходи по ней («плюнуть некуда», какъ говорятъ матросы). Борты—что зеркало, глядись на нихъ! Орудія, люки, компасъ, поручни—просто горятъ, сверкая на солнцѣ. Матросскія койки, скатанныя въ красивые кульки и перевязанныя крестъ-на-крестъ,—бѣлы, какъ снѣгъ, и на удивленье вы-

ровнены въ своихъ бортовыхъ гнѣздахъ. Снасти подтянуты, и концы ихъ уложены правильными кругами въ кадкахъ или висятъ затѣйливыми гирляндами у мачтъ... Словомъ, куда ни взгляни, вездѣ ослѣпительная чистота. Все горитъ, все сверкаетъ!

И даже клиперскій песъ, Мунька, щенкомъ взятый изъ Россіи, плавающій съ нами второй годъ и наметавшійся-таки въ морскихъ порядкахъ,—словно понимая торжественность минуты, старательно охорашивается и вылизываетъ свои черныя мохнатыя лапы,—забравшись въ сторонку, подъ пушку, чтобъ не попадаться на глаза старшему офицеру, Василію Ивановичу. Въ качествѣ старшаго офицера, Василій Ивановичъ не особенно благоволитъ къ общему любимцу Мунькѣ, ибо знаетъ за нимъ кое-какія неблаговидныя продѣлки, нарушавшія, къ ужасу Василія Ивановича, самымъ позорнымъ образомъ великолѣпную чистоту палубы. Хотя Мунька, послѣ основательной порки, давнымъ-давно исправился и вмѣстѣ съ двуногими существами смотритъ на палубу какъ на священное мѣсто, тѣмъ не менѣе чуетъ, что Василій Ивановичъ все еще не вполнѣ довѣряетъ собачьему благонравію, и потому, какъ благоразумный песъ, старается быть подальше отъ глазъ начальства въ тѣ торжественные часы, когда на суднѣ свершается культъ чистоты, и когда, слѣдовательно, Мунькиной шкурѣ, болѣе, чѣмъ когда-либо, грозитъ серьезная опасность

II.

Низенькій, гладкій и круглый, какъ кубышка, пожилой лейтенантъ, щеголевато одѣтый во все бѣлое, съ безукоризненно чистыми воротничками—«лиселями», подпиравшими короткую, загорѣвшую шею, стремительно выскочивъ снизу, появился на шканцахъ.

Это—«самъ» Василій Ивановичъ, старшій офицеръ, помощникъ капитана, «хозяйскій глазъ» клипера и главный жрецъ порядка,—прозванный матросскимъ остроуміемъ, дающимъ начальству свои неофиціальныя клички,—«Чистотой Иванычемъ».

Его круглое, широкое и добродушное лицо съ тщательно выбритыми мясистыми щеками и толстой, небольшой луковкой между ними, исправляющей должность носа, лоснится и сіяетъ, какъ мѣдная пушка на ютѣ. Василій Ивановичъ, очевидно, въ отличномъ настроеніи. Не да-

ромъ онъ жмурится, какъ котъ, которому чешутъ за ухомъ.

Съ самаго ранняго утра—какъ только началась чистка—Василій Ивановичъ, какъ волчокъ, носился по клиперу. То здѣсь, то тамъ, то на палубѣ, то внизу, мелькала его толстенькая подвижная фигурка въ коротенькомъ рабочемъ пальто-буршлатикѣ, въ сбившейся на затылокъ фуражкѣ, и раздавался его пронзительный, нѣсколько визгливый тенорокъ. Вездѣ «нюхалъ», по выраженію матросовъ, Василій Ивановичъ. Тамъ покрикивалъ, здѣсь похваливалъ, и несся далѣе, возбужденный и озабоченный.

Такъ носился онъ во время уборки и затѣмъ сдѣлалъ генеральный осмотръ клипера. Куда только ни заглядывалъ онъ! Въ какія только «узкости» и едва доступныя мѣста не залѣзалъ Василій Ивановичъ, несмотря на свое почтенное брюшко!

Въ сопровожденіи боцмана Щукина, который насчетъ чистоты и порядка былъ, пожалуй, еще plus royaliste que le roi, Василій Ивановичъ обошелъ нижнюю палубу, спускался въ машинное отдѣленіе, лазилъ по кубрикамъ и по трюму. Вездѣ онъ зорко оглядывалъ, вездѣ, въ случаѣ сомнѣнія, пробовалъ пальцемъ—чисто ли? (и Щукинъ слѣдовалъ примѣру Василія Ивановича—тоже пробовалъ). Въ трюмѣ оба жреца чистоты нагнулись надъ мѣстомъ, гдѣ скопляется трюмная вода, и добросовѣстно потянули носами—хорошо ли она пахнетъ? Понюхали, остались довольны и пошли прочь.

Вездѣ былъ примѣрный порядокъ. Во время осмотра, взглядъ маленькихъ, добрыхъ сѣрыхъ глазокъ Василія Ивановича ни разу не загорался внезапнымъ гнѣвомъ; толстенькая, волосатая его рука не сжималась нервно въ кулакъ и изъ-подъ нависшихъ рыжихъ усовъ, прикрывавшихъ толстыя, сочныя губы, не срывались внушительныя привѣтствія, столь любимыя моряками вообще, а старшими офицерами и боцманами въ особенности.

Осмотрѣвъ все внизу, Василій Ивановичъ могъ съ спокойнымъ сердцемъ отправиться въ каюту и посвятить четверть часа своему туалету. Онъ любилъ-таки заняться своей особой. Онъ тщательно выбрился, вымылся, попрыскалъ себя одеколономъ, основательно подчесалъ височки впередъ и подфабрилъ усы, не безъ самодовольнаго чувства любуясь отраженіемъ круглаго, мясистаго, добродушнаго лица, и, взглянувъ на часы, торопливо об-

лекся въ свѣжую бѣлую пару, чтобы къ подъему флага (къ 8 часамъ) быть, по обыкновенію, чистымъ и сіяющимъ, какъ и самый клиперъ, о благолѣпіи котораго онъ такъ ревновалъ.

Веселый и довольный, что все въ порядкѣ, что погода славная («отлично такелажъ тянуть!») и что не вредно будетъ съѣздить на берегъ и посмотрѣть на каначекъ, какія онѣ такія,—Василій Ивановичъ взбѣжалъ, съ ловкостью настоящаго моряка, по трапу на мостикъ. Тамъ лѣниво шагалъ, ожидая смѣны и чаю, молоденькій вахтенный мичманъ, уставшій уже любоваться, въ теченіе четырехъ-часовой вахты, красотами тропической природы и съ завистью посматривавшій въ открытый люкъ каютъ-компаніи на стаканы съ чаемъ, булки, сливки и масло.

— Все готово у насъ къ подъему брамъ-рей?—спросилъ Василій Ивановичъ, принимая озабоченный, служебный видъ, хотя отлично зналъ, что все давно готово.

— Все готово-съ!—отвѣчалъ и мичманъ официальнымъ тономъ, видимо щеголяя служебной аффектаціей въ отвѣтѣ старшему офицеру.

— Какъ время?

— Полъ-стклянки до восьми!

И затѣмъ, выдержавъ паузу, мичманъ прибавилъ уже неофиціальнымъ тономъ:

— Кругомъ-то прелесть какая! Взгляните, Василій Ивановичъ!

— Еще будетъ-съ время любоваться, батенька, красотами природы... Эхъ вы, поэтъ!—съ веселой снисходительностью прибавляетъ Василій Ивановичъ.

И, какъ будто на зло экспансивному мичману, любующемуся на вахтѣ природой, Василій Ивановичъ даже не взглянулъ на сіявшій роскошью красокъ островъ, а разставивъ фертомъ свои коротенькія ножки и задравъ кверху голову, сталъ осматривать—хорошо ли выправленъ рангоутъ.

Онъ не просто осматривалъ, а можно сказать, священнодѣйствовалъ. То слегка присѣдалъ, держась руками за поручни, то приподнимался на цыпочки, то прикладывалъ руки къ глазамъ, съ серьезною торжественностью провѣряя выправку рей и зорко оглядывая, не «виситъ» ли какая-нибудь веревка.

Точно такія же движенія и съ такой же, если еще не съ большей, серьезностью, продѣлывалъ на бакѣ, вслѣдъ

за Василіемъ Ивановичемъ, и боцманъ Щукинъ, взглядывая по временамъ на старшаго офицера, при чемъ весь подавался впередъ, вытягивая свое красное, загорѣлое лицо и насторживъ ухо—не будетъ ли какого замѣчанія.

Наконецъ, они оба окончили свои гимнастическія упражненія. Все—слава Богу, и наверху въ исправности! Реи выправлены безукоризненно; паруса закрѣплены на совѣсть; такелажъ подтянутъ.

Василій Ивановичъ окончилъ осмотръ, но все еще продолжаетъ любоваться общимъ видомъ клипера съ тѣмъ чувствомъ удовлетворенія и гордости, съ какимъ хорошій хозяинъ смотритъ на дѣло рукъ своихъ. Лаская клиперъ любовнымъ взоромъ и глядя на весь этотъ блескъ, на все это великолѣпіе судна, онъ могъ по совѣсти воскликнуть, какъ Кукушкина въ «Доходномъ мѣстѣ»: «У меня-ль не чистота, у меня-ль не порядокъ!»

III.

Съ этой почтенной дамой у Василія Ивановича, какъ и у многихъ старыхъ моряковъ, было-таки не мало сходства. Онъ не меньше ея былъ влюбленъ въ чистоту и порядокъ, и на служеніе имъ положилъ свою душу, добровольно создавъ себѣ изъ своей обязанности, и безъ того не легкой, нѣчто въ родѣ подвижничества.

Съ утра до вечера, и въ морѣ, и на якорѣ, Василій Ивановичъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, наблюдая, чтобы клиперъ былъ «игрушкой», чтобы работы «горѣли». Онъ искренно скорбѣлъ, если паруса крѣпились не въ четыре минуты, а въ пять, и приходилъ въ отчаяніе, если на другомъ суднѣ работали скорѣе, чѣмъ на клиперѣ. Онъ хмурилъ брови при видѣ пятна на борту и не на шутку волновался, поймавъ гардемарина, который осмѣливался, по молодости лѣтъ, плюнуть на палубу, а не за бортъ.

Тогда Василій Ивановичъ весь краснѣлъ и пѣтухомъ набрасывался на преступника.

— Какъ же это можно-съ! Палуба, можно сказать, въ нѣкоторомъ родѣ-съ, священное мѣсто-съ, а вы, съ позволенія сказать-съ, плюете-съ!—взволнованно говорилъ Василій Ивановичъ, прибавляя въ такихъ случаяхъ, для большей внушительности, «съ».—Вы плюнете-съ, другой плюнетъ-съ, третій харкнетъ-съ,—во что обратится тогда палуба-съ! Вамъ бы примѣръ подавать нижнимъ чинамъ, а не плевать-съ... Этого нельзя-съ, господинъ гардемаринъ!

«Господинъ гардемаринъ» выслушивалъ выговоръ, приложивъ руку къ козырьку фуражки и стараясь сохранить на лицѣ самую серьезную мину. И Василій Ивановичъ отходилъ, нервно поводя плечами и теребя свои усы.

Минутъ черезъ пять-десять, Василій Ивановичъ обыкновенно снова подходилъ къ провинившемуся и, взявъ его подъ руку, уже весело замѣчалъ своимъ обычнымъ, добродушнымъ тономъ, какимъ говорилъ не по службѣ:

— А вы, батенька, не будьте въ претензіи, что я васъ распушилъ... Безъ этого нельзя! Служба—службой, а дружба—дружбой, голубчикъ!

И, стараясь загладить непріятное впечатлѣніе выговора, Василій Ивановичъ пускался разсказывать, какъ его, бывало, «разносили» («тогда этихъ нынѣшнихъ деликатностей не было, батенька!»), и не рѣдко угащивалъ стаканомъ портера изъ своего собственнаго запаса.

— Выпейте, батенька! Это здоровый напитокъ! — ласково приговаривалъ онъ.

Въ заботахъ о клиперѣ сосредоточивались всѣ интересы Василія Ивановича. Другихъ, казалось, онъ не зналъ или, по крайней мѣрѣ, забывалъ о нихъ на время. Всегда занятый, умѣвшій создать себѣ заботы, если ихъ не было, изъ пустяка сдѣлать серьезный вопросъ,—Василій Ивановичъ наполнялъ, такимъ образомъ, жизнь, не зная скуки, не нуждаясь въ чтеніи, не тяготясь однообразіемъ судовой жизни. Поглощенный службой, онъ, казалось, былъ вполнѣ доволенъ и счастливъ, и долгое плаваніе ему было нипочемъ. Ничто его не тянуло въ Россію. Ни мать, ни сестра, ни невѣста не ждали его возвращенія.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ морскихъ служакъ, которые тянутъ лямку, никогда не выдаваясь, ни на что не претендуя и всегда оставаясь въ тѣни. Исправный, исполнительный офицеръ, добрый товарищъ, не знавшій интригъ и служебнаго пролазничества, онъ никогда никуда не просился и всегда старался быть подалѣе отъ начальства, словно боясь, какъ бы его не замѣтили. Лишь черезъ пятнадцать лѣтъ службы, Василія Ивановича, наконецъ, назначили старшимъ офицеромъ на судно, отправлявшееся въ кругосвѣтное плаваніе, и то благодаря хлопотамъ командира, давно знавшаго Василія Ивановича. Самъ онъ никогда бы не рѣшился безпокоить высшее начальство, увѣренный, что оно само знаетъ, кто чего достоинъ. Вдобавокъ, онъ и трусилъ начальства, те-

рялся въ его присутствіи и временами совсѣмъ ошалѣвалъ. Смотръ какого-нибудь адмирала бывалъ для Василія Ивановича настоящей пыткой. Онъ заранѣе волновался, и хотя зналъ, что на клиперѣ все въ исправности, а все-таки трусилъ.

— А вдругъ онъ да что-нибудь замѣтитъ!—говорилъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ Василій Ивановичъ и, лично храбрый, не терявшійся во время бурь и непогодъ, онъ падалъ духомъ и тихонько крестился, чтобы все «промело» благополучно.

Разумѣется, по большей части, все «прометало» благополучно, и Василій Ивановичъ радостно пыхтѣлъ, когда адмиральская гичка отваливала отъ борта.

— Антоновъ!—весело кричалъ своему вѣстовому Василій Ивановичъ, спускаясь, послѣ проводовъ адмирала, въ каютъ-компанію: — достань-ка, братецъ, бутылочку портерку!

И, весь красный и вспотѣвшій отъ пережитыхъ тревогъ и волненій, Василій Ивановичъ съ жадностью выпивалъ стаканъ-другой «здороваго напитка», угощалъ радушно желающихъ и мало-по-малу приходилъ въ себя.

IV.

Хотя Василій Ивановичъ и «донималъ чистотой», но никакого страха не наводилъ на матросовъ, и матросы были расположены къ старшему офицеру. Правда, матросское остроуміе прозвало его «Чистотой Ивановичемъ», но въ этомъ прозвищѣ было больше добродушнаго юмора, чѣмъ злобы.

— «Чистота», ребята, идетъ!—шепчетъ, бывало, матросъ сосѣдямъ, завидя, во время утренней уборки, приближавшуюся круглую фигурку Василія Ивановича, и начиналъ тереть какой-нибудь мѣдный болтъ, и безъ того сверкающій, еще съ большимъ ожесточеніемъ.

И Василій Ивановичъ радъ.

— Чище его, братецъ, чище его, каналью!—говоритъ, останавливаясь, Василій Ивановичъ.—Чтобы горѣлъ, понимаешь?

— Есть, ваше благородіе!—отвѣчаетъ матросъ.

Василій Ивановичъ несется далѣе и уже шумитъ на бакѣ, указывая пальцемъ на какой-нибудь мало сіяющій блочекъ, а матросы улыбаются, уменьшая, по уходѣ старшаго офицера, свое ожесточеніе противъ мѣди.

— Наша «Чистота» не жалѣетъ, братцы, суконокъ!

— И носитъ же его, даромъ что пузастый... Ишь, расшумѣлся!

— Шумѣть—шумитъ, а вѣдь доберъ...

— Это что и говорить—правильный человѣкъ... Вотъ только чистотой донимаетъ.

— Одно слово... «Чистота Иванычъ»! — посмѣиваются матросы.

По своимъ теоретическимъ «морскимъ» убѣжденіямъ Василій Ивановичъ—«умѣренный дантистъ» и линекъ считаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ недурнымъ средствомъ исправленія.

— Нельзя иногда и не «смазать»!—говоритъ Василій Ивановичъ.—Нельзя бываетъ, въ крайнемъ случаѣ, и не «всыпать»... Всыпалъ небольшую порцію и... шабашъ... Не подъ судъ же отдавать... Пропадетъ человѣкъ!

Однако, Василій Ивановичъ, по добротѣ своего характера, крайне рѣдко примѣняетъ на практикѣ свои принципы (хотя и не скрываетъ ихъ). Если случалось иногда, въ минуты вспышки, когда марсафалъ отдадутъ не во время или гдѣ-нибудь «заѣстъ» шкотъ, Василій Ивановичъ, въ дополненіе въ обильнымъ привѣтствіямъ, и «смажетъ» кого-нибудь, то смажетъ, по выраженію матросовъ, вовсе «безъ чувства».

— Ровно комаръ кусанулъ!—смѣются потомъ матросы, собравшись «полясничать» на бакѣ...—У нашего Чистоты Иваныча рука, братцы, легкая. А былъ у насъ на фрегатѣ старшій офицеръ, такъ, я вамъ скажу... рука! И опять же, билъ зря... Озвѣрѣетъ и чешетъ...—разсказываетъ кто-нибудь изъ матросовъ.

— Много ихъ есть такихъ!..—подтверждаютъ другіе.

— А нашъ-то, надо правду говорить, зря не дерется! Да и въ кои вѣки!

Обыкновенно Василій Ивановичъ послѣ кулачной расправы чувствовалъ какую-то неловкость. Не то, чтобы онъ испытывалъ угрызеніе совѣсти... нѣтъ—онъ «смазалъ» за дѣло!—а все-таки ему было какъ-то не по себѣ, особенно если наказанный матросъ былъ изъ числа безотвѣтныхъ. Вдобавокъ, и вѣянія времени оказывали свое вліяніе—то былъ расцвѣтъ шестидесятыхъ годовъ—и капитанъ былъ врагъ подобныхъ наказаній, и, благодаря вліянію этого человѣка, на клиперѣ тѣлесныя наказанія были

изгнаны изъ употребленія задолго до офиціальнаго ихъ уничтоженія.

Еще въ началѣ плаванія, вскорѣ по выходѣ изъ Кронштадта, капитанъ пригласилъ однажды къ себѣ въ каюту офицеровъ и гардемаринъ и высказалъ свои взгляды на отношенія къ матросамъ,—взгляды, совсѣмъ не похожіе на существовавшіе тогда во флотѣ. Онъ рекомендовалъ господамъ офицерамъ избѣгать тѣлесныхъ наказаній и кулачной расправы, надѣясь, что ни дисциплина, ни «морской духъ» не пострадаютъ отъ этого.

Капитанскій спичъ произвелъ сильное впечатлѣніе, особенно на молодежь. Въ порывѣ энтузіазма, въ каютъ-компаніи вскорѣ состоялось даже рѣшеніе—незначительнымъ, впрочемъ, большинствомъ голосовъ,—не браниться и за каждое бранное слово, обращенное къ матросу, вносить штрафъ. Василій Ивановичъ чистосердечно объявилъ, что онъ не присоединяется къ такому рѣшенію, и тогда же выразилъ сомнѣніе въ осуществимости плана. Онъ оказался правъ. Выполнить это самоотверженное постановленіе оказалось сверхъ силъ моряковъ, и вскорѣ его отмѣнили,—иначе очень многимъ пришлось бы не только сидѣть безъ копейки жалованья, но и войти въ неоплатные долги.

И капитанъ, всегда сдержанный, мягкій и снисходительный, бывало, только морщился, когда во время «аврала» на клиперѣ раздавалась ругань, увеличиваясь crescendo, по мѣрѣ разстоянія отъ мостика, гдѣ взадъ и впередъ молча ходилъ капитанъ и гдѣ, распоряжаясь авраломъ, простиралъ иногда въ отчаяніи руки къ небесамъ Василій Ивановичъ, ругаясь себѣ подъ носъ, что работа шла тихо, и, наконецъ, не выдерживалъ—летѣлъ на бакъ и тамъ давалъ волю языку своему по поводу какой-нибудь «заѣвшей» снасти.

Въ каютъ-компаніи любили Василія Ивановича за его правдивость и добродушіе и признавали его авторитетъ въ знаніи морского дѣла. Многіе, правда, находили, что онъ ужъ черезчуръ влюбленъ въ «чистоту и порядокъ», а нѣкоторые изъ молодежи, кромѣ того, ставили на счетъ Василію Ивановичу и его морскіе принципы, считая ихъ отсталыми. Василій Ивановичъ это зналъ, но продолжалъ исполнять свое дѣло по своему разумѣнію.

Слушаетъ, бывало, Василій Ивановичъ, по обыкновенію, молча, когда въ каютъ-компаніи поднимается послѣ

обѣда какой-нибудь споръ по поводу нѣкотлівыхъ вопросовъ, и рѣдко вмѣшивается. Но если онъ замѣтитъ, что молоденькій гардемаринъ слишкомъ пылко возмущается взглядами своего оппонента, Василій Ивановичъ непремѣнно замѣтитъ:

— Все это отлично, что вы говорите. Гуманные, благородные взгляды, спору нѣтъ... Ну, и разныя тамъ философіи: «отчего да почему»?—превосходно-съ, но только протяните-ка, батенька, лямку съ наше, и тогда посмотримъ, какимъ будете вы въ наши годы... А теперь—молода, въ Саксоніи не была! Выпейте-ка лучше портерку, милый человѣкъ, да оставьте Ѳому Ѳомича при его взглядахъ...

— Ну, ужъ извините, Василій Ивановичъ, извините-съ! Ни теперь, ни послѣ я не измѣню своимъ убѣжденіямъ,— горячится юнецъ съ взбитымъ вихоркомъ.

— И дай вамъ Богъ, дай вамъ Богъ не измѣнять имъ!.. Но сперва надо испытать себя, выдержать, знаете ли, нѣсколько житейскихъ штормиковъ, какъ мы съ Ѳомой Ѳомичемъ!—добродушно прибавлялъ Василій Ивановичъ.

Ѳома Ѳомичъ, пожилой и невзрачный артиллеристъ, безнадежно тянувшій лямку въ вѣчномъ подчиненіи, поручикъ, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ отъ роду и двадцать пять лѣтъ службы,—видимо начиналъ сердиться на этого «мальчишку», который бѣгалъ еще съ «разрѣзной бизанью» (т.-е. въ незастегнутыхъ панталончикахъ) въ то время, когда Ѳома Ѳомичъ ужъ давно былъ прапорщикомъ. А между тѣмъ, черезъ годъ-другой — смотришь, этотъ же самый мальчишка будетъ начальникомъ того же Ѳомы Ѳомича, только потому, что Ѳома Ѳомичъ принадлежалъ къ тѣмъ обойденнымъ, забитымъ судьбою, служебнымъ «паріямъ», которые извѣстны во флотѣ подъ названіемъ штурмановъ, механиковъ и морскихъ артиллеристовъ *).

Некрасивое, скуластое, съ выпученными глазами, какъ у быка, лицо Ѳомы Ѳомича начинаетъ багровѣть. Ужъ онъ не прочь «оборвать» мальчишку, пока онъ еще младше чиномъ, и излить на него запасъ зависти и злобы, хотя и подавленной, но вѣчно питаемой обойденными унижеными офицерами корпусовъ вообще къ морякамъ,—но Ва-

*) Недавно корпусъ штурмановъ и морскихъ артиллеристовъ упраздненъ, и прежнему антагонизму между разными родами службы болѣе не будетъ мѣста.

силій Ивановичъ не зѣваетъ и вмѣшивается въ споръ, стараясь смягчить его острый характеръ.

Онъ опять предлагаетъ стаканчикъ портеру, на этотъ разъ Ѳомѣ Ѳомичу, затѣмъ начинаетъ разсказывать, обращаясь къ нему, какой-нибудь эпизодъ изъ своей службы и въ то же время безпокойно посматриваетъ: не догадается ли другой спорщикъ выйти изъ каютъ-компаніи. Но на этотъ разъ маневры Василія Ивановича не удаются. Едва онъ кончилъ разсказъ, какъ Ѳома Ѳомичъ въ нетерпѣніи поворачиваетъ лицо свое къ юнцу, который, въ свою очередь, приготовился къ бою, словно молодой пѣтухъ.

Тогда Василій Ивановичъ «вдругъ вспоминаетъ», что ему нужно переговорить съ Ѳомой Ѳомичемъ по службѣ насчетъ крюйтъ-камеры, и тихонько уводитъ съ собою Ѳому Ѳомича наверхъ. Онъ сперва дѣйствительно начинаетъ рѣчь о какихъ-нибудь работахъ, относящихся къ вѣдѣнію артиллериста, но, не умѣя хитрить, скоро путается и подъ-конецъ говоритъ:

— Я вѣдь нарочно все это... обезпокоилъ васъ... Ужъ вы извините, Ѳома Ѳомичъ... Вы разгорячились... онъ разгорячился... долго ли и до ссоры... А вы вѣдь знаете, Ѳома Ѳомичъ,—мы съ вами, слава Богу, не пижоны,—что ссора въ каютъ-компаніи—послѣднее дѣло... Это не на берегу, гдѣ люди поссорились да и разошлись... Тутъ волей-неволей, а всегда вмѣстѣ... Ну, вы и старше, и разсудительнѣе и похладнокровнѣй—вамъ бы, знаете ли, и попридержаться.. Юнцу труднѣе... Молодо, зелено. Долго ли ему увлечься...

— Онъ, Василій Ивановичъ, всегда лѣзетъ со спорами... Онъ забываетъ, что я не молокососъ, а старшій артиллерійскій офицеръ!—говоритъ съ обидчивымъ раздраженіемъ Ѳома Ѳомичъ, вращая своими выпученными бѣлками... Какой-нибудь тутъ маменькинъ сынокъ... папенька—адмиралъ... такъ ужъ онъ и воображаетъ!.. Ты, братъ, прежде усы хоть заведи и тогда разводи... А то: «допотопные взгляды»! Вы вѣдь слышали, Василій Ивановичъ, какъ онъ это сказалъ и какъ при этомъ взглянулъ? Точно я, съ позволенія сказать, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь допотопный звѣрь-съ... Все же, хоть я и не адмиральскій тамъ сынъ, а надо имѣть уваженіе... Слава Богу, двадцать пять лѣтъ отзвонилъ... И вдругъ какой-нибудь мальчишка...

— Ужъ я его распушу, Ѳома Ѳомичъ, распушу... Будетъ помнить! Только вы на него не сердитесь... Вѣдь онъ, по совѣсти говоря, и не думалъ васъ оскорбить... Ей-Богу, не думалъ... Такъ, въ пылу спора увлекся... ну, и трудно бываетъ всякое лыко да въ строку! Всѣ мы, кажется, слава Богу, живемъ по-товарищески... всѣ васъ уважаютъ...

Василій Ивановичъ какъ-то умѣлъ успокоить, и послѣ такой бесѣды Ѳома Ѳомичъ возвращался въ каютъ-компанію значительно смягченный и во всякомъ случаѣ увѣренный, что его и не думали сравнивать съ допотопнымъ звѣремъ.

Въ свою очередь, и гардемаринъ съ задорнымъ вихоркомъ призывался въ каюту Василія Ивановича и получалъ тамъ «порцію» совѣтовъ.

— Философіи-съ разныя разводите, батенька, а забываете, что грѣшно обижать людей!—начиналъ обыкновенно «пушить» Василій Ивановичъ, усадивъ гостя на табуретку.—Ѳома Ѳомичъ по-своему смотритъ на вещи, я—по-своему, вы—по-своему... ну, и оставьте Ѳому Ѳомича въ покоѣ... Эка на кого напали... на Ѳому Ѳомича! Сами знаете, что служба ему не мать, а мачеха, а вы еще подбавляете ему горечи... Можно спорить, ужъ если такъ хочется, но не обижать человѣка... А то прямо и брякнули: «допотопные взгляды». А если бы онъ вамъ на это отвѣтилъ рѣзкостью... вы бы ему еще... вотъ и ссора... И изъ-за чего-то ссора? Изъ-за выѣденнаго яйца! Какой ни на есть Ѳома Ѳомичъ, допотопный или нѣтъ, а онъ добрый человѣкъ и честно исполняетъ свое дѣло...

— Я не думалъ обижать Ѳому Ѳомича... Я вообще говорилъ о допотопныхъ взглядахъ... Съ чего это онъ взялъ?..

— Не думали, а обидѣли... Вы—«вообще», а онъ на свой счетъ принялъ... Эхъ, батенька!.. У васъ-то вся жизнь впереди, надежды тамъ разныя,—дастъ Богъ, адмираломъ будете, что ли,—а вѣдь у Ѳомы Ѳомича ничего этого нѣтъ... Теръ лямку весь вѣкъ и умретъ, пожалуй, въ капитанскомъ чинѣ... Вотъ онъ и мнителенъ, и отъ всякаго неосторожнаго слова готовъ обидѣться... А вы еще шпильки подпускаете... Это, милый человѣкъ, не порыцарски... Надо беречь чужое самолюбіе, если оно никому не вредитъ, а не то что раздражать его... Ужъ вы сердитесь, не сердитесь на меня, а я, какъ старшій то-

варищъ, считаю долгомъ вамъ сказать это... И что за страсть у васъ спорить! — удивлялся Василій Ивановичъ.—Ѳому Ѳомича вы не передѣлаете, а только раздражите... Да и кому вредитъ Ѳома Ѳомичъ? Я бы, знаете ли, на вашемъ мѣстѣ, объяснилъ ему, что не имѣлъ намѣренія его оскорбить... За что его обижать? И безъ того судьба его обидѣла!

Кажется, не особенно мудрыя были слова Василія Ивановича, но товарищескій тонъ ихъ и, главное, сердечная теплота, которой они были проникнуты, дѣлалъ свое дѣло. Гардемаринъ съ задорнымъ вихоркомъ объяснялся съ Ѳомой Ѳомичемъ, и Василій Ивановичъ радовался болѣе всѣхъ, видя, что снова въ каютъ-компаніи царствуютъ миръ и согласіе и нѣтъ никакихъ интригъ. Къ интригамъ Василій Ивановичъ питалъ страхъ и отвращеніе.

V.

До подъема флага осталось всего пять минутъ. Офицеры ужъ стали собираться на шканцахъ, а Василій Ивановичъ все еще продолжалъ любоваться клипером.

Всѣ сегодня были какъ-то празднично настроены. «Берегъ», со всѣми его удовольствіями, дѣйствовалъ на моряковъ оживляющимъ образомъ. Большинство собиралось ѣхать на берегъ съ утра и провести въ Гонолулу цѣлый день. Поглядывая на живописный «берегъ», всѣ обмѣнивались между собой восторженными восклицаніями. Даже Ѳома Ѳомичъ размякъ и обѣщалъ дать 25 долларовъ взаймы гардемарину съ вихоркомъ, который донималъ Ѳому Ѳомича «допотопными» взглядами. Ѳома Ѳомичъ былъ кремень. Онъ рѣдко съѣзжалъ на берегъ и рѣдко раскошеливался, и у него водились деньжонки. Но Гонолулу прельстилъ и его, и онъ собирался «кутнуть» вмѣстѣ съ другими.

— А вы, батя, поѣдете?—обращается кто-то къ іеромонаху Виталію, стоявшему въ сторонкѣ и какъ-то безучастно смотрѣвшему на городъ.

— Не подобаетъ!—баситъ въ отвѣтъ отецъ Виталій, и его желтое, безкровное лицо, нѣсколько похожее на тѣ, которыя рисуются на образахъ, дѣлается напряженно-серьезнымъ.

— Отчего не подобаетъ?

— Соблазнъ... Голые человѣки... И опять же, въ разсужденіи одежи...

— Я вамъ, батя, платье дамъ... Пиджакъ у меня отличный...

— Срамно... Монахъ и въ «пинжакѣ»...

— Провѣтрились бы, посмотрѣли бы на природу, а то вы, батя, все въ каютѣ да каютѣ... Того и гляди, цынга сдѣлается...

— Божья воля... Вотъ вышелъ теперь и зрю...

Отецъ Виталій, попавшій изъ уединенія Валаамскаго монастыря въ кругосвѣтное плаваніе, скучалъ среди неподходящаго для него общества моряковъ и большую часть времени спалъ въ своей каютѣ. Въ каютъ-компанію заходилъ рѣдко, только во время чая, завтрака и обѣда, говорилъ вообще мало и пѣлъ у себя въ каютѣ духовные канты. По происхожденію изъ мелкихъ купцовъ, отецъ Виталій, несмотря на монашескій обѣтъ, былъ сребролюбивъ. Онъ копилъ деньжонки и давалъ по мелочамъ въ «заимообразъ», до получки жалованья, и съ небольшой лихвой. Въ иностранныхъ портахъ, посѣщаемыхъ клиперомъ, отецъ Виталій ни разу не былъ. Находилъ, что «не подобаетъ», да и жалѣлъ потратиться на покупку статскаго платья. Разъ было онъ попробовалъ съѣхать на берегъ, кажется, въ Англіи, въ своемъ монашескомъ одѣяніи, но скоро вернулся, ругательски-ругая англійскихъ уличныхъ мальчишекъ, провожавшихъ его по улицѣ цѣлой толпой. За то, когда клиперъ заходилъ въ русскіе порты Тихаго океана, отецъ Виталій оживалъ: вмѣстѣ съ нѣсколькими охотниками-матросами отправлялся, бывало, на рыбную ловлю (онъ былъ отличный рыболовъ) на цѣлый день и возвращался обыкновенно въ черезчуръ веселомъ расположеніи духа.

И ловокъ же попъ нашъ ловить рыбу!—говорили матросы, передавая подробности рыбной ловли... Ну, и насчетъ вина гораздъ...

Наконецъ, вышелъ наверхъ и капитанъ. Отвѣчая любезно на поклоны, онъ поднялся на мостикъ. Это былъ высокій, нѣсколько сутуловатый, худощавый мужчина, лѣтъ сорока. Что-то спокойное, неторопливое, скромное и въ то же время увѣренное было въ его манерахъ, въ походкѣ, въ чертахъ серьезнаго, энергичнаго лица, окаймленнаго черными, начинавшими серебриться, бакенбардами,—въ добромъ, спокойномъ взглядѣ черныхъ глазъ. Сразу чувствовалось, что это человѣкъ твердой воли, умѣю-

щій владѣть собой при всякихъ обстоятельствахъ, привыкшій управлять людьми и пользовавшійся авторитетомъ не въ силу своего положенія, а вслѣдствіе кое-чего болѣе существеннаго и прочнаго. Во всей этой спокойной фигурѣ было что-то располагающее и внушающее довѣріе. Онъ такъ же спокойно и неторопливо распоряжался во время шторма, какъ и въ обыкновенное время; всѣ знали, съ какимъ хладнокровіемъ и находчивостью этотъ же самый человѣкъ, три года тому назадъ, выбросился во время бури на берегъ, чтобы спасти судно и людей. Старый матросъ, бывшій въ то время на шкунѣ и теперь служившій на клиперѣ, разсказывая этотъ эпизодъ и описывая, какой напалъ на всѣхъ ужасъ при видѣ шкуны, вблизи буруновъ, разбивающихся о подводные каменья, такъ говорилъ про капитана:

— А онъ-то стоитъ это, братцы вы мои, на мостикѣ, и нѣтъ въ немъ никакого страху... «Не робѣй, говоритъ, ребятушки, не робѣй, говоритъ, молодцы!...» Ну, видимъ— онъ не сробѣлъ, и нашъ страхъ пропадать сталъ... И командуетъ, будто на ученьи... Такъ на всѣхъ парусахъ и пронеслись промежъ скалъ да и врѣзались въ мелкое мѣсто... И всѣ тогда вздохнули, перекрестились... видимъ— спаслись. Онъ какъ есть потрафилъ... А не вздумай онъ выброситься—быть бы всѣмъ намъ покойниками, потому якорья потеряли, машина испортилась, а вихорь такъ и несетъ на каменья... А отъ этихъ самыхъ подлыхъ каменьевъ до берега далече... А буря и не дай тебѣ Господи!.. А онъ и выдумалъ... Какъ это мы врѣзались, онъ и говоритъ: «Ну, молодцы, ребята... Славно работали... Теперь, говоритъ, отдохнемъ!» И ушелъ внизъ... Господь его, видно, любитъ и бережетъ за евойную доброту, за то, что матроса не обижаетъ!..—прибавлялъ разсказчикъ.

— Д-да..! Такого капитана мы еще не видывали...—поддакиваютъ матросы.—Одно слово голубь!

При появленіи капитана, Василій Ивановичъ подобрался, пріосанился, отступилъ нѣсколько назадъ и, снимая, по морскому обычаю, фуражку, раскланялся съ своей обычной, нѣсколько аффектированной служебной почтительностью, въ которой, однако, не было ничего заискивающаго, унизительнаго. Этимъ поклономъ Василій Ивановичъ не только привѣтствовалъ уважаемаго человѣка, но, казалось, и чествовалъ, въ лицѣ его, авторитетъ командирской власти.

— Съ добрымъ утромъ, Василій Ивановичъ!—проговорилъ капитанъ, пожимая Василію Ивановичу руку. — Успѣли ужъ совсѣмъ убраться! Клиперъ такъ и сіяетъ!— прибавилъ онъ, озираясь вокругъ.

Довольная улыбка растянула ротъ Василія Ивановича до ушей. Онъ засіялъ еще болѣе отъ этого, вскользь сказаннаго комплимента и скромно проговорилъ:

— Управились помаленьку, Павелъ Николаевичъ!

И затѣмъ прибавилъ озабоченно:

— Такелажъ нѣсколько ослабъ послѣ перехода, Павелъ Николаевичъ. Надо бы тянуть...

— Что-жъ, вытянемъ...

— Когда прикажете начинать?

— Успѣемъ еще, Василій Ивановичъ... Мы здѣсь простоимъ недѣлю, если не будетъ какихъ-нибудь особыхъ приказаній отъ адмирала; съ почтовымъ пароходомъ завтра придетъ изъ С.-Франциско почта. Адмиралъ, кажется, въ С.-Франциско.

— На флагъ! На гюйсъ!—раздался веселый голосъ вахтеннаго мичмана.

На клиперѣ воцарилось молчаніе. Василій Ивановичъ отступилъ назадъ и взглянулъ на часы. Оставалась еще минута. Сигнальщикъ перевернулъ минутную стклянку и смотрѣлъ, какъ медленно сыпался песокъ.

— Стклянка выходитъ, ваше благородіе! — доложилъ онъ вахтенному офицеру.

— Ворочай! Флагъ и гюйсъ поднять! — раздалась команда.

Всѣ обнажили головы. Выстроенный на шканцахъ караулъ отдалъ честь, взявъ ружья на караулъ. Горнистъ заигралъ походъ. Боцмана и унтеръ-офицеры засвистали въ дудки. И въ то самое время, какъ колоколъ билъ восемь ударовъ, брамъ-реи, заранѣе поднятыя, были моментально повернуты, и оба флага, кормовой и носовой, взвились на флагштокахъ.

Всѣ надѣли фуражки. На военномъ суднѣ начался день.

Новый вахтенный офицеръ съ послѣднимъ ударомъ колокола взбѣжалъ на мостикъ. Смѣна во-время свято соблюдается между моряками, особенно въ морѣ, да еще въ скверную погоду. Опоздать безъ предупрежденія, при смѣнѣ товарища, считается чуть не преступленіемъ.

Окончивъ сдачу, мичманъ спросилъ:

— Вахты какъ теперь на якорѣ будутъ? Суточныя?

— Да. Старшій офицеръ разрѣшилъ...

— Такъ я на цѣлый день дерну на берегъ!.. Счастливо оставаться!—проговорилъ мичманъ весело и пошелъ въ каютъ-компанію пить чай.

Къ капитану, стоявшему на другой сторонѣ мостика, подходили между тѣмъ офицеры, завѣдующіе отдѣльными частями, съ обычными ежедневными рапортами о благополучіи ввѣренныхъ имъ частей. Капитанъ выслушивалъ, приложивъ руку къ козырьку, по очереди короткіе рапорты артиллериста, штурмана, доктора и старшаго офицера, обмѣнивался съ ними рукопожатіями, и рапортующіе уходили.

Когда Василій Ивановичъ окончилъ свой краткій рапортъ, капитанъ сказалъ:

— Сегодня утромъ придется ѣхать съ официальными визитами, но къ вечеру я разсчитываю быть на клиперѣ, Василій Ивановичъ. И завтра цѣлый день останусь,—подчеркнулъ онъ.—Значитъ, вамъ ничто не мѣшаетъ ѣхать на берегъ, Василій Ивановичъ...

— Успѣю еще... Пожалуйста, изъ-за меня не стѣсняйтесь, Павелъ Николаевичъ!.. Я, вы знаете, небольшой охотникъ съѣзжать... Такъ развѣ, немножко прогуляться, что ли!—прибавилъ Василій Ивановичъ, краснѣя...

Между капитаномъ и старшимъ офицеромъ нерѣдко происходили сцены, гдѣ одинъ старался превзойти деликатностью другого. Бывали эти сцены по случаю съѣздовъ на берегъ. Оба они одновременно почти никогда не оставляли клипера, кто-нибудь изъ нихъ да оставался. Таковъ былъ заведенный морской порядокъ. Капитану, по его положенію, разумѣется, чаще приходилось съѣзжать: дѣлать официальные визиты, принимать приглашенія на обѣды и пр.; онъ всегда старался, чтобы и Василію Ивановичу было время съѣздить на берегъ. Василій Ивановичъ, съ своей стороны, отказывался, говоря, что ему и не хочется, и работы есть на клиперѣ... Такъ отговаривался онъ и теперь.

— Ужъ вы и такъ заработались, Василій Ивановичъ. Надо и вздохнуть... Посмотрите, какъ хорошо на берегу... И за городъ стоитъ проѣхаться... Консулъ вчера говорилъ, что тамъ прелестныя апельсинныя рощи и славные виды...

— Да, хорошо-съ!—проговорилъ Василій Ивановичъ,

взглядывая на берегъ.—Хорошо-съ! Я, если позволите, вечеркомъ съѣзжу-съ...

— И завтра поѣзжайте, Василій Ивановичъ...

— Завтра я думалъ начать такелажъ тянуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, Василій Ивановичъ, подождемъ лучше... Дайте и людямъ отдохнуть... Ужъ я бы васъ просилъ дня три никакихъ работъ не дѣлать, и ученія можно пропустить...

— Слушаю-съ!

— Да команду можно бы уволить на берегъ... Пусть прогуляются...

— Я думалъ—послѣ работъ, какъ такелажъ вытянемъ...

Капитанъ улыбнулся.

— Вытянемъ и такелажъ, не безпокойтесь... Вѣдь въ два дня кончимъ?

— Кончимъ.

— Ну, значитъ, можно команду отпустить два раза на берегъ... Передъ работой и послѣ... Согласны?

— Слушаю-съ... Вотъ форсъ-марса-рея тоже чуть-чуть подалась... Надо бы въ запасъ новую...

— Развѣ не выдержитъ?

— Выдержитъ, но только есть трещинка... правда, пустяшная...

— Такъ подождемъ, Василій Ивановичъ...

— А краситься не будемъ, Павелъ Николаевичъ?

— Эка вы какой, Василій Ивановичъ!.. И такъ, кажется, благодаря вамъ, клиперъ игрушка!..

Обыкновенно капитанъ сдерживалъ Василія Ивановича, когда старшій офицеръ, преслѣдуя свой идеалъ порядка и чистоты, черезчуръ увлекался и утомлялъ людей. Капитанъ умѣлъ всегда убѣдить Василія Ивановича, не прибѣгая къ приказаніямъ. Нѣкоторое несогласіе между ними во взглядахъ на чистоту и порядокъ не портило ихъ отношеній. Не даромъ Василій Ивановичъ былъ вышколенъ въ морской дисциплинѣ и, вдобавокъ, былъ искренно расположенъ къ капитану.

— Прикажите, пожалуйста, къ девяти часамъ приготовить вельботъ! — обратился капитанъ къ вахтенному офицеру.

— Есть!—отвѣтилъ офицеръ.

— Я постараюсь пораньше вернуться, Василій Ивановичъ, да не забудьте, что и завтра я дома!—еще разъ повторилъ, улыбаясь, капитанъ и ушелъ къ себѣ въ каюту.

Всѣ офицеры давно ушли внизъ собираться на берегъ, а Василій Ивановичъ все еще не спускался. Ему еще надо взглянуть на клиперъ снаружи и съ боцманомъ править рея и онъ приказалъ подать «четверку» къ борту.

— На четверку! — раздалась команда.

— На четверку! — повторилъ боцманъ.

А между тѣмъ Антоновъ, вѣстовой Василія Ивановича, уже нѣсколько разъ выглядывалъ изъ входного люка, показывая свою коротко остриженную бѣлобрысую голову и не рѣшаясь доложить Василію Ивановичу, что пора ему пить чай. За хлопотами сегодняшняго утра Василій Ивановичъ, казалось, и забылъ, что еще не выпилъ своихъ обычныхъ двухъ стакановъ и не выкурилъ послѣ нихъ толстой, объемистой папиросы, и Антоновъ рѣшилъ напомнить объ этомъ своему барину.

— Тебѣ что? — замѣтилъ, наконецъ, Василій Ивановичъ высунувшуюся голову и безпокойные взгляды своего Лепорелло.

— Чай, ваше благородіе, готовъ...

Василій Ивановичъ махнулъ головой, и бѣлобрысая голова Антонова скрылась.

— Шлюпка готова, Василій Ивановичъ! — доложилъ вахтенный офицеръ.

Василій Ивановичъ отвалилъ отъ борта и объѣхалъ кругомъ, оглядывая клиперъ, стоя въ шлюпкѣ. Боцманъ Щукинъ то и дѣло перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, слѣдя съ клипера за старшимъ офицеромъ.

Черезъ пять минутъ Василій Ивановичъ уже былъ на палубѣ и говорилъ Щукину:

— Форъ-брамъ-штагъ чуть-чуть ослабь... Вытянуть!

— Есть, ваше благородіе...

— Да погиби, знаешь ли, нѣтъ настоящей у форъ-брамъ-стеньги... Надо подать чуточку...

— Слушаю-съ...

— Больше ничего, кажется... Работъ сегодня никакихъ... Пусть команда отдыхаетъ, а завтра по-вахтенно на берегъ...

— Есть! — еще громче и веселѣе отвѣчаетъ боцманъ, оживляясь при мысли объ удовольствіи напиться на берегу, по обыкновенію, до безчувствія.

— Да ты, Щукинъ, знаешь ли, новоздержись! — конфиденціально замѣчаетъ Василій Ивановичъ, хорошо знавшій

слабость стараго служаки.— Боцманъ, а какъ съѣдешь на берегъ, напиваешься хуже стельки!..

— Постараюсь, ваше благородіе! — тихо и нерѣшительно промолвилъ Щукинъ.

— Хоть на этотъ разъ постарайся... Не очень пей! — говоритъ Василій Ивановичъ, болѣе для очистки совѣсти, зная тщету стараній боцмана, и спускается, наконецъ, въ каютъ-компанію пить чай и вздохнуть послѣ тревогъ и заботъ сегодняшняго утра.

VI.

Капитанскій вельботъ и катеръ съ офицерами давно ужъ отвалили отъ берега, а Василій Ивановичъ все еще сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на диванѣ въ опустѣвшей каютъ-компаніи, отпивая медленными глотками второй стаканъ чаю и дымя папироской. Дѣлать Василію Ивановичу было рѣшительно нечего: капитанъ просилъ дать отдыхъ командѣ и никакихъ ученій не производить; приводить въ порядокъ ничего не оставалось,— все было въ порядкѣ: распоряженія насчетъ будущихъ работъ были сдѣланы, такъ что Василію Ивановичу поневолѣ приходилось благодушествовать, стараясь какъ-нибудь убить время до полудня, когда подадутъ обѣдъ, и затѣмъ ужъ можно будетъ вздремнуть часокъ-другой...

Василій Ивановичъ выкуривалъ папиросу за папиросой, мечталъ о томъ, какъ онъ проведетъ вечеръ на берегу и, по временамъ, издавалъ какіе-то неопредѣленные звуки томленія отъ жары, вытирая вспотѣвшее, раскраснѣвшееся лицо... Второй стаканъ допитъ, четвертая папироса докурена, вопросъ объ ужинѣ на берегу давно рѣшенъ... Жарко, томительно жарко... Развѣ боцмана позвать и еще разъ потолковать съ нимъ насчетъ тяги такелажа?.. Но Василій Ивановичъ ужъ давно толковалъ объ этомъ, да и жаль безпокоить боцмана... «Надо и ему вздохнуть!..»—думаетъ Василій Ивановичъ и начинаетъ насвистывать свой любимый мотивъ изъ «Роберта-Дьявола»... Въ это время заботливый вѣстовой Антоновъ, давно уже исполняющій обязанности камердинера Василія Ивановича, словно понимая, что баринъ его можетъ «заскучить», появляется въ каютъ-компанію и докладываетъ:

— Прикажете, ваше благородіе, еще чаю?

— Жарко, братецъ...

— Точно такъ, ваше благородіе... Настоящее пекло!

— А чай есть?

— Цѣлый чайникъ...

— Ну, дай, пожалуй,—лѣниво говоритъ Василій Ивановичъ.

Вѣстовой исчезаетъ и черезъ минуту приноситъ стаканъ горячаго чаю и лимонъ.

— Портсигарникъ пожалуйте, ваше благородіе, папиросъ наложить!—говоритъ Антоновъ.

Василій Ивановичъ отдаетъ свой объемистый серебряный портъ-сигаръ и, по возвращеніи вѣстового, спрашиваетъ:

— На берегъ, небойсь, хочешь, Антоновъ?

Бѣлобрысое, скуластое, простодушное лицо молодого вѣстового ухмыляется.

— Любопытно, ваше благородіе!

— Любопытно? Что-жъ тебѣ любопытно?— допрашиваетъ Василій Ивановичъ, и самъ невольно улыбается, глядя на своего любимца-вѣстового.

— Все, ваше благородіе... Очинно красивая сторона... И опять же, ваше благородіе, народъ!—прибавилъ Антоновъ и снова фыркнулъ.

— А что?

— Смѣху подобно: голые почти-что шляются. Сичасъ вотъ съ пельсинами пріѣзжалъ на шлюпченкѣ одинъ—какъ мать родила... Лопочетъ, подлецъ, по-своему, сперва и не понять... Одначе, ребята наши поняли и говорили, какъ слѣдуетъ, съ эстимъ самымъ арабченкомъ...

— Говорили?—смѣется Василій Ивановичъ.—По-каковски же говорила матрозня?..

— А не могу знать, ваше благородіе, но только другъ дружку поняли и торговались... Арабченокъ смѣется и наши смѣются. Сказываютъ: нехристь, ваше благородіе?

— Да, своя, братъ, вѣра у нихъ!—замѣчаетъ Василій Ивановичъ и прибавляетъ:—Завтра, Антоновъ, можешь ѣхать на берегъ!

— Слушаю, ваше благородіе!

— А денегъ что-жъ не берешь?.. Развѣ не нужно?

— Никакъ нѣтъ. У меня есть доллеръ на гулянку. А вотъ хотѣлъ я, было, ваше благородіе, просить...

Антоновъ остановился, переступая съ ноги на ногу и теребя двумя пальцами штанину.

— Что тебѣ?

— Платокъ бы мнѣ нужно, ваше благородіе... Такъ ужъ выберите какой пофорсистѣй, ваше благородіе..

— Платокъ?.. Зачѣмъ тебѣ платокъ?—удивился Василій Ивановичъ.

— Бабѣ моей, ваше благородіе,—говоритъ Антоновъ, краснѣя, и пуще теребитъ штанину, словно бы стыдясь обнаружить свои чувства къ женѣ, для которой онъ прикопилъ ужъ не мало подарковъ при любезномъ посредствѣ Василія Иваныча.

— Гм! женѣ!..—задумчиво протянулъ Василій Ивановичъ.—Въ какую же цѣну?

— Какъ окажетъ, ваше благородіе... Только, если можно, чтобы съ птицей... Въ деревнѣ любятъ съ птицами... показистѣй...

— Ладно, братецъ, куплю... А знаешь ты, сколько у меня твоихъ денегъ?

— Не могу знать, ваше благородіе!

— Ну, вотъ и дуракъ! Какъ есть дуракъ ты, Антоновъ! Сколько разъ говорилъ тебѣ, что ты долженъ знать... Считать, что ли, не умѣешь...

— Запамятовалъ, ваше благородіе...

— Запамятовалъ! Было десять долларовъ, да тебѣ слѣдуетъ два доллара отъ меня за мѣсяцъ... значитъ двѣнадцать... Смотри, помни, а то не стану я держать твоихъ денегъ... А еще матросъ... запамятовалъ!..

— Слушаю, ваше благородіе... буду помнить. А вамъ прикажете, что ли, изготовить вольную одежу?

— Да... лѣтнюю пару изъ сундука достань.

— Чечунчовый пенджакъ, что въ Шанхаѣ справляли?

Василій Ивановичъ мотнулъ головой.

— Такъ ужъ я давече вынулъ и развѣсилъ, чтобы складокъ не оказывало...

— Ладно... Ужо къ вечеру подашь.

Вѣстовой ушелъ.

Василій Ивановичъ снова сталъ лѣниво отхлебывать чай, попыхивая толстѣйшей папиросой. Стояла полнѣйшая тишина въ каютъ-компаніи. Только изъ-за приподнятыхъ жалюзи одной изъ каютъ слышался равномѣрный скрипъ пера и шелестъ бумаги, и Василій Ивановичъ невольно прислушивался къ этому скрипу.

— Пишетъ... Къ Амальѣ своей, вѣрно, все пишетъ докторъ!—прошепталъ, улыбаясь, Василій Ивановичъ.

Какъ и большинство офицеровъ, Василій Ивановичъ зналъ—и даже обстоятельнѣе другихъ зналъ—про всѣ необыкновенныя качества этой самой фрейлейнъ Амаліи—

скромненькой, худенькой, довольно миловидной бѣлокурой нѣмочки, съ робкимъ, словно недоумѣвающимъ, взглядомъ большихъ голубыхъ глазъ. Въ день ухода клипера изъ Кронштадта, она пріѣзжала проводить Карла Карловича, и Карлъ Карловичъ съ необыкновенной торжественностью, весь сіяя и млѣя, представилъ всѣхъ офицеровъ молодой дѣвушкѣ, повторяя съ горделивой, самодовольной улыбкой: «Невѣста моя, фрейлейнъ Амалія!» и тутъ же сообщалъ нѣкоторымъ (въ томъ числѣ и Василію Ивановичу), какая это прекрасная и благородная дѣвушка. Фрейлейнъ Амалія при этомъ каждый разъ краснѣла и, поднимая на Карла Карловича восторженно-застѣнчивый взоръ, то и дѣло стыдливо шептала: «Ахъ, Карлъ! ахъ, Карлъ!», пока наконецъ, послѣ представленій, не усѣлась рядомъ съ плотнымъ, румянымъ и—несмотря на тридцати-пяти-лѣтній возрастъ и почтенную лысину—нѣсколько сентиментальнымъ Карломъ Карловичемъ.

Во все время прощальнаго завтрака женихъ и невѣста сидѣли въ трогательномъ безмолвіи, пожимая, по временамъ, другъ другу руки, краснѣя и улыбаясь. Карлъ Карловичъ былъ торжественно печаленъ, однако ѣлъ съ аппетитомъ всѣ подаваемыя блюда, не забывая накладывать хорошія порціи и невѣстѣ, и обводилъ всѣхъ какимъ-то горделивымъ, вызывающимъ взглядомъ, словно бы приглашая убѣдиться, какая прелестная у него фрейлейнъ Амалія и съ какимъ благороднымъ достоинствомъ онъ умѣетъ переносить тягость разлуки. И только когда стали поднимать якорь и провожавшіе должны были уѣзжать съ клипера, Карлъ Карловичъ не выдержалъ: обнимая невѣсту, заревѣлъ какъ бѣлуга, не забывши, впрочемъ, въ самую послѣднюю минуту прощанья шепнуть, въ видѣ утѣшенія рыдавшей дѣвушкѣ, что онъ непремѣнно скопитъ въ плаваніи три тысячи, и тогда ничто не помѣшаетъ ихъ счастію... «Adieu, mein Liebchen!»

Какъ человѣкъ крайне аккуратный, добросовѣстный и въ такой же мѣрѣ наивный, Карлъ Карловичъ, повидимому, полагалъ, что мимолетнаго знакомства сослуживцевъ съ его невѣстой еще недостаточно для надлежащей оцѣнки ея качествъ, и потому считалъ своимъ долгомъ дополнить это знакомство. Съ трогательнымъ простодушіемъ, передъ которымъ всякая скептическая улыбка была безсильна,—разсказывалъ докторъ о фрейлейнъ Амаліи, восторженно описывая ея душевныя качества, ея

любовь и преданность. Онъ такъ-же мечталъ и высчитывалъ вслухъ, не замѣчая окружающихъ [illegible], увѣренный, что вмѣстѣ съ нимъ всѣ должны радоваться его будущему счастью,—когда, возвратившись въ Россію, онъ [illegible] на три тысячи, [illegible] щетками, [illegible] маленькихъ сигаръ,—онъ получитъ мѣсто инспектора при гимназіи, купитъ рояль, устроитъ квартиру, женится и будетъ [illegible] богатыя Амальей, [illegible] казами, выкуривая по десяти [illegible] въ день.

Когда Карлъ Карловичъ получалъ отъ невѣсты письма, то обыкновенно торжественно [illegible], указывая на толстый пакетъ: «это отъ фрейлейнъ Амаліи!» И, [illegible] отъ радости и волненія, уходилъ въ залъ читать длинное посланіе. И, Боже сохрани, въ такія минуты отвлекать Карла Карловича отъ чтенія безъ особо уважительной причины, въ родѣ [illegible], хладнокровный и терпѣливый Карлъ Карловичъ выходилъ изъ себя. Въ такихъ случаяхъ онъ [illegible] говорилъ: «Не безпокойте, господа, доктора. Онъ **Амальины письма читаетъ!»**

Охотнѣе всего Карлъ Карловичъ дѣлился своими мечтами съ Василіемъ Ивановичемъ, котораго особенно уважалъ, одного удостоивалъ переводомъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ нѣмецкихъ писемъ фрейлейнъ Амаліи и преexcept серьезно обижался, если Василій Ивановичъ, занятый служебными дѣлами, не съ достаточною экспансивностью раздѣлялъ восторги влюбленнаго Карла Карловича.

Все это теперь невольно припомнилъ Василій Ивановичъ, прислушиваясь къ скрипу пера. Припомнилъ и задумался.

«Вотъ, вѣдь, пишетъ все... цѣлыя тетрадки исписываетъ... дѣлится своими впечатлѣніями... Вернется въ Россію и женится на своей Амальѣ этотъ счастливый Карлъ Карлычъ!»—проговорилъ вдругъ Василій Ивановичъ съ какою-то безотчетною завистью стараго холостяка и порывисто задымилъ папироской.

«Тоже, вотъ, Антоновъ... Платокъ женѣ проситъ купить... Сколько ужъ онъ накупилъ разныхъ вещей... А вотъ ему такъ некому покупать! И писать некому, и не отъ кого получать писемъ. Нѣтъ ни одной души на свѣтѣ, которая бы интересовалась его жизнью!»

Василій Ивановичъ крякнулъ, подавивъ невольный вздохъ. Онъ рѣшилъ не думать объ этихъ вещахъ, но какое-то досадливое, обидное чувство одиночества и сиротливости совершенно незамѣтно подобралось къ его сердцу, заставъ Василія Ивановича врасплохъ—не занятаго службой, не увлеченнаго служебными мечтаніями. И что было ужъ совсѣмъ странно и неожиданно—вся его служебная дѣятельность, все то, изъ-за чего онъ волновался, на что тратилъ столько силъ, уходило куда-то вдаль и, казалось, теряло все свое прежнее значеніе и прежнюю прелесть..

Совсѣмъ другія мысли, другія воспоминанія, неимѣющія ничего общаго съ «чистотой и порядкомъ», къ крайнему изумленію Василія Ивановича, назойливо лѣзли въ голову, и изъ-за густыхъ клубовъ дыма, медленно расходившагося въ воздухѣ, выглядывала пара бойкихъ глазъ миловиднаго женскаго личика, и въ воображеніи рисовались, точно дразнили, заманчивыя картины, полныя тихаго счастія и радостной личной жизни.

VII.

И онъ писалъ бы теперь письма, нетерпѣливо ожидая возвращенія въ Россію, если бы жизнь побаловала его женскою привязанностью... А ея-то и не было до сихъ поръ, несмотря на его старанія завоевать женское сердце. Почему?.. Кажется, онъ мужчина ничего себѣ, человѣкъ не легкомысленный, привязчивый, не злой, ну, и въ нѣкоторомъ родѣ съ положеніемъ,—и все-таки счастье ему не давалось.

Такъ думалъ, не безъ горькаго чувства, Василій Ивановичъ, вспоминая свой послѣдній неудачный кронштадтскій «романъ». И, какъ нарочно, всѣ малѣйшія подробности того дня, въ который онъ рѣшился сдѣлать предложеніе, оживали въ его памяти, точно все это было не три года тому назадъ, а вчера...

Съ какимъ страхомъ и волненіемъ остановился онъ въ то памятное весеннее утро передъ этимъ маленькимъ домикомъ въ Галкиной улицѣ, куда онъ такъ часто ходилъ по вечерамъ сыграть въ пикетъ съ господиномъ Купоросовымъ, старымъ вдовцомъ, инженеръ-механикомъ, и поболтать послѣ пикета съ Сонечкой, его единственной дочкой. Онъ два года ходилъ въ этотъ домъ, привязываясь все болѣе и болѣе къ молодой дѣвушкѣ, и наконецъ рѣшился

объясниться... Какъ нерѣшительно онъ дернулъ звонокъ, простоявъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ у крыльца!... Ему отворилъ двери самъ господинъ Купоросовъ, худенькій, сухенькій, бравый и подвижной старикъ лѣтъ пятидесяти съ хвостикомъ, и удивленно взглянулъ на Василія Ивановича, явившагося въ будни въ неурочный часъ, вдобавокъ въ вицъ-мундирѣ и въ разстроенныхъ чувствахъ, словно послѣ только-что полученнаго «разноса» отъ начальства. А Василій Ивановичъ пуще сконфузился отъ этого удивленнаго взгляда, объявилъ, что зашелъ по пути, собираясь сдѣлать кое-кому визиты, и послѣ четверти часа неклеившагося разговора о морскихъ новостяхъ и назначеніяхъ, о которыхъ еще вчера вечеромъ сообщалъ господину Купоросову,—неожиданно выпалилъ, пыхтя и отдуваясь, что пришелъ просить руки его дочери.

Старый механикъ тогда понялъ, почему Василій Ивановичъ въ вицъ-мундирѣ, и не удивился предложенію. Онъ крѣпко пожалъ руку претенденту, поблагодарилъ за честь, сказавъ, что былъ бы радъ такому зятю, и вышелъ, весело проговоривъ своимъ привѣтливымъ баскомъ: «Сейчасъ пошлю къ вамъ Сонечку. Дай вамъ Богъ попутнаго вѣтра!»

Вотъ тогда-то и напала на Василія Ивановича настоящая робость,—куда больше той, какую испытывалъ онъ въ ожиданіи адмиральскихъ смотровъ!

Съ замираніемъ сердца ждалъ онъ прихода этой полненькой, кругленькой, хорошенькой брюнетки Сонечки, всегда привѣтливой, ласковой, весело слушавшей комплименты по уши влюбленнаго Василія Ивановича и дружески принимавшей подарки отъ своего поклонника, котораго шутя называла «милымъ, хорошимъ дядюшкой». Напрасно старался онъ пріободриться и ужъ совсѣмъ некстати взглянулъ въ зеркало, чтобы поправить свои щегольскіе височки! Зеркало отразило такое ошалѣлое лицо, такой яркопылающій крошечный носикъ, пріютившійся среди багровыхъ щекъ, что Василій Ивановичъ поскорѣй отвелъ глаза, словно бы увидалъ чужую непріятную физіономію...

Она что-то долго не приходила. Прошло минутъ пять, а Василію Ивановичу казалось, что прошло много времени. Ея все нѣтъ. «Вѣрно, разсердилась!»—подумалъ онъ, и сердце его упало.

Наконецъ, двери тихо скрипнули, и она впорхнула, свѣженькая, веселая, ласковая, какъ всегда, въ свѣтленькомъ платьѣ. Съ приходомъ ея словно просвѣтлѣла гостиная, и

радостная надежда оживила Василія Ивановича. Онъ порывисто дернулся съ кресла, расшаркался ножкой по всѣмъ правиламъ, преподаннымъ старикомъ Эбергардтомъ еще въ морскомъ корпусѣ, поцѣловалъ, по-старинному, бѣленькую, пухленькую съ яминками ручку и... снова «ошалѣлъ», до того ошалѣлъ, что не могъ произнести ни слова и стоялъ какъ пень. («Это-то и не нравится женщинамъ! Не ошалѣй я вначалѣ, быть-можетъ, не посадила бы она меня на мель!»—мысленно утѣшалъ себя теперь Василій Ивановичъ, вспоминая свою застѣнчивость). А Сонечка между тѣмъ, какъ настоящая барышня, да еще получившая воспитаніе въ лучшемъ кронштадтскомъ пансіонѣ, какъ будто и не замѣчаетъ, что Василій Ивановичъ совсѣмъ сконфуженъ, и давай щебетать, словно канарейка, своимъ звонкимъ голоскомъ: «Хорошая ли погода? Не свѣжій ли сегодня вѣтеръ? Она собирается пройтись немного передъ обѣдомъ. Будетъ ли Василій Иванычъ въ четвергъ на балу въ клубѣ? Конечно будетъ! Она тоже собирается, она будетъ въ новомъ платьѣ изъ китайскаго крепона, rose de chine, что осенью привезъ Макаръ Игнатьевичъ... Вы вѣдь знаете Макара Игнатьевича Подшипникова? Онъ—папинъ товарищъ, механикъ. Подшипниковъ много привезъ прелестныхъ вещей... Катенькѣ Кочерыжкиной подарилъ прехорошенькія бразильскія мушки для серегъ». Она все продолжаетъ щебетать про клубъ, про погоду, про Подшипникова и Катю Кочерыжкину, а Василій Ивановичъ все молчитъ, какъ бревно, да пыхтитъ, взглядывая на Сонечку не то умоляющимъ, не то растерянным взглядомъ. «Да что вы сегодня странный какой, Василій Ивановичъ! Что съ вами?»—спрашиваетъ, наконецъ, Сонечка. Что съ нимъ!? Василій Ивановичъ снова получаетъ даръ слова, чувствуя вдругъ приливъ необыкновенной храбрости.—Вы интересуетесь, Софья Семеновна, знать, что со мной. Интересуетесь? — И, не дождавшись отвѣта, Василій Ивановичъ ставитъ всѣ паруса. Все равно, выхода нѣтъ... Онъ начинаетъ издалека, разсказываетъ, какъ росъ, не зная ласки, оставшись сиротой, какъ тяжело на свѣтѣ безъ привязанности... Служба, конечно, занимаетъ, но служба еще не все... Человѣку другой, болѣе полной жизни хочется...

Что-то вдругъ защекотало у него въ горлѣ отъ нахлынувшаго чувства, умиленный взглядъ затуманился слезой, и онъ снова потерялъ даръ слова, чувствуя потребность въ носовомъ платкѣ и не зная, доставать ли платокъ, или

продолжать. А Сонечка вся притихла, замерла—ждетъ, и съ лица ея сбѣжала улыбка... Василій Ивановичъ между тѣмъ полѣзъ за платкомъ, ищетъ его по карманамъ, а платка нѣтъ—подлецъ вѣстовой забылъ положить!.. И Василій Ивановичъ снова теряется и робѣетъ. Онъ оставляетъ, наконецъ, поиски за платкомъ, предоставляя нѣсколькимъ предательскимъ слезинкамъ упасть на орденъ св. Станислава, одиноко украшавшій его грудь, и съ отвагой отчаянія, безъ дальнѣйшихъ предисловій, объявляетъ, что любитъ давно Сонечку и проситъ быть его женой, обѣщая положить за нее душу.

Проговоривши эти слова, онъ опускаетъ голову, словно подсудимый въ ожиданіи приговора.

Сонечка, какъ водится, слегка ахнула отъ неожиданности (хотя г. Купоросовъ, какъ доброжелательный отецъ, предупреждая дочь—почему Василій Ивановичъ пришелъ въ будній день въ эполетахъ, совѣтовалъ не пренебрегать партіей и не смотрѣть на то, что у Василія Ивановича подгулялъ носъ. «Не съ носомъ, Сонечка, жить, а съ человѣкомъ!»)—потомъ глубоко вздохнула, бросая грустный взглядъ на лысину Василія Ивановича, блестѣвшую крупными каплями пота, и тихо, тихо, точно вмѣсто толстенькаго и кругленькаго Василія Ивановича передъ ней сидѣлъ тяжко больной, съ которымъ нельзя говорить громко,—промолвила: «Благодарю васъ, дорогой Василій Иванычъ, за привязанность. Я всегда уважала васъ, какъ другъ, сестра, но...»

И, вмѣсто окончанія фразы, заплакала.

Тутъ уже Василій Ивановичъ совсѣмъ пришелъ въ себя и сталъ просить прощенія, что смѣлъ огорчить Сонечку. Онъ такъ горячо извинялся, выставляя себя чуть не извергомъ за то, что полюбилъ Сонечку. («Ну, не болванъ ли!»—снова сдѣлалъ Василій Ивановичъ мысленную вставку, вспоминая эти извиненія),—съ такимъ азартомъ упрашивалъ забыть его слова, что Сонечка очень быстро и съ видимымъ удовольствіемъ простила Василія Ивановича, утерла глазки и снова повела рѣчь объ уваженіи и о чувствахъ сестры... Но бѣдному Василію Ивановичу, при всей его добротѣ, однихъ такихъ чувствъ было недостаточно; онъ разсѣянно слушалъ эти утѣшенія, и, убѣдившись, что Сонечка настолько успокоилась, что уже улыбается и снова заводитъ рѣчь о четверговомъ балѣ,—торопился уйти и даже не поцѣловалъ на прощанье друже-

любно протянутой ручки, а только крѣпко, крѣпко ее пожалъ. «Надѣюсь, мы попрежнему останемся друзьями?»— спросила безжалостная Сонечка. Василій Ивановичъ, вмѣсто отвѣта, взглянулъ на Сонечку взоромъ, полнымъ любви, и торопливо вышелъ.

Въ прихожей пришлось однако замѣшкаться. Василій Ивановичъ что-то долго не могъ всунуть руку въ рукавъ пальто и какъ-то глупо улыбался, слушая конфиденціальный шопотъ старика Купоросова, помогавшаго Василію Ивановичу надѣть пальто. Купоросовъ совѣтовалъ не отчаиваться; «Сонечка у меня взбалмошная дѣвчонка, Василій Иванычъ!.. — таинственно говорилъ старый механикъ.—Ума настоящаго нѣтъ, а одна фантазія. Сегодня: «стопъ машина!», а завтра: «полный ходъ впередъ!»—извѣстно, женское вѣдомство!.. Да вы все не туда руку суете, Василій Иванычъ. Ну, вотъ, теперь попали!.. Я, конечно, неволить Сонечку не стану, не мнѣ выходить замужъ, но будьте увѣрены, что я—за васъ, Василій Иванычъ! Быть-можетъ, завтра же вѣтеръ перемѣнится!»— прибавилъ онъ, дружески подмигивая глазомъ и пожимая обѣими руками руку Василія Иваныча. «Да не забывайте насъ, Василій Иванычъ!»—крикнулъ господинъ Купоросовъ уже вдогонку съ крыльца.

Однако, Василій Ивановичъ совсѣмъ пріунылъ, не показывался даже въ клубъ, ходилъ только на вооруженіе фрегата и допекалъ шкипера, требуя для своей фокъ-мачты троса съ иголочки.

Только черезъ мѣсяцъ Василій Ивановичъ собрался навѣстить Купоросовыхъ—узнать, не перемѣнился ли вѣтеръ. Онъ рѣшилъ на этотъ разъ тщательно скрывать отъ Сонечки свои чувства и держать себя такъ, какъ будто отказъ не произвелъ на него большого впечатлѣнія («Чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей!»). Вернувшись съ фрегата, Василій Ивановичъ тщательно пріодѣлся, попрыскался духами, подчесалъ височки и, сказавъ Антонову, что дома чай пить не будетъ, вышелъ изъ офицерскихъ флигелей, насвистывая для храбрости любимый свой мотивъ изъ «Роберта-Дьявола». Ужъ онъ подходилъ къ Галкиной улицѣ, какъ вдругъ увидалъ идущую по другой сторонѣ улицы Сонечку съ мичманомъ Душкинымъ, молодымъ, кудрявымъ, бойкимъ блондиномъ, давно уже возбуждавшимъ въ Василіи Ивановичѣ ревнивыя чувства. Оба они такъ весело, счастливо смѣялись,

такъ дружно и любовно шли рука-въ-руку, что Василій Ивановичъ тотчасъ же пересталъ свистать и хотѣлъ-было постыдно дать тягу, сдѣлавъ «поворотъ оверштагъ» въ ближайшій переулокъ, но, къ сожалѣнію, уже было поздно. Онъ не успѣлъ еще положить «руля на бортъ», какъ Сонечка замѣтила его и, окликнувъ, привѣтливо махнула голубымъ зонтикомъ. Онъ храбро пересѣкъ улицу, снимая издали фуражку, и подошелъ къ молодымъ людямъ. Они какъ-то вдругъ притихли, точно боялись огорчить его видомъ своего неудержимаго счастья. Но счастье такъ и рвалось наружу съ обоихъ этихъ молодыхъ, свѣжихъ, радостныхъ лицъ, озаренныхъ лучами весенняго солнышка, и Василій Ивановичъ сразу почувствовалъ, что «вѣтеръ перемѣнился», но только не для него.

— Вы не къ намъ ли? — защебетала Сонечка. — Такъ папы нѣтъ дома. Онъ сегодня съ первымъ пароходомъ уѣхалъ въ Петербургъ, и мы идемъ на пристань встрѣчать его.—И затѣмъ тихо прибавила:—А вы совсѣмъ насъ забыли, Василій Иванычъ! И поздравить меня не хотѣли!

— Поздравить?! Съ чѣмъ поздравить?—спрашиваетъ упавшимъ голосомъ Василій Ивановичъ.

— Развѣ не знаете? Вѣдь я выхожу замужъ!—прибавляетъ Сонечка, и голосъ ея звучитъ радостно.

Нужно ли спрашивать: за кого? Василій Ивановичъ замѣтилъ, какимъ взглядомъ посмотрѣла Сонечка на молодого мичмана, и самоотверженно поздравилъ невѣсту и жениха.

— Дай вамъ Богъ всего... всего хорошаго, Софья Семеновна!—проговорилъ онъ, пожимая ея руку, и вслѣдъ затѣмъ раскланялся.

— Развѣ вы не съ нами?

— Нѣтъ, нужно зайти въ одинъ домъ!—совралъ Василій Ивановичъ и тихо побрелъ домой.

Бѣлобрысый Антоновъ, отъ нечего дѣлать, тренькалъ на балалайкѣ, сидя у воротъ, когда совершенно неожиданно завидѣлъ возвращавшагося барина. Онъ сразу замѣтилъ, что Василій Ивановичъ «заскучивши», и потому необыкновенно скоро изготовилъ самоваръ.

Долго пѣлъ самоваръ свою жалобную пѣсенку, а Василій Ивановичъ не обращаетъ на него никакого вниманія и ходитъ себѣ взадъ и впередъ по комнатѣ, слегка опу-

стивъ голову и заложивъ за спину руки, словно коротаетъ вахту.

— Прикажете заварить, ваше благородіе,—осторожно спрашиваетъ вѣстовой, высовывая голову въ двери.

Отвѣта нѣтъ. Тогда Антоновъ убираетъ самоваръ и скоро опять вноситъ его шумящимъ на славу. «Вѣрно, теперь онъ его услышитъ!..» Уже стемнѣло, вѣстовой принесъ лампу и въ изумленіи увидалъ, что чай не заваренъ, а Василій Ивановичъ все ходитъ. Облапивъ самоваръ, Антоновъ опять скрывается и черезъ минуту несетъ старенькій байковый халатъ.

— Не прикажете ли халатъ подать, ваше благородіе!— участливо спрашиваетъ онъ, и, получивъ въ отвѣтъ отрицательный кивокъ головой, снова исчезаетъ, нѣсколько смущенный, такъ какъ ему показалось, будто на глазахъ у барина слезы.

Часу въ первомъ ночи Антоновъ опять просунулъ въ двери свою голову, затѣмъ появился весь и уже настойчиво проговорилъ:

— Спать пора, ваше благородіе!

Но Василій Ивановичъ, видѣвшій всѣ продѣлки своего вѣстового, не посылаетъ Антонова къ чорту, а ласково говоритъ:

— Ложись спать, Антоновъ!

Такъ до утра прошагалъ Василій Ивановичъ, передумывая о своей неудачѣ, и, переодѣвшись въ старый сюртукъ, пошелъ въ шестомъ часу утра въ гавань, на фрегатъ..

Теперь вдругъ, вдали отъ родины, Василію Ивановичу почему-то припомнилась вся эта исторія, давно забытая въ служебной сутолокѣ, въ вѣчныхъ заботахъ о клиперѣ. «Зачѣмъ?.. Богъ съ ней, съ этой Сонечкой!.. Онъ, кажется, не особенно исправный человѣкъ, этотъ мичманъ! Перешелъ зачѣмъ-то въ Черное море... увезъ жену!.. Только и есть славы, что умѣетъ нравиться женщинамъ!..»—не безъ досады подумалъ Василій Ивановичъ, закуривая новую папироску.

— И вѣдь второй разъ, однако, отказали!—проговорилъ вслухъ Василій Ивановичъ и продолжительно вздохнулъ не то отъ обиды, не то отъ жары.—«И словно сговорились эти чертенки: обѣ, натянувши ему носъ, предлагали свою дружбу, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ годится лишь въ друзья... Благодарю-съ покорно! Онъ на это не согласенъ... Онъ, если по совѣсти разсудить конечно, не Апол-

лонъ тамъ какой-нибудь, а, все-таки, ничего себѣ мужчина... Разумѣется, ничего себѣ, и даже очень ничего!»— еще разъ мысленно оцѣниваетъ себя Василій Ивановичъ и машинально приглаживаетъ свои щегольскіе рыжіе височки.

«И время еще есть, если на то пошло, чтобы скрасить свое одинокое существованіе!.. Слава Богу, сорокъ лѣтъ— еще не старые годы... Мужчина въ самой порѣ... Что̀ ему помѣшаетъ жениться, по возвращеніи въ Россію, а?.. Онъ будетъ капитанъ-лейтенантомъ; можетъ-быть, и суденышко третьяго ранга дадутъ... Командиръ... Столовыя и все такое... Только не надо, братъ Василій Ивановичъ, «запускать глазенапа» на очень молоденькихъ!.. Надо выбрать какую-нибудь этакую черноглазую, свѣженькую, полненькую (Василій Ивановичъ одобрялъ именно полненькихъ) брюнеточку, съ усиками на губкахъ, съ этакимъ задорнымъ носикомъ, лѣтъ этакъ двадцати пятишести.... Такія дѣвушки тоже имѣютъ свою прелесть и, главное, понимаютъ жизнь, не бросаются на человѣка зря, изъ-за одной только физіономіи, а ищутъ и душу»...

Нѣсколько успокоенный мечтами объ этой проблематической «брюнеточкѣ», съ «усиками на губкахъ», которую онъ полюбитъ по возвращеніи въ Россію, и въ то же время предвкушая удовольствіе, въ ожиданіи «брюнеточки», увидать сегодня же, на берегу, ея, такъ сказать, суррогатъ, въ образѣ каначки, Василій Ивановичъ развязывается съ воспоминаніями и кричитъ повеселѣвшимъ голосомъ:

— Эй, кто тамъ есть! Антонова послать!

— Здѣсь, ваше благородіе!—отвѣчаетъ Антоновъ, подбѣгая на рысяхъ къ Василію Ивановичу.

— Подай-ка, братецъ, закусить чего-нибудь, да бутылку портеру.

— Есть, ваше благородіе!—весело говоритъ Антоновъ, довольный, что баринъ пересталъ «скучить», и съ быстротой расторопнаго вѣстового приноситъ и ставитъ передъ Василіемъ Ивановичемъ его обычную утреннюю закуску: сыръ, хлѣбъ и портеръ...

— Карла Карлычъ! Кончили писать?—кричитъ Василій Ивановичъ, не слыша болѣе скрипа пера изъ докторской каюты.—Не угодно ли портерку?

— Danke schön, Василій Ивановичъ!—откликается докторъ.—Я еще не совсѣмъ готовъ...

— Прислать, что ли, въ каюту стаканчикъ?

— Danke schön, Василій Ивановичъ... Не безпокойтесь... Черезъ четверть часа я буду готовъ и, если позволите, приду выпить стаканчикъ стауту.

— Ладно, Карла Карлычъ!

«Экъ, его, однако, расписало сегодня!»—улыбается Василій Ивановичъ и съ наслажденіемъ проглатываетъ стаканъ любимаго напитка, закусывая кускомъ мягкаго, сочнаго честера.

— Антоновъ! Достань-ка еще бутылочку, да подай стаканъ для Карла Карлыча, а потомъ принесешь мнѣ сигару... Постой... постой!—остановилъ Василій Ивановичъ готоваго бѣжать вѣстового:—сигару мнѣ дашь изъ того ящика, что въ Санъ-Франциско покупали... Знаешь?

— Знаю, ваше благородіе...

— Ну, и молодецъ, что знаешь!—шутитъ Василій Ивановичъ.—Завтра я куплю форсистый платокъ для твоей бабы... Завтра, быть-можетъ, и письмо отъ нея получишь... Что-то давно не было...

— Вѣрно, все, слава Богу, дома благополучно, ваше благородіе!—отвѣчаетъ добродушный Антоновъ со своимъ обычнымъ философскимъ оптимизмомъ и уходитъ изъ каютъ-компаніи, провожаемый ласковымъ взглядомъ Василія Ивановича.

VIII.

Вслѣдъ за короткими сумерками, смѣнившими ослѣпительный блескъ тропическаго дня, темный вечеръ опустился надъ островомъ, скрывъ отъ глазъ, почти внезапно, его роскошную красоту. Тамъ, гдѣ, купаясь въ зелени, бѣлѣлъ городъ, теперь въ темнотѣ замелькали огни. Дома у пристани казались какими-то фантастическими тѣнями неопредѣленныхъ очертаній. Стоявшіе на рейдѣ корабли чернѣли исполинскими силуэтами съ огненными глазами на мачтахъ, которыхъ верхушки терялись во мракѣ. Но рейдъ еще жилъ. Огоньки невидимыхъ шлюпокъ, оставлявшихъ за собою яркій слѣдъ въ видѣ фосфорическихъ лентъ, то и дѣло безшумно скользили взадъ и впередъ по рейду, и гортанная канацкая пѣсня, говоръ и смѣхъ нарушали порой тишину этой нѣжной, волшебной ночи. Потемнѣвшій океанъ попрежнему былъ спокоенъ и дремалъ подъ тихій ропотъ своей переливающейся зыби. Милліоны яркихъ звѣздъ засвѣтились въ темно-синей выси, и

среди нихъ особенно красиво сіяла, испуская нѣжный, тихо льющійся свѣтъ, красавица южнаго неба — звѣзда Креста.

— Экая благодать Господня!—тихо говорятъ матросы, разсыпавшись кучками по палубѣ.

Проспавъ до поздняго вечера тѣмъ крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ, какимъ спалось только на рейдѣ, Василій Ивановичъ собрался, наконецъ, на берегъ, заранѣе пригласивъ Карла Карловича поужинать вмѣстѣ. Докторъ, уѣхавшій на берегъ тотчасъ послѣ обѣда, охотно согласился и обѣщалъ занять для Василія Ивановича хорошенькій номеръ въ гостиницѣ. Карлъ Карловичъ никогда не отказывался отъ ужина съ тонкими винами, особенно если не ему приходилось платить, и любезно исполнялъ роль переводчика, когда у Василія Ивановича «заѣдало», какъ онъ выражался на морскомъ жаргонѣ, при объясненіяхъ на иностранныхъ діалектахъ съ дамами, раздѣлявшими ихъ компанію. Случалось, самъ Карлъ Карловичъ, помогая товарищу, увлекался до того, что забывалъ роль переводчика и говорилъ дамамъ любезности отъ своего лица, оправдывая свою мимолетную невѣрность фрейлейнъ Амаліи соображеніями чисто медицинскаго характера, и Василій Ивановичъ всегда его успокаивалъ, подтверждая соображенія доктора собственной теоріей о необходимости «давать толчки природѣ». Какъ люди солидные, они умѣли держать про себя свои маленькіе секреты и, разумѣется, никогда не разсказывали въ каютъ-компаніи о своихъ ужинахъ; вотъ почему и тотъ, и другой охотно ужинали иногда вмѣстѣ.

Пробило восемь стклянокъ (8 часовъ), когда Василій Ивановичъ, одѣтый въ легкую чечунчу, въ индѣйской каскѣ, обвитой кисеей, и съ тросточкой въ рукѣ, вышелъ наверхъ, распространяя вокругъ себя тонкій ароматъ духовъ.

Вахтенный гардемаринъ проводилъ старшаго офицера до выхода. Два матроса (фалгребные) съ фонарями въ рукахъ освѣщали спусковой трапъ. Простившись съ вахтеннымъ, Василій Ивановичъ быстро спустился къ ожидавшему вельботу.

— Отваливай!—проговорилъ онъ, садясь въ шлюпку.

Послѣ нѣсколькихъ дружныхъ ударовъ веселъ, вельботъ быстро понесся впередъ, разсѣкая воду, подъ равномѣрный, отрывистый всплескъ веселъ и глухой ихъ стукъ

объ уключины. Матросы гребли, какъ артисты своего дѣла. Всѣ семь человѣкъ, какъ одинъ, слѣдуя за «загребнымъ», одновременно откидываясь назадъ, загребали веслами и затѣмъ снова наклонялись впередъ, держа передъ новымъ гребкомъ нѣсколько секундъ неподвижно вывернутыя плашмя лопасти, съ которыхъ брызги воды сыпались въ темнотѣ брильянтами.

— Шабашъ! — тихо скомандовалъ Василій Ивановичъ, любовавшійся все время греблей, когда, минуть черезъ десять, шлюпка приблизилась къ освѣщенной пристани.

Весла словно сгорѣли, и всѣ гребцы сидѣли неподвижно на банкахъ, за исключеніемъ послѣдняго, на посу, который съ крюкомъ въ рукахъ стоялъ наготовѣ остановить разбѣжавшуюся шлюпку. Вельботъ плавно подошелъ къ пристани, не коснувшись ея. Василій Ивановичъ умѣлъ отлично приставать.

— По чаркѣ водки пей завтра за меня, ребята!—весело промолвилъ старшій офицеръ, выскакивая со шлюпки.

— Покорно благодаримъ! отвѣчалъ за всѣхъ загребной, молодой, красивый, здоровый матросъ, ускоренно дыша своей здоровой раскрытой грудью. —Прикажете дожидаться, ваше благородіе?

— Нѣтъ. Поѣзжай, братцы, на клиперъ!

— Дозвольте, ваше благородіе, сбѣгать двоимъ фрухты купить?—попросилъ тотъ же матросъ.

— Купи, купи, братецъ... Только водки, смотри, не покупай...

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Василій Ивановичъ останавливается на набережной, любопытно озираясь.

На набережной оживленіе. Напротивъ пристани два жалкихъ ресторана, и тутъ же, подъ легкими навѣсами изъ широкихъ листьевъ, помѣщаются фруктовыя лавочки, освѣщенныя цвѣтными фонарями.

Живописными группами разсыпались здѣсь гуляющіе: чернокожіе канаки, одѣтые, полуодѣтые и совсѣмъ раздѣтые, съ кускомъ какой-то тряпицы, оноясывающей чресла, каначки, въ своихъ легкихъ, яркихъ тканяхъ, надѣтыхъ на голое тѣло и плотно облегающихъ, обрисовывая формы женскаго торса; англійскіе, французскіе, голландскіе и нѣмецкіе матросы съ китобойныхъ судовъ, часто зимующихъ въ Гонолулу, въ бѣлыхъ рубахахъ, въ

шапкахъ на затылкахъ, съ ножами, висящими на длинныхъ ремняхъ, прикрѣпленныхъ къ поясамъ.

Среди этой толпы идетъ шумный говоръ на всѣхъ языкахъ, и раздается пьяный космополитическій смѣхъ. Матросы-китобои любезничаютъ на разные лады съ развязными и снисходительными шоколадными красавицами, которыя задорно смѣются, показывая свои ослѣпительно-бѣлые зубы. Чудное звѣздное небо, кротко глядящее сверху, и нѣжный, ласкающій вечеръ располагаютъ, повидимому, людей не стѣсняться. И тутъ не стѣсняются. Раздаются звонкіе поцѣлуи и дѣлаются пантомимныя объясненія въ любви, напоминающія первобытнаго человѣка... Понимающія другъ друга пары безъ словъ, при помощи какой-нибудь серебряной монеты, безъ церемоній удаляются, обнявшись, въ темнѣющую въ двухъ шагахъ густую листву, при веселомъ, одобрительномъ смѣхѣ этихъ необыкновенно добродушныхъ, привѣтливыхъ черномазыхъ канаковъ, которыхъ предки не особенно давно съѣли Кука.

Двое матросовъ съ вельбота торгуютъ фрукты у молодой, толстогубой туземки съ ребенкомъ на рукахъ, котораго она кормитъ своей огромной черной грудью. За десяти-центовую монетку каначка даетъ нѣсколько связокъ душистыхъ бананововъ и десятокъ крупныхъ апельсиновъ и не въ счетъ предлагаетъ по апельсину каждому.

— А вѣдь ничего себѣ баба?..—говоритъ молодой загребной, обращаясь къ товарищу.

— Убористая, шельма!..—отвѣчаетъ, смѣясь, товарищъ.

— Ты, молодка, бонъ-баба!—обращается молодой матросъ къ каначкѣ и игриво треплетъ ее по плечу... Требонъ!.. Понимаешь?..

Въ отвѣтъ каначка улыбается, говоритъ что-то на своемъ гортанномъ языкѣ подошедшей старой женщинѣ и отдаетъ ей ребенка.

— Не понимаешь? Вери-гутъ, голубушка! — продолжаетъ матросъ, подмигивая ухарски глазомъ и выпячивая впередъ грудь.

Каначка смѣется и ласково озираетъ молодого, краснощекаго матроса своими большими черными, влажными глазами. Потомъ наклоняется къ нему, гладитъ нѣжно рукой по его лицу и тихо говоритъ, коверкая слова:

— You are very handsome!

И снова смѣется, скаля зубы.

— А вѣдь ты, Николашка, понравился черномазой!— не безъ зависти восклицаетъ его товарищъ.

— А что-жъ?.. Ей-Богу, братецъ, ничего себѣ баба!— хохочетъ Николашка, обхватывая рукой талію шоколадной сирены.

Она, повидимому, довольна авансами матроса. Закрывъ глаза, она вдругъ даритъ своего поклонника долгимъ поцѣлуемъ, затѣмъ отступаетъ назадъ и, указывая рукой вглубь улицы, манитъ его куда-то...

— Пшь ты, шельма!.. Николашка! Она, братъ, приманиваетъ!—смѣется его товарищъ.—Некогда намъ,мамзель! — обращается онъ къ черной красавицѣ.—Ужо жди завтра... моргенъ... какъ на берегъ спустятъ... Понимаешь?

Но каначка ничего не понимаетъ и вопросительно глядитъ на матроса, нѣсколько сконфуженнаго слишкомъ откровеннымъ выраженіемъ ея симпатіи.

Тотъ, въ свою очередь, нѣсколько разъ повторяетъ: «моргенъ» и снисходительно треплетъ ее по спинѣ. Она, кажется, поняла, весело киваетъ головой и суетъ матросу нѣсколько апельсиновъ. Но матросъ не беретъ.

— Однако, адью, черномазая! Моргенъ!- ласково говоритъ Николашка, протягивая на прощанье руку.

Повернувшись, матросы увидали передъ собой Василія Ивановича, который любопытными глазами наблюдалъ за этой сценой. Николашка конфузится. Оба они отдаютъ честь, прикладывая пятерни ко лбу, и топчутся на мѣстѣ.

— Что, ребята, фрукты покупали?

— Точно такъ, ваше благородіе! — отвѣчаетъ Николашка и, принимая вдругъ степенный видъ, прибавляетъ:— Совсѣмъ безстыжій народъ, ваше благородіе... Счастливо оставаться, ваше благородіе... Валимъ, братъ, на вельботъ,—озабоченно обращается онъ къ товарищу, и оба торопливо уходятъ.

Василія Ивановича манитъ широкая, полутемная аллея впереди. Ужинать еще рано, да и грѣшно въ такой дивный вечеръ сидѣть въ комнатѣ—лучше побродить! Онъ освѣдомляется у встрѣчнаго «кантэйна», гдѣ гавайскій отель, чтобы орієнтироваться. Оказывается, что гостиница въ двухъ шагахъ, на набережной, за консульскими домами. Василій Ивановичъ благодаритъ и медленнымъ шагомъ направляется въ аллею.

Гуляющіе встрѣчаются часто. Словно тѣни, мелькаютъ въ темнотѣ людскія фигуры, вдругъ освѣщаемыя, попа-

дая въ полосу рѣдкихъ фонарей вдоль аллей. Тихій говоръ и смѣхъ таинственно разносятся въ воздухѣ. Порой раздается лошадиный топотъ, и при громкомъ смѣхѣ галопируютъ женскія фигуры каначекъ, сидящихъ верхомъ по-мужски. Изъ-за темной листвы мелькаютъ огоньки канацкихъ домиковъ, спрятавшихся среди приземистыхъ, раскидистыхъ банановыхъ деревьевъ и стройныхъ пальмъ. Цвѣтные фонари у пороговъ освѣщаютъ семейную идиллію чернокожихъ семействъ, сидящихъ группами у раскрытыхъ дверей.

Василій Ивановичъ вдыхалъ полной грудью чудный воздухъ, полный раздражающаго аромата юга, и его охватило мечтательное настроеніе съ оттѣнкомъ нѣкоторой игривости.

«Право, эти шельмы каначки вовсе не такъ противны!— прошепталъ онъ, вспоминая молодую торговку фруктами, кокетничавшую съ загребнымъ.— Онѣ куда лучше маласкъ, отъ которыхъ за версту несетъ кокосовымъ масломъ!»

И Василій Ивановичъ продолжалъ бродить наугадъ, вглядываясь въ встрѣчавшихся женщинъ съ любопытствомъ влюбленнаго кота. Онъ заглянулъ въ открытыя двери маленькаго ресторана, гдѣ играли на бильярдѣ капитаны-китобои, окруженные любопытными зрителями-туземцами, зашелъ потомъ подъ навѣсъ какого-то освѣщеннаго сарая и, пробравшись сквозь толпу, смотрѣлъ, какъ танцовали національный танецъ «уле-уле», полный страсти и нѣги, снова вышелъ на воздухъ и попалъ въ какую-то полутемную аллею, готовый на всякія авантюры, приличныя его солидному возрасту...

Нѣжное, заунывное женское пѣніе, раздавшееся вдругъ изъ-за деревьевъ, заставило Василія Ивановича остановиться и повернуть голову. Изъ-за листвы, среди цвѣтныхъ фонарей, повѣшенныхъ на деревьяхъ, выглянулъ маленькій бѣлый домикъ, крытый зеленью, и вслѣдъ затѣмъ на порогѣ показалась темнокожая пѣвунья въ бѣломъ европейскомъ капотѣ, нескромно распахнувшемся на груди.

Василій Ивановичъ любопытно придвинулся поближе, жадными глазами пожирая пѣвицу. Она была не очень черна и походила скорѣй на креолку, чѣмъ на каначку. Черты ея лица показались Василію Ивановичу положительно красивыми. Вдобавокъ, она была стройна, хорошо сложена и достаточно полна.

Пѣніе скоро прекратилось. Перегнувшись съ лѣнивой

граціей, темнокожая дама сорвала бананъ и начала медленно его ѣсть, прикусывая плодъ зубами, сверкавшими изъ-подъ ярко-красныхъ, пышныхъ губъ. Василій Ивановичъ придвинулся еще ближе, не замѣчая, что вступилъ въ полосу свѣта, бросаемаго фонаремъ, и какъ-то усиленно подсапывалъ носомъ, сдерживая дыханіе. Простоявъ нѣсколько минутъ, онъ осторожно попятился назадъ, собираясь уходить, какъ вдругъ тихій, ласковый смѣхъ остановилъ его на мѣстѣ. Неужели она его замѣтила? Онъ взглянулъ на незнакомку. Она привѣтливо наклонила голову въ его сторону, дѣлая граціозный манящій жестъ своей темной оголенной рукой, на которой блестѣла серебряная змѣйка браслета.

Въ первую минуту Василій Ивановичъ оробѣлъ и нерѣшительно топтался на мѣстѣ

— Идите... идите, не бойтесь!—раздался нѣжучій грудной голосъ, медленно выговаривающій англійскія слова, и вслѣдъ затѣмъ прелестная незнакомка лѣнивымъ движеніемъ руки запахнула обнаженную грудь.

Василій Ивановичъ больше не медлитъ. Онъ подходитъ нѣтушкомъ, любезно расшаркивается и млѣетъ въ молчаніи, недоумѣвая, къ кому онъ попалъ.

А дама, ласково улыбаясь, протягиваетъ ему руку и приглашаетъ его, если онъ хочетъ, заглянуть въ ея скромную хижину. Василій Ивановичъ раскланивается въ знакъ полнаго своего согласія, нѣсколько разъ повторивъ выразительно «о, yes!», и вслѣдъ за незнакомкой входитъ въ небольшую, довольно чистенькую комнату съ нѣсколькими плетеными стульями и диваномъ около круглаго стола, съ фотографіями на чисто выбѣленныхъ стѣнахъ, съ большой, пышной кроватью въ углу, задернутой наполовину мустикеркой.

— Пожалуйста, садитесь... Очень рада васъ видѣть...

И съ этими словами дама уходитъ и черезъ минуту возвращается съ тарелкой банановъ и апельсиновъ, которую ставитъ передъ Василіемъ Ивановичемъ, приглашая ихъ отвѣдать.

Затѣмъ опускается на маленькій плетеный диванчикъ напротивъ и спрашиваетъ:

— Вы, должно-быть, голландецъ?.. Китобой?

— Нѣтъ, нѣтъ... Русскій, энергично протестуетъ Василій Ивановичъ, нѣсколько обиженный, что его приняли за голландца, да еще китобоя...

— Русскій? Съ военнаго клипера, который пришелъ вчера?—съ возрастающимъ интересомъ спрашиваетъ незнакомка.

— О, yes! о, yes!—повторяетъ Василій Ивановичъ, все еще не зная, «на какой румбъ ему держать» съ этой гостепріимной и очаровательной дамой.

Дама, между тѣмъ, выражаетъ живѣйшее удовольствіе, узнавъ, что передъ нею русскій офицеръ, и въ доказательство протягиваетъ и крѣпко жметъ руку русскаго офицера. Она встрѣчалась съ русскими. Въ прошломъ году, когда сюда заходилъ корветъ «Vjerny», она познакомилась съ нѣсколькими офицерами... Они очень милые и добрые джентльмены, эти русскіе... совсѣмъ не похожи на тѣхъ страшныхъ людей, которые—какъ ей прежде говорили—живутъ далеко-далеко отсюда, въ странѣ, гдѣ вѣчный холодъ и гдѣ съ людьми обращаются, какъ съ животными. Она теперь знаетъ, что это неправда... Только фамиліи у нихъ такія трудныя, всѣхъ не припомнишь... Впрочемъ, позвольте... Mister Sitnikoff... и еще Mister Bourkoff...—Вы знаете этихъ джентльменовъ?..

— Какъ же, знаю... О, yes!

— Славные эти русскіе офицеры!.. Они выучили меня говорить нѣсколько русскихъ словъ.

И, видимо желая щегольнуть знаніемъ этихъ русскихъ словъ, молодая женщина съ наивной серьезностью, стараясь выговаривать какъ можно яснѣе, произнесла своимъ нѣжнымъ, пѣвучимъ голосомъ нѣсколько самыхъ неприличныхъ словъ изъ русскаго лексикона.

— Ваши офицеры говорили, что это значитъ: «какъ ваше здоровье»?.. Я вѣрно произношу — не правда ли?..

Василій Ивановичъ нѣсколько конфузится и мысленно ругаетъ мистеровъ Ситникова, Буркова и другихъ соотечественниковъ съ болѣе трудными фамиліями, оставившихъ за далекими морями слѣды русскаго просвѣщенія въ такой своеобразной и чаще всего практикуемой моряками формѣ. Не безъ затрудненій объясняетъ онъ на своемъ собственномъ англійскомъ языкѣ, что эти слова означаютъ не то... Она не такъ произноситъ ихъ...

Однако, англійскій языкъ Василія Ивановича понимается дамой, повидимому, не совсѣмъ удовлетворительно, и потому она считаетъ болѣе удобнымъ говорить самой... Она вдова; зовутъ ее Эмми...

— Хорошее имя Эмми!- храбро вставляетъ Василій Ивановичъ.

— Да?.. Вамъ нравится? — улыбается миссисъ Эмми, продолжая сообщать свою автобіографію.

Мужъ ея недавно умеръ... Онъ былъ богатъ, имѣлъ нѣсколько плантацій, но разорился передъ смертью, такъ что она теперь—бѣдная женщина. Она сама не каначка... нѣтъ!.. Она—креолка... Отецъ ея былъ американскій матросъ, давно поселившійся въ Гонолулу, а мать—каначка...

Въ свою очередь и Василій Ивановичъ не совсѣмъ отчетливо понимаетъ темную вдову и частью словами, частью пантомимой проситъ ее спѣть что-нибудь — она такъ хорошо пѣла.

Миссисъ Эмми охотно поетъ нѣсколько пѣсенъ и поетъ ихъ превосходно. А Василій Ивановичъ слушаетъ, склонивъ нѣсколько на бокъ голову и бросая по временамъ умильные взгляды на темно-смуглую красавицу. Она, кажется, замѣчаетъ эти взгляды и ласково улыбается доброй, простодушной улыбкой, открывая при этомъ свои ослѣпительные зубы.

— Нравится вамъ? Это все каначкія пѣсни! -говоритъ она, окончивъ пѣніе.

Пора, однако, уходить, и Василій Ивановичъ поднимается. Ему хочется выразить молодой женщинѣ благодарность за доставленное удовольствіе, хочется извиниться за то, что такъ безцеремонно явился къ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ попросить позволенія еще разъ навѣстить ее; но, къ крайнему его сожалѣнію, запасъ англійскихъ словъ, которыми онъ владѣетъ, оказывается недостаточнымъ, да и знакомыя слова какъ-то плохо складываются въ фразы, такъ что бѣдному Василію Ивановичу вмѣсто горячей рѣчи невольно приходится ограничиться нѣсколькими прилагательными и пантомимами, въ родѣ прикладыванія руки къ сердцу. Покончивъ съ этою трудною частью задачи, Василій Ивановичъ, «волнуясь и спѣша», достаетъ изъ кармана золотую монету, незамѣтно кладетъ ее на окно и окончательно расшаркивается.

Молодая женщина, однако, замѣтила монету и, нѣсколько удивленная, возвращаетъ ее назадъ.

— Не за что! -значительно говоритъ она и какъ-то странно смѣется.

Бѣдный Василій Ивановичъ совсѣмъ сраженъ и не

знаетъ, какъ ему быть... Рѣшительно онъ какой-то неп-тюхъ съ женщинами.

Тогда миссисъ Эмми, словно угадывая мысли Василія Ивановича, промолвила:

— Куда-жъ вы? Развѣ ужъ соскучились со мною?

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—энергично протестовалъ Василій Ивановичъ.—Чортъ его дери, этотъ англійскій языкъ!—невольно прибавилъ онъ по-русски, досадуя, что не можетъ болѣе подробно выразить свои чувства.

Напрасныя заботы! И застланный, томный взглядъ его маленькихъ, еще болѣе сузившихся глазокъ, и достаточно глупая улыбка раскраснѣвшагося лица краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствовали объ его чувствахъ.

И миссисъ Эмми, повидимому, отлично поняла ихъ, потому что подарила Василія Ивановича такимъ ласковымъ взоромъ, что послѣ него Василій Ивановичъ вдругъ пріосанился, выставилъ ножку впередъ и не безъ кокетства сталъ крутить усы, поглядывая на миссисъ Эмми безъ прежней робости.

— Ну, садитесь, дорогой гость. Я вамъ еще спою нѣсколько нашихъ пѣсенъ...

И Василій Ивановичъ остался слушать пѣсни.

Прощаясь черезъ нѣсколько времени съ миссисъ Эмми, Василій Ивановичъ обѣщалъ навѣстить ее на другой день... Она такъ хорошо поетъ!..

— Можно?..—спрашивалъ онъ, ломая англійскій языкъ уже съ меньшимъ стѣсненіемъ.

Разумѣется, можно... Она всегда дома и рада будетъ видѣть такого милаго гостя. Домикъ ея легко найти... стоитъ только спросить миссисъ Эмми... Найдетъ ли онъ дорогу въ гостиницу? Она проведетъ его до ближайшей улицы.

Они вышли вмѣстѣ, отлично теперь понимая другъ друга. На поворотѣ они остановились. Миссисъ Эмми указала, куда идти, подарила на прощанье звонкій поцѣлуй и скрылась въ темнотѣ, крикнувъ ему вслѣдъ слово: «душенька!», которому успѣлъ уже ее выучить Василій Ивановичъ, пожелавшій, въ свою очередь, пріобщить прелестную туземку къ отечественному языкознанію.

Съ видомъ побѣдителя, весело мурлыкая себѣ подъ носъ какой-то мотивъ, шелъ Василій Ивановичъ къ огонькамъ фонарей, мелькавшихъ на набережной. «Кто могъ

ожидать, что наклюнется такое приключеніе... Эта Эмми очень недурна... Очень! То-то Карла Карлычъ удивится, когда узнаетъ!»

Вотъ и гостиница, освѣщенная среди темнаго сада съ высокими деревьями, на которыхъ дрожитъ свѣтъ огней.

— Эка, какъ славно въ саду!— говоритъ Василій Ивановичъ, направляясь къ открытымъ настежь дверямъ.

Смуглолицый, сухощавый, подвижной старикъ-французъ съ коротко-остриженной сѣдой головой и горбатымъ носомъ, сидѣвшій въ конторѣ, радушно привѣтствовалъ Василія Ивановича и тотчасъ же произвелъ его въ капитаны. Взявъ ключи и лампу, онъ повелъ Василія Ивановича по устланной коврами лѣстницѣ во второй этажъ и не умолкалъ ни на секунду, знакомя Василія Ивановича вкратцѣ съ главнѣйшими эпизодами своей бурной эпопеи. Когда онъ ввелъ «капитана» въ прохладный, роскошный номеръ въ концѣ коридора, Василій Ивановичъ уже зналъ, что этотъ уроженецъ Аркашона, дезертировавшій въ 1826 году отъ военной службы въ Америку, былъ сперва парикмахеромъ въ Нью-Іоркѣ, затѣмъ помощникомъ капитана и капитаномъ китобойной шкуны, далѣе извозчикомъ въ Сиднеѣ, золотоискателемъ въ Калифорніи, поваромъ его величества гавайскаго короля Камеамеа и въ настоящую минуту состоитъ хозяиномъ гавайскаго отеля.

— Чѣмъ могу служить господину капитану?— любезно заключилъ онъ, подавая Василію Ивановичу карту...

Василій Ивановичъ проголодался послѣ прогулки. Просматривая названія блюдъ, онъ сладко причмокивалъ сочными губами. Сперва омары, соусъ poivrade, а дальше? И ростбифъ, и телячьи котлеты, и дикая коза одинаково дразнили его аппетитъ. Изъ затрудненія его вывелъ все тотъ же веселый, словоохотливый гасконецъ, попросивъ позволеніе составить меню хорошенькаго ужина... Сперва омары, затѣмъ онъ дастъ телячью котлету, кусочекъ дикой козы, зелень, сладкій тортъ, фрукты и сыръ... А какое угодно вино?.. Сперва красное, не правда ли?..

— Нѣтъ, мы будемъ пить шампанское...

— Одно шампанское? Отлично! Господа русскіе имѣютъ хорошій вкусъ и любятъ это благородное вино прекрасной Франціи!—съ чувствомъ воскликнулъ гасконецъ, вспомнивъ родину.

Онъ можетъ порекомендовать настоящее шампанское, а

не ту дрянь, что̀ фабрикуютъ эти собаки-янки въ С.-Франциско... Такъ къ десяти часамъ ужинъ будетъ поданъ въ комнату, для двухъ персонъ, и шампанское заморожено. Вѣрно, скоро придетъ и другъ господина капитана, этотъ ученый докторъ въ золотыхъ очкахъ, а въ ожиданіи—не позволитъ ли господинъ капитанъ предложить чего-нибудь прохладительнаго?

— Пожалуй!—согласился Василій Ивановичъ.

— Какого вы мнѣнія насчетъ cherry coblar, капитанъ? Или вы, какъ морякъ, предпочтете коньякъ съ содовой водой? Нѣтъ? Такъ cherry coblar! Это, пожалуй, лучше! Сію минуту вы его получите!—прибавилъ хозяинъ и, наконецъ, откланялся.

Чрезъ нѣсколько минутъ Василій Ивановичъ уже «кейфовалъ», беззаботно растянувшись въ просторномъ лонгъ-шэзѣ у раскрытаго окна и потягивая черезъ соломинку холодный напитокъ. Темная, звѣздная ночь обдавала его своимъ нѣжнымъ, теплымъ дыханіемъ, навѣвая лѣнивыя грёзы о гонолульскомъ «розанчикѣ». Кругомъ стояла тишина. Только снизу доносились звуки шумнаго говора, и порой рѣзкія русскія восклицанія отчетливо врывались въ окно.

— Это, вѣрно, фендрики наши шумятъ! — проговорилъ Василій Ивановичъ, улыбаясь сочувственной доброй улыбкой.

IX.

Дѣйствительно, человѣкъ восемь «фендриковъ», какъ, шутя, называлъ Василій Ивановичъ гардемариновъ и кондукторовъ, изрядно-таки шумѣли, собравшись въ одномъ изъ номеровъ нижняго этажа. Ужинъ былъ окончѣнъ, но бутылки еще не были допиты. Только-что принялись за кофе съ коньякомъ и закурили манилки. Разговоры стали оживленнѣе и шумнѣе. Дѣлились впечатлѣніями проведеннаго дня, мечтали о скоромъ полученіи приказа, который дастъ желанные мичманскіе эполеты, и, какъ водится, перемывали косточки адмиралу, вспоминая, какъ онъ «разносилъ» во время своего короткаго плаванія на клиперѣ.

Когда анекдоты объ адмиралѣ были исчерпаны, кофе выпитъ и кто-то послѣ шампанскаго потребовалъ нѣсколько бутылокъ эля, заговорили о морской службѣ—этой любимой темѣ споровъ юныхъ моряковъ, для кото-

рыхъ морская профессія еще полна была заманчивой прелести, помимо служебныхъ надеждъ и мечтаній.

— Служба наша, господа, тѣмъ хороша, что закаливаетъ характеръ, пріучаетъ къ самообладанію, даетъ широкій просторъ власти,—возбужденно заговорилъ Непенинъ, прозванный еще въ корпусѣ «Юлкой» за умѣнье очаровывать начальство,—маленькій, чистенькій, кудрявый брюнетъ, съ первымъ пушкомъ на румяныхъ щекахъ и бойкими смѣющимися глазами, оживлявшими его красивое лицо.—Прелесть плаванія не въ томъ, чтобы любоваться природой... это все вздоръ!—вызывающе прибавилъ онъ съ напускнымъ презрѣніемъ къ этому «вздору», бросая взглядъ на сосѣда.

— Что!? Вздоръ!? Природа—вздоръ!?—вдругъ сорвался его сосѣдъ, гардемаринъ съ «задорнымъ вихоркомъ», допекавшій стараго артиллериста Ѳому Ѳомича за его «допотопные взгляды», отчаянный спорщикъ и добрѣйшій малый.—Ты послѣ этого Юлка...

— Сидоровъ! Не перебивай... Дай Юлкѣ докончить!—закричали со всѣхъ сторонъ.

— Я ему не дамъ говорить... Пусть онъ прежде откажется отъ своихъ словъ!..

— А еще либералъ!—насмѣшливо замѣтилъ Непенинъ.—Восхищаешься англійскимъ парламентомъ и не даешь слова сказать!

Этотъ аргументъ оказываетъ на Сидорова чарующее дѣйствіе.

— Ну, чортъ съ тобой, говори, говори! Я послѣ тебѣ докажу, что ты глупъ, если природа—вздоръ!—не безъ досады замѣчаетъ Сидоровъ.

— Докажешь!? Ты только умѣешь ругаться какъ боцманъ, а не доказывать!..—раздраженно кинулъ Непенинъ въ досадѣ, что его перебили..—Да, господа, вся прелесть морской службы именно въ торжествѣ ума, энергіи и власти... Развѣ не заманчиво, чортъ возьми, быть командиромъ какого-нибудь красавца-клипера, а? Штормъ... дьявольскій штормъ... Клиперъ подъ зарифленнымъ фокомъ, штормовой бизанью и форстеньги-стакселемъ... Ты стоишь на мостикѣ и только покрикиваешь рулевымъ: «Право! Лѣво! Одерживай!» Развѣ не наслажденіе сознавать, что все зависитъ отъ тебя, отъ твоего умѣнья, отъ твоей воли, что всѣ, начиная съ послѣдняго матроса и кончая старшимъ офицеромъ,—лишь безпрекословные исполнители и

ничего болѣе. Одинъ ты отвѣчаешь за все и за всѣхъ... Ты—царь на своей палубѣ!—восторженно восклицалъ юноша, слегка возбужденный виномъ и своими завѣтными мечтами.

— А главное, Юлка, отличное содержаніе у капитана. Можно откладывать!—неожиданно вставилъ внимательно слушавшій Непенина плотный, коренастый, скромнаго вида молодой человѣкъ.

Взрывъ хохота огласилъ комнату. Юлка презрительно взглянулъ на товарища.

— Ну, ты, Нефедка, извѣстный «копчинка».*) Тебѣ въ банкиры идти... Тутъ не въ содержаніи дѣло, а въ идеѣ власти... Понимаешь? И-де-я си-лы, власти! Разумѣется, дисциплина должна быть настоящая... Стро-жайшая!.. Безъ этого невозможно... Не даромъ законъ разрѣшаетъ капитану въ исключительныхъ случаяхъ повѣсить ослушника... Сентиментальности тутъ по-боку!...

Сидоровъ уже давно, въ порывѣ негодованія, сдѣлалъ изъ своего вихорка какую-то сосиску, но уваженіе къ англійскому парламенту сдерживало его нетерпѣніе задать Юлкѣ «ассаже». Но, несмотря на пристрастіе къ парламентскимъ нравамъ, долѣе онъ терпѣть не могъ и воскликнулъ;

— Юлка! Ты порешь дичь въ родѣ Ѳомы Ѳомича... Нѣтъ! Хуже!.. хуже еще!.. Сила власти!.. Дисциплина!.. Ахъ ты, ретроградина! Не желаешь ли ты, ради дисциплины, возстановить кошки, а? -гремѣлъ, снова распуская свой вихоръ, Сидоровъ...—Мало ему еще дисциплины... Надо «строжайшую»!? Ишь, какой Наполеонъ на клиперѣ нашелся!.. Того и гляди, господа, обгонитъ онъ насъ всѣхъ по службѣ—не даромъ онъ Юлка—сдѣлается капитаномъ и кого-нибудь изъ насъ да повѣситъ!.

— И повѣшу, если нужно будетъ!— вызывающе крикнулъ Юлка, сверкая глазами.

— Ради идеи власти или ради карьеры? -ядовито протянулъ Сидоровъ.

— И тебя перваго, Сидоровъ, повѣшу! Тебя перваго, если ты попадешь ко мнѣ подъ начальство и не исполнишь моего приказанія! — проговорилъ, задыхаясь и злясь, Юлка.—Не посмотрю, что ты товарищъ, а вздерну на фокарею!

---

*) «Копчинка» — скупой.

— Но прежде все-таки получишь въ рожу, Юлка! Вѣрь совѣсти!

Всѣ за столомъ расхохотались.

Не смѣялся только блѣднолицый, долговязый блондинъ, сидѣвшій у окна, положивъ свою большую бѣлобрысую голову на ладони и, казалось, погруженный въ созерцаніе звѣздъ, сверкающихъ на небѣ. При послѣднихъ словахъ Юлки лицо молодого человѣка омрачилось. Онъ поднялся съ мѣста и медленно направился къ столу.

Это былъ Лѣсовой, давно прозванный «Мечтателемъ». Въ его юношескомъ худощавомъ, нѣжномъ лицѣ дѣйствительно было что-то задумчиво-мечтательное, оправдывавшее кличку, особенно въ сосредоточенномъ взглядѣ большихъ сѣрыхъ глазъ. Онъ пользовался среди товарищей авторитетомъ правдивой души и былъ любимцемъ матросовъ; онъ постоянно «лясничалъ» съ ними и читалъ имъ книжки. За то въ столкновеніяхъ съ начальствомъ онъ напускалъ на себя суровую холодность заправскаго кадета, но былъ исправный служака, страстно любилъ море и еще въ корпусѣ мечталъ о путешествіяхъ и объ открытіи полюса.

— Ты, Юлка, пьянъ и врешь на себя!—тихо проговорилъ онъ при наступившемъ молчаніи.—Развѣ можно и въ шутку говорить такія вещи?!

— Юлка не пьянъ... Юлка ничего не пилъ!.. вставилъ Сидоровъ.

— У каждаго, братъ, свои убѣжденія!—уклончиво отвѣчалъ Юлка, нѣсколько притихая передъ этимъ серьезнымъ взглядомъ Мечтателя.

— Повѣсить!? съ укоромъ проговорилъ тотъ, и при этомъ чувство страха и отвращенія исказило его черты.

Онъ остановился на секунду и продолжалъ:

— Ударить матроса, и то... отвратительно, а ты: «повѣсить»!

— А если у тебя на суднѣ бунтъ?—вдругъ задалъ вопросъ Юлка.

— Бунтъ?—переспросилъ Лѣсовой съ такой серьезностью, точно и въ самомъ дѣлѣ онъ очутился въ несчастномъ положеніи капитана, у котораго на кораблѣ свирѣпствуетъ возмущеніе.

— Ну да, бунтъ, форменный бунтъ! Ужъ боцмана просвистали: «Пошелъ всѣ наверхъ, командира за бортъ

кидать!»—а ты сидишь въ каютѣ и... мечтаешь!—иронически прибавилъ Юлка, взглядывая съ насмѣшливой улыбкой на Мечтателя.

И всѣ юные моряки, оставивъ стаканы недопитыми, уставились на Лѣсового.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ поступитъ человѣкъ, котораго собираются немедленно швырнуть въ море?

Въ виду такой перспективы казалось вполнѣ естественнымъ, что Мечтатель на минуту задумался.

— У Лѣсового не можетъ быть бунта!—воскликнулъ Сидоровъ, видимо болѣе всѣхъ сочувствовавшій затруднительному положенію товарища и не желавшій, чтобы такой хорошій человѣкъ, какъ Лѣсовой, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ насилію.—Противъ него никогда не взбунтуются! Ты, Юлка, напрасно думаешь смутить его своимъ дурацкимъ вопросомъ.

— Постой, Сидоровъ!—остановилъ Лѣсовой своего защитника...—Я ему отвѣчу... Я согласенъ, что мной недовольны и меня хотятъ бросить за бортъ... Но кто виноватъ, что матросы взбунтовались? Разумѣется, одинъ я... Понимаешь ли, Юлка, я!—говорилъ Мечтатель тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія въ его виновности.—А если виноватъ я и если я не окончательный подлецъ, то неужели я еще долженъ наказывать людей за свою вину?.. Вѣдь надо сдѣлать много гнуснаго, чтобы довести людей до бунта..

— Не въ томъ вопросъ: кто виноватъ... Я спрашиваю: какъ ты поступишь?—торопилъ Юлка.

— Да, да... Какъ ты поступишь?..—раздались нетерпѣливые голоса.

— Трудно сказать, какъ я поступлю, но думаю, что выйду на верхъ и брошусь въ море прежде, чѣмъ меня кинутъ за бортъ... Смерть лучше жизни, обагренной кровью другихъ!..—медленно, словно бы въ раздумьѣ, проговорилъ юноша.

Признаться, ни одинъ изъ слушателей не ожидалъ, что Лѣсовой выйдетъ изъ положенія столь трагическимъ образомъ. Такой исходъ, видимо, не удовлетворилъ молодыхъ моряковъ.

— Ты могъ бы уговорить матросовъ!—предложилъ поправку Сидоровъ.—Ты бы сказалъ имъ рѣчь...ну, объяснилъ бы, что впередъ будешь обращаться съ ними лучше...

— Арестовалъ бы зачинщиковъ...—подсказывали другіе...

— Еще короче—повѣсить одного для спасенія всѣхъ! — замѣтилъ Непенинъ.

— Юлка, Юлка, какъ тебѣ не стыдно!—крикнулъ Лѣсовой, бросая на товарища взглядъ, полный сожалѣнія и укора, и оставшись, повидимому, при своемъ рѣшеніи броситься въ море, пожалъ плечами и отошелъ отъ стола на прежнее мѣсто, не считая нужнымъ говорить болѣе.

— Ты... извѣстный Мечтатель! Тебѣ нельзя быть капитаномъ!—усмѣхнулся Непенинъ.

А тебѣ можно? — поддразнилъ Сидоровъ. — Потерпи немножко, Юлка! Сперва отзвони мичманомъ лѣтъ пять, потомъ лейтенантомъ лѣтъ десять, и тогда мечтай о томъ, какъ будешь заводить строжайшую дисциплину!.. Только къ тому времени такихъ ретроградовъ, пожалуй, будутъ выгонять въ отставку... Или ты тогда въ либералы обратишься?

— Во всякомъ случаѣ постараюсь звонить меньше, чѣмъ ты...

— Дудки! Раньше не произведутъ! Возьми хоть нашего Чистоту Иваныча! Сколько лѣтъ звонилъ, пока сдѣлался старшимъ офицеромъ...

— Нашелъ, кого привести въ примѣръ... Чистоту Иваныча! Ему никогда не выдвинуться... Онъ порядочная дура для того—Чистота Иванычъ!—презрительно воскликнулъ Непенинъ.

Всѣ вступились за Василія Ивановича. Положимъ, онъ большой педантъ и старыхъ взглядовъ, но онъ славный и добрый. Особенно взволновался отзывомъ Непенина Мечтатель. Хотя онъ и находился съ Василіемъ Ивановичемъ въ натянутыхъ, чисто официальныхъ отношеніяхъ и недавно еще «развелъ» съ нимъ, за что посаженъ былъ на салингъ, тѣмъ не менѣе онъ горячѣе всѣхъ защищалъ старшаго офицера.

Очевидно, сдерживая свое негодованіе, онъ значительно проговорилъ, оканчивая свою защиту:

— Каковъ бы ни былъ Василій Иванычъ, не тебѣ бы, Юлка, такъ презрительно о немъ отзываться!

Юлка промолчалъ, взглянувъ на блѣдное, взволнованное лицо Лѣсового. Потомъ посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ:

— Однако, пора на клиперъ! Я обѣщалъ Кошкина смѣ-

нить въ 10 часовъ... Лѣсовой! Заплати за меня, что слѣдуетъ!..

И съ этими словами, нѣсколько сконфуженный, вышелъ изъ комнаты.

Вслѣдъ за нимъ незамѣтно ушелъ и Лѣсовой.

Слова «порядочная дура» отчетливо донеслись до Василія Ивановича и на секунду его ошеломили. Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Какъ!? Неужели это голосъ его любимца, голосъ Непенина, къ которому онъ относился съ нѣжностью старшаго брата, съ заботливой лаской одинокаго человѣка, искавшаго привязанности? Неужели о немъ такъ презрительно отозвался этотъ юноша, платившій, казалось, привязанностью за привязанность и выказывавшій всегда особенное расположеніе въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ? Значитъ, все это была ложь... одна ложь!.. Нѣтъ, это не его голосъ! Такая испорченность невозможна въ мальчикѣ...

— Не можетъ-быть! — шепталъ Василій Ивановичъ, стараясь себя обмануть.

Онъ поднялся, чтобы поскорѣе захлопнуть окно, боясь новой обиды, какъ вдругъ подъ окномъ раздались голоса, и Василій Ивановичъ, чтобъ не быть замѣченнымъ, снова опустился въ кресло.

— Я не хотѣлъ объясняться съ тобой при товарищахъ, Юлка! Намъ нужно объясниться! — сказалъ Лѣсовой.

— По поводу чего? — нетерпѣливо проговорилъ Непенинъ.

— Ты понимаешь... по поводу твоей выходки противъ Василія Иваныча. Скажи — мнѣ нужно знать: ты отозвался о немъ такъ презрительно ради краснаго словца, или таково твое мнѣніе?..

— Разумѣется, мое мнѣніе...

— Такъ почему ты такъ хорошъ съ Василіемъ Иванычемъ!? Я до сихъ поръ думалъ, что ты любишь и уважаешь его... ну, тогда ваши отношенія понятны... Но развѣ можно оказывать расположеніе человѣку, пользоваться его дружбой, занимать у него деньги, хвалить въ глаза его педантизмъ и за глаза отзываться съ презрѣніемъ?! Значитъ, ты все время лицемѣрилъ съ нимъ, Юлка! А вѣдь я знаю, Василій Иванычъ искренно тебя любитъ...

— Это еще что за инквизиція? — перебилъ Непенинъ.

— Это необходимо... Я, Юлка, былъ съ тобой друженъ... Я не вѣрилъ, когда товарищи обвиняли тебя въ пролазни-

чествѣ... Я всегда защищалъ тебя, ты знаешь... Мнѣ, правда, не нравились твои честолюбивыя идеи, твое самолюбіе, твое желаніе выставиться передъ адмираломъ, твои отношенія къ матросамъ, полныя пренебреженія, но ты умный человѣкъ, Юлка, я многое прощалъ тебѣ и думалъ, что ты самъ поймешь свои недостатки и избавишься отъ нихъ... Я думалъ, что ты иногда рисуешься, напуская на себя безсердечіе... Но теперь... Послушай, Юлка, мнѣ тяжело говорить, но я долженъ... Ты обманываешь людей...

Если бы Лѣсовой, говорившій свою филиппику съ горячностью и негодованіемъ правдивой оскорбленной души, могъ видѣть жесткую, презрительную улыбку, искривившую губы его нетерпѣливаго слушателя, онъ навѣрное замолчалъ бы съ первыхъ же словъ. Но темнота не позволяла ему видѣть лица Непенина, и потому Мечтатель, вѣровавшій, какъ и всѣ мечтатели, въ чужую совѣстливость, продолжалъ:

— Послушай, Юлка!.. Ты поступаешь... скверно; вѣдь играть людьми подло! Я понимаю: тяжело сознаться въ подлости, но лучше сознаться, чѣмъ продолжать двойную игру... Ты обязанъ завтра же откровенно объясниться съ Василіемъ Ивановичемъ. Пусть, по крайней мѣрѣ, онъ не заблуждается на твой счетъ.

— То-есть, придти и сказать ему: «Василій Иванычъ! Вы добродушный дуракъ, влюбленный въ чистоту и гоняющійся за пустяками, созданный для того, чтобы работать, какъ волъ, и оставаться въ тѣни!» Очень остроумно придумано... Спасибо за умный совѣтъ! — проговорилъ Непенинъ съ насмѣшкой.

— Ты, значитъ, отказываешься?—сухо спросилъ Лѣсовой.

— А ты думалъ, послушаюсь тебя и разыграю болвана? Благодарю! Я проживу и своей головой и буду пользоваться дураками, какъ мнѣ вздумается, не отдавая никому отчета!

— Въ такомъ случаѣ, съ этого момента наши отношенія кончены... Мы болѣе не говоримъ!—промолвилъ медленнымъ, грустнымъ голосомъ Мечтатель.—Можешь, какъ угодно, объявить товарищамъ нашъ разрывъ. Я никому ни слова не скажу о причинѣ!—прибавилъ онъ.

Въ саду раздались звуки шаговъ по песку, и все стихло.

Василій Ивановичъ поникъ головой и какъ-то весь

съежился въ креслѣ. Нѣсколько времени онъ сидѣлъ неподвижно...

«Господи! сколько подлости въ этомъ мальчикѣ!—наконецъ, прошепталъ онъ.—А этотъ Лѣсовой... какая разница! А я еще считалъ его холоднымъ, скрытнымъ, сухимъ и нерѣдко придирался къ нему!»—вдругъ вспомнилъ Василій Ивановичъ.

Безсердечный, сухой эгоистъ—его любимецъ, этотъ «открытый, симпатичный» Непенинъ, какимъ считалъ его до этой минуты Василій Ивановичъ. Хорошъ симпатичный юноша!..

И чувство обиды, разочарованія и сожалѣнія охватило правдивую, безхитростную душу Василія Ивановича, забывшаго и объ ужинѣ, и о cherry coblar, и о миссисъ Эмми.

X.

— Вы понимаете, Василій Ивановичъ, какая исторія!—восторженно восклицалъ Карлъ Карловичъ, уписывая за обѣ щеки салатъ изъ омаровъ.—И тутъ апельсины, и тамъ апельсины... Вездѣ апельсины и апельсины! О, это очень красиво было смотрѣть, Василій Ивановичъ... Вамъ непремѣнно надо поѣхать... Да!.. Итакъ, мы все ѣхали, ѣхали и весело разговаривали, пока не пріѣхали къ одному... къ одному... Ахъ, какъ это по-русски?..

И Карлъ Карловичъ, всегда любившій обстоятельно и подробно передавать свои впечатлѣнія, остановился на срединѣ рѣчи, досадуя, что не можетъ пріискать соотвѣтствующаго выраженія.

— Къ озеру, что ли?—наобумъ подсказалъ Василій Ивановичъ.

— Ахъ, нѣтъ! Какое озеро!—возразилъ съ досадой Карлъ Карловичъ.—Ну, однимъ словомъ, узкое такое мѣсто... Ну, да... Ущелье!—воскликнулъ Карлъ Карловичъ, обрадованный, что нашелъ слово.—Ну, мы пріѣхали къ ущелью...

— А дальше что было?

— Дальше, Василій Ивановичъ, вообразите себѣ, за этимъ ущельемъ сейчасъ крутой обрывъ. И мы всѣ вышли туда смотрѣть это историческое мѣсто, Василій Ивановичъ... Много лѣтъ тому назадъ... Я позабылъ, сколько именно лѣтъ тому назадъ, хотя проводникъ и говорилъ намъ, но я забылъ... Такъ много лѣтъ тому назадъ, Ва-

силій Ивановичъ, была здѣсь война... гражданская война... Одни хотѣли одного короля, другіе хотѣли другого короля... И вотъ, одни канаки загнали другихъ канаковъ въ это ущелье, и давай ихъ съ обрыва внизъ... Очень нехорошо... Бррр!.. Прямо въ море... Вы понимаете, какая исторія?—снова повторилъ докторъ свое любимое выраженіе, употребляемое имъ кстати и не кстати.

Карлъ Карловичъ остановился, подложилъ себѣ еще омаровъ, проговорилъ: «Очень вкусные омары!»—и продолжалъ свой обстоятельный, подробный и скучный разсказъ о томъ, какъ они поѣхали назадъ и какъ опять видѣли «и тутъ и тамъ, и вездѣ апельсины».

Василій Ивановичъ, обыкновенно кушавшій съ наслажденіемъ обжоры, смакуя куски, на этотъ разъ лѣниво ковырялъ вилкой, разсѣянно слушая увлеченнаго своимъ разсказомъ Карла Карловича. Противъ обыкновенія, онъ то и дѣло подливалъ себѣ и доктору вина, потягивая бокалъ за бокаломъ.

— А что же вы, Василій Ивановичъ?—вдругъ спросилъ Карлъ Карловичъ, широко раскрывая глаза при видѣ пустой тарелки Василія Ивановича.

— Не хочется что-то...

— Не хочется?—удивился Карлъ Карловичъ.—Что это значитъ? У меня такъ послѣ прогулки недурной аппетитъ!—прибавилъ докторъ и стыдливо посмотрѣлъ на свою тарелку, словно бы извиняясь за свой аппетитъ.

— Кушайте, кушайте на здоровье, Карла Карлычъ! Да что-жъ вы не пьете?.. Давайте-ка вашъ бокалъ...

— Danke schön, Василій Ивановичъ! За ваше здоровье! Но отчего это у васъ нѣтъ аппетита? У васъ всегда былъ прекрасный аппетитъ, Василій Ивановичъ...

И, принявъ серьезный докторскій видъ, онъ поправилъ очки, внимательно посмотрѣлъ на Василія Ивановича и впервые замѣтилъ озабоченное, подавленное выраженіе его лица.

— Гм... гм... Я вижу, вы не совсѣмъ въ духѣ, Василій Ивановичъ, э!.. Что съ вами?—спросилъ онъ съ участіемъ.

— Такъ что-то... Плохо, должно-быть, выспался послѣ обѣда, Карла Карлычъ!—уклончиво отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

Но Карлъ Карловичъ, въ качествѣ пріятеля, искренно расположеннаго къ Василію Ивановичу, не могъ, разумѣется, оставить его въ покоѣ. Онъ снова пытливо но-

смотрѣлъ на него и послѣ минутнаго молчанія спросилъ:

— Ничего не болитъ?

— Нѣтъ...

— Такъ это не то, Василій Ивановичъ... это не оттого, что вы плохо выспались. Съ вашего позволенія, я скажу вамъ, отчего у васъ нѣтъ аппетита и почему вы не совсѣмъ въ духѣ.

— Отчего же?..

— Вы, Василій Ивановичъ, засидѣлись на клиперѣ и очень давно не были на берегу. Вы понимаете, какая исторія?—прибавилъ Карлъ Карловичъ и добродушно подмигнулъ глазомъ...—Вамъ необходимо, Василій Ивановичъ, какъ вы выражаетесь, дать маленькій толчокъ природѣ... Вотъ что я посовѣтую вамъ, какъ докторъ, Василій Ивановичъ!

И, сдѣлавъ это открытіе, Карлъ Карловичъ засмѣялся веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ, посматривая изъ-подъ очковъ торжествующимъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ: «Меня вы, Василій Ивановичъ не проведете. Я понимаю, отчего вы не въ духѣ!»

— Офицеры говорили, что здѣсь, въ гостиницѣ, одна дама изъ С.-Франциско живетъ... Очень, очень красивая американка! Вы понимаете, какая исторія, Василій Ивановичъ!—таинственно проговорилъ докторъ.

Но, къ удивленію Карла Карловича, эта «исторія» не произвела на Василія Ивановича того оживляющаго дѣйствія, какое на него обыкновенно производили подобныя конфиденціальныя сообщенія. Онъ, правда, невольно улыбнулся прозорливости Карла Карловича, но разговора о красивой американкѣ не поддержалъ, а снова налилъ себѣ и доктору вина и сказалъ:

— Дадимъ другой толчокъ природѣ—выпьемъ, Карла Карлычъ! Это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тоже не вредно... Какъ у васъ на этотъ счетъ въ медицинѣ, а?..

— И это не вредно... Ха-ха-ха!.. А все-таки... прехорошенькая американка!

— Ваше здоровье, Карла Карлычъ! Тамъ видно будетъ!

Когда подали десертъ и еще двѣ бутылки шампанскаго, Василій Ивановичъ и Карлъ Карловичъ были, что называется, «на второмъ взводѣ». Василій Ивановичъ пребывалъ въ молчаливой меланхоліи, а Карлъ Карловичъ уже совсѣмъ расчувствовался и, окончивъ разсказъ о

прогулкѣ, замечталъ вслухъ на любимую свою тему—о будущемъ своемъ счастіи...

— Еще одинъ годъ, Василій Ивановичъ, и я, Карлъ Карловичъ фонъ-Шенгутъ, буду счастливый человѣкъ!—воскликнулъ, въ порывѣ телячьяго восторга, Карлъ Карловичъ, наливая себѣ по этому случаю еще бокалъ...—Отличное шампанское!.. Ваше здоровье, Василій Ивановичъ! Вы превосходный человѣкъ, Василій Ивановичъ, и я васъ очень много уважаю... Да!.. Это я всегда скажу и въ глаза, и за глаза... безъ фальши... Главное, вы—справедливый человѣкъ, и я... справедливый человѣкъ... Мы оба справедливые человѣки.—Вы любите, чтобы всегда чистота и порядокъ, и я люблю, чтобы всегда чистота и порядокъ... Да... И вы благородно съ людьми обращаетесь... вотъ что... Матросы васъ любятъ и тоже говорятъ, что вы—справедливый человѣкъ... Да... И съ вами пріятно служить, Василій Ивановичъ, за то, что вы намъ прекрасный товарищъ.... Вашу руку, Василій Ивановичъ!

Онъ пожалъ протянутую руку и продолжалъ:

— И когда вы пожалуете ко мнѣ въ Кронштадтъ, въ мою скромную квартиру, Василій Ивановичъ, я васъ тоже угощу отличнымъ обѣдомъ. Амальхенъ—отличная хозяйка, и у насъ будетъ много-много шампанскаго, и Амальхенъ не будетъ жалѣть... Ахъ, что это за благородная дѣвушка, моя милая Амальхенъ, Василій Ивановичъ!.. Ну, да вы хорошо знаете, какая это дѣвушка, Василій Ивановичъ!.. Помните, какъ въ послѣднемъ письмѣ она пишетъ: «Не отказывай себѣ въ удовольствіяхъ, дорогой Карлъ! Не стѣсняйся тратить на себя, милый Карлъ!» А, Василій Ивановичъ!?.. Вотъ какая это благородная дѣвушка!—проговорилъ съ волненіемъ Карлъ Карловичъ при воспоминаніи о такомъ проявленіи благородныхъ чувствъ фрейлейнъ Амаліи.

— Но я, Василій Ивановичъ, не слушаю ее!—продолжалъ Карлъ Карловичъ послѣ небольшой остановки.—Я скупъ на свои удовольствія, Василій Ивановичъ, вы знаете, почему... И за то теперь ужъ у меня двѣ тысячи пятьсотъ долларовъ да вещей на полторы тысячи долларовъ... А какъ вернусь въ Россію, у меня будетъ не менѣе трехъ съ половиною тысячъ долларовъ... Вѣдь это около семи тысячъ рублей на наши деньги, Василій Ивановичъ... Семь тысячъ!—повторялъ онъ, захлебываясь отъ счастія, что у него будутъ такія деньги.—Двѣ тысячи

на обстановку, Василій Ивановичъ, а пять тысячъ положимъ въ банкъ... Да... Амалія и не догадывается, что я привезу цѣлый капиталъ... Я обѣщалъ ей привезти три тысячи и... вдругъ: «Амальхенъ, считай!»...

И Карлъ Карловичъ весь сіялъ восторгомъ при одной мысли, какъ фрейлейнъ Амалія будетъ пріятно удивлена при счетѣ семи тысячъ.

— И она стоитъ, Василій Ивановичъ, эта милая дѣвушка, такого сюрприза... Другая совѣтовала бы беречь деньги, а она: «Не отказывай себѣ въ удовольствіяхъ, дорогой Карлъ!» О, какъ я это чувствую, Василій Ивановичъ!—прибавилъ въ умиленіи Карлъ Карловичъ, утирая навернувшуюся слезу.

— И давно вы, Карла Карлычъ, познакомились съ вашей невѣстой?—спросилъ Василій Ивановичъ.—Вы объ этомъ никогда не разсказывали.

— О, да... очень давно... Когда я былъ, Василій Ивановичъ, еще студентомъ въ Дерптѣ, на четвертомъ курсѣ, я въ одно воскресенье увидѣлъ Амалію—ей было тогда шестнадцать лѣтъ—влюбился и сказалъ себѣ: «Карлъ! Если ты имѣешь характеръ, эта дѣвушка должна быть твоей женой»... И мы оба, Василій Ивановичъ, имѣли характеръ... Вы понимаете, какая исторія, Василій Ивановичъ! Жениться при сорока двухъ рубляхъ въ мѣсяцъ жалованья можетъ только какой-нибудь довольно глупый человѣкъ, а я не глупый человѣкъ и не согласился такъ жениться и сдѣлать несчастье двумъ человѣкамъ—danke schön! И я пришелъ къ фрейлейнъ Амаліи и сказалъ: «Я васъ очень люблю, прекрасная Амальхенъ, и очень хочу жениться, но будемъ лучше подождать!»—Она и тогда была умная дѣвушка, Василій Ивановичъ! Она тоже понимала, что на очень маленькое жалованье нельзя жениться и надо ожидать... да!..

«Давно бы я женился!»—подумалъ Василій Ивановичъ. И, прихлебнувъ вина, проговорилъ:

— Терпѣливый вы, однако, человѣкъ, Карла Карлычъ... Долго же вы ожидаете!

— Но Амальхенъ будетъ моей женой, Василій Ивановичъ!.. Будетъ!

И, словно увидавъ вдругъ передъ собой какое-нибудь неожиданное препятствіе къ тому, чтобы фрейлейнъ Амалія стала его женой, Карлъ Карловичъ съ такимъ грознымъ видомъ ударилъ при этомъ по столу кулакомъ, что

Василій Ивановичъ поднялъ на него свои осоловѣвшіе глаза и, казалось, спрашивалъ: «Съ чего такъ расходился Карла Карлычъ?»

Но онъ ужъ снова улыбался добродушно-блаженной улыбкой подвыпившаго человѣка и продолжалъ:

— И мы будемъ очень счастливо жить, Василій Ивановичъ... Мы знаемъ другъ друга и будемъ, какъ слѣдуетъ добрымъ супругамъ, а не то что кошка съ собакой!.. Да!.. И у насъ... вы понимаете, какая исторія?.. у насъ, Василій Ивановичъ, будетъ два ребенка... сынъ и дочь... Больше не надо, Василій Ивановичъ.

— Отчего же не надо?.. — удивился Василій Ивановичъ.

— Много дѣтей—много расходовъ... И многіе ученые говорятъ, что много не надо... Двухъ довольно, Василій Ивановичъ... Вы непремѣнно пожалуйте ко мнѣ на свадьбу. Мнѣ очень пріятно, Василій Ивановичъ, видѣть васъ на свадьбѣ. И когда вы увидите, Василій Ивановичъ, какъ хорошо жениться на благородной дѣвицѣ, вы подумаете, подумаете — и тоже женитесь на благородной дѣвицѣ... Nicht wahr, Василій Ивановичъ?

Но Василій Ивановичъ пребывалъ въ меланхоліи и мрачно тянулъ шампанское, повидимому, не обнаруживая намѣренія послѣдовать совѣту Карла Карловича.

— О, вамъ непремѣнно надо жениться и имѣть парочку дѣтей. И вы тогда всегда будете въ хорошемъ духѣ и всегда будете имѣть хорошій аппетитъ, Василій Ивановичъ!—прибавилъ Карлъ Карловичъ и добродушно залился смѣхомъ, видимо довольный своими словами.

— Не стòитъ привязываться къ людямъ,—вотъ что я вамъ скажу, Карла Карлычъ!—вдругъ проговорилъ Василій Ивановичъ съ видомъ мрачнаго философа.

— Какъ не стòитъ? Я позволю спросить, Василій Ивановичъ, почему не стòитъ?—взволнованно возразилъ докторъ, принимая обиженный видъ.—Кажется, моя невѣста стòитъ... Фрейлейнъ Амалія...

— Да что вы все: фрейлейнъ Амалія, да фрейлейнъ Амалія, Карла Карлычъ! — вспылилъ Василій Ивановичъ.—Я не трогаю фрейлейнъ Амалію... Я знаю, что она достойная дѣвушка... Я не про фрейлейнъ Амалію, Карла Карлычъ!

— О, извините, Василій Ивановичъ!.. Я не понялъ... Я думалъ, вы хотите сказать, что не стòитъ жениться на

фрейлейнъ Амаліи... Я немножко пьянъ, Василій Ивановичъ!

— Я не про фрейлейнъ Амалію... Женитесь себѣ съ Богомъ, Карла Карлычъ, и будьте счастливы... Я, кажется, не завистливый человѣкъ... Я вообще говорю, что не стоитъ привязываться къ людямъ! Лучше, знаете ли, подальше отъ нихъ... Пусть говорятъ, что хотятъ... Чортъ съ ними!..

Карлъ Карловичъ вытаращилъ отъ изумленія глаза. Что это съ Василіемъ Ивановичемъ? Положимъ, онъ выпилъ сегодня лишнее, но никогда онъ, добродушный Василій Ивановичъ, и послѣ шампанскаго не высказывалъ такого мрачнаго взгляда на людей.

— Вы привязались, положимъ, къ человѣку, полюбили, думали—хорошій, добрый человѣкъ, а онъ вдругъ окажется свинья — вотъ что обидно, Карла Карлычъ... Понимаете?

Но Карлъ Карловичъ не понималъ и хлопалъ глазами.

— Не то обидно, что васъ обманули... да... что за ваши услуги васъ же назвали дуракомъ... Понимаете: ду-ракомъ! Положимъ, и это обидно. Но Богъ съ нимъ!.. Главное, обидно, Карла Карлычъ, что человѣкъ окажется форменный подлецъ... Вотъ что больно!—съ грустью воскликнулъ Василій Ивановичъ, выпивая по этому случаю новый бокалъ.

— И, помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Хорошо-съ!.. Ну, поступи такъ какой-нибудь человѣкъ нашего возраста, Карла Карлычъ... Оно все не такъ обидно... А то вдругъ: молодость... такъ сказать, начало жизни... и подлость,—повторялъ грустно Василій Ивановичъ, начиная немного заплетать языкомъ.

— Но зачѣмъ же любить фальшиваго человѣка!—воскликнулъ Карлъ Карловичъ.—Вы извините, Василій Ивановичъ, а это неблагоразумно... да! О, я никогда не любилъ фальшиваго человѣка. Я прежде узнаю, какой человѣкъ со всѣхъ сторонъ. Меня не обманетъ фальшивый человѣкъ. О, нѣтъ!..

И, принимая вдругъ сосредоточенно-озабоченный видъ, Карлъ Карловичъ таинственно прибавилъ, понижая голосъ:

— Я догадался, Василій Ивановичъ. Вы хотите маскировать... Вы, вѣрно, любили одну фальшивую дѣвицу, и она обманула такого благороднаго человѣка! И вы вспомнили и... стали не въ духѣ... Но я прямо говорю: она

неблагородно поступила!.. Да! Извините—неблагородно, Василій Ивановичъ! И я бы пошелъ и сказалъ ей: «Сударыня! Вы неблагородно поступили съ честнымъ человѣкомъ!» И забылъ бы фальшивую дѣвицу, а полюбилъ бы благородную дѣвицу, Василій Ивановичъ!..

— Дѣвицу!? Какую дѣвицу? — воскликнулъ Василій Ивановичъ, недоумѣвая. — Женщины, Карла Карлычъ, лучше мужчинъ...

— Такъ вы не про дѣвицу?..—удивился Карлъ Карловичъ.—По-ни-маю! У васъ, вѣрно, былъ фальшивый другъ, Василій Ивановичъ?

— Другъ!? Другъ—великое слово, Карла Карлычъ!.. «Положи животъ за други своя»... Другъ!.. Былъ у меня давно другъ... Платоша Осетровъ... Это былъ другъ!.. Еще съ корпуса... Но онъ потонулъ, Карла Карлычъ... Катался на катерѣ... налетѣлъ шквалъ... не успѣли отдать шкотовъ, и катеръ перевернуло...

— И вашъ другъ не умѣлъ плавать.

— Платоша Осетровъ не умѣлъ плавать?!—воскликнулъ Василій Ивановичъ, бросая на доктора недовольный взглядъ.—Плюньте тому въ рожу-съ, Карла Карлычъ, кто вамъ скажетъ, что Платоша Осетровъ не умѣлъ плавать-съ! Онъ былъ первый пловецъ! Пять разъ, бывало, обплывалъ вокругъ корабля... Да-съ...

— О, я не зналъ, Василій Ивановичъ! —успокаивалъ докторъ.

— То-то, я вижу, что не знали... Онъ зацѣпился кортикомъ за уключину и потомъ погибъ, бѣдный!.. Подумайте—молодой мичманъ, всего двадцать лѣтъ, и погибъ изъ-за кортика... Да-съ!.. Вотъ это былъ другъ, настоящій другъ! И съ благородными правилами человѣкъ. Простыня-человѣкъ... душа чистая... Съ тѣхъ поръ не было у меня друга!

— Такъ про кого же вы говорили, Василій Ивановичъ?..

— Про кого я говорилъ?..

Имя Непенина чуть-было не сорвалось съ языка. Но Василій Ивановичъ вдругъ спохватился и дипломатически замѣтилъ:

— Я вообще говорилъ, Карла Карлычъ... Я вспомнилъ одинъ анекдотъ, Карла Карлычъ... Не со мной—нѣтъ... Съ моимъ знакомымъ!—продолжалъ Василій Ивановичъ, чувствуя все-таки потребность поговорить о своей обидѣ.

— Анекдотъ?.. Ну, очень радъ, очень радъ! —весело

воскликнулъ Карлъ Карловичъ.—А я смотрю: вы не въ хорошемъ духѣ и съ такимъ сердцемъ говорили... я и подумалъ: неужели у Василія Ивановича былъ фальшивый другъ?.. И мнѣ было очень непріятно, что у васъ былъ фальшивый другъ... Я, конечно, не имѣю права, Василій Ивановичъ, быть вашимъ другомъ... О, знаю, что вы меня не можете считать другомъ... Но я очень много уважаю васъ, Василій Ивановичъ... Постойте, Василій Ивановичъ... Позвольте мнѣ вамъ сказать, какъ я уважаю и цѣню васъ, Василій Ивановичъ... Я немножко выпилъ, но могу сказать... И вотъ что я вамъ скажу: вы знаете, я долженъ жениться и беречь деньги... Долженъ ли я беречь деньги, Василій Ивановичъ?..

— Очень ужъ вы дорожите деньгами, Карла Карлычъ!

— Да... потому, что я хочу жениться... Но придите вы, Василій Ивановичъ, и скажите: «Карлъ Карловичъ! дай мнѣ пятьсотъ долларовъ взаймы!» и Карлъ Карловичъ сейчасъ же принесетъ пятьсотъ долларовъ... Скажите: «дай тысячу»! и онъ принесетъ тысячу! Я никому, вы знаете, не дамъ, потому что я долженъ жениться, а вамъ дамъ, Василій Ивановичъ!—воскликнулъ умиленно Карлъ Карловичъ.—Да!.. Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать... Ваше здоровье, Василій Ивановичъ! Теперь я буду слушать вашъ анекдотъ.

Василій Ивановичъ былъ нѣсколько тронутъ и проговорилъ:

— Спасибо, Карла Карлычъ... Я вѣрю вамъ... Вы не фальшивый человѣкъ... У васъ есть правила.

— О, у меня есть правила, Василій Ивановичъ!

— Да... правила... Вы даже жениться хотите по правиламъ и дѣтей имѣть по правиламъ... Я тоже люблю правила, но только не могъ бы по правиламъ жениться и имѣть дѣтей... Ну, да это ваше дѣло, Карла Карлычъ. Вотъ когда нѣтъ правилъ или одна подлость... Слушайте, Карла Карлычъ! Вотъ какой анекдотъ былъ.

И Василій Ивановичъ сталъ разсказывать, какъ его знакомый, человѣкъ простой и довѣрчивый, «имѣлъ глупость» привязаться къ одному юнцу.

— Знакомый этотъ, знаете ли, былъ одинокій, въ родѣ меня, ну и, знаете ли, тоже потребность дурацкая... пригрѣть юнца... Ну-съ, и пригрѣлъ, тоже питалъ чувства... Какъ же! Въ родѣ какъ будто къ брату даже... хотѣлъ изъ него браваго, честнаго офицера сдѣлать... Ну, вѣ-

рилъ, что и онъ съ своей стороны... А онъ... онъ... Что бы вы думали?..

Непривыкшій много пить Василій Ивановичъ начиналъ хмелѣть, и языкъ его плохо слушался.

— О, я догадался!..—воскликнулъ Карлъ Карловичъ.

— До-га-да-лись?.. Онъ...

— Вышелъ неблагородный молодой человѣкъ?

— Да... Подлецъ!

— Фуй!.. Какъ это нехорошо, Василій Ивановичъ! И вашъ знакомый пришелъ къ нему и сказалъ: «я буду васъ презирать!»

Но Василій Ивановичъ отрицательно махнулъ головой.

— Онъ этого не сказалъ?.. Странный человѣкъ вашъ знакомый, Василій Ивановичъ! Какъ же онъ поступилъ?

Но Василій Ивановичъ молчалъ, задумчиво устремивъ осоловѣлые глаза на пустую бутылку, словно бы въ ней скрывалось рѣшеніе вопроса.

— Я бы, Василій Ивановичъ, разсердился—очень разсердился и сказалъ бы фальшивому человѣку: «Милостивый государь! Вы есть фальшивый человѣкъ, а я есть благородный человѣкъ,—и по этой причинѣ не могу имѣть съ вами знакомства!» Да!.. Вотъ какъ бы я поступилъ, Василій Ивановичъ!

— А я не знаю, какъ онъ поступилъ!—наконецъ, протянулъ Василій Ивановичъ.—Не зна-ю... Но только онъ не сердился... да... не сердился, Карла Карлычъ!

— Это довольно странно, Василій Ивановичъ, что не сердился... Съ нимъ такъ, можно сказать, подло поступили, и онъ не сердился!

— Странно, а онъ не сердился!.. Пѣтъ!.. Подло поступили, а онъ не сердился... Да! Но ему было очень обидно... Это вѣрно... Это я знаю... У-вѣ-рренъ!.. Но только онъ не такъ поступилъ, какъ вы говорите... Не такъ!—повторилъ Василій Ивановичъ въ какомъ-то пьяномъ раздумьѣ.

Докторъ увидалъ, что они оба уже достаточно дали «толчокъ природѣ» и подалъ совѣтъ—не пора ли теперь отдохнуть?

— Отдохнуть... Изъ бухты вонъ, отдай якорь!? Отлично... Ляжемъ въ дрейфъ, любезный Карла Карлычъ...

— Именно въ дрейфъ, Василій Ивановичъ.

— Но только онъ не такъ поступилъ, Карла Карлычъ!.. Не такъ, братъ!—снова повторилъ Василій Ивановичъ, грузно поднимаясь изъ-за стола.

— Да чортъ съ нимъ!.. Стоитъ ли изъ-за какого-то неблагороднаго человѣка волновать себѣ кровь... Тьфу!.. Вы сегодня совсѣмъ не въ духѣ... А все оттого, Василій Ивановичъ, что рѣдко съѣзжаете на берегъ.... Да... Понимаете, какая исторія?..

— Я-то понимаю... И исторія была... Можно сказать—романъ... Миссисъ Эмми... Знаете ли... брюнеточка... Поетъ... Я по-англійски: такъ и такъ... Да!—А вы вотъ, Карла Карлычъ, хоть и хо-ро-шій человѣкъ... правила... двое дѣтей, а не понимаете, почему онъ такъ не поступилъ!—повторилъ Василій Ивановичъ, сбрасывая платье... А теперь лучше давай, братъ, уснемъ... забудемъ обиду... Вы на клиперъ не ѣздите... Лучше ночуйте здѣсь... Сейчасъ скомандуемъ другую кровать!—Вы, Карла Карлычъ, тоже треснувши... да?

Карлъ Карловичъ не хотѣлъ кровати. Онъ отлично выспится на диванѣ. Черезъ нѣсколько минутъ слуга принесъ подушку и бѣлье, и скоро въ номерѣ раздался громкій храпъ.

XI.

Послѣ вчерашняго «толчка природѣ» Василій Ивановичъ проснулся поздно и съ головною болью. Доктора уже не было. Онъ уѣхалъ на клиперъ осматривать своего единственнаго больного.

Нѣсколько озабоченный своимъ долгимъ пребываніемъ на берегу (хотя капитанъ вчера снова повторилъ, что пробудетъ весь день на клиперѣ), Василій Ивановичъ торопливо одѣлся, выпилъ сельтерской воды, заплатилъ по счету и отправился въ лавки искать платокъ съ птицами для Антонова. Обойдя нѣсколько лавокъ, онъ спѣшилъ на пристань, не сдѣлавъ даже обѣщаннаго визита миссисъ Эмми.

Когда, наконецъ, послѣ полудня онъ отвалилъ отъ пристани и увидалъ красивый, стройный, съ чуть-чуть подавшимися назадъ мачтами клиперъ, покоившійся на зеркальной глади водъ во всемъ своемъ великолѣпіи,—Василія Ивановича охватило радостно-спокойное чувство человѣка, увидавшаго любимый домъ послѣ долгаго отсутствія. Шутка ли: онъ не ночевалъ на клиперѣ! Въ теченіе двухъ-лѣтняго плаванія это была, кажется, третья ночь, проведенная имъ на берегу. Онъ сжился съ клиперомъ и любилъ его тою странною любовью, которою любятъ свои

пловучіе дома страстные моряки и свои тюремныя кельи—узники, давно забывшіе свободу. Онъ такъ привыкъ, просыпаясь, видѣть полированныя, гладкія, свѣтлыя «переборки» (стѣны) своей каюты, освѣщенной скуднымъ свѣтомъ круглаго иллюминатора, и затѣмъ—бѣлобрысую голову Антонова, выглядывающаго изъ-за дверей, чтобы доложить, что команда встаетъ,—онъ такъ привыкъ, наскоро одѣвшись и прочитавъ свое обычное «Отче нашъ» передъ маленькимъ образомъ Спасителя,—носиться съ утра по клиперу, наблюдая за уборкой,—къ восьми часамъ появляться на мостикѣ съ рапортомъ и затѣмъ хлопотать до вечера, живя по судовому расписанію, — что всякое отступленіе отъ подобнаго образа жизни являлось какимъ-то диссонансомъ. И теперь, подъѣзжая къ клиперу, ему казалось, будто онъ давно не былъ на немъ, и безъ него, чего добраго, что-нибудь не доглядѣли, и клиперъ не прибранъ, какъ слѣдуетъ.

Зоркимъ любовнымъ глазомъ страстнаго любителя своего дѣла оглядывалъ онъ клиперъ снаружи и не нашелъ ничего, что бы могло оскорбить его требовательный морской взглядъ. Все въ порядкѣ. Ни сучка, ни задоринки!

И онъ бойко выскочилъ на палубу и пріостановился, поглядывая на фалгребныхъ ласковымъ взглядомъ, словно бы давно не видалъ ихъ и обрадовался, что увидѣлъ.

Приложивъ руку къ козырьку, встрѣтилъ его у входа Непенинъ. Василія Ивановича точно кольнуло что-то въ сердце. Онъ вдругъ вспомнилъ вчерашнее, смутился, неловко протянулъ руку и торопливо пошелъ по шканцамъ.

— Сегодня утромъ почтовый пароходъ пришелъ изъ С.-Франциско, Василій Ивановичъ!— Есть новости... Въ Японію идемъ!—говорилъ Непенинъ, спѣша первымъ сообщить старшему офицеру эти извѣстія.

Василій Ивановичъ остановился и взглянулъ на Юлку. Онъ былъ, по обыкновенію, свѣжій, чистенькій, щеголевато одѣтый, и привѣтливая, нѣсколько заискивающая, улыбка играла на его лицѣ. Василій Ивановичъ вдругъ почувствовалъ желаніе оборвать своего бывшаго любимца. Но вмѣсто «обрыва» онъ проговорилъ, глядя въ сторону:

— Кто ѣдетъ съ командой на берегъ?

— Лѣсовой и Кошкинъ!

— Развѣ не ваша очередь-съ?—вдругъ строго спросилъ Василій Ивановичъ.

— Нѣтъ-съ. Я въ Нагасаки ѣздилъ!—почтительно отвѣчалъ, нѣсколько удивленный этимъ тономъ, Непенинъ.

И Василій Ивановичъ снова смутился, на этотъ разъ отъ стыда, что, увлекшись личнымъ чувствомъ, допустилъ служебную несправедливость.

— Виноватъ-съ! Я думалъ, что ваша, Непенинъ!— мягко проговорилъ онъ, торопливо спускаясь внизъ.

Въ каютъ-компаніи только-что отобѣдали. На неубранномъ еще столѣ лежали газеты, нѣсколько журналовъ и конверты отъ писемъ, только-что полученныхъ изъ Россіи. Большинство офицеровъ было занято чтеніемъ. При появленіи Василія Ивановича всѣ такъ радостно привѣтствовали его, такъ торопились сообщить ему новости, полученныя съ почтой, что непріятное впечатлѣніе первой встрѣчи съ Непенинымъ, послѣ вчерашняго, потеряло свою остроту. По тону привѣтствій, по взглядамъ, онъ чувствовалъ, что всѣ къ нему расположены, что всѣ ему искренно рады. Это сознаніе общаго расположенія подѣйствовало на Василія Ивановича сегодня особенно пріятно, и онъ съ какою-то непонятною для другихъ нѣжною ласковостью пожималъ всѣмъ руки, отвѣчая на привѣтствія.

— Въ Хакодате идемъ, Василій Иванычъ!

— Отъ адмирала получено предписаніе... Говорятъ, соберется вся эскадра...

— Кажется, черезъ три дня уйдемъ, Василій Иванычъ!..

— Карлъ Карлычъ отъ фрейлейнъ Амаліи письмо получилъ!—Читаетъ теперь!—замѣтилъ кто-то, смѣясь.

— Да вѣдь вы не обѣдали, Василій Иванычъ?

— Нѣтъ... вотъ сейчасъ пойду, переодѣнусь...

— Эй! Подавать обѣдъ старшему офицеру!—крикнулъ вѣстовымъ второй лейтенантъ, содержатель каютъ-компаніи.—Сегодня, Василій Иванычъ, вашъ любимый супъ съ фрикадельками и отличный ростбивъ...

Довольный этимъ общимъ ласковымъ вниманіемъ и въ то же время нѣсколько озабоченный новостями и близкимъ адмиральскимъ смотромъ, Василій Ивановичъ скрывается въ каюту, чтобы, переодѣвшись, явиться къ капитану.

Антоновъ уже ждетъ Василія Ивановича въ каютѣ. Вода въ рукомойникѣ приготовлена. Свѣжая, безукоризненная сорочка и бѣлый китель аккуратно разложены на постели.

— Здравствуй, Антоновъ!.. Ну, вотъ тебѣ, братецъ, платокъ,—говоритъ Василій Ивановичъ, отдавая вѣстовому свертокъ.—Не знаю, понравится ли?

— Очень форсистый, ваше благородіе!—говоритъ Антоновъ, съ восторгомъ разсматривая большой шелковый платокъ съ павлиномъ на красномъ фонѣ.—Поди, два доллаpя стоитъ, ваше благородіе!

— Два доллара!?.. Ты ничего не понимаешь, Антоновъ... Всего полъ-доллара!—весело вретъ Василій Ивановичъ, заплатившій за платокъ цѣлыхъ четыре.

— Очень сходно купили, ваше благородіе... Не прикажете ли окатиться?.. Въ колодцѣ*) отлично... Господа окачивались...

— Некогда... некогда!..—торопится Василій Иванычъ и, приведя себя въ надлежащій порядокъ, идетъ въ капитанскую каюту.

— Честь имѣю явиться!

— Что такъ рано? Мало погуляли, Василій Ивановичъ?—радушно привѣтствуетъ капитанъ, усаживая Василія Ивановича рядомъ съ собою на диванъ и подвигая папиросы.

— Дѣлать нечего на берегу, Павелъ Николаичъ! И то долго пробылъ...

— Соскучились?—улыбнулся капитанъ.—Скоро придется уходить... Ужъ, вѣрно, слышали?.. Я говорилъ ревизору, чтобъ былъ готовъ.

— Какъ же, слышалъ.

— Адмиралъ торопитъ идти на соединеніе съ эскадрой. Рандеву—Хакодате. Оттуда клиперъ получитъ особое назначеніе, но какое—предписаніе умалчиваетъ.

— Ужъ не пойдетъ ли онъ съ нами куда-нибудь?—испуганно спросилъ Василій Ивановичъ.

— Все можетъ быть... Вы вѣдь знаете: адмиралъ любитъ дѣлать сюрпризы!—проговорилъ капитанъ съ улыбкой.—Помните, какъ въ прошломъ году мы разсчитывали идти въ Австралію, а попали на Ситху?.. Да вотъ прочтите предписаніе!

Василій Ивановичъ пробѣжалъ предписаніе...

— Тамъ сказано, Павелъ Николаичъ: «немедленно идти»,—озабоченно проговорилъ Василій Ивановичъ, чувствуя какой-то благоговѣйный страхъ передъ бумагами начальства.

— «Немедленно идти по готовности»... Мы дадимъ командѣ освѣжиться на берегу, вытянемъ такелажъ и

---

*) Такъ называется пространство, куда поднимается винтъ.

пойдемъ... Дня въ три справимся вѣдь, Василій Иванычъ?

Василій Ивановичъ выговорилъ еще денекъ про запасъ. Порѣшили идти черезъ четыре дня.

Василій Ивановичъ вышелъ отъ капитана съ той смущенной озабоченностью на лицѣ, которая всегда бывала у Василія Ивановича при ожиданіи адмиральскаго посѣщенія и при какихъ-нибудь работахъ на клиперѣ. За то въ серьезныя минуты, когда приходилось выдерживать штормъ или требовалась быстрая находчивость, Василій Ивановичъ, напротивъ, удивлялъ своимъ спокойствіемъ.

Тѣмъ не менѣе, у него сегодня былъ отличный аппетитъ. Онъ ѣлъ все, что ни подавали, и похваливалъ, къ крайнему удовольствію содержателя каютъ-компаніи, принимавшаго чуть ли не за личное оскорбленіе всякое неодобрительное замѣчаніе насчетъ блюдъ.

— Когда снимаемся, Василій Ивановичъ? — спрашивали его со всѣхъ сторонъ.

— Черезъ четыре дня.

— Это вѣрно, что идемъ въ Японію?

— Вѣрно...

— А оттуда куда, Василій Иванычъ?

— А этого не знаю...

— Говорятъ, Василій Иванычъ, въ Камчатку...

— За бобрами, что ли?..—смѣется Ѳома Ѳомичъ.—Я бы купилъ себѣ бобрика.

— «Говорятъ?»—усмѣхнулся Василій Ивановичъ. — Я, по крайней мѣрѣ, ничего не слышалъ. А впрочемъ, что-жъ?.. Пошлютъ въ Камчатку—пойдемъ въ Камчатку!

Объ «особомъ назначеніи» старшій офицеръ умолчалъ, такъ какъ капитанъ не уполномачивалъ его объ этомъ говорить. Въ случаѣ надобности Василій Ивановичъ умѣлъ быть нѣмъ, какъ рыба.

— А не слышно ли, Василій Иванычъ, скоро ли вернется въ Россію адмиралъ?—допрашиваютъ мичмана.

— И этого не слыхалъ... Вы лучше спросите у самого адмирала!—шутитъ Василій Ивановичъ.—Скоро его увидите.

Входитъ разсыльный и докладываетъ, что команда готова ѣхать на берегъ, и Василій Ивановичъ, выпивъ стаканъ портерку, идетъ наверхъ.

— Смотри, братцы, не очень налегай на вино!.. Чтобы влежку не привозили! Да другъ отъ дружки не отби-

вайся... По кучкамъ гуляй,—наставляетъ Василій Ивановичъ, обходя по фронту.

— Слушаемъ, ваше благородіе!..

— Сажайте людей на баркасъ!

— Пошелъ на баркасъ!—раздается команда.

Матросы, одинъ за однимъ, бѣгутъ въ-припрыжку къ выходу и спускаются по трапу

— Завтра, братъ Щукинъ, будемъ такелажъ тянуть... Такъ ужъ ты, пожалуйста... — тихо говоритъ Василій Ивановичъ, любуясь расфранченнымъ старымъ боцманомъ.

— Постараюсь, ваше благородіе!—тоже тихо отвѣчаетъ боцманъ и, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, направляется къ выходу, расталкивая матросовъ.

Василій Ивановичъ смотритъ съ мостика, какъ люди садятся. Тѣснясь, какъ сельди въ боченкѣ, матросы занимаютъ мѣста при сдержанномъ говорѣ и смѣхѣ, перекидываясь шутками, и скоро баркасъ полонъ бѣлыми рубашками.

— Въ которомъ часу прикажете отваливать съ берега?—спрашиваетъ, подходя къ старшему офицеру своей медленной походкой, Лѣсовой.

— Здравствуйте, Ѳедоръ Петровичъ! Мы съ вами сегодня, кажется, не видались!—какъ-то особенно ласково говоритъ Василій Ивановичъ, называя Лѣсового, противъ обыкновенія, по имени и отчеству, и крѣпко жметъ ему руку.

Лѣсовой, послѣ такого вниманія со стороны старшаго офицера, становится еще серьезнѣе и повторяетъ свой вопросъ еще болѣе официальнымъ тономъ: «я, молъ, съ тобой пришелъ не лясы точить!»

— Въ которомъ часу?—переспрашиваетъ Василій Ивановичъ и вмѣсто отвѣта смотритъ на Мечтателя такъ привѣтливо и сердечно, что тотъ нѣсколько удивленъ и снова замѣчаетъ:

— Баркасъ съ людьми ждетъ, Василій Иванычъ!

— Ахъ, виноватъ... виноватъ! Въ девять отвалите!

— Есть!

«Экій славный какой этотъ парень!»—думаетъ про себя Василій Ивановичъ, провожая глазами отвалившій отъ борта баркасъ съ сидящимъ на рулѣ Лѣсовымъ, и невольно сравниваетъ съ нимъ Непенина.

XII.

Черезъ двѣ недѣли клиперъ подъ всѣми парусами, съ ровнымъ попутнымъ вѣтромъ, входилъ на Хокодатскій рейдъ, салютуя адмиральскому флагу.

Боцманъ только-что рявкнулъ: «Пошелъ всѣ наверхъ, на якорь становиться!»—и всѣ были на своихъ мѣстахъ.

Капитанъ ходилъ тихими шагами по мостику, по временамъ останавливаясь, чтобы посмотрѣть въ бинокль на стоявшія на рейдѣ суда. Кромѣ четырехъ судовъ русской эскадры, на рейдѣ было нѣсколько иностранныхъ военныхъ судовъ, не считая многихъ «купцовъ» и джонокъ. Василій Ивановичъ тоже, разумѣется, на мостикѣ, готовый командовать авраломъ. Опершись о поручни, онъ стоитъ на навѣтренной сторонѣ и зорко глядитъ впередъ.

Оба они, повидимому, совершенно спокойны, но въ дѣйствительности оба они въ душѣ испытываютъ волненіе, зная отлично, что со всѣхъ военныхъ судовъ устремлены бинокли, и моряки всѣхъ націй ревниво будутъ слѣдить за маневрами красавца-клипера, которому предстоитъ не легкая задача—пройти подъ парусами къ эскадрѣ среди множества судовъ, стоявшихъ на дорогѣ.

Слегка накренившись и съ тихимъ гуломъ разсѣкая воду, легко поднимаясь съ волны на волну, приближался «Голубчикъ» къ судамъ. Полнѣйшая тишина царитъ на клиперѣ. Только изрѣдка раздается звучный теноръ Василія Ивановича:

— На бакѣ! Впередъ смотрѣть!

И отвѣтъ боцмана:

— Есть! Смотримъ!

И снова тишина.

Всѣ понимаютъ, что для моряковъ это—торжественныя минуты, что входъ на рейдъ подобенъ появленію какой-нибудь блестящей красавицы среди ревнивыхъ соперницъ, и что теперь посторонніе разговоры неумѣстны, да и не идутъ на умъ. У всѣхъ, начиная съ капитана и кончая вотъ этимъ маленькимъ матросомъ, стоящимъ у своей снасти, одна мысль: какъ бы клиперу не осрамиться и войти въ люди, какъ слѣдуетъ военному судну. Всѣ посматриваютъ на мостикъ и, видя спокойныя, увѣренныя лица капитана и Василія Ивановича, чувствуютъ, что клиперъ не осрамится.

И онъ не осрамился, а лихо прошелъ мимо француз-

скаго фрегата, «обрѣзалъ кормы» двумъ англійскимъ корветамъ и шелъ теперь къ русской эскадрѣ.

— Придется рѣзать корму адмирала! Иначе не пройдемъ. Вотъ этотъ «купецъ» намъ мѣшаетъ!—тихо замѣчаетъ капитанъ Василію Ивановичу, указывая рукой на «купца».

— Есть!—такъ же тихо отвѣчаетъ, но уже безъ обычной почтительной аффектаціи Василій Ивановичъ, одновременно съ капитаномъ подумавшій о томъ, что придется рѣзать корму адмирала.— На якорь станемъ за «Красавцемъ»?

— Да.

— Лѣво! Больше лѣво! Стопъ такъ!—нервно, отрывисто командуетъ рулевымъ Василій Ивановичъ, бросая сердитый взглядъ на стоявшаго на дорогѣ «купца».

И клиперъ, бросившись къ вѣтру, проходитъ сквозь рядъ судовъ и джонокъ и благополучно минуетъ «купца», пробѣжавъ у него подъ самымъ носомъ.

— Право!.. Право! Такъ держать!

— Есть! Держимъ!—отвѣчаетъ старшій рулевой, быстро ворочая штурвалъ.

Клиперъ теперь несется прямо на корму адмиральскаго корвета. Ужъ онъ такъ близко, что отлично видна приземистая, кряжистая фигура адмирала съ биноклемъ въ рукѣ, стоявшая, подавшись впередъ, на ютѣ впереди другихъ зрителей. Казалось, вотъ-вотъ, сейчасъ «Голубчикъ» врѣжется въ корму «Грознаго». Всѣ затаили дыханіе. Ни звука на палубѣ. Капитанъ пересталъ ходить и напряженно смотритъ впередъ, измѣряя зоркимъ взглядомъ разстояніе между клиперомъ и корветомъ.

«Пора, однако, спускаться!» мелькнула у него мысль, и онъ, пощипывая въ волненіи бакенбарду, только-что хотѣлъ объ этомъ сказать Василію Ивановичу, какъ уже раздался увѣренный, звучный голосъ Василія Ивановича:

— Право на бортъ! Одерживай!

И, послушный рулю, какъ добрый конь уздѣ, клиперъ лихо пронесся подъ самой кормой адмиральскаго корвета, и Василій Ивановичъ улыбнулся, словно этой улыбкой благодарилъ клиперъ.

— Здорово ребята! —раздался среди тишины довольный голосъ адмирала.

Громкое: «Ррразъ-ддва!»—разнеслось по воздуху, когда уже клиперъ, приведя къ вѣтру, шелъ далѣе.

Пройдя мимо «Дротика» и «Красавца», клиперъ круто повернулъ противъ вѣтра.

— Паруса на-гитовы! Изъ бухты вонъ, отдай якорь!— раздавался голосъ Василія Ивановича. — Марсовые къ вантамъ!

Не прошло и пяти минутъ, какъ исчезли, словно волшебствомъ, паруса; клиперъ недвижно стоялъ невдалекѣ отъ «Красавца», и капитанскій вельботъ уже былъ у борта, готовый везти капитана къ адмиралу съ рапортомъ.

— Славно стали на якорь, Василій Ивановичъ!—замѣчаетъ капитанъ.

— Да, кажется, ничего себѣ!—отвѣчаетъ, какъ будто, спокойно Василій Ивановичъ, сіяя отъ удовольствія.

Но эта радость внезапно исчезаетъ, а на лицѣ его снова смущенное, озабоченное выраженіе, не покидавшее его во всѣ двѣ недѣли.

— Вѣрно, адмиралъ скоро будетъ... А мы еще не убрались, Павелъ Николаичъ!

— Нечего убираться!.. У васъ клиперъ — игрушка... Чего еще, Василій Иванычъ! — говоритъ капитанъ, и вслѣдъ затѣмъ уходитъ внизъ облекаться въ мундиръ, чтобы ѣхать къ адмиралу.

Черезъ часъ капитанъ возвратился съ адмиральскаго корвета. Смотръ назначенъ черезъ два дня. Черезъ недѣлю клиперъ уйдетъ въ отдѣльное крейсерство на сѣверъ.

— Но адмиралъ съ нами не пойдетъ, Василій Иванычъ!—прибавилъ, съ улыбкой, капитанъ, торопясь успокоить старшаго офицера.

Вмѣстѣ съ тѣмъ капитанъ привезъ и радостное для «фендриковъ» извѣстіе о производствѣ ихъ въ офицеры. Пригласивъ ихъ къ себѣ въ каюту, капитанъ, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, поздравилъ молодыхъ мичмановъ и сказалъ маленькій спичъ.

— Всѣ вы, господа, остаетесь у насъ на клиперѣ, чему я, конечно, радъ... Одинъ г. Непенинъ отъ насъ уходитъ... Адмиралъ назначаетъ васъ флагъ-офицеромъ, г. Непенинъ! Сегодня же потрудитесь явиться къ адмиралу!

Непенинъ не ждалъ такого радостнаго извѣстія. Быть поближе къ начальству, имѣть возможность отличиться— это были его завѣтныя мечты. Онъ вспыхнулъ отъ удовольствія.

— Вы, кажется, очень довольны назначеніемъ? — съ едва замѣтной улыбкой спросилъ капитанъ.

— Я крайне благодаренъ вамъ, Павелъ Николаичъ!

Капитанъ съ удивленіемъ поднялъ глаза на молодого человѣка.

— Благодарите не меня, а адмирала... Я тутъ ни при чемъ. Не я рекомендовалъ васъ на эту должность. И, признаться, я не вижу особенной причины радоваться... Для молодого офицера лучшая школа—строевая служба... А впрочемъ, желаю вамъ всякихъ успѣховъ, г. Непенинъ.

Непенинъ закусилъ губы отъ досады. Сидоровъ насмѣшливо улыбался. Никто изъ товарищей не завидовалъ назначенію Юлки.

Въ каютъ-компаніи молодыхъ мичмановъ встрѣтили шумными поздравленіями и шампанскимъ. Черезъ пять минутъ ужъ у всѣхъ на сюртукахъ были мичманскіе погоны. Василій Ивановичъ провозгласилъ тостъ за милую молодежь и со всѣми перецѣловался.

— Дай вамъ Богъ всего хорошаго, Непенинъ!—мягко проговорилъ онъ, поздравляя Непенина.

— Вы, Василій Иванычъ, пожелайте Юлкѣ блестящей карьеры... Ужъ онъ ее началъ... Онъ теперь особа... Адмиральскій флагъ-офицеръ!..—съ хохотомъ подхватилъ Сидоровъ.

— Что карьера?.. Не съ карьерой жить... Не это главное... Вы вотъ все зубоскалите!

Многое хотѣлось сказать Василію Ивановичу. Онъ все еще не хотѣлъ вѣрить въ безнадежную испорченность своего бывшаго любимца и все еще сохранялъ уголокъ для него въ своемъ любящемъ сердцѣ. Но Непенину было не до изліяній. Онъ торопился явиться къ адмиралу и даже не обратилъ вниманія на насмѣшку Сидорова.

Вечеромъ онъ совсѣмъ перебрался на адмиральскій корветъ, простившись съ Василіемъ Иванычемъ такъ небрежно и холодно, забывъ даже упомянуть о своемъ долгѣ, что Василій Ивановичъ только грустно усмѣхнулся ему вслѣдъ, ни слова не сказавъ на прощанье.

XIII.

Смотръ прошелъ блистательно.

Куда только ни заглядывалъ адмиралъ—онъ вездѣ встрѣчалъ образцовый порядокъ. О чистотѣ и говорить нечего! Когда, въ сопровожденіи свиты, спустившись въ машину, его превосходительство изволилъ провести пальцемъ въ бѣлоснѣжной замшевой перчаткѣ по крышкѣ ци-

линдра, Василій Ивановичъ, признаться, струсилъ, и у него по спинѣ забѣгали мурашки. А что, какъ вдругъ на пальцѣ окажется черное, ужасное пятно?

Но этого, конечно, не случилось, и Василій Ивановичъ напрасно струсилъ.

Его превосходительство съ довольнымъ видомъ поднесъ палецъ почти къ самому носу сопровождавшаго его флагъ-капитана и весело проговорилъ:

— Посмотрите!

Флагъ-капитанъ посмотрѣлъ, но, какъ опытный дипломатъ, ничего не сказалъ.

— Ни пылинки!.. Это не то, что на «Дротикѣ»! Здѣсь—пріятно быть. Видно, что настоящее военное судно!—проговорилъ онъ и пошелъ наверхъ.

Всѣ ученія производились на славу. Перемѣна марселей сдѣлана была въ пять съ половиной минутъ; клиперъ «приготовился» къ бою въ три минуты; дессантъ былъ посаженъ на шлюпки, готовый разить враговъ, въ четыре съ половиной минуты. Чего еще болѣе желать?!

Адмиралъ, стоя на мостикѣ, нѣсколько разъ принимался благодарить капитана. Но капитанъ, повидимому, недостаточно чувствовалъ себя счастливымъ отъ адмиральскихъ комплиментовъ, принимая ихъ съ официальной сдержанностью. И адмиралъ, любившій взаимность чувствъ, подъ конецъ смотра сдѣлался скупѣе на комплименты.

Онъ обратился было съ выраженіемъ благодарности къ Василію Ивановичу; но Василій Ивановичъ, приложивъ руку къ треуголкѣ, такъ упорно молчалъ, что адмиралъ, взглянувъ на вспотѣвшее, красное, нелѣпо улыбающееся лицо Василія Ивановича, поспѣшилъ отвернуться, не желая длить агонію старшаго офицера.

Смотрѣть, кажется, болѣе нечего. Всѣ ученія окончены. Адмиралъ обходитъ команду, опрашиваетъ претензіи (претензій нѣтъ) и благодаритъ матросовъ за лихія работы. Затѣмъ снова благодаритъ офицеровъ, Василія Ивановича, капитана и уѣзжаетъ.

— Сплавили! Сплавили, наконецъ, адмирала!—весело кричатъ мичмана, вбѣгая въ каютъ-компанію.—А васъ, Карлъ Карлычъ, благодарилъ адмиралъ?—обращаются къ доктору.

— Меня? За что меня благодарить?—скромно отвѣчаетъ докторъ.

— Какъ за что? А за то, что больныхъ нѣтъ!

— Онъ у меня въ лазаретѣ, однако, былъ...

— Былъ, и что же?

— Какъ же, былъ; посмотрѣлъ и сказалъ: «У васъ очень здѣсь хорошо, докторъ!» Вотъ что онъ мнѣ сказалъ!

— А мнѣ хоть бы слово!—раздражительно проговорилъ Ѳома Ѳомичъ.—Тоже, кажется, видѣлъ, каково артиллерійское ученіе... Ну, да стоитъ ли насъ благодарить!.. Мы не флотскіе!.. Вѣрно, и вамъ ничего не сказалъ, Захаръ Матвѣичъ?—обратился артиллеристъ къ старому штурману.

— Мы и такъ обойдемся!—иронически усмѣхнулся низенькій, кривоногій Захаръ Матвѣевичъ.—Да и къ чему намъ благодарность? Изъ нея шубы не сошьешь!

— Да я не къ тому... Ну, скажи ты хоть слово... Ну, замѣть, по крайней мѣрѣ!

— Благодарите Создателя, Ѳома Ѳомичъ, что хоть не разнесъ. А вы—ишь чего захотѣли: благодарности!

— Э, полноте, полноте, господа!—вмѣшивается Василій Ивановичъ, боявшійся этихъ щекотливыхъ разговоровъ объ антагонизмѣ между флотскими и офицерами корпусовъ.—Вѣдь онъ насъ всѣхъ благодарилъ, когда уѣзжалъ... Все было отлично... Эй, Антоновъ!—кричитъ онъ.

Но Антоновъ ужъ самъ догадался и несетъ бутылку портера.

— Да ты что-жъ это одну бутылку?.. Вали еще! Не прикажете ли, Ѳома Ѳомичъ?.. Захаръ Матвѣевичъ!.. Выпейте стаканчикъ... Уфъ!—отдувался Василій Ивановичъ.—И жарко же сегодня, господа... Ну, теперь уже не скоро будетъ новый смотръ!—весело говоритъ Василій Ивановичъ и, по обыкновенію, всѣхъ угощаетъ...

— А Юлка-то нашъ... замѣтили, господа?—говоритъ Сидоровъ, обращаясь къ молодежи.

— А что?.. форситъ?..

— Отлично вошелъ въ роль... Такъ и леталъ, исполняя адмиральскія приказанія на смотру. Настоящій флагъ-офицеръ!

— Назначь васъ, и вы бы летали!—вступается Василій Ивановичъ.—Ужъ такая, батенька, должность!

— Летать бы, положимъ, леталъ, Василій Иванычъ...

— Такъ что-жъ другихъ осуждать...

— Но только не было бы у меня написано на рожѣ, какъ у него, что я летаю въ восторгѣ.

Всѣ смѣются. Улыбается и Василій Ивановичъ.

— Ну... ну, полно зубоскалить-то про товарища!.. Лучше выпейте-ка, батенька, стаканчикъ портерку!.. Не бойтесь: васъ не назначатъ флагъ-офицеромъ!

Василій Ивановичъ только-что отпилъ послѣ ужина чай и взялся-было, отъ нечего-дѣлать, за газету, но долго читать не могъ—слипались глаза. Да и не особенно интересно читать о томъ, что было полгода назадъ! Девять часовъ—можно и на-боковую! Послѣ сегодняшняго дня, полнаго тревогъ и волненій, не грѣшно лечь пораньше. Да и скучновато сидѣть одному. Въ каютъ-компаніи ни души. Послѣ смотра всѣ разъѣхались. Дома только Василій Ивановичъ, отецъ Виталій, отправившійся спать тотчасъ послѣ ужина, да Сидоровъ, шагающій по мостику, ощупывая по временамъ свои новые мичманскіе погоны.

Василій Ивановичъ поднялся наверхъ посмотрѣть, по обыкновенію, какова погода; осмотрѣлъ, сколько выпущено якорной цѣпи, поболталъ нѣсколько минутъ съ Сидоровымъ на мостикѣ и, приказавъ немедленно разбудить себя, если что-нибудь случится,—спустился къ себѣ въ каюту.

— Кто гребетъ? — раздался среди тишины обычный окликъ часового наверху.

Василій Ивановичъ не узналъ отвѣтнаго голоса. «Вѣрно Карлъ Карлычъ!»—подумалъ онъ.

Мимо открытаго иллюминатора тихо скользнула на лунномъ свѣтѣ японская шлюпка, черезъ минуту въ каютъ-компаніи раздались торопливые шаги, и вслѣдъ затѣмъ кто-то постучалъ въ двери.

— Войдите!

Въ каюту вошелъ Непенинъ.

«Вѣрно, адмиралъ требуетъ!» — промелькнула первая мысль у старшаго офицера.

Онъ вопросительно взглянулъ на Непенина. Тотъ былъ блѣденъ и взволнованъ, и Василій Ивановичъ сразу понялъ, что съ Непенинымъ случилось что-то необычайное.

— Вы не по службѣ?

— Нѣтъ... Я къ вамъ съ просьбой... съ большой просьбой, Василій Иванычъ!—проговорилъ молодой человѣкъ упавшимъ голосомъ.

— Въ чемъ дѣло?..

— Спасите меня, Василій Иванычъ! Я... я... проигралъ...

чужія... деньги!—почти шопотомъ произнесъ онъ, съ мольбой въ голосѣ, видимо съ трудомъ выговаривая слова.

— Чужія деньги-съ? Проиграли?—испуганно и строго повторилъ Василій Ивановичъ.

— Да...

И Непенинъ, растерянный и жалкій, со слезами на глазахъ, безсвязно разсказалъ, какъ на-дняхъ адмиралъ, поручивъ ему завѣдывать своимъ хозяйствомъ, выдалъ на расходы деньги; какъ сегодня... часъ тому назадъ, онъ зашелъ въ гостиницу... Тамъ собрались съ эскадры офицеры... играли въ ландскнехтъ. Онъ сѣлъ играть... проигралъ свои пятьдесятъ долларовъ, думалъ отыграться, и...

— Сколько?—отрывисто спросилъ Василій Ивановичъ.

— Много... Триста долларовъ.

Василій Ивановичъ серьезно покачалъ головой и, ни слова не говоря, выдвинулъ ящикъ шифоньерки, гдѣ у него лежали деньги, и, отдавая почти весь свой запасъ, проговорилъ:

— Вотъ вамъ деньги, Непенинъ!

Непенинъ вздохнулъ свободнѣе и бросился благодарить Василія Ивановича.

— Не выручи вы меня, Василій Иванычъ, я бы не зналъ, что дѣлать... Узналъ бы адмиралъ... Ужасно!.. Надѣюсь, вы никому не скажете, Василій Иванычъ?.. Я возвращу вамъ...

Василій Ивановичъ строго остановилъ его.

— Ахъ, Непенинъ! Не въ томъ бѣда, что могъ узнать адмиралъ, а то нехорошо-съ, что вы совершили поступокъ, недостойный порядочнаго моряка... Вотъ-съ что нехорошо-съ... Надѣюсь, этотъ урокъ послужитъ вамъ въ пользу, и вамъ не придется краснѣть передъ самимъ собою...

— Повѣрьте, Василій Иванычъ... Ничего подобнаго больше не случится!—смущенно говорилъ молодой человѣкъ.

— Дай Богъ!.. дай Богъ!..—въ раздумьѣ говорилъ Василій Ивановичъ.

И послѣ паузы онъ промолвилъ:

— И вотъ вамъ, Непенинъ, еще совѣтъ отъ...

Василій Ивановичъ чуть-было не сказалъ: «отъ добродушнаго дурака», вспомнивъ эпитетъ, данный ему Непенинымъ. Но онъ удержался отъ намека и продолжалъ:

— Отъ человѣка, который никому не желаетъ зла, Не-

непенинъ! Имѣйте-съ правила въ жизни!... Твердыя правила, согласныя съ совѣстью... Безъ нихъ можно, пожалуй, имѣть успѣхъ-съ... выиграть по службѣ, что ли, но нельзя жить въ душевномъ мирѣ съ самимъ собой!.. Это вѣрно! И выдерживать штормы въ жизни только тогда легко, когда совѣсть не за бортомъ-съ! А главное, будьте правдивы и съ собой, и съ людьми... Любите людей безкорыстно, если хотите, чтобъ и васъ они любили!.. Вы не будьте въ претензіи, Непенинъ! Я отъ чистаго сердца говорю, желая вамъ добра... Съ умомъ, да безъ сердца—плохо жить... Ну, теперь поѣзжайте съ Богомъ!.. Ни душа, конечно, не узнаетъ... Радъ, что могъ помочь вамъ!—заключилъ Василій Ивановичъ, прощаясь съ Непенинымъ.

Молодой человѣкъ ушелъ, сдерживая свою радость. Онъ не надѣялся, что Василій Ивановичъ такъ просто и легко выручитъ его изъ бѣды, давъ ему такую крупную сумму.

А Василій Ивановичъ, не спѣша, раздѣлся и легъ.

Такъ ли онъ поступилъ? Не слишкомъ ли онъ «жестоко» говорилъ съ Непенинымъ?—думалъ Василій Ивановичъ, лежа въ постели.

И, рѣшивъ, что онъ поступилъ правильно и что далъ совѣты отъ чистаго сердца, Василій Ивановичъ скоро заснулъ.

XIV.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ.

«Голубчикъ» давно проданъ на сломъ, и многіе изъ плававшихъ когда-то вмѣстѣ на немъ разбрелись въ разныя стороны, никогда не встрѣчаясь другъ съ другомъ.

Скоро по возвращеніи «Голубчика» въ Россію, я оставилъ службу, уѣхалъ въ деревню и потерялъ изъ виду бывшихъ сослуживцевъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ доходили по временамъ слухи въ деревенскую глушь, но о Василіи Ивановичѣ я ничего не слыхалъ. Въ газетныхъ извѣстіяхъ, сообщавшихъ имена командировъ судовъ, отправлявшихся въ дальнее плаваніе, фамилія Василія Ивановича ни разу не попадалась, изъ чего я заключилъ, что служба не особенно его баловала.

Въ маѣ 187* года мнѣ пришлось, наконецъ, вернуться въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда, шелъ я, въ первомъ часу, по Невскому, направляясь завтракать въ ресторанъ, какъ

увидалъ—навстрѣчу идетъ маленькій, пизенькій, старенькій флотскій штабъ-офицеръ. Всматриваюсь: знакомое круглое, красное лицо съ маленькой луковкой среди мясистыхъ щекъ, но не гладко выбритыхъ, а опушенныхъ сѣдыми бакенбардами. Онъ шелъ своей мелкой, торопливой походкой, съ развальцемъ, заложивъ за спину руки. Сильно-таки постарѣлъ Василій Ивановичъ! И куда дѣлся его прежній щеголеватый видъ, какимъ онъ, бывало, всегда отличался, выходя къ подъему флага на мостикъ! Пальто теперь на немъ было потертое, перчатки на рукахъ сомнительной бѣлизны, фуражка старенькая, въ родѣ той, въ какой Василій Ивановичъ, бывало, носился по клиперу только во время утренней уборки.

Я окликнулъ Василія Ивановича, радостно бросаясь къ нему. Но онъ оглядѣлъ вопросительно, не узнавая меня. Я и забылъ, что онъ зналъ меня безбородымъ мичманомъ, а видѣлъ теперь обросшаго бородой.

Я назвалъ себя, и въ то же мгновеніе лицо его озарилось хорошо знакомой доброй, радостной улыбкой. Мы облобызались.

— Вотъ никакъ не ожидалъ васъ, батенька, встрѣтить!..—весело говорилъ Василій Ивановичъ послѣ первыхъ привѣтствій и восклицаній.

Я объяснилъ, что пріѣхалъ сюда два дня тому назадъ, и собирался непремѣнно быть въ Кронштадтѣ, чтобы навѣстить Василія Ивановича.

— Вотъ спасибо, спасибо, голубчикъ, что не забыли!— обрадовался Василій Ивановичъ, видимо тронутый... Все-жъ три года вмѣстѣ плавали!.. Только я не въ Кронштадтѣ живу, а здѣсь.

— Что же вы здѣсь дѣлаете?—удивился я.

— А вотъ-съ граню тротуары!.. — какъ-то грустно усмѣхнулся онъ.—Да разъ въ двѣ недѣли дежурю совѣтникомъ въ адмиралтействѣ... Вотъ и вся моя служба-съ!— прибавилъ Василій Ивановичъ съ горечью въ тонѣ.

— Развѣ больше не плаваете?

— Я и забылъ ужъ, какъ плаваютъ-съ... Давно сухопутнымъ морякомъ сталъ-съ... Въ родѣ швейцарскаго адмирала... Недавно вотъ въ опереткѣ съ женой смотрѣли...

— Вы женаты, Василій Иванычъ?

— Какъ же-съ... Скоро будетъ пять лѣтъ, какъ женился на старости лѣтъ!—проговорилъ, застѣнчиво улыбаясь, Василій Ивановичъ.—Можетъ, знавали покойнаго Душкина?

— Знамъ... Онъ старше меня двумя годами по выпуску.

— Ну, такъ я на вдовѣ его женатъ... Какъ же-съ... Дочь инженеръ-механика Купоросова... Померъ старикъ. Вотъ зайдите ко мнѣ... Я въ Коломнѣ живу... дешевле, знаете ли,—прибавилъ онъ, сообщая свой адресъ...—Познакомитесь съ женой. Дѣтей увидите... Ну, а вы какъ, батенька? Хорошо ли плаваете по морю житейскому?..

Мнѣ хотѣлось обстоятельнѣе побесѣдовать съ Василіемъ Ивановичемъ, вспомнить старину, и я пригласилъ его идти завтракать.

Но онъ вдругъ замялся.

— Да вы не свободны, что ли, Василій Иванычъ?

— Я бы не прочь... да, видите ли...

И Василій Ивановичъ, нѣсколько конфузясь, объяснилъ, что жена поручила ему кое-что купить въ гостиномъ дворѣ.

— Знаете ли, батенька, финтифлюшки тамъ разныя... ленточки-съ, кружева... И я обѣщалъ черезъ два часа принести.

Насилу я его уговорилъ отложить покупки. Онъ согласился, наконецъ, но все-таки прежде отправилъ къ женѣ записку съ посыльнымъ...

— По крайней мѣрѣ ждать напрасно не будетъ!—пояснилъ онъ мнѣ, словно оправдываясь.

Черезъ пять минутъ мы ужъ сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана за завтракомъ. Само собою разумѣется, любимое вино Василія Ивановича не было забыто.

— Да-съ, батенька,—говорилъ Василій Ивановичъ:—вотъ мостовыя граню-съ вмѣсто того, чтобы въ море ходить... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дали корветъ, плавалъ на немъ два лѣта, и съ тѣхъ поръ при берегѣ.

— Да и какое нынче плаваніе-съ?—продолжалъ онъ, помолчавъ.—Нынче все броненосцы-съ пошли!.. Плавать на нихъ настоящему парусному моряку не особенно лестно-съ. Это не то, что на «Голубчикѣ». Помните, какъ въ Хакодате на рейдъ входили-съ, а?—оживился Василій Ивановичъ.—По крайней мѣрѣ школа для молодежи была... да-съ!

— Такъ вы ничѣмъ и не командуете, Василій Иванычъ?

— Ничѣмъ-съ. Обѣщали было мониторъ, да не дали. Нашего брата много-съ, а судовъ въ плаванье ходитъ мало-съ... Надо хлопотать, проситься; а это, знаете ли, батенька, не въ моихъ правилахъ-съ... Коли достоинъ—

сами назначатъ, безъ напоминаній. Со стороны виднѣе-съ. Да, видно, и въ самомъ дѣлѣ негоденъ. Пора и въ сломъ-съ!.. Вотъ только трудненько жить на береговое жалованье!—прибавилъ Василій Ивановичъ, горько усмѣхаясь.—Семья большая. У жены-то отъ перваго мужа четверо дѣтей. А куда пойдешь? Поздно уже за другую службу приниматься.

Василій Ивановичъ примолкъ и черезъ минуту вдругъ сказалъ:

— И время странное, знаете ли, какое-то стало. Иной разъ думаешь, думаешь, и ничего не понимаешь. Какъ-то совсѣмъ безъ правилъ стали люди жить!..

— То-есть какъ это безъ правилъ?

— А очень просто, какъ живутъ безъ правилъ. Сегодня—одно правило, завтра—другое. Каждый только свою линію ведетъ и только и думаетъ, что о рублѣ. Какъ-то духъ сталъ ярыжническій... право.

— Это ужъ такой духъ времени, Василій Иванычъ.

— Именно духъ времени. Прежде, бывало, каждый рвался въ дальнее плаванье... лестно, знаете ли, молодому человѣку поплавать, а нынче... Какой-нибудь мичманенокъ—и уже разсчитываетъ: гдѣ больше содержанія достанется. Такъ-съ, знаете, досконально до копейки высчитаетъ—и гдѣ больше этихъ самыхъ копескъ, туда и просится. Нѣтъ, знаете ли, любви къ морю. И товарищества прежняго нѣтъ-съ! Да что и говорить!

Старикъ безнадежно махнулъ рукой.

— Вы думаете, пожалуй, что я брюзжу потому, что считаю себя обиженнымъ? Нѣтъ! Да и какая обида-съ, если разобрать? Не всѣмъ же въ адмиралы лѣзть. Вотъ скоро полный пенсіонъ выслужу, такъ, вѣроятно, и совсѣмъ уволятъ. Чего еще держать? Послужилъ, слава Богу! А все-таки противно смотрѣть, знаете ли, на этотъ духъ времени. Вѣдь любишь своихъ-то. Недавно еще... вообразите себѣ! одинъ молодой человѣкъ—ревизоромъ его назначили—въ обществѣ разсказывалъ, что онъ въ плаваніи наживетъ деньги-съ! Обороты тамъ какіе-то при покупкахъ угля и провизіи... законные, говоритъ! И еще при дамахъ разсказывалъ... Можете себѣ представить—при дамахъ-съ! Ну, развѣ не мерзость?—прибавилъ расходившійся Василій Ивановичъ.

— Не всѣ же такіе, Василій Иванычъ!

— Боже сохрани! Разумѣется, не всѣ... Но закваска

не та. Да. Странныя времена-съ. Нынче труднѣе стало жить, вотъ какъ я думаю!—заключилъ Василій Ивановичъ.

Я сталъ разспрашивать о прежнихъ сослуживцахъ, Бывшій капитанъ «Голубчика» умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; многіе вышли въ отставку; Сидоровъ командуетъ корветомъ.

— Бравый капитанъ изъ него вышелъ!—прибавилъ Василій Ивановичъ.— А Лѣсовой... помните? Тотъ въ деревнѣ живетъ... мировымъ судьей былъ. Школы разныя заводитъ. Когда пріѣзжаетъ сюда, непремѣнно меня навѣщаетъ. Славный человѣкъ. На рѣдкость

— А Карлъ Карлычъ гдѣ?

— Карлъ Карлычъ давно женился на своей Амаліи... помните? Имѣетъ хорошее мѣсто, но только отступилъ отъ своихъ правилъ!—засмѣялся Василій Ивановичъ.

— А что?

— Да какъ же! Говорилъ, что по правиламъ нужно имѣть двоихъ дѣтей, а у самого—цѣлыхъ шестеро!

— А Непенинъ гдѣ?

При имени Непенина Василій Ивановичъ насупился.

— Развѣ не слыхали? Онъ теперь важная персона-съ. На-дняхъ встрѣтились, такъ не узнаетъ. Еще бы! Гдѣ узнать? Ну, да Богъ съ нимъ! Совсѣмъ безъ правилъ человѣкъ!—рѣзко проговорилъ Василій Ивановичъ и сталъ разспрашивать о моей жизни.

МРАЧНЫЙ ШТУРМАНЪ.

I.

Послѣ трехлѣтняго дальняго плаванія съ грозными подчасъ штормами и непогодами, послѣ тепла и приволья южныхъ широтъ съ ихъ роскошными пейзажами, вѣчно грѣющимъ яркимъ солнцемъ, безпредѣльной высью бирюзоваго неба и волшебными тропическими ночами,—корветъ «Грозный» въ 186* году возвращался на далекую родину.

На корветѣ было сто семьдесятъ пять человѣкъ команды, шестнадцать офицеровъ, докторъ и іеромонахъ.

Всѣ радовались возвращенію. Долгое плаваніе, несмотря на всѣ прелести природы, порядочно-таки надоѣло. Всѣмъ—и офицерамъ, и матросамъ—хотѣлось поскорѣй на сушу, отдохнуть послѣ продолжительной, полной тревогъ и случайностей, жизни на морѣ.

Надо было поспѣть въ Финскій заливъ до заморозковъ, и потому всѣ торопились.

Чуть затихалъ попутный вѣтеръ и вся поставленная парусина еле двигала корветъ,—или вѣтеръ начиналъ задувать «въ лобъ», принуждая къ томительной лавировкѣ,—какъ отдавалось приказаніе разводить пары, и старшій механикъ, Иванъ Саввичъ Холодильниковъ, давно ужъ скучавшій по Кронштадту, гдѣ осталась молодая жена,—торопливѣй и веселѣй, чѣмъ обыкновенно, облекался въ свою просаленную и прокопченную «машинную» куртку и съ радостнымъ лицомъ бѣжалъ къ себѣ въ «преисподнюю», переваливаясь всѣмъ своимъ худымъ, костлявымъ туловищемъ, похожимъ на плохо собранную машину, и размахивая, словно крыльями, длинными, никогда не находившими мѣста, руками.

И скоро «Грозный», попыхивая дымкомъ изъ своей короткой горластой трубы, шелъ впередъ полнымъ ходомъ, подрагивая кормой подъ однообразный и равномѣрный стукъ машины.

Рѣдкіе заходы въ попутные порты за углемъ и за свѣ-

жей провизіей отличались теперь короткими стоянками, не позволявшими любознательнымъ мичманамъ основательно знакомиться съ мѣстными ресторанами и красотою туземокъ. Капитанъ, изнывавшій въ ожиданіи увидѣть жену и дѣтей, торопился самъ и поторапливалъ всѣхъ. Значительно смягчившійся характеромъ, по мнѣнію молодыхъ мичмановъ, съ тѣхъ поръ какъ получено было предписаніе «слѣдовать въ Кронштадтъ», и «разносившій» подчиненныхъ далеко не съ прежней страстной стремительностью, онъ, при каждомъ заходѣ въ портъ, безъ обычной раздражительности просилъ «медлительнаго барона», ревизора корвета, «не копаться» и какъ можно скорѣй оканчивать расчеты съ берегомъ.

Но просьбы капитана на этотъ разъ были излишни.

Баронъ Оскаръ Оскаровичъ, котораго матросы перекрестили въ «Каръ Карычъ» и звали потихоньку «долговязой цаплей», и безъ капитанскихъ просьбъ сбросилъ теперь свою упрямую, методичную и самодовольную остзейскую флегму и съ удивительной въ немъ быстротой леталъ къ консуламъ, торопилъ поставщиковъ, принималъ провизію безъ придирчивой мѣшкотни и заставлялъ грузить уголь по ночамъ, ибо, въ свою очередь, торопился въ Митаву, къ невѣстѣ; портреты ея въ различныхъ позахъ и костюмахъ влюбленный баронъ получалъ чуть ли не съ каждой почтой и теперь предвкушалъ счастіе скоро припасть къ ногамъ оригинала.

Такимъ образомъ, корветъ нигдѣ не застаивался и не терялъ времени, что, разумѣется, очень радовало всѣхъ женатыхъ людей и влюбленныхъ жениховъ и нѣсколько огорчало нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ, не сидѣвшихъ, какъ большая часть молодежи, «на экваторѣ» и мечтавшихъ-было «просадить» сотни двѣ-три франковъ въ Парижѣ. Но—увы!—въ Шербургѣ, гдѣ сперва предполагали краситься, корветъ простоялъ лишь сутки, и Парижъ «улыбнулся».

— По крайности, денежки ваши цѣлы,—утѣшалъ раздобрѣвшій за время плаванія отецъ Агаѳонъ.

— Вамъ, батя, хорошо разсуждать... Вы—монахъ.

— Въ какихъ это смыслахъ?

— А въ такихъ смыслахъ, что васъ не должна смущать прелесть француженокъ, а насъ смущаетъ... Впрочемъ, если бы вы увидали ихъ въ Парижѣ...

— Замолчите, безстыдники, — добродушно останавли-

валъ мичмановъ отецъ Агаѳонъ и затыкалъ обѣими руками уши, оставляя, однако, щелочку.

II.

Въ виду скораго окончанія плаванія и настроеніе команды сдѣлалось веселымъ и приподнятымъ. Еще бы! Матросамъ, болѣе чѣмъ кому-либо, «очертѣло» это шатанія по океанамъ, полное безпокойствъ, трудовъ и опасностей суровой морской службы, съ частыми порками и зуботычинами, съ вѣчной руганью за малѣйшую оплошность, приводившую въ ярость офицеровъ «дантистовъ», которыхъ на корветѣ было довольно-таки.

На бакѣ и въ палубѣ матросы, разсчитывавшіе послѣ «дальней» сходить домой на побывку, чаще чѣмъ прежде ляснчаютъ о «своихъ мѣстахъ», а женатые, обстоятельные матросы, и тѣ изъ холостыхъ, которые не прогуливали на берегу всѣхъ денегъ, чаще заглядываютъ въ свои парусинные мѣшки, чтобы пересмотрѣть прикопленныя за три года собственныя вещи (преимущественно рубахи) и заграничные гостинцы для бабъ. Старики, ожидающіе «чистой» и, вѣроятно, плавающіе въ морѣ послѣдній разъ въ жизни, толкуютъ между собой о разныхъ «способныхъ должностяхъ», которыя могли бы они исполнять, если не поживется въ деревнѣ.

Въ каютъ-компаніи тѣ же темы разговоровъ. Холостые офицеры съ веселымъ оживленіемъ бесѣдуютъ о томъ, кто куда поѣдетъ послѣ плаванія. Навѣрное, дадутъ шестимѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и годовой окладъ не въ зачетъ, въ видѣ награды. Значитъ, можно заново экипироваться. Особенно экспансивны мичмана, недавно произведенные изъ гардемариновъ. Многіе изъ нихъ ушли въ плаваніе безбородыми, безусыми юношами, а теперь возвращаются молодыми людьми, съ загорѣлыми, огрубѣвшими свѣжими лицами, съ шелковистыми бородками, окрѣпшими голосами, съ нѣкоторой напускною серьезностью и преувеличеннымъ щегольствомъ манерами заправскихъ «морскихъ волчковъ».

Каждаго изъ нихъ давно нетерпѣливо поджидаютъ въ семьяхъ. Каждаго сладко манитъ радость свиданія послѣ долгой разлуки и давно неиспытанная прелесть родного гнѣзда, гдѣ мать и подростки-сестры и братья съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и съ гордой любовью будутъ слушать по вечерамъ, собравшись тѣснымъ кружкомъ, раз-

сказы вернувшагося странника. И вся обстановка «той» жизни, совсѣмъ непохожая на настоящую, кажется теперь особенно уютной, пріятной и милой.

«Тамъ» не будетъ ни «мокрыхъ» ночныхъ вахтъ, ни постоянной качки, ни штормовъ, наводящихъ трепетъ, бережно скрываемый отъ чужихъ глазъ, подъ видомъ небрежнаго равнодушія, ни отчаянныхъ «разносовъ» свирѣпѣющаго отъ вѣчнаго одиночества капитана, который пріучилъ себя каждому пустяку придавать серьезное значеніе, ни замѣчаній педанта старшаго офицера, представляющагося занятымъ лишь одной службой. «Тамъ» не услышишь этихъ внезапныхъ, способныхъ разбудить мертваго, окриковъ боцмана: «Пошелъ всѣ наверхъ рифы брать!»—окриковъ, заставляющихъ среди ночи выскакивать изъ теплой койки и, наскоро одѣвшись, стремглавъ летѣть наверхъ, на палубу. «Тамъ» не придется постоянно и неизмѣнно видѣть однихъ и тѣхъ же людей, сведенныхъ на пространствѣ длиною въ 160 футъ; обязательное, непрерывное общеніе съ ними дѣлаетъ подчасъ самыхъ лучшихъ людей невыносимыми другъ другу, по крайней мѣрѣ, на время, пока «берегъ» съ его удовольствіями не дастъ новыхъ впечатлѣній, и эти самые люди, казавшіеся, благодаря скукѣ и однообразію томительнаго тридцати-дневнаго перехода, «невыносимыми»,—снова кажутся не такими ужъ тяжелыми людьми, и бесѣды съ ними, послѣ «берега», опять получаютъ интересъ. «Тамъ» нѣтъ этой тѣсной каютки, гдѣ все «пригайтовлено», — узкой и темной, съ наглухо «задраеннымъ» иллюминаторомъ, обмываемымъ сѣдой волной, которая иногда невольно заставляетъ думать, что лишь нѣсколько дюймовъ дерева отдѣляютъ человѣка отъ этого страшно-таинственнаго, бездоннаго океана, которому ничего не стоитъ поглотить корветъ со всѣми его обитателями. Какая-нибудь роковая случайность—столкновеніе, пожаръ, ураганъ—и... все кончено. Океанъ, попрежнему загадочный и таинственный, съ прежнимъ безсмысленнымъ бѣшенствомъ будетъ катить свои сѣдые валы надъ мѣстомъ, гдѣ только-что волновались, мечтали, надѣялись, словомъ—жили двѣ сотни людей...

Такія мысли объ «изнанкѣ» плаванія теперь чаще лѣзутъ въ голову, хотя, по ложному стыду, о нихъ никто не рѣшается говорить. И возвращеніе становится еще желаннѣе и милѣе. И разговоры о поѣздкахъ въ разные уголки Россіи не истощаются среди молодежи.

III.

Семейные люди -докторъ, механикъ и артиллеристъ— никуда не собираются. Имъ только бы поскорѣй добраться до Кронштадта, гдѣ свиты оставленныя ими гнѣзда. Люди солидныхъ лѣтъ, они не пускаются въ откровенныя изліянія, но зато обнаруживаютъ малодушное нетерпѣніе и раздражительность каждый разъ, когда засвѣжѣетъ противный вѣтеръ, разводя большое волненіе, и «Грозный», не отличающійся сильной машиной, еле подвигается впередъ, клюя носомъ и съ трудомъ выгребая противъ вѣтра, или когда стоянка гдѣ-нибудь кажется имъ продолжительною.

Въ первомъ случаѣ, они то и дѣло выходятъ наверхъ и сердито и безпокойно посматриваютъ и на небо, покрытое тучами, и на воду, справляются о барометрѣ и молчаливо хмурятся въ каютъ-компаніи, а во второмъ, съ затаеннымъ недоброжелательствомъ бросаютъ взгляды на ревизора, когда онъ, усталый отъ бѣготни, хлопотъ и пререканій на берегу, возвращается на корветъ и съ мрачнымъ видомъ, молча, пьетъ чай въ каютъ-компаніи, только-что выругавъ совершенно безвиннаго вѣстового.

«И чего онъ копался на берегу, этотъ долговязый баронъ? Отчего до сихъ поръ не везутъ угля? Вѣдь такъ мы опоздаемъ въ Кронштадтъ!»—досадливо думаютъ они. И всѣ косо поглядываютъ на «долговязаго барона».

Но ревизоръ мраченъ, какъ ночь, и никто не отваживается на разспросы, выжидая, когда начинавшее лысѣть чело молодого барона немного прояснится.

Въ эту минуту входитъ въ каютъ-компанію мичманъ Петровъ, прозванный «легкомысленнымъ мичманомъ». Онъ только-что выспался передъ ночной вахтой и, замѣтивъ ревизора, немедленно спрашиваетъ, щуря спросонковъ глаза:

— Что, баронъ, скоро дождемся угля?

Это было слишкомъ даже и для такого флегматика, какъ «долговязая цапля»! Этимъ угломъ его ужъ успѣли довести до бѣлаго каленія, едва онъ, выскочивъ со шлюпки, показался на палубѣ.

— Когда же уголь?—встрѣтилъ его съ нѣмымъ укоромъ капитанъ, едва сдерживаясь отъ желанія, по крайней мѣрѣ, «вдребезги разнести» барона.

— Скоро ли уголь-съ?—сухо спросилъ старшій офицеръ.

— Отчего не везутъ угля?—считалъ долгомъ остановить барона каждый изъ гулявшихъ на палубѣ.

Хотя баронъ, щеголявшій своей джентльменской остзейской выдержкой, и отвѣчалъ всѣмъ, по обычаю, изысканно любезно, длинно и обстоятельно, но внутри у него кипѣло. Раздраженный и отсутствіемъ обѣщанныхъ консуломъ шаландъ съ углемъ, и нѣмымъ укоромъ капитана, во взглядѣ котораго онъ ясно прочелъ сдержанную злобу, и обиліемъ этихъ вопросовъ объ углѣ, полныхъ, казалось, скрытыхъ обвиненій, баронъ былъ весь начиненъ досадою и гнѣвомъ, когда, наконецъ, спустился въ каютъ-компанію и молча отхлебывалъ чай, чувствуя бросаемые на него не особенно ласковые взгляды доктора и остальныхъ женатыхъ.

Такимъ образомъ, вопросъ «легкомысленнаго мичмана» былъ фитилемъ, приставленнымъ къ заряженной пушкѣ.

И баронъ теряетъ свое самообладаніе. Весь вспыхивая, онъ накидывается на мичмана.

— Да что вы ко мнѣ пристаете съ угломъ, позвольте васъ спросить?—восклицаетъ онъ раздраженнымъ гнѣвнымъ голосомъ.—На себѣ я его привезу, что ли, какъ вы думаете?

Но такъ какъ мичманъ, ошалѣвшій отъ этого неожиданнаго взрыва, въ первую секунду могъ лишь удивленно вытаращить глаза, то баронъ снова выпаливаетъ:

— Развѣ я виноватъ, что этотъ англичанинъ, имѣющій честь называться русскимъ консуломъ,—такое животное? Долженъ ли я отвѣчать за него, или не долженъ, по вашему мнѣнію?

И, разумѣется, не дожидаясь мнѣнія мичмана, баронъ продолжалъ «разряжаться».

«Онъ, вотъ, съ ранняго утра, сегодня, какъ собака, рыскалъ по городу, высунувши языкъ, а всѣ: «когда уголь?», «отчего нѣтъ угля?» Нечего сказать, деликатно! Поѣхали бы сами, посмотрѣли, какъ съ консуломъ дѣла дѣлать. Три раза онъ былъ у этого рыжаго дьявола изъ-за угля. Сперва-было совсѣмъ отказалъ найти людей по случаю воскресенья... Наконецъ, далъ слово, что къ шести часамъ шаланды будутъ, а ихъ нѣтъ. Это чортъ знаетъ, что такое! Пускай капитанъ жалуется на подобныхъ консуловъ... Консулъ—скотина, а ревизоръ виноватъ.»

— Покорно васъ благодарю!—неожиданно прибавляетъ баронъ, взглядывая со злостью на мичмана.

— Но позвольте, баронъ...

— Что «баронъ»! Барону никакого отдыха нѣтъ... Барону вотъ сію минуту надо опять ѣхать на берегъ изъ-за этого консула, а вамъ что?.. Спите, сколько угодно... Покорно благодарю!

— Да развѣ я, баронъ...

— Побыли бы вы ревизоромъ, испытали бы эту каторгу,—продолжаетъ онъ, нѣсколько смягчаясь, попрежнему не обращая ни малѣйшаго вниманія на попытки мичмана докончить фразу.

По счастію, вбѣгаетъ разсыльный и докладываетъ, что идутъ шаланды съ углемъ.

И баронъ, не докончивъ чая и своихъ ламентацій, выскакиваетъ наверхъ. Лица женатыхъ проясниваются. Только «легкомысленный мичманъ» съ минуту находится въ недоумѣніи: «за что это обрушилась на него долговязая цапля?»

— Вѣрно, попало ему отъ капитана, а?—смѣется онъ, обращаясь къ присутствующимъ.

IV.

По мѣрѣ того, какъ «Грозный» приближается къ сѣверу, видимо возрастаетъ общее нетерпѣніе. Уже высчитываютъ остающіеся дни плаванія («если, Богъ дастъ, не будетъ никакихъ случайностей»,—опасливо прибавляютъ люди постарше) и чаще стыдятъ старшаго механика за то, что «Грозный», несмотря на полный ходъ и на самую благопріятную погоду, «ползетъ», какъ черепаха, всего по семи съ половиною узловъ въ часъ.

— Хоть бы до восьми постарались, Иванъ Саввичъ!—говорятъ ему, когда онъ показывается въ каютъ-компаніи.

Всѣ, разумѣется, отлично знали, что Иванъ Саввичъ, заботившійся о своей «машинкѣ», какъ нѣжно называлъ онъ двухъ-сотъ-пятидесяти-сильную машину корвета, точно о родной дочери, и самъ «старался» и нисколько не виноватъ, что его «машинка» бо̀льшаго хода давать не могла, но надо же было излить досаду нетерпѣнія, тѣмъ болѣе, что объектъ этихъ жалобъ, милѣйшій Иванъ Саввичъ, былъ въ высшей степени мягкій, добродушный и невозмутимый человѣкъ.

И онъ не обижался.

Покуривая дешевую манилку и теребя свои рѣденькія рыжеватыя бакенбарды, окаймлявшія рябое, покрытое вес-

пушками лицо со съѣхавшимъ чуть-чуть на сторону носомъ и большими голубыми глазами, кроткое и умное выраженіе которыхъ значительно смягчало некрасивость его лица, Иванъ Саввичъ терпѣливо отмалчивался или замѣчалъ, добродушно улыбаясь:

— Больше ходу взять неоткуда... Слава Богу, идемъ хорошо. И то подшипники нагрѣваются!—озабоченно прибавлялъ Иванъ Саввичъ.

— Нечего сказать... хорошъ ходъ!.. — иронизировалъ кто-нибудь.

— И такого хода не будетъ.

— Это почему?

— А если засвѣжѣетъ... Кажется, къ тому дѣло идетъ!—пугалъ Иванъ Саввичъ.

— Типунъ вамъ на языкъ, Иванъ Саввичъ!

— Небойсь, этого не любите!—смѣется Иванъ Саввичъ.

Но когда суточное плаваніе корвета, благодаря попутному вѣтру, бывало не менѣе двухсотъ миль, большая часть семейныхъ людей расцвѣтала.

Экспансивнѣе другихъ женатыхъ выражалъ въ такіе дни свою радость докторъ Лаврентій Васильевичъ Жабринъ, высокій, крупныхъ размѣровъ, видный толстякъ, лѣтъ за сорокъ, съ громаднымъ животомъ, снискавшимъ ему большой почетъ и уваженіе среди китайцевъ. Его шаровидное румяное лицо съ двойнымъ подбородкомъ, съ мясистымъ носомъ, толстыми сочными губами и маленькими заплывшими жиромъ глазками,—лицо съ благодушно-довольнымъ выраженіемъ уравновѣшеннаго человѣка теперь положительно сіяло и потому, вѣроятно, казалось еще ординарнѣе и глупѣе, чѣмъ обыкновенно.

Лаврентій Васильевичъ былъ совсѣмъ облѣнившійся, зажирѣвшій человѣкъ, идеалы котораго давно сузились въ рамкахъ маленькаго, нетребовательнаго личнаго благополучія и лѣниваго покоя. Въ теченіе трехъ лѣтъ плаванія онъ бо́льшую часть времени просиживалъ на своемъ постоянномъ почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ мѣстомъ старшаго офицера—на диванѣ или въ пріятномъ и всегда нетерпѣливомъ ожиданіи часовъ ѣды, или въ осовѣломъ состояніи хорошо покушавшаго обжоры, чувствующаго ко всѣмъ приливъ необыкновеннаго дружелюбія вмѣстѣ съ неодолимымъ желаніемъ разстегнуть нижнія пуговицы, стѣсняющія громадный животъ, и подремать, подсапывая и подсвистывая носомъ, съ засусленной сигарой во рту.

Это неизмѣнно блаженное настроеніе доктора нарушалось лишь тогда, когда на корветѣ случались больные. Тогда Лаврентій Васильевичъ становился раздражительнымъ и озабоченнымъ. Онъ терпѣть не могъ больныхъ, особенно такихъ, которые продолжали хворать и послѣ натиранія горячимъ уксусомъ—этого излюбленнаго Лаврентіемъ Васильевичемъ средства противъ всякихъ болѣзней. Приходилось, такимъ образомъ, безпокоиться и изыскивать другія средства, а между тѣмъ профессіональныя познанія доктора, повидимому, были не изъ обширныхъ. Онъ давно не заглядывалъ въ медицинскія книжки и предоставлялъ больше природѣ дѣлать свое дѣло, помогая лишь ей уксусомъ, горчичниками и касторовымъ масломъ. Вѣроятно, потому онъ отрицалъ и самую медицину, утверждая, что она еще въ младенчествѣ, что еще не вполнѣ дознано, какъ лѣкарства дѣйствуютъ на организмъ, и, слѣдовательно, несравненно, молъ, лучше обходиться, по возможности, безъ лѣкарствъ.

И обыкновенно добродушный Лаврентій Васильевичъ серьезно сердился, когда матросъ жаловался на нездоровье.

— Ну, чѣмъ ты, каналья, боленъ? Какая у тебя болѣзнь можетъ быть? Просто полодырничать въ лазаретѣ захотѣлось, а? Такъ ты такъ и скажи, а то: боленъ!

— Никакъ нѣтъ, вашескородіе... Ломитъ всего... Нутренности горятъ, вашескородіе...

— Гмм... Ломитъ? «Нутренности» горятъ? — сердито ворчитъ Лаврентій Васильевичъ. — Посмотримъ, посмотримъ, братецъ... Покажи-ка языкъ!

Матросъ добросовѣстно высовываетъ языкъ, весь покрытый бѣлой пленкой.

Докторъ хмурится. «Кажется, въ самомъ дѣлѣ боленъ, шельма»,—думаетъ онъ.

— Такъ ломитъ, говоришь ты?

— Ломитъ, вашескородіе.

Лаврентій Васильевичъ тогда пробуетъ рукой голову, щупаетъ пульсъ и, обращаясь къ фельдшеру, отважно приказываетъ:

— Антоновъ! Натереть его покрѣпче горячимъ уксусомъ да напоить малиной... Пусть хорошенько пропотѣетъ. А къ вечеру, если не будетъ лучше, дать двѣ ложки касторовaго масла...

— Не прикажете ли, ваше высокоблагородіе, для

вѣрности дать пріемъ хины на случай, если febris gastrica...

— Что-жъ, можно и хинки дать... Дай, братецъ, дай.

— Сколько прикажете: десять грановъ?

— Пожалуй, десять.

По счастію для врача, а еще болѣе для матросовъ, серьезно больныхъ на корветѣ почти не было, и такимъ образомъ уксусъ, малина, горчичники и касторовое масло успѣшно дѣлали свое дѣло вмѣстѣ съ фельдшеромъ Антоновымъ, къ которому матросы гораздо охотнѣе прибѣгали за помощью, чѣмъ къ «лѣнивому борову», какъ нелюбезно звали доктора на бакѣ.

Возвращеніе въ Россію нѣсколько встряхнуло Лаврентія Васильевича. Онъ сбросилъ обычную лѣнь и неподвижность и по временамъ даже «нервничалъ», т.-е. ѣлъ безъ особеннаго обжорства. Въ «счастливые дни» хорошаго суточнаго плаванія онъ оживлялся, охотно угащивалъ желающихъ «марсальцей» и чирутками изъ Маниллы, разсказывалъ свои любимые анекдоты скоромнаго содержанія (давно, впрочемъ, всѣми слышанные), первый заливаясь, въ концѣ анекдота, густымъ, сочнымъ, утробнымъ смѣхомъ, и надоѣдалъ всѣмъ разспросами: «когда придемъ въ Кронштадтъ?»

«Скорѣй бы добраться! Довольно съ него этого долгаго плаванія. Шутка сказать: три года! Онъ ужъ больше ни за что не оставитъ своей Марьи Петровны и троихъ ребятокъ и не пойдетъ за границу (Богъ съ ней!), хоть заграничное плаваніе и выгодно, конечно, въ матеріальномъ отношеніи. Но онъ не гонится за большимъ. Онъ не жаденъ къ деньгамъ и не мечтаетъ о карьерѣ. Онъ не намѣренъ, ради усиленнаго оклада, подвергаться безпокойствамъ и жить въ разлукѣ съ любимой семьей. Довольно и трехъ лѣтъ!.. Слава Богу, за три года онъ кое-что скопилъ про запасъ».

— По нашимъ скромнымъ требованіямъ, какъ-нибудь проживемъ и съ береговымъ содержаніемъ!—весело, съ чувствомъ полнаго удовлетворенія, прибавлялъ довольный Лаврентій Васильевичъ, заранѣе предвкушавшій сладость осуществленія своей давнишней мечты, изъ-за которой, собственно говоря, онъ, этотъ лѣнивый толстякъ и счастливый семейный человѣкъ, и просился въ кругосвѣтное плаваніе. Мечта эта—покупка маленькаго деревяннаго домика, съ садикомъ,—конечно, въ одной изъ

дальнихъ кронштадтскихъ улицъ, гдѣ дома дешевле,— уже высмотрѣннаго и приготовленнаго Марьей Петровной, образцовой хозяйкой и женой, до сихъ поръ влюбленной въ своего «Лаврика», такой же высокой, крупной, дебелой и еще моложавой, какъ и ея супругъ. Тамъ, въ собственномъ домикѣ, планъ котораго недавно прислала жена, онъ отлично размѣстится въ шести комнатахъ со своей «Машетой» и тремя мальчуганами и снова заживетъ въ семьѣ, среди любимыхъ и любящихъ лицъ, въ привольѣ домашняго уюта и общей ласки, не стѣсняясь лѣтомъ ходить по саду въ своемъ любимомъ халатѣ. Садъ-то вѣдь собственный!.. Покойное мѣсто старшаго экипажнаго врача (лѣчить больныхъ, слава Богу, не придется— на то есть госпиталь!), не требующее никакихъ занятій, хозяйственныя бесѣды по утрамъ за чаемъ съ Марьей Петровной, прогулка по службѣ въ казармы, въ полдень рюмка-другая хорошей водки съ домашними соленьями, въ третьемъ часу сытный домашній обѣдъ въ веселой компаніи вернувшихся изъ гимназіи двухъ старшихъ мальчиковъ и маленькаго, общаго баловня, чудесныя наливки и славное варенье къ чаю, заготовленныя въ изобиліи къ пріѣзду Лаврентія Васильевича, сладкая дремота послѣ обѣда въ креслѣ и ласковый шопотъ жены: «усни, Лаврикъ, на кровати», вечера въ клубѣ или дома съ нѣсколькими хорошими игроками за вистомъ по маленькой, этакъ роберовъ двѣнадцать, вкусная закуска съ обильной выпивкой привезенной марсалы и затѣмъ безмятежный сонъ счастливаго человѣка на мягкой пуховой постели рядомъ со своей «Машетой», необыкновенно авантажной въ своемъ кокетливомъ ночномъ чепчикѣ, изъ-подъ котораго выбиваются черныя косы, всегда нѣжной и ласковой (даже въ случаѣ проигрыша «Лаврикомъ» за вистомъ)—не счастливая ли это, въ самомъ дѣлѣ, жизнь, за которую можно только благодарить судьбу!?

Такія мысли въ послѣднее время все чаще и чаще приходили въ голову благополучнаго Лаврентія Васильевича, и онъ все болѣе и болѣе разгорался желаніемъ скорѣе вкусить давно неиспытанныхъ тихихъ радостей семейной жизни и броситься въ объятія своей вѣрной «Машеты». И сама эта тридцатипятилѣтняя, полная и рыхлая «Машета», съ моложавымъ и румянымъ, но самымъ банальнымъ лицомъ, которую мичмана, видѣвшіе Марью Петровну на проводахъ, дерзко окрестили «холмогорской ко-

ровой», рисовалась теперь пылкому воображенію соломеннаго вдовца въ самомъ очаровательномъ, соблазнительномъ видѣ, далеко не соотвѣтствующемъ дѣйствительности.

— Черезъ недѣлю придемъ, не правда ли?—обращался ко всѣмъ возбужденно Лаврентій Васильевичъ.

— Придемъ... придемъ!.. А, небойсь, много везете съ собой денегъ, докторъ?—спрашивали молодые люди.

— Такъ, кое-какія деньжонки есть!—съ уклончивой скромностью отвѣчалъ докторъ.

— У доктора, господа, въ кубышкѣ, навѣрное, тысячъ десять лежитъ!—увѣренно выпаливаетъ «легкомысленный мичманъ, возвращавшійся, какъ и большая часть молодежи, безъ гроша въ карманѣ.

— Ужъ и десять! Не жирно ли будетъ?

— А сколько?

— Слава Богу, если тысчонки три наберется!—скромно говорилъ онъ, уменьшая, про всякій случай, на двѣ тысячи съ хвостикомъ цифру своихъ сбереженій.

— Не маловато ли, докторъ?

— А вы, видно, лучше меня знаете?—недовольно замѣчаетъ Лаврентій Васильевичъ, не особенно охотно посвящавшій постороннихъ въ свои денежныя дѣла.

— Мы думали, гораздо болѣе, и разсчитывали, что вы, по случаю возвращенія, насъ всѣхъ угостите шампанскимъ!

— Ну, ужъ это шалите!.. У меня на шампанское, господа, денегъ нѣтъ... У меня не шальныя деньги, какъ у васъ, у легкомысленнаго мичмана! Однако, что-жъ это не накрываютъ на столъ?—круто обрываетъ докторъ щекотливый разговоръ.—Ужъ время и обѣдать!—прибавляетъ онъ, взглядывая на часы.

И при мысли объ обѣдѣ маленькіе «свиные» глазки Лаврентія Васильевича загораются плотояднымъ огонькомъ. Онъ освѣдомляется, какія будутъ кушанья, и сладко подсасываетъ своими толстыми мясистыми губами.

V.

Среди всѣхъ этихъ радостныхъ и веселыхъ лицъ моряковъ одинъ лишь старшій штурманскій офицеръ, Никандръ Мироновичъ Пташкинъ, сохранялъ обычный свой сдержанный, холодный и сумрачный видъ, не обнаруживая ничѣмъ, по крайней мѣрѣ на людяхъ, ни нетерпѣнія, ни радости по случаю возвращенія въ Россію и никогда не за-

говаривая объ этомъ, точно ему было все равно и точно его никто не ждалъ въ Кронштадтѣ.

Онъ былъ, какъ и всегда, молчаливъ и серьезенъ, этотъ непроницаемый и для многихъ загадочный человѣкъ, строгій педантъ по службѣ, аккуратный, какъ судовые хронометры, за которыми смотрѣлъ, точный, какъ его ежедневныя вычисленія, ни съ кѣмъ не сближавшійся за время трехлѣтняго плаванія и державшійся неизмѣнно особнякомъ, съ амбиціознымъ чувствомъ собственнаго достоинства и подозрительной осторожностью непомѣрно мнительнаго и самолюбиваго человѣка, не допускавшаго никакой короткой фамильярности, никакой шутки въ отношеніяхъ, особенно со стороны флотскихъ офицеровъ—этихъ «аристократовъ службы», къ которымъ, въ качествѣ «парія-штурмана», онъ питалъ традиціонную глухую ненависть, зависть и затаенное презрѣніе.

А между тѣмъ навряд ли былъ на корветѣ человѣкъ, который бы ждалъ прихода въ Кронштадтъ съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ, какъ этотъ самый «непроницаемый» Никандръ Мироновичъ, цѣломудренно-ревниво таившій отъ постороннихъ глазъ свои чувства, словно бы боясь профанировать ихъ и показаться смѣшнымъ въ образѣ влюбленнаго пожилого мужа.

Онъ, какъ школьникъ, считалъ у себя въ каютѣ остающіеся дни и часы до предположеннаго имъ прихода, мучительно страдалъ при каждой задержкѣ и безумно радовался при каждомъ лишнемъ узлѣ, замирая, какъ влюбленный юноша, при мысли о свиданіи съ молодой женой, которая была все въ его жизни: ея счастье, радость, ея единственный смыслъ. Онъ успѣлъ съ ней пробыть лишь два счастливые короткіе года и любилъ, вѣрнѣе, боготворилъ жену со всею глубиной и силой своей первой поздней страсти, полный благодарной признательности пожилого, сознающаго свою скромную внѣшность, человѣка къ молодому, расцвѣтающему созданію, которое сѣренькіе мрачные будни его прежней одинокой, никому ненужной жизни вѣчнаго труженика обратило во что-то свѣтлое и радостное, хотя по временамъ и жутко-мучительное, когда внезапно набѣгала мнительная мысль: «а что, какъ это счастье вдругъ кончится, и жена полюбитъ кого-нибудь молодого, красиваго, изящнаго, какъ она сама?»

Ужасъ охватывалъ въ такія минуты Никандра Мироновича...

VI.

Въ день ухода изъ Кронштадта она пріѣзжала на корветъ проводить мужа, эта свѣжая, стройная, со вкусомъ одѣтая, красивая, молодая брюнетка, съ прелестными черными глазами, съ родинкой на щекѣ и раздувающимися розовыми ноздрями задорно приподнятаго носика надъ пунцовой, подернутой пушкомъ, губой. Она была задумчива, серьезна и слегка грустна, что, однако, не мѣшало ей по временамъ улыбаться, показывая маленькіе, ослѣпительной бѣлизны зубки, и украдкой отъ мужа бросать на любующихся ею молодыхъ моряковъ быстрые, какъ молнія, полные жизни, блеска и огня, кокетливые взгляды и тотчасъ же скромно опускать ихъ, прикрывая глаза, словно сѣткой, длинными густыми рѣсницами и снова принимая прежній задумчивый и печальный видъ жены, опечаленной разлукой.

Но какимъ жалкимъ и несчастнымъ, рядомъ съ этой высокой и эффектной, сіявшей красотою и молодостью женщиной казался бѣдный Никандръ Мироновичъ, маленькій, худой, поджарый и сутуловатый, со своими врозь разставленными, по морской привычкѣ, слегка изогнутыми, короткими ножками!

Обычное суровое выраженіе, въ которомъ чувствовалась энергія сильнаго характера, теперь исчезло съ его умнаго, но крайне невзрачнаго лица, сухощаваго, старообразнаго, точно сморщеннаго, съ непропорціонально большимъ, книзу опущеннымъ носомъ, неуклюже торчащимъ между плоскихъ, желтыхъ щекъ, испещренныхъ бородавками.

Взволнованное, сконфуженное и словно еще болѣе постарѣвшее, блѣдное, съ нервно-вздрагивающей губой, лицо штурмана свѣтилось выраженіемъ безпредѣльной любви и глубокой скорби, когда онъ взглядывалъ на жену долгимъ, неотрывающимся взглядомъ своихъ сѣрыхъ, теперь необыкновенно кроткихъ глазъ. И напрасно Никандръ Мироновичъ, желая скрыть отъ постороннихъ волненіе и печаль, старался принять свой обычный суровый видъ или пробовалъ улыбаться. Улыбка, кривившая его губы, выходила неестественная, жалкая, и никакого «вида», кромѣ страдальчески безпомощнаго, у бѣднаго Никандра Мироновича не было.

Появленіе этой красивой, какъ куколка одѣтой, молодой женщины произвело нѣкоторую сенсацію среди офицеровъ

и многочисленной публики провожавшихъ. Мужчины любовались ею, а «флотскія» дамы, кронштадтскія «патриціанки», оглядывали и госпожу Пташкину, и ея элегантный костюмъ завистливыми, удивленными глазами, словно бы изумляясь, что жена «какого-нибудь штурмана» можетъ быть такъ хороша и изящна.

Проходившій мимо, съ озабоченнымъ лицомъ, старшій офицеръ, увидавъ красивую брюнетку, невольно уменьшилъ шагъ, неизвѣстно зачѣмъ покрутилъ свой длинный усъ и пошелъ далѣе, взглянувъ на Никандра Мироновича завистливо и сердито, точно хотѣлъ сказать: «И зачѣмъ это у тебя, у штурмана, такая красивая жена!»

Въ небольшой кучкѣ молодежи между тѣмъ шелъ оживленный обмѣнъ впечатлѣній. Восхищались и глазами, и руками, и «вообще», и детально.

— И гдѣ это штурманъ могъ подцѣпить такую красавицу, скажите на милость?

Оказалось, что никто этого не зналъ и никто раньше не видалъ ее въ Кронштадтѣ.

— Но она-то хороша!.. Выйти замужъ за такое мурло, какъ Никандръ Мироновичъ! — съ сердцемъ замѣтилъ «легкомысленный мичманъ».

— Настоящій карла Черноморъ передъ Людмилой!

— Небойсь, уйдемъ,—явится и Руслапъ!..

— Тише... Еще, пожалуй, услышитъ!..

— И по дѣломъ! Не женись на такой хорошенькой!

Замѣтилъ ли Никандръ Мироновичъ всѣ эти любопытные, нечистые взгляды, бросаемые на жену, или до него долетѣло какое-нибудь изъ пошлыхъ восклицаній, но только лицо его вдругъ какъ-то болѣзненно перекосилось, и онъ прошепталъ:

— Пойдемъ ко мнѣ въ каюту, Юленька. Здѣсь столько народу...

— Какъ хочешь, мой другъ... Только не душно ли тамъ?

Голосъ Юленьки звучалъ мягко и нѣжно, словно гладилъ.

— Ты боишься духоты? Такъ останемся!—съ грустной покорностью промолвилъ Никандръ Мироновичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ...

Они ушли внизъ и не вышли къ прощальному завтраку въ каютъ-компаніи.

— Ишь, Отелло какой! Даже полюбоваться не даетъ!— смѣялись мичмана.

Уже гудѣли пары, выхаживали якорь, и провожавшіе родные и друзья стали по сходнѣ переходить на пароходъ, стоявшій бортъ-о-бортъ съ корветомъ, когда на палубѣ показался Никандръ Мироновичъ съ женой.

Она имѣла разстроенный, печальный видъ, утирала обильно льющіяся слезы и повторяла: «Смотри же, пиши чаще, береги себя!» Никандръ Мироновичъ ничего не говорилъ. Блѣдный какъ полотно, видимо осиливая душевную муку, онъ былъ безнадежно спокоенъ, какъ человѣкъ, мужественно идущій на казнь, къ которой успѣлъ приготовиться. Онъ довелъ жену до сходни, крѣпко сжалъ ея руку, хотѣлъ что-то сказать, но судорога сжала горло, и онъ только махнулъ головой и торопливо взошелъ на мостикъ, на свое мѣсто.

Пароходъ съ провожатыми отошелъ, и «Грозный» тихо тронулся впередъ, плавно разсѣкая воду...

— Счастливаго пути!.. Прощайте!.. Прощай!..

Съ парохода кричали, кланялись, махали фуражками, зонтиками, платками. Съ корвета отвѣчали тѣмъ же.

Никандръ Мироновичъ молча смотрѣлъ безсмысленнымъ взглядомъ на корму парохода, гдѣ стояла его жена и махала голубымъ зонтикомъ. Корветъ забралъ ходу, и безконечно дорогого лица не было видно. Только свѣтло-яркое пятно женской фигуры пестрѣло на кормѣ парохода, но и оно, черезъ нѣсколько минутъ, ушло отъ жадныхъ глазъ, слившись въ темной каймѣ человѣческихъ головъ. И самый пароходъ, уносившій отъ Никандра Мироновича единственно-любимое имъ существо, становился все меньше и меньше.

Круто повернувшись отъ парохода, Никандръ Мироновичъ незамѣтно смахнулъ рукой катившіяся по щекамъ предательскія слезы, глубоко и тяжко вздохнулъ и съ большимъ морскимъ биноклемъ въ рукѣ сталъ внимательно наблюдать за благополучнымъ проходомъ корвета по фарватеру кронштадтскаго рейда, снова принявъ свой обычный суровый видъ «мрачнаго штурмана», какимъ всѣ привыкли его видѣть.

VII.

Никандръ Мироновичъ Пташкинъ принадлежалъ къ типу «ожесточеннаго», «непримиримаго» штурмана.

Человѣкъ умный, таившій въ глубинѣ души не мало чистолюбія, натура вообще недюжинная, энергичная и бо-

гато одаренная, онъ сознавалъ и чувствовалъ въ себѣ, быть-можетъ, болѣзненно преувеличивая и мнительно питая это чувство, служебную безвыходность и приниженность.

Его возмущало это неравенство, развившееся на почвѣ сословныхъ привилегій и предразсудковъ *), создавшихъ въ старинное время во флотѣ дѣленіе на касты. Для привилегированныхъ патриціевъ, флотскихъ офицеровъ,—всѣ отличія и почести, такъ сказать, сливки службы, а для плебея-штурмана—вѣчное подчиненное положеніе, труженическая отвѣтственная работа и—ничего впереди!..

А между тѣмъ служба штурмана была весьма важная и требовала основательныхъ знаній. Штурманъ прокладывалъ на картѣ путь, дѣлалъ счисленіе, описи береговъ и съемки, производилъ астрономическія наблюденія для опредѣленія мѣста корабля, наблюдалъ за морскими картами, за вѣрностью компасовъ, за хронометрами,—однимъ словомъ, вѣдалъ, главнымъ образомъ, кораблевожденіе и вслѣдъ за капитаномъ первый подвергался строгой отвѣтственности по суду, въ случаѣ постановки судна на мель или другого какого-либо несчастія, бывшаго слѣдствіемъ ошибки или незнанія штурмана.

Эта серьезная часть морского дѣла всецѣло лежала на штурманахъ, особенно въ старое время, когда флотскіе офицеры гнушались «подлымъ», не дворянскимъ, цифирнымъ дѣломъ (недаромъ и штурмановъ презрительно звали «цифирниками»), и большая часть капитановъ плохо или даже совсѣмъ не знала штурманской части, ограничиваясь управленіемъ судовъ и военнымъ обученіемъ командъ. Безъ хорошаго штурмана многіе капитаны въ старину не могли бы плавать, и по этому поводу прежде ходило не мало анекдотовъ среди моряковъ.

Приниженное положеніе штурмановъ не ограничивалось ихъ служебной карьерой. И внѣ службы штурманъ, какъ человѣкъ не «бѣлой кости», былъ, такъ сказать, «отвер-

*) Исключительное положеніе штурмановъ во флотѣ явилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сословнаго различія. Дѣло въ томъ что прежде флотскими офицерами могли быть лишь потомственные дворяне. Представители другихъ сословій не имѣли доступа въ морскую (флотскую) службу. Штурмана же (какъ и механики, и морскіе артиллеристы) не принадлежали къ привилегированному классу и были изъ разночинцевъ—изъ такъ-называемыхъ «оберъ-офицерскихъ» дѣтей, изъ личныхъ дворянъ, изъ бывшихъ кондукторовъ и т. п. Въ настоящее время штурмана упразднены.

женцемъ». Онъ не былъ принятъ въ привилегированной кастѣ флотскихъ. Его чуждались. Ни одинъ изъ моряковъ не подумалъ бы выдать дочь за штурманскаго офицера. Начальство третировало штурмана съ презрительной грубостью; сослуживцы—съ небрежнымъ превосходствомъ. Штурманъ считался человѣкомъ «низшей расы», «бурбономъ». Надъ нимъ издѣвались. Въ старину про штурмановъ даже была сложена пѣсенка, начинавшаяся словами:

Штурманъ! дальше отъ комода!
Штурманъ! чашку разобьешь!

Подъ вліяніемъ такого отношенія, сложились типичныя черты штурмана стараго времени. Это былъ обыкновенно молчаливый, загнанный человѣкъ, зачастую выпивавшій, съ грубыми манерами, вѣчный труженикъ, педантичный морской служака, молча и повидимому безъ ропота тянувшій лямку и переносившій грубости капитановъ стараго закала, но въ глубинѣ души оскорбленный и нерѣдко ожесточенный, питавшій глухую и непримиримую вражду ко всѣмъ флотскимъ, только потому, что они флотскіе.

Вѣянія шестидесятыхъ годовъ не прошли безслѣдно и для замкнутаго морского мірка съ его кастовыми предразсудками. Многое измѣнилось въ немъ подъ вліяніемъ новыхъ идей, охватившихъ общество и правительство. Обращеніе съ матросомъ, отличавшееся особенной суровостью, доходившею до звѣрства, смягчилось. Измѣнились, конечно, и прежнія безобразныя отношенія между «патриціями» и «плебеями» морской службы. Никто не осмѣлился бы запѣть: «Штурманъ! дальше отъ комода!..» Но вкоренившіеся въ сознаніе людей кастовые предразсудки не могли исчезнуть сразу, и въ самыхъ, повидимому, любезныхъ и равноправныхъ отношеніяхъ моряковъ къ штурманамъ все-таки невольно проглядывало старое, годами унаслѣдованное сознаніе своего привилегированнаго положенія, что, разумѣется, чувствовалось штурманами и не охлаждало традиціонной вражды, тѣмъ болѣе, что и служебное положеніе штурмановъ не измѣнилось.

Реформы не коснулись этихъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» тружениковъ морской службы.

— Всѣхъ нынче освобождаютъ, только штурмановъ, видно, не хотятъ! Да и не стоитъ. Развѣ штурманъ, въ глазахъ многихъ, человѣкъ?!.. Штурманъ—терпѣливое и безропотное животное... Кто подниметъ за него голосъ.

Такъ изрѣдка говаривалъ съ ядовитой, насмѣшливой

ироніей Никандръ Мироновичъ, обращаясь къ своему помощнику, молодому штурманскому прапорщику, но, очевидно, говоря для всѣхъ сидѣвшихъ въ каютъ-компаніи моряковъ и словно бы вызывая на отвѣтъ.

И угрюмое лицо Пташкина, и его тихій, слегка скрипучій голосъ были полны злости.

Никто не подавалъ отвѣта, и Никандръ Мироновичъ снова упорно молчалъ.

VIII

Между «мрачнымъ штурманомъ» (такъ звали за глаза Никандра Мироновича) и большинствомъ сослуживцевъ установились холодныя отношенія, оставшіяся неизмѣнными во все время долгаго плаванія. Штурмана не долюбливали.

Всѣ признавали, что Никандръ Мироновичъ превосходный и образованный офицеръ; всѣ соглашались, что Никандръ Мироновичъ человѣкъ безукоризненной честности; но его отчужденіе, его, чувствуемая всѣми, глухая непріязнь, тяжелый, угрюмый, озлобленный характеръ и, наконецъ, нѣкоторые его взгляды, казавшіеся многимъ морякамъ черезчуръ либеральными, все это невольно возбуждало и къ нему, въ свою очередь, не особенно дружелюбныя чувства.

Несмотря, однако, на такое не особенно лестное мнѣніе о характерѣ Никандра Мироновича, составившееся въ каютъ-компаніи, этотъ молчаливый и серьезный человѣкъ внушалъ къ себѣ невольное уваженіе и нѣкоторую боязливость имѣть съ «мрачнымъ штурманомъ» столкновеніе. Всѣ были съ нимъ особенно осторожны, избѣгая затѣвать съ Никандромъ Мироновичемъ споры, особенно на нѣкоторыя щекотливыя темы, и не позволяя себѣ со штурманомъ никакой шутки, никакой фамильярности, обычной въ тѣсномъ каютъ-компанейскомъ кружкѣ. Каждый хорошо зналъ, что Никандръ Мироновичъ этого не любилъ, и что, несмотря на свою сдержанность и умѣніе владѣть собой, можетъ серьезно разсердиться, а задѣвать его небезопасно.

И никто никогда не рѣшался шутить съ нимъ. Молодежь какъ-то невольно стѣснялась при немъ вести фривольные разговоры о женщинахъ, зная, что такихъ разговоровъ Никандръ Мироновичъ особенно не могъ терпѣть. Онъ ничего, по обыкновенію, не говорилъ въ такомъ случаѣ, но сумрачное, серьезное лицо штурмана среди

всеобщаго веселаго смѣха, лицо, безмолвно не одобрявшее, казалось, пошлые разговоры, производило охлаждающее дѣйствіе, и всѣмъ дѣлалось легко, когда штурманъ при подобныхъ разговорахъ уходилъ изъ каютъ-компаніи. Вдобавокъ, Никандра Мироновича знали и по его репутаціи—за человѣка «безпокойнаго характера», который очень ревнивъ къ собственному достоинству и не позволитъ никому наступить себѣ на ногу, даже и начальству, хотя бы при этомъ и пришлось рисковать многимъ.

На корветѣ слышали о разныхъ прежнихъ столкновеніяхъ «мрачнаго штурмана» съ начальствомъ и, между прочимъ, о столкновеніи, бывшемъ во время одного изъ прежнихъ плаваній Никандра Мироновича, между нимъ, тогда скромнымъ младшимъ штурманомъ, и начальникомъ эскадры, «свирѣпымъ» адмираломъ, котораго всѣ офицеры боялись, какъ огня, особенно въ минуты адмиральскаго гнѣва, когда вспыльчивый адмиралъ утрачивалъ всякую сдержанность и «разносилъ», не разбирая выраженій. На корветѣ разсказывали, какъ всѣ присутствующіе тогда на флагманскомъ суднѣ были изумлены, когда, въ отвѣтъ на неприличную грубость забывшагося адмирала, этотъ маленькій, невзрачный Никандръ Мироновичъ, побѣлѣвшій, какъ рубашка, отвѣтилъ на грубость еще болѣе рѣзкой грубостью, рискуя за такое нарушеніе безпощадной морской дисциплины надѣть матросскую куртку. Изумился едва ли не больше всѣхъ и адмиралъ, не ожидавшій встрѣтить такого отпора со стороны «ничтожнаго штурмана», и въ изумленіи спустился къ себѣ въ каюту. По счастію, этотъ «свирѣпый» адмиралъ былъ справедливымъ и честнымъ человѣкомъ, способнымъ сознать свою вину. Онъ понялъ, что дерзость оскорбленнаго штурмана была вызвана имъ же самимъ, и не далъ никакого хода этой исторіи. Отважный штурманъ не пострадалъ. Напротивъ, по возвращеніи изъ плаванія, адмиралъ о Пташкинѣ далъ самую лестную аттестацію, представляя его къ ордену.

Командиръ «Грознаго», лихой парусный морякъ старой школы, но плохо знавшій штурманскую часть, очень дорожилъ Никандромъ Мироновичемъ, какъ превосходнымъ штурманомъ, на котораго можно было положиться, какъ на каменную гору, и который «не подведетъ». Человѣкъ раздражительный и рѣзкій, не стѣснявшійся иногда, во время «разноса», кричать на господъ офицеровъ, за-

мѣченныхъ въ неисправности по службѣ, капитанъ, однако, ничего подобнаго не позволялъ себѣ съ Никандромъ Мироновичемъ и былъ съ нимъ всегда вѣжливъ и крайне остороженъ. Безпокойный характеръ «мрачнаго штурмана» былъ, конечно, извѣстенъ и капитану.

Впрочемъ, надо и то сказать: Никандръ Мироновичъ былъ такой добросовѣстный и исправный служака, онъ съ такою бдительностью сторожилъ корветъ около опасныхъ мѣстъ, до того былъ остороженъ и пунктуаленъ во всемъ, что касалось его обязанностей, что даже и при желаніи рѣшительно невозможно было придраться къ «мрачному штурману».

Съ этой стороны онъ былъ неуязвимъ.

Такимъ образомъ, Никандръ Мироновичъ сумѣлъ себя поставить въ независимое положеніе и находился со всѣми въ вѣжливо-холодныхъ отношеніяхъ вооруженнаго нейтралитета.

Только съ двумя членами каютъ-компаніи онъ не былъ сдержанъ, сухъ и подозрителенъ, и когда разрѣшалъ себя отъ молчанія, то заговаривалъ всегда лишь съ ними, оказывая имъ неизмѣнно знаки своего благоволенія. Такими фаворитами Никандра Мироновича были: механикъ, Иванъ Саввичъ Холодильниковъ, милѣйшій человѣкъ неизсякаемой доброты, глядѣвшій вообще на жизнь съ величайшимъ философскимъ оптимизмомъ, и только-что произведенный изъ гардемариновъ мичманъ Кривскій.

Послѣднему Никандръ Мироновичъ прощалъ не только его принадлежность къ «флотскимъ», но даже и отца адмирала и вообще вліятельное во флотѣ родство, вѣроятно за то, что этотъ юный, пылкій идеалистъ исповѣдывалъ самые демократическіе взгляды, велъ со всѣми ожесточенные споры въ защиту ихъ, никогда не ругалъ матросовъ и всегда былъ ярымъ ихъ защитникомъ и предстателемъ, что вызывало со стороны нѣкоторыхъ «дантистовъ», считавшихъ зуботычины несомнѣнной обязанностью каждаго «настоящаго» моряка, не мало насмѣшекъ и обвиненій въ «штатскихъ» взглядахъ, нисколько непригодныхъ на палубѣ военнаго судна. Кромѣ того, этотъ демократъ-мичманъ заслужилъ благоволеніе мрачнаго штурмана, кажется, еще и тѣмъ, что, не въ примѣръ своимъ товарищамъ, интересовался не одними только «морскими» вопросами, почитывалъ книжки и вдобавокъ превосходно дѣлалъ астрономическія наблюденія и никогда не принималъ

участія въ скабрезныхъ разговорахъ про женщинъ, что было особенно ненавистно цѣломудренному Никандру Мироновичу.

И «мрачный штурманъ», сперва-было считавшій юношу за «маменькина сынка», которому впослѣдствіи будетъ «бабушка ворожить», присмотрѣвшись къ нему, сталъ иногда водить съ нимъ разные серьезные разговоры, давалъ совѣты, что̀ читать, и вообще относился къ нему съ сочувственнымъ дружелюбіемъ.

Разсказывая иногда въ каютъ-компаніи свои, какъ онъ называлъ, «любопытныя» исторійки, въ которыхъ представители флотскихъ играли всегда несимпатичную роль, Никандръ Мироновичъ обращался къ Кривскому, и «мрачному штурману, повидимому, доставляло своеобразное удовольствіе видѣть, какъ возмущался и негодовалъ юноша, слушая о разныхъ темныхъ продѣлкахъ съ углемъ капитановъ и ревизоровъ, о злоупотребленіяхъ въ порту и госпиталѣ, о звѣрскомъ обращеніи съ матросами. А Никандръ Мироновичъ зналъ много такихъ «любопытныхъ исторіекъ» и изрѣдка разсказывалъ ихъ своимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, подъ наружнымъ спокойствіемъ котораго чувствовалось ехидное злорадство, говорившее, казалось: «Смотри, каковы бываютъ флотскіе».

«Мрачный штурманъ» никогда не лгалъ, и подлинность его «исторіекъ» была болѣе или менѣе извѣстна морякамъ. Поэтому никто не могъ ничего возразить штурману по существу, но и его спокойная манера разсказывать, и его скрипучій голосъ, и его ядовитая иронія производили всегда на присутствующихъ тягостное, непріятное впечатлѣніе. Старшій офицеръ старался, бывало, замять подобный разговоръ, но это не всегда ему удавалось. Никандръ Мироновичъ не обращалъ, повидимому, никакого вниманія на производимое имъ впечатлѣніе и продолжалъ просвѣщать юношу насчетъ разныхъ безобразій, а окончивъ разсказъ, обыкновенно прибавлялъ:

— А какого-нибудь несчастнаго шкипера за украденный кусокъ парусины—подъ судъ! Не обкрадывай, молъ, казны, шкиперъ!.. Да-съ...

Когда, наконецъ, Никандръ Мироновичъ окончательно умолкалъ, не обнаруживая намѣренія продолжать еще свои обличительные разсказы, всѣ невольно испытывали чувство облегченія. И только-что онъ уходилъ изъ каютъ-компаніи, какъ раздавались замѣчанія:

— Славу Богу, кончилъ! А то каркалъ, каркалъ... всю душу вымоталъ!

— Давно ужъ не каркалъ. Вѣрно, къ штурму!

— У мрачнаго штурмана желчь разлилась. Вы бы ему что-нибудь прописали, докторъ.

— Онъ непзлѣчимъ!—съ сердцемъ отвѣчалъ Лаврентій Васильевичъ, питавшій къ штурману, несмотря на свое благодушіе, непріязненныя чувства за то снисходительное презрѣніе, которое проглядывало въ отношеніяхъ къ нему Никандра Мироновича.

— Поневолѣ разольется желчь, если такія мерзости на свѣтѣ!—восклицалъ Кривскій, готовый всегда заступиться за всѣми нелюбимаго штурмана.—Развѣ то, что сейчасъ разсказывалъ Никандръ Миронычъ, не возмутительно?.. Развѣ...

— Да пожалѣйте насъ, голубчикъ! Ужъ мы наслушались вашего мрачнаго штурмана. Мало ли возмутительныхъ вещей на свѣтѣ!..

IX.

Невыносимо долги и тяжелы для «мрачнаго штурмана» были эти три года плаванія. Море, прежде столь любимое имъ за сильныя и разнообразныя ощущенія, которыми оно часто даритъ своихъ поклонниковъ, теперь было ему ненавистно. Океанъ, нѣкогда возбуждавшій возвышенныя мысли, то-и-дѣло нашептывалъ ему о разлукѣ и наводилъ тоску. И «мрачный штурманъ» чаще, чѣмъ прежде, проклиналъ эту проклятую службу, безжалостно оторвавшую его, черезъ два года послѣ свадьбы, отъ страстно любимой жены.

Это назначеніе въ кругосвѣтное плаваніе было для Никандра Мироновича совершенной неожиданностью. Онъ такъ далекъ былъ отъ подобной мысли. Онъ два раза уже ходилъ кругомъ свѣта и, разумѣется, не могъ ожидать, что его пошлютъ въ третій... Прочитавъ приказъ, написанный писарской рукою, онъ въ первую минуту былъ ошеломленъ.

«Разстаться съ Юленькой!» — безпомощно повторялъ онъ, и тоска охватила его сердце.

Это казалось ему чудовищнымъ, невозможнымъ дѣломъ. Онъ именно мечталъ никогда не разставаться съ любимымъ созданіемъ—вѣдь никто добровольно не бѣжитъ отъ счастья?—и собирался для этого совсѣмъ не ходить больше

въ море, а прочно основаться на береговомъ мѣстѣ—сдѣлаться преподавателемъ въ штурманскомъ училищѣ, имѣть еще частные уроки, однимъ словомъ, работать изо всѣхъ силъ, чтобъ жена могла жить беззаботно, чтобы онъ могъ исполнять ея желанія. Вѣдь она такъ молода, эта веселая, ласковая Юленька. Ее еще тѣшатъ наряды. Ей хочется блеска и свѣта.

Никандръ Мироновичъ ни слова не сказалъ женѣ, надѣлъ мундиръ и отправился къ начальству объясниться. Онъ шелъ, полный надежды, что его объясненія будутъ уважены, а приказъ—отмѣненъ. Желающихъ идти въ заграничное плаваніе вѣдь такъ много!

Въ пріемную, гдѣ дожидалось нѣсколько офицеровъ, вышелъ начальникъ штаба съ серьезнымъ и строгимъ видомъ озабоченности на лицѣ; это былъ молодой еще адмиралъ, изъ «подававшихъ большія надежды», очень недавно назначенный на видный постъ начальника штаба, открывавшій дальнѣйшія перспективы блестящей карьеры, и вѣроятно потому уже успѣвшій въ короткое время превратиться изъ прежняго Петра Петровича, добраго, обходительнаго человѣка и хорошаго капитана, въ недоступнаго и необыкновенно серьезнаго административнаго авгура, поглощеннаго, казалось, въ тайны высшихъ соображеній.

И этотъ видъ недоступности вмѣстѣ съ боязнью не уронить своего достоинства, и эта преувеличенная, очевидно, ненатуральная, серьезность, и нѣкоторая первность еще неувѣренныхъ движеній и жестовъ, и этотъ властный, громкій и отчетливый, видимо восхищавшій самого адмирала, тонъ, съ какимъ онъ говорилъ, обращаясь къ почтительно стоявшимъ офицерамъ: «*Я* посмотрю»... «Все что отъ *меня* будетъ зависѣть»... «*Я* сдѣлаю распоряженіе»,—все, словомъ, свидѣтельствовало, что адмиралъ еще переживалъ медовые мѣсяцы упоенія власти, и ему доставляло наслажденіе сознавать свое значеніе и играть въ начальника.

— Вамъ что угодно?

— Я, ваше превосходительство, назначенъ на корветъ «Грозный»,—началъ-было Никандръ Мироновичъ.

— Какъ же-съ, знаю... знаю... Васъ выбрали, какъ опытнаго и отличнаго офицера!—любезно подчеркнулъ, перебивая, адмиралъ, видимо довольный своимъ правомъ давать аттестаціи, и, поднявъ на Никандра Мироновича

взглядъ, ждалъ, что штурманъ немедленно просіяетъ послѣ такого комплимента.

Но—подите! «Мрачный штурманъ» не моргнулъ глазомъ и угрюмо сказалъ:

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что я два раза ходилъ въ дальнее плаваніе, и потому считаю себя въ правѣ просить объ отмѣнѣ моего назначенія.

Рѣшительно «мрачный штурманъ» не умѣлъ говорить съ начальствомъ. Въ его тонѣ не было чего-то «того», что располагаетъ сердца многихъ высшихъ лицъ!

И дѣло его сразу было проиграно.

Не понравилось ли молодому адмиралу, что въ выраженіи лица и въ тонѣ штурмана не было сугубой почтительности, хотя и необязательной по уставу, однако, вовсе не лишней въ жизни, или ему показалось, что достоинство и значеніе начальника штаба, отъ котораго многое зависитъ, нѣсколько задѣты тѣмъ, что этотъ невзрачный и угрюмый штурманъ не просіялъ отъ похвалы адмирала, и вмѣсто того, чтобы просто почтительно просить, «считалъ себя въ правѣ» просить,—но только адмиралъ, за минуту передъ тѣмъ готовый оказать вниманіе «исправному и отличному офицеру»,—внезапно почувствовалъ къ нему непріязненное чувство, при чемъ и лицо, и носъ, и бородавки Никандра Мироновича показались теперь адмиралу очень непріятными.

И онъ, сдвинувъ брови, сталъ еще серьезнѣе, заложилъ, вѣроятно для большей внушительности, большой палецъ за бортъ сюртука и, отступивъ шагъ назадъ, спросилъ:

— По какимъ же причинамъ вы считаете себя въ правѣ просить?

Онъ подчеркнулъ слова: «считаете себя въ правѣ».

— По домашнимъ обстоятельствамъ, ваше превосходительство!—коротко отрѣзалъ штурманъ и опять безъ всякой нѣжной интонаціи въ голосѣ.

— На службѣ нѣтъ-съ домашнихъ обстоятельствъ. Вы, какъ старый офицеръ, должны это знать-съ!—строго замѣтилъ адмиралъ.—Кто разбираетъ назначенія, тотъ долженъ оставить службу. Иначе у всѣхъ будутъ домашнія обстоятельства... Я ничего не могу для васъ сдѣлать. Вы назначены по приказанію высшаго морского начальства!—прибавилъ адмиралъ значительно смягченнымъ тономъ, замѣтивъ безмолвное отчаяніе на лицѣ мрачнаго штурмана.—Вы женатый?

Въ его голосѣ звучала теперь простая человѣческая потка участія. Быть-можетъ, при видѣ штурмана, онъ вспомнилъ, какъ самъ, два года тому назадъ, хлопоталъ, чтобъ его не назначали въ дальнее плаваніе.

— Женатый...

— Я вамъ могу посовѣтовать одно: поѣзжайте въ Петербургъ и просите высшее начальство... Быть-можетъ, ваша просьба и будетъ уважена, а я не имѣю права отмѣнять назначенія.

Никандръ Мироновичъ вышелъ изъ пріемной съ слабой надеждой.

«Развѣ уважатъ его просьбу безъ чьего-нибудь вліятельнаго ходатайства? Навѣрное, и тамъ ему скажутъ, что на службѣ нѣтъ семейныхъ обстоятельствъ, а тѣмъ болѣе для штурмана»...

Однако, онъ рѣшилъ испробовать послѣднюю попытку. На слѣдующее утро онъ осторожно всталъ, чтобъ не потревожить спавшую Юленьку, и съ первымъ пароходомъ отправился въ Петербургъ... Наканунѣ онъ сказалъ женѣ, что ѣдетъ по служебнымъ дѣламъ, но о назначеніи своемъ не говорилъ.

«Къ чему огорчать ее прежде времени?—думалъ онъ, вполнѣ увѣренный, что это извѣстіе опечалитъ жену.—Быть-можетъ... все устроится»!..

Адмиралъ, въ обширный кабинетъ котораго вошелъ Никандръ Мироновичъ, извѣстный въ тѣ, давно прошедшія, времена весельчакъ и остроумный циникъ, отличался, несмотря на свое важное положеніе министра, доступностью и щеголялъ въ обращеніи съ подчиненными, особенно съ молодыми, фамильярной простотой и нѣкоторою распущенностью властнаго лица, увѣреннаго, что всякія его шутки могутъ только доставить удовольствіе.

Онъ, по обыкновенію, сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ халатѣ, съ открытою голою грудью, съ коротко остриженной головой, съ красивымъ когда-то лицомъ, теперь желтымъ и оплывшимъ, и о чемъ-то весело болталъ съ нѣсколькими лицами, почтительно стоявшими около стола.

— Что скажете, батюшка?—ласково проговорилъ адмиралъ, замѣтивъ вошедшаго штурмана, скромно остановившагося у дверей.—Милости просимъ... Подходите ближе... Не бойтесь—не кусаюсь. Ваша фамилія?

— Штабсъ-капитанъ Пташкинъ.

— По какому дѣлу изволили пожаловать, батюшка?

Никандръ Мироновичъ изложилъ свою просьбу, поясннвъ, что онъ женатый человѣкъ.

— Съ женой, значитъ, жаль разставаться, а?—замѣтилъ, смѣясь, адмиралъ.

И, подмигнувъ глазомъ, прибавилъ

— Молодая, что ли, у васъ женка, господинъ Пташкинъ, что вамъ такъ не хочется уходить, а? Давно женаты?

Адмиралъ смотрѣлъ на штурмана съ насмѣшливымъ добродушіемъ. На его веселомъ лицѣ свѣтилась лукавая циничная усмѣшка.

Никандръ Мироновичъ смѣшался и потупилъ глаза. Этотъ фамильярно-игривый тонъ оскорблялъ его чувства. Онъ сдѣлался еще угрюмѣе и вмѣсто того, чтобы отвѣтить въ томъ же игривомъ тонѣ, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Два года, ваше превосходительство!

— Всего два года? — переспросилъ адмиралъ, словно бы удивляясь, что штурманъ такъ поздно женился, и снова смѣрилъ Никандра Мироновича своимъ зоркимъ и умнымъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ: «Однако, ты, братъ, очень неказистъ».

Онъ помолчалъ и сказалъ:

— Конечно, непріятно разставаться послѣ такого короткаго срока, что и говорить; а все-таки, любезнѣйшій, мой дружескій совѣтъ вамъ—идти. Васъ назначили, какъ опытнаго и усерднаго офицера, и вы не артачьтесь и ступайте съ Богомъ!—прибавилъ адмиралъ тѣмъ же простоватымъ, фамильярнымъ тономъ, въ которомъ, однако, слышалось приказаніе, не допускающее возраженія.—Что дѣлать?.. Потерпите три года... Зато послѣ трехъ лѣтъ женушка еще милѣе покажется... это вѣрно...

И адмиралъ снова засмѣялся.

— Да что вы, батенька, такимъ бирюкомъ глядите, а?..—шутилъ адмиралъ, желая ободрить штурмана и объясняя себѣ угрюмый его видъ робостью передъ начальствомъ.—Не вы одинъ разстаетесь съ женой. Вонъ, Петровскій,—указалъ, смѣясь, адмиралъ на стоявшаго въ полной парадной формѣ лейтенанта, — плачетъ, а идетъ. И года еще нѣтъ, какъ сдѣлалъ глупость—женился, а назначили и оставляетъ неутѣшную красавицу. Такъ-то-съ... А какъ вернетесь, если, Богъ дастъ, будемъ съ вами живы и здоровы, я обѣщаю устроить вамъ берего-

вое мѣсто, коли ужъ вы такой домосѣдъ. А пока поплавайте... потрудитесь... Ну, съ Богомъ, родной... Не поминайте лихомъ... Да на японокъ не очень засматривайтесь!—крикнулъ шутливо адмиралъ вдогонку уходившему штурману.

Только-что Никандръ Мироновичъ съ отчаяніемъ и безсильною злобою въ сердцѣ вышелъ за двери, какъ адмиралъ, обратившись къ присутствующимъ, замѣтилъ съ веселымъ смѣхомъ:

— И отчего это у нашихъ штурмановъ такія отчаянныя физіономіи, а? Замѣтили, господа, что за физіономія у этого штурмана? И видъ какъ у факельщика... Недоволенъ, поди, а жена, я думаю, молебенъ отслужитъ за начальство... что освободило ее отъ такого красавчика. Развѣ ужъ сама—унеси ты мое горе!

— У Пташкина, ваше превосходительство, прехорошенькая жена!—почтительно замѣтилъ одинъ капитанъ-лейтенантъ.

— Хорошенькая у такого мурлы? Ахъ, онъ...

И адмиралъ весело докончилъ фразу весьма нескромнымъ выраженіемъ.

— Такъ хорошенькая?—смѣялся адмиралъ.—То-то ему такъ не хочется идти. Боится, видно, какъ бы, въ его отсутствіе, мичмана... того...

И, приставивъ къ остриженной головѣ два пальца, адмиралъ залился хохотомъ.

Мысль объ отставкѣ закрадывалась въ голову бѣднаго Никандра Мироновича и занимала его всю дорогу отъ Петербурга до Кронштадта. О, съ какимъ удовольствіемъ бросилъ бы онъ теперь эту ненавистную службу!.. Отказъ въ его просьбѣ казался ему несправедливостью, возможною только со штурманомъ... Если бы просился флотскій—ему бы не отказали. Онъ зналъ много примѣровъ... Но подать въ отставку былъ шагъ чрезвычайно серьезный... Ему оставалось дослужить всего три года, чтобы, при отставкѣ, имѣть право на пенсіонъ и эмеритуру... Неужели лишиться этого права?.. Вѣдь онъ не одинъ! И скоро ли онъ найдетъ мѣсто?.. И гдѣ его искать человѣку безъ связей, отставному штурману?.. Но, главное, имѣетъ ли онъ право подвергать Юленьку всѣмъ случайностямъ невѣрнаго существованія?.. Еще если-бъ у него были какія-нибудь деньги, которыя бы позволили выжидать мѣста, но у него больше денегъ нѣтъ. Всѣ сбе-

реженія, скопленныя имъ во время прежнихъ дальнихъ плаваній, пошли на устройство уютнаго гнѣздышка для любимой женщины, на подарки, на ея наряды, украшенія, прихоти.

Но всѣ эти благоразумныя соображенія теряли свою важность передъ мучительною мыслью о долгой разлукѣ, и Никандръ Мироновичъ, всегда основательный и разсудительный, теперь непрочь былъ не только рискнуть отставкой, но и совершить какую угодно глупость, лишь бы не разставаться съ женой.

«Что-то скажетъ бѣдная Юленька?»

Признаться, вѣсть о назначеніи мужа въ дальнее плаваніе не особенно опечалила «бѣдную Юленьку». Вѣроятно, поэтому-то она съ большимъ искусствомъ выразила безграничное сожалѣніе при этомъ извѣстіи. Ея хорошенькое личико, полное «ангельской», по выраженію Никандра Мироновича, кротости, такъ омрачилось, въ глазахъ свѣтилась такая печаль, что влюбленный штурманъ, проведшій молодость въ плаваніяхъ, не знавшій совсѣмъ ни женщинъ, ни женскаго лицемѣрія, и вѣрившій въ свою Юленьку, какъ въ Бога,—спѣшилъ ее успокоить. Счастливый и радостный, онъ объяснилъ, что еще можно избѣгнуть этого несчастія...

— Стоитъ только наплевать на нихъ и подать въ отставку. Что ты на это скажешь, Юленька?—проговорилъ онъ, заглядывая ей въ лицо съ веселой улыбкой.

— Въ отставку?—вырвалось у Юленьки восклицаніе, обнаружившее скорѣе удивленіе, чѣмъ радость.—О, конечно, это было бы отлично!—поспѣшила прибавить молодая женщина.

И тотчасъ же спросила съ наивнымъ видомъ баловаинаго ребенка:

— У насъ, значитъ, есть хорошее мѣсто, Никаша?

Этотъ прозаическій вопросъ нѣсколько смутилъ Никандра Мироновича. Онъ добросовѣстно признался, что не только хорошаго, но никакого мѣста еще нѣтъ въ виду, но что за бѣда! Онъ достанетъ себѣ мѣсто... Онъ будетъ хлопотать, гдѣ возможно... Сегодня же онъ напишетъ пріятелю, который служитъ въ черноморскомъ обществѣ...

— Конечно, Юленька, это дѣлается не такъ скоро... Придется, быть-можетъ, подождать... нѣсколько стѣсниться, но вѣдь за то мы будемъ вмѣстѣ, моя родная!—

застѣнчиво и взволнованно прибавилъ Никандръ Мироновичъ.

Эта перспектива, повидимому, не особенно улыбалась молодой женщинѣ. Она, конечно, по-своему была расположена къ мужу, но далеко не настолько, чтобы приносить на алтарь привязанности какія-нибудь жертвы. Не для того она вышла замужъ. И практически Юленька рѣшила удержать своего благовѣрнаго отъ глупости, которую онъ готовъ былъ сдѣлать изъ-за своей сумасшедшей любви.

Она съ чувствомъ пожала руку Никандра Мироновича, подаривъ его взглядомъ, полнымъ благодарности, и снова повторила, что это самое лучшее, что онъ могъ придумать... Она такъ рада не испытывать такой долгой разлуки...

— Одно только меня смущаетъ, голубчикъ...

— Что̀, милая?

— Я боюсь за тебя.. Удобно ли тебѣ бросать службу?. Она все-таки даетъ вѣрный кусокъ хлѣба и обезпеченіе въ будущемъ... Каково тебѣ будетъ, если ты не скоро получишь мѣсто?..

— Ты, значитъ, не совѣтуешь, Юленька?

Юленька даже обидѣлась. Развѣ она можетъ рѣшать такой серьезный вопросъ?.. Пусть Никаша поступаетъ, какъ найдетъ лучшимъ... Конечно, бросать службу, не имѣя ничего опредѣленнаго впереди, страшно, но она съ удовольствіемъ готова жить въ одной комнатѣ, продать всѣ свои вещи и платья, все, что онъ подарилъ ей, она сама будетъ готовить... Разумѣется, во всемъ этомъ нѣтъ особенной прелести, но что дѣлать?.. Она видѣла и прежде нужду... Она...

— Что ты, что ты, Юленька?.. Да развѣ я допущу тебя до этого, мое сокровище?..—воскликнулъ Никандръ Мироновичъ, тронутый до глубины души словами жены и чувствуя себя передъ нею безконечно виноватымъ.

Какъ онъ могъ серьезно подумать о такой глупости, какъ отставка! Онъ—отчаянный эгоистъ, думающій лишь о себѣ. Эта будущая картина нужды, нарисованная женой, наполнила сердце Никандра Мироновича ужасомъ. Эта великодушная, милая Юленька будетъ страдать только потому, что онъ не имѣетъ силы вынести три года разлуки... Онъ готовъ былъ поставить на карту свое положеніе, свои долгіе годы службы, чтобы подвергнуть любимое существо случайностямъ невѣрнаго существованія!.. О, какъ онъ гадокъ въ сравненіи съ этимъ чистымъ созданіемъ!..

И умиленный, растроганный Никандръ Мироновичъ рѣшительно объявилъ, что онъ принимаетъ назначеніе.

— Мало ли какія глупости не придутъ въ голову!.. Какая отставка, Юленька! Отставка—безумный вздоръ... Какъ ни тяжело оставлять тебя, мою цыпочку, а необходимо!—говорилъ Никандръ Мироновичъ, глядя на жену съ восхищеніемъ и любовью.—По крайней мѣрѣ, и дѣлишки свои поправимъ: морское содержаніе хорошее, всего не истратимъ... Привезу тебѣ кое-что... да... И служба не будетъ потеряна... А вернусь—ужъ мы больше не разстанемся... Не правда ли, Юленька?—прибавилъ онъ, стараясь улыбнуться и скрыть свое отчаяніе...

Эта безпредѣльная привязанность, это горе тронули молодую женщину. Въ душѣ ея шевельнулось что-то въ родѣ упрека за то, что она недостаточно цѣнитъ эту любовь. Она заплакала. Увѣренная, что онъ непремѣнно пойдетъ въ плаваніе, она стала теперь уговаривать его не идти, съ тою искренностью наивнаго лицемѣрія, свойственнаго лживымъ натурамъ, которое заставляетъ иногда разыгрывать совершенно ненужныя комедіи.

Я не хочу, чтобы ты уходилъ изъ-за меня... Я не хочу... Слышишь ли? не хочу! Мнѣ будетъ такъ скучно одной!—шептала она, утирая слезы, и ей въ самомъ дѣлѣ казалось, что жаль разставаться, хотя въ ту же самую минуту, какъ она говорила объ этомъ и плакала, она подумала, какъ будетъ веселиться одна, ѣздить часто въ Петербургъ, бывать въ театрахъ и клубахъ, какъ заведетъ новыя интересныя знакомства, словомъ, вполнѣ насладится свободой, не стѣсняемая присутствіемъ мужа.

Никандръ Мироновичъ, тронутый такой привязанностью своей Юленьки, былъ, однако, непоколебимъ. Едва сдерживаясь, чтобы не выдать своего горя, онъ же успокаивалъ Юленьку, какъ только могъ.

И она мало-по-малу успокоилась и согласилась съ нимъ, что надо покориться.

На слѣдующій же день Никандръ Мироновичъ явился къ командиру «Грознаго» и объявилъ, что назначенъ старшимъ штурманскимъ офицеромъ.

X.

Три мѣсяца передъ разлукой пролетѣли для Никандра Мироновича, какъ чудный сонъ. Юленька удвоила свою заботливость. Она не оставляла теперь мужа и сидѣла

дома. Предупредительная, нѣжная, простиравшая вниманіе до мелочей, она расточала въ это время столько любви, столько горячей ласки, что Никандръ Мироновичъ въ умиленіи повторялъ:

— Господи! За что такое счастье? Чѣмъ заслужилъ я такую любовь Юленьки?

Подобный вопросъ онъ задавалъ себѣ и раньше, когда получилъ радостное согласіе Юленьки быть его женой, вмѣстѣ съ первымъ застѣнчивымъ поцѣлуемъ уже потертыхъ отъ поцѣлуевъ губъ. Это было для Никандра Мироныча неожиданнымъ, невѣроятнымъ событіемъ, отъ котораго невольно мутится разсудокъ. Онъ уже нѣсколько времени любилъ эту дѣвушку, но скрывалъ свою любовь, считая ее безнадежною, такъ какъ не смѣлъ и мечтать, чтобъ его, некрасиваго, немолодого, угрюмаго и застѣнчиваго штурмана, могла когда-нибудь полюбить эта молодая, красивая дѣвушка, съ своими бархатными глазами и «чудной» улыбкой «ангела», въ которую онъ «врѣзался» при первой встрѣчѣ, и которую, разумѣется, надѣлилъ всевозможными качествами, какія только могъ придумать «морской волкъ», полюбившій впервые со всею силой запоздавшей страсти и, вдобавокъ, питавшій къ женщинамъ благоговѣйный культъ строго цѣломудренной натуры. Сознавая свою скромную наружность, Никандръ Мироновичъ всегда дичился женщинъ и совсѣмъ не зналъ ихъ. Мимолетныя знакомства во время плаваній,—знакомства, оканчивавшіяся ужиномъ и золотою монетой,—лишь оскорбляли его чувства и высокое понятіе о томъ идеалѣ воображаемаго женскаго существа, который онъ бережно носилъ въ душѣ и теперь воплотилъ въ Юленькѣ.

Влюбленный штурманъ не рѣшался, однако, ѣздить такъ часто, какъ бы хотѣлось, изъ Кронштадта въ Петербургъ, въ эту маленькую, скромную квартирку въ одной изъ дальнихъ улицъ Коломны, гдѣ жилъ старый бѣдный чиновникъ кораблестроительнаго департамента, господинъ Морошкинъ, у котораго была такая хорошенькая дочка. А, между тѣмъ, у Морошкиныхъ всегда бывали такъ рады посѣщеніямъ Никандра Мироновича. Еще бы! Старый плутяга-чиновникъ, едва перебивавшійся съ большой семьей, и его супруга, молодившаяся еще, шустрая дама, гордившаяся тѣмъ, что у нея дядя полковникъ и богатъ (хотя отъ дяди она и не получала ни копейки) и игравшая залоемъ въ мушку,—чуяли въ Никандрѣ Мироновичѣ подхо-

дящаго жениха и совѣтовали Юленькѣ не упустить случая. И то она засидѣлась—ей двадцать пять! Партія отличная—принца, все равно, не найдешь, а семьѣ и безъ того жить трудно, она сама знаетъ!..

Смышленая, съ практической жилкой, дѣвушка, рано узнавшая дома изнанку жизни—съ грязью и лишеніями прилично скрываемой бѣдности, съ попрошайствомъ у дяди, вѣчными семейными ссорами,—получившая у матери первые уроки лжи и притворства, а у отца—первыя наставленія житейской морали заматорѣлаго плута-чиновника,—прошедшая потомъ полный курсъ петербургскихъ клубовъ,—Юленька, и безъ родительскихъ намековъ, видѣла, что Никандръ Мироновичъ серьезно клюнулъ, и что онъ представляетъ для такой бѣдной дѣвушки, какъ она, болѣе или менѣе подходящую партію. У нея были и раньше женихи, но такіе же полунищіе, какъ и она сама, и дѣвушка имъ отказывала. А Никандръ Мироновичъ былъ «серьезный» женихъ. Правда, онъ не красивъ, немолодъ, но разбирать теперь, въ самомъ дѣлѣ, не приходится. Къ тому же она давно стремилась вырваться изъ дома, изъ этой полунищенской обстановки. Надоѣли ей и домашнія сцены, и молчаливые упреки ея неумѣнью выйти замужъ, и амбиціозная бѣдность, и ея подержанныя платья съ чужихъ плечъ, въ которыхъ она отплясывала и кокетничала въ благородномъ собраніи и приказчичьемъ клубѣ, пока мать азартно играла въ мушку, скрывая проигрыши отъ отца. Надоѣли ей и влюбленные ухаживатели, желавшіе соблазнить дѣвушку и предлагавшіе катанія на тройкахъ и ужины въ загородныхъ ресторанахъ, но, разумѣется, не думавшіе жениться на дочери бѣднаго мелкаго чиновника. Юленька хоть и ѣздила на тройкахъ, и ужинала въ ресторанахъ, но всегда подъ покровительствомъ маменьки. Не по лѣтамъ практическая и понимавшая, что «ошибка» уменьшитъ шансы на приличную партію, она серьезной интриги ни съ кѣмъ не завела, и даже послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго, оживленная и раскраснѣвшаяся, умѣла держать своихъ поклонниковъ въ строгихъ границахъ сдержанности. Обѣщающіе взгляды и улыбки, нечаянные поцѣлуи, разсѣянность при долгомъ пожатіи руки—вотъ все, что позволяла себѣ расчетливая дѣвушка, въ надеждѣ ускорить развязку и изловить не любовника, а мужа. Но желанная «развязка» не являлась, и Юленька, раздражен-

ная, съ головною болью и воспоминаніемъ пьянаго поцѣлуя, возвращалась, въ сопровожденіи маменьки, домой, въ убогую квартирку, видъ которой теперь казался ей еще ненавистнѣе.

Влюбленный штурманъ явился какъ разъ во-время. Она, конечно, поняла, почему онъ такъ былъ застѣнчивъ и мраченъ въ ея присутствіи и почему краснѣетъ, когда она обращается къ нему. Секретъ его молчаливой любви не былъ ни для кого секретомъ у Морошкиныхъ. Старикъ уже собралъ точныя свѣдѣнія, что у Никандра Мироновича лежитъ въ банкѣ семь тысячъ, и что онъ считается отличнымъ офицеромъ. Подростки сестры и братья уже заблаговременно выпрашивали у Юленьки подачекъ и оказывали ей теперь предупредительное вниманіе. Мать ходила къ Покрову и служила молебны, разсчитывая обновить свой гардеробъ и обшить младшихъ дѣтей на счетъ Никандра Мироновича. Всѣ члены этой семьи, всегда ссорившіеся и попрекавшіе другъ друга, притихали, какъ пираты, въ ожиданіи поживы, при появленіи Никандра Мироновича, и словно охотники, обхаживающіе звѣря, встрѣчали гостя необыкновенно радушно, устраивая передъ нимъ трогательное зрѣлище необыкновенно дружнаго семейства, въ которомъ Юленька играетъ роль трудолюбивой, добродѣтельной феи.

Юленька заставила влюбленнаго штурмана заговорить. Свадьбу скоро сыграли, и вся семья была обшита. При всей своей испорченности, Юленька была тронута и силою беззавѣтной страсти, и необыкновенною деликатностью чувства Никандра Мироновича. Счастливый и умиленный, онъ говорилъ ей, что онъ ее не стѣснитъ, что она будетъ всегда свободна въ своемъ чувствѣ, и если разлюбитъ, то скажетъ.

— Конечно, потеря любви ужасна, но... обманъ еще ужаснѣе... Не такъ ли?..

И, не вѣря своему счастью, онъ часто спрашивалъ:

— За что ты меня любишь?

И Юленька, ласкаясь, какъ кошечка, смѣясь, отвѣчала:

— За что любятъ?.. За то, что ты умный, хорошій, добрый...

Влюбленный мужъ вѣрилъ и былъ счастливъ. Юленька тоже была довольна. Послѣ жизни, полной лишеній — уютное свое гнѣздо, наряды, поѣздки въ Петербургъ, театры... Мужъ ее баловалъ, лелѣялъ и никогда не по-

казывалъ ревности. Она это цѣнила и не раскаиваясь, что вышла замужъ. Онъ такой добрый и хорошій и такъ любитъ ее! И она по-своему была расположена къ мужу, чувствуя, что онъ ея рабъ. Жизнь они вели замкнутую; въ Кронштадтѣ знакомыхъ было немного, и это нѣсколько смущало Юленьку, но за то она часто ѣздила въ Петербургъ, чтобы похвастать передъ родными нарядами и вечеромъ побывать въ театрѣ или въ клубѣ. Мужъ ее сопровождалъ. Конечно, онъ бы охотнѣе проводилъ вечера съ ней вдвоемъ за чтеніемъ интересной книги, чтобы послѣ поговорить, подѣлиться впечатлѣніями, но «она такъ молода, ей еще веселиться хочется... книга потомъ займетъ!»—утѣшалъ онъ себя, и первый предлагалъ ей ѣхать въ Петербургъ или идти куда-нибудь въ гости...

Да, тяжелы были эти три года разлуки для Никандра Мироновича. Все это долгое время онъ жилъ ожиданіемъ ея конца. Онъ писалъ своей Юленькѣ длиннѣйшія письма, наполняя страницы описаніемъ природы, думами, впечатлѣніями и изліяніями своей горячей любви. Раза два Никандръ Мироновичъ даже послалъ ей свои стихотворенія и просилъ никому не показывать... Онъ для нея только ихъ писалъ...

На берегъ Никандръ Мироновичъ съѣзжалъ только для того, чтобы купить что-нибудь для жены, и былъ страшно скупъ для себя. Никандра Мироновича ни разу не видали на берегу обѣдающимъ въ гостиницѣ или сидящимъ въ кафе за стаканомъ пива, и всѣ на корветѣ считали «мрачнаго штурмана» скаредомъ. Зато его каюта, необыкновенно чистая, всегда аккуратно убранная, съ нѣсколькими портретами Юленьки, украшавшими стѣну надъ койкой, была полна подарками для жены. Чего-чего только не было въ огромномъ сундукѣ! И кромѣ подарковъ, онъ везъ чекъ на нѣсколько тысячъ, чтобы отдать своей ненаглядной, милой хозяйкѣ.

Письма отъ жены были для Никандра Мироновича праздникомъ. Онъ запирался въ своей каютѣ и перечитывалъ по нѣскольку разъ эти маленькіе листки, наполненные новостями о кронштадтской жизни, разсказами о родныхъ и общихъ знакомыхъ. Ея короткія, но нѣжныя строки о томъ, что она скучаетъ безъ мужа и нетерпѣливо ждетъ его, чтобы обнять и горячо расцѣловать, и постоянная ея подпись: «твоя вѣрная Юленька»—приводили

его въ восторгъ, и онъ цѣловалъ письма, стараясь найти въ этихъ нѣжныхъ строкахъ жены откликъ тому поэтическому настроенію, которымъ были проникнуты его письма.

Если письма не было, мрачный штурманъ приходилъ въ отчаяніе и былъ молчаливѣе и угрюмѣе, чѣмъ обыкновенно. Бѣда было тогда чѣмъ-нибудь раздражить Никандра Мироновича. Онъ запирался въ каютѣ и часто ночью ходилъ по палубѣ, заложивъ за спину руки и опустивъ голову. И тогда-то сѣдыя волны океана рокотали ему самыя мрачныя думы. Ему представлялось, что его Юленька полюбила другого (этотъ другой рисовался ему въ образѣ флотскаго офицера) и весело смѣется въ чужихъ объятіяхъ. Онъ вздрагивалъ отъ боли и старался гнать отъ себя эти ужасныя мысли... Мало ли какія бываютъ случайности! Письмо могло пропасть. И зачѣмъ же такъ, вдругъ она разлюбитъ?.. Развѣ она скрываетъ отъ него что-нибудь? Не онъ ли говорилъ ей, что чувство свободно!.. Къ чему же обманъ?

Рокотавшій океанъ не успокаивалъ. Напротивъ, онъ точно нарочно все громче и громче говорилъ о несчастіи, о потерѣ любимой женщины, и мрачный штурманъ, терзаясь ревностью и отчаяніемъ, переживалъ тяжкія минуты.

Но въ слѣдующемъ же портѣ вмѣсто одного письма его ждали два. И, жадно глотая эти милыя строки аккуратной въ перепискѣ жены, строки, въ которыхъ снова была рѣчь и о любви, и о нетерпѣливомъ ожиданіи «вѣрной Юленьки»,—Никандръ Мироновичъ, умиленный и растроганный, жестоко корилъ себя, что смѣлъ оскорбить это чистое, благородное созданіе подозрѣніями.

«Теперь конецъ... скоро конецъ всѣмъ этимъ мукамъ»!—восторженно шепталъ Никандръ Мироновичъ, высчитывая остающіеся дни.

И слезы радости сверкали въ глазахъ мрачнаго штурмана, когда, глядя на послѣдній портретъ жены, онъ представлялъ себѣ скорую близость свиданія.

XI.

— Кричите, господа, уру!.. Баронъ! Ставьте бутылку шампанскаго!—радостно воскликнулъ, входя въ каютъ-компанію, «легкомысленный мичманъ», только-что смѣнившійся съ вахты.

— Что такое?—лѣниво спросилъ баронъ Оскаръ Оскаровичъ.

— Сію минуту входимъ въ Финскій заливъ, вотъ что! Завтра къ вечеру въ Кронштадтѣ! Мрачный штурманъ самъ сказалъ... И—вообразите, господа?—мрачный штурманъ улыбался. Ей-Богу, собственными глазами видѣлъ!—говорилъ съ веселымъ смѣхомъ мичманъ.—Ну, зато-жъ и собака-погода!—прибавилъ онъ, отряхивая фуражку.—Эй, вѣстовые, чаю! Живо!

Всѣ бывшіе въ каютъ-компаніи бросились наверхъ взглянуть на Финскій заливъ.

— Докторъ, проснитесь!.. Эка, храпитъ какъ!.. Лаврентій Васильевичъ, вставайте! –кричалъ «легкомысленный мичманъ» сквозь жалюзи докторской каюты.

Храпъ вдругъ смолкъ на низкой нотѣ, и недовольный голосъ спросилъ:

— Чего вы такъ орете?.. Развѣ ужъ подали чай?

— И чай, и Финскій заливъ... И то, и другое...

— Ну?—радостно промычалъ докторъ.

— То-то: «ну!» Завтра, Богъ дастъ, дома пить чай будете... Выходите скорѣй!

Черезъ минуту докторъ вышелъ, протирая глаза и отдуваясь.

— А гдѣ же всѣ?

— Пошли кланяться Финскому заливу, а я съ вахты чайкомъ буду грѣться... А знаете ли что, докторъ?.. У меня—мысль... поддержите.

— Коли добрая—поддержу.

— Добрая... Не дурно бы сегодня за ужиномъ вспрыснуть Финскій заливъ, а?.. Разныхъ бы закусокъ, шампанскаго!!.. однимъ словомъ: ознаменовать!

Докторъ нашелъ, что мысль добрая, обѣщалъ поддержать и пошелъ наверхъ.

Погода была въ самомъ дѣлѣ—«собака». Шелъ не то дождь, не то снѣгъ. Пронизывало насквозь сыростью и холодомъ. Свинцовыя тучи повисли на небѣ и обложили со всѣхъ сторонъ горизонтъ.

Несмотря на такую погоду, палуба была полна народомъ. Всѣ посматривали на мутно-свинцовыя, непривѣтныя воды Финскаго залива и вглядывались въ сѣрую мрачную даль въ какомъ-то особенномъ радостномъ возбужденіи.

— Запахло, братцы, Рассеей... Вишь, и снѣжокъ... Давно его не видали!—весело говорятъ матросы, и многіе снимаютъ шапки и крестятся.

Мысль «вспрыснуть» вступленіе въ Финскій заливъ встрѣтила общее одобреніе, хотя баронъ Оскаръ Оскаровичъ, бывшій содержателемъ каютъ-компаніи *), и досадовалъ, что поздно спохватились. До ужина оставалось всего два часа, и поваръ не успѣетъ сдѣлать пирожнаго. Рѣшено было пригласить на ужинъ и капитана, тѣмъ болѣе, что онъ въ послѣднее время «велъ себя хорошо», то-есть не очень «разносилъ» офицеровъ **).

Ужинъ былъ веселый. Всѣ были необыкновенно оживлены. Теперь, передъ окончаніемъ долгаго плаванія, были забыты прежнія ссоры, прежнія маленькія недоразумѣнія, и прожитое вмѣстѣ время помянули добрымъ словомъ. Говорились спичи и предлагались разные тосты—за капитана, за старшаго офицера, за каютъ-компанію, за команду «Грознаго». Кривскій предложилъ тостъ за старшаго штурманскаго офицера, и всѣ, радостные, размякшіе послѣ выпитаго шампанскаго, горячо поддержали тостъ.

— А гдѣ же Никандръ Миронычъ? Отчего его нѣтъ?— спрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Онъ наверху, маякъ сторожитъ!

— Попросить сюда Никандра Мироныча!

— Ну, Никандръ Миронычъ не спустится, пока не откроетъ маяка!—замѣтилъ капитанъ.

— И то правда... Такъ несите ему бокалъ, Сергѣй Петровичъ. Передайте нашъ общій тостъ!

Кривскій одѣлъ кожанъ (ему кстати нужно было подсмѣнить вахтеннаго офицера) и поднялся на мостикъ. За нимъ шелъ вѣстовой съ подносомъ.

Смѣнивъ вахтеннаго, нетерпѣливо ожидавшаго смѣны, чтобъ идти ужинать, Кривскій приблизился къ мрачному штурману, который стоялъ на краю мостика и смотрѣлъ въ бинокль въ направленіи, гдѣ долженъ былъ открыться маякъ. Въ темнотѣ вечера низенькая фигура штурмана въ дождевикѣ съ зюйдъ-весткой на головѣ казалась какимъ-то темнымъ пятномъ.

— Никандръ Миронычъ!—окликнулъ его Кривскій.

— А, это вы, Сергѣй Петровичъ... Маякъ, батюшка,

*) Содержателемъ каютъ-компаніи называется офицеръ, выбираемый всѣми членами каютъ-компаніи завѣдывать хозяйствомъ. Обыкновенно выбираютъ на 6 мѣсяцевъ, послѣ чего дѣлаютъ новые выборы.

**) Если офицеры недовольны за недѣлю капитаномъ, то обыкновенно они не приглашаютъ его. Эти приглашенія дѣлаются по большинству голосовъ.

долженъ сейчасъ открыться... Ужъ глаза проглядѣлъ... Посмотрите-ка вы... Не увидите ли?..

Голосъ Никандра Мироновича звучалъ радостнымъ возбужденіемъ.

Кривскій передалъ тостъ за его здоровье отъ каютъ-компаніи, свои поздравленія по случаю возвращенія домой и предложилъ выпить бокалъ шампанскаго. Никандръ Мироновичъ чокнулся, выпилъ, и, крѣпко стиснувъ руку Кривскаго, сказалъ взволнованнымъ тономъ:

— Спасибо, голубчикъ... спасибо... Завтра будемъ... завтра...

— Вы бы спустились поужинать, Никандръ Миронычъ... Я посторожу маякъ...

— Да я ѣсть не хочу... какой ужинъ! Что вы... ужинать!.. Завтра будемъ, голубчикъ!

Это радостное волненіе, обнаруженное мрачнымъ штурманомъ, удивило Кривскаго. Такимъ возбужденнымъ онъ его никогда не видалъ.

— Ну, что, видите что-нибудь?..

— Ничего не вижу...

— Сейчасъ откроется... Ну, вотъ и огонекъ... Вотъ и онъ... миленькій!—весело воскликнулъ Никандръ Мироновичъ.—А вы все не видите?

— То-то нѣтъ.

— Глазъ-то у васъ не штурманскій... Пошлите-ка доложить капитану,что маякъ открылся... Теперь надо слѣдующаго ждать.

— Да вы, Никандръ Миронычъ, хоть бы спустились внизъ погрѣться. Погода дьявольская. Того и гляди, простудитесь!

Но мрачный штурманъ наотрѣзъ отказался. Ему не холодно. Онъ всю ночь простоитъ наверху, будетъ смотрѣть за маяками.

— Да и не уснуть все равно... Слишкомъ взволнованъ... Вѣдь я три года ждалъ этого самаго Финскаго залива. Легко сказать: три года!..—повторилъ онъ въ необыкновенномъ возбужденіи.

И, помолчавъ, неожиданно прибавилъ:

— Вы и не знаете еще, милый Сергѣй Петровичъ, какая мука быть въ долгой разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ!

Его обыкновенно недовольный, раздражительный голосъ звучалъ теперь такимъ глубокимъ, нѣжнымъ чувствомъ, какого Кривскій и не подозрѣвалъ въ мрачномъ штурманѣ.

— Теперь шабашъ!.. Больше въ море не пойду! Ужъ мнѣ обѣщали мѣсто въ штурманскомъ училищѣ... Смотрите: навѣстите меня... Надѣюсь, наше знакомство не кончится?.. Вы увидите, какая у меня славная хозяюшка!—съ гордостью прибавилъ Никандръ Мироновичъ.

Молодой человѣкъ былъ глубоко тронутъ этой неожиданной интимностью. Мрачный штурманъ показался ему теперь еще симпатичнѣе, и онъ горячо проговорилъ:

— Спасибо за приглашеніе... Разумѣется, я имъ воспользуюсь и, конечно, никогда не забуду вашего расположенія ко мнѣ. Повѣрьте, Никандръ Миронычъ!

— Вѣрю, голубчикъ. Вы хоть и флотскій, а милый человѣкъ!—задушевно промолвилъ Никандръ Мироновичъ.— Оттого-то я и хочу, чтобъ вы познакомились съ моей женой.

Онъ замолчалъ, видимо взволнованный, а Кривскій, вспомнивъ эту хорошенькую брюнетку, пріѣзжавшую на корветъ провожать мужа и вскидывавшую глазками, почему-то невольно теперь пожалѣлъ мрачнаго штурмана.

Погода становилась хуже. Хлопья снѣга падали сильнѣе. Вѣтеръ свѣжѣлъ, пронизывая ледянымъ холодомъ. Вокругъ былъ мракъ, среди котораго по временамъ лишь ярко блисталъ то бѣлый, то красный огонекъ маяка, предупреждавшій объ опасности приближаться къ берегу.

Никандръ Мироновичъ не обращалъ вниманія на погоду. Возбужденный и радостный, онъ зорко всматривался впередъ, въ мракъ ночи, сторожа теперь появленіе маячнаго огня съ другой стороны.

XII.

На слѣдующее утро, послѣ веселаго и шумнаго чая, каютъ-компанія обратилась въ настоящій складъ товаровъ. Большой столъ былъ заставленъ ящиками, ящичками и свертками. Въ отворенныхъ настежь каютахъ шла дѣятельная уборка. Всѣ пересматривали и разбирали свои многочисленныя покупки трехлѣтняго плаванія въ различныхъ странахъ, для подарковъ роднымъ и близкимъ, чтобъ сегодня же увезти на берегъ кое-какія вещи.

Чего только тутъ не было! И шелковыя тяжелыя китайскія матеріи, и цѣлые женскіе костюмы, вазы, сервизы, шкатулочки, шахматы, страусовыя перья, издѣлія изъ черепахи и слоновой кости, обжки изъ нефрита, чечунча и крепоны, стрѣлы и разное оружіе дикихъ, сигары съ Га-

ванны и съ Маниллы, золотой песокъ изъ Калифорніи, индійскія шали, купленныя въ Калькуттѣ, попугаи въ клѣткахъ, крошки-обезьянки въ ватѣ...

Всѣ, веселые и довольные, показывали свои вещи, хвастая другъ передъ другомъ и иногда совершая мѣны. Только Никандръ Мироновичъ никому ничего не показывалъ и не появлялся въ каютъ-компаніи. Онъ давно ужъ уложилъ и приготовилъ нѣсколько ящиковъ, которые сегодня же свезетъ женѣ, и, слегка вздремнувъ послѣ ночи, снова былъ наверху и посматривалъ на высокое сѣрое пятно острова Гогланда, прорѣзывающееся въ окутанной туманной дали, къ которому торопливо шелъ «Грозный» полнымъ ходомъ, имѣя, кромѣ того, поставленные паруса.

«Легкомысленный мичманъ», который проигралъ большую часть своего жалованья въ ландскнехтъ, устраивавшійся часто во время стоянокъ на берегу, возвращался въ Россію безъ подарковъ, съ одной своей любимицей «Дунькой», уморительной обезьяной, изъ породы мартышекъ, выдрессированной мичманомъ и продѣлывавшей всевозможныя штуки. Онъ посматривалъ не безъ зависти на чужія вещи и упрашивалъ уступить ему что-нибудь.

— А то, господа, тетка разсердится, и кузины тоже!— смѣялся онъ. — Нельзя съ пустыми руками явиться, ей-Богу! Не уступите, придется въ Питерѣ втридорога платить за «Японію». Пожалѣйте бѣднаго мичмана.

Нѣкоторые изъ товарищей кое-что уступали.

— Баронъ, а баронъ! Уступите три страусовыхъ перышка. У васъ ихъ чуть ли не сотня, а мнѣ какъ разъ бы подарить тремъ кузинамъ на шляпки. Деньги удержите изъ жалованья!—поспѣшилъ прибавить «легкомысленный мичманъ», зная скупость ревизора Оскара Оскарыча.

— У меня у самого кузинъ много.

— Не сотня, надѣюсь?

— И невѣстѣ надо.

— У васъ на всѣхъ хватитъ.

— Не могу дать... все распредѣлено... Впрочемъ, хотите мѣняться?

— На что?

— На вашу «Дуньку»!

«Легкомысленный мичманъ» обижается.

— Хотя бы вы, баронъ, всѣ ваши вещи предложили, и то я «Дуньку» не отдамъ...

Въ концѣ концовъ «легкомысленный мичманъ» кое-что

собралъ для подарковъ и, обращаясь къ доктору, не принимавшему никакого участія въ общей суетѣ и неподвижно сидѣвшему на диванѣ, спросилъ:

— А ваша лавочка гдѣ, докторъ? Развѣ никому не везете подарковъ?

— Какъ не везти? Везу подарки для себя: пять круговъ честеру, двѣ бочки марсалы, бочку элю да тысячу чирутокъ!—весело говоритъ докторъ.

— Я и забылъ, вы вѣдь «пустячковъ» не любите.

— И не люблю, да и некому ихъ возить!—замѣтилъ Лаврентій Васильичъ.

«Пустячками» онъ называлъ китайскія и японскія бездѣлки и вообще всякія рѣдкости. Онъ ихъ никогда не покупалъ, находя, что непрактично тратить деньги на предметы, по его выраженію, «несущественные», и по этому случаю нерѣдко говаривалъ: «Это вотъ развѣ молоденькой институточкѣ и гимназисточкѣ лестно получить отъ молодого мичмана китайскій вѣерокъ, бразильскую мушку, перышко, однимъ словомъ, извините за выраженіе, какоснибудь «дерьмо-съ», а моя Марья Петровна—женщина серьезная. Она любитъ существенное, а не то что: бразильскія мушки!.. Что въ нихъ?.. На рукахъ хозяйство, дѣти... тутъ не до бразильскихъ мушекъ и не до перышекъ!.. Вотъ штучку чечунчи купилъ на капотъ. Это, по крайности, полезная вещь!»

Докторъ позволилъ себѣ разориться только на одинъ «пустячокъ», не представлявшій, собственно говоря, «существеннаго предмета»—на покупку дорогого стереоскопа и большой коллекціи фотографическихъ карточекъ, большая часть которой составляли фотографіи полураздѣтыхъ и совсѣмъ мало одѣтыхъ дамъ всевозможныхъ расъ, національностей и цвѣтовъ кожи.

Лаврентій Васильевичъ потратился на подобную покупку въ качествѣ большого любителя «неприкрашенной натуры». Запираясь въ своей каютѣ, онъ иногда послѣ обѣда развлекался созерцаніемъ соблазнительныхъ картинокъ.

Разумѣется, докторъ, оберегая себя отъ мичманскаго зубоскальства, тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свои развлеченія. Только изрѣдка онъ приглашалъ «взглянуть» пожилого артиллериста, штабсъ-капитана Федюлина, вполнѣ увѣренный, что Евграфъ Ивановичъ, какъ человѣкъ скромный и вдобавокъ польщенный особымъ довѣріемъ, его не выдастъ.

— Зайдите-ка ко мнѣ, Евграфъ Иванычъ, что я вамъ покажу!—таинственно говорилъ докторъ, понижая голосъ, когда, послѣ покупки стереоскопа, въ первый разъ приглашалъ артиллериста на «сеансъ».—Только ужъ я на васъ надѣюсь, Евграфъ Иванычъ, что вы никому ни слова!—прибавилъ Лаврентій Васильевичъ, когда оба они вошли въ докторскую каюту, и двери ея были заперты на ключъ.

— Будьте спокойны, докторъ... Одно слово—могила!—торжественнымъ шопотомъ отвѣчалъ Евграфъ Ивановичъ, нѣсколько изумленный столь таинственнымъ предисловіемъ.

Вслѣдъ затѣмъ докторъ вынулъ стереоскопъ и положилъ толстую пачку фотографій передъ коренастымъ, колченогимъ, лысымъ артиллеристомъ, втайнѣ считавшимъ себя, впрочемъ, весьма пріятнымъ мужчиной.

— Однако... все голыя!—могъ только проговорить Евграфъ Иванычъ, перебирая фотографіи, и неожиданно заржалъ.

— То-то голенькія!..—ласково подтвердилъ докторъ.—Признаюсь, люблю, знаете ли, натуру, не извращенную разными костюмами... Да вы въ стереоскопъ глядите, Евграфъ Иванычъ! Вотъ такъ... Ну, что?

Но артиллеристъ, впившійся въ стереоскопъ плотоядным взоромъ скрытнаго развратника, въ отвѣтъ только произносилъ какіе-то неопредѣленные одобрительные звуки.

Когда, наконецъ, вся коллекція была осмотрѣна, и Евграфъ Иванычъ, весь красный, съ отвислой губой и масляными глазами, первую минуту пребывалъ въ безмолвномъ восхищеніи, докторъ спросилъ:

— Что, какова коллекція, Евграфъ Иванычъ? Вѣдь тутъ, батюшка, представительницы всѣхъ націй...

— Да... Любопытная коллекція!—произнесъ артиллеристъ и снова заржалъ.—Дорого дали за эту покупочку?

— Не дешево... Но вѣдь зато вещь!..

— Занимательная вещица... это что и говорить!.. Но только какъ вы, Лаврентій Васильичъ, ее привезете домой, позволю себѣ спросить, если не сочтете мой вопросъ нескромнымъ?

— Да такъ и привезу... А что?.. Небойсь, и вамъ хочется пріобрѣсти такую вещицу?

— Я бы не прочь, но только...

Евграфъ Иванычъ замялся.

— Въ чемъ дѣло?

— Какъ бы супруга не обидѣлась, увидѣвши такой щекотливый предметъ. Дамы на этотъ счетъ довольно даже строги!—проговорилъ Евграфъ Иванычъ съ искусственной улыбкой, зная по опыту, какую бы задала ему «взбучку» его супруга, если бы увидѣла у него такія картинки.

— Вотъ вздоръ...—отвѣчалъ докторъ, не совсѣмъ однако увѣреннымъ тономъ.—Да и зачѣмъ показывать женѣ всѣ картинки?.. Для нея виды, а дамочекъ подъ замокъ... Ихъ можно глядѣть по секрету, а то и показать когда солидному пріятелю... этакъ послѣ обѣда у себя въ кабинетѣ... Вотъ оно, и волки сыты, и овцы цѣлы!—прибавилъ, смѣясь, Лаврентій Васильевичъ.—Многіе держатъ такія коллекціи. Одинъ мой коллега, такъ благодаря своимъ коллекціямъ и разнымъ японскимъ альбомамъ—видѣли ихъ?—даже по службѣ ходъ получилъ, подаривши ихъ въ Петербургѣ высокопоставленному адмиралу любителю, который прослышалъ про нихъ и просилъ показать. Тотъ просто пришелъ въ восторгъ, особливо отъ разнообразія японскаго альбома.

— Какъ же, слышалъ... слышалъ... Говорятъ, у адмирала цѣлый шкапъ подобныхъ вещей.

— Ну, а коллега-то мой, Вадимъ Петровичъ Завитковъ, какъ человѣкъ ловкій и шустрый, не будь дуракъ, да и говоритъ: «Осчастливьте, молъ, ваше высокопревосходительство, принять!» Тотъ благосклонно принялъ, а Завитковъ послѣ того и въ гору пошелъ... Ну, да и то сказать: умѣетъ онъ, шельма, услужить... Я вѣдь его еще студентомъ зналъ. Того и гляди—будетъ генералъ-штабъ-докторомъ! Вотъ вамъ и коллекція!—заключилъ сентенціозно докторъ, хотя самъ и не имѣлъ намѣренія поднести кому-нибудь свою собственную коллекцію.

Однако, Евграфъ Ивановичъ все-таки стереоскопа не купилъ, зная, что никакіе ключи не спасутъ его отъ любопытства супруги, и лишь время-отъ-времени заглядывалъ къ доктору въ каюту и просилъ позволенія полюбопытствовать, освѣдомляясь: нѣтъ ли чего новенькаго?

И Лаврентій Васильевичъ съ удовольствіемъ показывалъ, послѣ чего оба эти почтенные отцы семействъ пускались въ оцѣнку статей разныхъ «штучекъ» и, наговорившись до-сыта, расходились, вполнѣ довольные «сеансомъ»,

какъ называлъ Лаврентій Васильевичъ эти секретныя развлеченія при помощи стереоскопа.

Разборка вещей окончена. Большая часть офицеровъ приготовилась къ съѣзду на берегъ. Въ часъ подаютъ обѣдать, но моряки ѣдятъ лѣниво, и даже докторъ, къ удивленію, не обнаруживаетъ обычнаго аппетита. Послѣ обѣда никто не уходитъ отдыхать. То и дѣло кто-нибудь выбѣгаетъ наверхъ посмотрѣть: «гдѣ мы»—и, возвращаясь, объявляетъ, сколько еще остается ходу. Возбужденіе увеличивается до нервнаго состоянія, по мѣрѣ приближенія «Грознаго» къ Кронштадту. Этому послѣднему дню, казалось, нѣтъ конца. Время тянется чертовски долго, и всѣ ворчатъ, что корветъ еле ползетъ, а онъ, между тѣмъ, подъ парами и парусами, идетъ по девяти узловъ.

Капитанъ часто выходитъ наверхъ и нервно ходитъ по мостику, нетерпѣливо подергивая плечами. То и дѣло онъ спрашиваетъ у Никандра Мироновича съ нетерпѣніемъ въ голосѣ:

— Къ шести должны вѣдь придти, а?

— Надо придти-съ!—отвѣчалъ штурманъ, самъ охваченный волненіемъ, которое онъ скрываетъ подъ видомъ обычной своей суровости.

— А во-время возвращаемся... Опоздай день-другой... Кронштадтъ бы замерзъ. И то у береговъ льдины! Пришлось бы въ Ревелѣ зимовать!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ спускается внизъ и говоритъ на-ходу вахтенному офицеру:

— Какъ покажется Толбухинъ маякъ, пришлите сказать!

— Есть!

Но капитану не сидится и не дремлется на мягкомъ диванѣ его большой, роскошной каюты. Онъ словно на иголкахъ,—этотъ коренастый, плотный, крѣпкій морякъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. Умѣвшій владѣть собой во время штормовъ, онъ рѣшительно не можетъ теперь справиться съ нетерпѣніемъ, которое отражается на его красномъ, обвѣтрившемся лицѣ, съ выкатившимися глазами и небольшимъ вздернутымъ носомъ,—на его порывистыхъ движеніяхъ. Онъ то встаетъ, то садится и безпощадно теребитъ своими толстыми короткими пальцами сѣдоватыя, подстриженныя баки и рыжіе усы. И у него вырываются отрывистыя слова:

— Миша, пожалуй, и не узнаетъ... Выросъ... Катя... большая дѣвица теперь... Володя... Милые мои!

Его лицо свѣтится нѣжной отцовской улыбкой, глаза слегка заволакиваются, и онъ теперь совсѣмъ не похожъ на того свирѣпаго капитана, прозваннаго «бульдогомъ», котораго такъ боялись, во время авраловъ и ученій, офицеры и матросы.

Валъ винта быстро вертится съ обычнымъ постукиваніемъ подъ поломъ капитанской каюты. Капитанъ прислушивается, считаетъ обороты винта, и ему кажется, что ихъ будто бы меньше, чѣмъ было. Онъ надѣваетъ фуражку на свою круглую, коротко остриженную голову, дѣйствительно напоминающую бульдога, и снова поднимается на мостикъ.

— Лагъ!—приказываетъ онъ.

Бросили лагъ, и докладываютъ, что девять узловъ хода.

— Старшаго механика попросить!

Черезъ минуту является засаленный и черный Иванъ Саввичъ.

— Сколько фунтовъ пара держите?

Иванъ Саввичъ говоритъ.

— Нельзя ли еще поднять фунтиковъ десять?

— Можно-съ.

— Такъ поднимайте и валяйте самымъ полнымъ ходомъ!

Когда механикъ ушелъ, капитанъ посмотрѣлъ вокругъ, взглянулъ на голыя брамъ-стеньги и сказалъ вахтенному офицеру:

— Ставьте-ка брамсели!

Наконецъ, въ пятомъ часу открылся Толбухинъ маякъ, а черезъ два часа «Грозный» показалъ свои позывные и, минуя брандвахту, входилъ на пустой кронштадтскій рейдъ.

Городъ и мачты судовъ въ гавани едва чернѣли въ бѣлой мглѣ падающаго снѣга.

— Свистать всѣхъ на верхъ, на якорь становиться!—раздалась веселая и радостная команда вахтеннаго офицера.

— Свистать всѣхъ на верхъ, на якорь становиться!—проревѣлъ такъ же радостно боцманъ.

И эти крики отозвались невообразимою радостью въ сердцахъ моряковъ.

— Изъ бухты вонъ, отдай якорь!—скомандовалъ старшій офицеръ.

Якорь грохнулъ въ воду. Якорная цѣпь съ лязгомъ за-

визжала въ клюзѣ, и «Грозный», вздрогнувъ, остановился на маломъ рейдѣ, близъ стѣнки купеческой гавани, почти на томъ же самомъ мѣстѣ, съ котораго онъ ушелъ въ дальнее плаваніе три года и два мѣсяца тому назадъ.

Офицеры радостно поздравляли другъ друга съ приходомъ. Матросы, обнаживъ головы, благоговѣйно крестились на Кронштадтъ. Блѣдный отъ волненія и усталости, Никандръ Мироновичъ, въ отвѣтъ на поздравленія Кривскаго, крѣпко пожималъ ему руку, не находя словъ.

А снѣгъ такъ и валилъ на счастливыхъ моряковъ.

На капитанскій вельботъ! На катеръ! Баркасъ къ спуску!

Черезъ нѣсколько минутъ шлюпки съ офицерами и баркасъ съ женатыми матросами отвалили отъ борта на берегъ. На корветѣ остались лишь старшій офицеръ да «легкомысленный мичманъ», охотно ставшій на вахту за товарища, спѣшившаго обнять сегодня же старушку-мать.

XIII.

На слѣдующее утро, радостное и счастливое для Никандра Мироновича, словно для узника, освобожденнаго послѣ долгихъ лѣтъ неволи, — онъ все еще, казалось, не смѣлъ вѣрить своему счастью, что онъ, со вчерашняго вечера, снова около своей Юленьки, необыкновенно кроткой, нѣжной, встрѣтившей его внезапными слезами, и ужъ болѣе съ ней не разстанется, — онъ у себя, дома, въ веселомъ, уютномъ гнѣздышкѣ, гдѣ все дышитъ любимой женщиной, счастливый и благодарный, подъ впечатлѣніемъ ея порывистыхъ, горячихъ ласкъ, которыми она точно хотѣла его вознаградить за долгую разлуку,—сидитъ теперь, какъ три года тому назадъ, въ маленькой столовой, за круглымъ столомъ, на которомъ весело шумитъ блестящій пузатенькій самоваръ. На подносѣ его большая чашка- давнишній подарокъ Юленьки въ день его именинъ,- изъ которой онъ такъ любитъ пить чай.

Вотъ и Юленька. Она только-что пришла изъ спальни—свѣжая, бѣлая, съ румянцемъ на круглыхъ щекахъ, необыкновенно хорошенькая, въ своемъ свѣтло-синемъ фланелевомъ капотѣ, съ надѣтымъ поверхъ груди бѣлымъ пушистымъ платкомъ,—въ маленькомъ кружевномъ чепцѣ, изъ-подъ котораго выбиваются подвитыя прядки черныхъ блестящихъ волосъ. Она сѣла за самоваръ и стала разливать чай, слегка смущенная и притихшая.

Никандру Мироновичу чувствовалось необыкновенно хорошо и уютно. Чай, поданный этой маленькой бѣлой ручкой, украшенной кольцами, казался ему особенно вкуснымъ, сливки, масло и хлѣбъ—превосходными.

Чай отпитъ, самоваръ убранъ, а они все сидятъ за столомъ. Никандръ Мироновичъ все еще не можетъ наговориться. Вчера Юленька была взволнована и говорила мало. Что она дѣлала въ эти три года? Какъ проводила безъ него время? Есть ли новые знакомые? Какіе?

Юленька удовлетворяетъ любопытство мужа, но не вдается въ большія подробности. «Жизнь шла однообразно, она скучала»...

— Я, впрочемъ, обо всемъ тебѣ писала!—прибавляетъ она, и въ голосѣ ея звучитъ какая-то безпокойная нотка.

Переполненный счастьемъ, умиленный Никандръ Мироновичъ не слышитъ этой тревожной нотки въ нѣжномъ голосѣ своего «ангела». Онъ не замѣчаетъ, какъ какое-то выраженіе не то безпокойства, не то страха внезапно мелькаетъ на ея лицѣ и снова исчезаетъ въ улыбкѣ. Онъ не видитъ, что въ нѣжномъ взглядѣ ея прекрасныхъ глазъ, когда она изрѣдка ихъ поднимаетъ на мужа, есть что-то робкое и приниженное, словно виноватое. Онъ видитъ только свою ненаглядную «цыпочку» и глядитъ на нее влюбленными глазами, глядитъ, словно не можетъ еще налюбоваться ею, и говоритъ съ веселой улыбкой:

— А вчера я и не замѣтилъ. Вѣдь ты пополнѣла, Юленька... Да еще какъ!

Внезапная краска заливаетъ щеки молодой женщины.

— Тебѣ это идетъ, право, Юленька... Чего ты конфузишься?..

— Развѣ я въ самомъ дѣлѣ пополнѣла?..

— Есть-таки... Однако, что-жъ это?.. Подарковъ ты такъ еще и не видала?.. Не знаю: понравятся ли тебѣ?

Съ этими словами Никандръ Мироновичъ вышелъ изъ столовой. . . . . .

Съ хорошенькаго личика молодой женщины внезапно исчезла улыбка. Оно омрачилось и стало тревожнымъ. Брови сдвинулись, и между ними залегла складка. Глаза сосредоточенно смотрѣли передъ собой. Она тяжело вздохнула и, склонивъ голову, словно бы подъ тяжестью какой-то неотвязной мысли, сжимала свои бѣлыя руки.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги мужа. Юленька встрепенулась и подняла голову. Лицо ея теперь было

серьезно. Взглядъ полонъ рѣшимости. Слабая улыбка играла на устахъ.

— Ну-ка, посмотри, Юленька, что я тебѣ привезъ!—проговорилъ, входя съ ящиками, Никандръ Мироновичъ.—Не думай: это не все... На корветѣ остался еще цѣлый сундукъ для тебя!—весело прибавилъ онъ, открывая ящики.

И Никандръ Мироновичъ вынималъ и выкладывалъ передъ Юленькой прелестныя вещи.

— Да что ты вдругъ нахмурилась, Юленька?.. Или не угодилъ?—съ безпокойствомъ спросилъ Никандръ Мироновичъ, заглядывая въ лицо жены.

Она, видимо, что-то хотѣла сказать и не рѣшалась.

— Не нравится, а?—повторилъ онъ.

Она подняла на мужа робкій взглядъ и, улыбаясь, промолвила:

— Твои подарки прелестны... Спасибо тебѣ, мой добрый!

И съ какою-то нѣжною порывистостью поцѣловала Никандра Мироновича.

— А я думалъ, что ты недовольна, моя цыпочка, и мнѣ было непріятно... Такъ довольна?

Юленька стала разсматривать вещи и опять улыбалась. Но вдругъ краска сошла съ ея лица. Она поблѣднѣла, взоръ сталъ мутный.

— Что съ тобой?.. Ты нездорова?—испуганно спросилъ Никандръ Мироновичъ.

— Ничего, ничего... Пройдетъ,—отвѣчала она и вышла изъ комнаты.

Черезъ минуту Никандръ Мироновичъ испуганно заглянулъ въ спальню. Юленька была блѣдна, какъ при морской болѣзни.

— Не послать ли за докторомъ, Юленька?

— Къ чему? Докторъ не поможетъ...

— Какъ не поможетъ? Что ты? Я сейчасъ побѣгу за докторомъ.

— Не надо!—остановила его съ досадою въ голосѣ Юленька.—Развѣ ты не видишь, какая это болѣзнь? Я беременна,—неожиданно прибавила она.

Голосъ ея звучалъ серьезно и глухо.

Въ первую секунду «мрачный штурманъ», казалось, не понялъ значенія этихъ словъ и глядѣлъ на жену растерянным, недоумѣвающимъ взоромъ. Но затѣмъ онъ съ укоромъ воскликнулъ:

— Какъ тебѣ не стыдно такъ зло шутить, Юленька?

Юленька молчала.

— Вѣдь ты пошутила!? Юлочка! Голубушка! Цыпочка моя! Скажи же! Вѣдь это неправда?—повторилъ онъ глухимъ, упавшимъ голосомъ, чувствуя въ то же время и надежду, и страхъ, и тоску.

Онъ заглянулъ ей въ глаза, полные какого-то тупого выраженія, и мгновенно понялъ истину. Лицо его покрылось мертвенною блѣдностью. Ужасъ исказилъ его черты. Губы нервно затряслись, и изъ груди вдругъ вырвался жалобный, полный невыразимаго страданія, вопль!

— Юленька! Юленька!

Рыданія душили его. Онъ вышелъ, шатаясь, изъ комнаты.

XIV.

«Гнѣздышко» сразу потеряло въ его глазахъ прежнюю прелесть. Ему хотѣлось уйти куда-нибудь подальше, спрятаться отъ людей, остаться одному со своимъ тяжкимъ горемъ. Онъ одѣлъ пальто и выбѣжалъ изъ дома.

«Мрачный штурманъ» шелъ по глухимъ улицамъ, направляясь за городъ, съ опущенной головой, скрывая свое страдальческое, съ помутившимся взоромъ, лицо. Онъ шелъ по грязи, не замѣчая ни ледяного вѣтра, ни снѣга съ дождемъ, которые хлестали его со всѣхъ сторонъ. Обманъ любимаго существа, которому онъ вѣрилъ, ревность, оскорбленіе, позоръ причиняли ему невыносимыя душевныя муки. Несчастіе казалось чудовищнымъ. Жизнь представлялась какимъ-то мрачнымъ гробомъ. Когда онъ вспоминалъ, что Юленька принадлежала другому, ярость охватывала штурмана. Черты его лица искажались злобой, изъ груди вырывались проклятія, и онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, полный ненависти и желанія убить человѣка, отнявшаго у него счастье. Онъ представлялъ себѣ, что это непремѣнно флотскій, какой-нибудь подлый развратникъ, котораго слѣдуетъ убить, какъ паршивую собаку...

Мысли путались въ возбужденномъ мозгу Никандра Мироновича. Порывъ злобнаго чувства смѣнялся ощущеніемъ горя и тяжкой обиды, и это ощущеніе смягчало взволнованную душу. И онъ чувствовалъ къ себѣ жалость.

— За что? За что?—беззвучно шептали его губы, и слезы лились изъ его глазъ.

Образъ Юленьки, красивый, блестящій, съ ея голосомъ,

нѣжнымъ и ласковымъ, не оставлялъ его, наполняя сердце любовью и мучительной тоской...

Онъ чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что, несмотря на обиду, любитъ ее такъ же сильно и горячо, какъ и раньше. И это сознаніе причиняло ему еще большее страданіе.

Онъ думалъ:

«Она полюбила другого... Чувство свободно... Я некрасивъ, я не возбуждалъ ея любви. Но развѣ она не знаетъ меня? Зачѣмъ же обманъ? Эти письма... Твоя вѣрная Юленька? Зачѣмъ вчера эти горячія ласки? Притворство, ложь?»

Онъ не могъ ничего понять въ этихъ противорѣчіяхъ и напрасно хотѣлъ себѣ ихъ объяснить. Это было не подъ силу цѣльной натурѣ влюбленнаго «морского волка», который большую часть своей жизни провелъ на палубѣ и, полюбивъ, лелѣялъ въ своей душѣ имъ самимъ созданный идеалъ любимой женщины, имѣющій мало общаго съ дѣйствительностью.

И онъ жалѣлъ и разбитую, поруганную вѣру въ «ангела», и самого падшаго ангела, и приходилъ въ отчаяніе при мысли, что онъ теперь для Юленьки чужой... Онъ навсегда лишенъ любимаго существа.

«Все кончено... все кончено!»—тоскливо повторялъ онъ, и въ его головѣ блеснула мысль, что жить не стоитъ!

«Зачѣмъ жить?»

Онъ между тѣмъ вышелъ за оборонительную стѣнку и очутился среди пустого поля. Вѣтеръ ревѣлъ на просторѣ, и море бушевало вблизи.

И мысли его были такъ же мрачны, какъ было мрачно кругомъ.

«Къ чему жить? Кому онъ теперь нуженъ?»

Передъ нимъ пронеслась вся его жизнь. Ничего отраднаго! Вѣчное одиночество, нелюбимая служебная лямка, озлобленіе и глухая ненависть неудовлетвореннаго честолюбія! Явилось-было счастье, измѣнившее всю его жизнь, но и это счастье оказалось миражомъ. Вѣра въ единственное близкое существо разбита. Его даже не пожалѣли! Впереди снова одиночество—еще болѣе тоскливое и мучительное—приниженнаго ожесточеннаго человѣка, на котораго будутъ смотрѣть съ злорадствомъ. «Глядите! Вотъ этотъ самый—влюбленный штурманъ, котораго жена обманула и бросила!»

— Обманула... Измѣнила!—повторилъ онъ уже громко.

Онъ припомнилъ теперь вчерашнюю встрѣчу: внезапныя слезы, нервное состояніе, переходы отъ слезъ къ ласкѣ. Дуракъ! Онъ принялъ и слезы, и волненіе—за радость свиданія. Глупецъ! Онъ въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, что его любили, его ждали. А съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ свиданія!.. И вотъ оно!.. Онъ бродитъ за городомъ!

Никандръ Мироновичъ смотрѣлъ на бушующее море сосредоточеннымъ, упорнымъ взглядомъ маніака. Море точно звало его къ себѣ, обѣщая полное успокоеніе.

«А что будетъ съ ней? Что будетъ съ Юленькой?»

Сердце его наполнилось жалостью при мысли о страданіи, объ угрызеніи совѣсти любимаго существа, о злорадствѣ людского осужденія. И ему стало безконечно жаль Юленьку. И сердце мрачнаго штурмана смягчилось. Онъ глубоко задумался.

«Нѣтъ, не такъ надо поступить честному человѣку. Совсѣмъ не такъ!» — подсказывала ему самоотверженная любовь.

И онъ, рѣшительный и скорбный, тихо повернулъ назадъ. Рѣшеніе было принято, и онъ больше не думалъ о смерти.

XV.

Въ шестомъ часу, продрогшій и усталый, Никандръ Мироновичъ вернулся домой и прошелъ въ свой маленькій кабинетъ. Когда, черезъ нѣсколько минутъ, онъ вошелъ въ спальню, Юленька была поражена видомъ мужа—до того онъ постарѣлъ, осунулся и былъ мраченъ.

Она глядѣла на него съ выраженіемъ испуга, подавленная и безпокойная, ожидая, что̀ скажетъ онъ. А онъ опустилъ глаза, точно виноватый, и, сдерживая волненіе, заговорилъ тихимъ, слегка дрожащимъ голосомъ:

— Я не стану упрекать. Я не сумѣлъ заслужить довѣрія и потерялъ привязанность. И вотъ что̀ я предлагаю: ты свободна... Я устрою разводъ, приму вину на себя, и ты можешь выйти замужъ за человѣка, котораго любишь, и будешь счастлива. А пока я уѣду, чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ.

Юленька не ожидала такого рѣшенія. Оно ей вовсе не улыбалось, да и тотъ самый «человѣкъ», красивый лейтенантъ Скрынинъ, съ которымъ она провела веселый

годъ, разумѣется, не связалъ бы себя женитьбой на разведенной женѣ штурмана. Онъ оказался большимъ негодяемъ — этотъ Скрынинъ! Онъ грубо бросилъ ее. И Юленька теперь ненавидѣла его!

Испуганная предложеніемъ мужа, испуганная перспективой жизни безъ средствъ, молодая женщина робко и виновато шепнула:

— Разводъ? Ты, значитъ, презираешь меня? Что-жъ, я этого стою, но мнѣ не нужно развода, и ни за кого я не собираюсь замужъ. Я никого, кромѣ тебя, не люблю!

Никандръ Мироновичъ поднялъ изумленные глаза на ея лицо, кроткое и покорное. Казалось, онъ не могъ сразу сообразить то, что она сказала, до того это было неожиданно, и молчалъ.

Тогда Юленька вдругъ опустилась на колѣни и, заливаясь слезами, проговорила:

— Прости, если можешь... Пожалѣй свою бѣдную Юленьку!

— Юленька! Что ты? Богъ съ тобой, родная!—воскликнулъ испуганный Никандръ Мироновичъ.

Онъ поднялъ ее, взволнованный и смягченный, усадилъ на маленькій диванчикъ и, садясь рядомъ, промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Такъ я тебѣ не чужой? Ты хочешь остаться со мной?

Юленька поняла, что дѣло ея выиграно, и что мужъ ее любитъ попрежнему. Вмѣсто отвѣта, она прижалась къ нему, обняла Никандра Мироновича и спрятала голову у него на груди, всхлипывая, какъ малый ребенокъ.

И мрачный штурманъ молча прижималъ одной рукой свою Юленьку, а другой тихо гладилъ ея голову. Слезы текли по его лицу.

Черезъ минуту она говорила, прерывая слова слезами:

— Ты простишь ли меня? Забудешь ли?

— Милая!.. Развѣ ты не видишь?

— То было увлеченіе, слабость, безумный порывъ. Я согласилась поѣхать ужинать. Я выпила шампанскаго и...

Юленька закрыла лицо руками.

Никандръ Мироновичъ вздрогнулъ, какъ ужаленный, ощущая мучительно чувство ревности.

— Не надо... Не говори!.. — прошепталъ онъ. — Къ чему!

— Нѣтъ, я хочу тебѣ все сказать, чтобъ ты не такъ

обвинялъ меня. Послѣ несчастнаго ужина мнѣ сталъ гадокъ этотъ человѣкъ. Я его больше не видала.

— Кто это?—глухо вымолвилъ Никандръ Мироновичъ.

— Не спрашивай; мнѣ стыдно, что я была знакома съ такимъ человѣкомъ. Впрочемъ, изволь, но прежде дай слово, что ради меня ты не станешь его преслѣдовать... Даешь?

Онъ далъ, и Юленька сказала съ чувствомъ ненависти:

— Скрынинъ!

— Эта гадина? О, Юленька!

— О, прости... прости... Если-бъ ты зналъ, какъ я страдала! Я не смѣла написать тебѣ... Вѣрь, что никогда...

И Юленька, рыдая, обнимала Никандра Мироновича.

Никандръ Мироновичъ повѣрилъ и этой лжи объ единственномъ ужинѣ, и глубинѣ раскаянія, и увѣреніямъ въ любви. Еще бы! Ему такъ хотѣлось вѣрить. И онъ утѣшалъ свою «ненаглядную цыпочку» и, нѣжно цѣлуя ее, сказалъ:

— Ни слова больше объ этомъ, Юленька. Забудемъ навсегда!

Юленька подарила мужа благодарнымъ, нѣжнымъ взглядомъ и чуть слышно проронила:

— Ребенка я отдамъ куда-нибудь, чтобъ онъ не напоминалъ тебѣ моей вины.

— Что ты, Юленька! Зачѣмъ? Нѣтъ, онъ останется у насъ. Пусть люди его считаютъ нашимъ пріемышемъ. И повѣрь, я его не обижу и буду любить... Вѣдь онъ твой, Юленька! И вотъ еще что: мы пока уѣдемъ изъ Кронштадта, чтобъ не было лишнихъ сплетенъ.

— Добрый, хорошій!—шептала тронутая Юленька.— Такъ ты совсѣмъ простилъ? Ты вернулъ любовь своей Юленькѣ? Ты не напомнишь о моемъ проступкѣ?

— Да развѣ ты не знаешь, какъ я люблю тебя, Юленька!—воскликнулъ Никандръ Мироновичъ.—И ни на минуту не переставалъ любить, хотя сегодня, когда ты сказала, мнѣ было невыносимо больно. И развѣ я негодяй, чтобъ когда-нибудь упрекнуть тебя, мое сокровище?

И «сокровище», улыбаясь сквозь слезы, прильнуло къ мужу.

XVI.

Прошло нѣсколько лѣтъ. «Мрачный штурманъ» сдержалъ свое слово.

Онъ не только не обижаетъ маленькой «Юлочки», названной этимъ именемъ по настоянію Никандра Мироновича, но, напротивъ, не чаетъ души въ ребенкѣ. И по мѣрѣ того, какъ растетъ дѣвочка, привязанность Никандра Мироновича увеличивается. Ему все кажется, что жена не достаточно любитъ Юлочку и мало ею занимается. И онъ балуетъ дѣвочку. Во время поѣздокъ жены изъ Кронштадта въ Петербургъ (Юленька часто-таки ѣздитъ «повидаться съ родными») Никандръ Мироновичъ, возвращаясь съ уроковъ изъ штурманскаго училища, проводитъ нерѣдко долгіе часы, пѣстуя и забавляя маленькую любимицу, и самъ укладываетъ ее спать, разсказывая ей сказки. Случается иногда, Никандръ Мироновичъ мрачно задумывается, глядя на спящую дѣвочку. Черты ея все болѣе и болѣе напоминаютъ ненавистныя ему черты Скрынина. Невольный вздохъ вырывается изъ его груди, и онъ шепчетъ:

— Чѣмъ же ты виновата, милая крошка?

И онъ крститъ дѣвочку и уходитъ въ кабинетъ готовиться къ лекціямъ.

Свою Юленьку онъ любитъ попрежнему, балуетъ и вѣритъ вполнѣ ея преданности. И Юленька, все еще хорошенькая и пикантная, нѣсколько пополнѣвшая, всегда ласковая и нѣжная съ Никандромъ Мироновичемъ, знаетъ свою силу и держитъ подъ башмакомъ влюбленнаго мужа. Она въ послѣднее время чаще ѣздитъ въ Петербургъ, подъ предлогомъ повидать больную маму, и возвращается еще болѣе ласковая и предупредительная. Но ея невѣрности сохраняются на этотъ разъ въ секретѣ, и Никандръ Мироновичъ, конечно, ни о чемъ не догадывается. Когда онъ замѣчаетъ, что цыпочка начинаетъ скучать, онъ самъ же предлагаетъ ей развлечься и поѣхать въ Петербургъ.

Зато флотскихъ Никандръ Мироновичъ ненавидитъ еще болѣе и отзывается о нихъ съ какою-то ожесточенною ненавистью. При встрѣчахъ съ прежними сослуживцами онъ еще суровѣе и угрюмѣе, чѣмъ прежде. И его всѣ попрежнему зовутъ «мрачнымъ штурманомъ», а за глаза, въ обществѣ моряковъ, глумятся надъ нимъ:

— Жена-то ему чужого ребенка преподнесла, а онъ преспокойно это скушалъ: даже не вызвалъ на дуэль Скрынина и не прогналъ жены. Впрочемъ, чего-жъ и ждать отъ штурмана!—брезгливо прибавляли многіе.

БѢГЛЕЦЪ.

I.

Чуть-чуть покачиваясь на затихавшей зыби и вздрагивая отъ быстраго хода, подходилъ нашъ клиперъ къ берегамъ Калифорніи.

Было прелестное сентябрьское утро. Солнце ужъ высоко поднялось на ярко голубомъ небѣ, подернутомъ бѣлоснѣжнымъ кружевомъ убѣгающихъ перистыхъ облачковъ, и заливало палубу яркимъ блескомъ. Отъ присмирѣвшаго океана вѣяло свѣжестью и прохладой. Дышалось полною грудью.

Обрывистые красные берега, окутанные по верхамъ золотистой дымкой тумана, ужъ отчетливо видны простымъ глазомъ. Вдали, на высокомъ холмѣ, у входа въ бухту, бѣлѣется башня маяка. Все чаще и чаще попадаются навстрѣчу суда, и малютка-пароходикъ, съ яркимъ флагомъ на мачтѣ, поднимаясь съ волны на волну, несется къ клиперу. Это—лоцманъ, и съ нимъ, конечно, пачка послѣднихъ американскихъ газетъ.

Всѣ вышли на верхъ изъ душныхъ каютъ, и палуба забѣлѣла множествомъ матросскихъ чистыхъ рубахъ. Всѣ празднично настроены. Всѣ просвѣтлѣли, охваченные радостнымъ ожиданіемъ «берега».

Послѣ тридцатидневнаго бурнаго перехода съ постоянной качкой, тревожными вахтами со шквалами, дождемъ и нерѣдкими окриками боцмана среди ночи: «Пошелъ всѣ на верхъ третій рифъ брать!»,—послѣ прискучившихъ консервовъ за обѣдомъ и однообразныхъ разговоровъ въ каютъ-компаніи, надоѣвшихъ всѣмъ, какъ и физіономіи другъ друга, послѣ скучныхъ стоянокъ въ китайскихъ портахъ,—эта «жемчужина Тихаго океана», какъ называютъ янки Санъ-Франциско, сулила не мало удовольствій. Всѣмъ хочется поскорѣй увидать этотъ диковинный городъ, выросшій со сказочной быстротой, и среди молодыхъ офицеровъ уже идутъ оживленные толки о съѣздѣ на берегъ.

И на бакѣ—этомъ матросскомъ клубѣ, гдѣ устанавливаются репутаціи и обсуждаются всѣ выдающіяся явленія судовой жизни—вокругъ кадки съ водой для курильщиковъ (въ другомъ мѣстѣ курить матросамъ нельзя) собралась толпа. И тамъ разговоры, разумѣется, о «берегѣ».

Общій любимецъ, добродушный, веселый и смѣлый до отчаянности марсовой Якушкинъ, котораго всѣ почему-то зовутъ Якушкой, хотя Якушкѣ ужъ подъ сорокъ лѣтъ,—передаетъ свои впечатлѣнія о Санъ-Франциско, гдѣ онъ былъ три года тому назадъ, когда въ первый разъ ходилъ въ кругосвѣтное плаваніе.

По словамъ Якушки, городъ веселый, народъ бойкій и живетъ вольно, кабаковъ много, и водка хорошая—виска по-ихнему; табакъ—дрянь противъ нашего, за то шерстяныя рубахи можно похвалить: носки и дешевы.

— А насчетъ чего другого — прочаго, братцы, такъ дорого...

Онъ ухарски подмигнулъ бойкимъ чернымъ глазомъ изъ-подъ темныхъ взъерошенныхъ бровей, придававшихъ его смуглому, широкому, скуластому лицу съ шапкой на затылкѣ забубенный видъ заправскаго лихого матроса, прижалъ корявымъ, почернѣвшимъ отъ смолы пальцемъ огонь въ своей трубочкѣ, цыкнулъ по-матросски въ кадку и, разставивъ свои короткія, крѣпкія босыя ноги фертомъ, не торопясь, прибавилъ:

— За то и форсисты шельмы, я вамъ скажу!

— Ну!?—раздалось изъ толпы.

Очевидно довольный произведеннымъ эффектомъ, Якушка продолжалъ:

— Но только пьянаго, братцы, не пущаютъ... ни Боже мой! А ежели ты пришелъ пьяный, тебя сейчасъ мамзель честью по загривку... И не пикни! Потому у ихъ бабамъ уваженіе. Какая ни есть, а уважать!

Въ толпѣ смѣются. На многихъ лицахъ недовѣріе, и кто-то иронически замѣчаетъ:

— Чудно что-то, Якушка!

— Чудно и есть, а только я вѣрно вамъ говорю—бабу обидѣть не смѣй!

Молодой бѣлобрысый матросикъ съ большими добрыми голубыми глазами, не успѣвшій еще потерять на службѣ своей деревенской складки, все время необыкновенно внимательно слушавшій Якушку, вдругъ спросилъ, застѣнчиво улыбаясь:

— А какой державы, Якушка, народъ?

— Американской, паря, державы.

И хотя этотъ отвѣтъ ровно ничего не объяснилъ молодому матросу, тѣмъ не менѣе онъ кивнулъ головой съ видомъ удовлетворенія, затянулся окуркомъ и, бросая его въ кадку, замѣтилъ въ формѣ вопроса:

— Тоже, значитъ, у ихъ свой король есть?

— То-то вотъ, братцы, нѣту!—отвѣчалъ Якушка, обращаясь ко всѣмъ, такимъ тономъ, словно бы онъ извинялся за американцевъ.—Оголтѣлый народъ!—неожиданно прибавилъ онъ, какъ бы вдругъ самъ проникаясь странностью сообщеннаго факта.

— Нечего сказать, народъ!—замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

— Однако тоже и у нихъ есть свое начальство. Выберутъ промежъ себя какого-нибудь сапожника, въ родѣ будто начальника, вотъ тебѣ и вся недолга!

— Безъ начальства шалишь, братъ!—раздался чей-то голосъ.

— А живутъ, надо правду говорить, хорошо. Хо-ро-шо, братцы, живутъ!—продолжалъ Якушка.—Взять къ примѣру: простая мастеровщина, а харчъ у него завсегда мясной и виску трескаетъ, и хлѣбъ пшеничный... И насчетъ одежи чистый народъ! Этто шляпу на затылокъ надѣлъ, самъ въ пинджакѣ и щиблеткахъ, куритъ себѣ сигарку и поплевываетъ. Думаешь: господинъ какой, а онъ всего на всего—рабочій человѣкъ!.. Да у ихъ и не узнать: кто изъ господъ, кто изъ простыхъ...

— Ишь ты! Видно, житье?—дивуются матросы.

— Житье и есть! Земли много у нихъ—земля вольная. И опять же: копаютъ золото. Копай кто хочетъ, заказу нѣтъ. Раздобылъ—твое счастье... Вольная сторона! Въ эти мѣста, сказываютъ, со всего свѣту народъ бѣжитъ.

— Который человѣкъ ежели Бога забылъ, тотъ и бѣжитъ!—проговорилъ строгимъ внушительнымъ тономъ старикъ плотникъ Захаровъ.—Правильный человѣкъ не побѣжитъ... Ты живи, гдѣ тебѣ назначено... На своей сторонѣ живи... вотъ что!

— Да и пропадешь у этихъ идоловъ! Ни онъ тебя не пойметъ, ни ты его!—вставилъ другой матросъ.—Не даромъ говорится: «На чужбинкѣ словно въ домовинкѣ!»

— И какъ это бросить свою сторону да въ этакую даль!—раздумчиво промолвилъ бѣлобрысый матросикъ.—Небойсь, нашъ россійскій сюда не побѣжитъ?

— Бога еще помнятъ наши-то! — опять строго произнесъ плотникъ.

— Однако одинъ и нашъ сбѣжалъ, когда мы во Францискахъ стояли! — значительно проговорилъ Якушка.

— Нашъ!?

— Нашъ и есть... Поди жъ ты!

Въ эту минуту подходилъ лоцманскій пароходикъ, и всѣ обратили на него вниманіе.

Клиперъ приостановилъ ходъ. Пароходикъ подлетѣлъ къ борту, принявъ на ходу брошенный съ клипера «конецъ», и, сдавши лоцмана, пошелъ прочь. Поднявшись по трапу, на палубу выскочилъ высокій сухощавый янки въ черномъ сюртукѣ и высокомъ цилиндрѣ, кивнулъ головой, проговорилъ привѣтствіе, и поднялся на мостикъ. Тамъ онъ поздоровался, первый протягивая руку, со стоявшими офицерами, отдалъ пачку газетъ, радостно сообщилъ, что наднихъ вздули южанъ (дѣло было во время междоусобной войны), и, заложивъ руки назадъ, зашагалъ по мостику.

Клиперъ снова пошелъ полнымъ ходомъ.

— Ишь вѣдь мужланъ! — сердито проговорилъ старый плотникъ, видимо недовольный американцемъ за его слишкомъ свободное обращеніе съ капитаномъ. — А еще образованные люди!

И многіе среди матросовъ были, повидимому, шокированы, хотя и ничего не сказали.

— Такъ какъ же нашъ-то сбѣжалъ? Сказывай, Якушка! — нетерпѣливо спросилъ кто-то.

Якушка оглянулся. Я стоялъ подлѣ. Но присутствіе юнаго гардемарина не смутило матроса. Онъ, не спѣша, выбилъ золу изъ трубки, сунулъ ее въ штаны, обвелъ взглядомъ тѣснѣе сдвинувшійся кружокъ и началъ.

II.

— Былъ, братцы вы мои, у нашего, у перваго лейтенанта Прокудинова взятъ съ собой изъ Россіи крѣпостной лакей. Максимкой звали. Паренекъ молодой и, ничего себѣ, башковатый, но только, надо правду сказать, много онъ отъ своего барина понапрасну бою принялъ.

— Сердитъ баринъ былъ?

— Какъ есть, цѣпная собака! Чуть что не по немъ или ежели какая неисправка, сейчасъ лѣзетъ въ морду и поровитъ, чтобы до крови... И вовсе не жалѣлъ нашего брата—лютъ этто былъ на порку. У насъ тогда, братцы,

не то что теперь, при нашемъ «голубѣ» *), шкуры матросской не жалѣли! Ребята такъ и звали Прокудинова Мордобоемъ... Мордобой и былъ! Многіе изъ господъ, которые пожалостливѣй, бывало, довольно даже срамили его за звѣрство... да ничего не брало—сердцемъ былъ золъ Мордобой! Другой, хоша и вдаритъ тебя, такъ съ пылу, а этотъ дьяволъ всегда дрался отъ злого сердца, съ мучительствомъ...

— Да... Есть такіе... У насъ вотъ былъ тоже одинъ, такъ все перстенемъ тыкалъ въ зубы... Много ихъ повышибъ!—авторитетно вставилъ одинъ коренастый пожилой матросъ.

— Ну, и часто-таки попадало Максимкѣ въ кису, потому Максимка молчитъ, молчитъ, какъ покорный слуга, да вдругъ и сдерзничаетъ. А ужъ тогда только держись! Сейчасъ этто Максимку на бакъ и прикажетъ всыпать... Максимка воемъ поетъ, а Мордобой линьки считаетъ про себя да приговариваетъ: «Жарь его, подлеца!» И разъ, я вамъ скажу, здорово Максимкѣ всыпали—очень ужъ онъ согрубилъ, и вовсе заскучилъ съ той поры Максимка. Пришелъ этто онъ вечеромъ ко мнѣ, смотритъ на море и плачетъ, какъ дите малое, слезами. «Рѣшусь, говоритъ, лучше жизни... Окіянъ, говоритъ, глыбокъ!» Извѣстно, парнишко молодой, двадцати годовъ еще не было! А до того жилъ онъ у портного-нѣмца въ обученьѣ, и былъ этотъ нѣмецъ, сказывалъ Максимка, жалостливый и справедливый нѣмецъ. Максимкѣ, значитъ, и терпко послѣ хорошей жизни да къ Мордобою! Ну, я всячески обнадеживаю человѣка: потерпи, молъ, Максимка, скоро, говорю, выйдетъ вамъ вольная воля—ужъ тогда про волю слухъ прошелъ,—а пока знай себѣ молчи и не дерзничай... Что, молъ, съ этимъ звѣремъ связываться! И пустяковъ не ври, говорю. Рѣшиться жизни—большой грѣхъ. Богъ далъ, Богъ и возьметъ ее, когда захочетъ! Мы, молъ, не хуже тебя, а тоже терпимъ. Слушалъ этто онъ, утеръ слезы, да и говоритъ: «Я, говоритъ, потерплю, но только долго, говоритъ, терпѣть, Якушка, не согласенъ. Силушки моей, на то, говоритъ, нѣтъ!» Хорошо. Ходили, мы такимъ родомъ, братцы, по разнымъ мѣстамъ и пришли этто во Франциски. Въ скорости послѣ того побывалъ Максимка

*) Такъ звали матросы капитана за его человѣческое отношеніе къ матросамъ. Еще задолго до офиціальнаго уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, линьки и розги были изгнаны изъ употребленія на клиперѣ.

на берегу, и какъ вернулся—диковина: совсѣмъ быдто другой сталъ Максимка—веселый такой. Пришелъ онъ на бакъ, у самого подъ глазомъ синякъ—Мордобой вечоръ съѣздилъ, — а Максимка куражится. — Что, Максимка, смѣются ребята, никакъ твой Мордобой долларъ тебѣ на гулянку далъ? «Дастъ, дьяволъ, жди!» а самъ скалитъ зубы... Въ тѣ поры мнѣ и невдомекъ, что̀ онъ выдумалъ.

Якушка помолчалъ, затянулъ на̀скоро, взявъ у сосѣда трубку, сплюнулъ и продолжалъ:

— Ладно. Простояли мы этакъ денъ пять, вытянули ванты, выкрасились и, какъ справились, отпустили нашу вахту на берегъ. Отпросился у своего Мордобоя и Максимка. Обрядился въ новый пинджакъ, какъ слѣдуетъ—любилъ онъ форснуть—и на баркасъ. Сѣлъ около меня, а самъ глядитъ на «конвертъ» *) и будто глазъ отвести не можетъ. «Что, говорю, буркалы уставилъ? Конверта, что ли, не видалъ?» Смѣется. Отвалили отъ борта, а Максимка шляпу снялъ и кланяется. «Кому ты, дуракъ?»— «А всѣмъ, говоритъ, землякамъ родимымъ». Куражится, думаю, парень. Радъ, что на берегъ урвался. А онъ и взаправду тогда прощался!.. Хорошо. Пристали мы къ пристани. Ребята разбрелись по салунамъ—это у нихъ въ родѣ какъ кабаки наши, только почище будутъ нашихъ,— тутъ же по ближности, а я съ двумя товарищами собрался перво-на-перво въ лавки—покупать рубахи. Максимка увязался съ нами. И только чудной онъ былъ какой-то въ тотъ день! Идемъ это мы по улицамъ, глаза пялимъ, а онъ вдругъ объ Россіи вспоминаетъ, про деревню, какъ при матери росъ, какая у него мать была... совсѣмъ не къ мѣсту разговоръ... Купили мы себѣ рубахи, пошлялись малость по городу и пошли назадъ къ пристани и зашли въ салунъ, гдѣ наши собрались. Народу пропасть! Шумятъ, гуляютъ, значитъ, матросики! Ну, сейчасъ это мы потребовали виски этой самой, сѣли за столикъ, сидимъ, пьемъ и рыбкой сладкой закусываемъ, слушаемъ, какъ наши пѣсни поютъ, а Максимка ничего въ ротъ не беретъ. «Не хочу», говоритъ. Сидитъ и все только на двери поглядываетъ. Только спроситъ, когда на конвертъ велѣно ворочаться? «Къ восьми», говорю. Прошло этакъ съ часъ времени. Отошелъ я къ ребятамъ, вернулся, а ужъ Максимки нѣтъ. «Гдѣ Максимка?» Това-

*) Вмѣсто „корветъ“ матросы всегда говорятъ „конвертъ“.

рищи не знаютъ. Кто-то говоритъ: «Вѣрно, Максимка съ ребятами къ мамзелямъ ушелъ». Ну, ладно. Выпили мы еще бутылку и тоже пошли мамзелей здѣшнихъ смотрѣть... Хороши, шельмы!

Якушка усмѣхнулся, повелъ глазомъ и продолжалъ:

— Къ вечеру повалили на пристань... По дорогѣ еще выпили. Идемъ это человѣкъ пять... Я иду, маленько поотставши, и вдругъ слышу, кто-то тихо окликаетъ: «Якушка!» Гляжу, а сбоку, въ узкомъ такомъ проулочкѣ, у фонаря стоитъ Максимка. Я къ нему, и хоть былъ я, братцы, здорово треснувши, а вижу, что съ Максимкой что-то неладное: съ лица побѣлѣлъ, весь ровно дрожитъ, а только все зубы скалитъ—себя куражитъ. «Ты что тутъ дѣлаешь, Максимка? Валимъ, говорю, на баркасъ. Опоздаешь — Мордобой не поглядитъ, небойсь!» — «Тише, говоритъ, Якушка... Я, говоритъ, давно поджидаю тебя, хочу проститься, потому ты доберъ былъ. Давече я побоялся при другихъ открыться, а теперь откроюсь: на баркасъ я не пойду и на конвертъ меня больше не ждите!» Весь хмель выскочилъ у меня изъ головы. «Ополоумѣлъ ты, что ли, Максимка. Идемъ скорѣй, глупая голова!» А онъ свое: «Не пойду, довольно, говоритъ, терпѣть, я здѣсь останусь!» Тутъ я давай его уговаривать: «Опомнись, Максимка! Что выдумалъ? Пропадешь, говорю, какъ собака, на чужой сторонѣ!»—«Не уговаривай, говоритъ, Якушка. Ужъ я, говоритъ, сговорился здѣсь съ однимъ полякомъ... Я, говоритъ, не пропаду, а вольнымъ человѣкомъ стану, буду по портной своей части. И есть, говоритъ, у меня прикопленныхъ сорокъ долларовъ, что за починку отъ господъ насбиралъ. Нарочно, говоритъ, для такого случая копилъ. А затѣмъ прощай, говоритъ, голубчикъ... догоняй своихъ и не поминай лихомъ!..» И не успѣлъ я, братцы, Максимку силкомъ удержать, какъ онъ фукнулъ въ проулокъ, и слѣдъ его простылъ.

— Эка отчаянный, прости Господи!—вырвалось чье-то восклицаніе среди притихшихъ слушателей.

— Догналъ я, братцы, своихъ и ничего не сказываю. И самому боязно, какъ бы въ отвѣтѣ не быть, и Максимку жалко: пропадетъ, думаю, ни за грошъ. Хорошо. Пришли на пристань. Мичманъ провѣрилъ. «Всѣ, кажется?»—«Всѣ, ваше благородіе, окромя Максимки, лейтенантскаго камардина!»—отвѣчаетъ унтеръ-офицеръ. «Его, видно, баринъ ночевать отпустилъ!—смѣется мичманъ.—

Не казенный онъ человѣкъ—садись, ребята, на баркасъ!» Сѣли и отвалили. Пристали къ конверту и сейчасъ же намъ роздали койки. Спустился я въ палубу, подвѣсилъ койку, раздѣлся, легъ спать, но только нѣтъ у меня сна, братцы... Все Максимка въ мысляхъ. А какъ бѣднягу поймаютъ? Вѣдь Мордобой не проститъ.

— Шкуру спустилъ бы!—вставилъ кто-то.

— Шкуру—шкурой, да потомъ въ Сибирь или въ солдаты... Злопамятный онъ, Мордобой... Только лежу это я въ койкѣ и слышу въ скорости онъ кричитъ: «Максимку послать!» (Мичманъ-то былъ добрый и не сказалъ, что Максимка не пріѣхалъ). «Такъ и такъ, ваше благородіе, доложилъ вѣстовой, Максимка съ берега еще не вернулся».—«Ахъ, онъ такой сякой! Завтра узнаетъ, какъ безъ спросу опаздывать! Какъ вернется, тую-жъ минуту ко мнѣ послать подлеца!» Ему и не въ догадку, что Максимка вовсе остался. Ладно. Прошелъ этакъ день!.. Максимки нѣту, и тутъ уже, должно, Мордобой догадался, что дѣло не ладно. Вѣстовые послѣ сказывали, что озвѣрѣлъ онъ въ тѣ поры совсѣмъ, забѣгалъ по каютъ-компаніи и кричитъ: «Со дна морского достану и на смерть запорю невѣрнаго раба!» Другіе офицеры ему по-французски, стыдили, значитъ. Послѣ того онъ шарахнулся въ каюту, какъ угорѣлый—давай провѣрять, цѣлы ли деньги и вещи...

— Цѣлы?—вырвался нетерпѣливый вопросъ у многихъ слушателей.

— Все, какъ есть, цѣлехонько...

— То-то!—вдругъ проговорилъ бѣлобрысый матросикъ, и все его доброе лицо озарилось радостной улыбкой.

— Не такой Максимка былъ человѣкъ... Бывало, окурка попросишь, и то отказывалъ, чтобъ не связываться, а не то, чтобы... Хорошо... Вышелъ этто Мордобой изъ каюты и маршъ къ капитану съ докладомъ, что камардинъ, молъ, пропалъ. Что они тамъ съ капитаномъ говорили—никому неизвѣстно, но только вышелъ онъ отъ него, какъ говядина, красный. Видно: напѣлъ ему. Командиръ хоть и самъ любилъ драться, но отходчивый былъ и зря не обижалъ, нечего говорить... Сейчасъ послѣ того, сталъ Мордобой доискиваться: съ кѣмъ да съ кѣмъ былъ Максимка на берегу. Призвалъ и меня. «Видѣлъ, говоритъ, Максимку?»—«Видѣлъ, говорю, ваше благородіе, вмѣстѣ въ салунѣ сидѣли».—«А потомъ?»—«Не видалъ, говорю, ваше

благородіе!»—«Куда онъ послѣ ушелъ?»—«Не могу, молъ, знать!»—«Сказывалъ тебѣ, что бѣжать собирается?» — «Никакъ нѣтъ!»—отвѣчаю.—«Ой, говоритъ, правду показывай, а не то сидорову козу изъ тебя сдѣлаю, такъ твою такъ!» И съ этимъ словомъ въ зубы... Разъ... другой... Молчу.—«Всѣ вы, говоритъ, подлецы!» И опять чешетъ. Кровь идетъ... «Не могу знать!» Насилу отсталъ, спустился внизъ, одѣлся въ вольную одежду *) и на берегъ, къ концырю, чтобъ объявку въ полицію подать... Ну, думаю, бѣда... поймаютъ теперича Максимку... Однако, къ вечеру Мордобой вернулся ни съ чѣмъ... сердитый такой... Послѣ ужъ узналъ я отъ людей, что здѣсь, братцы, не такъ-то легко разыскать человѣка. Пачпортовъ нѣтъ, прозывайся, какъ знаешь. И если ты убѣжалъ, да ничего не укралъ—живи съ Богомъ, твоя воля!

— Ишь ты... Такъ и не искали Максимку!

— Искали. Мордобой, сказывали, сотни двѣ доллеровъ извелъ сыщикамъ, чтобы Максимку заманить и силкомъ привезти на конвертъ. Каждый день съѣзжалъ на берегъ да только даромъ деньги извелъ. Въ скорости пріѣхалъ концырь и говоритъ этому самому Мордобою: «Плюньте вы на вашего Максимку, ежели, говоритъ, онъ такая каналья, что отъ своего барина убѣжалъ, — не стоитъ онъ, подлецъ, чтобъ изъ-за него хлопотать. И напрасно, говоритъ, вы меня не послушались, какъ я вамъ раньше объяснялъ. Денежки-то ваши ухнули, у васъ ихъ сыщики взяли, да Максимки не нашли. И не могли, говоритъ... Здѣсь, говоритъ, свои права».—«Какія-такія права?»—Мордобой спрашиваетъ.—«А такая, говоритъ, ужъ сторона американская, что всякаго къ себѣ принимаютъ. Ничего, молъ, не подѣлаешь!» А Мордобой въ отвѣтъ: «Довольно подлая, говоритъ, господинъ концырь, сторона, ежели не могутъ мнѣ возвратить собственнаго лакея!»

— Такъ, братцы вы мои, простояли послѣ этого день шесть и ушли изъ Франциско безъ Максимки!—заключилъ Якушка и сталъ набивать трубку.

III.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Всѣ были подъ впечатлѣніемъ разсказа.

*) Такъ матросы называютъ штатское платье.

— И рѣшился, подумаешь, человѣкъ!—въ раздумьѣ, подавивъ вздохъ, проговорилъ, наконецъ, бѣлобрысый матросикъ.—Не сустерпѣлъ, значитъ!

— Ддда... Видно, невмоготу было, ежели рѣшился!—замѣтилъ кто-то.

— Поляки сбили!—промолвилъ Якушка.

— Поляки?

— Тутъ есть ихъ! — сказалъ Якушка и прибавилъ: — скоро, братцы, и бухта! Вотъ только въ проливчикъ войдемъ.

Всѣ стали смотрѣть впередъ. Клиперъ, плавно разсѣкая воду, быстро подходилъ къ такъ-называемымъ Золотымъ Воротамъ, соединяющимъ океанъ съ заливомъ.

Толпа раздвинулась, пропуская боцмана Щукина. Онъ подошелъ къ кадкѣ, протянулъ руку къ Якушкѣ за трубкой и, сдѣлавъ двѣ затяжки, спросилъ:

— Ты это про что, Якушка?

— Да про Максимку Прокудиновскаго... Помните, Матвѣй Нилычъ...

— Какъ не помнить? Еще твой пріятель былъ!—усмѣхнулся боцманъ.

— А что-жъ?.. Максимка парень былъ тихій... Ничего себѣ...

Боцманъ помолчалъ и, передавая трубку Якушкѣ, проговорилъ:

— Тихой? Жалко, тихого тогда не поймали! Прокудиновъ по-настоящему бы раздѣлалъ шкуру твоему Максимкѣ... Тогда еще нонѣшнихъ вольностевъ не было... Всыпали бы штукъ ста три линьковъ—закаялся бы бѣгать... А то ишь ты... выдумалъ!

И Якушка, и другіе матросы молчали, но на многихъ лицахъ появились улыбки, не свидѣтельствовавшія о довѣріи къ мнѣнію боцмана насчетъ спасительности «раздѣлыванія» шкуры. Щукинъ отлично это зналъ и раздражительно прибавилъ, махнувъ головой по направленію къ берегу:

— Поди, сдохъ у этихъ анаѳемъ?.. Тоже... баринъ какой... бѣгать!

Опять всѣ молчали. Только чей-то льстивый голосъ раздался изъ толпы:

— Это вы вѣрно, Матвѣй Нилычъ... Это вы правильно... ей-Богу...

Старый боцманъ повелъ презрительнымъ взглядомъ на

выдвинувшагося Трошкина, извѣстнаго лодыря и подлипалу, имѣвшаго репутацію сквернаго матроса, и, видимо, нарочно не обращая ни малѣйшаго вниманія на его слова, напустилъ на себя строгій видъ и завелъ рѣчь съ подошедшимъ покурить фельдшеромъ.

— Извѣстно... пропасть должонъ человѣкъ!—лебезилъ Трошкинъ, желая подслужиться боцману и обратить на себя вниманіе.—Ты разсуди самъ, Якушка! Что онъ будетъ здѣсь дѣлать? И опять же совѣсть... это какъ?.. Потому, ежели человѣкъ нарушилъ присягу и убѣжалъ отъ своего господина...

— Ну... ты... ври больше, шканечная мельница! Нешто Максимка присягалъ?—крикнулъ на Трошкина Якушкинъ.

И Трошкинъ тотчасъ же умолкъ.

— Бога, я говорю, забылъ человѣкъ и пропалъ, какъ нечистый песъ. И по дѣломъ! Не бѣ-гай... Живи, гдѣ показано. Терпи... Помни, что сказано въ Писаніи: блаженни страждущіе... Вотъ что!—проговорилъ снова назидательнымъ тономъ плотникъ, грамотѣй, любившій читать священныя книги, и вышелъ изъ толпы.

— Ты-то терпѣливъ очень? — проговорилъ кто-то ему вслѣдъ.

— Разсудили!?—раздался вдругъ тихій, отчетливый, нѣсколько взволнованный голосъ, и всѣ обратили вниманіе на низенькаго бѣлокураго человѣка, выдѣлившагося изъ толпы. Это былъ унтеръ-офицеръ Лютиковъ.

— Разсудили!? Ужъ по-вашему и пропалъ? А по-моему, онъ долженъ Бога молить, что сподобилъ его Господь человѣкомъ стать, а не то что пропалъ! По вашему понятію, видно, только и жизни, гдѣ шкуру спускаютъ?— иронически прибавилъ онъ, взглядывая своими большими сѣрыми, смотрѣвшими куда-то вдаль, глазами на боцмана.—Человѣка тиранили, а онъ... терпи! Въ Писаніи сказано? Сказано въ Писаніи да не то... Эхъ... народъ... народъ!

Бросивъ эти слова и не дожидаясь отвѣта, словно бы на нихъ и не могло быть отвѣта, Лютиковъ, взволнованный и слегка поблѣднѣвшій, вышелъ изъ круга и, облокотившись о бортъ, сталъ смотрѣть жаднымъ взоромъ на приближавшіеся берега.

Старикъ Щукинъ побагровѣлъ и насупился. Онъ исподлобья бросилъ взглядъ на матросовъ и, принимая вдругъ строгій начальническій видъ, крикнулъ:

— Сейчасъ на якорь становиться, а вы тутъ лясы точите... Пошелъ по мѣстамъ!

Матросы стали расходиться.

— Тебѣ, что ли, говорятъ, Трошкинъ!—неожиданно накинулся онъ на лебезившаго матроса.—Что ползешь, какъ мокрая вошь! Пшелъ!—прошипѣлъ онъ, внезапно раздражаясь и разсыпаясь тою артистическою руганью, въ которой не зналъ себѣ соперниковъ.

— Иду... Ишь, дарма ругается!—проговорилъ себѣ подъ носъ, отходя, Трошкинъ, обиженный не столько руганью, сколько невниманіемъ къ его льстивымъ словамъ.

Это замѣчаніе привело боцмана въ ярость. Онъ коршуномъ налетѣлъ на Трошкина и, поднося къ его лицу свой здоровенный кулакъ, прошипѣлъ:

— Я-те поговорю!..

Но Трошкинъ отскочилъ въ сторону и, замѣтивъ подходившаго офицера, проговорилъ нарочно громко, искусственно обиженнымъ голосомъ:

— Нонче правовъ этихъ нѣтъ, чтобы зря драться!

— Ахъ ты... правовъ!?

И Щукинъ ужъ хотѣлъ-было показать «права», но въ эту минуту увидалъ офицера. Онъ только сердито крякнулъ, опуская кулакъ, и въ безсильномъ гнѣвѣ, пропустивъ сквозь зубы «анаѳему», заходилъ взадъ и впередъ по баку, бросая по временамъ на Лютикова взгляды, полные ненависти.

— Свистать всѣхъ на верхъ, на якорь становиться!—раздался съ мостика звучный, довольно молодой голосокъ вахтеннаго мичмана.

Боцманъ на ходу сдѣлалъ скачокъ назадъ, рысью подбѣжалъ къ люку и, разставивъ ноги и нагнувъ впередъ голову, засвисталъ протяжнымъ свистомъ въ дудку и затѣмъ гаркнулъ во всю глотку своимъ осипшимъ, надорваннымъ басомъ:

— Пошелъ всѣ на верхъ, на якорь становиться!

На клиперѣ воцарилась та благоговѣйная тишина, которая бываетъ на военныхъ судахъ при входѣ на рейдъ.

— Приготовиться къ салюту!

Безшумно ступая по безукоризненно чистой палубѣ, матросы стали у заряженныхъ орудій, готовыхъ привѣтствовать гостепріимныхъ хозяевъ.

IV.

Пройдя Золотыя Ворота (Golden Gate), названныя такъ въ честь вывезеннаго черезъ нихъ калифорнскаго золота, клиперъ вошелъ въ большой, глубоко вдавшійся заливъ, окаймленный высокими, красноватыми, холмистыми берегами. Зеленые кудрявые острова съ бѣлѣющими пятнами построекъ были разсыпаны по гладкому, чуть-чуть подернутому рябью, заливу. Сейчасъ за входомъ, высился голый островъ съ казармой. На немъ развѣвается звѣздный американскій флагъ, и въ зеленыя амбразуры внушительно смотрятъ дула орудій. Это—фортъ, защищающій входъ отъ южанъ. Города еще не видно изъ-за острова. Только громадное сѣрое облако, поднимающееся направо, показываетъ близость человѣческаго жилья.

Всѣ смотрятъ въ ту сторону.

Но старый артиллеристъ Ѳома Ѳомичъ не смотритъ. Ему пока не до города. Онъ стоитъ у перваго орудія и то и дѣло взглядываетъ вопросительнымъ взоромъ на мостикъ, гдѣ стоятъ капитанъ, старшій офицеръ и лоцманъ, и ждетъ приказанія начать салютъ. Онъ нѣсколько взволнованъ, какъ бенефиціантъ передъ выходомъ на сцену.

— Можно начать, Ѳома Ѳомичъ!—говоритъ старшій офицеръ, когда клиперъ, немного уменьшивъ ходъ, проходилъ мимо форта.

— Первое... пли!—командуетъ Ѳома Ѳомичъ съ сладостнымъ служебнымъ замираніемъ въ голосѣ.

И, считая про себя въ родѣ того, какъ пѣвцы считаютъ такты, «разъ, два, три, четыре...» до пятидесяти, чтобы между выстрѣлами были одинаковые промежутки, старый артиллеристъ перебѣгаетъ отъ орудія къ орудію, командуя все съ бо̀льшимъ оживленіемъ: «Второе... пли! Третье... пли!..»

Выстрѣлы раздаются съ правильными паузами, гулко раскатываясь по заливу и раздаваясь эхомъ въ горахъ. Облачки бѣлаго дымка, вылетая изъ пушекъ, стелятся по бокамъ клипера и, расплываясь, тихо таютъ въ воздухѣ.

Прокомандовавъ свое послѣднее «пли» съ особеннымъ щегольствомъ, словно пѣвецъ, заканчивающій арію, Ѳома Ѳомичъ, сіяющій и вспотѣвшій, съ видомъ именинника подходитъ къ кружку офицеровъ, собравшемуся на шканцахъ. И въ его красномъ, съ выпученными глазами, лицѣ, и въ походкѣ, и во всей невзрачной фигурѣ коренастаго,

короткошеяго артиллериста чувствуется вопросъ: «Каковъ былъ салютъ, а?» Но общее вниманіе поглощено берегомъ. Всѣ равнодушны къ торжеству Ѳомы Ѳомича. Только одинъ іеромонахъ Виталій одобрительно пробасилъ:

— Важно палили, Ѳома Ѳомичъ!

Нѣсколько обиженный, что салютъ не прочувствованъ, какъ слѣдуетъ, Ѳома Ѳомичъ отходитъ въ сторону.

Когда дымъ разсѣялся, и клиперъ, обогнувъ островъ, повернулъ вправо, Санъ-Франциско сверкалъ на солнцѣ, среди зеленѣющихъ купъ. Лѣсъ мачтъ въ гавани былъ, такъ сказать, у его ногъ. Чѣмъ ближе подходилъ, постепенно уменьшая ходъ, клиперъ, тѣмъ отчетливѣе вырисовывались дома и зеленыя пятна парковъ и садовъ большого города, раскинувшагося на холмахъ и буграхъ, заканчивающихся вдали возвышенностями. Купеческія суда всевозможныхъ формъ и конструкцій, начиная съ быстроходнаго, стройнаго американскаго клипера и кончая неуклюжимъ, пузатымъ голландскимъ «китобоемъ», стояли на рейдѣ вмѣстѣ съ военными судами разныхъ націй. Каждую минуту раздавались свистки, то пронзительные, то гудящіе, съ пароходовъ, пересѣкающихъ заливъ въ разныхъ направленіяхъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, трехъ-этажный, весь бѣлый, какъ снѣгъ, похожій на плавучій домъ, съ балансирной машиной, мѣрно отбивающій тактъ, прошелъ близко отъ насъ, полный пассажировъ. Съ палубы несутся звуки веселой музыки. Куда ни взглянешь—вездѣ оживленіе, дѣятельность. Маленькіе буксирные пароходики, съ сидящими въ будкахъ рулевыми, словно бѣшеные, снуютъ по рейду, предлагая свои услуги большимъ паруснымъ кораблямъ, еле подвигающимся, несмотря на всю поставленную парусину, при тихомъ вѣткѣ, къ выходу изъ залива. Клубы дыма стелятся надъ горизонтомъ. Яхты и шлюпки съ парусами, окрашенными въ яркія краски, скользятъ по рейду съ катающимися дамами. И надъ всей этой оживленной картиной—высокое, прозрачное голубое небо, откуда ласково свѣтитъ солнце, заливая блескомъ и городъ, и бухту съ кораблями, и острова, и окружающіе пики сіерръ.

Глядя на панораму большого города, на лѣсъ мачтъ въ гавани, на шумное оживленіе рейда, съ трудомъ вѣрилось, что эта кипучая жизнь создалась со сказочной быстротой, и невольно вспоминалось, что еще пятнадцать лѣтъ тому

назадъ мѣста эти были пустынны. Тишина ихъ нарушалась только крикомъ бѣлоснѣжныхъ чаекъ, носившихся, какъ и теперь, надъ заливомъ.

Мы бросили якорь недалеко отъ города. Черезъ нѣсколько минутъ ужъ къ намъ явились поставщики, портные, китайцы-прачки, комиссіонеры. Столъ въ каютъ-компаніи былъ заваленъ всевозможными объявленіями. То и дѣло приставали шлюпки. Съ иностранныхъ военныхъ судовъ пріѣзжали офицеры поздравить съ приходомъ, и, исполнивъ этотъ обычай вѣжливости, существующій между военными моряками, т.-е. проговоривъ привѣтствіе капитану и выпивъ затѣмъ бокалъ шампанскаго въ каютъ-компаніи—уѣзжали. Два репортера, явившись первыми, собирали свѣдѣнія о клиперѣ, записывали фамиліи всѣхъ офицеровъ, осмотрѣли клиперъ и торопились на берегъ, чтобы напечатать отчетъ въ вечернихъ газетахъ.

Скоро почти всѣ офицеры, переодѣвшись въ штатское платье, уѣхали на берегъ. На клиперѣ остались тѣ, кому приходилось стоять на вахтѣ.

Къ вечеру уже изъ клубовъ, изъ библіотекъ были присланы всѣмъ именные билеты на право свободнаго входа и доставлены нумера вечернихъ газетъ, въ которыхъ были помѣщены репортерскіе отчеты съ перевранными русскими фамиліями.

V.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось вступить на ночную вахту.

Рейдовыя вахты, когда рѣшительно нечего дѣлать и не за чѣмъ смотрѣть, тянутся какъ-то особенно долго и скучно. Ходишь себѣ взадъ и впередъ по мостику, обойдешь палубу, провѣришь часовыхъ и снова ходишь, пока не утомишься и не задремлешь, прислонившись къ поручнямъ.

Скоро полночь. Послѣ дневной суеты рейдъ стихъ. Корабли, слабо освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ молодой луны, казалось, дремлютъ на серебристой глади водъ. Каждые полчаса съ кораблей раздаются тихіе удары колокола, отбивающіе стклянки, и снова тишина. Только изъ ярко освѣщеннаго города доносится неясный гулъ, да по временамъ долетаютъ звуки музыки. На клиперѣ давно всѣ спятъ. Нѣсколько человѣкъ вахтенныхъ, примостившись къ орудію, коротаютъ вахту, лясничая вполголоса, да сигнальщикъ похаживаетъ по юту, въ ожиданіи скорой смѣны,

Давно уже чья-то маленькая, худощавая фигура словно приросла къ борту. Это—Лютиковъ. Хоть онъ и не на вахтѣ, а бодрствуетъ и все поглядываетъ на берегъ. Наканунѣ онъ былъ на берегу, и городъ, судя по его восторженнымъ, отрывистымъ словамъ, произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

— Понравилось, видно, здѣсь?—спросилъ я, подходя къ Лютикову.

Онъ повернулъ голову. Лицо его было блѣдно и задумчиво.

— А то какъ же!—проговорилъ онъ своимъ тихимъ внушительнымъ голосомъ.—Вамъ хорошо, а намъ и подавно!

И, видимо, отвѣчая на занимавшія его мысли, усмѣхнувшись, прибавилъ:

— А дураки вотъ говорятъ, что здѣсь пропадешь... Небойсь, онъ не пропалъ...

— Кто это?

— Да этотъ самый бѣглецъ... Максимка.

— Онъ здѣсь?

— Здѣсь. Съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ, здѣсь живетъ.

— Ты видѣлъ его?

— Видѣлъ!

Обыкновенно сдержанный и молчаливый, не любившій «лясничать» съ офицерами, и если обращавшійся къ нашему брату, юнцу-гардемарину, то по большей части съ просьбой дать почитать книжки (до книгъ Лютиковъ былъ охотникъ), онъ этотъ разъ удивилъ меня сообщительностью. Съ какимъ-то, тогда непонятнымъ мнѣ, возбужденіемъ расхваливалъ онъ жизнь бѣглеца на чужбинѣ. По словамъ Лютикова, Максимъ (а по-здѣшнему «мистеръ Максъ») живетъ отлично: зарабатываетъ портнымъ мастерствомъ болѣе ста долларовъ въ мѣсяцъ, ни отъ кого обиды не терпитъ, недавно женился на чешкѣ и не перестаетъ благодарить Господа за то, что наставилъ его на путь. И Прокудинова добромъ поминаетъ: не будь, говоритъ, онъ такой звѣрь, не видать бы мнѣ хорошей жизни.

— Какъ есть, человѣкомъ сталъ! И съ понятіемъ, не то, что нашъ братъ... Здѣсь понялъ онъ, какова воля, и каково безъ нея людямъ жить! А вы думали какъ? Нельзя этого понять темному мужику?—вдругъ прибавилъ Лютиковъ съ вызывающей, насмѣшливой ироніей, обычной у него въ бесѣдахъ, которыми онъ изрѣдка удо-

стоивалъ нѣкоторыхъ гардемариновъ и—чаще другихъ—меня.

— А по Россіи не скучаетъ?—спросилъ я.

— Можетъ, и скучаетъ, да Мордобоя не хочетъ. И куликъ чужу сторону знаетъ, и журавль тепла ищетъ—человѣкъ и подавно. Сладко, что ли, съ Прокудиновымъ было жить? Въ Россіи что нашъ братъ? Послѣдній опорокъ, помыкай, кто хочетъ... А здѣсь онъ—вольный человѣкъ, свои права имѣетъ. Всякому это лестно, какъ вы думаете?.. Это вотъ развѣ Щукину въ обиду... Ему—плюй въ глаза—все Божья роса!

— Развѣ ты не скучалъ бы по родинѣ?

— А не знаю, не пробовалъ!—усмѣхнулся Лютиковъ и продолжалъ:—по-аглицки такъ и чешетъ теперь Максимка... И газеты, и книжки читаетъ: одно слово—человѣкъ съ разсудкомъ! При охотѣ, чай, не мудрость языку научиться. Какъ вы полагаете?

— Полагаю, не мудрено.

— То-то и я думаю... Ддда... живутъ же люди! — вздохнулъ онъ.—Какъ хочешь, молись Господу, никто твоей совѣсти не неволитъ... — прибавилъ Лютиковъ строго. — И люди у нихъ всѣ равны... Президентъ-то ихній—дровосѣкомъ былъ... Наши и не повѣрятъ!

Лютиковъ замолчалъ и, немного погодя, спросилъ:

— Долго мы простоимъ здѣсь?

— Кажется, недѣли полторы. А что?

— Ничего... Такъ спросилъ.

И затѣмъ Лютиковъ опять задалъ вопросъ:

— Вѣрно, команду еще отпустятъ на берегъ?

— Я думаю, отпустятъ.

— Не слыхали, когда?

— Не знаю... Да если тебѣ хочется на берегъ, отпросись у старшаго офицера. Тебя во всякое время и не въ очередь отпустятъ. Хочешь, я скажу завтра старшему офицеру?—предложилъ я, зная щепетильность Лютикова.

— Нѣтъ, благодарю васъ... Ужъ я со всѣми съѣду...

— Когда еще отпустятъ!

— Подожду...

Я хотѣлъ-было продолжать разговоръ, но Лютиковъ, видимо, не желалъ этого. Онъ неохотно и скупо подавалъ реплики, подъ конецъ смолкъ, и ушелъ внизъ. Я опять зашагалъ по мостику и, наконецъ, задремалъ. Бой стекляшокъ пробудилъ меня. Я отправился на бакъ провѣрить

часовыхъ, гляжу—Лютиковъ стоитъ у борта, не спуская глазъ съ берега.

— Что это ты не спишь, Лютиковъ?.. Ужъ не собираешься ли остаться въ Санъ-Франциско?—пошутилъ я.

Лютиковъ рѣзко отвѣтилъ, что ему нездоровится, ушелъ скоро внизъ и больше не показывался.

Мнѣ показалось, что шутка моя смутила его. Но въ ту пору я не обратилъ на это вниманія. Только потомъ я невольно припоминалъ и его смущеніе, и его разговоръ въ эту ночь.

VI.

Оригинальный человѣкъ былъ этотъ Лютиковъ. Онъ рѣзко выдѣлялся изъ общаго уровня. И взгляды его, и сужденія, вырывавшіяся случайно, и пытливый, нѣсколько озлобленный умъ, и характеръ его отношеній къ офицерамъ и матросамъ. Все это было не совсѣмъ обыкновенно въ матросѣ, да еще въ матросѣ крѣпостного времени. Не даромъ и дальнѣйшая его судьба была тоже не совсѣмъ обычайна.

Это былъ молчаливый, необыкновенно сдержанный человѣкъ, лѣтъ тридцати-пяти, худощавый, низенькій, крѣпкій блондинъ, съ русыми волосами, окаймлявшими самое обыкновенное, скорѣе некрасивое, чѣмъ красивое, простое русское лицо. Обличьемъ онъ совсѣмъ не походилъ на обычные типы матросовъ. Въ его маленькой, словно подобранной въ себя, фигурѣ не было не выраженія удали, ни того особаго забубеннаго матросскаго шика въ манерахъ, рѣчахъ, ношеніи костюма, который бываетъ у долго прослужившихъ лихихъ матросовъ. Съ виду Лютиковъ казался даже не бравымъ, но въ первый же штормъ, выдержанный клиперомъ въ Нѣмецкомъ морѣ, онъ показалъ находчивость и безстрашіе видавшаго виды моряка. Онъ не бралъ въ ротъ ни капли вина, не курилъ, никогда не ругался, держалъ себя строго и серьезно и нерѣдко въ свободное время читалъ Евангеліе и житія святыхъ, пока вѣроисповѣданіямъ. Однажды онъ съ сердцемъ упрекалъ что Лютиковъ раскольникъ, но о религіозныхъ вопросахъ онъ никогда не говорилъ и терпимо относился къ чужимъ вѣроисповѣданіямъ. Однажды онъ съ сердцемъ упрекалъ двухъ матросовъ, вздумавшихъ какъ-то смѣяться надъ религіозными обрядами матроса-татарина.

Но болѣе всего поражало въ Лютиковѣ—это чувство

собственнаго достоинства, съ какимъ онъ держалъ себя со всѣми, и особенно съ офицерами. Въ его сдержанныхъ манерахъ, въ твердомъ, серьезномъ выраженіи взгляда, въ толковыхъ, короткихъ отвѣтахъ было что-то такое, что невольно внушало уваженіе; въ то же время чувствовалось, что подъ наружной сдержанностью Лютикова возможна буря, что этотъ, смирный съ виду, человѣкъ не снесетъ безнаказанно оскорбленія. И всѣ обращались съ Лютиковымъ не такъ, какъ съ другими. Даже тѣ офицеры, которые не привыкли стѣсняться въ выраженіяхъ съ матросами, стѣснялись съ Лютиковымъ и никогда не бранили его площадной бранью.

Впрочемъ, и трудно было придраться къ нему. Своимъ безукоризненнымъ поведеніемъ онъ, словно щитомъ, прикрывался отъ возможности какихъ бы то ни было столкновеній. Натура самолюбивая, онъ точно всегда былъ на сторожѣ, особенно первое время плаванія, пока Лютикова не узнали, и къ нему не установились извѣстныя отношенія.

Онъ былъ лучшій унтеръ-офицеръ, отличный рулевой, первый стрѣлокъ. Всякая работа какъ-то спорилась у него въ рукахъ и подъ его присмотромъ. На гротъ-марсѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ, работали лучше, чѣмъ на другихъ марсахъ, и работали основательно, а не на показъ. Лютиковъ былъ исполнителенъ до педантизма и усерденъ, но въ его усердіи не было и тѣни угодливости или желанія отличиться въ глазахъ начальства. Онъ избѣгалъ всякой похвалы или принималъ ее съ суровымъ равнодушіемъ человѣка, не придающаго ей никакой цѣны.

Онъ держался особнякомъ, не сближаясь съ «баковой аристократіей», т.-е. съ боцманами, унтеръ-офицерами, фельдшеромъ и писарями; не сходился Лютиковъ и со старыми матросами, за то онъ необыкновенно мягко и тепло относился къ молодымъ матросамъ, попавшимъ отъ сохи въ море. Какъ-то случилось само собою, что онъ взялъ ихъ въ началѣ плаванія подъ свое покровительство. Онъ училъ ихъ морскому дѣлу, ободрялъ трусливыхъ во время непогоды и нерѣдко защищалъ безотвѣтныхъ отъ нападокъ боцмана, при чемъ громко говорилъ, что они сами виноваты, если позволяютъ боцману драться, несмотря на категорическое запрещеніе капитана. Къ Щукину, отчаянному ругателю и любителю драться, Лютиковъ относился съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и не удостоивалъ его споровъ. Въ

свою очередь, и старикъ-боцманъ ненавидѣлъ отъ всей души Лютикова.

— Ему, подлецу, въ арестантскихъ ротахъ быть за его понятія, а не то что унтеръ-офицеромъ!—говорилъ онъ, бывало, въ интимныхъ бесѣдахъ съ такими же стариками, возмущавшимися, какъ и онъ, новыми порядками.

Эта ненависть, помимо разницы взглядовъ, питалась еще и подозрительностью Щукина, видѣвшаго въ Лютиковѣ конкурента. Не разъ уже старшій офицеръ стращалъ боцмана, что его за пьянство разжалуютъ изъ боцмановъ... Кому же въ такомъ случаѣ быть боцманомъ, какъ не Лютикову? Его хорошо зналъ и капитанъ по прежней службѣ, онъ же его и взялъ на клиперъ, и была молва, что Лютикову еще давно предлагали быть боцманомъ, но онъ отказался отъ этой чести.

Среди матросовъ Лютиковъ пользовался большимъ авторитетомъ, его уважали, но онъ былъ нѣсколько чужой имъ, и эта разница чувствовалась сама собой въ осторожно почтительныхъ отношеніяхъ, установившихся къ нему со стороны матросовъ.

— Башковатый человѣкъ, что и говорить!—говорилъ про него Якушка: — и жизни правильной... Ему бы не матросомъ быть...

— А кѣмъ?—спрашивалъ я.

— Да по другой какой части...

— Почему?

— Уменъ онъ очень для матросской жизни... это не годится... И гордыня въ немъ есть, даромъ, что тихъ... Нашего брата обидь—оботремся, а Лютиковъ—нѣтъ!

— Развѣ это худо?

— Хорошо ли, худо, да не къ нашему рылу!—отвѣчалъ Якушка.

Лютиковъ былъ изъ зажиточной раскольничьей семьи архангельскихъ поморовъ. Отецъ его, человѣкъ строгаго благочестія, былъ однимъ изъ видныхъ и вліятельныхъ сектантовъ. Съ юныхъ лѣтъ Лютиковъ выѣзжалъ съ отцомъ на рыбачій промыселъ. Эти плаванія на карбасѣ въ открытомъ морѣ развили въ мальчикѣ энергію, пріучили къ опасностямъ, заставили полюбить природу. По зимамъ онъ жилъ въ глухомъ лѣсномъ скиту, гдѣ нерѣдко подолгу живали бѣглецы, скрывавшіеся отъ преслѣдованій за вѣру. Тамъ, у старой тетки, начетчицы, суровой фанатички, мальчикъ выучился грамотѣ и письму и тамъ же, въ долгіе зим-

ніе вечера, слушалъ, бывало, нескончаемые разсказы гостившихъ странниковъ и бѣгуновъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ русскими людьми, искавшими религіозной правды. Въ этой-то средѣ религіознаго фанатизма, подвижничества и озлобленія крѣпъ религіозный пылъ впечатлительнаго мальчика и питалась ненависть...

Лютиковыхъ долго не трогали. Благодаря взяткамъ мѣстнымъ властямъ, скитъ держался, и раскольники покупали право молиться по-своему. Лютиковъ, жившій съ отцомъ въ ближней деревнѣ, собирался-было жениться, какъ въ 1852 году, совершенно для раскольниковъ неожиданно, случился погромъ. Ночью налетѣли чиновники, запечатали скитъ, арестовали жившихъ тамъ и на утро арестовали всю семью Лютикова. Дѣло тянулось долго при старыхъ судахъ. Три года высидѣли Лютиковы въ острогѣ.

— Въ тѣ поры обо многомъ передумалъ я,—разсказывалъ однажды Лютиковъ, вспоминая эти годы.—Признаться, ужъ тогда я начиналъ смущаться въ нашей вѣрѣ... Очень ужъ мы были къ другимъ строги... Кто не по-нашему молился, того ровно поганымъ считали... Не то Спаситель нашъ проповѣдывалъ...

Лютиковъ замолчалъ и посматривалъ на даль темнѣвшаго океана. Ночь была чудная, нѣжная, одна изъ тѣхъ прелестныхъ ночей, какія бываютъ въ тропикахъ. Мы стояли съ Лютиковымъ на вахтѣ. Дѣлать на вахтѣ было нечего, не приходилось шевелить «брасомъ». Подымаясь съ волны на волну, шелъ себѣ клиперъ подъ всѣми парусами, подгоняемый ровно дующимъ пассатомъ, узловъ по восьми, и вахтенные матросы, усѣвшись кучками, коротали вахту въ тихихъ разговорахъ. Только вахтенный офицеръ ходилъ взадъ и впередъ по мостику, посматривая по временамъ на горизонтъ, не темнѣетъ ли гдѣ шквалистое облачко, да покрикивая изрѣдка часовымъ на бакѣ: «впередъ смотрѣть!»

— Чѣмъ же кончилось дѣло?—спросилъ я послѣ того, какъ Лютиковъ смолкъ.

— Извѣстно, чѣмъ кончались такія дѣла!..—съ озлобленіемъ промолвилъ Лютиковъ.—Много народу пошло въ Сибирь, а меня сдали въ матросы...

— Живы отецъ съ матерью?

— Умерли... Никого почти изъ родныхъ не осталось въ живыхъ. Братъ старшій есть, ну, да тотъ давно Бога забылъ...

Все это Лютиковъ разсказывалъ ужъ послѣ того, какъ между нами установились болѣе или менѣе близкія отношенія. Въ началѣ плаванія, когда я, заинтересованный Лютиковымъ, обратился-было, къ нему съ разными вопросами, онъ отвѣчалъ сухо и неопредѣленно, съ насмѣшливой улыбкой, говорившей, казалось: «тебѣ какое дѣло?»

Это меня обидѣло нѣсколько. Въ качествѣ либеральнаго юнца, искавшаго сближенія съ матросами, я наивно полагалъ, что выражаю сочувствіе, и не сообразилъ тогда, сколько было грубой неделикатности въ этихъ разспросахъ молодого барчука. Всѣ дальнѣйшія мои попытки вызвать Лютикова на разговоръ не имѣли успѣха. Лютиковъ, видимо, относился ко мнѣ съ тѣмъ же подозрительнымъ недружелюбіемъ, сдерживаемымъ различіемъ положеній, въ формѣ сухой почтительности,—съ какимъ относился вообще ко всѣмъ офицерамъ. Только къ одному капитану онъ, повидимому, питалъ нѣжныя чувства, а когда капитанъ обращался иногда къ Лютикову съ привѣтливымъ словомъ, Лютиковъ бывалъ доволенъ.

Вскорѣ однако непріязненность его мало-по-малу прошла. Онъ сдѣлался сообщительнѣе, самъ вступалъ въ разговоры, просилъ книжекъ и требовалъ объясненій, если не понималъ прочитаннаго.

Эта перемѣна въ Лютиковѣ произошла послѣ того, какъ онъ побывалъ первый разъ въ своей жизни въ иностранномъ портѣ. Это былъ Лондонъ, куда клиперъ зашелъ на нѣсколько времени для починки въ доки.

Лондонъ произвелъ на Лютикова громадное впечатлѣніе. Онъ вернулся на клиперъ очарованный. На другой же день онъ первый заговорилъ со мной, восторгаясь всѣмъ видѣннымъ и разспрашивая, какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ, и почему все тамъ не такъ, какъ у насъ.

Онъ побывалъ на берегу еще разъ и вскорѣ послѣ этого обратился съ просьбой: «дать ему почитать книжку о чужихъ земляхъ». Я далъ ему какое-то путешествіе, бывшее въ библіотекѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ возвратилъ книгу и просилъ другихъ. Послѣ того, онъ то и дѣло обращался то ко мнѣ, то къ кому-нибудь изъ гардемариновъ съ вопросами. Достойно вниманія, для характеристики Лютикова, что вопросы его, главнымъ образомъ, касались общественнаго и религіознаго устройства. Видно было, что мысль его дѣятельно работала.

Другіе европейскіе порты усиливали первое впечатлѣ-

ніе. Лютикову все нравилось, все казалось непохожимъ на то, что онъ видѣлъ прежде. Онъ пристрастился къ чтенію и особенно любилъ книги историческаго содержанія. Въ его умѣ все видѣнное и прочитанное складывалось въ представленіе чего-то яркаго и необычайнаго, и въ разговорахъ его чаще прежняго прорывалась нота озлобленія при разсказахъ о жизни на родинѣ. Я не разъ вступалъ съ нимъ въ споры, доказывая, что онъ слишкомъ увлекается видимымъ блескомъ заграничной жизни, и что не все тамъ такъ хорошо, какъ кажется, но онъ не вѣрилъ моимъ словамъ. Лютиковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ самостоятельныхъ натуръ, которыя до всего доходятъ пытливостью своего ума.

Когда я, бывало, спрашивалъ Лютикова, чѣмъ думаетъ онъ заняться по выходѣ въ отставку (срокъ его службы кончался по возвращеніи въ Россію), онъ обыкновенно отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ.

— А въ ластовые офицеры?.. Выдержать экзаменъ не важность...

— Нѣтъ, ужъ куда... Ни пава, ни ворона... Видалъ я ластовыхъ и шкиперовъ... Тоже офицеры изъ нижнихъ чиновъ... Ѳедотъ да не тотъ!..

VII.

Цѣлую недѣлю на клиперѣ была работа. Перемѣнили и вооружили новую гротъ-марса-рею. Лютиковъ былъ занятъ съ утра до вечера и работалъ съ обычнымъ своимъ усердіемъ. Тѣмъ не менѣе, я замѣчалъ въ немъ какую-то перемѣну. Нерѣдко, проработавши весь день на марсѣ, Лютиковъ, вмѣсто того, чтобы идти спать, долго ходилъ наверху, серьезный, задумчивый, словно бы удрученный какими-то думами. Я спросилъ: «что съ нимъ?» Онъ коротко и сухо отвѣчалъ, что ничего, видимо избѣгая разговоровъ.

Когда работы были окончены, и я узналъ, что черезъ нѣсколько дней команду спустятъ на берегъ, я поспѣшилъ сообщить объ этомъ Лютикову, разсчитывая обрадовать его этой новостью. Но, къ изумленію моему, онъ принялъ это сообщеніе не только безъ радости, а, напротивъ, какъ будто съ непріятнымъ чувствомъ.

— Развѣ тебѣ не хочется на берегъ? Санъ-Франциско тебѣ такъ понравился?

Онъ промолчалъ:

— Правда—сегодня на бакѣ разсказывали, будто капитанъ отъ насъ уходитъ?

Дѣйствительно, пришедшій наканунѣ корветъ привезъ слухъ, будто нашъ капитанъ получаетъ другое назначеніе, и что къ намъ на клиперъ будетъ назначенъ капитаномъ одинъ изъ старшихъ офицеровъ, извѣстный на эскадрѣ, какъ человѣкъ крутой, суровый, школившій матросовъ по обычаю прежняго времени.

Я передалъ Лютикову, что слухи были.

— Другіе порядки, значитъ, пойдутъ!—проговорилъ Лютиковъ.—Такого, какъ нашъ капитанъ, рѣдко найдешь... Хорошій капитанъ, и людямъ жить можно, а какъ попадетъ какой-нибудь звѣрь—мука пойдетъ...Опять пороть людей будутъ...

— Вѣдь ты знаешь, что тѣлесныя наказанія отмѣнены. Недавно приказъ читали...

— Мало ли что отмѣнено, а небойсь, на другихъ судахъ и порютъ, и въ зубы бьютъ!—съ насмѣшливой злостью возразилъ Лютиковъ.—И тѣснить людей по закону запрещено, и грабить запрещено, а люди людей и тѣснятъ, и грабятъ! И старовѣрамъ по закону по-своему молиться можно, а небойсь, коли не заткнешь пасть деньгами, нельзя... Все можно, только не нашему брату!—прибавилъ онъ съ какимъ-то страстнымъ озлобленіемъ.—Да и вамъ, господамъ, все можно, да не очень!—съ ироніей продолжалъ онъ.

Черезъ день въ Санъ-Франциско пришелъ адмиралъ, и слухи о новомъ назначеніи капитана подтвердились. Всѣ, и офицеры, и матросы, искренно сожалѣли, что капитанъ оставляетъ клиперъ. Только одинъ Лютиковъ, повидимому, не раздѣлялъ общаго сожалѣнія. Послѣ этого извѣстія, онъ даже повеселѣлъ, что крайне удивило меня въ ту пору.

Въ тотъ же день команду отпустили на берегъ. Лютиковъ уѣхалъ необыкновенно веселый. Никогда не видалъ я его въ такомъ хорошемъ настроеніи.

Вечеромъ, когда мы сидѣли въ каютъ-компаніи за чаемъ, гардемаринъ, ѣздившій съ командой на берегъ, доложилъ старшему офицеру, что всѣ вернулись, исключая Лютикова.

Старшій офицеръ удивился, зная пунктуальную аккуратность Лютикова. Онъ предположилъ, что случилось что-нибудь особенное, если Лютиковъ опоздалъ на шлюпку, и приказалъ одному изъ офицеровъ завтра пораньше ѣхать въ городъ навести справки о Лютиковѣ черезъ кон-

сула. Никто, разумѣется, и не подозрѣвалъ, что Лютиковъ могъ дезертировать.

Посланный офицеръ вернулся, не узнавши ничего.

Прошелъ еще день. Старшій офицеръ начиналъ безпокоиться. Ужъ не заболѣлъ ли Лютиковъ?.. Онъ хотѣлъ было снова посылать офицера не берегъ за справками, какъ капитанскій вѣстовой доложилъ ему, что его проситъ къ себѣ капитанъ. Черезъ четверть часа нашъ милѣйшій Василій Ивановичъ вернулся взволнованный. Нѣсколько времени онъ сидѣлъ молча, нервно теребя усы, и, наконецъ, таинственно сообщилъ на скверномъ французскомъ діалектѣ, что Лютиковъ бѣжалъ.

Это извѣстіе поразило всѣхъ. Въ первую минуту никто не хотѣлъ вѣрить, что Лютиковъ могъ бѣжать.

— И я, господа, никогда не повѣрилъ бы... Такой отличный былъ унтеръ-офицеръ и вдругъ...

Онъ разсказалъ, что капитанъ только-что получилъ письмо отъ Лютикова. Въ письмѣ онъ проситъ у капитана прощенія за свой поступокъ и—вообразите!—сообщаетъ, что давно задумалъ бѣжать, и что намѣреніе это ускорилось извѣстіемъ объ уходѣ капитана.

Старшій офицеръ просилъ насъ держать бѣгство Лютикова въ секретѣ отъ матросовъ, чтобы не произвести дурного впечатлѣнія.

— Если бы бѣжалъ какой-нибудь негодяй, а то лучшій унтеръ-офицеръ. Чортъ знаетъ, что такое!—прибавилъ въ недоумѣніи старшій офицеръ.

На слѣдующій день Василій Ивановичъ объявилъ боцману Щукину, что Лютиковъ утонулъ, купаясь на берегу. Боцманъ выслушалъ молча, но съ видимой недовѣрчивостью.

VIII.

Дня черезъ три послѣ этого, клиперъ раннимъ утромъ снимался съ якоря. Опять всѣ были наверху, но настроеніе всѣхъ было не такое праздничное, какъ при входѣ на рейдъ. Выйдя изъ оживленной бухты, клиперъ на минуту остановился, чтобы спустить лоцмана, затѣмъ мы прекратили пары и вступили подъ паруса. Съ ровнымъ свѣжимъ вѣтромъ клиперъ быстро уходилъ отъ обрывистыхъ, красныхъ береговъ Калифорніи.

Когда подвахтенныхъ просвистали внизъ, кучка матросовъ, по обыкновенію, собралась на бакѣ вокругъ кадки съ водой. Молча посматривали матросы на убѣгающій берегъ,

изрѣдка перекидываясь краткими замѣчаніями. Кто-то изъ молодыхъ матросовъ заговорилъ-было о Лютиковѣ, но ни одна душа не поддержала разговора, Всѣ сердито взглянули на говорившаго, видимо избѣгая высказывать свои мнѣнія.

— Безпремѣнно сбѣжалъ, анаѳема! — проговорилъ вдругъ Щукинъ, обращаясь къ одному старику плотнику, но, очевидно, говоря для всѣхъ.—Чѣмъ отплатилъ за доброту, подлецъ! Сраму сколько одного... Русскій унтерцеръ и поди ты!.. Вотъ они, эти порядки новые... Распутъ одинъ!—съ злорадствомъ прибавилъ боцманъ, окидывая суровымъ взглядомъ матросовъ. — Прежде матросы не бѣгали... не срамили флота... Какъ же! Грамотѣй былъ, тоже книжки читалъ... А выходитъ—сволочь!

И расходившійся боцманъ продолжалъ костить ненавистнаго ему Лютикова.

Но матросы слушали боцмана въ угрюмомъ молчаніи. Одинъ за однимъ уходили они прочь, и скоро Щукинъ остался въ компаніи двухъ-трехъ человѣкъ.

— Такъ Григорьичъ, значитъ, не утонулъ, Якушка?— тихо спросилъ у Якушки тотъ самый бѣлобрысый молодой матросикъ, который интересовался знать, какой державы американцы.

— А ты и повѣрилъ, простота, что господа говорили?—усмѣхнулся Якушка.—Григорьичъ не даромъ на берегу съ Максимкой путался!..

— Помоги ему Господь!—прошепталъ въ отвѣтъ матросикъ и перекрестился.

— Небойсь, Григорьичъ не пропадетъ у мериканцевъ... Башковатый онъ человѣкъ, Григорьичъ. Онъ, братецъ ты мой, до всего дойдетъ... Однако, свѣжѣетъ!.. Ишь, зайцы-то расходились!—вдругъ круто перемѣнилъ разговоръ Якушка, увидавъ подходившаго офицера.

Вѣтеръ крѣпчалъ, посвистывая въ снастяхъ. Словно птица, расправившая могучія крылья, клиперъ, накренившись на бокъ, несся все быстрѣе и быстрѣе, легко перепрыгивая съ волны на волну и раскачиваясь. Сѣдые гребешки волнъ, съ шумомъ разбивающихся о бока вздрагивающаго клипера, все чаще и чаще обдавали брызгами палубу... Скоро берега скрылись изъ глазъ. Кругомъ одна безпредѣльная холмистая равнина бушующаго океана да небо, покрытое бѣгущими облаками... Вдали, на горизонтѣ, собирались тяжелыя свинцовыя тучи.

„ЧЕЛОВѢКЪ ЗА БОРТОМЪ“.

I.

Жара тропическаго дня начинала спадать. Солнце медленно катилось по горизонту.

Подгоняемый нѣжнымъ пассатомъ, клиперъ несъ всю парусину и безшумно скользилъ по Атлантическому океану, узловъ по семи. Пусто кругомъ: ни паруса, ни дымка на горизонтѣ! Куда ни взглянешь, все та же безбрежная водяная равнина, слегка волнующаяся и рокочущая какимъ-то таинственнымъ гуломъ, окаймленная со всѣхъ сторонъ прозрачной синевой безоблачнаго купола. Воздухъ мягокъ и прозраченъ; отъ океана несетъ здоровымъ морскимъ запахомъ.

Пусто кругомъ.

Изрѣдка развѣ блеснетъ подъ лучами солнца яркой чешуйкой, словно золотомъ, перепрыгивающая летучая рыбка, высоко въ воздухѣ прорѣетъ бѣлый альбатросъ, торопливо пронесется надъ водой маленькая петрель, спѣшащая къ далекому африканскому берегу, раздастся шумъ водяной струи, выпускаемой китомъ, и опять ни одного живого существа вокругъ. Океанъ да небо, небо да океанъ—оба спокойные, ласковые, улыбающіеся.

— Дозвольте, ваше благородіе, пѣсенникамъ пѣсни пѣть!—спросилъ вахтенный унтеръ-офицеръ, подходя къ офицеру, лѣниво шагающему по мостику.

Офицеръ утвердительно махнулъ головой, и черезъ минуту стройные звуки деревенской пѣсни, полной шири и грусти, разнеслись среди океана.

Довольные, что послѣ дневной истомы наступила прохлада, матросы толпятся на бакѣ, слушая пѣсенниковъ, собравшихся у баковой пушки. Завзятые любители, особенно изъ старыхъ матросовъ, обступивъ пѣвцовъ тѣснымъ кружкомъ, слушаютъ сосредоточенно и серьезно, и на многихъ загорѣлыхъ, обвѣтрившихся лицахъ свѣтится безмолвный восторгъ. Подавшійся впередъ широкоплечій, су-

тулый старикъ Лаврентьичъ, «основательный» матросъ изъ «баковщины», съ жилистыми, просмоленными руками, безъ пальца на одной рукѣ, давно оторваннаго марса-фаломъ, и цѣпкими, слегка вывернутыми ногами,—отчаянный пьяница, котораго съ берега привозятъ всегда въ безчувствіи и съ разбитой физіономіей—(онъ любилъ лѣзть въ драку съ иностранными матросами за то, что они, по его мнѣнію, «не пьютъ настояще, а только куражатся», разбавляя водой крѣпчайшій ромъ, который онъ дуетъ гольемъ)—этотъ самый Лаврентьичъ, слушая пѣсни, словно замеръ въ какой-то истомѣ, и его морщинистое лицо съ красно-сизымъ, какъ слива, носомъ и щетинистыми усами,—обыкновенно сердитое, точно Лаврентьичъ чѣмъ-то недоволенъ и сейчасъ выпуститъ фонтанъ ругани,—смотритъ теперь необыкновенно кротко, смягченное выраженіемъ тихой задумчивости. Нѣкоторые матросы тихонько подтягиваютъ; другіе, разсѣвшись по кучкамъ, въ полголоса разговариваютъ, выражая по временамъ одобреніе то улыбкой, то восклицаніемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, хорошо поютъ наши пѣсенники! Голоса въ хорѣ подобрались все молодые, свѣжіе и чистые и спѣлись отлично. Особенно приводилъ всѣхъ въ восторгъ превосходный бархатный тенорокъ подголоска Шутикова. Этотъ голосъ выдѣлялся среди хора своей красотой, забираясь въ самую душу чарующей искренностью и теплотой выраженія.

— За самое нутро хватаетъ, подлецъ,—говорили про подголоска матросы.

Пѣсня лилась за пѣснею, напоминая матросамъ, среди тепла и блеска тропиковъ, далекую родину съ ея снѣгами и морозами, полями, лѣсами и черными избами, съ ея близкими сердцу бездольемъ и убожествомъ...

— Вали плясовую, ребята!

Хоръ грянулъ веселую плясовую. Тенорокъ Шутикова такъ и заливался, такъ и звенѣлъ теперь удальствомъ и весельемъ, вызывая невольную улыбку на лицахъ и заставляя даже солидныхъ матросовъ поводить плечами и притопывать ногами.

Макарка, маленькій, бойкій молодой матросикъ, давно уже чувствовавшій зудъ въ своемъ поджаромъ, словно въ себя подобранномъ, тѣлѣ, не выдержалъ и пошелъ отхватывать трепака подъ звуки залихватской пѣсни, къ общему удовольствію зрителей.

Наконецъ, пѣніе и пляска кончились. Когда Шутиковъ, сухощавый, стройный чернявый матросъ, вышелъ изъ круга и пошелъ курить къ кадкѣ, его провожали одобрительными замѣчаніями.

— И хорошо же ты поешь, ахъ, хорошо, песъ тебя ѣшь!—замѣтилъ растроганный Лаврентьичъ, покачивая головой и прибавляя, въ знакъ одобренія, непечатное ругательство.

— Ему бы подучиться, да ежели, примѣрно, генералъбасъ понять, такъ хучь въ оперу!—съ апломбомъ вставилъ молодой нашъ писарь изъ кантонистовъ, Пуговкинъ, щеголявшій хорошимъ обращеніемъ и изысканными выраженіями.

Лаврентьичъ, не терпѣвшій и презиравшій «чиновниковъ» *), какъ людей, по его мнѣнію, совершенно безполезныхъ на суднѣ, и считавшій какъ бы долгомъ чести при всякомъ случаѣ обрывать ихъ, насупился, бросилъ сердитый взглядъ на бѣлокураго, полнотѣлаго, смазливаго писарька и сказалъ:

— Ты-то у насъ опера!.. Брюхо отростилъ отъ лодырства, и вышла опера!..

Среди матросовъ раздалось хихиканье.

— Да вы понимаете ли, что такое обозначаетъ опера?—замѣтилъ сконфуженный писарекъ...—Эхъ, необразованный народъ!—тихо проговорилъ онъ и благоразумно поспѣшилъ скрыться.

— Ишь, какая образованная мамзеля! — презрительно пустилъ ему вслѣдъ Лаврентьичъ и прибавилъ, по своему обыкновенію, забористую ругань, но уже безъ ласковаго выраженія...

— То-то я и говорю,—началъ онъ, помолчавъ и обращаясь къ Шутикову:—важно ты поешь пѣсни, Егорка...

— Ужъ что и толковать. Онъ у насъ на всѣ руки. Одно слово... молодца Егорка!..—замѣтилъ кто-то.

Въ отвѣтъ на одобренія, Шутиковъ только улыбался, скаля бѣлые ровные зубы изъ-подъ добродушныхъ пухлыхъ губъ.

И эта довольная улыбка, ясная и свѣтлая, какъ у дѣтей, стоявшая въ мягкихъ чертахъ молодого, свѣжаго лица, подернутаго краской загара,—и эти большіе, темные глаза,

*) «Чиновниками» матросы называютъ всѣхъ нестроевыхъ: писарей, фельдшера, баталера, подшкипера.

кроткіе и ласковые, какъ у щенка, и аккуратная, подобранная, сухощавая фигура, крѣпкая, мускулистая и гибкая, не лишенная однако крестьянской мѣшковатой складки,—все въ немъ притягивало и располагало къ себѣ съ перваго раза, какъ и чудный его голосъ. И Шутиковъ пользовался общей пріязнью. Всѣ любили его, и онъ всѣхъ, казалось, любилъ.

Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ, счастливыхъ, жизнерадостныхъ натуръ, при видѣ которыхъ невольно дѣлается свѣтлѣе и радостнѣе на душѣ. Такіе люди какіе-то прирожденные философы-оптимисты. Его веселый, сердечный смѣхъ часто раздавался на клиперѣ. Бывало, онъ что-нибудь разсказываетъ и первый же заразительно вкусно смѣется. Глядя на него, и другіе невольно смѣялись, хотя бы въ разсказѣ Шутикова иногда и не было ничего особенно смѣшного. Оттачивая какой-нибудь блочекъ, отскабливая краску на шлюпкѣ или коротая ночную вахту, примостившись на марсѣ, за вѣтромъ, Шутиковъ обыкновенно тихо подпѣвалъ какую-нибудь пѣсенку, а самъ улыбался своей хорошей улыбкой, и всѣмъ было какъ-то весело и уютно съ нимъ. Рѣдко когда видѣли Шутикова сердитымъ или печальнымъ. Веселое настроеніе не покидало его и тогда, когда другіе готовы были упасть духомъ, и въ такія минуты Шутиковъ былъ незамѣнимъ.

Помню я, какъ однажды мы штормовали. Вѣтеръ ревѣлъ жестокій, кругомъ бушевала буря, и клиперъ, подъ штормовыми парусами, бросало какъ щепку на океанскомъ волненіи, готовомъ, казалось, поглотить въ своихъ гребняхъ утлое суденышко. Клиперъ вздрагивалъ и жалобно стоналъ всѣми членами, сливая свои жалобы со свистомъ вѣтра, завывающаго въ надувшихся спастяхъ. Даже старики матросы, видавшіе всякіе виды, угрюмо молчали, пытливо посматривая на мостикъ, гдѣ словно приросла къ поручнямъ высокая, закутанная въ дождевикъ, фигура капитана, зорко взглядывавшаго на бѣснующуюся бурю.

А Шутиковъ въ это время, придерживаясь одною рукою за снасти, чтобъ не упасть, занималъ небольшую кучку молодыхъ матросовъ, съ испуганными лицами прижавшихся къ мачтѣ, посторонними разговорами. Онъ такъ спокойно и просто «лясничалъ», разсказывая про какой-то забавный деревенскій случай, и такъ добродушно смѣялся, когда долетавшія брызги волнъ попадали ему въ лицо, что это спокойное настроеніе невольно передавалось другимъ и

ободряло молодыхъ матросовъ, отгоняя всякую мысль объ опасности.

— И гдѣ это ты, дьяволъ, насобачился такъ ловко горло драть?—снова заговорилъ Лаврентьичъ, подсасывая носогрѣйку съ махоркой... Пѣлъ у насъ на «Костенкинѣ» одинъ матросикъ, надо правду сказать, что форменно, шельма, пѣлъ... да все не такъ забористо.

— Такъ, самоучкой, въ пастухахъ когда жилъ. Бывало, стадо разбредется по лѣсу, а самъ лежишь подъ березкой и пѣсни играешь... Меня такъ въ деревнѣ и прозывали: пѣвчій пастухъ!—прибавилъ Шутиковъ, улыбаясь.

И всѣ почему-то улыбнулись въ отвѣтъ, а Лаврентьичъ, кромѣ того, трепанулъ Шутикова по спинѣ и, въ видѣ особаго расположенія, выругался въ самомъ нѣжномъ тонѣ, на который только былъ способенъ его испитой голосъ.

II.

Въ эту минуту, расталкивая матросовъ, въ кругъ торопливо вошелъ только-что выскочившій изъ палубы плотный пожилой матросъ Игнатовъ.

Блѣдный и растерянный, съ непокрытой, коротко остриженной, круглой головой, онъ сообщилъ порывистымъ отъ злобы и волненія голосомъ, что у него украли золотой.

— Двадцать франковъ! Двадцать франковъ, братцы!—жалобно повторялъ онъ, подчеркивая цифру.

Это извѣстіе смутило всѣхъ. Такія дѣла бывали рѣдкостью на клиперѣ.

Старики нахмурились. Молодые матросы, недовольные, что Игнатовъ внезапно нарушилъ веселое настроеніе, болѣе съ испуганнымъ любопытствомъ, чѣмъ съ сочувствіемъ, слушали, какъ онъ, задыхаясь и отчаянно размахивая своими опрятными руками, спѣшилъ разсказать про всѣ обстоятельства, сопровождавшія покражу: какъ онъ, еще сегодня, послѣ обѣда, когда команда отдыхала, ходилъ въ свой сундучишко, и все было, слава Богу, цѣлехонько, все на своемъ мѣстѣ, и какъ вотъ сейчасъ онъ пошелъ-было за сапожнымъ товаромъ и... замокъ, братцы, сломанъ... двадцати франковъ нѣтъ...

— Это какъ же? Своего же брата обкрадывать?—закончилъ Игнатовъ, обводя толпу блуждающимъ взглядомъ.

Его гладкое, сытое, чисто выбритое, покрытое крупными веснушками лицо, съ небольшими круглыми глазами и острымъ, словно у ястреба, загнутымъ носомъ, отличав-

шееся всегда спокойной сдержанностью и довольнымъ степеннымъ видомъ неглупаго человѣка, понимающаго себѣ цѣну, теперь было искажено отчаяніемъ скряги, который потерялъ все имущество. Нижняя челюсть вздрагивала; круглые его глаза растерянно перебѣгали по лицамъ. Видно было, что покража совсѣмъ его разстроила, обнаруживъ его кулацкую скаредную натуру.

Не даромъ же Игнатовъ, котораго нѣкоторые матросы ужъ начинали почетно величать «Семенычемъ», былъ прижимистымъ и жаднымъ къ деньгамъ человѣкомъ. Онъ и въ кругосвѣтное плаваніе пошелъ, вызвавшись охотникомъ и оставивъ въ Кронштадтѣ жену—торговку на базарѣ—и двоихъ дѣтей, съ единственной цѣлью прикопить въ плаваніи деньжонокъ и, выйдя въ отставку, заняться въ Кронштадтѣ по малости торговлей. Онъ велъ крайне воздержную жизнь, вина не пилъ, на берегу денегъ не тратилъ. Онъ копилъ деньги, копилъ ихъ упорно по грошамъ, зналъ, гдѣ можно выгодно мѣнять золото и серебро, и, подъ большимъ секретомъ, давалъ мелкія суммы взаймы за проценты надежнымъ людямъ. Вообще Игнатовъ былъ человѣкъ оборотистый и разсчитывалъ сдѣлать хорошее дѣло, привезя въ Россію для продажи сигаръ и кое-какія японскія и китайскія вещи. Онъ и раньше ужъ занимался такими дѣлишками, когда плавалъ по лѣтамъ въ Финскомъ заливѣ: въ Ревелѣ, бывало, закупитъ килекъ, въ Гельсингфорсѣ сигаръ и мамуровки и съ выгодой перепродастъ въ Кронштадтѣ.

Игнатовъ былъ рулевымъ, служилъ исправно, стараясь ладить со всѣми, дружилъ съ баталеромъ и подшкиперомъ, былъ грамотенъ и тщательно скрывалъ, что у него водятся деньжонки и, притомъ, для матроса порядочныя.

— Это безпремѣнно подлецъ Прошка, никто, какъ онъ!—закипая гнѣвомъ, взволнованно продолжалъ Игнатовъ.—Даве онъ все вертѣлся въ палубѣ, когда я ходилъ въ сундукъ... Что-жъ теперь съ этимъ подлецомъ дѣлать, братцы?—спрашивалъ онъ, обращаясь преимущественно къ старикамъ и какъ бы ища ихъ поддержки.—Неужто я такъ и рѣшусь денегъ?.. Вѣдь деньги-то у меня кровныя... Сами знаете, братцы, какія у матроса деньги... По грошамъ сбиралъ... чарки своей не пью...—прибавилъ онъ униженнымъ жалобнымъ тономъ.

Хотя никакихъ другихъ уликъ, кромѣ того, что Прошка «даве вертѣлся въ палубѣ», не было, тѣмъ не менѣе и самъ

потерпѣвшій, и слушатели не сомнѣвались, что укралъ деньги именно Прошка Житнинъ, не разъ уже попадавшійся въ мелкихъ кражахъ у товарищей. Ни одинъ голосъ не раздался въ его защиту. Напротивъ, многіе возмущенные матросы осыпали предполагаемаго вора бранью.

— Этакій мерзавецъ... Только срамитъ матросское званіе...—съ сердцемъ сказалъ Лаврентьичъ.

— Дда... Завелась и у насъ паршивая собака...

— Надо его теперь проучить, чтобы помнилъ, лодырь безпутный.

— Такъ какъ же, братцы?—продолжалъ Игнатовъ.—Что съ Прошкой дѣлать?.. Ежели не отдастъ онъ добромъ, я попрошу доложить старшему офицеру. Пусть по формѣ разберутъ.

Но эта, пріятная Игнатову, мысль не нашла на бакѣ поддержки. На «бакѣ» былъ свой особенный, неписанный уставъ, строгими охранителями котораго, какъ древле жрецы, были старые матросы.

И Лаврентьичъ первый энергично запротестовалъ.

— Это, выходитъ, съ лепортомъ по начальству?—презрительно протянулъ онъ. — Кляузы заводить? Забылъ, видно, съ перепугу онъ матросскую правилу? Эхъ, вы... народъ!—И Лаврентьичъ для облегченія помянулъ «народъ» своимъ обычнымъ словомъ.—Тоже выдумалъ, а еще матросомъ считаешься!—прибавилъ онъ, бросая на Игнатова не особенно дружелюбный взглядъ.

— По-вашему какъ же?

— А по-нашему такъ же, какъ прежде учивали. Избей ты собачьяго сына Прошку вдрызгъ, чтобы помнилъ, да отыми деньги. Вотъ какъ по-нашему.

— Мало ли его, подлеца, били! А ежели онъ не отдастъ?.. Такъ, значитъ, и пропадать деньгамъ. Это за что же? Пусть ужъ лучше форменно засудятъ вора... Такую собаку нечего жалѣть, братцы.

— Жаденъ ты къ деньгамъ ужъ очень, Игнатовъ... Небойсь, Прошка не всѣ укралъ... Еще малость осталась?—иронически промолвилъ Лаврентьичъ.

— Считалъ ты, что ли!

— То-то не считалъ, а только не матросское это дѣло кляузы. Не годится! — авторитетно замѣтилъ Лаврентьичъ.—Вѣрно ли я говорю, ребята?

И всѣ почти «ребята», къ неудовольствію Игнатова, подтвердили, что кляузы заводить «не годится».

— А теперь веди сюда Прошку! Допроси его при ребятахъ!—рѣшилъ Лаврентьичъ.

И Игнатовъ, злой и недовольный, подчинился, однако, общему рѣшенію и пошелъ за Прошкой.

Въ ожиданіи его матросы тѣснѣе сомкнули кругъ.

III.

Прохоръ Житинъ или, какъ всѣ пренебрежительно называли его, Прошка былъ самымъ послѣднимъ матросомъ. Попавшій въ матросы изъ дворовыхъ, отчаянный трусъ, котораго только угроза порки могла заставить подняться на марсъ, гдѣ онъ испытывалъ неодолимый физическій страхъ, лѣнтяй и лодырь, отлынивавшій отъ работы, и ко всему этому нечистый на руку, Прошка съ самаго начала плаванія сталъ въ положеніе какого-то отверженнаго паріи. Всѣ имъ помыкали: боцмана и унтеръ-офицеры походя, и за дѣло, и такъ, здорово живешь, ругали и били Прошку, приговаривая: «у, лодырь!» И онъ никогда не протестовалъ, а съ какой-то привычной тупой покорностью забитаго животнаго переносилъ побои. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ кражъ, въ которыхъ онъ былъ уличенъ, съ нимъ почти не разговаривали и обращались съ пренебреженіемъ. Всякій, кому не лѣнь, могъ безнаказанно обругать его, ударить, послать куда-нибудь, поглумиться надъ нимъ, словно бы иное отношеніе къ Прошкѣ было немыслимо. И Прошка такъ, казалось, привыкъ къ этому положенію загнанной, паршивой собаки, что и не ждалъ иного обращенія и переносилъ всю каторжную жизнь, повидимому, безъ особенной тягости, вознаграждая себя на клиперѣ сытной ѣдой да дрессировкой поросенка, котораго Прошка училъ дѣлать разныя штуки, а при съѣздахъ на берегъ — выпивкой и ухаживаньемъ за прекраснымъ поломъ, до котораго онъ былъ большой охотникъ; на женщинъ онъ тратилъ послѣдній грошъ и ради нихъ, кажется, таскалъ деньги у товарищей, несмотря на суровое возмездіе, получаемое имъ въ случаѣ поимки. Онъ былъ вѣчный «гальюнщикъ»—другой должности ему не было, и состоялъ въ числѣ шканечныхъ, исполняя обязанность рабочей силы, не требовавшей никакихъ способностей. И тутъ ему доставалось, такъ какъ онъ всегда лѣниво тянулъ вмѣстѣ съ другими какую-нибудь снасть, дѣлая только видъ, какъ лѣнивая лукавая лошадь, будто взаправду тянетъ.

— У-у... подлый лодырь! — ругалъ его шканечный унтеръ-офицеръ, обѣщая ему ужо начистить зубы.

И, разумѣется, «чистилъ».

IV.

Забравшись подъ баркасъ, Прошка сладко спалъ, безсмысленно улыбаясь во снѣ. Сильный ударъ ноги разбудилъ его. Онъ хотѣлъ-было залѣзть подальше отъ этой непрошенной ноги, какъ новый пинокъ далъ понять Прошкѣ, что онъ зачѣмъ-то нуженъ, и что надо вылѣзать изъ укромнаго мѣстечка. Онъ выползъ, поднялся на ноги и глядѣлъ на злое лицо Игнатова тупымъ взоромъ, словно бы ожидая, что его еще будутъ бить.

— Ступай за мной!—проговорилъ Игнатовъ, едва сдерживаясь отъ желанія тутъ же истерзать Прошку.

Прошка покорно, словно виноватая собака, пошелъ за Игнатовымъ своей медленной, лѣнивой походкой, переваливаясь, какъ утка, со стороны на сторону.

Это былъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, мягкотѣлый, неуклюжій, плохо сложенный, съ несоразмѣрнымъ туловищемъ на короткихъ, кривыхъ ногахъ, какія бываютъ у портныхъ. (До службы онъ и былъ портнымъ въ помѣщичьей усадьбѣ). Его одутловатое, землистаго цвѣта лицо съ широкимъ плоскимъ носомъ и большими оттопырившимися ушами, торчащими изъ-подъ шапки, было невзрачно и изношено. Небольшіе тусклые сѣрые глаза глядѣли изъ-подъ свѣтлыхъ рѣдкихъ бровей съ выраженіемъ покорнаго равнодушія, какое бываетъ у забитыхъ людей, но въ то же время въ нихъ какъ будто чувствовалось что-то лукавое. Во всей его неуклюжей фигурѣ незамѣтно было и слѣда матросской выправки; все на немъ сидѣло мѣшковато и неряшливо,—словомъ, Прошкина фигура была совсѣмъ нерасполагающая.

Когда, вслѣдъ за Игнатовымъ, Прошка вошелъ въ кругъ, всѣ разговоры смолкли. Матросы тѣснѣе сомкнулись, и взоры всѣхъ устремились на вора.

Для начала допроса Игнатовъ первымъ дѣломъ со всего размаха ударилъ Прошку по лицу.

Ударъ былъ неожиданный. Прошка слегка пошатнулся и безотвѣтно снесъ затрещину. Только лицо его сдѣлалось еще тупѣе и испуганнѣе.

— Ты сперва толкомъ пытай, а накласть въ кису успѣешь!—сердито промолвилъ Лаврентьичъ.

— Это ему въ задатокъ, подлецу!—замѣтилъ Игнатовъ и, обратившись къ Прошкѣ, сказалъ:—Признавайся, сволочь, ты у меня золотой изъ сундука укралъ?

При этихъ словахъ тупое Прошкино лицо мгновенно освѣтилось осмысленнымъ выраженіемъ. Онъ понялъ, казалось, всю важность обвиненія, бросилъ испуганный взглядъ на сосредоточенно-серьезныя, недоброжелательныя лица и вдругъ поблѣднѣлъ и какъ-то весь съежился. Тупой страхъ исказилъ его черты.

Эта внезапная перемѣна еще болѣе утвердила всѣхъ въ мысли, что деньги укралъ Прошка.

Прошка молчалъ, потупивъ глаза.

— Гдѣ деньги? Куда ты ихъ спряталъ? Сказывай!—продолжалъ допросчикъ.

— Я денегъ твоихъ не бралъ! — тихо отвѣчалъ Прошка.

Игнатовъ пришелъ въ ярость.

— Ой, смотри... до смерти изобью, коли ты добромъ не отдашь денегъ!..—сказалъ Игнатовъ и сказалъ такъ злобно и серьезно, что Прошка подался назадъ.

И со всѣхъ сторонъ раздались непріязненные голоса:

— Повинись лучше, скотина!

— Не запирайся, Прошка!

— Лучше добромъ отдай!

Прошка видѣлъ, что всѣ противъ него. Онъ поднялъ голову, снялъ шапку и, обращаясь къ толпѣ, воскликнулъ съ безнадежнымъ отчаяніемъ человѣка, хватающагося за соломинку:

— Братцы! Какъ передъ истиннымъ Богомъ! Хучь подъ присягу сичасъ! Разрази меня на мѣстѣ!.. Дѣлайте со мной, что вгодно, а я денегъ не бралъ!

Прошкины слова, казалось, поколебали нѣкоторыхъ.

Но Игнатовъ не далъ усилиться впечатлѣнію и торопливо заговорилъ:

— Не ври, подлая тварь... Бога-то оставь! Ты и тогда запирался, когда у Кузьмина изъ кармана франокъ вытащилъ... помнишь? А какъ у Леонтьева рубаху укралъ, тоже шелъ подъ присягу, а? Тебѣ, безстыжему, присягнуть, что плюнуть...

Прошка снова опустилъ голову.

— Винись, говорятъ тебѣ, скорѣе. Сказывай, гдѣ мои деньги? Нешто я не видѣлъ, какъ ты около вертѣлся... Сказывай, безсовѣстный, зачѣмъ ты въ палубѣ шнырялъ, когда всѣ отдыхали?—наступалъ допросчикъ.

— Такъ ходилъ...

— Такъ ходилъ!? Эй, Прошка, не доводи до грѣха. Признавайся.

Но Прошка молчалъ.

Тогда Игнатовъ, словно бы желая испробовать послѣднее средство, вдругъ сразу измѣнилъ тонъ. Теперь онъ не угрожалъ, а просилъ Прошку отдать деньги ласковымъ, почти заискивающимъ тономъ.

— Тебѣ ничего не будетъ... слышишь?.. Отдай только мои деньги... Тебѣ вѣдь пропить, а у меня семейство... Отдай же!—почти молилъ Игнатовъ.

— Обыщите меня... Не бралъ я твоихъ денегъ!

— Такъ ты не бралъ, подлая душа? Не бралъ?—воскликнулъ Игнатовъ съ побѣлѣвшимъ отъ злобы лицомъ.— Не бралъ!?

И съ этими словами онъ, какъ ястребъ, налетѣлъ на Прошку.

Блѣдный, вздрагивающій всѣмъ съежившимся тѣломъ, Прошка зажмурилъ глаза и старался скрыть отъ ударовъ голову.

Матросы, молча, хмурились, глядя на эту безобразную сцену. А Игнатовъ, возбужденный безотвѣтностью жертвы, свирѣпѣлъ все болѣе и болѣе.

— Полно... Будетъ... будетъ! — раздался вдругъ изъ толпы голосъ Шутикова.

И этотъ мягкій просящій голосъ точно сразу пробудилъ человѣческія чувства и у другихъ.

Многіе изъ толпы, вслѣдъ за Шутиковымъ, сердито крикнули:

— Будетъ... будетъ!

— Ты прежде обыщи Прошку и тогда учи!

Игнатовъ оставилъ Прошку и, злобно вздрагивая, отошелъ въ сторону. Прошка юркнулъ вонъ изъ круга. Нѣсколько мгновеній всѣ молчали.

— Ишь, вѣдь какой подлецъ... запирается!—переводя духъ, проговорилъ Игнатовъ.—Ужо погоди, какъ я его на берегу раздѣлаю, коли не отдастъ денегъ!—грозился Игнатовъ.

— А можетъ, это и не онъ! — вдругъ тихо сказалъ Шутиковъ.

И та же мысль, казалось, сказывалась на нѣкоторыхъ напряженно-серьезныхъ, насупившихся лицахъ.

— Не онъ? Впервые ему, что ли?.. Это безпремѣнно его дѣло... Воръ извѣстный, чтобъ ему...

И Игнатовъ, взявъ двухъ человѣкъ, ушелъ обыскивать Прошкины вещи.

— И золъ же человѣкъ на деньги! Охъ, золъ!—сердито проворчалъ Лаврентьичъ вслѣдъ Игнатову, покачивая головой.—А ты не воруй, не срами матросскаго званія!—вдругъ прибавилъ онъ неожиданно и выругался—на этотъ разъ, повидимому, съ единственной цѣлью: разрѣшить недоумѣніе, ясно стоявшее на его лицѣ.

— Такъ ты, Егоръ, думаешь, что это не Прошка?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Кабысь больше некому.

Шутиковъ промолчалъ, и Лаврентьичъ больше не спрашивалъ и сталъ усиленно раскуривать свою короткую трубочку.

Толпа стала расходиться.

Черезъ нѣсколько минутъ на бакѣ стало извѣстно, что ни у Прошки, ни въ его вещахъ денегъ не нашли.

— Запряталъ, шельма, куда-нибудь!—рѣшили многіе и прибавляли, что теперь Прошкѣ придется худо: Игнатовъ не проститъ ему этихъ денегъ.

V.

Нѣжная тропическая ночь быстро спустилась надъ океаномъ.

Матросы спали на палубѣ—внизу было душно,—а на вахтѣ стояло одно отдѣленіе. Въ тропикахъ, въ полосѣ пассата, вахты спокойныя и вахтенные матросы, по обыкновенію, коротаютъ ночные часы, разгоняя дрему бесѣдами и сказками.

Въ эту ночь, съ полуночи до шести, на вахтѣ довелось быть второму отдѣленію, въ которомъ были Шутиковъ и Прошка.

Шутиковъ ужъ разсказалъ нѣсколько сказокъ кучкѣ матросовъ, усѣвшихся у фокъ-мачты, и отправился покурить. Выкуривши трубку, онъ пошелъ, осторожно ступая между спящими, на шканцы, и, разглядѣвъ въ темнотѣ Прошку, одиноко притулившагося у борта и поклевывавшаго носомъ, тихо окликнулъ его:

— Это ты... Прошка?

— Я!—встрепенулся Прошка.

— Что я тебѣ скажу,—продолжалъ Шутиковъ тихимъ ласковымъ голосомъ:—вѣдь Игнатовъ, самъ знаешь, человѣкъ какой... Онъ тебя вовсе изобьетъ на берегу... безо всякой жалости...

Прошка насторожился... Этотъ тонъ былъ для него неожиданностью.

— Что-жъ, пусть бьетъ, а я евойныхъ денегъ не касался!—отвѣтилъ послѣ короткаго молчанія Прошка.

— То-то онъ не вѣритъ и, пока не вернетъ своихъ денегъ, тебѣ не проститъ... И многіе ребята сумнѣваются...

— Сказано: не бралъ!—повторилъ Прошка съ прежнимъ упорствомъ.

— Я, братецъ, вѣрю, что ты не бралъ... Слышь, вѣрю, и пожалѣлъ, что тебя занапрасно давеча били и Игнатовъ еще грозитъ бить... А ты вотъ чего, Прошка: возьми ты у меня двадцать франковъ и отдай ихъ Игнатову... Богъ съ нимъ! Пусть радуется на деньги, а мнѣ когда-нибудь отдашь—приневоливать не стану... Такъ-то оно будетъ аккуратнѣй... Да, слышь, никому про это не сказывай!—прибавилъ Шутиковъ.

Прошка былъ рѣшительно озадаченъ и не находилъ въ первую минуту словъ. Если-бъ Шутиковъ могъ разглядѣть Прошкино лицо, то увидалъ бы, что оно смущено и необыкновенно взволновано. Еще бы! Прошку жалѣютъ, и мало того, что жалѣютъ, еще предлагаютъ деньги, чтобы избавить его отъ битья. Это ужъ было слишкомъ для человѣка, давно не слыхавшаго ласковаго слова.

Подавленный, чувствуя, какъ что-то подступаетъ къ горлу, молча стоялъ онъ, опустивъ голову.

— Такъ бери деньги! — сказалъ Шутиковъ, доставая изъ кармана штановъ завернутый въ тряпочку весь свой капиталъ.

— Это какъ же... Ахъ ты, Господи!—растерянно бормоталъ Прошка.

— Эка... глупый... Сказано: получай, не кобянься!

— Получай!? Ахъ, братецъ! Спасибо тебѣ, добрая твоя душа!—отвѣчалъ Прошка дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ и вдругъ рѣшительно прибавилъ:—только твоихъ денегъ, Шутиковъ, не нужно... Я все же чувствую и не хочу передъ тобой быть подлецомъ... Не желаю... Я самъ послѣ вахты отдамъ Игнатову его золотой.

— Такъ, значитъ, ты...

— То-то я!—чуть слышно промолвилъ Прошка...—Никто бы и не дознался... Деньги-то въ пушкѣ запрятаны...

— Эхъ, Прохоръ, Прохоръ!—упрекнулъ только Шутиковъ грустнымъ тономъ, покачивая головой.

— Теперь пусть онъ меня бьетъ... Пусть всю скулу

своротитъ. Сдѣлай ваше одолженіе! Бейте подлеца Прошку... жарь его, мерзавца, не жалѣй!—съ какимъ-то ожесточеннымъ одушевленіемъ противъ собственной особы продолжалъ Прошка.—Все перенесу съ моимъ удовольствіемъ... По крайности знаю, что ты пожалѣлъ, повѣрилъ... Ласковое слово сказалъ Прошкѣ... Ахъ ты, Господи! Вовѣкъ этого не забуду!

— Ишь, вѣдь ты какой!—промолвилъ ласково Шутиковъ и присѣлъ на пушку.

Онъ помолчалъ и заговорилъ:

— Слушай, что я тебѣ скажу, братецъ ты мой: брось-ка ты всѣ эти дѣла... право, брось, ну ихъ!... Живи, Прохоръ, какъ люди живутъ, по-хорошему... Стань форменнымъ матросомъ, чтобы все, значитъ, какъ слѣдуетъ... Такъ-то душевнѣй будетъ... А то развѣ самому тебѣ сладко?.. Я, Прохоръ, не въ укоръ, а жалѣючи!.. — прибавилъ Шутиковъ.

Прошка слушалъ эти слова и находился подъ ихъ обаяніемъ. Никто, во всю его жизнь, не говорилъ съ нимъ такъ ласково и задушевно. До сей поры его только ругали да били—вотъ какое было ученье.

И теплое чувство благодарности и умиленія охватило Прошкино сердце. Онъ хотѣлъ-было выразить ихъ словами, но слова не отыскивались.

Когда Шутиковъ отошелъ, пообѣщавъ уговорить Игнатова простить Прошку, Прошка не чувствовалъ ужъ себя такимъ ничтожествомъ, какимъ считалъ себя прежде. Долго еще стоялъ онъ, посматривая за бортъ, и разъ или два смахнулъ навертывавшуюся слезу.

Утромъ, послѣ смѣны, онъ принесъ Игнатову золотой. Обрадованный матросъ алчно схватилъ деньги, зажалъ ихъ въ рукѣ, далъ Прошкѣ въ зубы и хотѣлъ-было идти, но Прошка стоялъ передъ нимъ и повторялъ:

— Бей еще... Бей, Семенычъ! Въ морду въ самую дуй!

Удивленный Прошкиной смѣлостью, Игнатовъ презрительно оглядѣлъ Прошку и повторилъ:

— Я раздѣлалъ бы тебя, мерзавца, начисто, кабы ты мнѣ не отдалъ деньги, а теперь не стоитъ рукъ марать... Сгинь, сволочь, но только смотри... попробуй еще разъ ко мнѣ лазить... Искалѣчу!—внушительно прибавилъ Игнатовъ и, оттолкнувъ съ дороги Прошку, побѣжалъ внизъ прятать свои деньги.

Тѣмъ и ограничилась расправа

Благодаря ходатайству Шутикова, и боцманъ Щукинъ, узнавшій о воровствѣ и собиравшійся «послѣ убирки искровянить стервеца», вмѣсто того довольно милостиво, относительно говоря, потрепалъ, какъ онъ выражался, «Прошкино хайло».

— Испужался Прошка Семеныча-то! Предоставилъ деньги, а вѣдь какъ запирался, шельма!—говорили матросы во время утренней чистки.

VI.

Съ той памятной ночи Прошка беззавѣтно привязался къ Шутикову и былъ преданъ ему, какъ вѣрная собака. Выражать свою привязанность открыто, при всѣхъ, онъ, разумѣется, не рѣшался, чувствуя, вѣроятно, что дружба такого отверженца унизитъ Шутикова въ чужихъ глазахъ. Онъ никогда не заговаривалъ съ Шутиковымъ при другихъ, но часто взглядывалъ на него, какъ на какое-то особенное существо, передъ которымъ онъ, Прошка, послѣдняя дрянь. И онъ гордился своимъ покровителемъ, принимая близко къ сердцу все до него касающееся. Онъ любовался, поглядывая снизу, какъ Шутиковъ лихо управляетъ на рею, замиралъ отъ удовольствія, слушая его пѣніе, и вообще находилъ необыкновенно хорошимъ все, что̀ ни дѣлалъ Шутиковъ. Иногда днемъ, но чаще во время ночныхъ вахтъ, замѣтивъ Шутикова одного, Прошка подходилъ и топтался около.

— Ты чего, Прохоръ? — спроситъ, бывало, привѣтливо Шутиковъ.

— Такъ, ничего!—отвѣтитъ Прошка.

— Куда-жъ ты?

— А къ своему мѣсту... Я вѣдь такъ только!—скажетъ Прошка, словно бы извиняясь, что безпокоитъ Шутикова, и уйдетъ.

Всѣми силами старался Прошка чѣмъ-нибудь да угодить Шутикову: то предложитъ ему постирать бѣлье, то починить его гардеробъ, и часто отходилъ смущенный, получая отказъ отъ услугъ. Однажды Прошка принесъ щегольски сработанную матросскую рубаху съ голландскимъ передомъ и, нѣсколько взволнованный, подалъ ее Шутикову.

— Молодецъ Житнiй... Важная, братъ, работа!—одобрительно замѣтилъ Шутиковъ, послѣ подробнаго осмотра и протянулъ руку, возвращая рубаху.

— Это я тебѣ, Егоръ Митричъ... Уважь... Носи на здоровье.

Шутиковъ сталъ-было отказываться, но Прошка такъ огорчился и такъ просилъ уважить его, что Шутиковъ, наконецъ, принялъ подарокъ.

Прошка былъ въ восторгѣ.

И лодырничать сталъ Прошка меньше, работая озъ прежняго лукавства. Бить его стали рѣже, но отношеніе къ нему оставалось, попрежнему, пренебрежительное, и Прошку нерѣдко дразнили, устраивая изъ этой травли потѣху.

Особенно любилъ дразнить его одинъ изъ шканечныхъ, забіячный, но трусливый молодой матросъ Ивановъ. Какъ-то однажды, желая потѣшить собравшійся кружокъ, онъ донималъ Прошку своимъ глумленіемъ. Прошка, по обыкновенію, отмалчивался, и Ивановъ становился все назойливѣе и безжалостнѣе въ своихъ шуткахъ.

Случайно проходившій Шутиковъ, увидавъ, какъ травятъ Прошку, вступился.

— Это, Ивановъ, не того... не хорошо это... Чего ты присталъ къ человѣку, ровно смола.

— Прошка у насъ не обидчивый!—со смѣхомъ отвѣчалъ Ивановъ...—Ну-ка, Прошенька, разскажи, какъ ты у батюшки шильники таскалъ и мамзелямъ опосля носилъ... Не кочевряжься... Разскажи, Прошенька! — глумился на общую потѣху Ивановъ.

— Не тронь, говорю, человѣка... — строго повторилъ Шутиковъ.

Всѣ были удивлены, что за Прошку, за лодыря и вора Прошку, Шутиковъ такъ горячо заступается.

— Да ты чего?—окрысился вдругъ Ивановъ.

— Я-то ничего, а ты не куражься... Ишь, тоже нашелъ надъ кѣмъ куражиться.

Тронутый до глубины души и въ то же время боявшійся, чтобы изъ-за него не было Шутикову непріятностей, Прошка рѣшился подать голосъ.

— Ивановъ ничего... Онъ вѣдь такъ только... Шутитъ, значитъ...

— А ты съѣздилъ бы его по уху, небойсь пересталъ бы такъ шутить.

— Прошка бы съѣздилъ... — удивленно воскликнулъ Ивановъ, до того показалось ему это невѣроятнымъ. — Ну-ка, попробуй, Прошка... Насыпалъ бы я тебѣ, вислоухому, въ кису.

— Можетъ, и самъ бы съѣлъ сдачи.

— Не отъ тебя ли?

— То-то отъ меня!—сдерживая волненіе, проговорилъ Шутиковъ, и его, обыкновенно добродушное, лицо было теперь строго и серьезно.

Ивановъ стушевался. И только, когда Шутиковъ отошелъ, проговорилъ, насмѣшливо улыбаясь и указывая на Прошку:

— Однако... нашелъ себѣ пріятеля Шутиковъ... Нечего сказать... пріятель... хорошъ пріятель, Прошка гальюнщикъ!

Послѣ этого происшествія Прошку обижали меньше, зная, что у него есть заступникъ, а Прошка еще сильнѣе привязался къ Шутикову и скоро доказалъ, на что способна привязанность его благодарной души.

VII.

Это было въ Индѣйскомъ океанѣ, на пути къ Зондскимъ островамъ.

Утро въ тотъ день стояло солнечное, блестящее, но прохладное—относительная близость южнаго полюса давала себя знать. Дулъ свѣжій, ровный вѣтеръ, и по небу носились бѣлоснѣжныя перистыя облака, представляя собой изящные фантастическіе узоры. Плавно раскачиваясь, клиперъ нашъ летѣлъ полнымъ вѣтромъ подъ марселями въ одинъ рифъ, подъ фокомъ и гротомъ, убѣгая отъ попутной волны.

Былъ десятый часъ на исходѣ. Вся команда находилась на верху. Вахтенные стояли у своихъ снастей, а подвахтенные были разведены по работамъ. Всякій занимался какимъ-нибудь дѣломъ: кто оканчивалъ чистку мѣди, кто подскабливалъ шлюпку, кто вязалъ матъ.

Шутиковъ стоялъ на гротъ-русленяхъ, прикрѣпленный пеньковымъ поясомъ, и учился бросать лотъ, недавно смѣнивъ другого матроса. Вблизи отъ него былъ и Прошка. Онъ чистилъ орудіе и по временамъ останавливался, любуясь на Шутикова, какъ тотъ, набравши много круговъ лотъ-линя (веревки, на которой прикрѣпленъ лотъ), ловко закидываетъ его назадъ, словно арканъ, и затѣмъ, когда веревка вытянется, снова быстрыми ловкими движеніями выбираетъ ее...

Вдругъ со шканцевъ раздался отчаянный крикъ:

«Человѣкъ за бортомъ!»

Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ снова зловѣщій крикъ:

«Еще человѣкъ за бортомъ!»

На мгновеніе все замерло на клиперѣ. Многіе въ ужасѣ крестились.

Вахтенный лейтенантъ, стоявшій на мостикѣ, видѣлъ, какъ мелькнула фигура сорвавшагося человѣка, видѣлъ, какъ бросился въ море другой. Сердце въ немъ дрогнуло, но онъ не потерялся. Онъ бросилъ съ мостика спасательный кругъ, крикнувъ бросать спасательные буйки и съ юта, и громовымъ, взволнованнымъ голосомъ, скомандовалъ:

— Фоксъ и гротъ на гитовы!

Съ первымъ окрикомъ всѣ офицеры выскочили на верхъ. Капитанъ и старшій офицеръ, оба взволнованные, ужъ были на мостикѣ.

— Онъ, кажется, схватился за буекъ!—проговорилъ капитанъ, отрываясь отъ бинокля.—Сигнальщикъ... не спускай ихъ съ глазъ!..

— Есть... Вижу!

— Скорѣй... скорѣй ложитесь въ дрейфъ, да спускайте баркасъ!—нервно, отрывисто торопилъ капитанъ.

Но торопить было нечего. Понимая, что каждая секунда дорога, матросы рвались, какъ бѣшеные. Черезъ восемь минутъ клиперъ уже лежалъ въ дрейфѣ, и баркасъ съ людьми, подъ начальствомъ мичмана Лѣсового, тихо спускался съ боканцевъ.

— Съ Богомъ!—напутствовалъ капитанъ.—Ищите людей на остъ-нордъ-остъ... Да не заходите далеко!—прибавилъ онъ.

Упавшихъ въ море уже не было видно. Въ эти восемь минутъ клиперъ пробѣжалъ, по крайней мѣрѣ, милю.

— Кто это упалъ?—спросилъ капитанъ старшаго офицера.

— Шутиковъ. Сорвался, бросая лотъ... Лопнулъ поясъ...

— А другой?

— Житинъ! Бросился за Шутиковымъ.

— Житинъ? Этотъ трусъ и рохля?—удивился капитанъ.

— Я самъ не могу понять!—отвѣчалъ Василій Иванычъ.

Между тѣмъ всѣ глаза были устремлены на баркасъ, который медленно удалялся отъ клипера, то скрываясь, то показываясь среди волнъ. Наконецъ, онъ совсѣмъ скрылся отъ глазъ, невооруженныхъ биноклемъ, и кругомъ былъ виденъ одинъ волнующійся океанъ.

На клиперѣ царила угрюмая тишина. Изрѣдка лишь матросы перекидывались словами въ полголоса. Капитанъ не отрывался отъ бинокля. Старшій штурманъ и два сигнальщика смотрѣли въ подзорныя трубы.

Такъ прошло долгихъ полчаса.

— Баркасъ идетъ назадъ!—доложилъ сигнальщикъ.

И снова всѣ взоры устремились на океанъ.

— Вѣрно, спасли людей!—тихо замѣтилъ старшій офицеръ капитану.

— Почему вы думаете, Василій Иванычъ?

— Лѣсовой не вернулся бы такъ скоро!

— Дай Богъ! Дай Богъ!

Ныряя въ волнахъ, приближался баркасъ. Издали онъ казался крошечной скорлупой. Казалось, вотъ, вотъ его сейчасъ захлеснетъ волной. Но онъ снова показывался на гребнѣ и снова нырялъ.

— Молодцомъ правитъ Лѣсовой! молодцомъ!—вырвалось у капитана, жадно глядѣвшаго на шлюпку.

Баркасъ подходилъ все ближе и ближе.

— Оба въ шлюпкѣ!—весело крикнулъ сигнальщикъ.

Радостный вздохъ вырвался у всѣхъ. Многіе матросы крестились. Клиперъ словно ожилъ. Снова пошли разговоры.

— Счастливо отдѣлались!—проговорилъ капитанъ, и на его серьезномъ лицѣ появилась радостная хорошая улыбка.

Улыбался въ отвѣтъ и Василій Ивановичъ.

— А Житинъ-то... трусъ, трусъ, а вотъ подите!...—продолжалъ капитанъ.

— Удивительно... И матросъ-то лодырь, а бросился за товарищемъ!... Шутиковъ покровительствовалъ ему!—прибавилъ Василій Ивановичъ въ поясненіе.

И всѣ дивились Прошкѣ. Прошка былъ героемъ минуты.

Черезъ десять минутъ баркасъ подошелъ къ борту и благополучно былъ поднятъ на боканцы.

Мокрые, вспотѣвшіе и красные, тяжело дыша отъ усталости, выходили гребцы изъ баркаса и направлялись на бакъ. Вышли Шутиковъ и Прошка, отряхиваясь словно утки отъ воды, оба блѣдные, взволнованные и счастливые.

Всѣ съ уваженіемъ смотрѣли теперь на Прошку, стоявшаго передъ подошедшимъ капитаномъ.

— Молодецъ, Житинъ!—сказалъ капитанъ, невольно недоумѣвая при видѣ этого неуклюжаго, невзрачнаго матроса, рисковавшаго жизнью за товарища.

А Прошка переминался съ ноги на ногу, видимо робѣя.

— Ну, ступай, переодѣнься скорѣй, да выпей за меня чарку водки... За твой подвигъ представлю тебя къ медали, а отъ меня получишь денежную награду.

Совсѣмъ ошалѣвшій Прошка даже не догадался сказать «рады стараться!» и, растерянно улыбаясь, повернулся и пошелъ своей утиной походкой.

— Снимайтесь съ дрейфа!—приказалъ капитанъ, поднимаясь на мостикъ.

Раздалась команда вахтеннаго лейтенанта. Голосъ его теперь звучалъ весело и спокойно. Скоро были поставлены убранные паруса, и минутъ черезъ пять клиперъ снова несся прежнимъ курсомъ, подымаясь съ волны на волну, и прерванныя работы опять возобновились.

— Ишь вѣдь ты какой, блоха тебя ѣшь!—остановилъ Лаврентьичъ Прошку, когда тотъ, переодѣтый и согрѣвшійся чаркой рома, поднялся вслѣдъ за Шутиковымъ на палубу.—Портной, портной, а какой отчаянный!—продолжалъ Лаврентьичъ, ласково трепля Прошку по плечу.

— Безъ Прохора, братцы, не видать бы мнѣ свѣту! Какъ я это окунулся, да вынырнулъ, ну, думаю—шабашъ... Богу отдавать душу придется! — разсказывалъ Шутиковъ...—Не продержусь, молъ, долго на водѣ-то... Слышу—Прохоръ голосомъ кричитъ... Плыветъ съ кругомъ и мнѣ буекъ подалъ... То-то обрадовалъ, братцы! Такъ мы вмѣстѣ и держались, доколь баркасъ не подошелъ.

— А страшно было?—спрашивали матросы.

— А ты думалъ какъ? Еще какъ, братцы-то, страшно! Не дай Богъ!—отвѣчалъ Шутиковъ, добродушно улыбаясь.

— И какъ это ты, братецъ, вздумалъ?—ласково спросилъ Прошку подошедшій боцманъ.

Прошка глупо улыбался и, помолчавъ, отвѣтилъ:

— Я вовсе и не думалъ, Матвѣй Нилычъ... Вижу, онъ упалъ, Шутиковъ, значитъ... Я, значитъ, Господи благослови, да за имъ...

— То-то и есть!.. Душа въ емъ... Ай, да молодца, Прохоръ! Ишь вѣдь... На-кось, покури трубочки-то на закуску! — сказалъ Лаврентьичъ, передавая Прошкѣ, въ знакъ особеннаго благоволенія, свою короткую трубочку, и при этомъ прибавилъ забористое словечко въ самомъ нѣжномъ тонѣ.

Съ этого дня Прошка пересталъ быть прежнимъ загнаннымъ Прошкой и обратился въ Прохора.

НА КАМЕНЬЯХЪ.

I.

Вечерняя вахта на «Красавцѣ», куда меня недавно перевели съ «Голубчика», была не изъ пріятныхъ.

Дождь хлесталъ немилосердно и, несмотря на новый дождевикъ и нахлобученную зюйдвестку, ехидно пробирался за воротникъ, заставляя по временамъ вздрагивать отъ холода водяной струйки, стекавшей по спинѣ. Дулъ довольно свѣжій, противный вѣтеръ, и клиперъ «Красавецъ», спѣшившій вслѣдствіе предписанія адмирала, несся подъ парами полнымъ ходомъ среди непроглядной тьмы этого бурнаго вечера въ Китайскомъ морѣ.

Признаюсь, мнѣ было очень жутко въ началѣ вахты. Воображеніе юнца-моряка, настроенное окружающимъ мракомъ, рисовало всевозможныя неожиданности, съ которыми, казалось, мнѣ не справиться. Въ глазахъ мелькали—то справа, то слѣва—воображаемые красные и зеленые огни встрѣчныхъ судовъ, или внезапно выросталъ, подъ носомъ клипера, грозный силуетъ громаднаго «купца», не носящаго, по безпечности, какъ часто случается, огней, и я напряженнѣе вглядывался впередъ, въ темную бездну, вглядывался, и не видя ничего, кромѣ чуть бѣлѣющихся гребешковъ волнующагося моря, часто покрикивалъ часовымъ на бакѣ вздрагивающимъ отъ волненія голосомъ: «хорошенько впередъ смотрѣть!», хотя и понималъ, что часовые, такъ же какъ и я, ничего не увидятъ въ этой кромѣшной тьмѣ, окутавшей со всѣхъ сторонъ нашъ, несшійся впередъ, маленькій клиперъ.

Скоро, впрочемъ, я свыкся съ положеніемъ. Нервы успокоились, галлюцинаціи зрѣнія прошли, и къ концу вахты я уже не думалъ ни о какихъ опасностяхъ, а ждалъ смѣны съ нетерпѣньемъ влюбленнаго, ожидающаго свиданія, мечтая только о свѣжемъ бѣльѣ, сухомъ платьѣ и стаканѣ горячаго чая въ теплой каютъ-компаніи.

Время на такихъ вахтахъ тянется чертовски долго, осо-

бенно послѣдняя стклянка. Отъ нетерпѣнія поскорѣй обсушиться и отогрѣться послѣ четырехчасовой «мокрой» вахты, кажется, будто этой послѣдней, желанной стклянки и конца не будетъ.

— Сигнальщикъ! Узнай, сколько до восьми?

Притаившійся отъ дождя подъ мостикомъ сигнальщикъ, хорошо знающій нетерпѣніе «господъ» передъ концомъ вахты, торопливо спускается внизъ, и черезъ минуту возвращается и докладываетъ, что осталось «всего восемь минутъ».

«Цѣлыхъ восемь минутъ!»

— Ты на какихъ это часахъ смотрѣлъ?—грозно спрашиваешь у сигнальщика.

— Въ каютъ-компаніи, ваше благородіе! Ужъ Николай Николаичъ обряжаются къ вахтѣ!—прибавляетъ, въ видѣ утѣшенія, сигнальщикъ и исчезаетъ подъ мостикъ.

И снова шагаешь по мостику, снова взглядываешь на компасъ и снова приказываешь, чтобы впередъ смотрѣли.

Дождь начинаетъ хлестать съ меньшею силой, и вѣтеръ какъ будто стихаетъ.

«Счастливецъ этотъ Литвиновъ!»—не безъ зависти думаешь о «счастливцѣ», который смѣнитъ тебя и не промокнетъ до нитки.

Вотъ, наконецъ, бьетъ восемь стклянокъ, и съ послѣднимъ ударомъ колокола, окутанная въ дождевикъ, плотная фигура лейтенанта Литвинова появляется на мостикѣ.

— Скверную же вы сдаете мнѣ вахту... Чтобы приготовить получше?—говоритъ Литвиновъ, заливаясь, по обыкновенію, веселымъ смѣхомъ.

— Скверную? Вы посмотрѣли бы, что на моей было!—отвѣчаешь недовольнымъ, обиженнымъ тономъ.—Дождь-то проходитъ.

— За то темно, какъ...

Литвиновъ заканчиваетъ свое сравненіе и говоритъ:

— Ну, сдавайте вахту... Небойсь, чаю хочется? Спѣшите, а то панъ Казиміръ унесетъ свой коньякъ... И то я его наказалъ на цѣлую рюмку. Накажите и вы, чтобъ онъ не могъ заснуть отъ отчаянія.

Я сталъ сдавать вахту: сказалъ курсъ, передалъ распоряженіе не уменьшать хода безъ приказанія капитана и прибавилъ, что въ исходѣ девятаго мы должны быть на траверзѣ группы маленькихъ подводныхъ островковъ. Они должны оставаться слѣва.

— Да развѣ мы ихъ еще не прошли?

— То-то, нѣтъ... Хотите удостовѣриться—взгляните на карту. Она, кстати, наверху, въ рубкѣ.

Мы спустились въ маленькую рубку подъ мостикомъ и заглянули туда.

Тамъ сидѣлъ сухощавый, низенькій, пожилой человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ маленькимъ, морщинистымъ, суровымъ лицомъ, озабоченно поглядывая на лежащую передъ нимъ карту. На немъ былъ дождевикъ и зюйдвестка, изъ-подъ которой виднѣлись сѣдоватые волосы.

Это былъ старшій штурманъ «Красавца», штабсъ-капитанъ Никаноръ Игнатьевичъ Осинниковъ или, какъ тихонько звали его гардемарины, «Синусъ Синычъ», молчаливый, угрюмый, основательный служака изъ штурманскихъ «косточекъ», много переплававшій на своемъ вѣку, страшно самолюбивый и мнительный въ охраненіи своего достоинства, щекотливый къ малѣйшей шуткѣ и въ то же время рѣдкій добрякъ, несмотря на свой суровый видъ, съ тѣми, кто пользовался его расположеніемъ, то-есть не подозрѣвался въ насмѣшливомъ или презрительномъ отношеніи къ штурманамъ, и кто умѣлъ хорошо брать высоты и вычислять безошибочно широту и долготу мѣста.

Литвиновъ, этотъ общій любимецъ и «enfant gaté» каютъ-компаніи, всегда добродушный, веселый и жизнерадостный, остроумный разсказчикъ неистощимыхъ анекдотовъ, умѣвшій вызывать улыбку даже на хмуромъ лицѣ Никанора Игнатьевича, заглянулъ въ карту, на которой былъ проложенъ курсъ, и неосторожно кинулъ вопросъ:

— А не снесетъ насъ теченіемъ, Никаноръ Игнатьичъ?

Нѣсколько суевѣрный, не любившій, чтобы заранѣе говорили о какой-нибудь опасности, грозившей клиперу по штурманской части, Никаноръ Игнатьевичъ строго взглянулъ на молодое, румяное, веселое лицо лейтенанта.

— А вы думаете, теченіе не принято въ расчетъ? Принято-съ! Потому-то и курсъ проложенъ-съ въ десяти миляхъ отъ этихъ маленькихъ подлецовъ!—съ сердцемъ промолвилъ старый штурманъ, указывая своимъ высохшимъ, костлявымъ пальцемъ на «маленькихъ подлецовъ», обозначенныхъ на картѣ.—Оно, конечно, лучше бы и еще подальше отъ нихъ! Наблюденій сегодня не было... Теченія тутъ никто не опредѣлялъ... Чортъ его знаетъ!—какъ бы въ сердитомъ раздумьи прибавилъ Никаноръ Игнатьевичъ.

— Такъ отчего же мы не наплюемъ на этихъ подлецовъ

и не оставимъ ихъ совсѣмъ далеко, Никаноръ Игнатьичъ?—спросилъ, весело улыбаясь, Литвиновъ.

— То-то, вамъ все наплевать! А приказаніе адмирала—спѣшить, какъ можно скорѣй?.. На него не наплюешь! Капитанъ и рѣшилъ идти ближе къ берегамъ. Волненіе здѣсь не такое сильное, какъ въ открытомъ морѣ при этомъ подломъ нордъ-вестѣ, и, слѣдовательно, клиперъ имѣетъ большой профитъ въ ходѣ-съ. Тамъ мы ползли бы узловъ по шести, а теперь по десяти идемъ-съ! Не давай такихъ предписаній!—неожиданно прибавилъ возбужденно и сердито Никаноръ Игнатьевичъ. — Какая такая спѣшка?!

Столь подробное объясненіе, которымъ удостоилъ обыкновенно скупой на слова старый штурманъ, едва ли можно было приписать исключительно расположенію Никанора Игнатьевича къ Литвинову. Возбужденный, сердитый тонъ штурмана обнаруживалъ скорѣй его волненіе, которое онъ всегда испытывалъ, тщательно, впрочемъ, скрывая его, когда вблизи клипера были какіе-нибудь «большіе» или «маленькіе подлецы».

Литвиновъ больше не разспрашивалъ. Поднимаясь на мостикъ, онъ снова повторилъ мнѣ на прощанье совѣтъ «непремѣнно наказать пана Казиміра», и вслѣдъ затѣмъ крикнулъ веселымъ, звучнымъ голосомъ, во всю силу своихъ могучихъ легкихъ:

— Впередъ смотрѣть!

И точно наэлектризованные этимъ веселымъ голосомъ, часовые на бакѣ такъ же весело и громко отвѣтили:

— Есть! Смотримъ!

Вышелъ изъ рубки и Никаноръ Игнатьевичъ.

Полоса свѣта, падавшаго отъ машиннаго люка, освѣтила низенькую, маленькую фигурку старшаго штурмана, пробиравшагося, понуривъ голову, на бакъ, съ большимъ биноклемъ въ рукѣ.

«Теперь Синусъ Синычъ вѣрно самъ будетъ впередъ смотрѣть. Смотрите, смотрите, господа»!—подумалъ я, спускаясь внизъ, веселый и довольный, что кончилась эта скверная вахта.

II.

Черезъ пять минутъ, переодѣвшись въ сухое платье, я уже сидѣлъ въ теплой, свѣтлой каютъ-компаніи за стаканомъ чая, испытывая то ощущеніе довольства, удовле-

творенности и нѣкоторой пріятной истомы, которое хорошо знакомо морякамъ. Теперь ужъ меня не особенно занимало, что дѣлается т а м ъ, наверху,—хлещетъ ли дождь или нѣтъ. З д ѣ с ь, внизу, было уютно, сухо и тепло!

Однако, совѣта Литвинова такъ-таки и не удалось исполнить, хотя я и не прочь былъ влить нѣсколько ложечекъ коньяка въ чай. Въ тотъ самый моментъ, какъ вѣстовой подалъ мнѣ стаканъ, и я только-что хотѣлъ подговориться къ превосходному докторскому коньяку, предусмотрительный докторъ (онъ же панъ Казиміръ), по обыкновенію ораторствовавшій о возвышенныхъ предметахъ со своимъ нѣсколько театральнымъ паѳосомъ и весь поглощенный, казалось, точнымъ опредѣленіемъ истиннаго мужества, успѣлъ, все-таки, замѣтить мой «прицѣльный» взглядъ на бутылку. И, словно бы желая собственнымъ примѣромъ показать образецъ истиннаго мужества, онъ поднялся съ дивана, не окончивъ перечисленія всѣхъ знаменитыхъ «свѣточей поэзіи и философіи», трактовавшихъ объ этомъ вопросѣ, и унесъ, къ крайнему моему огорченію, бутылку fine champagne въ свою каюту..

Многіе, замѣтившіе этотъ маневръ, наградили меня сочувственными улыбками, а сосѣдъ мой, молодой черноволосый мичманъ Гарденинъ, штудировавшій Шлоссера, шепнулъ, отрываясь отъ книги:

— Опоздали! А, вѣдь, бутылка, противъ обыкновенія, была на столѣ все время, пока докторъ разводилъ разводы. Сегодня онъ въ особенномъ ударѣ! Старшаго офицера ужъ въ лоскъ уложилъ и заставилъ удрать въ каюту. Теперь донимаетъ Ванечку... Глядите, какъ Ванечка обалдѣлъ! Скоро, пожалуй, придется спѣшить на выручку...—прибавилъ, усмѣхаясь, мичманъ, умѣвшій съ большимъ искусствомъ травить доктора.

Панъ Казиміръ, между тѣмъ, вернулся и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, прерванную бесѣду объ истинномъ мужествѣ, обращаясь, главнымъ образомъ, къ сидѣвшему близъ него младшему механику, невозмутимому молодому хохлу въ засаленной, когда-то бѣлой курткѣ, какъ къ единственной жертвѣ, способной выслушивать, безъ знаковъ нетерпѣнія, длинныя рѣчи и разсказы доктора, герой которыхъ Казиміръ Викентьевичъ Горжельскій, разумѣется, являлся всегда при бенгальскомъ освѣщеніи.

— Великій поэтъ Викторъ Гюго въ одномъ изъ своихъ

твореній говоритъ, что мужество есть непремѣнное качество возвышенныхъ натуръ.

Докторъ, говорившій съ замѣтнымъ польскимъ акцентомъ, сталъ-было цитировать стихи Виктора Гюго, отвратительно произнося французскія слова, но, продекламировавъ нѣсколько стиховъ, остановился.

— Впрочемъ, вы, вѣдь, не знаете по-ф р а н ц у з с к у?— спросилъ онъ.

«Обалдѣвшій» механикъ съ невозмутимымъ видомъ отрицательно качнулъ головой.

— Такъ я вамъ переведу.

Онъ перевелъ и продолжалъ:

— Другой геніальный поэтъ, Байронъ... Вы знаете по-а н г л і й с к у?

Ванечка снова отвѣтилъ отрицательнымъ кивкомъ.

Тогда докторъ привелъ по-русски соотвѣтствующій примѣръ изъ Байрона и прибавилъ, что любитъ читать классиковъ въ подлинникахъ. «Это не то, что переводы! Очень жаль, что молодой человѣкъ не знаетъ языковъ! Онъ далъ бы молодому человѣку много интересныхъ книгъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Онъ на всѣхъ этихъ діалектахъ свободно говоритъ и читаетъ... Онъ много перечиталъ книгъ... Не менѣе десяти тысячъ томовъ»!—прибавилъ докторъ и снова воскликнулъ:

— Ахъ, какъ жаль, что вы не знаете языковъ!

И этотъ самоувѣренный, полный необыкновеннаго апломба тонъ, какимъ говорилъ докторъ, и выраженіе самовосхищенія, стоявшее въ чертахъ его продолговатаго, желтаго, окаймленнаго черными баками лица, съ низкимъ узкимъ лбомъ, подъ которыми сидѣли небольшіе, холодные темные глаза, и быстрые взгляды исподлобья, бросаемые во время разговора на окружающихъ,—словомъ, все въ этомъ сорокалѣтнемъ Нарцисѣ, влюбленномъ въ себя, говорило, что онъ не столько жалѣетъ о незнаніи Ванечкой иностранныхъ языковъ, сколько хочетъ порисоваться и убѣдить публику въ своихъ преимуществахъ.

Несмотря на знаніе докторомъ четырехъ языковъ (крайне, впрочемъ, сомнительное) и на необыкновенные случаи изъ практики, о которыхъ любилъ разсказывать докторъ, пана Казиміра въ каютъ-компаніи не долюбливали, «случаямъ» его вѣрили съ осторожностью и считали доктора самолюбивымъ, надутымъ фразеромъ и хвастуномъ.

Даже юные гардемарины, съ которыми докторъ вначалѣ пробовалъ либеральничать, очень скоро поняли подозрительность его цивизма, напыщенность фразы и ограниченность ума. Вдобавокъ, и его льстивая манера обращенія съ капитаномъ и старшимъ офицеромъ, любезное высокомѣріе съ другими и чисто шляхетское, полное нескрываемаго презрѣнія, отношеніе къ матросамъ, еще болѣе насъ отталкивало, и докторъ напрасно расточалъ перлы краснорѣчія, разсказывая въ интимной бесѣдѣ à part о высшихъ непонятыхъ «натурахъ», обреченныхъ судьбою жить среди людей низменнаго уровня. Непонятую натуру обѣгали и относились къ ней далеко не дружелюбно.

Къ этому надо прибавить, что докторъ былъ изъ тѣхъ поляковъ, которые упорно открещиваются отъ своей національности въ средѣ русскихъ и прикидываются ярыми патріотами среди поляковъ.

Пожалѣвъ, что нашъ милѣйшій хохолъ Ванечка обреченъ на тьму невѣжества, докторъ хотѣлъ-было разсказывать одинъ изъ «интересныхъ случаевъ въ его жизни, когда знаніе иностранныхъ языковъ принесло ему громадную пользу», какъ мой сосѣдъ Гарденинъ, воспользовавшись временемъ, пока докторъ, не спѣша, свертывалъ папиросу, шепнулъ мнѣ:

— Совсѣмъ онъ замучаетъ Ванечку. Я вѣдь слышалъ этотъ «случай»... Очень длинный случай... Вы знаете исторію про знатную итальянку?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ она въ краткомъ изложеніи. Знатная итальянка въ Петербургѣ... Ну, конечно, красавица и, конечно, у нея сложная болѣзнь, рѣдкая въ медицинѣ... Пять знаменитыхъ врачей, съ Боткинымъ во главѣ, не понимая ни слова по-и т а л ь я н с к у, не понимаютъ, разумѣется, и ея болѣзни, лѣчатъ отъ пневмоніи, тогда какъ у нея сердце, печень и что-то въ кишкахъ,—словомъ, совсѣмъ не то, а что-то другое... перикардитъ и еще какое-то мудреное названіе. Знатная итальянка чахнетъ, еще два-три дня—и не видать бы ей Божьяго свѣта, какъ вдругъ панъ Казиміръ пріѣзжаетъ изъ Кронштадта и совершенно случайно, хотя и безъ тѣни правдоподобія, попадаетъ къ знатной итальянкѣ. Вы догадываетесь, конечно, о финалѣ? Она прогоняетъ всѣхъ врачей, черезъ пять дней встаетъ съ постели, а еще черезъ пять ѣдетъ на балъ къ бразильскому посланнику. Само собой, дѣло не обходится безъ романтической

компликаціи. Исполненная благодарности къ своему спасителю (вдобавокъ тогда панъ Казиміръ былъ чертовски хорошъ и, по его словамъ, отчаянный сердцеѣдъ), знатная итальянка намекаетъ, что такъ и такъ, она не прочь выйти замужъ за пана Горжельскаго (предки доктора вѣдь отъ Пяста!), но онъ, натурально, какъ благородный шляхтичъ, не хочетъ воспользоваться увлеченіемъ ея знойнаго темперамента и сдѣлаться владѣльцемъ замка въ Неаполѣ и рисовыхъ полей въ Ломбардіи... И вотъ, тогда-то она снимаетъ съ своего пальца и надѣваетъ на мизинецъ пана Казиміра тотъ самый необыкновенный брильянтъ, стоящій сорокъ двѣ тысячи франковъ (ни одного сантима менѣе!), которымъ докторъ вмѣстѣ съ другими украшаетъ свои противные пальцы по праздникамъ и при съѣздахъ на берегъ... Нѣтъ, положительно надо выручать Ванечку! Ужъ докторъ разглаживаетъ баки, значитъ, сейчасъ начнетъ.

И съ этими словами, произнесенными въ полголоса, черноволосый, худенькій, съ подвижною физіономіей и вздернутою губой, Гарденинъ поднялся съ мѣста и, присаживаясь на противуположномъ краѣ стола, рядомъ съ Ванечкой, обращается къ доктору:

— Позвольте побезпокоить васъ, докторъ, однимъ вопросомъ?

Серьезный тонъ и самое невинное выраженіе лица молодого мичмана обманываютъ на этотъ разъ доктора, и онъ, не подозрѣвая никакой каверзы, позволяетъ благосклоннымъ наклоненіемъ головы.

— Объясните, пожалуйста, что это за болѣзнь перикардитъ?—продолжалъ Гарденинъ, повидимому, весьма заинтересованный свѣдѣніями о перикардитѣ, и въ то же время незамѣтно подталкиваетъ локтемъ Ванечку—«уходи, молъ!»

Хотя докторъ предварительно и замѣчаетъ, что профану въ медицинѣ довольно трудно будетъ понять сущность этой болѣзни, тѣмъ не менѣе входитъ въ подробныя объясненія, уснащивая ихъ различными медицинскими терминами, а тѣмъ временемъ младшій механикъ благополучно удираетъ изъ каютъ-компаніи.

Удовлетворивъ любознательности Гарденина и совершенно успокоившись насчетъ его намѣреній, докторъ, замѣтившій исчезновеніе Ванечки, не можетъ удержаться отъ искушенія разсказать про «случай» и прибавляетъ:

— Я только-что хотѣлъ разсказать объ одномъ весьма интересномъ случаѣ излѣченія именно той болѣзни, которая васъ интересуетъ... Всѣ лучшіе доктора...

— Это когда вы лѣчили одну знатную итальянку, докторъ?—перебилъ мичманъ.

Докторъ, не любившій, чтобы его прерывали, съ важностью промолвилъ:

— Я на своемъ вѣку многихъ аристократовъ пользовалъ...

— Но, сколько мнѣ помнится, именно у итальянки былъ жестокій перикардитъ съ какими-то осложненіями, и если бы не ваше искусство, плохо пришлось бы больной?—продолжалъ Гарденинъ съ самымъ серьезнымъ видомъ, преисполненный, казалось, необыкновеннымъ почтеніемъ къ искусству доктора.

— Да, былъ такой случай... Я пользовалъ маркизу Кастеламарре!—говорилъ докторъ, произнося слова «маркизу Кастеламарре» съ какимъ-то сладостнымъ замираніемъ въ голосѣ.—Объ этомъ случаѣ въ свое время много говорили въ медицинскомъ мірѣ...

— Какъ же, какъ же... Я вѣдь слышалъ, какъ вы разсказывали эту любопытную исторію...

— Это, извольте знать, не исторія, а фактъ!—внушительно проговорилъ панъ Казиміръ, начиная хмуриться.

— О, разумѣется, фактъ, тѣмъ болѣе, что и брильянтовое кольцо въ сорокъ двѣ тысячи франковъ — тоже фактъ, и весьма цѣнный фактъ!

— Вѣроятно, вамъ не случалось видѣть хорошихъ брильянтовъ, и вы, кажется, изволите сомнѣваться въ цѣнности моего супира?—съ презрительной усмѣшкой замѣтилъ закипавшій злостью докторъ, нервно пощипывая длинными, желтыми пальцами свою выхоленную, великолѣпную черную бакенбарду.

— Христосъ съ вами, докторъ, смѣю ли я сомнѣваться?—воскликнулъ, повидимому, съ полною искренностью шаловливый мичманъ. — Такіе ли еще бываютъ факты!.. «Есть много, другъ Горацію, тайнъ» и такъ далѣе... Я, положимъ, не видалъ хорошихъ брильянтовъ,—не стану врать,—но видалъ, напримѣръ, крупнѣйшихъ окуней у насъ, въ Смоленской губерніи, и знаю тоже въ своемъ родѣ интересный фактъ объ ихъ живучести, о которомъ я, съ вашего позволенія, разскажу. Стали жарить однажды громаднаго жирнаго окуня, фунтовъ

этакъ десяти, и что-жъ бы вы думали? Ужъ одинъ бокъ его сталъ румяниться, а окунище, подлецъ, все еще живъ... Такъ и пляшетъ, я вамъ доложу, на сковородѣ. Сняли этого самаго мерзавца со сковороды, зашили ему брюхо, пустили въ рѣчку и—повѣрите ли, докторъ?—вѣдь, поплылъ, какъ встрепанный, окунь-то этотъ... Фактъ невѣроятный, а вѣдь я самъ видѣлъ!—прибавилъ съ невозмутимою серьезностью мичманъ.

Общій смѣхъ огласилъ каютъ-компанію.

Не смѣялся только одинъ докторъ.

Позеленѣвшій отъ злости, съ презрительно сощуренными глазами, онъ въ первую минуту пребывалъ въ гордомъ молчаніи и только, когда смѣхъ прекратился, замѣтилъ съ пренебреженіемъ оскорбленнаго величія.

— Признаюсь, я не понимаю этого мичманскаго остроумія... Какой-то окунь... какой-то вздоръ...

Вдругъ раздался страшный трескъ. Клиперъ вздрогнулъ всѣмъ своимъ корпусомъ, какъ-то странно покачнулся и, казалось, сразу остановился.

Всѣ на мгновеніе замерли, недоумѣвающіе и испуганные, взглядывая другъ на друга широко раскрытыми глазами.

Старшій офицеръ, вылетѣвшій изъ каюты, пронесся, какъ бѣшеный, на верхъ. Вслѣдъ за нимъ ринулись и другіе. Докторъ, блѣдный, какъ полотно, не трогаясь съ мѣста, беззвучно что-то шепталъ и крестился.

Въ первое мгновеніе я не сообразилъ, что̀ такое случилось, и не испугался. Но вслѣдъ затѣмъ мнѣ почему-то представилось, будто на насъ наскочило судно и врѣзалось въ бокъ. И тогда мною овладѣлъ страхъ, который я тщетно усиливался побороть, стараясь казаться спокойнымъ. Сердце упало, холодъ пробѣгалъ по всему тѣлу, и я бросился стремглавъ вслѣдъ за другими на верхъ, охваченный паникой и стыдясь, въ то же время, своего малодушія, недостойнаго моряка.

III.

Непроглядная темень, попрежнему, окутывала клиперъ, недвижно стоявшій среди моря. На палубѣ царила грозная тишина. Только рокотало море, да вѣтеръ жалобно посвистывалъ въ снастяхъ. И среди этой тишины клиперъ, приподнимаемый волненіемъ, снова еще разъ и другой тяжело ударился о подводный камень. Удары эти со-

провождались такимъ, наводящимъ ужасъ, трескомъ во всѣхъ членахъ судна, что, казалось, оно не вынесетъ этой пытки и вотъ-вотъ сейчасъ развалится пополамъ.

— О, Господи!—раздалось чье-то скорбное восклицаніе среди людскихъ тѣней, собравшихся кучками на палубѣ.

И чей-то голосъ сталъ тихо читать молитву.

— Безпремѣнно тепериче разобьетъ насъ на каменьяхъ!

— Вишь, угодили-то какъ!

— Смирно! — раздался вдругъ съ мостика голосъ капитана.

Разговоры мгновенно смолкли.

— Триселя и кливеръ поставить! Лотовые на лотъ! Полный ходъ впередъ!—командовалъ капитанъ.

Въ этомъ негромкомъ, нѣсколько гнусавомъ, отчетливомъ голосѣ не слышно было ни одной нотки страха или волненія. Онъ былъ спокоенъ, простъ и ровенъ, точно капитанъ распоряжался на ученьѣ. И это спокойствіе словно бы сразу низводило опасность положенія до самой обыкновенной случайности въ морѣ, и, невольно передаваясь другимъ, вселяло бодрость и увѣренность въ сердца испуганныхъ людей.

— Ишь, вѣдь отчаянный онъ у насъ какой!—проговорилъ кто-то среди толпившихся матросовъ повеселѣвшимъ голосомъ.

— Небойсь, онъ распорядится!

И у меня отлегло отъ сердца. Я еще болѣе устыдился своего малодушія и торопливо поднялся на мостикъ, гдѣ долженъ былъ находиться по росписанію, во время аврала.

Машина работала полнымъ ходомъ, но клиперъ не двигался съ мѣста.

— Какъ глубина?

Въ отвѣтъ раздался отрывистый голосъ старшаго штурмана, подъ наблюденіемъ котораго лотовые обмѣряли глубину вокругъ клипера.

Не даромъ голосъ Никанора Игнатьевича, перегнувшагося черезъ бортъ съ фонаремъ въ рукахъ, звучалъ сердито. Обмѣръ показывалъ, что клиперъ сидѣлъ всѣмъ своимъ корпусомъ на камнѣ и только корма была на вольной водѣ.

— Фальшвейры!—приказалъ капитанъ.

Ярко-красный огонь фальшвейровъ, выкинутыхъ съ обѣихъ сторонъ, погрузивъ въ тьму клиперъ, разсѣялъ тапи-

ственность окружающаго мрака. Слѣва въ недалекомъ разстояніи, бѣлѣлись грозные буруны, доносясь слабымъ откликомъ характернаго гула. Справа море было чисто и съ однообразнымъ ровнымъ шумомъ катило свои волны, разсыпавшіяся пѣнистыми сѣдыми верхушками. Ясно было, что мы, по счастію, налетѣли на крайній камень изъ этой группы маленькихъ «подлецовъ», брошенныхъ среди моря.

— Стопъ машина! Полный ходъ назадъ! — распоряжался капитанъ, передавая приказанія въ машину черезъ переговорную трубку.

Прошла еще безконечная тягостная минута.

— Идетъ ли?—спросилъ капитанъ своимъ прежнимъ спокойнымъ гнусавымъ голосомъ.

— Нѣтъ!

И, словно въ подтвержденіе, что не идетъ, клиперъ снова безпомошно ударился о камень. Ударъ этотъ, тяжелый, медленный, казалось, былъ ужаснѣе прежнихъ.

Капитанъ взялся за ручку машиннаго телеграфа.

«Дзинь, дзинь!»

Машина застопорила.

«Дзинь-дзинь!»

Машина снова застучала полнымъ ходомъ.

Бѣдняга-клиперъ, точно прикованный, не подавался.

Я взглянулъ на худощавую, невысокую фигуру капитана, стоявшаго въ полосѣ слабаго свѣта отъ огня компаса, разсчитывая по выраженію его лица узнать о степени грозившей намъ опасности.

Ни черточки страха или волненія! Напротивъ, во всей его фигурѣ, неподвижно стоявшей у машиннаго телеграфа, было какое-то дерзкое, вызывающее спокойствіе, и всегдашнее, чуть замѣтное надменное выраженіе, обыкновенно скрадывавшееся любезной улыбкой, теперь, ничѣмъ не сдерживаемое, свѣтилось во всѣхъ чертахъ красиваго молодого лица, опушеннаго свѣтлорусыми вьющимися бакенбардами.

Мнѣ не былъ симпатиченъ этотъ «лордъ», какъ мѣтко прозвали гардемарины нашего капитана. Молодой, красивый, изящный, фаворитъ высшаго начальства, не въ примѣръ другимъ дѣлавшій карьеру, двадцати шести лѣтъ уже бывшій командиромъ щегольского клипера, онъ держалъ себя гордо и неприступно, съ тою холодною вѣжливостью, подъ которою чувствовалось снисходительное презрѣніе служебнаго баловня и черствость себялюбивой

натуры. И, несмотря на это, теперь этотъ человѣкъ невольно восхищалъ своимъ самообладаніемъ.

«Неужели же онъ нисколько не боится за клиперъ?»—съ досадой думалъ я, посматривая на невозмутимаго «лорда».

Точно въ отвѣтъ на мои мысли, капитанъ тихо сказалъ старшему офицеру, все тѣмъ же своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Кажется, плотно врѣзались. Осмотрите, нѣтъ ли течи?.. Да чтобы гребныя суда были готовы къ спуску!—еще тише прибавилъ капитанъ.—Мало ли что можетъ случиться!

Не успѣлъ старшій офицеръ уйти, какъ съ бака крикнули:

— Въ подшкиперской вода!

Этотъ неестественно-громкій, взволнованный голосъ нашего боцмана-финляндца заставилъ меня невольно вздрогнуть. Подъ мостикомъ кто-то испуганно ахнулъ.

Въ отвѣтъ на отчаянный окрикъ капитанъ крикнулъ обычное «есть!» такимъ равнодушнымъ, хладнокровнымъ тономъ, будто въ извѣстіи боцмана не было ничего важнаго, и онъ отлично знаетъ, что въ подшкиперской вода.

И, понизивъ голосъ, прибавилъ, обращаясь къ старшему офицеру:

— Что за идіотъ этотъ чухонецъ!.. Оретъ, вмѣсто того, чтобъ придти доложить... Потрудитесь осмотрѣть, Алексѣй Петровичъ, что тамъ такое, велите поскорѣй заткнуть пробоину и дайте мнѣ...

Вбѣжавшій на мостикъ младшій механикъ прервалъ капитана докладомъ, что въ машинѣ вода.

— И много?

— Подходитъ къ топкамъ! — взволнованно отвѣчалъ обыкновенно невозмутимый хохолъ.

— Помпа пущена?

— Сейчасъ пустили!

— Ну и отлично!—промолвилъ капитанъ, хотя, казалось, ничего «отличнаго» не было.—Давайте чаще знать, какъ въ машинѣ вода.

Механикъ ушелъ, а капитанъ хладнокровно продолжалъ отдавать приказанія старшему офицеру, и только рѣчь его сдѣлалась чуть-чуть торопливѣе и отрывистѣе.

— Пустить всѣ помпы! Скорѣй на пробоину пластырь! Когда сойдемъ, подведите парусъ.

Старшій офицеръ бѣгомъ полетѣлъ съ мостика, а капитанъ снова взялся за ручку машиннаго звонка.

«Сойдемъ ли?»

Сомнѣніе закрадывалось въ душу, усиливаясь при новомъ ударѣ безпомощнаго клипера и вызывая мрачныя мысли.

«До берега далеко, не менѣе двадцати миль... Какъ доберемся мы на шлюпкахъ при такомъ волненіи, если придется спасаться? Неужели намъ грозитъ гибель? За что же? А жить такъ хочется!»

И сердце тоскливо сжималось, и взоръ невольно обращался по направленію къ этому далекому берегу.

Но глазъ ничего не видитъ, кромѣ непроглядной тьмы бурной ночи. Вѣтеръ, казалось, крѣпчалъ. Всплески волнъ съ шумомъ разбивались о бока клипера.

«Ахъ, если-бъ онъ скорѣе сошелъ!»

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вскочили на камень, прошло не болѣе двухъ-трехъ минутъ, но въ эту памятную ночь эти минуты казались вѣчностью.

— Господинъ С*! Взгляните, какъ барометръ, да посмотрите нѣтъ ли воды въ ахтеръ-люкѣ!—приказалъ капитанъ.

Я бросился внизъ и—странное дѣло!—мрачныя мысли тотчасъ же исчезли; я думалъ только, что надо исполнить приказаніе, не вызвавъ снисходительно-насмѣшливаго замѣчанія «лорда».

На трапѣ я нагналъ Гарденина, посланнаго старшимъ офицеромъ съ тѣмъ же порученіемъ.

Гарденинъ вошелъ первый въ каютъ-компанію, но вдругъ остановился на порогѣ и, приложивъ палецъ къ губамъ, шепнулъ, указывая на открытую докторскую каюту:

— Смотрите, какъ дѣйствуетъ истинное мужество!

Несмотря на серьезность положенія, я невольно улыбнулся вслѣдъ за Гарденинымъ, увидавъ пана доктора. Безъ сюртука, съ спасательнымъ поясомъ, обвязанный весь какими-то мѣшочками, метался онъ по каютѣ, собирая вещи, и растерянымъ голосомъ бормоталъ какія-то слова.

— А вѣдь потомъ намъ же будетъ разсказывать, какъ геройствовалъ!—зло проговорилъ Гарденинъ, входя въ каютъ-компанію.

— Заслышавъ голоса, докторъ торопливо надѣлъ пальто и вылетѣлъ къ намъ.

Блѣдный, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ, стараясь подъ жалкой, неестественной улыбкой скрыть передъ нами свой страхъ, спросилъ онъ прерывистымъ голосомъ:

— Ну, что? Есть ли надежда, что сойдемъ?

— Никакой! Сейчасъ тонемъ, докторъ!—гробовымъ голосомъ отвѣчалъ Гарденинъ.

Страшный трескъ новаго удара, казалось, подтверждалъ эти слова.

— О панъ Іезусъ! О Матка Божка!—въ ужасѣ шепталъ докторъ, крестясь.

— Полно врать, Гарденинъ!—перебилъ я, чувствуя невольную жалость къ этому олицетворенію страха.—Пока никакой непосредственной опасности нѣтъ, докторъ!

— А вы ужъ собрались спасаться?.. Небойсь, теперь и пана Іезуса и Матку Божку вспомнили?—насмѣшливо кинулъ Гарденинъ и, повернувшись, крикнулъ вошедшему съ фонаремъ вѣстовому:—Живо, люкъ!

Несмотря на страхъ, докторъ метнулъ въ спину Гарденина взглядъ, полный ненависти и злобы. Онъ не простилъ Гарденину этой злой шутки и съ той минуты возненавидѣлъ его.

— А я на всякій случай приготовился ко всему!—обратился ко мнѣ докторъ съ заискивающей улыбкой, оправившись нѣсколько отъ страха послѣ моихъ успокоительныхъ словъ.—Не слѣдуетъ никогда теряться въ опасности!—прибавилъ онъ съ хвастливостью и торопливо бросился на верхъ...

Я спустился за Гарденинымъ въ ахтеръ-люкъ. Воды тамъ не оказалось, и мы тотчасъ вышли.

— Какъ вы думаете, Гарденинъ, сойдемъ?

— А чортъ его знаетъ! Нѣтъ, непремѣнно выйду въ отставку, какъ вернусь въ Россію, если только буду живъ! — неожиданно прибавилъ онъ.—Эти ощущенія не особенно пріятны... ну ихъ! Я вотъ смѣюсь надъ докторомъ за его трусость, а вѣдь самъ, признаться, жестоко трушу!—проговорилъ съ какою-то возбужденной, подкупающей искренностью Гарденинъ, пользовавшійся заслуженною репутаціей лихого офицера.

Съ этими словами онъ выскочилъ изъ каютъ-компаніи.

Взглянувъ въ капитанской каютѣ на барометръ, я поднялся наверхъ и взбѣжалъ на мостикъ.

IV.

Капитанъ стоялъ на краю и, перегнувшись черезъ поручни, смотрѣлъ за бортъ, держа въ рукѣ фонарь. На шканцахъ, перевѣсившись совсѣмъ черезъ бортъ, съ тою же сосредоточенностью смотрѣлъ на воду и Никаноръ Игнатьевичъ.

Точно въ ожиданіи чего-то особенно важнаго, на палубѣ была мертвая тишина. Только машина, работавшая полнымъ ходомъ, торопливо отбивала однообразные такты.

Я доложилъ капитану о высотѣ барометра и объ осмотрѣ ахтеръ-люка, но онъ, казалось, не обратилъ вниманія на мой докладъ и, не поднимая головы, крикнулъ:

— Идетъ ли?

Нѣсколько секундъ не было отвѣта.

— Тронулся!—вдругъ прокричалъ старый штурманъ.—Идетъ!—еще веселѣе крикнулъ онъ черезъ секунду.

— Пошелъ... пошелъ!..—раздались съ бака радостные голоса.

Капитанъ торопливо подошелъ къ компасу.

— Самый полный ходъ впередъ! — крикнулъ онъ въ машину.

Слышно было, какъ клиперъ съ усиліемъ черкнулъ по камню и, словно обрадовавшись свободѣ, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и быстро двинулся впередъ, разсѣкая темныя волны. Грозный бурунъ надъ камнемъ бѣлѣлся сѣдымъ пятномъ за кормой.

Невыразимое ощущеніе радости и счастія охватило меня. Громкій вздохъ облегченія пронесся на палубѣ. И дерзкая, вызывающая улыбка весело играла на лицѣ капитана.

— Лѣво на бортъ!—крикнулъ онъ рулевымъ, и клиперъ, сдѣлавъ полный оборотъ, поворотилъ назадъ.

— Счастливо отдѣлались! — сказалъ капитанъ подошедшему старшему офицеру.—Что, много воды?

— Порядочно... Одну пробоину нашли въ носу... Сейчасъ будемъ подводить парусъ...

— Я иду назадъ!—замѣтилъ капитанъ.—Идти по назначенію далеко, да и вѣтеръ противный... Какъ окончите подводку паруса, ставьте всѣ паруса и брамсели.

— Вѣтеръ крѣпчаетъ! — осторожно вставилъ старшій офицеръ.

— Ничего, пусть гнутся брамъ-стеньги! Подъ парами и

парусами мы живо добѣжимъ до порта и завтра будемъ въ докѣ. Насъ вѣрно таки-порядочно помяло... Не правда ли?—прибавилъ капитанъ.

И, не дождавшись отвѣта, спросилъ:

— Кто на вахтѣ?

— Я!—проговорилъ Литвиновъ, поднимаясь на мостикъ.

— Курсъ SSW... Идти самымъ полнымъ ходомъ!

— Есть!

— Ну, теперь пойдемте-ка, Алексѣй Петровичъ, посмотримъ, какова течь... А, вѣдь, крѣпокъ «Красавецъ»! Било его сильно-таки... Сколько мы стояли на камнѣ, Никаноръ Игнатьичъ?

— Четыре съ половиной минуты-съ!—хмуро отвѣчалъ старый штурманъ.

— Довольно времени, чтобы разбиться! — усмѣхнулся капитанъ, спускаясь съ мостика и исчезая въ темнотѣ.

Черезъ полчаса подъ носовую часть клипера былъ подведенъ парусъ. Всѣ помпы работали, едва успѣвая откачивать воду, и «Красавецъ», подъ парами и всѣми парусами, несся среди мрака ночи узловъ по тринадцати въ часъ, словно раненый звѣрь, бѣгущій къ логову, чтобы зализать свои раны.

ВЪ ШТОРМЪ.

(Посвящается Наташѣ).

I.

— Баринъ, а баринъ! Лександра Иванычъ! Ваше благородіе!

И съ этими словами Кирилловъ, вѣстовой мичмана Опольева—маленькій и приземистый, чернявый молодой матросикъ, съ сережкой въ ухѣ, разставивъ, для сохраненія равновѣсія, ноги врозь и придерживаясь, чтобы не упасть, одной рукой за косякъ двери,—другою слегка дергалъ ногу мичмана, который крѣпко и сладко спалъ въ своей маленькой каютѣ, несмотря на стремительную качку, бросавшую корветъ «Соколъ», словно мячикъ, на волнахъ разсвирѣпѣвшаго Атлантическаго океана.

Въ отвѣтъ ни звука.

Баринъ былъ соня и, по выраженію вѣстового, «вставалъ трудно».

И Кирилловъ, хорошо знавшій, что его же «заругаютъ», если баринъ хоть на минуту опоздаетъ на вахту, послѣ паузы снова дергаетъ мичманскую ногу, но уже сильнѣй и рѣшительнѣй.

— Ваше благородіе! Вамъ на вахту! Лександра Иванычъ! Извольте вставать!

— Къ чорту!—раздался сонный окрикъ изъ койки.

— Никакъ невозможно... Лександра Иванычъ!

— Я умеръ!—промычалъ мичманъ.—Брысь!

И, отдернувъ ногу, которую теребилъ вѣстовой, Опольевъ натянулъ на себя одѣяло и повернулся на другой бокъ, готовый сладко поспать, какъ сильный продольный размахъ корвета ударилъ мичмана лбомъ о переборку и заставилъ очнуться.

Онъ высунулъ изъ-подъ одѣяла заспанное, совсѣмъ молодое лицо, красивое, нѣжное и румяное, съ пробивающейся свѣтло-русой шелковистой бородкой, дѣвственными усиками и кудрявыми бѣлокурыми волосами, и, щуря свои

большіе каріе глаза, улыбался сонной счастливой улыбкой, какъ улыбаются дѣти послѣ хорошаго сна, видимо находясь еще во власти чаръ сновидѣнія, которыя унесли его далеко-далеко отъ дѣйствительности.

Ярко-зеленая, свѣжая листва деревенскаго сада, дышащаго ароматомъ... Пахучія липы, маленькая покосившаяся скамейка подъ ними, съ вырѣзанными именами «Елена», «Александръ». Чудный профиль дѣвушки въ бѣлой холстинкѣ... Черные глаза, вдумчивые, нѣжные, добрые... Вьющіеся славные волосы съ вѣткой сирени въ косѣ... Любящій, полный ласковой грусти, взглядъ этой милой, дорогой Леночки, которая слушаетъ восторженно-умиленныя рѣчи своего жениха, и, вся притихшая, точно боясь спугнуть полноту счастія, жметъ своей мягкой и теплой рукой все крѣпче и крѣпче руку мичмана, и слезы дрожатъ на ея рѣсницахъ... «Навсегда!»—шепчетъ она. «Навсегда!»—чуть слышно отвѣчаетъ онъ... Они такъ долго сидятъ, и вечеръ, обаятельный и тихій, засталъ ихъ нѣмыми отъ радости... Садъ точно замеръ вмѣстѣ съ ними... Ни звука, ни шороха. И загоравшіяся въ небѣ звѣзды кротко и любовно мигаютъ сверху, словно любуясь молодыми людьми, и слушая, какъ полно бьются ихъ переполненныя сердца.

— «Леночка! Александръ Иванычъ! Идите пить чай!»—стоитъ еще въ ушахъ ласковый голосъ Леночкиной матери.

Все это, напомнившее о себѣ чуднымъ сномъ, представляется съ ясною, дразнящею реальностью. Мозгъ еще не освободился отъ впечатлѣній грёзъ. И молодому моряку хочется, до страсти хочется подолѣе задержать эти грёзы.

Но прошло мгновеніе, другое—и онѣ исчезли, словно растаяли, какъ дымокъ въ воздухѣ.

Въ полусвѣтѣ каюты, иллюминаторъ которой, наглухо задраенный (закрытый), то погружался въ пѣнистую воду океана, то выходилъ изъ нея, пропуская сквозь матовое стекло слабый свѣтъ утра,—Опольевъ увидалъ маленькую фигурку своего смышленаго, расторопнаго вѣстового, который, держась обѣими руками, качался вмѣстѣ съ каютой и со всѣми находящимися въ ней предметами, услыхалъ раздирающій душу скрипъ корвета, почувствовалъ отчаянную качку и окончательно пришелъ въ себя.

Счастливая улыбка исчезла съ его лица.

— Однако, валяетъ!—промолвилъ онъ съ серьезнымъ видомъ, стараясь принять такое положеніе, чтобы опять не стукнуться.

— Страсть, какъ раскачало, ваше благородіе.

— Скоро восемь?

— Стклянка (полчаса) осталась!

— А на верху какъ?

— Не дай Богъ! Реветъ!

— Въ ночь, видно, засвѣжѣло?

— Точно такъ, ваше благородіе! Ночью фокъ убрали и четвертый рифъ взяли. Капитанъ всю ночь были на верху,—докладываетъ вѣстовой.

И, помолчавъ, молодой матросъ, впервые бывшій въ дальнемъ плаваніи, прибавилъ боязливымъ и нѣсколько таинственнымъ тономъ:

— Давѣ ребята сказывали на бакѣ, ваше благородіе, бытто похоже на то, что «штурма» настоящая начинается. Вѣтеръ такъ и гудетъ въ снастяхъ... Волна—и не приведи Богъ какая агромадная, Лександра Иванычъ... Ровно горы катаются...

— Видно, боишься шторма, Кирилловъ, а?

— Боязно, Лександра Иванычъ!—простодушно и застѣнчиво отвѣтилъ матросъ.

— Нечего, братъ, бояться. Справимся и со штормомъ!—авторитетно и съ напускной небрежностью замѣтилъ молодой офицеръ, самъ еще никогда не испытывавшій шторма и втайнѣ начинавшій уже ощущать нѣкоторое безпокойство отъ этой адской качки, дергавшей и бросавшей корветъ во всѣ стороны.

Внизу, въ каютѣ, опасность казалась значительнѣе.

— Точно такъ, ваше благородіе!—поспѣшилъ согласиться и Кирилловъ, болѣе по чувству деликатности передъ «добрымъ бариномъ» и по долгу дисциплины.

Но невольный страхъ, который онъ старался скрыть, все-таки не оставлялъ молодого матроса.

— Холодно на верху?

— Пронзительно, ваше благородіе.

— Дождевикъ приготовилъ?

— Готовъ.

— Ладно. Ну, теперь и вставать пора!

Но прежде чѣмъ разстаться съ теплой койкой, мичманъ, снова охваченный набѣжавшимъ воспоминаніемъ и въ эту минуту особенно сильно пожалѣвшій, что только-что быв-

шій сонъ не дѣйствительность,—совсѣмъ неожиданно проговорилъ съ невольнымъ вздохомъ:

— На берегу-то, небойсь, лучше жить, Кирилловъ?

— Что и говорить, Лександра Иванычъ!—возбужденно отвѣчалъ молодой матросъ, и его лицо оживилось улыбкой.—На сухопутьѣ не въ примѣръ свободнѣй... Одно слово: твердь. А тутъ, ваше благородіе, съ души рветъ. Будь воля, сейчасъ бы ушелъ въ деревню...

— Ушелъ бы?—усмѣхнулся мичманъ.

— Точно такъ, ваше благородіе!

«И я бы сейчасъ уѣхалъ туда... въ Засижье!» — подумалъ мичманъ.

И съ невеселой усмѣшкой сказалъ вслухъ:

— Некуда вотъ только отсюда уйти, Кирилловъ, а?

— Оно точно, что некуда, ваше благородіе. Кругомъ вода!

— А ты пока, братецъ, насчетъ чаю схлопочи. Чтобы горячій былъ.

— Есть, ваше благородіе! Чай готовъ. Старшій офицеръ уже кушаютъ. Неспособно только пить при такой качкѣ! — прибавилъ Кирилловъ и вышелъ изъ каюты, чтобы «схлопотать» насчетъ горячаго чая «доброму барину», который очень хорошо обращался съ своимъ вѣстовымъ и часто съ нимъ «лясничалъ» по душѣ.

Кирилловъ направился къ камбузу, едва удерживаясь на ногахъ и выписывая мыслете. Встрѣтивъ тамъ своего пріятеля-вѣстового, такого же молодого матроса, какъ и онъ самъ, Кирилловъ, словно подбадривая самого себя и не желая обнаружить своего страха передъ пріятелемъ и нѣсколькими бывшими у камбуза матросами,—проговорилъ съ напускною шутливостью:

— Ровно, братъ, на качеляхъ качаетъ. Совсѣмъ ходу ногамъ не даетъ!

И не безъ задора прибавилъ:

— А ты, Василей, ужъ и трусу, братъ, празднуешь?

— То-то все думается... Какъ бы... Ишь, буря-то какая!—промолвилъ блѣдный отъ страха и тошноты матросъ.

— А ты не думай, Вась!.. Чего бояться? Штурма такъ штурма. Небойсь, справимся и со штурмой!—хвастливо говорилъ вѣстовой, повторяя слова мичмана.

И даже заставилъ себя засмѣяться, хотя самъ жестоко трусилъ.

II.

Минутъ черезъ десять, въ теченіе которыхъ молодому мичману пришлось принять самыя невѣроятныя, едва ли извѣстныя акробатамъ позы, чтобы, при совершеніи туалета, примѣнять законы равновѣсія тѣлъ къ собственной своей особѣ, Опольевъ, умытый и одѣтый, вышелъ изъ каюты.

Въ палубѣ было сыро, душно и пахло сквернымъ промозглымъ запахомъ непровѣтреннаго матросскаго жилья. Всѣ люки были наглухо закрыты, и свѣжій воздухъ не проникалъ. Подвахтенные матросы большею частью сидѣли или лежали на палубѣ молчаливые и серьезные, изрѣдка обмѣниваясь словами насчетъ «анаоемской» погоды. Нѣсколькихъ укачало. Примостившись у машиннаго люка, старый матросъ Щербаковъ (онъ же и «образной», то-есть завѣдующій корветскимъ образомъ и исполняющій, во время требъ, обязанности дьячка) тихимъ, монотоннымъ голосомъ читалъ евангеліе, и около чтеца сидѣла небольшая кучка матросовъ, слушавшихъ чтеніе съ напряженнымъ вниманіемъ, и не столько понимая смыслъ славянскаго текста, сколько восхищаясь пѣвучимъ, умиленнымъ голосомъ чтеца и его торжественно-приподнятымъ тономъ.

Ступать по палубѣ было трудно. Она словно вырывалась изъ-подъ ногъ, и нужно было особое искусство и умѣнье выбирать моменты, чтобы пройти по ней.

Каютъ-компанія, обыкновенно въ этотъ часъ оживленная сборомъ офицеровъ къ чаю, теперь почти пуста. Почти всѣ отлеживаются по каютамъ. Висячая большая лампа надъ привинченнымъ къ палубѣ обѣденнымъ столомъ раскачивается во всѣ стороны подъ однообразный скрипъ переборокъ. Крѣпко принайтовленные (привязанные) библіотечный шкапъ и фортепіано поскрипываютъ тоже. Сквозь закрытый стеклянный люкъ каютъ-компаніи доносится глухой гулъ ревущаго вѣтра. Корветъ вздрагиваетъ кормой и всѣми своими членами, и это вздрагиваніе ощущается внизу сильнѣе. Какъ-то мрачно и непривѣтливо въ каютъ-компаніи, обыкновенно веселой и шумной.

Всегда рѣзвая и забавная «Лайка», неказистая на видъ рыжая собачонка неизвѣстной породы, съ кургузымъ хвостомъ, забѣжавшая случайно на корветъ, когда онъ готовился къ дальнему плаванію въ кронштадтской гавани,

и съ тѣхъ поръ оставшаяся на корветѣ подъ именемъ Лайки, данной ей матросами,—она теперь, забравшись въ уголъ, по временамъ жалобно подвываетъ, безпомощно озираясь мутными глазами и видимо недоумѣвая: какъ бѣднягѣ приспособиться, чтобы не кататься по скользкой клеенкѣ, которой обтянутъ полъ каютъ-компаніи. Отсутствуетъ, противъ обыкновенія, и Лайкинъ пріятель, Васька, бѣлый, жирный котъ артиллерійскаго офицера. Видно, и Ваську укачало.

Одѣтый въ толстое, драповое короткое пальто, на диванѣ сидѣлъ лишь старшій офицеръ, плотный, здоровый брюнетъ, лѣтъ тридцати пяти, загорѣлый, серьезный и видимо возбужденный. Онъ осторожно держалъ въ своей широкой, бронзовой рукѣ, мускулистой и волосатой, стаканъ съ чаемъ безъ блюдечка и подносилъ его къ своимъ густымъ чернымъ усамъ, улавливая моменты, когда можно было хлебнуть, не проливши жидкости.

— Добраго здоровья, Алексѣй Николаичъ!

— Мое почтеніе, Александръ Иванычъ!

Придерживаясь за привинченную къ полу скамейку около стола, мичманъ подошелъ къ старшему офицеру, чтобы поздороваться, и чуть-было не навалился на него.

— Говорятъ, за ночь засвѣжѣло, Алексѣй Николаичъ?—спросилъ молодой человѣкъ, присаживаясь на скамейку около дивана.

— Свѣжо-съ!—коротко отрѣзалъ старшій офицеръ.

Онъ продолжалъ молча отхлебывать глотками чай, занятый какими-то мыслями, и черезъ минуту проговорилъ:

— Главное: анаѳемское волненіе! Того и гляди, какую-нибудь шлюпку снесетъ или бортъ поломаетъ!—озабоченно и сердито продолжалъ старшій офицеръ и, допивъ стаканъ, вышелъ наверхъ.

— Эй, вѣстовые! Скоро ли чаю?—крикнулъ Опольевъ, оставшись одинъ.

Но уже стриженая черная четырехъугольная голова Кириллова показалась въ дверяхъ каютъ-компаніи, и вслѣдъ затѣмъ онъ стремительно сдѣлалъ шага два впередъ, брошенный качкой, но, однако, успѣлъ удержаться и сохранить въ рукахъ стаканъ съ чаемъ, обернутый салфеткой. Сзади его другой вѣстовой несъ сахарницу и корзинку съ сухарями. Все было донесено благополучно, и Опольевъ, жадно выпивъ одинъ стаканъ, спросилъ другой.

Въ эту минуту въ каютъ-компанію спустился сверху,

чтобы «на-черно» выпить стаканчикъ горячаго чаю, старшій штурманъ, старый, низенькій человѣчекъ, въ блестѣвшемъ каплями кожанѣ, одѣтомъ поверхъ пальто, съ обмотаннымъ вокругъ шеи шарфомъ и съ надвинутой на лобъ фуражкой. Все на немъ было старенькое, потасканное, обтрепавшееся, но все сидѣло какъ-то необыкновенно ловко, придавая всей его фигурѣ видъ стараго морского волка.

Несмотря на порывистую качку, онъ ступалъ по палубѣ своими привычными цѣпкими морскими ногами, не держась ни за что, то балансируя, то вдругъ присѣдая, словомъ принимая самыя разнообразныя положенія, соотвѣтственно направленію качающагося судна.

Замѣтивъ по выраженію краснаго, морщинистаго лица старика, что онъ не въ дурномъ расположеніи духа, въ какомъ онъ бывалъ, когда ему слишкомъ надоѣдали разспросами или когда корветъ плылъ вблизи опасныхъ мѣстъ, а старый штурманъ не былъ увѣренъ въ точности счисленія,—молодой мичманъ, послѣ обмѣна привѣтствій, спросилъ:

— Какъ дѣла на верху, Иванъ Иванычъ?

— Сами увидите, батюшка, какія дѣла... Вы вѣдь, видно, на вахту, что такая ранняя птичка сегодня!—пошутилъ старикъ.—Дѣла-съ обыкновенныя на морѣ!—прибавилъ онъ, аппетитно прихлебывая поданный ему чай, въ который онъ влилъ нѣсколько коньяку, «для вкуса», какъ обыкновенно говорилъ штурманъ.

— Гдѣ мы теперь находимся, Иванъ Иванычъ?

— А на параллели Бискайскаго залива, во ста миляхъ отъ берега. Ну-ка еще стакашку! — крикнулъ старый штурманъ вѣстовому...—Да и коньяку не забудь! Пріятный вкусъ чаю придаетъ!—прибавилъ онъ, снова обращаясь къ молодому человѣку.—Попробовали бы... И отъ качки полезно... Что, васъ не размотало?

— Нисколько!—похвасталъ мичманъ.

— Вначалѣ всякаго разматываетъ, пока не обтерпишься... А есть люди, что никогда не привыкаютъ... Помню: служилъ я съ такимъ однимъ лейтенантомъ... Съ пути долженъ былъ, бѣдняга, вернуться въ Россію.

— Къ вечеру, я думаю, и стихнетъ? — спрашивалъ Опольевъ, стараясь придать своему голосу тонъ полнѣйшаго равнодушія, точно ему было все равно—стихнетъ или не стихнетъ.

Иванъ Иванычъ въ отвѣтъ усмѣхнулся.

— Стихнетъ-съ?—переспросилъ онъ.

— А развѣ нѣтъ?

— Къ вечеру, я полагаю, настоящая штормяга будетъ. Барометръ шибко падаетъ.

Старый штурманъ, перенесшій на своемъ долгомъ вѣку не мало штормовъ и разъ даже испытавшій крушеніе на парусной шкунѣ, у береговъ Камчатки, проговорилъ эти слова такимъ спокойнымъ тономъ, точно дѣло шло о самой обыкновенной вещи, и, отхлебнувъ нѣсколько глотковъ чаю съ коньякомъ, крякнулъ отъ удовольствія и прибавилъ:

— Теперь вотъ и кашель душить не будетъ... А то стоялъ на верху и все кашлялъ... Эй, Васильевъ!—крикнулъ онъ.

Явился вѣстовой.

— Плесни-ка еще чуть-чуть коньячку... Стопъ—такъ!.. Мокроту разгоняетъ!—снова прибавилъ, какъ бы въ оправданье, старый штурманъ, любившій-таки лѣчить и свои, и чужія болѣзни спеціально коньякомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ хересомъ и марсалой.

Другихъ винъ старикъ не признавалъ и особенно презиралъ шампанское, называя его «дамскимъ полосканьемъ».

— Такъ вы полагаете, Иванъ Иванычъ, что штормъ?—небрежно переспросилъ Опольевъ и въ то же время покраснѣлъ, чувствуя, что голосъ его дрогнулъ, и воображая, что штурманъ замѣтилъ его страхъ.

— Обязательно! Форменный, батюшка, штормяга! Ужъ такая эта подлая Бискайка *). Сколько разъ я ее ни проходилъ, всегда, шельма, угоститъ штормикомъ! Да-съ.

Старикъ съ видимымъ наслажденіемъ допилъ стаканъ, нахлобучилъ фуражку и ушелъ.

Опольевъ взглянулъ на каютъ-компанейскіе часы: до восьми часовъ оставалось еще пять минутъ. Онъ допилъ чай, надѣлъ, при помощи Кириллова, дождевикъ и, съ первымъ ударомъ колокола, начинавшаго отбивать восемь стклянокъ, поднялся по трапу на верхъ, возбужденный и взволнованный, въ ожиданіи «перваго шторма» въ своей жизни, и снова на мгновеніе вспомнилъ о кудрявомъ деревенскомъ садѣ, о Леночкѣ съ ея чернѣющей родинкой на румяной щекѣ, съ ея славными глазами...

---

*) Бискайскій заливъ.

«Какъ тамъ хорошо, а здѣсь»...—пронеслось въ головѣ молодого моряка.

Онъ вышелъ на палубу и сразу очутился въ иной атмосферѣ.

Его охватилъ рѣзкій, холодный вѣтеръ и обдало водяной пылью. Онъ услыхалъ характерный вой вѣтра въ снастяхъ и рангоутѣ, увидалъ бушующій сѣдой океанъ,— и мысли его мгновенно приняли другое направленіе— морское.

И онъ принялъ равнодушный видъ и молодцовато поднялся на мостикъ, точно самъ чортъ ему не братъ и штормы для него привычное дѣло.

III.

Несмотря на жгучее чувство страха, охватившее въ первый моментъ молодого мичмана, величественное зрѣлище бушующаго океана невольно приковало его глаза, наполнивъ душу какимъ-то безотчетнымъ благоговѣйнымъ смиреніемъ и покорнымъ сознаніемъ слабости «царя природы» передъ этимъ грознымъ величіемъ стихійной силы.

Вокругъ, на видимое глазомъ пространство, океанъ словно весь кипѣлъ въ бѣлой пѣнѣ, представляя собой взрытую холмистую поверхность волнъ, несущихся, казалось, съ бѣшеной силой и съ шумомъ разбивающихся одна о другую своими сѣдыми гребнями. Но кажущіеся вдали небольшими холмами, эти валы вблизи преображаются въ высокія водяныя горы, среди которыхъ, то опускаясь въ лощину, образуемую двумя валами, то поднимаясь на гребень, идетъ маленькій черный корветъ со своими почти оголенными мачтами, со спущенными стеньгами, встрѣчая приближеніе шторма въ бейдевиндъ, подъ марселями въ четыре рифа.

Раскачиваясь и впередъ и назадъ, и вправо и влѣво, корветъ, поднимаясь на волну, разрѣзаетъ ее и иногда зарывается въ ней носомъ, и часть волны попадаетъ на бакъ, а другая бѣшено разбивается о бока судна, разсыпаясь алмазными брызгами. Изрѣдка корветъ черпаетъ бортомъ, и тогда верхушки волнъ вкатываются на палубу, выливаясь черезъ противоположный бортъ въ шпигаты.

Вотъ-вотъ настигаетъ громадный валъ... Вонъ онъ за опустившейся кормой, высоко надъ нею и, кажется, сейчасъ обрушится и зальетъ этотъ корветъ, кажущійся те-

перь крохотной скорлупкой, зальетъ со всѣми двумя стами его обитателями, безъ всякаго слѣда... Но въ это мгновеніе носъ корвета уже спускается съ другого вала, корма поднялась высоко, и страшный задній валъ съ гуломъ разбивается объ нее и снова опускаетъ корму.

Все небо заволокло темными кучевыми облаками, которыя бѣшено несутся въ одномъ направленіи. Мгновенно покажется солнце, обдастъ блескомъ сѣдой океанъ и вновь скроется подъ тучами. Вѣтеръ реветъ, срывая по пути верхушки волнъ, разсыпающихся серебристой пылью, и воетъ въ рангоутѣ, въ снастяхъ, потрясаетъ ихъ, точно негодуя, что встрѣтилъ препятствіе...

Вахтенные матросы въ своихъ просмоленныхъ парусиныхъ пальтишкахъ, надѣтыхъ поверхъ синихъ фланелевыхъ рубахъ, держатся за снасти. Всѣ молчаливы и серьезны. Ни шутки, ни смѣха. Когда волна обдаетъ брызгами, они, словно утки, отряхиваются отъ воды и снова смотрятъ то на океанъ, то на мостикъ.

Тамъ, словно прикованный, стоитъ, широко разставивъ ноги, пожилой капитанъ, держась руками за поручни. Онъ, повидимому, спокоенъ и посматриваетъ то на горизонтъ, то на паруса. Онъ не спалъ цѣлую ночь. Его лицо, обвѣтрившееся, утомленное и сосредоточенное, кажется старѣе отъ безсонной ночи. Онъ собирается отдохнуть часокъ-другой, но прежде, чѣмъ спуститься къ себѣ въ каюту, рѣшилъ при себѣ убрать марсели, чтобы встрѣтить штормъ съ меньшею площадью парусности, подъ штормовыми парусами.

И онъ приказалъ Опольеву рѣзкимъ, сиплымъ голосомъ:

— Уберите марсели и поставьте зарифленные триселя, штормовую бизань и форъ-стеньги-стаксель!

— Есть!—отвѣчалъ мичманъ и, приставивъ ко рту рупоръ, крикнулъ:

— Марселя крѣпить! Марсовые, къ вантамъ!

И когда марсовые матросы подошли къ вантамъ, продолжалъ:

— По марсамъ!

Крѣпко держась руками за вантины, матросы тихо и осторожно полѣзли по веревочной лѣстницѣ и, достигнувъ марсовъ, расползлись по стремительно качающимся реямъ. У молодого офицера замеръ духъ при видѣ этихъ маленькихъ человѣческихъ фигуръ на высотѣ, раскачивающихся вмѣстѣ съ реями и крѣпившихъ паруса при такомъ ад-

скомъ вѣтрѣ. Ему все казалось, что кто-нибудь да сорвется и упадетъ за бортъ. И онъ не спускалъ съ рей испуганныхъ глазъ. И капитанъ, и старшій офицеръ тоже не спускали глазъ. Видно, и ихъ безпокоила та же мысль.

Но матросы цѣпко держались и ногами, и руками. Держась одной рукой за рею, каждый другой убиралъ мякоть паруса, и, когда все было окончено, Опольевъ съ облегченнымъ сердцемъ скомандовалъ:

— Марсовые, внизъ!

Затѣмъ были поставлены штормовые паруса, и капитанъ сказалъ Опольеву своимъ обычнымъ повелительнымъ тономъ:

— Если что случится, дать знать... Да на рулѣ не зѣвать!—крикнулъ онъ, чтобы слышали рулевые.

И ушелъ отдохнуть. На верху, кромѣ вахтеннаго Опольева, остался старшій офицеръ.

Къ концу вахты, молодой мичманъ уже свыкся съ положеніемъ, и буря ужъ не такъ пугала его. И когда въ полдень онъ смѣнился и спустился въ каютъ-компанію, то вошелъ туда съ горделивымъ видомъ человѣка, побывавшаго въ передѣлкѣ. Но на его горделивый видъ никто не обратилъ вниманія.

По случаю погоды, «варки» не было, и обѣдъ состоялъ изъ холодныхъ блюдъ: ветчины и разныхъ консервовъ. Обѣдали въ каютъ-компаніи съ деревянной сѣткой, укрѣпленной поверхъ стола, въ гнѣздахъ которой стояли приборы, лежали обернутыя въ салфетки бутылки и т. п. Вѣстовые съ трудомъ обносили блюда, еле держась на ногахъ отъ качки. Обѣдъ прошелъ скоро и молчаливо. Обычныхъ шумныхъ разговоровъ и шутокъ не было, да и аппетитъ у многихъ былъ плохой. Одинъ только старый штурманъ ѣлъ, по обыкновенію, за двоихъ и выпилъ обычную свою порцію за обѣдомъ—бутылку марсалы.

Послѣ обѣда всѣ разошлись по каютамъ.

IV.

Къ ночи вѣтеръ достигъ степени шторма.

Опольевъ, совсѣмъ одѣтый, дремавшій у себя въ койкѣ, внезапно проснулся отъ какого-то страшнаго грохота. Очнувшись, онъ увидалъ, что вся его каюта озарена свѣтомъ молніи. Затѣмъ снова мракъ и снова раскатъ грома надъ головой.

Онъ ощупью нашелъ двери каюты и вышелъ въ жилую

палубу, едва держась на ногахъ. Корветъ положительно метало во всѣ стороны. Въ палубѣ никто не спалъ. Матросскія койки висѣли пустыя. Блѣдные и испуганные сидѣли подвахтенные матросы кучками и жались другъ къ другу, словно бараны. Многіе громко вздыхали, шептали молитвы и крестились. При слабомъ свѣтѣ качающихся фонарей эта толпа испуганныхъ людей производила тяжелое, угнетающее впечатлѣніе. Кто-то, громко охая, проговорилъ, что «пора, братцы, надѣвать чистыя рубахи» *).

Но въ ту же минуту раздалась энергичная ругань боцмана, вслѣдъ за которой тотъ же сиплый басокъ боцмана проговорилъ:

— Ты у меня поговори!.. Смущай людей! Я тебѣ задамъ рубахи! А еще матросы!

И снова посыпалась звучная ругань, успокоившая испуганныхъ людей.

Какъ и утромъ, образной, старикъ Щербаковъ, сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ у машиннаго люка, окруженный кучкой матросовъ.

И его монотонный голосъ, торжественный и умиленный, громко и отчетливо читалъ, подъ раскаты грома:

«Въ день же тотъ исшедъ Іисусъ изъ дому, сѣдаше про морѣ. И собрашася къ нему народи мнози, якоже ему въ корабль влѣзти и сѣсти. И весь народъ на брегѣ стояша»...

У самаго трапа, держась за него руками, стоялъ Кирилловъ и чуть слышно всхлипывалъ.

— Кирилловъ, ты?—окликнулъ его Опольевъ.

— Я, ваше благородіе!

— Что ты? Никакъ ревешь?

— Страшно, Лександра Иванычъ, да и Щербаковъ жалостно читаетъ.

— Стыдись... вѣдь ты матросъ?

— Матросъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ, стараясь глотать слезы, молодой матросикъ.

— То-то и есть! Ну, полно, полно, братъ... Никакой опасности нѣтъ!—ласково проговорилъ мичманъ и, самъ блѣдный и взволнованный, потрепалъ по плечу своего вѣстового и, держась за перила трапа, отдернулъ люки и вышелъ на палубу.

---

*) Передъ крушеніями у русскихъ матросовъ есть обычай надѣвать чистыя рубахи.

Цѣпляясь за пушки, пробрался онъ на ютъ, подъ мостикъ, и, взглянувъ кругомъ, въ первую минуту оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

Корветъ метался во всѣ стороны, и волны свободно перекатывались черезъ переднюю часть. Громъ грохоталъ, не переставая, и сверкала молнія, прорѣзывая огненнымъ зигзагомъ черныя, нависшія тучи и освѣщая бѣснующійся океанъ съ его водяными горами и палубу корвета съ вышибленными на нѣсколькихъ мѣстахъ бортами. Катера одного не было—его смыло. Казалось, штормъ достигъ своего апогея и трепалъ корветъ, стараясь его уничтожить, но корветъ не поддавался и вскакивалъ на волну, и снова опускался, тяжело ударяясь и скрипя, словно бы отъ боли. Матросы толпились на шканцахъ и на ютѣ, держась за протянутые леера *). По временамъ, при ослѣпительномъ блескѣ молніи, всѣ молча крестились.

Капитанъ стоялъ у штурвала, рядомъ съ шестью рулевыми, правившими рулемъ, и отрывисто указывалъ, какъ править. При свѣтѣ фонаря, видно было его истомленное, блѣдное и страшно серьезное лицо. Тутъ же стояли старшій штурманъ Иванъ Ивановичъ и старшій офицеръ.

Въ первыя минуты молодого мичмана охватилъ жестокій страхъ, но потомъ страхъ постепенно смѣнился какимъ-то покорнымъ оцѣпенѣніемъ.

«Все равно, спасенія нѣтъ въ случаѣ крушенія!»—пронеслось у него въ головѣ.

И онъ стоялъ, уцѣпившись за что-то, потрясенный и безмолвный.

— Господи помилуй! — раздался возлѣ него голосъ сигнальщика.—Смотрите, ваше благородіе!

Но Опольевъ уже видѣлъ. Онъ видѣлъ при свѣтѣ блеснувшей молніи, въ недалекомъ разстояніи, силуэтъ погибающаго судна, видѣлъ фигуры людей съ простертыми руками, и невольно зажмурилъ глаза.

Снова сверкнула молнія и озарила океанъ. Судна уже не было.

Опольевъ перекрестился. Скорбный вздохъ нѣсколькихъ человѣкъ вырвался около него.

— Потопли!—произнесъ чей-то голосъ.

. . . . . .

*) Леера—веревки, протягиваемыя вдоль судна во время сильной качки.

Молодой мичманъ стоялъ на палубѣ, смотря на бушующій штормъ, часъ, другой... сколько именно—онъ не помнилъ.

Наконецъ, буря, казалось, стала чуть-чуть утихать, и Опольевъ спустился внизъ.

Въ палубѣ попрежнему царилъ страхъ, и Щербаковъ читалъ евангеліе.

Молодой человѣкъ бросился въ койку. Онъ долго не могъ заснуть, потрясенный только-что видѣннымъ. Наконецъ, тяжелый сонъ охватилъ его.

V.

Когда онъ проснулся, яркій дневной свѣтъ стоялъ въ каютѣ. Онъ приподнялся и съ радостнымъ изумленіемъ почувствовалъ, что качка теперь совсѣмъ другая—правильная и покойная. Онъ выглянулъ на палубу. Матросы весело разговаривали. Люки всѣ были открыты, и въ палубѣ не пахло сквернымъ запахомъ.

— Кириллова послать!—крикнулъ онъ.

Явился Кирилловъ, веселый и радостный.

— Здорово, братъ. Что, стихло?

— Стихло, ваше благородіе!

— Ну, видишь, со штормомъ и справились!—говорилъ мичманъ.

— Точно такъ, ваше благородіе.

Въ каютъ-компаніи было оживленно. Всѣ были въ сборѣ и говорили о штормѣ, о томъ, какъ лихо выдержалъ его «Соколъ», отдѣлавшись поломкой бортовъ да потерей катера. Но о погибшемъ вчера на глазахъ суднѣ всѣ почему-то избѣгали вспоминать.

— А штормяга изрядный былъ. Знатно трепало!—сказалъ старый штурманъ.—И теперь еще свѣжо!.. Ну, да барометръ подымается!—прибавилъ онъ и послѣ своихъ двухъ стакановъ разбавленнаго коньякомъ чая пошелъ на верхъ «ловить солнышко», то-есть дѣлать обсерваціи.

Хотя качало еще порядочно, но сегодня можно было напиться чаю по-человѣчески, и Опольевъ съ аппетитомъ съѣлъ за чаемъ чуть ли не полкоробки англійскихъ печеній, проголодавшись со вчерашняго дня, не забывъ угостить и ласкавшуюся, веселую Лайку и жирнаго кота Ваську.

Затѣмъ онъ пошелъ взглянуть на океанъ.

Океанъ видимо «отходилъ» и катилъ все еще большія

свои волны далеко не съ прежнимъ бѣшенствомъ, и корветъ, подъ зарифленными марселями, фокомъ и гротомъ, несся теперь при свѣжемъ, ровномъ вѣтрѣ узловъ по одиннадцати въ часъ, легко убѣгая отъ попутной волны.

Плотники чинили проломленный въ нѣсколькихъ мѣстахъ бортъ, мурлыкая въ полголоса какую-то пѣсенку.

VI.

Дня черезъ два, въ девятомъ часу утра Кирилловъ будилъ своего барина.

— Ваше благородіе! Лександра Иванычъ! Вставайте! Къ Мадерѣ подходимъ!

Послѣ многихъ дерганій вѣстовой разбудилъ мичмана.

— Скоро на якорь становиться, ваше благородіе! Погода—благодать!—весело говорилъ вѣстовой.

Опольевъ быстро одѣлся и выбѣжалъ на верхъ.

Чуть-чуть попыхивая дымкомъ изъ трубы, корветъ подходилъ подъ парами къ подернутому легкой туманной дымкой высокому острову. Успѣвшій починить свои аваріи послѣ шторма, «Соколъ» сіялъ чистотой и блескомъ подъ лучами ослѣпительнаго солнца, медленно плывшаго въ голубой безоблачной высотѣ. И океанъ, еще недавно наводившій трепетъ, теперь ласковый и спокойный, тихо шевелясь переливающейся зыбью, нѣжно лизалъ своей манящей, прозрачной синевой бока едва покачивающагося корвета.

МЕЖДУ СВОИМИ.

Посвящается Зинѣ.

I.

Вскорѣ послѣ выхода корвета въ кругосвѣтное плаваніе или, какъ говорятъ матросы, «въ дальнюю», Иванъ Артемьевъ, совсѣмъ молодой, цвѣтущаго здоровья матросъ, краснощекій красивый брюнетъ, лихой брамсельный*) и заребной на капитанскомъ вельботѣ,—простудился поздней, ненастной осенью и серьезно занемогъ, схвативъ воспаленіе легкихъ.

Болѣзнь затянулась. Молодой матросъ, видимо, таялъ.

Когда, мѣсяцъ спустя, корветъ зашелъ на нѣсколько дней въ Брестъ, судовой врачъ, молодой человѣкъ, лѣтъ пять какъ окончившій курсъ въ московскомъ университетѣ, снова долго и внимательно выслушивалъ и выстукивалъ еще недавно богатырскую, а теперь исхудалую, съ рѣзковыступающими ребрами, смуглую грудь Артемьева и, отправившись къ капитану, доложилъ ему, что Артемьева слѣдовало бы списать съ корвета и оставить въ Брестѣ, въ морскомъ госпиталѣ.

— Развѣ онъ такъ плохъ, докторъ?

— Очень плохъ... Скоротечная форма чахотки.

— Нѣтъ надежды спасти его?

— По моему мнѣнію, никакой!—не безъ задорнаго апломба, присущаго очень молодымъ врачамъ, отвѣчалъ докторъ и принялъ еще болѣе серьезный видъ.

— Жаль отправлять бѣднягу умирать къ чужимъ людямъ... Ну, да что дѣлать! Все-таки на берегу ему будетъ лучше, чѣмъ у насъ въ лазаретѣ. Вѣдь у насъ въ лазаретѣ для больныхъ скверно, а?

— Для серьезно-больныхъ не хорошо. Каюта маленькая. Воздуха мало. Удобствъ никакихъ...

— Такъ, такъ... Вы говорили объ этомъ Артемьеву?

---

*) Матросъ, который ходитъ крѣпить брамсели—самые верхніе паруса.

— Нѣтъ еще. Сегодня скажу, а завтра, если разрѣшите, самъ свезу его въ госпиталь и сдамъ французскимъ врачамъ.

Черезъ часъ послѣ этого разговора, докторъ, нѣсколько взволнованный, но старавшійся скрыть это волненіе, вошелъ въ лазаретъ—небольшую, сіявшую чистотой каюту, помѣщавшуюся на кубрикѣ. Несмотря на пропущенный въ двери виндзейль, въ низенькой каютѣ отдавало сырымъ, спертымъ воздухомъ и сильно пахло лѣкарствами. Въ ней было четыре койки, по двѣ у каждой переборки, расположенныя, въ видѣ наръ, одна надъ другой. Три были пусты, а въ четвертой, внизу, головою къ борту судна, лежалъ единственный больной на корветѣ, матросъ 1-й статьи Иванъ Артемьевъ.

Онъ лежалъ съ широко-раскрытыми, большими, блестящими, черными глазами, серьезными, съ выраженіемъ какой-то сосредоточенной вдумчивости, какая часто бываетъ у безнадежно и долго больныхъ. Его осунувшееся смуглое лицо съ заостреннымъ носомъ, словно прозрачными ноздрями, съ удлинившимся подбородкомъ, чернѣвшимъ щетиной небритой бороды, съ характерными горѣвшими пятнами на впалыхъ щекахъ, съ выдавшимися скулами и сухими воспаленными губами,—его лицо было спокойно, красиво и мертвенно-блѣдно. Сразу чувствовалось, что смерть уже сторожитъ это еще недавно крѣпкое, здоровое тѣло.

При входѣ доктора не въ урочное время, Артемьевъ приподнялъ съ подушки голову съ мокрыми у висковъ волосами, снова опустилъ ее и, перебирая край байковаго бѣлаго одѣяла своими восковыми пальцами, худыми и длинными, съ выросшими желтыми ногтями, вопросительно, испуганно и подозрительно повелъ взглядомъ на вошедшаго.

— Ну, что, братецъ, все знобитъ?—искусственно-развязнымъ и небрежнымъ тономъ проговорилъ врачъ, полагая, что онъ такимъ образомъ подбадриваетъ больного, и въ то же время чувствуя какую-то неловкость передъ этимъ испуганнымъ взглядомъ матроса.

— Знобитъ, ваше благородіе! А то всѣмъ, кажется, здоровъ. Нутренне ничего не болитъ, ваше благородіе!—съ живостью отвѣчалъ Артемьевъ.

И все еще глядя на врача съ подозрительной пытливостью, торопливо прибавилъ:

— Вотъ если бы отъ этого самаго ознобу ослобониться,

и опять вошелъ бы въ силу, ваше благородіе... Ознобъ только... не пущаетъ.

Глухой его голосъ звучалъ надеждой. Онъ, видимо, употреблять усилія, чтобы казаться при докторѣ бодрымъ и не столь слабымъ, точно въ немъ бродили какія-то смутныя подозрѣнія насчетъ недобрыхъ намѣреній доктора, и больной хотѣлъ обмануть его.

Докторъ, добродушный и мягкій москвичъ, еще не закаленный своею профессіей настолько, чтобы равнодушно смотрѣть на людскія страданія, опустивъ голову, чтобы скрыть невольное смущеніе, почему-то откашлялся и, избѣгая смотрѣть въ эти пытливые, черные глаза больного, проговорилъ все тѣмъ же искусственно-небрежнымъ тономъ:

— Въ томъ-то и дѣло, братецъ, чтобы озноба не было... И ты, конечно, поправишься... Объ этомъ нечего и говорить... Я не сомнѣваюсь...

Онъ на мгновеніе остановился, поднялъ голову и встрѣтилъ радостный, увѣренный взглядъ больного.

И, несмотря на тяжелое чувство, охватившее его при этомъ взглядѣ, продолжалъ еще веселѣе и увѣреннѣе:

— Поправишься, конечно... Опять молодцомъ станешь, но только для этого тебѣ надо на берегъ... А на корветѣ, братъ, плохая поправка... Понимаешь?

— Куда же это на берегъ?—испуганно и жалобно прошепталъ больной, словно бы въ недоумѣніи.

— А здѣсь, въ Брестъ, въ госпиталь... Тамъ отлично... Тамъ живо поправка пойдетъ... А какъ поправишься, тебя оттуда въ Кронштадтъ отправятъ, а изъ Кронштадта въ деревню пойдешь, къ себѣ домой... Я тебѣ и бумагу такую дамъ.

Выходило какъ будто очень хорошо. Но съ первыхъ же словъ доктора въ глазахъ и въ лицѣ молодого матроса появилось выраженіе такого страха, отчаянія и скорби, что докторъ окончилъ свою рѣчь далеко не съ той развязной веселостью, съ какой началъ.

На мгновеніе больной замеръ, словно пораженный.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ проговорилъ съ отчаянной мольбой:

— Ваше благородіе! Отецъ родной! Не отсылайте меня съ «конверта». Дозвольте остаться. Явите Божескую милость!

Докторъ сталъ его уговаривать: на берегу онъ скоро выздоровѣетъ, а здѣсь болѣзнь можетъ затянуться...

— Ваше благородіе! Будьте добры... Ужъ ежели Богъ не пошлетъ мнѣ поправки, дозвольте хоть умереть между своими, а не на чужой сторонѣ!

Отъ волненія онъ закашлялся. Изъ груди его вырывался зловѣщій, глухой шумъ и что-то внутри клокотало. Его чудные большіе глаза глядѣли на доктора съ такою мольбой, что молодой докторъ, видимо, колебался.

— Но послушай, Артемьевъ... вѣдь тамъ тебѣ было бы лучше!..—снова началъ онъ.

— На чужой-то сторонѣ лучше? Да я тамъ съ тоски, ваше благородіе, помру. Здѣсь—свои ребята. Пожалѣютъ, по крайности. Слово есть съ кѣмъ перемолвить... а тамъ?.. Не погубите, ваше благородіе! Дозвольте остаться! Я скоро поправлюсь, вотъ только въ теплыя мѣста придемъ, и опять буду исправнымъ матросомъ, ваше благородіе!— молилъ матросъ, словно бы оправдываясь и за свою болѣзнь, и за то, что онъ не можетъ быть исправнымъ, лихимъ матросомъ.

Взволнованный этимъ отчаяніемъ, докторъ почувствовалъ жестокость своего рѣшенія и ласково проговорилъ:

— Ну, ну, не волнуйся, братъ... Ужъ если ты такъ не хочешь, оставайся!

Радостная, благодарная улыбка озарила мертвенное лицо Артемьева, и онъ съ чувствомъ произнесъ:

—Вѣкъ не забуду, ваше благородіе!

Снова докторъ пошелъ въ капитанскую каюту и, разсказавши капитану объ отчаяніи молодого матроса, просилъ теперь разрѣшенія оставить его на корветѣ.

Капитанъ охотно согласился и замѣтилъ:

— Вотъ скоро въ тропикахъ будемъ... Воздухъ чудный... Быть-можетъ, Артемьеву и лучше будетъ. Какъ вы думаете, докторъ?

— Къ сожалѣнію, ничто не спасетъ бѣднягу. Дни его сочтены!—съ увѣренностью отвѣчалъ молодой врачъ и даже нѣсколько обидѣлся, что капитанъ какъ будто не вполнѣ довѣряетъ его авторитету.

— А какой славный матросъ былъ!—пожалѣлъ капитанъ.

II.

Когда на бакѣ—этомъ матросскомъ клубѣ, гдѣ обсуждаются всѣ явленія судовой жизни—узнали, что Артемьева хотѣли отправить во французскій госпиталь и что затѣмъ

оставили на корветѣ,—всѣ матросы искренно порадовались за товарища.

Со всѣхъ сторонъ сыпались замѣчанія:

— Ужъ коли помирать, такъ по крайности между своими, а не по-собачьи, у чужого забора!

— Это что и говорить... Лучше прямо въ море бросить!

— Тутъ хоть призоръ есть, а тамъ пойми, что онъ лопочетъ!

— И безъ попа... Такъ безъ отпущенія и отдашь душу...

— Ишь вѣдь, что было-выдумалъ дохтуръ! Къ французамъ! А еще добрый!

— Доберъ, а поди-жъ...

— Молодъ очень! Дохтуръ, а того невдомекъ, что матросу никакъ не годится умирать въ чужихъ людяхъ. Можетъ, господамъ все равно, а россійскій матросъ на это охоткой не согласится! — авторитетно рѣшилъ старый унтеръ-офицеръ Архиповъ, раскуривая у кадки съ водой, вокругъ которой собрался кружокъ, свою трубченку, набитую махоркой.

И, раскуривъ ее, категорически и властно прибавилъ:

— То-то оно и есть. И уменъ, и ученъ, а разуму мало. Нажить его, братецъ ты мой, надо. А то: къ французамъ! И выходитъ, что дохтуръ самъ въ родѣ какъ-бы-дто французъ.

Всѣ на минутку примолкли, точно нашедшіе разгадку поведенія доктора. Приговоръ такого авторитетнаго человѣка, какъ унтеръ-офицеръ Архиповъ, очень уважаемаго матросами за справедливость, былъ, нѣкоторымъ образомъ, разрѣшающимъ аккордомъ.

И съ этой минуты нашъ милый судовой врачъ пошелъ у матросовъ подъ шуточной кличкой «француза».

— А что, милай человѣкъ, господинъ фершалъ, Игнатъ Степанычъ! Развѣ Ванька Артемьевъ того... помретъ?

Съ такими словами обратился къ подошедшему фельдшеру немолодой, коренастый, чернявый матросъ съ добродушной физіономіей, сизый носъ которой свидѣтельствовалъ о главномъ недостаткѣ Рябкина, извѣстнаго весельчака, балагура и сказочника, безшабашнаго марсоваго, ходившаго на штыкъ-болтъ, и отчаяннаго забулдыги и пьяницы, пропивавшаго, когда попадалъ на берегъ, не только деньги, но и всѣ собственныя вещи.

Фельдшеръ, мужчина лѣтъ около сорока, съ рыже-огненными волосами, весь въ веснушкахъ, рябой и некрасивый,

но считавшій себя неотразимымъ Донъ-Жуаномъ для кронштадтскихъ горничныхъ, сдѣлалъ серьезную мину, перенятую имъ отъ докторовъ, заложилъ палецъ за бортъ своего сюртука и не безъ апломба отвѣтилъ:

— Туберкулезъ... Ничего съ нимъ, братецъ, не подѣлаешь.

— Чихотка, значитъ?

— Пневмонія — одна форма, туберкулезисъ — другая. Тебѣ, впрочемъ, братецъ, этой мудрости не понять — не про тебя писано. Для этого тоже надо спеціалистомъ быть! — продолжалъ фельдшеръ, любившій-таки огорашивать матросовъ разными подобными словечками. — Могу тебѣ только сказать, что бѣдному Артемьеву не долго жить.

— Ну?—испуганно воскликнулъ Рябкинъ.

— То-то, ну! Съ туберкулезомъ не шути, братецъ ты мой. Онъ и лошадь обработаетъ, а не то, что человѣка.

— Ахъ, и жалко же, братцы, матроса! И парень-то какой душевный!—промолвилъ Рябкинъ, и обычная, веселая улыбка сбѣжала съ его лица.

И всѣ, кто тутъ былъ, пожалѣли Артемьева.

— Рано, любезный, хоронишь!—строго и внушительно обратился старый унтеръ-офицеръ къ фельдшеру.—Богъ-то, можетъ, не послушаетъ васъ съ дохтуромъ, а вызволитъ человѣка.

— Да я-то что? По мнѣ живи на здоровье. Тутъ не я, а наука!

— На-у-ка!—презрительно протянулъ Архиповъ.—Господь и науку обернетъ, ежели на то Его воля...

И Архиповъ, сунувъ трубку въ карманъ, не спѣша, вышелъ изъ круга.

Фельдшеръ только безнадежно пожалъ плечами. Дескать, нечего съ вами разговаривать!

III.

Недѣли черезъ двѣ корветъ уже плылъ въ тропикахъ, направляясь къ югу. Погода стояла восхитительная. На небѣ ни облачка. Тропическая жара умѣрялась ровнымъ, вѣчно дующимъ въ одномъ направленіи, мягкимъ пассатомъ и свѣжей влагой океана.

И корветъ шелъ да шелъ узловъ по семи, по восьми, имѣя на себѣ всю парусину. Не даромъ же моряки зовутъ плаваніе въ тропикахъ, съ пассатомъ, дачнымъ плаваніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, спокойное, благодатное плаваніе! Не надо

и брасомъ шевелить, то-есть мѣнять положеніе парусовъ. И для матросовъ это—пора самой спокойной морской жизни. Стоятъ они на вахтѣ не по-вахтенно, а по отдѣленіямъ, и вахты самыя пріятныя. Не приходится ждать бурь и непогодъ, бѣжать рифы брать, то уменьшать, то прибавлять парусовъ, словомъ, не приходится быть постоянно «на-чеку». На этихъ вахтахъ почти никакой работы. И матросы коротаютъ ихъ, «лясничая» между собою, вспоминая въ тропикахъ родную сторону, развлекаясь иногда зрѣлищемъ китовъ, пускающихъ фонтаны, любуясь блестящими на солнцѣ летучими рыбками, маленькими, далеко залетающими отъ берега петрелями, громадными бѣлоснѣжными альбатросами и высоко рѣющими въ прозрачномъ воздухѣ фрегатами. А въ эти дивныя тропическія ночи съ міріадами мигающихъ звѣздъ,—ночи, когда вся команда спитъ на палубѣ,—вахтенные, примостившись кучками, коротаютъ время еще болѣе интимными воспоминаніями или сказками, которыя разсказываетъ кто-нибудь изъ умѣлыхъ сказочниковъ, къ удовольствію слушателей.

Вахтенный молодой офицеръ, весь въ бѣломъ, легкомъ костюмѣ, ходитъ взадъ и впередъ по мостику, поглядываетъ впередъ, нѣтъ ли гдѣ огоньковъ идущаго судна, вдыхаетъ полной грудью прохладный воздухъ ночи, невольно мечтаетъ, предаваясь воспоминаніямъ, и, усталый отъ долгой ходьбы, прислоняется къ поручнямъ, дремлетъ съ открытыми глазами, какъ умѣютъ дремать моряки, и снова начинаетъ ходить, вновь вспоминая, быть-можетъ, кого-нибудь изъ близкихъ, находящихся далеко-далеко, или пару милыхъ глазъ, кажущихся среди океана еще милѣе, или маленькую руку съ тонкими длинными пальцами, съ голубыми жилками, просвѣчивающими сквозь нѣжную бѣлизну кожи,—руку, которую еще недавно онъ украдкой цѣловалъ въ Кронштадтѣ... Въ эти ласкающія ночи моряки, давно не бывшіе на берегу, становятся нѣсколько сентиментальны.

А корветъ, плавно покачиваясь, идетъ себѣ впередъ во мракѣ ночи, свободно и легко разсѣкая грудью океанъ съ тихимъ гуломъ искрящейся брызгами воды, оставляя за собой широкую алмазную ленту, блестящую фосфорическимъ свѣтомъ.

Иногда только эта безмолвная прелесть плаванія въ тропикахъ нарушается набѣгающими шквалами съ проливнымъ дождемъ. Приближеніе такого шквала внимательно

сторожится зоркимъ глазомъ вахтеннаго офицера. Посматривая въ бинокль, онъ вдругъ замѣчаетъ на далекомъ, только-что чистомъ горизонтѣ маленькое сѣрое пятно. Оно становится все больше и больше и быстро выростаетъ въ темную грозовую тучу, соединенную съ океаномъ сѣрымъ косымъ дождевымъ столбомъ, освѣщеннымъ лучами солнца. И эта туча, и этотъ сѣрый широкій столбъ стремительно несутся къ корвету. Солнце скрылось. Вода почернѣла. Въ воздухѣ душно... Туча все ближе и ближе... Корветъ уже готовъ къ встрѣчѣ внезапнаго гостя: брамсели убраны; марсели, фокъ и гротъ взяты на гитовы... Шквалъ налетѣлъ, охватилъ со всѣхъ сторонъ судно сѣрой мглой, накренилъ корветъ, понесъ его на минуту съ страшной быстротой, облилъ всѣхъ ливнемъ крупнаго тропическаго дождя, помчался далѣе, и черезъ минуту, другую и туча, и дождевой столбъ становятся все меньше и меньше и кажутся на противоположномъ горизонтѣ крошечнымъ сѣрымъ пятнышкомъ.

И снова высокое голубое небо съ веселой лаской смотритъ сверху. Воздухъ полонъ чудной свѣжести. Снова корветъ поставилъ всѣ паруса, и тотъ же мягкій ровный пассатный вѣтерокъ несетъ его. Матросскія рубахи уже просохли,—только въ снастяхъ еще блестятъ капли—и снова поставленный тентъ защищаетъ головы моряковъ отъ ослѣпительныхъ лучей тропическаго солнца.

Артемьеву, казалось, стало лучше. Лихорадка мучила его съ болѣе долгими промежутками, онъ чувствовалъ себя бодрѣй, съ аппетитомъ ѣлъ кушанье съ каютъ-компанейскаго стола и пилъ по двѣ рюмки мадеры въ день. По распоряженію доктора, больного съ утра выводили на верхъ, и онъ проводилъ тамъ цѣлые дни, лежа большею частью въ койкѣ, подвѣшенной у шкафута — на средней части судна, смотрѣлъ на обычную утреннюю чистку, на обычныя передъобѣденныя работы и ученія, слушалъ хорошо знакомую артистическую ругань боцмана и окрики офицеровъ, перекидывался словами съ подходившими къ нему матросами, и все это его занимало, пріобрѣтая въ его глазахъ какую-то прелесть новизны. Иногда онъ подолгу глядѣлъ своими большими серьезными глазами и на безбрежный, сверкавшій на солнцѣ океанъ, и на бирюзовую высь неба, глядѣлъ и задумывался, словно пытаясь разрѣшить какую-то загадку, неожиданно возникшую для него послѣ долгаго созерцанія природы и какихъ-то по-

выхъ странныхъ думъ, являвшихся во время долгой болѣзни.

По временамъ мысли его витали въ воспоминаніяхъ о далекой бѣдной деревушкѣ съ черными избами, о мужичьей жизни, объ этомъ темномъ лѣсѣ, куда онъ съ отцомъ часто ѣздилъ по ночамъ рубить «божій лѣсъ», который почему-то считали казеннымъ, и тогда скорбное чувство подкрадывалось къ сердцу. Онъ жалѣлъ своихъ, скорбѣлъ о тяжкой мужичьей долѣ, спрашивалъ себя, отчего Богъ не ко всѣмъ милостивъ, и снова задумывался, глядя на чудное небо, точно оно могло дать отвѣтъ...

Его часто охватывала дремота: онъ забывался на короткіе промежутки, и ему снились сны. Въ этихъ сновидѣніяхъ Артемьевъ былъ попрежнему сильный, здоровый, ретивый матросъ, летавшій духомъ на марсъ, крѣпившій брамсель или наваливавшійся изо-всѣхъ силъ на весло, когда приходилось на щегольскомъ вельботѣ отвозить капитана...

И, внезапно просыпаясь, онъ съ грустью чувствовалъ свою безпомощность и часто съ горечью смотрѣлъ на свои исхудалыя руки, ощупывалъ свои выдавшіяся ребра, винилъ доктора за то, что не входитъ въ силу, и каждое утро съ трогательной простотой молилъ Бога, чтобы Господь послалъ ему поправку.

Но и въ «теплыхъ мѣстахъ» поправка не приходила, и больной становился все болѣе нетерпѣливымъ и раздражительнымъ. Но о смерти онъ не думалъ, надѣясь, что ознобъ «отпуститъ», наконецъ, и онъ опять войдетъ въ силу.

Его только удивляло особое вниманіе, какое ему теперь оказывали. Къ нему подходили офицеры и капитанъ и говорили добрыя, обнадеживающія слова. Самъ ругатель-боцманъ, прежде изрѣдка «смазывавшій» Артемьева по уху и часто ругавшій его, теперь, напротивъ, нѣтъ-нѣтъ, да и заглянетъ къ нему въ койку. И грубый, сиплый голосъ боцмана звучитъ непривычной для уха молодого матроса нѣжностью, хотя боцманъ какъ-то сердито хмурилъ брови, глядя на исхудалое лицо больного. Онъ скажетъ два-три слова и, уходя, прибавитъ:

— Ну, братъ, теперь скоро и на поправку. Не рука матросу долго валяться! Богъ милостивъ... Поправишься.

И всѣ, онъ это чувствовалъ, какъ-то особенно относились къ нему.

«За что?»—иногда думалъ онъ, растроганный такимъ непривычнымъ вниманіемъ.

И вскорѣ бѣдняга узналъ, «за что», услыхавъ неосторожный разговоръ двухъ матросовъ о томъ, что ему, по словамъ доктора, жить осталось ужъ немного. «Слава Богу, коли день десять протянетъ!»

Онъ обомлѣлъ и какъ-то вдругъ весь почувствовалъ, что это правда, и что онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

И скорбныя жгучія слезы тихо скатились съ его славныхъ глазъ.

IV.

Ахъ, какія тяжелыя были эти безконечно длинныя послѣднія ночи въ маленькой душной каютѣ! Сна почти не было. Больной изрѣдка забывался и снова приходилъ въ себя и лежалъ неподвижно съ открытыми глазами въ полутемной каютѣ, освѣщенной слабымъ свѣтомъ фонаря. Кругомъ тишина. Слышно лишь бульканье воды у борта, да легонькое поскрипываніе корвета.

Тоска, щемящая, безнадежная тоска!

Но забулдыга и пьяница Рябкинъ не забывалъ больного въ его ночномъ одиночествѣ. Каждую ночь, передъ вахтой или смѣнившись съ вахты, Рябкинъ, лишая себя сна, осторожно входилъ въ лазаретъ, присаживался на полъ у койки Артемьева, успокаивалъ его, старался подбодрить и начиналъ разсказывать ему свои безконечныя сказки.

Онъ ихъ разсказывалъ увлекательно, мастерски, съ различными, имъ самимъ сочиненными варіантами, и деликатно измѣнялъ конецъ сказки, если онъ былъ печальный или оканчивался чьей-нибудь смертью.

И молодой матросъ, нѣсколько успокоенный, слушалъ ихъ и иногда дремалъ, убаюканный этимъ тихимъ, ритмическимъ кадансомъ сказочной рѣчи.

Случалось, Артемьевъ неожиданно прерывалъ разсказчика и спрашивалъ:

— Послушай, Рябкинъ, что я хочу спросить...

— Что, Ваня?

— Какъ ты думаешь, какъ будетъ на томъ свѣтѣ? Тяжело душѣ или нѣтъ?

Рябкинъ, никогда въ жизни не думавшій о такихъ деликатныхъ предметахъ, на секунду задумывался, но со свойственной ему находчивостью быстро рѣшалъ вопросъ и увѣренно отвѣчалъ

— Надо, братецъ ты мой, полагать, что душѣ нашего брата будетъ хорошо... Господскимъ душамъ будетъ хуже... это вѣрно... потому имъ на этомъ свѣтѣ очень даже вольготно... Ну, значитъ, и вали-валомъ, голубчики, въ адъ... Сдѣлайте ваше одолженіе... Пожалуйте!.. Однако, и изъ нашего званія тоже, я думаю, не всякій въ рай... Мнѣ, примѣрно, голубчикъ мой, давно въ пеклѣ паекъ готовъ за то, что я жру это самое винище. Небось, заставятъ растопленную мѣдь глотать... А силушки нѣтъ, милый человѣкъ, бросить эту самую водку!.. Вотъ оно какъ будетъ на томъ свѣтѣ!—заключилъ Рябкинъ, вполнѣ увѣренный, казалось, въ правильности своихъ внезапныхъ соображеній насчетъ «того свѣта».

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

И молодой матросъ вновь заговорилъ:

— Тоже иной разъ думается: вотъ умеръ человѣкъ, а что тамъ?

— Да брось ты глупыя мысли. Вотъ тоже!.. Еще, братъ, мы съ тобой и на этомъ свѣтѣ поживемъ. А какъ, братецъ ты мой, вечоръ боцманъ Ваську Скобликова звѣзданулъ! Въ кровь! Въ самую, значитъ, носовую часть!—круто перемѣнилъ Рябкинъ разговоръ, желая отвлечь вниманіе товарища отъ грустныхъ предметовъ.

Но Артемьевъ молчалъ, оставаясь равнодушенъ къ этому сообщенію. Его, казалось, уже не занимали всѣ эти прежде интересовавшія его вещи. Все это представлялось теперь ему какимъ-то далекимъ прошлымъ.

— У васъ на форъ-брамсели вотъ тоже... Михайловъ брамъ-горденя не отдалъ. Ну, и костилъ же его, братъ, старшій офицеръ сегодня. Однако, всего разъ съѣздилъ.

Но вмѣсто отвѣта Артемьевъ вдругъ сказалъ:

— Не хоцца помирать, голубчикъ, а надо. Такъ, видно, Богу угодно, чтобы меня бросили въ окіанъ!—прибавилъ онъ съ тоской.

— Вѣдь вотъ глупый! Съ чего ты зря мелешь. Да нешто я не понимаю матросскаго здоровья? Отлично, братецъ, понимаю. Слава Богу, двѣнадцать лѣтъ въ матросахъ околачиваюсь... Тоже вотъ у насъ на «Копчикѣ» молодой матросикъ былъ и занемогъ, какъ ты. Такъ около году провалялся у насъ на клиперѣ, а послѣ въ такую поправку пошелъ, что страсть.

Но эти слова, повидимому, мало утѣшали Артемьева. Рябкинъ это чувствовалъ и снова начиналъ сказку.

— Ты бы спать шелъ, Рябкинъ.

— Спать? Да бытто неохота спать... Ужо утромъ высплюсь!

— Ишь ты, сердешный... Жалѣешь... Доберъ... Богъ тебѣ и вино проститъ!

V.

Корветъ подходилъ къ экватору. Артемьевъ доживалъ послѣдніе дни.

Однажды, рано утромъ, онъ попросилъ къ себѣ въ лазаретъ гардемарина Юшкова, который училъ прежде Артемьева грамотѣ, часто разговаривалъ съ нимъ, писалъ отъ него письма въ деревню, къ родителямъ, и былъ очень расположенъ къ молодому матросу.

— Простите, баринъ, что обезпокоилъ... Исполните послѣднюю просьбу—напишите домой грамотку... Да вотъ вещи какія послѣ меня останутся, такъ чтобы отослать, какъ вернетесь въ Рассею...

Гардемаринъ сталъ-было успокаивать его, но матросъ остановилъ его:

— Полно, голубчикъ баринъ! Я знаю, что умру.

И онъ передалъ завернутые въ тряпочку два золотыхъ и, указывая на байковый платокъ, двѣ рубахи, башмаки, вязаный шарфъ и еще кое-какія вещи, собранныя на лазаретномъ столѣ, просилъ все это послать отцу съ матерью.

— И отпишите имъ, баринъ, что я такъ и такъ... померъ, и что завсегда былъ покорнымъ ихъ сыномъ и буду на томъ свѣтѣ молиться за нихъ и за всѣхъ хрестьянъ... И сестрицамъ, и братцамъ, и всей деревнѣ нижайшій поклонъ... Напишите, баринъ?

— Напишу!—отвѣчалъ гардемаринъ, глотая слезы.

— А другую грамотку отпишите, баринъ, въ Кронштадтъ, Авдотьѣ Матвѣевнѣ Николаевой... А какъ вернетесь,—отдайте ей вотъ эти гостинцы.

И онъ указалъ глазами на шелковый красный платокъ и маленькое колечко съ поддѣльнымъ камнемъ, купленные имъ въ Копенгагенѣ.

— Адресъ тутъ же лежитъ на платочкѣ... Маменька ихняя торгуетъ на рынкѣ... Такъ напишите ей, что она напрасно тогда не вѣрила... Думала, что я такъ только... и все смѣялась. Напишите ей, баринъ, что сжели я путался съ другими, такъ отъ обиднаго моего сердца, а желанная была она одна. И напишите, что я шлю ей свой

нижайшій поклонъ, цѣлую въ сахарныя ея уста и дай ей Богъ всякаго благополучія. Напишите, баринъ?

— Напишу.

— А затѣмъ спасибо вамъ за все, добрый баринъ. Простимся!

Сдерживая рыданія, гардемаринъ поцѣловалъ матроса и выбѣжалъ изъ лазарета.

VI.

Въ ту же ночь молодой матросъ умеръ.

Трупъ его одѣли въ полный матросскій костюмъ и раннимъ утромъ вынесли на верхъ, на шканцы, и положили на доскѣ, лежавшей на козлахъ. Передъ обѣдомъ, въ присутствіи капитана, офицеровъ и всей команды, была отслужена священникомъ панихида. И эта служба, и это печальное пѣніе отличнаго хора пѣвчихъ здѣсь, среди безбрежнаго, сверкавшаго океана, такъ далеко-далеко отъ родины, производили невыносимо тоскливое впечатлѣніе.

Послѣ панихиды всѣ подходили прощаться съ усопшимъ. Флагъ съ утра былъ приспущенъ, въ знакъ того, что на суднѣ покойникъ.

Къ вечеру трупъ зашили въ парусинный мѣшокъ, плотно охватывавшій мертвое тѣло, къ ногамъ привязали ядро, и послѣ отпѣванія и отдачи воинскихъ почестей, при глубокомъ молчаніи команды, четыре матроса понесли усопшаго на доскѣ къ борту корвета, наклонили доску, и трупъ молодого матроса съ легкимъ всплескомъ исчезъ въ прозрачной синевѣ океана.

Всѣ разошлись въ суровомъ безмолвіи. У нѣкоторыхъ на глазахъ блестѣли слезы. Рябкинъ плакалъ, какъ малый ребенокъ.

А справа величественно закатывалось солнце, заливая багровымъ блескомъ далекій горизонтъ.

ВДАЛИ ОТЪ БЕРЕГОВЪ.

Посвящается Манѣ.

I.

Порто-Гранде, довольно скверный португальскій городокъ и складочная угольная станція находится на С.-Винцентѣ, одномъ изъ группы оголенныхъ, скалистыхъ острововъ Зеленаго Мыса, которые лежатъ въ области пассата, на большомъ морскомъ трактѣ судовъ, идущихъ изъ Европы въ Бразилію и Аргентину, на мысъ Доброй Надежды и въ Австралію.- Прежде, до постройки Суэзскаго канала, Порто-Гранде служилъ перепутьемъ и для кораблей, ходившихъ въ Индію, Китай и Японію.

Вотъ этотъ-то маленькій городокъ, пріютившійся на пескѣ у подножія голыхъ горъ, въ глубинѣ бухты, и сверкавшій подъ лучами палящаго тропическаго солнца своими бѣлыми, напоминающими хохлацкія мазанки, домиками,- городокъ, населенный неграми-христіанами да нѣсколькими десятками разноплеменныхъ европейцевъ, отечество которыхъ тамъ, гдѣ нажива,— былъ нашей послѣдней стоянкой предъ длиннымъ и долгимъ переходомъ въ нѣсколько тысячъ миль.

Мы пополнили нашъ восьмидневный запасъ угля, налили систерны привезенной съ сосѣдняго острова водой (порто-грандская была скверная), чтобъ по возможности меньше пить въ плаваніи опрѣсненной океанской воды, очень безвкусной, и набрали всякой живности столько, сколько возможно было взять, не загромождая очень палубы.

Наканунѣ ухода, палуба нашего щегольского клипера, къ ужасу старшаго офицера, представляла собою необычайный видъ, нѣсколько напоминавшій деревню и сильно оскорблявшій его «морской глазъ».

Пять рослыхъ крупныхъ быковъ, только-что поднятыхъ на таляхъ, одинъ за другимъ, съ качавшейся у борта шаланды, и водворенныхъ въ стойлѣ, устроенномъ на бакѣ, очевидно, еще не успѣли придти въ себя послѣ воз-

душнаго подъема и продолжали выражать свое неудовольствіе безпокойнымъ мычаніемъ, несмотря на ласковыя шутки и подачки матросовъ, которые уже успѣли дать клички всѣмъ пяти животнымъ. Тутъ же, въ загородкѣ, топтались бараны, безпечно пощипывая припасенную для нихъ траву. Немного подальше, въ сооруженномъ нашимъ старпкомъ-плотникомъ ящикѣ-хлѣвѣ, хрюкали свиньи, а въ большихъ, принайтовленныхъ у ростръ клѣткахъ гоготали, крякали и кудахтали гуси, утки и куры. Повсюду были развѣшаны овощи, зелень и связки недозрѣлыхъ банановъ, около которыхъ вертѣлась «Сонька», маленькая забавная мартышка, купленная на Мадерѣ однимъ изъ мичмановъ и съ перваго же дня сдѣлавшаяся любимицей матросовъ.

Этотъ деревенскій видъ клипера возмущалъ старшаго офицера. Онъ хмурилъ брови, ворчалъ, что «загадили» судно, и приказывалъ боцману смотрѣть, чтобы чаще вычищали палубу и чтобы вездѣ были подстилки.

Всѣ остальные офицеры, не чувствовавшіе ни малѣйшаго желанія, ради военно-морского великолѣпія клипера, пробавляться на длинномъ переходѣ однимп консервами да солониной, напротивъ, оглядывали палубу веселыми взглядами. Да и самъ старшій офицеръ, въ качествѣ обязательнаго ревнителя умопомрачающей чистоты, кажется, больше кокетничалъ, преувеличивая свое негодованіе, тѣмъ болѣе, что и онъ любилъ-таки покушать.

Но зато какое удовольствіе испытывали матросы! Присутствіе скотины и птицы, напомнивши здѣсь, далеко отъ родины, деревенскую обстановку и запахъ родного гнѣзда, дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ. Почти въ каждомъ матросѣ, несмотря даже на долгую службу, пробуждается мужикъ, не забывшій деревни и чувствующій надъ собой власть земли. Четыре матроса, назначенные ходить, по выраженію боцмана, за «пассажирами», съ видимой, чисто-крестьянской любовью принялись за это дѣло, которое было гораздо ближе ихъ душѣ, чѣмъ чуждая русскому крестьянину морская служба.

И на бакѣ, среди матросовъ, говоръ, шутки и смѣхъ.

— А ты не ори, Васька! Нельзя, братъ... военное судно!—смѣется матросъ, подавая бѣлому, съ темными мѣтинами, быку размоченный въ водѣ черный сухарь.

Испуганное животное продолжаетъ мычать въ унисонъ съ другими.

— Чернаго хлѣбушка-то у васъ и званія нѣтъ... А ты попробуй, скусно! Нечего горло драть...

— Тоже скотина, а, небойсь, понимаетъ, зачѣмъ его къ намъ привезли!—замѣчаетъ кто-то.

— Чуетъ, что на убой!

— То-то онъ и кричитъ. По мѣсту по своему родному тоскуетъ!—увѣренно произнесъ, выдвигаясь изъ толпы къ стойлу, низенькій, рябоватый матросъ, недавній вологодскій мужикъ.

— Въ окіянъ, Арапка, пойдемъ!—шутитъ подбѣжавшій вѣстовой, обращаясь къ черному, самому большому быку.—Поди, укачаетъ?

— Привыкнетъ.

— А и здоровые же, братцы, быки!—восторженно продолжаетъ рябоватый матросъ-вологжанинъ.—Арапку бы въ соху. Важный работникъ!—прибавляетъ онъ, любуясь своимъ знающимъ мужицкимъ глазомъ красивымъ животнымъ, которое мрачно озирало незнакомыхъ людей и, по временамъ, яростно помахивало головой съ большими загнутыми рогами, словно негодуя на веревку, которая держала его на привязи.

— Сердитый... Смотри, братцы, пырнетъ!—смѣются матросы.

—

У баковаго орудія, среди небольшой кучки матросовъ, стоитъ матросскій любимецъ и гость, порто-грандскій негръ Паоло. Онъ улыбается, скаля зубы ослѣпительной бѣлизны, и что-то говоритъ, коверкая англійскія слова вперемѣшку съ португальскими и ласково глядя своими большими черными на выкатѣ глазами. Паоло пріѣхалъ изъ города на утлой лодчонкѣ, чтобы проститься и еще разъ поблагодарить своихъ, нежданно обрѣтенныхъ друзей за любовь, ласку и гостепріимство. Десятокъ апельсиновъ и связка бананова были его прощальнымъ гостинцемъ.

Этотъ Паоло, юноша лѣтъ семнадцати, съ необыкновенно кроткимъ выраженіемъ чернаго лоснящагося лица, въ день нашего прихода въ Порто-Гранде явился на клиперъ въ самыхъ невозможныхъ лохмотьяхъ и вмѣстѣ съ другими любопытными неграми любовался щегольскимъ убранствомъ клипера, восхищаясь ярко сверкавшею на солнцѣ мѣдью, орудіями, машиной. Онъ съ перваго же раза понравился матросамъ своимъ добродушнымъ ви-

домъ и дѣтски-кроткой улыбкой и возбудилъ къ себѣ участіе своимъ тряпьемъ. Матросы порѣшили, что «Павла» горемычный бѣднякъ (онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ такимъ), и, когда просвистали обѣдать, одна изъ артелей очистила ему мѣсто у бака съ жирными матросскими щами. Его пригласили знаками сѣсть въ артель, дали ему ложку и кто-то сказалъ:

— Маширъ, братъ!

Удивленный этимъ приглашеніемъ, негръ сперва стѣснялся, но вскорѣ сталъ вмѣстѣ съ матросами хлебать щи изъ бака, съ видимымъ наслажденіемъ проголодавшагося человѣка. Когда щи были опростаны и принялись за мясное крошево, негръ опять-было постѣснился ѣсть, и матросы снова его заставили и весело глядѣли, какъ онъ уписывалъ за обѣ щеки и мясо, а затѣмъ и кашу.

— Ѣшь, Павла, на здоровье. Ѣшь съ Богомъ!—любезно приговаривали матросы, угощая гостя.—Харчъ, братецъ, бонъ. Понимаешь? Гутъ...

— Небойсь, понялъ... Ишь, ухмыляется, черномазый... сытъ! Тоже, братцы, и здѣсь бѣднота у нихъ.

— Хлѣбушка не родится... Камень!

— И жрутъ же они, сказываютъ, всякую нечисть... Ни крысой, ни собачиной, ничѣмъ не брезгаютъ... Одно слово: арапы!

— А будутъ какіе: нехристи?—полюбопытствовалъ молодой матросикъ.

— Хрещеные... Польской вѣры.

— Ишь, ты!—почему-то удивился матросикъ.

Послѣ обѣда одинъ изъ матросовъ принесъ старенькую рубашку и далъ ее негру. Примѣръ подѣйствовалъ заразительно, и скоро Паоло подарили цѣлый гардеробъ. Одинъ отдалъ штаны, другой портянки, третій старые, выслужившіе уже срокъ башмаки, четвертый—ещо рубаху...

Паоло совсѣмъ ошалѣлъ.

— Бери, Павла! Одѣнься, братъ... Твоя одежа... того!—смѣялись матросы.

Надо было видѣть радость молодого негра, когда онъ раздѣлся и, бросивъ свое отчаянное тряпье за бортъ, одѣлъ ситцевую рубашку, штаны, башмаки и старую матросскую фуражку и взглянулъ на себя въ зеркальце, принесенное кѣмъ-то изъ матросовъ. Онъ чуть не прыгалъ отъ восторга и выражалъ свою благодарность и словами, и краснорѣчивыми пантомимами.

— Не за что, не за что, Павла!—ласково говорили матросы и, улыбаясь, хлопали негра по спинѣ.

— Одѣли дьявола?.. — проговорилъ, останавливаясь на ходу, старый боцманъ. Небойсь, радъ, чортова рожа.

Лицо боцмана на видъ сурово; негръ труситъ и, словно виноватый, показываетъ на матросовъ: «дескать, это они подарили».

— Бери, идолъ! продолжаетъ боцманъ и, въ свою очередь, кладетъ ему на ладонь махорки.- Покури россійскаго табачку!

Съ этого дня Паоло каждое утро являлся на клиперъ и проводилъ на немъ цѣлые дни; его всегда звали обѣдать, поили чаемъ, и вечеромъ онъ уѣзжалъ, увозя съ собой сухари, которыми надѣляли его матросы. Онъ плелъ имъ корзины изъ какой-то травы, примостившись у баковой пушки, помогалъ грузить уголь и послѣ обѣда, отдохнувъ вмѣстѣ съ командой часъ-другой, плясалъ и пѣлъ свои пѣсни, монотонныя и-заунывныя, напоминающія наши,— однимъ словомъ, старался какъ-нибудь да отблагодарить за ласку и гостепріимство. И въ теченіе пятидневной нашей стоянки въ Порто-Гранде матросы такъ привыкли къ Паоло, что очень удивились, не видя его на клиперѣ наканунѣ ухода. Нѣкоторые даже подумали: «не стянулъ ли негръ чего-нибудь?»

— Вотъ онъ, Павла, ѣдетъ!—весело крикнулъ кто-то, увидавъ подъ вечеръ лодчонку негра. Инь... гостинецъ везетъ.

Противъ обыкновенія, Паоло пробылъ на клиперѣ часъ и сталъ собираться. Передъ этимъ онъ быстро и оживленно что-то говорилъ на своемъ гортанномъ языкѣ и съ тревожнымъ видомъ указывалъ рукой на берегъ.

— Домой, Павла, торопишься? Цу хаусъ! — спрашиваетъ марсовой Ивановъ, видимо очень довольный, что умѣетъ говорить «по-ихнему».

— Падре... падре... Но гудъ... - торопливо поясняетъ Паоло.

— Неладно что-то у Павлы, видно, дома... А какая-такая «падра»?... Пойми, что онъ лопочетъ?

Подошедшій фельдшеръ, пользовавшійся у матросовъ репутаціей человѣка, умѣющаго говорить «по-всякому», и, дѣйствительно, знавшій нѣсколько десятковъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ словъ, которыми дѣйствовалъ съ увѣренностью и необычайной отвагой, послѣ объясне-

пія съ негромъ и, повидимому, не вполнѣ яснаго для обоихъ, авторитетно говоритъ:

— Отецъ у него заболѣлъ. Лежитъ въ лихорадкѣ!— прибавляетъ уже онъ свое собственное соображеніе и уходитъ.

Между тѣмъ Паоло снова горячо заговорилъ на своемъ языкѣ и, прикладывая руку къ сердцу, показывалъ другой на свое платье.

Его большіе черные глаза были влажны отъ слезъ.

— Благодаритъ, значитъ...

— Ну, прощай, Павла!

— Дай тебѣ Богъ!

— Будь здоровъ, Павла!

И матросы привѣтно жали ему руку.

Паоло обошелъ чуть ли не всѣхъ, бывшихъ наверху матросовъ, прощался, что-то говорилъ, видимо взволнованный, и, быстро спустившись по черному трапу къ своей шлюпчонкѣ, отвязалъ ее, прыгнулъ, поставилъ опытной, привычной рукой парусокъ и понесся къ городу.

— Адью, адью, Павла!—кричали ему съ бака.

«Павла» часто кивалъ своей черной, какъ смола, курчавой головой и махалъ шапкой, подаренной матросами.

— Душевный парень!—произнесъ кто-то.

И всѣ хвалили «Павлу» и смотрѣли, какъ маленькая его лодчонка, совсѣмъ накренившись, быстро удалялась отъ клипера, ныряя на океанской зыби.

Раннимъ, чуднымъ утромъ слѣдующаго дня, когда солнце только-что выплыло надъ горизонтомъ, заливая его ослѣпительнымъ блескомъ золотистаго огня, мы снялись съ якоря и, поставивъ всѣ паруса, съ мягкимъ, вѣявшимъ прохладой пассатомъ вышли изъ Порто-Грандской бухты на широкій просторъ океана, чтобы идти въ долгое плаваніе: прямо въ Зондскій проливъ, на островъ Яву, не заходя ни въ Ріо-Жанейро, ни на мысъ Доброй Надежды, если только на клиперѣ будетъ все благополучно.

Черезъ нѣсколько времени островъ С.-Винцентъ окутался туманной дымкой, затѣмъ обратился въ сѣрое безформенное пятно и, наконецъ, совсѣмъ скрылся отъ нашихъ глазъ и съ тѣхъ поръ ужъ долго-долго не пришлось намъ видѣть «берега».

II.

Послѣ чуднаго плаванія въ тропикахъ съ благодатнымъ сѣверо-восточнымъ пассатомъ, который несъ клиперъ подъ всѣми парусами узловъ по семи-восьми въ часъ, мы встрѣтили у экватора проливные тропическіе дожди и пробѣжали штилевую экваторіальную полосу, страшную для парусныхъ судовъ, подъ парами.

Переходъ черезъ экваторъ былъ отпразднованъ, согласно старинному морскому обычаю, традиціоннымъ обливаніемъ тѣхъ, кто въ первый разъ попадалъ въ полевую широту. Облиты были, впрочемъ, только матросы, за исключеніемъ десяти человѣкъ, уже ходившихъ въ «кругосвѣтку» и, такъ сказать, «крещеныхъ». Капитанъ и офицеры откупились отъ удовольствія быть окаченными широкой струей пожарнаго брандспойта бочкой рома, потребованной для всей команды старикомъ Нептуномъ.

Въ вывороченномъ тулупѣ, съ длинной сѣдой бородой изъ бѣлой пакли, съ картонной короной на головѣ и съ трезубцемъ въ рукѣ, владыка морей, въ лицѣ бойкаго матроса изъ кантонистовъ и лучшаго на клиперѣ «царя Максиміліана», важно возсѣдалъ на пушечномъ станкѣ, представлявшемъ колесницу, везомый четырьмя, испачканными черной краской, матросами. Предполагалось, что это морскіе кони. Нѣсколько полуголыхъ матросовъ, раскрашенныхъ сурикомъ и охрой, съ бумажными вѣнками на головахъ и въ тупикахъ изъ простынь, составлявшихъ свиту, изображали собой, вѣроятно, наядъ, тритоновъ и нереидъ, а одинъ матросъ, загримированный бабой, надо полагать, намекалъ на Амфитриду.

Колесница съ бака подъѣхала на шканцы и остановилась противъ мостика, на которомъ стояли капитанъ и офицеры. Тогда Нептунъ сошелъ съ пушечнаго станка, театрально отставилъ впередъ босую ногу и, стукнувъ трезубцемъ, спросилъ:

— Какой державы вы люди? Откуда и куда идете и много ли васъ на суднѣ офицеровъ и команды?

Капитанъ отвѣчалъ:

— Мы русской державы люди. Идемъ изъ Кронштадта на дальній востокъ. Насъ восемнадцать офицеровъ и сто шестьдесятъ человѣкъ команды.

Нептунъ нѣсколько струсилъ играть свою роль передъ такими зрителями его сценическаго искусства. Это вѣдь

не то, что представлять на бакѣ передъ своей публикой. И онъ продолжалъ скороговоркой, словно бы стараясь поскорѣй отвѣтить вытверженный урокъ:

— Россійскіе, значитъ, люди. Наслышаны и мы о нихъ въ подводномъ нашемъ царствѣ и готовы имъ помочь. Угодно ли вамъ, господинъ капитанъ русскаго корабля, попутныхъ вѣтровъ? Отвѣтствуйте!

Разумѣется, капитанъ пожелалъ попутныхъ вѣтровъ.

Тогда Нептунъ предложилъ на выборъ: крещеніе водой или выкупъ бочкой рома.

— Какъ будетъ угодно,—прибавилъ онъ.

— Развѣ Нептунъ пьетъ?—спросилъ, улыбаясь, капитанъ.

Эта реплика не входила въ программу представленія. Актеръ на мгновеніе опѣшилъ и, забывъ свое достоинство владыки морей, по-матросски отвѣчалъ:

— Точно такъ, вашескобродіе! Выпиваетъ по малости!

Сдѣлка состоялась къ полному удовольствію и актеровъ, и зрителей. И Нептунъ, снова входя въ роль, произнесъ:

— Жалую васъ, славные россійскіе люди, попутнымъ вѣтромъ и благополучнымъ плаваніемъ. Быть по сему. Ура!

Крикъ этотъ былъ подхваченъ всей командой.

И, вновь ударивъ трезубцемъ по палубѣ, Нептунъ сѣлъ на колесницу. Колесница отправилась на бакъ. Затѣмъ, при общемъ смѣхѣ, началось окачиваніе изъ бранспойта, послѣ чего вынесена была ендова рома, и всѣ матросы получили за счетъ капитана по чаркѣ.

Вечеромъ, когда спалъ томительный зной и далекая высь почернѣвшаго бархатнаго неба зажглась міріадами яркихъ звѣздъ, запѣлъ хоръ пѣсенниковъ. И пѣсни, то заунывныя, то веселыя, разносились среди штилѣвшаго океана, который лѣниво шевелился своей громадной зыбью, раскачивая клиперъ.

Дня черезъ два послѣ перехода черезъ экваторъ, мы встрѣтили юго-восточный пассатъ, поставили паруса, прошли южные тропики и спускались все ниже и ниже къ югу, чтобы воспользоваться господствующимъ въ южныхъ широтахъ вѣтромъ и съ этимъ «попутнякомъ» подняться въ Индійскій океанъ.

Пришлось сказать «прости» безмятежному плаванію въ тропикахъ Атлантическаго океана, снять лѣтнее платье и облачиться въ сукно. Относительная близость южнаго полюса давала себя знать холоднымъ рѣзкимъ вѣтромъ и

изрѣдка встрѣчавшимися льдинами. Снова начались безпокойныя вахты, снова приходилось быть всегда «на чеку». Часто налетали грозные шквалы, вѣтеръ свѣжѣлъ до степени шторма, и громадные валы разбивались о бока нашего маленькаго клипера, разсыпаясь серебристой пылью своихъ сѣдыхъ верхушекъ.

Наконецъ, мы вошли въ Индійскій океанъ.

Вступили мы въ этотъ грозный океанъ урагановъ, наводящій трепетъ на самыхъ закаленныхъ и посѣдѣвшихъ въ морѣ моряковъ и поглощающій самое большое количество жертвъ, но безъ нѣкоторой торжественности. Суевѣрные моряки-купцы, вступая въ этотъ коварный океанъ, бросаютъ, какъ говорятъ, золотыя монеты для его умилостивленія, а мы отслужили молебенъ.

Изнывавшій отъ бездѣлья и большую часть времени спавшій въ своей маленькой душной каюткѣ, отецъ Дамаскинъ, іеромонахъ съ Коневскаго монастыря, облачился въ епитрахиль, и въ палубѣ, передъ образомъ, едва стоя на ногахъ вслѣдствіе изрядной качки, стремительно бросавшей клиперъ,—блѣдный, съ вспухшимъ отъ спанья лицомъ, торопливо молилъ Создателя о благополучномъ плаваніи.

Въ палубѣ плотной стѣной стояли матросы, не бывшіе на вахтѣ, разставивъ врозь свои крѣпкія, цѣпкія ноги и балансируя на нихъ. Распоряженіе капитана о молебнѣ, видимо, отвѣчало ихъ душевной потребности. Лица ихъ были сосредоточены и серьезны. Засмоленныя, жилистыя и мозольныя руки то и дѣло поднимались и, складываясь въ персты, осѣняли себя истовымъ крестнымъ знаменіемъ.

А изъ-за приподнятаго машиннаго люка слышно было, какъ наверху «ревѣло». Индійскій океанъ съ перваго же дня встрѣтилъ насъ не любезно: очень свѣжимъ порывистымъ вѣтромъ, который развелъ большое волненіе.

Молебенъ оконченъ. Матросы благоговѣйно подходили къ кресту и отходили съ видомъ удовлетворенія. Образной помогъ батюшкѣ снять облаченіе, погасилъ лампаду и убралъ евангеліе и крестъ. Всѣ разошлись и принялись за свои обычныя дѣла, а отецъ Дамаскинъ опять скрылся въ свою каюту.

— Спишь — меньше грѣшишь! — постоянно говорилъ онъ.

— Заболѣете, батя!—пугали его, бывало, мичманы.

— Все въ руцѣ Божіей!—неизмѣнно отвѣчалъ своимъ низкимъ баскомъ о. Дамаскинъ.

— Такъ-то такъ, а все провѣтриваться надо. Спросите-ка у доктора.

— Пустое!—упорствовалъ батюшка и, не зная, что съ собой дѣлать, заваливался спать, выползая изъ своей каюты и появляясь въ каютъ-компаніи только во время чая, обѣда и ужина.

Въ каютъ-компаніи батюшка постоянно молчалъ. Изрѣдка лишь, послѣ усиленнаго угощенія мичмановъ, онъ оживлялся и разсказывалъ пикантныя иногда подробности о своей монастырской жизни.

Отчаянная скука одолѣвала бѣднаго о. Дамаскина. Мѣщанинъ по происхожденію, выучившійся грамотѣ въ кельѣ монастыря, онъ, разумѣется, не читалъ «свѣтскихъ» книгъ, бывшихъ у насъ въ библіотекѣ, и ни въ одномъ изъ посѣщенныхъ нами портовъ не съѣзжалъ на берегъ, находя, что и «не любопытно», и что въ портахъ одинъ лишь «соблазнъ дьявола». Красоты тропической природы—да, повидимому, и всякой—были ему чужды, и лучшимъ мѣстомъ на свѣтѣ считалъ свой Коневецъ. Тамъ онъ «жилъ». Тамъ, по его словамъ, онъ трудился, занимаясь огородами, а здѣсь онъ тосковалъ, среди чуждой обстановки, безъ всякаго дѣла. Онъ былъ охотникъ выпить, но въ обществѣ офицеровъ стѣснялся и рѣдко-рѣдко сдавался на предложеніе чокнуться стаканомъ краснаго вина, но, кажется, изрядно «заливалъ» у себя, по-фельдфебельски, въ каютѣ*).

III.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ мы ушли изъ Порто-Гранде и плывемъ, ни разу не видавши даже издали береговъ, а плыть еще далеко! Не менѣе трехъ недѣль, если только не будетъ никакихъ непріятныхъ случайностей (въ родѣ противныхъ вѣтровъ или штормовъ), столь обычныхъ на морѣ. Еще не скоро увидимъ мы берегъ, всѣми столь желанный берегъ.

И за все это время ничего кромѣ неба да океана, то нѣжныхъ и ласковыхъ, то мрачныхъ и грозныхъ, которые со-

*) Такія монахи на судахъ бывали въ прежнія, отдаленныя времена. Теперь, говорятъ, на суда дальняго плаванія назначаются образованные монахи, изъ кончившихъ духовную академію.

ставляютъ одинъ и тотъ же фонъ картины, окаймленной со всѣхъ сторонъ далекимъ горизонтомъ. Подчасъ чувствуется гнетущее одиночество среди этой пустоты океана. Изрѣдка лишь увидишь на широкой водяной дорогѣ бѣлѣющій парусъ встрѣчнаго или попутнаго судна, мимо пронесется «купецъ», поднявъ при встрѣчи свой флагъ, и снова пусто кругомъ. Только высоко рѣютъ въ воздухѣ вѣстники далекой земли—альбатросы и глупыши, да порой низко летаютъ надъ волнами, словно скользя по нимъ, маленькія штормовки, предсказывающія, по словамъ моряковъ, бурю.

Въ центрѣ видимаго горизонта несется по Индійскому океану нашъ стройный, трехмачтовый клиперъ «Отважный» подъ гротомъ, фокомъ и марселями въ два рифа, узловъ по десяти—по одиннадцати въ часъ, легко убѣгая отъ попутной волны. Слегка накренившись, покачиваясь и вздрагивая отъ быстраго хода, онъ легко и свободно вскакиваетъ на волну, разрѣзая ея сѣдую верхушку своимъ острымъ носомъ. Брызги воды попадаютъ на бакъ, обдавая водяной пылью двухъ, одѣтыхъ въ кожаны, съ зюйдвестками на головахъ, матросовъ, которые смотрятъ впередъ, обязанные тотчасъ же крикнуть, если что-либо замѣтятъ. Вѣтеръ ихъ продуваетъ, и вода пробирается за спины. Они добросовѣстно смотрятъ впередъ и, нетерпѣливо ожидая смѣны, перекидываются разговоромъ насчетъ проклятой службы.

Съ высоты бирюзоваго неба, по которому бѣгутъ перистыя облака, смотритъ яркое солнце, прячется по временамъ за узорчатыя, бѣлоснѣжныя тучки и снова показывается, заливая блескомъ холмистую водяную поверхность. Барометръ стоитъ хорошо, и капитанъ рѣже выходитъ наверхъ. Вѣтеръ дуетъ ровный и свѣжій и радуетъ моряковъ. Суточное плаваніе, значитъ, будетъ хорошее и подвинетъ насъ впередъ миль на 250.

Тридцать пять дней въ морѣ! Это начинаетъ уже надоѣдать русскимъ людямъ, непривыкшимъ къ морю и сдѣлавшимся моряками только потому, что малы ростомъ *). Среди матросовъ замѣтно нетерпѣніе. Всѣмъ очертѣлъ длинный переходъ и хочется, какъ моряки говорятъ, «освѣжиться»—выпить и вообще погулять по берегу. И они все чаще и чаще справляются: долго ли еще идти. Дни тянутся теперь съ томительнымъ однообразіемъ безпокой-

*) Въ матросы обыкновенно берутъ малорослыхъ людей.

ныхъ вахтъ, уборки судна и не всегда покойнаго отдыха. Того и жди, что въ палубу, словно полоумный, сбѣжитъ боцманъ и разбудитъ своимъ бѣшенымъ окрикомъ: «Пошелъ всѣ наверхъ, четвертый рифъ брать!», прибавляя, разумѣется, къ этому призыву артистическую ругань.

Не поется по вечерамъ, какъ прежде, пѣсенъ. Не говорится сказокъ за ночными вахтами и не слышно обычныхъ оживленныхъ разговоровъ на бакѣ. Матросы видимо «заскучали» и какъ будто апатичнѣе дѣлаютъ свое трудное и опасное матросское дѣло. Боцмана и унтеръ-офицеры отъ скуки словно «озвѣрѣли»: они чаще и съ бо́льшимъ раздраженіемъ ругаются и, несмотря на запретъ капитана, чаще дерутся, придираясь къ пустякамъ.

Берега всѣмъ хочется, берега!

«Пассажировъ», за которыми съ такой любовью ухаживали матросы, нѣтъ ни одного. Они всѣ съѣдены. Палуба снова своей чистотой и своимъ великолѣпіемъ ласкаетъ взоръ старшаго офицера, но зато въ каютъ-компаніи сидятъ на консервахъ и часто за обѣдомъ ворчатъ на повара. Матросы давно не лакомились «свѣжинкой». Послѣдняго быка «Ваську» убили недѣли двѣ тому назадъ, и они ѣдятъ щи изъ консервованнаго мяса, изъ солонины и горохъ.

Всѣхъ, рѣшительно всѣхъ беретъ одурь отъ этого долгаго пребыванія въ морѣ, безъ новыхъ впечатлѣній, въ одномъ и томъ же обществѣ, съ однимъ и тѣмъ же однообразіемъ судовой жизни, и офицеровъ, пожалуй, еще сильнѣй, чѣмъ матросовъ.

Капитанъ, обреченный, ради престижа власти, суровыми правилами дисциплины на постоянное одиночество у себя на кораблѣ, еще болѣе чувствуетъ его тягость на длинномъ переходѣ. На верху онъ говоритъ съ офицерами лишь по службѣ, и только за своимъ обѣдомъ, къ которому обыкновенно, каждый день по очереди, приглашаются два офицера, онъ можетъ забыть, что онъ неограниченный властелинъ судна, и вести не служебные разговоры. Остальное время онъ одинъ, постоянно одинъ.

Обыкновенно спокойный и сдержанный, никогда не прибѣгавшій къ тѣлеснымъ наказаніямъ и ни разу не осквернившій своихъ рукъ зуботычинами (такіе стыдливые капитаны появились въ шестидесятыхъ годахъ),—онъ сталъ нервнѣе и нетерпѣливѣе, и на-дняхъ даже былъ виновникомъ безобразной сцены.

Это случилось во время налетѣвшаго шквала.

Стоявшій на вахтѣ лейтенантъ Чебыкинъ, высокій, довольно красивый молодой человѣкъ, карьеристъ, любившій лебезить предъ начальствомъ, злой съ матросами, которыхъ онъ-таки частенько билъ, потихоньку отъ товарищей, спрятавшись за мачту (въ тѣ времена открыто бить стыдились), — только-что скомандовалъ: «Марса-фалы отдать!»

Но матросъ, стоявшій у гротъ-марса-фала, хоть и слышалъ крикливый тенорокъ «пилы» (такъ звали матросы нелюбимаго офицера), но замѣшкался и не могъ отвязать снасти отъ кнехта. У него, какъ говорятъ моряки, «заѣло».

Шквалъ, между тѣмъ, приближался.

Капитанъ, стоявшій на мостикѣ, вышелъ изъ себя и крикнулъ:

— На марсъ-фалѣ! Отдавай!.. Ты, что же?..Да ударьте этого осла, Николай Петровичъ!

Въ эту минуту марса-фалъ уже былъ отданъ.

Но офицеръ не замедлилъ исполнить въ точности сорвавшееся въ пылу приказаніе. Онъ налетѣлъ на испуганнаго матроса и съ ожесточеніемъ ударилъ его по зубамъ такъ, что полилась кровь, и, сіяющій, возвратился на мостикъ.

Капитанъ уже пришелъ въ себя и бросилъ взглядъ, полный презрѣнія, на своего исполнительнаго подчиненнаго. Видимо взволнованный, онъ спустился къ себѣ въ каюту. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ еще холоднѣе съ Чебыкинымъ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда мы встрѣтились съ эскадрой, Чебыкина перевели на другое судно.

Въ каютъ-компаніи нѣтъ прежняго оживленія. Всѣ уже успѣли порядочно надоѣсть другъ другу. Постоянное общеніе съ одними и тѣми же лицами, въ тѣсной общей каютѣ, отравляетъ существованіе. Каждый знаетъ вдоль и поперекъ другого, знаетъ, у кого осталась въ Россіи хорошенькая жена, у кого невѣста, кто за кѣмъ ухаживаетъ въ Кронштадтѣ, знаетъ, что старшаго артиллериста, безобиднаго, маленькаго, лысаго человѣка, бьетъ супруга, а у механика жена удерживаетъ все содержаніе, оставляя мужу самые пустяки, знаетъ, кто сколько долженъ портному Задлеру, еврею, пріѣзжавшему проводить своихъ кредиторовъ въ день ухода клипера въ плаванье, кто копитъ деньги и потихоньку у себя въ каютѣ ѣстъ—чтобъ не угощать другихъ—сыръ и пьетъ портеръ.

Недостатки и слабости каждаго, терпимые въ обыкно-

венное время, теперь преувеличиваются и злобно ставятся на счетъ. Является желаніе покопаться въ душѣ и сказать что-нибудь обидное. Чувствуется какое-то глухое взаимное раздраженіе, и необходимы большой тактъ и умѣнье со стороны старшаго офицера, чтобъ умѣть во-время прекращать пикировки, грозящія обратиться въ ссоры, которыми все чаще и чаще обмѣниваются между собою прежде дружно жившіе люди. Книги всѣ прочитаны. Разговоры и воспоминанія всѣ исчерпаны. Уйти другъ отъ друга некуда. Одинъ, другой спасаются отъ одуряющей скуки, занимаясь языками. Старшій офицеръ выдумываетъ себѣ дѣло, донимая матросовъ «чистотой». Остальные рѣшительно не знаютъ, какъ убить время, свободное отъ вахтъ и служебныхъ занятій.

Полдень.

Вѣстовые накрываютъ на столъ. Офицеры собираются къ обѣду и слушаютъ лѣниво, какъ одинъ изъ офицеровъ играетъ, несмотря на качку, «Травіату» на маленькомъ прінайтовленномъ піанино.

— Бросьте, надоѣло!—говоритъ кто-то.

Въ это время торопливо входитъ старшій штурманъ Аркадій Вадимычъ, только-что ловившій полдень, и садится заканчивать вычисленія. Онъ изъ такъ-называемыхъ «молодыхъ» штурмановъ. Это не сухой, сморщенный, невзрачный и угрюмый пожилой капитанъ, какими обыкновенно бываютъ старшіе штурмана, а бойкій, франтоватый поручикъ лѣтъ за тридцать, окончившій офицерскіе классы, щеголявшій изысканностью манеръ и носившій на мизинцѣ кольцо съ бирюзой. Онъ не только не питаетъ традиціонной штурманской ненависти къ флотскимъ, но самъ смѣется надъ старыми штурманами, мечтаетъ перейти во флотъ и старается быть въ дружбѣ со всѣми въ каютъ-компаніи.

— Ну, что, какъ, гдѣ мы, Аркадій Вадимычъ?—спрашиваютъ его со всѣхъ сторонъ.

Онъ говоритъ широту и долготу, обращаясь къ старшему офицеру.

— А миль сколько?

— Двѣсти шестьдесятъ. Отличное плаваніе...

— А скоро ли придемъ въ Батавію?—задаютъ вопросы мичмана.

— Потерпите, господа, потерпите... Скоро муссонъ получимъ, а тамъ ужъ недолго!..—торопливо и любезно отвѣчаетъ Аркадій Вадимычъ и бѣжитъ къ капитану, оправляя

предъ входомъ къ нему въ каюту сюртучокъ и принимая дѣловой серьезный видъ.

— А вѣдь подлиза! шепчетъ одинъ мичманъ угрюмому долговязому гардемарину, только-что отдолбившему сто англійскихъ словъ.

— Не безъ того... въ родѣ Чебыкина...

— Онъ нынче опять своего вѣстового Ворсуньку*) отдулъ, Чебыкинъ-то!

— Скотина! Дантистъ! Онъ только клиперъ позоритъ!— негодуетъ угрюмый гардемаринъ, и его блѣдно-зеленое лицо вспыхиваетъ краской.

Чебыкинъ чувствуетъ, что говорятъ про него, но дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ, и даетъ себѣ слово сегодня же «разнести» угрюмаго гардемарина, который у него подъ вахтой. Онъ его не любилъ, а теперь ненавидитъ.

Всѣ садятся за столъ. На одномъ концѣ стола, «на ютѣ», старшій офицеръ, по бокамъ его докторъ и первый лейтенантъ, далѣе старшій штурманъ, артиллеристъ, батюшка, механикъ, вахтенные начальники, а на другомъ концѣ, «на бакѣ», мичмана и гардемарины.

Вѣстовые разносятъ тарелки съ супомъ, пока за столомъ каждый пьетъ по рюмкѣ водки. Качка хоть и порядочная, но можно ѣсть, не держа тарелокъ въ рукахъ, и крѣпкіе графины съ краснымъ виномъ устойчиво стоятъ на столѣ. Всѣ ѣдятъ въ молчаніи и словно бы чѣмъ-то недовольны. Два «Аякса»—два юнца-гардемарина, еще недавно закадычные друзья, сидѣвшіе всегда рядомъ, теперь сидятъ врозь и стараются не встрѣчаться взглядами. Они на-дняхъ поссорились изъ-за пустяковъ и не говорятъ. Каждый считаетъ бывшаго друга безпримѣрнымъ эгоистомъ, недостойнымъ бывшей дружбы, но все-таки никому не жалуется, считая жалобы недостойнымъ себя дѣломъ. Курчавый, круглолицый мичманъ Сережкинъ, веселый малый, всегда жизнерадостный, несосвѣтный враль и болтунъ, и тотъ присмирѣлъ, чувствуя, что его невозможное вранье не будетъ, какъ прежде, встрѣчено веселымъ хохотомъ. Однако, онъ не воздерживается и, окончивши супъ, громко обращается къ сосѣду:

— Это что нашъ переходъ... пустяки... А вотъ мнѣ дядя разсказывалъ... про свой переходъ... вотъ такъ переходъ!.. Сто шестьдесятъ пять дней шелъ, никуда не заходя...

---

*) Уменьшительное Варсонофія.

Ей-Богу... Такъ половину команды пришлось за бортъ выбросить... Все отъ цынги...

Никто даже не улыбается, и Сережкинъ смолкаетъ, сконфуженный не своимъ враньемъ, а общимъ невниманіемъ.

Докторъ было-началъ разсказывать объ Японіи, въ которой онъ былъ три года тому назадъ, но никто не подавалъ реплики.

«Слышали, слышали!»—какъ будто говорили всѣ лица.

Но онъ все-таки продолжаетъ, пока кто-то не говоритъ:

— Нѣтъ ли у васъ чего-либо поновѣе, докторъ?.. Про Японію мы давно слышали...

Докторъ обиженно умолкаетъ.

Жаркое—мясные консервы—встрѣчено кислыми минами.

— Ну, ужъ и гадость!—замѣчаетъ Сережкинъ.

— А вы не ѣшьте, коли гадость!—словно ужаленный восклицаетъ лейтенантъ, бывшій очереднымъ содержателемъ каютъ-компаніи и крайне щекотливый къ замѣчаніямъ. Чѣмъ я буду васъ кормить здѣсь?.. Бекасами, что ли? Должны Бога молить, что солонину рѣдко даю...

— Молю.

— И молите...

— Но это не мѣшаетъ мнѣ говорить, что консервы гадость, а бекасы вкусная вещь.

— Что вы хотите этимъ сказать?..

— То и хочу, что̀ сказалъ...

Готова вспыхнуть ссора. Но старшій офицеръ вмѣшивается.

— Полноте, господа... Полноте!

А угрюмый гардемаринъ уже обдумалъ каверзу и, когда Ворсунька подаетъ ему блюдо, спрашиваетъ у него нарочно громко:

— Это кто тебѣ глазъ подбилъ?..

Ворсунька молчитъ.

Всѣ взгляды устремляются на Чебыкина. Тотъ краснѣетъ.

— Кто, говорю, глазъ подбилъ?

— Зашибся...—отвѣчаетъ, наконецъ, молодой черняваый вѣстовой.

Чрезъ минуту угрюмый гардемаринъ продолжаетъ:

— Вѣдь вотъ капитанъ отдалъ приказъ: не драться! А есть же дантисты!

— Не ваше дѣло объ этомъ разсуждать!—вдругъ крикнулъ Чебыкинъ, блѣднѣя отъ злости.

— Полагаю, это дѣло каждаго порядочнаго человѣка. А развѣ это вы своего вѣстового изукрасили? Я не предполагалъ... думалъ, боцманъ!

— Алексѣй Алексѣичъ! Потрудитесь оградить меня отъ дерзостей гардемарина Петрова!—обращается Чебыкинъ къ старшему офицеру.

Тотъ проситъ Петрова замолчать.

Послѣ пирожнаго всѣ встаютъ и расходятся по каютамъ озлобленные.

IV.

Клиперъ точно ожилъ. У всѣхъ оживленныя, веселыя лица.

— Скоро, братцы, придемъ!—слышатся одни и тѣ же слова среди матросовъ.

— Черезъ два дня будемъ въ Батавіи!—говорятъ въ каютъ-компаніи и всѣ смотрятъ другъ на друга безъ озлобленія. Всѣ, точно по какому-то волшебству, снова становятся простыми добрыми малыми и дружными товарищами. Аяксы, конечно, примирились.

Подъ палящими отвѣсными лучами солнца клиперъ прибирается послѣ длиннаго перехода. Матросы весело скоблятъ, чистятъ, подкрашиваютъ и трутъ судно и подъ носъ мурлыкаютъ пѣсни. Всѣ предвкушаютъ близость берега и гуляшки. Уже достали якорную цѣпь, давно покоившуюся внизу, и приклепали ее.

На утро слѣдующаго дня вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и мы развели пары. Близость экватора сказывалась нестерпимымъ зноемъ. Кочегаровъ безъ чувствъ выносили изъ машины и обливали водой. По расчету, берегъ долженъ былъ открыться къ пяти часамъ, но уже съ трехъ часовъ охотники-матросы съ марсовъ сторожили берегъ. Первому, увидавшему землю, обѣщана была денежная награда.

И въ пятомъ часу съ форъ-марса раздался веселый крикъ: «берегъ!»—крикъ, отозвавшійся во всѣхъ сердцахъ неописуемой радостью.

Къ вечеру мы входили въ Зондскій проливъ. Штиль былъ мертвый. Волшебная панорама открылась предъ нами. Справа и слѣва темнѣли острова и островки, облитые чуднымъ свѣтомъ полной луны. Вода казалась какой-то серебристой гладью, таинственной и безмолвной, по которой шелъ нашъ клиперъ, оставляя за собой блестящую фосфорическую ленту.

Къ утру картина была не менѣе красива. Мы шли точно садомъ между кудрявыхъ, зеленыхъ островковъ, залитыхъ яркимъ блескомъ солнца. Прозрачное изумрудное море точно лизало ихъ.

Наконецъ, мы вышли въ открытое мѣсто и къ сумеркамъ входили въ Батавію. Когда якорь грохнулъ въ воду, офицеры, радостные и примиренные, поздравляли другъ друга съ приходомъ и скоро почти всѣ уѣхали на берегъ, на который не вступали шестьдесятъ два дня.

МАТРОССКІЙ ЛИНЧЪ.

I.

Клиперъ медленно подвигался, держась въ крутой бейдевиндъ, подъ зарифленными парусами. Покачивало-таки порядочно. Шелъ дождь. Горизонтъ вокругъ затянулся мглой, и по нависшему мутному небу носились черныя, клочковатыя облачки. Вѣтеръ дулъ порывами: то затихнетъ, то вновь зареветъ, проносясь заунывнымъ воемъ въ намокшихъ снастяхъ.

Ужъ цѣлую недѣлю не выглядывало солнышко, и старшій штурманъ волновался, что нельзя сдѣлать обсерваціи и точно опредѣлиться. По счисленію, мы считали себя въ ста миляхъ отъ Гонконга, и разсчитывали подойти къ нему къ полудню слѣдующаго дня.

Кутаясь въ просмоленныя парусинныя пальтишки, матросы не отходятъ отъ своихъ снастей, перекидываясь изрѣдка отрывистыми замѣчаніями о погодѣ, и встряхиваясь, какъ утки, отъ воды. Вахта выдалась безпокойная. Приходилось быть постоянно на-чеку для встрѣчи часто налетавшихъ шкваловъ.

На мостикѣ, одѣтые въ дождевики, съ короткополыми зюйдвестками на головахъ, стоятъ капитанъ и вахтенный офицеръ. Капитанъ совершенно спокоенъ; молодой офицеръ нѣсколько возбужденъ. Первый разъ въ жизни ему доводится править такую бурную вахту, распоряжаясь самостоятельно. Ему и пріятно, и жутко, и въ то же время досадно, что капитанъ часто выходитъ на верхъ, словно не довѣряя осмотрительности молодого мичмана, считающаго себя уже опытнымъ морякомъ послѣ перехода Атлантическаго и Индійскаго океановъ.

Капитанъ, переживавшій въ молодости точно такія же чувства, отлично понималъ состояніе юноши-офицера и не вмѣшивается въ его распоряженія, хотя зорко наблюдаетъ за всѣмъ. Особенно часто и пристально всматривается онъ въ горизонтъ.

Вонъ тамъ, на склонѣ неба, что-то чернѣетъ, растетъ въ грозовую тучу и, отдѣлившись отъ горизонта, сѣрымъ, быстро движущимся, широкимъ столбомъ приближается къ клиперу съ навѣтренной стороны.

Это несется шквалъ съ дождемъ.

Громкимъ, черезчуръ громкимъ, слегка вибрирующимъ, голосомъ офицеръ нѣсколько рано командуетъ убрать паруса и, стараясь подавить волненіе, невольно охватившее его при видѣ грознаго шквала, принимаетъ небрежную посадку лихого, ничего не боящагося моряка.

Парусы взяты «на гитовы» (убраны), и маленькое судно съ оголенными мачтами готово къ встрѣчѣ врага, представляя его ярости меньшую площадь сопротивленія.

Срывая и крутя передъ собой сѣдые гребешки волнъ, шквалъ бѣшено нападаетъ на клиперъ, охватывая его со всѣхъ сторонъ проливнымъ дождемъ и мглой. Яростно шумитъ онъ въ рангоутѣ, гудитъ во вздувшихся снастяхъ, кладетъ судно на бокъ и нѣсколько секундъ мчитъ его съ захватывающей духъ быстротой, такъ что кругомъ видна только одна кипящая пѣна.

Шквалъ пронесся, и мгла разсѣялась. Клиперъ приподнялся и пошелъ тише. Нѣкоторые изъ молодыхъ матросовъ, преувеличившіе въ страхѣ опасность, набожно перекрестились съ облегченнымъ вздохомъ.

Снова раздается звучный голосъ вахтеннаго офицера. Снова натягиваютъ паруса, и клиперъ попрежнему покачивается съ боку на бокъ на неправильномъ волненіи, легонько поскрипывая своими членами.

— Я поторопился немного убрать паруса, Павелъ Николаевичъ?—обращается къ капитану мичманъ, нѣсколько смущенный.

Ему кажется, что капитанъ долженъ былъ замѣтить его трусость передъ шкваломъ.

— Отлично распорядились... молодцомъ!.. Всегда лучше убраться раньше, чѣмъ позднѣе! — проговорилъ съ обычной привѣтливостью капитанъ и, спускаясь внизъ, прибавилъ:

— Если засвѣжѣетъ—дайте знать... Впрочемъ, наврядъ ли засвѣжѣетъ. Барометръ подымается.

II.

Въ то самое время, какъ наверху посвистывалъ вѣтеръ и усталые, измокшіе подъ дождемъ вахтенные ма-

тросы мечтали о смѣнѣ, подвахтенные отдыхали внизу, время было послѣобѣденное, и матросы безмятежно спали. Все пространство кубрика и нижней палубы, всѣ укромныя мѣстечки около мачтъ и трубы были заняты лежащими врастяжку людьми. Несмотря на парусинные «виндзейли», пропущенные сверху въ открытые люки для притока свѣжаго воздуха, въ палубѣ стоялъ тяжелый запахъ. Пахло жильемъ, сыростью и смолой. Громкій храпъ шести десятковъ матросовъ, только-что плотно пообѣдавшихъ, раздавался на всѣ лады изъ конца въ конецъ.

Не всѣ, впрочемъ, спали. Нѣкоторые изъ матросовъ, «похозяйственнѣе», воспользовавшись досугомъ, справляли свои дѣлишки: кто чинился, кто точалъ сапоги, кто занимался шитьемъ. Нѣсколько человѣкъ сушили у «камбуза» (судовая кухня) смокшіе бушлаты, слушая, какъ вѣстовые, перемывавшіе тарелки, разсказывали офицерскому «коку» (повару) о томъ, что господа «нонче очень одобряли» обѣдъ.

— Только одинъ Мурашкинъ фыркалъ... Онъ ужъ у насъ завсегда; что ни подай, все: «фуй» да «фуй!» Одно слово, «фуйка!» — насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ вѣстовыхъ.

— «Фуйка» и есть!—повторили вѣстовые и засмѣялись, видимо довольные прозвищемъ, которымъ они окрестили младшаго штурмана за его постоянное привередничанье, вызываемое не столько недовольствомъ, сколько желаніемъ показать, что онъ обладаетъ тонкимъ гастрономическимъ вкусомъ.

— На берегу, поди, трескалъ подошву подъ соусомъ изъ водицы и облизывался, а теперь фордыбачитъ, — сердито проговорилъ поваръ.—И хучь бы толкъ въ кушаньѣ понималъ, а то такъ только... Такъ прочіе были довольны?

— Очинно даже довольны... Старшій офицеръ два раза жаркова накладывалъ... Скусное, говоритъ... А дохтуръ пирожки хвалилъ... Съ десятокъ ихъ слопалъ Карла Карлычъ!

Уютно примостившись у трубы и упираясь босыми ногами въ плинтусъ машиннаго люка, пожилой рябоватый матросъ съ серьгой въ ухѣ, съ сосредоточеннымъ, строгимъ видомъ, облаживалъ новый парусинный башмакъ, напѣвая себѣ подъ носъ пріятнымъ голосомъ какой-то однообразный, заунывный мотивъ безъ словъ. По време-

намъ опъ оставлялъ работу и, оглядывая со всѣхъ сторонъ здоровенный башмакъ, любовался имъ съ чувствомъ удовлетворенія, выражавшимся тихой улыбкой въ чертахъ его загорѣлаго, энергическаго лица. Затѣмъ лицо его снова принимало обычное выраженіе строгаго спокойствія человѣка, видавшаго виды, и онъ принимался работать и подпѣвать, ухищряясь искусно строчить, несмотря на качку. Это—Василій Ѳедосѣичъ Ѳедосѣевъ, исправный баковый матросъ, пошедшій третій разъ въ «дальнюю», вліятельный среди команды. Въ знакъ уваженія его всѣ зовутъ Ѳедосѣичемъ, хоть онъ и не унтеръ.

Рядомъ съ нимъ, лежа навзничь съ раскинувшимися по бокамъ руками, сладко храпѣлъ молодой черноволосый плотный матросъ Аксеновъ, изъ рекрутъ, первый разъ попавшій въ море. Онъ былъ изъ одной деревни съ Ѳедосѣичемъ и въ качествѣ земляка пользовался покровительствомъ бывшаго односельца, не забывшаго еще деревни и любившаго поговорить о ней съ молодымъ матросикомъ.

Громко всхрапнувъ, Аксеновъ вдругъ проснулся. Его румяное, здоровое курносое лицо, блестѣвшее масляннымъ налетомъ, улыбалось еще блаженной сонной улыбкой, которая бываетъ у людей послѣ пріятныхъ сновидѣній. Онъ потянулся, сладко позѣвывая и щуря свои большіе тюленьи глаза, и, повернувъ голову, сталъ смотрѣть, какъ Ѳедосѣичъ работаетъ.

— А важные башмаки будутъ, — промолвилъ, наконецъ, онъ.

— Чего не спишь? Спи себѣ знай, Ефимка! Еще не свистали вставать. Ночью на вахтѣ не разоспишься... Лучше загодя отоспись!—ласковымъ топомъ проговорилъ Ѳедосѣичъ, не отрываясь отъ работы.

— Будетъ... важно выспался... Однако, покачиваетъ,—замѣтилъ онъ, присаживаясь.

— Есть-таки маленько... Это кто тебя такъ, Ефимка?—вдругъ спросилъ Ѳедосѣичъ, увидавъ подъ глазомъ у своего земляка свѣжій подтекъ.

— Извѣстно, кто... Все онъ, чортъ лупоглазый... боцманъ!

— Однако, здорово онъ тебя, братецъ ты мой, звѣздапулъ! Ишь ты... Чуть-чуть не потрафь, въ самый бы глазъ!—продолжалъ Ѳедосѣичъ, внимательно оглядывая синякъ.—За что онъ тебя?

— Вовсе зря... право, зря!—оживленно заговорилъ

Ефимка, припоминая недавнюю обиду.—Небойсь, знаешь, какъ онъ съ нашимъ братомъ... вовсе обижаетъ... Даромъ, что приказано народъ не бить и господа не дерутся, а онъ...

— Ты не мели пустова, Ефимка! — строго остановилъ его Ѳедосѣичъ.—Инымъ разомъ, если за дѣло, нельзя и не съѣздить... Такая ужъ его должность... Ты толкомъ-то сказывай: за что?

— Какъ есть задарма, Ѳедосѣичъ... Просто ни за что. Парусъ давѣ, значитъ, убирали... Ему и покажись, что долго... Онъ и пошелъ чесать морды... А я вовсе и не касался паруса-то... Такъ по путѣ, значитъ, меня свистнулъ... Съ сердцовъ...

— Не врешь, Ефимка?

— Чего врать-то... Хучь у ребятъ спроси... Всѣ видѣли.

Ѳедосѣичъ помолчалъ, потомъ тихо покачалъ головой и раздумчиво промолвилъ:

— Куражится Нилычъ... Не слушаетъ, что̀ ему люди говорятъ...

— Совсѣмъ озвѣрѣлъ поньче... Вечоръ тоже вотъ меня огрѣлъ по спинѣ, а Леонтьева въ морду съѣздилъ!—жаловался Ефимка.

Старшій офицеръ, проходившій изъ подшкиперской каюты въ каютъ-компанію, показался въ это время изъ-за трубы. Онъ слышалъ жалобы молодого матроса и, подойдя къ нему, спросилъ, показывая пальцемъ на глазъ:

— Это что у тебя, Аксеновъ?

Матросъ мигомъ вскочилъ и застѣнчиво отвѣчалъ:

— Зашибся, ваше благородіе!

— Гмм... Зашибся?..—промолвилъ съ улыбкой старшій офицеръ и, не разспрашивая болѣе, пошелъ прочь.

— Ужъ этотъ Щукинъ!—прошепталъ онъ, входя въ каютъ-компанію.

— Это ты правильно, Ефимка! Ай да молодецъ! Изъ тебя настоящій матросъ выйдетъ! — одобрялъ Ѳедосѣичъ.—Что дрязгу-то заводить да кляузничать... Это послѣднее дѣло... Мы лучше Нилыча сами проучимъ, поматроссски!—значительно проговорилъ Ѳедосѣичъ, понижая голосъ.

— Боцмана!? Да какъ его проучишь... боцмана-то?—изумился молодой матросъ.

— Ужъ это не твоя забота, какъ ихъ учатъ!.. А ну-кась примѣрь, Ефимка!—продолжалъ Ѳедосѣичъ, передавая Аксенову башмакъ.

Ефимка обулся, прошелъ нѣсколько шаговъ и, возвращая башмакъ, весело проговорилъ:

— Въ самый разъ, Ѳедосѣичъ!.. И ногѣ въ немъ вольно...

— А главное, какъ сшито... Ты это погляди, Ефимка!

Ефимка поглядѣлъ и нашелъ, что важно сшито.

— Износу имъ не будетъ... Строчка двойная, и на подметкѣ хорошій товаръ. Ужо въ Гонконгъ придемъ, пустятъ на берегъ—одѣнешь... Да смотри, Ефимка, насчетъ того, что̀ мы о боцманѣ говорили, никому не болтай!— внушительно прибавилъ Ѳедосѣичъ, снова принимаясь за работу.

Въ тотъ же вечеръ Ѳедосѣичъ о чемъ-то таинственно совѣщался съ нѣсколькими старыми матросами.

III.

Гроза молодыхъ матросовъ, боцманъ Щукинъ, коренастый, приземистый, пучеглазый человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ кривыми ногами, обвѣтрившимся краснымъ лицомъ, цвѣта грязной моркови, и съ осипшимъ отъ ругани и пьянства голосомъ, только-что прикончилъ свои непостоящимыя варіаціи на русскія темы, которыми онъ услаждалъ слушателей, на слѣдующій день, съ ранняго утра по случаю уборки клипера. За ночь стихло, кругомъ прояснилось, уборка кончена, и Щукинъ, заложивъ за спину свои просмоленныя руки, съ довольнымъ видомъ осматриваетъ якорные стопора, предвкушая заранѣе близость единственнаго своего развлеченія: съѣхавши на берегъ, нализаться до безчувствія.

На эти развлеченія стараго боцмана смотрятъ сквозь пальцы въ виду того, что Щукинъ знающій свое дѣло и лихой боцманъ. И если на берегу онъ обнаруживаетъ слабости, недостойныя его званія, за то на суднѣ держитъ себя вполнѣ на высотѣ положенія: всегда трезвъ; боясь соблазна, не пьетъ даже казенной чарки, исполнителенъ и усерденъ, солиденъ и строгъ, на службѣ—собака, ругается съ артистичностью заправскаго боцмана старыхъ временъ и тщательно соблюдаетъ свой боцманскій престижъ.

Увы! Весь этотъ престижъ пропадалъ, какъ только Щукинъ ступалъ на берегъ.

Отправлялся онъ всегда нарядный. Для поддержанія чести русскаго имени, онъ обыкновенно одѣвалъ собствен-

ную щегольскую рубаху съ голландскимъ вышитымъ передомъ, поверхъ которой красовалась цѣпь съ серебряной боцманской дудкой, полученной имъ въ подарокъ отъ старшаго офицера,—обувалъ новые сапоги со скрипомъ, повязывалъ свою короткую, жилистую, побурѣвшую отъ загара, шею черной шелковой косынкой, пропуская концы ея въ серебряное кольцо; ухарски надѣвалъ на затылокъ матросскую фуражку безъ картуза съ черной лентой, по которой золотыми буквами было вытиснено названіе клипера, и бралъ въ руки, больше, я думаю, изъ національной гордости, чѣмъ изъ необходимости, носовой платокъ, который обратно съ берега никогда не привозилъ.

Въ такомъ великолѣпіи, тщательно выбритый, съ подстриженными короткими щетинистыми усами, посматривая вокругъ съ видомъ именинника и не выпуская изъ рукъ носового платка, Щукинъ садился на баркасъ и, ступивъ на берегъ, шелъ немедленно въ ближайшій кабакъ.

Съ берега Щукинъ обыкновенно возвращался въ истерзанномъ видѣ, не вязавши лыка, тихій, молчаливый и покорный. Случалось, что его привозили въ видѣ тѣла, со шлюпки поднимали на верхъ на веревкѣ и уносили въ его каюту.

На утро онъ снова напускалъ на себя важность, былъ еще суровѣе на видъ и, словно въ отместку за вчерашнее свое униженіе, ругался съ бо̀льшимъ усердіемъ, чаще ошпаривалъ линькомъ подвернувшагося подъ руку какого-нибудь молодого матроса, и въ этотъ день, какъ говорили матросы, былъ особенно «тяжелъ на руку».

Дальше ближайшаго отъ пристани кабака Щукинъ (по крайней мѣрѣ, въ трезвомъ видѣ) не былъ ни въ одномъ изъ иностранныхъ портовъ, посѣщенныхъ клипером, что̀, однако, не мѣшало ему отзываться о нихъ со снисходительнымъ презрѣніемъ.

— Ничего нѣтъ хорошаго... Такъ, слава одна — заграница!—разсказывалъ онъ безразлично обо всѣхъ чужихъ земляхъ.—Противъ нашихъ городовъ ничего не сто̀ятъ... И народъ не тотъ... То ли дѣло наша Россія... Не даромъ сказано: наша матушка Россія всему свѣту голова!

Онъ убѣжденъ былъ въ преимуществѣ Россіи такъ же непоколебимо, какъ и въ томъ, что безъ линька и безъ боя матроса не выучить и не «привести въ чувство». Эта философія была такъ твердо усвоена Щукинымъ, основательно прошедшимъ въ теченіе двадцатилѣтней службы

прежнюю школу линьковъ и битья, что когда, въ началѣ нашего плаванія, было приказано боцманамъ и унтеръ-офицерамъ бросить линьки и не драться,—Щукинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Это какъ же теперче... Не смѣй и проучить человѣка?.. Какой же послѣ этого я буду боцманъ, если не могу дать по уху!—ворчалъ онъ, бесѣдуя съ унтеръ-офицерами на бакѣ.—Чудеса пошли... Прежде этого на флотѣ не было!

Въ концѣ-концовъ онъ порѣшилъ, что всѣ эти новые порядки — одно баловство; нельзя матросу жить безъ страха, и, несмотря на приказаніе, нерѣдко-таки учивалъ людей по-своему, такъ что молодые матросы боялись боцмана, какъ огня. Уже нѣсколько разъ Василій Иванычъ грозилъ Щукину, что его разжалуютъ, если онъ будетъ свирѣпствовать. Щукинъ, молча насупившись, выслушивалъ, крѣпился день-другой и снова дрался, хотя и не съ прежнею откровенностью, а такъ, чтобъ не замѣтили офицеры.

— Ой! Нилычъ, не куражься... Не обижай людей зря!—нерѣдко говорили ему въ началѣ плаванія старые матросы, пьянствуя вмѣстѣ съ боцманомъ на берегу.—Боцманъ ты—надо правду говорить—хорошій, но только безъ толку мордобойничаешь... Ты это оставь, Нилычъ...

— А я что же, по-вашему... кляузы заводить долженъ, что ли?.. За всякую малость жаловаться?.. Ни въ жисть на это не пойду... Я, братцы, коренной матросъ!.. Въ старину, небойсь, боцмана кляузами не занимались... На своего брата не жаловались... Сами учивали... Если драться съ разсудкомъ—никакой вреды нѣтъ... Это вѣрно я вамъ говорю.

— То-то ты иной разъ безъ разсудка дерешься, Нилычъ...

Щукинъ обѣщалъ драться съ разсудкомъ и скоро нализывался вмѣстѣ, раскисая отъ вина, со своими совѣтниками.

Возмущенный новыми порядками, заведенными на клиперѣ, старый боцманъ слегка фрондировалъ, посмѣиваясь надъ ними, и любилъ вспоминать, какъ прежде «учили нашего брата», и какой отъ того былъ во флотѣ порядокъ. Увлекаясь этими воспоминаніями, онъ не безъ краснорѣчія разсказывалъ иногда въ интимномъ кружкѣ исторію своихъ двухъ вышибленныхъ переднихъ зубовъ, какъ бы

доказывая собственной особой справедливость взгляда, что если «бить съ разсудкомъ, то вреды не будетъ».

Достойно удивленія было то, что о виновникѣ крушенія своихъ зубовъ Щукинъ вспоминалъ съ самою любовною и почтительною восторженностью, съ какой обыкновенно вспоминаютъ о людяхъ, не вышибающихъ, по меньшей мѣрѣ, зубовъ. Но въ глазахъ Щукина этотъ самый командиръ Василій Кузьмичъ Остолоповъ («царство ему небесное!») былъ именно какимъ-то недосягаемымъ идеаломъ и олицетвореніемъ всѣхъ совершенствъ и качествъ, необходимыхъ, по мнѣнію боцмана, настоящему начальнику. Разсказывая о немъ, Щукинъ даже приходилъ въ пафосъ, создавая изъ покойника какое-то миѳологическое божество матросскаго Олимпа.

— Одно слово... левъ былъ!—восторгался Щукинъ, теряясь въ эпитетахъ.—Выйдетъ это онъ, бывало, на верхъ, такъ всякій чувствуетъ... Взглянетъ—орелъ! Или, напримѣръ, паруса крѣпить... У него, братецъ ты мой, положеніе было, чтобы въ три минуты, а ежели на одинъ секундъ позже на какомъ-нибудь марсѣ, сичасъ всѣхъ марсовыхъ внизъ и на бакъ... Какъ всыпятъ всѣмъ по сту линьковъ, небойсь, въ другой разъ не опоздаешь!.. И работали же у насъ на «Фершантѣ» *)! Первымъ въ эскадрѣ корабль былъ... Работа горѣла... Не матросы, а черти были... летомъ летали... У него, чтобы матросъ ходилъ съ прохладцей—нѣтъ, братъ!.. Онъ все наскрозь видѣлъ... Стоитъ, это, на ютѣ, заложивъ за спину руки, да какъ вдругъ замѣтитъ неисправку—самъ несется на бакъ грозой и давай чесать... Разъ, два, три!.. Одному въ ухо, другому, третьему, да какъ отчешетъ десятка два, будешь, голубчикъ, помнить. Шалишь!.. И рука-жъ была у него!.. Ка-а-а-къ саданетъ,—въ глазахъ пыль съ огнемъ — и морду вздуетъ... Знали его руку-то!..—съ восторгомъ говорилъ Щукинъ, показывая наглядно, какая у Остолопова была рука.—За то насчетъ службы, насчетъ чистоты и былъ порядокъ. Матросъ на кораблѣ въ струнѣ ходилъ, остерегался... Офицеровъ боялись, боцмановъ боялись, не то, что нонче... Ты ему слово, а онъ тебѣ два. Книжекъ этихъ для грамоты, небойсь, не раздавали, матросъ жилъ въ страхѣ, не умничалъ... почиталъ, какъ слѣдуетъ, начальство... А спустили тебя на берегъ, гуляй, значитъ,

*) Такъ называли матросы корабль «Ла-Фершампенуазъ»

во всю,—взыску не было. «Никакъ, говоритъ, безъ этого невозможно россійскому матросу, чтобы онъ да за свои за труды на берегу не нахлестался вдребезги!» И стоитъ, бывало, нашъ Василій Кузьмичъ да привѣтно усмѣхается, глядючи, какъ пьяную матрозню, ровно барановъ, съ баркаса поднимаютъ на гордешкѣ... Небойсь, онъ въ томъ сраму не видѣлъ!.. Не то, что какъ нонче прочіе другіе командиры,—угрюмо прибавлялъ старый боцманъ, пуская шпильку по адресу нашего капитана.

— Онъ съ большимъ умомъ былъ, Остолоповъ-то нашъ!..—восторженно продолжалъ Щукинъ.—Понималъ, что матросу лестно покуражиться на сухомъ пути... Ну, и самъ не брезговалъ напитками... Любилъ!..

— Многіе въ старину любили!..—вставлялъ, смѣясь, фельдшеръ.

— То-то любили!.. Но только съ Василіемъ Кузьмичомъ никому не сравняться... Опъ, я вамъ скажу, и насчетъ вина чортъ былъ! Графина три, а то и четыре, за день выдуетъ этой самой марсалы, и хоть бы въ одномъ глазу! Выйдетъ къ вечеру на верхъ—такъ только маленечко съ лица будто побагровѣетъ, да ругается позатѣйнѣй... Онъ на это выдумщикъ былъ!.. Поэтому мы, бывало, и примѣчали, что орелъ-то нашъ намарсалился! А стоитъ на погахъ, какъ вкопанный... глазъ чистый... Что ужъ и говорить! Во всѣхъ статьяхъ—орелъ!..

— А за что онъ вамъ, Матвѣй Нилычъ, нанесъ поврежденіе дѣйствіемъ?—галантно спрашивалъ, бывало, фельдшеръ, желая доставить боцману удовольствіе,—разсказать вновь давно извѣстную всѣмъ слушателямъ исторію о двухъ вышибленныхъ зубахъ.

При этомъ вопросѣ Щукинъ неизмѣнно оживлялся, и на лицѣ его появлялась заранѣе улыбка, словно онъ готовился разсказывать о самомъ пріятномъ воспоминаніи въ своей жизни.

— За что? По-настоящему мнѣ бы слѣдовало прямо всю скулу своротить на сторону да спину вздуть, а не то что два зуба!.. Вотъ, что мнѣ слѣдовало, если говорить по совѣсти... Свезли, видишь ли, братецъ ты мой, мы утромъ, какъ теперь помню, командира на Петровскую пристань... Онъ, какъ водится, прыгъ съ вельбота, и на ходу проговорилъ, въ которомъ, значитъ, часу за нимъ пріѣзжать... Мнѣ и послышься, что къ шести... я у него вельботнымъ старшиной былъ... Ладно. Безъ четверти въ шесть пристаемъ

мы къ пристани, глядимъ, а онъ ходитъ по ей взадъ и впередъ да плечиками подергиваетъ: въ сердцахъ, значитъ, былъ... Тутъ я и вспомни, что какъ будто онъ велѣлъ не къ шести, а къ пяти часамъ быть... Какъ взошло это въ умъ, такъ, братецъ ты мой, сердце во мнѣ и захолонуло... по спинѣ мураши забѣгали... Цѣлый ежели часъ я командира заставилъ дожидаться... Василія Кузьмича... льва-то нашего!.. Можешь ты это, какъ слѣдоваетъ, понять, а? Тогда вѣдь не по-нонѣшнему: «виноватъ—запамятовалъ!» Тогда, любезный мой, порядокъ любили форменный... За одинъ секундъ, бывало, шкуру спускали, а не то, что какъ ежели цѣлый часъ!..

На этомъ мѣстѣ разсказа Щукинъ всегда дѣлалъ ораторскую паузу, какъ бы для того, чтобы слушатели имѣли возможность надлежащимъ образомъ проникнуться сознаніемъ тяжести его преступленія и могли затѣмъ еще лучше оцѣнить великодушіе покойнаго капитана.

— Хорошо... Подошелъ это онъ къ вельботу, поманулъ меня перстомъ и отошелъ въ сторону... Вижу—грозенъ... Я, значитъ, ни живъ, ни мертвъ, къ ему. Подошелъ и смотрю ему прямо въ глаза. Онъ любилъ, чтобы матросъ ему завсегда съ чистымъ сердцемъ въ глаза глядѣлъ. А онъ воззрился на меня, ничего не говоритъ, да вдругъ: «бацъ! бацъ! Два раза всего-то кулакомъ въ зубы да такъ, что быдто цокнуло что-то. А, надо тебѣ сказать, на указатель помъ перстѣ Василій Кузьмичъ завсегда носилъ брильянтовый супиръ. Отъ Государя Императора пожалованъ. Такъ самымъ этимъ, значитъ, супирчикомъ онъ и цокнулъ. Въ глазахъ—пыль,—но только я, какъ слѣдоваетъ, стою, этакъ грудью впередъ, и весело ему смотрю въ зрачки. Жду еще бою! Однако онъ болѣе не захотѣлъ. «Пошелъ, говоритъ, собачій сынъ, на шлюпку!» и самъ слѣдомъ сѣлъ. «Отваливай!» Отвалили. Я изо всей мочи наваливаюсь—гребцы у насъ на подборъ!—а самъ однако думаю: «Это, молъ, только одна закуска была, какова-то настоящая расправка на кораблѣ будетъ. Не меньше какъ два ста линьковъ прикажетъ для памяти всыпать!» Вельботъ ходомъ идетъ, скоро и корабль нашъ. Онъ, насупившись этакъ, поглядываетъ на меня, увидалъ, значитъ, какъ изо рту у меня кровь капелью каплетъ... Хорошо. Пристали къ кораблю. Всталъ и ко мнѣ обратилъ голову:—«Что,—спрашиваетъ,—цѣлы ли у тебя, у подлеца, зубы?»—«Не должно быть цѣлы, ваше вашескобродіе!» Это я ему, потому

чувствую, что во рту словно каша. Усмѣхнулся,—и что бы ты думалъ!? Замѣсто того, чтобы меня, подлеца, приказать отодрать, какъ сидорову козу, онъ, голубчикъ-то мой, выходя, говоритъ: «Пей за меня чарку водки да впередъ, говоритъ, прочищай ухо!» «Покорно благодарю, ваше вашескобродіе!»—гаркнулъ въ отвѣтъ, да тутъ же и зубы силюнулъ въ радости. А на другой день призвалъ меня къ себѣ. «Молодцомъ, говоритъ, бой выдерживаешь, бабства, говоритъ, въ тебѣ нѣтъ, какъ есть бравый матросъ. За то, говоритъ, я тебя унтерцеромъ жалую. Смотри, не осрами меня!..» И какъ это онъ похвалилъ за мое усердіе, такъ я даже вовсе обалдѣлъ. Кажется, прикажи онъ мнѣ за бортъ броситься, такъ я со всѣмъ бы удовольствіемъ!.. Вотъ каковъ онъ былъ! Умѣлъ и строгостью, и лаской, коли ты стоишь. Стариннаго вѣку командиръ былъ. Господь и смерть ему легкую сподобилъ... ударомъ померъ. Игралъ, сказывали, въ карты, маленько нагрузившись, да вдругъ подъ столъ... Бросились подымать, а батюшка-то Василій Кузьмичъ ужъ не дышитъ... Царство ему небесное, голубчику! — прибавлялъ умиленный Щукинъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

IV.

Утреннія работы окончены. Одиннадцатый часъ на исходѣ—скоро обѣдать. Въ ожиданіи пріятнаго свиста дудокъ, призывающихъ къ водкѣ, матросы высыпали на палубу и толпятся на бакѣ, разбившись по кучкамъ. Только-что убрали паруса, и клиперъ довольно ходко шелъ подъ парами навстрѣчу прямо дующему въ лобъ вѣтру, мѣшавшему идти подъ парусами. Волненіе стихало, изъ-за тучъ выглядывало по временамъ солнце, и штурманъ былъ доволенъ—обсерваціа была взята. Оказалось, что мы будемъ на мѣстѣ не ранѣе вечера.

Усѣвшись на лапѣ якоря, боцманъ, окруженный избранными лицами баковой аристократіи: баталеромъ, подшкиперомъ, фельдшеромъ и двумя писарями, разсказывалъ про китайцевъ.

— Совсѣмъ подлый народъ!—говорилъ боцманъ, указывая пальцемъ на встрѣчавшіяся джонки.—Всякую нечисть, шельмы, трескаютъ. И крысу, и собаку, и лягушку, и стрекозу... что ему ни дай, все жретъ... Хлѣбушка-то у нихъ нѣту... рисъ одинъ, они и рады всякому дерьму. И вороваты, канальи... Чуть не догляди—объегоритъ,—да-

ромъ, что длинноносый. Когда я первый разъ ходилъ въ дальнюю на «конвертѣ» (корветѣ), и были мы въ этихъ самыхъ мѣстахъ китайскихъ, такъ разъ ночью, братецъ ты мой,—мы въ Шангаѣ стояли—подъѣхала на шлюпчонкѣ китайская морда, и что бы ты думалъ?.. Мѣдную обшивку вздумалъ-было, желторожій, отдирать... Ужъ жиганули же мы его, подлеца!—съ веселымъ смѣхомъ разсказывалъ Щукинъ...—А пьютъ сулю какую-то, въ родѣ будто водки, изъ риса гонятъ... нальетъ себѣ, собачій сынъ, въ чашечку съ наперстокъ и куражится... Просто тошно на нихъ, подлецовъ, глядѣть... Одно слово—идолы!

— Ишь, лупоглазый-то нашъ зубы скалитъ! —развязно замѣтилъ рыжій, въ веснушкахъ, франтоватый матросъ изъ кантонистовъ, подходя къ Аксенову и подмигивая плутоватыми бойкими глазами на боцмана.

— Онъ завсегда веселый передъ берегомъ.

— Чуетъ, что скоро нахлещется, какъ свинья... А я, братецъ, о чемъ хотѣлъ-было попросить тебя, Ефимка!—заискивающимъ голоскомъ продолжалъ рыжій.

— Ну?

— Дай ты мнѣ въ долгъ доллеръ, какъ сжели насъ на берегъ отпустятъ... Совсѣмъ, братъ, прогулялся...

Аксеновъ нѣсколько времени молчалъ и, наконецъ, нерѣшительно отвѣчалъ:

— Ты бы у кого другого взялъ, Леонтьевъ... право... Хоцца рубаху купить.

— Глупый ты... Зачѣмъ тебѣ рубаху?.. И тутъ вовсе нѣтъ хорошихъ рубахъ... Ты рубаху лучше въ Японіи купишь... Тамъ, такъ сказываютъ, рубахи!.. Дай пожалуста... Черезъ мѣсяцъ отдамъ... право, отдамъ...—упрашивалъ Леонтьевъ.

— И прежніе отдашь?

— Всѣ сразу отдамъ... будь въ надеждѣ!—продолжалъ Леонтьевъ, глядя жаднымъ взоромъ на потупившагося товарища.

Послѣ нѣкотораго колебанія Аксеновъ пообѣщалъ, и Леонтьевъ весело замѣтилъ:

— Вотъ спасибо... Вижу, что настоящій пріятель... Ужо погуляемъ въ Гонконгѣ! Съ Якушкой пойдемъ... Онъ бывалъ здѣсь.

— Ишь вѣдь... тоже люди!—дивуется Аксеновъ, глядя на близко проходившую джонку, на палубѣ которой толпились китайцы.—Сколько, подумаешь, разнаго-то народа у Господа! То малайцы были, а теперь китайцы пошли...

— Все одинъ фасонъ—нехристь дикая!—съ равнодушнымъ пренебреженіемъ кинулъ въ отвѣтъ Леонтьевъ, считавшій за признакъ хорошаго матросскаго тона ничему не удивляться...—А ты, Ефимка, дуракъ!—нѣсколько спустя проговорилъ онъ. — Чего вчера, какъ старшій офицеръ спрашивалъ, ты не сказалъ про этого дьявола? По крайности, было-бъ ему на орѣхи! Будь у меня на мордѣ такая цаца, какъ у тебя, я безпремѣнно бы сказалъ: «такъ и такъ, молъ, ваше благородіе, безвинно черезъ боцмана Щукина пострадалъ»! А то: «зашибся»!

— Чего жалиться! Ему и такъ будетъ!—промолвилъ Аксеновъ, стараясь придать себѣ важный видъ.

— Ужъ не отъ тебя ли?—разсмѣялся Леонтьевъ.

Аксенову очень хотѣлось посвятить пріятеля въ тайну вчерашняго разговора съ Ѳедосѣичемъ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ хорошо не понималъ, на что именно намекалъ старый матросъ. Онъ однако вспомнилъ наказъ Ѳедосѣича не болтать, но, воздерживаясь отъ искушенія, все-таки загадочно прошепталъ:

— Небойсь, люди проучатъ!..

— Люди!—передразнилъ Леонтьевъ.—Какіе это люди? Кто можетъ проучить этого подлеца, кромѣ начальства?.. Ахъ, какая ты еще необразованная деревня, Ефимка, какъ я посмотрю! — съ сожалѣніемъ замѣтилъ Леонтьевъ.— Ударь онъ меня безвинно, да если со знакомъ, я бы нарочно на глаза капитану попался... Я бы не такъ, какъ ты... небойсь!.. А то: «люди»!

Аксеновъ, считавшій обращеніе и ухарскіе манеры Леонтьева за образецъ матросскаго совершенства и старавшійся подражать ему во всемъ, былъ задѣтъ за живое, что его считаютъ «деревней», и съ сердцемъ возразилъ:

— Что-жъ ты-то не жалуешься... Вечоръ онъ тебя по уху тоже огрѣлъ!..

— То-то... безъ знаку... я говорю, а ежели бы оказалъ знакъ... онъ бы помнилъ Леонтьева!—бахвалился матросъ, видимо рисуясь и восхищая своими манерами простоватаго товарища...—Эй, послушай Антоновъ!—обратился онъ къ проходившему вѣстовому старшаго офицера:—какъ у васъ слышно, когда въ Гонконгѣ будемъ?

— Къ вечеру, не раньше!—отвѣчалъ на ходу вѣстовой, спѣшно направляясь на бакъ.—Старшій офицеръ васъ къ себѣ требуетъ, Матвѣй Нилычъ!—проговорилъ Антоновъ, подходя къ боцману.—Въ каютѣ они...

Щукинъ оборвалъ разговоръ и рысцой побѣжалъ внизъ. Передъ входомъ въ каютъ-компанію, онъ снялъ фуражку и вошелъ туда нахмуренный, осторожно ступая по клеенкѣ. Не любилъ онъ, когда Василій Ивановичъ требовалъ его къ себѣ въ каюту. «Вѣрно, опять насчетъ вина пошипять будетъ!» — подумалъ, морщась, боцманъ, просовывая свою четырехугольную, коротко остриженную, рыжую голову въ каюту старшаго офицера и затворяя за собой двери.

— Ты опять дерешься, Щукинъ, а?—строго проговорилъ Василій Ивановичъ, хмуря брови

Вылупивъ свои бычачьи глаза на старшаго офицера, боцманъ угрюмо молчалъ, нервно пошевеливая усами.

— Смотри, Щукинъ, не выводи меня изъ терпѣнія... Понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе! — сурово отвѣчалъ боцманъ и хотѣлъ-было уходить.

— Постой!.. Который разъ я тебѣ говорю, чтобъ ты докладывалъ мнѣ, если матросъ провинится, а не расправлялся бы самъ? Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе!—еще суровѣе промолвилъ боцманъ.—Но только какъ вамъ будетъ угодно, а за каждую малость не годится безпокоить ваше благородіе... Тогда матросы вовсе не будутъ почитать боцмана!—рѣшительно заявилъ Щукинъ обиженнымъ тономъ.

— Ты и не безпокой по пустякамъ!—проговорилъ, смягчаясь, Василій Иванычъ, чувствовавшій слабость къ старому боцману:—но только не очень-то давай своимъ рукамъ волю... Ты любишь это... знаю я. Ну, за что ты прибилъ Аксенова? Полюбуйся, какой у него фонарь... Срамъ! Ты вѣдь боцманъ, а не разбойникъ!—прибавилъ Василій Иванычъ, снова принимая строгій начальническій тонъ.

Щукинъ опять упорно молчалъ.

— Нагрубилъ онъ тебѣ, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

— Неисправенъ былъ?

— Матросъ онъ исправный, ваше благородіе!

— Такъ за что-жъ ты его прибилъ, скотина?—воскликнулъ, вспыливши, Василій Иванычъ.

— Матросъ онъ еще глупый, ваше благородіе!.. Не обученъ, какъ слѣдуетъ...

— Ну?..

— Для острастки, значитъ, ваше благородіе, чтобы по-

нималъ!—проговорилъ Щукинъ самымъ серьезнымъ убѣжденнымъ тономъ.

— Для острастки подшибъ глазъ?

— Насчетъ глаза, осмѣлюсь доложить, по нечаянности, ваше благородіе!—прибавилъ боцманъ, какъ бы въ оправданіе, снова принимая угрюмое выраженіе.

— Слушай, Щукинъ! Послѣдній разъ тебѣ говорю, чтобы ты людей у меня не портилъ!—строгимъ голосомъ началъ Василій Иванычъ, подавляя невольную улыбку.— Вѣдь стыдно будетъ, какъ тебя разжалуютъ изъ боцмановъ?..

Щукинъ сердито молчалъ.

— Какъ ты полагаешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— А дождешься ты того, что узнаешь, если не перестанешь разбойничать. Ступай! — рѣзко оборвалъ старшій офицеръ.

Боцманъ исчезъ изъ каюты. Когда онъ поднялся на палубу, никто и не подумалъ бы, что его только-что «разнесли»—до того важенъ и суровъ былъ видъ у Щукина. Только лицо его побагровѣло сильнѣе, да глаза еще болѣе выкатились.

— Видишь, боцманъ идетъ! Посторониться, что ли, не можешь... сволочь!—крикнулъ Щукинъ, намѣренно задѣвая плечомъ Аксенова и поводя на него презрительнымъ взоромъ.

Молодой матросъ отскочилъ въ сторону.

— Жаловаться, подлецъ!—прошепталъ, проходя далѣе, Щукинъ, сжимая кулакъ и ощущая сильное желаніе заушить Аксенова въ отместку за поступокъ, недостойный, по мнѣнію боцмана, порядочнаго матроса.

— Такъ выучатъ люди, Ефимка? — подсмѣялся Леонтьевъ.

Въ эту минуту и самъ Аксеновъ усомнился, чтобы нашлись люди, которые могли бы проучить грознаго боцмана.

— Зачѣмъ это васъ, Матвѣй Нилычъ, старшій офицеръ требовалъ?—полюбопытствовалъ баталеръ, когда боцманъ пришелъ на бакъ.

— Насчетъ работъ, значитъ, говорили...—усиленно небрежнымъ тономъ отвѣчалъ боцманъ.

— Вѣрно, что къ вечеру въ Гонконгъ придемъ?

— Должно, къ вечеру...

— А долго простоимъ, Матвѣй Нилычъ?

— Еще неизвѣстно... Объ этомъ у насъ разговору не было!—съ важностью молвилъ Щукинъ и прибавилъ:— Однако, сейчасъ и обѣдать... водку несите!

Колоколъ пробилъ шесть стклянокъ (11 часовъ), и съ мостика раздалась команда: «Пробу подать!»

Черезъ минуту кокъ въ бѣломъ колпакѣ и чистомъ передникѣ вынесъ маленькій подносъ съ двумя деревянными чашками, ложкой и сухаремъ. Принявъ подносъ, Щукинъ, сопровождаемый кокомъ, торжественно понесъ пробу. Кокъ остановился на шканцахъ, а боцманъ, поднявшись на мостикъ, гдѣ въ это время, кромѣ вахтеннаго офицера, находились капитанъ и старшій офицеръ,—подалъ пробу вахтенному офицеру, официально приложивъ растопыренные пять пальцевъ къ виску. Съ тою же официальностью вахтенный передалъ пробу старшему офицеру, который, въ свою очередь, подалъ ее, прикладываясь свободной рукой къ козырьку фуражки,—капитану.

Взявъ подносъ, капитанъ отвѣдалъ щей и пшенной каши, съѣлъ кусокъ сухаря и, похваливъ щи, передалъ пробу старшему офицеру. Василій Ивановичъ тоже отвѣдалъ и, передавая пробу вахтенному офицеру, сказалъ, что можно раздавать вино и обѣдать. Возвращая почти пустыя чашки боцману, вахтенный приказалъ свистать къ водкѣ.

Два матроса съ баталеромъ сзади уже несли ендову съ ромомъ, отъ котораго распространялся на палубѣ острый, пахучій ароматъ, щекотавшій обоняніе. По обыкновенію, шествіе сопровождалось веселыми замѣчаніями и остротами. На шканцахъ шествіе остановилось, и ендову бережно опустили на подостланный брезентъ. Послѣ этого два боцмана и всѣ восемь унтеръ-офицеровъ стали на шканцахъ въ кружокъ, приставивъ дудки къ губамъ, и, по знаку старшаго боцмана Щукина, вдругъ раздался долгій и пронзительный свистъ десяти дудокъ.

— Ишь, соловьи заливаются! — весело замѣчаютъ матросы, окрестившіе этотъ долгій веселый свистъ дудокъ, призывающій къ водкѣ, «пѣньемъ соловьевъ».

«Соловьи» смолкли. Толпа собралась вокругъ ендовы, и начался торжественный актъ раздачи водки.

Баталеръ со спискомъ въ рукѣ, отмѣчая крестиками пьющихъ и ставя палочки не пьющимъ *), выкрикивалъ

*) Не пьющимъ, по окончаніи каждаго мѣсяца, выдаются на руки деньги, равныя стоимости вина. Обыкновенно приходилось около 5 коп. на каждую чарку. Эти деньги матросы называютъ «заслугой».

громко фамиліи, начиная по старшинству: сперва выкликались боцмана, потомъ унтеръ-офицеры, потомъ матросы первой статьи и т. д. Въ отвѣтъ раздавались на разные голоса короткіе отрывистые: «яу!» или «яо!» и, выдѣлившись изъ толпы, матросъ подходилъ къ ендовѣ, принимая вдругъ тотъ сосредоточенно-строгій видъ, который бываетъ у людей, подходящихъ къ причастію. Снявъ шапку, а иногда и крестясь, онъ зачерпалъ мѣрной оловянной чаркой, по объему равняющейся порядочному стакану, ароматнаго «горлодера» и, стараясь не пролить ни одной капли, благоговѣйно подносилъ чарку къ губамъ, выпивалъ, крякнувъ, передавалъ чарку слѣдующему и поспѣшно отходилъ, закусывая припасеннымъ сухаремъ. Если неосторожный проливалъ вино, изъ толпы раздавались насмѣшливыя замѣчанія:

— Винцо, братъ, не пшеничка: прольешь — не подклюнешь!

Водка роздана. На палубѣ стелются брезенты. Артельщики разносятъ баки съ дымящимися щами и большіе куски горячей солонины въ сѣткахъ. Небольшими артелями, человѣкъ по десяти, матросы разсаживаются вокругъ бака, поджавъ подъ себя ноги. Передъ тѣмъ, какъ садиться, каждый крестится. Артельщикъ, выбранный каждою артелью, начинаетъ рѣзать солонину на мелкіе куски, и всѣ дожидаются, не дотрагиваясь до щей. Затѣмъ крошево валится въ бакъ, въ щи подливается уксусъ, и матросы принимаются за ложки.

У одного изъ баковъ, вблизи гротъ-мачты, между другими, сидѣли Ѳедосѣичъ, Аксеновъ и Леонтьевъ. Старый матросъ хлебалъ щи въ молчаніи, съ тою серьезностью, съ какой обыкновенно ѣдятъ простолюдины. Онъ ѣлъ истово, аккуратно, не спѣша, заѣдая щи размоченнымъ въ водѣ ржанымъ сухаремъ, и бережно сбиралъ падавшія сухарныя крошки. Аксеновъ весь отдался ѣдѣ. Глаза его плотоядно блестѣли, и румяное здоровое лицо покрывалось крупными каплями пота. Онъ уписывалъ жирныя щи за обѣ щеки, издавая по временамъ одобрительныя восклицанія. Послѣ скуднаго берегового пайка, онъ вволю отъѣдался на обильномъ морскомъ довольствіи, и находилъ, что «при такомъ харчѣ умирать не надо».

Леонтьевъ снисходительно подсмѣивался надъ восторгами «деревни». Щеголяя своимъ «хорошимъ тономъ», перенятымъ у кронштадтскихъ писарей, онъ старался «кушать

о-господски»: съ нѣкоторой небрежностью и будто не-
отя, словно желая подчеркнуть, что онъ привыкъ не къ
акой пищѣ и восторгаться какими-нибудь щами считаетъ
епріличнымъ. Во время ѣды онъ болталъ, видимо раз-
ражая своей болтовней стараго матроса. Ѳедосѣичъ, не-
олюбливавшій хлыщеватаго Леонтьева, хмурился, бросая
о временамъ на него сердитые взгляды, и, когда тотъ за-
елъ-было скоромную рѣчь насчетъ китаянокъ, Ѳедосѣичъ
е выдержалъ.

— Нашелъ время языкъ чесать!—строго замѣтилъ онъ.

— За обѣдомъ завсегда можно разговаривать. Это даже
полнѣ благородно...

— За хлѣбомъ, за солью пустяковъ не ври!.. Или васъ,
антонищину, этому не учили?..

— Ишь, строгій какой!—тихо огрызнулся Леонтьевъ и,
ѣсколько сконфуженный, замолчалъ.

Примолкли и остальные. Нѣсколько минутъ только
лышно было дружное сюсюканье людей, хлебавшихъ щи.

— Нести, что ли, еще, ребята?—спросилъ артельщикъ,
огда бакъ былъ выпростанъ, и на днѣ осталась одна
олонина.

Никто больше не хотѣлъ. Даже Аксеновъ не выразилъ
еланія. Тогда стали ѣсть крошево, стараясь не обгонять
ругъ друга, чтобы всѣмъ досталось мяса поровну.

Когда мясо было выпростано, артельщикъ пошелъ за
ашей и за масломъ.

— И скусная же была солонина!—прибавилъ, облизы-
аясь, Аксеновъ.

— Эка, нашелъ скуснаго!.. Надоѣла ужъ эта соло-
ина!—замѣтилъ Леонтьевъ, щуря глаза.—Завтра, по
райности, хоть свѣжинка будетъ!

— Разборчивый ты какой господинъ у насъ. Видно,
адко въ кантонистахъ ѣдалъ?—насмѣшливо промол-
илъ Ѳедосѣичъ.

— Небойсь, ѣдалъ!—хвастливо проговорилъ Леонтьевъ.

— Скажи, пожалуйста!—иронически вставилъ Ѳедо-
ѣичъ.

— Я, можетъ-быть, самыя отличныя кушанья ѣдалъ.

— Въ казармѣ, что ли?

— Зачѣмъ въ казармѣ? Мы, слава Богу, не въ одной
азармѣ свѣту видѣли! Была у меня, братцы, въ Крон-
тадтѣ одна знакомая, замѣсто повара у адмирала Лобо-
ясова жила... Можетъ, слыхали про адмирала Лоботря-

сова? Такъ придешь, бывало, въ воскресенье къ кухарченкѣ—она всего тебѣ предоставитъ: и солусу изъ телячьихъ мозговъ, и жаркова—тетерьки съ брусникой, и кремъ-брулея! Очень нѣжное это кушанье, братцы, кремъ-брулей!—продолжалъ Леонтьевъ, обводя всѣхъ торжествующимъ взоромъ и видимо довольный, что слово произвело нѣкоторый эффектъ.

— Тарелки, значитъ, вылизывалъ?—презрительно вставилъ Ѳедосѣичъ.

Среди матросовъ раздался смѣхъ.

— Это пусть вылизываетъ, кто настоящаго обращенія не знаетъ, а мы, братцы, и съ тарелокъ умѣемъ!—задорно возразилъ Леонтьевъ.

— Врать-то ты поперекъ себя толще!—проворчалъ, отворачиваясь, старый матросъ.

— То-то... врать!.. Посмотрѣлъ бы, какъ люди врутъ, а мнѣ врать нечего!

Принесли кашу, и всѣ занялись ѣдой. Прикончивъ кашу, поднялись, помолились и стали прибираться. Когда всѣ отобѣдали, и палуба была подметена, раздался свистокъ и команда: «отдыхать!» По случаю прохладной погоды, матросы пошли отдыхать внизъ.

Выбравъ укромное мѣстечко для себя и для своего любимца, Ѳедосѣичъ принялся доканчивать башмакъ, а молодой матросъ растянулся подлѣ.

— Тоже: «кремъ-брулей», лодырь этакій! — произнесъ вдругъ сердито Ѳедосѣичъ.—Небойсь, просилъ онъ у тебя денегъ, Ефимка?

— Просилъ. Доларь просилъ.

— А ты не давай. Ему, брехуну, пыли пустить, а тебѣ деньги нужны. Въ деревнѣ отецъ съ матерью въ нуждѣ живутъ, имъ бы прикопилъ по малости, спасибо скажутъ... И не вяжись ты лучше съ нимъ, Ефимка! Форцу-то его дурацкаго не перенимай! Форцу-то на ёмъ много, а совѣсти нѣтъ... Онъ молоденькихъ васъ облещиваетъ, чтобы денегъ выманить... Совсѣмъ пустой человѣкъ! Слышишь, денегъ ему не давай! — прибавилъ внушительно Ѳедосѣичъ.

— Я, было, обнадежилъ его, Ѳедосѣичъ!

— Пусть прежде отдастъ старыхъ два доляра. А то видитъ твою простоту и пристаетъ! Такъ и скажи ему: Ѳедосѣичъ, молъ, не велѣлъ!—заключилъ старый матросъ и принялся за работу.

Аксеновъ сталъ подхрапывать. Въ это время мимо проходилъ боцманъ. Замѣтивъ сладко спящаго матроса, изъ-за котораго его «срамилъ» старшій офицеръ, Щукинъ вскипѣлъ гнѣвомъ и съ сердцемъ пхнулъ ногой молодого матроса.

Аксеновъ проснулся и ошалѣлыми глазами смотрѣлъ на боцмана.

— Ты што на версту протянулъ лапы? Убери ногито!—грозно крикнулъ Щукинъ, прибавляя, по обыкновенію, цѣлый букетъ ругательствъ.

Матросъ покорно подобралъ ноги.

Ѳедосѣичъ пристально глядѣлъ на боцмана, держа въ рукѣ башмакъ, и, съ укоромъ покачивая головой, замѣтилъ:

— Не хорошо, Нилычъ! За что̀ зря пристаешь къ человѣку...

— А тебя спрашивали?—окрысился Щукинъ:—ты кто такой выискался совѣтчикъ, а? Молчи лучше, а то какъ бы и тебѣ не попало! — проговорилъ Щукинъ и пошелъ далѣе.

— Гляди, не поперхнись, Нилычъ!—кинулъ ему вслѣдъ спокойно Ѳедосѣичъ.

Щукинъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ замѣчанія стараго матроса, и, хмурый и недовольный, побрелъ въ свою каютку.

Ѳедосѣичъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и, минуту спустя, прошепталъ, какъ бы въ раздумьѣ:

— Зазнался человѣкъ, что вошь въ коростѣ. Впрямь проучить пора!

— Не проучить его! Напрасно только вчера я не пожалился на него. Вишь, какъ опъ пристаетъ!—жалобно произнесъ Аксеновъ.

— Глупый! Небойсь, и не такихъ учивали! Богъ гордыхъ не любитъ!—успокоительно промолвилъ Ѳедосѣичъ и, принимаясь снова за башмакъ, запѣлъ свою тихую деревенскую пѣсенку, пріятные, твердые звуки которой производили впечатлѣніе чего-то необыкновенно хорошаго, простого и спокойнаго.

V.

Черезъ три дня первая вахта собиралась на берегъ.

Матросы выходили на палубу вымытые, подстриженные, подбритые, въ чистыхъ рубахахъ и новыхъ, спу-

щенныхъ на затылки, шапкахъ. На многихъ были собственныя рубахи изъ тонкаго полотна, шелковыя косынки и лакированные пояса съ тонкимъ ремешкомъ, на которомъ висѣлъ матросскій ножъ, спрятанный въ карманъ штановъ. Всѣ имѣли праздничный оживленный видъ.

Леонтьевъ только-что вышелъ снизу, расфранченный, въ щегольской рубахѣ, въ обтянутыхъ штанахъ, съ атласнымъ платкомъ на шеѣ, украшеннымъ бронзовымъ якорькомъ. Шапка на немъ была какъ-то особенно загнута на бекрень, свѣтло-рыжіе волосы густо намаслены, усы подфабрены, и весь онъ сіялъ, небрежно щуря глаза, и видимо щеголяя писарской развязностью своихъ манеръ. Онъ искалъ глазами Аксенова и, увидавъ молодого матроса, который въ эту минуту, улыбаясь довольной улыбкой, любовался своими новыми, только-что надѣтыми башмаками,—подошелъ къ нему и хлопнулъ его по плечу.

— Такъ какъ же, Ефимка? Выходитъ: обнадежилъ товарища, а теперь, братъ, на попятный, а?—проговорилъ онъ, отставляя ногу и покручивая усы, чтобы показать свой перстенекъ съ фальшивымъ аметистомъ, купленный за шиллингъ въ Сингапурѣ.

Аксеновъ поднялъ глаза и оглядывалъ франта-матроса, нѣсколько подавленный его великолѣпіемъ.

— Я вѣдь сказывалъ тебѣ: Ѳедосѣичъ не велитъ!—уклончиво отвѣчалъ молодой матросъ, не безъ зависти любуясь блестѣвшимъ на мизинцѣ у Леонтьева кольцомъ.

— Не срамись, Ефимка, право, не срамись! Начальникъ онъ тебѣ, что ли, Ѳедосѣичъ? Развѣ ты малый ребенокъ, что не смѣешь безъ Ѳедосѣича?.. У тебя, кажется, свой разсудокъ есть... Дай, голубчикъ, вѣдь ты обѣщалъ?—заискивающимъ тоненькимъ голоскомъ упрашивалъ Леонтьевъ въ то время, какъ плутоватые глаза его бѣгали по сторонамъ.

— Ѳедосѣичъ не велитъ!—съ упорствомъ повторилъ Аксеновъ.

— Вотъ зарядилъ: Ѳедосѣичъ, да Ѳедосѣичъ! Ты и не сказывай ему, что далъ, ежели ужъ ты такъ боишься своего Ѳедосѣича... Будь пріятелемъ—дай.

— Не проси лучше...

— Такъ ты взаправду не дашь мнѣ доллера, Ефимка?—спросилъ Леонтьевъ, неожиданно мѣняя тонъ.

— Сказано тебѣ: Ѳедосѣичъ не велитъ. У него и деньги.

— Такъ послѣ этого ты хуже свиньи, Ефимка! Ужо погоди—вспомнишь!

— Ты чего грозишься-то? Ты прежде мои два доларя отдай.

— Два «доларя»?—передразнилъ Леонтьевъ.—Ахъ ты, деревня неотесаная! -продолжалъ онъ, презрительно оглядывая молодого матроса.—Подождешь ты свои два «доларя», ежели ты такую подлость сдѣлалъ съ человѣкомъ! Гдѣ у тебя расписка, а?—съ наглой усмѣшкой прибавилъ Леонтьевъ и отошелъ прочь, окончательно смутивши молодого матроса.

— Первая вахта становись во фрунтъ! — прокричалъ вахтенный унтеръ-офицеръ.

Матросы пошли строиться. Послѣ повѣрки скомандовали садиться на шлюпки, и черезъ нѣсколько минутъ баркасъ и катеръ, полные людьми, отвалили отъ борта клипера. По обыкновенію, разодѣтый въ пухъ и прахъ, боцманъ Щукинъ сидѣлъ на баркасѣ на почетномъ мѣстѣ, весело пуча глаза и деликатно придерживая двумя пальцами клѣтчатый носовой платокъ. На баркасѣ онъ сбросилъ свою суровость и не игралъ въ начальника. Обращаясь къ сидѣвшимъ рядомъ матросамъ, онъ дружелюбнымъ товарищескимъ тономъ разсказывалъ о достоинствахъ англійскаго джина и, между прочимъ, приглашалъ Ѳедосѣича попробовать этого напитка вмѣстѣ. Однако, Ѳедосѣичъ отказался и во всю дорогу сосредоточенно молчалъ.

VI.

Къ вечеру баркасъ и катеръ шли къ клиперу, возвращаясь съ берега. Приближаясь къ судну, шумные разговоры и смѣхъ стихли. Шлюпки пристали, и началась высадка. Слегка пошатываясь, выходили подгулявшіе матросы на палубу и поскорѣй пробирались на бакъ, гдѣ шумно дѣлились впечатлѣніями съ оставшимися на клиперѣ. Нѣсколькихъ пришлось подымать на веревкѣ и въ безчувственномъ состояніи уносить на палубу и окачивать водой. Наконецъ, поднялся по трапу и Щукинъ, поддерживаемый сзади двумя болѣе трезвыми ассистентами, и при свѣтѣ фонарей предсталъ въ самомъ жалкомъ и истерзанномъ видѣ. Лицо стараго боцмана было въ кровавыхъ подтекахъ, одинъ глазъ вздутъ, рубаха изорвана, и отъ шелковой косынки висѣли одни клочки.

Хотя боцманъ былъ очень пьянъ, однако, при входѣ

на шканцы, онъ приложилъ руку къ виску, отдавая честь, и пролепеталъ: «Честь имѣю явиться!» Затѣмъ его отвели въ каюту и уложили.

Гардемаринъ, ѣздившій на берегъ съ командой, доложилъ старшему офицеру, что боцмана, сильно избитаго, привели на пристань Ѳедосѣевъ и еще два матроса, и объяснили, что нашли его въ такомъ видѣ, случайно зайдя въ кабакъ. Василій Иванычъ попросилъ доктора осмотрѣть Щукина. Скоро Карлъ Карловичъ вернулся и объяснилъ, что хотя боцманъ и «поврежденъ», но переломовъ нигдѣ нѣтъ, и черезъ день-другой онъ отлежится.

Тогда Василій Иванычъ велѣлъ позвать Ѳедосѣева.

Старый матросъ явился въ каютъ-компанію нѣсколько раскраснѣвшійся отъ выпитаго вина, но держался на ногахъ твердо. Онъ подтвердилъ старшему офицеру то же, что сказалъ и гардемарину.

— Кто же могъ избить боцмана? — спросилъ Василій Иванычъ.

— Должно, боцмана помяли англичане, ваше благородіе! — тихимъ и спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ Ѳедосѣичъ.

— Какіе англичане?

— Съ купеческихъ судовъ англичане, ваше благородіе. Ихъ тутъ есть...

— Почему ты думаешь, что англичане?

— Мы видѣли, ваше благородіе, что Нилычъ съ ними раньше связался пить шнапсы... Вѣрно, опослѣ и разодрались...

Василій Иванычъ покачалъ головой и отпустилъ Ѳедосѣича.

На слѣдующее утро Василій Иванычъ самъ заглянулъ въ каюту боцмана. Щукинъ лежалъ пластомъ. Все лицо его было обложено компрессами.

При видѣ старшаго офицера, старый боцманъ вскочилъ.

— Лежи, лежи, Щукинъ. Гдѣ это, братецъ, тебя такъ изукрасили?

— Не припомню, ваше благородіе!—хмуро отвѣчалъ боцманъ.

— Ѳедосѣевъ сказывалъ, что ты съ англичанами дрался?

Боцманъ на секунду вытаращилъ удивленно глаза, но вслѣдъ за тѣмъ съ живостью проговорилъ:

— Дрался, ваше благородіе!.. Виноватъ...

Василій Иванычъ сразу догадался, что на англичанъ взвели напраслину, но дальнѣйшихъ разспросовъ не продолжалъ и ушелъ, пожелавъ боцману скорѣй поправиться и впредь съ англичанами не драться.

Щукинъ отлеживался цѣлый день. Былъ уже вечеръ, когда въ каюту къ нему вдругъ шмыгнулъ Леонтьевъ.

— Кто здѣсь?

— Леонтьевъ, Матвѣй Нилычъ!

— Тебѣ что?—сердито спросилъ боцманъ.

— Я, Матвѣй Нилычъ, пришелъ доложить вамъ, по секрету, потому, какъ я завсегда уважалъ васъ и кромѣ хорошаго ничего отъ васъ не видалъ... Я знаю, кто это съ вами такъ подло, можно сказать, поступилъ. Я, если угодно, свидѣтелемъ подъ присягу пойду... Это Ѳедосѣевъ всему зачинщикъ... Я самъ слышалъ, Матвѣй Нилычъ, какъ онъ...

— Подойди-ка сюда поближе!—перебилъ его Щукинъ.

И когда матросъ приблизился, боцманъ вдругъ поднялся съ койки и со всего размаха закатилъ здоровую затрещину Леонтьеву, никакъ не ожидавшему такого сюрприза.

— Вотъ тебѣ, подлецу, по секрету! Ахъ ты, мерзавецъ этакій!.. Съ чѣмъ подъѣхалъ!

И грозный боцманъ, охваченный негодованіемъ, снова поднялъ свой здоровенный кулакъ, но Леонтьевъ благоразумно поспѣшилъ исчезнуть.

— Ишь вѣдь, подлый! — прошепталъ боцманъ, опускаясь на койку.

—

Послѣ происшествія въ Гонконгѣ, Щукинъ, по словамъ матросовъ, сталъ гораздо «легче на руку». Онъ дрался рѣдко, и если дрался, то съ «разсудкомъ». Ругался же онъ попрежнему артистически и нерѣдко восхищалъ самыхъ обруганныхъ матросовъ неожиданностью и разнообразіемъ своихъ импровизацій.

Съ Ѳедосѣичемъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и они нерѣдко вмѣстѣ пьянствовали потомъ на берегу. За то Леонтьеву доставалось-таки отъ боцмана. Слухъ о поступкѣ франта-матроса сдѣлался извѣстнымъ, и вся команда относилась къ нему недружелюбно.

VII.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я жилъ лѣтомъ въ Кронштадтской колоніи, близъ Ораніенбаума.

Гуляя какъ-то вечеромъ, я зашелъ на Ключинскую пристань полюбоваться недурнымъ видомъ на море. Тамъ дожидался щегольской катеръ съ военнаго судна, а на пристани стояла группа матросовъ въ бѣлыхъ рубахахъ, среди которой выдѣлялась чья-то низенькая коренастая фигура въ измызганномъ оборванномъ куцомъ пальтишкѣ.

— ...А ты думалъ какъ?.. Меньше какъ по двѣсти линьковъ у него, братецъ ты мой, не полагалось порціи... Въ иной день, бывало, половину команды отполируетъ... Одно слово—орелъ!..

Этотъ сиплый, надтреснутый, старческій басокъ показался мнѣ знакомымъ, сразу напомнивъ давно прошедшія времена. Я подошелъ поближе, и въ оборванномъ старикѣ узналъ бывшаго нашего лихого боцмана Щукина. Онъ сильно постарѣлъ. Испитое, бурое его лицо было изрѣзано морщинами и заросло сѣдой колючей бородой. Потускнѣвшіе глаза еще болѣе выкатились. Платье на немъ было самое жалкое, сапоги дырявые, и старая матросская шапка, надѣтая по старой привычкѣ на затылокъ, была какого-то вылинявшаго цвѣта.

— Или взять теперь боцмановъ... Рази теперь боцмана!? Шушера какая-то, а не боцмана!—продолжалъ, оживляясь, Щукинъ.—Одинъ срамъ... Чуть что—сичасъ фискалить на матроса, если матросъ не дастъ ему рупь-цѣлковый... Тьфу! Или теперь матросъ... Какой онъ матросъ?.. Ему только и мысли, какъ бы подъ судъ не попасть... Напился — подъ судъ! Портянки паршивыя пропилъ — подъ судъ! Сгрубилъ ежели—подъ судъ! Это, небойсь, порядки?..

Щеголеватый молодой унтеръ-офицеръ, слушавшій ламентаціи Щукина съ снисходительной улыбкой, съ важностью замѣтилъ:

— Ноньче другія права... При васъ закону не было, а теперь на все законъ...

— Законъ!?—презрительно выпячивая губу, повторилъ Щукинъ.—А что фитьфебеля у васъ ноньче съ матросовъ деньги берутъ, да при часахъ ходятъ—это законъ!? Выйдетъ это онъ: «фу ты на! Павлинъ да и только».. «Вы да вы», а отъ матроса рыло воротитъ—въ господа лѣзетъ... Форцу-то много, а если прямо сказать, такъ одно слово: шильники!.. Нѣтъ, братецъ ты мой, ежели ты боцманъ, ты учи матроса, бей его съ разсудкомъ, но только и совѣсть знай... А то изъ-за портянокъ ежели человѣка

несчастнымъ сдѣлать— это законъ!? Или ежели за всякую малость на матроса жаловаться,—это, по-твоему, законъ?!.. Нѣтъ, братъ, это не законъ... Это—тьфу!..—энергично окончилъ старикъ, сплюнувъ и выходя изъ кружка.

— Здравствуйте, Щукинъ!—проговорилъ я, подойдя къ старику.

Щукинъ оглядывалъ меня, видимо не узнавая. Я назвалъ себя.

— Вотъ гдѣ довелось встрѣтиться, ваше благородіе!—радостно привѣтствовалъ меня Щукинъ.—Вы, значитъ, вышли изъ флота?

— Вышелъ.

— Да и какой теперь флотъ, ваше благородіе! Вы вотъ спросите: умѣетъ ли онъ брамсель крѣпить... такъ онъ и брамселя-то не видалъ, а тоже матросомъ называется... Ишь вѣдь, тверезые они поньче какіе!—насмѣшливо прибавилъ старикъ, кивая на матросовъ.—А унтеръ-то у нихъ?.. При цѣпочкѣ... деликатнаго обращенія... все больше чай съ лимономъ... Другой народъ пошелъ, ваше благородіе!..

— А вы чѣмъ занимаетесь?

— А сторожемъ здѣсь при кладбищѣ,— да вотъ пристань караулю, чтобъ не сбѣжала... Спасибо, исхлопоталъ это мнѣ Василій Ивановичъ... Онъ не забываетъ стараго боцмана... замѣсто отца родного... Вотъ вышелъ окуньковъ половить... Съ десятокъ ужъ наловилъ, ваше благородіе...

— Выпить-то ему не на что, вотъ онъ и ловитъ окуней на сорокоушку!—насмѣшливо проговорилъ унтеръ-офицеръ, приблизившись къ намъ.

— Небойсь, у тебя не прошу, у сволочи!—сердито отвѣчалъ Щукинъ и пошелъ къ своей удочкѣ.

Я купилъ у Щукина окуньковъ, и онъ мгновенно удалился. Черезъ четверть часа онъ снова явился на пристань совсѣмъ охмелѣвшій, и скоро въ вечерней темнотѣ снова раздавался его пьяный, осипшій голосъ:

— Одно слово—левъ былъ... Рука—во!.. У насъ на «Фершантѣ» въ три минуты марселя мѣняли... А ты?.. Какой ты унтерцеръ? Тебѣ бы только компотъ въ штанахъ варить, а не то что какъ прежде бывало... Или когда мы на клиперѣ взаграницу ходили... Небойсь, служба была... Василій Иванычъ понималъ, какой я былъ боцманъ... У меня—шалишь, братъ...

ВѢСТОВОЙ ЕГОРОВЪ.

I.

Въ эти предпраздничные дни, въ большой, красиво убранной квартирѣ контръ-адмирала Лещова шла такая же усердная чистка, какая происходила и во всѣхъ домахъ столицы.

Изъ всей прислуги адмирала особенно неистовствовалъ по приведенію адмиральскаго кабинета въ порядокъ пожилой, небольшого роста, плотный и коренастый человѣкъ, въ куцой, измызганной черной «тужуркѣ», въ стоптанныхъ парусинныхъ башмакахъ, какіе носятъ въ плаваніяхъ матросы, съ широкимъ, далеко не казистымъ, нѣсколько суровымъ лицомъ, на красноватомъ фонѣ котораго алѣлъ небольшой носъ, похожій на луковицу, а изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей блестѣла пара темныхъ зоркихъ глазъ, умныхъ и необыкновенно добродушныхъ. Слегка искривленныя ноги и здоровенныя жилистыя руки пополняли неказистость этой, на видъ неуклюжей, сутуловатой фигуры.

Столь непрезентабельный для такой роскошной квартиры слуга, возбуждавшій ироническія улыбки въ франтоватомъ молодомъ лакеѣ, въ горничной и кухаркѣ, былъ Михайло Егоровъ, отставной матросъ, служившій у Лещова безотлучно пятнадцать лѣтъ. Сперва онъ былъ у него вѣстовымъ, а послѣ отставки остался при немъ въ качествѣ камердинера и довѣреннаго лица, на испытанную честность котораго можно было вполнѣ положиться. Егоровъ совершилъ съ своимъ бариномъ не мало дальнихъ и внутреннихъ плаваній, и все имущество барина было на рукахъ Егорова. Оба они за это долгое время до того привыкли одинъ къ другому, до того Егоровъ былъ вѣрнымъ человѣкомъ, заботившимся о своемъ командирѣ и объ его интересахъ съ какою-то чисто собачьей преданностью, что, несмотря на обоюдные недостатки, хорошо изученные другъ въ другѣ, они не могли разстаться, хотя и нерѣдко грозились этимъ оба въ минуты раздраженія.

Не разстались они даже и тогда, когда адмиралъ, по словамъ Егорова, «на старости лѣтъ ополоумѣлъ» и, несмотря на самыя ѣдкія предостереженія своего вѣстового, выслушанныя адмираломъ съ сконфуженнымъ видомъ, женился, два года тому назадъ, на молодой, хорошенькой и очень бойкой блондинкѣ, которую Егоровъ сразу же не взлюбилъ и прозвалъ почему-то «бѣлой сорокой».

Онъ тогда же просилъ адмирала «увольнить» его.

— Жили мы съ вами, Лександра Иванычъ, слава Ьогу, одни, а теперь мнѣ оставаться никакъ невозможно!—говорилъ Егоровъ своимъ мягкимъ баскомъ, поглядывая не безъ сожалѣнія на смуглое, заросшее бородой, некрасивое и радостное лицо своего «ополоумѣвшаго» адмирала.

— Это почему?..

— Сами, кажется, можете понять... Теперь у васъ другіе порядки пойдутъ съ адмиральшей-то... Адмиральша потребуетъ, чтобы вы взяли форменнаго камардина, а не то, чтобы держать такого, какъ я. Извѣстно, молодой супруги надо слушаться,—прибавилъ не безъ ироническої нотки въ голосѣ Егоровъ.

— Ты, скотина, языкъ-то свой прикуси!..

— Прикуси, не прикуси, а я вѣрно говорю...

Адмиралъ, нѣсколько смущенный, выругалъ Егорова на морскомъ діалектѣ и приказалъ остаться.

— При мнѣ будешь попрежнему... Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство...

— Только смотри... Не вздумай грубить барынѣ...

— Чего мнѣ грубить... Я до барыни и касаться не буду... У ихъ свои слуги будутъ... А я при васъ...

Во всемъ угождавшій своей молодой женѣ, въ которую былъ влюбленъ по уши, адмиралъ, однако, рѣшительно отстоялъ своего стараго вѣстового, далеко не изящный видъ котораго и громкій грубоватый голосъ нѣсколько шокировалъ изящную адмиральшу. Адмиралъ обѣщалъ, что Егоровъ не станетъ показываться ни въ гостиной, ни въ столовой,—для этого можно нанять приличнаго лакея,—а будетъ исключительно служить ему и ходить съ нимъ въ плаванія. Онъ вѣдь такъ привыкъ къ Егорову.

На этотъ компромиссъ адмиральша пошла, и довольный адмиралъ съ прежней терпѣливостью выслушивалъ ворчливыя замѣчанія, которыя позволялъ себѣ Егоровъ, особенно въ плаваніи, когда «бѣлая сорока» жила на дачѣ, и глав-

нымъ образомъ послѣ побывокъ на берегу, откуда Егоровъ возвращался по большей части «урѣзавши муху».

Эти замѣчанія въ послѣднее время касались, преимущественно, женитьбы адмирала. Молодая жена, тратившая много денегъ и заставлявшая адмирала сильно ограничивать свои расходы въ плаваніи, возбуждала въ Егоровѣ негодованіе. Кромѣ того, и поведеніе адмиральши ему не нравилось, и онъ, не безъ нѣкотораго основанія, предполагалъ, что «бѣлая сорока» обманываетъ адмирала, злоупотребляя его довѣрчивостью, и «путается» съ мичманами.

И нерѣдко, вернувшись съ берега, Егоровъ появлялся въ адмиральской каютѣ и, прислонившись къ двери, говорилъ заплетающимся языкомъ:

— А еще адмиралъ... Адмиралъ, а званія поддержать не можемъ... Прежде, бывало, офицеровъ честь честью... призовемъ обѣдать... угостимъ... Каждый день, какъ слѣдуетъ, по очереди три или четыре офицера у насъ кушали, а нонече—шабашъ!.. Одни кушаемъ... И денегъ у насъ нѣтъ... Тю-тю денежки... Айда на берегъ... А по какой такой причинѣ?.. Дозвольте васъ спросить, Лександра Иванычъ? Какъ вы объ этомъ полагаете, ваше превосходительство?

— Егоровъ! Ты пьянъ, каналья!.. Иди спать...

— И пойду...

Но вмѣсто того, чтобы уйти, Егоровъ оставался въ каютѣ и продолжалъ:

— А все-таки я вамъ, Лександра Иванычъ, всю правду скажу... Очинно мнѣ жалко тебя, моего голубчика... И сертучишко-то старенькій... и сапоги въ заплаткахъ, и припасу у насъ никакого... А кто виноватъ?.. Сами, Лександра Иванычъ, виноваты... Не послушались Егорова... Небойсь, Егоровъ, даромъ, что изъ матросовъ, а съ понятіемъ... Съ большимъ понятіемъ!.. Жили мы съ вами холостыми, то ли дѣло?.. Слава тебѣ, Господи! И деньги у насъ завсегда были, и всякаго припасу вдосталь, и званіе свое поддерживали... «Егоровъ! Шимпанскаго!»—«Есть!» И несу, что вгодно... А теперь, какъ глупость-то сдѣлалъ...

— Егоровъ! Пошелъ вонъ! Искровяню рожу!

Но эта угроза не только не пугала Егорова, а, напротивъ, приводила его даже въ нѣсколько восторженное состояніе.

— Что-жъ, искровяните. Сдѣлайте ваше одолженіе... Со всѣмъ моимъ удовольствіемъ! Я вѣдь любя говорю... Слава

Богу, пятнадцать лѣтъ служу вамъ честно... А все-таки вижу: хоша вы и адмиралъ, а разсудку въ васъ мало... Ну... хорошо... положимъ, бѣсъ взыгралъ на старости лѣтъ... Такъ женись, братецъ ты мой, на какой-нибудь степенной сахарной вдовѣ въ тѣлѣ и съ понятіемъ, а то...

Обыкновенно Егоровъ не доканчивалъ, потому что взбѣшенный адмиралъ срывался съ дивана и, схвативъ вѣстового за шиворотъ, ввергалъ Егорова въ его крошечную каютку и запиралъ ее на ключъ.

«Непремѣнно прогоню эту пьяную скотину!»—рѣшалъ адмиралъ въ пылу гнѣва. Но гнѣвъ проходилъ, и эта «пьяная скотина» снова являлась въ глазахъ адмирала близкимъ, преданнымъ человѣкомъ, а воспоминаніе нашептывало, какъ эта «пьяная скотина», жертвуя собой, спасла, во время крушенія, своего командира.

И адмиралъ прощалъ Егорову его дерзкія рѣчи во хмелю и ворчанья въ трезвомъ видѣ, какъ и Егоровъ, въ свою очередь, прощалъ адмиралу его ругань и кулачную расправу во время вспышекъ гнѣва.

И оба любили другъ друга.

II.

Егоровъ,—вообще аккуратный и исправный, по морской привычкѣ, человѣкъ,—довелъ кабинетъ и маленькую спальню адмирала до умопомрачающей чистоты. Все въ этихъ комнатахъ блестѣло и сверкало. Нигдѣ ни соринки, нигдѣ ни пылинки. Всѣ окна были вымыты и протерты суконками. Подоконники сіяли своей бѣлизной, и дверныя ручки и замки просто горѣли. Ковры были выбиты. Все адмиральское платье было вынесено на дворъ, провѣтрено, выбито и, вычищенное, аккуратно повѣшено въ шкапу. На случай, если адмиралъ поѣдетъ во дворецъ къ заутренѣ, Егоровъ надѣлъ на мундиръ ордена и привинтилъ звѣзды. Нужно ли прибавлять, что нѣсколько паръ адмиральскихъ сапогъ такъ блестѣли, что хоть смотрись въ нихъ, какъ въ зеркало.

До остальныхъ комнатъ, до «ейныхъ», какъ не безъ нѣкотораго презрѣнія Егоровъ называлъ другія комнаты, находившіяся подъ наблюденіемъ адмиральши, онъ не касался и только при видѣ безпорядка въ нихъ презрительно скашивалъ губы и поводилъ плечами. Убиравшіе эти комнаты лакей и горничная не пользовались его расположеніемъ. Онъ ихъ считалъ лодырями, и притомъ напускаю-

щими на себя «форцу», и относился къ нимъ недружелюбно, какъ и къ кухаркѣ и къ барынѣ. Молодую, хорошенькую адмиральшу онъ втайнѣ просто ненавидѣлъ и только дивился «дурости» адмирала, который ничего не видитъ и, вмѣсто того, чтобы оттаскать эту вертлявую «бѣлую сороку» за косы, лебезитъ передъ ней, словно ошалѣлый котъ, и не переломаетъ реберъ молодому господину изъ «вольныхъ»*), который, шельма, повадился ходить каждый день и выбираетъ время, когда адмирала нѣтъ дома.

— Совсѣмъ глупый мой адмиралъ, — часто думалъ вслухъ Егоровъ и искренно жалѣлъ своего адмирала.

Вообще, и адмиральша, и вся прислуга были въ глазахъ Егорова одной шайкой, обманывавшей и обкрадывавшей адмирала. Всѣ они были одни люди, а онъ съ адмираломъ—другіе, ничего не имѣющіе съ тѣми общаго. Ахъ, если-бъ адмиралъ прогналъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ женой, а то доведутъ они его до бѣды!

Однако, Егоровъ никогда не заикался объ этомъ адмиралу. У самого глаза, молъ, есть, а кляузы заводить онъ не намѣренъ.

И Егоровъ, зная, что и адмиральша далеко не расположена къ нему и сейчасъ бы прогнала его изъ дому, если-бъ не адмиралъ,—старался не показываться ей на глаза и при рѣдкихъ встрѣчахъ держалъ себя съ угрюмой почтительностью знающаго дисциплину матроса. А въ отношеніяхъ съ прислугой напускалъ на себя суровость, избѣгалъ съ ней разговаривать и водилъ дружбу только съ кучеромъ. Его одного онъ удостаивалъ своими воспоминаніями о дальнихъ плаваніяхъ и разсказами о разныхъ диковинахъ въ родѣ «акулъ-рыбы» или черномазыхъ людей, которые всякую пакость жрутъ и ходятъ, какъ мать родила, и у пріятеля своего въ кучерской протрезвлялся, когда, случалось, приходилъ домой пьяный и не желалъ идти къ себѣ въ маленькую комнатку, находившуюся вблизи спальни адмирала.

Въ свою очередь и Егоровъ пользовался среди прислуги репутаціей «грубаго и необразованнаго матроса», съ которымъ не стоитъ и связываться—облаетъ. За обѣдомъ на кухнѣ его дарили ироническими усмѣшками, на которыя Егоровъ не обращалъ обыкновенно ни малѣйшаго вниманія. И въ рѣдкихъ только случаяхъ, если франтоватый лакей,

*) Такъ матросы называютъ статскихъ.

въ угоду горничной, задѣвалъ Егорова, онъ совершенно спокойно выпаливалъ такое морское ругательство, что деликатная горничная и дебелая «кухарка за повара», жившая, какъ утверждала, только у генераловъ, въ страхѣ взвизгивали и убѣгали изъ кухни.

III.

Предвкушая удовольствіе получить на Свѣтло-Христово Воскресеніе отъ адмирала обычные пять рублей и по этому случаю «взять всѣ рифы», т. е. напиться вдребезги въ компаніи съ кумомъ, мастеровымъ изъ адмиралтейства, Егоровъ, наканунѣ подъ вечеръ, сидѣлъ въ своей крошечной, чисто прибранной комнаткѣ, гдѣ у образа теплилась лампадка, и исправлялъ кое-какія погрѣшности своего праздничнаго туалета, въ которомъ онъ собирался, честь-честью, идти къ заутренѣ, — какъ въ дверь раздался стукъ.

— Что надо? Входи.

— Барыня васъ требуетъ!—объявилъ молодой лакей.

— А гдѣ твоя барыня?

— Въ столовой, и вашъ баринъ тамъ!—подчеркнулъ лакей.

Егоровъ, по старой морской привычкѣ, рысцой понесся въ столовую.

Тамъ сидѣла адмиральша въ капотѣ, нѣсколько томная и уставшая отъ хозяйственныхъ хлопотъ, и около нея адмиралъ.

— Вы свободны, Егоровъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство!—гаркнулъ Егоровъ и кинулъ взглядъ на адмирала, словно бы спрашивая его: «свободенъ ли онъ?»

— Ахъ, не кричите такъ громко! Онъ — тебѣ, Александръ, не нуженъ? Я Антона посылаю къ портнихѣ...

— Нѣтъ.

— Такъ пожалуйста, Егоровъ, сходите за окорокомъ, за куличами и за пасхой и привезите поскорѣй все это сюда... Можете оттуда взять извозчика...

И адмиральша не безъ нѣкоторой брезгливости протянула свою маленькую ручку и, словно бы боясь прикоснуться къ большой и жилистой рукѣ Егорова, осторожно опустила на его широкую ладонь деньги и квитанціи съ написанными на нихъ адресами.

— Слушаю, ваше превосходительство!

И, зажавъ въ своей рукѣ все, что ему передала адмиральша, онъ вышелъ изъ столовой.

Въ коридорѣ его нагналъ адмиралъ и заботливо сказалъ:

— Смотри, Егоровъ, не запоздай... Не заходи никуда...

— Куда же заходить, Лександра Иванычъ, окромя туда, куда приказано?.. Будьте покойны. Духомъ слетаю...

И Егоровъ дѣйствительно «духомъ» слеталъ изъ Сергіевской на Конюшенную за куличами и за пасхой, оттуда на Литейную за двумя окороками и фаршированнымъ поросенкомъ и уже рядилъ извозчика, чтобъ везти домой всѣ эти припасы, какъ его хлопнулъ по плечу «кумъ мастеровой» и весело воскликнулъ:

— Михаилу Нилычу, наше вамъ.

— Здорово, кумъ...

Тары-бары, разговорились, и такъ какъ на улицѣ разговаривать было не совсѣмъ удобно, то кумъ предложилъ зайти въ заведеніе.

— Выпьемъ по случаю кануна, Нилычъ, по сорокоушкѣ и айда—по своимъ дѣламъ. Ты къ своему адмиралу, а я къ своей хозяйкѣ... Къ заутренѣ пойдемъ... Завтра, вѣдь, какой праздникъ!..

Кумъ такъ резонно говорилъ, что Егоровъ, нисколько не подозрѣвая опасности, какой подвергается и его слабость къ спиртнымъ напиткамъ, и всѣ эти порученные ему припасы, съ удовольствіемъ принялъ предложеніе, и оба пріятеля, бережно забравъ кульки и картонки, вошли въ заведеніе, чтобы наскоро раздавить по сорокоушкѣ.

— А то мнѣ надо, кумъ, торопиться,—говорилъ Егоровъ, процѣживая водку съ медленностью настоящаго пьяницы.

— То-то я и говорю... И мнѣ нужно, кумъ.

IV.

Былъ одиннадцатый часъ вечера, а Егоровъ еще не возвращался. Адмиральша сперва вздыхала, потомъ злилась и наконецъ пришла въ отчаяніе. Вѣдь это ужасно! Къ ней обѣщали пріѣхать разгавливаться нѣкоторые близкіе знакомые и... и до сихъ поръ ничего нѣтъ!

Нечего и говорить, что болѣе всѣхъ досталось адмиралу.

— Вонъ вашъ преданный и вѣрный человѣкъ... Нечего сказать, хорошъ! Первый разъ я рѣшилась дать ему порученіе...

— Да ты не волнуйся, Катенька!.. Онъ все принесетъ!— успокаивалъ жену адмиралъ, давно уже и самъ волновавшійся, такъ какъ зналъ, что если Егоровъ не удержится и выпьетъ, то бѣда.

— Какъ тутъ не волноваться?.. Это вѣдь Богъ знаетъ, что такое... И ты еще держишь при себѣ такого пьяницу... Неужели и послѣ этого ты не прогонишь его?..

— Но, Катенька...

— Ахъ, что вы все: Катенька да Катенька!.. Это, наконецъ, просто глупо!—воскликнула Катенька съ раздраженіемъ и заперлась въ спальнѣ.

Адмиралъ взбѣшенный ходилъ по кабинету, мысленно осыпая Егорова самою отборною бранью, какую онъ позволялъ себѣ только въ морѣ.

Ужъ онъ хотѣлъ было идти къ женѣ и предложить ѣхать немедленно въ лавки и все купить, какъ въ кабинетъ вбѣжала жена и крикнула голосомъ, полнымъ раздраженія:

— Подите... полюбуйтесь, что привезъ вашъ преданный человѣкъ! Идите!

Адмиралъ покорно и съ виноватымъ видомъ пошелъ вслѣдъ за женой въ столовую и—о, ужасъ!—вмѣсто двухъ пасохъ были какія-то приплюснутыя лепешки. По счастію, окорока, поросенокъ и куличи были цѣлы.

— Ахъ, мерзавецъ!—проговорилъ только адмиралъ.

— Какъ же мы будемъ безъ пасхи!—охала адмиральша.

Адмиралъ тотчасъ же велѣлъ лакею ѣхать за пасхами и крикнулъ:

— Позвать сюда Егорова!..

Чрезъ минуту-другую въ столовую вошелъ Егоровъ. Онъ довольно твердо держался на ногахъ, хотя и былъ сильно пьянъ.

— Христосъ-воскресе, Лександра Иванычъ... Виноватъ, ваше превосходительство... Это точно, помялъ пасхи... потому кума встрѣлъ...—говорилъ Егоровъ заплетающимся языкомъ.

— Онъ совсѣмъ пьянъ!—промолвила въ ужасѣ адмиральша.

— Точно такъ, ваше превосходительство... Пьянъ, но васъ это не касается... Я Лександры Иваныча вѣстовой, а не вашъ. Адмиральскій слуга... Пусть онъ меня расказнитъ!.. Бейте меня, Лександра Иванычъ, подлеца... Не жалѣйте Егорова, за пасхи... Все отъ васъ приму, потому

жалко мнѣ васъ... Жили мы, слава Богу, прежде хорошо, а какъ вы на старости лѣтъ...

— Вонъ!—заревѣлъ адмиралъ и вытолкалъ Егорова изъ столовой.

Цѣлую недѣлю Егоровъ пьянствовалъ и, отрезвившись, явился къ адмиралу и просилъ его «увольнить».

Но адмиралъ, уже упросившій жену простить Егорова и взявши съ нея слово никуда его не посылать, не уволилъ Егорова и лѣтомъ взялъ съ собой въ плаванье.

НОЧЬЮ.

I.

Надъ Атлантическимъ океаномъ давно опустилась ночь. По обыкновенію, она явилась внезапно, почти безъ сумерекъ, эта чудная тропическая ночь, дышавшая нѣжной прохладой, полная чарующей прелести и какой-то волшебной таинственности.

Въ такія ночи дышится полной грудью. Какой-то безотчетный восторгъ невольно охватываетъ душу и является приподнятость настроенія, пока не притупятся нервы и не станетъ клонить ко сну.

Словно самъ охваченный дремой, старикъ-океанъ будто притихъ.

Ласковый къ морякамъ въ этихъ широтахъ сѣверо-восточнаго пассата, онъ тихо, совсѣмъ тихо и безъ признака гнѣва, рокочетъ, лѣниво переливаясь своими, казалось, сонными волнами и нѣжно, съ тихимъ любовнымъ блескомъ, лижетъ бока маленькаго трехмачтоваго военнаго клипера «Ласточка».

Съ благодатнымъ пассатнымъ вѣтромъ, мягкимъ и нѣжнымъ, почти безшумно несется клиперъ, слегка покачиваясь, подъ всѣми парусами, узловъ по семи въ часъ, оставляя за кормой слѣдъ въ видѣ широкой и блестящей фосфорической ленты. Брильянтовыя брызги воды разсыпаются у его носа.

А съ выси темнаго и далекаго, словно бы бархатнаго купола, съ важной томностью глядитъ полная луна (свѣтитъ во «всю рожу», какъ говорятъ моряки), обливая серебристымъ блескомъ полоску океана, и ласково мигаютъ безчисленныя звѣзды.

Порой какая-нибудь «непокорная» или «виноватая», какъ называютъ матросы падающія звѣзды, сорвется и скатится яркимъ снопикомъ въ океанъ, и снова небо горитъ величаво-спокойное.

На «Ласточкѣ» царитъ тишина.

Всѣ, кромѣ вахтенныхъ, крѣпко спятъ.

Вахтенный офицеръ, весь въ бѣломъ съ разстегнутымъ воротомъ сорочки, ходитъ себѣ взадъ и впередъ по мостику, остерегаясь прислониться къ поручнямъ, чтобъ не задремать. Онъ посматриваетъ на горизонтъ, взглядываетъ на компасъ, на паруса и, время отъ времени, сдерживая голосъ, чтобъ не разбудить спящихъ на палубѣ матросовъ (внизу спать душно), вскрикиваетъ:

— На бакѣ! Впередъ смотрѣть!

— Есть! Смотримъ!—раздается обычный отвѣтъ.

И опять тихо. Только раздается храпъ.

Вахтенное отдѣленіе матросовъ стоитъ на своихъ мѣстахъ. Многіе, притулившись у мачтъ, дремлютъ. Нѣкоторые «лясничаютъ» или кто-нибудь разсказываетъ сказку. Но говорятъ всѣ тихо, почти шепотомъ, словно бы боясь нарушить очарованіе этой волшебной ночи.

II.

Колоколъ на бакѣ пробилъ четыре раза, то-есть четыре стклянки (два часа).

Часовые, сидѣвшіе на носу и смотрѣвшіе впередъ, повернули головы въ ожиданіи смѣны и возможности покурить.

— Эй, кому? Выходи, смѣна!—лѣниво проговорилъ сонный боцманъ.

И, чтобъ разогнать сонъ, подошелъ къ кадкѣ съ водой, стоявшей впереди фокъ-мачты, и, набивъ свою куцую трубчонку махоркой, закурилъ фитилемъ, тлѣвшимъ въ мѣдной коробкѣ.

Изъ небольшой кучки баковыхъ, дремавшихъ у передняго орудія, выдѣлились два матроса. Одинъ—крупный, полнотѣлый блондинъ съ рыжими баками; другой—маленькій и худощавый съ небольшими усами. Оба были молодые. Блондинъ, впрочемъ, постарше.

Они подошли къ часовымъ, и маленькій матросикъ, потягиваясь и зѣвая, проговорилъ:

— Что братцы, много насмотрѣли?

— Будетъ съ насъ. Смотри теперь вы, а мы покуримъ. Страсть хочется!—весело отвѣчалъ одинъ изъ часовыхъ.

Они вылѣзли изъ своихъ гнѣздъ на носу у самаго бугшприта, и на ихъ мѣстахъ сѣли рядомъ новые часовые, обязанные немедленно крикнуть, если увидятъ огонекъ судна или силуэтъ его, когда «купецъ», какъ часто случается, не несетъ по безпечности отличительныхъ огней.

Нѣсколько минутъ оба матроса сидѣли въ глубочайшемъ молчаніи.

Крупный блондинъ напряженно и, казалось, тоскливо и задумчиво глядѣлъ на серебристый, тихо рокочущій океанъ, теряющійся въ темной дали горизонта, надъ которымъ горѣли звѣзды точно внизу, у самаго океана.

Маленькій матросикъ сперва лѣниво посматривалъ то вправо, то влѣво, но скоро сталъ поклевывать носомъ. Вѣтерокъ, обдувавшій его, такъ и навѣвалъ дрему. На носу покачивало точно въ люлькѣ.

Сосѣдъ толкнулъ маленькаго матросика въ бокъ.

Тотъ встрепенулся и спросилъ:

— Видно что̀, Макаровъ?

— Ничего не видно, а какъ бы тебѣ, Дудкинъ, боцманъ не начистилъ зубовъ... Онъ лукавый... Подкрадется, и не услышишь...

— А и бѣда какъ ко сну клонитъ! — промолвилъ, потягиваясь, Дудкинъ.—Главная причина — вѣтеркомъ опахиваетъ...

И, взглянувъ вокругъ, прибавилъ:

— Экая вѣдь теплынь стоитъ въ энтихъ самыхъ, значитъ, тропикахъ! Небойсь, въ Кронштадтѣ теперь, какъ есть, закрутила зима, а здѣсь — благодать! И плывемъ себѣ, точно у Батюшки Христа за пазухой... Ни тебѣ рифы брать, ни тебѣ никакой опаски. Хо-ро-шо!—протянулъ Дудкинъ.

По сдержанно-задумчивому лицу Макарова казалось, что онъ далеко не раздѣлялъ восторга товарища насчетъ благодати плаванія даже и въ тропикахъ, и Кронштадтъ былъ ему несравненно милѣе.

Однако, онъ почему-то не выразилъ своего мнѣнія и, подавивъ вздохъ, промолвилъ:

— Положимъ, здѣсь матросу вольготно, но только такихъ мѣстовъ у Господа совсѣмъ немного.

— То-то, матросы, кои въ «дальнюю» раньше ходили, сказывали, что вовсе мало такихъ мѣстовъ.

— Мало и есть... Здѣсь-то окіянъ, гляди, какой, шельма, ласковый... Словно заманиваетъ...

Въ эту минуту недалеко, подъ носомъ клипера, раздался плескъ. На лунномъ свѣтѣ изъ воды показалось какое-то громадное черное пятно и вслѣдъ затѣмъ съ шумомъ вылетѣлъ фонтанъ воды.

— Китъ!

— Онъ и есть!.. Играетъ, шельма!..

— И сколько, подумаешь, въ этомъ окіянѣ всякой твари... Вчерась акулу видѣли... Попадись-ка къ ей!—замѣтилъ Дудкинъ и, нѣсколько разгулявшійся, не чувствовавшій дремы, сталъ смотрѣть на то мѣсто, гдѣ показался китъ.

— Ушелъ, видно!—проговорилъ, наконецъ, онъ.

— Небойсь, онъ ходко плаваетъ. Да, братецъ ты мой, такихъ мѣстовъ немного,—снова началъ Макаровъ, словно бы чувствовавшій неодолимую потребность разочаровать увлекающагося Дудкина, съ которымъ онъ обыкновенно стоялъ на часахъ и былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, хотя до сихъ поръ и не особенно откровенничалъ съ нимъ.—Вотъ минуемъ, значитъ, эти мѣста, опять матросу нудно станетъ, въ родѣ бытто каторги... Извѣстно, флотская служба... Всего впереди повидаемъ: и штурмовъ, и этихъ самыхъ индійскихъ «вурагановъ». Егорычъ сказывалъ, что страшнѣй ихъ ничего на морѣ нѣтъ...

— Ну?

— То-то: «ну!» Помнишь, какъ по выходѣ изъ Бреста-города мы Господа Бога вспоминали?

— Какъ не помнить? Форменная штурма была.

— Ну, такъ она ничего не стоитъ супротивъ индійскаго «вурагана».

— Ишь ты, каторжный...

— Егорычъ объяснялъ, что окіянъ ровно въ котлѣ тогда кипитъ, а вихорь со всѣхъ сторонъ такъ и крутитъ... И главное, говоритъ, дѣло, чтобы къ ему, къ анаѳемѣ, въ самую пасть, въ нутро, значитъ, не угодить... Командиръ долженъ въ оба глядѣть, чтобы не допустить до нутра, значитъ...

— А ежели, примѣрно, угодишь?

— Тогда шабашъ! Смерть всѣмъ!—категорически произнесъ Макаровъ.

Впечатлительный Дудкинъ даже вздрогнулъ.

— Ну, нашъ капитанъ не допуститъ... Онъ—башковатый...

— И доберъ—матроса жалѣетъ. Который ежели командиръ съ матросомъ доберъ, того и Господь хранитъ... Не дастъ затменію найти... Однако, три года назадъ одинъ нашъ клиперъ «Опричникъ» безвѣстно пропалъ... Можетъ, слышалъ?

— Слышалъ. Сказывали, ни одной души живой не осталось.

– Гдѣ ужъ тутъ... Всѣ до единаго потопли въ этомъ самомъ «вураганѣ».

— А какъ же, Макаровъ, дознались, въ коемъ мѣстѣ клиперъ потопъ?

— Дознались... Повсемѣстно опросъ пошелъ. Начальство, значитъ, разослало повѣстки во всѣ державы и ко всѣмъ, значитъ, нашимъ концырямъ. «Такъ, молъ, и такъ. Такого-то числа ушелъ съ Явы-острова россійскій корабль и не подаетъ о себѣ вѣсти. Такъ не видалъ ли, молъ, кто россійское судно или, можетъ, не слыхалъ ли...» Ну, опосля, какъ навели справки, и обозначилось. Одинъ «французъ»—купеческій, что тотъ же «вураганъ» терпѣлъ, видѣлъ нашъ бѣдный клиперокъ.

— Видѣлъ?

— То-то встрѣлъ. И было это, братецъ ты мой, какъ разъ на первый день Рождества Христова. И купеческій «французъ» страху набрался, потерялъ гротъ-мачту, однако, въ центру этого дьявола не попалъ и его въ емъ не закрутило. Спасся. И какъ увидалъ онъ, какъ мимо пронесся нашъ-то «Опричникъ» подъ россійскимъ флагомъ, французъ, какъ слѣдуетъ, обозначилъ въ шканечномъ журналѣ: «Такъ, молъ, и такъ. Ежели, говоритъ, русскій корабль будетъ идти этимъ самымъ курцомъ—попасть ему въ центру. Господи, спаси и помилуй. И мы потеряли гротъ-мачту и бѣдуемъ...» По этой выпискѣ у француза и открылось дѣло-то. Въ самый, значитъ, праздникъ наши-то смерть приняли въ окіянѣ, далеко отъ своей стороны...

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Дудкинъ, видимо, былъ подъ впечатлѣніемъ разсказа.

Наконецъ, онъ спросилъ:

— Поди, рыбы ихъ съѣли?

— Надо-быть, акулы. Тамъ ихъ страсть, этихъ самыхъ акуловъ.

— А души-то какъ?

— Души стонутъ, какъ буря поднимается... За другихъ Бога молятъ... Небойсь, слышалъ, какъ въ погоду изъ моря ровно воетъ кто... Это и есть потопшія души...

— Давай, Макаровъ, лучше о чемъ другомъ говорить, а то ты все такое нехорошее да тоскливое заводишь!— проговорилъ вдругъ Дудкинъ.

Веселый и жизнерадостный, большой ухаживатель, плѣнившій не мало кронштадтскихъ кухарокъ и горничныхъ

и восхитившій въ Брестѣ молодую бретонку-прачку, любившій кутнуть на берегу, исправный матросъ, не особенно разборчивый въ лишнихъ тычкахъ боцмана,—Дудкинъ невольно протестовалъ всѣмъ своимъ существомъ противъ мрачнаго настроенія Макарова.

Такая чудная тропическая ночь, которая, казалось, такъ и дышитъ ласковымъ призывомъ къ жизни, а Макаровъ заводитъ такіе разговоры!

— Ай, не любишь? Тебѣ бы только слушать про веселое?—тихо усмѣхнулся Макаровъ.—Ужъ такая, братъ, наша служба тоскливая. Хуже флотской, кажется, и на свѣтѣ нѣтъ... Главное дѣло: не привыченъ россійскій человѣкъ къ водѣ...

— Это ты правильно.

— На сухой пути куда лучше... На сухой пути ты какъ есть въ полномъ разсудкѣ. И опять же: шляйся по разнымъ морямъ да окіянамъ, когда, можетъ, тебя тоска нудитъ по своей сторонѣ...

— Это что и говорить!—согласился Дудкинъ.—Кабы воля, развѣ кто пошелъ въ матросы, да еще въ дальнюю? Назначили... тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Терпи!

Макаровъ ничего не отвѣтилъ.

Попрежнему задумчивый, смотрѣлъ онъ передъ собой, и мысли его, казалось, были далеко-далеко отъ этого тихо рокочущаго океана.

— А вѣдь есть матросы, что̀ сами въ дальнюю просятся!—заговорилъ Дудкинъ.—Вотъ у насъ сказываютъ, двое просились...

— Просятся. И я вотъ просился!

— Ты!—воскликнулъ удивленно Дудкинъ.

— То-то, я. И могъ бы не идти, не трогали. «Ласточка» не нашего экипажа, а вотъ пошелъ... У ротнаго своего просился.

Макаровъ проговорилъ эти слова съ какой-то грустной покорностью.

— И дуракъ однако ты, Макаровъ!—рѣшительно произнесъ Дудкинъ.—Самому тошно въ морѣ, а онъ просился... Какая такая причина?

— Пожалуй, что и дуракъ, а причина была! — значительно протянулъ Макаровъ.—Была, братецъ ты мой, причина!—повторилъ онъ.

Нѣсколько минутъ Макаровъ молчалъ и словно бы не рѣшался входить въ дальнѣйшія объясненія, раздражая

своимъ молчаніемъ любопытство Дудкина до послѣдней степени.

Въ самомъ дѣлѣ, какая такая причина могла заставить человѣка самому проситься въ «дальнюю»? Положимъ, на «Ласточкѣ» было двое старыхъ матросовъ, что̀ сами просились. Но они шли во второй разъ и были, что называется, «отчаянные»—ничего не боялись и находили, что въ морѣ тѣмъ хорошо, что харчъ лучше и каждый день чарка идетъ, и есть на что̀ погулять на берегу.

А Макаровъ былъ совсѣмъ не такой. Тихій, послушливый, исправный, онъ никакой матросской «отчаянности» не выказывалъ и далеко не былъ лихимъ матросомъ. Такъ себѣ, самый заурядный.

— Можетъ, тебя въ экипажѣ притѣсняли, Макаровъ? Зря драли?—спросилъ, наконецъ, Дудкинъ.

— Нѣтъ, братецъ ты мой, этого не было... И драли меня за всѣ мои четыре года службы всего два раза—это когда я на кораблѣ «Фершантѣ»*) первый годъ служилъ—по пятидесяти линьковъ всыпали—командиръ у насъ заносистый былъ и къ матросу лютъ... А что въ экипажѣ, такъ очень даже спокойно было. И ротный, и фитьфебель ничего себѣ, съ разсудкомъ люди и не звѣрствовали... Ну, да и я всегда опаску имѣлъ... завсегда былъ смирнымъ и непьющимъ матросомъ, чтобы, значитъ, отъ грѣха подальше... Ну ихъ!..

— Такъ изъ-за чего же ты просился?..

Макаровъ не сразу отвѣчалъ, видимо стѣсняясь довѣрить свою тайну товарищу.

Расположила ли его къ откровенности эта чудная теплая ночь съ мигающими звѣздами, и онъ чувствовалъ потребность высказаться, или Дудкинъ вселялъ довѣріе къ себѣ, но только Макаровъ, послѣ минуты, другой нерѣшительнаго молчанія, наконецъ, проговорилъ съ нѣкоторой торжественностью:

— Только смотри, Егорка, никому не болтай. Чтобы, значитъ, въ секретѣ...

— Не сумлѣвайся, Вась... Слава Богу, пріятели...

— Нѣтъ, ты побожись!

— Вотъ-те крестъ!

И Егорка Дудкинъ съ самымъ торжественнымъ и серьезнымъ видомъ перекрестился три раза.

---

*) Такъ матросы передѣлали названіе корабля «Фершампенуазъ».

III.

Тогда Макаровъ, не спуская глазъ съ океана, тихимъ и словно бы виноватымъ голосомъ застѣнчиво промолвилъ:

— Причина вся, братецъ ты мой, вышла изъ-за бабы...

— Изъ-за ба-бы?—разочарованно протянулъ Дудкинъ.

«И впрямь дуракъ!»—подумалъ онъ, взглядывая не безъ нѣкотораго снисходительнаго презрѣнія на человѣка, который изъ-за бабы могъ сдѣлать такую большую глупость.

— Изъ-за жены, значитъ.

— Такъ ты женатый? А я этого не зналъ... Опостылѣла, что ли, жена? Такъ ты бы ее въ деревню, а то изъ-за бабы да въ дальнюю... Чудно что-то? — недоумѣвалъ Дудкинъ.

— И вовсе не опостылѣла... Что ты?—почти испуганно проговорилъ Макаровъ.—Я ее очень даже почитаю и жили мы, какъ слѣдуетъ, согласно... Ни за что не ушелъ бы я отъ жены... Баба хорошая, разсудливая и изъ себя чистая, красивая и ядреная... однимъ словомъ, форменная баба... Характерная только маленько... командовать любитъ, а то никакой нѣтъ за ей недоимки,—описывалъ Макаровъ свою жену, видимо сдерживая себя и словно стыдясь передъ товарищемъ признаться въ своей безграничной любви къ ней. И тѣмъ не менѣе голосъ матроса звучалъ необыкновенной нѣжностью, выдавая его чувство.

— Ну хорошо, братецъ ты мой. Нонѣшнимъ лѣтомъ, какъ узнала она, что «Ласточка» идетъ взаграницу, пристала ко мнѣ: просись, да просись въ дальнюю. Жалко, говоритъ, тебя будетъ, да за то вся жизнь наша обернется. Денегъ, говоритъ, прикопишь, вернешься съ деньгами, лучше будемъ жить... въ оборотъ по торговлѣ деньги пустимъ—она, братъ, у меня баба оборотистая! — вставилъ восторженно Макаровъ:—а то, говоритъ, теперь мы мыкаемся, мыкаемся... Силушки, говоритъ, моей нѣтъ... Пожалѣй свою женку... И то сказать... жалко ее было...

— Ишь, тоже... А ты бы ее по загривку!—перебилъ возмущенный Егорка.

— Что ты? У меня и духу бы не хватило... Ни бабу, ни дитю нельзя забижать... На ихъ руку подымать не годится... Грѣхъ!

— Жену бить грѣхъ, ежели она, примѣрно сказать, дерздничаетъ?—удивился Егорка.

— То-то жалко, говорю... Пусть лучше куражится, Богъ

съ ей... Да она, братецъ, и не изъ такихъ, что сустерпитъ... Сама, ежели что, огрызнется...

— Видно, такого дурака, какъ ты, она и сама учивала, а?—насмѣшливо спросилъ Егорка.

— А хоша бы сгоряча и вдарила, развѣ я за это долженъ надъ ей тиранствовать?.. Если у тебя совѣсть есть—ты бабу прости, на то она и баба!—горячо проговорилъ Макаровъ, не рѣшаясь однако прямо сознаться, что любимая имъ женщина, случалось, костыляла его по шеѣ.

— Однако, баба ты самъ, какъ я посмотрю!.. Виданое ли дѣло, чтобы матросъ и такихъ понятіевъ!.. Облестила она тебя, значитъ, вовсе... Я никогда бы не позволилъ... И, главное, ты вотъ ушелъ, а она... гулять станетъ... Извѣстно, матроска безъ мужа... Видали мы ихъ въ Кронштадтѣ-то!—хлыщевато проговорилъ Дудкинъ.

Макаровъ примолкъ и словно бы напряженно вглядывался вдаль.

— Что, небойсь, и за это похвалишь, какъ вернешься?—безжалостно допрашивалъ Егорка.

Голосъ Макарова дрогнулъ, обнаруживая сильное душевное волненіе, когда онъ, наконецъ, отвѣтилъ:

— Не всѣ, братъ, такія... Хвалить за что же? Хвалить не за что, но ни бить, ни ругать не стану. Это я вѣрно тебѣ говорю.

— А я свою жену избилъ бы до смерти и подъ колѣнки... Къ чорту, молъ, подлая. Сгинь, ежели закона не соблюдаешь.

— Это ты здря мелешь, Егорка!—строго остановилъ его Макаровъ.

— Чего здря? Извѣстно, какъ надо учить бабъ.

— Да вѣдь и она—живой человѣкъ... Баба молодая, жить ей тоже хочется... За что же я съ ей взыскивать стану... Разсуди... Чѣмъ она виновата, что мужъ въ море ушелъ.

Макаровъ проговорилъ это съ такой подкупающей, убѣжденной искренностью и съ такой простотой, что Дудкинъ опѣшилъ, пораженный словами Макарова, и въ первое мгновеніе не зналъ, что возразить.

— Однако... и чудной ты, какъ я посмотрю... Глупый, какъ есть, глупый ты матросъ... Бабы послушался, ушелъ добровольно, а теперь по ней же скучишь...

— То-то и есть... Такъ иной разъ тошно, что страсть...

И обидно, что послушался... Теперь ничего не подѣлаешь...

— Она, что-жъ, на мѣстѣ гдѣ живетъ?

— Нѣтъ. Ларекъ держитъ на рынкѣ. Торгуетъ по мелочи, такъ съ кваса на хлѣбъ перебивается... А мальченка нашъ при фатерной хозяйкѣ, пока жена на рынкѣ... Да ты вѣрно видалъ ее когда... Такая высокая, здоровая матроска, румяная и горластая... Всѣхъ на рынкѣ перекричитъ... Страсть бойка на языкъ.

— Звать-то ее какъ?

— Авдотьей... Торговки ее больше «пучеглазой Дунькой» зовутъ... А еще «булкой», потому какъ она изъ себя полная да бѣлая.

— Торговка Дунька твоя жена?—воскликнулъ Дудкинъ, и въ его голосѣ прозвучала невольная нотка насмѣшливаго изумленія.

— А что? Ты развѣ знаешь Дуньку?—тревожно почему-то спросилъ Макаровъ и, быстро повернувъ голову, весь насторожился въ ожиданіи отвѣта.

Еще бы не знать «пучеглазой Дуньки!» Кто изъ молодыхъ матросовъ не зналъ этой разбитной, энергичнаго вида молодой торговки съ большими, нѣсколько выкаченными впередъ сѣрыми глазами, съ широкими бедрами и круглымъ мясистымъ лицомъ, черты котораго хотя и не соотвѣтствовали восторженному описанію мужа, но тѣмъ не менѣе обращали на себя вниманіе не особенно разборчивыхъ матросовъ. Она была полнотѣлая, румяная и веселая, ругалась не хуже боцмана и дарила кокетливыми, многообѣщающими улыбками матросовъ, зазывая къ своему ларьку. И еще лѣтомъ, передъ самымъ уходомъ «Ласточки», Егорка былъ однимъ изъ многихъ счастливцевъ, которымъ Дунька давала милостивое разрѣшеніе угостить ее стаканчикомъ водки.

— Такъ... видѣлъ разъ на рынкѣ!—отвѣчалъ съ напускной небрежностью Егорка, стараясь скрыть охватившее его смущеніе.

И оба вдругъ примолкли.

IV

Въ эту минуту въ полумракѣ ночи, потемнѣвшей отъ спрятавшейся за тучку луны, подъ носомъ, казалось, совсѣмъ близко, неожиданно появился громадный силуэтъ судна, идущаго подъ всѣми парусами наперерѣзъ клиперу.

Судно подъ носомъ!—тревожно и громко крикнули они почти въ одно время, испуганные и изумленные.

— Право на бортъ!..—нервно и возбужденно скомандовалъ вахтенный офицеръ.

Вслѣдъ затѣмъ «Ласточка» тотчасъ же взяла влѣво и прошла почти по борту «купца». Слышно было, какъ тамъ залаяла собака и кто-то ругался на англійскомъ языкѣ.

Еще минута—и «купецъ» исчезъ во мракѣ ночи.

— Экіе черти, огней не держатъ. Чуть-было не проглядѣли!—сердито проговорилъ Макаровъ.

— Да... опоздай секундъ—и быть бы бѣдѣ... Однако просвѣтлѣло... Ишь, мѣсяцъ опять выплылъ... Вонъ и «купецъ» виденъ... Куда это онъ идетъ?.. Какъ бы ты думалъ, Вась?—почему-то заискивающимъ голосомъ спрашивалъ теперь Дудкинъ, вызывая Макарова на разговоръ.

Но Макаровъ не отвѣчалъ.

Внезапное подозрѣніе невольно закралось въ его довѣрчивое сердце, и онъ еще напряженнѣе и тоскливѣе всматривался впередъ.

А Егорка искренно жалѣлъ «дурака», точно чувствовалъ себя передъ нимъ виноватымъ, и въ то же время вспоминалъ веселую «пучеглазую Дуньку», охваченный обаяніемъ этой чудной, ласкающей тропической ночи.

ВЪ МОРЕ!

Повѣсть.

I.

Въ это погожее майское утро Николай Алексѣевичъ Скворцовъ, молодой морякъ лѣтъ двадцати шести, къ Пасхѣ произведенный изъ мичмановъ въ лейтенанты, проснулся ранѣе обыкновеннаго. Несмотря на веселые лучи весенняго солнца, залившіе свѣтомъ небольшую комнату, которую Скворцовъ нанималъ у кронштадтской вдовы-чиновницы Дерюгиной въ Галкиной улицѣ, онъ, проснувшись, не привѣтствовалъ утра, какъ бывало прежде, веселыми, хотя и довольно фальшивыми руладами, а, полежавъ минуту—другую, присѣлъ на кровати съ озабоченнымъ видомъ, раздумывая о своемъ положеніи.

На самомъ дѣлѣ положеніе было, какъ выражался лейтенантъ, «бамбуковое». Въ плаваніе на лѣто, благодаря правиламъ ценза (будь онъ проклятъ!), его не назначали и, слѣдовательно, морское довольствіе тю-тю, сиди на береговомъ жалованьѣ, а между тѣмъ долговъ было по самую макушку его довольно-таки безшабашной головы. Изъ семидесяти одного рубля тридцати трехъ копеекъ причитавшагося ему жалованья вчера онъ получилъ, за вычетомъ на долги, только пятьдесятъ съ чѣмъ-то. Но и изъ этихъ пятидесяти онъ тотчасъ же роздалъ неотложныхъ долговъ сорокъ рублей, такъ что у него на мѣсяцъ оставалась всего красненькая, одиноко лежавшая въ его объемистомъ, впрочемъ, бумажникѣ, полномъ какими-то записочками, счетами и письмами. Сегодня явятся портной и сапожникъ, спроситъ деньги за квартиру г-жа Дерюгина, и на-дняхъ надо внести проценты по долгу старухѣ-ростовщицѣ, супругѣ отставного коммиссара,—иначе, того и гляди, подастъ, шельма, вексель ко взысканію. А откуда онъ достанетъ денегъ!?

Но еще хуже долговъ была эта маленькая пылкая адмиральша, положительно отравлявшая ему жизнь своей тре-

бовательной любовью и сценами ревности. И при мысли объ адмиральшѣ, при воспоминаніи о вчерашней «штормовой» сценѣ, которую она «закатила», заспанное лицо молодого лейтенанта, съ бѣлокурыми всклоченными волосами и парой темныхъ добродушныхъ глазъ, сдѣлалось еще озабоченнѣе и серьезнѣе.

«И надо же было ему, дураку, тогда ухаживать за нею и восхищаться ея красотой... Вотъ и раздѣлывайся теперь, какъ знаешь!»—прошепталъ лейтенантъ съ тоскливымъ, недоумѣвающимъ видомъ человѣка, попавшаго въ безвыходное положеніе.

Одно спасенье—удрать отъ нея въ дальнее плаванье, этакъ годика на два, на три... «Что, молъ, дѣлать, назначили, я не виноватъ!» Но какъ попасть?.. Кого просить? Протекціи у него никакой: ни важной бабушки, ни хорошенькой тетушки, ни вліятельнаго адмирала, которые могли бы поѣхать къ начальству и хлопотать за него...

Лейтенантъ грустно вздохнулъ и снова сталъ раздумывать, какъ бы ему деликатно и тонко объясниться съ адмиральшей и сказать, что хоть онъ къ ней и привязанъ какъ къ другу и навсегда сохранитъ въ сердцѣ своемъ ея милый образъ, какъ чудное воспоминаніе, но... «вы понимаете»...

«Чорта съ два ей скажешь и чорта съ два она захочетъ что-нибудь понять, эта необузданная женщина!»—тотчасъ же прервалъ свои пріятныя мечтанія молодой человѣкъ и даже заочно малодушно струсилъ при мысли, что бы было послѣ такой декларацiи. Онъ вспомнилъ, какой «порцiей» сценъ встрѣчена была недавняя слабая его попытка въ этомъ направленіи. Нѣсколько грустный отъ хроническаго безденежья и непремѣнной обязанности ежедневно посѣщать адмиральшу хоть на «одну минутку», онъ позволилъ себѣ по какому-то подходящему случаю выразить мнѣніе, что любовь не можетъ длиться вѣчно и что примѣровъ такой любви исторія не представляетъ, такъ — Господи Боже ты мой!—какимъ гнѣвнымъ, уничтожающимъ взглядомъ своихъ черныхъ, загорѣвшихся глазъ окинула его адмиральша, точно онъ сказалъ нѣчто чудовищное. Онъ, лейтенантъ Скворцовъ, былъ бы первѣйшимъ негодяемъ въ подлунной, если-бъ раздѣлялъ такіе «гнусные» взгляды. Настоящая любовь должна быть вѣчная. «Понимаете ли, вѣчная». Любовь не забава, а обязательство, по крайней мѣрѣ для порядочнаго человѣка, ради котораго женщина

«всѣмъ пожертвовала»,—значительно подчеркнула адмиральша.

Для избѣжанія грозившаго вслѣдъ затѣмъ «шквала съ дождемъ», какъ называлъ лейтенантъ Скворцовъ истерики со слезами,—тѣмъ болѣе, что адмирала не было дома,—пришлось поспѣшно «убрать всѣ паруса» и объяснить, что онъ говорилъ такъ, «вообще», «теоретически», и прильнуть къ маленькой, выхоленной, необыкновенно «атласистой», благодаря вазелину, ручкѣ, на мизинцѣ которой сверкалъ красивый брильянтъ, напоминавшій о векселѣ, по которому Скворцовъ уже годъ платилъ «небольшіе» проценты.

«Какъ тутъ ни вертись, а бамбукъ!»—размышлялъ, вообще отыскивая выходъ, молодой человѣкъ. Дѣйствительно, вѣдь она для него «всѣмъ пожертвовала» и «испытывала муки», обманывая своего «добраго и благороднаго Ванечку», адмирала-мужа. И это она не разъ говорила. И вдругъ онъ, единственное ея утѣшеніе въ жизни, которое она любила и мучила за всѣ свои пожертвованія, такъ-таки броситъ бѣдную женщину? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ это было бы довольно-таки подло съ его стороны, пожалуй еще даже подлѣй, чѣмъ ставить рога простофилѣ Ивану Ивановичу, который, повидимому, ни о чемъ не догадывается и необыкновенно ласковъ съ лейтенантомъ.

«Ахъ, если-бъ она вдругъ меня разлюбила! Ахъ, если-бъ удрать въ плаваніе!»

Но и то, и другое казалось несбыточнымъ.

Въ такомъ скорбномъ состояніи духа у Скворцова явилась идея: сегодня же ѣхать въ Петербургъ къ своему товарищу и другу, лейтенанту Неглинному, съ которымъ онъ всегда совѣтовался во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни, поговорить съ нимъ о своемъ каторжномъ положеніи и занять, если можно, рублей двадцать пять, чтобъ заплатить за квартиру и снести проценты.

Эта идея нѣсколько подбодрила упавшаго было духомъ Скворцова. Онъ спрыгнулъ съ постели, одѣлся и, просунувъ голову въ двери, выходящія въ коридоръ, крикнулъ:

— Бубликовъ!

На зовъ черезъ минуту явился вѣстовой Бубликовъ, заспанный молодой матросикъ въ казенной форменной рубахѣ, довольно неуклюжій, рыхлый и мягкотѣлый, съ простоватымъ выраженіемъ круглаго, простодушнаго лица

деревенскаго парня, недавно взятаго отъ сохи и еще не оболваненнаго ни городомъ, ни службой. Этотъ Бубликовъ прослужилъ у Скворцова осень и зиму и теперь доживалъ послѣдніе дни, назначенный въ плаваніе, что ему не особенно улыбалось, такъ какъ онъ предпочиталъ спокойную жизнь вѣстового на берегу треволненіямъ и муштровкѣ морской, невѣдомой ему, жизни.

— Продралъ глаза, Бубликовъ? Или еще спишь?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—отвѣчалъ, ухмыляясь, вѣстовой.

— Ну, такъ слушай, что я буду говорить. Живо самоваръ! Да вычисти хорошенько жилетку,сюртукъ и штаны... Новые... понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе,—проговорилъ Бубликовъ, внимательно и напряженно слушая.

— А въ саквояжъ... Знаешь саквояжъ?

— Мѣшочекъ такой кожаный, ваше благородіе.

— Такъ въ этотъ самый мѣшочекъ положи, братецъ, чистую сорочку крахмаленную и другую—ночную, полотенце и два носовыхъ платка... Ѣду въ Петербургъ... Если кто будетъ спрашивать, скажи: завтра къ вечеру пріѣду назадъ. Все понялъ?

— Все понялъ, ваше благородіе. А къ чаю плюшку брать?

— А ты думалъ, что по случаю отъѣзда плюшки не надо?—разсмѣялся Скворцовъ.

— Точно такъ. Полагалъ, что въ Питерѣ будете кушать.

— А ты все-таки возьми и себѣ булку возьми...

Вѣстовой ушелъ, и лейтенантъ тщательно занялся своимъ туалетомъ.

Въ то время, какъ онъ, безъ рубашки, усердно мылилъ себѣ шею, въ комнату вошла и тотчасъ же съ легкимъ крикомъ выбѣжала квартирная хозяйка, вдова чиновника, госпожа Дерюгина. Узнавши отъ вѣстового, что жилецъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, она благоразумно спѣшила получить за квартиру деньги, зная, что послѣ поѣздки въ Петербургъ господа офицеры всегда бываютъ безъ денегъ.

«Она не ждетъ разочарованія!»—подумалъ Скворцовъ и, окончивши мытье и вытиранье, надѣлъ чистую рубашку съ отложнымъ воротникомъ и сталъ передъ зеркаломъ, которое отразило свѣжее, красивое лицо съ чуть-чуть вздернутымъ носомъ, высокимъ лбомъ, мягкими сочными губами и съ тѣмъ пріятнымъ, добродушнымъ выраженіемъ.

которое бываетъ у мягкихъ людей. Онъ зачесалъ назадъ свои бѣлокурые волнистые волосы, расправилъ небольшую кудрявую бородку, подстриженную à la Henri IV, закрутилъ маленькіе усики, повязалъ черный регатъ, облачился въ новый сюртукъ, осторожно принесенный Бубликовымъ, и заварилъ чай.

Тукъ-тукъ-тукъ!

— Входите!

И только-что высокая и дебелая, еще не старая и довольно видная квартирная хозяйка, прикрывшая свою утреннюю бѣлую кофточку шерстянымъ платкомъ, собиралась открыть ротъ, какъ Скворцовъ любезно привѣтствовалъ ее съ добрымъ утромъ, сказалъ ей, что она свѣжа сегодня, какъ майская роза, и прибавилъ:

— Вы, разумѣется, за деньгами, Варвара Петровна, но—увы!—денегъ нѣтъ. Всего десять рублей съ копейками, честное слово!

— Но вѣдь вчера... двадцатое число... жалованье,—нѣсколько заикаясь отъ столь непріятнаго извѣстія, проговорила дебелая дама, сразу утерявъ впечатлѣніе удовольствія отъ только-что полученнаго комплимента.

— То было, Варвара Петровна, вчера... Дѣйствительно, вчера у меня было нѣчто въ родѣ жалованья, а сегодня...

И вмѣсто окончанія Скворцовъ меланхолически и протяжно свистнулъ.

— Но однако, Николай Алексѣевичъ, мнѣ самой нужны деньги...

— Вамъ-то? Чай, въ банкѣ лежатъ денежки, Варвара Петровна?.. Небойсь, припасено на черный день покойнымъ вашимъ супругомъ?

— Вамъ все шутки, Николай Алексѣичъ, а мнѣ, право, деньги очень нужны,—обиженно проговорила г-жа Дерюгина.

— Какія шутки! Не до шутокъ мнѣ, коли хотите знать, Варвара Петровна!.. Совсѣмъ мои дѣла—табакъ! Но вы не тревожьтесь. Я надѣюсь въ Петербургѣ перехватить у одного пріятеля и, коли перехвачу, привезу вамъ.

— Прокутите, Николай Алексѣичъ.

— Не бойтесь, не прокучу... Ну, а если не достану денегъ, ужъ вы не сердитесь, Варвара Петровна, и подождите до слѣдующаго двадцатаго числа, прошу васъ!

— Это вѣрно?

— Такъ же вѣрно, какъ то, что я лейтенантъ Скворцовъ.

Подавивъ недовольный вздохъ и отъ того, что не получила денегъ, и отъ того, что жилецъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ея внушительныя прелести, хоть и болтаетъ иногда вздоръ,—Варвара Петровна согласилась подождать и ушла, послѣ чего Скворцовъ уже гораздо спокойнѣе выпилъ два стакана чаю съ лимономъ и, взглянувъ на свои серебряные часы, недавно купленные по случаю залога золотыхъ, послалъ Бубликова за извозчикомъ.

За пять минутъ до девяти часовъ лейтенантъ былъ на пристани и, взявши билетъ, входилъ на пароходъ, довольный, что не увидитъ ни портного, ни сапожника и, главное, на цѣлыхъ два дня по крайней мѣрѣ избавленъ отъ сценъ подозрительной и ревнивой адмиральши. «Отдуюсь ужъ заодно по возвращеніи!»—подумалъ онъ, предчувствуя, что безъ этого не обойдется. Пожимая руки знакомымъ офицерамъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ просаживать жалованье, Скворцовъ съ веселымъ видомъ проходилъ на корму парохода, какъ вдругъ выраженіе испуганнаго изумленія омрачило его лицо.

Въ двухъ шагахъ отъ него на скамейкѣ сидѣла адмиральша,—маленькая, интересная брюнетка, въ щегольской жакеткѣ, обливавшей красивыя формы роскошнаго бюста и тонкую талію, съ пикантнымъ, хорошенькимъ лицомъ, казавшимся совсѣмъ молодымъ, свѣжимъ и ослѣпительно-бѣлымъ изъ-подъ розовой вуалетки, спущенной до подбородка, на которомъ задорно чернѣла крошечная родинка... Веселая и сіяющая, повидимому не испытывающая никакихъ мукъ отъ того, что обманываетъ «честнаго и благороднаго Ванечку», сидѣвшаго съ ней рядомъ, она разговаривала съ какимъ-то пожилымъ морякомъ, щуря глаза на костюмы дамъ.

— Вотъ такъ фунтъ!—невольно пролепеталъ на мгновеніе ошалѣвшій лейтенантъ, останавливаясь на полномъ ходу.

Онъ хотѣлъ-было дать тягу и вернуться на берегъ, благо ни адмиральша, ни адмиралъ его не замѣтили, но сходня была снята, пароходъ тронулся, и адмиральша, повернувъ голову, ужъ увидала его и, нѣсколько удивленная, сверкнувъ глазами, привѣтливо кивнула въ отвѣтъ на его почтительный поклонъ, продолжая болтать съ пожилымъ штабъ-офицеромъ.

II.

— Ванечка, посмотри, Николай Алексѣичъ здѣсь,—проговорила самымъ равнодушнымъ тономъ адмиральша, крѣпко пожимая руку подошедшему съ непокрытой головой лейтенанту и легонько подталкивая локтемъ мужа, погруженнаго въ чтеніе «Кронштадтскаго Вѣстника».

Адмиралъ, тучный и рыхлый человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, съ большимъ выдававшимся впередъ животомъ, видимо причинявшимъ ему не мало хлопотъ, поднялъ свое красноватое, опушенное сѣдой бородой лицо, далеко не казистое, съ маленькими заплывшими глазками и толстымъ, похожимъ на картофелину, носомъ, и съ ласковой доброй улыбкой протянулъ свою толстую и широкую, съ короткими пальцами, волосатую руку.

— Добраго утра, Николай Алексѣичъ. Что, погулять собрались въ Петербургъ, а? То-то вчера было двадцатое число—сколько мичмановъ ѣдетъ!—весело говорилъ, отдуваясь, адмиралъ, озирая публику и привѣтливо отвѣчая на поклоны.—Въ Аркадіи, конечно, будете сегодня? Тамъ, батенька, говорятъ, венгерочки,—прибавилъ адмиралъ, значительно понижая голосъ.—Вернетесь—разскажите...

— Николай Алексѣичъ, кажется, не охотникъ до разныхъ твоихъ Аркадій,—вставила адмиральша, чутко прислушивавшаяся къ разговору, и сдѣлала гримаску.

— Отчего же, Ниночка, и не развлечься иногда молодому человѣку, послушать пѣніе тамъ... неаполитанцевъ, что ли,—нѣсколько робкимъ тономъ возразилъ адмиралъ.—Не такъ ли, Николай Алексѣичъ? Въ газетахъ пишутъ, что неаполитанцы производятъ фуроръ.

Лейтенантъ чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ адмиральши и, малодушно предавая адмирала, отвѣтилъ:

— Я, ваше превосходительство, не собираюсь въ Аркадію сегодня... Да и, по правдѣ говоря, всѣ эти загородные сады...

— Вишь, и онъ тебя боится, Ниночка,—перебилъ адмиралъ съ добродушной усмѣшкой.—Говоритъ: «не собираюсь», а самъ, я думаю, непремѣнно будетъ,—шутилъ старикъ.

— Что ему бояться меня?—съ самымъ натуральнымъ смѣхомъ возразила адмиральша, бросая быстрый взглядъ на мужа.

— А мы, батенька, совсѣмъ неожиданно собрались,—продолжалъ адмиралъ, какъ будто не слыша замѣчанія

жены:—меня вызываютъ въ главный штабъ, а Ниночка кстати собралась за покупками...

— И Николай Алексѣичъ, кажется, совсѣмъ неожиданно собрался?—полюбопытствовала адмиральша.

«Допрашиваетъ!»—подумалъ Скворцовъ и въ ту же минуту храбро совралъ:

— Вчера получилъ письмо, что заболѣлъ одинъ мой товарищъ. Къ нему ѣду.

— Къ кому?.. Это не секретъ?

— Къ Неглинному, Нина Марковна.

— Такъ Неглинный боленъ? Что съ нимъ?—участливо спросилъ адмиралъ.

— Инфлюенца, ваше превосходительство...

— Да что-жъ вы не присаживаетесь къ намъ, Николай Алексѣичъ? Садитесь около Нины... вотъ сюда...

И старикъ хотѣлъ-было подвинуться, но Скворцовъ, чувствовавшій всегда какую-то неловкость, когда находился въ присутствіи обоихъ супруговъ, просилъ не безпокоиться и объявилъ, что онъ еще не пилъ чая,—не успѣлъ, торопившись на пароходъ,—и отошелъ, направляясь въ буфетъ.

— Славный этотъ Скворцовъ... Не правда ли, Ниночка?—замѣтилъ адмиралъ.

— Д-д-да, добрый молодой человѣкъ... Такой услужливый и такъ тебѣ, Ванечка, преданъ...

— Ну, и тебѣ, пожалуй, не меньше, если не больше, Ниночка,—проговорилъ, усмѣхнувшись, старикъ и, протяжно вздохнувъ, принялся за газету.

Адмиральша опять взглянула на мужа. Но на его лицѣ ничего не было замѣтно, кромѣ обычнаго добродушія. Однако адмиральша невольно подумала: къ чему это мужъ въ послѣднее время сталъ чаще говорить съ ней о Скворцовѣ? Неужели онъ подозрѣваетъ?

А Скворцовъ въ то время сидѣлъ въ буфетѣ за стаканомъ чая, курилъ папироску за папироской и былъ въ подавленномъ состояніи духа. Если онъ не удеретъ никуда на лѣто—бѣда! Адмиралъ на-дняхъ уходитъ въ плаваніе, адмиральша перебирается въ Ораніенбаумъ на дачу и ужъ говорила ему о томъ, какъ они будутъ счастливы на свободѣ. Они будутъ видѣться каждый день и безъ всякаго страха... Они будутъ ѣздить иногда въ Петербургъ и завтракать вдвоемъ... «Благодарю покорно!»—не безъ досады подумалъ Скворцовъ.

Онъ вышелъ на верхъ, когда Петербургъ уже былъ въ виду, и сразу замѣтилъ, что адмиральша была не въ духѣ. Когда Скворцовъ приближался къ кормѣ, она встала и, поднимаясь на площадку, гдѣ, кромѣ шкипера и двухъ рулевыхъ финляндцевъ, никого не было,—едва примѣтнымъ движеніемъ глазъ звала его туда.

Лейтенантъ спустя минуту былъ около адмиральши.

— Вы все пили чай?—спросила она тихимъ голосомъ, предвѣщавшимъ бурю.

— Съ знакомыми говорилъ, Нина Марковна,—съ напускной безпечностью отвѣчалъ Скворцовъ.

— Зачѣмъ вы ѣдете въ Петербургъ?

— Да вѣдь я уже сказалъ...

— Ты правду говоришь, Ника?

— О, Господи! Вѣчныя подозрѣнія! — вырвалось невольно у Скворцова.

— Ну, ну... не сердись... Прости... я не могу... Вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю!—почти шептала молодая женщина.—Ты знаешь, что я всѣмъ для тебя пожертвовала и никому тебя не уступлю... Слышишь?—прибавила она, бросая на молодого человѣка нѣжный, чарующій взглядъ...

— Осторожнѣй... могутъ увидѣть, Нина, — произнесъ Скворцовъ, подавляя вздохъ сожалѣнія, что адмиральша его никому не уступитъ.—И то ужъ въ Кронштадтѣ говорятъ...

— Пусть говорятъ... Обо всѣхъ говорятъ... Только бы онъ не догадывался...

— А если?

— Ну, что-жъ... Я ему скажу тогда, что люблю тебя... Онъ дастъ разводъ...

«Этого только недоставало!»—подумалъ въ ужасѣ лейтенантъ и съ жаромъ проговорилъ:

— Что ты, что ты, Нина... Разбить жизнь бѣдному Ивану Ивановичу... Это жестоко!.. Однако пойдемъ внизъ... Сейчасъ пристаемъ.

— Ты когда вернешься въ Кронштадтъ?—спрашивала адмиральша, спускаясь на палубу.

— Завтра вечеромъ...

— Сегодня въ три будь въ Гостиномъ дворѣ у номера сто сорокъ четвертаго... Слышишь?..

— Но...

— Безъ «но»... Въ три часа!—повелительно шепнула

адмиральша и, подойдя къ адмиралу, проговорила: — А вѣдь Николай Алексѣичъ сознался, Ванечка, что вечеромъ ѣдетъ въ Аркадію...

— То-то и есть... И отлично дѣлаетъ, что ѣдетъ!.. Пользуйтесь жизнью, батенька, пока молоды,—замѣтилъ, вставая, адмиралъ и ласково потрепалъ по плечу нѣсколько смущеннаго лейтенанта.

Пароходъ подходилъ къ пристани. Проводивъ до кареты адмиральшу и адмирала, Скворцовъ взялъ извозчика и велѣлъ везти себя въ Офицерскую улицу, гдѣ жилъ Неглинный.

III.

Неглинный, морякъ-академистъ, окончившій курсъ по гидрографическому отдѣленію и мечтавшій объ ученой карьерѣ, долговязый, худощавый блондинъ, съ блѣднымъ истомленнымъ лицомъ, большими, нѣсколько мечтательными глазами и рыжеватой, взъерошенной головой, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, обложенный книгами, готовясь къ послѣднему экзамену, въ своей крошечной, очень скромно убранной комнаткѣ, въ четвертомъ этажѣ, во дворѣ,—когда къ нему шумно влетѣлъ Скворцовъ.

— Ну, братъ Вася, совсѣмъ бамбукъ! — проговорилъ онъ, пожимая руку товарища.

— Здравствуй. Въ чемъ дѣло?—спросилъ безъ особенной тревоги въ голосѣ Неглинный, хорошо знавшій экспансивность своего друга.

— Щекотливое, братъ, дѣло... О немъ-то я и пріѣхалъ поговорить съ тобой по душѣ. Одному мнѣ не расхлебать этой каши... Но прежде скажи: есть у тебя деньги?

— Конечно есть. Вчера жалованье получилъ.

— Да и я получилъ и все роздалъ; у меня теперь восемь рублей всѣхъ капиталовъ. За квартиру не отдано, въ клубѣ больше обѣдать въ долгъ нельзя, однимъ словомъ... на мели. Можешь дать двѣ красненькія?

— Могу,—промолвилъ Неглинный, вынимая изъ кармана бумажникъ.

— А у тебя останется?

— Десять рублей... Бери, бери, — проговорилъ Неглинный, увидавъ протестующій жестъ Скворцова.—Я обойдусь. У меня впередъ заплачено за комнату и за столъ. Чаемъ и сахаромъ я тоже запасся на мѣсяцъ... И табакомъ тоже...

— Счастливецъ! А у меня запасъ однихъ долговъ!

— Вольно же тебѣ испанскаго гранда разыгрывать. Цвѣты, конфеты и все такое къ ногамъ своей мадонны-адмиральши. Такъ, братъ, не сойти тебѣ съ экватора.

— То-то, не сойти... И въ плаванье не назначили.

— Да вѣдь ты самъ не хотѣлъ въ плаванье. Помнишь, зимой говорилъ?

— То было, Вася, зимой,—отвѣтилъ, внезапно краснѣя, Скворцовъ:—а теперь я хоть въ Ледовитый океанъ...

Неглинный, которому Скворцовъ раньше, во время перваго періода любви, открылся въ своихъ чувствахъ къ прелестной адмиральшѣ, — пристально посмотрѣлъ на товарища.

— Объ этомъ самомъ дѣлѣ я и пріѣхалъ посовѣтоваться съ тобой, хоть ты и профанъ въ вопросахъ любви и совсѣмъ не знаешь женщинъ... Я, братъ, хотѣлъ бы удрать отъ мадонны, отъ Нины Марковны... Что ты таращишь глаза? Понимаешь: удрать, чтобъ и слѣдъ мой простылъ...

— Такъ что же тебѣ мѣшаетъ?—спросилъ Неглинный, не спуская съ товарища своихъ большихъ, наивно недоумѣвающихъ глазъ.—И зачѣмъ, скажи на милость, тебѣ непремѣнно удирать? Надѣюсь, ты не оскорбилъ такую чудную женщину, какъ Нина Марковна, какимъ-нибудь пошлымъ намекомъ? Вѣдь ты не лѣзъ къ ней съ своимъ чувствомъ, зная, что она замужемъ и никогда не нарушитъ своего долга, хотя бы и не любила мужа?—продолжалъ Неглинный, не замѣчая, повидимому, ироническої улыбки, блуждавшей на лицѣ Скворцова.—Ходи къ ней рѣже, а потомъ и вовсе зашабашь! Твое безумное увлеченіе, видно, прошло, а?—закончилъ онъ вопросомъ.

— Что мѣшаетъ?—началъ-было Скворцовъ.

И вмѣсто того, чтобы объяснить, что мѣшаетъ, совершенно неожиданно воскликнулъ:

— Какой же ты, однако, простофиля, Вася, хотя умный и ученый человѣкъ! Честное слово, простофиля, да еще въ квадратѣ! Положимъ, я тебѣ всего не говорилъ, но думалъ, что ты все-таки догадываешься...

— О чемъ?—простодушно спросилъ Неглинный.

— О, святая наивность! О, пентюхъ ты этакій! Пойми, что наши отношенія зашли слишкомъ далеко, въ этомъ-то и бѣда. Понялъ ты теперь, какая бамбуковая исторія?.. И адмиральша, братъ, не мадонна, далеко не мадонна...

Но Неглинный, необыкновенно робкій и застѣнчивый съ женщинами, относившійся къ нимъ съ благоговѣйнымъ и боязливымъ почтеніемъ чистой и цѣломудренной натуры, казалось, и теперь не вполнѣ понималъ, за что Скворцовъ назвалъ его простофилей, да еще въ квадратѣ.

— Ты что же... руки цѣловалъ, что ли?—промолвилъ, наконецъ, недовольнымъ, угрюмымъ тономъ Неглинный, опуская глаза.

При этихъ словахъ Скворцовъ расхохотался.

— Руки?.. Стоило бы объ этомъ говорить? Это вѣдь ты только такой Іосифъ Прекрасный, что боишься цѣловать хорошенькую ручку... Тутъ, братъ, не руки... Тутъ... Ну, однимъ словомъ, у бѣднаго адмирала давно украшеніе на лбу. Теперь понялъ?

Неглиннаго покоробило. Онъ взглянулъ на Скворцова строгимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганнымъ и растерянным взглядомъ. Такой профанаціи онъ не ожидалъ. Въ душѣ его происходилъ сложный процессъ. Тутъ было и негодующее порицаніе друга, и невольная, смутившая его, зависть къ счастливцу, обладавшему такой красавицей, къ которой и онъ питалъ тщательно скрываемое влеченіе,—и чувство презрительной жалости къ женщинѣ, внезапно упавшей въ его глазахъ и оскорбившей его вѣрованія въ ея добродѣтель.

Нѣсколько мгновеній онъ сидѣлъ подавленный и безмольный и только ерошилъ свои вихрастые рыжіе волосы.

— Адмиралъ не догадывается? — наконецъ, спросилъ онъ.

— Кажется, нѣтъ.

— И вы съ нею обманывали адмирала?

— А то какъ же?..

Неглинный неодобрительно покачалъ головой и значительно произнесъ:

— Это, братъ, большое свинство. И ты, какъ мужчина, главный виновникъ!

— И безъ тебя знаю, что свинство... Пора съ нимъ прикончить. Особенно смущаетъ меня адмиралъ... Онъ такъ ласковъ со мной, такъ внимателенъ! И на кой только чортъ дернуло его жениться на молодой!? Знаешь что, Вася, никогда не женись на старости лѣтъ... Тутъ ни гимнастика, ни массажъ не помогутъ. Вотъ мой адмиралъ добросовѣстно каждый день дѣлаетъ упражненія, а къ чему все это?.. Но только, честное слово, не я главный

виновникъ во всемъ этомъ дѣлѣ... Напрасно ты такъ меня винишь... Во всякомъ случаѣ, я достаточно наказанъ за свое легкомысліе... Вся эта любовная канитель хотъ гдѣ у меня!—прибавилъ съ горячностью Скворцовъ и довольно энергично хлопнулъ себя по затылку.

По строгому и снова недоумѣвающему выраженію лица Неглиннаго можно было легко догадаться, что онъ рѣшительно не могъ сообразить, чтобы любовь, хотя бы и преступная, такой хорошенькой женщины, какъ адмиральша, могла вызвать столь неблагодарный жестъ.

И онъ негодующе промолвилъ послѣ нѣсколькихъ секундъ добросовѣстнаго размышленія:

— Ты неблагодарное животное, Скворцовъ!

— И ты, Брутъ?.. Да ты пойми только, что Нина Марковна хоть и прелестная женщина, но совсѣмъ не... не ангелъ кротости, какимъ она казалась, пока... я былъ въ періодѣ обалдѣнія и благоговѣйнаго цѣлованія ея атласныхъ рукъ... Каюсь теперь, что я былъ болванъ, не остановившись на этомъ. И ее не хвалю, что она въ ту пору не прогнала меня къ чорту, а предложила быть ея другомъ, «какъ братъ и сестра»... Очень заманчиво было... Ну, ля-ля-ля, да ля-ля-ля, все больше о чувствахъ. Она такъ хорошо говорила, что чувство свободно и что ревность оскорбительна для обѣихъ сторонъ... Чтенія вдвоемъ, пока адмиралъ винтилъ гдѣ-нибудь, поѣздки въ Петербургъ, поцѣлуи на положеніи «брата и сестры»... и... не Іосифъ же я, въ родѣ тебя, забылъ, что мы «братъ и сестра», вляпался, и скоро оказалось, что она ревнива, какъ Отелло въ юбкѣ, и подозрительна, какъ сыщикъ... Вѣчные допросы, сцены, упреки. Гдѣ былъ, что дѣлалъ? на кого взглянулъ? Не смѣй ни съ какой особой женскаго пола разговаривать... И все это, замѣть, безъ малѣйшаго повода, а отъ горячей любви, какъ она говоритъ. Въ этомъ-то и загвоздка. Ахъ, братъ, если-бъ она поменьше любила, а то и вовсе разлюбила бы... А то теперь... мертвая петля. Нѣтъ никакой возможности отдѣлаться отъ ея любви... Понимаешь, каково окаянное положеніе?

— Отчего же ты не объяснишься прямо? — прогово рилъ, нѣсколько смягчаясь, Неглинный.

— Объясниться? Попробуй-ка... заговори. Ахъ, Вася, ты и вообразить себѣ не можешь, что это за подлая штука, когда женщина тебя такъ полюбитъ, что каждую

минуту готова отъ любви перервать тебѣ горло, а ты при этомъ, какъ человѣкъ, для котораго всѣмъ пожертвовали, не смѣешь слова сказать! Ко всему этому адмиральша весьма рѣшительная женщина, и я, признаться, ея трушу... Ну, и приходится вилять хвостомъ и ее успокаивать...

— Не любя?—строго спросилъ Неглинный.

— Да кто-жъ тебѣ сказалъ, что я ее совсѣмъ не люблю?.. Она такая хорошенькая и, когда не дѣлаетъ сценъ, очень мила. Конечно, прежняго безумія нѣтъ, и я разжаловалъ ее изъ мадоннъ. А главное, доняла она меня совсѣмъ своими притязаніями... измотала душу въ конецъ. Хочется выйти изъ этого рабскаго положенія, отдохнуть отъ любовныхъ бурь... Ну ихъ! И передъ адмираломъ стыдно... Иной разъ думаешь: а что, какъ онъ догадывается, но, по добротѣ, дѣлаетъ видъ, что ничего не понимаетъ?.. Нѣтъ, надо все это покончить, а то чѣмъ больше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

— Конечно, надо покончить,—согласился Неглинный.

— А какъ это сдѣлать? Раскинь-ка умомъ, Вася.

Неглинный цѣлую минуту добросовѣстно ерошилъ волосы, теръ свой большой лобъ, хмурилъ брови и въ концѣ концовъ предложилъ Скворцову написать адмиральшѣ письмо.

— Изложи въ немъ все основательно, логично и деликатно. Объясни, какъ нехорошо основывать свое благополучіе на несчастіи другихъ... Однимъ словомъ, убѣди ее... Она пойметъ...

Скворцовъ ядовито усмѣхнулся и безнадежно махнулъ рукой.

— Убѣдить? На нее никакая логика не подѣйствуетъ... Она потребуетъ личнаго объясненія.

— Ну, что же, сходи, объяснись...

— Тогда я, братъ, пропалъ... Ты не знаешь адмиральши... Никто не устоитъ противъ ея слезъ... И, наконецъ, если она въ самомъ дѣлѣ такъ безумно меня любитъ, какъ увѣряетъ...

— Такъ что?

— Какъ подѣйствуетъ мое письмо?.. Если вдругъ что-нибудь случится... Понимаешь?.. Она—необыкновенно впечатлительная... Вѣдь тогда я на всю жизнь съ укоромъ на совѣсти!—проговорилъ Скворцовъ, не желавшій брать на душу такого грѣха.

— Ты думаешь, можетъ что-нибудь случиться?—озабоченно спросилъ Неглинный.

— Кто ее знаетъ... Она сумасшедшая... Разъ уже грозила, что отравится, если я ее разлюблю...

— Однако обманываетъ же она адмирала и... ничего... переноситъ это невозможное положеніе! — замѣтилъ Неглинный...

— Но зато какъ страдаетъ, если-бъ ты зналъ! Она часто объ этомъ говоритъ и всегда называетъ адмирала «бѣдный Ванечка»...

— Гм... Стра-да-етъ?—протянулъ Неглинный и прибавилъ тономъ искренняго сожалѣнія:—Бѣдняжка!.. А я и не догадывался... По виду она такая веселая и радостная... Значитъ, скрываетъ...

— То-то и есть... Нѣтъ, братъ, всѣ эти письма и объясненія ни къ чорту. Необходимы дипломатическія средства...

— Напримѣръ?

— Удрать отъ нея, но такъ, братъ, удрать, чтобы дерка эта была, такъ сказать, не по моей волѣ. Понимаешь? Если-бъ были деньги, сказалъ бы, что миѳическая тетка саратовская заболѣла и вызываетъ меня, и прожилъ бы гдѣ-нибудь мѣсяца три-четыре... все бы лучше было... но на что уѣдешь? Денегъ нѣтъ.

— И у меня, братъ, нѣтъ. И достать негдѣ.

— Если бы попасть въ дальнее плаваніе, этакъ годика на три...

— Отлично бы. Но какъ попасть?

— Насчетъ этого я и ломаю голову. «Такъ, молъ, и такъ, ваше высокопревосходительство, изнываю на берегу и ни разу не ходилъ въ дальнее плаванье!» Какъ ты думаешь?

— Не выгоритъ... А вотъ, братъ, мысль!—воскликнулъ Неглинный.—Попытаюсь-ка я уговорить своего вліятельнаго дядюшку Осокина, чтобы онъ попросилъ министра о тебѣ. Правда, мой дядя самолюбивый чинодралъ и не любитъ хлопотать, если не увѣренъ въ успѣхѣ, но я попробую... Спросъ не бѣда.

— Вотъ бы удружилъ, голубчикъ!—проговорилъ Скворцовъ и весь просіялъ.

— Да ты не радуйся заранѣе... Надежда у меня небольшая... Дядя съ нашимъ министромъ, кажется, не въ особенныхъ ладахъ... Попробуемъ!.. Завтра же, послѣ экзамена, пойду къ дядѣ...

— Ахъ, если-бъ пофартило, а то вѣдь видишь, какое положеніе... И адмиральша, и долги...

— Да, братъ, скверное твое положеніе,—участливо проговорилъ Неглинный.—Я и не думалъ, что ты такъ влопался... Ну, какъ тутъ, послѣ этого, не бояться женщинъ!—неожиданно прибавилъ онъ и объявилъ, что ему надо заниматься,—завтра экзаменъ.

IV.

Облегчивъ свою душу въ откровенной бесѣдѣ съ другомъ, Скворцовъ ушелъ отъ него повеселѣвшій и нѣсколько обнадеженный возможностью удрать въ плаваніе. Чѣмъ чортъ не шутитъ! Неглинный, конечно, пристанетъ къ дядѣ, какъ смола, за друга, и тотъ, пожалуй, поѣдетъ къ министру. А дядя Неглиннаго—особа. Попроситъ и... министръ назначитъ сверхъ комплекта... Мало ли было такихъ примѣровъ!

Съ такими радужными мыслями Скворцовъ зашелъ къ Доминику, скромно тамъ позавтракалъ, затѣмъ побывалъ у замужней сестры и, покорный волѣ адмиральши, въ исходѣ третьяго часа уже былъ въ Гостиномъ дворѣ, пробираясь въ толпѣ къ условному мѣсту свиданія. Онъ нѣсколько недоумѣвалъ, къ чему его зоветъ адмиральша, но далъ себѣ слово вести себя самымъ покорнымъ образомъ. Пусть въ ней не будетъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что онъ затѣваетъ противъ нея каверзу. Такъ-то лучше. И благоразумная осторожность молодого человѣка была такъ велика, что, замѣтивъ въ толпѣ одну знакомую молодую хорошенькую даму, онъ нарочно отвернулся, чтобы не подойти къ ней, хотя ему и очень хотѣлось. Адмиральша могла увидѣть его разговаривающимъ съ барыней и непремѣнно задала бы ему «бенефисъ», подозрѣвая, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ именно для свиданія съ ней.

Ужъ онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ магазина, у котораго долженъ былъ встрѣтиться съ адмиральшей, какъ вдругъ столкнулся носъ къ носу съ адмираломъ.

— Вы куда, Николай Алексѣевичъ? Что покупать?

— Такъ, гуляю, — отвѣчалъ, нѣсколько оторопѣвъ, Скворцовъ.

— А я, батенька, Нипочку отыскиваю. Не видали ее?

— Нѣтъ-съ, не видалъ...

— Такъ пойдемте вмѣстѣ ее искать!

И, взявши подъ руку Скворцова, адмиралъ направился съ нимъ совсѣмъ въ противуположную сторону.

Молодой человѣкъ облегченно вздохнулъ.

— А я раньше, чѣмъ предполагалъ, окончилъ дѣловыя свиданія и не зналъ, что съ собой дѣлать,—говорилъ адмиралъ, медленно шагая и слегка переваливаясь своимъ тучнымъ тѣломъ:—думаю: пройду-ка въ Гостиный дворъ... вѣрно Ниночка еще тамъ. Авось встрѣчу и отправимся вмѣстѣ обѣдать... Проголодался, а она обѣщала быть въ гостиницѣ только къ пяти часамъ... Эка, дамъ здѣсь сколько!—прибавилъ адмиралъ, озираясь по сторонамъ.—Ну, а вы что дѣлали? Какъ здоровье Неглиннаго?

— Гораздо лучше.

— Ну и слава Богу. Очень радъ. Что у него было?

— Инфлюенца, ваше превосходительство.

— Ишь, бѣдняга! Хорошо, что безъ осложненій, а то осложненія бываютъ. Вы кланяйтесь отъ меня да скажите, чтобы берегся, а то долго ли получить воспаленіе легкихъ,—участливо говорилъ адмиралъ.—Славный онъ малый, этотъ Неглинный.

— Превосходный человѣкъ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ Скворцовъ и подумалъ: «То-то рветъ и мечетъ теперь адмиральша!»

— Напрасно онъ только въ ученые хочетъ... Оно, конечно, хорошо и ученымъ быть, но все-таки... какая-жъ это карьера для морского офицера?.. Смотрите, Николай Алексѣевичъ, вотъ у витрины блондиночка... вѣдь не дурненькая, а?—понизилъ голосъ адмиралъ, пріостанавливаясь и подталкивая Скворцова.

И, поглядѣвъ на хорошенькое личико, адмиралъ прибавилъ шагу и продолжалъ:

— Да... не одобряю его выбора... Го ли дѣло быть настоящимъ морякомъ, ходить въ море... А то что корпѣть на берегу за книгами... Вы сказали бы Неглинному, право... Сейчасъ вотъ въ штабѣ говорили, что на «Грозномъ» открывается вакансія. Одинъ офицеръ списывается по болѣзни. Вотъ бы просился... Его навѣрное назначатъ. У него протекція — дядя. Уѣхалъ бы въ Средиземное море, поплавалъ бы тамъ года два, и никакихъ инфлюэнцій бы не было...

— Я ему передамъ.

— Вотъ и вы, бѣдняга, сидите на берегу, даже и во внутреннее плаваніе не попали... Впрочемъ, вы, кажется, очень

любите береговую жизнь?.. Въ море, куда-нибудь на просторъ, въ дальнее плаваніе, васъ не тянетъ, а?..

— Помилуйте, ваше превосходительство. Очень тянетъ... Я бы съ радостью пошелъ...

При этихъ словахъ адмиралъ взглянулъ на молодого человѣка долгимъ пристальнымъ взглядомъ. И Скворцову показалось, что въ этихъ маленькихъ заплывшихъ глазкахъ блеснуло лукавое выраженіе недовѣрія.

«Неужели онъ догадывается!»—въ страхѣ подумалъ Скворцовъ.

— Съ радостью? — повторилъ адмиралъ, отводя взглядъ.—А я думалъ, что вы... того... не любите моря...

— Напротивъ, люблю, ужасно люблю, ваше превосходительство!—съ какой-то особенной порывистостью проговорилъ Скворцовъ, взглядывая на пухлое, снова, казалось, добродушно спокойное лицо толстяка.

И въ головѣ у него блеснула смѣлая мысль — обратиться за протекціей къ этому самому адмиралу, который въ большомъ фаворѣ у министра. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ему раньше не пришла въ голову такая геніальная комбинація! Если адмиралъ подозрѣваетъ его, то, разумѣется, будетъ самымъ усерднымъ ходатаемъ, а если ни о чемъ не догадывается, то все равно по добротѣ своей не откажетъ... Вотъ бы отлично на «Грозный» попасть! Но надо только обработать это дѣло такъ, чтобы адмиральша ничего не знала. Необходимо прежде взять съ адмирала слово, что онъ сохранитъ въ абсолютной тайнѣ его просьбу... Мотивировку можно придумать... Кредиторы, что ли, или, наконецъ, какая-нибудь петербургская дамочка... Что-нибудь въ этомъ родѣ... Выберу удобный моментъ завтра же и поговорю съ адмираломъ у него въ кабинетѣ!

Значительно повеселѣвшій молодой человѣкъ съ какою-то особенной пріязнью поглядывалъ теперь на адмирала, видя въ немъ своего спасителя.

Они медленно двигались, обходя Гостиный дворъ и перекидываясь словами, какъ вдругъ адмиралъ, издали завидя жену своими зоркими морскими глазами, весело воскликнулъ:

— А вотъ и Ниночка несется подъ всѣми парусами... Глядите, какъ она спѣшитъ и озирается... И какая она однако сердитая... Видно, подлецы приказчики раздражили!

И адмиралъ, пыхтя и подсапывая носомъ, заторопился навстрѣчу къ адмиральшѣ.

V.

Адмиральша изумилась, увидавши передъ собой мужа и Скворцова, и пытливо взглянула на адмирала.

— А мы, Ниночка, искали тебя,—началъ-было адмиралъ.

— Искали? — перебила адмиральша. — Это, конечно, очень любезно, но я вѣдь сказала, что буду дома къ пяти часамъ.

— Я думалъ, что ты раньше отдѣлаешься, и мы поскорѣй поѣдемъ обѣдать. Пришелъ сюда, гляжу—и Николай Алексѣевичъ здѣсь...

— А вы зачѣмъ сюда попали?—съ самымъ невиннымъ видомъ обратилась адмиральша къ Скворцову.

— Гулялъ онъ, Ниночка, и на хорошенькихъ дамъ заглядывался... Ну, мы вмѣстѣ и пошли тебя искать. Думали: авось, встрѣтимъ... И увидали: глядимъ, ты идешь такая сердитая... Вѣрно, устала, Ниночка, а?

— Еще бы! побѣгалъ бы ты по магазинамъ, какъ я... И эти приказчики... За все запрашиваютъ... Однако, что же мы стоимъ? Мнѣ еще много покупокъ. Идемте! А вотъ вамъ, Николай Алексѣевичъ!—промолвила адмиральша, передавая Скворцову нѣсколько свертковъ.

Послѣ посѣщенія двухъ-трехъ лавокъ, тучный адмиралъ еле волочилъ ноги и вдобавокъ ему страшно хотѣлось ѣсть. А жена, какъ нарочно, спѣшила, переходила изъ магазина въ магазинъ и все не могла окончить своихъ покупокъ. И Иванъ Ивановичъ, наконецъ, объявилъ, что поѣдетъ въ гостиницу и заморитъ до обѣда червяка, и попросилъ молодого человѣка походить съ Ниночкой по магазинамъ и привезти ее въ гостиницу.

— За что же, Ванечка, ты наказываешь бѣднаго Николая Алексѣича?

— Какъ наказываю?..

— Посмотри, какое у него вдругъ сдѣлалось кислое лицо!—со смѣхомъ проговорила адмиральша и прибавила:—Идите, идите, Николай Алексѣичъ. Я и безъ васъ обойдусь.

— Молодой человѣкъ обязанъ угождать дамамъ. По крайней мѣрѣ, насъ въ старину такъ учили... Такъ ужъ вы, Николай Алексѣевичъ, не бунтуйте и останьтесь съ Ниночкой, помогите ей и милости просимъ вмѣстѣ пообѣдать. А послѣ обѣда мы васъ не задержимъ: не опоздаете въ Аркадію,—шутливо прибавилъ адмиралъ.

Скворцовъ поблагодарилъ, но отъ приглашенія отказался. Онъ сегодня обѣдаетъ у сестры.

— Могли бы завтра у ней обѣдать,—замѣтила адмиральша, бросая значительный взглядъ на Скворцова, который говорилъ: «обѣдай у насъ!»

— Извините, Нина Марковна, я далъ слово,—отважно совралъ молодой человѣкъ.

— Дали слово, такъ надо держать. Слово великое дѣло, Николай Алексѣичъ, — сентенціозно промолвилъ адмиралъ.—Но, по крайней мѣрѣ, до обѣда вы будете кавалеромъ Ниночки, не правда ли?

Нѣсколько удивленный такой настойчивой просьбой и вообще сбитый съ толку отношеніемъ адмирала, который, казалось, несмотря на свою кажущуюся простоту, что-то подозрѣвалъ,—Скворцовъ поспѣшилъ отвѣтить, стараясь скрыть смущеніе, что онъ охотно останется около Нины Марковны до половины шестого. Сестра обѣдаетъ въ шесть часовъ.

— Ну, и отлично... Привезите Ниночку ко мнѣ и не давайте приказчикамъ ее обижать,—добродушно сказалъ Иванъ Ивановичъ и, пожавъ крѣпко руку молодого человѣка и привѣтливо кивнувъ головой женѣ, сѣлъ на извозчика и уѣхалъ.

— Наконецъ-то!—шепнула адмиральша и вся просіяла.

И, подхвативъ подъ руку Скворцова, машинально глядѣвшаго вслѣдъ уѣзжавшему адмиралу съ какимъ-то чувствомъ виноватости, она проговорила своимъ мягкимъ, бархатнымъ голосомъ:

— Пойдемъ отсюда куда-нибудь... Здѣсь толкотня...

— А покупки?

— Никакихъ больше нѣтъ, я всѣ сдѣлала... Это я нарочно, чтобъ остаться съ тобой,—прибавила она, лукаво поводя взглядомъ.

Они вышли изъ Гостинаго двора и, оба молодые, свѣжіе и красивые, шли по Садовой, рука объ руку, точно мужъ и жена.

— Куда мы пойдемъ?—спросилъ Скворцовъ.

— Куда хочешь... А то не поѣдемъ ли на острова? Возьмемъ карету и покатаемся... Хочешь?

— Что ты?—испуганно воскликнулъ Скворцовъ.—Вѣдь поздно—четыре часа, а къ пяти ты обѣщала вернуться домой... Будь благоразумнѣе...

— И то правда... поздно... А вѣдь я разсчитывала на

эту прогулку... Теперь такъ хорошо на островахъ. Эта встрѣча съ Ванечкой все разстроила!—капризно, съ видомъ балованнаго ребенка, проговорила Нина Марковна.—Но все равно... Я такъ рада, что съ тобой... Гдѣ ты былъ? Что дѣлалъ все утро? Разсказывай!

Скворцовъ добросовѣстно далъ отчетъ о проведенномъ утрѣ, и адмиральша спросила:

— Какъ это ты встрѣтился съ мужемъ? Онъ не догадался, зачѣмъ ты въ Гостиномъ дворѣ? Конечно, нѣтъ!.. Онъ не особенно догадливый, этотъ бѣдный Ванечка... Какъ тяжело его обманывать!—вздохнула она, и ея подвижное хорошенькое личико на секунду омрачилось.—А я тебя ждала... чего только не передумала... Думала, что ты вдругъ меня разлюбилъ и не придешь... Какія глупости лѣзутъ въ голову, когда любишь такъ, какъ я тебя люблю... Не правда ли, глупости? Вѣдь ты любишь свою Ниночку!

Голосъ ея звучалъ чарующей нѣжностью, и глаза были полны выраженіемъ страстной любви.

— Развѣ можно не любить такую обворожительную женщину!—промолвилъ тронутый этой любовью молодой человѣкъ.

— Но ты, Ника, кажется, не радъ, что мы одни? Твои мысли гдѣ-то далеко?—допрашивала Нина Марковна, повидимому, не вполнѣ удовлетворенная краткостью увѣреній своего любовника, и съ подозрительной пытливостью взглянула ему въ глаза.

— Богъ съ тобой!.. Съ чего ты взяла?—нѣсколько смущенно проговорилъ молодой человѣкъ, мысли котораго, дѣйствительно, не вполнѣ принадлежали адмиральшѣ.

— У тебя сегодня такое невеселое лицо... Тебя точно что-то гнететъ... Что съ тобою, мой ненаглядный?..

Скворцовъ рѣшилъ сказать половину правды и проговорилъ:

— Знаешь, что меня безпокоитъ?

— Что, милый?—тревожно спросила Нина Марковна.

— Мнѣ кажется, что Иванъ Иванычъ догадывается о нашей любви.

— Только-то?.. Успокойся. Бѣдный Ванечка ничего не подозрѣваетъ.

— Ты увѣрена?

— Мнѣ ли его не знать? Я сама прежде думала, но убѣдилась, что мои тревоги напрасны. Онъ убѣжденъ, что мы дружны, что ты мой поклонникъ, но что больше

ничего нѣтъ... И онъ очень привязанъ къ тебѣ. Когда тебя нѣтъ день, другой, онъ всегда спрашиваетъ: отчего тебя нѣтъ? По счастью, бѣдный Ванечка совсѣмъ не ревнивый, и если-бъ ты зналъ, какой добрый и хорошій человѣкъ...

— И какъ безгранично любитъ тебя,—вставилъ Скворцовъ.

— И я его очень люблю и уважаю, какъ прелестнаго человѣка... деликатнаго, который балуетъ меня... Да, люблю его, какъ отца... Нѣтъ, Ника, онъ не ревнуетъ... Да и не имѣетъ права. Несмотря на свою привязанность, вѣдь онъ понимаетъ, что виноватъ передо мной...

— Онъ виноватъ?

— Глупый! Развѣ не понимаешь? Онъ женился, когда ему было сорокъ пять, а мнѣ... двадцать,—проговорила, слегка запнувшись, Нина Марковна, такъ какъ утаила три года.—Теперь ему пятьдесятъ пять, а мнѣ... тридцать. Я — молода; онъ — старикъ. Онъ совсѣмъ отжилъ и не знаетъ страсти, а мнѣ еще жить хочется... И развѣ я виновата, что полюбила тебя?..

И, странное дѣло, несмотря на рѣшеніе Скворцова покончить съ этой связью, слова Нины Марковны радовали его.

— Надѣюсь, и ты, Ника, только мой и ничей больше?— продолжала адмиральша.—Ты не обманываешь меня?..

Скворцовъ уже боялся, какъ бы эта мирная прогулка не омрачилась вспышкой ревности и сценой. Обыкновенно сцены начинались именно съ такого вопроса, и подозрительная адмиральша, возбуждавшаяся своими же словами, которыя диктовало ей фантастическое воображеніе, приходила въ то состояніе подозрительной, слѣпой ревности, которое разрѣшалось гнѣвными, самыми невозможными обвиненіями и упреками, слезами и мольбой, рядомъ съ угрозами и требованіями клятвъ именемъ «покойной матери», въ томъ, что любимый человѣкъ любитъ ее безгранично и находится, такъ-сказать, въ полной ея собственности, весь, со всѣми своими помышленіями, и долженъ вѣчно помнить, что она для него всѣмъ пожертвовала. Ахъ, онъ хорошо зналъ эти сцены и хорошо зналъ свое подневольное положеніе, и все это, главнымъ образомъ, и отравляло его любовь. Зналъ онъ, что послѣ всѣхъ такихъ бурь и отчаянныхъ клятвъ и именемъ «покойной матери», и именемъ здравствующаго отца, происходила финальная сцена примиренія въ такихъ жгучихъ, необузданныхъ поцѣлуяхъ

(если тому не мѣшали обстоятельства), что онъ уходилъ хотя и счастливый, но нѣсколько утомленный и отъ этихъ бурныхъ шкваловъ ревности, и отъ такого избытка страстной любви.

Была ли сегодня Нина Марковна въ «штилевомъ» настроеніи, или улица нѣсколько сдерживала ея ревнивыя чувства, но только она на этотъ разъ удовлетворилась простымъ увѣреніемъ Скворцова, что кромѣ Нины Марковны для него не существуетъ на свѣтѣ женщинъ.

Они уже незамѣтно прошли всю Садовую. Радостная и довольная Нина Марковна говорила о близости счастливаго времени, когда они могутъ на дачѣ проводить цѣлые дни, не тяготясь присутствіемъ Ванечки.

— И знаешь что?—неожиданно прибавила она:—ты живи у меня на дачѣ... Къ чему тебѣ ѣздить изъ Кронштадта?

— Что ты, съ ума сошла, Нина?—испуганно воскликнулъ Скворцовъ.

Нина Марковна усмѣхнулась.

— Ты знаешь, кто подалъ эту счастливую мысль?

— Кто?

— Ванечка... Онъ еще сегодня говорилъ мнѣ объ этомъ, жалѣлъ, что ты будешь жить въ пыльномъ, душномъ Кронштадтѣ, и самъ тебѣ предложилъ перебраться на дачу... Ты развѣ не радъ этому?

— Иванъ Ивановичъ предложилъ?—изумился Скворцовъ, рѣшительно не понимавшій, до чего можетъ идти простота адмирала.—Ты говоришь, Иванъ Ивановичъ?—повторилъ онъ.

— Чему ты такъ удивляешься?

— Но это невозможно... Это скандалъ... Я ни за что не переѣду къ тебѣ. Я не хочу тебя компрометировать. И, наконецъ, развѣ можно такъ злоупотреблять довѣріемъ Ивана Ивановича?

Адмиральша сдѣлала недовольную гримаску. Напрасно Ника такъ боится всего. И съ какихъ поръ онъ сдѣлался такимъ осторожнымъ?

Однако она не настаивала на этотъ разъ. Опъ можетъ пріѣзжать и иногда оставаться. Не правда ли?

«Я, можетъ-быть, буду далеко въ это время!»—подумалъ Скворцовъ и, вѣроятно вслѣдствіе этого, нѣжно отвѣтилъ, что, конечно, будетъ пріѣзжать такъ часто, какъ только возможно.

— Однако, уже безъ четверти пять... Ѣдемъ!

Они взяли извозчика и поѣхали въ гостиницу.

— И ты думаешь, что мы такъ и разстанемся, а я тебя оставлю одного, чтобъ поѣхалъ въ Аркадію?—вдругъ сказала Нина Марковна.

— Но я не собираюсь въ Аркадію... Я вечеръ буду у сестры.

— Нѣтъ, ты будешь со мной! — радостно воскликнула Нина Марковна.—У меня явился великолѣпный планъ. Это вмѣсто утренней поѣздки. Я останусь въ Петербургѣ. Скажу Ванечкѣ, что не успѣла все купить, что̀ нужно. Мы проведемъ вечеръ одни... Совсѣмъ одни... Вѣдь это такъ рѣдко бываетъ... Поѣдемъ на острова, оттуда ко мнѣ чай пить.

— А Иванъ Ивановичъ?

— Ванечка сегодня вечеромъ уѣзжаетъ. Ему непремѣнно надо быть въ Кронштадтѣ завтра рано утромъ. Ну что, доволенъ, что я останусь? Доволенъ?—понижая голосъ, полный страсти, говорила молодая женщина, прижимаясь къ молодому человѣку.

Она была очаровательна, эта малепькая, ослѣпительно свѣжая женщина, съ ласкающимъ взглядомъ своихъ черныхъ блестящихъ глазъ, изящная, благоухающая, такая любящая и кроткая въ эту минуту, что Скворцовъ, собиравшійся такъ коварно бѣжать отъ нея въ дальнія моря, почувствовалъ угрызеніе совѣсти. И, охваченный чувствомъ жалости и нѣжности и внезапнымъ приливомъ молодой страсти, онъ глядѣлъ на нее загорѣвшимися, влюбленными глазами, которые краснорѣчивѣе словъ говорили, доволенъ ли онъ.

— Такъ будь у меня въ восемь часовъ, ни минуткой позже, — весело говорила Нина Марковна. — Найми карету... Смотри же, жду тебя, мой желанный,—прибавила она нѣжнымъ шопотомъ, прощаясь со Скворцовымъ у подъѣзда гостиницы.

Въ означенный часъ онъ былъ у нея въ номерѣ съ букетомъ цвѣтовъ и конфетами. Они тотчасъ же поѣхали на острова, обмѣнявшись долгимъ поцѣлуемъ. Въ каретѣ адмиральша сняла перчатки. Она знала, что «Ника» любитъ ея маленькія ручки. И онъ могъ, сколько угодно, цѣловать ихъ. На островахъ они пробыли недолго. Обоимъ имъ казалось, что сыро, и тянуло домой. И дорогой молодой человѣкъ, безъ всякаго вызова со стороны адмиральши,

расточалъ клятвы и цѣловалъ ее. Разговоръ какъ-то не вязался и, къ удивленію Скворцова, сегодня Нина Марковна не начинала сценъ—только освѣдомилась, кто былъ у его сестры, и даже повѣрила, что Скворцовъ не видалъ тамъ ни одной посторонней особы женскаго пола. Она не говорила и о томъ, что всѣмъ для него пожертвовала, и только глядѣла на молодого лейтенанта съ восторженной любовью... Они вернулись въ гостиницу въ десятомъ часу и весело пили чай...

И молодой человѣкъ малодушно забылъ и адмирала, и ревнивые шквалы съ дождемъ, и свое рабство, и свое рѣшеніе, чувствуя себя въ полной власти этой женщины...

VI.

За полночь возвращался Скворцовъ къ Неглинному и былъ въ задумчивомъ настроеніи. Онъ всю дорогу анализировалъ свои чувства къ адмиральшѣ и, неблагодарный, думалъ теперь о ней безъ влюбленной восторженности. Она ему, конечно, нравится, эта обольстительная женщина, но все-таки необходимо вырваться изъ-подъ ея дьявольскихъ чаръ во что бы ни стало. Онъ сознавалъ, что его любовь не «настоящая». Обязательно надо удирать къ общему благополучію. Любовь адмиральши въ разлукѣ, навѣрное, пройдетъ; Нина полюбитъ другого и будетъ счастлива, а онъ, наконецъ, избавится отъ этого кошмара и будетъ свободенъ, какъ вѣтеръ...

«Да и что такое, собственно говоря, любовь?—задалъ себѣ вопросъ молодой человѣкъ. — Вѣдь вотъ, всего нѣсколько минутъ тому назадъ, онъ совершенно искренно клялся въ любви, а теперь чувствуетъ какую-то унизительность этой любви и готовъ съ радостью разорвать ея цѣпи».

Размышлялъ онъ и объ адмиралѣ и, обманывая его, въ то же время жалѣлъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, онъ—такой простофиля, какъ говоритъ Нина Марковна, что даже зоветъ жить на дачу? Возможно ли, чтобы онъ не догадывался?.. И у него любовь къ этой женщинѣ... и какая еще любовь!

Неглинный еще занимался, когда къ нему вошелъ Скворцовъ. Диванъ для него уже былъ постланъ, и молодой человѣкъ съ удовольствіемъ взглянулъ на него. Онъ пожалъ руку товарища и, раздѣваясь, спросилъ:

— Вася! Что такое, по-твоему, истинная любовь къ женщинѣ, а?

Неглинный поднялъ съ книги усталое, блѣдное лицо и удивленно взглянулъ на Скворцова своими вдумчивыми закраснѣвшимися глазами. По обыкновенію, прежде чѣмъ рѣшить такой неожиданный вопросъ, имѣвшій мало общаго съ небесной механикой, которую онъ штудировалъ, Неглинный сталъ ерошить длинными худыми пальцами свои рыжіе волосы и, послѣ минуты-другой раздумья, во время которой Скворцовъ успѣлъ уже юркнуть подъ одѣяло,—заговорилъ слегка докторальнымъ тономъ, точно онъ отвѣчалъ на экзаменѣ:

— Истинная любовь есть полное гармоническое сочетаніе духовной и физической привязанности. Необходимо любить женщину и какъ человѣка, и какъ женщину. Если доминируетъ лишь одна духовная сторона, это, въ нѣкоторомъ родѣ, уродство, и женщина должна быть несчастна... Отъ этого, вѣроятно, жены многихъ великихъ ученыхъ убѣгали отъ своихъ мужей. А если въ любви преобладаетъ одно лишь животное чувство, это, по-моему, гнусно и должно унижать достоинство порядочной женщины.

— Ну, значитъ, я порядочная скотина, Вася!— проговорилъ Скворцовъ, протягиваясь.

Неглинный не противорѣчилъ и снова опустилъ глаза на книгу.

— Но только ты, братъ, слишкомъ теоретиченъ и не знаешь женщинъ. Есть развитыя и умныя женщины, которыя любятъ красивыхъ балбесовъ безъ всякаго внутренняго содержанія... Мало ли такихъ женъ... И онѣ нисколько не считаютъ себя униженными... Напротивъ, счастливы... Ты, вѣрно, никогда не женишься!

— Пока не думаю.

— Трудно, братъ, найти такой идеалъ любви...

— Можно стремиться къ его приближенію. Однако, не мѣшай!..

Нѣкоторое время Скворцовъ молчалъ и снова спросилъ:

— Ты, Вася, любилъ когда-нибудь?

— Любилъ, — отвѣчалъ, нѣсколько конфузясь, Неглинный.

— Замужнюю или дѣвушку?

— Да ты чего допрашиваешь!.. Ну, замужнюю.

— И она тебя любила?

— Она и не знала, что я ее люблю...

— Зачѣмъ же ты не сказалъ ей?..

— Къ чему смущать несвободную женщину... И вообще, знаешь ли, я какъ-то боюсь ихъ... Какое имѣю я право навязываться съ своею любовью?

— Ты, Вася, фефела порядочная! — разсмѣялся Скворцовъ. — Играя въ молчанку, ты никогда не вызовешь любви... Она тебя любила?

— Не думаю. Но расположена была, это несомнѣнно.

— И ты все молчалъ?.. Даже и рукъ не цѣловалъ?

— Циникъ!.. Не говори пошлостей!..—воскликнулъ Неглинный.

И, внезапно оживляясь, проговорилъ:

— Я ее такъ любилъ цѣлыхъ три года, Коля, что ради нея готовъ былъ перенести какія угодно страданія. Ахъ, что это за свѣтлое, прелестное созданіе!.. А ты, свинья: «цѣловалъ ли руки?»

«Совсѣмъ фефела!»—подумалъ про себя Скворцовъ и спросилъ:

— Хорошенькая?

— Мнѣ казалось въ то время, что краше нея нѣтъ женщины на свѣтѣ...

— А мужъ молодой или старикъ? Каковъ онъ?..

— Мужъ?—переспросилъ Неглинный, и Скворцовъ увидалъ съ дивана, что лицо его друга омрачилось.—Я не стану о немъ говорить, такъ какъ могу быть пристрастнымъ. Мнѣ онъ не нравится. Онъ былъ молодой и очень красивый,—прибавилъ Неглинный.

— И она его любила?

— Кажется, не очень... Едва ли она счастлива.

— Ты продолжаешь бывать у нихъ?

— Ихъ здѣсь нѣтъ. Они три года какъ уѣхали...

— Д-д-да,—протянулъ Скворцовъ:—это была, значитъ, настоящая любовь... Такой безкорыстной, возвышенной любви я еще не испыталъ... А все-таки, Вася, ты какой-то пентюхъ съ женщинами... Боишься ихъ, молчишь, краснѣешь, точно красная дѣвица... Такъ, братецъ, никакая женщина тебя не полюбитъ.

— И пусть,—промолвилъ угрюмо Неглинный...

— И, несмотря на свои возвышенные идеалы, ты женишься лѣтъ въ сорокъ на какой-нибудь кухаркѣ...

— Ну, это ты, братъ, врешь...

Нѣсколько времени длилось молчаніе, какъ вдругъ Скворцовъ, уже начавшій дремать, проговорилъ:

— Чуть-было не забылъ сказать тебѣ самое важное.

Сегодня Иванъ Ивановичъ говорилъ, что на «Грозномъ» вакансія, и просилъ передать тебѣ, чтобы ты бросилъ ученую карьеру и просился на «Грозный»...

— Иванъ Ивановичъ развѣ въ Петербургѣ?

— Да...

— И Нина Марковна?

— И Нина Марковна.

— И ты у нихъ пропадалъ?..

— У нихъ,—виновато промолвилъ Скворцовъ.

— Хорошъ! Говорилъ: «отравляетъ жизнь», а самъ вечера съ ней просиживаетъ...

— Нельзя было отказаться. Такую, братъ, надо вести линію... Такъ слушай: ты, конечно, ученой карьеры, ради Ивана Ивановича, не бросишь и въ море не пойдешь?

— Разумѣется.

— Такъ скажи своему дядѣ, чтобы попросилъ министра назначить меня на «Грозный». И упроси его съѣздить скорѣй, пока никого не назначили. А я, въ свою очередь, попрошу похлопотать, знаешь ли кого?

— Кого?

— Ивана Ивановича!.. Что вытаращилъ глаза? Развѣ не идея?

Неглинный улыбнулся.

— А Нина Марковна какъ?

— Она не узнаетъ. Я попрошу адмирала держать мою просьбу въ глубочайшей тайнѣ.

— Чѣмъ же ты объяснишь эту таинственность?

— Какъ-нибудь да объясню. А онъ, навѣрное, постарается, чтобы я ушелъ въ плаваніе. Понимаешь, почему? Не правда ли, идея?

— Да вѣдь послѣ онъ можетъ сказать Нинѣ Марковнѣ.

— Послѣ, когда я буду отсюда далеко, пусть говоритъ.

— Однако, ты—гусь лапчатый! — промолвилъ Неглинный.—Ишь, что̀ выдумалъ?

— Поневолѣ выдумаешь, когда положеніе—«бамбукъ»... Да вотъ что еще. Если встрѣтишься съ адмираломъ или съ адмиральшей—не забудь, что у тебя была инфлюенца.

— Это еще что?

Скворцовъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и, пожелавъ другу «успѣшно зубрить», повернулся на другой бокъ и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На другой день онъ съ двѣнадцатичасовымъ пароходомъ отправился въ Кронштадтъ. Адмиральша уѣхала раньше.

VII.

Просить человѣка, котораго втайнѣ безсовѣстно обманываешь, объ услугѣ, хотя бы и съ добрымъ намѣреніемъ покончить съ обманомъ, оказалось вовсе не такъ легко и просто, какъ легкомысленно предполагалъ Скворцовъ. Его очень смущало и самое обращеніе съ просьбой къ этому добродушному и, повидимому, простоватому толстяку Ивану Ивановичу и, главнымъ образомъ, объясненіе, которое необходимо сочинить по поводу сохраненія въ тайнѣ его просьбы. Положимъ, оно уже придумано и, кажется, ничего себѣ, но повѣритъ ли ему адмиралъ и не будетъ ли удивленъ, что молодой человѣкъ скрываетъ это намѣреніе отъ своего «друга» Нины Марковны? И что, если адмиралъ, который, по увѣренію жены, находится въ такомъ блаженномъ невѣдѣніи относительно характера ихъ дружбы, что даже собирается пригласить его жить вмѣстѣ съ Ниной Марковной на дачѣ,—вдругъ догадается, въ чемъ дѣло? Тогда... прощай обычное добродушное настроеніе Ивана Ивановича! Семейное счастье и вѣра его въ любимую «Ниночку» будутъ омрачены подозрѣніями. Бѣдный адмиралъ!

«И на кой чортъ этотъ славный Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ глупость, женившись въ пожилыхъ лѣтахъ на такой пылкой женщинѣ, какъ Нина Марковна!»—не безъ досады подумалъ вслухъ Скворцовъ.

Всѣ эти соображенія волновали теперь молодого человѣка, и онъ, вернувшись въ Кронштадтъ, не рѣшился, какъ хотѣлъ, въ тотъ же день переговорить съ адмираломъ, хотя и представлялся для этого удобный случай. Онъ встрѣтилъ адмирала на улицѣ, близъ Петровской пристани, и могъ безъ помѣхи изложить свою просьбу. Адмиралъ, только-что вернувшійся съ своего флагманскаго броненосца, былъ, повидимому, въ хорошемъ расположеніи духа и, по обыкновенію, ласковъ и привѣтливъ. Но у Скворцова не хватило смѣлости заговорить о своемъ дѣлѣ. Вдобавокъ, Иванъ Ивановичъ, пригласившій молодого человѣка пройтись съ нимъ, шутливо разспрашивалъ о «венгерочкахъ» въ Аркадіи и, между прочимъ, замѣтилъ, что и Ниночка вчера осталась въ Петербургѣ и только сегодня вернулась съ девятичасовымъ пароходомъ.

— Портниху ждала и кое-какія покупки вечеромъ дѣ-

лала. Жаль, что вы не знали объ этомъ, Николай Алексѣичъ, а то бы зашли къ ней! Ниночка и не проскучала бы вчера!—прибавилъ адмиралъ.

Вспомнивъ вчерашній вечеръ, молодой лейтенантъ не безъ труда поборолъ смущеніе и поспѣшилъ откланяться адмиралу.

— А вы развѣ не къ намъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство... Мнѣ надо въ экипажъ.

— Такъ обѣдать пожалуйста.

— Къ сожалѣнію, не могу, ваше превосходительство!

— Да что это вы все, батенька: не могу, да не могу? Какія у васъ такія дѣла?—спрашивалъ Иванъ Ивановичъ, взглядывая на смутившагося лейтенанта и тотчасъ же отводя взглядъ.—Ужъ не завели ли вы какую-нибудь интрижку, а?.. Ну, ну, какъ знаете... Не забывайте только, дорогой Николай Алексѣичъ, что я и Ниночка всегда рады васъ видѣть и любимъ васъ!—съ чувствомъ прибавилъ адмиралъ, крѣпко пожимая Скворцову руку.

Это ласковое и довѣрчивое отношеніе добряка Ивана Ивановича было самымъ ужаснымъ наказаніемъ для Скворцова и всегда терзало его совѣсть—увы!—до тѣхъ только поръ, пока онъ не оставался наединѣ съ адмиральшей, и совѣсть куда-то пропадала, побѣжденная чарами хорошенькой молодой женщины.

«Нѣтъ, довольно всей этой лжи... Довольно! Ахъ, если-бъ Неглинный упросилъ своего дядю похлопотать!»—подумалъ Скворцовъ, направляясь обѣдать въ морской клубъ.

Онъ тамъ пробылъ до вечера, чтобы не застать дома кредиторовъ, — игралъ на бильярдѣ, долго читалъ въ библіотекѣ и вернулся домой въ меланхолическомъ настроеніи.

Заспанный Бубликовъ, отворившій ему двери, тотчасъ же доложилъ, что приходили портной и сапожникъ и какая-то старушка, «въ родѣ бытто нѣмки».

Лейтенантъ сообразилъ, что это комиссарская вдова.

— Ну, и что же, говорили они что-нибудь?—спрашивалъ Скворцовъ вѣстового, входя въ свою комнату, казавшуюся ему теперь мрачной и постылой.

— Точно такъ, ваше благородіе. Очень осерчавши были портной съ сапожникомъ. «Некогда,—сказывали,—намъ ходить зря. Мы, говорятъ, управу найдемъ», ваше благородіе...

— А старушка что говорила?

— Та, ваше благородіе, вѣжливая старушка, съ обращеніемъ... Тихо этакъ, по-благородному, приказала доложить вашему благородію, что черезъ недѣлю «строкъ». «Такъ и скажи, говоритъ, голубчикъ, своему барину, что «строкъ» и дальше я, говоритъ, ждать никакъ не согласна. Пусть, говоритъ, доставитъ весь капиталъ»... А еще, ваше благородіе, адмиральскій вѣстовой прибѣгалъ... Наказывалъ безпремѣнно, молъ, быть къ адмиральшѣ. «Тую-жъ минуту чтобы шелъ!»

— А телеграммы не было?

— Точно такъ, ваше благородіе, депешъ принесли...

— Что-жъ ты, дуракъ, не даешь ее? Гдѣ она?

Бубликовъ торопливо досталъ изъ кармана штановъ телеграмму и, вручивъ ее барину, отошелъ къ дверямъ. Несмотря на полученнаго «дурака», онъ участливо поглядывалъ на лейтенанта, которому, какъ онъ выражался, «не давали передохнуть» изъ-за денегъ.

Скворцовъ пробѣжалъ телеграмму, и лицо его омрачилось. Неглинный извѣщалъ, что дядя наотрѣзъ отказался хлопотать.

— Самоварчикъ не прикажете ли, ваше благородіе?— съ ласковымъ добродушіемъ освѣдомился вѣстовой.

— Убирайся къ чорту съ своимъ самоварчикомъ! — вспылилъ раздраженный лейтенантъ.

«Нехорошій, значитъ, депешъ!»—сообразилъ Бубликовъ и мигомъ исчезъ.

А Скворцовъ заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ безпокойными, нервными шагами, раздумывая о своемъ невозможномъ положеніи, въ которое онъ сталъ, благодаря этой проклятой любви.

VIII.

На другой день, въ исходѣ девятаго часа славнаго солнечнаго майскаго утра, когда адмиральша сладко спала въ своей роскошной, кокетливо убранной, спальнѣ, Скворцовъ, свѣжій, взволнованный и смущенный, переступилъ порогъ небольшого, сіявшаго чистотой и порядкомъ, уютнаго кабинета адмирала. Маленькая дверь въ глубинѣ вела въ его крошечную спальню.

Адмиралъ, по морской привычкѣ рано вставшій, давно уже, послѣ холоднаго душа, добросовѣстно продѣлалъ свои ежедневныя получасовыя гимнастическія упраж-

ненія съ гирями, не приносившими, по мнѣнію адмиральши, никакой пользы и только напрасно утомлявшими «Ванечку», выпилъ свои два стакана горячаго чая и въ бѣломъ разстегнутомъ кителѣ, въ петлицѣ котораго блестѣлъ Георгій, полученный за храбрость, сидѣлъ у письменнаго стола, въ своемъ большомъ плетеномъ креслѣ, погруженный въ чтеніе книги, которую онъ держалъ на своемъ огромномъ, слегка колыхавшемся, животѣ. Всѣ окна въ кабинетѣ были открыты настежь,—тучный адмиралъ не выносилъ жары. Двѣ канарейки заливались въ-перебой, и адмиралъ, нѣсколько тугой на одно ухо, не слыхалъ, какъ вошелъ Скворцовъ.

На секунду-другую молодой человѣкъ остановился въ нерѣшительности у дверей, взглядывая на добродушное, не особенно казистое, рыхлое лицо адмирала, съ толстымъ небольшимъ носомъ, съ мясистыми красными щеками, которыя свободно покоились въ бѣлоснѣжныхъ стоячихъ воротничкахъ рубашки,—съ расчесанной сѣдой бородой и большой лысиной, часть которой была прикрыта прядкой жидкихъ волосъ. Наконецъ, онъ рѣшительно, словно въ какой-то отвагѣ отчаянія, двинулся впередъ...

— А, Николай Алексѣичъ, здравствуйте, батенька,— воскликнулъ адмиралъ, видимо удивленный появленіемъ Скворцова въ такой ранній часъ и замѣтившій, что молодой человѣкъ взволнованъ.— Садитесь вотъ сюда, поближе ко мнѣ,—продолжалъ Иванъ Ивановичъ, пожимая Скворцову руку и самъ почему-то вдругъ заволновавшійся.—Что, дорогой мой, скажете хорошенькаго?—спросилъ онъ со своей обычной привѣтливостью, но въ маленькихъ глазахъ его чувствовалось какое-то безпокойство и въ громкомъ, слегка крикливомъ его голосѣ, показалось Скворцову, звучала тревожная нотка.

— Я къ вамъ съ большой просьбой, ваше превосходительство...

— Въ чемъ дѣло? Вы знаете, я всегда охотно готовъ служить вамъ, чѣмъ могу,—отвѣчалъ адмиралъ, и голосъ его какъ будто сталъ спокойнѣе, и на лицѣ снова появилось обычное выраженіе добродушія.

— Но прежде, чѣмъ объяснить мою просьбу, я долженъ просить васъ о сохраненіи ея въ секретѣ, въ абсолютномъ секретѣ. Чтобы рѣшительно никто не зналъ,— подчеркнулъ Скворцовъ, внезапно краснѣя.

— Будьте спокойны, мой другъ. Даже Ниночкѣ не скажу!—значительно промолвилъ адмиралъ, бросая быстрый и снова безпокойный взглядъ на молодого человѣка.

— Не откажите, ваше превосходительство, попросить министра, если только это васъ не стѣснитъ, чтобы меня назначили на «Грозный»... Я ни разу не былъ въ дальнемъ плаваніи и имѣю на него полное право...

Повидимому, адмиралъ менѣе всего ожидалъ подобной просьбы. Она до того изумила его, что онъ посмотрѣлъ во всѣ глаза на Скворцова и словно бы невольно воскликнулъ:

— Какъ? Вы хотите въ дальнее плаваніе, Николай Алексѣичъ?

Къ великому удивленію Скворцова, въ этомъ вопросѣ звучало не радостное изумленіе, а, напротивъ, тревожное, точно адмиралу было непріятно, что Скворцовъ просится въ дальнее плаваніе.

Молодой человѣкъ совсѣмъ былъ сбитъ съ толку и смутился еще болѣе. Онъ понялъ, что адмиралъ о чемъ-то догадывается, и чувствовалъ, что разговоръ принимаетъ щекотливое направленіе. И, желая во что бы ни стало отвлечь подозрѣніе старика, онъ проговорилъ искусственно обиженнымъ тономъ, стараясь скрыть охватившее его жуткое чувство:

— Васъ удивила моя просьба, ваше превосходительство? Вы думаете, что я ужъ такой скверный офицеръ, что и не смѣю проситься въ дальнее плаваніе?

— Что вы, что вы, Николай Алексѣичъ? Я васъ считаю бравымъ офицеромъ и ваше желаніе вполнѣ законнымъ... Какъ молодому человѣку не стремиться въ плаваніе? И если я въ первую минуту, знаете ли, нѣсколько ошалѣлъ, то простите эгоизму старика. Вы вѣдь знаете, какъ искренно я къ вамъ расположенъ, и поймете, какъ мнѣ и Ниночкѣ было бы жаль надолго лишиться вашего общества. Мы оба такъ къ вамъ привыкли,—прибавилъ адмиралъ, въ свою очередь, нѣсколько смущенный.

Тронутый выраженіемъ такой незаслуженной и, казалось Скворцову, украденной имъ привязанности адмирала, которой онъ такъ подло пользовался, молодой человѣкъ, не находя словъ, наклонилъ голову въ знакъ благодарности и не смѣлъ смотрѣть адмиралу въ глаза.

А адмиралъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— И кромѣ того, меня нѣсколько удивило ваше желаніе,

Николай Алексѣичъ, еще и потому, что вы, сколько помнится, еще зимой говорили, что ваши семейныя обстоятельства мѣшаютъ вамъ надолго оставлять Россію? Они, значитъ, измѣнились? Или, быть-можетъ, есть и другія важныя причины, заставляющія васъ облекать въ такую таинственность вашу просьбу?.. Простите, что я васъ спрашиваю... Повѣрьте, другъ мой, что это не праздное любопытство,—съ кроткою ласковостью говорилъ адмиралъ, взглядывая на молодого человѣка своими маленькими умными глазами, полными теперь выраженія какого-то грустнаго раздумья.

— Да, есть важныя причины, ваше превосходительство. Мнѣ необходимо уѣхать во что бы то ни стало!— промолвилъ Скворцовъ.

— Догадываюсь... Вы, вѣрно, полюбили какую-нибудь дѣвушку или женщину и, какъ порядочный человѣкъ, хотите бѣжать, чтобы не поддаться искушенію любви и не искушать вашъ предметъ? Не такъ ли?

— Именно такъ, ваше превосходительство,—глухо прошепталъ молодой человѣкъ.—Я полюбилъ одну дѣвушку и такъ какъ жениться не могу, то долженъ уѣхать...

Адмиралъ пристально посмотрѣлъ на Скворцова, и по лицу его скользнула грустная усмѣшка. Нѣсколько мгновеній онъ молчалъ, сосредоточенный и задумчивый, закрывъ глаза. Казалось, въ немъ происходила какая-то душевная борьба. И Скворцову было жутко. Онъ понималъ, что адмиралъ не вѣритъ въ выдуманную имъ дѣвушку, и ждалъ, какъ виноватый, чего-то страшнаго и необыкновенно тяжелаго. Теперь онъ ясно видѣлъ, что этотъ добродушный толстякъ далеко не простъ и не въ такомъ блаженномъ невѣдѣніи, какъ думаетъ Нина Марковна.

— Послушайте, Николай Алексѣичъ, — произнесъ, наконецъ, адмиралъ, понижая голосъ:—и я, въ свою очередь, попрошу васъ сохранить въ тайнѣ то, что я сейчасъ вамъ скажу. Нинночка никогда не должна этого знать... Слышите? — значительно и строго прибавилъ адмиралъ.

— Слушаю, ваше превосходительство, — пролепеталъ Скворцовъ.

— Къ чему намъ играть комедію, Николай Алексѣичъ?.. Я вѣдь все знаю. Знаю, что вы любите Нинночку и что она любитъ васъ,—рѣшительно сказалъ Иванъ Ивановичъ.

«Вотъ оно... начинается!»—подумалъ Скворцовъ, испытывая чувство страха и въ то же время облегченія, и еще ниже опустилъ свою виноватую голову.

— Я понимаю... Васъ, какъ порядочнаго человѣка, мучаетъ обманъ, и вы хотите бѣжать отъ него?.. Я не ошибся въ васъ... Я ждалъ этого... Но только напрасно вы думали, что обманываете меня... Да и вы еще такъ молоды и неиспорчены, что не умѣете скрывать своихъ чувствъ... Ихъ можно читать на вашемъ лицѣ, какъ по книгѣ... И напрасно вы тревожитесь за меня. Я давно вижу вашу любовь къ Ниночкѣ и хорошо понимаю, что это—счастливая любовь, а не дружба... Да и какая можетъ быть дружба, когда вы оба молоды, красивы и полны жизни?.. Такъ послушайте, Николай Алексѣичъ, вамъ нѣтъ причины бѣжать. Оставайтесь, прошу васъ, и не думайте обо мнѣ. Ниночка васъ такъ любитъ, и разлука съ вами причинитъ ей большое горе. Пусть останется все по-старому, какъ было, и пусть Ниночка думаетъ, что я ни о чемъ не догадываюсь... Ей все-таки легче... А я... я счастливъ ея поздпимъ счастьемъ и радъ, что она полюбила такого честнаго и милаго человѣка, какъ вы... Я знаю, вы—не хлыщъ и не станете компрометировать ея имени...

Съ невольнымъ изумленіемъ Скворцовъ, никакъ не ожидавшій ничего подобнаго, поднялъ глаза на адмирала и былъ пораженъ выраженіемъ его лица. Оно было какое-то проникновенное и свѣтилось необыкновенной ласковой добротой. И маленькіе его глаза такъ кротко серьезно глядѣли на любовника жены.

— Вы не ожидали такого объясненія, Николай Алексѣичъ?—съ тихой грустной улыбкой продолжалъ Иванъ Ивановичъ.—Въ самомъ дѣлѣ, жена любитъ другого, обманываетъ мужа, а онъ вмѣсто того, что̀ обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ обманутые мужья, проситъ васъ не оставлять ее?.. Слѣдовало бы прогнать невѣрную жену или, по крайней мѣрѣ, отравлять ей жизнь?.. А васъ—выгнать изъ дому? Не вызывать же мнѣ, на старости лѣтъ, васъ на дуэль?.. Такъ, кажется, слѣдуетъ по общепринятымъ правиламъ?—усмѣхнулся старикъ.—А я, вотъ, привыкъ жить по собственнымъ правиламъ, такъ, какъ совѣсть велитъ... А совѣсть мнѣ говоритъ, что я одинъ безмѣрно виноватъ передъ бѣдной Ниночкой и пожалъ то, что̀ посѣялъ... Да-съ!..

Адмиралъ вытеръ платкомъ свое вспотѣвшее лицо и продолжалъ свою исповѣдь:

— Развѣ я имѣлъ право послѣ сорока пяти лѣтъ довольно гнусно проведенной жизни жениться на молодомъ и чистомъ созданіи?.. А я женился, влюбившись въ Ниночку, на склонѣ лѣтъ, со всей силой запоздавшей страсти... Точно это оправданіе! Я боготворилъ ее и, думая только о себѣ, умолялъ ее быть моей женой... Могъ вѣдь я, кажется, сообразить, что любить такого стараго урода, какъ я, собственно говоря, противно природѣ, и что вышла она замужъ потому, что глупые родители хотѣли устроить ей партію?! Еще бы... Адмиралъ... Положеніе... И я все-таки совершилъ это преступленіе,—да, преступленіе, которое люди часто дѣлаютъ,—женился и пользовался незаслуженнымъ счастьемъ... И то для меня было счастье, что Ниночка, видя мою безпредѣльную любовь, привязалась ко мнѣ, безропотно выносила мои ласки и была безупречной женой... А я, развращенный, изжившійся, пользовался ея молодостью и красотой... ревновалъ ее, думая, что моя любовь, мое баловство, всѣ эти подарки... могутъ заглушить въ женщинѣ потребность чувства... И она, бѣдняжка, хандрила, часто плакала; страдалъ и я. А ее стало все больше тянуть къ жизни, къ любви... Еще бы! Я теперь совсѣмъ отжившій человѣкъ,—промолвилъ застѣнчиво адмиралъ:—а она молода и полна жизни... И она кокетничала... окружала себя поклонниками, слегка увлекалась, и я, конечно, не мѣшалъ... Но васъ она не шутя полюбила... Я знаю, какъ Ниночка васъ любитъ и какъ она теперь счастлива! Она расцвѣла, похорошѣла подъ обаяніемъ счастливой любви, стала покойная и радостная, не то, что прежде... Нервы прошли... И какъ нѣжна и внимательна со мной, точно извиняется за свое счастье, голубушка!.. Такъ неужели вы думаете, что я помѣшаю ея счастью только потому, что она моя жена!? Нѣтъ, никогда! Я слишкомъ люблю Ниночку, чтобы быть ея палачомъ!—прибавилъ взволнованно адмиралъ.

И голосъ его звучалъ нѣжностью, и въ глазахъ блеснули слезы.

Онъ примолкъ, стараясь оправиться отъ волненья. Безмолвствовалъ, опустивъ голову, и Скворцовъ, подавленный, умиленный, чувствовавшій необычайное уваженіе и любовь къ этому мужу, котораго онъ обманывалъ, и еще болѣе желавшій теперь уйти въ плаваніе. И молодому

человѣку представилось теперь такимъ ничтожнымъ и банальнымъ его увлеченіе адмиральшей въ сравненіи съ этой самоотверженной, всепрощающей любовью, и самъ онъ казался такимъ маленькимъ и пошлымъ со своими понятіями о любви передъ этимъ скромнымъ, невзрачнымъ толстякомъ, который, казалось, и не сознавалъ всей нравственной красоты своихъ «собственныхъ правилъ» и своей доброй души. И его многіе считали простофилей!? А онъ, изъ чувства любви и деликатности, нарочно носилъ эту личину «простоты». «И какъ же онъ любитъ свою Ниночку!»—думалъ молодой человѣкъ и тутъ же вывелъ заключеніе, что адмиралъ все-таки ослѣпленъ ею, думая, что раньше она только кокетничала и слегка увлекалась... Весь Кронштадтъ знаетъ объ ея увлеченіи три года тому назадъ, когда адмиралъ былъ въ дальнемъ плаваніи, однимъ лейтенантомъ... Да и тотъ, негодяй, афишировалъ близость ихъ отношеній... хвасталъ ими...

Нѣсколько секундъ въ кабинетѣ стояла тишина. Даже канарейки перестали заливаться, и только слышно было, какъ онѣ постукивали клювами о жердочки.

— И ревности во мнѣ нѣтъ... Я поборолъ въ себѣ это чувство... вѣрьте мнѣ,—снова говорилъ адмиралъ, но голосъ его слегка дрогнулъ, точно выдавалъ:—съ этой стороны вы не причините мнѣ зла... Одно мнѣ было бы тяжело—это разводъ... Я долго объ этомъ размышлялъ за это время, но, каюсь, нѣтъ силъ разстаться съ Ниночкой, не видать ее... И кромѣ того... вѣдь она старше васъ... и вы оба не обезпечены. Положимъ, пока я живъ, я давалъ бы ей бо́льшую часть содержанія... много ли мнѣ надо?.. Но послѣ моей смерти?.. Впрочемъ, если Ниночка захочетъ, я не прочь, если это нужно для вашего счастья и если она не пожалѣетъ меня... Но надо, чтобы ваша любовь выдержала испытаніе въ теченіе болѣе долгаго срока... А пока ни полслова Ниночкѣ и живите съ ней на дачѣ. Вы видите, вамъ не зачѣмъ проситься въ дальнее плаваніе, Николай Алексѣичъ!—прибавилъ съ одобряющей улыбкой адмиралъ.

— А я все-таки прошу, умоляю васъ объ этомъ!—замѣтилъ тихо и серьезно Скворцовъ.

— Какъ!.. Вы все-таки хотите бѣжать? — почти испуганно спросилъ адмиралъ.

— Хочу... Такъ будетъ лучше...

— Лучше? Для кого?

— Для насъ обоихъ...

— Что это значитъ? Почему лучше? Объясните, Николай Алексѣичъ!—съ нескрываемымъ удивленіемъ проговорилъ адмиралъ, не допускавшій и мысли, чтобы этотъ счастливецъ, любимый «Ниночкой», могъ добровольно искать съ нею разлуки.

Положеніе «счастливца» оказалось не изъ пріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, не могъ же онъ откровенно разсказывать мужу, хотя бы и такому самоотверженному и благородному, какъ адмиралъ, о бѣшеной ревности и необузданной страсти маленькой адмиральши, объ ея невозможной подозрительности и любящемъ деспотизмѣ, требующемъ, чтобы любимый человѣкъ былъ ея рабомъ, обо всѣхъ этихъ сценахъ, упрекахъ и «шквалахъ съ дождемъ»,—благодаря чему любовь обращалась въ нѣкоторое подобіе каторги, и онъ хотѣлъ избавиться отъ нея.

Чувствуя свое «бамбуковое» положеніе, Скворцовъ взволнованно, далеко не связно и путаясь въ словахъ, но благоразумно однако избѣгая всѣхъ щекотливыхъ подробностей, которыя не могли быть особенно пріятны адмиралу, объяснилъ, что онъ сознаетъ себя недостойнымъ той привязанности, которою почтила его Нина Марковна... Онъ, конечно, весьма тронутъ... цѣнитъ и самъ очень... очень преданъ и любитъ, но не увѣренъ въ силѣ и глубинѣ своего чувства... И это его очень мучитъ и ставитъ въ фальшивое положеніе... Разлука была бы хорошимъ испытаніемъ... Онъ безгранично виноватъ, что раньше не провѣрилъ себя... Онъ влюбился, какъ сумасшедшій, и не въ силахъ былъ тогда же отойти... А теперь, думая о будущемъ...

— Вы, значитъ, боитесь, что можете охладѣть къ Ниночкѣ?—перебилъ нетерпѣливо адмиралъ, привыкшій, какъ морякъ, къ краткимъ и точнымъ объясненіямъ.

— Да,—виновато прошепталъ Скворцовъ.

— И не рѣшаетесь сказать объ этомъ Ниночкѣ, чтобы не огорчить ее?

— Не рѣшаюсь...

— Это понятно,—промолвилъ адмиралъ и опустилъ голову въ какомъ-то печальномъ раздумьи.

— Что-жъ, пожалуй, вы и правы... Лучше уѣхать и испытать себя,—наконецъ, проговорилъ онъ.—Я сегодня же напишу о васъ министру... И, конечно, Ниночка не

должна знать, что вы уѣзжаете добровольно... Это огорчитъ ее еще болѣе... Она васъ такъ любитъ, а вы... Бѣдная Ниночка!—прибавилъ грустнымъ тономъ адмиралъ.

И послѣ минуты молчанія замѣтилъ, удивленно качая головой:

— Какой вы, однако, безумецъ, Николай Алексѣичъ!

И больше ни слова упрека.

Двери тихо отворились въ эту минуту, и въ кабинетъ вошла Нина Марковна, свѣжая, хорошенькая, блестящая въ своемъ бѣломъ капотѣ и маленькомъ чепцѣ, который необыкновенно шелъ къ ней. При видѣ Скворцова въ кабинетѣ мужа, молодая женщина изумилась и, пріостанавливаясь у порога, воскликнула:

— Я вамъ не мѣшаю, господа?..

— Что ты, Ниночка!—проговорилъ адмиралъ, успѣвшій незамѣтно мигнуть Скворцову, какъ бы рекомендуя осторожность, и, поднявшись съ кресла, пошелъ навстрѣчу женѣ поздороваться. Онъ почтительно поцѣловалъ ея маленькую ручку, а Нина Марковна поцѣловала его въ лобъ.

— А васъ какой счастливый вѣтеръ занесъ къ намъ такъ рано, Николай Алексѣичъ?—спросила она, протягивая руку Скворцову и съ подозрительной пытливостью взглядывая на мужа и на молодого человѣка.

— Это я, Ниночка, зазвалъ Николая Алексѣича, я, милая... Гляжу: онъ мимо идетъ... Ну, я позвалъ, чтобы распушить его, зачѣмъ вчера не былъ... И распушилъ, будетъ помнить!—весело прибавилъ адмиралъ, принимая свой обычный простовато-добродушный видъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего вы вчера не были?

— Голова болѣла..

— Потому-то васъ и не было цѣлый день дома?

— Что, влопались, батенька?—пошутилъ Иванъ Ивановичъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ едва слышной тревожной нотки въ голосѣ жены.

— Я цѣлый день въ клубѣ былъ... Зачитался въ библіотекѣ.

Хорошенькое личико Нины Марковны слегка омрачилось, брови сдвинулись и верхняя губа вздрогнула. Она, видимо, сдерживала свое неудовольствіе и пытливо смотрѣла въ глаза Скворцова, точно спрашивая: лжетъ онъ или нѣтъ?

— Честное слово, въ клубѣ,—поспѣшилъ повторить молодой человѣкъ.

— Да мнѣ развѣ не все равно, гдѣ вы были?—съ раздраженіемъ замѣтила адмиральша, отворачиваясь, и, обращаясь къ мужу, сказала:

— Чудные дни, Ванечка, стоятъ... Пора бы и на дачу...

— Конечно, пора... Хочешь завтра переѣхать?..

— А какъ же ты?

— Я тоже дня черезъ три на корабль переберусь, Ниночка. Буду пріѣзжать, пока не уйдемъ. Да вотъ и Николая Алексѣича просилъ погостить у насъ на дачѣ... Что ему дѣлать-то въ городѣ?.. По крайней мѣрѣ подышитъ свѣжимъ воздухомъ... Не бойтесь, Ниночка не стѣснитъ васъ... Можете, когда угодно, уѣзжать въ Петербургъ, слушать венгерокъ, Николай Алексѣичъ. Онѣ ему очень понравились, Ниночка... Онъ разсказывалъ, какъ третьяго дня въ Аркадіи ихъ слушалъ... Попроси и ты его, Ниночка, а то онъ стѣсняется...

— Что-жъ, милости просимъ, Николай Алексѣичъ... Ванечка правъ: я не буду вашей тюремщицей, на этотъ счетъ можете быть покойны.

Скворцовъ поблагодарилъ и сказалъ, что воспользуется приглашеніемъ.

— Ну, вотъ и отлично; а теперь, Ниночка, угости его кофе. Онъ до него охотникъ, а мнѣ надо скоро на корабль.

Адмиральша съ молодымъ человѣкомъ ушли, и адмиралъ тотчасъ же принялся писать письмо къ министру, убѣдительно прося его назначить Скворцова на «Грозный» и расхваливая лейтенанта, какъ отличнаго офицера.

«А какъ она его любитъ!»—промолвилъ адмиралъ, запечатывая письмо своей большой гербовой печатью, и грустно вздохнулъ.

IX.

Черезъ два дня послѣ объясненія съ адмираломъ, Скворцова потребовали въ экипажъ. Экипажный командиръ, высокій, плотный брюнетъ, лѣтъ пятидесяти, объявилъ, что Скворцова вызываютъ телеграммой немедленно явиться въ главный штабъ.

— Что такое случилось? Зачѣмъ васъ требуютъ, Николай Алексѣичъ?—съ испуганнымъ лицомъ и съ тревогой въ голосѣ спрашивалъ экипажный командиръ, раболѣпная трусость котораго передъ начальствомъ вмѣстѣ съ его легендарными «угольными операціями» во время трехлѣтняго командованія броненосцемъ въ кругосвѣтномъ

плаваніи были въ Кронштадтѣ ходячимъ анекдотомъ, и зубоскалы мичмана такъ и называли каменный домъ, купленный экипажнымъ командиромъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ плаванія и записанный конечно на имя жены,— «угольнымъ домомъ».

Молодой лейтенантъ, не желавшій раньше времени разглашать свою «тайну», дипломатически отвѣтилъ, что не знаетъ, зачѣмъ его требуютъ.

— Не напроказили ли вы въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь тамъ въ Аркадіи или Ливадіи-съ... Кутнули и... какой-нибудь скандалъ-съ, а?—Или—еще того хуже—не встрѣтилъ ли васъ кто-нибудь изъ высшаго морского начальства, а вы чести не отдали или не по формѣ были одѣты?.. А я отвѣчай! Мнѣ за васъ будетъ выговоръ-съ! Совсѣмъ не бережете вы, господа, своего экипажнаго командира, а, кажется, я не заслуживаю этого, — брюзжащимъ тономъ продолжалъ экипажный командиръ.

Скворцовъ поспѣшилъ успокоить его.

Онъ ничего не напроказилъ и никого изъ начальства не встрѣчалъ.

— Ну, такъ поѣзжайте поскорѣй въ Петербургъ... Торопитесь и немедленно въ главный штабъ... Разумѣется, въ мундирѣ... Имѣйте въ виду, что я объявилъ вамъ о телеграммѣ въ 12 часовъ 20 минутъ-съ, какъ только получилъ!—предусмотрительно прибавилъ экипажный командиръ, взглядывая на часы.

Скворцова не зачѣмъ было и торопить. Откланявшись, онъ, радостный и веселый, не сомнѣвавшійся, что плаваніе «выгорѣло», быстро собрался черезъ четверть часа, одѣтый въ полную парадную форму, съ треуголкой въ рукахъ, уже летѣлъ на пароходъ, отправлявшійся въ Ораніенбаумъ. Съ парохода онъ сѣлъ на поѣздъ, и съ поѣзда поѣхалъ прямо въ адмиралтейство.

Было ровно три часа, когда онъ явился въ большую, пустую въ эти часы пріемную и, обратившись къ младшему адъютанту штаба, сидѣвшему за столомъ, торопливо и взволнованно доложилъ, что онъ, лейтенантъ 6-го флотскаго экипажа Скворцовъ, вызванъ сегодня телеграммой въ штабъ и покорнѣйше проситъ доложить его превосходительству.

— Потрудитесь подождать. Адмиралъ теперь занятъ,— въ отвѣтъ на взволнованное и нетерпѣливое заявленіе Скворцова умышленно равнодушнымъ тономъ проговорилъ

хлыщеватый на видъ, молодой, чернявый штабъ-офицеръ въ пенснэ, находя, повидимому, большое удовольствіе осадить, такъ-сказать, на всемъ бѣгу лейтенанта.

И съ этими словами адъютантъ принялъ сосредоточенный дѣловой видъ и опустилъ глаза на лежавшія передъ нимъ бумаги.

— Скажите пожалуйста, не знаете ли, зачѣмъ меня требовали?

Вѣроятно адъютантъ нашелъ, что въ тонѣ вопроса, заданнаго Скворцовымъ, не было достаточно почтительности и не было той льстивой нотки, которую такъ любятъ штабные господа, потому что онъ не безъ презрительной улыбки оглядѣлъ въ пенснэ лейтенанта съ ногъ до головы, словно бы недоумѣвая его фамильярности, и, слегка растягивая слова, отчеканилъ съ аффектированной холодной вѣжливостью:

— Не имѣю чести знать-съ о такомъ важномъ событіи.

«Скотина»!—подумалъ Скворцовъ, получивъ «обрывъ», и, нѣсколько сконфуженный, отошелъ въ дальній конецъ пріемной и сталъ у окна.

Прошло добрыхъ десять минутъ. Хлыщеватый адъютантъ, видимо изнывавшій отъ скуки, покручивалъ свои красивые усы, разсматривалъ длинные ногти, подрагивалъ ногами, взглядывая по временамъ на молодого офицера, точно желая убѣдиться, достаточно ли онъ «приведенъ въ христіанскую вѣру»,—какъ вдругъ въ дверяхъ появилась молодцоватая фигура самого начальника штаба, виднаго, щеголевато одѣтаго, довольно моложаваго адмирала, несмотря на его шестой десятокъ, съ строгимъ, холоднымъ взглядомъ маленькихъ глазъ и съ надменно приподнятой головой, покрытой засѣдѣвшими бѣлокурыми кудреватыми волосами.

— Господинъ Скуратовъ!—позвалъ онъ адъютанта.

Тотъ, словно мячикъ, подпрыгнулъ со стула, подлетѣлъ къ адмиралу и почтительно наклонилъ голову.

Адмиралъ отдалъ адъютанту какое-то приказаніе и, замѣтивъ Скворцова, вытянувшагося въ струнку, спросилъ:

— Ко мнѣ?

— Точно такъ, ваше превосходительство. Лейтенантъ Скворцовъ. Вызванъ, по приказанію вашего превосходительства, телеграммой,—доложилъ адъютантъ.

— Что-жъ вы мнѣ не доложили?

— Лейтенантъ Скворцовъ только-что явился, ваше пре-

восходительство, и у васъ былъ докладъ,—сострилъ адъютантъ.

— Пожалуйте ко мнѣ!—крикнулъ, обращаясь къ Скворцову, адмиралъ рѣзкимъ, недовольнымъ тономъ, еле кивая на поклонъ лейтенанта, и скрылся въ дверяхъ.

Скворцовъ вошелъ въ огромный кабинетъ начальника штаба и остановился у дверей.

— Отчего такъ поздно явились?—строго спросилъ адмиралъ, подходя къ Скворцову и глядя на него въ упоръ своими сѣрыми, мало выразительными, стеклянными глазами.

— Телеграмма была мнѣ объявлена экипажнымъ командиромъ въ 12 часовъ 20 минутъ, и я немедленно отправился черезъ Ораніенбаумъ въ Петербургъ, ваше превосходительство!

«Разнести» за опозданіе, при всемъ видимомъ желаніи, очевидно, не было возможности, явно не погрѣшивъ противъ справедливости, и адмиралъ, извѣстный въ тѣ времена во флотѣ главнымъ образомъ пунктуальной аккуратностью (не даромъ онъ былъ морякъ, да еще родомъ изъ нѣмцевъ или шведовъ), холоднымъ джентльменствомъ и нѣкоторой надменностью человѣка заурядныхъ способностей, случайно сдѣлавшаго блестящую карьеру,—долженъ былъ удовлетвориться даннымъ объясненіемъ.

Тѣмъ не менѣе и послѣ отвѣта Скворцова, адмиралъ имѣлъ сердитый видъ, заставляя молодого офицера тщетно ломать голову, чѣмъ онъ имѣлъ несчастіе прогнѣвить его превосходительство.

А причина была самая простая.

Весьма чувствительный къ просьбамъ, исходящимъ изъ аристократической сферы, къ которой адмиралъ, несмотря на свое скромное происхожденіе, питалъ особое и не безкорыстное почтеніе,—онъ не далѣе, какъ на-дняхъ, поторопился почти дать слово блестящей княгинѣ Долгоуховой, что ея сынъ, молодой мичманъ, будетъ назначенъ на «Грозный». Хотя князь Долгоуховъ не имѣлъ права на дальнее плаваніе, кромѣ права протекціи, однако адмиралъ представилъ о назначеніи мичмана и былъ нѣсколько удивленъ, что министръ, обыкновенно не вмѣшивающійся въ назначенія младшихъ офицеровъ, на этотъ разъ не утвердилъ представленія.

Этотъ коротко остриженный, совсѣмъ сѣдой старикъ съ грубоватымъ лицомъ, умными зоркими глазами и окладистой бѣлой бородой, испытавшій во время своей долгой

карьеры не мало передрягъ, бывшій сперва на виду и въ большомъ фаворѣ, потомъ попавшій въ долгую опалу и затѣмъ на склонѣ лѣтъ назначенный на постъ, который давно былъ предметомъ его честолюбивыхъ мечтаній,— этотъ старикъ былъ рѣшительно противъ назначенія князя Долгоухова. Съ обычной своей добродушной простотой, подъ которой чувствовался умный, талантливый и ревнивый къ власти человѣкъ, онъ проговорилъ своимъ мягкимъ баскомъ:

— Долгоуховъ, кажется, ходилъ уже разъ въ дальнее плаваніе. Не правда ли, Андрей Оскарычъ?

— Ходилъ, ваше высокопревосходительство,— съ особенной аффектаціей служебной почтительности отвѣчалъ начальникъ штаба.

— А у меня, Андрей Оскарычъ, есть кандидатъ, который почему-то еще не былъ въ дальнемъ плаваніи и имѣетъ на него всѣ права. Эту назойливую княгиню ужъ мы какъ-нибудь потомъ ублажимъ, чтобъ она къ намъ не приставала. Она вѣдь и меня просила. Вѣрно, и васъ также? Нынче во флотѣ у насъ много развелось этихъ бѣлоручекъ, аристократическихъ маменькиныхъ сынковъ, и я, признаюсь, часто грѣшу противъ совѣсти, исполняя просьбы ихъ родителей и разныхъ бабушекъ да тетушекъ... Что прикажете дѣлать—съ ними надо считаться!—развелъ руками адмиралъ, словно бы оправдываясь.—И чего только эти бѣлоручки лѣзутъ во флотъ? Въ наше время ихъ не было... Такъ ужъ на этотъ хоть разъ не возьмемъ на душу съ вами грѣха, Андрей Оскарычъ, и ужъ уважьте мнѣ— назначьте на «Грозный» лейтенанта Скворцова... Онъ, говорятъ, бравый офицеръ... пусть поплаваетъ... Согласны?— прибавилъ старикъ, заранѣе увѣренный, конечно, въ согласіи.

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ начальникъ штаба почтительно-офиціальнымъ тономъ.

Старикъ, хорошо услыхавшій въ этомъ офиціальномъ тонѣ скрытую нотку неудовольствія, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, и съ прежнимъ добродушнымъ видомъ продолжалъ:

— А вы, Андрей Оскарычъ, все на меня валите. Скажите княгинѣ, что старикъ заартачился. Ничего, молъ, не подѣлаешь съ упрямымъ старикомъ.

И министръ засмѣялся старческимъ, дребезжащимъ смѣхомъ.

— Да пусть Скворцовъ немедленно уѣзжаетъ. Прикажите ему выдать, что слѣдуетъ, на дорогу, и съ Богомъ! А о немъ я ужъ его свѣтлости докладывалъ! — прибавилъ старикъ, какъ бы предупреждая, что все уже покончено и что никакія хлопоты княгини Долгоуховой не помогутъ.

Вотъ почему начальникъ штаба глядѣлъ теперь на стоявшаго лейтенанта, который невольно помѣшалъ его превосходительству оказать вліятельной княгинѣ услугу (а она такъ просила!),—далеко не съ той, слегка высокомѣрной привѣтливостью, съ какой онъ обыкновенно относился къ молодымъ офицерамъ, и тѣмъ же недовольнымъ, слегка раздраженнымъ, тономъ проговорилъ:

— По приказанію господина управляющаго министерствомъ вы назначены на «Грозный».

При этихъ словахъ Скворцовъ весь вспыхнулъ отъ радости.

Адмиралъ между тѣмъ еще строже спросилъ:

— Вы сами просились у министра, помимо прямого начальства?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Такъ кто же за васъ просилъ?—воскликнулъ адмиралъ.

— Не знаю, ваше превосходительство,—храбро солгалъ молодой человѣкъ, помня свой уговоръ съ добрымъ Иваномъ Ивановичемъ хранить, ради «Ниночки», въ секретѣ его ходатайство.

На выхоленномъ, свѣжемъ лицѣ виднаго адмирала, окаймленномъ сѣдыми бакенбардами, отразилось недоумѣніе.

Онъ помолчалъ и рѣзко и повелительно сказалъ:

— Прошу немедленно отправиться къ мѣсту назначенія. «Грозный» вы должны застать въ Тулонѣ. Когда можете собраться?

— Завтра къ вечеру могу уѣхать, ваше превосходительство.

Лицо адмирала, когда-то лихого капитана, нѣсколько смягчилось отъ этого отвѣта, и онъ уже мягче сказалъ:

— Можете, если не успѣете, и дня три-четыре остаться.

И, подойдя къ столу, онъ подавилъ пуговочку. Вошелъ курьеръ.

— Старшаго адъютанта попросить.

Явился старшій адъютантъ, которому адмиралъ отдалъ приказаніе немедленно изготовить приказъ о назначеніи

лейтенанта Скворцова и распорядиться, чтобы сегодня же заготовили талонъ на прогонныя деньги.

— Завтра явитесь въ штабъ за бумагами къ начальнику эскадры,—обратился адмиралъ къ Скворцову: —и затѣмъ, какъ будутъ готовы, уѣзжайте. Счастливаго пути,—прибавилъ адмиралъ, кивнувъ головой.

Скворцовъ поклонился и вышелъ со старшимъ адъютантомъ. Черезъ часъ онъ уже весело и торопливо спускался съ лѣстницы съ свидѣтельствомъ для полученія заграничнаго паспорта и талонъ на 857 рублей въ боковомъ карманѣ. Выйдя на улицу, онъ тотчасъ же поѣхалъ въ главное казначейство за деньгами, разсчитывая сегодня же заказать пару статскаго платья и пальто, сдѣлать необходимыя покупки и завтра, получивъ бумаги изъ штаба и заграничный паспортъ, вернуться въ Кронштадтъ, побывать у Ивана Ивановича, расплатиться съ кредиторами и затѣмъ ѣхать на дачу къ адмиральшѣ... На слѣдующій день онъ уже покатитъ за границу.

«Бѣдная Нина! Она ничего не ждетъ!»—подумалъ молодой человѣкъ, предчувствуя не только «шквалы съ дождемъ», но и такую штормягу, какой, пожалуй, не встрѣтишь и въ Средиземномъ морѣ... Будетъ всего? И придется все это выдержать, ничего не подѣлаешь!

Зная, что теперь онъ освобожденъ и черезъ два-три дня будетъ далеко, Скворцовъ почувствовалъ еще большее сожалѣніе къ хорошенькой адмиральшѣ, отъ которой бѣжалъ, и готовъ былъ безропотно вынести какую угодно «трепку». Вѣдь онъ виноватъ, что такъ «подло» отплатилъ за такую любовь... Онъ сознавалъ себя безконечно виноватымъ и въ то же время радовался, что виноватъ... Иначе... Иванъ Ивановичъ далъ бы разводъ... Бѣда.

«Бѣдная Нина!»

Онъ постарается успокоить ее увѣреніями не забыть ее въ разлукѣ и обѣщаніями часто писать, но въ его головѣ тотчасъ же промелькнула мысль, что не такая адмиральша женщина, которую успокоишь одними письмами... Она потребуетъ, чтобы онъ остался, принесъ эту жертву за то, что она всѣмъ для него пожертвовала.

— Но, Ниночка, самъ министръ приказалъ...

Онъ скажетъ эту реплику самымъ убѣдительнымъ тономъ... Что можетъ она на это отвѣтить? Онъ отлично зналъ, что адмиральша на это отвѣтитъ, но...

— Будь, что будетъ! — прошепталъ, наконецъ, Сквор-

цовъ, стараясь болѣе не думать о предстоящей пыткѣ прощанія.—Извозчикъ, пошелъ! Двугривенный на чай!

X.

— Уфъ!

Молодой человѣкъ вздохнулъ, словно освобожденный отъ какой-то тяжести, когда на третій день свистнулъ локомотивъ, и поѣздъ медленно двинулся, унося Скворцова изъ Петербурга... Она, вся въ слезахъ, подъ густой вуалью, въ послѣдній разъ махнула платкомъ, а онъ—своимъ новымъ фетромъ, и скоро маленькая фигурка адмиральши скрылась изъ глазъ, и Скворцовъ усѣлся въ свое кресло у окна въ какомъ-то странномъ, ошалѣломъ состояніи, какъ будто все еще не окончательно пришелъ въ себя и не могъ владѣть всѣми своими умственными способностями...

— Д-д-да!—какъ-то растерянно прошепталъ онъ и машинально принялся читать газету.

Какая къ чорту газета! Онъ читалъ и ровно ничего не понималъ. Онъ смотрѣлъ на строчки и не видалъ ихъ... Еще не вполнѣ пережитыя впечатлѣнія вчерашняго дня владѣли всѣмъ существомъ, и рой представленій о томъ, что было вчера, носился въ его головѣ...

Бѣдная Нина! Какъ она его любитъ, и какое счастье, что онъ мчится... И этотъ однообразный грохотъ колесъ весело отзывается въ его сердцѣ... И мелькающіе лѣса кажутся необыкновенно милыми... «Ахъ, какая онъ скотина, собственно говоря!» Онъ радуется, а эта бѣдная Нина... Сумасшедшая женщина! Еще слава Богу, что все такъ благополучно кончилось и на его душѣ нѣтъ тяжкаго грѣха чужого самоубійства... И этотъ славный Иванъ Ивановичъ!.. Каково ему переносить это отчаяніе своей Ниночки!

— О, Господи, что такое было!..—прошепталъ со вздохомъ молодой человѣкъ.

Онъ отлично зналъ, когда, смущенный и трусившій, подъѣзжалъ къ хорошенькой дачкѣ, утопавшей въ зелени, что этотъ рѣдкій подъ Петербургомъ, чудный, теплый день будетъ памятнымъ денькомъ въ его жизни, но никакъ не ожидалъ, что дѣйствительность превзойдетъ его ожиданія... Брр...

И при воспоминаніи объ этомъ «денькѣ» со всѣми его перипетіями, Скворцову сдѣлалось жутко, и онъ огля-

нулся вокругъ. Слава Богу, онъ въ вагонѣ, а не тамъ, въ этомъ уютномъ гнѣздышкѣ любящей женщины, и ея здѣсь нѣтъ. Сѣдой хмурый старикъ, да какой-то молодой господинъ иностраннаго вида сидятъ въ вагонѣ, ни души болѣе... И ни одной женщины!!..

— Шабашъ, Коленька! Будь ты подлецъ, если когда-нибудь влюбишься въ замужнюю даму!—внезапно предостерегъ онъ себя мысленно, и дѣйствительно въ эти минуты находился въ такомъ настроеніи, что, казалось, не задумываясь, отвергъ бы любовь женщины, будь она по красотѣ хоть сама царица Клеопатра.

И всѣ эти подробности вчерашняго дня лѣзли въ его голову. И онъ все это припоминалъ.

Въ саду такъ хорошо пахло распустившейся сиренью, и какъ ея было много, этой бѣлой сирени! И солнце такъ весело глядѣло сверху. И адмиральша такая радостная, хорошенькая въ своей шелковой пунцовой кофточкѣ, въ желтыхъ башмакахъ, словно рѣзвая дѣвочка, сбѣжала съ террасы навстрѣчу и бросилась къ нему, протягивая обѣ свои маленькія бѣлыя ручки... И вдругъ испуганно остановилась!

«Что такое съ Никой? Что случилось?»

Въ голосѣ ея звучала тревожная нотка, а глаза такъ нѣжно и пытливо заглядывали въ его глаза. И онъ не выдержалъ этого взгляда, смутился еще болѣе и, какъ-то особенно значительно и долго цѣлуя обѣ ручки, виновато и робко проговорилъ, что его совершенно неожиданно... вчера, т.-е. третьяго дня, вызвали телеграммой въ штабъ и объявили, что онъ назначенъ въ дальнее плаваніе.

«Но вѣдь онъ, разумѣется, отказался?»

«Какъ онъ могъ отказаться? Самъ министръ назначилъ... Приказано завтра же ѣхать».

Въ ушахъ Скворцова звучитъ этотъ мгновенно упавшій голосъ, какимъ она повторила: «завтра ѣхать?», и онъ видитъ это поблѣднѣвшее лицо, казалось, не вполнѣ понимавшее, что онъ ей говоритъ, съ вздрагивавшей губой и недоумѣвающими глазами.

Она молча взяла его подъ руку и провела черезъ садъ въ свой маленькій кабинетъ рядомъ со спальней и затворила двери на ключъ:

— Завтра ѣхать?—повторила она и усмѣхнулась нервнымъ смѣхомъ. — Но ты не уѣдешь. Ты никуда не

уѣдешь!—прибавила она дрожащимъ властнымъ голосомъ, и глаза ея метнули молніи, ноздри трепетали, вся она точно загорѣлась.—Развѣ ты смѣешь уѣхать? Я скажу Ванечкѣ, чтобы онъ сегодня же поѣхалъ къ министру и попросилъ его отмѣнить назначеніе.

Въ отвѣтъ на слова, что это «невозможно», адмиральша вышла изъ себя. Какихъ только не было упрековъ и обвиненій... Они лились градомъ. Онъ—обманщикъ, негодяй, подлецъ! Такъ-то онъ отплатилъ за ея любовь... Вкрался въ ея сердце... молилъ о любви... Она его теперь презираетъ... Да, презираетъ! «Ступай вонъ!»—прибавила она, указывая рукой на дверь.

Лейтенантъ никогда еще не видалъ Нину Марковну въ такомъ припадкѣ страстнаго негодованія. Онъ молчалъ и въ глубинѣ души даже радовался, что она его презираетъ, находя, что презрѣніе имъ вполнѣ заслужено и что его, такого негодяя, стоитъ немедленно прогнать, какъ вдругъ адмиральша съ воплемъ бросилась къ презираемому человѣку на шею и, прижимаясь къ нему, вся всхлипывая, какъ ребенокъ, молила не уходить... остаться...

Онъ пробовалъ ее успокоить. Какихъ только нѣжныхъ словъ ни говорилъ онъ, цѣлуя ея руки... И, наконецъ, его назначили не въ Тихій океанъ, а въ Средиземное море... Плавать онъ будетъ недолго... Всего одинъ годъ!—совралъ онъ, желая утѣшить адмиральшу.

«Одинъ годъ!.. Онъ это считаетъ не долго!? Значитъ, онъ се не любитъ,—ее, которая всѣмъ для него пожертвовала»...

И снова позорные упреки, снова униженныя мольбы... «Ника, останься!» «Ника, не уѣзжай!»

И она опустилась на колѣни! Господи, что это была за пытка! «Такъ ты все-таки ѣдешь?» Она вдругъ поднялась и побѣжала къ столику... У нея въ рукахъ какая-то стклянка... «Прощай, Ника! Будь счастливъ!» И стклянка подносится къ губамъ.

Скворцовъ помертвѣлъ отъ страха и въ то же мгновеніе вырвалъ изъ ея рукъ стклянку и бросилъ ее на полъ, конечно, не догадываясь, что нѣсколько усиленный пріемъ валеріана не отравилъ бы адмиральшу... Правда, онъ почувствовалъ его запахъ, но... чортъ же знаетъ, какіе бываютъ яды!.. Избавивъ адмиральшу отъ смерти, онъ долженъ былъ положить ее на кушетку... Бѣдняжка лежала въ глубокомъ обморокѣ.

На-силу онъ умолилъ адмиральшу, когда она открыла глаза, не покидать этого міра... Онъ умолялъ и словами, и поцѣлуями, и послѣдніе, кажется, подѣйствовали... Она обѣщала жить, какъ это ни тяжело, если онъ дастъ слово не разлюбить ее въ этотъ годъ разлуки...

Онъ, разумѣется, далъ слово, но «день» не кончился... Снова угрозы... Снова мольбы... Господи! Что это былъ за день! Господи! Что эта была за дикая ночь! Какіе бурные переходы отъ ласки къ угрозамъ! Какія истерики! Наивный, онъ было-хотѣлъ ѣхать за докторомъ, но адмиральша вдругъ приходила въ себя и не пускала его.

По счастью, на утро пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ, и адмиральша при немъ умирать не хотѣла... Напротивъ, говорила, что какъ ей ни грустно разставаться съ добрымъ знакомымъ, но она рада, что онъ получилъ хорошее назначеніе.

А бѣдный Иванъ Ивановичъ! Какой грустный онъ былъ и съ какой трогательной заботливостью глядѣлъ на Ниночку...

Все это вспоминалъ теперь Скворцовъ и вдругъ въ ужасѣ подумалъ: «А что, если она отравится? Быть-можетъ, ея ужъ нѣтъ въ живыхъ!»..

Однако, въ Вержболово его успокоила условленная телеграмма отъ Неглиннаго. «Всѣ здоровы», — телеграфировалъ онъ, и молодой человѣкъ значительно повеселѣлъ, а съ переѣздомъ границы все рѣже и рѣже вспоминалъ свой «ужасный день». Новыя впечатлѣнія чужой стороны охватили его, и нѣкоторое сомнѣніе относительно дѣйствія валеріана значительно подняло бодрость его духа.

Наконецъ, на четвертый день онъ пріѣхалъ въ Тулонъ, и черезъ часъ ужъ ѣхалъ на рейдъ, гдѣ красовался полуброненосный, рангоутный трехмачтовый крейсеръ «Грозный».

Совсѣмъ новыя чувства охватили его, когда онъ ступилъ на безукоризненную палубу военнаго корабля.

— Честь имѣю явиться!—назначенъ на крейсеръ «Грозный!»—проговорилъ онъ, являясь къ капитану.

XI.

Въ Скворцовѣ была «морская жилка», безъ которой немыслимъ настоящій морякъ. Онъ любилъ море, и его манила къ себѣ эта суровая, но полная сильныхъ ощущеній морская служба. Еще въ отрочествѣ онъ наслушался раз-

сказовъ своего отца, честнаго и добродушнаго отставного моряка, идеалиста шестидесятыхъ годовъ, сохранившаго, несмотря на личныя неудачи, бодрую вѣру въ жизнь и людей, который молодымъ офицеромъ два раза ходилъ въ кругосвѣтное плаваніе какъ разъ въ то время всеобщаго обновленія, когда гуманныя вѣянія охватили вмѣстѣ съ обществомъ и моряковъ.

Подъ обаятельнымъ впечатлѣніемъ тѣхъ временъ, отъ воспоминаній стараго моряка о своихъ плаваніяхъ вѣяло какой-то восторженной свѣжестью молодыхъ лѣтъ, любовью къ матросамъ и добрымъ благодарнымъ чувствомъ къ капитанамъ и товарищамъ офицерамъ, съ которыми онъ плавалъ лучшія шесть лѣтъ своей жизни. И онъ любилъ вспоминать объ этомъ времени. Съ вызывающей гордостью, точно онъ кому-то внушалъ, разсказывалъ онъ, какъ и самъ «безпокойный адмиралъ», какъ они называли начальника кругосвѣтной эскадры, гроза офицеровъ и славный ихъ морской учитель, и оба капитана, съ которыми онъ «имѣлъ счастіе служить», не допускали никакихъ позорныхъ наказаній на судахъ даже и въ то время, когда они еще не были отмѣнены во флотѣ. А когда явился законъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, онъ свято соблюдался всѣми. «Тогда, — говорилъ старый морякъ, — среди насъ считалось позоромъ жестокое обращеніе съ матросами. Драться было стыдомъ. Неисправимые «дантисты» остерегались бить матросовъ публично, какъ, бывало, въ старину, а били крадучись, чтобъ не вызывать презрительнаго порицанія товарищей... Хорошее было время! Жилось полно, хорошо жилось и вѣрилось во все хорошее. Въ каютъ-компаніи не было розни... никакихъ интригъ... Всѣ были какъ-то приподняты наканунѣ освобожденія крестьянъ и общихъ свѣтлыхъ упованій... Не было и тѣни подозрѣній насчетъ какихъ-либо злоупотребленій съ углемъ и казенными деньгами... Боже сохрани. И капитаны, и ревизоры были выше всякихъ подозрѣній... Возвратившись изъ плаванія, они могли всѣмъ прямо смотрѣть въ глаза и собственныхъ домовъ не строили, какъ строятъ нѣкоторые нынче... И служба была настоящая... Требовали дѣла, а не пролазничества... Безбрежный океанъ и чудное голубое небо какъ-то настраивали возвышенно, заставляя о многомъ задумываться... Бѣшеный этотъ старикъ-океанъ натягивалъ наши первы и въ борьбѣ съ собой вырабатывалъ лихихъ, безстрашныхъ моряковъ...»

— И дисциплина не падала нисколько оттого, что мы чтили человѣческое достоинство и не били матросовъ. Не падала-съ! Матросы лихо работали, исполняя свое трудное дѣло, и вели себя превосходно!—говорилъ старый морякъ кому-нибудь изъ слушателей и словно убѣждая какого-то незримаго оппонента.—И ты не вѣрь, Коля,—обращался онъ къ сыну:—если теперь говорятъ, что розга нужна матросу и что его нужно бить. Не вѣрь этому, мальчикъ, и никогда не оскверняй рукъ своихъ. Слышишь!—прибавлялъ обыкновенно старикъ, любовно поглядывая на сына-кадета, пріѣзжавшаго на Рождество и на Пасху въ маленькій захолустный городокъ въ Крыму, гдѣ жилъ его отецъ на покоѣ.

Эти восторженныя морскія воспоминанія отца, эти разсказы о дальнихъ странахъ, о борьбѣ съ океаномъ, о случаяхъ опасности, объ энергіи, хладнокровіи и находчивости моряковъ дѣйствовали чарующимъ образомъ на сына-юнца. И его манилъ океанъ съ его бурями, манила роскошь тропической природы и эта прелесть морской жизни. Ему хотѣлось извѣдать эти жуткія ощущенія, сдѣлаться хорошимъ моряком, и дальнее плаваніе представлялось ему въ плѣнительномъ ореолѣ отцовскихъ воспоминаній.

Онъ мечталъ о немъ еще въ корпусѣ, мечталъ и по выходѣ въ офицеры, пока не увлекся адмиральшей и въ первое время думалъ только о ней. Но судьба его не баловала. Его не назначали въ дальнее плаванье. Приходилось «киснуть» на берегу и уходить на два мѣсяца служить на броненосцахъ. Такимъ образомъ, до сихъ поръ молодой морякъ совсѣмъ не плавалъ, не видалъ, собственно говоря, настоящаго моря и совсѣмъ не зналъ, какъ и большая часть нынѣшнихъ моряковъ, морской жизни. Развѣ можно было, въ самомъ дѣлѣ, называть плаваніемъ эти двухмѣсячныя стоянки броненосцевъ на транзундскомъ рейдѣ, вблизи Кронштадта, съ ихъ ученіями, смотрами и одуряющей скукой? Молодому человѣку все это казалось какимъ-то томительнымъ бездѣльемъ, несмотря на точно распредѣленные часы занятій, и онъ думалъ, какъ думали и многіе опытные моряки, что моряку нужно плавать и что всѣ эти ученія безъ плаванія—одна мертвечина, неспособная создавать моряковъ. Въ теченіе короткой двухмѣсячной кампаніи приходилось много-много плавать недѣли двѣ, т.-е. ходить

подъ парами, и то тихимъ черепашьимъ ходомъ, чтобъ не жечь много угля, по Финскому заливу, побывать въ Гельсингфорсѣ, Ревелѣ и Балтійскомъ портѣ, а затѣмъ опять въ Кронштадтъ на положеніе «швейцарскаго» моряка, опять бездѣлье, скука и жажда какого-нибудь увлеченія.

Это «транзундское сидѣнье», какъ называли лѣтнее плаванье молодые офицеры, разумѣется, не привлекало Скворцова. И если онъ, какъ и другіе офицеры, все-таки искалъ и такого плаванія, то только потому лишь, что надо было, по правиламъ, выплывать цензъ, а въ плаваніи все же идетъ морское довольствіе, получается болѣе денегъ, чѣмъ на берегу. Но онъ понималъ, что хоть проплавай онъ такимъ образомъ всѣ цензы и получи всѣ чины до адмиральскаго включительно, ему все-таки не быть настоящимъ морякомъ, не получивши морского крещенія въ дѣйствительномъ плаваніи.

И вотъ обрадованный теперь, готовый отдаться всей душой службѣ, онъ усердно принялся за дѣло, совсѣмъ освободившись отъ своего недавняго любовнаго кошмара. И если-бъ не частыя письма, которыми его бомбардировала адмиральша, онъ, признаться, рѣдко бы ее вспоминалъ. Несмотря на длинныя и горячія посланія, онъ теперь былъ совершенно спокоенъ за жизнь адмиральши, убѣдившись изъ разспросовъ доктора, что валерьяномъ отравиться нельзя... Однако, его все-таки трогала ея любовь, и онъ отвѣчалъ ей благодарными письмами, въ которыхъ болѣе описывалъ свои впечатлѣнія, чѣмъ изливался.

Прошло два мѣсяца, и Скворцовъ сдѣлался хорошимъ вахтеннымъ начальникомъ и усерднымъ служакой. Онъ учился всему, чему только могъ, не стѣсняясь ложнымъ самолюбіемъ; ознакомился съ машиной «Грознаго», со всѣмъ внутреннимъ его устройствомъ, дѣлалъ наблюденія и могъ, при надобности, замѣнить штурмана. Вдобавокъ, онъ вскорѣ пріобрѣлъ расположеніе матросовъ за свое человѣческое къ нимъ отношеніе, а вѣстовой Аксеновъ просто души не чаялъ въ своемъ добромъ лейтенантѣ. И сильныя ощущенія, которыхъ онъ такъ жаждалъ, не заставили себя долго ждать. На переходѣ изъ Неаполя въ Пирей, куда «Грозный» былъ вызванъ на соединеніе съ эскадрой, его порядочно-таки «трепануло».

Къ встрѣчѣ шторма приготовились, какъ казалось Скворцову, слишкомъ рано. Капитанъ былъ болѣе чѣмъ осто-

рожный морякъ и поспѣшилъ убрать паруса, какъ только сильно засвѣжѣло, и велѣлъ развести пары. На слѣдующій только день буря разыгралась во всемъ своемъ грозномъ величіи. Со спущенными стеньгами, имѣя штормовыя триселя и работая сильной машиной, «Грозный» выносилъ трепку, держась въ крутой бейдевиндъ. Къ вечеру штормъ былъ въ полномъ разгарѣ. Громадный крейсеръ валяло съ бока на бокъ, словно щепку, и, по временамъ, кренъ былъ такъ силенъ, что у Скворцова, стоявшаго на вахтѣ и переживавшаго свой первый штормъ, захватывало духъ и ему становилось жутко.

И онъ, возбужденный, старавшійся казаться совершенно спокойнымъ, хотя сердце усиленно билось въ его груди, взглядывалъ на эти громадныя сѣдыя волны, со всѣхъ сторонъ бѣшено несущіяся на крейсеръ и съ гуломъ разбивающіяся объ его бокз, на эти темныя, низко спустившіяся клочковатыя облака, на затянутый мглой горизонтъ, слушалъ адскій вой вѣтра, сливающійся съ шумомъ волнъ, и мало-по-малу первыя впечатлѣнія жуткаго чувства страха стали терять свою остроту... Крейсеръ все такъ же стойко выдерживаетъ штормъ и такъ же стремительно ложится то однимъ лагомъ, то другимъ, и гребни волнъ, разсыпаясь брызгами, съ тою же яростью перекатываются черезъ носъ, когда крейсеръ зарывается бугшпритомъ. Приходится только смотрѣть за рулевыми, чтобы правили хорошо. И Скворцовъ, весь напряженное вниманіе, вглядывается впередъ, въ сумракъ наступающаго вечера и только покрикиваетъ рулевымъ своимъ отрывистымъ, взволнованнымъ теноркомъ:

— Право!.. Одерживай!.. Такъ держать!..

Къ концу вахты уже нѣтъ страха въ его душѣ. Напротивъ, какое-то счастливо-горделивое чувство охватываетъ его всего отъ сознанія, что онъ больше не труситъ и что, слѣдовательно, изъ него можетъ выйти морякъ. И онъ уже посматриваетъ вокругъ на бѣснующееся море не съ прежнимъ почтительнымъ и словно недоумѣвающимъ страхомъ, а съ самоувѣреннымъ, нѣсколько надменнымъ чувствомъ человѣка, сумѣющаго справиться съ врагомъ. И въ головѣ его проносились мечты о томъ, какъ онъ будетъ капитаномъ какого-нибудь добраго океанскаго крейсера и съ нимъ выдерживать штормы... И у него будутъ не такіе порядки, что̀ на «Грозномъ», о нѣтъ!

Ни зги не видать. Мракъ со всѣхъ сторонъ окуталъ крейсеръ, и Скворцовъ напрасно смотритъ впередъ—ничего не видно.

«А что, какъ встрѣчное судно?»—со страхомъ думаетъ онъ, и еще напряженнѣе вглядывается. Онъ сознаетъ свою страшную отвѣтственность за жизнь всѣхъ этихъ шестисотъ человѣкъ команды, довѣряющихся его бдительности и находчивости, и это сознаніе дѣлаетъ его еще болѣе внимательнымъ и ко всему готовымъ... Нервы его напряжены до послѣдней степени, и онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ конца вахты.

— Впереди ничего не видно. Не прикажете ли, Аркадій Дмитричъ, освѣтить электрическимъ свѣтомъ?—спросилъ Скворцовъ, озабоченный возможностью столкновенія, официально-дѣловымъ, нѣсколько возбужденнымъ тономъ, переходя на другую сторону мостика, гдѣ, держась за поручни, неподвижно стояла высокая фигура капитана въ дождевикѣ и зюйдъ-весткѣ.

— Не надо-съ!—рѣзко и повелительно отвѣтилъ капитанъ, не терпѣвшій никакой иниціативы со стороны подчиненныхъ и, какъ человѣкъ безмѣрно самолюбивый, любившій, чтобы всякое распоряженіе исходило отъ него «самого».

Скворцовъ отошелъ на свое мѣсто, мысленно обругавъ этого крайне несимпатичнаго ему капитана «самолюбивымъ скотомъ». И, какъ нарочно, ему вспомнился разсказъ отца про знаменитаго адмирала Нахимова, которому во время Синопскаго боя боцманъ крикнулъ: «Павелъ Степанычъ! Надо кливеръ поставить!»—и адмиралъ немедленно исполнилъ дѣльное предложеніе боцмана.

Прошло минутъ съ десять, какъ вдругъ Скворцовъ увидалъ по лѣвому крамболу сразу красный и зеленый огни, сверкнувшіе совсѣмъ близко.

Онъ такъ и ахнулъ.

— Право на бортъ!—крикнулъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Право на бортъ!—въ то же мгновеніе зазвучалъ испуганный голосъ капитана.

И въ ту же минуту почти по борту крейсера проскользнулъ темный силуэтъ трехмачтоваго «купца» и скрылся сзади въ сумракѣ ночи.

— Скотина!—послалъ ему вдогонку капитанъ по-русски, прибавивъ къ «скотинѣ» еще непечатное ругательство.

Скворцовъ, скомандовавъ рулевымъ держаться на прежнемъ курсѣ, метнулъ въ капитана негодующій взглядъ. «Чуть-было не потопили судна!»—подумалъ онъ.

Штормъ началъ утихать къ полуночи, и когда Скворцовъ сдавалъ свою вахту, вѣтеръ ужъ не гудѣлъ такъ яростно, и сквозь клочковатыя облака по временамъ выглядывала луна.

Слишкомъ взволнованный только-что испытанными впечатлѣніями, молодой человѣкъ не хотѣлъ спать и нѣсколько времени еще оставался на палубѣ, охваченный тѣмъ настроеніемъ какой-то духовной приподнятости, о которой разсказывалъ когда-то его отецъ.

Но Боже мой! Какъ не похожи казались восторженные разсказы отца о дальнихъ плаваніяхъ на то, что̀ приходилось видѣть теперь сыну. И эта дружная судовая жизнь, и эти возвышенныя бесѣды и чтенія въ каютъ-компаніи, и эти капитаны, о которыхъ вспоминалъ отецъ, и это гуманное отношеніе къ матросамъ—какъ все это не походитъ на дѣйствительность! Ужъ не идеализировалъ ли отецъ свои воспоминанія?—думалось молодому человѣку.

Или, можетъ-быть, другія времена, другія пѣсни?

И, несмотря на свою «морскую жилку», несмотря на любовь къ морю и къ сильнымъ ощущеніямъ, молодой человѣкъ чувствовалъ большое разочарованіе. Не море разочаровало его, а судовая жизнь, такъ сказать ея тонъ, ея низменные интересы, обращеніе товарищей съ подчиненными, эта грубость капитана, эта постоянная ругань во время ученій, эта вѣчная напряженная осторожность, чтобы не нарваться на дерзость и не отвѣтить дерзостью. И не было, казалось ему, того «духа», который соединялъ всѣхъ, начиная отъ капитана и до послѣдняго матроса, и про который такъ любилъ разсказывать его отецъ. Всѣ служили, отбывая повинность, но не любили, казалось Скворцову, дѣла, не любили своего судна тою любовью, про которую слышалъ онъ отъ прежнихъ моряковъ...

Что̀ сказалъ бы его добрый старикъ, если-бъ явился на «Грозный» и увидалъ, что спустя тридцать лѣтъ послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній молодые безусые мичмана, не только не крадучись, а съ сознаніемъ полнаго своего достоинства бьютъ по зубамъ матросовъ и послѣ хвастаютъ въ каютъ-компаніи, возбуждая негодованіе—и то молчаливое и конфузливое—лишь въ двухъ-трехъ офице-

рахъ да въ старшемъ врачѣ, какъ-то брезгливо скашивающемъ свое лицо при подобныхъ разговорахъ?

А этотъ благополучный и веселый молодой ревизоръ, съ наивнымъ добродушіемъ называющій «либералами» всѣхъ тѣхъ, кто несочувственно разсказываетъ о разныхъ продѣлкахъ съ углемъ и при покупкѣ провизіи?.. Впрочемъ, объ этомъ и рѣдко говорятъ, и всѣ относятся къ ревизору съ большимъ уваженіемъ. Онъ такой любезный и никогда не отказываетъ въ деньгахъ, хотя всѣ знаютъ, откуда у него «лишнія» деньги. Конечно, и онъ не объясняетъ—откуда. Но его добродушный, всегда веселый видъ, особенно послѣ стоянки въ портахъ, словно бы свидѣтельствуетъ, что ему наплевать на мнѣнія насчетъ его персоны двухъ-трехъ «либераловъ»...

Еще недавно, въ Неаполѣ, подъ пьяную руку, онъ въ обществѣ товарищей хвасталъ, что онъ не дуракъ и вернется въ Россію кое съ чѣмъ...

«Нѣтъ, всѣ эти разсказы отца объ его плаваніяхъ въ шестидесятыхъ годахъ съ «безпокойнымъ» адмираломъ и съ капитанами, которые умѣли создавать моряковъ и внушать имъ любовь къ ремеслу, не оскорбляя ихъ чувства достоинства,—умѣли обращаться съ матросами безъ унизительныхъ зуботычинъ и позорныхъ наказаній, рѣшительно кажутся сказками!»

«А казалось бы—какъ не трудно быть имъ и теперь правдой!»—почти вслухъ проговорилъ молодой морякъ, заканчивая свои грустныя размышленія.

Онъ еще нѣсколько минутъ любовался «отходившимъ», послѣ взрыва ярости, моремъ, слегка освѣщеннымъ серебристой, словно задумавшейся луной. Волны, какъ будто уставшія, не такъ гнѣвно нападали на бокъ крейсера и вмѣсто гребней посылали на бокъ только серебристую пыль своихъ брызгъ. Стихало значительно.

— Что-жъ не идете спать, ваше благородіе? — неожиданно раздался голосъ вѣстового.—Койка давно готова.

— А ты чего не спишь, Аксеновъ?

— Я дежурный, ваше благородіе... И чай, если вгодно, есть, ваше благородіе... Горячій... Для васъ приготовилъ!

— Спасибо, Аксеновъ!—съ какою-то особенной горячностью проговорилъ Скворцовъ, тронутый вниманіемъ своего вѣстового и весь внезапно охваченный приливомъ благодарнаго чувства.

Осторожно ступая по убѣгавшей изъ-подъ ногъ палубѣ,

онъ спустился въ свою каюту и, раздѣвшись, бросился въ койку и скоро сталъ засыпать, убаюкиваемый все еще стремительной качкой.

Но не о хорошенькой адмиральшѣ была послѣдняя сознательная мысль Скворцова и не о той красавицѣ-итальянкѣ съ жгучими глазами и классическимъ профилемъ, съ которой онъ свелъ случайное знакомство въ Неаполѣ, а о капитанѣ. Несмотря на свою мягкость и добродушіе, Скворцовъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ къ нему все большую и большую непріязнь и сваливалъ на него одного всю вину за отраву плаванія и за весь, возмущавшій его, строй судовой жизни, легкомысленно забывая про «духъ времени», отражавшійся и на его сослуживцахъ.

Онъ мысленно обругалъ капитана еще разъ, вспомнивъ «купца», чуть-было не потопленнаго, и заснулъ.

Съ первой же встрѣчи, во время представленія командиру «Грознаго», Скворцовъ почувствовалъ къ своему командиру безотчетную непріязнь. Ему не понравилась и эта высокая, статная, худощавая фигура почти молодого человѣка въ щегольскомъ, ловко сшитомъ, незастегнутомъ сюртукѣ, изъ-подъ котораго сіялъ ослѣпительной бѣлизны жилетъ, и эта длинная, бѣлая шея, точно у болотной птицы, подпиравшаяся маленькими стоячими воротниками, и это выхоленное, тщательно выбритое, розоватое, самоувѣренное, умное и надменное лицо, безъ усовъ и бороды, а по-англійски—съ маленькими рыжими бачками, не доходившими до конца щекъ,—съ большимъ прямымъ носомъ, тонкими поджатыми губами и сѣрыми глазами, которые такъ возмутительно спокойно и въ то же время нагло смотрѣли изъ-подъ свѣтлыхъ бровей, не понравились и эти длинные, съ крѣпкими ногтями, бѣлые пальцы большихъ опрятныхъ рукъ, съ яхонтомъ на мизинцѣ, и portebonheur, сверкавшій изъ-подъ безукоризненно-свѣжаго рукава сорочки, и эта поза, равнодушно-холодная,—словомъ, рѣшительно все казалось несимпатичнымъ въ этомъ коротко остриженномъ, изящномъ, бѣлокуромъ молодомъ командирѣ.

Рѣзкій, властный тонъ, какимъ онъ, въ отвѣтъ на представленіе Скворцова, отвѣтилъ, безъ всякаго привѣтствія и не подавъ руки, о томъ, что завтра будетъ по крейсеру приказъ о вступленіи г. лейтенанта Скворцова въ должность начальника 4-й вахты, и сухой кивокъ остроконеч-

ной бѣлобрысой головы только усилили непріятное впечатлѣніе этой первой встрѣчи съ капитаномъ, котораго онъ раньше не встрѣчалъ, но о которомъ зналъ, конечно, по его блестящей репутаціи и по той быстрой карьерѣ, которую онъ дѣлалъ. Тридцати-пяти лѣтъ отъ роду онъ уже былъ капитаномъ 1-го ранга и командиромъ превосходнаго крейсера въ заграничномъ плаваніи.

Въ тотъ же вечеръ въ каютъ-компаніи уже познакомили Скворцова съ «хамствомъ» «собаки»-капитана и его грубымъ обращеніемъ съ офицерами. Но когда на слѣдующій день, во время аврала, Скворцовъ увидѣлъ, какъ этотъ джентльменъ-капитанъ, съ презрительнымъ выраженіемъ, холодно и спокойно ударилъ матроса и послѣ брезгливо посмотрѣлъ на свою руку, онъ сразу понялъ и объяснилъ себѣ причину своей безотчетной непріязни.

XII.

Молодой командиръ «Грознаго» былъ однимъ изъ видныхъ и яркихъ представителей типа новѣйшей формаціи, который какъ-то незамѣтно проникъ и во флотъ, являясь на смѣну морякамъ прежнихъ временъ.

То были, въ большинствѣ, простые, скромные служаки, проникнутые духомъ товарищества и извѣстныхъ правилъ, выработанныхъ еще кадетской этикой прежняго морского корпуса, чуждые интригъ и служебнаго пролазничества, не лѣзшіе въ «свѣтъ», питавшіе традиціонную ненависть къ свѣтскому хлыществу, энергичные и стойкіе рыцари долга, любившіе свое ремесло и суда, на которыхъ плавали, строгіе, подчасъ даже суровые на палубѣ и добрые, привѣтливые внѣ службы. Они дѣйствовали на подчиненныхъ не авторитетомъ грозной власти, а нравственнымъ авторитетомъ знанія морского дѣла, мужества, находчивости и хладнокровія въ опасности, качествами, пріобрѣтавшимися въ долгихъ плаваніяхъ, въ школѣ хорошихъ адмираловъ и капитановъ, понимавшихъ, что возможно свято хранить морскія традиціи и стройную дисциплину рядомъ съ гуманнымъ отношеніемъ къ матросамъ. Все это давало морякамъ извѣстную общую типическую окраску. Шестидесятые годы смягчили прежніе «жестокіе» нравы, но прежній «морской духъ», создавшій лихихъ моряковъ и хорошихъ капитановъ, оставался.

Аркадій Дмитріевичъ Налетовъ не походилъ на этотъ

типъ прежняго моряка ни внѣшностью, ни своими житейскими правилами.

Воспитанникъ морского корпуса позднѣйшаго времени, когда вмѣсто прежней спартанской педагогіи и традицій своеобразной суровой кадетской этики явилась новая, обращавшая вниманіе на хорошія манеры, на умѣніе понравиться начальству и считавшая «похвальною откровенностью» то, что̀ прежніе кадеты называли «фискальствомъ», молодой офицеръ, блестяще окончившій курсъ, вступилъ въ жизнь какъ разъ въ то время, когда для беззастѣнчивыхъ людей открывалось на всѣхъ поприщахъ болѣе простора.

Умный и честолюбивый, смѣлый, рѣшительный, Аркадій Дмитріевичъ Налетовъ не разбиралъ средствъ для достиженія служебнаго успѣха. Онъ отлично приспособлялся и въ скоромъ времени обратилъ на себя вниманіе одного почтеннаго адмирала, очень вліятельнаго въ тѣ времена во флотѣ, человѣка порядочнаго и честнаго, но увлекавшагося въ своихъ симпатіяхъ. Онъ оцѣнилъ въ Налетовѣ умнаго и способнаго офицера, нянчился съ нимъ и привязался къ нему, видя въ немъ, такъ сказать, своего ученика. Благодаря адмиралу, Налетовъ выдвинулся, получалъ хорошія назначенія, словомъ, обязанъ былъ своей блестящей карьерой адмиралу. Но когда этотъ адмиралъ впалъ въ немилость и пересталъ ужъ быть нужнымъ человѣкомъ, Налетовъ тотчасъ же отвернулся отъ адмирала, пересталъ у него бывать и, стараясь попасть въ тонъ новыхъ вліятельныхъ людей, сталъ издѣваться надъ своимъ покровителемъ, предъ которымъ еще такъ недавно выказывалъ свое благоговѣніе. Это онъ называлъ: «не имѣть предразсудковъ». Онъ велъ свою линію умно и искусно, съ холоднымъ безстыдствомъ безпринципнаго человѣка, увѣреннаго, что успѣхъ покрываетъ все и это негодованіе стыдливыхъ людей ему нисколько не повредитъ. Наплевать ему на нихъ! Прежнія традиціи отжили свой вѣкъ. Теперь новыя, и слава Богу! И онъ ясно смотрѣлъ своими наглыми глазами и, не стѣсняясь, говорилъ своимъ товарищамъ, что только дураки не умѣютъ дѣлать карьеры и пользоваться обстоятельствами, ну, а онъ не дуракъ. И дѣйствительно, онъ пользовался умѣло и оставался на виду. Онъ умѣлъ найти знакомства въ вліятельныхъ сферахъ и завести связи. Онъ посѣщалъ моднаго петербургскаго журналиста и щеголялъ самымъ край-

нимъ обскурантизмомъ. Такое щегольство, казалось ему, было въ духѣ времени и могло зарекомендовать его.

Морской службы своей Налетовъ не любилъ и видѣлъ въ ней лишь средство достичь блестящаго положенія. Онъ отбывалъ плаванія, чтобы продѣлать поскорѣй всѣ положенные цензы, мечтая о быстрѣйшемъ производствѣ за отличіе въ адмиралы, а тамъ, кто знаетъ, чего можно достигнуть при умѣ и смѣлости?.. И въ его головѣ бродили честолюбивыя мечты о будущемъ.

Онъ былъ недурнымъ, образованнымъ и знающимъ капитаномъ, но въ немъ не было главнаго: «морской жилки», любви къ морю и къ своему судну. Не было и той нравственной связи съ подчиненными, безъ которой немыслимъ, такъ сказать, «духъ корабля». Самоувѣренный до наглости, самолюбивый и требовательный, настойчиво желавшій, чтобы «Грозный» подъ его начальствомъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрнымъ судномъ, онъ все-таки не умѣлъ внушить подчиненнымъ любви къ дѣлу, которой и самъ не имѣлъ, и, несмотря на строгость и частые «разносы», и офицеры и матросы исполняли свои обязанности безъ того одушевленія, безъ той самолюбивой страстности, какая бывала на судахъ, гдѣ капитанъ, офицеры и матросы составляютъ одно цѣлое, проникнутые однимъ духомъ, и гдѣ каждый дорожитъ интересами любимаго своего судна.

Отсутствіе этого «духа живого» раздражало молодого капитана. И онъ былъ заносчивъ и дерзокъ до грубости съ офицерами, пользуясь ихъ выносливымъ молчаніемъ, и презрительно-брезгливъ съ матросами, на которыхъ глядѣлъ, какъ на рабочую силу, обязанную повиноваться. Иное отношеніе онъ считалъ «глупой сентиментальностью—остаткомъ того времени, когда въ модѣ было няньчиться съ ними, какъ съ цацами».

Нечего и говорить, что и офицеры, и команда не любили капитана и только боялись его.

— Изъ молодыхъ да ранній!

— Себя только любитъ, а всѣми брезгуетъ. Гордыни въ емъ много.

— Форцу на себя напущаетъ! Много о себѣ думаетъ!

— Жесткій командиръ!

Такъ трактовали капитана между собою матросы.

И капитанъ, въ свою очередь, ни къ кому изъ офицеровъ не благоволилъ. Со старшимъ офицеромъ и стар-

шимъ докторомъ былъ холодно вѣжливъ и официально сдержанъ, а молодыхъ офицеровъ третировалъ съ грубостью забывшагося выскочки.

Одинъ только ревизоръ пользовался особеннымъ его расположеніемъ и, въ свою очередь, защищалъ капитана, объясняя его грубость нервнымъ состояніемъ.

Но это расположеніе, переходившее даже въ интимность, имѣло свою собственную причину. Ни для кого не было секретомъ, что капитанъ и ревизоръ тѣсно связаны другъ съ другомъ общностью личныхъ интересовъ. Всѣ хорошо знали, что счеты за уголь (а угля сжигается много!) подаются выше дѣйствительной покупной цѣны и что разныя «экономіи», являющіяся отъ обычной десятипроцентной скидки со всѣхъ счетовъ, подаваемыхъ поставщиками провизіи, никуда не записываются и дѣлятся между капитаномъ и ревизоромъ.

И многіе мичмана, подсчитывая, что такихъ «безгрѣшныхъ» доходовъ у капитана можетъ быть тысячъ до десяти въ годъ, втайнѣ мечтали о времени, когда и они будутъ капитанами. Это «безгрѣшное» пользованіе не возбуждало негодованія въ молодыхъ морякахъ. Многіе пользуются, да еще и не такъ! И со смѣхомъ указывали на адмирала Щукина, который доходилъ до полной беззастѣнчивости, командуя три года эскадрой на Дальнемъ Востокѣ. У него и домъ въ Петербургѣ, и сколько онъ навезъ дорогихъ роскошныхъ вещей изъ Японіи и Китая. Не даромъ его громадныя вазы, диковинные шахматы и вѣера возбуждаютъ общій восторгъ.

Когда Скворцовъ убѣдился, что слухи про капитана не клевета, а правда, къ чувству непріязни прибавилось еще и чувство презрѣнія.

О такомъ ли плаваніи мечталъ онъ! У такого ли капитана хотѣлъ онъ учиться!?

Избѣгая возможности какой-нибудь придирки со стороны капитана, Скворцовъ былъ педантиченъ по службѣ и необыкновенно точенъ въ исполненіи своихъ обязанностей. И тѣмъ не менѣе при авралахъ и ученіяхъ и во время вахтъ онъ испытывалъ то чувство нервной натянутости, которое бываетъ у молодыхъ самолюбивыхъ людей, ожидающихъ какой-нибудь дерзости со стороны начальства и знающихъ, что они оскорбленія не спустятъ, хотя бы и пришлось рисковать будущностью.

Но капитанъ, какъ всѣ дерзкіе и наглые люди, очень

хорошо понялъ, что молодого лейтенанта нельзя оскорбить безнаказанно, и онъ обращался съ нимъ съ рѣзкой холодностью, «разносилъ», не переступая границъ служебнаго приличія, и испытывалъ, въ свою очередь, къ Скворцову непріязненное чувство, словно бы понимая причины его молчаливаго осужденія.

XIII.

Къ восьми часамъ утра, къ подъему флага и гюйса, Скворцовъ уже былъ на верху, гдѣ собрались, по обыкновенію, всѣ офицеры и вся команда.

За ночь вѣтеръ значительно стихъ и дулъ балловъ на 5. Волненіе улеглось, и море приняло свой красивый, темноголубой цвѣтъ. Небо было чистое,—ни одного облачка, и веселые лучи ослѣпительнаго солнца заливали своимъ блескомъ палубу гиганта-крейсера, сверкая на орудіяхъ, поручняхъ и люкахъ, отчищенныхъ на диво. На горизонтѣ то и дѣло показываются дымки пароходовъ. Плавно и медленно покачиваясь своимъ громаднымъ корпусомъ, «Грозный» быстро идетъ узловъ по пятнадцати въ часъ, подъ однообразный шумъ своей тысячесильной машины.

Разговоры смолкли. За минуту до восьми часовъ на палубѣ появился капитанъ, какъ всегда, щегольски одѣтый, свѣжій, чисто выбритый, съ моноклемъ на глазу. На лицѣ обычное выраженіе холоднаго спокойствія и брезгливаго недовольства, которое онъ самъ напускаетъ на себя передъ офицерами. Всѣ офицеры прикладываютъ пальцы къ козырькамъ фуражекъ. Лѣнивымъ движеніемъ холеной бѣлой руки онъ отдаетъ честь, поднимается на мостикъ и оглядываетъ рангоутъ, приводя въ нѣкоторое безпокойство старшаго офицера, внимательно тоже всматривавшагося на верхъ, закинувъ свою круглую черноволосую голову.

— Бинокль!—произнесъ онъ отрывистымъ голосомъ, не поворачивая головы.

Сигнальщикъ подалъ бинокль въ протянутую руку, и капитанъ осмотрѣлъ горизонтъ.

— Флагъ и гюйсъ поднять! Ворочай! — скомандовалъ вахтенный офицеръ.

Послѣ обычнаго, нѣсколько торжественнаго на военныхъ судахъ, подъема флага и гюйса и подъема брамъ-рей, при чемъ выстроившійся на шканцахъ караулъ беретъ ружья на «караулъ» и горнисты играютъ походъ, капи-

танъ, видимо самъ наслаждаясь престижемъ своей власти, хотя и скрывая это подъ маской безстрастія, принимаетъ обычные рапорты отъ старшаго офицера, старшаго врача и завѣдующихъ отдѣльными частями. Тѣмъ временемъ всѣ офицеры, кромѣ вахтеннаго и подвахтеннаго, спустились внизъ пить чай. Капитанъ въ сопровожденіи старшаго офицера обошелъ верхнюю палубу, на которой занимались чисткой разведенные по работамъ матросы. Матросы усерднѣе чистили мѣдь и орудія при приближеніи начальства, провожая его тревожными взглядами: какъ бы за что не придрался капитанъ.

Особенно трусилъ боцманъ 1-й вахты, франтоватый, довольно молодой еще человѣкъ, совсѣмъ не похожій на пьяницъ-боцмановъ стараго времени, ругавшихся съ виртуознымъ совершенствомъ и любившихъ давать волю рукамъ, но никогда не жаловавшихся на матроса и не чуждавшихся его. Боцманъ Алексѣевъ былъ тоже изъ «новыхъ». Онъ гнушался матросовъ, валяя передъ ними изъ себя «аристократа», и никогда не водилъ съ ними компаніи, знаясь только съ унтеръ-офицерами, писарями, фельдшерами и баталеромъ; любилъ читать газету и заворачивать деликатныя словечки, не пьянствовалъ и не ругался съ остервененіемъ прежнихъ боцмановъ, но дрался, впрочемъ, не хуже своихъ предшественниковъ, часто жаловался старшему офицеру и притомъ не гнушался мирволить матросамъ, подносившимъ ему подарки. Прикапливая деньжонки, онъ разсчитываетъ по окончаніи службы заняться въ Кронштадтѣ торговлей и имѣетъ всѣ данныя сдѣлаться со временемъ кулакомъ. Служитъ онъ усердно, толковъ, исполнителенъ и знаетъ свое дѣло. Передъ начальствомъ лебезитъ и заискиваетъ, и среди матросовъ уваженіемъ не пользуется.

— За рупь-цѣлковый душу продастъ! — говорятъ про него матросы, мѣтко опредѣляя сущность его натуры.

Капитанъ окончилъ свой обходъ и проговорилъ, останавливаясь предъ спускомъ къ себѣ въ каюту:

— Въ Пиреѣ начальникъ эскадры. Вѣрно, сдѣлаетъ смотръ. Такъ потрудитесь приготовиться.

— Есть!—отвѣчалъ старшій офицеръ, давно уже готовый къ смотру, и спускается въ каютъ-компанію...

За большимъ столомъ почти всѣ офицеры въ сборѣ и пьютъ чай.

Скворцовъ усѣлся около старшаго доктора, симпатич-

нѣйшаго и милаго Ѳедора Васильевича, и съ увлеченіемъ разсказываетъ о своей штормовой вахтѣ и о томъ, какъ чуть-было не потопили «купца»... Онъ очень сошелся съ докторомъ; у нихъ много общаго въ мнѣніяхъ, оба они одинаково не любятъ капитана, и обоимъ имъ не особенно нравится тонъ каютъ-компаніи.

И, какъ нарочно, раздается молодой тенорокъ юнаго мичмана:

— А я, господа, сегодня начистилъ зубы Гришкину... Вообразите...

И начинается разсказъ о томъ, за что именно онъ «начистилъ зубы».

Большинство присутствующихъ хохочетъ. Только одинъ такой же юный мичманъ замѣчаетъ:

— Нашелъ, чѣмъ хвастать.

— И ты въ либералы записался?—со смѣхомъ отвѣчаетъ ему товарищъ, побившій матроса.—Нынче, братецъ, либерализмъ не въ модѣ. Атанде, кавалеръ Липранди. Пусть это другіе популярничаютъ съ матросами,—продолжалъ онъ, взглядывая иронически на Скворцова:—а я, братъ, не намѣренъ... Виноватъ каналья, и я его въ зубы!.. Матросъ за это не въ претензіи...

— Конечно, не въ претензіи,—поддержалъ кто-то.

— А хвати тебя, ты будешь въ претензіи?

— Вотъ дурацкое сравненіе... У матросовъ совсѣмъ другія понятія... И, наконецъ, онъ къ этому привыкъ.

Скворцова взорвало, и онъ, весь закипая, произнесъ:

— Осмѣльтесь вы на моей вахтѣ ударить матроса...

— Что же тогда? — вызывающе перебилъ юнецъ-мичманъ.

— Я бы подалъ на васъ рапортъ...

— Ого-го... Какъ вы строги, Николай Алексѣичъ!—пробормоталъ мичманъ.

— Развѣ для насъ съ вами законъ не писанъ... Развѣ тѣлесныя наказанія не отмѣнены?

Въ каютъ-компаніи наступило неловкое молчаніе. Большинство видимо не одобряло Скворцова, и онъ это хорошо чувствовалъ.

— Да полноте, господа,—вступился старшій офицеръ, и самъ, случалось, бивавшій матросовъ, но никогда объ этомъ не разсказывавшій:—о чемъ тутъ спорить. Положимъ, оно и незаконно, такъ вѣдь иной разъ вспылишь... ну и... увлечешься...

— Я не о такихъ увлеченіяхъ говорю, Андрей Петровичъ... Я о принципѣ. Законъ есть, надо его исполнять, а не хвастать нарушеніемъ его.

— Какой цензоръ выискался!—прошепталъ кто-то.

— Вамъ и книги въ руки, коли вы такой гуманный, Николай Алексѣичъ,—вступился ревизоръ вкрадчивымъ, ласковымъ тономъ. — Конечно, звѣрствовать нехорошо... Боже сохрани... Но если иной разъ, знаете ли, смажешь, ей-Богу же, хоть и незаконно, а бѣды нѣтъ... Главное, какъ смазать... И какіе еще тамъ принципы... Жизнь, батюшка, одно, а принципы — другое... Вотъ завтра въ Пирей придемъ — въ Аѳины можно съѣздить... Гречанки тамъ...

И разговоръ скоро принялъ фривольное направленіе, въ которомъ приняли участіе всѣ, исключая доктора и Скворцова. Они вышли изъ каютъ-компаніи.

— Либералы! — съ усмѣшкой проговорилъ юный «дантистъ»-мичманъ.—Тоже: «рапортъ»!

— А вы, юноша, не хвастайте... Эка, въ самомъ дѣлѣ, подвигъ какой... Ну, хватили въ зубы, и шабашъ... Помалчивайте!—философски проговорилъ жизнерадостный и благополучный ревизоръ.—А Николай Алексѣичъ милѣйшій человѣкъ, но только одна бѣда: либералъ и съ принципами носится... Ну да, поживетъ и уходится! Не такъ ли, Андрей Петровичъ?—обратился онъ, какъ бы ища одобренія старшаго офицера.

Старшій офицеръ, добродушный и честнѣйшій человѣкъ, безропотно несшій ради жены и дѣтей свою тяжелую службу съ несимпатичнымъ ему капитаномъ, мягкій съ матросами и старавшійся какъ-нибудь поддерживать миръ и согласіе въ каютъ-компаніи, отвѣчалъ нѣсколько длинно и уклончиво насчетъ принциповъ и насчетъ того, какъ трудно проводить ихъ въ жизнь, особенно семейному человѣку, да еще на службѣ, гдѣ начальство не всегда любитъ принципы.

— И это весьма жаль, очень жаль! А то, помилуйте, что ни начальство, то новый принципъ-съ! —совершенно неожиданно и съ какимъ-то раздраженіемъ въ голосѣ вдругъ заключилъ свои пространныя разсужденія этотъ маленькій Пилатъ въ образѣ добродушнѣйшаго и мягкаго старшаго офицера и ушелъ на верхъ дѣлать неустанное дѣло: вѣчно приводить крейсеръ въ порядокъ и осматривать его.

Къ полудню слѣдующаго дня «Грозный» бросилъ якорь на Пирейскомъ рейдѣ, вблизи нашего броненосца подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ, салютуя націи и адмиралу. Капитанъ, немедленно поѣхавшій къ нему съ рапортомъ, вернулся видимо чѣмъ-то раздраженный. Адмиральскаго смотра ждали со дня на день, и офицеры хотѣли поскорѣе сбыть смотръ, чтобъ поѣхать въ Аѳины.

Въ день прихода въ Пирей, Скворцовъ получилъ полное упрековъ письмо отъ адмиральши и посланіе отъ Неглиннаго, въ которомъ онъ, между прочимъ, восхвалялъ «эту чудную обворожительную женщину» и удивлялся, какъ Скворцовъ могъ разлюбить ее.

«Самъ, значитъ, втюрился!»—подумалъ Скворцовъ и искренно пожалѣлъ своего друга.

XIV.

Въ ожиданіи адмиральскаго смотра, назначеннаго черезъ два дня, на «Грозномъ» шла непрерывная чистка. Чистили, подкрашивали, бѣлили, мыли и скоблили снаружи и внутри, наверху и внизу, въ машинѣ и трюмахъ, заглядывая въ самые сокровенные уголки.

Озабоченный и видимо щеголявшій этой озабоченностью и множествомъ работы, старшій офицеръ метался, словно угорѣлый, по крейсеру и не жалѣлъ крѣпкихъ словечекъ, приводя судно въ идеальный порядокъ, чистоту и блескъ, которые составляютъ гордость каждаго мало-мальски порядочнаго старшаго офицера.

Капитанъ, чѣмъ-то раздраженный, былъ не менѣе старшаго офицера озабоченъ желаніемъ показать во всемъ великолѣпіи свой крейсеръ новому начальнику эскадры, недавно назначенному на смѣну стараго. Адмиралъ этотъ имѣлъ репутацію опытнаго, много плававшаго моряка и знатока дѣла, человѣка серьезнаго, котораго не проведешь шарлатанствомъ и не вотрешь очки показной стороной. И капитанъ, уже имѣвшій случай убѣдиться въ этомъ во время представленія адмиралу по приходѣ на Пирейскій рейдъ, ждалъ смотра не безъ тревоги. Онъ самъ слѣдилъ за работами, вмѣшиваясь въ распоряженія старшаго офицера, путая и раздражая его, и безъ толку разносилъ вахтенныхъ начальниковъ и мичмановъ. Но, къ общему изумленію, разносилъ безъ прежнихъ оскорбительныхъ дерзостей, и тонъ его не былъ такой вызывающій и наглый, какъ раньше.

Эту внезапную перемѣну офицеры объяснили себѣ тѣмъ, что ему «попало» отъ новаго начальника эскадры, до котораго, вѣроятно, дошли слухи объ обращеніи капитана съ офицерами.

Предположеніе было вѣрное. Дѣйствительно, командиръ «Грознаго» получилъ строгій выговоръ, переданный по предписанію министра, что̀ было, разумѣется, еще непріятнѣе для такого карьериста, какъ Налетовъ, и, главное, совсѣмъ неожиданно.

А дѣло объяснялось просто.

Мичманъ Веретьевъ, о связяхъ котораго капитанъ и не подозрѣвалъ, лѣнивый и неисправный офицеръ, списавшійся съ крейсера три недѣли тому назадъ подъ предлогомъ болѣзни, вернувшись въ Петербургъ, повѣдалъ своей теткѣ, генеральшѣ Чамодуровой, о томъ, что̀ онъ вытерпѣлъ: какъ его притѣснялъ и оскорблялъ «собака»-капитанъ. Этотъ молодой человѣкъ, молчаливо переносившій оскорбленія, жаловался теперь теткѣ не безъ надежды напакостить капитану, и расчетъ его оказался вѣрнымъ. Старая генеральша, вообще дама рѣшительная и любившая своего племянника, возмутилась, и возмутилась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ея любимца позволилъ себѣ оскорблять какой-то выскочка изъ «вчерашнихъ» дворянъ. И она на другой же день полетѣла къ своей кузинѣ и пріятельницѣ, графинѣ Безъуздой-Саврасовой, мужъ которой занималъ весьма видное и вліятельное служебное положеніе.

Взволнованная генеральша передала графинѣ, какими невозможными словами бранилъ капитанъ бѣднаго Володю. Боже! что за выраженія! «Мокрая швабра»... «Цыготная дѣвка».

Но это еще изъ лучшихъ... Ей стыдно даже повторять тѣ удивительныя словечки этого «морского арго», которыми угощали на кораблѣ благовоспитаннаго и скромнаго Володю.

Однако, одно изъ этихъ словечекъ «морского арго» генеральша шепнула на ухо графинѣ. Та только ахнула изобрѣтательности моряковъ.

Дамы забили тревогу. Такъ оставить этого нельзя. Необходимо, чтобы узнали, какъ третируютъ молодыхъ людей изъ порядочнаго общества. У самой графини былъ сынъ во флотѣ и съ нимъ, графомъ Безъуздымъ-Саврасовымъ, могутъ такъ же грубо обращаться. Хотя онъ и

доволенъ плаваніемъ и очень хвалитъ своего командира, но, быть-можетъ, онъ только не желаетъ огорчать мать!..

И графиня въ тотъ же день сообщила объ этой исторіи мужу, прося его вмѣшательства. Пусть онъ поѣдетъ къ его свѣтлости и доложитъ ему, что дѣлается на военномъ суднѣ.

Старый графъ, человѣкъ слишкомъ умный и осторожный, чтобы позволить себѣ какое-нибудь вмѣшательство въ дѣла чужого вѣдомства, разумѣется, никуда не поѣхалъ и даже посовѣтовалъ графинѣ не очень раздувать эту исторію, тѣмъ болѣе, что у господъ моряковъ «свои особенности», однако, при первой же встрѣчѣ съ морскимъ министромъ «позволилъ себѣ» по-пріятельски довести до свѣдѣнія его высокопревосходительства о слухахъ, «конечно, преувеличенныхъ, но во всякомъ случаѣ компрометирующихъ славную семью моряковъ».

Нѣсколько смутившійся адмиралъ очень благодарилъ графа за сообщеніе. Дѣйствительно, нѣкоторые капитаны, къ сожалѣнію, позволяютъ себѣ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Онъ непремѣнно разслѣдуетъ это дѣло. И на другое же утро адмиралъ потребовалъ къ себѣ мичмана Веретьева, изъ-за котораго былъ вынесенъ «соръ изъ избы», чего старикъ не любилъ.

Зоркій глазъ стараго моряка, бывшаго любимаго адъютанта Корнилова, сразу угадалъ въ этомъ почтительно улыбающемся, чистенькомъ, франтоватомъ мичманѣ лодыря и одного изъ бѣлоручекъ, «маменькиныхъ сынковъ» и «племянничковъ», которые, благодаря модѣ, полѣзли во флотъ, доставляя немало непріятностей командирамъ судовъ, на которыхъ плавали эти шалопаи.

Въ отвѣтъ на предложеніе адмирала «разсказать по чистой совѣсти, какія причины заставили молодого человѣка списаться съ крейсера, не окончивъ плаванья», мичманъ Веретьевъ съ подробной точностью, почтительно глядя на адмирала своими ясными, нѣсколько телячьими глазами, перечислилъ всѣ оскорбительныя прозвища, которыя онъ безропотно выслушивалъ въ теченіе года отъ командира «Грознаго», не смѣя отвѣчать по долгу дисциплины и не желая лишиться плаванія. И только, когда командиръ позволилъ себѣ во время аврала обругать его, какъ послѣдняго матроса, въ присутствіи офицеровъ и команды, онъ послѣ такого оскорбленія не счелъ воз-

можнымъ оставаться на крейсерѣ и подалъ рапортъ о болѣзни.

Старый адмиралъ не только не выразилъ одобренія за такую самоотверженную выносливость, а, напротивъ, слушая, склонивъ на бокъ свою коротко остриженную сѣдую голову, обстоятельный докладъ мичмана, все болѣе и болѣе хмурилъ свои нависшія брови, и его умное старческое лицо искривилось гримасой не то брезгливости, не то презрительнаго удивленія.

Не таковъ былъ онъ самъ, маститый адмиралъ, испытавшій немало невзгодъ за свою строптивость.

И этотъ семидесятилѣтній старикъ, достигнувшій власти, которой такъ сильно желалъ и въ значеніи которой уже успѣлъ разочароваться, взглядывая на оскорбленнаго мичмана, невольно вспомнилъ далекую молодость, когда онъ былъ такимъ же юнымъ мичманомъ въ николаевское время, вспомнилъ, какъ его чуть не разжаловали въ матросы за дерзость, сказанную на шканцахъ капитану въ отвѣтъ на оскорбительную грубость. Въ его время къ «тетушкамъ» во флотѣ не обращались, нѣтъ!.. Въ головѣ стараго адмирала пронеслось воспоминаніе и объ этомъ серьезномъ столкновеніи его, надѣлавшемъ шума во флотѣ, съ всесильнымъ въ тѣ времена морскимъ министромъ... Онъ былъ тогда ужъ контръ-адмираломъ и начальникомъ штаба главнаго командира кронштадтскаго порта, когда позволилъ себѣ, возмущенный несправедливыми обвиненіями министра, рѣзко и страстно отвѣчать ему, самъ обвиняя его, на мостикѣ парохода, въ присутствіи высокопоставленныхъ пассажировъ... За эту выходку онъ принужденъ былъ на время покинуть флотъ... Да, онъ былъ не таковъ.

Мичманъ Веретьевъ, ожидавшій, повидимому, похвалы за свою, какъ онъ называлъ, «служебную корректность» по отношенію къ капитану, былъ удивленно смущенъ. Нахмуренное лицо адмирала не предвѣщало одобренія.

И когда мичманъ окончилъ свой докладъ, адмиралъ все съ тою же гримасой на лицѣ проговорилъ суровымъ тономъ:

— Если васъ оскорблялъ капитанъ, вы должны были, по крайней мѣрѣ, подать рапортъ по начальству... Дѣлу дали бы законный ходъ. А то вы цѣлый годъ изволили молчать, а теперь жалуетесь разнымъ тетушкамъ... Такъ не поступаютъ во флотѣ... Не должны поступать-съ! —

строго прибавилъ старикъ. — У офицера есть начальство, а не тетушки... Вашъ образъ дѣйствій похвалить не могу...

И, точно вспомнивъ что-то, адмиралъ продолжалъ, нѣсколько смягчая тонъ:

— Приписываю все это вашей молодости и надѣюсь, что впредь вы будете дѣйствовать иначе... И помните, что хорошій офицеръ самъ долженъ ограждать себя отъ оскорбленій... исправной службой,—прибавилъ дипломатически адмиралъ.—Понимаете?

— Понимаю-съ, ваше превосходительство!

«Ничего ты не понимаешь и не поймешь»!—говорилъ, казалось, взглядъ старика, снова остановившійся на этомъ почтительно и глупо улыбающемся лицѣ мичмана съ телячьими глазами.

— Графъ Вароломей Петровичъ вамъ родня?—спросилъ онъ, отводя взглядъ.

— Дядя, ваше высокопревосходительство! — весело и точно чувствуя себя значительно поднятымъ въ глазахъ адмирала, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Можете идти!—рѣзко промолвилъ адмиралъ.

Когда, вслѣдъ за уходомъ мичмана, въ кабинетъ вошелъ съ докладомъ помощникъ начальника штаба, скромный на видъ, съ энергичнымъ лицомъ, пожилой контръ-адмиралъ изъ хорошихъ моряковъ прежней школы, пользовавшійся расположеніемъ и довѣріемъ своего начальника, съ которымъ когда-то плавалъ,—старикъ, пожимая вошедшему руку, съ живостью проговорилъ:

— Сейчасъ у меня былъ этотъ Веретьевъ, списавшійся съ «Грознаго». Нечего сказать, терпѣливый юноша... Черезчуръ даже терпѣливый... Его Налетовъ цѣлый годъ ругалъ чуть не площадными словами, а онъ все кушалъ! Хорошъ молодчикъ, а? Пріѣхалъ сюда и нажаловался тетушкамъ, а начальству ни гу-гу... Вы, конечно, слышали, какой шумъ подняли дамы изъ-за этого шалопая?.. По всему видно, лодырь... А вы все-таки съ Андреемъ Оскарычемъ назначьте его въ дальнее плаванье... Чортъ съ нимъ... За него графъ Саврасовъ хлопочетъ... Нельзя отказать...

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Да назначьте этого многотерпѣливаго юнаго Іова къ кому-нибудь изъ командировъ, который не ругается, какъ извозчикъ. А то опять выйдетъ исторія... Есть у насъ такіе?—усмѣхнулся старикъ.

– Есть, — улыбнулся въ отвѣтъ и контръ-адмиралъ.

— А этотъ хлыщъ, господинъ Налетовъ, кажется, желаетъ нарваться на пощечину? И нарвется. Не всѣ же такіе, какъ Веретьевъ. Дождется, что дадутъ ему въ рожу... Не въ первый разъ я слышу, что онъ заносчивъ и грубъ съ офицерами и бьетъ матросовъ. И офицеры дерутся. И что вы тутъ подѣлаете съ этими современными нравами? Кажется, вѣдь не глупый человѣкъ этотъ Налетовъ и пролазъ, какихъ мало, а ведетъ себя, какъ дуракъ... Воображаетъ, что въ самомъ дѣлѣ звѣзда флота... Не хочу и не имѣю права я поднимать исторію, тѣмъ болѣе, что офиціальныхъ на него жалобъ нѣтъ, но я напишу Тыркову, чтобы сдѣлалъ ему строгій выговоръ и предупредилъ его, что объ его подвигахъ мнѣ извѣстно. Вѣрно, одумается. Сообразитъ, что и я что-нибудь да значу... Онъ вѣдь умная бестія!—ворчливо говорилъ старикъ и вдругъ съ сердцемъ воскликнулъ:

— И вообще чортъ знаетъ, какія у насъ творятся безобразія. Много еще надо чистить наши конюшни! Не правда ли, Петръ Петровичъ?

— Нужно, ваше высокопревосходительство.

Старикъ помолчалъ и замѣтилъ:

— То-то нужно... Вижу, что нужно... Вижу, что и молодые наши моряки подгуляли, совсѣмъ мало плаваютъ, вижу, что и хваленый цензъ не достигаетъ цѣли, что мало у насъ настоящихъ капитановъ. И мичмана больше на тетушекъ надѣются... И строимъ-то мы суда иногда наобумъ... А главное: морской духъ исчезаетъ, тотъ духъ, что былъ въ наше время, когда мы плавали, а не стояли на рейдахъ... Все это я вижу и, несмотря на свою власть...

Вмѣсто окончанія, старый адмиралъ какъ-то безпомощно развелъ руками, и на его лицѣ появилась грустная усмѣшка.

И, словно бы отвѣчая на давно занимавшія его мысли и въ то же время оправдывая себя, онъ проговорилъ:

— Да, батюшка, Петръ Петровичъ, когда у меня были и силы, и энергія, и способность много работать, я былъ не нуженъ, а когда у одряхлѣвшей бѣлки зубовъ нѣтъ, ей дали орѣхи... Ну-ка, давайте ваши бумаги, Петръ Петровичъ!—оборвалъ старикъ съ кислой гримасой.

XV.

Утромъ въ день смотра на флагманскомъ броненосцѣ были подняты позывные «Грознаго» и сигналъ: «развести пары».

— Что это, адмиралъ въ морѣ будетъ смотръ дѣлать?— спрашивали другъ у друга недоумѣвающіе офицеры, собравшіеся въ каютъ-компаніи.

— Должно-быть, что такъ!—отвѣчалъ старшій офицеръ, недовольный, что дымъ загадитъ, пожалуй, только-что выкрашенные борты...

— А уголь у насъ есть?—спрашивали у старшаго механика.

— На день хватитъ...

— Выйдемъ въ море, онъ, вѣрно, велитъ паруса поставить... Адмиралъ Тырковъ—парусникъ,—замѣтилъ ревизоръ, почему-то взволнованный предстоящимъ смотромъ.— Я у него служилъ на «Могучемъ». Не любитъ онъ ходить подъ парами.

— Говорятъ, Тырковъ славный морякъ и человѣкъ безукоризненный,—вставилъ Скворцовъ.

— Командиръ онъ былъ хорошій, это я знаю, а до безукоризненности его я не доискивался. Свѣчки не держалъ!—раздражительно отвѣчалъ ревизоръ, обыкновенно добродушный и веселый.

— Честнѣйшій человѣкъ!—промолвилъ докторъ Ѳедоръ Васильевичъ. — Я съ нимъ тоже служилъ и хорошо знаю его.

— А онъ свирѣпый, докторъ?—спросилъ кто-то изъ мичмановъ.

— По службѣ требовательный, но не свирѣпый, не безпокойтесь...

Въ ожиданіи адмирала, о которомъ интересовались всѣ знать, офицеры были не въ полной парадной формѣ, а, по распоряженію адмирала, въ обыкновенной, а матросы въ чистыхъ бѣлыхъ рубахахъ, подстриженные, выбритые и повеселѣвшіе. И до нихъ дошли хорошіе слухи объ адмиралѣ.

Сигнальщикъ не спускалъ бинокля съ флагманскаго броненосца.

— Паровой катеръ съ адмираломъ отваливаетъ отъ борта, ваше благородіе!—проговорилъ онъ, обращаясь къ вахтенному офицеру.

Вахтенный офицеръ послалъ доложить капитану и офицерамъ, что ѣдетъ адмиралъ, и вызвалъ на верхъ караулъ, фалгребныхъ и команду.

— Адмиралъ ѣдетъ! — пронеслось по всему крейсеру, сверху до низу.

Черезъ минуту всѣ офицеры стояли на правой сторонѣ шканцевъ по старшинству, имѣя во главѣ старшаго офицера. На флангѣ были оба врача, старшій и младшій, и батюшка, іеромонахъ Паисій. Команда выстроилась по обѣ стороны шкафута, отъ парадnаго трапа къ баку.

Боцманъ Алексѣевъ обходилъ по фронту первой вахты и заискивающимъ голосомъ говорилъ:

— Смотри, ребята, веселѣй отвѣчайте, какъ адмиралъ поздоровкается. Чтобы, значитъ, въ такту. И глазами провожай...

— Нечего-то юлить. И безъ тебя знаемъ!—раздался чей-то голосъ.

Боцманъ благоразумно пропустилъ мимо ушей это замѣчаніе и, обойдя ряды, сталъ на свое мѣсто.

Капитанъ, нервно пощипывавшій рыжую бачку рукой въ бѣлоснѣжной перчаткѣ, и вахтенный офицеръ, оба стоявшіе на мостикѣ, смотрѣли на быстро приближающійся по чуть рябившему рейду паровой катеръ, на которомъ сидѣлъ адмиралъ съ флагъ-капитаномъ и флагъ-офицеромъ.

Прошла еще минута, другая. Катеръ повернулъ къ борту крейсера, и капитанъ и Скворцовъ, бывшій на вахтѣ, спустившись съ мостика, торопливо прошли къ парадному трапу встрѣчать начальника эскадры

XVI.

Когда адмиралъ, быстро поднявшись, ступилъ на палубу, караульный офицеръ въ полной парадной формѣ скомандовалъ «на караулъ!» — и сперва Скворцовъ, а затѣмъ командиръ стали рапортовать о состояніи крейсера «Грозный» и его экипажа.

Выслушавъ краткіе рапорты съ приложенными у козырька бѣлой фуражки двумя загорѣлыми короткими пальцами, адмиралъ, среди мертвой тишины, царившей на палубѣ, направился, чуть-чуть горбя, по морской привычкѣ, спину, на шканцы и сталъ медленно обходить офицеровъ, фамиліи которыхъ называлъ капитанъ. Адмиралъ всѣмъ протягивалъ руку.

Это былъ худощавый и крѣпкій, невысокаго роста, сутуловатый мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ по виду, съ серьезнымъ, располагающимъ лицомъ, окаймленнымъ сильно засѣдѣвшей темной бородой, и съ тѣмъ спокойно-твердымъ и въ то же время добродушнымъ взглядомъ небольшихъ карихъ глазъ, какой часто бываетъ у много плававшихъ и испытавшихъ всякія опасности моряковъ. Онъ былъ одѣтъ не щегольски, но опрятно: въ поношенномъ сюртукѣ, съ крестомъ на шеѣ подъ отложнымъ воротничкомъ безукоризненной сорочки. Ничего важнаго и повелительнаго не было въ этой скромной на видъ, не представительной фигурѣ маленькаго адмирала, но тѣмъ не менѣе сразу чувствовалось, что этотъ человѣкъ твердой воли и характера, съ которымъ шутить нельзя.

— Ревизоръ, лейтенантъ Неклюевъ,—представлялъ командиръ.

— Старые знакомые, вмѣстѣ служили, — промолвилъ адмиралъ, не выражая однако ничѣмъ особеннаго удовольствія отъ этой встрѣчи.—Давно ревизоромъ?

— Съ начала кампаніи, ваше превосходительство.

За то, когда адмиралъ подошелъ къ старшему судовому врачу, его серьезное лицо внезапно освѣтилось доброй, привѣтливой улыбкой, совсѣмъ преобразившей нѣсколько строгую физіономію адмирала. Онъ порывисто и крѣпко пожалъ доктору руку и весело, тономъ хорошаго знакомаго, проговорилъ:

— Что-жъ это вы не навѣстили стараго сослуживца, Ѳедоръ Васильевичъ? Кажется, пріятели были? Надѣюсь, побываете?

Капитанъ покосился на доктора. У нихъ были не особенно пріятныя отношенія. Адмиралъ пошелъ далѣе.

Поздоровавшись съ карауломъ и приказавъ отпустить его, адмиралъ, сопровождаемый командиромъ, старшимъ офицеромъ и своими штабными, прошелъ по фронту матросовъ, здороваясь съ людьми.

«Го-го-го!» два раза разнеслось по рейду.

Послѣ этого команда была распущена, и завѣдующіе отдѣльными частями офицеры отправились по своимъ мѣстамъ.

Начался адмиральскій осмотръ крейсера.

Спустившись внизъ, онъ обошелъ палубы, посѣтилъ лазаретъ, гдѣ лежали два больные матроса, былъ въ машинѣ и кочегарной, заглянулъ въ коридоръ, гдѣ прохо-

дилъ валъ винта, спускался въ трюмы, былъ въ подшкиперской и вездѣ осматривалъ, не спѣша, молча и внимательно опытнымъ зоркимъ взглядомъ бывшаго доки старшаго офицера и капитана. Подойдя къ камбузу, онъ велѣлъ налить себѣ изъ котла щей, отвѣдалъ щи, мясо и хлѣбъ и продолжалъ осмотръ.

Наконецъ, осматривать было уже нечего, и адмиралъ, пріостанавливаясь у трапа, проговорилъ:

— Крейсеръ въ должномъ порядкѣ...

Капитанъ слегка покраснѣлъ отъ удовольствія. Старшій офицеръ облегченно вздохнулъ.

«Начало прошло благополучно. Что-то дальше будетъ? У него смотръ настоящій!»—подумалъ старшій офицеръ.

Адмиралъ между тѣмъ продолжалъ, обернувшись къ старшему офицеру:

— Видно, что вы заботитесь о своемъ суднѣ, какъ слѣдуетъ. Очень пріятно въ этомъ убѣдиться. Очень пріятно!—повторилъ адмиралъ, поднимаясь на палубу.

Самолюбивый капитанъ закусилъ губу съ досады, что адмиралъ непосредственно благодарилъ старшаго офицера, а Андрей Петровичъ, ошалѣвшій и отъ суеты этихъ дней и отъ комплимента адмирала, далеко не щедраго, какъ ходила молва, на похвалы, прошепталъ, обращаясь съ сіяющимъ лицомъ къ флагъ-капитану:

— Я... что-жъ... я всегда готовъ... Слава Богу, какъ бѣлка въ колесѣ... Такая должность... Не правда ли?

Флагъ-капитанъ, молодой капитанъ второго ранга, взглянулъ-было удивленными глазами на старшаго офицера, который обращается къ незнакомому и высшему по должности лицу съ такими фамильярными изліяніями, но тотчасъ же понялъ, глядя на это радостное вспотѣвшее лицо Андрея Петровича, что онъ, обрадованный, ищетъ сочувствія,—и вмѣсто того, чтобы смѣрить старшаго офицера холоднымъ взглядомъ, какъ собирался, невольно улыбнулся и проговорилъ:

— Еще бы... Каторжная должность!

И побѣжалъ быстрѣй по трапу, чтобы догнать адмирала.

— Готовы ли пары?—спросилъ адмиралъ, поднявшись на мостикъ и взглянувъ на часы.

— Какъ пары?—спросилъ капитанъ въ машинный телефонъ и приложилъ ухо къ трубкѣ.

— Готовы!—донесся глухой голосъ старшаго механика изъ машины.

— Такъ снимайтесь съ якоря. Пройдемъ немного въ море.

— Всѣхъ наверхъ!—приказалъ капитанъ Скворцову.

— Свистъ всѣхъ наверхъ, съ якоря сниматься! —

— Свистъ всѣхъ на верхъ, съ якоря сниматься! — крикнулъ Скворцовъ во всю силу своихъ здоровыхъ легкихъ.

Засвистала дудка, и та же команда повторилась боцманомъ, нагнувшимся въ люкъ.

Всѣ торопливо выбѣжали наверхъ. Старшій офицеръ припялъ командованіе «авраломъ» и звучнымъ своимъ баритономъ, нѣсколько возбужденный присутствіемъ начальства, скомандовалъ:

— На шниль. Гребныя суда къ подъему! Крѣпить орудія!

Начался «авралъ», обычный при съемкѣ съ якоря.

Скворцовъ, находившійся по расписанію во время аврала у бизань-мачты и наблюдавшій за подъемомъ вельбота и катера, по временамъ взглядывалъ на адмирала.

Тотъ, взглянувъ на часы, какъ только раздалась команда, вызывающая всѣхъ наверхъ, спокойно и, казалось, равнодушно наблюдалъ за авраломъ, стоя на краю мостика. Капитанъ стоялъ недалеко отъ адмирала, взглядывая то вокругъ, какъ идутъ работы по съемкѣ съ якоря, то на лицо адмирала, стараясь прочесть на его лицѣ, доволенъ онъ или нѣтъ.

Въ началѣ все шло, какъ по маслу. Работали скоро, не суетясь и безъ шума. Но, при подъемѣ баркаса, случился маленькій казусъ, омрачившій великолѣпіе «аврала». Въ гребныхъ таляхъ (веревкахъ, на которыхъ поднимаются гребныя суда) что-то «заѣло», и баркасъ, приподнятый до половины, дальше не шелъ.

Капитанъ со злости готовъ былъ, кажется, оборвать свою рыжую бачку—такъ неистово онъ ее теребилъ. Старшій офицеръ глядѣлъ съ мостика въ ту сторону, гдѣ произошла заминка, съ выраженіемъ страданія на лицѣ.

«Зарѣзали, подлецы, зарѣзали!»—думалъ онъ, тщетно ожидая, что вотъ-вотъ баркасъ покажется надъ бортомъ, и на языкѣ его висѣло крѣпкое словечко, которымъ онъ могъ бы облегчить свою истерзанную душу, но присутствіе адмирала стѣсняло его, и онъ только безпомощно вздохнулъ. Къ довершенію всего, у мѣста, гдѣ поднимался баркасъ, шелъ говоръ, пересыпанный бранью, и до мо-

стика донесся крикливый молодой тенорокъ мичмана-«дантиста», щегольнувшаго импровизаціей по части ругательствъ.

Адмиралъ поморщился. Капитанъ принялся рвать другую бачку и злобно прошепталъ старшему офицеру:

— Андрей Петровичъ... Полюбуйтесь! Баркасъ... Гдѣ баркасъ?

Но старшій офицеръ уже стремглавъ летѣлъ къ мѣсту, гдѣ поднимали баркасъ.

— У-у-у... подлецы... дьяволы!—стиснувъ зубы, прошепталъ онъ. — Павелъ Николаевичъ! Что вы со мной сдѣлали?—проговорилъ онъ голосомъ, полнымъ отчаянія, обращаясь къ мичману, наблюдавшему за подъемомъ баркаса, и глядя на него взглядомъ, полнымъ ненависти и упрека.

— Тали невѣрно заложили эти подлецы...

— Что же вы смотрѣли? Эхъ... А еще морской офицеръ?.. И ругаетесь на весь крейсеръ вмѣсто того, чтобы дѣло дѣлать,—говорилъ онъ, приказывая въ то же время немедленно травить тали, спустить снова баркасъ на воду и переложить тали.

Когда все это было сдѣлано, и баркасъ былъ поднятъ, старшій офицеръ снова взглянулъ сердитыми глазами на мичмана и побѣжалъ на мостикъ... Сконфуженный, онъ робко и виновато взглядывалъ на адмирала, попрежнему молчаливо стоявшаго на своемъ мѣстѣ.

— Что было? Отчего баркасъ не шелъ? — спрашивалъ тихо капитанъ.

— Тали... Мичманъ не доглядѣлъ...—отрывисто и сердито отвѣчалъ старшій офицеръ, досадуя, что еще эта «собака» пристаетъ съ разспросами, когда и безъ того у него кошки на сердцѣ, и съ какимъ-то озлобленіемъ крикнулъ:—Какъ якорь?

— Десять саженъ!—отвѣчали съ бака.

Между тѣмъ мичманъ-«дантистъ», получившій разносъ отъ старшаго офицера и не посмотрѣвшій, что второпяхъ двое матросовъ, остававшихся на баркасѣ, невѣрно заложили тали, набросился на виновныхъ съ загорѣвшимися злостью круглыми глазами, какъ у молодого ястребка... Онъ отозвалъ этихъ двухъ матросовъ, смущенныхъ отъ сознанія своей вины, на другую сторону крейсера, чтобы адмиралъ не могъ ничего увидать, и со злостью сталъ тыкать то одного, то другого матроса кулакомъ по ихъ лицамъ съ жмурившимися глазами при каждомъ ударѣ.

дмиралъ, замѣтившій, какъ молодой офицеръ съ злымъ лицомъ поманилъ матросовъ, въ ту же минуту перешелъ на другую сторону мостика и увидалъ сцену.

— Аркадій Дмитричъ, — проговорилъ онъ своимъ тихимъ, отчетливымъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ, съ нахмурившимся лицомъ:—это что за безобразіе у васъ? Офицеры дерутся, не стѣсняясь даже присутствіемъ адмирала!.. Это что же, на крейсерѣ въ обычаѣ?

Капитанъ молчалъ.

— Прошу посадить этого мичмана... Какъ его фамилія?

— Иртеньевъ, ваше превосходительство.

— ...Мичмана Иртеньева подъ арестъ на трое сутокъ послѣ смотра и предупредить, что, если что-нибудь подобное повторится, я отдамъ его подъ судъ... И каждаго офицера, кто бы онъ ни былъ!—подчеркнулъ адмиралъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ капитанъ и, весь вспыхнувъ, отошелъ.

— Панеръ *)!— крикнули съ бака.

— Тихій ходъ впередъ!—проговорилъ капитанъ въ машинный телефонъ.—Право на бортъ!

Крейсеръ медленно сталъ поворачиваться на узкомъ пространствѣ рейда, гдѣ стояло нѣсколько судовъ на пути, и капитанъ былъ видимо озабоченъ, какъ бы благополучно выйти, не осрамившись передъ этимъ «привязчивымъ» адмираломъ, чортъ бы его унесъ скорѣй съ «Грознаго»!

«Небойсь, особенной карьеры не сдѣлаетъ, хоть и завзятый морякъ! Сдадутъ года черезъ четыре въ архивъ!»— иронически подумалъ Налетовъ, тревожно смѣривая глазомъ циркуляцію, которую долженъ описать громадный крейсеръ.

Несмотря на наружное спокойствіе адмирала, и у него дрогнуло сердце, когда крейсеръ, поворачиваясь между двумя судами, казалось, вотъ-вотъ навалитъ на маленькій французскій авизо. Разстояніе между носомъ крейсера и носомъ французскаго судна дѣлалось все меньше и меньше. По счастью, на «французѣ» догадались потравить канатъ, и авизо подался назадъ, но все-таки...

И адмиралъ, въ которомъ заговорилъ лихой морякъ, входившій бывало подъ парусами и не на такіе тѣсные рейды, едва удержался, чтобъ не крикнуть рулевымъ: «право, больше право!» Но, не желая конфузить капитана

*) Панеръ—значитъ: якорь отдѣлился отъ дна.

и вмѣшиваться въ его распоряженія до послѣдняго момента, онъ нервно и торопливо приблизился къ нему, чтобъ передать это приказаніе.

Но въ ту же секунду капитанъ самъ крикнулъ рулевымъ, и «Грозный» благополучно прошелъ подъ носомъ «француза». А капитанъ нагло взглянулъ на адмирала, словно бы понимая, зачѣмъ онъ подошелъ, и словно бы говоря этимъ взглядомъ, что и онъ умѣетъ управлять судномъ не хуже его.

Черезъ четверть часа крейсеръ уже шелъ полнымъ ходомъ въ открытое море.

Вѣтеръ былъ легкій, брамсельный.

Адмиралъ приказалъ остановить машину, поставить всѣ паруса и лечь на бейдевиндъ.

— Матросы къ вантамъ! По марсамъ и салингамъ! — командовалъ старшій офицеръ, надѣясь, что постановка парусовъ загладитъ «позорную» съемку съ якоря.

И, когда марсовые довольно бойко добѣжали до марсовъ, радуя его сердце, весело крикнулъ:

— По реямъ!..

Адмиралъ поглядывалъ на верхъ, какъ разбѣжались по реямъ матросы и стали развязывать закрѣпленные марсели

— Отдавай. Гротъ и фокъ садить. Кливера поставить! Пошелъ брасы!

Весь этотъ маневръ постановки парусовъ былъ выполненъ недурно. Не прошло и пяти минутъ, какъ крейсеръ съ обрасопленными реями сверху и до низу покрылся парусами и, словно гигантская птица съ бѣлоснѣжными крыльями, чуть-чуть накренившись, тихо пошелъ, подгоняемый легкимъ вѣткомъ.

На серьезномъ лицѣ адмирала скользнула улыбка одобренія. «Недурно», — казалось, говорила она.

И онъ сказалъ, обращаясь къ капитану, но нарочно громко, чтобы слышалъ старшій офицеръ:

— Паруса поставлены недурно.

И самъ въ эту минуту вспомнилъ, какъ у него, бывало, на «Могучемъ» лихо ставили паруса. И не въ пять минутъ, а въ три. Ну, да то было прежде. А теперь и за это нужно хвалить.

— Ну-съ, теперь попросите мичмана Иртеньева сдѣлать поворотъ оверштагъ.

Позвали мичмана-дантиста на мостикъ, и капитанъ приказалъ ему дѣлать поворотъ.

Никакъ не ожидавшій такого экзамена и къ тому же не твердо знавшій, какъ командовать, онъ сконфузился и нерѣшительнымъ, дрожащимъ голосомъ крикнулъ:

— По мѣстамъ стоять. Къ повороту!

Но затѣмъ сбивался и путалъ командныя слова такъ, что старшій офицеръ долженъ былъ ему подсказывать.

Когда поворотъ былъ оконченъ, адмиралъ подозвалъ мичмана къ себѣ и сказалъ:

— Бить матросовъ вы выучились, а сдѣлать поворота не выучились. Стыдно, г. Иртеньевъ.

И, когда сконфуженный мичманъ ушелъ, адмиралъ велѣлъ вызвать другого мичмана. У этого дѣло пошло лучше, но все-таки не важно. И еще двое мичмановъ видимо плохо умѣли командовать.

— Не мѣшало бы практиковать молодыхъ офицеровъ. Они у васъ ничего не знаютъ!—замѣтилъ адмиралъ капитану и приказалъ мѣнять марселя.

«Охъ», — вздохнулъ старшій офицеръ, снова командуя авраломъ и не надѣясь, что эта работа будетъ сдѣлана хорошо, такъ какъ на парусныхъ ученьяхъ у нихъ никогда не мѣняли марселей, хотя онъ и не разъ предлагалъ объ этомъ капитану.

И дѣйствительно, вышла путаница и большая заминка. Видно было, что люди плохо знали, что имъ дѣлать. Прошло съ добрыхъ двадцать пять минутъ, пока, наконецъ, не перемѣнили марселей.

И опять адмиралъ сказалъ капитану:

— Кажется, у васъ никогда не мѣняли марселей?

— Не мѣняли.

— Это и видно. Потрудитесь обратить больше вниманія на парусныя ученья. Нынче ими пренебрегаютъ, а они необходимы.

Послѣ часового отдыха камандѣ, снова всѣ были вызваны на верхъ и опять начались разныя ученія. Пробили пожарную тревогу, потомъ опускали мину и наконецъ пробили боевую тревогу и сдѣлали артиллерійское ученье.

Адмиралъ все внимательно наблюдалъ, задавалъ вопросы комендорамъ и молодымъ офицерамъ и все время держалъ капитана въ озлобленно-первномъ напряженіи. Капитанъ и самъ видѣлъ да и читалъ на лицѣ адмирала—

очень много прорѣхъ въ своемъ командованіи. Да и не ожидалъ онъ, признаться, такого смотра. То ли дѣло прежній начальникъ эскадры! Въ полчаса смотръ окончитъ, а этотъ...

Наконецъ, въ пятомъ часу вечера крейсеръ вернулся въ Пирей и сталъ на якорь. «Слава Богу, все кончено теперь!»—радостно думалъ капитанъ, не догадываясь, что самое нерадостное для него еще впереди.

— Команду во фронтъ! — скомандовалъ старшій офицеръ.

Всѣ матросы выстроились на верху, и офицеровъ попросили удалиться, какъ обыкновенно дѣлается при опросѣ претензій.

Адмиралъ, въ сопровожденіи флагъ-капитана, приблизился къ фронту и, ставъ по серединѣ, спросилъ:

— Есть ли у кого претензіи? У кого есть, выходи.

Во фронтѣ царило гробовое молчаніе. Никто не выходилъ.

— Ни у кого нѣтъ претензій? — довольнымъ голосомъ повторилъ адмиралъ.

Но въ эту самую минуту съ конца фронта вышелъ матросъ и направился къ адмиралу. Онъ остановился, не доходя шаговъ десяти до адмирала, и взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— У меня есть претензія, ваше превосходительство!

— Въ чемъ она? —спросилъ, хмурясь, адмиралъ.

— Беззаконно наказанъ пятьюдесятью ударами розогъ по приказанію капитана, не бывши въ разрядѣ штрафованныхъ,— говорилъ молодой, совсѣмъ поблѣднѣвшій матросъ, глядя прямо въ лицо адмирала.

— А теперь ты штрафованный?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Какъ твоя фамилія?

— Чижовъ, ваше превосходительство.

— Хорошо. Я разберу твое дѣло. Ступай.

— Дозвольте перевестись на другое судно, ваше превосходительство!

— Посмотрю... Больше ни у кого нѣтъ претензій, ребята?

Никто больше не выходилъ.

— Что, пришелъ за мной катеръ?—спросилъ адмиралъ, возвращаясь назадъ, у вахтеннаго офицера.

— У борта, ваше превосходительство.

— Попросите капитана и гг. офицеровъ.

— Есть!

Снова вызвали караулъ и фалгребныхъ. Только-что разошедшіеся матросы опять были поставлены во фронтъ, и офицеры выстроились на шканцахъ.

Адмиралъ отвелъ капитана въ сторону и тихо проговорилъ:

— Къ крайнему моему сожалѣнію, на васъ, Аркадій Дмитричъ, заявлена претензія, и я, по долгу службы, долженъ дать ей законный ходъ и сообщить высшему начальству.

— Какая претензія, ваше превосходительство?

— Матросъ Чижовъ заявилъ, что вы его приказали наказать розгами, не имѣя на то по закону права. Онъ не былъ тогда штрафованнымъ. Это правда?

— Совершенная правда, ваше превосходительство... Но этотъ Чижовъ такая каналья...

Адмиралъ двинулся и, направляясь къ офицерамъ и снова останавливаясь, продолжалъ:

— О сегодняшнемъ смотрѣ я отдамъ подробный приказъ по эскадрѣ. Крейсеръ вообще въ должномъ порядкѣ, за что считаю пріятной обязанностью благодарить васъ и старшаго офицера,—обратился адмиралъ къ Андрею Петровичу.—Но парусное обученіе слабо и многое требуетъ настойчиваго вниманія. Надѣюсь также, что собственноручная расправа, которую позволилъ себѣ мичманъ Иртеньевъ, единичное явленіе и впредь ничего подобнаго не повторится... Надѣюсь, господа!—обратился адмиралъ къ офицерамъ и сдѣлалъ общій поклонъ.—До свиданія.

Адмиралъ прошелъ по фронту и благодарилъ команду за усердную работу.

— Рады стараться, ваше превосходительство!—гаркнули въ отвѣтъ матросы.

Адмиралъ пожалъ руку капитану и старшему офицеру и спустился въ катеръ, приказавъ немедленно отослать матроса Чижова на «Гремящій».

Почти всѣ офицеры облегченно вздохнули, когда адмиралъ уѣхалъ.

— Ну, и пила этотъ адмиралъ! Тоже новые порядки заводитъ... А капитану-то какъ попало!..—говорили въ каютъ-компаніи сконфуженные мичмана.

— И подъ судъ попадетъ!..—замѣтилъ весело Скворцовъ.

— Это за Чижова-то? Дудки! И не такія претензіи бывали и—ничего себѣ... Сдѣлаютъ развѣ замѣчаніе—вотъ и всего!—проговорилъ ревизоръ.—И, наконецъ, у нашего капитана связи... А Тырковъ—педантъ и формалистъ... Это тоже всѣ знаютъ.

Къ вечеру половина офицеровъ уѣхала въ Аонны. А капитанъ долго сидѣлъ у себя въ каютѣ и писалъ въ Петербургъ письма, которыя, онъ надѣялся, парализуютъ сообщеніе адмирала.

Не обратятъ же въ самомъ дѣлѣ серьезнаго вниманія на то, что онъ выпоролъ мерзавца-матроса, не догадавшись прежде перевести его въ разрядъ штрафованныхъ.

— Шалишь, адмиралъ. Какъ бы тебя самого не убрали!—злобно прошепталъ капитанъ...

XVII.

Въ это воскресенье, за день до ухода эскадры изъ Кронштадта въ Транзундъ, Иванъ Ивановичъ уѣхалъ къ себѣ на корабль въ первомъ часу, тотчасъ послѣ завтрака, хотя раньше и предполагалъ, по случаю воскресенья, провести весь день на дачѣ. Но ему казалось, что его присутствіе должно стѣснять Ниночку и что ей лучше въ такія минуты оставаться одной. Всѣ эти дни бѣдный Иванъ Ивановичъ находился въ тревожномъ и угнетенномъ состояніи, болѣя душой за любимое существо и тщательно скрывая свою тревогу. Онъ, разумѣется, и вида не подавалъ, что знаетъ объ ея любви къ Скворцову и знаетъ, зачѣмъ ей вчера понадобилось съѣздить въ Петербургъ. Все это время онъ съ особенной бережностью относился къ женѣ и говорилъ съ ней съ той осторожной, даже боязливой ласковостью, съ какой говорятъ съ дорогими больными, которыхъ боятся раздражить какимъ-нибудь неумѣстнымъ словомъ. И только незамѣтно, украдкой взглядывалъ на жену своими добрыми и грустными маленькими глазками.

Но въ присутствіи мужа Нина Марковна была, казалось, спокойна. Ничто не выдавало ея горя. Попрежнему она привѣтливо улыбалась мужу и даже разъ чему-то засмѣялась. Только глаза ея какъ будто были красны и нѣсколько ввалились, что придавало ея хорошенькому личику видъ томности.

«Бѣдняжка! Она притворяется спокойной, чтобы не выдать себя. Ей не хочется огорчить меня. Скрывать горе

еще тяжелѣй!»—думалъ старикъ и рѣшилъ, что лучше ему уѣхать, оставивъ ее одну.

«По крайней мѣрѣ, вволю наплачется, голубушка!»

И за завтракомъ, любуясь своей хорошенькой Ниночкой («Вотъ-то безумецъ Скворцовъ!»), онъ объявилъ ей, что долженъ ѣхать на эскадру.

— Зачѣмъ? Ты вѣдь хотѣлъ остаться до вечера!—проговорила Нина Марковна.

— То-то забылъ, Ниночка, что дѣло есть... Совсѣмъ забылъ, родная. Ужъ ты извини. Очень хотѣлось бы мнѣ побыть съ тобой, а нельзя.

— Когда же ты пріѣдешь?

— Завтра вечеромъ въ послѣдній разъ передъ уходомъ. Во вторникъ мы снимемся съ якоря и идемъ въ Транзундъ.

— Такъ скоро? И я не увижу тебя цѣлыхъ два мѣсяца?—проронила адмиральша грустнымъ голосомъ, даря адмирала нѣжнымъ взглядомъ.

— Что дѣлать, Ниночка!—проговорилъ адмиралъ и, глубоко вздохнувъ, смущенно отвелъ свои глаза, точно боясь выдать свою скорбь и признаться, какъ тяжела будетъ для него эта двухмѣсячная разлука.

Ѣлъ Иванъ Ивановичъ сегодня безъ обычнаго своего аппетита и видъ имѣлъ какой-то разстроенный и смущенный. Нина Марковна это замѣтила и спросила:

— Ты ничего не ѣшь? Не нравится ростбифъ? Не хороша цвѣтная капуста?

— И ростбифъ отличный, и цвѣтная капуста превосходная, Ниночка...

— Такъ кушай...

— Что-то не хочется...

Нина Марковна остановила взглядъ на мужѣ. Глаза ея быстро и холодно оглядѣли это некрасивое, красное, широкое лицо, эту толстую, короткую, въ складкахъ шею, эту тучную фигуру, точно съ трудомъ дышавшую, эти короткіе, крупные, покрытые волосами пальцы, и она вспомнила о своемъ красавцѣ Никѣ. Ей казалось, что несчастнѣе ея женщины нѣтъ въ мірѣ. И внезапно въ головѣ ея пронеслась дикая, испугавшая ее мысль, заставившая ее вздрогнуть, точно отъ холода.

Она подумала: «Если бы умеръ Иванъ Ивановичъ (при его тучности легко умереть отъ удара), она вышла бы замужъ за Нику и была бы счастлива, а теперь»...

Но въ слѣдующее же мгновеніе молодая женщина ужаснулась этой мысли. Желать смерти, и кому? Доброму, безгранично любящему «Ванечкѣ», который балуетъ и лелѣетъ ее и всегда такъ ласковъ, деликатенъ и довѣрчивъ? Господи! Какія ужасныя мысли могутъ приходить въ голову!

Охваченная чувствомъ стыда, раскаянія и жалости, она съ особенною нѣжною заботливостью спросила мужа:

— Ты, вѣрно, нездоровъ, Ванечка?

Маленькіе, заплывшіе глазки адмирала свѣтились выраженіемъ безконечной любви и нѣжности, когда онъ ихъ поднялъ на Нину Марковну и встрѣтилъ ея тревожный взглядъ.

«Жалѣетъ меня. Заботится о моемъ здоровьѣ вмѣсто того, чтобы ненавидѣть. Добрая, голубушка!»—благодарно подумалъ умилившійся старикъ и, стараясь казаться покойнымъ, промолвилъ:

— Я здоровъ, Ниночка. Совсѣмъ здоровъ, родная,—что мнѣ дѣлается! Ты только не захворай на дачѣ...

И Иванъ Ивановичъ, уже нѣсколько дней занятый мыслями о томъ, какъ бы разсѣять свою Ниночку, чтобы смягчить остроту горя перваго времени разлуки съ любимымъ человѣкомъ, и рѣшившій, что лучше всего ей куда-нибудь уѣхать,—издалека повелъ рѣчь о подлѣйшемъ петербургскомъ лѣтѣ («Сегодня вотъ жарко, а завтра собачій холодъ!») и объ этихъ «легкомысленныхъ» дачахъ, въ которыхъ легко схватить ревматизмъ, и послѣ долгаго предисловія, наконецъ, сказалъ:

— Знаешь ли, Ниночка, что я придумалъ?

— Что?—спросила Нина Марковна, не понимавшая, къ чему это Ванечка разразился противъ петербургскаго лѣта и дачъ.

— Не хочешь ли куда-нибудь прокатиться, а?

— Куда прокатиться?— воскликнула адмиральша, удивленная этимъ неожиданнымъ предложеніемъ.

— Мало ли мѣстъ, гдѣ лѣто хорошее. Куда хочешь, Ниночка... Въ Крымъ или на Кавказъ, а то къ сестрѣ въ Малороссію.

— Съ чего это тебѣ пришло въ голову меня посылать?—спросила, пожимая плечами, Нина Марковна.

— Да такъ, пришло въ голову, и шабашъ! съ обычнымъ своимъ простодушіемъ отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.—Здѣсь развѣ лѣто?.. Такъ, дрянь какая-то... И, наконецъ, ты, пожалуй, одна соскучишься...

— Отчего ты думаешь, что я непремѣнно должна скучать?—съ пытливой настойчивостью и скрытой тревогой допрашивала адмиральша и пристально посмотрѣла въ глаза мужа.

Но Иванъ Ивановичъ храбро выдержалъ взглядъ и, усмѣхнувшись, замѣтилъ:

— Отчего люди скучаютъ?.. Ты одна, никого близкихъ... Я въ морѣ... Здѣсь однообразіе... И вообще.

Онъ не зналъ, что̀ дальше сказать, и прибавилъ:

— И вообще путешествіе вещь пріятная, Ниночка... Не правда ли?

— Не спорю, что пріятная, но развѣ не безуміе бросать дачу, за которую заплачено четыреста рублей, и тратить деньги на поѣздку?.. Положимъ, безъ тебя мнѣ будетъ скучнѣе, но не въ первый же разъ мы разстаемся.

И адмиральша, поблагодаривъ мужа за предложеніе, рѣшительно отказалась, по крайней мѣрѣ теперь, куда-нибудь ѣхать. Она совершенно здорова и постарается не скучать безъ Ванечки. Она пріѣдетъ на нѣсколько дней повидаться съ нимъ въ Ревель, когда туда придетъ эскадра. Вѣдь онъ дастъ ей телеграмму? И въ Транзундъ пріѣдетъ разъ, если можно. И почему ему кажется, что дача сырая? Дача отличная. Не первый же годъ они живутъ на этой дачѣ. И знакомые здѣсь есть: мадамъ Свербицкая, баронесса Курцъ... Она будетъ купаться, гулять, читать, варить варенье.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, объясни мнѣ, Ванечка, отчего это ты вдругъ вообразилъ, что я непремѣнно должна скучать здѣсь и что мнѣ надо куда-нибудь ѣхать?.. Это любопытно!—прибавила Нина Марковна съ какимъ-то нервнымъ ненатуральнымъ смѣхомъ.

Съ языка ея готовъ былъ сорваться вызывающій вопросъ:

— Ужъ не думаешь ли ты, что отъѣздъ Скворцова меня такъ огорчилъ?

И вслѣдъ затѣмъ она расхохоталась въ глаза Ванечкѣ. Какъ онъ могъ предположить такой вздоръ. Она была дружна со Скворцовымъ, но чтобы...

Что-то однако удержало адмиральшу отъ этой комедіи.

А Иванъ Ивановичъ уже испугался, что, пожалуй, раздражилъ «бѣдную Ниночку», и виновато проговорилъ, пощипывая свою бороду.

— А ты не сердись, Ниночка. Ну, пришла, знаешь ли,

глупая идея, что ты и захвораешь, и соскучишься, я и того... сказалъ тебѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ тебѣ ѣхать въ Крымъ или на Кавказъ... Признаться, я радъ, что ты не поѣдешь. По крайней мѣрѣ, увижу тебя лѣтомъ... Надѣюсь, хоть изрѣдка и вѣсточки о себѣ будешь давать...

— Еще бы, я буду тебѣ писать разъ въ недѣлю аккуратно.

— Вотъ и отлично!

— А если надоѣстъ быть одной, я приглашу къ себѣ погостить Ваву.

— Вмѣстѣ и на эскадру соберитесь. А ужъ какъ мы васъ встрѣтимъ, двухъ красавицъ!—шутилъ адмиралъ.

Эта «Вава» была кузина адмиральши, цвѣтущая, полная, миловидная и кокетливая вдовушка лѣтъ тридцати, съ которой Нина Марковна была прежде очень дружна и часто съ ней видѣлась. Но въ послѣднее время между ними пробѣжала кошка. Адмиральша ревновала къ ней Нику и перестала звать ее къ себѣ.

— Однако, пора! — проговорилъ адмиралъ, поднимаясь изъ-за стола и взглядывая на часы.

Пришли доложить, что лошадь готова.

— Ну, прощай, Ниночка.

И адмиралъ почтительно и нѣжно поцѣловалъ женину ручку, потомъ, по обыкновенію, перекрестилъ жену три раза и уѣхалъ, хотя ему такъ хотѣлось провести день около Ниночки.

Адмиральша тотчасъ же ушла въ кабинетъ и стала писать Скворцову.

Это первое, послѣ разлуки, письмо на нѣсколькихъ листкахъ изящной почтовой бумаги, отъ которой шелъ тонкій запахъ духовъ, написанное порывисто и страстно за одинъ присѣстъ, съ многочисленными восклицательными знаками и орѳографическими ошибками, говорило въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ о любви, о тоскѣ, о первой безсонной ночи (хотя адмиральша и спала эту ночь), во время которой дорогой образъ Ники не покидалъ ее ни на минуту. Можетъ ли онъ любить ее такъ сильно и цѣнитъ ли онъ ея любовь? Она вспоминала послѣднее ихъ свиданіе наединѣ, заочно цѣловала его «милые глаза» и опять спрашивала, любитъ ли онъ свою Нину. «О, Ника, не забывай, что я для тебя всѣмъ пожертвовала и въ первую минуту отчаянія готова была умереть»,—писала, между

прочимъ, Нина Марковна, почти увѣренная въ эту минуту, что валерьянъ могъ лишить ее жизни. Письмо было смочено слезами.

Окончивъ свое посланіе, Нина Марковна вложила его въ красивый изъ толстой бумаги конвертъ и задумалась, печально склонивъ свою хорошенькую головку.

Она думала о своемъ положеніи, о Никѣ, о Ванечкѣ. Цѣлый годъ одиночества и тоски. Цѣлый длинный годъ не видать милаго Ники и скрывать свою тоску, ради мужа. Трагическое положеніе! И ей казалось, что судьба къ ней безжалостна и что она безконечно несчастна. Она жалѣла себя, воображая, что она героиня-страдалица, жертвующая собой ради долга, и слезы снова текли по ея щекамъ.

Изъ открытаго окна вѣяло ароматомъ цвѣтовъ на террасѣ.

Кругомъ была тишина. «Какъ бы счастливо провели они лѣто съ Никой вдвоемъ!»

И въ воображеніи Нины Марковны проносились воспоминанія о недавнемъ счастіи, объ этихъ свиданіяхъ, объ этихъ безумныхъ, горячихъ ласкахъ красавца Ники. И глаза ея загорались блескомъ, и пышныя губы полураскрывались, точно для поцѣлуя...

Нѣтъ, она не можетъ жить безъ Ники!..

Въ головѣ ея блеснула радостная мысль, и на лицѣ появилась улыбка... Она воспользуется предложеніемъ Ванечки, конечно, не теперь—это было бы совсѣмъ неприлично—а осенью или зимой... Она поѣдетъ за границу. То-то обрадуется Ника, если она неожиданно, сюрпризомъ, пріѣдетъ въ Ниццу и вызоветъ его телеграммой... А, можетъ-быть, ихъ крейсеръ будетъ гдѣ-нибудь долго стоять, она поселится вблизи, и они будутъ часто видѣться...

Адмиральша замечталась объ этомъ... Она не напишетъ ни слова о своемъ намѣреніи Никѣ... ни за что. Пусть радость его будетъ неожиданная.

Повеселѣвшая, она сама пошла бросить письмо въ ящикъ и, вернувшись, усѣлась на террасѣ съ романомъ Поля Бурже въ рукахъ.

— Лейтенантъ Неглинный!— доложилъ вѣстовой изъ матросовъ Егоръ, одѣтый въ черную пару.

— Просите сюда, — сказала адмиральша, оправляя прическу.

XVIII.

Осторожно ступая своими длинными неуклюжими ногами и щуря близорукіе голубые глаза, Неглинный, обѣщавшій другу навѣщать адмиральшу, нерѣшительно и робко вошелъ на террасу и, отвѣшивая низкіе поклоны, приблизился къ адмиральшѣ.

Нина Марковна знала, что этотъ «милый и смѣшной бука», какъ она шутя прозвала Неглиннаго, былъ преданнымъ другомъ Ники, и, вѣроятно, вслѣдствіе того, тотчасъ же приняла сдержанно-грустный и томный видъ женщины съ затаеннымъ горемъ на душѣ, которое она должна скрывать отъ людей... Пусть Ника и отъ друга узнаетъ, какъ она горюетъ.

Слегка кокетничая своимъ положеніемъ страдалицы, она съ кроткой, привѣтливой и въ то же время полугрустной улыбкой, которая очень шла къ ней, промолвила тихимъ, ласковымъ голосомъ:

— Очень рада, что задумали навѣстить отшельницу. Это по-христіански. Спасибо вамъ, Василій Николаевичъ.

И, отложивъ въ сторону маленькій желтый томикъ французскаго романа, дружески протянула руку, значительно обнаженную изъ-подъ короткаго полупрозрачнаго рукава.

Неглинный, въ качествѣ большой «фефелы», былъ тронутъ и умиленъ видомъ этой «тихой скорби», воплощенной въ образѣ очаровательной женщины, которую онъ прежде видѣлъ всегда живой, бойкой и веселой.

«Бѣдная! Какъ она измѣнилась!»

И словно бы боясь сдѣлать больно этой маленькой, нѣжной, холеной ручкѣ, блестѣвшей кольцами, онъ какъ-то особенно бережно и почтительно пожалъ ее въ отвѣтъ на крѣпкое, по-англійски, пожатіе адмиральши и, смущенно и сердито отводя взглядъ, нечаянно скользнувшій по роскошному бюсту, словно облитому тонкой свѣтлой тканью лифа съ большимъ вырѣзомъ у ослѣпительно-бѣлой шеи,—торопливо и взволнованно проговорилъ, краснѣя до корней своихъ рыжихъ волосъ:

— Я давно собирался къ вамъ, Нина Марковна, чтобы засвидѣтельствовать вамъ и Ивану Ивановичу свое глубочайшее почтеніе... («Ука, какъ длинно и глупо!» пронеслось у него въ головѣ)... Еще до отъѣзда вашего на дачу, я, собственно говоря, имѣлъ это намѣреніе, но, къ

сожалѣнію, экзамены помѣшали... Я лишь на-дняхъ окончилъ послѣдній экзаменъ изъ астрономіи...

«О, дуракъ! Какое ей дѣло до моихъ экзаменовъ!» — опять подумалъ Неглинный и, въ отвагѣ отчаянія, немилосердно теребя свою фуражку, оборвалъ свою рѣчь вопросомъ:

— Какъ здоровье Ивана Ивановича?

— Ванечка здоровъ. Онъ только-что уѣхалъ на свой корабль и обѣщалъ завтра пріѣхать проститься...

— Завтра?—почему-то счелъ долгомъ переспросить Неглинный.

— Да. Послѣзавтра эскадра уходитъ, и я останусь одна, совершенно одна... Впрочемъ, мнѣ не привыкать къ одиночеству,—какъ бы мимоходомъ, вставила адмиральша.— А съ вашей стороны очень мило, что вы, наконецъ, собрались... Очень мило... Садитесь, Василій Николаевичъ, снимайте свой кортикъ и кладите фуражку... Вѣдь вы, конечно, обѣдаете со мной? Надѣюсь?—прибавила привѣтливо Нина Марковна.

Застѣнчивый вообще съ женщинами и въ особенности съ тѣми, которыя ему нравились, Неглинный обрадовался приглашенію и въ то же время малодушно трусилъ возможности остаться вдвоемъ съ Ниной Марковной. А какъ ему хотѣлось побыть подольше около этой «страдалицы» и хоть своимъ присутствіемъ нѣсколько отвлечь ее отъ тяжелыхъ думъ («Какой, однако, болванъ и бездушный эгоистъ Скворцовъ!»). Но развѣ онъ способенъ на это, дубина? О чемъ онъ будетъ говорить съ ней въ теченіе нѣсколькихъ часовъ? Нельзя же сидѣть въ гостяхъ, какъ пень, и хлопать глазами. Онъ только наведетъ на нее скуку, если останется! Еще если бы былъ дома адмиралъ, ну тогда...

И, проклиная въ душѣ свою «подлую» застѣнчивость, онъ проговорилъ:

— Я несказанно благодаренъ за ваше любезное предложеніе, Нина Марковна, но дѣло въ томъ, что я, видите ли, разсчитывалъ...

— И не думайте отказываться,—перебила адмиральша, замѣтившая колебаніе своего гостя и знавшая его застѣнчивость.—Развѣ пріѣзжаютъ на дачу на четверть часа? Давайте-ка мнѣ вашу фуражку и кортикъ.

Застѣнчиво и покорно, стараясь скрыть радостное волненіе, Неглинный подалъ фуражку и кортикъ вмѣсто

того, чтобы самому положить ихъ. Онъ спохватился о своей неловкости, когда уже адмиральша положила вещи на столъ, и порывисто опустился на кресло противъ Нины Марковны.

— Теперь вы у меня въ плѣну, Василій Николаевичъ... Послѣ обѣда мы пойдемъ гулять, а затѣмъ я васъ отпущу, если ужъ вы очень соскучитесь. Видите, какая я эгоистка съ добрыми знакомыми!—прибавила адмиральша съ очаровательной улыбкой, открывавшей рядъ мелкихъ жемчужныхъ зубовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, пять было вставныхъ.

«Обработка» Неглинаго уже началась, помимо желанія молодой женщины. Подавленный ея ласковымъ пріемомъ, полный восторженнаго сочувствія къ ея положенію и восхищенный ея красотой, напомнившей ему вдругъ неземную красоту «мадонны»,—молодой, долговязый блондинъ рѣшительно не зналъ, что ему отвѣтить, и только благодарно и глупо улыбался и лицомъ, и глазами, и неистово крутилъ свой рыжій вихоръ тонкими длинными пальцами, точно въ немъ онъ хотѣлъ найти даръ слова.

Въ его мягкой и нѣжной душѣ внезапно исчезло то чувство грустнаго разочарованія и снисходительной жалости, которое заочно питалъ онъ къ адмиральшѣ, узнавъ объ ея связи со Скворцовымъ, какъ къ женщинѣ, оскорбившей его идеальныя вѣрованія въ ея чистоту и добродѣтель. И онъ, напротивъ, считалъ себя теперь безмѣрно виноватымъ за то, что осмѣлился обвинять ее такъ поспѣшно, не взвѣсивши всѣхъ обстоятельствъ («а еще математикъ»), и проникся къ адмиральшѣ восторженно-благоговѣйнымъ чувствомъ, окружившимъ ея маленькую, изящную и подавленную горемъ фигурку ореоломъ незаслуженнаго несчастія и безвиннаго страданія. Бѣдная страдалица! Какая драма въ ея сердцѣ, навѣки разбитомъ! Она и не знаетъ, что Скворцовъ ее не любитъ... болванъ этакій!

Не могла же она, молодая, цвѣтущая и прекрасная, любить своего мужа, этого добраго, симпатичнаго Ивана Ивановича, невольно погубившаго ея жизнь. Онъ слишкомъ старъ, и любовь къ нему невозможна... противна природѣ. Чѣмъ же виновата она, что полюбила Скворцова, и какъ еще полюбила... Но сколько перенесла она мукъ изъ-за этого и какъ должна страдать, бѣдная!

— А я вотъ читала «Les Mensonges» Поля Бурже,— продолжала Нина Марковна, указывая на книгу крошеч-

нымъ мизинцемъ, на которомъ сверкалъ небольшой бриллиантъ,—подарокъ Скворцова.—Вы знаете эту вещь, Василій Николаичъ?

— Читалъ.

— Въ переводѣ?—полюбопытствовала адмиральша, почему-то предполагая, вѣроятно, по скромному виду Неглинаго, что онъ не долженъ знать иностранныхъ языковъ.

— Въ подлинникѣ,—отвѣчалъ, краснѣя, молодой академистъ, основательно знавшій три иностранные языка.

— И что же?.. Нравится вамъ романъ?

— Нѣтъ, не нравится,—рѣшительно проговорилъ Неглинный.—И вообще я не люблю Бурже!—прибавилъ онъ.

— Не любите? Почему же?—удивленно поднимая на молодого человѣка глаза, спросила Нина Марковна.

Она сама была большая поклонница этого писателя и нерѣдко въ героиняхъ его романовъ видѣла себя.

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, Неглинный, по обыкновенію, на нѣсколько мгновеній задумался.

Его худощавое, застѣнчиво закраснѣвшееся, въ веснушкахъ лицо, далеко не красивое, но необыкновенно располагающее своимъ открытымъ видомъ, опушенное кудрявой рыжеватой бородкой, съ высокимъ, большимъ лбомъ, нѣсколько великоватымъ носомъ и добродушными, крупными и сочными губами, полуприкрытыми маленькими усами,—тотчасъ же сдѣлалось серьезно и строго. И только голубые глаза его, умные и вдумчивые, свѣтились выраженіемъ чего-то необыкновенно кроткаго, чистаго, почти дѣтскаго.

— Мнѣ кажется,—заговорилъ онъ:—авторъ слишкомъ односторонен и клевещетъ на женщинъ, представляя ихъ несравненно испорченнѣе и лживѣе, чѣмъ онѣ есть... Вотъ хоть бы эта героиня. Развѣ возможна такая женщина, которая обманываетъ сразу трехъ и принадлежитъ всѣмъ тремъ? Нѣтъ, это невозможно! Это слишкомъ безнравственно!—воскликнулъ Неглинный, оживляясь.

Его застѣнчивость почти исчезла, когда онъ заговорилъ объ отвлеченномъ предметѣ. Какъ всѣ цѣломудренные молодые люди, неиспорченные слишкомъ близкимъ знакомствомъ съ женщинами, идеализировавшій ихъ, онъ продолжалъ восторженно и не безъ краснорѣчія свою защиту, не догадываясь, конечно, что этотъ дифирамбъ былъ суровымъ обвинительнымъ актомъ противъ этой самой, вдох-

повлявшей его, прелестной «мадонны»-адмиральши, которая за время своего пятнадцатилѣтняго супружества съ Иваномъ Ивановичемъ сама бывала въ затруднительномъ положеніи героинь Бурже. И если адмиральша, какъ героиня французскаго романиста, и не принадлежала одновременно троимъ, то двоимъ — во всякомъ случаѣ при чемъ обманывала и мужа, и любовника. Одинъ только Скворцовъ имѣлъ счастье безраздѣльно пользоваться ея любовью.

Адмиральша, любившая не только «жертвовать всѣмъ» ради чувства, но и вести теоретическіе разговоры о чувствахъ, особенно съ молодыми людьми, слушала Неглинаго съ снисходительной улыбкой, какъ слушаютъ наивный ребячій лепетъ, и когда онъ окончилъ и вдругъ притихъ на своемъ креслѣ, словно чувствуя себя виноватымъ, что много говорилъ,—Нина Марковна покачала головой и медленно промолвила:

— Какъ посмотрю я, совсѣмъ еще вы юнецъ, Василій Николаичъ, и вовсе не знаете женскаго сердца... Вѣрно, вы рѣдко бываете среди дамъ?

Неглинный смутился.

— Это вѣрно... Я рѣдко бываю... некогда какъ-то и вообще я не умѣю съ ними разговаривать, но все-таки тѣ женщины, которыхъ я имѣю честь знать...

— Ангелы?—смѣясь, перебила его Нина Марковна.

— Заслуживаютъ глубочайшаго уваженія! серьезно и восторженно докончилъ Неглинный и снова покраснѣлъ, опуская глаза.

«Однако, онъ совсѣмъ забавный, этотъ застѣнчивый, добрый бука! Вѣрно, влюбленъ въ какую-нибудь юную барышню и считаетъ ее неземнымъ созданіемъ!»—рѣшила адмиральша и не безъ любопытства взглянула на «забавнаго» молодого человѣка.

— Вы черезчуръ идеализируете насъ, милый Василій Николаичъ,—заговорила она ласковымъ тономъ старшей сестры, дающей наставленіе:—и это очень невыгодно и для женщинъ, и для васъ...

Неглинный серьезно и вопросительно взглянулъ на адмиральшу, какъ взглядывалъ, бывало, на профессора, когда какое-нибудь положеніе казалось ему непонятнымъ, и снова торопливо и смущенно отвелъ въ сторону взглядъ, любопытно остановившійся на нѣсколько мгновеній на этотъ разъ на красивой обнаженной рукѣ молодой жен-

щины, и мысленно обругалъ себя за это «святотатство» скотомъ. Еще слава Богу, что она не замѣтила!

— Хоть вы и очень милый и добрый человѣкъ, — я вѣдь кое-что слышала о васъ отъ вашего друга, Николая Алексѣича! — но, благодаря своему идеальному представленію о женщинахъ, навѣрно, безпощадно осудите ту изъ нихъ, въ которой разочаруетесь... а это такъ легко!.. Вы не простите ей ошибки, слабости, увлеченія... И будете несправедливы, какъ и большая часть мужчинъ... А вѣдь женщину такъ легко осудить!!— прибавила адмиральша и вздохнула.

«Господи! Неужели она догадывается, что я знаю объ ея отношеніяхъ къ Скворцову, и думаетъ, что я могу ее осудить!»

Эта внезапно блеснувшая мысль повергла Неглиннаго въ ужасъ и отчаяніе.

А вѣдь онъ дѣйствительно раньше осмѣлился осуждать ее!

«Ахъ, зачѣмъ я пустился въ теоретическія разсужденія, оселъ этакій!»—подумалъ онъ въ тоскѣ, не зная, какъ ему быть теперь. И, необыкновенно деликатный по натурѣ, Неглинный совсѣмъ упалъ духомъ.

А Нина Марковна, ничего не подозрѣвавшая и, разумѣется, не думавшая, что Ника кому-нибудь разскажетъ объ ихъ отношеніяхъ, между тѣмъ продолжала:

— Сердце женщины очень сложный инструментъ, милый Василій Николаичъ, и съ нимъ надо обращаться бережно... очень бережно... Вы вотъ сказали: «неужели бываютъ такія лживыя и безнравственныя женщины, какъ героиня романа Бурже?..» Разумѣется, бываютъ... Я, конечно, не защищаю ее... Она несимпатична, она не возбуждаетъ даже сожалѣнія, эта бездушная эгоистка... Но случается, что и порядочная, честная женщина бываетъ поставлена въ такое положеніе, что ей приходится обманывать, какъ это ни тяжело. И какой страдальческій крестъ несетъ она за это... А вы, мужчины, не понимая женщины, готовы бросить въ нее камнемъ...

Неглинный горячо протестовалъ.

Развѣ онъ говорилъ про такихъ женщинъ? О, онъ, хоть и мало знаетъ ихъ, но въ состояніи понять, что жизнь создаетъ трагическія положенія, когда самой чистой, нравственно-прекрасной женщинѣ приходится таить что-нибудь на сердцѣ. Осудить подобную женщину-страдалицу—святотатство.

— Ужели вы считаете меня способнымъ на такую... такую низость, Нина Марковна?

Всю эту тираду, и особенно заключительныя слова, Неглинный произнесъ такимъ восторженно-горячимъ тономъ, съ такой искренностью и чуть не со слезами на глазахъ, что Нина Марковна съ изумленіемъ взглянула на взволнованнаго молодого человѣка и поспѣшила его успокоить.

— Отчего вы такъ волнуетесь? Я вѣрю вамъ, вполнѣ вѣрю,—ласково промолвила она и замѣтила, что Неглинный просіялъ.

— Такіе люди, какъ вы, нынче рѣдкость... Вы слишкомъ большой идеалистъ и за то васъ ждетъ много разочарованій... Что дѣлать! Въ юности и я была идеалистка, а съ годами стала недовѣрчивѣе къ людямъ. Да и многіе ли такъ относятся къ женщинѣ, какъ вы?.. Многіе ли ее понимаютъ? Да, милый Василій Николаичъ, вы правы, въ нашей жизни бываютъ трагическія положенія!—какъ-то загадочно протянула адмиральша и мечтательно-грустно задумалась, склонивъ чуть-чуть свою голову на руку.

Ей очень хотѣлось «высказаться» и дать яснѣе понять другу Ники, что и ея судьба трагична. Многія женщины вѣдь любятъ драпироваться въ тогу непонятой страдалицы, особенно когда разсчитываютъ встрѣтить горячее сочувствіе. А этотъ довѣрчивый и нѣсколько «смѣшной простофиля», по мнѣнію адмиральши, съ его идеализмомъ и застѣнчивостью, былъ такимъ благодарнымъ слушателемъ.

И, послѣ минутнаго молчанія, адмиральша, словно бы очнувшись, проговорила:

— Нашъ разговоръ напомнилъ мнѣ грустную исторію одной моей хорошей знакомой, даже, можно сказать, пріятельницы, и я о ней задумалась... Въ самомъ дѣлѣ, ея жизнь не изъ счастливыхъ... Судите сами, Василій Николаичъ. Моя пріятельница еще молода, ей тридцать лѣтъ, полна жизни, недурна собой...

«Прелестна!»—мысленно перебилъ адмиральшу Неглинный, догадавшійся, о комъ идетъ рѣчь.

— ...Вышла она замужъ совсѣмъ юной, не испытавши еще настоящаго чувства, за превосходнаго человѣка, котораго она уважала, но не любила... Этотъ бракъ par raison, конечно, былъ ошибкой съ ея стороны, но не она была въ ней виновата... я знаю... Она мнѣ разсказывала... Ну, а далѣе обыкновенная исторія... Черезъ нѣсколько лѣтъ

супружества, моя подруга впервые узнала настоящее чувство... Она боролась съ нимъ и не могла побороть его... Она полюбила другого безумно, горячо... Что ей было дѣлать?.. Сказать мужу, который боготворитъ ее, смотритъ ей въ глаза и живетъ ею? Разбить жизнь человѣка, котораго она уважаетъ и любитъ, какъ вѣрнаго и добраго друга? На это у нея нехватаетъ рѣшимости, ей жалко его... И, наконецъ, какое она имѣетъ право?

«О, какая святая женщина!»—снова пронеслось въ головѣ молодого человѣка, и онъ, умиленный, продолжалъ слушать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, взглядывая по временамъ на грустное лицо разсказчицы съ сочувственнымъ восторгомъ. Она сама, казалось, была растрогана чужой несчастной судьбой, и голосъ ея, тихій и нѣжный, звучалъ скорбными нотками.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что адмиральша, разсказывая эту повѣсть о своей «бѣдной подругѣ», нѣсколько отступила отъ дѣйствительности, вѣроятно для болѣе сильнаго художественнаго впечатлѣнія на такого «фефелу», какъ Неглинный.

Вмѣсто того, чтобы прибавить своей «подругѣ», какъ это обыкновенно водится, годикъ, другой, третій, она, напротивъ, великодушно сбавила ей цѣлыхъ пять лѣтъ, но за то, впрочемъ, скромно назвала ее «недурной», хотя считала очаровательной. Забыла она также перечислить въ хронологическомъ порядкѣ всѣ ея увлеченія и съ «пожертвованіемъ всѣмъ», и безъ пожертвованій, а только съ флиртомъ, которыя бывали до того времени, когда она «впервые» полюбила «другого». Кромѣ того, разсказчица значительно отступила отъ истины, приписавъ своей «подругѣ» и «тяжелую борьбу съ чувствомъ» и «страхъ» разбить жизнь «боготворившаго» ее человѣка. Въ дѣйствительности—и адмиральша это отлично знала—«подруга» безъ особенной борьбы обманывала довѣрчиваго мужа, пользуясь его частыми уходами въ море.

Впрочемъ, какая же повѣсть, да еще разсказанная женщиной тридцати пяти лѣтъ, съ пылкимъ темпераментомъ и только-что разставшейся съ любимымъ человѣкомъ,—бываетъ безъ художественныхъ красотъ!

И Нина Марковна, замѣтившая, что ея разсказъ производитъ на слушателя потрясающее впечатлѣніе, продолжала:

— И бѣдная моя подруга должна была скрывать свое

чувство, казаться веселой, когда грустно, играть комедію, когда на сердцѣ драма... Развѣ это не ужасно?

— Ужасно! — отвѣтилъ Неглинный съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ и такимъ подавленнымъ трагическимъ голосомъ, точно онъ самъ въ эту минуту переживалъ всѣ перипетіи этой драмы.

— Признаюсь, я не могла бы обвинить эту несчастную женщину, несмотря на то, что она и обманываетъ мужа... Она вѣдь сама страдаетъ, хотя въ обществѣ и носитъ маску... А вѣдь ее многіе обвиняютъ... Про нее Богъ знаетъ что̀ разсказываютъ, на нее клевещутъ...

— Какіе-нибудь негодяи!—энергично воскликнулъ Неглинный, готовый въ эту минуту, несмотря на свою кротость, задушить каждаго «мерзавца», который осмѣлился бы сказать что-нибудь дурное объ адмиральшѣ.

— Не негодяи, а такъ-называемые порядочные люди изъ общества и больше всего, разумѣется, дамы, которыхъ вы считаете такими ангелами, добрѣйшій Василій Николаичъ,—съ едва замѣтнымъ раздраженіемъ проговорила Нина Марковна.

— Но эта святая женщина, надѣюсь, не обращаетъ вниманія на эти гнусныя сплетни... Она выше этого?

— Еще бы! Слишкомъ было бы много чести для нихъ!— отвѣтила адмиральша съ высокомѣрной, презрительной усмѣшкой.—Сами осуждающія каковы!

Разговоръ о порядочныхъ женщинахъ, часто несущихъ страдальческій крестъ и кару несправедливаго осужденія, продолжался еще нѣсколько времени. Говорила больше адмиральша, а Неглинный подавалъ только сочувственныя реплики или дѣлалъ восторженныя восклицанія. Къ концу бесѣды онъ такъ былъ очарованъ адмиральшей, обладавшей способностью приноравливаться къ людямъ и тѣмъ легче нравиться имъ,—что пожалѣй она теперь хотя бы какую-нибудь страдалицу-«подругу», принужденную, по примѣру героини Бурже, любить и обманывать троихъ разомъ—Неглинный, при всей своей суровой добродѣтели, не имѣлъ бы силъ осудить ее.

За обѣдомъ адмиральша завела давно желанную рѣчь о Никѣ. Съ кѣмъ же и поговорить о немъ, какъ не съ другомъ, да еще такимъ преданнымъ!

Она очень просто и, нисколько не смущаясь, какъ ожидалъ ея собесѣдникъ, смутившійся невольно самъ, когда рѣчь зашла о Скворцовѣ,—замѣтила, что ей очень жаль,

что Николай Алексѣичъ такъ внезапно уѣхалъ. Онъ такъ часто бывалъ у нихъ и къ нему она и Ванечка такъ привыкли.

— Вѣдь вы, вѣроятно, знаете, что мы были большіе друзья съ вашимъ другомъ. Онъ такой славный и неиспорченный, этотъ милый Николай Алексѣичъ... И я, и Ванечка смотрѣли на него, какъ на родного, близкаго человѣка... Ванечка его очень любитъ,—почему-то нашла нужнымъ подчеркнуть адмиральша.—Что-жъ вы не пьете вина?

И адмиральша любезно сама налила, слегка нагнувшись къ Неглинному, краснаго вина въ маленькій стаканчикъ. Молодой человѣкъ совсѣмъ зардѣлся и отъ этого любезнаго вниманія и, главнымъ образомъ, отъ близкаго сосѣдства этого благоухающаго склонившагося бюста съ открытымъ вырѣзомъ, изъ-подъ котораго тихо колыхалась грудь. И онъ, никогда не пившій вина, съ какой-то отвагой смущенія выпилъ стаканъ залпомъ.

Адмиральша снова наполнила стаканъ.

— О, благодарю васъ... Не безпокойтесь,—пролепеталъ Неглинный, благоразумно не поднимая кверху глазъ и только благоговѣйно любуясь маленькой рукой.

— Это легкое вино... И я даже пью его цѣлую рюмку. — Вѣрно, и вамъ было жалко разстаться съ Николаемъ Алексѣичемъ!..

Онъ далеко не чувствовалъ теперь того сожалѣнія о другѣ, какое чувствовалъ еще сегодня утромъ, но счелъ долгомъ сказать, что «очень жалѣетъ».

— И мы съ Ванечкой жалѣемъ, что на время лишились добраго, милаго знакомаго. Цѣлый годъ его не увидимъ.

— Два года!—добросовѣстно поправилъ Неглинный...

— Какъ два года?—воскликнула адмиральша. — Николай Алексѣичъ говорилъ, что уходитъ на годъ...

«Ахъ, обманщикъ!»—подумалъ Неглинный и тотчасъ же поправился:

— Виноватъ... Два года будетъ плавать крейсеръ, а Скворцовъ посланъ, кажется, на годъ... Да, именно на годъ! — рѣшительно прибавилъ онъ, не желая выдавать друга, и снова залпомъ дернулъ стаканчикъ краснаго вина.

— Какъ ни жаль, а мы все-таки порадовались за Николая Алексѣича... Молодому офицеру надо плавать...

— Обязательно... Необходимо даже...

«Этакій болванъ... уйти отъ такой мадонны!» — добавилъ онъ мысленно...

— Самъ-то онъ, кажется, неохотно пошелъ въ плаваніе... Или ему хотѣлось? Какъ вы думаете, Василій Николаичъ?..

Застигнутый врасплохъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ адмиральши, Неглинный чуть-было не брякнулъ, что «Колинька» очень былъ радъ назначенію, но вò-время спохватился, ужаснувшись при мысли, какую бы нанесъ рану въ сердце «страдалицы», если-бъ сказалъ правду... Она вѣдь такъ любитъ эту неблагодарную и легкомысленную скотину!

И онъ торопливо сказалъ:

— Совсѣмъ не хотѣлъ... Проклиналъ, что его назначили...

— Но почему его вдругъ назначили?.. Кто-нибудь просилъ за него? — выспрашивала подозрительная адмиральша.

«Держи, братъ Неглинный, ухо востро!» — подбадривалъ себя молодой человѣкъ и отвѣтилъ:

— Кому же, собственно говоря, хлопотать за него, если онъ не хотѣлъ уходить... Скворцовъ говорилъ, что самъ морской министръ назначилъ...

Они еще долго разговаривали о Скворцовѣ. Адмиральша хвалила его умъ, доброту и почему-то особенно напирала на его неиспорченность и на его способность быть постояннымъ въ привязанности.

— Вотъ хоть бы ваша дружба. Сколько лѣтъ она продолжается!—прибавила, точно утѣшая себя, адмиральша...

«Чорта съ два постоянецъ... Шабала какая-то всегда былъ и будетъ! А она, бѣдняжка, вѣритъ!»

И, несмотря на зарождавшуюся уже ревнивую непріязнь въ душѣ Неглиннаго, онъ самоотверженно расхваливалъ своего друга и даже гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало.

Но зато адмиральша такъ ласково на него глядѣла и промолвила задушевнымъ тономъ, вставая изъ-за стола:

— Какая рѣдкость такая дружба. Какъ вы его любите! Надѣюсь, что и мы съ вами будемъ пріятелями!— прибавила она съ дружеской простотой и протянула ему руку.

Неглинный снова бережно и почтительно дотронулся до маленькой ручки, не догадавшись поцѣловать ее, и адмиральша какъ будто бы изумилась, бросивъ на молодого человѣка нѣсколько удивленный взглядъ.

— Ну, теперь пойдемъ гулять! Я сейчасъ приду.

Она черезъ минуту вернулась въ какой-то необыкновенно красивой, обшитой кружевами шляпѣ, въ изящной жакеткѣ, въ желтыхъ перчаткахъ.

Они вышли за калитку сада и направились въ рощу.

— Давайте-ка вашу руку, Василій Николаичъ.

Неглинный неловко и застѣнчиво подалъ руку, счастливый, что адмиральша предложила ему быть ея пріятелемъ (смѣлъ ли онъ ожидать такой чести!), и все время держалъ свою руку неподвижно въ сторону и какъ-то напряженно, боясь какимъ-нибудь неловкимъ движеніемъ коснуться адмиральши. Но скоро онъ почувствовалъ близость ея тѣла, ароматъ духовъ, съ ужасомъ замѣтилъ, что рука его, во время поворотовъ лица адмиральши, касается ея груди, и замеръ отъ стыда, смущенія и страха. Наконецъ, его положеніе сдѣлалось настолько мучительнымъ, ему было такъ совѣстно, и рука его такъ задеревенѣла, что онъ, наконецъ, прошепталъ умоляющимъ голосомъ, отнимая свою руку:

— Простите, я совсѣмъ не умѣю водить дамъ подъ руку. У меня рука... заболѣла,—прибавилъ онъ, краснѣя, какъ ракъ.

Адмиральша едва замѣтно усмѣхнулась и сказала:

— И видно, что вы совсѣмъ не дамскій кавалеръ, Василій Николаичъ.

— Вы меня простите... Я... я, собственно говоря...

— Къ чему вы извиняетесь?.. Я вѣдь такъ... шучу... Мнѣ Николай Алексѣичъ про васъ разсказывалъ, какъ вы боитесь дамъ... Это правда?

— Правда...

— И хорошо дѣлаете,—протянула Нина Марковна и задумалась.

Гуляли они недолго. Неглинный остался пить чай и засидѣлся до десяти часовъ. Онъ долго и много философствовалъ, желая занять адмиральшу, говорилъ о наукѣ, о своихъ занятіяхъ, о жизни вообще и неожиданно сорвался съ мѣста, взглянувъ на часы, и сталъ прощаться.

— Надѣюсь, что не въ послѣдній разъ вы навѣщаете отшельницу, Василій Николаичъ? Пріѣзжайте и поскорѣй—поболтаемъ, какъ сегодня!.. Будете писать Николаю Алексѣичу, кланяйтесь ему отъ меня... Спасибо вамъ, что навѣстили и развлекли въ моемъ одиночествѣ!—говорила адмиральша, крѣпко пожимая Неглинному руку.

Неглинный только молча кланялся, окончательно «втюрившійся».

Возвратившись въ свою крошечную комнату на Офицерской, онъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ въ мечтательно-восторженномъ состояніи, съ просвѣтленнымъ лицомъ и сіяющими, точно устремленными внутрь глазами. Ночь онъ почти не спалъ и просидѣлъ у открытаго окна. Душу его охватила какая-то безотчетная, тихая, пріятно ласкающая нервы грусть, и образъ маленькой, необыкновенно изящной адмиральши въ свѣтломъ платьѣ, съ задумчивымъ печальнымъ взоромъ, съ полуобнаженными красивыми руками и открытой, словно выточенной шеей, стоялъ передъ нимъ въ лучезарномъ свѣтѣ, наполняя все существо молодого человѣка благоговѣйнымъ восторгомъ.

XIX.

Послѣ перваго посѣщенія Неглинным адмиральши, образъ ея не выходилъ уже изъ головы молодого человѣка. Онъ думалъ объ адмиральшѣ по цѣлымъ днямъ, грезилъ по ночамъ, пробовалъ даже писать стихи, но дальше второй строчки не дошелъ, и мечталъ о томъ, какъ бы сдѣлать адмиральшу веселой и счастливой, вознаградивъ ее за всѣ пережитыя ею страданія, при чемъ, разумѣется, съ самоотверженнымъ безкорыстіемъ устранялъ свою особу изъ этихъ комбинацій счастія, предоставляя себѣ только радоваться со стороны вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, который долженъ же понять, что онъ лишній, и явить великодушіе, отказавшись отъ своихъ правъ въ пользу другого.

Неглиннаго неудержимо тянуло туда, въ Ораніенбаумъ, на эту милую дачку, утонувшую въ саду, гдѣ одиноко и терпѣливо страдала эта «святая» женщина; но, несмотря на ея приглашеніе навѣщать ее, онъ все-таки не рѣшался ѣхать. Она, быть-можетъ, просто изъ любезности пригласила его, такого неинтереснаго для нея «застѣнчиваго болвана», а онъ и обрадовался и явился, какъ какой-нибудь нахалъ. Нечего сказать, хорошее она составитъ о немъ мнѣніе.

Ему и хотѣлось скорѣй увидать свою «мадонну», услыхать ея мягкій и чарующій голосъ, и въ то же время становилось жутко при мысли, что онъ вдругъ такъ, ни съ того, ни съ сего, явится и вдругъ увидитъ ея вопросительный взглядъ: чего, дескать, ты пріѣхалъ?

Онъ крѣпился цѣлую недѣлю и, наконецъ, не выдержалъ.

— Будь, что будетъ—ѣду!—рѣшительно произнесъ онъ вслухъ и сталъ одѣваться.

Одѣвался онъ сегодня съ особенной тщательностью и безъ обычной своей разсѣянности. Онъ тщетно старался пригладить непокорный рыжій вихоръ, повязалъ новый галстукъ и, окончивъ туалетъ, съ грустной задумчивостью поглядѣлъ въ зеркало на свое, какъ казалось ему, самое «безобразное» лицо на Божьемъ свѣтѣ.

— Эка, какой сапогъ!—обозвалъ онъ съ невольнымъ вздохомъ свою физіономію и, выйдя на улицу, взялъ извозчика и поѣхалъ на Балтійскій вокзалъ.

Съ замираніемъ сердца, точно въ чемъ-то виноватый и въ то же время безконечно счастливый, подъѣхалъ онъ къ дачѣ и вмѣсто двугривеннаго далъ извозчику цѣлый полтинникъ.

— Дома адмиральша?—робко спросилъ онъ вѣстового Егора, когда тотъ открылъ двери послѣ тихаго нерѣшительнаго звонка.

— Дома, пожалуйте, ваше благородіе!—весело и привѣтливо отвѣчалъ ему Егоръ, протягивая руки, чтобы снять пальто.

— Да, можетъ-быть, адмиральша занята? Я, братецъ, могу пріѣхать въ другой разъ.

— Нисколько не заняты... Какъ слѣдуетъ, одѣмшись, ваше благородіе.

— Или вообще не принимаетъ... Такъ вы доложили бы прежде.

— Не извольте сумлѣваться, ваше благородіе. Очень даже принимаютъ. Пожалуйте, ваше благородіе!—съ веселой ободряющей улыбкой, скаля свои бѣлые зубы, говорилъ молодой чернявый матросъ, взглядывая на робѣющаго лейтенанта не безъ нѣкотораго недоумѣнія.

И, снявши пальто, прибавилъ:

— Барыня на балконѣ... Извольте безъ опаски идти ваше благородіе. Васъ завсегда велѣно принимать.

«Эка робокъ! Не то что лейтенантъ Скворцовъ. Тотъ небось, молодчага; не робѣлъ съ адмиральшей. Ну, да и этого начисто отполируетъ адмиральша-то!»—прошепталъ усмѣхнувшись, молодой матросъ, оставшись одинъ.

Поздно вечеромъ возвращался Неглинный съ дачи и былъ безконечно счастливъ. Нина Марковна приняла его

очень радушно и любезно попеняла, что онъ не былъ цѣлую недѣлю. Какой чудный день провелъ онъ съ этой умной женщиной, и какъ онъ былъ доволенъ, что, кажется, нѣсколько развлекъ ее. По крайней мѣрѣ она раза два-три улыбнулась и была оживленнѣе, чѣмъ въ первое его посѣщеніе.

Совсѣмъ очарованный ласковымъ пріемомъ и милымъ, настойчивымъ напоминаніемъ «не забывать отшельницы» и пріѣзжать, когда вздумается «поскучать съ ней», Неглинный зачастилъ. Сперва онъ навѣщалъ адмиральшу два раза въ недѣлю, а затѣмъ бывалъ почти ежедневно и даже отложилъ предполагаемую поѣздку въ Смоленскую губ. къ роднымъ, чувствуя, что не въ силахъ добровольно отказаться отъ счастья видѣть адмиральшу.

По обычаю влюбленныхъ, вначалѣ онъ придумывалъ различные предлоги своихъ посѣщеній. То онъ привозилъ обѣщанную книгу, то пріѣзжалъ за книгой, то объяснялъ, что былъ у знакомыхъ въ Петергофѣ (хотя никакихъ знакомыхъ у него тамъ не было) и воспользовался близостью, чтобы позволить себѣ зайти на минутку—освѣдомиться о здоровьѣ Нины Марковны и спросить, не будетъ ли у нея какихъ-нибудь порученій въ Петербургѣ. Онъ съ удовольствіемъ исполнитъ ихъ... Не зайти ли къ портнихѣ... Не привезти ли новыя книги?

Адмиральша съ едва замѣтной улыбкой слушала эти порывистыя, произносимыя нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, объясненія молодого человѣка и, дѣлая видъ, что имъ вѣритъ, ласково, тономъ доброй знакомой, журила Василія Николаевича за то, что онъ словно оправдывается, что зашелъ къ ней. Это нелюбезно съ его стороны, и она можетъ обидѣться, что видитъ его, лишь благодаря какимъ-то петергофскимъ знакомымъ. Вѣдь онъ знаетъ, что она всегда рада видѣть его, рада отвести душу въ бесѣдѣ съ умнымъ и развитымъ человѣкомъ.

— Нынче вѣдь это такая рѣдкость между молодыми людьми... По большей части, они или пусты, или циничны и самонадѣянны... А вѣдь вы не такой, Василій Николаичъ?—прибавляла любезно адмиральша съ самой очаровательной улыбкой.

Сконфуженный и польщенный этимъ комплиментомъ, Неглинный порывисто благодарилъ, садился и вмѣсто «минутки» оставался на долгіе часы: читалъ вслухъ и послѣ обѣда гулялъ съ адмиральшей по парку и пріучился даже

ходить съ ней подъ-руку, хотя, надо сказать правду, стѣснялся попрежнему и держалъ свою руку въ напряженномъ положеніи. Нерѣдко эта рука вздрагивала, словно отъ электрическаго тока, и когда адмиральша заботливо спрашивала: «не холодно ли ему?»—отвѣчалъ нѣсколько растерянно, что напротивъ... Но у него невралгія, застарѣлая невралгія...

И Нина Марковна, хорошо понимавшая подобныя «невралгіи» у очень молодыхъ влюбленныхъ людей, гуляющихъ подъ-руку съ хорошенькими женщинами, участливо совѣтовала ему лѣчиться, не запускать болѣзни, пока она еще вначалѣ...

«Уже поздно!»—думалъ про себя молодой человѣкъ.

Онъ, разумѣется, вполнѣ былъ увѣренъ, что его восторженная любовь — тайна, о которой Нина Марковна никогда не узнаетъ. Она, конечно, видитъ, что онъ преданъ ей и безгранично ее уважаетъ,—вотъ и все, но несомнѣнно далека отъ мысли, чтобы онъ «осмѣлился» полюбить ее.

Но адмиральша была слишкомъ опытная въ любовныхъ дѣлахъ женщина, чтобы не увидать, и очень скоро, что этотъ «милый и смѣшной идеалистъ» влюбленъ въ нее до безумія, вѣритъ каждому ея слову, тайно любуется ею и вѣрнѣйшій ея рабъ, готовый ради нея броситься хоть съ колокольни. И сознаніе своего обаянія доставляло ей эгоистичное чувство удовольствія, льстило самолюбію и служило пріятнымъ развлеченіемъ въ ея одиночествѣ и печали отъ разлуки съ «Никой». Она, конечно, любитъ, страстно любитъ своего дорогого «Нику» и никого на него не промѣняетъ, но отчего же не пококетничать немножко съ этимъ застѣнчивымъ рыцаремъ, отчего не вызвать его робкаго признанія и въ отвѣтъ не сказать нѣсколькихъ словъ теплаго участія, предложивъ ему дружбу сестры, и не поощрить его къ невинному флирту? Пусть себѣ цѣлуетъ ея руки и исполняетъ порученія! И, наконецъ, интересно, какъ эта «красная дѣвица» пропоетъ ей свою пѣсню любви и покроетъ ея маленькую ручку поцѣлуями и оросить слезами... Такихъ застѣнчивыхъ поклонниковъ она еще не видала!..

И Нина Марковна съ привычнымъ искусствомъ «обрабатывала» бѣднягу Неглиннаго, кокетничая предъ нимъ своимъ положеніемъ непонятой, страдающей женщины, и полунамеками, заставляющими догадываться, что она —

жертва, и умными разговорами и своимъ пикантнымъ, необыкновенно подвижнымъ, быстро мѣняющимъ выраженія, лицомъ. Она вела длинные разговоры о чувствѣ любви и дружбы (она признаетъ, что можно быть очень дружной съ мужчиной, не думая о любви. Она знаетъ такіе примѣры, хотъ они, къ сожалѣнію, и рѣдки). Она возмущалась положеніемъ женщинъ, терпѣливо слушала философскія разсужденія Неглинпаго о будущемъ царствѣ правды и добра на нашей грѣшной землѣ и о томъ, какую громадную роль будутъ играть женщины, спорила о романахъ Золя и Бурже, заставляла читать вслухъ, присаживаясь около съ работой, вспоминала о Скворцовѣ и на прощанье давала самыя разнообразныя порученія, начиная съ покупки лентъ до привоза боченочка голландскихъ селедокъ отъ Елисѣева, и «кстати ужъ, если Василія Николаича не затруднитъ, пусть онъ потрудится привезти картонку съ платьемъ отъ портнихи»,—прибавляла нерѣдко адмиральша съ обыкновенной обворожительной улыбкой и вручала Неглинному деньги. Нечего и говорить, что онъ съ восторгомъ принималъ порученія, готовый возить для адмиральши хоть сотню картонокъ, а не то что одну.

Она, впрочемъ, сама была въ этомъ увѣрена и цѣнила въ молодомъ человѣкѣ такую, рѣдкую въ наши времена, трогательную преданность и, главное, совершенно безкорыстную. Онъ даже, къ удивленію адмиральши, ни разу, хоть бы въ награду за селедки и картонки, не просилъ позволенія поцѣловать эту маленькую, благоухающую ручку и только украдкой, когда адмиральша, казалось ему, не замѣчала, взглядывалъ на нее жаднымъ, загорѣвшимся взоромъ. И ей нравилось перехватывать эти восторженно-смущенные взгляды, останавливающіеся на ея лицѣ, шеѣ, рукахъ, и видѣть, какъ онъ («глупый»,—усмѣхнулась про себя адмиральша) краснѣлъ весь при этомъ, опуская глаза, и робко притихалъ, какъ притихаютъ виноватыя дѣти, наивно воображая, что маленькая адмиральша, не смущавшаяся на своемъ вѣку ни «мирными», ни «страстными» поцѣлуями, можетъ возмутиться его восторженнымъ созерцаніемъ, которое онъ считалъ «святотатствомъ». И онъ радостно свѣтлѣлъ, когда снова слышалъ ласковый и привѣтливый голосъ адмиральши и видѣлъ ея улыбающіеся глаза, въ которыхъ не было и тѣни неудовольствія. Напротивъ, они словно ласкали и, казалось, ровно

ни о чемъ не догадывались эти черные, большіе, прелестные глаза.

Эта робкая и восторженная молодая любовь, тайна которой невольно выдавалась всѣмъ существомъ молодого человѣка, пріятно щекотала нервы адмиральши, умаляла горечь разлуки и вообще скрашивала дачную жизнь. Ей любопытно и весело было слѣдить за быстрымъ развитіемъ этого чувства и ждать той минуты, когда оно, наконецъ, выльется въ горячемъ признаніи. Какъ ни застѣнчивъ Неглинный, но не будетъ же онъ вѣчно только краснѣть и щурить свои глаза!

И адмиральша съ тонкимъ мастерствомъ опытной кокетки, дѣлая видъ, что не догадывается объ его любви, поощряла Неглиннаго къ признанію. Ей доставляло какое-то жестокое удовольствіе чувственной женщины дразнить цѣломудренно-страстную натуру влюбленнаго и будить его инстинкты, наблюдая, какъ онъ то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, смущенно и сердито хмурится отъ слишкомъ близкаго ея сосѣдства. Адмиральша, конечно, и не догадывалась, что послѣ такихъ минутъ Неглинный, полный раскаянія, считалъ себя величайшимъ негодяемъ, оскверняющимъ нечистыми помыслами и свою любовь, и эту святую женщину.

«Если бы она знала, какія преступныя желанія охватываютъ его по временамъ! Какъ бы ему хотѣлось прильнуть къ этой маленькой ручкѣ и цѣловать ее безъ конца! Если-бъ она знала, какіе сны снятся о ней!? По счастью, она слишкомъ чиста, чтобы догадываться объ этомъ... Но вѣдь она можетъ замѣтить его «скверные» взгляды «цинка» и тогда, оскорбленная и негодующая, лишитъ его своей дружбы и не пуститъ болѣе на порогъ дома. Что можетъ быть ужаснѣе, и какое насчастье сильнѣе этого?»

Такъ, разстроенный и смятенный, бичуя себя за «подлость» и «нахальство», нерѣдко думалъ Неглинный, гораздо болѣе свѣдущій въ астрономіи и высшей математикѣ, чѣмъ въ психологіи женщинъ, подобныхъ адмиральшѣ. Полный рѣшимости не допускать болѣе подобнаго униженія человѣка, не профанировать своего чувства, онъ давалъ себѣ слово, твердо, какъ и подобаетъ философу-стоику, выдерживать всякія испытанія, тая свою любовь и не давая торжествовать «звѣрю», сидящему въ немъ.

А испытанія—и довольно-таки тяжелыя для двадцатипятилѣтняго влюбленнаго аскета, почти не знавшаго жен-

щинъ—бывали на его тернистомъ пути и все чаще и чаще съ тѣхъ поръ, какъ между адмиральшей и молодымъ лейтенантомъ установилась прочная дружба; онъ сталъ въ домѣ своимъ человѣкомъ и съ восторгомъ возилъ и боченки съ сельдями, и картонки съ платьями и кофтами, бѣгая по нѣсколько разъ въ день къ портнихѣ съ усердіемъ по истинѣ изумительнымъ.

Объявленіе дружбы послѣдовало въ одинъ изъ теплыхъ іюльскихъ вечеровъ, на садовой скамейкѣ, подъ липой и рябиной, послѣ нѣсколькихъ секундъ задумчиваго молчанія, наступившаго вслѣдъ за маленькимъ монологомъ адмиральши о томъ, какъ пріятно имѣть преданнаго, вѣрнаго друга, на котораго можно положиться...

Такъ какъ Неглинный лишь меланхолически водилъ сапогомъ по песку, не рѣшаясь, по скромности и застѣнчивости, заявить, что онъ вѣрнѣе собаки и преданнѣе самаго вѣрноподданнаго негра, то адмиральша, послѣ небольшой паузы, съ чувствомъ проговорила, понижая, вѣроятно для большей убѣдительности, свой мягкій и нѣжный голосъ почти до шопота:

— И я имѣю претензію считать васъ такимъ другомъ, Василій Николаичъ!

Въ первую секунду Неглинный онѣмѣлъ отъ восторга.

А Нина Марковна между тѣмъ продолжала:

— Вѣдь мы друзья, не правда ли? И наша дружба ничѣмъ не омрачится?

И съ этими словами адмиральша протянула руку, почти увѣренная, что даже и такой «влюбленный олухъ», какъ Неглинный, выразитъ, по такому торжественному случаю, свою благодарность по крайней мѣрѣ тѣмъ, что покроетъ ея руку, а то и обѣ, долгими почтительными поцѣлуями, тѣмъ болѣе, что въ саду стояла темнота, вечеръ былъ такой теплый, и звѣзды такъ привѣтливо мигали сверху.

Но ожиданія адмиральши не сбылись.

Вмѣсто того, чтобы поцѣловать ручку, онъ какъ-то неловко и осторожно ее потрясъ и, тотчасъ же опустивъ ее, прерывающимся голосомъ, въ которомъ дрожали слезы, съ глубокимъ чувствомъ произнесъ:

— О, повѣрьте... я... я... Именно дружба... И вы знаете... конечно, знаете, какъ безконечно я васъ уважаю... Нѣтъ словъ...

И, подавленный великостью своего счастья, замолкъ, не окончивъ рѣчи.

Адмиральша давно уже «вѣрила» и «знала», но, признаться, никакъ не ожидала, что онъ такой ужъ застѣнчивый «дуракъ», совсѣмъ не умѣющій благодарить, какъ слѣдуетъ, за дружбу хорошенькой женщины. И она невольно вспомнила, какъ многіе мичмана, при подобныхъ же случаяхъ, изъявляя свою благодарность и увѣряя въ вѣчной дружбѣ, цѣловали всегда ея руки съ такой горячностью и такъ долго, что даже ей приходилось умѣрять ихъ восторги...

«А этотъ... совсѣмъ оселъ!»—подумала она не безъ досады обманутаго ожиданія и насмѣшливо взглянула на своего поклонника, который, казалось, совсѣмъ замеръ на своемъ мѣстѣ, безконечно счастливый и радостный.

Съ этого вечера окончательно установились дружескія отношенія, и Неглинный являлся почти каждый день. Адмиральша держала себя съ очаровательной простотой и чисто-дружеской интимностью. Случалось, что она, на правахъ друга, выходила къ молодому человѣку въ капотѣ, изящномъ, отдѣланномъ кружевами, бѣлоснѣжномъ капотѣ, плотно облегавшемъ роскошный бюстъ, въ маленькомъ кружевномъ чепцѣ, изъ-подъ котораго выбивались колечки черныхъ волосъ, съ открытой шеей и обнаженными изъ-подъ широкихъ рукавовъ, полными красивыми руками въ браслетахъ и кольцахъ.

Этотъ костюмъ шелъ къ ней и моложавилъ ее.

Свѣжая, цвѣтущая и благоухающая, выходила она на террасу, здоровалась съ ошалѣвающимъ отъ восхищенія молодымъ человѣкомъ, крѣпко пожимая ему руку, извинялась, что съ нимъ безъ церемоніи, по-домашнему («сегодня такъ жарко!»), благодарила за привезенныя покупки и, завтракая съ Неглиннымъ, разспрашивала, что̀ новаго въ газетахъ, былъ ли онъ у портнихи, и сообщала, что получила письмо отъ Ванечки и что Ванечка шлетъ ему поклонъ. Послѣ завтрака адмиральша уводила его въ тотъ самый маленькій, прохладный кабинетъ, въ которомъ она хотѣла отравиться валерьяномъ, и просила Неглиннаго читать ей вслухъ, указывая ему мѣсто на маленькомъ диванѣ, около котораго стоялъ столикъ, и сама опускалась въ кресло неподалеку.

Надо сказать правду: этотъ костюмъ приводилъ бѣднягу Неглиннаго въ нѣкоторое смущеніе. Но, памятуя, что онъ порядочный человѣкъ, а не «презрѣнное животное», Неглинный добросовѣстно отводилъ глаза, стараясь не смо-

трѣть на эту ослѣпительную, маленькую изящную женщину или, по крайней мѣрѣ, смотрѣть только прямо въ лицо... И еще слава Богу, что она приказывала читать. По крайней мѣрѣ ему легче было переносить свое испытаніе.

И онъ читалъ, читалъ усердно, но не особенно хорошо. Голосъ его дрожалъ, звуча глухими нотами. Онъ почти не понималъ, что̀ читалъ, словно одурманенный красотой этой женщины, чувствуя ея близость и вдыхая тонкій ароматъ ея любимыхъ Violettes de Parme.

— Вы, голубчикъ, сегодня что-то тихо читаете.

И адмиральша пересаживалась на диванъ, рядомъ съ чтецомъ. Онъ ощущалъ теплоту ея ноги и, въ ужасѣ и смущеніи, осторожно отодвигалъ ногу, отодвигался самъ подальше отъ этого бѣлаго капота, но чтеніе отъ того не выигрывало. Онъ торопился, волновался, глоталъ слова, пропуская цѣлыя строки. Кровь стучала ему въ виски и по спинѣ пробѣгали мурашки. Ему было и жутко, и стыдно, словно онъ виноватъ былъ въ чемъ-то нехорошемъ и нечистомъ. Однимъ словомъ, это было не чтеніе, а какая-то безконечная пытка. И онъ долженъ былъ мужественно скрывать ее, чтобы не оскорбить этой благородной, довѣрчивой женщины. Украдкой взглянувъ на нее, онъ видѣлъ, съ какимъ серьезнымъ и сосредоточеннымъ видомъ она слушаетъ, быстро перебирая вязальной иглой какое-то рукодѣлье.

«О, чистое созданіе! Какая я скотина передъ тобой!»— пронеслось въ головѣ у Неглинаго.

— Не довольно ли читать? Вы, кажется, устали, Василій Николаичъ!

— Нѣтъ... отчего же... какъ угодно.

— Вижу—устали...

Адмиральша бросала вязанье и, подвинувшись къ гостю совсѣмъ близко, закрывала книгу, оставляя на ней, передъ самымъ носомъ Неглинаго, свою, слегка обнаженную, руку и постукивая по переплету тонкими, розовыми пальцами.

Неглинный только щурилъ свои голубые глаза, морщилъ лобъ и неистово закручивалъ въ сосиску рыжій вихоръ, имѣя растерянный видъ человѣка, рѣшительно не знающаго, куда ему дѣться и что предпринять.

— Да что съ вами сегодня, Василій Николаичъ? Вы и читали не такъ прелестно, какъ всегда, и вообще какой-то разсѣянный... точно вамъ не по себѣ...

— О, нѣтъ... я... ничего... Жарко только,—отвѣчалъ, еще болѣе краснѣя, молодой человѣкъ.

И внезапно, съ рѣшимостью отчаянія, поднимался съ дивана и объявлялъ, что ему необходимо ѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Зачѣмъ?

— Дѣло есть, — вралъ молодой человѣкъ, думавшій найти спасеніе въ немедленномъ бѣгствѣ.

— Какія лѣтомъ дѣла?.. Не сочиняйте, пожалуйста... Ужъ не влюбились ли вы и не потеряли ли въ городѣ сердца?.. То-то сегодня вы такой странный... Признавайтесь и разскажите мнѣ, какъ другу, всю правду... Блондинка или брюнетка?..

Неглинный застѣнчиво пролепеталъ, что онъ ни въ кого не влюбленъ.

— Это правда?.. — допрашивала, улыбаясь, адмиральша.—Такъ-таки и ни въ кого?..

— Ни въ кого!—храбро отвѣчалъ Неглинный, чувствуя, что кровь заливаетъ щеки.

— Ну, такъ вамъ нечего ѣхать въ городъ... Дѣла завтра можете сдѣлать... Оставайтесь!

Разумѣется, Неглинный малодушно соглашался, однако на диванъ болѣе не садился, а забрался куда-нибудь подальше.

— Я сегодня заказала къ обѣду ваши любимые битки въ сметанѣ, а вы вздумали-было убѣгать... Видите, какъ я внимательна къ своимъ друзьямъ... Благодарите и цѣлуйте руку!..

Неглинный порывисто бросился съ мѣста и благоговѣйно, словно прикладываясь къ образу, едва прикоснулся губами къ протянутой рукѣ и вернулся на свое мѣсто, не замѣтивъ, конечно, недовольной гримаски адмиральши.

Однако, въ этотъ день онъ уѣхалъ тотчасъ же послѣ обѣда, несмотря на приглашеніе почитать вслухъ... Это было сверхъ его силъ.

Не мало было въ теченіе лѣта подобныхъ тяжкихъ испытаній, но Неглинный—надо отдать ему справедливость—всегда оставался на высотѣ своего положенія «влюбленной фефелы».

Наступили осенніе дни. Нервы адмиральши начинали пошаливать; на нее напала хандра; письма отъ «Ники» принимали все болѣе и болѣе описательный характеръ и становились менѣе регулярными. И Неглинный совсѣмъ

не оправдалъ ея ожиданій. Несомнѣнно влюбленный и бывая почти ежедневно въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ на дачѣ и, большею частью, наединѣ съ адмиральшей (толстушку-кузину свою Нина Марковна такъ и не позвала погостить), онъ, несмотря на травлю его адмиральшей, не только не сдѣлалъ трогательнаго признанія со слезами и робкими поцѣлуями, но даже, болванъ, ни разу не рѣшался самъ поцѣловать ея ручку, хотя это счастье, и пожалуй большое, было всегда такъ «близко и возможно», не будь онъ такимъ простофилей. Онъ, словно чортъ ладана, боялся тѣхъ положеній, которыя для другихъ были бы счастьемъ, и рѣшительно не понималъ, что легкій флиртъ доставилъ бы несчастной «страдалицѣ» большее развлеченіе, чѣмъ его трогательная и робкая любовь и его философскія разсужденія о будущемъ царствѣ правды и добра. Хорошенькая женщина и съ такимъ мужемъ, какъ Иванъ Ивановичъ, ищетъ сочувствія и утѣшенія, предлагаетъ дружбу сестры, а онъ, идіотъ, толкуетъ о томъ, что будетъ въ неизвѣстномъ столѣтіи!

Подобное безкорыстное поклоненіе, какъ оно ни было трогательно, нѣсколько удивляло и очень раздражало хорошенькую адмиральшу, чары которой вдругъ оказались безсильными передъ этимъ мальчишкой.

Такъ иногда размышляла адмиральша и нерѣдко спрашивала себя съ досадой обманувшейся женщины:

— Есть ли еще такой влюбленный балбесъ на свѣтѣ, какъ этотъ Неглинный?

И она вспоминала, какъ, бывало, во время вечернихъ прогулокъ въ паркѣ, когда они сидѣли вдвоемъ въ самой чащѣ при лунномъ освѣщеніи, онъ начиналъ ей читать лекцію изъ астрономіи и перечислять звѣзды, вмѣсто того, чтобы...

— Ахъ, Ника, Ника! Зачѣмъ ты уѣхалъ?—шептала адмиральша, прерывая непріятныя воспоминанія о «балбесѣ», и, вздохнувъ, утирала набѣгавшія слезы.

Въ такіе дни хандры она встрѣчала пріѣзжавшаго «влюбленнаго балбеса» такъ холодно, что бѣдняга приходилъ въ отчаяніе, не понимая, чѣмъ онъ провинился, и уѣзжалъ, не смѣя показываться на глаза, пока не получалъ на другой или на третій день маленькой раздушенной записочки, въ которой адмиральша давала ему порученія и просила его поскорѣй ихъ исполнить и пріѣзжать.

Если Неглинный, какъ поклонникъ, и не вполнѣ отвѣ-

чалъ требованіямъ адмиральши, за то, какъ комиссіонеръ, не оставлялъ желать ничего лучшаго. Всѣ многочисленныя порученія онъ исполнялъ точно, добросовѣстно и быстро, съ усердіемъ настоящаго друга, познакомившись за лѣто со многими, прежде мало извѣстными ему принадлежностями дамскаго гардероба и испытавъ неаккуратность и лживость портнихъ при назначеніи сроковъ. Пріобрѣлъ онъ также нѣкоторую опытность при покупкѣ бакалейныхъ товаровъ, цыплятъ и индюшекъ. Адмиральша любила покушать и особенно любила фаршированныхъ индѣекъ, а такъ какъ въ Ораніенбаумѣ онѣ не всегда бывали, то Неглинный и возилъ ихъ изъ Петербурга, предварительно разспросивъ свою квартирную хозяйку о томъ, какъ отличить старую индюшку отъ молодой, какая имъ цѣна и т. п. Конфеты и фрукты онъ поставлялъ адмиральшѣ за свой счетъ и, благодаря этому обстоятельству, а также и расходамъ на поѣздки на дачу и обратно, финансовыя его дѣла были настолько плохи, что онъ написалъ своему богатому дядѣ въ Саратовской губерніи, который обѣщалъ сдѣлать его наслѣдникомъ, чтобы тотъ выслалъ двѣсти или триста (лучше триста) рублей.

Весьма полезной оказалась любовь Неглиннаго и для пріисканія квартиры для адмиральши и адмирала. Съ осени они переселялись въ Петербургъ,—Ивану Ивановичу уже было конфиденціально сообщено, что онъ получаетъ спокойное береговое мѣсто послѣ послѣдняго плаванія,—и Неглинный цѣлыя двѣ недѣли, въ началѣ августа, бѣгалъ, какъ угорѣлый, по улицамъ, осматривая квартиры и вычерчивая потомъ ихъ планы. Къ вечеру уже онъ летѣлъ на дачу и показывалъ планы, пока адмиральша не остановилась на одномъ изъ нихъ и, пріѣхавши въ городъ, не наняла, по выбору Неглиннаго, очень хорошенькой, уютной и сравнительно недорогой квартиры. Онъ же вмѣстѣ съ Егоромъ распоряжался переборкой изъ Кронштадта, и въ первыхъ числахъ сентября адмиральша переѣхала въ городъ, поджидая въ скоромъ времени и возвращенія Ванечки, котораго навѣстила въ теченіе лѣта два раза.

Вернувшись изъ плаванія, Иванъ Ивановичъ сперва было очень обрадовался, что Ниночка, кажется, немного успокоилась, и что Неглинный довольно часто навѣщаетъ ихъ. Неглинный очень нравился адмиралу, и старикъ былъ доволенъ, что Ниночка за лѣто съ нимъ покороче позна-

комилась и часто пользовалась его обществомъ. «Все же, бѣдняжка, не такъ скучала!»

Но въ скоромъ времени Ивану Ивановичу пришлось убѣдиться, что Неглинный какъ будто избѣгаетъ посѣщать ихъ въ такое время, когда адмирала нѣтъ дома, и гораздо свободнѣе и оживленнѣе бесѣдуетъ съ нимъ, чѣмъ съ Ниночкой. Что Неглинный влюбленъ въ Ниночку, въ этомъ, разумѣется, не было сомнѣнія, но любовь эта была такая ужъ почтительная и застѣнчивая (адмиралъ это скоро замѣтилъ), что старикъ, хоть и еще больше привязался къ Неглинному, но тѣмъ не менѣе втайнѣ тревожился за Ниночку, замѣчая, что она становится все раздражительнѣе и раздражительнѣе, чаще жалуется на нервы и иногда бываетъ безжалостна къ этому покорному и преданному Василію Николаевичу. Попадало, по временамъ, и ему самому, но онъ на это, конечно, не былъ въ претензіи, а бѣднаго Неглиннаго было жаль... И, главное, такой онъ безотвѣтный съ ней, и это какъ будто еще болѣе сердитъ Ниночку. И его застѣнчивость раздражаетъ...

«Ниночка не любитъ такихъ!»—не разъ повторялъ старикъ и вздыхалъ.

Онъ тѣшилъ свою Ниночку подарками, изящными бездѣлками, совѣтовалъ выѣзжать, но ничто не помогало. Адмиральша видимо хандрила.

И хоть бы этотъ Василій Николаевичъ развлекъ ее какъ-нибудь, посидѣвъ съ ней вечеромъ, а то нѣтъ... Зайдетъ утромъ, пообѣдаетъ иногда и тотчасъ за шапку. И когда адмиралъ просилъ его, по секрету отъ Ниночки, остаться и поболтать съ Ниночкой, пока онъ соснетъ часокъ-другой, Неглинный обыкновенно краснѣлъ и говорилъ, что ему надо готовиться къ лекціи. «Завтра у него урокъ въ морскомъ корпусѣ»,—объяснялъ недавно назначенный преподаватель.

Возвращаясь домой, онъ готовился къ лекціямъ, но часто бросалъ ихъ и долго ходилъ по своей маленькой комнаткѣ, полный думъ объ адмиральшѣ. Боже! Какъ онъ любитъ ее и чего бы онъ не далъ, чтобы видѣть ее счастливой!..

Но при мысли о томъ, что не онъ, а другой счастливецъ пользуется ея любовью, его охватывало жгучее чувство ревности... Скворцова онъ ненавидѣлъ въ такія минуты. И безумныя грёзы овладѣвали его мозгомъ. Въ

мечтахъ онъ прижималъ къ сердцу эту очаровательную женщину, осыпалъ ее поцѣлуями, припадалъ къ ея ногамъ и, пробудившись отъ грёзъ, бросался на постель и плакалъ, какъ малый ребенокъ, чувствуя мучительную прелесть своей безнадежной, невысказанной любви...

Въ ноябрѣ адмиральша получила отъ «Ники» письмо, сообщавшее, между прочимъ, что ему предстоитъ проплавать еще годъ,—такъ начальство рѣшило. На другой же день Нина Марковна поѣхала къ одному модному врачу и объявила, что у нея безсонница, безпричинная тоска, головныя боли...

Врачъ сдѣлалъ серьезное лицо, выстукалъ ее, потыкалъ въ плечи и шею иглой, разспросилъ объ режимѣ и объявилъ, что у нея легкая форма неврастеніи.

— Ничего опаснаго... Обливаніе водой, моціонъ...

— А если перемѣнить климатъ, докторъ... Поѣхать на зиму въ Италію?

— Чего же лучше... отлично, а пока я вамъ пропишу пилюльки. По три въ день: одну утромъ, другую передъ завтракомъ и третью передъ обѣдомъ...

Вернувшись домой, Нина Марковна сообщила, что докторъ нашелъ у нея сильное нервное разстройство и совѣтуетъ ѣхать за границу...

— Что-жъ, поѣзжай, Ниночка, съ Богомъ... Надѣюсь, ничего опаснаго?

— Опаснаго ничего, но все-таки лучше перемѣнить на время климатъ... Пожить зиму на югѣ... Какъ-ты думаешь, Ванечка?

Черезъ три недѣли адмиралъ и Неглинный, оба грустные, провожали адмиральшу.

XX.

Въ это погожее декабрьское утро на Ривьерѣ, тихое и солнечное, полное свѣжей остроты зимняго воздуха, крейсеръ «Грозный», послѣ трехнедѣльнаго плаванія у сирійскихъ береговъ, сіяющій блескомъ и чистотой, крупный и внушительный, входилъ, имѣя на бизань-мачтѣ контръ-адмиральскій флагъ, въ Виллафранку,—маленькій портъ, рядомъ съ Ниццей, у подножія отроговъ Приморскихъ Альпъ, подъ нависшими скалами, на которыхъ высится Монако.

Небольшая, глубокая бухточка, уютная и закрытая, отливала нѣжнымъ изумрудно-голубымъ цвѣтомъ почти не-

подвижной воды, и на ней, казалось, замерли разсѣянныя повсюду рыбачьи лодки. Маленькій городокъ, пріютившійся подъ высокимъ берегомъ и по склону горы, сверкалъ подъ солнцемъ своими бѣлыми домами, среди зеленыхъ купъ, и казался необыкновенно живописнымъ.

Застопоривъ машину и чуть-чуть двигаясь впередъ, «Грозный», обмѣнявшись салютами, наконецъ, отдалъ якорь неподалеку отъ военнаго французскаго авизо станціонера. Черезъ нѣсколько минутъ съ «француза» отвалила шлюпка и, по обычаю морской международной вѣжливости, на «Грозный» явился молодой офицеръ въ полной парадной формѣ—поздравить съ приходомъ и предложить услуги. Послѣ того, какъ французъ проговорилъ свое привѣтствіе, его пригласили въ каютъ-компанію, угостили шампанскимъ и отпустили. Другихъ военныхъ судовъ на рейдѣ не было. У берега стояло нѣсколько каботажныхъ судовъ съ отданными для просушки треугольными, такъ-называемыми «латинскими» парусами, да вблизи станціонера красовалась щегольская англійская морская яхта, изящная и стройная трехмачтовая красавица съ бѣлой, какъ снѣгъ, дымовой трубой. На палубѣ, подъ тентомъ, было цѣлое общество англичанъ, видимо туристовъ, среди которыхъ мичмана успѣли уже въ бинокли «запеленговать» двухъ прехорошенькихъ англичанокъ, одну «ничего себѣ» и одну —«вѣдьму» съ лошадиными челюстями. На этой яхтѣ, какъ узнали потомъ, путешествовалъ какой-то лордъ съ семействомъ и съ нѣсколькими приглашенными друзьями, и на переходѣ изъ Англіи яхта выдержала сильнѣйшій штормъ у Бискайскаго залива.

На «Грозномъ» вотъ уже третья недѣля «сидитъ», какъ выражаются моряки, адмиралъ.

Совершенно неожиданно, во время стоянки въ Неаполѣ, начальникъ эскадры прислалъ флагъ-офицера сказать, что «пересядетъ» черезъ часъ на «Грозный», къ вечеру пріѣхалъ и съ разсвѣтомъ приказалъ сниматься съ якоря.

Нечего и говорить, что и капитанъ, не забывшій еще пирейскаго смотра, и многіе офицеры, и въ особенности веселый и жизнерадостный ревизоръ, хвалившійся, что привезетъ кое-что изъ плаванія, далеко не были довольны присутствіемъ адмирала. Хоть онъ и держалъ себя просто, не кричалъ, не вмѣшивался въ распоряженія капитана,

не «разносилъ», былъ со всѣми ровенъ, но всякій чувствовалъ, что онъ зорко ко всему приглядывается, все видитъ и, повидимому, не совсѣмъ удовлетворенъ. По крайней мѣрѣ онъ нерѣдко хмурился во время разныхъ маневровъ и ученій, которыя приказывалъ дѣлать на ходу подъ парусами и въ свѣжую погоду... Хмурился, и слушая отвѣты мичмановъ на морскіе вопросы, которые онъ имъ задавалъ... Хмурился, узнавая цѣну угля, и разъ даже сказалъ ревизору, что уголь, кажется, дорогъ...

«Скорѣй бы убрался съ крейсера!»—не разъ шепталъ въ злобѣ капитанъ «Грознаго» Налетовъ, ненавидѣвшій отъ всей души этого скромнаго, не игравшаго въ начальники адмирала, этого «законника» и «педанта», который отправилъ слѣдствіе о незаконно наказанномъ матросѣ въ Петербургъ со своимъ заключеніемъ о преданіи Налетова суду, вмѣсто того, чтобы замять это «пустяковое» дѣло, какъ сдѣлали бы другіе, не такіе «формалисты», какъ Тырковъ. Правда, Налетовъ, при помощи жены, уже заручился въ Петербургѣ обѣщаніями, что дѣло до суда не дойдетъ и окончится пустяками, тѣмъ не менѣе Налетову вся эта исторія была непріятна.

Ненавидѣлъ Налетовъ адмирала еще и за то, что Тырковъ былъ рыцарь безъ страха и упрека, который не даромъ пользовался во флотѣ репутаціей честнѣйшаго человѣка, неспособнаго ни на какія сдѣлки, противныя совѣсти, и Налетовъ, свободно обходившійся безъ такой роскоши, чувствовалъ, что адмиралъ относится къ нему безъ уваженія и насквозь понимаетъ его.

Налетовъ не ошибался. Адмиралъ, дѣйствительно, въ душѣ презиралъ командира «Грознаго», считая его безшабашнымъ карьеристомъ и хлыщомъ, человѣкомъ совсѣмъ неразборчивымъ въ средствахъ, наглымъ съ подчиненными и льстивымъ съ сильными и вліятельными лицами. Кромѣ того, онъ кое-что зналъ и относительно небрезгливости этого быстро дѣлающаго карьеру выскочки по сдѣлкамъ съ разными поставщиками въ компаніи съ ревизоромъ.

Самъ адмиралъ былъ совершенной противоположностью Налетова.

Прослужившій тридцать пять лѣтъ, изъ нихъ двадцать въ морѣ, свѣдущій спеціалистъ и образованный человѣкъ, Тырковъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей того симпатичнаго типа моряковъ, суровыхъ рыцарей долга и

въ то же время необыкновенно гуманныхъ съ подчиненными, который появился во флотѣ въ освободительную эпоху шестидесятыхъ годовъ. Про такихъ именно моряковъ и наслушался Скворцовъ, бывши отрокомъ, изъ восторженныхъ разсказовъ своего отца о прежнихъ плаваніяхъ. Въ служебной лямкѣ Тыркова не было ни одного пятна. Онъ не интриговалъ, не заискивалъ, не умѣлъ во-время попадаться на глаза начальству и говорить ему пріятныя вещи. Онъ не сочувствовалъ многому, что дѣлалось во флотѣ въ отдаленныя времена нашего разсказа, но молчалъ, находя, что разъ онъ служитъ,—онъ нравственно не имѣетъ права выражать свои мнѣнія, но когда начальство спрашивало его мнѣній, онъ, не стѣсняясь, выражалъ ихъ. Нечего и прибавлять, что Тырковъ, несмотря на командованіе судами да еще въ дальнемъ плаваніи, не имѣлъ ничего, кромѣ жалованья.

Какъ безстрашный морякъ, хладнокровный въ опасности и горячо любящій свое дѣло, Тырковъ былъ достойнымъ ученикомъ адмирала, извѣстнаго въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ подъ прозвищемъ «безпокойнаго и свирѣпаго адмирала», который во время своихъ нѣсколькихъ кругосвѣтныхъ плаваній съ эскадрами школилъ офицеровъ, не давая имъ покоя, и, самъ энергичный, лихой морякъ, беззавѣтно любившій свое ремесло, требовалъ отъ офицеровъ такой же любви, развивая въ нихъ эту любовь. Требовательный по службѣ, вспыльчивый нерѣдко до бѣшенства и безконечно добрый, онъ никого не погубилъ, никого не аттестовалъ негодяемъ, никому не мстилъ, получая иногда въ отвѣтъ на дерзость такую же дерзость, и многихъ сдѣлалъ хорошими моряками.

Произведенный, наконецъ, въ адмиралы и назначенный командовать эскадрой, Тырковъ, по примѣру бывшаго своего начальника и подчасъ суроваго учителя, горячо взялся за дѣло, а не отбывалъ только «почетную повинность» съ равнодушіемъ своего предмѣстника, добраго, веселаго адмирала, который проводилъ время большею частью на берегу, въ виду эскадры, простаивавшей на рейдахъ по нѣсколькимъ недѣлямъ, ни во что серьезно не входилъ, считая, что совершенно достаточно дѣлать получасовые смотры, оканчивающіеся общими благодарностями, и, конечно, не зналъ, каковы у него на эскадрѣ капитаны и офицеры. «Отъ сихъ и до сихъ», чтобы все съ внѣшней стороны было прилично и благополучно.

чтобы ученія и занятія производились по расписанію, чтобы не было никакихъ «исторій», а входить въ подробности, образовывать моряковъ и внести, такъ сказать, «живой духъ» въ дѣло, для этого нужно много энергіи, заботъ, любви къ ремеслу. Да и къ чему, въ самомъ дѣлѣ, утруждать себя и волноваться? Еще только можно нажить непріятности... Не лучше ли тихо и спокойно... Откомандовалъ два года, получилъ награду, и дѣлу конецъ. Возвращайся домой съ изрядным кушемъ подъемныхъ и жди, въ очередь, слѣдующей награды, какъ человѣкъ хорошій, покладистый, не доставляющій никому безпокойства, а, напротивъ, всѣмъ пріятный.

Тырковъ смотрѣлъ на свое назначеніе нѣсколько иначе, не боясь никакихъ непріятностей ни сверху, ни снизу. Онъ хотѣлъ лишь добросовѣстно исполнить свой долгъ, занявши постъ начальника эскадры. И онъ переплавалъ на всѣхъ судахъ, чтобы ближе познакомиться съ порядками на нихъ, съ выправкой командъ, съ ихъ положеніемъ, съ капитанами и офицерами. Ему хотѣлось довести свою эскадру до возможнаго совершенства и вселить въ офицерахъ тотъ морской духъ, безъ котораго, по его мнѣнію, морская служба не мыслима и не мыслимы настоящіе моряки. Онъ съ упрямствомъ несокрушимой воли хотѣлъ вывести многое, что считалъ распущенностью и несоблюденіемъ закона.

Но почтенный адмиралъ какъ будто забылъ, что надо считаться съ духомъ времени, имѣвшимъ вліяніе на цѣлое поколѣніе моряковъ и дававшимъ тонъ, столь несимпатичный адмиралу. И онъ скоро увидалъ, что его, казалось, вполнѣ естественныя требованія исполненія закона и любви къ дѣлу далеко не пользуются сочувствіемъ, а, напротивъ, вызываютъ во многихъ скрытое неудовольствіе и исполняются нерѣдко только формально, по долгу дисциплины. Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось ему убѣдиться, что, несмотря на его внушенія и приказы, многіе молодые офицеры попрежнему бьютъ матросовъ, и что того «духа живого» въ службѣ, о которомъ онъ такъ хлопоталъ, нѣтъ еще на эскадрѣ. Его вліяніе оказывалось безсильнымъ... А главное, смущалъ адмирала «ярыжническій» духъ среди молодежи, ея взгляды на службу, отношеніе къ матросамъ... Конечно, далеко не всѣ были такіе — Боже сохрани!—но во многихъ чувствовалось какое-то пониженіе.

Адмиралъ нерѣдко собиралъ къ себѣ въ каюту молодыхъ

мѣчмановъ пить чай и дружескимъ тономъ старшаго товарища говорилъ на эту тему, но чувствовалъ, что его слушаютъ съ почтительнымъ вниманіемъ подчиненныхъ, но не убѣждаются его доводами и про себя, вѣроятно, посмѣиваются надъ рацеями стараго адмирала... Для него не было секретомъ, что многіе юнцы презрительно называли своего адмирала «филантропомъ» и «либераломъ» за то, что онъ особенно заботился о матросахъ. Въ одной газетѣ даже появилась анонимная корреспонденція, въ которой авторъ проливалъ крокодиловы слезы о томъ, что на нѣкоторыхъ судахъ въ заграничномъ плаваніи падаютъ и дисциплина, и престижъ власти капитановъ, благодаря «филантропическимъ» взглядамъ «нѣкоторыхъ» начальниковъ.

Въ этой разницѣ взглядовъ пятидесятипятилѣтняго адмирала и многихъ молодыхъ, еще начинающихъ жизнь, моряковъ было что-то удручающее.

И адмиралъ подчасъ съ презрительной и печальной усмѣшкой говорилъ въ интимной бесѣдѣ съ докторомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ:

— Я, старикъ-съ, долженъ проповѣдывать молодымъ офицерамъ, что бить по зубамъ стыдно! Какъ вамъ это нравится, а?.. Да-съ, нынче какъ-то все шиворотъ-на-выворотъ-съ! Въ наше время пакости скрывали, а теперь точно хвастаютъ ими... Каждый норовитъ безъ всякаго труда карьеру сдѣлать... Духа рыцарскаго нѣтъ... Пройдошество да нажива-съ. Совсѣмъ безобразіе... Иныя птицы, иныя пѣсни!

Адмиралъ обыкновенно грустно задумывался на минутку-другую и энергично прибавлялъ:

— Хоть я здѣсь почти и одинъ въ полѣ воинъ, а все-таки отъ своихъ требованій не отступлю, нѣтъ-съ. Пусть начальство считаетъ меня безпокойнымъ человѣкомъ и пусть смѣститъ меня—это его дѣло... Я вѣдь знаю, у насъ не любятъ безпокойныхъ людей! А мое дѣло—свято выполнить долгъ, по крайнему моему разумѣнію... И я не позволю офицерамъ безобразничать—пиши хоть милліонъ корреспонденцій. Меня ими не испугаешь! Ужъ я писалъ въ Петербургъ, что отрѣшу Налетова отъ командованія, если его не уберутъ... И не поцеремонюсь съ нимъ, даромъ что у него связи. Вотъ что-съ.

И, начинавшій озлобляться скрытымъ противодѣйствіемъ, адмиралъ не щадилъ никого, неуклонно и систе-

матически преслѣдуя то, что̀ считалъ зломъ. Онъ, не стѣсняясь, давалъ въ приказахъ по эскадрѣ выговоры капитанамъ, особенно преслѣдовалъ офицеровъ-дантистовъ, сажалъ ихъ подъ арестъ, грозилъ отдачей подъ судъ и, что̀ особенно оскорбило многихъ,—написалъ приказъ по эскадрѣ, приказавъ прочесть его матросамъ, въ которомъ объяснилъ, что законъ не разрѣшаетъ тѣлесныя наказанія, кромѣ случаевъ предусмотрѣнныхъ, и потому всякія отступленія отъ закона будутъ строго имъ преслѣдоваться. Онъ выслалъ въ Россію за вопіющее нерадѣніе по службѣ двухъ мичмановъ, и въ томъ числѣ одного титулованнаго маменькина сынка съ большими связями, и назначилъ комиссію для провѣрки всѣхъ книгъ жизнерадостнаго и веселаго ревизора «Грознаго».

Мнѣнія о Тырковѣ на эскадрѣ были крайнія. Большинство офицеровъ его терпѣть не могли, писали о немъ въ Петербургъ чортъ знаетъ что и ругали на чемъ свѣтъ стоитъ. Меньшинство, напротивъ, превозносило его до небесъ. Зато среди матросовъ спорныхъ мнѣній не было. Адмирала прозвали «справедливымъ адмираломъ», и матросы говорили, что онъ «поблажки своему брату не даетъ».

Мѣсяцевъ черезъ шесть эскадра замѣтно подтянулась, но адмиралъ хорошо понималъ, что все это не то. И онъ часто думалъ, что куда ей до той лихой эскадры былыхъ временъ, подъ начальствомъ «безпокойнаго» адмирала, въ которой всѣ, начиная съ адмирала и кончая матросомъ, были одушевлены однимъ общимъ, приподнятымъ и сильнымъ духомъ, создающимъ настоящихъ моряковъ, а не безшабашныхъ карьеристовъ и торгашей, какъ онъ презрительно называлъ Налетова и ему подобныхъ.

XXI.

Почта изъ Россіи, доставленная адмиралу тотчасъ же по приходѣ «Грознаго» на рейдъ, принесла двѣ крупныя новости: «Грозный» назначался въ составъ эскадры Тихаго океана на два съ половиною года, и Налетовъ отзывался въ Россію. Вмѣсто Налетова ѣхалъ новый командиръ. Въ числѣ разныхъ официальныхъ бумагъ и предписаній было и конфиденціальное собственноручное письмо отъ старика-адмирала изъ Петербурга.

Послѣ любезностей и благодарностей за примѣрное командованіе эскадрой, старикъ сообщалъ, что дѣлу о

Налетовѣ хода дано не будетъ, во избѣжаніе «огласки и скандала, вообще нежелательныхъ». И этотъ самый старикъ-адмиралъ, когда-то подавшій громовую записку о безпорядкахъ во флотѣ и требовавшій широкой гласности, теперь, бывши у власти, довольно прозрачно намекалъ своему подчиненному, что какъ ни похвальны мѣры, принимаемыя имъ для пользы службы, тѣмъ не менѣе ихъ энергичность можетъ подать поводъ къ преувеличеннымъ представленіямъ о недостаткахъ во флотѣ, что̀ едва ли полезно. «Уже и теперь по поводу приказовъ вашего превосходительства въ Петербургѣ циркулируютъ нелѣпые слухи объ эскадрѣ, проникшіе въ печать»,—писалъ старикъ и въ концѣ письма выражалъ сожалѣніе, что начальникъ эскадры не испробовалъ всѣхъ мѣръ для исправленія нерадивыхъ молодыхъ людей, а выслалъ двухъ мичмановъ въ Россію.

— Хвалятъ за энергію и хотятъ, чтобъ ея не было!— горько усмѣхнулся адмиралъ, прочитавъ письмо.—Чтобы все было шито да крыто, и чтобы я былъ пѣшкой... Благодарю покорно-съ!

И, задѣтый за живое, адмиралъ, отлично понявшій, что имъ недовольны, написалъ отвѣтъ, въ которомъ сообщалъ, что поступаетъ, какъ ему велитъ долгъ и присяга, и что если его дѣятельность и усердіе по приведенію эскадры въ надлежащій видъ не соотвѣтствуютъ видамъ начальства, то проситъ его уволить отъ командованія.

Въ тотъ же день обѣ новости были извѣстны на крейсерѣ и взбудоражили офицеровъ. Многимъ очень не хотѣлось идти въ Тихій океанъ еще на два года плаванія, и въ тотъ же день въ Петербургъ полетѣло нѣсколько длинныхъ телеграммъ къ роднымъ съ просьбами похлопотать объ избавленіи отъ плаванія. Двое офицеровъ, у которыхъ не было никакихъ связей въ Петербургѣ, подали рапорты о болѣзни.

Скворцовъ, напротивъ, былъ очень радъ, что придется сдѣлать кругосвѣтное плаваніе и съ другимъ командиромъ, котораго онъ зналъ, какъ очень порядочнаго человѣка. Вдобавокъ, и симпатичный докторъ Ѳедоръ Васильевичъ, съ которымъ онъ сошелся, остается на «Грозномъ». Оставался и добрякъ старшій офицеръ, хотя и охалъ, что разлука съ семьей продлится на цѣлый лишній годъ. Ревизоръ былъ нѣсколько смущенъ. Хотя книги его, какъ онъ и заранѣе былъ увѣренъ, найдены были комиссіей

въ порядкѣ и съ надлежащими оправдательными документами и счетами поставщиковъ, въ которыхъ, конечно, не показывались «скидки», составляющія изрядную сумму, тѣмъ не менѣе будущее, судя по репутаціи новаго командира, не предвѣщало ему пріумноженія средствъ въ томъ размѣрѣ, въ которомъ онъ пріумножалъ ихъ до сихъ поръ. И онъ, если бы было возможно, не прочь былъ списаться съ крейсера. Слава Богу, тысячъ пятнадцать онъ уже скопилъ и радъ былъ бы снова служить съ Налетовымъ.

Матросамъ, и особенно женатымъ, новое назначеніе крейсера, разумѣется, не доставляло удовольствія. Но радостная вѣсть объ уходѣ «собаки-капитана» нѣсколько примирила ихъ съ лишнимъ годомъ плаванія и тяжелой, полной опасностей, службы въ морѣ.

Нечего и говорить, что въ каютъ-компаніи былъ взрывъ восторга при извѣстіи о томъ, что Налетова «убрали наконецъ». Одинъ только ревизоръ не выражалъ удовольствія и благоразумно ушелъ въ каюту во время шумныхъ толковъ по этому поводу. Обѣ новости были такъ значительны, что многіе, торопившіеся на берегъ, въ Ниццу, сулившую морякамъ столько удовольствій, замѣшкались, занятые оживленными разговорами. Почти всѣ злорадствовали, что «собаку-капитана» отзываютъ, не давая ему никакого назначенія.

— Теперь карьера его заколодитъ, господа, это вѣрно!

— Раскусили, что это за наглый хамъ!

— Однако, судя по виду, онъ не очень-то опустилъ хвостъ... Напротивъ.

— Дурака валяетъ, скотина! Уязвленное самолюбіе!

Такъ разсуждали въ каютъ-компаніи, пользуясь отсутствіемъ старшаго офицера, который, конечно, не допустилъ бы такихъ разговоровъ.

А Налетовъ дѣйствительно имѣлъ видъ, казалось, еще болѣе наглый и заносчивый, точно ничего непріятнаго для него не случилось. Дѣло въ томъ, что и жена его, имѣвшая вліятельныя родственныя связи и молившаяся на своего мужа, и одинъ изъ близкихъ къ начальнику штаба людей извѣщали, чтобы онъ нисколько не придавалъ значенія тому, что его отзываютъ. Конечно, онъ и самъ радъ не идти на два года въ Тихій океанъ, а по возвращеніи въ Россію его, вѣроятно, назначатъ командиромъ строящагося броненосца 1-го ранга. Назначеніе блестящее. Одинъ изъ

вліятельныхъ адмираловъ вполнѣ на его сторонѣ и просилъ сообщить ему объ этомъ, прибавивъ, чтобы онъ не безпокоился. Да и «старикъ» не особенно доволенъ Тырковымъ за то, что онъ поднялъ исторію о высѣченномъ матросѣ и вообще слишкомъ усердствуетъ, раздувая всякіе пустяки и давая пищу толкамъ. Высылка мичмана графа Тараканова подняла цѣлую бурю. «Старику» не давали покоя изъ-за непростительной безтактности Тыркова.

Эти письма нѣсколько смягчили сухой лаконизмъ предписанія и значительно успокоили Налетова. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо лучше быть на глазахъ, чѣмъ вдали, да и его вовсе не тянетъ въ море. Чортъ съ нимъ! А по пріѣздѣ въ Петербургъ ужъ онъ постарается обѣлить себя и, гдѣ только возможно, расписать Тыркова.

— Будетъ доволенъ! — со злостью прошепталъ онъ, знавшій очень хорошо, какъ и на кого именно надо дѣйствовать.

И, полный ненависти къ адмиралу, вздумавшему ему «напакостить», Налетовъ въ умѣ уже набросалъ общій планъ той «свиньи», которую онъ подложитъ адмиралу. Удаленіе графа Тараканова распишется въ извѣстныхъ кружкахъ, какъ вопіющая несправедливость. Приказъ Тыркова, прочитанный матросамъ, о томъ, что офицеры не имѣютъ права драться, Налетовъ считалъ большимъ козыремъ въ своихъ рукахъ. Тутъ можно расписать самые пикантные узоры насчетъ подрыва власти и дисциплины, и вообще всю дѣятельность Тыркова можно будетъ представить именно въ такомъ цвѣтѣ—тема благодарная, если ее обработать умѣючи и пустить, куда слѣдуетъ... Небойсь, скоро уберутъ этого законника и «филантропа» и сдадутъ въ архивъ... Туда же лѣзетъ со своими порядками! Какой-то новый духъ хочетъ заводить, старая дура!

Не дожидаясь пріѣзда новаго командира, котораго ждали черезъ недѣлю, Налетовъ подалъ адмиралу рапортъ о болѣзни и, сдавши временно командованіе крейсера старшему офицеру, собирался немедленно уѣхать въ Россію. Никакихъ обычныхъ проводовъ ему, конечно, не устроили. Ревизоръ вздумалъ-было заикнуться о прощальномъ обѣдѣ, но общее негодованіе въ каютъ-компаніи не дало ему продолжать.

— Устраивайте ему сами обѣдъ, коли хотите, а мы не хотимъ!—раздались голоса.

Когда вечеромъ черезъ три дня, въ отсутствіи адмирала

и большей части офицеровъ, бывшихъ на берегу, вельботъ съ отъѣзжавшимъ, ни съ кѣмъ не простившимся, бывшимъ капитаномъ «Грознаго» отвалилъ отъ борта, многіе изъ матросовъ на бакѣ перекрестились.

— Спасибо справедливому адмиралу, избавилъ насъ отъ собаки... — проговорилъ одинъ изъ матросовъ, выражая общее настроеніе.

Къ удивленію, и скорѣй пріятному, чѣмъ грустному, Скворцовъ вотъ уже цѣлый мѣсяцъ не имѣлъ отъ адмиральши писемъ, несмотря на то, что у нея было точное расписаніе, куда и въ какое время адресовать на эскадру письма. Въ Виллафранкѣ тоже не было на имя Скворцова узенькаго, длиннаго, надушеннаго конверта съ надписью, сдѣланной мелкимъ почеркомъ, обыкновенно возбуждавшимъ завистливое любопытство многихъ мичмановъ въ каютъ-компаніи, почему-то не вѣрившихъ, что эти письма отъ сестры, какъ увѣрялъ Скворцовъ.

«Сестры, молъ, такіе толстые конверты не посылаютъ!»—говорили, казалось, ихъ улыбающіеся насмѣшливые взгляды.

Вѣрно, Нина Марковна (Скворцовъ уже и мысленно называлъ адмиральшу не Ниной, а Ниной Марковной) совсѣмъ успокоилась,—размышлялъ онъ, успокаивая себя,—и, получивъ письмо о лишнемъ годѣ разлуки (прежде скрытомъ изъ трусости), догадалась, что любовь не бываетъ вѣчною. Недаромъ она писала, что Неглинный лѣтомъ часто у нея бывалъ. За лѣто Неглинный, конечно, вполнѣ обработанъ,—адмиральша на это мастерица!—и теперь она донимаетъ влюбленнаго раба Божія Васеньку сценами ревности и упрековъ съ финаломъ клятвъ и поцѣлуевъ, чортъ побери его, однако! Интересно было бы увидѣть этого фефелу. Какую онъ теперь разводитъ теорію объ амурахъ! Какъ бѣдняга себя чувствуетъ, воображая, что обманываетъ добряка Ивана Иваныча? Дай Богъ ему всего лучшаго, этому прелестному Ивану Иванычу! Если бы не онъ, быть бы ему, злополучному лейтенанту, до сихъ поръ какъ бычку на веревочкѣ... А теперь свободенъ, какъ вѣтеръ!.. И хоть бы Неглинный написалъ другу, а то молчитъ, точно набралъ въ ротъ воды, свинья этакая! Видно, въ самомъ дѣлѣ втюрился съ сапогами и пересталъ валять Іосифа Прекраснаго. Васенька хоть и фефелистъ, а ничего мальчикъ.

Такъ раздумывалъ Скворцовъ, стоя на вахтѣ вечеромъ

въ день прихода въ Виллафранку, и—признаться—не испытывалъ чувства ревности къ другу. Напротивъ, значительно охладѣвшій къ Нинѣ Марковнѣ и болѣе правильно оцѣнившій ее за время разлуки, онъ искренно жалѣлъ друга, предполагая, что онъ не мало натерпится отъ пламенной и сумасбродной адмиральши, если только она уже всѣмъ для него «пожертвовала», и онъ передъ такой жертвой не задалъ, по своему благородству, тягу... Ну, а тогда Васенькѣ капутъ... Мертвая петля! Неглинный изъ нея не выскользнетъ, какъ выскользнулъ онъ. Не такой Васенька человѣкъ. Адмиральша какъ по нотамъ будетъ разыгрывать на его благородствѣ! Бѣдный Неглинный!..

— Фалгребные на верхъ!—крикнулъ онъ вслѣдъ за докладомъ сигнальщика, что адмиралъ ѣдетъ.

Адмиралъ, благоволившій къ Скворцову и считавшій его дѣльнымъ и исправнымъ офицеромъ, проходя къ себѣ въ каюту, спросилъ его:

— Ну что, довольны, что идете въ Тихій океанъ?

— Доволенъ, ваше превосходительство.

— Быть-можетъ, вы предпочли бы остаться здѣсь. Тогда я васъ оставлю.

— Благодарю, ваше превосходительство. Я предпочту идти на «Грозномъ».

— Въ такомъ случаѣ, радъ за васъ... Въ Тихомъ океанѣ у васъ будетъ больше морской практики, и плаванье серьезнѣе... Да и новый капитанъ вашъ прекрасный морякъ... А я было-думалъ...

Адмиралъ на секунду остановился и, улыбнувшись, прибавилъ:

— Думалъ, что васъ тянетъ скорѣй вернуться въ Россію... Радъ, что ошибся... Такому бравому офицеру, какъ вы, грѣшно сидѣть на берегу... Нашъ флотъ очень нуждается въ дѣльныхъ морякахъ... Спокойной ночи!

И адмиралъ, пожавъ Скворцову руку, прошелъ къ себѣ въ каюту.

«Вѣрно, и адмиралъ кое-что слышалъ о моемъ увлеченіи адмиральшей!»—подумалъ Скворцовъ, очень польщенный комплиментами адмирала, къ которому чувствовалъ восторженное уваженіе и былъ самымъ ярымъ его защитникомъ въ каютъ-компаніи.

Выспавшись отлично послѣ вахты и пообѣщавъ своему любимцу-вѣстовому купить на берегу на платье «кумѣ» въ Кронштадтѣ, о которой вѣстовой нерѣдко вспоминалъ

съ большимъ увлеченіемъ, Скворцовъ вмѣстѣ съ докторомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ отправились въ Ниццу, разсчитывая вечеромъ послушать оперу.

Минутъ черезъ десять поѣздъ доставилъ ихъ на ниццскую станцію, гдѣ въ это же время стоялъ парижскій экспрессъ, прибывшій почти въ одно и то же время. Они торопливо пробирались въ толпѣ, какъ вдругъ кто-то дернулъ Скворцова за рукавъ, и чей-то знакомый, радостный и нѣжный голосъ произнесъ у самаго его уха:

— Ника!

«Ника» совсѣмъ ошалѣлъ отъ изумленія. Передъ нимъ была адмиральша въ изящномъ дорожномъ платьѣ, съ алой розой въ петличкѣ жакетки, и весело и властно протягивала ему свою маленькую ручку.

XXII.

Ошалѣвай, не ошалѣвай, а какъ бы то ни было, адмиральша была тутъ, точно свалившись съ небесъ, попрежнему свѣжая, цвѣтущая и пикантная, съ подведенными слегка глазами и главное, по всѣмъ признакамъ, такая же любящая, рѣшительная и считающая «Нику» своимъ вѣрноподданнымъ, какъ и шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда еще «Ника» не зналъ, что валерьянъ не спроваживаетъ человѣка на тотъ свѣтъ.

Болѣе пораженный, чѣмъ обрадованный, чувствующій, что ему придется «заметать хвостъ» и,—ужъ надо признаться,—изрядно-таки струсившій при мелькнувшей мысли о неизбѣжности рѣшительнаго объясненія и бурныхъ сценъ, Скворцовъ съ какою-то нервной возбужденностью слабохарактернаго человѣка, застигнутаго врасплохъ, пожималъ и потрясалъ ручку адмиральши и, стараясь казаться необыкновенно обрадованнымъ, растерянно и громко восклицалъ, обращая на себя вниманіе проходящихъ:

— Какими судьбами, Нина... Нина Марковна?.. Вотъ никакъ не ожидалъ!.. Признаюсь, пріятный сюрпризъ... На долго ли въ Ниццу?.. Какъ поживаетъ Иванъ Ивановичъ?.. Вы изъ Парижа? Давно ли изъ Россіи?

Кидая эти вопросы и чувствуя себя все-таки виноватымъ передъ этой маленькой женщиной, которая не только для него «всѣмъ пожертвовала», но еще и прикатила сюда, очевидно, для свиданія съ нимъ («этакая фефела этотъ Неглинный!») и, разумѣется, для истребованія отчета, какъ онъ себя велъ за время разлуки,—Скворцовъ въ то же

время безпокойно оглядывался и искалъ глазами своего спутника, чтобы сказать ему, что пріѣздъ кузины, что ли, мѣшаетъ ему провести день вмѣстѣ съ докторомъ. Но Ѳедоръ Васильевичъ, услышавшій интимное восклицаніе адмиральши и догадавшійся по выраженію ея лица, что эта дама едва ли родственница Скворцова, поспѣшилъ деликатно исчезнуть, предполагая, что его пріятелю несравненно будетъ пріятнѣе эта неожиданная встрѣча безъ посторонняго свидѣтеля.

— Ты кого это ищешь?—спросила, вмѣсто отвѣта, адмиральша, внезапно насторожившись, и въ ея глазахъ блеснулъ хорошо знакомый Скворцову огонекъ, верхняя губа, подернутая пушкомъ, вздрогнула, и ноздри раздулись.

И съ этими словами она обернулась.

На несчастіе злополучнаго лейтенанта, совсѣмъ близко, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, стояла хорошенькая, бойкая, пестро одѣтая француженка, одна изъ тѣхъ фривольныхъ дамъ, которыя на станціи ищутъ случайнаго попутчика, который довезъ бы до Монте-Карло и далъ бы два золотыхъ, чтобъ попытать счастья въ рулеткѣ. Вдобавокъ, и она, признавъ въ Скворцовѣ иностранца, взглядывала на молодого, красиваго лейтенанта съ большой выразительностью.

Адмиральша метнула на нее подозрительный взглядъ, на который француженка отвѣтила гримаской и хохотомъ,—и взволнованно проговорила, хмуря брови:

— Быть-можетъ, я помѣшала... Васъ ждутъ...

— Никто меня не ждетъ... Я сію минуту пріѣхалъ... Я искалъ доктора... Ѳедора Васильевича... Мы съ нимъ вмѣстѣ съѣхали на берегъ...

Въ голосѣ Скворцова звучала нотка раздраженія.

— Ну, прости... прости, Ника... Ты въ послѣднее время такъ рѣдко писалъ... Мало ли какія мысли приходили въ голову!.. Я такъ страдала... такая безъ тебя была тоска, что я не выдержала и поѣхала повидаться съ тобой... Однако ѣдемъ, Ника... Вези меня въ гостиницу. Какая здѣсь лучшая? Пошли носильщика за моимъ багажомъ... Пусть его пришлютъ въ отель...

Черезъ пять минутъ все было устроено, и адмиральша съ Скворцовымъ сѣла въ карету и поѣхала въ Grand Hôtel de Nice...

Дорогой адмиральша, радостная и веселая, держала въ своихъ маленькихъ рукахъ руку Скворцова и взглядывала

ему въ лицо съ властной нѣжностью, словно бы говоря своимъ взглядомъ: «Ну, голубчикъ, теперь ты снова мой, и ужъ я тебя не отпущу!» И Скворцовъ, нѣсколько смущенный своимъ положеніемъ плѣнника, слушалъ, какъ она «страдала безъ него» и какъ она счастлива теперь.

— Ты видишь, какъ я тебя люблю, Ника, какъ я вѣрна тебѣ? А ты? Ты не разлюбилъ свою Нину? Ты вѣдь радъ, что я къ тебѣ пріѣхала? Говори, радъ, мой милый?

У кого хватитъ жестокости сказать женщинѣ, да еще хорошенькой, которая пріѣхала изъ Петербурга въ Ниццу для свиданія, что ей не рады? Да и Скворцовъ, хоть и значительно охладѣвшій къ адмиральшѣ послѣ своего бѣгства и хорошо еще помнившій, какой «бамбукъ» было его положеніе въ качествѣ любимаго человѣка, тѣмъ не менѣе былъ очень польщенъ пріѣздомъ, свидѣтельствовавшимъ и объ ея, совсѣмъ неожиданномъ, постоянствѣ, и о «фефелистости» Неглиннаго, да вдобавокъ, и этотъ нѣжный, чарующій голосъ, поющій о любви, растрогалъ молодого человѣка. И онъ, разумѣется, отвѣчалъ, что очень радъ, безконечно радъ, и въ доказательство пожалъ ея руку, такъ какъ болѣе убѣдительнымъ образомъ выразить свою радость на улицѣ было невозможно...

Слушая разныя нѣжности и, между прочимъ, получивъ комплиментъ, что «Никѣ очень идетъ статское платье», Ника не переставалъ все-таки думать о предстоящемъ объясненіи... Нельзя ли его отложить, по крайней мѣрѣ... хотя на день, на два... А то какъ же сразу огорошить ее извѣстіемъ, что онъ уходитъ въ Тихій океанъ?.. Положимъ, валерьянъ его не испугаетъ, но все-таки... И надо же, наконецъ, объяснить ей, что онъ недостоинъ, что ли, ея любви и... и вообще... не настолько любитъ, чтобы связать съ ней свою судьбу. Надо уяснить ей все это... А еще лучше бы ничего не говорить объ уходѣ въ Тихій океанъ. Черезъ недѣлю «Грозный» уйдетъ изъ Виллафранки... Можно въ день ухода отправить ей письмо, подробное письмо, въ которомъ добросовѣстно изложить всѣ обстоятельства, обѣщавъ сохранить о ней навсегда благодарную память, и дѣло съ концомъ... Тю-тю! Ищи его! Небойсь, въ Тихій океанъ адмиральша не пріѣдетъ требовать любви и объясненій... Далеконько! «А какая же, однако, она хорошенькая, эта адмиральша!» — внезапно прервалъ свои размышленія Скворцовъ, взглядывая на Нину Марковну.

— Что, постарѣла я?—кокетливо спросила она.

— Напротивъ, такая же хорошенькая, какъ и была,— совсѣмъ уже искренно проговорилъ Скворцовъ.

И неожиданно спросилъ:

— А что подѣлываетъ Неглинный? Онъ мнѣ не пишетъ ни строчки.

— Неглинный? — протянула, слегка краснѣя, адмиральша и сдѣлала такую гримаску, что Скворцову вчужѣ стало жаль своего друга. — Ничего, здоровъ, философствуетъ и изрѣдка заходитъ къ намъ...

— Онъ, кажется, влюбленъ въ тебя до безумія?

— А ты откуда знаешь?

— Догадался изъ его единственнаго письма ко мнѣ...

— А можетъ-быть, хотя онъ и не удостоилъ меня чести признанія, — промолвила адмиральша, усмѣхнувшись...

— Страдаетъ молча, бѣдный Васенька?

— Не знаю... Пусть себѣ!.. И вообще твой Неглинный, хоть и добрый человѣкъ, но...

Адмиральша остановилась на минутку, вспомнивъ, какимъ балбесомъ велъ себя Неглинный въ теченіе лѣта, и, безсовѣстно забывъ остальныя его заслуги въ качествѣ идеальнаго комиссіонера, съ презрительной усмѣшкой прибавила:

— Но, по правдѣ говоря, невыносимо скученъ... Онъ не можетъ нравиться женщинамъ... А ты, Ника, ужъ не ревнуешь ли къ своему другу? Нашелъ къ кому ревновать!—расхохоталась адмиральша.—Да развѣ я тебя на кого-нибудь промѣняю, моего ненаглядпаго?.. Я вѣдь до конца моихъ дней твоя, вѣрная твоя Нина, и ты мой...

«Ну, это шалишь!»—подумалъ въ ту же секунду Скворцовъ, охваченный внезапнымъ страхомъ отъ такой пріятной перспективы дальнѣйшей своей судьбы. Но онъ малодушно промолчалъ, тѣмъ болѣе, что карета подъѣхала къ подъѣзду, и представительный, съ превосходно расчесанными бакенбардами швейцаръ вышелъ отворить дверцы.

Тотчасъ же явился не менѣе представительный господинъ во фракѣ, хозяинъ гостиницы, и пригласилъ пріѣзжихъ посмотрѣть комнаты. Адмиральша выбрала себѣ хорошенькій, мило убранный номеръ въ двѣ комнаты и когда подала свою карточку, то хозяинъ, и безъ того любезный, сталъ еще любезнѣе.

— А для васъ тоже нужна комната?—спросилъ хозяинъ Скворцова.

— И брату нужна,—поспѣшила отвѣтить адмиральша, замѣтивъ колебаніе молодого лейтенанта.

«Однако, — подумалъ Скворцовъ: — она мною распоряжается, какъ собственностью!»—и покорно послѣдовалъ за хозяиномъ.

— Черезъ четверть часа приходи, Ника,—кинула вслѣдъ адмиральша.—Я тебѣ разскажу о моихъ планахъ... Будешь доволенъ.

Хозяинъ повелъ-было Скворцова въ номеръ того же этажа, но тотъ благоразумно попросилъ его отвести ему комнату повыше и не очень дорогую.

Оставшись одинъ въ номерѣ, Скворцовъ заходилъ по комнатѣ, полный внезапной рѣшимости немедленно же объясниться съ адмиральшей. Подло же въ самомъ дѣлѣ ее обманывать.

Но когда онъ вошелъ къ адмиральшѣ, и она, только-что переодѣвшаяся въ изящное парижское платье съ вырѣзнымъ воротомъ и съ короткими рукавами, красивая и, казалось, помолодѣвшая, бросилась къ нему навстрѣчу и, обнявъ его шею руками, прильнула къ его губамъ, вся трепещущая отъ счастья,—Скворцовъ, несмотря на свое твердое намѣреніе объясниться, вмѣсто объясненій безмолвно сжималъ адмиральшу въ своихъ объятіяхъ.

Послѣ первыхъ, безумно-страстныхъ минутъ свиданія послѣ долгой разлуки, адмиральша, поправивъ свою смятую прическу, заалѣвшая и счастливая, присѣла на диванъ и, усадивъ возлѣ себя Скворцова, стала излагать свой планъ.

Планъ въ самомъ началѣ былъ заманчивый.

Она хорошо понимаетъ, какъ Никѣ тяжела разлука, и какъ онъ не хотѣлъ идти въ плаваніе. Неглинный ей объ этомъ не разъ говорилъ («Нечего сказать, удружилъ!»—мысленно шепнулъ Скворцовъ, обозвавъ про себя Неглиннаго идіотомъ). Еще годъ куда ни шло, но два года—это невозможно...

— И знаешь, Ника, что я придумала?—съ побѣдоноснымъ видомъ сказала адмиральша.

— Что такое?—спросилъ далеко не весело Скворцовъ.

— Я попросила Ванечку дать письмо къ Тыркову...

— Къ Тыркову?.. Зачѣмъ?

— Глупый! Развѣ не понимаешь? Чтобы онъ тебѣ по

болѣзни, что ли, разрѣшилъ вернуться въ Россію... Я сама хорошо знакома съ Тырковымъ,—мы съ нимъ большіе пріятели,—и попрошу его, онъ навѣрно не откажетъ... И тогда мы вмѣстѣ уѣдемъ и проведемъ нѣсколько мѣсяцевъ вдвоемъ... Поѣдемъ въ Италію, въ Испанію, куда хочешь... Не правда ли, какъ хорошо?..

Но, къ изумленію адмиральши, лицо Скворцова далеко не выражало радости...

Напротивъ...

И онъ только-что хотѣлъ заговорить, какъ въ двери постучали.

Скворцовъ, какъ достойный ученикъ адмиральши, быстро пересѣлъ съ дивана на отдаленное кресло и принялъ почтительную позу человѣка, пришедшаго съ визитомъ.

— Entrez!—крикнула адмиральша.

Въ дверяхъ показалась низенькая, плотная фигура адмирала.

— Ни слова ему! Мнѣ надо прежде объясниться съ тобой! — шепнулъ Скворцовъ, когда адмиральша съ привѣтливой, милой улыбкой поднялась навстрѣчу адмирала.

XXIII.

Адмиралу не шло статское платье, и въ мѣшковатомъ, плохо сидѣвшемъ черномъ рединготѣ, съ цилиндромъ въ рукахъ, въ съѣхавшемъ на бокъ узенькомъ галстукѣ, онъ представлялъ собою далеко не казистую фигуру, совсѣмъ не похожую на того адмирала, который стоялъ на мостикѣ «Грознаго» въ своемъ потертомъ, короткомъ пальто и въ сбитой назадъ фуражкѣ и, разставивъ фертомъ ноги, спокойно и зорко посматривалъ вокругъ во время ученій и маневровъ въ свѣжую погоду.

Привѣтствуя Нину Марковну, которую онъ зналъ, когда она еще была дѣвушкой, и, кажется, въ то время былъ къ ней неравнодушенъ, и почтительно цѣлуя душистую ея ручку, адмиралъ Тырковъ, казалось, нѣсколько смутился, увидавъ Скворцова и догадавшись по его далеко не веселому виду, что прервалъ пріятное tête-à-tête, явившись нежданнымъ гостемъ. Вѣроятно, поэтому онъ поспѣшилъ объяснить, благодаря какой счастливой случайности узналъ, что Нина Марковна здѣсь. Онъ, видите ли, завтракалъ въ этомъ отелѣ и, уходя, увидалъ на доскѣ ея фамилію и не отказалъ себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать Нинѣ Марковнѣ свое почтеніе.

Адмиральша, разумѣется, была «несказанно обрадована такой счастливой случайностью» и снова пожала руку адмирала, благодаря его за милое вниманіе и очень довольная въ то же время, что адмиралъ не оказалъ «милаго вниманія» четвертью часами раньше и не помѣшалъ первымъ счастливымъ минутамъ радостной встрѣчи съ «Никой».

— Я сегодня же хотѣла написать вамъ, Василій Петровичъ, что пріѣхала и жду своего добраго пріятеля,— продолжала адмиральша съ обычной своей чарующей привѣтливостью, улыбаясь глазами, словно лаская ими.—Я отъ Николая Алексѣича узнала, что «Грозный» здѣсь близко, и вы на немъ. Надѣюсь, вы знаете этого молодого человѣка! — прибавила адмиральша, указывая взглядомъ на Скворцова, который всталъ, при входѣ адмирала, и теперь почтительно кланялся.

— Еще бы не знать! Мы съ Николаемъ Алексѣичемъ большіе пріятели!—промолвилъ привѣтливо адмиралъ и крѣпко пожалъ молодому лейтенанту руку.

— Наша встрѣча съ нимъ была совсѣмъ неожиданная!— воскликнула адмиральша, усаживаясь на диванъ.—Вообразите, Василій Петровичъ... Только-что пріѣхала я сегодня изъ Парижа въ Ниццу, выхожу на дебаркадеръ, гляжу: Николай Алексѣичъ.

— Мы съ докторомъ изъ Виллафранки пріѣхали въ одно время съ Ниной Марковной. Поѣзда тутъ скрещиваются,—счелъ почему-то нужнымъ вставить слегка смущенный Скворцовъ, обращаясь къ адмиралу и точно оправдываясь.

— Ну, я, разумѣется, остановила его и, по праву доброй знакомой, заставила проводить меня въ отель... Надѣюсь, что онъ и впредь не откажется иногда быть моимъ чичероне...

— Не смѣетъ отказаться. Я его откомандирую въ ваше распоряженіе, Нина Марковна, пока «Грозный» будетъ стоять въ Виллафранкѣ,—шутливо замѣтилъ адмиралъ.

— Не бойтесь, я не злоупотреблю вашей любезностью и не заставлю проклинать соотечественницу, Николаій Алексѣичъ! — съ веселымъ смѣхомъ промолвила адмиральша, бросая на молодого человѣка пристальный и пытливый взглядъ и тотчасъ же отводя его.

Скворцову оставалось только проговорить съ любезной улыбкой, что онъ «всегда къ услугамъ Нины Марковны»,

а въ головѣ носилась тревожная мысль: «какъ бы адмиральша не вздумала теперь же «брякнуть» адмиралу о томъ, что онъ желаетъ вернуться въ Россію! Пожалуй, еще и письмо Ивана Иваныча передастъ? То-то выйдетъ «бамбукъ»! И на кой чортъ Иванъ Ивановичъ проситъ за меня, когда я его объ этомъ не просилъ? Вѣрно, она его заставила, эта неугомонная женщина, желающая распоряжаться мною, какъ своимъ покорнымъ рабомъ... Шалишь, Нина Марковна! Дудки! Не увезете вы меня въ Россію! Ужъ приму сегодня лучше сразу наказаніе, но объяснюсь!

Въ свою очередь и адмиральша, несмотря на оживленіе и веселый смѣхъ, въ душѣ испытывала тревогу, тщательно скрываемую передъ гостемъ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего Ника не выразилъ восторга отъ предложеннаго ею плана, сулившаго имъ обоимъ столько счастья? Вѣдь не балбесъ же онъ въ родѣ Неглиннаго, чтобы добровольно отказываться отъ радостей жизни? И отчего онъ требовалъ, чтобы она ни слова не говорила Тыркову? Какое онъ хочетъ имѣть объясненіе?

Такъ думала адмиральша, полная жгучихъ ревнивыхъ подозрѣній, и еще оживленнѣе и любезнѣе говорила адмиралу, что Ванечка, слава Богу, здоровъ и просилъ очень кланяться, что онъ получилъ береговое мѣсто, и съ сентября они переселились изъ Кронштадта въ Петербургъ...

— Какъ же, читалъ въ газетахъ и порадовался за Ивана Иваныча. Онъ, конечно, доволенъ?

— А то какъ же? Мѣсто покойное, содержанія больше... И надоѣло ему, бѣдному, уходить въ плаваніе. Слава Богу, поплавалъ... Теперь ужъ намъ не придется каждое лѣто врозь жить...

— А вы сюда надолго, Нина Марковна? Надѣюсь, что пожаловали не для лѣченія. Глядя на васъ, было бы просто грѣшно предположить, что вы могли бы быть больны?—проговорилъ адмиралъ, застѣнчиво краснѣя, и, взглядывая на цвѣтущую адмиральшу, припомнилъ и свое былое увлеченіе ею, и то, что она предпочла ему Ивана Ивановича.

— Не судите по наружности, Василій Петровичъ... Меня послали сюда доктора...

— Что съ вами?—участливо и удивленно спросилъ адмиралъ.

— У меня, Василій Петровичъ, неврастенія,—отвѣчала Нина Марковна, отчеканивая это слово съ внушительной торжественностью и словно бы нѣсколько гордясь, что у нея болѣзнь съ такимъ мудренымъ и въ то же время красивымъ названіемъ. — Неврастенія! — повторила адмиральша, принимая вдругъ серьезный видъ женщины, одержимой недугомъ.—Такъ Ижевскій опредѣлилъ... Знаете, знаменитый спеціалистъ Ижевскій...

— Какая же это болѣзнь?

— Разстройство всей нервной системы... Я сильно страдала и лѣто, и осень отъ этого... Пока болѣзнь, слава Богу, въ началѣ, но запустить ее, говорятъ, очень опасно... Ижевскій такъ и сказалъ, и совѣтовалъ непремѣнно провести зиму на югѣ, дать окрѣпнуть нервамъ, отдохнуть въ тепломъ климатѣ... Признаться, я не хотѣла ѣхать... Жаль было оставить Ванечку одного...

— А что же Иванъ Иванычъ не поѣхалъ съ вами, Нина Марковна?

— Звала его, но, вы понимаете, ему неловко было брать отпускъ, получивши только-что новое назначеніе.

«Эка вретъ какъ и не моргнетъ глазомъ!»—пронеслось въ головѣ у Скворцова.

Адмиральша между тѣмъ не переставала занимать не особенно рѣчистаго адмирала и, между прочимъ, сообщила о слухахъ, и довольно вѣроятныхъ, что адмиралъ-старикъ оставляетъ свой постъ.

— Мало ли какіе ходятъ слухи, Нина Марковна!—промолвилъ адмиралъ и, просидѣвъ еще минутъ пять, поднялся съ мѣста.

«Слава Богу, промело!»—подумалъ Скворцовъ и, радостно вздохнувъ, тоже всталъ и взялъ съ окна свой котелокъ.

— Куда же вы, Василій Петровичъ? — воскликнула адмиральша.—Посидите...

— Простите, не могу. Если позволите, въ другой разъ.

— Не только позволю, но прошу, очень прошу и чѣмъ скорѣе навѣстите меня, тѣмъ лучше... И я къ вамъ пріѣду на «Грозный». Позволите?—съ кокетливой улыбкой промолвила адмиральша.

— Буду весьма счастливъ принять васъ, Нина Марковна,—съ галантной любезностью отвѣчалъ адмиралъ, низко кланяясь.—Когда вамъ будетъ угодно?

Рѣшено было что на слѣдующій же день Нина Мар-

ковна пріѣдетъ обѣдать къ адмиралу. Адмиралъ пригласилъ и Скворцова, поручивъ ему привезти адмиральшу на крейсеръ.

— А вы долго думаете простоять въ Villafranche?

— Недѣлю, Нина Марковна...

— Недѣлю только? А затѣмъ?..

— Я пойду на «Грозномъ» въ Мальту и пересяду на свой флагманскій корабль, который меня тамъ ждетъ.

— А «Грозный»?

— Развѣ вы не знаете?.. Онъ уходитъ въ Тихій океанъ на два года.

— Въ Тихій океанъ?—воскликнула адмиральша.

Голосъ ея чуть-чуть дрогнулъ. Несмотря на умѣнье владѣть собой, адмиральша едва скрыла тревожное волненіе, охватившее ее при этомъ неожиданномъ извѣстіи, и то благодаря батистовому носовому платку, который ей вдругъ понадобился и на минуту закрылъ ея лицо.

«Отчего Ника скрылъ отъ меня это? Онъ меня обманываетъ!»—съ гнѣвнымъ чувствомъ подумала адмиральша, бросая украдкой взглядъ на Нику.

Тотъ выдержалъ этотъ, хорошо знакомый ему, быстрый и молніеносный взглядъ черныхъ подведенныхъ глазъ адмиральши, предвѣщающій ураганъ, съ наглой отвагой человѣка, сознающаго безвыходность своего положенія и рѣшившаго защищаться до крайности. «Вляпался!»—мысленно повторялъ онъ, соображая, что теперь ужъ нѣтъ никакой возможности «втереть ей очки» при объясненіи, на что онъ легкомысленно надѣялся.

И онъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ ждалъ, что будетъ дальше и какъ «все объяснится».

Адмиралъ между тѣмъ пояснилъ адмиральшѣ, что «Грозный» назначенъ телеграммой изъ Петербурга.

— Вотъ только ждемъ пріѣзда новаго командира.

— А Налетовъ?

— Онъ смѣненъ, Нина Марковна, и уѣзжаетъ въ Россію.

— А вы, Николай Алексѣичъ, и не сообщили мнѣ всѣхъ этихъ новостей? — промолвила адмиральша, уже овладѣвшая собой.

И самымъ равнодушнымъ тономъ спросила:

— И вы, конечно, идете на «Грозномъ»?

— Иду, Нина Марковна.

«И какъ онъ говоритъ спокойно, безсовѣстный!»

— Какъ же, идетъ, Нина Марковна, идетъ-съ,—весело

подтвердилъ адмиралъ, привѣтливо посматривая на Скворцова.—Признаюсь, у меня было намѣреніе взять Николая Алексѣича къ себѣ флагъ-офицеромъ, и я вчера предлагалъ ему остаться въ Средиземномъ морѣ.

— И онъ, разумѣется, не хочетъ? — перебила адмиральша.

— Не хочетъ, Нина Марковна. И умно дѣлаетъ-съ. Умно и похвально. Молодому моряку надо поплавать въ океанѣ,—когда еще представится случай опять попасть въ дальнее плаванье. А океанъ—превосходная школа, особенно для такого браваго офицера, какъ Николай Алексѣичъ.

«Окончательно зарѣзалъ!»—пронеслось въ головѣ «браваго офицера», и онъ рѣшилъ «исчезнуть» вмѣстѣ съ адмираломъ, чтобы не компрометировать адмиральши своимъ долгимъ визитомъ и—главное—избѣгнуть первыхъ взрывовъ ея гнѣва.

— Еще бы!.. Гдѣ же и учиться, какъ не въ океанѣ!.. И Ванечка, который такъ любитъ Николая Алексѣича, всегда говорилъ, что изъ него выйдетъ отличный морякъ... Очень рада за васъ, Николай Алексѣичъ! — прибавила адмиральша съ веселой, обворожительной улыбкой, нервно сжимая въ своемъ маленькомъ кулачкѣ батистовый платокъ и чувствуя, что къ горлу подступаютъ слезы.

— Такъ до завтра, Нина Марковна?—проговорилъ адмиралъ, цѣлуя ручку.

— Непремѣнно, Василій Петровичъ, если только опять не зашалятъ нервы... А вы, Николай Алексѣичъ, тоже бѣжать?—обратилась адмиральша къ Скворцову, замѣтивъ, что и онъ собирается уходить.—Нѣтъ, я васъ не отпущу... Полюбуйтесь, Василій Петровичъ, какіе нынче молодые люди?.. Обѣщалъ мнѣ показать Ниццу и хочетъ уходить... Оставайтесь и сейчасъ же поѣдемъ кататься...

— Это нехорошо, Николай Алексѣевичъ, — замѣтилъ адмиралъ.—Надо слушаться начальства!—шутливо прибавилъ онъ и, пожавъ молодому человѣку руку, ушелъ, обѣщая адмиральшѣ навѣщать ее, пока «Грозный» здѣсь.

XXIV.

Проводивъ адмирала до дверей, Нина Марковна медленной и слабой походкой, точно съ трудомъ передвигая свои маленькія ножки, печально склонивъ на грудь голову, прошла къ дивану и опустилась на него тихая, скорб-

ная и подавленная, не произнося ни слова, не поднимая глазъ, прикрытыхъ длинными, густыми рѣсницами.

Нѣсколько долгихъ минутъ прошли въ томительномъ молчаніи среди тишины, царившей въ этой уютной, небольшой комнатѣ, залитой яркимъ свѣтомъ чуднаго солнечнаго дня, врывавшимся въ два большія окна. Звуки мандолины вдругъ раздались подъ окномъ, и мягкій теноръ уличнаго пѣвца-итальянца донесся въ комнату... Пѣсенка, которую пѣлъ пѣвецъ, говорила, казалось, о любви, о счастіи... Адмиральша вздрогнула и снова замерла въ своемъ безмолвномъ горѣ.

Такою Скворцовъ никогда не видалъ адмиральшу во все время ихъ знакомства. Пораженный, онъ тоже притихъ въ креслѣ, пощипывая свою бородку, смущаясь все болѣе и болѣе и чувствуя себя виноватымъ. Еще бы не смутиться молодому лейтенанту, и не догадывавшемуся о разнообразіи репертуара хорошенькой адмиральши! Онъ ждалъ урагана, ждалъ взрыва упрековъ, проклятій, трагическихъ жестовъ и истерики — и вдругъ вмѣсто всего этого передъ нимъ эта маленькая, изящная женщина въ видѣ покорной, безмолвной жертвы.

«И хотя бы она заговорила!»—подумалъ Скворцовъ, бросая тревожный взглядъ на адмиральшу...

Слезы медленно катились по ея щекамъ. Она ихъ не вытирала, и эти слезы какъ бы свидѣтельствовали о великости преступленія молодого лейтенанта.

Наконецъ она произнесла:

— Николай Алексѣичъ... объясните мнѣ... я не могу понять... что все это значитъ?

«О Господи! Что за кроткій, мягкій голосъ! И сколько покорности въ ея взглядѣ! Какъ она измѣнилась въ характерѣ за это время! Рѣшительно слѣдуетъ ей сказать всю правду!»—подумалъ Скворцовъ.

— Нина Марковна, — началъ онъ тихимъ и робкимъ, слегка дрожащимъ голосомъ, какимъ говорятъ подсудимые, сознающіе свою вину и надѣющіеся на снисхожденіе такого же добраго на видъ судьи, какимъ въ настоящую минуту казалась адмиральша:—я не стану передъ вами оправдываться... Я хотѣлъ вамъ все объяснить, когда вы звали меня въ Россію, но пришелъ адмиралъ, и вы отъ него узнали, что я иду въ Тихій океанъ, хотя бы могъ остаться и могъ бы даже съ вами уѣхать въ Россію... Но я не поѣду. Не могу и не смѣю ѣхать. Я не достоинъ

той привязанности, какую имѣлъ честь заслужить... Вы навсегда останетесь свѣтлымъ, чуднымъ воспоминаніемъ въ моей жизни, но...

На этомъ мѣстѣ Скворцовъ запнулся, пріискивая возможно деликатную форму выраженія, и послѣ паузы продолжалъ:

— ...Но, провѣривъ въ разлукѣ свое чувство, я пришелъ къ заключенію, что оно не такое сильное и глубокое, какимъ я его считалъ прежде... Это была не настоящая любовь, Нина Марковна, а увлеченіе, безумное, страстное, но только увлеченіе... Я чувствую, что не могъ бы дать вамъ счастья, какого вы стоите, и рѣшилъ, что всего лучше намъ разстаться... Простите, Нина Марковна, но я обязанъ это сказать по чистой совѣсти... Я виноватъ, что, изъ боязни причинить вамъ зло, не написалъ всего этого раньше. Но я думалъ, что вы сами догадаетесь...

Проговоривъ свою защитительную рѣчь, Скворцовъ ожидалъ приговора не безъ нѣкоторой наивной надежды получить если не полное оправданіе, то по крайней мѣрѣ снисхожденіе. Адмиральша, казалось, такъ кротко и терпѣливо слушала, ни разу не прерывая и все время склонивъ голову на руку. Правда, выраженія ея лица онъ не видалъ, лицо было прикрыто рукой, но, судя по спокойствію адмиральши, надо было думать, что она пойметъ и вполнѣ оцѣнитъ всю искренность и деликатность его объясненія.

Но въ ту же секунду Скворцовъ увидалъ внезапное превращеніе. Кроткое, притихшее, покорное созданіе снова сдѣлалось прежней бѣшеной адмиральшей. Грозная и рѣшительная, съ сверкающими глазами, раздувающимися ноздрями и судорожно подергиваемой верхней губой, необыкновенно красивая въ своемъ гнѣвѣ, она, словно ужаленная, вскочила съ дивана и крикнула ему знакомыя слова:

— Такъ вотъ ваша расплата за то, что я всѣмъ для васъ пожертвовала, и за то, что я такъ васъ любила! Вы увлекли порядочную женщину, а затѣмъ: «простите, я увлекался». Благородно, очень благородно! О, подлый обманщикъ! Къ чему вы клялись въ любви? Зачѣмъ писали нѣжныя письма? Зачѣмъ еще сейчасъ, полчаса тому назадъ, вы такъ горячо меня цѣловали и говорили, что такъ рады меня видѣть? Значитъ, все это была ложь, одна ложь и притворство!

И, чувствуя всю жгучую боль оскорбленнаго самолюбія избалованной женщины, которой говорятъ, что ее не любятъ, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, адмиральша разразилась цѣлымъ потокомъ обвиненій.

Онъ—негодяй, какихъ она еще не видывала. Негодяй и лжецъ, вкравшійся, какъ воръ, въ сердце довѣрчивой женщины и обольстившій ее своими рѣчами... Не онъ ли клялся въ вѣчной любви!? Не онъ ли ползалъ у ея ногъ, вымаливая ласки!? И она имѣла глупость повѣрить искренности, повѣрить клятвамъ и, тронутая ими, сама, глупая, имѣла несчастье полюбить его... и первый разъ въ жизни нарушить долгъ порядочной женщины... О, презрѣнный человѣкъ! Вѣдь изъ-за него она обманывала благороднаго Ванечку! Изъ-за него онъ, быть-можетъ, втайнѣ страдаетъ! Изъ-за него ея жизнь разбита и въ душѣ вѣчное раскаяніе, что она была невѣрной женой...

— Вы, вы, подлый, развратный человѣкъ, во всемъ виноваты! — закончила адмиральша трагически шопотомъ, вся поблѣднѣвшая, и подняла обнаженную руку, словно бы призывая проклятіе на опущенную голову «подлаго человѣка».

Это, наконецъ, взорвало Скворцова, и онъ проговорилъ:

— Но позвольте, Нина Марковна... Развѣ ужъ я такъ виноватъ, какъ вы говорите?.. Развѣ я, въ самомъ дѣлѣ, извергъ, а вы моя жертва?.. Припомните все... Чего вы хотите?.. Чтобъ я сдѣлался снова тѣмъ покорнымъ рабомъ, какимъ былъ, и чтобъ вы опять терзали меня сценами ревности, упреками и пугали меня валерьяномъ?.. Благодарю покорно! Я свободы хочу, а не цѣпей... А главное...

— Уходите! Я васъ презираю! — злобно прошептала адмиральша и указала своей маленькой ручкой на дверь.

Скворцовъ поклонился и вышелъ. Очутившись на улицѣ, онъ облегченно вздохнулъ.

На слѣдующій день адмиральша извѣстила Тыркова, что она больна и, къ сожалѣнію, не можетъ пріѣхать на «Грозный». Вмѣстѣ съ тѣмъ она писала, что докторъ, приглашенный ею вчера вечеромъ, — такъ она чувствовала себя нехорошо,—нашелъ, что вѣтры, дующіе въ Ниццѣ, очень вредны для неврастениковъ, и совѣтовалъ ей, какъ можно скорѣе, уѣхать куда-нибудь въ Италію, и она завтра же уѣзжаетъ и проситъ адмирала пріѣхать проститься.

Побывавъ въ Римѣ и въ Неаполѣ и почувствовавъ себя здоровой, адмиральша черезъ мѣсяцъ возвратилась въ Петербургъ. На вокзалѣ ее встрѣтили Иванъ Ивановичъ и Неглинный, оба радостные и сіяющіе. И адмиральша такъ крѣпко пожала руку Неглиннаго и такъ ласково взглянула на него, промолвивъ, что рада его видѣть и соскучилась безъ него, что Неглинный чуть не заплакалъ отъ восторга, зардѣвшись, какъ маковъ цвѣтъ. И вскорѣ послѣ возвращенія въ Петербургъ, однажды вечеромъ, когда Иванъ Ивановичъ былъ въ Англійскомъ клубѣ, а адмиральша послѣ ванны сидѣла въ своемъ кабинетѣ въ капотѣ съ распущенными волосами и хандрила, она послала за Неглиннымъ. Въ этотъ самый вечеръ она разсказала ему исторію своей жизни, сообщила, какъ она несчастна и какъ цѣнитъ такого вѣрнаго друга, какъ милый Василій Николаичъ, и, осчастлививъ совершенно неожиданно молодого «друга» поцѣлуемъ «сестры», нѣсколько, впрочемъ, долгимъ и страстнымъ для такого назначенія, заставила-таки Іосифа Прекраснаго не только признаться въ безумной любви и покрыть поцѣлуями и слезами ея маленькія ручки, но и восторженно объявить, что онъ готовъ сію же минуту умереть за нее. Приказывайте!! Она улыбнулась нѣжно и кротко разрѣшила ему жить на Божьемъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что и сама чувствуетъ къ нему нѣчто болѣе, чѣмъ дружбу. И черезъ нѣсколько дней адмиральша уже сдѣлала влюбленнаго Неглиннаго самымъ счастливымъ человѣкомъ въ подлунной, вѣрнѣйшимъ своимъ рабомъ и лучшимъ комиссіонеромъ въ Петербургѣ, при чемъ находила, что милый Вася далеко не такой балбесъ, какимъ она его прежде считала.

Нечего и прибавлять, что съ этихъ же поръ Неглинный сдѣлался непримиримымъ врагомъ бывшаго своего друга, о чемъ добросовѣстно и извѣстилъ его сухимъ письмомъ, въ которомъ, не объясняя причинъ, извѣщалъ, что отношенія ихъ прекращаются.

Скворцовъ понялъ, что Неглинный вполнѣ «обработанъ», и что объясняться съ нимъ теперь невозможно.

XXV.

Прошло два съ половиной года.

Въ одно лѣтнее утро «Грозный», салютуя крѣпости, входилъ въ Кронштадтъ и бросилъ якорь на большомъ рейдѣ послѣ долгаго плаванія, прискучившаго уже моря-

камъ, которые съ шумной радостью теперь поздравляли другъ друга съ счастливымъ возвращеніемъ на родину.

Въ тотъ же день Скворцовъ съѣхалъ на берегъ и пошелъ въ клубъ, надѣясь тамъ встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, кто могъ бы сообщить ему о Неглинномъ. Скворцовъ очень интересовался судьбой своего бывшаго друга и, несмотря на его странное письмо, попрежнему горячо его любилъ. За это время онъ не имѣлъ о Неглинномъ никакихъ свѣдѣній. Гдѣ онъ и что съ нимъ? Изъ газетъ онъ зналъ, что честнѣйшій и благороднѣйшій добрякъ Иванъ Ивановичъ внезапно умеръ отъ удара вскорѣ послѣ возвращенія адмиральши изъ-за границы, когда она ѣздила на свиданіе, окончившееся разрывомъ, но что съ адмиральшей, попрежнему ли бѣдняга Васенька у нея въ крѣпостномъ состояніи, или она «жертвуетъ всѣмъ» кому-нибудь другому,—все это ему было совершенно неизвѣстно.

«Вѣрно «милая фефела» до сихъ поръ у адмиральши въ плѣну! А то бы навѣрно откликнулся и извинился за это дурацкое «прекращеніе отношеній»,—рѣшилъ Скворцовъ, направляясь въ лѣтнее помѣщеніе клуба.

Тамъ было нѣсколько офицеровъ, совсѣмъ незнакомыхъ, и Скворцовъ одиноко присѣлъ къ столу, спросивъ себѣ обѣдъ, какъ на счастье его черезъ нѣсколько минутъ въ клубъ зашелъ одинъ изъ товарищей. Обрадованный Скворцовъ радостно привѣтствовалъ пріятеля: они обѣдали вмѣстѣ и роспили бутылку шампанскаго, поставленную Скворцовымъ. Первымъ дѣломъ онъ, конечно, освѣдомился о Неглинномъ.

— Ты развѣ ничего не знаешь?

— Ничего не знаю...

— Неглинный сдѣлалъ большую глупость—женился.

— Женился? На комъ?

— А на той самой адмиральшѣ, съ которой ты, кажется, путался...

— И не думалъ!—энергично запротестовалъ Скворцовъ.—Такъ женился? На Нинѣ Марковнѣ?—изумился молодой лейтенантъ.

— Вѣрнѣе, она его на себѣ женила... Ну, а онъ... извѣстно, блаженный Васенька... Говорятъ, совсѣмъ былъ «втюрившись», даромъ что адмиральша лѣтъ на десять его старше и вообще «бабецъ» очень занозистый...

— И давно онъ женился?

— Да года полтора тому назадъ, какъ получилъ отъ дяди большое наслѣдство. Раньше онъ такъ, въ свободную любовь игралъ. Не рука была адмиральшѣ лишаться пенсіона, ну, а какъ Неглинный сталъ богатъ, адмиральша навѣчно закрѣпостила Васеньку. Крѣпче, молъ, будетъ. Баба ловкая. И еще очень того... аппетитная, хоть и подводитъ глаза и подкраску любитъ...

— А Неглинный попрежнему преподаетъ?

— Какъ же... Астрономію читаетъ...

— Ну и что же, счастливъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, съ Ниной Марковной? Ты бываешь у нихъ?

— Бываю. Совсѣмъ нашъ Вася подъ башмакомъ у супруги. Всегда они вмѣстѣ. Безъ нея никуда! Не смѣетъ. Такая у нихъ конституція, заведенная «бабцомъ»... Ревнивая, какъ Отелло... Ужъ теперь онъ, братъ, два вихра въ сосиски закручиваетъ, а не одинъ, какъ прежде, помнишь?—разсмѣялся товарищъ.

— Ахъ, милая фефела!—проговорилъ Скворцовъ.

Въ тотъ же вечеръ Скворцовъ написалъ Неглинному письмо, просилъ «забыть все» и немедленно пріѣхать на «Грозный». «Ужасно хочется съ тобой увидаться и расцѣловать твою милую рожу»,—заканчивалъ письмо Скворцовъ.

На другой день Неглинный пріѣхалъ. Друзья радостно бросились другъ другу въ объятія и облобызались, и затѣмъ Скворцовъ повелъ друга въ свою каюту, чтобы поговорить наединѣ.

Въ первую минуту оба были нѣсколько сконфужены, особенно Неглинный. Ни тотъ, ни другой не проронили ни слова объ адмиральшѣ, точно ея и не было на свѣтѣ.

— Ну какъ, голубчикъ, поживаешь?—первый заговорилъ Скворцовъ, съ любовью глядя на милое, слегка растерянное лицо своего друга.—Вижу—поправился... пополнѣлъ, не то что передъ экзаменами, помнишь? Попрежнему преподаешь? Заставляешь теперь другихъ зубрить, зубрило-мученикъ? — продолжалъ весело Скворцовъ и снова горячо и порывисто обнялъ Неглиннаго.

— Ничего себѣ, живу... Астрономію читаю... А ты какъ... Доволенъ плаваніемъ?

— Очень... Капитанъ превосходный морякъ и честнѣйшій человѣкъ, не то, что прежній... этотъ безшабашный Налетовъ... Онъ вѣдь нынче особа... Гдѣ-то въ штабѣ?.. То-то постарается мнѣ гадить. Ну, да чортъ съ

нимъ... Чуть что, я и въ коммерческій флотъ уйду... Буду плавать, а на берегу не закисну и на рейдахъ «дохнуть» не соглашусь... Ахъ, братъ, что за чудное дѣло эти дальнія плаванія, если командиръ хорошій, да каютъ-компанія попадется хорошая!.. Сколько поэзіи, сколько новыхъ ощущеній, сколько закалки характера!

И Скворцовъ съ увлеченіемъ сталъ разсказывать о своемъ плаваніи, о штурмахъ, которые «Грозный» выносилъ «молодцомъ», объ ураганѣ, который они выдержали въ Индійскомъ океанѣ и во время котораго потеряли фокъ-мачту, о прелести тропическихъ странъ и океана, о матросахъ, которые ожили послѣ ухода Налетова и при другомъ капитанѣ совсѣмъ иными стали...

— И что за славные эти люди, въ большинствѣ, наши матросики, если-бъ ты зналъ! — прибавилъ Скворцовъ.— Умѣй только быть человѣчнымъ съ ними, и они отплатятъ тебѣ сторицей...

Долго еще просидѣли друзья, не замѣчая, какъ идетъ время. Вспоминали морское училище, первые годы мичманства, перебирали начальство...

— Кстати, гдѣ Тырковъ? — полюбопытствовалъ Скворцовъ.—Вотъ прелестный человѣкъ.

— Говорятъ, онъ выходитъ въ отставку.

— Въ отставку?.. Этакій чудный адмиралъ!? Почему?

— Не знаю, братъ...

— Обидно... Непремѣнно съѣзжу къ нему засвидѣтельствовать ему свое почтеніе... А я думалъ, что онъ старшій флагманъ, и вдругъ... прекраснѣйшій морякъ оставляетъ флотъ...

Неглинный остался обѣдать на «Грозномъ» и просидѣлъ до вечера. Скворцовъ упрашивалъ его остаться ночевать, но Неглинный, застѣнчиво краснѣя, объявилъ, что ему нельзя, никакъ нельзя...

Скворцовъ догадался, что другъ его боится адмиральши, и объявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ самъ проводитъ его до Петербурга.

Когда, наговорившись досыта, они пріѣхали въ Петербургъ, Скворцовъ просилъ не забывать его и пріѣзжать въ Кронштадтъ.

Неглинный обѣщалъ и вдругъ сказалъ:

— А знаешь, Коля, вѣдь и я иду нынче лѣтомъ въ дальнее плаванье.

— Ты!?—воскликнулъ въ изумленіи Скворцовъ.

— Да... я, братъ, на три года! Спасибо, назначили...

— А преподаваніе?

— Бросаю, Богъ съ нимъ.

— И на три года въ море?—снова спросилъ Скворцовъ.

— То-то на три года!—какъ-то виновато промолвилъ Неглинный, и Скворцовъ при свѣтѣ фонаря увидалъ, какъ его другъ кротко улыбнулся своими добрыми глазами.— Ну, прощай!—добавилъ Неглинный и, крѣпко пожавъ руку Скворцова, торопливо усѣлся на извозчика.

— Бѣдняга! Даже и ты, кроткая душа, улепетываешь отъ адмиральши въ море!—невольно прошепталъ Скворцовъ вслѣдъ.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

Волшебная тропическая ночь, вслѣдъ за закатомъ солнца, почти внезапно опустилась надъ Батавіей и, благодаря вѣтерку, дувшему съ моря, дышала нѣжной прохладой, казавшейся такимъ счастьемъ послѣ палящаго зноя дня. Миріады звѣздъ зажглись на небѣ, и луна, круглая и полная, лила свой серебристый свѣтъ съ высоты бархатисто-темнаго купола и, медленно плывя, казалась задумчивой и томной.

Въ эту чудную ночь, наканунѣ Рождества Христова, бѣлый катеръ съ клипера «Забіяка», стоявшаго верстъ за шесть, за семь на рейдѣ,—дожидался у одной изъ пристаней нижней части города господъ офицеровъ, бывшихъ на берегу.

Эта нижняя, «дѣловая» часть города съ конторами, пакгаузами, лавками, складами и тѣсно скученными домами, исключительно населенная туземцами—малайцами и метисами, да пришлыми китайцами, ютилась почти у самаго моря, кишащаго акулами и кайманами, въ нездоровой, сырой и болотистой мѣстности. Настоящіе хозяева острова Явы, голландцы, жили на верху, на горѣ, въ европейской Батавіи, роскошномъ, чистомъ городкѣ изящныхъ домовъ, виллъ и гостиницъ, тонувшемъ въ густой зелени садовъ и парковъ, въ которыхъ высились гигантскія пальмы. Оттуда съ ранней зари дѣловые люди спускались въ малайскій кварталъ и въ десять часовъ утра уже возвращались домой въ свои прохладные дома. Адская жара заставляла прекращать занятія, возобновлявшіяся снова за нѣсколько часовъ до заката и оканчивавшіяся часовъ въ десять вечера.

Оживленная и шумная днемъ жизнь въ малайскомъ кварталѣ затихла. Огоньки въ маленькихъ домахъ потухли, и узкія и грязныя, прорѣзанныя смертоносными каналами, улицы нижняго города опустѣли. Даже не видно было шныряющихъ у пристаней ночныхъ темнокожихъ фейлалаекъ, чтобы смущать матросовъ всевозможныхъ на-

ціональностей, давно не бывшихъ на берегу, и своимъ болѣе чѣмъ откровеннымъ нарядомъ, и выразительными пантомимами, и острымъ, непріятнымъ запахомъ кокосоваго масла, которымъ малайки расточительно пользуются, смазывая имъ и волосы, и руки, и шею. Пусто вездѣ. Изрѣдка лишь мелькнетъ громадный бумажный фонарь запоздалаго разносчика всякихъ товаровъ, китайца—этого еврея почти всего востока, возвращающагося изъ верхняго города, отъ варваровъ, къ себѣ домой на отдыхъ.

Гдѣ-то вблизи на рейдѣ, на какомъ-то суднѣ пробило шесть склянокъ — одиннадцать часовъ. Тузсмецъ спитъ. У пристани и далеко кругомъ стоитъ мертвая тишина съ однообразнымъ шопотомъ морского прибоя, который нѣжно лижетъ береговой вязкій песокъ. Только по временамъ эта торжественная, полная какой-то таинственности, тишина тропической ночи нарушается вдругъ шумными всплесками, когда крокодилъ, послѣ дневного крѣпкаго сна на отмеляхъ подъ отвѣсными лучами солнца, забавляется въ водѣ, ловя добычу.

И снова тишина.

Русскіе матросы съ «Забіяки», катерные гребцы, въ ожиданіи господъ, находились всѣ на катерѣ. Лунный свѣтъ падалъ на ихъ бѣлыя рубахи и захватывалъ нѣкоторыя лица. Нѣсколько человѣкъ, растянувшись подъ банками, сладко спали. Одинъ чернявый молодой матросикъ задумчиво и какъ-то вопросительно поглядывалъ то на мерцающія звѣзды, то на сверкавшую серебромъ полосу моря, и видимо думалъ какую-то думу, судя по его напряженно-строгому лицу. По временамъ, когда раздавались всплески, онъ вздрагивалъ и пугливо озирался на товарищей. А человѣкъ шесть или семь собрались около кормы и, разсѣвшись по бортамъ на сидѣньяхъ, вели бесѣду какъ-то особенно тихо, почти шопотомъ, словно бы боясь нарушить тишину этой волшебной ночи и точно нѣсколько пугаясь ея жуткой таинственности. Дымокъ нѣсколькихъ курящихся трубочекъ съ острымъ запахомъ махорки пріятно щекоталъ обоняніе бесѣдующихъ гребцовъ.

Кромѣ русскаго катера, у пристани не было ни одной шлюпки.

Матросы вспоминали о Россіи, о праздникѣ на родинѣ, высказывали желаніе поскорѣй вернуться домой, особенно тѣ, которые по возвращеніи разсчитывали на отставку или, по крайней мѣрѣ, на безсрочный отпускъ. Вотъ ужъ

третье Рождество они встрѣчаютъ въ «чужихъ» и «жаркихъ» мѣстахъ... Опротивѣло... Скорѣй бы вернуться!

И, несмотря на жизнь, хотя полную опасностей, но все-таки относительно сносную (на клиперѣ и командиръ, и офицеры были люди порядочные и матросовъ не тѣснили) и сытую, каждаго изъ матросовъ тянуло туда, на сѣверъ, на далекую родину съ ея бѣдами и нуждой, съ покосившимися избами, соснами и елями, снѣгомъ и морозами.

Послѣ этихъ воспоминаній всѣ какъ-то притихли. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Гляди... Звѣзда упала... Еще... И куда она падаетъ, братцы?—тихо спросилъ чернявый матросъ.

— Въ окіянъ, извѣстно. Опричь окіяна ей некуда упасть!—отвѣчалъ пожилой здоровый матросъ увѣреннымъ тономъ.

— А ежели на землю?—спросилъ кто-то.

— Нельзя, потому все какъ есть расшибетъ. По самой этой причинѣ Богъ и валитъ звѣзду въ море... Туда, молъ, тебѣ мѣсто...

Чернявый матросикъ, видимо неудовлетворенный этимъ объясненіемъ, снова сталъ глядѣть на небо.

И необыкновенно пріятный грудной голосъ загребного Ефремова заговорилъ:

— Это Богъ виноватую звѣзду наказываетъ... Потому звѣзды тоже бунтуютъ... И особенно много, братцы, падаетъ ихъ въ эту ночь...

— По какой такой причинѣ, братецъ?—задорно спросилъ пожилой, плотный матросъ.

— А по такой причинѣ, милый человѣкъ, что въ эту ночь не бунтуй, а веди себя смирно, потому какъ въ эту самую ночь Спаситель родился... Великая эта ночь... Нашему разсудку и не понять... И какъ ежели подумаешь, что родился Онъ въ бѣдности, пострадалъ за бездольныхъ людей и принялъ смерть на крестѣ, такъ наши-то всѣ горя ничего не стоятъ... Ни одной полушки!.. Да, братцы, великая эта ночь... И кто въ эту ночь обидитъ младенца,—тому великое будетъ наказаніе... Такъ старикъ одинъ божественный мнѣ сказывалъ, странникъ. Въ книгахъ, говоритъ, все показано...

— Ишь ты, подлый!.. Такъ и мутитъ воду!—проговорилъ кто-то, когда послышался вблизи всплескъ воды...

— Нешто крокодилъ?

— Кому другому... Гляди—башка его надъ водой...

Всѣ глаза устремились на одну точку. На освѣщенной свѣтомъ луны полосѣ воды видна была отвратительная черная голова каймана, тихо плывшаго неподалеку отъ шлюпки къ берегу.

— Погани-то всякой въ этихъ мѣстахъ!.. И крокодилъ, и акула проклятая... Сказываютъ, на берегу, въ лѣсахъ и тигра... Однако загуляли что-то наши офицеры на берегу, братцы... Скоро и полночь... А ты, Живковъ, что все на небо глаза пялишь? Ай любопытно? Не про насъ, братъ, писано!—проговорилъ, обращаясь къ чернявому матросику, пожилой, плотный матросъ.

Въ эту минуту съ берега вдругъ донесся чей-то жалобный крикъ.

Матросы притихли. Кто-то сказалъ:

— А вѣдь это дитё плачетъ...

— Дитё и есть... По ближности гдѣ-то... Ишь, горемычный, заливается... Заплуталъ, что ли...

— Кто-нибудь при ёмъ долженъ быть...

Жалобный, безпомощный плачъ не прекращался.

— Сходилъ бы кто посмотрѣть, что ли?—замѣтилъ плотный, пожилой матросъ, не двигаясь, однако, самъ съ мѣста.

— Куда ходить? Офицеры могутъ вернуться, а гребца нѣтъ!—строго проговорилъ унтеръ-офицеръ, старшина на катерѣ.

— И то правда!—сказалъ плотный матросъ.

— Что-жъ, такъ и бросить безъ призора младенца въ этакую ночь?—раздался пріятный тенорокъ загребного Ефремова. — А ежели онъ одинъ да безъ помощи?.. Это, Егорычъ, не того... неправильно...

— Я мигомъ вернусь, Андрей Егорычъ, только взгляну, въ чемъ причина!—взволнованно проговорилъ чернявый матросикъ.—Дозвольте...

— Ну, ступай... Только смотри, Живковъ, не заблудись...

— И я съ имъ, Егорычъ!—вымолвилъ Ефремовъ.

И оба матроса, выскочивъ изъ катера, бѣгомъ побѣжали по пустынному берегу на плачъ ребенка...

И очень скоро, почти у самаго моря, они увидали крошечнаго черномазаго мальчика въ одной рубашонкѣ, завязшаго въ мокромъ рыхломъ пескѣ

Около не было ни души.

Матросы удивленно переглянулись.

— Эка идолы!.. Эка безчувственные!.. Бросили ребенка... Это, братъ Живковъ, не спроста... Погубить хо-

тѣли младенца... Тутъ бы его крокодилъ и сожралъ!.. Гляди... Ишь плыветъ... Почуялъ, видно...

И Ефремовъ взялъ на руки ребенка.

— А что же мы съ имъ будемъ дѣлать?

— Что дѣлать?.. Возьмемъ на катеръ... Тамъ видно будетъ!.. Ну, ты, малышъ, не реви! — ласково говорилъ Ефремовъ, прижимая ребенка къ своей груди.—Это самъ Господь тебя вызволилъ...

Велико было изумленіе на катерѣ, когда минутъ черезъ десять вернулись оба матроса съ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ и разсказали, какъ его нашли.

Унтеръ-офицеръ не зналъ, какъ ему и быть.

— Зачѣмъ вы его принесли?—строго спрашивалъ онъ, хотя самъ въ душѣ и понималъ, что нельзя же было оставить ребенка.

— То-то принесли! И ты бы принесъ!—мягко и весело отвѣчалъ Ефремовъ.—Ребята, нѣтъ ли у кого хлѣба?.. Онъ, може, голоденъ?..

Всѣ матросы смотрѣли съ жалостью на мальчика лѣтъ пяти. У кого-то въ карманѣ нашелся кусокъ хлѣба, и Ефремовъ сунулъ его малайченку въ ротъ. Тотъ жадно сталъ ѣсть.

— Голоденъ и есть... Ишь вѣдь злодѣи бываютъ люди!..

— А все-таки, ребята, насъ за этого мальченка не похвалятъ! Ишь пассажиръ объявился какой!—снова замѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Тамъ видно будетъ,—спокойно и увѣренно отвѣчалъ Ефремовъ.—Можетъ, и похвалятъ!

Ребенокъ скоро заснулъ на рукахъ у Ефремова. Онъ прикрылъ его чехломъ отъ парусовъ. И его некрасивое, бѣлобрысое, далеко не молодое лицо свѣтилось необыкновенной нѣжностью.

Скоро пріѣхали съ берега въ двухъ коляскахъ офицеры. Веселые и слегка подвышившіе, они усѣлись на катеръ.

— Отваливай!

— Ваше благородіе,—проговорилъ старшина, обращаясь къ старшему изъ находившихся на катерѣ офицеровъ:—осмѣлюсь доложить, что на катеръ взятъ съ берега пассажиръ...

— Какой пассажиръ?

— Малайскій, значитъ, мальченка... Такъ какъ прикажете, ваше благородіе?..

— Какой мальченка? Гдѣ онъ?

— А вотъ спитъ подъ банкой у Ефремова, ваше благородіе...

И унтеръ-офицеръ объяснилъ, какъ нашли мальченку.

— Ну что-жъ?.. Пусть ѣдетъ съ нами... Фокъ и гротъ поднять!—скомандовалъ лейтенантъ.

Паруса были поставлены, и шлюпка ходко пошла въ полъ-вѣтра на клиперъ.

Ефремовъ уложилъ найденыша въ свою койку и почти не спалъ до утра, поминутно подходя къ нему и заглядывая, хорошо ли онъ спитъ.

На утро доложили о происшествіи капитану, и онъ разрѣшилъ оставить мальчика на клиперѣ, пока клиперъ простоитъ въ Батавіи. Въ то же время онъ далъ знать о ребенкѣ губернатору, и маленькаго малайца обѣщали помѣстить въ пріютъ.

Недѣлю прожилъ маленькій найденышъ на клиперѣ, и Ефремовъ пѣстовалъ его съ нѣжностью матери. Мальчику сшили цѣлый костюмъ и обули. И когда наканунѣ ухода полицейскій чиновникъ пріѣхалъ за мальчикомъ, матросы черезъ боцмана просили старшаго офицера испросить у капитана разрѣшеніе оставить найденыша на клиперѣ.

И Ефремовъ, успѣвшій за это время привязаться къ мальчику, ждалъ капитанскаго отвѣта съ тревожнымъ нетерпѣніемъ.

Капитанъ не согласился.

Долго потомъ Ефремовъ вспоминалъ рождественскую ночь и этого чуть-было не погибшаго мальчика, успѣвшаго найти уголокъ въ его сердцѣ.

ПАССАЖИРКА.

I.

Дня за два до ухода нашего изъ Санъ-Франциско, мичманъ Цвѣтковъ, только-что вернувшійся съ берега, стремительно ворвался въ каютъ-компанію и воскликнулъ своимъ бархатнымъ теноркомъ:

— Какую я вамъ привезъ, господа, новость! Одно удивленье!

И чернокудрый пригожій молодой мичманъ, веселый, легкомысленный и жизнерадостный, ухитрявшійся влюбляться чуть ли не въ каждомъ портѣ, гдѣ клиперъ нашъ стоялъ болѣе трехъ сутокъ, — окинулъ живымъ, смѣющимся взглядомъ своихъ красивыхъ черныхъ глазъ нѣсколько человѣкъ офицеровъ, благодушествовавшихъ послѣ обѣда за чаемъ.

— Ну, какая тамъ у васъ новость? — недовѣрчиво и лѣниво кинулъ съ дивана старшій офицеръ Степанъ Дмитріевичъ и, потянувшись, зѣвнулъ, собираясь, по обыкновенію, соснуть часокъ послѣ обѣда.

— Ужъ не садится ли къ намъ адмиралъ?—испуганно спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, нѣтъ... Новость самая пріятная!—разсмѣялся мичманъ, открывая рядъ ослѣпительныхъ бѣлыхъ зубовъ.—Только моя новость не для васъ, Евграфъ Иванычъ, и не для васъ, Антонъ Васильевичъ,—обратился онъ, лукаво улыбаясь, къ пожилому артиллеристу и къ доктору.

— Это почему?

— Вы—въ законѣ. И не для васъ, батя... Вы—монахъ! И не для тебя, милордъ. Ты—влюбленный женихъ. Тебя ждетъ-не-дождется въ Кронштадтѣ твоя невѣста.

— Да не балагань, говори, въ чемъ дѣло! И безъ того довольно похожъ на Бобчинскаго!—проговорилъ медленно, сквозь зубы, товарищъ и пріятель Цвѣткова, мичманъ Бобровъ, прозванный «милордомъ».

Рыжій, съ выбритыми нарочно губами и маленькими, не доходившими до конца щекъ бачками, сухощавый и прилизанный, сдержанный и серьезный, онъ дѣйствительно смахивалъ на англичанина и корчилъ англомана, стараясь усилить это внѣшнее сходство и соотвѣтствующими, по его мнѣнію, англійскими привычками: напускалъ на себя невозмутимость, выпучивалъ безсмысленно глаза, цѣдилъ слова, носилъ фланелевыя рубашки, пилъ портеръ и ничему не удивлялся.

— То-то: говори! А небойсь, не угостишь бѣднаго мичмана русской папироской... Эти манилки... Чортъ бы ихъ побралъ!.. Ну, не раздумывай же, благородный лордъ... Давай!

«Благородный лордъ», запасливый, бережливый и вообще очень аккуратный молодой человѣкъ, не только не дѣлавшій долговъ, но кое-что сохранявшій отъ своего небольшого жалованья,—несмотря на второй подъ плаванія, курилъ еще папиросы, взятыя изъ Россіи. Онъ крайне неохотно угощалъ ими и не безъ нѣкотораго внутренняго колебанія досталъ папиросницу, но предусмотрительно не подалъ ее Цвѣткову, а, вынувъ одну папироску, протянулъ ее веселому мичману, давно прокурившему и проугощавшему свой запасъ.

Тотъ, послѣ первой жадной затяжки, значительно и торжественно проговорилъ, прищуривая смѣющіеся глаза:

— У насъ на клиперѣ будетъ пассажирка! Пойдетъ съ нами до Гонконга... Не ожидали, господа, такой новости, а?..

И жизнерадостный мичманъ оглядѣлъ всѣхъ побѣдоноснымъ взглядомъ.

Новость эта, видимо, произвела впечатлѣніе на моряковъ:

— Пассажирка!?—раздались восклицанія.

— И даже двѣ: молодая барынька и ея горничная, тоже молодая...

— Не плодъ ли это твоей фантазіи, сэръ?—усмѣхнулся милордъ.

— Фантазіи!? Прикуси свой языкъ, милордъ, и кстати ужъ проглоти аршинъ, чтобъ окончательно походить на англичанина.

— А собой какъ барыня? — спросилъ кто-то изъ молодежи.

— Чудо что такое!.. Ослѣпительная блондинка съ золо-

тистыми волосами. Бѣла, какъ снѣгъ... Улыбка чарующая... Взглядъ ангела... Умница... Одѣта съ изящной простотой... Стройна и сложена божественно... Бюстъ роскошный... Ручки — восторгъ: маленькія, съ ямочками... Ножки...

— А горничная какова?—неожиданно перебилъ мичмана, восторженно перечислявшаго всѣ прелести пассажирки, долговязый, вихрастый юнецъ-гардемаринъ съ крупными сочными губами.

— На кой вамъ чортъ знать о горничной!?—негодующе воскликнулъ мичманъ.—Я разсказываю о н е й, объ этой дивной женщинѣ, а вы—горничная! Это—профанація! У васъ, видно, горничная только на умѣ... Тьфу!.. А впрочемъ, и горничная ничего себѣ!—вдругъ, смѣясь, прибавилъ мичманъ.—Ухаживайте за ней на здоровье!

— А ты ужъ видно того... втюрился въ пассажирку?—насмѣшливо промолвилъ «милордъ».

— И ты втюришься, какъ ее увидишь, даромъ что женихъ.

«Милордъ» презрительно усмѣхнулся и процѣдилъ:

— Я не такой влюбчивый воробей, какъ ты...

— Какая такая пассажирка, Владиміръ Алексѣичъ? Откуда она вдругъ объявилась, и гдѣ это вы все узнали?—спросилъ, въ свою очередь, и старшій офицеръ, Степанъ Дмитріевичъ, умышленно равнодушнымъ тономъ, слушавшій однако съ живѣйшимъ любопытствомъ описаніе прелестной пассажирки и втайнѣ переживавшій радостное волненіе завзятаго женолюба.

И Степанъ Дмитріевичъ, далеко неказистый изъ себя мужчина лѣтъ около сорока, бѣлобрысый, коренастый, начинавшій сильно лысѣть, съ краснымъ отъ загара, угреватымъ непривлекательнымъ лицомъ, среди котораго, словно руль, торчалъ длинный, неуклюжій носъ съ шишкой на кончикѣ, невольно оживился, забывъ сонъ, пригладилъ съ достоинствомъ потную лысину и съ самымъ донъ-жуанскимъ видомъ сталъ крутить концы своихъ темно-рыжихъ усовъ. Въ то же время его маленькіе, съ воспаленными вѣками, глазки еще болѣе сузились и подернулись, какъ выражались мичмана, «прованскимъ масломъ», и самъ онъ молодцовато выпятилъ грудь колесомъ, представляя нѣкоторое подобіе боченка.

Дѣло въ томъ, что Степанъ Дмитріевичъ, отличный служака, добрый и вообще скромный человѣкъ, имѣлъ

одну непростительную слабость—считать себя весьма и весьма соблазнительнымъ мужчиной и думать, что нравится дамамъ.

— Я сейчасъ видѣлъ пассажирку у консула. Она пріѣзжала къ нему съ горничной выправить бумаги... Меня представили ей, и мы съ ней говорили... И капитанъ въ это время былъ у консула. Ну, и скажу я вамъ, господа, нашъ-то капитанъ...

— А что?..

— Потѣха! Даромъ, что и съ брюшкомъ, и почтенный отецъ семейства, а такъ и разсыпался, такъ и лебезилъ... Совсѣмъ не такой свирѣпый, какимъ бываетъ во время авраловъ... Губы распустилъ, «ля-ля-ля», ходитъ вокругъ, словно котъ около сливокъ... Консульша даже смѣялась... И когда консулъ просилъ взять этихъ дамъ пассажирками до Гонконга, капитанъ съ удовольствіемъ согласился и предложилъ къ услугамъ очаровательной блондинки свою каюту... А она, какъ царица, чуть-чуть кивнула головкой.

— Онѣ американки, что ли?—снова полюбопытствовалъ старшій офицеръ, довольно плохо объяснявшійся на англійскомъ діалектѣ.

— Какія американки! Чистѣйшія русскія, москвички. Съ какой стати капитанъ взялъ бы американокъ пассажирками!

Это извѣстіе привело всѣхъ еще въ большій восторгъ.

— Какъ же онѣ сюда попали, въ Калифорнію?

— Очень просто. Прелестная блондинка была замужемъ за американцемъ, инженеромъ Кларкомъ. Этотъ Кларкъ былъ зачѣмъ-то въ Россіи, встрѣтился съ русской красавицей и влюбился, понятно, въ нее. Она, только-что кончившая курсъ института, дочь какого-то генерала, тоже влюбилась въ американца. Ну, повѣнчались и уѣхали въ Америку; съ ними уѣхала и русская горничная, бывшая крѣпостная. Прожили они, по словамъ консула, пять лѣтъ вполнѣ счастливо,—американецъ обожалъ жену. Три года тому назадъ они пріѣхали въ Калифорнію, и здѣсь американецъ потерялъ все огромное свое состояніе на спекуляціяхъ съ золотыми пріисками. Въ отчаяніи онъ въ одинъ прекрасный день пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Ну, не болванъ ли?

— Положимъ, болванъ, но что же дальше?—спросилъ кто-то.

— Эти три года несчастная вдова жила въ Сакраменто у родныхъ мужа и затѣмъ въ Санъ-Франциско, давала здѣсь уроки музыки. Кое-какія деньги, оставшіеся у нея послѣ богатства мужа, пропали у разорившагося банкира. Ее потянуло на родину, и вотъ теперь она возвращается въ Россію, отказавъ тремъ богатымъ женихамъ...

— Это она все тебѣ сообщила?—проническки замѣтилъ «милордъ».

— Нѣтъ, проницательный милордъ, не она, а консульша... Она съ ней давно знакома.

— Что-жъ она—неутѣшная вдова, что ли?

— Этого я не знаю... Знаю только, что она прелестна и, по словамъ консульши, безупречной репутаціи. Ее такъ и зовутъ здѣсь «мраморной вдовой».

— А сколько ей лѣтъ?

— Въ консульствѣ говорили: тридцать, но это вранье, по-моему. Ей много-много двадцать пять... Она глядитъ совсѣмъ дѣвушкой, такъ она свѣжа и хороша, эта миссисъ Вѣра, какъ ее здѣсь зовутъ. Ну, вотъ вамъ и вся исторія... Эй, вѣстовые, чаю!—крикнулъ мичманъ.

— Она не разучилась говорить по-русски?—спросилъ старшій офицеръ.

— Отлично говоритъ. Изрѣдка только у нея заѣдаетъ *). А голосъ-то какой, Степанъ Дмитричъ!

— Хорошій?

— Бархатъ! Такъ и ласкаетъ, такъ и проникаетъ въ душу!

— Посмотримъ, посмотримъ вашу красавицу!—весело и самоувѣренно, съ видомъ опытнаго знатока, промолвилъ Степанъ Дмитричъ, задорно какъ-то крякнулъ и пошелъ къ себѣ въ каюту отдыхать.

«Чорта съ два ты посмотришь! Рожа въ родѣ мѣдной кастрюльки, а тоже воображаетъ!»—мысленно напутствовалъ его мичманъ. И бросилъ въ спину старшаго офицера непріязненный, насмѣшливый взглядъ.

Разспросы насчетъ пассажирокъ продолжались еще нѣсколько времени. Одни интересовались барыней, а другіе (и въ томъ числѣ и пожилой артиллеристъ, и вихрастый гардемаринъ) горничной, и всѣ выражали удовольствіе, что на клиперѣ будетъ пассажирка, которая своимъ присутствіемъ скраситъ однообразіе и скуку длиннаго перехода.

---

*) Моряки говорятъ: «снасть заѣла», т. е. снасть не идетъ, остановилась.

Одинъ только «дѣдушка», какъ звали всѣ любимаго стараго штурмана Ивана Ивановича, слушая всѣ эти разговоры, не выразилъ ни малѣйшаго сочувствія и какъ-то загадочно усмѣхался, неодобрительно покачивая своей сѣдой, коротко остриженной головой.

Мичманъ между тѣмъ не уставалъ пѣть восторженные диѳирамбы красотѣ молодой вдовы. Отвѣчая на назойливые вопросы, онъ хвалилъ и горничную, но равнодушно и сдержанно. Въ концѣ концовъ чуть не вышла крупная исторія. Лейтенантъ Баклановъ, довольно видный блондинъ, кронштадтскій сердцеѣдъ, сдѣлалъ насчетъ будущей пассажирки очень нескромное замѣчаніе. Мичманъ вспыхнулъ, губы его затряслись, и онъ назвалъ Бакланова нахаломъ, не понимающимъ, какъ надо говорить о порядочной женщинѣ. Дѣло дошло бы до крупной ссоры, если-бъ не вмѣшался «дѣдушка» и, со свойственнымъ ему умѣньемъ миротворца, не уговорилъ двухъ распѣтушившихся молодыхъ людей извиниться другъ передъ другомъ.

— Перессорятся у насъ всѣ изъ-за этой пассажирки!— пророчески, тономъ видавшаго виды философа говорилъ нѣсколько минутъ спустя «дѣдушка» Иванъ Ивановичъ, преклонные годы котораго оставляли его, повидимому, совершенно равнодушнымъ къ прелестямъ женской красоты.—Еще ея нѣтъ, а ужъ ссора! А что же будетъ, когда всѣ закружатъ около пассажирки, словно тетерева на току? На «берегу», гдѣ много бабья, и то изъ-за нихъ однѣ непріятности, а въ морѣ, когда одна хорошенькая дамочка среди этихъ, съ позволенія сказать, пѣтуховъ... благодарю покорно! Тутъ и служба не пойдетъ на умъ... Нѣтъ-съ, не резонъ брать пассажирокъ, да еще на длинный переходъ. Не одобряю-съ! Не даромъ же, по регламенту Петра Великаго, женщинъ нельзя брать въ плаванье. Царь-то великаго ума былъ... Понималъ хорошо, въ чемъ загвоздка.

Толстенькій, кругленькій, чистенькій и свѣжій, какъ огурчикъ, судовой врачъ Антонъ Васильевичъ, передъ которымъ философствовалъ старый штурманъ, весело закатился мелкимъ визгливымъ смѣхомъ, умильно жмуря глаза, и неопредѣленно протянулъ, стараясь принять степенный видъ:

— Ддда... женщина, особенно хорошенькая...

— То-то оно и есть! Каждому лестно...

— Именно лестно... Хе-ѵе-хе!

— И посойдутъ они всѣ съ ума, ошалѣютъ, какъ коты по веснѣ, вспомните мое слово, Антонъ Васильичъ... Этотъ Цвѣтковъ уже втюрился... «И такая, и сякая, писапая, немазапая»... Чего только не насказалъ!.. Извѣстно, съ влюбленныхъ голодныхъ глазъ, да въ двадцать три-то года, всякая смазливая дамочка—красавица... И Степанъ Дмитричъ... даромъ, что лысъ, а ужъ хвостъ распустилъ и усы сталъ закручивать, и капитанъ тоже... Вотъ и будетъ, можно сказать, у насъ кавардакъ изъ-за этой самой пассажирки!—ворчливо прибавилъ Иванъ Ивановичъ.

Иванъ Ивановичъ, вообще словоохотливый внѣ службы, повидимому, не прочь былъ еще пофилософствовать на эту тему. Но, взглянувъ на доктора и увидавъ въ его лицѣ и глазахъ игриво-веселое выраженіе, далеко не обнаруживавшее сочувствія къ его словамъ, онъ укоризненно покачалъ головой, молча покурилъ манилку и вышелъ изъ каютъ-компаніи.

«Да и ты, братъ, такой же саврасъ, какъ и другіе!»—говорило, казалось, добродушное старое лицо штурмана.

II.

Вечеромъ съ берега пріѣхалъ капитанъ и тотчасъ же потребовалъ къ себѣ въ каюту старшаго офицера.

Капитанъ былъ толстякъ лѣтъ пятидесяти, почти сѣдой, съ крупными чертами загорѣлаго полнаго лица, съ крѣпко посаженной круглой головой на короткой шеѣ и большими темными глазами, метавшими молніи во время гнѣва и добродушными въ минуты спокойствія. Короткіе сѣдые усы прикрывали толстыя губы, съ которыхъ нерѣдко слетали энергическія ругательства во время авраловъ и ученій.

Напустивъ на себя недовольный видъ и хмуря засѣдѣвшія брови, капитанъ проговорилъ рѣзкимъ отрывистымъ голосомъ:

— Завтра прибудутъ двѣ пассажирки: вдова инженера Вѣра Сергѣевна Кларкъ и ея горничная... Непріятно, конечно, возиться на суднѣ съ бабьемъ, но что дѣлать? Нельзя было отказать. Консулъ очень просилъ и вообще... вообще дама, заслуживающая уваженія и покровительства. Я отдаю ей свою каюту. Самъ помѣщусь въ рубкѣ... Приходится изъ-за этой пассажирки стѣсняться,—все тѣмъ же недовольнымъ видомъ говорилъ капитанъ.—А васъ, Степанъ Дмитричъ, попрошу распорядиться, чтобы хоть

на это время и господа офицеры, и боцмана, и матросы воздержались... не ругались бы во всю ивановскую... Нельзя же... Понимаете, дама-съ, генеральская дочь... Неприлично-съ!

— Слушаю-съ! Я скажу офицерамъ и отдамъ приказаніе боцманамъ, Петръ Никитичъ!

— Особенно этотъ боцманъ Матвѣевъ... Не можетъ, каналья, рта открыть безъ ругани. Такъ ужъ вы велите ему заткнуть свою глотку, а то срамъ-съ. Дама, и не какая-нибудь тамъ, знаете ли, старая карга, а молодая женщина, образованная, деликатнаго воспитанія, ну, однимъ словомъ, вполнѣ дама-съ. И жила, понимаете, долго въ Америкѣ и, слѣдовательно, отвыкла въ нѣкоторомъ родѣ отъ Россіи. Здѣсь вѣдь такъ не ругаются!—пояснилъ капитанъ и снова повторилъ:—Да-съ, приходится въ рубкѣ... не особенно пріятно... Да и вообще не люблю я дамъ на военномъ суднѣ... Стѣснительно... Ну, да нельзя было отказать!—какъ бы оправдывался капитанъ.

«Однако ловко же ты напускаешь туману!» — подумалъ старшій офицеръ, вспомнивъ разсказъ мичмана о томъ, какъ лебезилъ капитанъ передъ хорошенькой пассажиркой,—и проговорилъ:

— Это точно, Петръ Никитичъ, дама болѣе береговое созданіе...

— Да вотъ еще что, Степанъ Дмитричъ,—заговорилъ капитанъ:—вы, пожалуйста, скажите мичманамъ и гардемаринамъ, чтобы они, знаете ли, того... не гонялись за горничной, какъ кобели, съ позволенія сказать... Чего добраго, заведутъ тамъ еще интригу... Она пожалуется... Скандалъ... Военное судно... Надо помнить-съ! — строго прибавилъ капитанъ.

— Слушаю-съ!

Капитанъ помолчалъ.

— Больше не будетъ никакихъ приказаній, Петръ Никитичъ?—спросилъ старшій офицеръ.

— Кажется, болѣе ничего... Снимаемся послѣзавтра съ разсвѣтомъ.

Степанъ Дмитріевичъ хотѣлъ-было уходить, какъ капитанъ, внезапно мѣняя тонъ и сбрасывая съ себя строгій начальническій видъ, проговорилъ съ тѣмъ обычнымъ добродушіемъ, съ какимъ говорилъ не по службѣ:

— А знаете ли, Степанъ Дмитричъ... Вѣдь наша пассажирка... того... прехорошенькая, можно сказать, дама-съ!

И при этихъ словахъ лицо капитана расплылось въ широкую улыбку, и большіе, на выкатѣ, глаза его приняли нѣсколько игривое выраженіе.

— Цвѣтковъ разсказывалъ, Петръ Никитичъ! Говоритъ: красавица, — отвѣчалъ, тоже весело улыбаясь, Степанъ Дмитричъ и сталъ крутить усы.

— Цвѣтковъ? Да вѣдь онъ былъ у консула въ то время, когда тамъ была пассажирка, и успѣлъ-таки съ ней познакомиться. Вѣрно ужъ и наговорилъ ей своихъ мичманскихъ любезностей... Этотъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ!—съ оттѣнкомъ неудовольствія въ голосѣ прибавилъ капитанъ.

— Онъ, кажется, ужъ по уши влюбленъ въ пассажирку. Вернулся съ берега совсѣмъ ошалѣлый!—смѣясь, замѣтилъ Степанъ Дмитріевичъ.

— Ну и... и дуракъ!—неожиданно, съ раздраженіемъ выпалилъ капитанъ.

Старшій офицеръ удивленно взглянулъ на капитана, недоумѣвая, съ чего это его прорвало.

А капитанъ черезъ нѣсколько мгновеній, словно устыдясь своего внезапнаго, почти инстинктивнаго раздраженія стараго, некрасиваго мужчины противъ молодого, красиваго и ловкаго, имѣющаго всѣ шансы нравиться женщинамъ, и желая скрыть передъ старшимъ офицеромъ истинную причину своего гнѣвнаго восклицанія, проговорилъ:

— Вѣдь славный этотъ Цвѣтковъ и офицеръ бравый, но какой-то сумасшедшій. Какъ увлечется, тогда ему хоть трава не расти. Помните, какъ онъ чуть-было не остался въ Англіи изъ-за какой-то англичанки? Три дня мы его по Лондону искали. Вѣдь пропалъ бы человѣкъ!

— Влюбчивъ, что и говорить, — вставилъ Степанъ Дмитріевичъ:—и не понимаетъ еще хорошо женщинъ, — не безъ апломба прибавилъ старшій офицеръ, пріосаниваясь.

— То-то и есть... А эта пассажирка, молодая вдовушка, можетъ легко вскружить голову такому молодому сумасброду... Да-съ! Она, какъ я слышалъ,—продолжалъ капитанъ, хоть и ничего не слышалъ:—она, знаете ли, хоть съ виду въ нѣкоторомъ родѣ нимфа-съ, а опасная кокетка... Въ глазахъ у нея есть что-то такое... Какъ въ океанѣ... Штиль, а какъ зареветъ... бери всѣ рифы-съ... ха-ха-ха!.. Я, какъ человѣкъ пожившій, сразу замѣтилъ... Штучка! Такъ вокругъ пальца и обведетъ!

И капитанъ повертѣлъ передъ своимъ широкимъ крупнымъ носомъ толстый и короткій указательный палецъ, на которомъ блестѣлъ брильянтовый перстень.

— Ну и жаль будетъ молодого человѣка, если онъ врѣжется, какъ дуракъ, и надѣлаетъ глупостей... Пассажирка, въ самомъ дѣлѣ, канальски хороша... Надѣюсь, Степанъ Дмитричъ, этотъ разговоръ между нами!—вдругъ прибавилъ нѣсколько смущенно капитанъ.

— Будьте покойны, Петръ Никитичъ.

Когда старшій офицеръ уже выходилъ изъ каюты, капитанъ еще разъ повторилъ ему вдогонку, и на этотъ разъ снова рѣзкимъ тономъ командира:

— Такъ, пожалуйста, чтобы боцмана не ругались. Особенно Матвѣевъ...

— Есть!—на ходу отвѣтилъ старшій офицеръ.

Онъ въ тотъ же вечеръ позвалъ къ себѣ въ каюту обоихъ боцмановъ, Матвѣева и Архипова, и, объяснивъ, что на клиперѣ будутъ двѣ пассажирки, строго приказалъ не ругаться и велѣлъ это приказаніе передать унтеръ-офицерамъ и командѣ.

Отдавая такое приказаніе, Степанъ Дмитріевичъ, и самъ большой охотникъ до крѣпкихъ словечекъ, сознавалъ въ душѣ, что исполнить его боцманамъ будетъ очень трудно, пожалуй, даже невозможно. И, вѣроятно, именно вслѣдствіе такого сознанія, онъ, пунктуальный исполнитель воли начальства, еще грознѣе и рѣшительнѣе повторилъ, возвышая голосъ:

— Чтобы во время работъ ни гу-гу! Слышите?

— Слушаемъ, ваше благородіе!—отвѣчали оба боцмана и въ ту же секунду, словно охваченные одною и той же мыслью, переглянулись между собою.

Этотъ быстрый обмѣнъ взглядовъ двухъ боцмановъ совершенно ясно выражалъ полнѣйшую невозможность исполненія такого страннаго приказанія.

— Смотри же!—прикрикнулъ старшій офицеръ.—Особенно ты, Матвѣевъ, не давай воли своему языку. Ты загибаешь такія слова... Чортъ знаетъ, откуда только берется у тебя всякая ругань. Чтобы ея не было!

Матвѣевъ, пожилой, небольшого роста, крѣпкій и коренастый человѣкъ, съ рыжими баками и усами, почтительно выпучивъ глаза, нерѣшительно переступалъ босыми жилистыми ногами и усиленно теребилъ пальцами фуражку.

— Буду оберегаться, ваше благородіе, но только осмѣлюсь доложить...

И боцманъ еще сердитѣй затеребилъ фуражку.

— Что доложить?

— ... Осмѣлюсь доложить, что вовсе отстать никакъ невозможно, ваше благородіе, какъ передъ истиннымъ Богомъ докладываю. Дозвольте хучь тишкомъ, чтобы до шканцевъ не долетало и не безпокоило пассажирокъ. Чтобы, значитъ, честно, благородно, ваше благородіе,— прибавилъ въ поясненіе Матвѣевъ, любившій иногда въ разговорѣ съ начальствомъ вворачивать деликатныя слова.

На смугломъ худощавомъ лицѣ Архипова выражалось полное сочувствіе къ просьбѣ товарища.

— Тишкомъ!?—переспросилъ старшій офицеръ, подавляя улыбку.—Ты и тишкомъ такъ орешь, что тебя за версту слышно. Глотка-то у тебя мѣдная, у дьявола!

Боцманъ стыдливо заморгалъ глазами отъ этого комплимента.

— Ты пойми, Матвѣевъ, пассажирки—дамы. При нихъ вѣдь нельзя языкомъ паскудничать, какъ передъ матрозней.

— Точно такъ, ваше благородіе, извѣстно дамы!—осклабился боцманъ.—Къ этому не привычны.

— То-то и есть! Такъ ужъ вы остерегайтесь... Не осрамите... А не то командиръ строго взыщетъ, да и я не поблагодарю...

— Будемъ стараться, ваше благородіе!—отвѣтили разомъ оба боцмана подавленными голосами.

— Ступайте!

Они юркнули изъ каюты старшаго офицера, осторожно, на цыпочкахъ, прошли одинъ за другимъ черезъ каюткомпанію и, очутившись на палубѣ, остановились и снова переглянулись, какъ два авгура, безъ словъ понимающіе другъ друга.

— Ддда!—протянулъ Матвѣевъ.

— Ловко!—промолвилъ и Архиповъ.

— Нечего сказать: приказъ! Остерегись тутъ!

— Какъ-то онъ самъ остережется!

— Какая Кузькина мать принесла этихъ пассажирокъ, чтобъ ихъ...

И изъ устъ Матвѣева полилась та вдохновенная импровизація ругани, которая стяжала ему благоговѣйное удивленіе всей команды.

— А вѣстовые сказывали, быдто горничная — цаца! — усмѣхнулся, подмигивая глазомъ, Архиповъ.

— И безъ насъ, братецъ, довольно на эту цацу стракулистовъ!—сердито отвѣтилъ Матвѣевъ и кивнулъ головой на гардемаринскую каюту. — Небойсь, маху не дадутъ.

И оба боцмана, недовольные будущими пассажирками, поднялись на верхъ и пошли на бакъ сообщать распоряженіе старшаго офицера.

А тамъ ужъ шустрый молодой вѣстовой Цвѣткова, Егорка, сообщалъ кучкѣ собравшихся вокругъ него матросовъ о томъ, что слышалъ въ каютъ-компаніи, причемъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи изукрасить слышанное своей собственной фантазіей и произвелъ пассажирку въ генеральши.

— Россійскаго генерала, братцы, дочь, а здѣшняго генерала жена,—разсказывалъ не безъ увлеченія Егорка.— Ва-ажная и кра-асивая! Самъ генералъ, братцы, изъ револьвера застрѣлился неизвѣстно по какой причинѣ — спекуляція какая-то приключилась, болѣзнь такая, а женка послѣ того и заскучила...

— Извѣстно — живой человѣкъ... Безъ мужа заскучитъ!—вставилъ кто-то.

— «Не хочу, говоритъ, послѣ того оставаться въ здѣшнихъ проклятыхъ мѣстахъ... Неравно, говоритъ, и сама тою-жъ болѣзнью заболѣю и рѣшу себя жизни. Желаю, говоритъ, ѣхать безпремѣнно на родину и вторительно пойду замужъ не иначе, какъ за русскаго человѣка».

— Видно, баба съ разсудкомъ. Это она правильно... Со своими живи!—раздалось чье-то замѣчаніе.

— И испросилась, значитъ, генеральша у капитана иттить съ нами до Гонконта, а оттеда она на вольномъ пароходѣ. А съ ей ея горничная. Мой мичманъ сказывалъ, что такая форсистая и пригожая дѣвушка, въ родѣ быдто мамзели... Одно слово, братцы, краля!

— Она изъ какихъ, Егорка? Мериканка?

— Наша православная. Изъ Россіи привезена, хрестьянской дѣвушкой... Только живши въ Америкѣ въ этой, мамзелистой стала на хорошемъ-то харчѣ... Здѣсь вѣдь, братцы, все мясо да бѣлый хлѣбъ... Народъ въ шинжакахъ...

— Ишь ты... русская! А давно мы русскихъ дѣвокъ не видали, ребята!- замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— То-то давно... А наши не въ примѣръ лучше! — рѣшительно заявилъ Егорка.

— Небойсь, Егорка, и здѣшнія мамзели понравились?

— Что говорить, чистый народъ, но только ни она тебя, ни ты ее понять не можешь... «Вери гутъ да вери гутъ»,— вотъ и всего разговору...

— А хороши, шельмы, здѣшнія... Очинно хороши...

— Наши-то поядренѣй... Потоваристѣй, — засмѣялся Егорка.— А здѣсь только что съ лица хороши... А чтобы насчетъ ядрености противъ россійскихъ не сустоять... Костлявыя какія-то...

Разговоръ принялъ нѣсколько спеціальный характеръ, когда матросы стали входить въ подробную оцѣнку достоинствъ женщинъ разныхъ націй. Всѣ, впрочемъ, согласились на томъ, что хотя и англичанки, и француженки, и китаянки, и японки, и каначки ничего себѣ, «бабы какъ бабы», но русскія все-таки гораздо лучше.

III.

Въ этотъ теплый и яркій сентябрьскій день офицеры клипера, въ ожиданіи пассажирки, особенно внимательно занялись туалетомъ и мылись, брились и чесались въ своихъ каютахъ дольше, чѣмъ обыкновенно. Къ завтраку почти всѣ явились въ каютъ-компанію прифранченными, въ новыхъ сюртукахъ съ блестящими погонами и бѣлыхъ жилетахъ. Туго накрахмаленные воротники и рукава рубашекъ, мастерски вымытыхъ въ С.-Франциско китайцами-прачками, сіяли ослѣпительной бѣлизной и блестѣли словно полированные. Бакенбарды различныхъ формъ были безподобно расчесаны и подбородки гладко выбриты. Усы, начиная съ великолѣпныхъ усовъ фатоватаго лейтенанта Бакланова, длинныхъ, шелковистыхъ, составлявшихъ предметъ его гордости и особенныхъ заботъ, и кончая едва замѣтными усиками самаго юнаго гардемарина «Васеньки», были тщательно закручены и нафиксатуарены. Сильный душистый ароматъ щекоталъ обоняніе, свидѣтельствуя, что господа моряки не пожалѣли ни духовъ, ни помады. Особенно благоухалъ старшій офицеръ, Степанъ Дмитріевичъ. Щеголевато одѣтый, напомаженный, прикрывшій часть лысины умѣлой прической, онъ словно чувствовалъ себя во всеоружіи неотразимости соблазнительнаго мужчины и то и дѣло покручивалъ свои темно-рыжіе усы и

ощупывалъ свой длинный красный носъ, испробовавъ наканунѣ новое вѣрное средство противъ угрей.

Каютъ-компанія, вымытая и убранная вѣстовыми, блестѣла той умопомрачающей чистотой, какая только извѣстна на военныхъ судахъ. Нигдѣ ни пылинки. Клеенка сверкала, и щиты изъ корельской березы просто горѣли. На срединѣ стола красовался въ японской вазѣ, данной кѣмъ-то изъ офицеровъ, огромный роскошный букетъ, заказанный по настоянію Цвѣткова для украшенія каютъ-компаніи. Вѣстовые были въ чистыхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ и обуты въ парусинные башмаки. Старшій офицеръ еще вчера приказалъ имъ: на время присутствія пассажирки босыми не ходить и одѣваться чисто, а не то...

Только «дѣдушка» Иванъ Ивановичъ да старшій судовой механикъ Игнатій Аѳанасьевичъ Гнѣненко нарушали общую картину параднаго великолѣпія.

Иванъ Ивановичъ сохранялъ обычный будничный видъ въ своемъ старенькомъ, хотя и опрятномъ, люстриновомъ сюртучкѣ, серебряные погоны котораго давно потеряли свой блескъ и съежились, и съ высокими «лиселями» (воротничками), упиравшимися въ его чисто выбритыя, старчески румяныя щеки, а Игнатій Аѳанасьевичъ, человѣкъ лѣтъ за тридцать, съ добрыми свѣтлыми глазами, отличавшійся крайнимъ добродушіемъ, невозмутимой хохлацкой флегмой и неряшливостью, явился въ каютъ-компанію, по обыкновенію, въ засаленномъ китель, съ вѣчной дырой на локтѣ. Воротникъ его рубашки, повязанный какимъ-то обрывкомъ, былъ сомнительной свѣжести, всклокоченные волосы видимо требовали гребня и щетки.

Увидавъ Игнатія Аѳанасьевича въ такомъ костюмѣ, Цвѣтковъ, сіяющій словно именинникъ, въ ослѣпительно бѣломъ костюмѣ, просто-таки пришелъ въ ужасъ.

— Игнатій Аѳанасьевичъ... Голубчикъ... Помилосердствуйте!—возбужденно воскликнулъ онъ, озирая неуклюжую фигуру механика.

— А что? — невозмутимо освѣдомился Игнатій Аѳанасьевичъ.

— Нельзя же... На клиперѣ будетъ дама, а вы... Посмотрите!

И Цвѣтковъ показалъ дыру на локтѣ.

Игнатій Аѳанасьевичъ тоже взглянулъ на дыру, почему-то потрогалъ ее пальцемъ и, улыбаясь глазами, проговорилъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ:

— Не зачинилъ шельма Ивановъ... А я давно ему говорилъ...

— Но самый сюртукъ! Что подумаетъ пассажирка, увидавъ васъ въ такомъ костюмѣ?

— А нехай думаетъ, что хочетъ!—добродушно замѣтилъ Игнатій Аѳанасьевичъ.

Раздался взрывъ смѣха.

— Нѣтъ, ужъ вы, Игнатій Аѳанасьевичъ, поддержите честь клипера... Ради Бога... Сюртука вамъ новаго жаль, что ли?..

— Да я не выйду ее смотрѣть...

— А если она зайдетъ въ каютъ-компанію... Захочетъ взглянуть?.. Наконецъ, мы ее пригласимъ... Ужъ вы, Игнатій Аѳанасьевичъ, не спорьте, ей-Богу... Не полѣнитесь, переодѣньтесь...

Цвѣтковъ такъ упрашивалъ, что Игнатій Аѳанасьевичъ, несмотря на свою лѣнь, обѣщалъ переодѣться...

— Только не думайте, что на ходу я стану для нея одѣваться... Подъ парами я въ своей курткѣ буду!—замѣтилъ Игнатій Аѳанасьевичъ.—Она ко мнѣ въ машину не придетъ, надѣюсь.

Пассажирку ждали къ шести часамъ—къ обѣду, вмѣстѣ съ консуломъ и консульшей, приглашенными капитаномъ. Въ пять часовъ за гостями былъ посланъ щегольской капитанскій катеръ. Другой катеръ отправился за багажомъ.

Цвѣтковъ хотѣлъ-было отправиться съ катеромъ, посланнымъ за гостями, но старшій офицеръ сказалъ ему, что, по распоряженію капитана, ѣхать съ катеромъ назначенъ гардемаринъ Лѣтковъ («Васенька»).

— Да развѣ не все равно, кто поѣдетъ? Я, по крайней мѣрѣ, уже знакомъ съ пассажиркой... А Васенька охотно уступаетъ мнѣ свое право... Не правда ли, Васенька?

— Я очень радъ не ѣхать!—подтвердилъ юный и очень застѣнчивый Васенька.—Я не умѣю разговаривать съ дамами!—прибавилъ онъ, краснѣя.

— Такъ разрѣшите, Степанъ Дмитричъ!

— Нѣтъ, ужъ вы лучше сами, Владиміръ Алексѣичъ, спросите капитана!—съ улыбкой проговорилъ старшій офицеръ.

— Что-жъ, и спрошу!

— Эка тебѣ не терпится увидать юбку... Удивляюсь твоему легкомыслію!—процѣдилъ «милордъ».

— И удивляйся! — огрызнулся Цвѣтковъ, выходя изъ каютъ-компаніи.

Большая роскошная капитанская каюта была убрана, видимо для пассажирки, особенно тщательно. Разныя японскія и китайскія вещи, вынутыя изъ ящиковъ капитана, были разставлены въ разныхъ мѣстахъ, украшая убранство каюты. На накрытомъ, превосходно сервированномъ столѣ красовались букеты розъ... Тонкій ароматъ духовъ стоялъ въ воздухѣ.

Самъ капитанъ, пріодѣтый и прифранченный, съ подстриженными волосами и баками, красный, какъ ракъ, и отдувающійся отъ жары, стоялъ, подавшись своимъ солиднымъ брюшкомъ впередъ, озабоченно озирая убранство стола, и не замѣтилъ прихода мичмана.

«Ишь какъ онъ убралъ каюту для пассажирки и какъ самъ разукрасился, толстопузый!—усмѣхнулся про себя Цвѣтковъ, оглядывая каюту и самого толстяка-капитана.—Небойсь, и шампанское сегодня! — завистливо промелькнуло у него въ головѣ при видѣ вазъ съ бутылками на столѣ.—Жаль, что не моя очередь у него обѣдать... Милордъ будетъ!..»

— Петръ Никитичъ!—проговорилъ мичманъ.

Капитанъ поднялъ голову и, увидавъ Цвѣткова въ полномъ блескѣ, сухо спросилъ:

— Что прикажете-съ, Владиміръ Алексѣичъ?

— Позвольте мнѣ, Петръ Никитичъ, ѣхать съ капитанскимъ катеромъ, вмѣсто гардемарина Лѣткова.

— Это почему-съ? Со шлюпками ѣздятъ гардемарины, а вы, кажется, мичманъ-съ.

Эти «ерсы», которыми сыпалъ капитанъ, и рѣзкій, сухой тонъ его голоса, казалось, должны были бы предостеречь мичмана отъ продолженія и заставить его убраться по-добру, по-здорову изъ каюты,—но онъ, охваченный страстнымъ желаніемъ прокатить хорошенькую блондинку на катерѣ подъ парусами и щегольнуть передъ ней своимъ умѣньемъ лихо управлять шлюпкой,—не замѣчалъ, что капитанскіе глаза предвѣщаютъ бурю, и прежнимъ легкомысленнымъ тономъ продолжалъ:

— Въ такомъ случаѣ, позвольте, Петръ Никитичъ, просто поѣхать встрѣтить пассажирку. Быть-можетъ, ей понадобятся услуги какія-нибудь... Такъ я...

— Это еще что за встрѣчи, Владиміръ Алексѣичъ!?—перебилъ, закипая гнѣвомъ, капитанъ.—Какія такія вы

выдумали особенныя встрѣчи?.. Какія тамъ услуги-съ!? Съ чего вы вздумали гоняться за пассажиркой? Вы вѣдь офицеръ военнаго судна, а не какой-нибудь, съ позволенія сказать, годовалый понтеръ-съ! Тоже встрѣчи устраивать! И какъ вы позволили себѣ, господинъ мичманъ, обращаться ко мнѣ съ такимъ вздоромъ, а?—вдругъ крикнулъ капитанъ, уставивъ свои выпученные глаза съ вращающимися бѣлками на Цвѣткова.

Никакъ не ожидавшій такого гнѣвнаго взрыва, Цвѣтковъ проговорилъ:

— Я полагалъ, что...

— А вы не полагайте-съ и не приходите къ капитану съ подобными заявленіями... Ишь... разрядились какъ!—прибавилъ капитанъ, оглядывая блестящаго мичмана.—Какая-то пассажирка, а ужъ вы...

— Я полагаю, это до службы не относится, Петръ Никитичъ!—довольно твердо замѣтилъ Цвѣтковъ, взглядывая на капитана въ упоръ.

— Все-съ относится къ службѣ!—понижая тонъ, отвѣчалъ капитанъ.—Можете идти-съ!

Цвѣтковъ вернулся въ каютъ-компанію въ возбужденномъ состояніи, раздраженный.

— Ну что, ѣдете за пассажиркой, Владиміръ Алексѣичъ?—лукаво спросилъ старшій офицеръ.

— Какое ѣду... Онъ еще меня разнесъ.

— За что же?

— А вотъ подите. Раскричался словно оглашенный... Даже насчетъ костюма замѣтилъ: «разрядились», говоритъ... Но тутъ я ему задалъ «ассаже». Какое ему дѣло—разрядился я или нѣтъ? И съ чего онъ взъерепенился, скажите на милость? Кажется, ничего нѣтъ позорнаго встрѣтить даму?.. А, главное, самъ-то онъ, ради пассажирки, франтъ-франтомъ одѣлся... Ей-Богу, вотъ увидите... И каюту изукрасилъ какъ! Вездѣ китайщина и японщина... На столѣ букеты розъ... Къ обѣду шампанское... За что же мнѣ-то попало?

— И не такъ еще попадетъ, Владиміръ Алексѣичъ!—промолвилъ Иванъ Ивановичъ.

— За какія такія дѣла, дѣдушка?

— А все изъ-за этой пассажирки.

— Она-то тутъ при чемъ?

— А при томъ, что всѣ вы изъ-за нея съ ума посходите... Ужъ вотъ вы, батенька, горячку запороли... не-

премѣнно встрѣчать ее захотѣли... Еще насмотритесь на пассажирку. Переходъ-то длинный.

— А сколько, примѣрно, времени?

— Да ужъ никакъ не меньше трехъ недѣль.

— И чудесно, дѣдушка!—воскликнулъ мичманъ.

— Что чудесно?

— Она три недѣли будетъ съ нами.

— Эхъ вы... ненасытные! Мало вамъ, что ли, влюбляться на берегу—еще въ морѣ захотѣли!—замѣтилъ, улыбаясь, дѣдушка.—Сколько у васъ будетъ соперниковъ. Другъ дружку станете ревновать.

— Она ни на кого изъ насъ не обратитъ вниманія, дѣдушка.

— Ну, такъ вы и совсѣмъ взбѣситесь. Помяните мое слово!

Цвѣтковъ уже весело смѣялся, слушая «дѣдушку», забылъ о «разносѣ», полученномъ отъ капитана, и все время нетерпѣливо посматривалъ на часы.

Въ это время въ каютъ-компанію вошелъ Игнатій Аѳанасьевичъ въ новой парѣ, въ чистой рубашкѣ, повязанной какимъ-то необыкновеннымъ бантомъ, приглаженный, прилизанный и выбритый.

— Браво, Игнатій Аѳанасьичъ. Совсѣмъ вы молодцомъ!—воскликнулъ Цвѣтковъ.

— Того и гляди, въ Игнатія Аѳанасьича пассажирка влюбится!—замѣтилъ кто-то.

— А пусть влюбится!—невозмутимо произнесъ Игнатій Аѳанасьевичъ, вызывая общій смѣхъ, и поспѣшилъ присѣсть къ столу, видимо чувствуя себя не совсѣмъ ловко въ новомъ платьѣ и потому нѣсколько удрученный.

— Катеръ, господа, идетъ!—крикнулъ въ открытый люкъ вахтенный офицеръ.

Всѣ бросились изъ каютъ-компаніи на верхъ смотрѣть пассажирку.

День былъ превосходный. Жара умѣрялась легкимъ вѣтеркомъ. Пользуясь имъ, капитанскій катеръ, слегка накренившись, приближался подъ парусами къ клиперу, лихо прорѣзывая кормы и носы многочисленныхъ судовъ, стоявшихъ на оживленномъ Санъ-Францискомъ рейдѣ.

Всѣ бинокли устремились на катеръ. Одинъ лишь Степанъ Дмитріевичъ, желая, въ качествѣ старшаго офицера, показать солидность, съ напускнымъ равнодушіемъ разгуливалъ по шканцамъ, по временамъ подрагивая бедрами и неустанно закручивая усы.

— Ни-чего осо-бен-на-го! — процѣдилъ, отводя бинокль, «милордъ», стараясь показать ледяное равнодушіе и корча изъ себя, по случаю пріѣзда пассажирки, равнодушнаго ко всему въ мірѣ человѣка, какъ и подобало быть, по его мнѣнію, настоящему англичанину.

— И болванъ ты, благородный лордъ, послѣ этого!— воскликнулъ прильнувшій глазами къ биноклю Цвѣтковъ.

— Парламентское выраженіе!

— Или ты врешь, или ничего не понимаешь въ красотѣ. Она—идеально хороша... Вотъ увидишь ее вблизи, и если ты не англійская швабра, то...

— И «швабра»... весьма мило! — насмѣшливо перебилъ «милордъ».

— Да какъ же ты смѣешь говорить: «ничего особеннаго». Чего тебѣ особеннаго?.. Однако Васенька молодцомъ правитъ... Ишь какъ ловко подрѣзалъ корму американцу... Лихо!

— Нѣтъ, хорошенькая, я вамъ скажу, дамочка!—произнесъ, ни къ кому не обращаясь, кругленькій, толстенькій, чистенькій докторъ и захихикалъ своимъ мелкимъ смѣхомъ.

— И, какъ слѣдуетъ, съ аванпостами и вообще... Хо-хо-хо...

И пожилой старшій артиллерійскій офицеръ, интересовавшійся горничной, весело загоготалъ.

— Уже заржали молодцы!—промолвилъ «дѣдушка» и безнадежно махнулъ рукой.

— Да вы взгляните, Иванъ Ивановичъ, такъ и сами... того... — обратился къ нему вполголоса докторъ, предлагая бинокль.

— Чего смотрѣть? Не видалъ я, что ли, юбокъ-съ? Видывалъ. И безъ бинокля увижу. Небойсь, пассажирка будетъ вѣчно торчать на верху при такихъ кавалерахъ... Только вахтенному мѣшать будетъ!

Посматривали, разсыпавшись у бортовъ, и матросы на приближавшійся катеръ.

А въ это время боцманъ Матвѣевъ обходилъ клиперъ и вполголоса говорилъ матросамъ:

— Смотри же, ребята, чтобы, значитъ, худова слова ни Боже ни... А не то я васъ...

И боцманъ заканчивалъ, правда, довольно тихо, угрозами, сопровождая ихъ самыми худыми словами.

— Сигнальщикъ! Доложи капитану, что катеръ съ кон-

суломъ пристаетъ къ борту!—крикнулъ стоявшій на вахтѣ красивый блондинъ Баклановъ.—Фалгребные на верхъ!—скомандовалъ онъ затѣмъ и, молодцовато сбѣжавъ съ мостика, пошелъ для встрѣчи гостей.

Въ ту же минуту на верху появился капитанъ и, слегка сгорбившись, умышленно неторопливой, лѣнивой походкой направился къ парадному трапу. Своимъ недовольнымъ, сумрачнымъ видомъ, своей походкой онъ словно хотѣлъ соблюсти свой капитанскій престижъ и показать передъ офицерами, что пріѣздъ пассажирки не только нисколько его не интересуетъ, но какъ будто даже и не особенно пріятенъ.

Между тѣмъ катеръ, сдѣлавъ поворотъ, лихо присталъ къ борту. Паруса мигомъ слетѣли, и «Васенька», разгорѣвшійся отъ волненія, бросилъ руль и предложилъ своимъ пассажирамъ выходить. Черезъ нѣсколько секундъ на палубу, въ числѣ другихъ гостей—пожилой консульши и ея мужа—легко и свободно спустилась по маленькому трапу молодая пассажирка.

IV.

Хотя увлекающійся мичманъ и сильно преувеличилъ красоту пассажирки въ своихъ безумно восторженныхъ диѳирамбахъ, тѣмъ не менѣе она дѣйствительно была очень недурна собой, эта стройная, изящная, ослѣпительно свѣжая блондинка, небольшого роста, съ карими глазами и свѣтло-золотистыми волосами, волнистыя прядки которыхъ выбивались на лобъ изъ-подъ маленькой «панамы» съ короткими, прямыми полями, скромно украшенной лишь черной лентой.

Было что-то необыкновенно привлекательное въ тонкихъ чертахъ этого маленькаго, выразительнаго, умнаго личика съ нѣжными, отливавшими румянцемъ, щеками, капризно приподнятымъ красивымъ носомъ, тонкими алыми губами и округленнымъ подбородкомъ съ крошечной родинкой. Особенно мила была улыбка: ласковая, открытая, почти дѣтская. Но взглядъ блестящихъ карихъ глазъ былъ далеко не «ангельскій», какъ увѣрялъ Цвѣтковъ. Напротивъ. Въ этомъ, повидимому, спокойно-привѣтливомъ ясномъ взорѣ какъ будто прятался насмѣшливый бѣсенокъ и чувствовалась кокетливая увѣренность хорошенькой женщины, сознающей свою привлекательность и избалованной поклонниками.

Пассажирка была вся въ черномъ, что, впрочемъ, очень шло къ ней, оттѣняя поразительную бѣлизну ея лица. Темная, изящная жакетка съ небольшими отворотами обливала ея тонкій, крѣпкій станъ, обрисовывая тонкую, точно дѣвственную талію и красивыя формы хорошо развитого бюста. Бѣлоснѣжный отложной воротничокъ манишки, повязанный фуляромъ, не закрывалъ красивой, словно выточенной изъ мрамора шеи. На груди алѣла бутоньерка изъ розъ. Недлинная шелковая юбка позволяла видѣть маленькія ноги въ изящныхъ кожаныхъ ботинкахъ. Все сидѣло на ней красиво и ловко, все до мелочей было полно изящнаго вкуса. И сама она, удивительно моложавая и цвѣтущая, хорошо сложенная, видомъ своимъ скорѣй походила на молодую дѣвушку, чѣмъ на тридцатилѣтнюю вдову, пережившую тяжелое горе.

Она шла по шканцамъ увѣренной, легкой походкой, рядомъ съ немолодой, пестро одѣтой, молодившейся, полной консульшей, привѣтливо отвѣчая на почтительные поклоны офицеровъ и, казалось, не замѣчая любопытныхъ, полныхъ восхищенія, взглядовъ, устремленныхъ на нее.

Капитанъ, съ обычной рыцарской галантностью моряковъ, встрѣтившій дамъ у трапа съ обнаженной головой и любезно ихъ привѣтствовавшій, красный и вспотѣвшій, торжественно улыбаясь, какъ на удачномъ адмиральскомъ смотру, выступалъ около дамъ, стараясь подтянуть животъ, съ горделиво покровительственнымъ видомъ индѣйскаго пѣтуха. По дорогѣ пришлось останавливаться, чтобы представить пассажиркѣ старшаго офицера, доктора, батюшку и нѣсколько офицеровъ, находившихся близко.

Степанъ Дмитріевичъ молодецки шаркнулъ своей толстой, короткой ножкой, снимая фуражку и наклоняя бѣлобрысую голову съ зачесанной лысиной, и выразилъ свое удовольствіе встрѣтить соотечественницу «подъ небомъ Америки». Затѣмъ старшій офицеръ метнулъ въ пассажирку побѣдоноснымъ взглядомъ своихъ маленькихъ, уже замаслившихся глазокъ и, выпятивъ грудь и закручивая усы, подошелъ къ консульшѣ. Чистенькій, свѣженькій, кругленькій докторъ немножко сконфузился, и все его пухлое лицо расплылось въ улыбку. Онъ проговорилъ «очень пріятно» и далъ мѣсто молодому батюшкѣ, іеромонаху Евгенію, который почему-то вдругъ покраснѣлъ и напряженно топтался на мѣстѣ, пока капитанъ не вывелъ отца Евгенія изъ неловкаго замѣшательства, подозвавъ

двухъ гардемариновъ, которыхъ и представилъ пассажиркѣ. И эти двое молодыхъ людей и еще представленные офицеры безмолвно кланялись, но ихъ лица и безъ словъ говорили, что молодымъ морякамъ очень пріятно было познакомиться съ такой хорошенькой пассажиркой. Одинъ только «милордъ», въ качествѣ «холоднаго англичанина», изобразилъ на своемъ выбритомъ лицѣ самое ледяное равнодушіе («дескать, ты меня нисколько не интересуешь!») и, отойдя отъ пассажирки, нарочно даже зѣвнулъ съ видомъ скучающаго джентльмена и отвелъ въ сторону взглядъ, хотя ему и очень хотѣлось посмотрѣть на пассажирку, въ которой онъ не находилъ «ни-че-го о-со-бен-на-го».

Пассажирка съ милой привѣтливостью протягивала свою маленькую ручку въ черной лайкѣ и крѣпко, «по-англійски», пожимала всѣмъ руки, видимо довольная, что находится среди соотечественниковъ, на пловучемъ оторванномъ уголкѣ далекой родины, и слышитъ вокругъ русскую рѣчь. Она ласковыми глазами взглядывала на матросовъ, разсыпавшихся по палубѣ, и сказала, обращаясь къ капитану:

— Мнѣ просто не вѣрится, что я въ Россіи. Если бы вы знали, какъ я рада, капитанъ, и какъ я благодарна, что вы меня взяли!

И радостная улыбка озаряла ея хорошенькое личико, дѣлая его еще обворожительнѣе.

— Помилуйте, — любезно отвѣтилъ капитанъ: — я счастливъ, что могъ быть вамъ полезнымъ и вообще... Только вы бы не соскучились, Вѣра Сергѣевна, въ морѣ, а мы... мы... Мы-съ употребимъ съ своей стороны всѣ старанія, чтобы вы не скучали...

— Съ такими любезными людьми развѣ можно скучать? И, наконецъ, я восемь лѣтъ не видала русскихъ, а я вѣдь русская, да еще изъ Москвы!—прибавила пассажирка.

— Сердце Россіи!—съ одушевленіемъ произнесъ капитанъ.—А москвички, насколько я встрѣчалъ, премилыя, позволю себѣ замѣтить-съ, дамы. И очень привлекательныя!—прибавилъ съ улыбкой капитанъ въ видѣ тонкаго, по его мнѣнію, комплимента.

— Вы бывали въ Москвѣ?

— Какъ же-съ, имѣлъ это удовольствіе. Она произвела на меня превосходное впечатлѣніе... Этотъ Кремль, ра-

душіе, сердечность!—не безъ горячности проговорилъ капитанъ и незамѣтно скользнулъ взглядомъ по бѣлой, какъ сливки, хорошенькой шейкѣ пассажирки.

— Ишь, «глазенапа» запускаетъ! —замѣтилъ кто-то вполголоса въ кучкѣ гардемариновъ, стоявшихъ вблизи, и раздался сдержанный смѣхъ.

Вѣроятно, до капитана донеслось это замѣчаніе, потому что онъ вдругъ повернулъ голову, метнувъ свирѣпый взоръ, нахохлился и, не распространяясь болѣе о Москвѣ, заговорилъ съ консульшей.

Увидавъ Цвѣткова, отвѣшивавшаго ей низкій поклонъ, пассажирка ласково кивнула ему головой, какъ знакомому, и сдѣлала нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу.

— Что же вы не пріѣхали за мной, Владиміръ Алексѣичъ, какъ обѣщали?—любезно упрекнула она, протягивая просіявшему мичману руку.

— Нельзя было... Если-бъ я только могъ, Вѣра Сергѣевна! — проговорилъ восторженно мичманъ, весь вспыхивая.

— Васъ задержала служба?

— Какая служба! Просто капитанъ не пустилъ,—улыбаясь, замѣтилъ Цвѣтковъ, понижая голосъ.

— Не пустилъ? Почему не пустилъ?

— Это его тайна!—усмѣхнулся Цвѣтковъ.—Впрочемъ, и Васенька васъ отлично довезъ... Не правда ли?

— Какой Васенька?

— Лѣтковъ... Мы всѣ такъ зовемъ этого милаго юношу, который пріѣзжалъ за вами.

— Мы отлично доѣхали... Отлично!—повторила пассажирка и прибавила:—А съ вами мы опять будемъ спорить, какъ вчера, лишь только познакомились... Я люблю такихъ спорщиковъ... Это напоминаетъ мнѣ молодые годы въ Москвѣ... Здѣсь такъ не спорятъ, и я давно такъ не спорила...

— Онъ отчаянный спорщикъ, Вѣра Сергѣевна,—замѣтилъ капитанъ, подходя къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ.

— О, я знаю. Вчера ужъ мы поспорили, но, къ сожалѣнію, не докончили спора. Надѣюсь, докончимъ и начнемъ новый?—промолвила, улыбаясь, Вѣра Сергѣевна и отошла съ капитаномъ, пожавъ руку окончательно влюбленному и счастливому мичману.

Сзади дамъ, поминутно останавливавшихся, благодаря представленіямъ пассажиркѣ офицеровъ, медленно подви-

гался консулъ, сухощавый, долговязый и серьезный финляндецъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, оживленно бесѣдовавшій по поводу какихъ-то счетовъ съ ревизоромъ клипера.

Въ это же время по другой сторонѣ шканцевъ торопливо проходила, шурша накрахмаленными юбками и повиливая подоломъ, съ опущенными внизъ глазами, подъ перекрестными взглядами моряковъ, круглолицая, полнотѣлая, не лишенная миловидности горничная, щеголевато одѣтая, въ сѣрой тальмѣ и яркой шляпкѣ, съ мелкими вещами въ рукахъ, сопровождаемая молодымъ вѣстовымъ Цвѣткова, Егоркой, который несъ маленькій баулъ и двѣ картонки съ особенной осторожностью, словно боясь раздавить ихъ въ своихъ грубыхъ рабочихъ рукахъ.

— Сюда пожалуйте, мамзель,—шепнулъ Егорка, щеголяя передъ этой «мамзелистой» горничной своимъ умѣньемъ обращаться съ дамами:—по этому трапу спускайтесь,—указалъ онъ головой на спускъ въ капитанскую каюту. И, спускаясь вслѣдъ за ней по трапу, Егорка обстоятельно любовался широкимъ, полнымъ затылкомъ горничной и ея внушительными формами.

У каюты, передъ буфетной, ихъ встрѣтилъ Иванъ Чижиковъ, капитанскій вѣстовой, разбитной, молодой чернявый матросъ, съ плутоватыми глазами, съ мѣдной сережкой въ ухѣ, съ коротко остриженной головой, франтовато одѣтый въ бѣлой собственной рубахѣ, съ широкимъ воротомъ, открывавшимъ крѣпкую загорѣлую шею, и въ нитяныхъ перчаткахъ, надѣтыхъ къ парадному обѣду.

— Съ пріѣздомъ!—бойко и весело проговорилъ онъ, улыбаясь глазами и пропуская горничную.

Онъ принялъ отъ Егорки баулъ и картонки и, подмигнувъ ему глазомъ, вошелъ въ каюту.

— И какъ же у васъ здѣсь хо-ро-шо!—протянула горничная слегка пѣвучимъ московскимъ говоркомъ, оглядывая большую, полную свѣта, падающаго сверху черезъ люкъ, капитанскую каюту, съ диванами вокругъ бортовъ, съ блестяще сервированнымъ столомъ, сіявшимъ бѣлизной скатерти, хрусталемъ и цвѣтами.

— Для васъ постарались,—любезно отвѣтилъ Чижиковъ, взглядывая на краснощекое лицо горничной, полное и веселое, съ добродушными сѣрыми большими глазами, напоминавшее лицо деревенской здоровой, пригожей тридцатилѣтней бабы:—потому какъ теперича каюта въ ва-

шемъ полномъ распоряженіи. Жить здѣсь будете... А какъ изволите величать васъ?

— Аннушкой.

— А ежели по батюшкѣ?

— Егоровной.

— Такъ доложу вамъ, Анна Егоровна, вещи эти я пока въ спальнѣ сложу... Пожалуйте ихъ мнѣ,—говорилъ вѣстовой, принимая изъ рукъ Аннушки мелкія вещи. Онъ поставилъ ихъ вмѣстѣ съ картонками за альковъ и продолжалъ:—Потомъ размѣстите, какъ будетъ угодно... А какъ придетъ катеръ съ багажомъ, вы только прикажите, что—куда, мы все какъ слѣдуетъ поставимъ и принайтовимъ. Мѣста у насъ много... А что не надо, въ ахтеръ-люкъ спустимъ. Не угодно ли, Анна Егоровна, полюбопытствовать, какая, значитъ, будетъ ваша квартира?

— Покажите, пожалуйста... А васъ какъ звать?

— Иванъ Матвѣевъ Чижиковъ. Вологодскіе будемъ.

— А я московская крестьянка, Иванъ Матвѣевичъ.

— Но только вы, можно сказать, вовсе на американскую даму похожи, Анна Егоровна,—подпустилъ комплиментъ вѣстовой.

Аннушка усмѣхнулась съ довольнымъ видомъ и сказала:

— Здѣсь всѣ женщины по-дамски ходятъ, что барыни, что прислуга...

А Чижиковъ продолжалъ:

— Вотъ эта самая каюта въ родѣ бы-дто и залъ, и кабинетъ, и столовая. Тутъ капитанъ занимается: лепорты пишетъ въ Россію, какъ, молъ, по морямъ ходимъ, на картѣ путь со штурманомъ прокладываютъ—куда и какъ, значитъ, плыть клиперу по наблюденію солнца секстантомъ. Тутъ и обѣдаетъ. У насъ завсегда два офицера къ обѣду приглашаются... Здѣсь вотъ спальня,—объяснилъ вѣстовой, раздвигая шелковый альковъ, открывшій небольшую, освѣщенную бортовымъ иллюминаторомъ каюту, застланную пушистымъ ковромъ по полу и увѣшанную коврами по борту, къ которому прилегала койка,—съ роскошной шифоньеркой, комодомъ, умывальникомъ и зеркаломъ:—ваша генеральша будетъ почивать.

— Генеральша? Моя барыня точно генеральская дочь, но мужъ ейный былъ американскій анжинеръ... Здѣсь-то и совсѣмъ почти генераловъ нѣтъ, не то, что въ Россіи.

— А сказывали: американская генеральша!.. Тутъ вотъ

рядомъ сбоку ванная, ежели пожелаете, примѣрно, скупаться по жаркости...

— Словно у насъ... Ровно какъ въ городѣ..

— Нельзя... командирское званіе!—не безъ достоинства замѣтилъ Чижиковъ.—А вотъ для васъ каютка, Анна Егоровна,—продолжалъ вѣстовой, уводя Аннушку изъ капитанской каюты и указывая на крошечную каютку, сейчасъ за дверью, у трапа.—Тѣсновато маленько, Анна Егоровна. Мнѣ-то, по матросскому моему званію, привычное дѣло, а вамъ, при вашей, можно сказать, деликатности, не такое бы слѣдовало помѣщеніе.

Аннушка ласково усмѣхнулась, взглядывая на обходительнаго, любезнаго вѣстового, говорившаго ей комплименты, и замѣтила, смѣясь:

— Не барыня—потѣснюсь. Всяко жили. А вы со своимъ бариномъ какъ же?

— А мы наверху, въ «рубкѣ». Надо, говоритъ, дамамъ уваженіе сдѣлать и «постѣснироваться». Онъ у насъ, Анна Егоровна,—конфиденціально сообщилъ Чижиковъ, улыбаясь своими плутоватыми глазами:—даромъ что человѣкъ старый и грузный, а очень почитаетъ женскій полъ. Съ мужчинами, ежели по службѣ, прямо сказать, зубастая щука, а съ вашей, примѣрно, сестрой—въ родѣ бытто теленка... А я, значитъ, Анна Егоровна, назначенъ къ вамъ, буду приходить сюда справлять свою часть: накрыть на столъ, подавать кушать, все, какъ слѣдуетъ.

— Я вамъ помогать стану,—добродушно промолвила Аннушка.

И, войдя въ каютку, она сняла шляпку и стала-было снимать тальму, какъ вѣстовой помогъ ей, подхватилъ плащъ и повѣсилъ на крючокъ.

— Благодарствуйте!

Аннушка оправила свое праздничное яркое шерстяное платье, обрисовывавшее крупныя формы ея полной высокой фигуры, и медленно, съ серьезнымъ лицомъ, стала креститься на маленькій образокъ, висѣвшій въ углу.

Затѣмъ она присѣла на койку и радостно сказала:

— И какъ же я рада, что Господь привелъ возвращаться въ Россію да со своими встрѣтиться. Совсѣмъ на чужой сторонѣ стосковалась. Кабы не жаль было барыни, кажется, давно бы убѣжала.

— Все въ Америкѣ жили?—спрашивалъ Чижиковъ, стоя

у порога и покручивая усы, и въ то же время чутко прислушивающійся, не идетъ ли капитанъ съ гостями.

— Въ Америкѣ.

— Сторона, сказываютъ, вольная

— Вольная-то вольная, и живутъ люди чисто, и обращеніе учтивое, особливо съ нашей сестрой, а все чужая сторона... Къ своимъ такъ и тянетъ... Батюшка съ матушкой да сестры съ братомъ въ деревнѣ живутъ, и повидать ихъ жду не дождусь... Какъ пріѣдемъ, сейчасъ отпрошусь у барыни въ деревню погостить.

— А барыня, значитъ, добрая?..

— Добрая... и меня на волю отпустила и исхлопотала за батюшку у своего брата... Отецъ-то ея померъ...

— Нонче и всѣмъ скоро воля выйдетъ,—замѣтилъ Чижиковъ и спросилъ:—А вы, Анна Егоровна, по-ихнему говорить умѣете?

— Научилась. Восемь лѣтъ здѣсь жили.

— Ишь ты! Поди, трудно научиться?

— Вовсе не трудно.

— Однако пока прощайте, Анна Егоровна. Господа, кажется, идутъ! А я вамъ сюда подамъ... маленькій столикъ накрою. Какого вина прикажете: краснаго или бѣлаго?

— Все равно... Вы не безпокойтесь, Иванъ Матвѣичъ.

— Очень даже лестно для васъ услужить, а не то, что безпокойство, Анна Егоровна!—проговорилъ Чижиковъ, бросая выразительный взглядъ на Аннушку, и перешелъ въ буфетную—напротивъ.

А Аннушка, закрывъ дверь, достала изъ своего мѣшка зеркальце, гребень и щетку и, повѣсивъ зеркальце на гвоздикъ, поглядѣлась въ него и, оправляя свои темно-русые густые волосы, усмѣхнулась не безъ кокетства.

Черезъ нѣсколько минутъ гости съ капитаномъ спустились въ каюту.

— Вотъ-съ ваше помѣщеніе, Вѣра Сергѣевна,—проговорилъ капитанъ.—Вы здѣсь полная хозяйка.

Пассажирка восхищалась каютой и благодарила.

Капитанъ помогъ дамамъ снять ихъ жакетки, принялъ шляпки и вообще былъ необыкновенно любезенъ. Когда ровно къ шести часамъ собрались приглашенные къ обѣду: старшій офицеръ, докторъ, «милордъ» и гардемаринъ «Васенька»,—капитанъ повелъ дамъ къ маленькому столу, уставленному закусками, и пригласилъ ихъ, «по русскому обычаю, закусить».

— Вѣра Сергѣевна... Чего прикажете? Вы, чай, отвыкли отъ нашихъ порядковъ... Позвольте вамъ икры положить! Русская икорка!

За обѣдомъ онъ сидѣлъ между дамами и угощалъ ихъ съ хлѣбосольнымъ радушіемъ. Онъ любилъ покушать, и столъ и вина у него были хорошіе. Самъ капитанъ за обѣдомъ занималъ больше пассажирку, къ вящей досадѣ Степана Дмитріевича, который принужденъ былъ занимать консульшу и только могъ глазами пожирать хорошенькую блондинку. Докторъ и ѣлъ за обѣ щеки, и посматривалъ на пассажирку, и разсказалъ какой-то забавный анекдотъ. «Милордъ», напустившій на себя безстрастность, солидно бесѣдовалъ съ консуломъ и подливалъ ему вина. Одинъ лишь юный Васенька все время застѣнчиво краснѣлъ, не раскрывая рта и не смѣя поднять глазъ на Вѣру Сергѣевну. Онъ только изрѣдка украдкой взглядывалъ на нее и, встрѣтивъ разъ ея взглядъ, зардѣлся, какъ маковъ цвѣтъ, уставился въ тарелку и больше не рѣшался смотрѣть.

Къ концу обѣда, когда подали жаркое съ брусничнымъ вареньемъ, вывезеннымъ еще изъ Россіи, и Чижиковъ розлилъ шампанское, капитанъ, совсѣмъ размягшій отъ ѣды, вина и присутствія хорошенькой женщины, предложилъ тостъ за милыхъ дамъ и потомъ отдѣльно за «пассажирку». При этомъ онъ произнесъ короткій спичъ, въ которомъ пожелалъ, чтобы плаваніе было благополучное, и чтобы Вѣра Сергѣевна, вернувшись въ Россію, не поминала его лихомъ.

Всѣ чокались другъ съ другомъ. Веселый и ставшій необыкновенно добродушнымъ капитанъ, глаза котораго съ начала обѣда приняли нѣсколько телячье выраженіе, предложилъ, обращаясь къ пассажиркѣ, тостъ за Москву и, еще разъ чокаясь, неожиданно спросилъ:

— Васъ укачиваетъ, Вѣра Сергѣевна?

— Кажется, нѣтъ,—отвѣчала она, ставя бокалъ, изъ котораго чуть-чуть хлебнула.

— Ну, тогда вамъ нечего бояться!—радостно воскликнулъ капитанъ, втайнѣ довольный, что пассажирка не будетъ «лежать въ лежку» и, слѣдовательно, ее можно будетъ видѣть.—Вы вѣдь уже окрещены... Разъ переплывали океанъ... Ей-Богу, онъ не страшенъ, совсѣмъ не страшенъ... Да и нашъ «Забіяка» доброе судно!—любовно прибавилъ капитанъ.—Отлично штормы выдерживаетъ. По-

мните, Степанъ Дмитричъ, какъ насъ весной трепануло у Сангарскаго пролива?

— Изрядный былъ штормяга!—подтвердилъ и старшій офицеръ.

— А «Забіякѣ» хоть бы что... Только катеръ потеряли...

Эти воспоминанія, пріятныя для моряковъ, не особенно были пріятны для пассажирки, но она ничѣмъ не выдала охватившаго ее безпокойства и съ внимательной улыбкой слушала, когда капитанъ сталъ разсказывать въ подробностяхъ объ этомъ «дьявольскомъ штормѣ».

Старшій офицеръ посматривалъ украдкой на пассажирку взглядомъ, полнымъ восторга и «прованскаго масла», и въ умѣ рѣшилъ, что за ней слѣдуетъ серьезно «пріударить». Она вполнѣ отвѣчала его эстетическимъ требованіямъ. И въ головѣ его, не совсѣмъ свѣжей послѣ бордо, портера, хереса, портвейна и шампанскаго, смутно бродили даже смѣлыя мысли насчетъ того, что недурно бы предложить ей руку и сердце. Она будетъ жена хоть куда. И хороша собой, и такая аппетитная, чортъ возьми, и пріобрѣла житейскій опытъ—не какая-нибудь молодая дѣвчонка—и, видно, съ умомъ бабочка... Надо покороче ее узнать и... куда ни шло... Она, конечно, не откажетъ!—горделиво подумалъ Степанъ Дмитріевичъ, совершенно забывая въ эту минуту о четырехъ отказахъ, уже благополучно скушанныхъ имъ и все-таки не поколебавшихъ въ немъ увѣренности въ своей неотразимости.

Замѣтилъ ли онъ, что разсказъ капитана о штормѣ не особенно пріятно дѣйствуетъ на пассажирку, или просто хотѣлъ пріободрить ее, но только онъ проговорилъ, по окончаніи разсказа, обращаясь къ пассажиркѣ:

— Я увѣренъ, что ваше плаваніе будетъ превосходнымъ... и никакихъ штормовъ не будетъ...

— Отчего это?—спросила пассажирка.

— Вы принесете намъ счастье, Вѣра Сергѣевна...

И докторъ сказалъ что-то утѣшительное. И капитанъ замѣтилъ:

— Теперь время самое благопріятное... Какіе штормы!

Пассажирка, тронутая этимъ общимъ вниманіемъ, повидимому, самымъ безкорыстнымъ, улыбалась въ отвѣтъ, и ея лицо, казалось, говорило:

— «Какіе простые и добрые люди эти моряки!»

А пока шелъ обѣдъ, Цвѣтковъ малодушно нѣтъ-нѣтъ да и заглядывалъ черезъ открытый, задернутый флагомъ

люкъ капитанской каюты и любовался блондинкою, чувствуя себя на седьмомъ небѣ при воспоминаніи объ ея любезной привѣтливости.

И онъ ходилъ по палубѣ, досадуя, что обѣдъ тянется такъ долго, и мечталъ. Мечты уносили его далеко. Онъ грезилъ, что «Забіяка» вдругъ потерпитъ крушеніе. Всѣ погибнутъ. И только она да онъ спасутся на необитаемомъ островѣ.

«Фу-ты, какой я болванъ!» — говорилъ онъ себѣ не безъ нѣкотораго основанія, соображая нелѣпость мечтаній, и смѣялся.

Онъ такъ и не говорилъ въ этотъ вечеръ съ пассажиркой.

Консулъ и консульша, несмотря на искреннія пожеланія Цвѣткова, чтобы они поскорѣй убрались къ чорту, засидѣлись долго, пили чай и уѣхали съ клипера поздно вечеромъ. Вѣра Сергѣевна вышла ихъ проводить и затѣмъ гуляла по палубѣ. Но Цвѣткову нельзя было подойти. Этотъ «толстопузый» не отходилъ отъ нея, за что былъ изруганъ Цвѣтковымъ самымъ безпощаднымъ образомъ, несмотря на свое капитанское званіе. Черезъ четверть часа пассажирка простилась съ капитаномъ и ушла въ каюту.

— Видно, нагналъ скучищу, старый чортъ! — промолвилъ Цвѣтковъ не безъ злорадства и продолжалъ гулять по палубѣ.

Но она не выходила

Въ полночь всѣ, кромѣ вахтенныхъ, спали. Только мичманъ не спалъ въ своей каютѣ и безъ сюртука строчилъ стихи, да вѣстовой Чижиковъ, койка котораго висѣла рядомъ съ койкой Егорки, вполголоса разсказывалъ сосѣду о красотѣ Аннушки, и оба они по временамъ издавали восторженныя восклицанія.

На слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, клиперъ снялся съ якоря, вышелъ подъ парами изъ бухты, прошелъ проливъ, поставилъ всѣ паруса и съ попутнымъ теплымъ вѣтромъ понесся въ открытый океанъ.

Къ 8 часамъ, къ подъему флага, всѣ офицеры вышли пріодѣтые, веселые и какъ-то особенно настроенные. Присутствіе пассажирки видимо подтянуло всѣхъ. Даже «дѣдушка» былъ въ новомъ сюртукѣ.

А когда около полудня чуднаго дня съ высоко поднявшимся солнцемъ, сверкавшимъ съ бирюзовой выси, на па-

лубѣ клипера показалась свѣжая, какъ вешній день, пассажирка, всѣ офицеры одинъ за другимъ поднялись на палубу.

V.

Любезное предсказаніе старшаго офицера Степана Дмитріевича о томъ, что пассажирка принесетъ счастье, повидимому, оправдалось.

Прошло уже десять дней, какъ мы ушли изъ Санъ-Франциско, и все это время плаванье наше дѣйствительно было, на рѣдкость, прелестное. Погода стояла отличная: теплая, безъ угнетающей жары. Солнце ни разу не закрывалось черными, мрачно нависшими тучами или клочковатыми, бѣшено несущимися, зловѣщими облаками и, ослѣпительное, заливая яркимъ блескомъ океанъ, весело сверкало съ далекой высоты чуднаго бирюзоваго неба, по которому двигались, гонимыя воздушнымъ теченіемъ, молочныя перистыя облачка необыкновенно изящныхъ очертаній и прихотливыхъ узоровъ, точно выведенныхъ волшебнымъ рѣзцомъ. По временамъ они нагоняли другъ друга и, соединяясь, представляли собой бѣлоснѣжные фантастическіе города съ церквами, узорчатыми башнями, деревьями,—медленно плывущими по ярко-голубой лазури.

Далекій горизонтъ, куда ни взглянешь, чистъ. Не видно на немъ этого маленькаго издали, темно-сѣраго пятна, быстро вырастающаго, по мѣрѣ своего приближенія, въ гигантскій столбъ дождевой шквалистой тучи, яростно несущейся среди внезапно наступившаго затишья на судно, благоразумно поспѣшившее убрать свои паруса, чтобъ не быть уничтоженнымъ грознымъ шквалomъ.

И самъ загадочный и таинственный дѣдушка-океанъ, вѣя пріятной прохладой и выдыхая ароматъ озона, былъ въ самомъ милостивомъ и благодушномъ настроеніи, какъ бы стараясь оправдать свою далеко не справедливую кличку «Тихаго». Съ ласковымъ рокотомъ, неторопливо и плавно катилъ онъ могучія свѣтло-синія волны, бережно и спокойно, словно добрый пѣстунъ, покачивая на своей мощной коварной груди маленькій трехмачтовый клиперъ.

И «Забіяка», стройный и красивый, похожій на птицу съ распущенными гигантскими бѣлыми крыльями, летѣлъ подъ всѣми парусами, имѣя лиселя съ правой, съ ровнымъ попутнымъ, мягкимъ нордъ-вестомъ, узловъ по де-

вяти въ часъ, разсѣкая съ тихимъ гуломъ воду своимъ острымъ водорѣзомъ и оставляя за кормой слѣдъ въ видѣ серебристой ленты.

Свѣтло, ясно и радостно кругомъ!

— Эка благодать!—говорятъ весело матросы, радуясь и спокойнымъ вахтамъ, и спокойнымъ ночамъ, не прерываемымъ окриками боцмана, призывающаго «всѣхъ наверхъ».—Такъ-то, братцы, плавать еще куда ни шло... Кабы завсегда да такъ!

— Ишь, шельма, какъ высоко забрался... Гляди-кось!—восклицаетъ кто-то.

И матросы безпечно глядятъ вверхъ, гдѣ въ прозрачномъ воздухѣ рѣетъ альбатросъ.

— Рыбки наѣлся и отдыхаетъ.

— Вонъ, парусокъ-отъ бѣлѣетъ... Должно, купецъ...

— Купецъ и есть... Гличанинъ какой, а то изъ голландцевъ... Привышны они къ морю... Имъ что на сухомъ пути, что на водѣ—все едино.

— Не то, что нашъ братъ, россійскій...

— И пречудесно, господа! Ахъ, какъ пречудесно!—восклицаетъ на бакѣ фельдшеръ Завитковъ среди маленькаго кружка баковой аристократіи: двухъ боцмановъ, подшкипера, баталера и писаря.—Теперь бы только сюда Анну Егоровну... такъ окончательно одинъ восторгъ... Какъ вы объ этомъ полагаете, Артемій Нилычъ?—обращается фельдшеръ къ боцману Матвѣеву.

— Ну ее къ чортовой... тетенькѣ! Изъ-за нихъ только непріятности!—недовольно промолвилъ боцманъ, которому еще сегодня утромъ попало отъ старшаго офицера за ругань, раздававшуюся на бакѣ во время обычной утренней уборки клипера, когда пассажирки спали, и боцманъ, разсчитывая на ихъ крѣпкій сонъ, далъ полную волю своей артистической импровизаціи.

— А вы, Артемій Нилычъ, ужъ потерпите, пока пассажирки. Что дѣлать!—успокаивалъ боцмана фельдшеръ.—И напрасно вы насчетъ Анны Егоровны такъ выражаетесь. Очень она славная дѣвица... Такая бѣлая, разсыпчатая... Одно слово: бельфамистая... И разговоръ у нея деликатный... Сейчасъ видно, что видала людей...

— Съ ней подлецъ Чириковъ шуры да муры. Все около нея липнетъ въ каютѣ по своей должности. Ловокъ онъ, бестія, насчетъ дѣвокъ. Въ Кронштадтѣ двухъ гор-

ничныхъ облестилъ!—не безъ зависти замѣтилъ рябой и некрасивый баталеръ.

— Станетъ она съ вѣстовыми заниматься! — воскликнулъ фельдшеръ, обижаясь за горничную.—Она не какая-нибудь кронштадтская чумичка, а понимаетъ обращеніе, съ кѣмъ и какъ... не даромъ въ заграницѣ жила. Какая ей компанія вѣстовой!.. На нее офицеры и гардемарины зарятся... Такъ и сторожатъ, какъ она въ палубѣ покажется, а вы: вѣстовой!? Вчера вечеромъ... смѣху было,— продолжалъ Завитковъ и разсмѣялся.

— А что?

— Поджидалъ этто Анну Егоровну артиллеристъ Евграфъ Иванычъ въ палубѣ, все выглядывалъ изъ своей каюты: не идетъ ли? Думалъ: никто не видитъ, а я притулился за машиной и жду... Отъ фонаря вижу, какъ онъ, весь красный, глаза пялитъ. Ладно. Прошло такъ минутъ съ пять времени, спускается Аннушка съ трапа съ чайникомъ,—за кипяткомъ къ камбузу, идетъ это тихонько,—а онъ ей рукой машетъ. «Не хотите ли, говоритъ, Аннушка, на мою каюту полюбопытствовать. Отличная у меня каюта. Я вамъ, говоритъ, разныя вещицы покажу...»

— Ишь, дьяволъ... «каюту»! Рожа-то у него въ родѣ швабры, а туда же!—воскликнулъ съ веселымъ смѣхомъ боцманъ Матвѣевъ:

— То-то мнѣ и смѣшно было.

— Что-жъ она, пошла?—нетерпѣливо раздались голоса.

— Не пошла... «Очень, говоритъ, вамъ мерси, но въ каюту несогласна». Такъ Евграфъ Иванычъ только заржалъ отъ отчаянности и захлопнулъ двери.

Веселый смѣхъ надъ пожилымъ артиллерійскимъ офицеромъ разразился среди кучки. Всѣ, видимо, были рады неудачному исходу его авантюры.

А фельдшеръ продолжалъ:

— Идетъ, значитъ, Анна Егоровна дальше, какъ къ ней, откуда ни возьмись, гардемаринъ Касаткинъ... Тоже, вихрастый, ее сторожилъ.

— Пройти, черти, не даютъ!

— «Ахъ, какая вы, Аннушка, хорошенькая. Позвольте васъ поцѣловать, упользоваться случаемъ». Это онъ тишкомъ говоритъ, а самъ, не будь дуракъ, облапилъ ее и пробуетъ, значитъ, изъ какой такой матеріи у нея кофточка...

— Ахъ, шельмецъ!

— Она вырываться. «Оставьте, говоритъ, молодой человѣкъ». А Касаткинъ ей: «Простите, говоритъ, очень вы мнѣ нравитесь», и чмокъ, чмокъ, два раза въ шею поцѣловалъ, да и былъ таковъ...

— Ишь ты... отчаянный какой!—съ сочувственнымъ смѣхомъ промолвилъ Матвѣевъ.—Будетъ ему отъ капитана, если Аннушка да пожалуется своей барынѣ... Онъ его отчешетъ да на сальникъ (салингъ) на высидку пошлетъ...

— И по дѣломъ: не приставай!—замѣтилъ фельдшеръ.

— А тебѣ, небойсь, завидно?.. Однако, пора и къ водкѣ свистать! Выноси-ка, баталеръ, водку!—сказалъ Матвѣевъ, и аристократы бака разошлись.

Иванъ Ивановичъ съ секстаномъ въ рукѣ уже ловитъ «полдень». Его помощникъ, молодой штурманскій прапорщикъ, отсчитываетъ на часахъ секунды.

— Стопъ!—произнесъ старый штурманъ и машетъ рукой.

Въ колоколъ бьютъ «рынду», и всѣ провѣряютъ часы.

А самъ «дѣдушка» въ новомъ люстриновомъ сюртучкѣ, въ сбитой на затылокъ фуражкѣ, торопливо спускается къ себѣ въ каюту, чтобы закончить утреннія вычисленія. Чрезъ пять минутъ все готово. Полуденныя широта и долгота получены. Мы точно знаемъ, въ какой точкѣ земного шара находимся и сколько прошли за сутки миль.

Суточное плаваніе отличное. Всѣ довольны, начиная съ капитана и кончая «Васенькой», что мы «отмахали» болѣе двухсотъ миль, что погода отличная, вѣтеръ попутный, и что, наконецъ, хорошенькая пассажирка часто показывается на палубѣ, что она тутъ, свѣжая, красивая и привѣтливая, одинъ видъ которой доставляетъ морякамъ удовольствіе и какъ-то подтягиваетъ ихъ.

И самъ «дѣдушка», въ первые дни ворчавшій, что на клиперѣ пассажирка, приглядѣвшись къ ней, значительно смягчился. Правда, онъ ждалъ всяческихъ исторій въ каютъ-компаніи изъ-за нея (не даромъ Цвѣтковъ уже ходилъ, какъ полуумный, Степанъ Дмитріевичъ ежедневно душился, а капитанъ придирался безъ всякой причины къ молодымъ офицерамъ), но находилъ ее вообще «молодцомъ-дамой». Ее не укачиваетъ, держитъ она себя просто и умно, безъ всякихъ, какъ онъ выражался, «цирлихъ-манирлиховъ» и «не разводитъ антимоніи», какъ вообще дамы, изображающія изъ себя «разварную лососину».

Вслѣдствіе такого отношенія къ пассажиркѣ, Иванъ Ивановичъ каждый день докладывалъ ей о пройденномъ разстояніи.

И сегодня, выйдя изъ капитанской рубки, гдѣ провѣрилъ хронометры, онъ подошелъ къ пассажиркѣ. Она сидѣла на ютѣ, подъ тентомъ, въ лонгъ-шезѣ, одѣтая въ легкое сѣрое платье, съ морской шапочкой на бѣлокурой головкѣ. Офицеры завтракали. Она была одна и читала книгу. Красивый блондинъ Баклановъ, стоявшій на вахтѣ, шагалъ по мостику, поглядывая на молодую женщину, но спуститься и заговорить съ ней не смѣлъ. Того и гляди появится капитанъ—и тогда разносъ. Ужъ было этихъ исторій!

— Съ добрымъ утромъ, Вѣра Сергѣевна!

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! — радостно отвѣтила она «дѣдушкѣ», протягивая маленькую, изящную бѣлую ручку съ обручальнымъ кольцомъ на третьемъ пальцѣ и бирюзой на крохотномъ мизинцѣ, которую онъ почтительно пожалъ въ своей морщинистой широкой лапѣ.

Ей очень нравился этотъ славный добрякъ Иванъ Ивановичъ, простой и безхитростный, относившійся къ ней сердечно и ласково, безъ ухаживаній, и она всегда рада была, когда онъ подходилъ къ ней сообщать о пройденномъ разстояніи.

— Сколько, Иванъ Ивановичъ, прошли... Двѣсти или больше?

— Двѣсти двадцать двѣ мильки съ пробѣжали, Вѣра Сергѣевна... Отлично идемъ... Погода—прелесть, чтобъ не сглазить! И подлинно вы намъ счастіе принесли, Вѣра Сергѣевна...

— И вы комплименты стали говорить, добрѣйшій Иванъ Ивановичъ?.. Съ какихъ это поръ? Вѣдь вы, кажется, не любите дамъ на кораблѣ?—прибавила съ лукавой улыбкой молодая женщина.

«Дѣдушка» нѣсколько смутился.

— А ужъ вамъ разболтали наши молодцы? Экія сороки! Что-жъ, скрывать не стану-съ, Вѣра Сергѣевна... Говорилъ въ этомъ родѣ, точно говорилъ-съ.

— Почему же не любите? Или вы вообще женщинъ не любите?—допрашивала, смѣясь, молодая женщина.

Старый штурманъ запротестовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ такого обвиненія.

— Что вы, что вы, Вѣра Сергѣевна! За что мнѣ не

любить дамъ? У меня въ Кронштадтѣ и свои дорогія дамы остались, жена и двѣ дочери,—съ чувствомъ подчеркнулъ старикъ:—такъ какъ же мнѣ не любить дамъ-съ? Напротивъ, я ихъ очень почитаю и уважаю, особенно такихъ, позволю откровенно сказать, такихъ милыхъ и достойныхъ, какъ вы, Вѣра Сергѣевна! — прибавилъ «дѣдушка» съ рыцарской любезностью.

И, пуская затѣмъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, Иванъ Ивановичъ «забралъ ходу» и продолжалъ:

— Но дамская сфера, такъ сказать, не море, а берегъ-съ. На твердой землѣ, въ полной безопасности, — вотъ-съ ея назначеніе, а не на палубѣ судна... Мало ли что случается въ морѣ? Вотъ теперь, слава тебѣ Господи, все благополучно... Вы сидите себѣ спокойно, васъ не укачиваетъ... да и какая это качка! А какъ вдругъ засвѣжѣетъ, какъ начнетъ трепать-съ! Намъ, морякамъ, ничего. Поставили штормовые паруса и жди, пока штормяга отойдетъ, а дамѣ и боязливо, и непріятно, и докучно-съ. Ну, и жалко, очень даже жалко въ такомъ случаѣ даму. Она вѣдь созданіе деликатное... нервы чувствительные... И лежитъ, бѣдненькая... «Охъ да охъ»... Смотрѣть больно... Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ... Повѣрьте, милая барыня... И, наконецъ, дама дамѣ рознь...

Разумѣется, пассажирка «повѣрила» и поблагодарила Ивана Ивановича за доброе о себѣ мнѣніе, и «дѣдушка», поболтавъ еще нѣсколько минутъ, отошелъ отъ молодой женщины, вполнѣ увѣренный, что «заговорилъ ей зубы» и что она не знаетъ истинной причины его нелюбви къ дамѣ на кораблѣ.

Не говорить же ей, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ наши ребята, какъ коты по веснѣ, ошалѣлые бѣгаютъ. Сама можетъ догадаться... Видитъ, какъ за ней увиваются всѣ, начиная съ капитана!..

«А прехорошенькая! Не даромъ всѣхъ съ ума свела. Прехорошенькая дамочка! И вся такая бѣляночка!»— усмѣхнулся про себя Иванъ Ивановичъ.

И старый штурманъ, вообще степенный и строгихъ правилъ человѣкъ, котораго никогда не видали на берегу въ обществѣ «космополитокъ-дамъ» или туземныхъ разноцвѣтныхъ красавицъ, неожиданно смутился и сердито крякнулъ, точно прочищая горло. Цѣломудріе его было оскорблено. Глупыя мысли насчетъ пассажирки полѣзли въ его старую голову. Онъ покраснѣлъ и нахмурился.

— Э-э-э-э! И вы, дѣдушка, того?.. Иду я изъ лазарета и вижу,—заговорилъ докторъ, хитро улыбаясь маленькими глазками.

Дѣдушка совсѣмъ смутился и, досадуя на свое смущеніе, съ напускнымъ равнодушіемъ спросилъ:

— Что-жъ вы такого видѣли, Антонъ Васильичъ?

— И вы начали пріударять за пассажиркой, а?

Иванъ Ивановичъ испуганно повернулъ голову. Докторъ говорилъ такъ громко, что пассажирка могла услыхать. По счастью, ея не было.

— Скрылась, скрылась... Сію минуту съ капитаномъ ушла завтракать... Отравитъ онъ ей завтракъ своими старыми анекдотами... Ишь вѣдь какъ вы любезничали съ барынькой... хе-хе-хе. Ловко! Представляется женоненавистникомъ, а самъ...

— Да полно вамъ врать вздоръ, Антонъ Васильичъ. Это мичманамъ да развѣ такимъ саврасамъ, какъ вы, впору любезничать, а не мнѣ... Я просто сказалъ ей, сколько мы прошли миль. Только и разговору было.

— Разсказывайте, разсказывайте, Иванъ Иванычъ... Видѣлъ я... Вѣдь пассажирочка-то преаппетитная... И ручки, и ножки, и бюстикъ... Небойсь, дѣдушка, и вы молодость вспомнили... Глазенапа-то запускали на бѣлоснѣжную шейку?.. Признавайтесь...

— Тьфу, безстыдникъ... А еще женатый! Вотъ, вернемся, женѣ скажу!

— А что-жъ, говорите... Грѣхъ развѣ любоваться на чужой товаръ?

— Ну васъ... Отстаньте!—сердито проговорилъ старый штурманъ и поспѣшно спустился внизъ, слыша сзади веселый, мелкій смѣхъ циника-доктора.

«И впрямь саврасъ!»—мысленно обругалъ доктора возмущенный «дѣдушка» и, сердитый, молча садится въ каютъ-компаніи завтракать, предварительно выпивъ объемистую рюмку джина.

Всѣ, исключая механика да батюшки, торопятся окончить завтракъ, чтобы выйти наверхъ и поболтать съ пассажиркой, если она выйдетъ на палубу и не будетъ читать, желая избавиться отъ слишкомъ большой внимательности господъ моряковъ. Старшій офицеръ, надушенный такъ, что пахло на всю каюту, торжественно сосредоточенъ. За эти десять дней онъ рѣшительно пришелъ къ заключенію, что ему слѣдуетъ сдѣлать попытку: предло-

жить руку и сердце. Онъ во всякомъ случаѣ «партія недурная». Человѣкъ съ положеніемъ въ нѣкоторомъ родѣ, офицеръ на виду. Черезъ годъ вернется, навѣрное сдѣлаютъ командиромъ. Глупо было бы отказать! Онъ все настойчивѣе думалъ объ этомъ рѣшительномъ шагѣ, нерѣдко восхвалялъ пассажиркѣ прелести семейнаго счастья и только затруднялся: устно или письменно сообщить ей о своемъ великодушномъ намѣреніи.

«Положимъ,—разсуждалъ онъ, мечтая о бракѣ съ хорошенькой вдовушкой:—она покамѣстъ не только не дѣлаетъ никакихъ авансовъ, но даже довольно равнодушно слушаетъ его и подчасъ даже подсмѣивается, но, быть-можетъ, это одна женская дипломатія! Знаемъ мы женщинъ, слава Богу!—самодовольно усмѣхнулся при этомъ Степанъ Дмитріевичъ.—Правда, она со всѣми любезна и привѣтлива, всегда умѣетъ какъ-то ловко отклонить слишкомъ восторженные комплименты (Степанъ Дмитріевичъ это на себѣ испыталъ), но не тонкое ли это кокетство?.. Она въ нѣкоторомъ родѣ дьяволенокъ, эта вдовушка. Съ ней надо ухо востро... И не для отвода ли глазъ она часто споритъ съ этимъ влюбленнымъ мальчишкой, легкомысленнымъ Цвѣтковымъ, играетъ съ нимъ въ четыре руки и заставляетъ его читать ей вслухъ. Вѣдь не можетъ же ей нравиться такая взбалмошная таранта! А онъ-то, чего добраго, воображаетъ, что побѣдилъ пассажирку. Вотъ-то попалъ пальцемъ въ небо!»—заносчиво думалъ Степанъ Дмитріевичъ и, припомнивъ это, не безъ досадливаго чувства взглянулъ теперь на курчаваго, красиваго мичмана, который разсѣянно, видимо чѣмъ-то взволнованный, лѣниво ковырялъ вилкой.

Въ свою очередь и влюбленный мичманъ про себя посмѣивался надъ ухаживаніемъ Степана Дмитріевича и полагалъ, кажется, не безъ нѣкотораго основанія, что человѣкъ, у котораго «рожа въ родѣ мѣдной кастрюльки», «толстыя ноги колесомъ» и, вдобавокъ, воображающій себя красивымъ мужчиной,—едва ли можетъ обратить на себя какое-нибудь вниманіе такой умницы и такой изящной женщины, какъ Вѣра Сергѣевна. Его раздражалъ и возмущалъ не этотъ «брамъ-брасъ» Степанъ Дмитріевичъ, а «хлыщъ» и «нахалъ» Баклановъ. Вотъ кто терзалъ до глубины души ревниваго мичмана! Какъ онъ на нее нахально смотритъ своими большими голубыми глазами, ска-а-а-тина! Какъ онъ смѣетъ такъ смотрѣть на нее,

мер-за-вецъ! Онъ отъ всей души ненавидитъ этого спокойнаго, самоувѣреннаго, красиваго блондина, особенно со вчерашняго вечера, когда Баклановъ пѣлъ въ каютъ-компаніи романсы, и пассажирка долго слушала и хвалила его «бархатный баритонъ». А онъ обрадовался — давай еще и еще... И все больше: t'amo, t'amo... подлецъ этакій!

Бѣдный мичманъ рвалъ и металъ. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ за эти дни отъ безсонныхъ ночей, посвящая ихъ неистовому строченію самыхъ лирическихъ стиховъ, и по временамъ такъ свирѣпо на всѣхъ глядѣлъ, точно сейчасъ готовъ въ ссору. Вдобавокъ и капитанъ къ нему придирался,—то и дѣло разносилъ...

Съ товарищемъ и пріятелемъ «милордомъ» у нихъ стали тоже натянутыя отношенія. Еще бы! Цѣдилъ, цѣдилъ: «ничего осо-бен-на-го», дѣлалъ видъ, что не обращаетъ на пассажирку никакого вниманія, а теперь не отходитъ отъ нея, старается острить... думаетъ: умно... Болванъ этакій... А еще женихъ... Клялся, что любитъ по гробъ свою невѣсту, а самъ... Рыжая каналья!

Нѣтъ, всѣ они циники, всѣ съ подлѣйшей стороны смотрятъ на женщину и не понимаютъ, что можно любить благоговѣйно, безкорыстно, не бывши любимымъ... Одинъ только онъ любилъ ее святой, чистой любовью.

— Ты что это, сэръ, въ видѣ рыцаря печальнаго образа? Или капитанъ призывалъ въ рубку? Разнесъ опять? — спросилъ, процѣживая лѣниво слова, «милордъ».

— А тебѣ что?—рѣзко спросилъ мичманъ, и въ его черныхъ глазахъ блеснулъ огонекъ.

— Ровнешенько ничего.

— Такъ чего ты спрашиваешь?

— Простите-съ, не буду!—иронически промолвилъ «милордъ» и благоразумно умолкъ.

«Дѣдушка» безпокойно взглянулъ на Цвѣткова и покачалъ головой, словно бы хотѣлъ сказать: «Начинается!»

Взглянулъ и Степанъ Дмитріевичъ на мрачную физіономію обыкновенно веселаго и жизнерадостнаго мичмана и, чтобы отвлечь его отъ «милорда», заговорилъ о чемъ-то съ нимъ.

Завтракъ быстро оконченъ. Всѣ уходятъ наверхъ. Въ каютъ-компаніи остаются только дѣдушка, допивающій свой стаканъ краснаго вина, отецъ Евгеній, механикъ въ новомъ сюртукѣ и Цвѣтковъ. Наконецъ, батюшка и ме-

ханикъ ушли отдохнуть, и старый штурманъ съ молодымъ человѣкомъ остались одни.

VI.

Отхлебывая небольшими глотками вино, дѣдушка украдкой участливо взглядывалъ на мрачно-задумавшагося Цвѣткова и, наконецъ, мягко спросилъ:

— Что вы, батенька, надулись, какъ мышь на крупу? Или, въ самомъ дѣлѣ, серьезныя непріятности съ капитаномъ?

— Ну его... вапитана, чортъ съ нимъ! Пусть придирается.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Не могу я, дѣдушка, терпѣть болѣе этого скотства, вотъ въ чемъ дѣло, если вы хотите знать!—порывисто воскликнулъ, встряхивая своей кудрявой головой, мичманъ, видимо обрадовавшійся случаю излить свое негодованіе передъ единственнымъ на клиперѣ человѣкомъ, не ухаживавшимъ за пассажиркой.

— Какого скотства?—переспросилъ Иванъ Ивановичъ, удивленно поднимая свои сѣдыя густыя брови.

— Понимаете... этого безобразно-подлаго отношенія къ такой святой женщинѣ, какъ Вѣра Сергѣевна!—возбужденно отвѣчалъ Цвѣтковъ и тотчасъ же вспыхнулъ.

— Гм... Вотъ оно что,—протянулъ старый штурманъ.

— Особенно этотъ нахалъ Баклановъ... Честное слово, я запалю ему, наконецъ, въ морду... Пусть вызываетъ на дуэль... Будемъ стрѣляться... Очень радъ.

— Что вы, что вы, Владиміръ Алексѣичъ? Какъ можно даже говорить такія слова!—строго замѣтилъ «дѣдушка» и укоризненно покачалъ головой.—Мы вдали отъ отечества, отъ родныхъ и близкихъ, насъ небольшая горсточка, которая должна избѣгать ссоръ, чтобы вмѣсто плаванія не было каторги, а вы захотѣли дуэлей!? Ужъ вы извините меня, голубчикъ, а я прямо скажу: нехорошо, очень нехорошо-съ! Каково убить товарища или самому быть застрѣленнымъ, причинивъ тяжкое горе роднымъ,—подумали вы объ этомъ? Я, вотъ, сорокъ лѣтъ во флотѣ служу, а не слыхалъ о дуэляхъ на судахъ, слава Богу. Ишь тоже что выдумалъ: дуэль!? Не ждалъ я отъ васъ этого, Владиміръ Алексѣичъ... Нѣтъ, батенька, выкиньте скорѣе этотъ вздоръ изъ головы, послушайте искренно любящаго васъ старика... И съ чего, наконецъ, вы окрысились на Бакланова? Что такого онъ вамъ сдѣлалъ?

— Да какъ же, разсудите сами... Вы, дѣдушка, можете быть безпристрастны, такъ какъ вамъ Вѣра Сергѣевна не нравится... я хочу сказать, не нравится какъ женщина, и вы... вы... Однимъ словомъ, вы не смотрите на нее, какъ другіе, съ гадкими мыслями...

— Ну, положимъ, не смотрю. Ужъ куда мнѣ,—вымолвилъ смущенно старый штурманъ.

— А скотина Баклановъ... Обратите вниманіе, какъ подло онъ на нее глядитъ... Развѣ можно такъ оскорблять порядочную женщину и развѣ не слѣдуетъ проучить подобнаго нахала?

— Только-то и всего? И изъ-за этого вы собираетесь... въ морду и сочинить дуэль!? Ну не сумасшедшій ли вы человѣкъ!—съ улыбкой проговорилъ дѣдушка.—Приревновали, значитъ?

— Какое я имѣю право ревновать? Тутъ не ревность...

— Развѣ для ревнивыхъ писанъ законъ? За что же вы собираетесь извести Бакланова, какъ не изъ-за ревности?.. Обезумѣли вы совсѣмъ, Владиміръ Алексѣичъ, вотъ что я вамъ скажу. Видно, втюрились въ пассажирку совсѣмъ съ сапогами? — ласково прибавилъ старый штурманъ.

— То-то и есть, съ сапогами, дѣдушка,—съ виноватымъ видомъ проговорилъ мичманъ.

— Ну и... очень скверно... Впрочемъ, это ваше дѣло, но только зачѣмъ же исторіи заводить? Плавали мы себѣ смирно и дружно два года, никакихъ, слава Богу, исторій не было, и вдругъ... на тебѣ! Нѣтъ, милый Владиміръ Алексѣичъ, это не того... не ладно. Вы—человѣкъ добрый и не станете разводить ссоръ... И съ чего вы взяли, что Баклановъ ужъ такъ подло, какъ вы говорите, глядитъ на пассажирку? Просто любуется, какъ и всѣ другіе... Всѣмъ лестно полюбоваться... А если даже и смотритъ, какъ лисица на виноградъ, ну и Богъ съ нимъ. Пусть. Только глаза просмотритъ! — засмѣялся «дѣдушка». — Не бойтесь, Вѣра Сергѣевна умная, она понимаетъ людей, знаетъ, кто чего стоитъ, и все видитъ, хотя и не все говоритъ, потому что нельзя же... дама-съ... И выходитъ, что и ревнуете вы въ пустую. Такъ-то. Успокойтесь-ка да отоспитесь хорошенько, а то совсѣмъ вы, бѣдняга, осунулись...

Эти слова добряка Ивана Иваныча нѣсколько успокоили влюбленнаго мичмана и устыдили его. Онъ далъ слово оставить пока Бакланова въ покоѣ и не затѣвать ссоръ.

— Такъ онъ, по-вашему, не нравится Вѣрѣ Сергѣевнѣ?—допрашивалъ мичманъ.

— Нисколько,—утѣшалъ старикъ.

— Однако... вчера, когда онъ пѣлъ...

— И пустъ себѣ поетъ...

Старый штурманъ допилъ стаканъ и вдругъ спросилъ:

— И, скажите на милость, что за надобность такъ влюбляться вамъ, батенька, а? На какого рожна?

Цвѣтковъ невольно улыбнулся при этихъ словахъ и не зналъ, что ответить.

— Вернемся въ Россію, тогда валяйте себѣ на здоровье, а въ морѣ—не резонъ, только одно разстройство... Что хорошаго? Вы вотъ совсѣмъ какой-то шалый стали. Къ чему эта канитель? Не обалдѣли же вы до того, чтобы бацнуть предложеніе: «Такъ, молъ, и такъ»... Вѣра Сергѣевна, положимъ, дама достойная, но старше васъ, да и вамъ еще рано жениться...

— Что, дѣдушка, года... Не въ этомъ дѣло...

— А въ чемъ же?

— Она не пойдетъ за меня!—грустно вымолвилъ Цвѣтковъ...

— А вы ужъ готовы руку и сердце?—съ досадой спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Я жизнь отдамъ за нее, дѣдушка!—восторженно прошепталъ мичманъ.

— И довольно глупо. Очень даже глупо-съ. Жизнь впереди пригодится, а не то, что отдавать ее изъ-за бабы... Не раскисайте, Владиміръ Алексѣичъ, будьте молодцомъ... Ну ее, пассажирку... Встрѣтите цѣлую уйму другихъ и снова влюбитесь...

— Нѣтъ, шабашъ! Такой другой не встрѣчу!

И лицо Цвѣткова, и тонъ его голоса дышали такой грустью, что старый штурманъ озабоченно взглянулъ на молодого человѣка и сердито проворчалъ:

— Вы, никакъ, того... въ серьезъ?.. Эхъ, говорилъ я, что не слѣдъ брать бабу на судно! Вотъ одинъ и свихнулся. Того и гляди, какую-нибудь штуку выкинетъ...

— И выкину,—загадочно протянулъ мичманъ.

— И... срамъ-съ... Возьмите всѣ рифы, а то врѣжетесь со всего ходу на мель... Экій вы отчаянный... Какую же вы собираетесь штуку выкинуть... Ужъ не бѣжать ли за пассажиркой въ Россію... Подъ судъ угодно попасть что ли?..

Интимный разговоръ оборвался. Въ каютъ-компанію, одинъ за другимъ, стали входить офицеры, напрасно поджидавшіе пассажирку на палубѣ. Послѣ завтрака она не выходила на верхъ. Какъ кажется, нескончаемая любезность моряковъ начинаетъ немножко утомлять вдовушку.

VII.

Прелестны были дни, но едва ли не лучше были эти быстро, почти безъ сумерокъ, опускавшіяся надъ клиперомъ ласковыя южныя ночи съ міріадами звѣздъ, ярко мигающихъ съ высокаго темнаго купола. Нѣжной прохладой дышатъ эти чудныя ночи, навѣвая невольныя грёзы и наполняя душу безотчетнымъ восторгомъ.

Двѣнадцатый часъ на исходѣ. Жизнь на клиперѣ затихла. Команда и большая часть офицеровъ спитъ. Вахтенные матросы полудремлютъ у своихъ снастей или чуть слышно, словно бы боясь нарушить тишину этой волшебной ночи, «лясничаютъ», вспоминая, по большей части, про «свои мѣста» на далекой родинѣ. Тихо кругомъ. Океанъ едва ворчитъ, словно въ дремотѣ, да легонько поскрипываетъ, покачиваясь, клиперъ и летитъ во мракѣ, разсыпая вокругъ алмазныя брызги фосфорической воды.

Пробило восемь склянокъ, и Цвѣтковъ торопливо взбѣжалъ на мостикъ, вступая на вахту съ полуночи до четырехъ часовъ. Онъ смѣнялъ «милорда». Бывшіе пріятели при сдачѣ вахты не обмѣнялись, какъ бывало прежде, ни словомъ, ни шуткой. Цвѣтковъ ревновалъ и къ «милорду», а «милордъ», въ свою очередь, злился, что пассажирка, повидимому, оживленнѣе и охотнѣе болтаетъ съ Цвѣтковымъ, чѣмъ съ нимъ, оставаясь совершенно равнодушной и къ его англійской складкѣ, и къ его разочарованному виду, и недостаточно оцѣнивая его остроты и цитаты изъ Байрона. Онъ ли не старался, забывъ даже позорно свою невѣсту, понравиться хорошенькой пассажиркѣ? Онъ ломалъ голову, придумывая что-нибудь поумнѣе, вычитывалъ изъ книгъ разныя словечки, въ надеждѣ произвести эффектъ и показаться оригинальнымъ, напускалъ на себя демонизмъ, еще отчаяннѣе корчилъ англичанина и... ноль вниманія. Молодая женщина словно нарочно не замѣчала его оригинальности, раздражая адское самолюбіе «милорда» до послѣдней степени.

Цвѣтковъ обошелъ клиперъ, провѣрилъ часовыхъ и зашагалъ по мостику, взволнованный и съ такимъ отваж-

нымъ видомъ, будто бы онъ принялъ какое-нибудь важное рѣшеніе. Онъ то и дѣло бросалъ тревожные взгляды черезъ освѣщенный люкъ капитанской каюты. Пассажирка еще не спала. Склонившись надъ книгой, сидѣла она за большимъ столомъ, и влюбленный мичманъ могъ только видѣть ея густую золотистую косу. Выйдетъ ли она, передъ отходомъ ко сну, подышать этой дивной ночью? Этотъ вопросъ казался мичману самымъ важнымъ вопросомъ въ подлунной. О, если бы она только вышла! Онъ готовъ былъ бы сидѣть цѣлый годъ безъ папиросъ и не съѣзжать на берегъ. «Выйди, выйди!»—беззвучно шептали его губы, и онъ обѣщалъ себѣ самому, въ случаѣ ея выхода, дать Егоркѣ пять долларовъ. Если она появится наверху, онъ поговоритъ съ ней наединѣ, безъ помѣхи. Она должна, наконецъ, узнать, какъ безпредѣльна и свята его любовь. До сихъ поръ онъ тщательно скрывалъ свои чувства (такъ ему казалось, хотя его обожаніе къ пассажиркѣ было жирнымъ шрифтомъ напечатано на его лицѣ) и не осмѣливался намекнуть о нихъ. Только разъ, дня два тому назадъ, онъ не удержался отъ искушенія прочитать ей свое стихотвореніе и то сказалъ, что оно написано годъ тому назадъ. Молодая женщина внимательно выслушала и похвалила, не догадываясь, конечно, кто этотъ «ангелъ», надѣленный всѣми физическими и душевными совершенствами. Однако попросила на память этотъ листокъ и привела этимъ мичмана въ счастливое состояніе. Теперь онъ скрывать своихъ чувствъ болѣе не можетъ. Онъ весь переполненъ ими, какъ цилиндръ паромъ, и долженъ объясниться, сказать ей... Что сказать,—онъ и самъ въ эту минуту не зналъ. Онъ только всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ и безграничную прелесть этой чудной ночи, и красоту мерцающихъ звѣздъ, и жгучую истому о какомъ-то нечеловѣческомъ блаженствѣ, и неудержимую потребность излить здѣсь, среди океана, при звѣздахъ, свою чистую любовь, и готовность немедленно броситься въ морскую пучину, если она скажетъ своимъ чуднымъ грудным голосомъ: «Бросьтесь!» Только не проснулся бы этотъ «пузатый чортъ» капитанъ и не подстерегъ бы его разговаривающимъ на вахтѣ съ пассажиркой.

Онъ взглянулъ на рубку. Темно. Вѣрно, спитъ старая бестія, отравляющая своими любезностями жизнь пассажирки. Тоже, сороковая бочка, лебезитъ на старости лѣтъ,

зафрантилъ. Думаетъ, что его разговоры очень интересны, и всегда, какъ нарочно, лѣзетъ, какъ только увидитъ, что онъ разговариваетъ съ Вѣрой Сергѣевной. Такъ бы и треснулъ его!

«Да... это первая его настоящая любовь, а все прежнее—мимолетныя увлеченія,—размышляетъ молодой мичманъ, шагая по мостику.—И какая же однако я былъ свинья!»—шепчетъ онъ, когда въ его легкомысленной головѣ одно за другимъ проносятся эти безчисленныя «увлеченія», какъ бы для того, чтобы оттѣнить чистоту, силу и прочность настоящей любви.

Кузина Нюта... Влюбленъ былъ мѣсяцъ. Думалъ стрѣляться, но кончилъ тѣмъ, что былъ шаферомъ у нея на свадьбѣ. И что хорошаго нашелъ онъ тогда въ этой дѣвчонкѣ? Теперь онъ рѣшительно не понимаетъ... Тридцатилѣтняя супруга кронштадтскаго чиновника Софрончикова. «Фу, гадость!»—неблагодарно отплюнулся мичманъ, не безъ стыда вспоминая, какъ онъ сжималъ въ объятіяхъ рыхлую, дебелую, съ подведенными глазами, г-жу Софрончикову, которая при каждомъ свиданіи стыдливо вскрикивала: «Ахъ, что я дѣлаю!» и томно требовала клятвъ въ вѣчной любви. И онъ не только давалъ ихъ съ небрежной расточительностью, но еще и поднесъ ей очень трогательные стихи, въ которыхъ сравнивалъ г-жу Софрончикову съ «пышной розой», тогда какъ по совѣсти ее слѣдовало бы сравнить съ откормленной индюшкой. Ровно два мѣсяца клялся онъ въ любви «пышной розѣ», пока не поѣхалъ въ день полученія жалованья, т.-е. 20-го числа, въ Петербургъ и не встрѣтилъ на Гороховой черноглазой брюнетки съ картонкой въ рукахъ, швеи изъ магазина, Кати... Эта была, напротивъ, «лилія», блѣдная и худенькая, и если бы не случайная и довольно щекотливая встрѣча у Кати съ какимъ-то румянымъ писарькомъ, то... кто знаетъ, сколько времени онъ относилъ бы Катѣ жалованье и деньги, занятыя подъ «небольшіе проценты»... Писарь «открылъ ему глаза» и заставилъ его въ тотъ же день идти обѣдать къ адмиралу Налимову, у котораго была молодая и довольно пригожая жена съ румяными щечками, мятежно вздымавшейся грудью и безпокойными сѣрыми глазами, точно отыскивающими что-то. Глаза эти ласково смотрѣли на молодого кудряваго мичмана, особенно ласково, когда старикъ-адмиралъ пошелъ послѣ обѣда вздремнуть, и дня черезъ три легкомысленный мичманъ

уже былъ «готовъ». Опять стихи, на этотъ разъ: «Постыла жизнь безъ пылкой страсти», и внезапное негодованіе противъ добряка-адмирала, влюбленнаго въ свою жену, который, вдругъ оказалось, «губилъ чужую молодость». Черезъ мѣсяцъ совмѣстнаго чтенія и цѣлованія пухлой ручки (на дальнѣйшую «подлость» онъ не рѣшался изъ уваженія къ адмиралу), великодушное предложеніе развестись съ адмираломъ и выйти замужъ за него. Вѣчная любовь и сорокъ три рубля съ полтиной въ мѣсяцъ жалованья къ ея услугамъ. Не угодно ли?

Какъ ни безпокойно бѣгали глазки адмиральши и какъ ни нравился ей этотъ красивый, жизнерадостный мичманъ, тѣмъ не менѣе она выпучила на него глаза, какъ на человѣка, только-что вырвавшагося изъ сумасшедшаго дома и не понимающаго возможности не только цѣлованія рукъ, но и дальнѣйшаго счастья, безъ катастрофъ и потрясенія основъ. Обидный, насмѣшливый хохотъ былъ единственнымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на «дерзкія слова». Результатомъ отказа адмиральши осуществить столь остроумный планъ разжалованья ея въ мичманши было, полное гражданскихъ чувствъ, стихотвореніе по адресу молодой адмиральши, закончившее почти ежедневныя, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, посѣщенія Налимовыхъ, у которыхъ онъ, несмотря на любовь, за обѣ щеки уплеталъ вкусные адмиральскіе обѣды. А тамъ приспѣло назначеніе въ дальнее плаваніе и отпускъ передъ нимъ въ деревню.

«Миссъ Дженни» въ Лондонѣ... Это было что-то ужъ совсѣмъ дикое, начавшееся знакомствомъ въ Holborn Casino и едва не кончившееся очень плохо... Онъ чуть-было не застрялъ въ Лондонѣ, поселясь съ Дженни и просаживая на нее вторую и послѣднюю тысячу—весь бабушкинъ подарокъ на дорогу. Двѣ цѣлыхъ недѣли пропадалъ онъ въ Лондонѣ, не думая возвращаться на клиперъ, стоявшій въ Гревзендѣ, и если-бъ не товарищи, какимъ-то чудомъ разыскавшіе его въ громадномъ городѣ и уговорившіе ѣхать на клиперъ вмѣсто того, чтобъ попасть подъ судъ за самовольную отлучку и лишиться плаванія, быть бы бычку на веревочкѣ. Но она была такъ чертовски хороша, эта Дженни съ голубыми глазами, и такъ увѣряла его въ своей безграничной любви, получая отъ него банкноты, что онъ въ тѣ дни не прочь былъ навсегда остаться въ Англіи, хотя бы чистильщикомъ сапогъ.

Въ безпутной головѣ каявшагося мичмана промелькнули

затѣмъ: и продавщица перчатокъ въ Шербургѣ, и барышня изъ баръ-рума въ Капштатѣ, на мысѣ Доброй Надежды, и японка Танасари въ Хакодате, и креолка, жена испанскаго доктора, въ Манилѣ, и роскошная каначка въ Гонолулу, и, наконецъ, маленькая русская засѣдательша въ Камчаткѣ, которымъ онъ на разныхъ языкахъ говорилъ комплименты и если не всегда доходилъ до объясненія, то только потому, что клиперъ уходилъ изъ порта, гдѣ влюбчивый мичманъ воспламенялся, какъ порохъ.

«Все это была ерунда... все это свинство!»—еще разъ повторилъ мичманъ, бросая умиленный взглядъ черезъ капитанскій люкъ. Только теперь онъ понялъ любовь и чувствуетъ, что значитъ полюбить на вѣки-вѣчные... Ему ничего не надо, онъ не мечтаетъ даже о счастьѣ благоговѣйно поцѣловать эту маленькую изящную ручку. Пусть только о н а позволитъ ему сказать, какъ онъ преданъ ей, вотъ и все, чего онъ хочетъ... Пусть только позволитъ себя любить, и онъ, по возвращеніи въ Россію, непремѣнно поселится въ томъ городѣ, гдѣ будетъ жить Вѣра Сергѣевна. Господи, что это за женщина!? Сравнивать ее съ кѣмъ-нибудь изъ прежнихъ увлеченій—одна профанація...

VIII.

— Впередъ смотрѣть!—крикнулъ онъ вполголоса, вглядываясь въ окружающую темноту и вспоминая, что онъ на вахтѣ.

— Есть, смотримъ! — раздался обычный отвѣтъ часовыхъ съ бака.

Раздался одинъ ударъ колокола. Прошла склянка (полчаса).

«Она не выйдетъ»,—съ грустью подумалъ мичманъ, посматривая на выходъ изъ капитанской каюты, и вдругъ замеръ...

Маленькая граціозная фигурка пассажирки, словно волшебная тѣнь, показалась на палубѣ и поднялась на мостикъ.

Въ первую секунду мичманъ оцѣпенѣлъ отъ восторга и безъ движенія стоялъ у компаса. Всѣ мысли разомъ выскочили у него изъ головы.

А она приблизилась къ нему совсѣмъ близко, такъ что свѣтъ отъ компаса освѣщалъ ея хорошенькое личико, и спросила своимъ бархатнымъ голосомъ:

— Я не помѣшаю вамъ, Владиміръ Алексѣичъ, если нѣсколько минутъ постою на мостикѣ? Капитанъ вѣдь спитъ?—лукаво прибавила она.

Она помѣшаетъ!? Можетъ же придти такая нелѣпая мысль въ голову?

И вмѣсто отвѣта мичманъ глядѣлъ на нее, какъ очарованный.

— Вы... помѣшать?—наконецъ, прошепталъ онъ.

Должно-быть, въ этихъ двухъ словахъ было вложено слишкомъ много экспрессіи, потому что пассажирка съ нѣкоторой тревогой взглянула на молодого мичмана и, отходя на конецъ мостика, проговорила:

— Здѣсь такъ хорошо... И что за славная ночь!

Она любовалась этой ночью, глядѣла на звѣздное небо, на воду и молчала.

Молчалъ и мичманъ, не спуская глазъ съ пассажирки. Такъ прошло нѣсколько минутъ...

— Спокойной вахты, Владиміръ Алексѣичъ! — вдругъ проговорила пассажирка, дѣлая движеніе, чтобъ уходить.

— Какъ, вы уже уходите?.. Нѣтъ, ради Бога... еще нѣсколько минутъ... Я долженъ вамъ кое-что сказать,— испуганнымъ и взволнованнымъ шопотомъ проговорилъ онъ, подойдя къ краю мостика, гдѣ стояла пассажирка.

— Что такое?—спросила она нарочно беззаботно-веселымъ голосомъ, словно не догадываясь, что можетъ сказать этотъ влюбленный мичманъ, и имѣя доброе намѣреніе этимъ тономъ нѣсколько отрезвить его пылъ. Что Цвѣтковъ влюбленъ въ нее, она замѣтила, конечно, раньше всѣхъ, но его обожаніе было такое чистое и непритязательное, и самъ онъ былъ такой милый, добрый юноша, что пассажирка невольно и сама расположилась къ нему и держала себя съ нимъ съ дружеской простотой, не придавая его увлеченію серьезнаго значенія.

— Простите, Вѣра Сергѣевна... я, конечно, не смѣю спрашивать...

— И все-таки хотите спросить?—смѣясь, перебила пассажирка.—Ну, спрашивайте. Заранѣе прощаю.

— Вамъ... вамъ нравится Баклановъ?—выговорилъ онъ не безъ трагической нотки въ дрогнувшемъ голосѣ.

Пассажирка усмѣхнулась. Ужасно смѣшные эти господа моряки! Не далѣе какъ на-дняхъ такой же вопросъ относительно Цвѣткова предложилъ ей Баклановъ, а еще раньше и капитанъ, какъ будто шутя, допрашивалъ: кто

изъ офицеровъ ей болѣе всего нравится, и былъ, повидимому, очень доволенъ, когда она дипломатически отвѣтила, что «всѣ вообще и никто въ особенности».

Но она не удержалась отъ кокетливаго желанія подразнить своего поклонника и имѣла неосторожность, въ свою очередь, спросить, засмѣявшись тихимъ смѣхомъ:

— А вамъ зачѣмъ это знать?

Зачѣмъ ему знать? Ему!?

И мичмана, что называется, прорвало. Откуда только брались эти горячія и искреннія, порывистыя и нѣжныя слова любви, которую онъ благоговѣйно кидалъ къ ногамъ божества, не осмѣливаясь, разумѣется, даже и мечтать о какомъ-нибудь вознагражденіи. Только бы Вѣра Сергѣевна не сердилась за дерзость его, недостойнаго мичмана Цвѣткова, полюбить такую «святую» женщину и милостиво бы разрѣшила ему любить ее до конца своихъ дней. Безкорыстіе влюбленнаго мичмана было воистину феноменальное.

Надо думать, что и эта дивная теплая ночь, и тихо рокотавшій океанъ, и яркія звѣзды, меланхолически мигавшія сверху, и, наконецъ, ревность къ Бакланову значительно способствовали краснорѣчію вдохновенной импровизаціи. Такъ, казалось и ему самому, онъ никогда въ жизни не говорилъ. И если въ эту минуту онъ не могъ сравнить своего признанія съ признаньями г-жѣ Софрончиковой и другимъ, то потому только, что онъ ихъ совершенно забылъ.

«Мраморная вдова», слышавшая-таки, особенно послѣ смерти мужа, лаконически дѣловыя признанія янки и умѣвшая различать звуки страсти, несмотря на свое относительное хладнокровіе и свято чтимую память о мужѣ, невольно поддалась обаянію этой безумно-страстной пѣсни любви среди океана, на узкомъ мостикѣ покачивающагося клипера. И эта пѣснь вмѣстѣ съ теплымъ дуновеніемъ ночи словно ласкала ее, проникая къ самому сердцу и напоминая, что она еще молода и что жить хочется...

— Послушайте... я разсержусь, если вы еще разъ будете говорить такія глупости,—строго проговорила она, хотя совсѣмъ не сердилась.—Вы немножко увлеклись и вообразили ужъ Богъ знаетъ что... Скоро мы разстанемся, и вы такъ же скоро забудете про свою блажь... Такъ лучше останемся добрыми пріятелями... Вы вѣдь знаете, что я къ вамъ расположена...

— Такъ вы не вѣрите, что я васъ люблю? Не вѣрите?.. Хотите, я сейчасъ докажу?

Какая-то нахлынувшая волна чувствъ вдругъ захлестнула его, наполнивъ душу отчаянной отвагой. Жизнь въ эту минуту, казалось, не имѣла ни малѣйшей цѣны. И онъ, весь охваченный сумасшедшимъ желаніемъ доказать свою любовь, занесъ ногу за поручни.

— Повторите еще разъ, что не вѣрите, и я буду въ морѣ!..

Голосъ Цвѣткова звучалъ восторженной рѣшимостью фанатика.

И онъ и пассажирка—оба въ одно и то же мгновеніе почувствовали, что, повтори она слова сомнѣнія, онъ безъ колебанія бросится въ океанъ.

— Вѣрю, вѣрю!—прошептала она, охваченная ужасомъ.

И, схватывая его руку, ласково и нѣжно, взволнованнымъ голосомъ прибавила:

— Боже! Какой вы сумасшедшій!

Она невольно восхищалась этой безумной, чисто-славянской выходкой, испытывая въ то же время эгоистически-пріятное чувство женщины, изъ-за которой человѣкъ готовъ совершить невозможную глупость. А легкомысленный сумасбродъ, счастливый, что теперь не можетъ быть сомнѣнія въ его любви, задержалъ на мгновеніе похолодѣвшую ручку пассажирки въ своей рукѣ и быстро поцѣловалъ ее въ темнотѣ.

И опять спросилъ:

— Отвѣтьте же, Вѣра Сергѣевна. Нравится вамъ Баклановъ?

— Съ чего вы это взяли? Нѣтъ.

— И «милордъ» не нравится?

— Вотъ нашли...

— Значитъ, никто? — радостно воскликнулъ мичманъ.

— Никто особенно, но вы—больше другихъ, не даромъ мы съ вами пріятели. И останемся, если вы не станете больше дѣлать глупостей... Я очень тронута вашей привязанностью и цѣню ее, но, кромѣ дружбы, ничѣмъ не могу отплатить вамъ. Простите, милый Владиміръ Алексѣичъ, и не сердитесь... Постарайтесь забыть меня... И что бы могла я дать вамъ,—съ оттѣнкомъ грусти прибавила «мраморная вдова».—Во мнѣ ужъ нѣтъ свѣжести чувства... Мнѣ тридцать лѣтъ, а вы... вы совсѣмъ юный.

Сердиться на нее? Да онъ безконечно счастливъ ея

дружбой, и больше ему ничего не надо. Развѣ онъ не понимаетъ, что она полюбить не можетъ... Но онъ надѣется, что она, по крайней мѣрѣ, не порветъ съ нимъ знакомства и позволитъ ему писать ей и, быть-можетъ, напишетъ ему сама... А чтобы забыть ее...

Онъ только усмѣхнулся.

— Очень рада буду получить отъ васъ вѣсточку и отвѣчу вамъ... А пока, чтобы все было по-старому, не правда ли? Вы больше не будете говорить мнѣ о вашей... привязанности... Обѣщаете?

— Вамъ такъ это... непріятно?—спросилъ онъ.

— Не все ли вамъ равно, почему я васъ прошу объ этомъ... Такъ обѣщаете?—шепнула «мраморная вдова», и—показалось Цвѣткову—въ голосѣ ея опять звучала грустная нотка.

Онъ обѣщалъ, и пассажирка ушла, позволивъ ему еще разъ поцѣловать свою руку.

Оставшись одинъ, Цвѣтковъ полной грудью крикнулъ:

— Впередъ смотрѣть!

И этимъ радостнымъ крикомъ онъ, казалось, возвѣщалъ океану о своемъ счастьѣ.

Свѣтъ погасъ въ капитанской каютѣ, а пассажирка долго еще не спала. Эта пѣснь любви все еще звучала въ ея ушахъ, и образъ кудряваго мичмана нѣсколько времени стоялъ передъ ея глазами.

«Какіе влюбчивые, однако, эти моряки!»—шепнула она и засмѣялась.

IX.

Прошла еще недѣля. Погода, попрежнему, стояла великолѣпная, но пассажирка стала рѣже показываться наверху, особенно послѣ заката солнца, когда наступили роскошныя южныя ночи, располагающія къ изліяніямъ. Она также видимо избѣгала разговоровъ наединѣ. Исключеніе составлялъ «дѣдушка» Иванъ Ивановичъ.

Для молодой женщины не было, разумѣется, секретомъ, что почти всѣ офицеры неравнодушны къ ней и готовы перессориться изъ-за малѣйшаго предпочтенія, въ видѣ улыбки или ласковаго слова, сказаннаго ею кому-нибудь изъ ея ревнивыхъ поклонниковъ. Приходилось всегда быть настороже, испытывая первый разъ въ жизни неудобство положенія хорошенькой женщины, и притомъ одной, среди этихъ «добрыхъ» влюбчивыхъ моряковъ, ко-

торые ужъ черезчуръ удостаивали ее своимъ любезнымъ вниманіемъ и ни на минуту не оставляли безъ своего общества, лишь только она появлялась на палубѣ. Каждый старался чѣмъ-нибудь услужить ей. Каждый встрѣчалъ ее восторженнымъ комплиментомъ или краснорѣчивымъ взглядомъ.

«И какъ скоро воспламеняются моряки и какъ быстро дѣлаютъ признанія!»—удивлялась пассажирка, убѣдившись въ этомъ не на одномъ только примѣрѣ сумасшедшаго мичмана.

Черезъ два дня послѣ его страстной пѣсни любви, совсѣмъ неожиданно, и тоже во время ночной вахты, признался ей въ своихъ чувствахъ и лейтенантъ Баклановъ. Говорилъ онъ, правда, не столь пылко и краснорѣчиво, какъ Цвѣтковъ, и для доказательства своей любви не предлагалъ бултыхнуться въ океанъ, но зато со стремительной откровенностью предложилъ хорошенькой вдовѣ руку и сердце. Не выждавъ еще принципіальнаго согласія, онъ диктовалъ слѣдующія условія: свадьба немедленно послѣ возвращенія клипера въ Россію, а теперь они будутъ женихомъ и невѣстой (соблазнительная роль жениха, кажется, особенно привлекала лейтенанта и едва ли не была главнымъ мотивомъ предложенія). У него есть состояніе, правда, небольшое, но жить можно, не нуждаясь. Онъ будетъ любящимъ и преданнымъ мужемъ. Полюбилъ онъ ее съ первой же встрѣчи и такъ горячо никогда и никого не любилъ.

— Судьба моя въ вашихъ рукахъ!—не безъ эффекта закончилъ лейтенантъ трагическимъ шопотомъ.

Все свое признаніе онъ произнесъ необыкновенно быстро, очевидно боясь, что кто-нибудь помѣшаетъ интимной бесѣдѣ на самомъ интересномъ мѣстѣ, и тогда жди случая, чтобы закончить начатое съ такой отвагой. И то ужъ Цвѣтковъ разъ прошмыгнулъ мимо нихъ.

Въ ожиданіи отвѣта, Баклановъ глядѣлъ на пассажирку такимъ восхищенно-жаднымъ взглядомъ своихъ голубыхъ, нѣсколько наглыхъ, глазъ, точно собирался тотчасъ же съѣсть ее, лишь только она благосклонно приметъ его предложеніе.

Благодаря темнотѣ вечера, пассажирка не видала этого взгляда. Не видалъ и Баклановъ насмѣшливой улыбки въ ея глазахъ и только услыхалъ ея спокойно-ироническій отвѣтъ:

— Совсѣмъ по-американски. Я не думала, что моряки такъ торопливо рѣшаютъ и свою и чужую судьбу.

Она поблагодарила за честь, ничѣмъ ею не вызванную, прибавивъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ раздѣлить его, столь неожиданно проявившагося, чувства и вообще не собирается пока выходить замужъ.

Этотъ отвѣтъ, звучавшій насмѣшливымъ тономъ, вызвалъ самолюбивое раздраженіе кронштадтскаго сердцѣда, избалованнаго успѣхами, и, главнымъ образомъ, противъ Цвѣткова, котораго Бакановъ считалъ своимъ счастливымъ соперникомъ. Не даромъ эти послѣдніе дни онъ необыкновенно веселъ и ходитъ гоголемъ!

Повидимому, Бакановъ безропотно покорился отказу мраморной вдовы. Онъ извинился за смѣлость признанія, вызваннаго его безумной любовью. Разумѣется, онъ болѣе не осмѣлится надоѣдать ей и просилъ похоронить этотъ разговоръ. Пусть о немъ ни душа не знаетъ...

— О, будьте на этотъ счетъ спокойны!—прервала его молодая женщина.

— А я останусь съ разбитымъ сердцемъ надолго... Надолго, Вѣра Сергѣевна,—грустно прибавилъ онъ.

— Надѣюсь, не болѣе недѣли?

— Вы смѣетесь?.. Что-жъ, смѣйтесь!.. Но, повѣрьте, я не похожъ на другихъ, которые влюбляются въ каждомъ портѣ,—пустилъ онъ намекъ по адресу товарища и, низко поклонившись, отошелъ отъ пассажирки и поднялся на мостикъ.

Молодая женщина поспѣшила спуститься къ себѣ, боясь новыхъ изліяній съ чьей-нибудь стороны, и спугнула капитанскаго вѣстового Чижикова, который стоялъ у раскрытой двери Аннушкиной каютки и вполголоса разсказывалъ своей внимательной слушательницѣ о томъ, какія бываютъ бури, а самъ, улыбаясь глазами, поглядывалъ на румяную, пышную Аннушку, занятую шитьемъ, и взоромъ, полнымъ ласки, говорилъ, казалось, совсѣмъ о другомъ.

— Такъ больше ничего не потребуется?—спросилъ онъ Аннушку, пропуская пассажирку...—Спокойной ночи барыня!—поклонился онъ.

— Прощайте,—промолвила молодая женщина, невольно улыбнувшись этой маленькой хитрости вѣстового.

«И тутъ влюбленная атмосфера»,—подумала она.

X.

Чижиковъ находился уже съ Аннушкой на короткой пріятельской ногѣ, словно они давнымъ-давно были знакомы. Это сближеніе произошло какъ-то само собой, незамѣтно. Онъ помогалъ и услуживалъ Аннушкѣ, охотно и весело исполняя ея обязанности: чистилъ и барынины, и ея ботинки, вытряхивалъ рано утромъ платья, стиралъ ихъ бѣлье. «Ужъ вы не безпокойтесь, Анна Егоровна,—говорилъ онъ:—все справимъ, какъ слѣдуетъ. По матросскому нашему положенію мы все должны справлять». И, ловкій и расторопный, Чижиковъ дѣйствительно все справлялъ не хуже заправской горничной. Онъ шить умѣлъ, и зналъ, какъ выводить пятна, и башмаки починилъ Аннушкѣ, словомъ былъ парень на всѣ руки, и все у него въ рукахъ спорилось и выходило хорошо. При этомъ онъ былъ всегда веселъ и никогда не жаловался на работу, хотя работы у него были полны руки. Урывая свободную минуту, онъ перекидывался изъ буфетной съ Аннушкой словомъ и по вечерамъ «ляснича лъ» съ ней, но не говорилъ никакихъ нѣжностей, а только улыбался глазами и какъ-то безъ словъ любви, не торопясь и спокойно, вкрадывался въ ея душу, «облещивалъ» съ тонкимъ искусствомъ заправскаго знатока женскаго сердца, и чрезъ недѣлю послѣ знакомства, несмотря на «мамзелистость» Аннушки, уже позволилъ себѣ съ нею флиртъ. То, будто шутя, ущипнетъ ее повыше локтя и спроситъ: «больно?», то схватитъ ея руку и, скрестивъ пальцы съ пальцами, предложитъ попробовать силу, то близко подсядетъ къ Аннушкѣ и, словно невзначай, поцѣлуетъ въ розоватый затылокъ. А самъ, съ серьезно-невиннымъ видомъ, точно чмокалъ не онъ, продолжаетъ разсказывать о матросскомъ житьѣ-бытьѣ, или про свою сторону, и только ласково улыбается глазами, уставленными на Аннушку. И она, отвергшая не мало ухаживаній гг. офицеровъ, какъ-то покорно и весело отдавалась флирту, какъ будто не замѣчая ни шутливыхъ трепковъ, ни щипковъ, ни поцѣлуевъ молодого, пригожаго черноглазаго матроса, который казался ей куда милѣе и понятнѣе американскихъ ухаживателей. Она только послѣ поцѣлуевъ становилась румянѣе, ея добрые сѣрые, большіе глаза ярче блестѣли, и лицо дѣлалось серьезнѣе и внимательнѣе, точно она вся поглощена была тѣмъ, что разсказывалъ ей Чижиковъ. Съ тѣмъ же невин-

нымъ видомъ, Чижиковъ увеличивалъ мало-по-малу область флирта и, не дѣлая никакихъ декларацій, продолжалъ эту «пѣсню безъ словъ», попрежнему услуживая и помогая Аннушкѣ съ ретивымъ усердіемъ безпритязательнаго человѣка. Онъ не переступалъ извѣстныхъ границъ постепенности, чтобы не особенно компрометировать Аннушку въ ея собственныхъ глазахъ, такъ что флиртъ этотъ могъ казаться невинной шалостью. Разъ только Чижиковъ слишкомъ увлекся и, внезапно прервавъ разговоръ о починкѣ барышниныхъ ботинокъ, облапилъ Аннушку и впился въ ея губы, имѣя, повидимому, серьезное намѣреніе цѣловать безъ конца (не даромъ онъ незамѣтно защелкнулъ въ каютѣ задвижку). Аннушка въ первое мгновеніе поддалась этой ласкѣ, но вслѣдъ затѣмъ сурово оттолкнула дерзкаго и, вспыливъ, съѣздила его по уху.

Но Чижиковъ и тутъ не потерялся и даже не сталъ просить прощенія. Вмигъ очутившись по ту сторону двери, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спросилъ, продолжая прерванный разговоръ:

— Такъ какое будетъ ваше приказаніе насчетъ барышниныхъ ботинковъ, Анна Егоровна? Прикажете починить?

Первую минуту Аннушка молчала и казалась очень сердитой.

— Что-жъ, почини, — наконецъ, промолвила она строгимъ тономъ, не глядя на Чижикова и оправляя сбившіеся волосы.

Однако любопытство заставило ее бросить взглядъ на вѣстового, и невольная улыбка скользнула по ея заалѣвшему лицу при видѣ этой невинно-серьезной физіономіи, точно ни въ чемъ неповинной.

— Такъ пожалуйте, Анна Егоровна. Ужо завтра принесу,—проговорилъ дѣловымъ тономъ Чижиковъ. — Пуговки есть у васъ?

— И лукавый же ты парень, Ванюшка! — протянула нараспѣвъ Аннушка, говоря ему давно уже попросту на «ты», и, отдавая ботинки, усмѣхнулась.

Сохраняя на своемъ лицѣ все тотъ же степенно-невинный видъ, Чижиковъ опять только ласково улыбнулся глазами и, пожелавъ спокойной ночи, ушелъ, чувствуя, что Аннушка его простила.

Въ жилой палубѣ, гдѣ въ подвѣшенныхъ койкахъ уже спали подвахтенные матросы (спать наверху не позволяли,

вслѣдствіе присутствія на клиперѣ пассажирки), встрѣтилъ его Егорка, собиравшійся-было ложиться, и любопытно спросилъ:

— Ну, что, братецъ, какъ съ ей? Забираешь ходу?

— Какъ есть, здря. Давно бросилъ!—отвѣчалъ Чижиковъ.

— Ну?

— Горда больно пассажиркина мамзель. Отъ матроса морду воротитъ...

— Ишь ты, а я, братъ, думалъ...

— То-то, пустое,—перебилъ Чижиковъ, который, какъ истый джентльменъ, хранилъ въ абсолютной тайнѣ свои успѣхи даже отъ друга и земляка Егорки.

— Однако дѣло есть!—прибавилъ онъ и, сходивъ въ свой сундучокъ за инструментомъ, приладился у фонаря, чтобы приняться за работу.

— Ты это что же? Слава Богу, намотался за день, пора бы и спать. Къ спѣху, что ли?—допрашивалъ Егорка, разглядывая крошечныя дамскія ботинки.—Намъ развѣ на палецъ надѣть!—усмѣхнулся онъ.

— Обѣщалъ. Сама пассажирка просила,—сочинилъ Чижиковъ.

— Да у ей башмаковъ много.

— Эти самые любитъ. Хорошо пришлись, говоритъ.

— Небойсь, заплатитъ?

— А то какъ же? Навѣрно наградитъ, какъ въ Гонконтъ придемъ. Намедни вотъ не въ зачетъ долларь дала,—опять совралъ Чижиковъ, чтобы не выдать тайны, для кого это онъ такъ старается.

— А мой мичманъ, Володя-то нашъ, вчерась мнѣ пять долларей отвалилъ,—радостно сообщилъ Егорка и, полураздѣтый, въ одной рубахѣ, присѣлъ на корточкахъ около Чижикова.

— За что?

— Поди-жъ... Я и самъ подивился... И такъ доберъ—завсегда награждаетъ, а тутъ... Всталъ это онъ, братецъ ты мой, послѣ ночной вахты такой веселый... смѣется... и велѣлъ, значитъ, достать изъ «шинерки»*) деньги... А у его и всего-то двадцать долларей капиталу... Подаю. Отсчиталъ пять долларей. «Получай,—говоритъ,—Егорка, а достальные назадъ положи!»

---

*) Шифоньерка.

— Щедровитъ,—промолвилъ Чижиковъ и прибавилъ:— И льстится же онъ на пассажирку, я тебѣ скажу, Егорка. Ахъ, какъ льстится!.. Намедни пришелъ: тары, бары, по-французскому... лямуръ,—это и я разобралъ,—а потомъ вынулъ изъ кармана стишокъ и давай ей читать... Складно такъ выходило, Егорка. «Ваши, говоритъ, очи не даютъ спать ночи». «Вы, говоритъ, что анделъ распрекрасны, щеки, говоритъ, что розы, а ручки у васъ атласны». Все, братецъ ты мой, перебралъ по порядку: и насчетъ ногъ, и насчетъ носа, и насчетъ ейныхъ волосъ... И такъ, шельма, складно. «Я, говоритъ, изъ-за васъ ума рѣшусь и безпремѣнно утоплюсь»... Это онъ пужалъ, значитъ.

— Ишь ты! И выдумаетъ же!—восхитился Егорка.— Что-жъ пассажирка?

— Усмѣхнулась и стишокъ на память взяла... Только врядъ у ихъ что-нибудь выйдетъ,—авторитетно замѣтилъ Чижиковъ.

— Небойсь, мой мичманъ ловокъ!—заступился за своего барина Егорка.

— Отважности нѣтъ... Только языкомъ болтаетъ... Этимъ въ скорости не облестишь.

— Нельзя, братъ, генеральская дочь...

— Генеральская, не генеральская, а все живой человѣкъ. Только она, должна быть, какая-то порченая!—неожиданно прибавилъ Чижиковъ.

— Порченая?

— Да какъ же, Егорка. Женщина молодая, сочная, всѣмъ взяла, а три года вдовѣетъ и,—сказывала Аннушка,—въ Америкѣ женихи были, а не шла. И опять же здѣсь: всѣ на нее льстятся, а она ровно статуй безчувственный. Видно, въ ей кровь не играетъ. Есть, братецъ, такія. Не любятъ мужчиновъ...

— Можетъ, только виду не хочетъ оказать и себя соблюдаетъ, а ежели, братецъ ты мой, честь-честью, замужъ—очень даже будетъ согласна... Видитъ—здѣсь ей мужа не найти, потому какъ въ плаваніи всѣ, да и господа не изъ богатыхъ, ну и... форситъ.

— Развѣ что... Но ты, коли баба, хоть хвостомъ поверти...

— Не вертитъ?—разсмѣялся Егорка.

— То-то и есть. И глазъ у ей рыбій... Повѣрь, Егорка, испортили барышню въ Америкѣ этой самой.

— А кто ее знаетъ?.. У господъ другое положеніе.

Они тамъ съ мичманомъ моимъ по-французскому говорятъ, можетъ, и договорятся... Онъ тоже ловокъ насчетъ этого... И стишокъ умѣетъ, и изъ себя молодецъ, и башковатъ... Вотъ, въ Гонконгъ придемъ, окажется... Однако я спать пошелъ!

И Егорка, поднявшись съ корточекъ, направился къ своей койкѣ.

XI.

— Какъ слѣдуетъ, носъ. Форменный носъ!—нѣсколько разъ повторялъ про себя Баклановъ, нервно шагая съ одного края мостика на другой. Самолюбіе его было уязвлено, и въ немъ закипала злость и на себя за то, что онъ такъ «опрохвостился», и на пассажирку за то, что она съ насмѣшливой шуткой отнеслась къ его предложенію и даже не сказала обычныхъ въ такомъ случаѣ словъ о дружбѣ, и на Цвѣткова за то, что этотъ «смазливый болванъ» много о себѣ воображаетъ.

«Мальчишка!»—со злобой подумалъ Баклановъ, стараясь отыскать въ «мальчишкѣ» самыя дурныя стороны. Онъ и легкомысленъ, и безпутенъ, и вообще пустельга, и въ денежныхъ дѣлахъ неаккуратенъ. По уши въ долгахъ. «До сихъ поръ двадцати долларовъ не отдаетъ»,—припомнилъ Баклановъ, рѣшившись завтра же ихъ потребовать съ него. «Не особенно проницательна и о н а, если вѣритъ такому мальчишкѣ!.. Не въ мужья же она его прочитъ, кокетничая съ нимъ... Нечего сказать, основательный былъ бы мужъ... Одна потѣха!.. А если этотъ «мерзавецъ» и вдругъ имѣетъ успѣхъ?..

При этой мысли у Бакланова явилось такое сильное желаніе перервать «мерзавцу» горло, что онъ, остановившись, стиснулъ руками поручни, словно вмѣсто поручней было несчастное горло мичмана...

— Пос-мот-римъ! — прошепталъ онъ и вдругъ грозно крикнулъ на дремавшаго сигнальщика:—Ты что дрыхнешь, каналья, а?..

А чудная ночь словно нарочно дразнитъ своимъ нѣжнымъ дыханіемъ, волнуя воображеніе давно не бывшаго на берегу моряка далеко не идеальными мечтаніями, въ которыхъ предпочтительную роль играла, разумѣется, эта соблазнительная вдова въ видѣ его невѣсты. То-то вышелъ бы эффектъ, и сколько было бы зависти въ каютъ-компаніи, если бы онъ офиціально объявилъ себя жени-

хомъ пассажирки! Онъ все свободное время проводилъ бы съ нею наединѣ, у нея въ каютѣ, чортъ возьми, и по праву безъ конца цѣловалъ бы эти маленькія съ ямками ручки, сливочную шейку, алыя губки. Онъ бы...

Неожиданное появленіе на шканцахъ толстой фигуры капитана въ бѣломъ кителѣ вернуло лейтенанта Бакланова къ дѣйствительности. Онъ тревожно оглядѣлся вокругъ.

Тяжело переваливаясь и подсапывая носомъ, капитанъ поднялся на мостикъ, посмотрѣлъ въ компасъ, зорко осмотрѣлъ горизонтъ и поднялъ голову, взглядывая на паруса.

— Лиселя полощатъ, а вы и не видите-съ!—рѣзко выпалилъ капитанъ.

Дѣйствительно, къ стыду Бакланова, лиселя съ правой позорно «полоскали».

— Только сейчасъ вѣтеръ зашелъ.

— Убрать-съ!.. И попрошу васъ, г. лейтенантъ Баклановъ, на вахтѣ не заниматься болтовней съ пассажиркой,— тихо, очевидно сдерживаясь, но съ тѣмъ же раздраженіемъ продолжалъ капитанъ.—Что у насъ, военное судно или гостиная-съ? На вахтѣ развѣ офицеры разговариваютъ-съ? Вы тутъ любезничали, а у васъ лиселя шлепаютъ-съ... Могли бы и всѣ паруса прошлепать. Прошу помнить-съ, что вы вахтенный начальникъ, а не дамскій кавалеръ-съ!

Баклановъ скомандовалъ убрать лиселя, а капитанъ стоялъ сердитый, взглядывая на освѣщенный люкъ каюты, въ которой скрылась эта очаровательная вдовушка, лишившая и его, точно въ штурмовую погоду, сна и будившая въ немъ, на старости лѣтъ, мечты о второй молодости и страстное желаніе мгновенно похудѣть.

Капитанъ постоялъ минутъ пять и скрылся въ рубкѣ. Раздѣвшись, онъ снова легъ спать, но заснулъ не скоро. Чортъ знаетъ, что лѣзло въ голову. И уборка лиселей не такъ его занимала, какъ прежде, и его Пашета, вѣрная супруга и строгая дама, казалась ему теперь, при сравненіи, такой некрасивой, сухопарой, бѣлобрысой женщиной съ своими жидкими косичками и такой злой съ вѣчными сценами изъ-за смазливыхъ горничныхъ...

Со времени появленія на клиперѣ пассажирки, капитанъ вдругъ сталъ чаще философствовать насчетъ семейной жизни и критически оцѣнивать характеръ и наружность жены, хотя и былъ примѣрнымъ отцомъ и добрымъ мужемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до униженія лебезилъ не

редъ пассажиркой. Всѣ его любезности обращались очень мило въ шутку, и онъ, наконецъ, замѣтилъ, что пассажирка не особенно любитъ быть съ нимъ tête à tête. Замѣтивши это, онъ, какъ истинно галантный рыцарь, пересталъ въ послѣднее время заходить къ ней и встрѣчался только за обѣдомъ да наверху, умильно поглядывая на нее и срывая свою досаду на молодыхъ офицерахъ, къ которымъ ревновалъ съ слѣпой яростью влюбленнаго пожилого человѣка, сознающаго тщету надеждъ.

Какъ ни старался капитанъ скрыть передъ подчиненными свое малодушное ухаживаніе за пассажиркой, всѣ видѣли, что онъ втюрился. Не даромъ же онъ душится, и ходитъ въ новомъ сюртукѣ, и наверху остерегается ругать матросовъ и давать подъ часъ волю рукамъ. Всѣ понимали причину его «разносовъ» и посмѣивались втихомолку надъ влюбленнымъ «боровомъ», устраивая ему всяческія каверзы. Замѣтитъ вахтенный, что капитанъ спустился къ пассажиркѣ, какъ сейчасъ же шлетъ туда гардемарина доложить, что «судно на горизонтѣ», или что «вѣтеръ заходитъ», или что «китъ показался». Словомъ, молодежь выискивала всевозможные предлоги, чтобы помѣшать капитану любезничать съ пассажиркой. А когда она бывала наверху, ее тотчасъ же окружали, и капитанъ, сердито пыхтя, одиноко ходилъ по шканцамъ, съ досадой посматривая на молодежь и не смѣя подойти, чтобъ не вызвать иронически-почтительныхъ взглядовъ.

Капитанъ видѣлъ и чувствовалъ всѣ эти каверзы и скрытыя насмѣшки и, несмотря на свое добродушіе, втайнѣ бѣсновался. Особенно преслѣдовалъ онъ Цвѣткова и разъ даже во время паруснаго ученія пригрозилъ отдать его подъ судъ...

Все это замѣтила подъ-конецъ и пассажирка и прекратила съ Цвѣтковымъ чтенія вдвоемъ, тѣмъ болѣе, что при первомъ же чтеніи послѣ признанія онъ снова заговорилъ о любви и хотя раньше и клялся, что ему кромѣ святой дружбы рѣшительно ничего не надо, тѣмъ не менѣе такъ трогательно просилъ позволенія «братски» поцѣловать ея «святую» ручку и, получивъ разрѣшеніе, чрезъ минуту ужъ такъ умоляюще жалобно поглядывалъ на маленькіе розовые пальчики, оправдывая поговорку: l'appetit vient en mangeant—что «мраморная вдова», ограждая мичмана и отъ капитанской мести, и отъ малодушныхъ волненій, благоразумно рѣшила вмѣстѣ не читать и наединѣ не оставаться.

Но что она могла сдѣлать противъ хитрости влюбленнаго человѣка, который сторожилъ каждый ея шагъ и, случалось, улавливалъ минуту-другую, когда она была на палубѣ одна, и тогда... какихъ только тогда не расточалъ онъ ей восторженныхъ комплиментовъ, про что только знала она одна, такъ какъ самъ мичманъ находился въ телячьемъ экстазѣ и едва ли помнилъ, что говорилъ. И всѣ эти комплименты были такъ наивно-почтительны и искренни, а самъ мичманъ такъ благоговѣйно-восторженъ, что молодая женщина не могла и, признаться, не хотѣла сердиться. Ужъ очень милъ былъ этотъ жизнерадостный пригожій мичманъ, и такъ щекотали ея нервы эти рѣчи.

«Да и опасно,—увѣряла себя «мраморная вдова»:—того и гляди, этотъ сумасшедшій выкинетъ снова что-нибудь невозможное. Пусть ужъ лучше говоритъ!»

Она и не подозрѣвала, что онъ въ самомъ дѣлѣ ужъ подумывалъ выкинуть такую штуку, которая огорошитъ всѣхъ и окончательно убѣдитъ ее, и тогда, быть-можетъ, заставитъ ее откликнуться на его любовь (ужъ онъ теперь втайнѣ мечталъ о взаимности).

Но пока эта «штука» была его тайной.

Съ каждымъ днемъ положеніе бѣдной пассажирки становилось затруднительнѣе, и, несмотря на удобства плаванія, она не безъ нетерпѣнія ждала его конца. Эта атмосфера любви вокругъ нея все сгущалась и сгущалась, и грозила разразиться новыми изліяніями и всеобщей ссорой моряковъ.

«Милордъ» пересталъ цѣдить слова и однажды какъ-то очень значительно заговорилъ съ пассажиркой о томъ, что жизнь, собственно говоря, глупая и пустая шутка. Бѣдняга Васенька, до сихъ поръ не рѣшавшійся говорить съ пассажиркой, совсѣмъ проглядѣлъ на нее глаза и исхудалъ. Докторъ что-то усиленно сталъ проповѣдывать о разводѣ и заботливо разспрашивалъ о здоровьѣ, предлагая свои услуги изслѣдовать ее. Капитанъ, какъ гимнастъ, сторожилъ пассажирку, соперничая въ этомъ съ Цвѣтковымъ; долговязый ревизоръ мрачно вздыхалъ, а Бакалавъ, согласно обѣщанію, ходилъ «съ разбитымъ сердцемъ». При встрѣчахъ съ пассажиркой онъ или горько улыбался, или меланхолически расправлялъ свои роскошные длинные усы и шелъ въ каютъ-компанію, присаживаясь за піанино, самые меланхолическіе романсы. Пусть слышитъ! Но, разумѣется, отъ всѣхъ скры-

валъ свою неудачу и въ разговорахъ о пассажиркѣ выказывалъ пренебрежительное равнодушіе. Однако почти не говорилъ съ Цвѣтковымъ и по временамъ бросалъ на него такіе свирѣпые взоры, что старикъ Иванъ Ивановичъ теперь боялся, какъ бы у Бакланова, въ свою очередь, не было намѣренія «запалить въ морду» мичману, и нетерпѣливо ждалъ конца этого «бабьяго» плаванія, благодаря которому на клиперѣ пошелъ кавардакъ, и всѣ очумѣли.

Одинъ только старшій офицеръ Степанъ Дмитріевичъ, не обнаруживая особенной ревности ни къ кому, залихватски покручивалъ усы, съ спокойной увѣренностью человѣка, дѣло котораго въ шляпѣ. «Скоро все объяснится!»—не разъ думалъ онъ и нерѣдко глядѣлся у себя въ каютѣ въ зеркало, не безъ пріятнаго чувства удовлетворенія любуясь своей красной, угреватой физіономіей, съ длиннымъ носомъ и маленькими воспаленными глазками, не безъ нѣкотораго основанія уподобленной Цвѣтковымъ «мѣдной кастрюлькѣ». Но у Степана Дмитріевича было насчетъ своего лица особое мнѣніе, и онъ полагалъ, что всякая умная женщина должна была находить его лицо привлекательнымъ.

Онъ давно подпускалъ пассажиркѣ какіе-то отдаленные намеки насчетъ узъ Гименея и своихъ надеждъ скоро быть капитаномъ, и молодая женщина со страхомъ ожидала съ его стороны серьезнаго нападенія.

Эти «добрые» моряки представлялись ей теперь нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. «Они, конечно, милые люди, но вѣрно еще милѣе на сухомъ пути»,—не разъ говорила себѣ хорошенькая вдовушка, чувствуя на себѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе влюбленные взгляды и не рѣдко такіе краснорѣчивые, что краска невольно заливала ея лицо, и она плотнѣе закрывала косынкой свою бѣлоснѣжную шею и пышную грудь и, несмотря на жару, показывалась не иначе, какъ въ высокихъ платьяхъ съ длинными рукавами.

И когда «дѣдушка», наконецъ, зашелъ къ ней однажды и сообщилъ, что черезъ недѣлю, если, Богъ дастъ, все будетъ благополучно, клиперъ придетъ въ Гонконгъ, она выразила большую радость.

— Обрадовались, Вѣра Сергѣевна?—усмѣхнулся хитро дѣдушка...—Ужъ вы не сердитесь, а откровенно признаюсь, что и я порадуюсь, несмотря на все мое къ вамъ уваженіе, когда вы покинете клиперъ.

— Вы-то отчего, Иванъ Иванычъ?—спросила, улыбаясь, пассажирка.

— Развѣ не видите, Вѣра Сергѣевна? Небойсь отлично видите, что̀ теперь дѣлается на клиперѣ. Жили мы безъ васъ, милая барыня, мирно и покойно, волновались только по службѣ, а теперь?.. Всѣ другъ на друга косятся... Всѣ отъ васъ безъ ума и совсѣмъ сдѣлались въ родѣ бѣсноватыхъ...

— Да развѣ я виновата, Иванъ Ивановичъ? Кажется, я никому не подавала повода... Я не знала, что моряки такіе влюбчивые,—прибавила пассажирка.

— Вы ничуть не виноваты, если не считать виной, что Господь Богъ создалъ васъ такой хорошенькой. Простите, Вѣра Сергѣевна, мнѣ, старику, можно это сказать,—проговорилъ старый штурманъ отеческимъ тономъ, избѣгая, однако, глядѣть на ослѣпительно свѣжее лицо пассажирки.

— Я больше никогда не поѣду на военномъ суднѣ,—промолвила она.

— И не слѣдуетъ... Я никогда не бралъ бы пассажирокъ, особенно такихъ милыхъ, какъ вы... А бѣдняга Цвѣтковъ что-то опять загрустилъ. Какъ бы не натворилъ глупостей! Ужъ вы его образумьте, Вѣра Сергѣевна. Васъ онъ послушаетъ.

— Какихъ глупостей?—спросила пассажирка, и въ голосѣ ея дрогнула испуганная нотка.

— А кто его знаетъ. Отъ этого сумасшедшаго можно всего ожидать. Пожалуй, захочетъ бѣжать за вами, и тогда прощай его служба. Жаль будетъ. Малый онъ славный, и сердце золотое, и офицеръ блестящій... Я его очень люблю... Одна бѣда,—улыбнулся «дѣдушка»:—какъ влюбится, такъ ему море по колѣна на первыхъ порахъ. Совсѣмъ отчаянный становится... Ужъ вы урезоньте его... Уѣдете вы, и онъ придетъ въ себя... Отходчивый!

— Отходчивый?—протянула пассажирка.—Ну, конечно, эта блажь скоро пройдетъ. Благодарю, что предупредили, милый дѣдушка. Постараюсь убѣдить его не дурить...

— Только теперь ему ни полъ-слова, а то непремѣнно удеретъ за вами. Сумасбродъ на рѣдкость и упрямъ, какъ лошакъ.

XII.

Приглашать пассажирку обѣдать въ это воскресенье въ кают-компаніи пошелъ, по обыкновенію, старшій офи-

церъ, но въ этотъ разъ всѣмъ невольно бросилась въ глаза какая-то особая торжественность и въ лицѣ, и во всей плотной, небольшой и неказистой фигурѣ Степана Дмитріевича. Онъ былъ по праздничному, въ вицъ-мундирѣ, съ Станиславомъ на шеѣ и Анной въ петлицѣ, весь сіяя, какъ хорошо отчищенная мѣдная пушка. Лысина была тщательно зачесана, рѣдкіе волосы напомажены, усы подфабрены, и весь онъ благоухалъ, нисколько не пожалѣвши духовъ.

Въ такомъ великолѣпіи явился онъ, послѣ доклада Чижикова, передъ пассажиркой и, послѣ привѣтствія, пожавъ ей руку, сѣлъ въ кресло и сказалъ:

— Отъ лица всей каютъ-компаніи явился къ вамъ, Вѣра Сергѣевна, покорнѣйше просить сдѣлать честь и пожаловать къ намъ сегодня откушать. Надѣемся, вы осчастливите насъ своимъ посѣщеніемъ, не правда ли?— прибавилъ Степанъ Дмитріевичъ и сталъ крутить усы, взглядывая на пассажирку съ побѣдоноснымъ видомъ обаятельнаго мужчины.

Пассажирка любезно поблагодарила и обѣщала быть.

Обыкновенно послѣ подобнаго приглашенія Степанъ Дмитріевичъ, сказавъ два-три слова, удалялся, но на этотъ разъ онъ плотнѣе усѣлся въ креслѣ, выпятивъ грудь колесомъ, и послѣ небольшой паузы проговорилъ:

— Увы! это послѣднее воскресенье, что мы видимъ васъ на клиперѣ, божественная Вѣра Сергѣевна. Еще три дня, и клиперъ осиротѣетъ, какъ только броситъ якорь въ Гонконгѣ. Вамъ не жаль покидать насъ? Никого не жаль?

— Напротивъ, всѣхъ жаль. Всѣ такъ баловали меня своимъ вниманіемъ.

«Лукавишь»,—весело подумалъ Степанъ Дмитріевичъ и продолжалъ, отставивъ чуть-чуть въ бокъ свою коротенькую толстую ножку.

— Но вы ни о чемъ не догадывались? Вы не замѣтили, что съ моей стороны было нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простое вниманіе?—не безъ пафоса проговорилъ старшій офицеръ, и его маленькіе глазки еще болѣе сузились и словно хотѣли совсѣмъ спрятаться отъ полноты чувствъ.

«Вотъ оно, начинается!»—со страхомъ подумала пассажирка и промолвила:

— Какъ же, я видала вашу доброту и заботливость и очень вамъ благодарна.

— Не совсѣмъ то, далеко не то, Вѣра Сергѣевна... Не одна заботливость, не одна доброта, а чистосердечно скажу: болѣе серьезное чувство... Казалось, что и вы показывали мнѣ расположеніе, Вѣра Сергѣевна... Не конфузьтесь, пожалуйста, — вставилъ Степанъ Дмитріевичъ, замѣтивъ, что пассажирка достала платокъ, чтобы скрыть едва удерживаемый смѣхъ: — я не мальчикъ, а человѣкъ солидный, мнѣ 40 лѣтъ, и я пришелъ къ вамъ съ серьезными намѣреніями... съ очень серьезными и основательно обдуманными... Давно собирался я вкусить счастія семейной жизни, но до сихъ поръ не встрѣчалъ особы, которая... которая внушила бы мнѣ глубокое чувство, пока не встрѣтилъ подъ небомъ далекой Америки васъ...

Степанъ Дмитріевичъ остановился, чтобы вытереть надушеннымъ платкомъ потъ, обильно струившійся по его лицу, и съ большимъ воодушевленіемъ продолжалъ:

— Я — человѣкъ не злой, характеръ у меня ровный, и я буду любить и хранить васъ, какъ дорогую жемчужину... Служебное положеніе мое обезпечено, и у меня кое-что есть на черный день... Смѣю надѣяться, что вы, послѣ тяжелыхъ испытаній, захотите тихой пристани и осчастливите одинокаго человѣка, давши слово быть его другомъ и женой, — съ чувствомъ произнесъ старшій офицеръ. — Черезъ шесть мѣсяцевъ мы вернемся въ Россію. Ждать не долго. Надѣюсь, и я вамъ нравлюсь, Вѣра Сергѣевна? — закончилъ Степанъ Дмитріевичъ не безъ самоувѣренной улыбки и ждалъ отвѣта.

Но пассажирка молчала, давно склонивъ голову, чтобы скрыть смѣющееся лицо. Этотъ самоувѣренный тонъ былъ такъ комиченъ!

Степанъ Дмитріевичъ, имѣвшій несчастіе считать себя неотразимымъ мужчиной, объяснилъ это молчаніе совсѣмъ иначе и, любуясь бюстомъ пассажирки замаслившимися глазками, проговорилъ нѣжнымъ, ласковымъ шопотомъ:

— Милая Вѣра Сергѣевна!.. Не конфузьтесь! Поднимите головку... взгляните на меня... Вѣдь вы согласны, да?.. Не волнуйтесь, ради Бога... Вы молчите?.. Ну протяните вашу прелестную ручку въ знакъ согласія...

Пассажирка подняла голову и, стараясь быть серьезной, чтобы не оскорбить Степана Дмитріевича, отвѣтила, кусая губы:

— Благодарю за честь, но... я не собираюсь замужъ.

Степанъ Дмитріевичъ опѣшилъ и наивно спросилъ:

— Значитъ, вы отказываете?

— Какъ видите...

— Но, быть-можетъ, это не рѣшительно... Вы подумаете и...

— Нѣтъ, Степанъ Дмитричъ, рѣшительно...

— Въ такомъ случаѣ... извините... А я, признаться, надѣялся... Что-жъ... Ошибся... Надѣюсь, это между нами... Дай вамъ Богъ счастія, Вѣра Сергѣевна.

И, шаркнувъ ножкой, какъ обучали его въ корпусѣ, Степанъ Дмитріевичъ, скушавши на своемъ вѣку пятый отказъ, съ достоинствомъ удалился, не столько обиженный, сколько изумленный.

«Я считалъ пассажирку гораздо умнѣе. Оказывается, совсѣмъ глупая бабенка!»—высокомѣрно подумалъ Степанъ Дмитріевичъ.

Однако онъ былъ красенъ, какъ ракъ, когда вошелъ въ каютъ-компанію, и не имѣлъ прежняго торжественнаго вида.

Обѣдъ въ каютъ-компаніи въ это воскресенье прошелъ какъ-то натянуто. Всѣ точно стѣснялись чѣмъ-то и недружелюбно посматривали другъ на друга. Взгляды прояснялись лишь только тогда, когда обращались на пассажирку. Она была въ свѣтломъ высокомъ платьѣ, по обыкновенію любезная, привѣтливая и ослѣпительная. Капитанъ предпочтительно занималъ ее, повторяя старые разсказы, и часто путался. Степанъ Дмитріевичъ, хоть и попрежнему побѣдоносно покручивалъ усы, но казался нѣсколько раздраженнымъ. Баклановъ сидѣлъ съ «разбитымъ сердцемъ», милордъ былъ мраченъ, а кругленькій, чистенькій докторъ, хоть и выручалъ капитана, поддерживая разговоръ съ гостьей, но имѣлъ нѣсколько обиженный видъ огорченнаго кота. Исхудавшій Васенька, сидѣвшій на концѣ стола, поминутно краснѣлъ, бросая робкіе взгляды на пассажирку. Только дѣдушка, механикъ, артиллеристъ Евграфъ Ивановичъ и вихрастый гардемаринъ съ сочными губами ѣли и пили съ обычной исправностью.

— А барометръ все падаетъ, Иванъ Иванычъ,—замѣтилъ въ концѣ обѣда капитанъ.—Какъ бы сегодня не засвѣжѣло!

— Къ тому идетъ-съ. Пожалуй, и не дотянемъ нашего счастливаго плаванія...

— Вотъ, Вѣра Сергѣевна, вы насъ скоро покидаете— и погода намъ измѣнитъ,—любезно промолвилъ капитанъ, умильно взглядывая на пассажирку.—Сегодня и небо ужъ не прежнее... Тучи заходили, и океанъ зашумѣлъ... Сердятся, что мы васъ отпускаемъ.

И только онъ это сказалъ, какъ сверху раздался громкій, взволнованный голосъ Цвѣткова, торопливо и возбужденно командовавшій:

— Брамъ-фалы и марса-фалы отдать! Фокъ, гротъ и бизань на гитовы! Кливера долой!

Въ ту же секунду вбѣжалъ сигнальщикъ.

— Шквалъ, вашескобродіе,—доложилъ онъ капитану.

— Извините, Вѣра Сергѣевна,—вымолвилъ капитанъ и торопливо вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вышли старшій офицеръ и «дѣдушка». Вѣстовые бросились закрывать люкъ.

Видя спокойныя лица оставшихся за столомъ, пассажирка безъ страха, хотя и волнуясь, доканчивала пирожное, какъ вдругъ сверху донесся какой-то потрясающій гулъ, въ каютъ-компаніи потемнѣло, съ грохотомъ покатилась посуда, и молодую женщину бросило на другой конецъ дивана. Клиперъ легъ на бокъ, и пассажирка чувствовала, какъ она вмѣстѣ съ нимъ наклоняется все ниже и ниже.

Силясь улыбнуться, она испуганно посмотрѣла на моряковъ. Баклановъ, докторъ и Васенька подошли къ ней.

— Не пугайтесь, Вѣра Сергѣевна, онъ сейчасъ встанетъ,—успокаивалъ Баклановъ.

— Никакой опасности нѣтъ,—авторитетно проговорилъ юный Васенька.

Но клиперъ не вставалъ! Его кренило все больше и больше... Казалось, вотъ-вотъ онъ сейчасъ опрокинется. Эти секунды были ужасны. Блѣдная, какъ смерть, съ широко открытыми отъ ужаса глазами, пассажирка глядѣла передъ собой. И у всѣхъ лица мгновенно сдѣлались необычайно серьезными. Трепетъ страха застылъ въ глазахъ. Всѣ инстинктивно бросились вонъ изъ каюты.

— Пойдемте,—стараясь казаться спокойнымъ, выговорилъ Баклановъ и повелъ пассажирку наверхъ, поддерживая ея руку. Васенька шелъ за ними. Онъ твердо рѣшилъ, въ случаѣ гибели клипера, спасать пассажирку.

Страшный вихрь разметалъ ея волосы, и они разсыпались по плечамъ. Баклановъ подвелъ ее ко входу въ ка-

питанскую каюту. Тамъ стояла уже испуганная Аннушка и то и дѣло крестилась.

XIII.

Клиперъ между тѣмъ уже поднялся и бѣшено мчался. Паника, охватившая молодую женщину во время этой долгой, безконечной минуты лежанія на боку клипера, поваленнаго жестокимъ шкваломъ,—прошла вмѣстѣ съ мыслью о гибели. Видъ людской толпы бодрилъ пассажирку. Все еще взволнованная отъ только-что испытаннаго ощущенія казавшейся ей близости смерти, она торопливо подобрала свои роскошные волосы и, при помощи Аннушки, завязала въ узелъ. Смышленый Чижиковъ, бывшій во время шквала при Аннушкѣ, догадался принести пассажиркѣ ватеръ-пруфъ и платокъ на голову.

— Одѣньтесь, барыня, не-равно продуетъ.

Между тѣмъ боцманъ, какъ бѣшеный, проревѣлъ: «пошелъ всѣ наверхъ!»—и всѣ бросились на свои мѣста. Баклановъ еще раньше побѣжалъ къ своей фокъ-мачтѣ, а Васенька, не оставлявшій пассажирки, полетѣлъ на мостикъ, гдѣ долженъ былъ находиться при капитанѣ во время аврала. Уходя, онъ сказалъ молодой женщинѣ:

— Видите, никакой опасности нѣтъ. Вы не бойтесь, Вѣра Сергѣевна,—прибавилъ онъ голосомъ, полнымъ нѣжнаго чувства, и съ выраженіемъ необыкновенно серьезной и трогательной заботливости на своемъ юномъ лицѣ. И совсѣмъ заалѣлъ, встрѣтивъ благодарный, ласковый взглядъ пассажирки.

Двѣ женщины остались однѣ.

Пассажирка оглядѣлась. Боже, какъ все перемѣнилось кругомъ! Небо было сплошь усѣяно клочковатыми нависшими тучами, океанъ шумѣлъ, вздымая высокія сѣдыя волны, и сильный вѣтеръ свирѣпо гудѣлъ въ снастяхъ. На оголенныхъ мачтахъ клипера трепыхались разорванные въ клочки громадные марсели, а отъ брамселей оставались одни лоскутки.

На палубѣ и на реяхъ кипѣла работа. Снизу принесли новые марсели и подняли ихъ, взявши предварительно всѣ рифы. Марсовые, покачиваясь на реяхъ, отвязывали разорванные паруса, чтобы потомъ привязать новые. Брамъ-стеньги и брамъ-реи уже были спущены. Раздавались какія-то непонятныя для пассажирки командныя слова старшаго офицера, грозные окрики капитана, и по временамъ

съ бака доносились отчаянныя ругательства боцмановъ, разрѣшившихъ себя отъ долгаго воздержанія. Въ первый разъ пассажиркѣ пришлось увидать морскую жизнь въ ея суровой обстановкѣ и моряковъ за тяжелымъ, полнымъ опасности дѣломъ. А вѣтеръ крѣпчалъ, волны росли, все сильнѣе раскачивая клиперъ. Качались стремительнѣе и матросы вмѣстѣ съ реями, концы которыхъ съ уцѣпившимися на нихъ людьми висѣли надъ водяной бездной.

Капитанъ, стоявшій на мостикѣ, разставивъ свои толстыя ноги, сосредоточенный и серьезный, съ энергичнымъ и суровымъ выраженіемъ на красномъ лицѣ, не имѣлъ теперь ничего общаго съ тѣмъ смѣшнымъ, лебезившимъ ухаживателемъ, говорившимъ пошлыя любезности и приторныя рѣчи, котораго знала пассажирка. И онъ, казалось ей, былъ теперь не прежній уродливый толстякъ, а не лишенный своеобразной красоты «морской волкъ» среди бушующаго океана. И Степанъ Дмитріевичъ, со своимъ комичнымъ самомнѣніемъ о прелести своей персоны, былъ теперь далеко не смѣшонъ, спокойно и увѣренно распоряжавшійся авраломъ и командовавшій тѣмъ авторитетнымъ тономъ знающаго свое дѣло человѣка, который, въ минуты опасности, вселяетъ бодрость и увѣренность въ другихъ. Невольно чувствовалось, что эти люди—вѣрные рыцари долга. И Бакланов точно сбросилъ свое хлыщество и видъ «разбитаго сердца», весь, казалось, проникнутый одной мыслью, чтобы у него поскорѣе перемѣнили форъ-марсель и не отстали отъ гротъ-марса. И «милордъ» не корчилъ «англичанина», а усердно и ретиво наблюдалъ за работой на ютѣ. А гдѣ же Цвѣтковъ?—искала глазами пассажирка и, наконецъ, поднявши взглядъ наверхъ, увидала его, веселаго, румянаго, съ выбившимися изъ-подъ фуражки кудрями, на гротъ-марсѣ, куда полѣзъ онъ, чтобы на мѣстѣ руководить перемѣной гротъ-марселя, и гдѣ матросы, любившіе мичмана и называвшіе его между собой «Володей», веселѣй и спорѣй работали, подбадриваемые его веселыми словами и его жизнерадостнымъ и отважнымъ видомъ...

И никто изъ нихъ не обращалъ теперь на хорошенькую пассажирку никакого вниманія. Точно ея и не было.

«Совсѣмъ они стали другіе»,—подумала пассажирка.

Черезъ полчаса работы были окончены, и клиперъ съ зарифленными марселями бѣжалъ, подгоняемый засвѣжѣвшимъ вѣтромъ, удирая отъ попутной волны.

XIV.

Къ утру слѣдующаго дня въ морѣ «ревѣло». Обѣихъ пассажирокъ укачало, и онѣ отлеживались по своимъ каютамъ. Капитанъ часто навѣдывался къ пассажиркѣ и черезъ закрытую портьеру увѣрялъ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, выражалъ негодованіе на погоду, лишавшую его счастія видѣть очаровательную Вѣру Сергѣевну, и опять говорилъ любезности. Чижиковъ находился безотлучно при пассажиркахъ и ухаживалъ за ними, разгоняя находившій по временамъ на нихъ страхъ своимъ спокойнымъ видомъ и ласково улыбающимися глазами. Онъ каждый день докладывалъ барынѣ, что мичманъ Цвѣтковъ «кланяются и просятъ узнать о здоровьѣ», и передавалъ мичману, что пассажирка велѣла очень благодарить. И за это получалъ отъ мичмана доллары. А Аннушку онъ усердно угощалъ лимонами, развлекалъ болтовней и, пользуясь иногда молчаливымъ ея согласіемъ, чмокалъ въ щеки.

Черезъ три дня клиперъ съ попутнымъ штормомъ влетѣлъ въ Гонконгъ и, бросивъ якорь, недвижно замеръ въ затишьѣ закрытой бухты.

Въ тотъ день, послѣ прощальнаго обѣда, во время котораго пассажиркѣ высказывались самыя горячія пожеланія и самыя пылкія сожалѣнія объ ея отъѣздѣ, — она съѣхала въ городъ и перебралась въ гостиницу въ ожиданіи парохода, уходившаго въ Европу черезъ три дня.

Подстороживъ пассажирку передъ отъѣздомъ одну, Цвѣтковъ просилъ разрѣшенія быть у нея на берегу. Ему необходимо переговорить объ одномъ очень важномъ дѣлѣ. Онъ такъ умоляюще глядѣлъ, и видъ у него былъ такой серьезный и рѣшительный, что пассажирка шепнула: «пріѣзжайте», надѣясь отговорить его отъ «штуки», которую онъ, видимо, собирался выкинуть.

«Да и отчего не повидаться съ этимъ милымъ мичманомъ передъ тѣмъ, какъ разстанемся навсегда?»—подумала «мраморная вдова», чувствуя къ нему невольную благодарность за его сумасшедшую любовь.

Аннушка вышла изъ каюты съ заплаканными глазами, а Чижиковъ съ особенно-серьезнымъ видомъ старательно перетаскивалъ вещи и подавалъ ихъ на шлюпку, и когда шлюпка была готова, подошелъ къ капитану и, осѣненный внезапнымъ вдохновеніемъ, доложилъ:

— Барыня приказала помочь на берегу и вещи доставить. Прикажете ѣхать, вашескобродіе?

Капитанъ махнулъ головой, приказавъ поскорѣе вернуться.

— Есть!—весело отвѣтилъ Чижиковъ и вслѣдъ за пассажирками юркнулъ на носъ катера.

Когда катеръ отвалилъ, съ клипера раздались прощальныя привѣтствія, и съ палубы долго еще махали шапками и платками.

— Ну, слава Богу, уѣхали!—прошепталъ, облегченно вздыхая, «дѣдушка» и бросилъ испытующій взглядъ на озабоченнаго Цвѣткова.

Отвозилъ пассажирку Васенька, который и привезъ ее въ С.-Франциско на клиперъ. Грустный сидѣлъ онъ на рулѣ сзади молодой женщины и безмолвно любовался ею въ послѣдній разъ.

XV.

Подъ вечеръ слѣдующаго дня Цвѣтковъ, одѣтый въ статское лѣтнее пальто, со шлемомъ, обвитымъ кисеей, на головѣ, поднимался съ пристани въ городъ пѣшкомъ, отвергнувъ предложеніе китайцевъ-носильщиковъ снести его въ паланкинѣ. Онъ ходко шелъ, несмотря на жару, занятый пріятными мыслями. За этотъ день онъ сдѣлалъ всѣ приготовленія для осуществленія своего плана: взялъ у ревизора жалованье за мѣсяцъ и заручился согласіемъ артиллериста Евграфа Ивановича дать ему взаймы подъ расписку пятьсотъ долларовъ. «Очень, молъ, нужно». У «милорда» онъ не рѣшался просить: они были въ натянутыхъ отношеніяхъ, да скупой милордъ и не далъ бы. Отказалъ бы и «дѣдушка», догадавшись на что ему нужны деньги. Съ этими капиталами можно пуститься въ путь. Вдобавокъ онъ отсюда пошлетъ бабушкѣ телеграмму, чтобы немедленно выслала въ Суэцъ тысячу рублей. Обожавшая внука старуха, конечно, вышлетъ. Съ капитаномъ разговоръ будетъ коротокъ. Онъ подастъ ему рапортъ о томъ, что желаетъ списаться съ клипера по болѣзни, и на словахъ объяснитъ, что не можетъ больше съ нимъ служить и выносить его вѣчные разносы и придирки. А не то скажетъ, что получилъ телеграмму о смерти бабушки («Дай Богъ доброй старушкѣ здоровья»!), и его не медленно вызываютъ для полученія большого наслѣдства. Тамъ видно будетъ. «Вѣрь, не вѣрь, это твое дѣло!» А

если «толстый боровъ» заартачится, онъ удеретъ и безъ разрѣшенія. Пусть выгонятъ въ отставку. Наплевать! Только бы она разрѣшила ему ѣхать съ ней.

Вотъ и роскошный, громадный «Orientaal Hôtel» съ чуднымъ садомъ по ту сторону гостиницы. Онъ хорошо ее зналъ, проигравши въ одномъ изъ номеровъ 100 долларовъ въ ландскнехтъ Бакланову два года тому назадъ, когда клиперъ шелъ изъ Россіи и простоялъ здѣсь недѣлю.

Онъ подалъ швейцару-индусу въ бѣлой чалмѣ визитную карточку, приказавъ передать ее миссъ Кларкъ (вчера пріѣхала). Темно-бронзовый швейцаръ позвонилъ, и безшумно спустившійся слуга-китаецъ снова пошелъ съ карточкой наверхъ, а Цвѣтковъ вошелъ въ обширный, роскошно убранный, «parlour». Въ полутемной, прохладной комнатѣ, съ опущенными жалюзи, за большимъ столомъ посрединѣ, заваленнымъ газетами и иллюстраціями, сидѣли только двѣ старыя англичанки, которыхъ мичманъ, разумѣется, тотчасъ же мысленно осыпалъ проклятіями, опускаясь на самый отдаленный отъ стола мягкій диванчикъ.

Прошла минута, другая, и молодая женщина вошла въ гостиную. Англичанки подняли головы, пошевелили своими выдавшимися челюстями, оскаливъ большіе бѣлые зубы, и снова погрузились въ чтеніе.

— Пойдемте лучше въ садъ, тамъ будемъ бесѣдовать о важныхъ дѣлахъ,—шутливо промолвила вполголоса молодая женщина послѣ рукопожатій.

— Господи!.. Да какъ же вы сегодня прелестны!—невольно вырвалось у Цвѣткова, и онъ, словно очарованный, благоговѣйно глядѣлъ на Вѣру Сергѣевну, которая дѣйствительно была обворожительна въ своемъ лѣтнемъ свѣтломъ платьѣ съ прозрачными рукавами, сквозь которые сверкали ослѣпительно бѣлыя руки, и казалась совсѣмъ молодой дѣвушкой по своей гибкой изящной фигурѣ и нѣжной свѣжести лица.

— Объ этомъ можно бы и не говорить,—полушутя, полусерьезно возразила она, поправляя въ своей золотистой косѣ пышную ярко-красную розу.—Пойдемте.

Они прямо изъ гостиной вышли въ садъ, сверкавшій яркими цвѣтами съ клумбахъ и роскошью густой листвы тропическихъ деревьевъ. Онъ осмѣлился предложить ей руку, она взяла ее, и они направились въ глубь сада. Мичманъ замиралъ отъ восторга, что идетъ съ ней подъ-руку,

отъ волненія не находилъ словъ и, умиленный, только искоса взглядывалъ на очаровательную блондинку и ступалъ съ боязливой осторожностью, словно боясь, что это счастье вдругъ нарушится.

— Ну, что-жъ вы примолкли, Владиміръ Алексѣичъ? Какія у васъ такія важныя дѣла, разсказывайте,—промолвила молодая женщина и, чувствуя, какъ вздрагиваетъ рука молодого мичмана, поспѣшила опуститься на скамейку, стоявшую въ концѣ аллеи, подъ прохладной тѣнью густолиственнаго тамаринда.—Садитесь, а то жарко ходить!—прибавила она.

Онъ сѣлъ съ видомъ обиженнаго ребенка, у котораго вдругъ отняли игрушку, и сказалъ:

— Не смѣйтесь, Вѣра Сергѣевна!.. То, о чемъ я хочу говорить, для меня очень важно... очень...

И, «волнуясь и спѣша», онъ объявилъ, что положительно не въ состояніи перенести съ ней разлуки. Онъ броситъ клиперъ и поѣдетъ за ней.

— Зачѣмъ? Чего вы хотите? На что вы надѣетесь? Вѣдь я говорила вамъ, что не могу отвѣтить на ваше чувство!..

О, онъ ничего не требуетъ... Онъ только молитъ не прогонять его и позволить ему быть по близости отъ нея, видѣть это божественное лицо, слышать этотъ дивный голосъ... Жизнь безъ нея будетъ однимъ страданіемъ... Онъ убѣдился въ этомъ за тѣ три дня во время шторма, въ которые онъ не видалъ ея... Онъ будетъ ждать годъ, два, цѣлую вѣчность... и когда она убѣдится, что привязанность его глубока и безпредѣльна, тогда, быть-можетъ...

Онъ не смѣлъ докончить и, вдругъ охваченный молодой страстью, съ глазами, блестѣвшими отъ навертывавшихся слезъ, схватилъ эту маленькую ручку и припалъ къ ней, покрывая ее беззвучными поцѣлуями.

И листья тамаринда тихо шелестѣли надъ головой мичмана и словно насмѣшливо шептали: «онъ ничего не требуетъ».

Молодая женщина не отнимала руки. Эти горячіе поцѣлуи среди тишины и прелести тропическаго сада взволновали и эту «мраморную вдову», такъ долго жившую лишь воспоминаніями о прежней любви. И ея замерзшее сердце оттаивало подъ ними, какъ хрупкая льдинка подъ вешнимъ солнышкомъ. Полузакрывъ глаза, она чувствовала, какъ жгучая истома разливается по ея существу, и

въ головѣ ея вдругъ мелькнула мысль: «а что-жъ, пусть ѣдетъ!»

Но въ слѣдующее же мгновеніе явился вопросъ: «Зачѣмъ? Не идти же ей, тридцатилѣтней вдовѣ, за этого юнаго сумасброда. Онъ и она—нищіе. Хороша была бы пара!»

И она, не безъ тайнаго сожалѣнія, высвободила свою горячую руку и замѣтила строгимъ тономъ, подавляя невольный вздохъ:

— Не нервничайте, Владиміръ Алексѣичъ. Ваша любовь скоро пройдетъ. Вспомните, сколько разъ вы клялись въ любви?—прибавила она, припоминая слова «дѣдушки».

Мичманъ виновато опустилъ свою кудрявую голову.

— То была не любовь!—промолвилъ онъ.

— А что же?

— Ерунда!—рѣшительно заявилъ мичманъ.

— И теперешняя будетъ тѣмъ же,—улыбнулась Вѣра Сергѣевна.

— Неправда! — горячо возразилъ Цвѣтковъ. — Хотите, сейчасъ докажу?..

— Нѣтъ, не надо... Вѣрю... вѣрю,—испуганно прошептала молодая женщина.

— Такъ умоляю васъ, позвольте мнѣ ѣхать!..

— Образумьтесь, Владиміръ Алексѣичъ!.. Ваша служба... карьера.

Мичманъ горько усмѣхнулся.

Онъ готовъ былъ броситься за нее въ океанъ, а она говоритъ о службѣ, о карьерѣ...

— Но я не допущу этого безумія. Я не хочу, чтобы вы ѣхали, слышите ли?

Мичманъ мрачно опустилъ голову.

— А я все-таки поѣду,—рѣшительно сказалъ онъ.—Я не могу. Я не подойду къ вамъ, если вы запрещаете, но издали буду смотрѣть на васъ... А это развѣ не счастье!—воскликнулъ онъ.

«Господи! Что ей дѣлать съ этимъ сумасшедшимъ!»—подумала молодая женщина и рѣшилась прибѣгнуть къ хитрости.

— Послушайте, Владиміръ Алексѣевичъ, я вижу, что вы серьезно любите, но потребую отъ васъ испытанія...

— Какого хотите...

— Подождите шесть мѣсяцевъ... Это не долгій срокъ... Мы будемъ переписываться. И если вы будете такъ же любить меня, то тогда...

— Что тогда?—воскликнулъ просіявшій мичманъ.

— Тогда являйтесь ко мнѣ и... я посмотрю... Быть-можетъ, я соглашусь за васъ выйти замужъ.

— О, Господи...Такое счастье!

И мичманъ, не помня себя отъ восторга, въ знакъ благодарности, бросился цѣловать руки. И пассажирка позволила ему выражать свою благодарность такимъ образомъ. Вѣдь они скоро навсегда разстанутся! Они просидѣли еще нѣсколько времени. Онъ говорилъ ей о своихъ будущихъ планахъ, о томъ, какъ будутъ они жить вдвоемъ, шепталъ о своей любви и снова цѣловалъ руки, снова говорилъ и опять цѣловалъ... А «мраморная вдова» слушала этотъ влюбленный лепетъ съ тайной радостью, и когда опустились сумерки, ей все не хотѣлось уходить...

«Вѣдь мы видимся въ послѣдній разъ!.. Онъ завтра уходитъ въ море...»

Часы гдѣ-то пробили десять, а они все еще сидѣли, и рука ея была въ рукѣ мичмана.

— Пора,—прошептала, наконецъ, она, вставая.—Прощайте, милый юноша!..

И съ этими словами вдругъ обвила его шею и прильнула къ его губамъ.

— Теперь идите,—почти гнѣвно шепнула она, отталкивая мичмана...—Вотъ вамъ на память... Пишите!..

Она выдернула изъ волосъ розу и подала ее Цвѣткову.

Трепещущій отъ счастья, онъ прижалъ розу къ губамъ и прошепталъ:

— Такъ черезъ шесть мѣсяцевъ...

— Черезъ шесть... Уходите... Уходите... Прошу васъ...

Онъ ушелъ, поминутно оборачиваясь, чтобы взглянуть на бѣлѣющую въ темнотѣ фигуру, медленно слѣдовавшую за нимъ.

Вернулся онъ на клиперъ въ одиннадцатомъ часу, чувствуя себя такимъ счастливымъ, какъ никогда, и бережно спряталъ розу въ шифоньерку.

— Что, братъ Егорка, вѣдь хорошо, а?—неожиданно обратился онъ къ вошедшему Егоркѣ.

— Точно такъ, ваше благородіе!.. Ужинать не угодно ли?

— Ужинать!? Кто нынче ужинаетъ?..

Егорка сперва подумалъ, что баринъ спятилъ съ ума, а потомъ рѣшилъ, что видно они съ пассажиркой «договорились», наконецъ, на берегу.

Цвѣтковъ заглянулъ въ каютъ-компанію. Тамъ, кромѣ Ивана Ивановича да отца Евгенія, никого не было. Всѣ были на берегу.

Увидавши счастливое, радостное лицо мичмана, «дѣдушка» недовольно крякнулъ и рѣшилъ, что пассажирка его обманула, обѣщаясь уговорить своего сумасшедшаго поклонника.

«Вѣрно позволила ему ѣхать за ней»,—съ тревогой подумалъ онъ, прослышавъ отъ Евграфа Ивановича, что Цвѣтковъ у него беретъ 500 долларовъ.

— Что такъ рано съ берега, Владиміръ Алексѣичъ?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Да нечего дѣлать на берегу...

— А наши всѣ закатились въ театръ, а оттуда ужинать и, конечно, съ дамочками...

— И пусть себѣ. Не завидую.

И Цвѣтковъ скоро ушелъ въ свою каюту, чувствуя потребность быть одному, и сталъ строчить горячее посланіе къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ.

Когда на другой день клиперъ ушелъ въ море, слѣдуя, по телеграфному предписанію адмирала, въ Калькутту, и «дѣдушка» увидалъ, что Цвѣтковъ веселъ и счастливъ, какъ вчера, старый штурманъ окончательно сталъ втупикъ.

— Провела его, вѣрно, лукавая бабенка,—рѣшилъ онъ, искренно радуясь за мичмана.

XVI.

Съ отъѣздомъ пассажирки съ клипера и послѣ побывки гг. офицеровъ на берегу, въ каютъ-компаніи попрежнему скоро воцарилось согласіе. Ни у кого не являлось мысли кому-нибудь «запалить въ морду», на клиперѣ не разило духами и помадой, и боцмана да гг. офицеры не стѣснялись уснащать командныя слова вдохновенной «морской» импровизаціей. Капитанъ снова ходилъ въ засаленномъ сюртукѣ, спалъ и ругался отлично, похудѣть не желалъ, и жидкія косички супруги больше не безпокоили его воображенія. Онъ не придирался безъ толку къ офицерамъ, и Цвѣтковъ снова сталъ его любимцемъ. Степанъ Дмитріевичъ остался при старомъ мнѣніи, что пассажирка, хоть и недурна собой, но «глупая женщина», а «милордъ» снова сталъ цѣдить, что въ ней нѣтъ «ни-че-го осо-бен-на-го», и писалъ длиннѣйшія письма къ своей невѣстѣ. Бакла

новъ, кажется, починилъ свое «разбитое сердце» за ужиномъ съ наѣздницей изъ цирка въ Гонконгѣ, а докторъ пересталъ проповѣдывать о разводѣ. Одинъ только Васенька иногда мечталъ передъ сномъ о божественной пассажиркѣ.

А Цвѣтковъ?

Въ первое время онъ ежедневно строчилъ ей нѣчто въ родѣ письма-дневника. Тамъ были и проза, и стихи. Сначала болѣе стиховъ, а потомъ прозы. Изъ Калькутты онъ послалъ это письмо-монстръ, деликатно зафранкировавши его, и просилъ отвѣчать въ Мельбурнъ. Тамъ онъ письма не получилъ и съ горя отправился на балъ къ губернатору, гдѣ много танцовалъ съ одной хорошенькой англичанкой, женой адвоката. Онъ находилъ ее чертовски прелестной и часто бывалъ у нея, но однако воздержался отъ признанія, имѣя на совѣсти воспоминаніе о поцѣлуѣ въ саду «Oriental Hôtel'я» въ Гонконгѣ. Изъ Мельбурна онъ снова написалъ, но уже не письмо-монстръ, и упрекалъ Вѣру Сергѣевну въ молчаніи. И когда въ Шанхаѣ мичманъ получилъ письмо отъ пассажирки, пересланное изъ Мельбурна, оно показалось ему короткимъ и недостаточно горячимъ... Еще бы! Онъ ей писалъ на 10 листкахъ, а она всего на двухъ!.. Правда, въ этихъ листкахъ слышалось дружеское чувство и какъ будто даже что-то бо̀льшее, но вѣдь бумага не то, что хорошенькое личико. Онъ отвѣтилъ на это письмо и опять говорилъ о любви, а потомъ... потомъ... новыя встрѣчи... новыя увлеченія...

Нужно ли прибавлять, что когда черезъ годъ (а не черезъ шесть мѣсяцевъ) клиперъ вернулся въ Россію, легкомысленный мичманъ не явился къ очаровательной пассажиркѣ.

Но засохшая роза хранится у него до сихъ поръ, напоминая давно прошедшую молодость.

УЖАСНЫЙ ДЕНЬ.

I.

Весь черный, съ блестящей золотой полоской вокругъ, необыкновенно стройный, изящный и красивый со своими чуть-чуть наклоненными назадъ тремя высокими мачтами,—военный четырехпушечный клиперъ «Ястребъ» въ это хмурое, тоскливое и холодное утро пятнадцатаго ноября 186* года одиноко стоялъ на двухъ якоряхъ въ пустынной Дуйской бухтѣ непривѣтнаго острова Сахалина. Благодаря зыби, клиперъ тихо и равномѣрно покачивался, то поклевывая острымъ носомъ и купая штаги въ водѣ, то опускаясь подзоромъ своей круглой кормы.

«Ястребъ», находившійся уже второй годъ въ кругосвѣтномъ плаваніи, послѣ посѣщенія нашихъ, почти безлюдныхъ въ то время, портовъ Приморской Области, зашелъ на Сахалинъ, чтобъ запастись даровымъ углемъ, добытымъ ссыльно-каторжными, недавно переведенными въ Дуйскій постъ изъ остроговъ Сибири, и идти затѣмъ въ Нагасаки, а оттуда—въ Санъ-Франциско на соединеніе съ эскадрой Тихаго океана.

Въ этотъ памятный день погода стояла сырая, съ какимъ-то пронизывающимъ холодомъ, заставлявшимъ вахтенныхъ матросовъ ежиться въ своихъ короткихъ бушлатахъ и дождевикахъ, а подвахтенныхъ—чаще подбѣгать къ камбузу погрѣться. Шелъ мелкій, частый дождикъ, и сѣрая мгла заволакивала берегъ. Оттуда доносился только однообразный характерный гулъ буруновъ, перекатывающихся черезъ отмели и гряды подводныхъ камней въ глубинѣ бухты. Вѣтеръ, неособенно свѣжій, дулъ прямо съ моря, и на совершенно открытомъ рейдѣ ходила порядочная зыбь, мѣшавшая, къ общему неудовольствію, быстрой выгрузкѣ угля изъ двухъ большихъ, неуклюжихъ допотопныхъ лодокъ, которыя трепались и подпрыгивали, привязанныя у борта клипера, пугая

«крупу», какъ называли матросы линейныхъ солдатиковъ, пріѣхавшихъ съ берега на лодкахъ.

Съ обычной на военныхъ судахъ торжественностью, на «Ястребѣ» только-что подняли флагъ и гюйсъ, и съ восьми часовъ на клиперѣ начался судовой день. Всѣ офицеры, выходившіе къ подъему флага наверхъ, спустились въ каютъ-компанію пить чай. На мостикѣ только оставались, закутанные въ дождевики: капитанъ, старшій офицеръ и вахтенный начальникъ, вступившій на вахту.

— Позвольте отпустить вторую вахту въ баню?—спросилъ старшій офицеръ, подходя къ капитану.—Первая вахта вчера ѣздила... Второй будетъ обидно... Я ужъ обѣщалъ... Матросамъ баня—праздникъ.

— Что-жъ, отпустите. Только пусть скорѣе возвращаются назадъ. Послѣ нагрузки мы снимемся съ якоря. Надѣюсь, сегодня кончимъ?

— Къ четыремъ часамъ надо кончить.

— Въ четыре часа я во всякомъ случаѣ ухожу,—спокойно и въ то же время увѣренно и властно проговорилъ капитанъ.—И то мы промѣшкались въ этой дырѣ!—прибавилъ онъ недовольнымъ тономъ, указывая своей бѣлой, выхоленной, маленькой рукой по направленію къ берегу.

Онъ откинулъ капишонъ дождевика съ головы, открывъ молодое и красивое лицо, полное энергіи и выраженія спокойной увѣренности стойкаго и отважнаго человѣка, и, слегка прищуривъ свои сѣрые, лучистые и мягкіе глаза, съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался впередъ, въ туманную даль открытаго моря, гдѣ бѣлѣли сѣдые гребни волнъ. Вѣтеръ трепалъ его свѣтло-русые бакенбарды, и дождь хлесталъ прямо въ лицо. Нѣсколько секундъ не спускалъ онъ глазъ съ моря, точно стараясь угадать: не собирается ли оно разбушеваться, и, казалось, успокоенный, поднялъ глаза на нависшія тучи и потомъ прислушался къ гулу буруновъ, шумѣвшихъ за кормой.

— За якорнымъ канатомъ хорошенько слѣдите. Здѣсь подлый грунтъ, каменистый,—сказалъ онъ вахтенному начальнику.

— Есть!—коротко и весело отрѣзалъ молодой лейтенантъ Чирковъ, прикладывая руку къ полямъ зюйдъ-вестки и видимо щеголяя служебной аффектаціей хорошаго подчиненнаго, и своимъ красивымъ баритономъ, и своимъ внѣшнимъ видомъ заправскаго моряка.

— Сколько вытравлено цѣпи?

— Десять саженъ каждаго якоря.

Капитанъ двинулся-было съ мостика, но остановился и еще разъ повторилъ, обращаясь къ плотной и приземистой фигурѣ старшаго офицера:

— Такъ ужъ пожалуйста, Николай Николаичъ, чтобы баркасъ вернулся какъ можно скорѣй... Барометръ пока хорошо стоитъ, но, того и гляди, можетъ засвѣжѣть. Вѣтеръ прямо въ лобъ, баркасу и не выгрести.

— Къ одиннадцати часамъ баркасъ вернется, Алексѣй Петровичъ.

— Кто поѣдетъ съ командой?

— Мичманъ Ныркoвъ.

— Скажите ему, чтобъ немедленно возвращался на клиперъ, если начнетъ свѣжѣть.

Съ этими словами капитанъ сошелъ съ мостика и спустился въ свою большую, комфортабельную капитанскую каюту. Проворный вѣстовой принялъ у входа дождевикъ, и капитанъ присѣлъ у круглаго стола, на которомъ ужъ былъ поданъ кофе и стояли свѣжія булки и масло.

Старшій офицеръ, ближайшій помощникъ капитана, такъ сказать, «хозяйскій глазъ» судна и верховный жрецъ культа порядка и чистоты, по обыкновенію, поднявшись вмѣстѣ съ матросами, съ пяти часовъ утра носился по клиперу во время обычной его утренней уборки и торопился теперь выпить поскорѣе стаканъ-другой горячаго чаю, чтобы затѣмъ снова выбѣжать наверхъ и потарапливать выгрузкой угля. Отдавши вахтенному офицеру приказаніе собрать вторую вахту на берегъ, приготовить баркасъ и дать ему знать, когда люди будутъ готовы, онъ торопливо сбѣжалъ съ мостика и спустился въ каютъ-компанію.

Тѣмъ временемъ къ мостику подбѣжалъ вызванный боцманъ Никитинъ или Егоръ Митричъ, какъ почтительно звали его матросы. Приложивъ растопыренные засмоленные пальцы своей здоровенной, мозолистой и шаршавой руки къ сбитой на затылокъ намокшей шапкѣ, онъ внимательно выслушивалъ приказаніе вахтеннаго офицера.

Это былъ коренастый и крѣпкій, небольшого роста, сутуловатый пожилой человѣкъ самаго свирѣпаго вида: съ заросшимъ волосами некрасивымъ рябымъ лицомъ, съ коротко подстриженными щетинистыми, колючими усами и съ выкаченными, какъ у рака, глазами, надъ которыми торчали черные взъерошенные клочья. Перешибленный

еще давно марсафаломъ носъ напоминалъ темно-красную сливу. Въ правомъ ухѣ у боцмана блестѣла мѣдная сережка.

Несмотря однако на такую свирѣпую наружность и на самое отчаянное сквернословіе, которымъ боцманъ приправлялъ и свои обращенія къ матросамъ, и свои монологи подъ пьяную руку на берегу, Егоръ Митричъ былъ простодушнѣйшимъ и кроткимъ существомъ, съ золотымъ сердцемъ, и притомъ лихимъ, знающимъ свое дѣло до тонкости, боцманомъ. Онъ никогда не обижалъ матросовъ—ни онъ, ни матросы не считали, конечно, обидой его ругательныхъ импровизацій. Самъ прежде выученный битьемъ, онъ однако не дрался и всегда былъ представителемъ и защитникомъ матросовъ. Нечего и прибавлять, что простой и не заносчивый Егоръ Митричъ пользовался среди команды уваженіемъ и любовью.

«Правильный человѣкъ Егоръ Митричъ»,—говорили про него матросы.

Выслушавъ приказаніе вахтеннаго лейтенанта, боцманъ вприпрыжку понесся на бакъ и, вынувъ изъ кармана штановъ висѣвшую на длинной мѣдной цѣпочкѣ такую же дудку, засвисталъ въ нее соловьемъ. Свистъ былъ энергичный и веселый и словно бы предупреждалъ о радостномъ извѣстіи. Отсвиставъ и продѣлавъ трели съ мастерствомъ заправскаго боцмана, свиставшаго въ дудку половину своей долгой морской службы, онъ нагнулся надъ люкомъ въ жилую палубу и, разставивъ фертомъ свои цѣпкія, слегка кривыя, короткія ноги, весело зыкнулъ во всю силу своего могучаго голоса, нѣсколько осипшаго и отъ береговыхъ попоекъ, и отъ ругани:

— Вторая вахта въ баню! Баркасные на баркасъ!

Вслѣдъ за громовымъ окрикомъ, боцманъ сбѣжалъ по трапу внизъ и обходилъ жилую палубу и кубрикъ, повторяя команду и разсыпая направо и налѣво подбодряющія, энергическія словечки самымъ веселымъ и добродушнымъ тономъ:

— Живо, сучьи дѣти!.. Поворачивайтесь по-матросски, черти!.. Не копайся, идолы! Небойсь, долго париться не дадутъ... Къ одиннадцати чтобы безпремѣнно на клиперъ... Въ одинъ секундъ собирайся, ребята!

Замѣтивъ молодого матросика, который и послѣ свистка не трогался съ мѣста, Егоръ Митричъ крикнулъ, стараясь придать своему голосу сердитый тонъ:

— А ты, Конопаткинъ, что разсѣлся ровно собачья мамзель, а? Ай въ баню не хочешь, песья твоя душа?

— Иду, Егоръ Митричъ,—проговорилъ, улыбаясь, матросикъ.

— То-то иду. Собирай свои потроха... Да не ползи какъ вошь по мокрому мѣсту!—разсыпалъ Егоръ Митричъ перлы своего остроумія при общемъ одобрительномъ смѣхѣ.

— А скоро уходимъ отсюдова, Егоръ Митричъ?—остановилъ боцмана писарь.

— Надо быть, сегодня...

— Скорѣй бы уйти. Какъ есть подлое мѣсто. Никакихъ развлеченіевъ...

— Собачье мѣсто... Не даромъ здѣсь безсчастные люди живутъ!.. Вали, вали, братцы!—продолжалъ покрикивать боцманъ, сдабривая свои окрики самыми неожиданными импровизаціями.

Веселые и довольные, что придется попариться въ банѣ, въ которой не были уже полтора года, матросы, и безъ понуканій своего любимца, Егора Митрича, торопливо доставали изъ своихъ парусинныхъ мѣшковъ по смѣнѣ чистаго бѣлья, запасались мыломъ и кусками нащипанной пеньки, обмѣниваясь замѣчаніями насчетъ предстоящаго удовольствія.

— По крайности, матушку Рассею вспомнимъ, братцы. Съ самаго Кронштадта не парились.

— То-то въ заграницѣ нѣтъ нигдѣ бань, однѣ ванныи. Кажется, и башковатые люди въ заграницѣ живутъ, а поди-жъ ты!—не безъ чувства сожалѣнія къ иностранцамъ,—замѣтилъ пожилой баковый матросъ.

— Такъ-таки и нигдѣ?—спросилъ молодой чернявый матросикъ.

— Нигдѣ. Безъ бань живутъ, чудные. Вездѣ у нихъ ванныи.

— Эти ванныи, чтобъ имъ пусто было!—вставилъ одинъ изъ матросовъ.—Я ходилъ въ Брестѣ въ эту самую ванную. Одна слава, что мытье, а форменнаго мытья нѣту.

— А хороша здѣсь, братцы, баня?

— Хорошая,—отвѣчалъ матросъ, бывшій вчера на берегу.—Настоящая жаркая баня. Линейные солдатики строили; тоже, значитъ, россійскіе люди. Имъ да вотъ этимъ самимъ несчастнымъ, что роютъ уголь, только и утѣха одна, что баня...

— Да, вовсе здѣсь тяжкое житье...

— И командеръ ихней, сказывали, звѣрь.

— Одно слово—каторжное мѣсто... И ни тебѣ кабака, ни тебѣ бабы!

— Одна завалящая варначка какая-то есть старая... Наши видѣли...

— Увидишь и ты, небойсь!—проговорилъ, смѣясь, подошедшій Егоръ Митричъ.—Не съ лица воду пить! Живо, живо... Выползай, кто готовъ... Нечего-то лясы точить, чтобъ васъ!

Матросы выходили одинъ за другимъ на верхъ съ узелками подъ буршлатами и выстраивались на шканцахъ. Вышелъ старшій офицеръ и, снова повторивъ мичману Ныркову приказаніе быть къ одиннадцати часамъ на клиперѣ, велѣлъ сажать людей на баркасъ, который уже покачивался у лѣваго борта съ поставленными мачтами.

Матросы весело спускались по веревочному трапу, прыгали въ шлюпку и разсаживались по банкамъ. Старшій офицеръ наблюдалъ за посадкой.

Минутъ черезъ пять баркасъ, полный людьми, съ поставленными парусами, отвалилъ отъ борта, съ мичманомъ Нырковымъ на рулѣ, понесся стрѣлой съ попутнымъ вѣтромъ и скоро скрылся въ туманной мглѣ, все еще окутывавшей берегъ.

II.

Въ каютъ-компаніи всѣ были въ сборѣ за большимъ столомъ, покрытымъ бѣлоснѣжной скатертью. Двѣ горки свѣжихъ булокъ, издѣлія офицерскаго «кока» (повара), масло, лимоны, графинчикъ съ коньякомъ и даже сливки красовались на столѣ, свидѣтельствуя о хозяйственныхъ талантахъ и запасливости содержателя каютъ-компаніи, молодого доктора Платона Васильевича, выбраннаго на эту хлопотливую должность во второй разъ. Только-что истопленная желѣзная печка позволяла всѣмъ сидѣть безъ пальто. Пили чай и болтали, поругивая, главнымъ образомъ, проклятый Сахалинъ, куда судьба занесла клиперъ. Ругали и открытый рейдъ съ его зыбью, и собачью погоду, и мѣстность, и холодъ, и медленную грузку угля. Всѣмъ, начиная со старшаго офицера и кончая самымъ юнымъ членомъ каютъ-компаніи, только-что произведеннымъ въ мичмана, румянымъ и свѣжимъ, какъ яблочко, Арефьевымъ, эта стоянка въ Дуэ была очень непріятна. Подобный «берегъ» не манилъ къ себѣ моряковъ. Да и что

могло манить?... Непривѣтенъ былъ этотъ несчастный поселокъ на оголенномъ юру бухты, съ унылымъ лѣсомъ сзади безъ конца, съ нѣсколькими казармами мрачнаго вида, въ которыхъ жили пятьдесятъ человѣкъ ссыльно-каторжныхъ, выходившихъ съ утра на добычу угля въ устроенную вблизи шахту, да полурота солдатъ линейнаго сибирскаго батальона.

Когда старшій офицеръ объявилъ въ каютъ-компаніи, что сегодня «Ястребъ» непремѣнно уйдетъ въ четыре часа, хотя бы и не весь уголь былъ принятъ, всѣ по этому случаю выражали свою радость. Молодые офицеры вновь замечтали вслухъ о Санъ-Франциско и о томъ, какъ они тамъ «протрутъ денежки». Деньги, слава Богу, были! Въ эти полтора мѣсяца плаванія съ заходами въ разныя дыры нашего побережья на Дальнемъ Востокѣ, при всемъ желаніи, некуда было истратить денегъ, а впереди еще недѣли три-четыре до Санъ-Франциско—смотришь, и можно спустить все трехмѣсячное содержаніе, а при случаѣ и прихватить впередъ... Послѣ адской скуки всѣхъ этихъ «собачьихъ дыръ», морякамъ хотѣлось настоящаго «берега». Мечтали о хорошемъ портѣ со всѣми его удовольствіями, только, разумѣется, не вслухъ, и такіе солидные люди, какъ старшій офицеръ, Николай Николаевичъ, вообще рѣдко съѣзжавшій на берегъ, а если и съѣзжавшій, то на самое короткое время, чтобъ «освѣжиться», и старшій механикъ, и даже отецъ Спиридоній. Всѣ они съ видимымъ вниманіемъ слушали, когда Сниткинъ, полный лейтенантъ, съ сочными, пухлыми губами и маленькими глазками, всегда веселый и добродушный, немножко враль и балагуръ, разсказывалъ о прелестяхъ Санъ-Франциско, въ которомъ онъ былъ въ первое свое кругосвѣтное плаваніе, и съ неумѣренною восторженностью, свойственною, кажется, однимъ морякамъ, восхвалялъ красоту и прелесть американокъ.

— Ужъ развѣ такъ хороши?—спросилъ кто-то.

— Прелесть!— отвѣтилъ Сниткинъ и въ доказательство поцѣловалъ даже свои толстые пальцы.

— Помните, Василій Васильичъ, вы и малаекъ намъ нахваливали. Говорили, что очень не дурны собой,—замѣтилъ одинъ изъ мичмановъ.

— Ну и что же? Онѣ въ своемъ родѣ не дурны, эти черномазыя дамы,—со смѣхомъ отвѣчалъ лейтенантъ Сниткинъ, не особенно разборчивый, повидимому, къ цвѣту

кожи прекраснаго пола.—Все, батюшка, зависитъ отъ точки зрѣнія и обстоятельствъ, въ которыхъ находится злополучный морякъ... Ха-ха-ха!

— При всякихъ обстоятельствахъ ваши хваленыя малайки—мерзость!

— Ишь какой эстетикъ, скажите пожалуйста! И однако, несмотря на всю свою эстетику, въ Камчаткѣ вы влюбились въ предсѣдательшу и все разспрашивали ее, какъ маринуютъ бруснику и морошку... А вѣдь этой дамѣ всѣ сорокъ и, главное, она—форменный сапогъ... Хуже всякой малайки...

— Ну, положимъ,—сконфуженно пролепеталъ мичманъ.

— Да ужъ какъ тамъ ни полагайте, голубчикъ, а—сапогъ... Одна бородавка на носу чего стоитъ... И тѣмъ не менѣе вы ей романсы пѣли... Значитъ, такая точка зрѣнія была...

— Вовсе не пѣлъ,—защищался юный мичманъ.

— А помните, господа, какъ всѣ мы тогда изъ Камчатки съ вареньемъ ушли?—воскликнулъ кто-то изъ мичмановъ.

Раздался общій взрывъ веселаго смѣха. Снова вспомнили, какъ послѣ трехдневной стоянки «Ястреба» въ Петропавловскѣ, въ Камчаткѣ,—стоянки, взбудоражившей всѣхъ шесть дамъ мѣстной интеллигенціи и заставившей ихъ на время примириться, забывъ вражду, чтобы устроить балъ для рѣдкихъ гостей,—каждый изъ молодыхъ офицеровъ клипера, вечеромъ въ день ухода изъ Камчатки, вносилъ въ каютъ-компанію по банкѣ варенья и ставилъ ее на столъ съ скромно торжествующей улыбкой. И то-то было сперва изумленія и потомъ смѣха, когда выяснилось, что всѣ эти восемь банокъ варенья, преимущественно морошки, были подаркомъ одной и той же тридцатилѣтней дамы, считавшейся первой красавицей среди шести камчатскихъ дамъ. А между тѣмъ каждый, получившій «на память» по банкѣ варенья, считалъ себя единственнымъ счастливцемъ, удостоившимся такого особеннаго вниманія.

— Всѣхъ обморочила лукавая бабенка! — восклицалъ Сниткинъ.—«Вамъ, говоритъ, одному варенье на память!» И руки жала, и.. ха-ха-ха... Ловко! По крайней мѣрѣ, никому не обидно!

Послѣ нѣсколькихъ стакановъ чая и многихъ выкуренныхъ папиросъ, старшему офицеру видимо не хотѣлось разставаться со своимъ почтеннымъ мѣстомъ на мягкомъ

диванѣ въ теплой и уютной каютъ-компаніи, особенно въ виду оживленныхъ разсказовъ о Санъ-Франциско, напомнившихъ Николаю Николаевичу, этому мученику своихъ тяжелыхъ обязанностей старшаго офицера, что и ему ничто человѣческое не чуждо. Но, рабъ долга и педантъ, какъ и бо́льшая часть старшихъ офицеровъ, любившій вдобавокъ напустить на себя видъ человѣка, которому нѣтъ ни минуты покоя, и который—полюбуйтесь!—за всѣмъ долженъ присмотрѣть и за все отвѣчать, онъ хоть и сдѣлалъ кислую гримасу, вспомнивъ, какая на верху пакость, тѣмъ не менѣе рѣшительно поднялся съ дивана и крикнулъ вѣстовому:

— Пальто и дождевикъ!

— Куда вы, Николай Николаичъ?—спросилъ докторъ.

— Странный вопросъ, докторъ,—отвѣчалъ какъ будто даже обиженно старшій офицеръ.—Точно вы не знаете, что уголь грузятъ...

И старшій офицеръ пошелъ на верхъ «присматривать» и мокнуть, хотя и безъ его присутствія выгрузка шла своимъ порядкомъ. Но Николай Николаичъ все-таки торчалъ на верху и мокъ, словно бы въ пику кому-то и въ доказательство, сколь онъ претерпѣваетъ.

Въ каютъ-компаніи продолжалась веселая болтовня моряковъ, еще не надоѣвшихъ другъ другу до тошноты, что случается на очень длинныхъ переходахъ, когда нѣтъ новыхъ впечатлѣній извнѣ. Мичмана разспрашивали лейтенанта Сниткина о Санъ-Франциско, кто-то разсказывалъ анекдоты о «безпокойномъ адмиралѣ». Всѣ были веселы и безпечны.

Одинъ только Лаврентій Ивановичъ, старшій штурманъ клипера, не принималъ участія въ разговорѣ и посасывалъ свою манилку, постукивая сморщенными, костлявыми пальцами по столу далеко не съ тѣмъ добродушно-спокойнымъ видомъ, съ какимъ онъ это дѣлалъ, когда «Ястребъ» былъ въ открытомъ океанѣ или стоялъ на якорѣ на хорошемъ, защищенномъ рейдѣ. Вдобавокъ, Лаврентій Ивановичъ не мурлыкалъ, по обыкновенію, себѣ подъ носъ излюбленнаго имъ мотива какого-то старинаго романса, и это молчаніе тоже кое-что значило.

Это былъ сухощавый, средняго роста человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, съ открытымъ, располагающимъ, еще свѣжимъ лицомъ, добросовѣстный и педантичный до щепетильности служака, давно уже примирившійся со своимъ,

вѣчно подневольнымъ, положеніемъ штурмана и скромной карьерой и не злобствовавшій, по обычаю штурмановъ, на флотскихъ. Посѣдѣвшій на морѣ, на которомъ провелъ бо́льшую часть своей одинокой, холостой жизни, онъ пріобрѣлъ на немъ вмѣстѣ съ богатымъ опытомъ, закалкой характера и ревматизмомъ еще и то, нѣсколько суевѣрное, почтительно-осторожное отношеніе къ хорошо знакомому ему морю, которое дѣлало Лаврентія Ивановича весьма недовѣрчивымъ и подозрительнымъ къ коварной стихіи, показывавшей ему, во время долгихъ плаваній, всякіе виды.

Видимо чѣмъ-то озабоченный, онъ то и дѣло выходилъ изъ каютъ-компаніи на верхъ, поднимался на мостикъ и долгимъ, недовѣрчивымъ взглядомъ своихъ маленькихъ, зоркихъ, какъ у коршуна, глазъ глядѣлъ на море и озирался вокругъ. Туманная мгла, закрывавшая берегъ, разсѣялась, и можно было ясно видѣть сѣдые буруны, грохотавшіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ бухты, въ значительномъ отдаленіи отъ клипера. Поглядывалъ старый штурманъ и на надувшійся вымпелъ, не измѣнившій своего направленія, указывающаго, что вѣтеръ прямо, какъ говорятъ моряки, «въ лобъ», и на небо, на свинцовомъ фонѣ котораго начинали прорѣзываться голубые кружки.

— Дождь-то, слава Богу, перестаетъ, Лаврентій Иванычъ,—весело замѣтилъ вахтенный лейтенантъ Чирковъ.

— Да, перестаетъ.

Въ мягкомъ, пріятномъ баскѣ стараго штурмана не слышно было довольной нотки. Напротивъ, то обстоятельство, что дождь перестаетъ, казалось, не особенно нравилось Лаврентію Ивановичу. И словно бы не довѣряя своимъ зоркимъ глазамъ, онъ снялъ съ поручней большой морской бинокль и снова впился въ почернѣвшую даль. Нѣсколько минутъ разглядывалъ онъ мрачныя, нависшія надъ краемъ моря, тучи, и, положивъ на мѣсто бинокль, потянулъ носомъ, точно собака, воздухъ и покачалъ раздумчиво головой.

— Что это вы, Лаврентій Иванычъ, все посматриваете?.. Мы, кажется, не проходимъ опасныхъ мѣстъ? — шутливо спросилъ Чирковъ, подходя къ штурману.

— Не нравится мнѣ горизонтъ-съ! — отрѣзалъ старый штурманъ.

— А что?

— Какъ бы въ скорости не засвѣжѣло.

— Эка бѣда, если и засвѣжѣетъ!—хвастливо проговорилъ молодой человѣкъ.

— Очень даже бѣда-съ!!—внушительно и серьезно замѣтилъ старшій штурманъ. — Этотъ свирѣпый нордъ-вестъ коли зареветъ во всю, то надолго, и ужъ тогда не выпуститъ насъ отсюда... А я предпочелъ бы штормовать въ открытомъ морѣ, чѣмъ здѣсь, на этомъ подлецѣ-рейдѣ. Да-съ!

— Чего намъ бояться. У насъ — машина. Разведемъ пары, въ помощь якорямъ, и шутя отстоимся!—самоувѣренно воскликнулъ Чирковъ.

Лаврентій Ивановичъ посмотрѣлъ на молодого человѣка съ снисходительной улыбкой стараго, бывалаго человѣка, слушающаго хвастливаго ребенка.

— Вы думаете «шутя»? — протянулъ онъ, усмѣхнувшись.—Напрасно! Вы, батенька, не знаете, что это за подлый нордъ-вестъ, а я его знаю. Лѣтъ десять тому назадъ, я стоялъ здѣсь на шкунѣ... Слава Богу, во-время убрались, а то бы...

Онъ не докончилъ фразы, боясь, какъ всѣ суевѣрные люди, даже упоминать о возможности несчастія, и, помолчавъ, замѣтилъ:

— Положимъ, машина, а все бы лучше по добру, по здорову въ морѣ! Ну его къ чорту, уголь! Въ Нагасаки можемъ добрать. Эта хитрая каналья нордъ-вестъ сразу набрасывается, какъ бѣшеный. А ужъ какъ онъ разсвирѣпѣетъ до шторма, тогда уходить поздно.

— Ужъ вы всегда, Лаврентій Иванычъ, вездѣ страхи видите.

— Въ ваши годы и я ихъ не видалъ... Все, молъ, трынъ-трава... На все наплевать, ничего не боялся... Ну, а какъ побывалъ въ передѣлкахъ, состарившись въ морѣ, такъ и вижу... Знаете ли пословицу: «береженаго и Богъ бережетъ».

— Что-жъ вы капитану не скажете?

— Что мнѣ ему говорить? Онъ и самъ долженъ знать, каково здѣсь отстаиваться въ свѣжую погоду!—не безъ раздраженія отвѣтилъ старый штурманъ.

Лаврентій Ивановичъ, однако, скрылъ, что еще вчера, какъ только задулъ нордъ-вестъ, онъ доложилъ капитану о «подлости» этого вѣтра и крайне осторожно выразилъ мнѣніе, что лучше бы уходить отсюда. Но молодой, самолюбивый и ревнивый къ власти капитанъ, котораго еще

тѣшили первые годы командирства, и который не любилъ ничьихъ совѣтовъ, пропустилъ, казалось, мимо ушей замѣчаніе старшаго штурмана и ни слова ему не отвѣтилъ.

— И безъ тебя, молъ, знаю! — говорило, повидимому, самоувѣренное и красивое лицо капитана.

Старый штурманъ вышелъ изъ капитанской каюты, нѣсколько обиженный такимъ «обрывомъ», и за дверями каюты проворчалъ себѣ подъ носъ:

— Молода, въ Саксоніи не была!

— А все-таки, Лаврентій Иванычъ, вы бы доложили капитану! — проговорилъ лейтенантъ Чирковъ, нѣсколько смущенный словами стараго штурмана, хотя и старавшійся скрыть это смущеніе въ равнодушномъ тонѣ голоса.

— Что мнѣ соваться съ докладами? Онъ самъ видитъ, какая здѣсь мерзость! — съ сердцемъ отвѣтилъ Лаврентій Ивановичъ.

Въ эту минуту на мостикъ поднялся капитанъ и сталъ оглядывать горизонтъ, весь покрытый зловѣщими, черными тучами. Онѣ, казалось, все росли и росли, охватывая все большее пространство, и, разрываясь, съ поразительной быстротой поднимались по небосклону. Дождь пересталъ. Кругомъ, у береговъ, прояснялось.

— Баркасъ еще не отвалилъ?—спросилъ капитанъ вахтеннаго.

— Нѣтъ.

— Поднять позывные!

Въ спокойномъ обыкновенно голосѣ капитана едва слышна была тревожная нотка.

«Небойсь, теперь тревожишься, а вчера и слушать меня не хотѣлъ!»—подумалъ старшій штурманъ, искоса взглядывая на капитана, стоявшаго на другой сторонѣ мостика.

— То-то молода, въ Саксоніи не была!—прошепталъ Лаврентій Ивановичъ любимую свою присказку.

— Баркасъ отваливаетъ!—крикнулъ сигнальщикъ, все время смотрѣвшій на берегъ въ подзорную трубу.

Сильный шквалистый порывъ вѣтра внезапно ворвался въ бухту, пронесся по ней, срывая гребешки волнъ, и прогудѣлъ въ снастяхъ. «Ястребъ», стоявшій противъ вѣтра, шутя выдержалъ этотъ порывъ и только слегка дрогнулъ на своихъ туго натянутыхъ якорныхъ канатахъ.

— Прикажите разводить пары, да чтобы поскорѣй! — сказалъ капитанъ.

Вахтенный офицеръ дернулъ ручку машиннаго телеграфа и крикнулъ въ переговорную трубку. Изъ машины отвѣтили: «есть, разводимъ!»

— Отправьте угольныя лодки на берегъ! Чтобъ все было готово къ съемкѣ съ якоря!—продолжалъ отдавать приказанія капитанъ повелительнымъ, отрывистымъ и слегка возбужденнымъ голосомъ, сохраняя на лицѣ своемъ обычное выраженіе спокойной увѣренности.

Онъ заходилъ, заложивъ руки въ карманы своего теплаго пальто, по мостику, но поминутно останавливался: то вглядывался озабоченнымъ взоромъ въ свинцовую даль рокотавшаго моря, то оборачивался назадъ и въ бинокль слѣдилъ за баркасомъ, который медленно подвигался впередъ противъ встрѣчной зыби и вѣтра.

— А вѣдь вы были правы, Лаврентій Иванычъ, и я жалѣю, что не послушалъ васъ и не снялся сегодня съ разсвѣтомъ съ якоря! — проговорилъ вдругъ капитанъ громко и, казалось, нарочно громко, чтобъ слышалъ и Чирковъ, и старшій офицеръ, поспѣшившій вбѣжать на мостикъ, какъ только узналъ о съемкѣ съ якоря.

Сознаніе въ своей неправотѣ такого увѣреннаго въ себѣ и страшно самолюбиваго человѣка, какимъ былъ этотъ образованный, блестящій и дѣйствительно лихой капитанъ, обнаруживавшій не разъ во время плаванія и отвагу, и хладнокровіе, и находчивость настоящаго моряка, — совсѣмъ смягчило сердце скромнаго Лаврентія Ивановича. И онъ вдругъ смутился и, словно въ чемъ-то оправдываясь и желая въ то же время оправдать капитана, промолвилъ:

— Я, Алексѣй Петровичъ, потому позволилъ себѣ доложить, что самъ испыталъ, каковъ здѣсь нордъ-вестъ... А въ лоціи ничего не говорится...

— А, кажется, собирается засвѣжѣть не на шутку!— продолжалъ капитанъ, понижая голосъ. — Взгляните! — прибавилъ онъ, взмахивая головой на далекія тучи.

— Штормомъ попахиваетъ, Алексѣй Петровичъ... Ужъ мнѣ и въ ногу стрѣляетъ-съ,—шутливо промолвилъ старый штурманъ.

— Ну, пока онъ разыграется, мы успѣемъ выйти въ море... Пусть себѣ тамъ насъ треплетъ...

Опять, словно предупреждающій вѣстникъ, пронесся порывъ, и снова клиперъ, точно конь на привязи, дернулся на цѣпяхъ...

Капитанъ велѣлъ спустить брамъ-стеньги.

— Да живѣе пары!—крикнулъ онъ въ машину.

Брамъ-стеньги были быстро спущены лихой командой клипера, и старшій офицеръ, командовавшій авраломъ, довольно улыбался, какъ онѣ «сгорѣли». Скоро изъ трубы повалилъ дымъ. Баркасъ съ людьми выгребалъ дружно и споро и приближался къ клиперу. Всѣ гребныя судна были подняты.

Старый штурманъ все тревожнѣе и тревожнѣе посматривалъ на грозныя тучи, облекавшія горизонтъ. Въ серьезномъ, нѣсколько возбужденномъ лицѣ капитана, въ его походкѣ, жестахъ, голосѣ замѣтно было нетерпѣніе. Онъ то и дѣло звонилъ въ машину и спрашивалъ: «какъ пары?», видимо торопясь уходить изъ этой, усѣянной подводными камнями, бухты, вдобавокъ еще плохо описанной въ лоціи.

А вѣтеръ замѣтно свѣжѣлъ. Приходилось потравливать якорныя цѣпи, натягивавшіяся при сильныхъ порывахъ въ струну. Клиперъ при этомъ подавался назадъ, по направленію къ берегу. Зыбь усиливалась, играя «зайчиками», и «Ястребъ» стремительнѣй «клевалъ» носомъ.

— Ну, слава Богу, черезъ часъ уйдемъ изъ этой дыры!—радостно говорили мичмана въ каютъ-компаніи.

— И чтобъ въ нее никогда не заглядывать больше!

Къ старшему штурману, спустившемуся въ каютъ-компанію выкурить манилку и погрѣться, кто-то обратился съ вопросомъ:

— Лаврентій Иванычъ! Когда мы придемъ въ Санъ-Франциско, какъ вы думаете? Недѣльки черезъ четыре увидимъ американокъ, а?

— Нечего-то загадывать впередъ... Мы вѣдь въ морѣ, а не на берегу...

— Ну, однако, приблизительно, Лаврентій Иванычъ?.. Если все будетъ благополучно?..

— Да что вы пристали: когда да когда?.. Прежде отсюда надо убраться!—ворчливо промолвилъ штурманъ.

— А что, развѣ такъ свѣжо?

— Подите на верхъ—увидите!

— У насъ, Лаврентій Иванычъ, машина сильная. Выполземъ.

Лаврентій Ивановичъ, почти не сомнѣвавшійся, что клиперъ до шторма уйти не успѣетъ и что ему придется отстаиваться на рейдѣ, ничего не отвѣтилъ и быстрыми,

нервными затяжками торопливо докуривалъ свою манилку, озабоченный и мрачный, полный самыхъ невеселыхъ думъ о положеніи клипера, если штормяга будетъ, какъ онъ выражался, «форменный».

Въ эту минуту въ каютъ-компанію влетѣлъ весь мокрый, съ краснымъ отъ холода лицомъ, молодой мичманъ Нырковъ и возбужденно и весело воскликнулъ:

— Ну, господа, и анаѳема, я вамъ скажу, вѣтеръ... Такъ засвѣжѣлъ на половинѣ дороги, что я думалъ: намъ и не выгрести... Насилу добрались. И волна подлая... всѣ мы вымокли... такъ и хлестало... И что за холодъ... Совсѣмъ замерзъ. Эй, вѣстовые! Скорѣй горячаго чаю и коньяку!—крикнулъ онъ и пошелъ въ свою каюту переодѣваться, счастливый, что благополучно добрался и что въ точности выполнилъ приказаніе и вернулся къ одиннадцати часамъ.

Онъ, еще совсѣмъ молодой морякъ, первый разъ попавшій въ дальнее плаваніе, конечно, стыдился сказать въ каютъ-компаніи, какъ ему было жутко на баркасѣ, захлестываемомъ водой, какъ страшно и за себя, и за матросовъ, и какъ онъ, самъ трусившій, съ небрежнымъ ухарскимъ видомъ подбадривалъ усталыхъ, вспотѣвшихъ гребцовъ «навалиться», обѣщая имъ по три чарки на человѣка.

«Ахъ, какъ пріятно, что все это прошло!»—проносилось въ головѣ у молодого мичмана, когда онъ быстро облачался въ сухое бѣлье, предвкушая удовольствіе согрѣться горячимъ чаемъ съ коньякомъ.

— Ну, теперь намъ нечего ждать... Скорѣй бы пары и айда къ американочкамъ... Неправда ли, Лаврентій Иванычъ? — проговорилъ со смѣхомъ веселый лейтенантъ Сниткинъ.

Но Лаврентій Ивановичъ только пожалъ плечами, надѣлъ свою походную, старенькую фуражку и пошелъ на верхъ.

III.

Опасенія стараго штурмана оправдались.

Только что подняли баркасъ въ ростры и принайтовили (привязали) его, какъ, послѣ трехъ, послѣдовательно налетѣвшихъ, жестокихъ шкваловъ, заревѣлъ штормъ, одинъ изъ тѣхъ штормовъ, которые смущаютъ даже и старыхъ, опытныхъ моряковъ.

Картина озвѣрѣвшей стихіи была дѣйствительно страшная.

По небу, съ едва пробивающимися на свинцовомъ фонѣ голубыми кусочками, бѣшено и, казалось, низко неслись черныя, клочковатыя облака и покрывали весь небосклонъ. Несмотря на утро, кругомъ стоялъ полусвѣтъ, точно въ сумерки. Море, что называется, кипѣло. Громадныя волны шумно и яростно нагоняли одна другую, сталкивались и разсыпались въ своихъ верхушкахъ алмазной пылью, которую подхватывалъ вихрь и несъ дальше. Страшный ревъ бушующаго моря сливался съ ревомъ дьявольскаго вѣтра. Встрѣчая въ клиперѣ препятствіе, онъ то сердито вылъ, то проносился какимъ-то жалобнымъ стономъ въ такелажѣ и мачтахъ, въ люкахъ и дулахъ орудій, гнулъ стеньги, потрясалъ поднятыя на боканцахъ шлюпки, срывалъ непринайтовленные предметы и сердито трепалъ безчисленныя снасти.

Словно обезумѣвшій, освирѣпѣвшій звѣрь, бросался онъ на маленькій клиперъ, какъ будто грозя его уничтожить со всѣми его обитателями. И «Ястребъ», встрѣтившій грудью врага, то и дѣло вздрагивалъ на своихъ вытравленныхъ канатахъ и, казалось, вотъ-вотъ сорвется съ натянувшихся, гудѣвшихъ цѣпей. Его дергало на нихъ все больше и больше, и онъ, бѣдный, точно отъ боли, скрипѣлъ всѣми своими членами и стремительно качался, уходя бугшпритомъ въ воду и отряхиваясь при подъемѣ точно великанъ-птица, отъ воды.

Нахлобучивъ на лобъ фуражку, чтобъ ее не сорвало вѣтромъ, стоялъ капитанъ на мостикѣ, цѣпко держась одной рукой за поручни. Въ другой у него былъ рупоръ. Ледяной вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо, пронизывая его всего холодомъ, но капитанъ, не покидавшій мостика уже около часа, казалось, не чувствовалъ вѣтра, весь сосредоточенный, страшно серьезный и, повидимому, совершенно спокойный. Однако это спокойствіе, стоившее ему усилія, было лишь наружнымъ спокойствіемъ моряка, умѣющаго владѣть собой въ серьезныя минуты. Въ душѣ у этого самолюбиваго, отважнаго человѣка была мучительная тревога, и все его существо было въ томъ нервномъ напряженіи, которое, при частыхъ повтореніяхъ, нерѣдко преждевременно старитъ моряковъ и въ нестарые еще годы дѣлаетъ ихъ сѣдыми. Онъ хорошо понималъ опасность положенія клипера и ввѣренныхъ ему людей и, въ

виду страшной нравственной отвѣтственности, испытывалъ жгучіе упреки совѣсти. Его самонадѣянная увѣренность— виною всего... Зачѣмъ онъ не послушалъ вчера совѣта стараго, много плававшаго штурмана?.. Зачѣмъ онъ не ушелъ?.. И вотъ теперь...

— Пары! Когда же пары!?—крикнулъ онъ, дергая порывисто ручку машиннаго телеграфа.

Изъ машины отвѣтили, что пары будутъ готовы черезъ десять минутъ...

Десять минутъ въ такой анаѳемскій штормъ, грозившій въ каждое мгновеніе сорвать съ якорей клиперъ, вѣдь это—цѣлая вѣчность! Работая машиной, въ помощь якорямъ, еще возможно удержаться и отстаиваться...

И капитанъ, обыкновенно сдержанный и не бранившійся, хорошо зная, что пары не могли быть раньше подняты, тѣмъ не менѣе крикнулъ въ машину, черезъ переговорную трубку, рѣзкое, грубое слово, заставившее бѣднаго старшаго механика, и безъ того надрывавшагося, поблѣднѣть, какъ полотно, и судорожно сжать кулаки.

Теперь уже капитанъ не вглядывался, какъ раньше, впередъ, въ даль моря, на просторѣ котораго ему бы такъ хотѣлось быть въ настоящую минуту, штормуя съ крѣпкимъ и добрымъ своимъ «Ястребомъ» подъ штормовыми парусами, задраивши люки и носясь по волнамъ, какъ закупоренный боченокъ, пока штормъ не пройдетъ. Онъ часто оборачивался и тревожно посматривалъ по направленію къ берегу, туда, гдѣ, среди бѣснующагося моря, выдѣлялась широкой извивающейся бѣлой лентой сплошная сѣдая пѣна буруновъ на длинной каменистой грядѣ, чуть-чуть влѣво отъ поселка. Эта гряда, безпокоившая капитана, несмотря на свою отдаленность, лежала, какъ разъ противъ моря, въ глубинѣ открытаго для нордъ-веста рейда. По двумъ другимъ его сторонамъ тянулись прямые, обрывистые берега, вблизи которыхъ тамъ и сямъ тоже грохотали буруны. И только направо былъ маленькій заливчикъ, омывающій устье небольшой лощины, свободный, повидимому, отъ подводныхъ камней.

— Готовъ ли запасный якорь?—спрашивалъ капитанъ старшаго офицера, послѣ того, какъ тотъ доложилъ, что палубы и трюмъ имъ осмотрѣны и что все въ исправности: орудія наглухо закрѣплены, и все задраено.

— Готовъ.

— Цѣпи всѣ вытравлены?

— Всѣ. Въ струну вытягиваются, Алексѣй Петровичъ,— какъ бы, не дай Богъ, не лопнули, и мы не потеряли бы якорей,—съ сокрушеніемъ проговорилъ старшій офицеръ.

И безъ того капитана мучило это обстоятельство, а тутъ еще старшій офицеръ напоминаетъ! И капитанъ, видимо сдерживая себя, нетерпѣливо проговорилъ:

— Лопнутъ, тогда и будемъ объ этомъ сокрушаться, Николай Николаичъ, а теперь рано еще,—и прибавилъ:— Помпы чтобъ были въ исправности!

— Есть!—отвѣтилъ старшій офицеръ и, нѣсколько обиженный, считавшій, что капитанъ недостаточно цѣнитъ его постоянную «каторжную» работу, сошелъ съ мостика, чтобы осмотрѣть лично помпы, и почти не думая въ своемъ заботливомъ служебномъ усердіи: для чего онѣ могутъ понадобиться.

Старшій штурманъ, обыкновенно тревожившійся передъ опасностью, теперь, когда опасность уже наступила, съ какимъ-то фаталистическимъ спокойствіемъ стоялъ у компаса, заложивъ руки въ карманы своего куцаго пальто на заячьемъ мѣху и удерживаясь на стремительно качающемся мостикѣ своими, врозь разставленными, привычными къ качкѣ, «морскими» ногами. Повидимому, «форменный» штормяга съ его возможными послѣдствіями не очень пугалъ Лаврентія Ивановича, который не разъ на своемъ вѣку бывалъ лицомъ къ лицу со смертью.

«Что будетъ, то будетъ!» — говорила, казалось, и его поза, говорило и его рѣшительно-покойное лицо, говорилъ и серьезно-вдумчивый, твердый взглядъ его небольшихъ сѣрыхъ глазъ, посматривавшихъ на буруны.

Лейтенантъ Чирковъ, несмотря на ухарски-небрежный видъ лихого моряка, который ничего не боится, видимо трусилъ и, блѣдный, при каждомъ вздрагиваніи клипера, тихонько крестился и взволнованнымъ голосомъ кричалъ:

— На бакѣ! За канатомъ смотрѣть!

Почти всѣ офицеры вышли изъ теплой каютъ-компаніи на верхъ и съ натянутыми лицами посматривали вокругъ на разыгравшуюся «анаѳему». О выходѣ въ морѣ нечего было и думать, а сколько времени будетъ ревѣть проклятый штормъ, кто его знаетъ?

— Ахъ, если бы меня съ баркасомъ захватилъ этотъ штормъ! Погибли бы мы всѣ!—говорилъ, ища сочувствія, мичманъ Нырковъ и чувствовалъ себя безконечно счастливымъ, что онъ не захватилъ его.

Прошло пять, необыкновенно долгихъ для капитана, минутъ. Сейчасъ пары будутъ готовы, и мучительное безпокойство пройдетъ. «Ястребъ», несмотря на усиливающійся штормъ, пока держался на якоряхъ и не дрейфовалъ.

Но въ ту же секунду, какъ капитанъ объ этомъ подумалъ, клиперъ необыкновенно сильно вздрогнулъ, рванувшись назадъ, съ бака донесся какой-то рѣзкій, отрывистый лязгъ, и въ то же мгновеніе боцманъ Егоръ Митричъ стремглавъ подбѣжалъ къ шканцамъ и прокричалъ громовымъ голосомъ:

— Цѣпи лопнули!

Точно обрадовавшись, что избавился отъ цѣпей, «Ястребъ» метнулся въ сторону, по вѣтру, и его понесло назадъ.

Брошенный немедленно запасный якорь на минуту задержалъ клиперъ. Онъ помотался и снова почуялъ свободу. Словно срѣзанная ножомъ, лопнула и эта цѣпь.

— Полный ходъ впередъ! Лѣво на бортъ!—громкимъ, твердымъ голосомъ скомандовалъ внезапно поблѣднѣвшій капитанъ.

Слава Богу! Машина застучала, и винтъ забурлилъ за кормой. Клиперъ былъ остановленъ въ его опасномъ бѣгѣ и поставленъ противъ вѣтра.

Серьезное лицо капитана прояснилось. Но не надолго.

Несмотря на усиленную работу машины, клиперъ едва удерживался на мѣстѣ противъ жестокаго вѣтра. Штормъ крѣпчалъ, и «Ястребъ» сталъ замѣтно дрейфовать назадъ.

— Самый полный ходъ впередъ!..

Еще чаще стала машина отбивать такты, но могъ ли «Ястребъ» устоять противъ этого адскаго урагана?

«Ахъ, если-бъ штормъ ослабѣлъ!»

Вдругъ корма дрогнула, словно коснувшись какого-то препятствія. Винтъ пересталъ буравить воду, сломанный въ тотъ моментъ, когда «Ястребъ» прочертилъ кормой, вѣроятно, у камня.

Теперь совсѣмъ безпомощный, безъ винта, безъ якорей, не слушая болѣе руля, ставъ лагомъ поперекъ волненія, клиперъ стремительно несся на длинную гряду камней, къ сѣдой пѣнѣ буруновъ, грохотавшихъ въ недалекомъ разстояніи.

Машина, теперь безполезная, застопорила.

IV.

Крикъ ужаса вырвался изъ сотни человѣческихъ грудей и застылъ на исказившихся лицахъ и въ широко раскрытыхъ глазахъ, устремленныхъ съ какимъ-то безсмысленнымъ вниманіемъ на бѣлѣющую вдали, точно вздутую, ленту. Всѣ сразу поняли и почувствовали неминуемость гибели и то, что всего какой-нибудь десятокъ минутъ отдѣляетъ ихъ отъ вѣрной смерти. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что на этой длинной грядѣ камней, къ которой штормъ несъ клиперъ съ ужасающей быстротой, онъ разобьется вдребезги, и нѣтъ никакой надежды спастись среди водяныхъ громадъ бѣснующагося моря. При этой мысли отчаяніе и тоска охватывали души, отражаясь на судорожно подергивающихся, смертельно блѣдныхъ лицахъ, на неподвижныхъ зрачкахъ и вырывающихся вздохахъ отчаянія.

Казалось, сама смерть уже глядѣла съ безстрастной жестокостью на эту горсть моряковъ изъ этихъ рокочущихъ, вѣющихъ ледянымъ холодомъ, высокихъ, свинцовыхъ волнъ, которыя бѣшено скачутъ вокругъ, треплютъ бѣдный клиперъ, бросая его съ бока на бокъ, какъ щепку, и вкатываются своими верхушками на палубу, обдавая ледяными брызгами.

Матросы снимали фуражки, крестились и побѣлѣвшими устами шептали молитвы. По нѣкоторымъ лицамъ текли слезы. На другихъ, напротивъ, стояло выраженіе необыкновенно суровой серьезности. Одинъ, совсѣмъ молодой матросъ, Опарковъ, добродушный, веселый парень, попавшій прямо отъ сохи въ «дальнюю» и страшно боявшійся моря, вдругъ громко ахнулъ, захохоталъ безумнымъ смѣхомъ и, размахивая какъ-то на-отмашь руками, подбѣжалъ къ борту, вскочилъ на сѣтки и съ тѣмъ же безсмысленнымъ хохотомъ прыгнулъ въ море и тотчасъ же исчезъ въ волнахъ.

Еще другой, такой же молодой, обезумѣвшій отъ отчаянія, матросъ хотѣлъ послѣдовать примѣру товарища и съ дикимъ воплемъ бросился-было къ борту, но боцманъ Егоръ Митричъ схватилъ его за шиворотъ и угостилъ самой отборной руганью. Эта ругань привела матросика въ сознаніе. Онъ виновато отошелъ отъ борта, широко крестясь и рыдая, какъ малый ребенокъ.

— Такъ-то лучше!—ласково проговорилъ Егоръ Ми-

тричъ дрогнувшимъ голосомъ, чувствуя безконечную жалость къ этому матросику.—Бога вспомни, а не то, чтобы самому жизни рѣшаться, глупая твоя башка, такъ твою такъ! А ты, матросикъ, не плачь, Господь, можетъ, еще и вызволитъ,—прибавилъ, утѣшая, старый боцманъ, самъ не имѣвшій никакой надежды на спасенье и готовый, казалось, безропотно покориться волѣ Божіей, посылавшей смерть.

Нѣсколько старыхъ матросовъ, соблюдая традиціи, спустились на кубрикъ, спѣшно одѣли чистыя рубахи и, подойдя къ большому образу Николая Чудотворца, что находился въ жилой палубѣ, прикладывались къ нему, молились и уходили на верхъ, чтобъ гибнуть на людяхъ.

Несмотря на весь ужасъ положенія, среди команды не было той паники, которая охватываетъ обыкновенно людей въ подобныя минуты. Привычка къ строгой морской дисциплинѣ, присутствіе на мостикѣ капитана, старшаго офицера, вахтеннаго начальника и стараго штурмана, которые не покидали своихъ мѣстъ, точно клиперъ не стремился къ гибели, сдерживали матросовъ. И они, словно испуганные бараны, жались другъ къ другу, сбившись въ толпу у гротъ-мачты, и съ трогательной покорностью отчаянія переводили взгляды съ моря на капитана.

На шканцахъ и подъ мостикомъ стояли офицеры съ блѣдными, искаженными ужасомъ, лицами. Еще недавно веселый, смѣющійся толстый лейтенантъ Сниткинъ вздрагивалъ всѣмъ своимъ рыхлымъ тѣломъ, точно въ лихорадкѣ, едва удерживаясь на ногахъ отъ охватившаго его страха. Онъ торопливо крестился, какъ-то жалобно и растерянно глядѣлъ на другихъ и, словно стыдясь своего малодушія, пробовалъ улыбаться, но вмѣсто улыбки выходила какая-то страдальческая гримаса. Докторъ Платонъ Васильевичъ то и дѣло жмурился, точно у него вдругъ заболѣли глаза, и затѣмъ съ какою-то жадной внимательностью впивался глазами въ море и снова жмурился. Безконечно скорбное выраженіе свѣтилось на его умномъ, симпатичномъ лицѣ. Въ головѣ его проносилась мысль о горячо любимой имъ молодой женѣ и позднее раскаяніе, что онъ ушелъ въ плаваніе вмѣсто того, чтобъ выйти въ отставку. И онъ, самъ не замѣчая, громко повторялъ: «Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?»—и опять жмурилъ глаза. Нырковъ, только-что радовавшійся, что избавился отъ опасности потонуть на баркасѣ, старался скрыть свой ужасъ и страхъ передъ надвигающейся не-

сомнѣнной смертью. Стыдъ показаться передъ безстрашнымъ, казалось ему, капитаномъ, офицерами и матросами, заставлялъ этого добраго, славнаго молодого мичмана дѣлать невѣроятныя усилія, чтобъ казаться спокойнымъ, готовымъ умереть, «какъ слѣдуетъ доблестному моряку». А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что сердце его замираетъ въ жгучей тоскѣ, и холодныя струйки пробѣгаютъ по спинѣ. «Стыдно, стыдно!»—думаетъ онъ, съ безнадежной, безмолвной мольбой поднимая свои бархатные темные глаза на небо, по которому несутся черныя, мрачныя тучи. Но въ нихъ онъ видитъ все ту же смерть, которая, казалось, витаетъ надъ клипером. Совсѣмъ юный мичманъ Арефьевъ, почти мальчикъ, не хотѣлъ вѣрить, что приходится умирать. За что же? Онъ такъ молодъ, такъ полонъ жизни... «Только-что произвели въ мичмана, и вдругъ умирать? Нѣтъ, это невозможно!» — думаетъ онъ, вспоминая въ это мгновеніе и мать-старушку, и сестру Соню, и гимназиста брата Костю, и эту маленькую столовую съ кукушкой на стѣнѣ, въ которой такъ уютно и славно, и гдѣ всѣ его такъ любятъ, и чувствуя, какъ непроизвольно текутъ по его лицу слезы. Онъ отворачивается, чтобы другіе не видѣли этихъ слезъ, и напрасно старается удержать ихъ. Старшій артиллеристъ и старшій механикъ, оба пожилые люди, выбѣжавъ на верхъ и увидавъ положеніе клипера, бросились въ свои каюты и стали прятать въ карманы деньги и цѣнныя вещи. У обоихъ у нихъ семьи въ Кронштадтѣ... Оба они отказывали себѣ во всемъ, рѣдко съѣзжали на берегъ, чтобы не тратиться и кое-что скопить въ плаваньи для близкихъ. Наполнивъ карманы и какъ будто сдѣлавъ самое главное дѣло, они вернулись на верхъ и только тогда, казалось, сознали, что не спасти имъ ни скопленныхъ денегъ, ни цѣнныхъ вещей, и что семьи ихъ осиротѣютъ. И они съ какимъ-то дикимъ ужасомъ въ глазахъ озирались вокругъ, машинально въ то же время ощупывая карманы. Отецъ Спиридоній, жирный, круглый и гладкій, словно котъ, откормившійся послѣ постной монашеской трапезы на обильномъ каютъ-компанейскомъ столѣ, съ развѣвающейся рясой и клобукомъ на головѣ, уцѣпившись за одну изъ стоекъ, поддерживающихъ мостикъ, громко и, казалось, безсмысленно произносилъ молитвы, вздрагивая челюстями и вытаращивъ въ дикомъ страхѣ свои большіе, круглые глаза.

И офицеры, сбившіеся въ кучу на шканцахъ, и матросы, толпившіеся у гротъ-мачты, то и дѣло взглядывали на капитана.

И взгляды эти точно говорили:

— Спаси насъ!

V.

Словно затравленный волкъ, блѣдный и озлобленный, съ горящими глазами, все еще не теряя самообладанія, капитанъ, точно приросшій къ мостику, жадно и сердито озирался вокругъ, ища спасенія людей и клипера. Казалось, онъ чувствовалъ эти взгляды, полные мольбы и укора, устремленные на него, и мысль, что онъ виноватъ въ гибели, снова пронеслась въ его головѣ, заставивъ болѣзненно дрогнуть мускулы его напряженнаго, страшно серьезнаго въ эту минуту лица. Спасенія, казалось, не было. Прошло не болѣе минуты, какъ клиперъ понесся на гряду, и капитанъ, пережившій въ эту минуту цѣлую вѣчность, къ ужасу своему, не находилъ исхода... Еще десятокъ минутъ, и клиперъ вскочитъ на камни и тамъ общая смерть...

Но вдругъ глаза его впились въ небольшой заливчикъ, вдавшійся въ берегъ справа, впились и блеснули радостнымъ блескомъ, озаривъ все его лицо. И въ то же мгновеніе онъ крикнулъ въ рупоръ громкимъ, увѣреннымъ и повелительнымъ голосомъ:

— Паруса ставить! Марсовые къ вантамъ!.. Живо! Каждая секунда дорога, молодцы!—прибавилъ онъ.

Этотъ увѣренный голосъ пробудилъ во всѣхъ какую-то смутную надежду, хотя никто и не понималъ пока, къ чему ставятся паруса.

Только старый штурманъ, уже приготовившійся къ смерти и попрежнему спокойно стоявшій у компаса, весь встрепенулся и съ восторженнымъ удивленіемъ взглянулъ на капитана.

«Молодчага! Выручилъ!»—подумалъ онъ, любуясь, какъ старый морской волкъ, находчивостью капитана и догадавшись, въ чемъ дѣло.

И штурманъ снова оживился и сталъ смотрѣть въ бинокль на этотъ самый заливчикъ, почти закрытый возвышенными берегами.

— Я выбрасываюсь на берегъ!—отрывисто, рѣзко и радостно проговорилъ капитанъ, обращаясь къ старшему

офицеру и къ старшему штурману. — Кажется, тамъ чисто... Камней нѣтъ?—прибавилъ онъ, указывая закостенѣвшей рукой, красной, какъ говядина, на заливчикъ, омывающій лощинку.

— Не должно быть!—отвѣчалъ старый штурманъ.

— А какъ глубина у берега?

— По картѣ двадцать футъ.

— И отлично... Въ полвѣтра мигомъ долетимъ...

— Какъ бы въ этакій штормъ не сломало мачтъ! — вставилъ старшій офицеръ.

— Есть о чемъ говорить теперь, — небрежно кинулъ капитанъ и, поднявъ голову, крикнулъ въ рупоръ:—Живо, живо, молодцы!

Но «молодцы», стремительно качавшіеся на реяхъ и цѣпко держась ногами на пертахъ и безъ подбадриванія, въ надеждѣ на спасеніе, торопились отвязывать марселя и вязать рифы, несмотря на адскій вѣтеръ, грозившій каждое мгновеніе сорвать ихъ съ рей въ море или на палубу. Одной рукой держась за рею и прижавшись къ ней, другой, свободной рукой каждый марсовой дѣлалъ свое адски трудное дѣло на страшной высотѣ, при ледяномъ вихрѣ. Приходилось цѣпляться зубами за мякоть паруса и рвать до крови ногти.

Наконецъ, минутъ черезъ восемь, во время которыхъ клиперъ приблизился къ бурунамъ настолько близко, что можно было видѣть простымъ глазомъ чернѣвшіе по временамъ высокіе камни, паруса были поставлены, и «Ястребъ», съ марселями въ четыре рифа и подъ стакселемъ, снова, какъ послушный конь на доброй уздѣ, бросился къ вѣтру и, накренившись, почти чертя воду бортомъ, понесся теперь къ берегу, оставивъ влѣво за собой страшную пѣнящуюся ленту буруновъ.

Всѣ перекрестились. Надежда на спасеніе засвѣтилась на всѣхъ лицахъ, и боцманъ Егоръ Митричъ ужъ ругался съ прежнимъ одушевленіемъ за невытянутый шкотъ у стакселя и съ заботливой тревогой посматривалъ на верхъ, на гнувшіяся мачты.

— Спасайте-ка свои хронометры, Лаврентій Иванычъ,— сказалъ капитанъ, когда клиперъ былъ уже близко отъ берега:—ударъ будетъ сильный, когда мы врѣжемся.

Старый штурманъ пошелъ спасать хронометры и инструменты.

Клиперъ, словно чайка, летѣлъ съ попутнымъ штор-

момъ прямо на берегъ. Мертвое молчаніе царило на палубѣ.

— Держись, ребята, крѣпче!—весело крикнулъ капитанъ, самъ вцѣпившись въ поручни.—Марса-фалы отдай! Стаксель долой!

Паруса затрепыхались, и «Ястребъ» со всего разбѣга выскочилъ носомъ въ устье лощины, глубоко врѣзавшись всѣмъ своимъ корпусомъ въ мягкій песчаный грунтъ.

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, невольно обнажили головы.

VI.

— Спасибо, ребята, молодцами работали!.. — говорилъ капитанъ, обходя команду.

— Рады стараться, вашескородіе! — радостно отвѣчали матросы.

— За васъ вѣчно будемъ Бога молить! — слышались голоса.

Капитанъ приказалъ выдать людямъ по двѣ чарки водки и скорѣй варить имъ горячую пищу. Вслѣдъ затѣмъ онъ вмѣстѣ съ старшимъ офицеромъ спустился внизъ осматривать поврежденія клипера. Поврежденій оказалось не особенно много, и воды въ трюмѣ почти не было. Только при ударѣ тронуло машину да своротило камбузъ.

— А молодецъ «Ястребъ», крѣпкое судно, Николай Николаичъ.

— Доброе судно! — любовно отвѣчалъ старшій офицеръ.

— Сегодня пусть отдохнетъ команда, да и здѣсь стоять намъ хорошо... Штормъ насъ не побезпокоитъ,—продолжалъ капитанъ:—а съ завтрашняго утра станемъ помаленьку выгружать тяжести и провизію и еще вытянемъ подальше клиперъ, чтобы спокойнѣе зимовать и не бояться ледохода...

— Есть,—проговорилъ старшій офицеръ.

— Провизіи у насъ довольно до весны?

— На шесть мѣсяцевъ...

— И, значитъ, отлично прозимуемъ въ этой дырѣ,—замѣтилъ капитанъ, поднимаясь изъ машины.

Радостные, счастливые, иззябшіе и страшно голодные спустились офицеры въ каютъ-компанію и торопили вѣстовыхъ подать водки и чего-нибудь закусить да скорѣй затопить печку. Объ обѣдѣ пока нечего было и думать.

Все, заготовленное съ утра, пропало въ свороченномъ на сторону камбузѣ.

— Вотъ тебѣ и Санъ-Франциско! — проговорилъ послѣ нѣсколькихъ минутъ взволнованнаго молчанія лейтенантъ Сниткинъ, оправившійся отъ страха и нѣсколько сконфуженный, что видѣли его отчаянное малодушіе.

— Молите Бога, что васъ не ѣдятъ теперь рыбы! — серьезно замѣтилъ Лаврентій Ивановичъ и съ видимымъ наслажденіемъ опрокинулъ себѣ въ ротъ объемистую рюмку рома и закусилъ честеромъ.—Если бы не нашъ умница-капитанъ, были бы мы въ настоящую минуту на днѣ морскомъ. Онъ насъ вызволилъ... Геніальная находчивость... Лихой морякъ!..

И старый штурманъ «дернулъ» другую.

Всѣ въ одинъ голосъ соглашались съ Лаврентіемъ Ивановичемъ, а мичманъ Ныркoвъ восторженно воскликнулъ:

— Я просто влюбился въ него послѣ сегодняшняго дня... И какое дьявольское присутствіе духа...

Въ эту минуту двери отворились. Всѣ смолкли. Вошелъ капитанъ вмѣстѣ со старшимъ офицеромъ.

— Ну, господа, — проговорилъ онъ, снимая фуражку:— вмѣсто Санъ-Франциско будемъ зимовать здѣсь, въ этой трущобѣ... Что дѣлать!? Не послушалъ я вчера нашего уважаемаго Лаврентія Иваныча... Не ушелъ. А теперь раньше весны отсюда не уйдемъ... При первой возможности я дамъ знать начальнику эскадры, и онъ пришлетъ за нами одно изъ судовъ. Онъ отведетъ насъ въ докъ, мы починимся и снова будемъ плавать на «Ястребѣ»... Да что это вы, господа, на меня такъ странно смотрите?— вдругъ прибавилъ капитанъ, замѣтивъ общіе, удивленные взгляды, устремленные на его голову.

— Вы посѣдѣли, Алексѣй Петровичъ,—тихо, съ какимъ-то любовнымъ почтеніемъ, проговорилъ старый штурманъ.

Дѣйствительно, его бѣлокурая красивая голова была почти сѣда.

— Посѣдѣлъ?!.. Ну, это еще не большая бѣда,—промолвилъ капитанъ.—Могла быть бѣда несравненно бо́льшая... А что, господа, не позволите ли у васъ закусить?— прибавилъ онъ.—Стра́шно ѣсть хочется.

Всѣ радостно усадили его на диванъ.

Весной за клиперомъ пришелъ самъ «безпокойный адмиралъ» на корветѣ «Рѣзвый» и отдалъ въ приказѣ благодарность капитану за его находчивость и мужество, «съ какими онъ спасъ въ критическія минуты экипажъ и ввѣренное ему судно». Черезъ нѣсколько дней «Ястребъ» былъ приведенъ на буксирѣ въ Гонконгъ и, починившись въ докѣ, черезъ мѣсяцъ, попрежнему стройный, красивый и изящный, плылъ къ берегамъ Австраліи.

МАЛЕНЬКІЕ МОРЯКИ.

I.

— Ты чѣмъ думаешь быть, а?

Такой вопросъ задалъ мнѣ тихимъ, слегка гнусавымъ голосомъ высокій, худой, болѣзненный на видъ старикъ съ коротко остриженной сѣдой головой, съ темными проницательными глазами, отъ взгляда которыхъ вѣяло холодомъ, въ адмиральскомъ сюртукѣ съ золотыми генералъ-адъютантскими аксельбантами черезъ плечо — когда однажды послѣ параднаго обѣда съ музыкой, недѣли за двѣ до высадки въ Крымъ союзной арміи, отецъ подвелъ меня, десятилѣтняго мальчугана, къ почетнѣйшему изъ своихъ гостей—главнокомандующему войсками и любимцу императора Николая, князю Меньшикову.

Онъ сидѣлъ, прихлебывая кофе, повидимому, хмурый и скучающій, въ числѣ другихъ гостей, на широкомъ балконѣ, выходившемъ въ садъ, обширнаго каменнаго дома командира порта и военнаго губернатора оживленнаго и веселаго Севастополя.

Съ этими словами этотъ непривѣтливый и, какъ мнѣ казалось, важный и надменный старикъ, котораго всѣ присутствующіе какъ будто боялись, скривилъ свои губы въ подобіе улыбки и, къ удовольствію матери, потрепалъ меня по щекѣ своей сухой, костлявой рукой.

— Инженеромъ,— почему-то вдругъ отвѣтилъ я.

— Инженеромъ? Печи класть, казармы чинить и... и воровать казенныя деньги? — промолвилъ насмѣшливо князь, взглядывая на меня своими умными холодными глазами.—Не совѣтую, мой милый. Не иди въ инженеры!— прибавилъ, морщась, старикъ.

Я, совершенно сконфуженный, молчалъ, рѣшительно не понимая, зачѣмъ мнѣ печи класть и воровать казенныя деньги. Я зналъ, что это не хорошо. Отецъ всегда выражалъ негодованіе противъ тѣхъ, кто грабитъ казну, и я помнилъ одного безногаго генерала, бывавшаго у насъ въ домѣ, который вдругъ куда-то исчезъ. Говорили, что

онъ былъ разжалованъ въ солдаты за то, что обкрадывалъ арестантовъ.

Въ эту минуту самымъ горячимъ моимъ желаніемъ было удрать въ садъ отъ этого непріятнаго старика, который наводилъ на меня страхъ.

— Вы развѣ хотите, любезный адмиралъ, сдѣлать этого молодца Клейнмихелемъ?—спросилъ князь отца все тѣмъ же своимъ ироническимъ тономъ.

Среди присутствующихъ раздался сдержанный смѣхъ.

— И не думалъ, ваша свѣтлость,—почтительно отвѣчалъ отецъ.—Я отдамъ его въ пажескій корпусъ.

— Все же лучше,—опять поморщился князь и заговорилъ съ матерью.

Я исчезъ съ балкона и долго ломалъ голову: какая это служба «быть Клейнмихелемъ», надъ которою всѣ смѣялись, и рѣшилъ не быть «Клейнмихелемъ».

Мнѣ довелось еще разъ увидать этого насмѣшливаго старика, котораго потомъ вся Россія бранила за первыя наши пораженія въ Крыму и за ту безпечную неприготовленность, которая обнаружилась во всей своей позорной наготѣ съ первыхъ же дней войны. Встрѣча эта была въ тотъ самый день, когда отцу принесли съ семафорнаго телеграфа извѣстіе, что непріятельскій флотъ въ количествѣ ста вымпеловъ бросилъ якорь у Евпаторіи, и что на немъ десантъ.

Я живо припоминаю взволнованное, полное изумленія лицо отца, когда онъ читалъ депешу и затѣмъ объявилъ эту новость матери. Высадкѣ, какъ кажется, не хотѣли прежде вѣрить. Я помню, какъ у насъ въ домѣ многіе весело говорили, что непріятель не посмѣетъ сунуться. Наканунѣ великой драмы никто, казалось, не провидѣлъ севастопольскихъ развалинъ, и вездѣ съ восторгомъ читали модное тогда патріотическое стихотвореніе:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ».

Въ тотъ день послѣ обѣда я ходилъ съ гувернанткой гулять на Графскую пристань. Мы присѣли на скамейку, любуясь красивыми кораблями, стоящими на рейдѣ. У пристани кого-то дожидался щегольской катеръ. Знакомый молодой морякъ, подошедшій къ гувернанткѣ, объяснилъ, что ждутъ главнокомандующаго, который переѣдетъ че-

резъ бухту на Сѣверную сторону, чтобы оттуда ѣхать на позиціи къ войскамъ.

Дѣйствительно, скоро мы увидѣли у колоннады Графской пристани стараго князя. Онъ о чемъ-то говорилъ съ какимъ-то генераломъ и сталъ тихо спускаться по ступенькамъ пристани въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ и полковника Вунша, который въ своемъ лицѣ соединялъ и должность начальника штаба, и должность интенданта и потомъ судился, какъ кажется, за злоупотребленія. Старикъ былъ гораздо сумрачнѣе, чѣмъ тогда у насъ на балконѣ. Его блѣдно-желтое лицо то и дѣло морщилось, и губы складывались въ гримасу, точно онъ испытывалъ какую-то боль.

Я не спускалъ съ него глазъ, и мнѣ почему-то вдругъ стало жаль этого совсѣмъ не страшнаго для меня теперь старика. Въ моемъ дѣтскомъ умишкѣ невольно возникало смутное подозрѣніе, что, вѣрно, что-нибудь не совсѣмъ ладно, если князь ѣдетъ встрѣчать непріятеля, котораго, какъ я постоянно слышалъ, мы закидаемъ шапками и уничтожимъ, такой печальный и задумчивый вмѣсто того, чтобы быть веселымъ и радостнымъ.

Онъ проходилъ совсѣмъ близко отъ скамейки, на которой мы сидѣли. Я всталъ и поклонился.

Старикъ на минуту остановился и, ласково усмѣхнувшись, проговорилъ:

— Такъ въ инженеры, а?

— Я не пойду въ инженеры!—рѣшительно отвѣтилъ я.

Но князь, казалось, не обратилъ вниманія на мои слова и тихо, совсѣмъ тихо сказалъ:

— Кланяйся отцу и скажи, чтобы онъ скорѣе отправлялъ васъ отсюда...

И, потрепавъ меня по плечу, старикъ спустился къ катеру.

Вернувшись домой, я засталъ у насъ нѣсколько человѣкъ гостей. Мнѣ бросилась въ глаза необычайная серьезность всѣхъ лицъ. Разговоры насчетъ высадки непріятеля уже не отличались прежней самоувѣренностью и не сопровождались веселымъ смѣхомъ. Говорили, что у насъ мало войскъ, плохія ружья, и что городъ беззащитенъ.

Отецъ сидѣлъ въ кабинетѣ, занятый дѣлами, когда я пришелъ къ нему и передалъ слова князя. Онъ, видимо, смутился и приказалъ никому объ этомъ не говорить. Въ этотъ же памятный день къ отцу заходилъ адмиралъ На-

химовъ. Они о чемъ-то долго говорили, запершись въ кабинетѣ. Несмотря на предупрежденіе князя, отецъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій о выѣздѣ нашемъ изъ Севастополя, хотя многія семьи на другой же день стали выѣзжать. На вопросъ матери: «не лучше ли уѣхать?» отецъ отвѣтилъ: «Еще успѣете».

Мои уроки съ этого дня внезапно прекратились. Къ намъ ежедневно ходилъ заниматься со мной И. Н. Дебу, петрашевецъ, отбывавшій наказаніе въ качествѣ солдата. Несмотря на суровое николаевское время, севастопольское начальство относилось къ нему замѣчательно гуманно и снисходительно. Моряки, казалось, не умѣли быть жестокими преслѣдователями и безъ того достаточно наказаннаго человѣка. Внѣ службы онъ ходилъ въ статскомъ платьѣ, былъ принятъ во многихъ домахъ и давалъ уроки, между прочимъ, и мнѣ, губернаторскому сыну. И никто не видѣлъ въ этомъ ничего ужаснаго. Объ И. Н. Дебу у меня сохранилась до сихъ поръ благодарная память, какъ о замѣчательно добромъ, мягкомъ учителѣ, прихода котораго я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Онъ какъ-то умѣлъ заставлять учиться, и уроки его были для меня положительно удовольствіемъ. Довольно было сказать И. Н. Дебу одно лишь слово: «стыдно», чтобы заставить меня горько сокрушаться о неприготовленномъ урокѣ и просить его не сердиться. Я не только любилъ, но былъ, такъ-сказать, влюбленъ въ своего учителя. И вдругъ онъ не пришелъ и больше уже не приходилъ! Мать сказала, что ему нельзя приходить теперь, онъ—солдатъ и, вѣрно, ушелъ съ полкомъ. Впослѣдствіи И. Н. Дебу, бывшій въ числѣ защитниковъ Севастополя, произведенный въ офицеры, вышелъ послѣ войны въ отставку.

Восьмого сентября, въ день Альминскаго сраженія, цѣлый день до насъ долеталъ отдаленный гулъ орудій. Отецъ былъ взволнованъ, хотя и старался скрыть свое волненіе передъ домашними. Онъ нервно и торопливо шагалъ по кабинету. Въ теченіе этого дня многіе адмиралы пріѣзжали къ отцу за извѣстіями. Но онъ ничего не зналъ объ исходѣ битвы, и почтенные моряки уходили взволнованные и хмурые, казалось, предчувствующіе печальныя вѣсти и безпокоящіеся о судьбѣ любимаго Севастополя и славнаго черноморскаго флота. Наканунѣ былъ и В. А. Корниловъ—высокій, худощавый адмиралъ съ необыкновенно умнымъ и выразительнымъ лицомъ, который черезъ нѣ-

сколько дней, когда Севастополь былъ оставленъ на произволъ судьбы, явился организаторомъ защиты и героемъ, ободрявшимъ маленькій гарнизонъ, состоявшій преимущественно изъ матросовъ, и вскорѣ былъ убитъ, увѣренный, что Севастополь погибнетъ.

Наконецъ, въ шестомъ часу вечера извѣстія были получены и, видимо, печальныя. Отецъ куда-то уѣхалъ. Мать со слезами говорила, что знакомому адъютанту оторвало руку, и что молодой, только-что пріѣхавшій изъ Петербурга офицеръ генеральнаго штаба убитъ... Подъ вечеръ, у рѣшетки сада, противъ балкона, остановился на минуту проѣзжавшій верхомъ знакомый старый генералъ въ солдатской шинели, окликнутый матерью. На вопросъ ея объ исходѣ сраженія, онъ по-французски отвѣчалъ, что мы должны были отступить, что такой-то генералъ надѣлалъ глупостей, и что у него въ нѣсколькихъ мѣстахъ прострѣлена шинель.

Проговоривъ все это, онъ раскланялся и поѣхалъ далѣе, понуро опустивъ голову.

За чаемъ тихо говорили другъ другу, что мы разбиты, что войска въ безпорядкѣ бѣжали, что Меньшиковъ не могъ остановить бѣжавшихъ и съ поля битвы послалъ своего адъютанта Грейга курьеромъ къ императору Николаю съ однимъ словеснымъ приказаніемъ: доложить государю то, что онъ, Грейгъ, видѣлъ... Разсказывая объ этомъ, всѣ сожалѣли, что бѣдному Грейгу выпала печальная доля огорчить государя. И помню я, многіе присутствующіе главнымъ образомъ печалились, что будетъ огорченъ государь *). О томъ, что погибло много солдатъ въ бою, никто не вспомнилъ. Одинъ изъ гостей, молодой артиллерійскій офицеръ, пріѣхавшій изъ Петербурга, позволилъ себѣ замѣтить, что теперь Севастополь беззащитенъ. Его легко взять, если непріятель будетъ по пятамъ

*) Объ этой аудіенціи Грейга у Императора Николая разсказывали потомъ слѣдующее:

Когда адъютантъ князя Меньшикова явился, прямо съ телѣги, въ кабинетъ государя и, смущенный и испуганный, пролепеталъ: «Войска Вашего Величества бѣжали!!», то государь крикнулъ на него громовымъ голосомъ:

— Врешь, мерзавецъ!

И будто бы въ гнѣвѣ дернулъ его за сюртукъ. И только успокоившись, ободрилъ совсѣмъ перепуганнаго адъютанта и приказалъ продолжать докладъ, проговоривши:

— Такъ Меньшиковъ отступилъ... Разсказывай дальше.

преслѣдовать армію. Отецъ рѣзко сказалъ, что это «вздоръ», и этимъ замѣчаніемъ прекратилъ разговоръ; но мнѣ казалось, что онъ нарочно оборвалъ артиллериста, но что и самъ раздѣляетъ это мнѣніе.

На слѣдующее утро, когда я, по обыкновенію, пошелъ гулять съ гувернанткой, мы увидѣли картину, которая до сихъ поръ жива въ моей памяти. На улицахъ то и дѣло мы видѣли солдатъ,—усталыхъ, измученныхъ, раненыхъ, не знающихъ куда идти, гдѣ ихъ части. Они были безъ ружей и шатались небольшими кучками. Многіе протягивали руки за подаяніемъ. «Со вчерашняго дня не ѣли, барчукъ!» Это все были солдаты разбитой арміи, особенно много было такихъ солдатъ на базарѣ. Раненые, они лежали на землѣ, ютились у стѣнъ лавокъ и стонали... Торговки заботливо давали имъ ѣсть. Цѣлыя безпорядочныя кучи солдатъ стояли на площади передъ Графской пристанью... На самой пристани валялись безъ призора раненые. Никому, казалось, не было до нихъ дѣла, не было имъ никакой помощи.

Къ вечеру въ Севастополѣ кипѣла работа. То и дѣло мимо нашего дома матросы возили на себѣ орудія съ кораблей на бастіоны. Нѣсколько дней прошло въ томительномъ ожиданіи. Меньшиковъ съ остатками своей разбитой арміи не возвращался въ Севастополь и дѣлалъ свое фланговое движеніе, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ сообщеній съ Россіей, предоставивъ Севастополь самому себѣ. Корниловъ геройски рѣшилъ защищать городъ. Матросы и выпущенные арестанты работали день и ночь, возводя укрѣпленія. Непріятельскую армію ждали съ часу на часъ. Я отлично помню, какъ однажды утромъ, когда я пришелъ поздороваться съ отцомъ, онъ сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Въ нашемъ домѣ сегодня можетъ быть Сентъ-Арно.

И съ этими словами отецъ, обыкновенно суровый, какъ-то особенно горячо поцѣловалъ меня.

Но непріятель, не подозрѣвавшій, что сѣверная сторона беззащитна, не приходилъ, и Севастополь былъ на нѣкоторое время спасенъ. Войска союзниковъ обходили городъ, направляясь къ южной сторонѣ, чтобы начать правильную осаду. Съ вышки бельведера въ нашемъ саду я смотрѣлъ въ подзорную трубу, какъ двигалась узенькая синяя лента французскихъ войскъ по Инкерманской долинѣ.

Всѣ ожили. Наконецъ вернулся и Меньшиковъ съ арміей.

Когда сѣверная часть была свободна отъ непріятеля, отецъ приказалъ матери собираться къ выѣзду. Въ концѣ сентября наша семья покинула Севастополь. Мы переѣхали въ Симферополь и жили тамъ, нетерпѣливо ожидая вѣсти о побѣдѣ и объ изгнаніи непріятеля и надѣясь снова вернуться въ Севастополь.

II.

Намѣреніе отца сдѣлать изъ меня сухопутнаго воина не осуществилось.

Скоропостижная смерть въ 1857 году старшаго брата, моряка, командовавшаго только-что построеннымъ паровымъ клипером, готовымъ къ уходу въ кругосвѣтное плаваніе, измѣнила мою судьбу. Вмѣсто того, чтобы поступить въ пажескій корпусъ, куда я уже былъ переведенъ изъ перваго, гдѣ, въ ожиданіи вакансіи въ пажи, пробылъ полтора года, я поступилъ въ морской корпусъ. Отецъ желалъ, чтобъ и я, какъ дѣдъ и какъ онъ самъ, былъ моякомъ, и чтобы фамилія наша не исчезла изъ списковъ флота послѣ его смерти. Ему въ это время ужъ было подъ семьдесятъ лѣтъ.

Послѣ двухмѣсячной подготовки изъ математики съ однимъ штурманскимъ офицеромъ, рекомендованнымъ корпуснымъ начальствомъ, инспекторъ классовъ, А. И. Зеленой, проэкзаменовалъ меня у себя на квартирѣ и затѣмъ велѣлъ идти вмѣстѣ съ нимъ въ классы.

Онъ сразу расположилъ къ себѣ—этотъ невысокаго роста, плотный, съ большими баками человѣкъ лѣтъ пятидесяти, немного заикающійся, съ скрипучимъ голосомъ и мягкимъ, ласковымъ взглядомъ маленькихъ и умныхъ темныхъ глазъ, блестѣвшихъ изъ-подъ густыхъ взъерошенныхъ бровей, придававшихъ его лицу обманчивый видъ суровости. Мнѣ еще придется въ своихъ воспоминаніяхъ говорить объ А. И. Зеленомъ, любимомъ и уважаемомъ нѣсколькими поколѣніями кадетъ, а пока только замѣчу, что меня, нѣсколько оробѣвшаго тринадцатилѣтняго мальчугана, привыкшаго къ рѣзкости начальства перваго корпуса, необыкновенно пріятно тогда поразила ласковая простота инспектора, безъ всякой примѣси казармы и внѣшняго авторитета грозной власти. Этотъ авторитетъ какъ-то самъ собою чувствовался и признавался и безъ юпитерскихъ взглядовъ, и безъ суровыхъ окриковъ, заставляющихъ трепетать мальчиковъ. Александръ Ильичъ

былъ добръ и гуманенъ и не видѣлъ въ отрокахъ, хотя бы и испорченныхъ, неисправимыхъ преступниковъ, какъ часто видятъ даже и современные педагоги. Онъ понималъ дѣтскую натуру и умѣлъ прощать, не боясь этимъ поколебать свой авторитетъ, и на совѣсти этого добраго честнаго человѣка не было ни одного загубленнаго существа.

Мы вошли съ нимъ въ длинный коридоръ, по бокамъ котораго были классы. По серединѣ коридоръ раздѣлялся большимъ круглымъ пространствомъ, освѣщеннымъ сверху, называвшимся почему-то «пикетомъ» (вѣроятно, оттого, что тамъ находился дежурный офицеръ), гдѣ, во время перемѣнъ, обыкновенно собирались преподаватели. Проходя «пикетъ», инспекторъ замѣтилъ маленькаго кадетика, стоявшаго на пикетѣ, очевидно, за какую-нибудь вину.

— Ты за что, Орѣховъ?—спросилъ инспекторъ, подходя къ маленькому бѣлобрысому мальчику съ бойкими глазами, который, при видѣ инспектора, тотчасъ же сдѣлалъ постную физіономію невинной жертвы.

— Меня учитель выгналъ изъ класса, Александръ Ильичъ,—жалобно пискнулъ бѣлобрысый кадетикъ, бросая на меня быстрый любопытный взглядъ.

Инспекторъ нахмурилъ брови и казался сердитымъ.

— Вижу, что выгналъ, а ты скажи-ка мнѣ, братецъ, за что?—говорилъ онъ добродушно-ворчливымъ тономъ, далеко не соотвѣтствовавшимъ напущенному имъ на себя строгому виду.

— Право, ни за что, Александръ Ильичъ.

— Такъ-таки и ни за что!? А ты припомни: можетъ, и напроказилъ, а?

— Я нечаянно толкнулъ товарища, Александръ Ильичъ.

— Нечаянно!?—усмѣхнулся Александръ Ильичъ, прищуривая глаза на кадетика.—Ишь ты, какой неосторожный... Нечаянно! Ну, и тебя наказали нечаянно... Постой здѣсь, впередъ будешь осторожнѣе... Да нечего-то жалобную рожу строить. Эка бѣда—постоять!—прибавилъ съ добродушнымъ смѣхомъ Александръ Ильичъ и пошелъ дальше.

Черезъ минуту мы вошли въ первое отдѣленіе (или, какъ у насъ звали, въ первый номеръ) старшаго кадетскаго класса*). При появленіи инспектора человѣкъ тридцать

*) Всѣхъ классовъ было семь: приготовительный или «точка», три кадетскихъ и три гардемаринскихъ, младшіе, средніе и старшіе.

въ курткахъ съ бѣлыми погонами встали и въ отвѣтъ на привѣтствіе инспектора весело отвѣчали: «здравствуйте, Александръ Ильичъ!» Поднялся сидѣвшій за каѳедрой и «французъ», т. е. учитель французскаго языка,—плотный, высокій старикъ съ эспаньолкой, усами и горбатымъ носомъ,—видимо не особенно довольный приходомъ инспектора. Инспекторъ приказалъ садиться и, показалось мнѣ, что-то слишкомъ пристально поглядѣлъ на очень красное лицо «француза». Затѣмъ онъ приказалъ мнѣ сѣсть на заднюю скамейку, гдѣ было посвободнѣе, потрепалъ по плечу, выразивъ надежду, что я буду хорошо вести себя и хорошо учиться, и вышелъ, оставивъ меня одного подъ перекрестными любопытными взглядами незнакомыхъ товарищей.

Едва вышелъ инспекторъ, какъ въ классѣ поднялся шумъ. Всѣ кричали «новичокъ, новичокъ!», не обращая ни малѣйшаго вниманія на учителя, то и дѣло кричавшаго: «Silence, messieurs, silence!» Наконецъ въ классѣ наступила относительная тишина, и урокъ продолжался. У каѳедры стоялъ высокій, здоровый малый лѣтъ семнадцати, «старикашка», какъ звали остававшихся въ классѣ на второй годъ и пользовавшихся своей силой кадетъ, и переводилъ изъ хрестоматіи съ французскаго. Переводъ этотъ такъ не соотвѣтствовалъ тексту и полонъ былъ такой импровизаціи, быстро поднявшей температуру веселости класса, что «французъ», хотя и не былъ силенъ въ русскомъ языкѣ, все же догадался, что стоявшій у каѳедры верзила издѣвается надъ своимъ учителемъ самымъ наглымъ образомъ. И онъ сказалъ довольно добродушно:

— Вы не знайть!

— Нѣтъ, знаю,—увѣренно отвѣтилъ импровизаторъ.

— На мѣстъ.

Но вмѣсто того, чтобы идти на мѣсто, верзила съ самымъ невиннымъ видомъ, исключавшимъ, казалось, возможность подозрѣвать какую-нибудь каверзу, подошелъ къ нѣсколько испуганному и тотчасъ же насторожившемуся старику-французу почти вплотную и началъ-было убѣдительно объяснять, что онъ урокъ знаетъ и переводилъ хорошо, и что «Ляфоша» будетъ «свинья», если поставитъ ему менѣе восьмерки,—какъ вдругъ учитель, потянувъ носомъ, съ гримасой отвращенія бросился съ каѳедры къ форточкѣ и отворилъ ее, прошептавъ по-французски ругательство, при общемъ веселомъ гоготаніи

класса, въ то время, какъ верзила торжествующе возвращался на скамейку.

Спустя минуту-другую французъ вернулся на каѳедру и съ торжественно-рѣшительнымъ видомъ произнесъ:

— Silence, messieurs!

Всѣ затихли.

— Господа... Chers messieurs! Кто будетъ воняйтъ больше, тому баль меньше, а кто будетъ воняйтъ меньше, тому баль больше!.. Vous conçevez!

Признаюсь, я былъ до-нельзя изумленъ такой оригинальной оцѣнкой занятій французскимъ языкомъ, но никто изъ класса, казалось, не удивился, и въ отвѣтъ на это предложеніе съ разныхъ сторонъ раздались голоса:

— Ладно, знаемъ!

— Небойсь, не любишь, французскій барабанщикъ!

— Не сердись, Ляфоша... Больше не подвеземъ. Форточку закрой!

Слегка выпившій учитель, кажется, ужъ не сердился и вызвалъ переводить другого, благоразумно попросивъ его переводить съ своего мѣста.

Потомъ оказалось, что бѣдный французъ, не выносившій сквернаго воздуха, почти каждый урокъ повторялъ свои условія для полученія хорошихъ балловъ, но и эти весьма легкія, казалось бы, условія хорошихъ успѣховъ далеко не всегда исполнялись кадетами, находившими какое-то жестокое удовольствіе травить этого несчастнаго француза съ тонкимъ обоняніемъ. И онъ терпѣлъ всевозможныя дерзости и униженія, не смѣя жаловаться, чтобъ не лишиться своего тяжелаго куска хлѣба, если-бъ начальство узнало «систему» его преподаванія. А эти отроки-кадеты въ своихъ преслѣдованіяхъ учителей, не умѣвшихъ поставить себя, были изобрѣтательны, злы и безжалостны, какъ хищные звѣрьки.

Надо, впрочемъ, сказать, что этотъ «французъ» въ мое время былъ едва ли не единственнымъ «педагогомъ», совсѣмъ не заботившимся о нашихъ занятіяхъ и котораго такъ жестоко травили кадеты. Вообще персоналъ учителей по словеснымъ предметамъ не пользовался особеннымъ уваженіемъ, и всѣ эти предметы были въ то время не въ большомъ фаворѣ, но все-таки учителей строгихъ, не оставлявшихъ безнаказанными шалости, побаивались. Черезъ годъ этотъ «французъ» былъ удаленъ изъ корпуса послѣ того, какъ однажды онъ явился въ классъ, едва

держась на ногахъ, и вскорѣ заснулъ на каоедрѣ, усыпанный мелко нарѣзанными кусочками бумаги, съ склоненной сѣдой головой, увѣнчанной десяткомъ торчавшихъ въ волосахъ перьевъ и грамматикой Марго на темени. Въ такомъ видѣ его засталъ инспекторъ классовъ.

Вскорѣ потомъ я встрѣтилъ этого бѣдняка зимой на улицѣ, плохо одѣтаго, пьяненькаго, приниженнаго... Онъ отвернулъ отъ меня взглядъ, полный не то ненависти, не то укора. Хотя я лично никогда не травилъ его, но во мнѣ онъ увидалъ одного изъ тѣхъ «враговъ», которые довели его до бѣдственнаго положенія, и этого было довольно.

Кто былъ онъ, какъ попалъ въ преподаватели—никто изъ насъ хорошо не зналъ. Говорили, что онъ былъ французскимъ барабанщикомъ (что не лишено было правдоподобія), затѣмъ былъ гувернеромъ у какого-то генерала, который за него проеилъ директора корпуса, и такимъ образомъ онъ попалъ въ учителя по вольному найму и пробылъ въ корпусѣ учителемъ лѣтъ пять... Добросердечный А. И. Зеленой, вѣрно, догадывался о слабости преподавателя, но едва ли зналъ, что̀ съ нимъ продѣлывали кадеты и какъ онъ преподавалъ. А, можетъ-быть, кое-что и зналъ, но не обращалъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что такому предмету, какъ французскій языкъ, и само начальство того времени не придавало никакого значенія, и онъ, собственно говоря, преподавался для проформы всѣми нашими «французами». Такимъ образомъ, одна лишь случайность—внезапное появленіе инспектора въ моментъ сна пьянаго учителя—была, надо думать, единственной причиной его удаленія.

Пока «французъ» слушалъ переводъ болѣе деликатнаго кадета, мои ближайшіе сосѣди не оставляли меня своимъ вниманіемъ. Меня тихо спрашивали: какъ моя фамилія, откуда родомъ, кто меня экзаменовалъ и т. п. Я отвѣчалъ на вопросы, спрашивая, въ свою очередь, фамиліи новыхъ товарищей, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, получилъ сзади такую затрещину, что у меня посыпались изъ глазъ искры. Обернувшись, я увидалъ того самаго верзилу, который заставилъ француза бѣжать къ форточкѣ.

— Это для перваго знакомства,—проговорилъ онъ съ наглой усмѣшкой, удаляясь на переднюю скамейку.

Учитель ни слова не сказалъ. Всѣ кадеты съ большимъ

любопытствомъ смотрѣли на меня. Никто не протестовалъ противъ нападенія. Я вспыхнулъ отъ негодованія и молчалъ, полный злости на обидчика, чувствуя очень хорошо, что отъ дальнѣйшаго моего поведенія зависитъ мое будущее положеніе среди кадетъ и отношеніе ко мнѣ товарищей... И я рѣшилъ планъ дѣйствій, выжидая конца класса.

Мой сосѣдъ, небольшого роста востроглазый мальчикъ, съ участіемъ посмотрѣлъ на меня и шепнулъ:

— Онъ старикашка и сильный... очень сильный... Онъ всѣхъ задираетъ и всегда новичковъ бьетъ, пока они не объявятъ своей покорности... Ты что думаешь дѣлать... Покориться ему?..

— А вотъ увидишь,—отвѣчалъ я прерывающимся отъ злобы голосомъ...

— Неужели сфискалишь? Ты этого лучше не дѣлай...— участливо замѣтилъ сосѣдъ.—Это не хорошо. И тебѣ еще хуже будетъ...

— Я не фискалъ,—произнесъ я...

— То-то!—весело проговорилъ мой сосѣдъ, видимо нравственно удовлетворенный.

Прозвонили перемѣну, и «француз» быстро вышелъ изъ класса, поставивъ всѣмъ отвѣчавшимъ хорошіе баллы. Всѣ шумно поднялись со скамеекъ, собираясь выходить изъ класса, а я, испытывая въ одно и то же время и отвагу, и трусость, рѣшительно направился къ обидчику, стоявшему у доски. Тогда кадеты остались въ классѣ, ожидая любопытнаго зрѣлища. Въ классѣ наступила торжественная тишина. Это еще болѣе возбуждало мое самолюбіе. «Старикашка», конечно, и не думалъ, чтобы я, небольшой, худенькій мальчуганъ, осмѣлился напасть на него, признаннаго всѣми силача, и когда я, не говоря ни слова, приблизился къ нему и изо всей силы далъ ему пощечину,—онъ, совершенно изумленный, не вѣря такой дерзости, въ первый моментъ опѣшилъ. Эффектъ вышелъ поразительный.

— Ай да новичокъ, молодчага!—раздался чей-то негромкій одобрительный голосъ.

«Старикашка», высокій, здоровый, румяный кадетъ съ пробивавшимися усами, успѣлъ уже оправиться и съ презрительнымъ высокомѣріемъ оглядывалъ меня.

— Стань кто-нибудь на часы... Я его проучу... Давай «хлестаться»!

И съ этими словами онъ бросился на меня. Я не оста-

вался въ долгу, и мы съ ожесточеніемъ хлестались, окруженные тѣснымъ кольцомъ любопытныхъ зрителей этой драки.

Драка была отчаянная и прекратилась по настоянію присутствующихъ, которые, вѣроятно, нашли, что честь съ обѣихъ сторонъ вполнѣ удовлетворена, и хотя я вышелъ изъ боя въ довольно плачевномъ видѣ: съ разорванной курткой, съ громаднымъ синякомъ и съ болью въ груди, тѣмъ не менѣе на меня глядѣли не безъ почтительнаго уваженія...

Эта драка была, такъ сказать, моимъ «крещеніемъ», опредѣлившимъ будущее положеніе въ кадетской средѣ и сразу давшимъ мнѣ права неприкосновенности. Съ этой минуты никто ужъ не смѣлъ нападать на новаго члена суровой кадетской вольницы, зная, что нападеніе не останется безотвѣтнымъ.

Но горе было бы новичку, если-бъ онъ на первыхъ порахъ струсилъ и не далъ бы отпора. Такимъ робкимъ новичкамъ (особенно въ младшихъ ротахъ) грозила тяжкая доля быть въ полномъ подчиненіи у «старикашекъ», откупаясь отъ ихъ побоевъ безотвѣтной покорностью, а то и булками. Вообще всякая трусость и слабость жестоко карались, и «непротивленіе злу» приносило плачевные результаты. А вздумай новичокъ жаловаться—ему предстояла опасность быть избитымъ самымъ серьезнымъ образомъ и пріобрѣсти презрительную кличку «фискалъ», на котораго смотрѣли, какъ на парію.

«Старикашка», напавшій на меня, представлялъ собою любопытный, уже вымиравшій въ то время, типъ закоренѣлаго «битка»—кадета пятидесятыхъ годовъ, продуктъ николаевскаго времени. Семнадцатилѣтній здоровый юноша, онъ уже два года сидѣлъ въ классѣ, пробывъ, кажется, по два года въ каждомъ классѣ, и, не выдержавъ на третіи годъ экзамена, вышелъ изъ корпуса и поступилъ въ армейскіе юнкера. Мало способный, довольно ограниченный, онъ съ полнымъ презрѣніемъ относился къ ученію и былъ пропитанъ самыми крѣпостническими тенденціями, вынесенными еще изъ медвѣжьяго угла помѣщичьей усадьбы. Онъ былъ хранителемъ старыхъ кадетскихъ традицій, старался говорить басомъ, напускалъ на себя грубость, по принципу считалъ своимъ долгомъ устраивать всякія каверзы начальству и говорилъ, что не желаетъ учиться на зло ему. И дѣйствительно не учился. Но за то былъ

отличнымъ фронтовикомъ, набивалъ себѣ мускулы, закаливалъ себя и былъ рыцарски честенъ и вѣренъ въ словѣ. Наказанія онъ выносилъ стоически и ложился подъ розги съ видомъ человѣка, собирающагося купаться. Перекрестится—и на скамейку. Закуситъ руку—и ни звука, и послѣ наказанія смотритъ гоголемъ, точно хочетъ сказать: «что̀ взяли?..»

Послѣ драки со мной онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Молодецъ!..

И, заботливо оглядѣвъ мои синяки, прибавилъ:

— Подбѣли ихъ!

При помощи опытныхъ кадетъ синяки мои были подбѣлены мѣломъ, куртка приведена въ порядокъ, вихры приглажены. Когда послѣ классовъ мы вернулись въ роту, меня тотчасъ же одѣли въ новую форму морского кадета, и затѣмъ я явился передъ лицо ротнаго командира.

Это былъ пожилой штабъ-офицеръ съ сѣдыми курчавыми волосами и бѣгающими несимпатичными глазами, бравый и подтянутый служака николаевской выправки. Далеко не строгій, а скорѣе даже «добрый» съ кадетской точки зрѣнія, онъ, однако, не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ кадетъ. Его считали несправедливымъ, а главное, отчаяннымъ взяточникомъ.

Многіе родители высылали ему изъ деревень всякую провизію. За взятки онъ ставилъ хорошіе баллы, смотрѣлъ сквозь пальцы на дурное поведеніе и бралъ въ свою роту унтеръ-офицеровъ. Онъ не гнушался ничѣмъ: бралъ деньгами, вещами и съѣстными припасами. Такими подачками кадеты откупались отъ порокъ и другихъ наказаній.

И чуткая брезгливая молодежь, по преимуществу дѣти или родственники моряковъ, которые даже и во времена самаго наглаго казнокрадства въ большинствѣ гнушались такой наживой,—слагала цѣлыя некрасивыя легенды про ротнаго командира. При мнѣ онъ, впрочемъ, былъ не долго. Новыя вѣянія коснулись и корпуса. Этотъ ротный командиръ вышелъ въ отставку и, какъ говорили, едва ли по своему желанію.

Окинувъ взглядомъ только-что полученную отъ каптенармуса форму и найдя, что все хорошо, онъ затѣмъ освѣдомился насчетъ моихъ синяковъ.

— Дрался съ кѣмъ-нибудь?.. Кто тебя такъ изукрасилъ, а?

Я поспѣшилъ отвѣтить, что упалъ на лѣстницѣ, когда шли изъ классовъ, и расшибся. И даже, для бо̀льшей убѣдительности, вдался въ нѣкоторыя фантастическія подробности, заслужившія видимое восторженное удивленіе къ моей изобрѣтательности нѣсколькихъ кадетъ, стоявшихъ около.

Само собою разумѣется, что ротный командиръ не повѣрилъ ни одному моему слову. Тѣмъ не менѣе онъ не только не допытывался далѣе насчетъ дѣйствительной причины моихъ синяковъ, но видимо отнесся съ молчаливымъ одобреніемъ бывшаго моряка-кадета къ моей нахальной лжи и только, весело и лукаво подмигнувъ мнѣ глазомъ, проговорилъ:

— Впередъ, смотри, такъ не падай и такъ не расшибайся!

Нечего и говорить, что товарищи находили, что я вралъ ротному блистательнымъ манеромъ.

III.

Эта тщедушная фигурка блѣднаго, худого, забитаго и приниженнаго четырнадцатилѣтняго бѣлокураго мальчика съ красивымъ лицомъ и покорнымъ, почти страдальческимъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ,—котораго почти каждый изъ товарищей считалъ своимъ долгомъ такъ, походя, толкнуть, ударить по лицу или презрительно обозвать какимъ-нибудь ругательствомъ—невольно возстаетъ передо мной при воспоминаніяхъ о первыхъ дняхъ въ корпусѣ. И этотъ мальчикъ, князь N, съ которымъ никто не разговаривалъ, никто не обращался иначе, какъ съ грубымъ словомъ, безмолвно переносилъ всѣ эти пинки, удары и ругательства и только какъ-то безпомощно ежился и умоляющимъ взоромъ просилъ о пощадѣ. Но пощады ему не было. Онъ былъ «паріей», «отверженцемъ» среди этихъ веселыхъ, жизнерадостныхъ и жестокихъ кадетъ.

Когда я въ первый же день поступленія увидалъ, какъ безъ всякой, повидимому, причины бьютъ этого несчастнаго и спросилъ: «за что?», мой сосѣдъ по классу, востроглазый кадетъ Ивановъ, отвѣтилъ тономъ глубочайшаго презрѣнія:

— Наушникъ!

И этимъ словомъ было все сказано и, казалось, все объяснено.

— Ты, смотри, съ нимъ не говори... Съ нимъ позоръ говорить!—замѣтилъ Ивановъ.—Его и начальство не терпитъ... Еще бы... Кто можетъ терпѣть Іуду предателя!—прибавилъ Ивановъ.

Потомъ я узналъ исторію этого предательства.

Эта печальная исторія мальчика, избалованнаго маменькина сынка, вѣроятно, привыкшаго дома видѣть примѣры наушничества прислуги,—рисуетъ довольно характерно кадетскіе нравы того времени и отношеніе не только кадетъ, но и самого корпуснаго начальства къ тому, что впослѣдствіи многими педагогами поощрялось, какъ похвальная откровенность, и возводилось въ принципъ и многимъ изъ нашихъ дѣтей не казалось, какъ намъ, старымъ кадетамъ, величайшимъ позоромъ.

Изнѣженный и избалованный, маленькій князь N изъ-подъ крыла матери и изъ атмосферы угодливости крѣпостной челяди богатой помѣщичьей усадьбы прямо попалъ въ нѣсколько спартанскую обстановку разсадника будущихъ моряковъ, по преимуществу дѣтей изъ бѣдныхъ, захудалыхъ дворянскихъ семей. Въ этомъ разсадникѣ крѣпко держалось кадетское «обычное право», существовали свой кодексъ чести, своя этика, которые традиціонно передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію и свято хранились кадетами до тѣхъ поръ, пока не рухнула прежняя система воспитанія. Понятно, что для маленькаго барчонка перемѣна обстановки была рѣзка. Эти насмѣшливые, задорные и недоброжелательные на первыхъ порахъ взгляды цѣлой шайки грубоватыхъ, остриженныхъ подъ гребенку, маленькихъ разбойниковъ, которые сразу окрестили новичка кличкой «цынготнаго», что на кадетскомъ жаргонѣ значило: слабый, трусливый, нездоровый,—эти равнодушно-серьезныя лица дежурныхъ офицеровъ и эти строгіе начальственные окрики фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ, подчасъ отчаянныхъ тирановъ,—не могли не смутить мальчика, да еще такого тепличнаго. Первая знатная встрепка—«встрепка испытанія»,—заданная ему, какъ новичку, несмотря на доброжелательный совѣтъ какого-то участливаго товарища: «не фискалить»,—заставила его искать защиты у начальства. Какъ прежде дома онъ жаловался на своихъ обидчиковъ матери, увѣренный, что получитъ всегда удовлетвореніе, такъ и теперь онъ думалъ найти защиту у ротнаго командира и дежурныхъ офицеровъ. Это было первымъ шагомъ дальнѣйшихъ бѣдъ

мальчика. За него, разумѣется, заступились, но это заступничество было, такъ сказать, формальное. Начальство того времени не особенно поощряло жалобы кадетъ другъ на друга, полагая, и, пожалуй, не безъ нѣкотораго основанія, что мальчики сами лучше разберутся въ своихъ ссорахъ.

Обидчика наказали. Новичокъ торжествовалъ, но не надолго. Въ тотъ же вечеръ двое кадетъ, на которыхъ выпалъ жребій проучить фискала, въ видахъ его наставленія на путь чести, «подъ фуркой» (т.-е. закрывъ лица платками) жесточайшимъ образомъ избили новичка, при чемъ вновь преподали ему въ краткихъ словахъ условія, необходимыя для честнаго кадета... Но новичокъ въ ужасѣ опять побѣжалъ жаловаться дежурному офицеру. Разумѣется, виновныхъ не нашли. На слѣдующій день избитый мальчикъ пожаловался своему ротному командиру.

Этотъ ротный командиръ Z тоже былъ довольно оригинальный типъ. Самъ до мозга костей «старый кадетъ», рыцарь чести и справедливости, онъ нещадно поролъ своихъ питомцевъ, глубоко убѣжденный, что порка—отличное и единственное педагогическое средство. Онъ былъ грозою кадетъ, которые отлично знали, что разъ попался—пощады нѣтъ: Иванъ Ивановичъ выпоретъ. И только, чего можно было добиться отъ него, это нѣкотораго уменьшенія количества розогъ при обѣщаніи не очень кричать. И онъ на это сдавался.

Выслушавъ жалобу новичка съ видимымъ неудовольствіемъ, Иванъ Ивановичъ по обыкновенію закрутилъ свои длинные усы и, подрагивая ногой, стоялъ нѣкоторое время въ задумчивости, какъ быть. Наконецъ, вызвалъ пять человѣкъ изъ самыхъ отчаянныхъ и повелъ ихъ за собой для порки. Онъ хорошо зналъ, что требовать выдачи виновныхъ безполезно, и потому «для примѣра» рѣшилъ наказать кого-нибудь.

Съ тѣхъ поръ новичокъ былъ прозванъ «фискаломъ». Въ общихъ играхъ онъ не принималъ участія. Съ нимъ никто не дружилъ. Только трое кадетъ, падкихъ до угощенія, были близки съ маленькимъ N, приносившимъ изъ «за корпуса» по воскресеньямъ отъ тетки очень вкусныя яства и лакомства. Но и эта близость видимо была корыстная, прекращавшаяся съ понедѣльника, когда всѣ запасы были истреблены, и возобновлявшаяся съ пятницы и субботы. Жизнь новаго кадета была не изъ пріятныхъ.

Ему необходимо было заслужить прощеніе товарищей, но, вмѣсто того, этотъ маменькинъ сынокъ, привыкшій быть баловнемъ дома, а теперь обиженный, съ уязвленнымъ самолюбіемъ, озлобленный противъ этихъ сердитыхъ и злыхъ товарищей, совершилъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, поступокъ, едва ли понимая все его значеніе и не предвидя гибельныхъ его послѣдствій.

Онъ узналъ, что противъ одного дежурнаго офицера, котораго звали «Свирѣпой дылдой», готовится заговоръ. Рѣшено было ночью, когда «дылда» заснетъ въ дежурной комнатѣ, стащить его киверъ и саблю и запрятать ихъ подальше куда-нибудь. Если обстоятельства позволятъ, вдобавокъ стащить и сапоги—для бо̀льшаго эффекта. Богъ знаетъ какія побужденія заставили N рѣшиться сообщить о заговорѣ дежурному офицеру. Быть-можетъ, желаніе видѣть наказанными своихъ враговъ, быть-можетъ, страхъ самому быть наказаннымъ въ числѣ другихъ, а можетъ, и желаніе подслужиться, но только онъ, выждавъ, когда кадеты легли спать, пришелъ къ дежурному офицеру и сообщилъ ему о заговорѣ, назвавъ имена заговорщиковъ, вполнѣ увѣренный, что никто не узнаетъ объ его поступкѣ, и что «Свирѣпая дылда» его поблагодаритъ.

Но нравы педагоговъ были въ то время иные.

«Свирѣпая дылда» не только не поблагодарилъ мальчика за «похвальную откровенность», но съ презрѣніемъ оглянулъ его съ головы до ногъ и грубо прогналъ его вонъ, замѣтивъ, что только подлецы выдаютъ товарищей.

Покушеніе не удалось въ эту ночь. «Свирѣпая дылда» отдалъ на храненіе киверъ и саблю дневальному, а когда сдѣлана была попытка снять сапогъ, онъ такъ заворчалъ во снѣ, что кадетъ обратился въ бѣгство... Всѣ недоумѣвали странной предусмотрительности офицера въ эту ночь, но недоумѣніе скоро разъяснилось. На слѣдующее утро, когда рота стояла во фронтѣ, готовая идти къ чаю, дежурный офицеръ съ негодованіемъ объявилъ при всей ротѣ о поступкѣ князя N и прибавилъ, что не придаетъ никакого значенія его словамъ и, конечно, не будетъ преслѣдовать оговоренныхъ, пока они не попадутся... «А если попадутся, ну, тогда... я вамъ покажу!»

Съ этой минуты князь N сталъ «отверженцемъ». Ротный командиръ Иванъ Ивановичъ, узнавши объ этой исторіи, косо смотрѣлъ на N и часто на него покрикивалъ. Жизнь мальчика стала пыткой.

Прошелъ годъ. Ужъ онъ давно смирился и покорно, не смѣя жаловаться, сносилъ презрительныя ругательства, толчки и побои, надѣясь безотвѣтностью вымолить прощеніе. Напрасно! Клеймо наушника оставалось на немъ, и ему не прощали. Напрасно онъ пробовалъ объяснять, что больше фискалить не будетъ, и молилъ о пощадѣ. Ему не вѣрили. Его всегда подозрѣвали.

Всю эту скорбную исповѣдь своихъ страданій разсказалъ мнѣ однажды ночью этотъ несчастный, блѣдный, тщедушный мальчикъ, горько рыдая и прося меня о заступничествѣ передъ товарищами... Наши кровати были рядомъ, и онъ видимо питалъ ко мнѣ благородное чувство за то, что я не притѣснялъ его. Онъ спрашивалъ, что̀ ему, наконецъ, дѣлать, какъ избавиться отъ этого позорнаго положенія отчужденности. Онъ уже нѣсколько разъ умолялъ въ письмахъ мать взять его изъ ненавистнаго заведенія, но отецъ не соглашался.

Мое ходатайство за него предъ товарищами не имѣло большого успѣха. И Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилъ этотъ отчаявшійся, всѣми презираемый мальчикъ, если-бъ, наконецъ, не пріѣхала мать и не взяла своего сына изъ корпуса.

IV.

Наканунѣ шестидесятыхъ годовъ, когда начиналась кипучая дѣятельность обновленія, морское вѣдомство, имѣя во главѣ великаго князя Константина Николаевича, первое вступило на путь реформъ, давая, такъ-сказать, тонъ другимъ вѣдомствамъ, и «Морской Сборникъ» былъ въ то время едва ли не единственнымъ журналомъ, въ которомъ допускалась сколько-нибудь свободная критика существовавшихъ порядковъ, поднимались вопросы, касавшіеся не одного только флота, и печатались, между прочимъ, знаменитыя статьи о воспитаніи Пирогова.

Несмотря на это, морской корпусъ продолжалъ еще жить по-старому, сохраняя прежнія традиціи николаевскаго времени. Бо̀льшая часть воспитателей и преподавателей оставалась на своихъ мѣстахъ, и патріархальная грубость нравовъ еще сохранялась.

Тѣмъ не менѣе новыя вѣянія уже чувствовались. Нещадная порка, служившая едва ли не главнымъ элементомъ воспитанія будущихъ моряковъ, которые, по выходѣ въ офицеры, въ свою очередь, дрессировали матросовъ

поркой и зуботычинами, прекратилась еще при мнѣ въ старшихъ ротахъ, а въ младшихъ ротахъ практиковалась далеко не съ прежней расточительностью и не иначе, какъ съ разрѣшенія директора, тогда какъ прежде тѣлесныя наказанія составляли неотъемлемое право ротныхъ командировъ, пользовавшихся имъ довольно широко. Самые грубые изъ корпусныхъ офицеровъ нѣсколько понизили тонъ, и даже самъ батальонный командиръ, завѣдывавшій строевымъ обученіемъ кадетъ, завзятый фронтовикъ, quasi-морякъ, всю жизнь проведшій на сухомъ пути, крикунъ и ругатель, и тотъ на ученьяхъ старался сдерживаться.

Это былъ свѣжій, крѣпкій и молодцоватый человѣкъ, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, съ лицомъ, манерами и окриками заправскаго дореформеннаго фельдфебеля, готоваго перервать горло за скверную стойку. Всегда подтянутый, точно готовый во всякую минуту къ смотру, съ выпученной колесомъ грудью, съ зачесанными впередъ на виски рыжими прядками волосъ, позвякивавшій шпорами, которыя онъ носилъ въ качествѣ батальоннаго командира, замиравшій отъ восторга при однообразномъ и отрывистомъ щелканіи ружей во время продѣлыванія ружейныхъ пріемовъ или при красивомъ учебномъ шагѣ, бѣсновавшійся и называвшій бабой и дрянью всякаго кадета, слабаго по фронту, и нерѣдко заканчивавшій ученье приказаніемъ «перепоротъ» нѣсколькихъ кадетъ,—и онъ, этотъ представитель шагистики у моряковъ и нелюбимый кадетами, случалось, вдругъ на половинѣ обрывалъ свою ругательную импровизацію, какъ-то отчаянно крякалъ и безнадежно взмахивалъ рукой, словно предчувствуя, что пѣсня его близка къ концу, и что вся эта муштра, вовсе и ненужная будущимъ морякамъ, отойдетъ въ область воспоминаній, и самъ онъ, ни на что болѣе не нужный, удалится изъ корпуса на покой, чтобы скорбѣть о прошлыхъ временахъ.

Бо́льшую часть своей службы онъ провелъ въ морскомъ корпусѣ сперва корпуснымъ офицеромъ, потомъ ротнымъ командиромъ и затѣмъ батальоннымъ. Кажется, онъ даже что-то преподавалъ, этотъ фронтовикъ николаевскаго времени, перепоровшій на своемъ вѣку нѣсколько поколѣній кадетъ съ безсердечіемъ и жестокостью грубаго и озвѣрѣлаго человѣка.

Достойно замѣчанія, что подобные «моряки» вырабатывались исключительно въ балтійскомъ флотѣ, вблизи отъ

Петербурга. Въ черноморскомъ флотѣ такихъ не было. Несмотря на суровое время, въ Черномъ морѣ не обращали большого вниманія на шагистику и «идеальное» равненіе, и даже — о, ужасъ!—моряки тамъ носили «лиселя», т.-е. воротнички, несмотря на то, что тогдашняя форма запрещала такое «свободомысліе»... И самъ Нахимовъ ходилъ съ «лиселями», что, впрочемъ, не мѣшало ему быть превосходнымъ адмираломъ.

Выходъ въ отставку батальоннаго командира былъ встрѣченъ общей радостью кадетъ. Его мѣсто занялъ баронъ де-Ридель, ротный командиръ, необыкновенно добрый человѣкъ, любимый воспитанниками. Близорукій, не особенно воинственный по осанкѣ толстякъ, съ изрядным брюшкомъ, онъ не особенно напиралъ на шагистику. И она, быть-можетъ, при немъ и пала нѣсколько, но за то ученія уже болѣе не сопровождались фельдфебельскими окриками и ругательствами и не оканчивались наказаніями.

Какъ я уже упоминалъ, преподаваніе общеобразовательныхъ наукъ и наканунѣ шестидесятыхъ годовъ стояло на очень низкомъ уровнѣ. Моряки выходили изъ заведенія съ весьма небольшимъ общимъ развитіемъ и съ самымъ малымъ знакомствомъ не только съ общей исторіей, но даже и съ русской, о литературѣ и правѣ выносили и совсѣмъ смутныя понятія, вѣрнѣе даже—никакихъ, такъ что пополнять громадные пробѣлы своего образованія приходилось, если тому помогали обстоятельства, уже самимъ молодымъ офицерамъ за стѣнами корпуса. Дальнія плаванія, знакомство съ порядками чужихъ странъ, разумѣется, способствовали этому, расширяя умственный кругозоръ. Нечего и говорить, что просвѣтительное движеніе шестидесятыхъ годовъ много помогло тогдашнему поколѣнію моряковъ, заставивши ихъ встрепенуться, обратиться къ книжкѣ и гуманнѣе относиться къ матросамъ.

Беззаботность насчетъ литературы и родного языка была въ морскомъ корпусѣ, поистинѣ, поражающая, и извѣстный анекдотъ объ одномъ почтенномъ адмиралѣ, который въ началѣ пятидесятыхъ годовъ любезно разрѣшилъ представившемуся ему Нестору Кукольнику давать представленія въ городѣ, принявъ писателя за фокусника съ куклами,—не представлялъ собою ничего исключительнаго. Я въ шестидесятыхъ годахъ зналъ моряковъ, которые не знали Гоголя, Тургенева и Достоевскаго даже по именамъ.

Хотя въ мое время кадетамъ и извѣстны были имена Ломоносова, Державина, Крылова, Карамзина и Пушкина, но знакомство съ названными писателями было, такъ сказать, шапочное и ограничивалось образцами въ весьма умѣренныхъ дозахъ. Нашъ старый Василій Ивановичъ, учитель русскаго языка и словесности, безсмѣнно въ теченіе сорока лѣтъ преподававшій въ морскомъ корпусѣ и заставившій нѣсколько поколѣній моряковъ испытывать величайшія затрудненія въ орѳографіи,—послѣ Пушкина, кажется, литературы не признавалъ, да и вообще былъ педагогъ-рутинеръ, который велъ свое дѣло спустя рукава, отбывая лишь повинность для заработка. Къ Гоголю онъ относился неодобрительно, называлъ его каррикатуристомъ и предостерегалъ въ старшихъ классахъ отъ чтенія «Мертвыхъ душъ», утверждая, что оно только развращаетъ молодого читателя и не даетъ пищи ни для ума, ни для сердца.

«Чтеніе должно возвышать и просвѣтлять, а не низводить насъ до низменныхъ явленій жизни! — говорилъ обыкновенно учитель, когда кто-нибудь задавалъ вопросъ о Гоголѣ.—Вотъ, напримѣръ, какое чтеніе возвышаетъ».— И начиналъ декламировать оду «Богъ».

А когда однажды кто-то въ нашемъ классѣ освѣдомился: хороши ли стихотворенія Некрасова (тогда только-что вышелъ томикъ его стихотвореній), то на старчески-румяномъ, морщинистомъ лицѣ Василія Ивановича выразилось глубочайшее презрѣніе, тонкія его губы вытянулись въ пренебрежительную улыбку, и онъ со своей обычной усмѣшечкой замѣтилъ:

— Некрасовъ?.. Я что-то читалъ г. Некрасова. Читать не рекомендую-съ. Пошлость дурного тона и неблагонамѣренное направленіе... Они называютъ свои писанія натуральной школой... Вотъ какая это школа...

И старикъ съ иронической миной декламировалъ:

Возлѣ лѣса рѣчка,
Черезъ рѣчку мостъ.
На мосту овечка,
У овечки хвостъ.

— Нравится? — продолжалъ Василій Ивановичъ. — Въ этакомъ родѣ и пишутъ новѣйшіе поэты и прозаики. Это—образецъ натуральной школы... Развѣ тутъ есть поэзія?.. Какое кому дѣло, что на мосту овечка, и кому неизвѣстно, что у овечки хвостъ, а?..

Въ классѣ раздался веселый гоготъ тридцати юныхъ «саврасовъ», скорѣе, казалось, одобрявшій, чѣмъ порицавшій это четверостишіе. Но Василій Ивановичъ принималъ этотъ гоготъ, какъ невольную дань его остроумію, и съ важнымъ видомъ побѣдителя смотрѣлъ на классъ, оправляя свои сѣденькіе височки, и затѣмъ, въ видѣ сентенціи, обыкновенно прибавлялъ:

— Читать надо, господа, съ большимъ разборомъ. и только то, что разрѣшаютъ наставники и родители... Лучше поменьше читать, чѣмъ читать вредныя книги!

И при этомъ Василій Ивановичъ бросалъ значительный взглядъ на своего сына, который обыкновенно подъ этимъ взглядомъ въ страхѣ опускалъ глаза.

Послѣ подобнаго назиданія, съ прибавленіемъ подчасъ краткихъ предикъ о повиновеніи, Василій Ивановичъ продолжалъ читать своимъ тихимъ, слащавымъ, слегка скрипучимъ, старческимъ голосомъ какой-нибудь отрывокъ изъ Карамзина, при чемъ, въ мѣстахъ чувствительныхъ или патріотически-возвышенныхъ, его маленькіе сѣрые, зоркіе глазки, далеко не отличавшіеся добродушіемъ, слегка увлажались слезой, которую онъ утиралъ грязнымъ, испачканнымъ нюхательнымъ табакомъ, шелковымъ платкомъ. А не то Василій Ивановичъ объяснялъ или, вѣрнѣе, повторялъ по учебнику, слово въ слово, опредѣленіе хорея или ямба.

Обыкновенно во время этихъ уроковъ въ классѣ царила удручающая скука. Никто, исключая сына Василія Ивановича да двухъ-трехъ учениковъ «изъ первыхъ», не слушалъ ни чтенія, ни объясненій старика. На заднихъ скамейкахъ дремали или готовили уроки изъ другихъ предметовъ, а такъ-называемые «битки» (послѣдніе по классу ученики), сидѣвшіе на переднихъ скамейкахъ, немилосердно зѣвали, безсмысленно выпяливъ глаза на учителя, и радостно оживлялись, когда онъ прерывалъ на время свои объясненія, чтобъ зарядить обѣ ноздри своего небольшого носа табакомъ.

— Пе-р-в-а-я, п-л-и!—шепталъ про себя оживившійся «битокъ» послѣ того, какъ носъ былъ заряженъ, и если тотчасъ же послѣ команды Василій Ивановичъ чихалъ, «битокъ» былъ очень доволенъ.

Повидимому, и самъ Василій Ивановичъ весьма равнодушно относился къ успѣхамъ своихъ учениковъ и не былъ особенно требователенъ къ устнымъ отвѣтамъ и къ

сочиненіямъ, заботясь, главнымъ образомъ, лишь о томъ, чтобы въ классѣ у него была благоговѣйная тишина, и ему самому оказывали почтительное уваженіе и никогда не возражали. Подобнымъ образомъ дѣйствій самые плохіе ученики покупали себѣ удовлетворительныя отмѣтки.

И у Василія Ивановича въ классѣ дѣйствительно вели себя смирно, да и къ тому же побаивались этого медоточиваго, благообразнаго и добраго на видъ старичка. Всѣ знали, что онъ далеко не добрый, что онъ злопамятенъ, очень ревнивъ въ охраненіи собственнаго достоинства и къ тому же никакой шалости не проститъ. Въ случаѣ какой-нибудь кадетской «штуки», и особенно если Василію Ивановичу кто-нибудь отвѣтитъ дерзко или насмѣшливо,— онъ ничего не скажетъ, только пристально взглянетъ на виноватаго, плотнѣе сожметъ свои тонкія губы и покачаетъ своей сѣденькой остроконечной головой съ видомъ сожалѣнія. А затѣмъ, когда окончится урокъ, онъ побѣжитъ къ инспектору и наговоритъ ему съ три короба, и непремѣнно раздуетъ исторію. И если бы не доброта и не тактъ А. И. Зеленаго, который умѣлъ понимать кадетскія шалости, жалобы этого медоточиваго старика вызывали бы болѣе суровыя наказанія, чѣмъ добродушно-ворчливые выговоры добряка-инспектора и въ крайнемъ случаѣ наказаніе не ходить въ субботу «за корпусъ», т.-е. въ отпускъ.

Нечего и прибавлять, что кадеты, чувствуя лицемѣріе Василія Ивановича, не довѣряли его обманчивому доброжелательству, о которомъ онъ любилъ распространяться, и не терпѣли учителя. Вдобавокъ, ни для кого не было секретомъ, какъ этотъ благообразный и съ виду добренькій старичокъ былъ жестокъ съ своимъ сыномъ. Онъ его звѣрски колотилъ и безпощадно сѣкъ у себя дома изъ-за всякаго малѣйшаго проступка. И бѣдный мальчикъ трепеталъ отъ одного взгляда своего отца и грустный уходилъ по субботамъ въ отчій домъ. Эта жестокость принесла свои плоды: мальчикъ выросталъ образцовымъ тихоней, скромнымъ, прилежнымъ, вѣчно зубрившимъ уроки благонравнымъ кадетомъ, никогда не шалившимъ, но въ то же время скрытнымъ и озлобленнымъ.

V.

Этотъ высокій и худой старикъ Иванъ Захаровичъ, фигурой и лицомъ напоминавшій цаплю, длинноногій, съ

близорукими, разсѣянными глазами и длиннымъ краснымъ носомъ, рисуется въ моей памяти не иначе, какъ сидящимъ съ высоко поднятой головой на каѳедрѣ и съ нѣкоторымъ торжественнымъ паѳосомъ восхваляющимъ Солона и Ликурга или Готфрида Бульонскаго. На среднихъ вѣкахъ, и то не окончивши ихъ, мы, сколько помнится, разстались съ учителемъ исторіи и болѣе уже ее не слыхали въ морскомъ корпусѣ, сохранивъ и о Солонѣ, и о Ликургѣ добрую память, нераздѣльную съ памятью объ Иванѣ Захаровичѣ. Достаточно вспомнить мудраго Солона, чтобы вспомнить немедленно и этого добраго человѣка, несмотря на то, что онъ не особенно заботился о нашихъ историческихъ знаніяхъ и не особенно сердился, когда мы безбожно путали хронологію. Этого добряка Ивана Захаровича кадеты нисколько не боялись и потому во время его уроковъ занимались всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не исторіей, довольствуясь приготовленіемъ заданнаго по учебнику. Только нѣсколько любителей слушали восторженные отзывы Ивана Захаровича о мудромъ законодателѣ, къ которому учитель, повидимому, питалъ особое пристрастіе, такъ какъ возвращался къ нему не разъ... Римскую исторію Иванъ Захаровичъ, кажется, меньше любилъ и, вѣроятно, поэтому предоставлялъ намъ знакомиться съ ней самимъ и, слушая наши отвѣты, одобрительно покачивалъ головой, хотя подчасъ ученикъ и немилосердно перевиралъ факты. Какъ кажется, Иванъ Захаровичъ, за старостью лѣтъ, и самъ забывалъ факты, не имѣя передъ глазами книги—да проститъ ему Богъ! Несмотря на возможность дѣлать въ классѣ все, что̀ угодно, кадеты «берегли» Ивана Захаровича, то-есть вели себя настолько прилично и тихо, насколько было необходимо, чтобъ не накликать прихода начальства.

Иванъ Захаровичъ былъ общительный человѣкъ и, случалось, вмѣсто того, чтобы вызывать и спрашивать, онъ «ляснича̀лъ» о предметахъ, вовсе не относящихся къ древней исторіи, и тогда его слушали съ большимъ интересомъ и всѣ оживлялись, узнавая, какъ онъ провелъ лѣто въ деревнѣ и какихъ вылавливалъ окуней въ озерѣ. Онъ былъ завзятый рыболовъ и о ловлѣ окуней разсказывалъ съ увлеченіемъ, едва ли не бо̀льшимъ, чѣмъ о Готфридѣ Бульонскомъ, который, надо думать, порядочно-таки надоѣлъ и ему самому.

Если во время такихъ разговоровъ неожиданно появ-

лялся въ классѣ инспекторъ, Иванъ Захаровичъ, подмигивая лукаво глазомъ классу, какъ ни въ чемъ не бывало, начиналъ:

— Итакъ, господа, мы только-что узнали, какой мудрый законодатель былъ Солонъ... Теперь посмотримъ...

Классъ былъ въ восторгѣ отъ находчивости старика и, разумѣется, никогда не выдавалъ его, и инспекторъ уходилъ, не подозрѣвая, что Иванъ Захаровичъ бо̀льшую часть урока посвя̀тилъ бесѣдѣ о ловлѣ окуней.

Иногда Ивана Захаровича, несмотря на самыя дружескія къ нему отношенія, травили. Обыкновенно травля состояла въ томъ, что какой-нибудь кадетъ съ самымъ невиннымъ видомъ обращался къ Ивану Захаровичу:

— Иванъ Захарычъ! Позвольте васъ спросить объ одной вещи...

— Спрашивай, братецъ, спрашивай,—добродушно отвѣчалъ Иванъ Захаровичъ, не подозрѣвавшій никакой каверзы.

— Отчего это у васъ, Иванъ Захарычъ, носъ такой красный?

— А тебѣ какое дѣло до моего носа? Какое тебѣ дѣло? — съ сердцемъ замѣчалъ Иванъ Захаровичъ. — Видно, хочешь изъ класса вонъ, а?..

— Я такъ, Иванъ Захарычъ, право, такъ, больше изъ любознательности. Я слышалъ, что красные носы бываютъ у тѣхъ, кто пьетъ одну воду. Правда это, Иванъ Захарычъ?

— Дуракъ ты, и злой дуракъ—вотъ что правда! Ступай вонъ изъ класса!

— За что же, Иванъ Захарычъ?

— За то, что ты свинтусъ и говоришь дерзости...

— И не думалъ, Иванъ Захарычъ... Развѣ красный носъ...

— Вонъ!—кричалъ окончательно осердившійся старикъ и, выпрямившись во весь свой ростъ, трагическимъ жестомъ руки указывалъ на двери.

— Иванъ Захарычъ, милый, голубчикъ, простите,—начиналъ искусственно жалобнымъ тономъ молить кадетъ.

— Не сто̀ишь... Ступай вонъ!

— Я, право, не хотѣлъ оскорбить васъ, Иванъ Захарычъ, ей-Богу не хотѣлъ... Мы всѣ такъ васъ любимъ...

— Любимъ, любимъ! — подхватывалъ весь классъ. — Простите Егорова!

— Иванъ Захарычъ! Позвольтс остаться въ классѣ... позвольте... Вѣдь меня не пустятъ за корпусъ, а у меня мать больна... Каково ей будетъ!..

— Мать больна... И ты не врешь?..

— Право, не вру, — не моргнувши глазомъ, вралъ школяръ.

Добрякъ Иванъ Захаровичъ, быстро отходившій, какъ всѣ вспыльчивые люди, успокаивался, обыкновенно прощалъ и при этомъ говорилъ:

— Красные носы бываютъ у пьяницъ... Ты это хотѣлъ знать?..

При такой постановкѣ вопроса повеселѣвшій-было кадетъ смущенно молчалъ.

— А у меня, братецъ, красный носъ отъ природы, коли тебя смущаетъ мой носъ. И я не пьяница, и тебѣ не совѣтую быть пьяницей... Но все же лучше быть пьяницей, чѣмъ злымъ человѣкомъ... Ну, садись на мѣсто и не будь никогда злюкой... А что захочешь спросить—спрашивай прямо, безъ хитростей... Бери примѣръ съ мудраго Солона.

— Добрый, славный вы, Иванъ Захарычъ! — кричалъ классъ.—А мы Егорова вздуемъ!

— Не надо, не дуйте!—заступался Иванъ Захарычъ.

И, снова сдѣлавшись добродушнымъ, Иванъ Захарычъ продолжалъ урокъ.

Иногда по недѣлямъ онъ не являлся—«болѣлъ», тщательно скрывая отъ кадетъ свою болѣзнь. Послѣ ужъ мы узнали, что этотъ старикъ, одинокій какъ перстъ, запивалъ.

VI.

Яркимъ и блестящимъ метеоромъ промелькнулъ передъ нами, оставивъ по себѣ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній, учитель русскаго языка и словесности Дозе. Къ сожалѣнію, онъ преподавалъ очень короткое время и такъ же неожиданно исчезъ, какъ и появился однажды у насъ въ классѣ вмѣсто стараго Василія Ивановича.

Словно вешняя душистая струя свѣжаго воздуха ворвалась въ классъ, и чѣмъ-то новымъ, хорошимъ, возбуждающимъ пахнуло на огрубѣлыхъ кадетъ, благодаря этому учителю, приглашенному начальствомъ, вѣроятно, для оживленія учительскаго персонала. Съ перваго же своего появленія онъ поразилъ насъ. Ничто, рѣшительно

ничто не напоминало въ этомъ невысокомъ, красивомъ молодомъ брюнетѣ, съ большими, мягкими и вдумчивыми черными глазами и необыкновенно интеллигентнымъ лицомъ, тѣхъ одеревенѣлыхъ и грубыхъ подепщиковъ-учителей, которыхъ мы привыкли видѣть. И его нѣсколько застѣнчивыя манеры, изящная вѣжливость и серьезность отношенія къ кадетамъ, и самый его штатскій черный сюртукъ вмѣсто засаленнаго форменнаго сюртука корпусныхъ преподавателей—все это производило впечатлѣніе чего-то невиданнаго, диковиннаго и обаятельнаго...

На первомъ же урокѣ его хотѣли «испытать». И когда молодой учитель обратился къ классу съ вопросомъ, что̀ мы проходили и что̀ мы читали, одинъ изъ «битковъ» нарочно сталъ громко разговаривать съ сосѣдомъ, а другой свистнулъ.

Дозе на минуту смолкъ и съ мягкой улыбкой обратился къ шумѣвшимъ:

— Надѣюсь, господа, вы не долго будете намъ мѣшать и позволите мнѣ продолжать? Я вѣдь, кажется, буду преподавать юношамъ, а не маленькимъ дѣтямъ, которыхъ надо останавливать? Не правда ли?

Эти вѣжливыя слова, эта милая улыбка, вмѣсто обычныхъ учительскихъ окриковъ и высылокъ изъ класса, заставили опѣшить шумѣвшихъ кадетъ, и они тотчасъ же смолкли. И на весь классъ эта маленькая рѣчь оказала сильное дѣйствіе. Всѣ точно выросли въ своихъ собственныхъ глазахъ, и всѣмъ было словно стыдно передъ этимъ «штафиркой». Въ самомъ дѣлѣ, не маленькія же они дѣти!

Въ первый же урокъ учитель познакомилъ насъ съ Гоголемъ, прочитавши «Шинель». Читалъ онъ мастерски, и бо̀льшая часть класса замерла въ восторженномъ вниманіи, слушая произведеніе великаго писателя. И какимъ смѣшнымъ показался Василій Ивановичъ, отзывавшійся неодобрительно о Гоголѣ! Только три человѣка изъ самыхъ «отчаянныхъ», совсѣмъ отупѣвшихъ кадетъ, оставались равнодушными. Послѣ чтенія, молодой учитель кое-что разсказалъ о Гоголѣ и назвалъ «Ревизора» и «Мертвыя души», отзываясь о нихъ восторженно. Въ слѣдующій урокъ онъ обѣщалъ объяснить намъ значеніе прочитанной повѣсти.

Уроки Дозе стали для насъ какими-то праздниками. Благодаря ему, кадеты впервые услыхали горячее, живое слово объ униженныхъ и оскорбленныхъ, о возвышаю-

щемъ значеніи литературы, объ ея задачахъ и идеалахъ, и о громадной важности подготовлявшагося освобожденія крестьянъ, на которое многіе изъ насъ смотрѣли, какъ на обиду помѣщикамъ. Онъ читалъ намъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, познакомилъ съ «Записками охотника» Тургенева и съ «Бѣдными людьми» Достоевскаго. И все это объяснялъ, комментировалъ... Въ слѣдующемъ году онъ имѣлъ намѣреніе прочитать намъ хотя краткій курсъ исторіи литературы и, удивляясь нашему невѣжеству по части русскаго языка, видимо желалъ пріохотить насъ къ его изученію. Ученическія сочиненія, дѣтски-наивныя и большею частью безграмотныя, онъ поправлялъ съ любовнымъ самоотверженіемъ и объяснялъ, какъ важно умѣть излагать на бумагѣ свои мысли... Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ пробудилъ юношей, заставивъ работать дремавшій мозгъ, заронилъ добрыя зерна и старался развить литературный вкусъ, пріохачивая къ хорошему чтенію.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, ужъ близки были экзамены, какъ въ одно весеннее утро вмѣсто нашего милаго, любимаго Дозе въ классъ пришелъ опять Василій Ивановичъ и занялъ мѣсто на каѳедрѣ, предварительно зарядивъ, по обыкновенію, обѣ свои ноздри табакомъ.

Вѣроятно, на нашихъ лицахъ слишкомъ ярко отразилось непріятное изумленіе при его появленіи. И хотя на лицѣ Василія Ивановича и блуждала его обычная сладенькая улыбочка, но онъ видимо былъ раздраженъ нашимъ безмолвнымъ изумленіемъ, хотя и старался скрыть это.

— Вотъ, я опять со своими старыми друзьями,—заговорилъ онъ.—Я очень радъ, а вы, господа, какъ будто не особенно довольны, что возвратился вашъ старый учитель, а?..

Классъ угрюмо и напряженно молчалъ.

Кто-то освѣдомился о молодомъ учителѣ, и съ разныхъ сторонъ спрашивали:

— Онъ развѣ заболѣлъ?

— Онъ развѣ не придетъ?

— Не придетъ... Онъ больше не будетъ преподавать!— отвѣтилъ Василій Ивановичъ, и недобрая, злорадная усмѣшка перекосила его губы.

— Онъ ушелъ изъ корпуса?..

— Да-съ, ушелъ...

— Отчего онъ ушелъ?—раздались голоса.

— Этого я вамъ объяснять не стану,—какъ-то загадочно усмѣхаясь, промолвилъ Василій Ивановичъ.—Могу только сказать, что этотъ господинъ, который вамъ такъ понравился, больше не будетъ читать разныхъ Некрасовыхъ, Тургеневыхъ и Достоевскихъ и набивать ваши головы вредными бреднями... Довольно-съ!

Въ этомъ тихомъ, скрипучемъ старческомъ голосѣ звучала злобная нотка.

— По-вашему вѣдь и Гоголь не великій писатель, а карикатуристъ, и тоже вредный?—съ нескрываемой насмѣшкой обратился къ старику одинъ изъ неофитовъ—яростный поклонникъ Гоголя и преданный ученикъ Дозе.

— По-моему, Васильевъ, ты долженъ молчать, если тебя не спрашиваютъ! Вотъ что по-моему!—со злостью проскрипѣлъ старикъ и имѣлъ неосторожность прибавить:—это господинъ Дозе тебя такъ просвѣтилъ?

Фамильярно-грубое «ты», обращенное къ пятнадцатилѣтнему юношѣ, ученику младшаго гардемаринскаго класса, послѣ изысканно-вѣжливаго обращенія Дозе, показалось слишкомъ оскорбительнымъ, а злобные намеки на Дозе—гнусной клеветой. И юноша вдругъ сталъ бѣлѣе рубашки и крикнулъ старику:

— Прошу не говорить мнѣ «ты»... Слышите?

Василій Ивановичъ побагровѣлъ, но не сказалъ ни слова. Онъ только плотнѣе сжалъ свои тонкія губы и, кивнувъ злобный взглядъ на протестанта, развернулъ исторію Карамзина.

— Вѣдь вотъ, хорошіе учителя уходятъ, а такіе остаются!—проговорилъ кто-то вполголоса, однако довольно громко для того, чтобъ Василій Ивановичъ могъ услышать.

Весь классъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на Василія Ивановича, но онъ какъ будто ничего не слыхалъ и началъ читать. Только голосъ его слегка дрогнулъ, и по лицу пробѣжала судорога.

— Отецъ все слышалъ!—чуть слышно пролепеталъ его сынъ.

Послѣ класса Василій Ивановичъ пошелъ къ инспектору. Объ этомъ тотчасъ же узнали и съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ разыграется вся эта исторія. Но никакой «исторіи», благодаря А. И. Зеленому, не вышло. Онъ только призвалъ къ себѣ на квартиру Васильева и просилъ раз-

сказать, какъ было дѣло. О кадетѣ, дурно отозвавшемся о преподавателяхъ, Василій Ивановичъ, какъ оказалось, не счелъ нужнымъ докладывать инспектору, тѣмъ болѣе, что и не могъ указать виновнаго. Васильевъ разсказалъ, какъ было дѣло, и не получилъ выговора. Только, отпуская его, Александръ Ильичъ замѣтилъ:

— Вы бы могли сдержаннѣе отвѣтить... А то: кричать на учителя... Не хорошо-съ! Вотъ онъ вамъ теперь единицы будетъ ставить!—усмѣхнулся Александръ Ильичъ и прибавилъ:—ужъ вы не раздражайте старика... смотрите... А я его, съ своей стороны, попрошу, чтобы онъ... того... не говорилъ вамъ, господа, «ты»...

Кажется, этотъ инцидентъ послужилъ поводомъ къ общему распоряженію обращаться къ воспитанникамъ старшихъ классовъ съ мѣстоименіемъ «вы». По крайней мѣрѣ, съ этого времени Василій Ивановичъ не говорилъ уже больше никому «ты» и вообще сталъ гораздо любезнѣе, и даже начиналъ заискивать популярности и уже не называлъ Гоголя каррикатуристомъ... Старикъ какъ будто чувствовалъ близость конца своего педагогическаго поприща и, жадный до уроковъ, готовъ былъ идти на компромиссы.

И это лицемѣріе возбуждало въ кадетахъ еще бо́льшее отвращеніе. Его ужъ даже и не боялись и начинали третировать...

Отстали отъ прежней привычки говорить на «ты» и остальные учителя и ротные командиры, и даже самъ директоръ корпуса, престарѣлый и болѣзненный адмиралъ, и тотъ продолжалъ говорить «ты» только маленькимъ кадетамъ неранжированной роты. Между кадетами ходилъ слухъ, будто о болѣе вѣжливомъ обращеніи съ кадетами и о крайне осторожномъ употребленіи тѣлесныхъ наказаній директору было приказано высшимъ начальствомъ.

Исчезновеніе любимаго учителя, разумѣется, интриговало насъ всѣхъ. Неужели его выгнали за то, что онъ намъ читалъ Гоголя и Тургенева? Подобное предположеніе падало само собой уже потому, что приглашенный вслѣдъ за уходомъ Дозе профессоръ М. И. Сухомлиновъ, преподававшій въ старшемъ классѣ, тоже пользовался большимъ уваженіемъ и любовью своихъ учениковъ и не отрицалъ Гоголя.

Только впослѣдствіи мы узнали, что нашъ любимецъ-учитель, бывшій членомъ какого-то кружка, принужденъ былъ уѣхать изъ Петербурга на далекій Сѣверъ.

VII.

Преподаватели многочисленныхъ предметовъ, относящихся къ морскому дѣлу, были по преимуществу ротные командиры и корпусные офицеры. По совѣсти, нельзя сказать, чтобы и преподаваніе спеціальныхъ предметовъ стояло на надлежащей высотѣ, и чтобы большинство господъ наставниковъ отличалось большимъ педагогическимъ умѣньемъ и любовью къ своему дѣлу. Они были почти «несмѣняемы» и всѣ почти изъ одной и той же маленькой «привилегированной» среды корпусныхъ офицеровъ. Занятые и воспитаніемъ, и обученіемъ въ одно и то же время, они обыкновенно дальше книжекъ, заученныхъ въ молодыхъ годахъ, не шли и преподавали до старости съ ремесленной аккуратностью и рутиной, безъ всякаго «духа живаго». Учительскій персоналъ рѣдко обновлялся. Нужна была чья-нибудь смерть или какое-нибудь перемѣщеніе, чтобы открылась вакансія, и свѣжія молодыя силы могли получить доступъ въ этотъ храмъ, гдѣ всѣ мѣста были заняты своими авгурами. Извѣстные профессора того времени Остроградскій, Савичъ, Буняковскій, Сомовъ читали только въ офицерскихъ классахъ. Ихъ и вообще болѣе или менѣе извѣстныхъ преподавателей-спеціалистовъ со стороны не приглашали въ морской корпусъ, довольствуясь для кадетъ, такъ-сказать, доморощенными преподавателями изъ корпусныхъ офицеровъ, которые такимъ образомъ получали дополнительный заработокъ къ своему жалованью и были гораздо обезпеченнѣе настоящихъ, плававшихъ моряковъ. Сами же они были моряками только по названію да по мундиру. Морской духъ, благодаря которому были Лазаревы, Нахимовы и Корниловы, пріобрѣтался на кораблѣ, а не въ корпусѣ. Корпусъ, напротивъ, ничего не давалъ въ этомъ смыслѣ.

Такой постановкой учебнаго дѣла,—постановкой давно заведенной рутины, винить за которую нельзя было инспектора классовъ А. И. Зеленаго, — и объяснялся тотъ фактъ, что окончившіе курсъ многочисленныхъ наукъ въ морскомъ корпусѣ его питомцы до того основательно позабывали науки, что, сдѣлавшись потомъ капитанами и умѣя отлично управлять судномъ, въ то же время бывали въ рукахъ своихъ штурмановъ и механиковъ, и безъ первыхъ многіе не сумѣли бы астрономически опредѣлить своего мѣста и сдѣлать вычисленій, а безъ вторыхъ знать

и понимать машину своего судна. Въ старыя времена рѣдкій командиръ рѣшился бы выйти изъ порта въ море безъ штурмана, и если, бывало, штурманъ передъ уходомъ загуливалъ на берегу, то посылали его разыскивать, и только когда штурмана доставляли на судно и вытрезвляли,—капитанъ выходилъ въ море.

Не обновился учительскій персоналъ и не улучшилось преподаваніе и послѣ того, какъ А. И. Зеленой оставилъ мѣсто инспектора классовъ по случаю назначенія директоромъ штурманскаго училища въ Кронштадтѣ. Это было на третій годъ моего пребыванія въ корпусѣ, и я помню, какое общее и непритворное сожалѣніе вызвалъ въ кадетахъ уходъ этого добраго и гуманнаго человѣка. Вѣроятно, какія-нибудь іерархическія соображенія помѣшали назначить его директоромъ морского корпуса послѣ смерти старика-адмирала В. К. Давыдова, справедливаго и добраго человѣка, кое-что сдѣлавшаго для корпуса и желавшаго, быть-можетъ, сдѣлать болѣе того, что сдѣлалъ, но болѣзненнаго, престарѣлаго и не имѣвшаго достаточной энергіи, чтобы основательно вычистить эти воистину Авгіевы конюшни. На этомъ мѣстѣ такой образованный и умный человѣкъ, какъ А. И. Зеленой, при новыхъ вѣяніяхъ въ морскомъ вѣдомствѣ, вѣроятно, многое бы измѣнилъ въ порядкахъ морского корпуса и добился бы значительнаго поднятія учебной части. Но вмѣсто В. К. Давыдова назначенъ былъ его помощникъ, контръ-адмиралъ С. С. Нахимовъ, братъ извѣстнаго героя, почти всю свою жизнь проведшій въ стѣнахъ корпуса на неотвѣтственныхъ и незначительныхъ должностяхъ, человѣкъ очень мягкій и добрый, но, кажется, и самъ никогда не мечтавшій о такомъ важномъ постѣ, требующемъ большихъ и особенныхъ способностей, не говоря уже о знаніяхъ.

С. С. Нахимовъ пробылъ, впрочемъ, не долго, и въ годъ нашего выпуска директоромъ корпуса былъ назначенъ Воинъ Андреевичъ Римскій-Корсаковъ, составившій, кажется, записку о преобразованіи этого заведенія.

Это былъ человѣкъ не изъ корпусныхъ заматорѣлыхъ «крысъ», а настоящій, много плававшій морякъ, превосходный капитанъ и потомъ адмиралъ, образованный, съ широкими взглядами, человѣкъ необычайно правдивый и проникнутый истинно морскимъ духомъ и не зараженный плѣсенью предразсудковъ и рутины присяжныхъ корпус-

ныхъ педагоговъ. Онъ горячо и круто принялся за «очистку» корпуса: обновилъ персоналъ учителей и корпусныхъ офицеровъ, призвалъ свѣжія силы, отмѣнилъ всякія тѣлесныя наказанія и вообще наказанія, унижающія человѣческую натуру, внесъ здоровый, живой духъ въ дѣло воспитанія и не побоялся дать кадетамъ извѣстныя права на самостоятельность, завелъ кадетскія артели съ выборными артельщиками, которые дежурили на кухнѣ, однимъ словомъ, не побоялся развивать въ будущихъ офицерахъ самодѣятельность и духъ иниціативы, то-есть именно тѣ качества, развитія которыхъ и требовала морская служба. Самъ безупречный рыцарь чести и долга, гнушавшійся компромиссовъ, не боявшійся, «страха ради іудейска», защищать свои взгляды, такой же неустрашимый на «скользкомъ» сухомъ пути, какимъ неустрашимымъ былъ въ морѣ, онъ неизмѣнно училъ кадетъ не бояться правды, не криводушничать, не заискивать въ начальствѣ, служить дѣлу, а не лицамъ, и не поступаться убѣжденіями, хотя бы изъ-за нихъ пришлось терпѣть. При немъ ни маменькины сынки, ни адмиральскія дѣти не могли разсчитывать на протекцію. При немъ, разумѣется, не могло быть того, что, говорятъ, стало обычнымъ явленіемъ впослѣдствіи: покровительства богатымъ и знатнымъ, обращенія особеннаго вниманія на манеры, поощренія «похвальной откровенности» и ханжества. При немъ, конечно, не устраивались балы на счетъ воспитанниковъ старшаго курса, которые, хочешь-не-хочешь, а по «совѣту» начальства должны вносить рублей по 40, по 50 съ человѣка на такіе балы. Что сказали бы наши отцы, прежніе старики-адмиралы, если бы мы, тогдашніе кадеты, вдругъ объявили имъ, что необходимы такія деньги для устройства баловъ? Они бы только ахнули и, понятно, не дали бы ни копейки и, пожалуй, немедленно доложили бы кому слѣдуетъ о подобномъ «развратѣ». Впрочемъ, ничего подобнаго въ тѣ времена и не было. Обычные ежегодные балы морского корпуса были веселы, хотя и скромны, а объ устройствѣ какихъ-нибудь особенныхъ баловъ на счетъ кадетъ — не могло даже и придти въ голову ни одному изъ прежнихъ директоровъ, да и ни одному изъ прежнихъ кадетъ.

Но возвращаюсь къ Римскому-Корсакову. При этомъ директорѣ справедливость была во всемъ и всегда, оказывая благотворное вліяніе на кадетъ. Онъ былъ строгъ

при всемъ этомъ, но кадеты его обожали, и бывшіе въ его время въ корпусѣ съ особеннымъ чувствомъ вспоминаютъ о Воинѣ Андреевичѣ. Всегда доступный, онъ не изображалъ изъ себя «бонзы», какъ изображали многіе директоры, и кадеты всегда могли приходить къ нему съ объясненіями и со всякими заявленіями. Высокій, сухощавый, нѣсколько суровый съ виду, онъ серьезно и внимательно выслушивалъ кадета и сообщалъ свое рѣшеніе ясно, точно и коротко.

При В. А. Римскомъ-Корсаковѣ морской корпусъ, какъ кажется, переживалъ самое лучшее время своего существованія послѣ николаевскаго времени. Преобразовательное движеніе шестидесятыхъ годовъ нашло въ этомъ доблестномъ морякѣ лучшаго выразителя и лучшаго воспитателя будущихъ моряковъ. Но, къ сожалѣнію, плодотворная дѣятельность В. А. Римскаго-Корсакова была не долга. Еще далеко не все задуманное имъ было совершено, и «очистка» корпуса далеко еще не была окончена, какъ смерть сразила этого человѣка, а вмѣстѣ съ человѣкомъ,—какъ это часто у насъ бываетъ,—и тѣ принципы, которые онъ проводилъ въ дѣлѣ воспитанія.

Мѣсто его было занято однимъ изъ старыхъ корпусныхъ педагоговъ, совсѣмъ не раздѣлявшимъ взглядовъ покойнаго директора.

VIII.

Новый инспекторъ, назначенный вмѣсто А. И. Зеленаго, бывшій ротный командиръ и преподаватель, давно служившій въ корпусѣ, человѣкъ очень умный и подчасъ остроумный, не обладалъ той сердечной теплотой, которая такъ располагала кадетъ къ А. И. Зеленому, и не умѣлъ, подобно своему предмѣстнику, обращаться съ кадетами. Его только боялись и не безъ основанія чувствовали въ немъ себялюбиваго холоднаго эгоиста и большого лицемѣра.

Онъ пользовался большимъ вліяніемъ при такомъ благодушномъ директорѣ, какимъ былъ С. С. Нахимовъ, и не могъ, разумѣется, не знать, что готовится въ близкомъ будущемъ преобразованіе морского корпуса, и не видѣть неудовлетворительности учебнаго персонала,—этихъ корпусныхъ авгуровъ, едва ли имѣвшихъ и время, и охоту, чтобъ освѣжать и пополнять свои знанія.

Но и при немъ все оставалось по-старому: тотъ же «ремесленникъ-учитель», та же рутина.

Онъ былъ слишкомъ осторожный человѣкъ,—не даромъ кадеты звали его «дипломатомъ»,—чтобы начинать ломку за свой страхъ, хотя бы при данныхъ обстоятельствахъ она и была возможна. Да и самъ онъ былъ, такъ-сказать, вполнѣ корпусный «педагогическій фруктъ», заматорѣлый въ рутинѣ, и не желалъ заносить руку на своихъ сослуживцевъ-сотрудниковъ, а ко всему этому, быть-можетъ, и не сочувствовалъ новымъ вѣяніямъ. Какъ бы то ни было, но преподаваніе при немъ далеко не улучшилось, и новыя силы, получившія доступъ по случаю перемѣны инспектора, были далеко не изъ блестящихъ, и въ выборѣ ихъ, какъ кажется, болѣе руководствовались соображеніями, имѣющими очень отдаленное отношеніе къ педагогическимъ способностямъ.

По крайней мѣрѣ, такой важный для будущихъ моряковъ предметъ, какъ астрономія, былъ порученъ одному изъ очень не бойкихъ корпусныхъ офицеровъ, едва ли обладавшему необходимыми для преподавателя свѣдѣніями, что̀, разумѣется, не могло оставаться долго тайной для кадетъ. Скоро было замѣчено, что новаго «астронома» нерѣдко ставили въ большое затрудненіе вопросы, предлагавшіеся способными и сообразительными учениками. Вначалѣ нѣсколько сконфуженный преподаватель обѣщалъ отвѣтить на нихъ въ «слѣдующій разъ», т.-е. когда самъ справится съ учебникомъ, но частенько забывалъ свои обѣщанія.

И новому «астроному», человѣку, впрочемъ, весьма порядочному и доброму, вдобавокъ къ прозвищу: «колбаса» пристегнули еще прилагательное: «астрономическая», и разъясненій уже не просили.

Не мало было такихъ ремесленниковъ, и въ числѣ ихъ былъ самъ «дипломатъ».

Но среди этихъ ремесленниковъ-педагоговъ было два-три человѣка, горячо любившіе и знавшіе свое дѣло, и къ числу этихъ «пріятныхъ исключеній» принадлежалъ И. П. Алымовъ, выдающійся, талантливый преподаватель и необыкновенно свѣтлая личность, память о которой, вѣроятно, чтится всѣми бывшими его учениками.

Надо было видѣть этого маленькаго, худощаваго человѣка съ большой головой и дѣтски-кроткимъ взглядомъ разсѣянныхъ мечтательныхъ глазъ, когда, бывало, онъ читалъ свой предметъ—теоретическую механику! Съ какой любовью и съ какимъ мастерствомъ онъ читалъ, увле-

каясь за уроками, весь поглощенный желаніемъ, чтобы всѣ его понимали и чтобы всѣ знали его предметъ. И это увлеченіе невольно передавалось и слушателямъ. Кротконезлобиваго, добросовѣстнаго и правдиваго, его всѣ любили, а извѣстно, что нерѣдко любовь къ учителю заставляетъ любить и преподаваемый имъ предметъ. И у него почти весь классъ занимался хорошо. Сдѣлавши какую-нибудь выкладку или изложивъ какой-нибудь законъ, онъ обязательно требовалъ, чтобы непонявшій заявилъ, если чего не понялъ, и съ какимъ страстнымъ усердіемъ онъ разъяснялъ непонятое, и только тогда продолжалъ урокъ, когда убѣждался, что всѣ поняли. Онъ былъ многосторонне образованный математикъ и много работалъ, отдавая бо̀льшую часть времени любимой имъ науки. Разсѣянный, онъ нерѣдко въ классѣ, вмѣсто платка, вытиралъ лицо губкой, а доску, вмѣсто губки, платкомъ, и дѣтски-удивленно щурилъ глаза, когда въ классѣ раздавался смѣхъ, и нако̀нецъ самъ хохоталъ, какъ ребенокъ, убѣждаясь въ своей разсѣянности.

Это былъ совсѣмъ не отъ міра сего человѣкъ и доброты рѣдкой. Кадеты обращались къ нему со всевозможными просьбами и нерѣдко занимали у него даже деньги. Во время своихъ дежурствъ, какъ корпуснаго офицера, онъ обыкновенно читалъ или занимался какими-нибудь вычисленіями. А то ходилъ, не обращая ни на что вниманія, по залѣ и самъ съ собой словно разговаривалъ, повторяя математическіе термины. Это онъ думалъ вслухъ. А случалось, что термины вдругъ замѣнялись какимъ-нибудь духовнымъ гимномъ, который онъ напѣвалъ. Но эти странности не удивляли кадетъ. Всѣ знали, что И. П. Алымовъ очень религіозный человѣкъ и ведетъ, какъ говорили, самую аскетическую жизнь. Но онъ никогда не говорилъ объ этомъ, и его религіозное чувство, доходившее иногда до экзальтаціи, когда онъ по нѣсколькимъ недѣлямъ постился и вообще умерщвлялъ свою плоть,—нисколько не сдѣлало его суровымъ и не мѣшало ему относиться къ кадетамъ съ самой трогательной терпимостью. И кадеты положительно боготворили его и во время его дежурствъ берегли своего любимца, не позволяя себѣ какихъ-нибудь особенныхъ шалостей.

Зато надоѣдали ему безконечно, не стѣсняясь отрывать его отъ занятій... То кто-нибудь попроситъ его объяснить задачу по астрономіи или помочь изъ физики,

то подойдетъ къ нему просто за тѣмъ, чтобъ «поляснячать».

И кроткій добрякъ, со своимъ блѣднымъ лицомъ, напоминавшимъ лицо мучениковъ, никого не прогонялъ, ни на кого не сердился. Онъ охотно объяснялъ задачу и «ляснячалъ» съ кадетами, при чемъ всегда какъ-то сводилъ разговоръ на разсказъ о любимомъ имъ Лавуазье и на любимую имъ теорію «наименьшаго сопротивленія воды», которой онъ тогда занимался.

Говорилъ онъ всегда съ какою-то увлекательной восторженностью и всегда далекій отъ пошлыхъ житейскихъ дрязгъ, которыя, казалось, ему были совсѣмъ и чужды. Ни о карьерѣ, ни о чинахъ, ни о прочихъ благахъ жизни никогда не заводилъ онъ рѣчи, а любилъ поговорить о дѣятеляхъ науки и объ ихъ самоотверженіи. Вспоминая теперь этого чуднаго человѣка, освободившаго, какъ я слышалъ, своихъ крестьянъ еще до освобожденія, можно только удивляться, какимъ образомъ сохранилъ свою свѣжесть этотъ человѣкъ среди окружающей его среды. Разумѣется, его спасла наука, въ которой онъ искалъ и нашелъ спасенье. Не испортили его даже и эти маленькіе разбойники-кадеты, которые нерѣдко добрыхъ доводили до раздраженія и подъ конецъ дѣлали этихъ добрыхъ обыкновенными «корпусными крысами».

Нечего и прибавлять, разумѣется, что совсѣмъ ребенокъ въ жизни, не понимавшій, что значитъ интрига и пролазничество, И. П. Алымовъ не умѣлъ приспособляться къ средѣ и не особенно преуспѣвалъ. Карьера этого талантливаго математика и благороднѣйшаго человѣка была не изъ особенно блестящихъ и жизнь—неустаннымъ, плохо вознаграждаемымъ трудомъ, пока болѣзнь не свела его въ могилу далеко еще не въ старыхъ годахъ.

Онъ умеръ инспекторомъ классовъ въ штурманскомъ училищѣ въ Кронштадтѣ и, тяжко больной, почти умирающій, собиралъ къ себѣ на квартиру учениковъ и читалъ имъ лекціи въ постели еще за недѣлю до смерти.

IX.

— А ты, свѣтъ, коли что смекаешь, смекай про себя. Если тебѣ кажется, что на песцѣ нельзя возвести строенія, не смущай тѣхъ, которые сіе считаютъ вполнѣ возможнымъ. Пусть ихъ!

Такъ, бывало, говорилъ своимъ тихимъ и мягкимъ,

слегка пѣвучимъ голосомъ нашъ корпусный батюшка, шутливо грозя своимъ высохшимъ костлявымъ пальцемъ. При этомъ его умное старческое лицо, изрытое морщинами, свѣтилось выразительной, тонкой улыбкой, которая, казалось, досказывала не вполнѣ высказанную мысль...

Такимъ языкомъ говорилъ онъ съ немногими, которыхъ отличалъ и иногда звалъ къ себѣ на квартиру, гдѣ угащивалъ чаемъ съ вареньемъ и велъ оживленныя, полныя ума и юмора бесѣды, покуривая хорошія гаванскія сигары.

Этотъ батюшка пользовался большимъ авторитетомъ, и его побаивалось корпусное начальство, такъ какъ въ случаѣ какой-нибудь вопіющей несправедливости онъ являлся заступникомъ и предстателемъ обиженныхъ кадетъ. И когда случался какой-либо чрезвычайный казусъ съ кадетомъ, онъ всегда шелъ искать послѣдней защиты у батюшки, который-таки часто вызволялъ отъ наказанія. Особенно боялся его преподаватель физики, совсѣмъ лысый капитанъ 1 ранга, очень умный и хорошій преподаватель, но развращенный циникъ, ставившій хорошіе баллы кадетамъ не столько по степени ихъ знанія, сколько за смазливость ихъ физіономій. Этого эстетика особенно недолюбливалъ батюшка, какъ и «физикъ», въ свою очередь, терпѣть не могъ «стараго іезуита», какъ честилъ онъ за глаза батюшку за то, что тотъ любилъ и почитывать свѣтскія книги, и пофилософствовать, и выкурить хорошую сигару, а между тѣмъ видъ, какъ выражался физикъ, имѣлъ «самый постный».

Преподавалъ батюшка терпимо и не былъ особенно требователенъ.

— Не въ попы тебѣ, свѣтъ, идти, а въ морскіе офицеры,—снисходительно говорилъ онъ, замѣчая нетвердость въ текстахъ.—Будешь въ морѣ, Господа Бога и безъ текста вспомнишь и помолишься. А не помолишься, тебѣ же хуже, ибо тяжко, свѣтъ мой, жить совсѣмъ безъ вѣры... Да хранитъ тебя Господь отъ такого несчастья!

И батюшка самымъ послѣднимъ ученикамъ не ставилъ менѣе восьми балловъ.

Словоохотливый старикъ любилъ иногда въ классѣ разсказать что-нибудь изъ своего, богатаго воспоминаніями, прошлаго и обыкновенно начиналъ свой разсказъ словами: «Это было, друзья мои, не такъ давно, лѣтъ тридцать тому назадъ»,—вызывавшими улыбку на лицахъ юныхъ слуша-

телей. Говорилъ батюшка краснорѣчиво и не безъ юмора, и мы, бывало, съ удовольствіемъ слушали его разсказы, иногда даже во второмъ и третьемъ изданіи. Съ восторженнымъ умиленіемъ говорилъ онъ объ освобожденіи крестьянъ и нерѣдко совѣтовалъ намъ, будущимъ офицерамъ, «не ожесточаться въ служебномъ гнѣвѣ» и всегда помнить, что сила въ правдѣ и любви, которую и подневольный матросъ чувствуетъ. И, случалось, разсказывалъ по этому поводу какую-нибудь исторію.

Я пользовался расположеніемъ батюшки и изрѣдка получалъ отъ него приглашенія зайти къ нему.

Обратилъ онъ на меня свое вниманіе по слѣдующему случаю:

Однажды во время его урока въ среднемъ гардемаринскомъ классѣ я читалъ, держа книгу на партѣ,—«Современникъ», принесенный мною въ корпусъ отъ однихъ знакомыхъ. Должно-быть, я очень увлекся чтеніемъ, потому что не замѣтилъ, какъ въ классѣ наступила тишина. Толчокъ въ бокъ товарища заставилъ меня поднять голову и увидать возлѣ себя батюшку.

— Что это, свѣтъ мой, ты такое читаешь? Видно, очень интересное, что своего батюшку не слушаешь?

Я подалъ батюшкѣ книгу.

— А!.. «Современникъ»!..—не безъ изумленія проговорилъ онъ, пристально взглядывая на меня.—Критическая статья? А я думалъ, ты какимъ-нибудь романомъ зачитываешься и только воображеніе нудишь...

Батюшка сталъ машинально перелистывать книгу и замѣтилъ тамъ исписанный листокъ моихъ виршей, въ которыхъ я съ усердіемъ обличалъ корпусное начальство.

Онъ пробѣжалъ ихъ и, возвращая книгу и стихи, промолвилъ съ улыбкой:

— Статья, конечно, поучительная. Отчего не почитать, но только лучше бы, свѣтъ мой, не въ классѣ, а то другой наставникъ, пожалуй, и взыщетъ... А стишки ты бы подальше припряталъ,—береженаго и Богъ бережетъ! Неровенъ часъ, попадутъ стишки въ другія, болѣе цѣпкія руки, что тогда?.. Стихотворца не похвалятъ за острословіе. А перо есть, есть, братецъ. Тѣмъ паче не похвалятъ!—усмѣхнувшись, замѣтилъ батюшка.

И, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— А ты будь спокоенъ. Я тебя не выдамъ! Я ничего не читалъ!

Послѣ класса батюшка остановилъ меня въ коридорѣ и спросилъ:

— Любишь чай съ вареньемъ?

— Люблю, батюшка.

— Такъ ты, стихотворецъ, зайди ужо вечеркомъ ко мнѣ. Чайку напьемся и побесѣдуемъ.

Батюшка занималъ казенную квартиру въ зданіи корпуса, недалеко отъ церкви. Эту квартиру хорошо знали проштрафившіеся кадеты, искавшіе у батюшки защиты или ходатайства, и среди кадетъ ходило много разсказовъ о томъ, какъ онъ избавлялъ, бывало, многихъ отъ нещадной порки или же просилъ объ уменьшеніи числа розогъ.

Онъ былъ вдовецъ и жилъ съ двумя взрослыми сыновьями. Никто изъ нихъ не былъ священнослужителемъ, какъ отецъ. Старшій, окончившій университетъ, служилъ чиновникомъ, а младшій — морякъ — кончалъ офицерскіе классы.

Я засталъ батюшку одного въ небольшомъ кабинетѣ, уставленномъ шкапами съ книгами, за письменнымъ столомъ. Онъ былъ въ подрясникѣ и скуфейкѣ, прикрывавшей его большую лысину, и читалъ, съ очками на глазахъ, какую-то книгу. Какъ теперь помню, меня поразило и обиліе книгъ, и то, что онѣ были все свѣтскаго содержанія, и многія на иностранныхъ языкахъ, и гравюры, и портреты, среди которыхъ не видно было ни одного портрета духовнаго лица. И вообще вся обстановка, мало напоминавшая о санѣ хозяина, меня удивила тогда.

Я нѣсколько минутъ простоялъ на порогѣ, оглядывая и комнату, и письменный столъ, на которомъ, между прочимъ, стояло большое серебряное Распятіе, и цвѣты на окнахъ, и самого батюшку, который здѣсь, въ своемъ кабинетѣ, какъ будто казался не такимъ, какимъ бывалъ на урокахъ, въ широкой рясѣ съ наперснымъ крестомъ на груди.

Наконецъ, я догадался кашлянуть. Батюшка повернулъ ко мнѣ свое старое, дышавшее умомъ, лицо и радушно и ласково привѣтствовалъ меня.

Когда я, приблизившись къ батюшкѣ, хотѣлъ поцѣловать его желтую, сухощавую руку, онъ отдернулъ ее и, потрепавъ меня по плечу, весело проговорилъ:

— Ну, садись, садись... Радъ тебя видѣть. Дѣтей дома пѣтъ, и я одинъ... Сейчасъ будемъ чай пить. Вотъ, ви-

дишь ли, и я почитываю книжки, да только не въ классѣ,—улыбнулся ласково старикъ, отодвигая какую-то французскую книгу.—А стишки припряталъ?

— Припряталъ, батюшка.

— То-то, оно и лучше. Да и совсѣмъ бы ихъ держать въ корпусѣ не слѣдовало... лучше домой снеси. Чего, свѣтъ, гусей дразнить. Скоро вѣдь въ офицеры выйдешь... А мѣтко, братецъ, мѣтко... Любишь, значитъ, бумагу марать?

— Люблю, батюшка.

— Что-жъ, марай, марай, Богъ дастъ, что-нибудь и выйдетъ... кто знаетъ? Вотъ, посмотри, тоже бумагу марали. Великіе писатели были... Вотъ это—Шекспиръ... Вотъ Гёте, — перечислялъ батюшка, указывая на портреты.—Можетъ, слышалъ?

— Кое-что и читалъ, батюшка, — поспѣшилъ я похвастать.

— И это, свѣтъ, Спиноза. Большой философъ былъ... И его когда-нибудь прочтешь... Читать, братецъ, полезно... Умнѣе станешь, какъ съ умными-то людьми бесѣдуешь въ книгѣ... И скуки не будешь знать. И въ морѣ не одурѣешь. Васъ-то здѣсь къ чтенію не пріохачиваютъ, а ты, видно, охочъ, даже у батюшки въ классѣ читаешь... Ну, ну, вѣдь я шучу... А ежели ты ужъ такой любитель, я тебѣ книгами одолжать буду, если ты аккуратенъ... Вотъ, на первый разъ «Мертвыя души» тебѣ дамъ... Великая это книга, другъ мой...

Скоро мы пошли пить чай. Батюшка мнѣ наложилъ цѣлую тарелочку варенья и вообще былъ внимателенъ и добръ безъ конца. Послѣ чаю онъ закурилъ сигарку, и мы вернулись въ кабинетъ.

Нечего и говорить, что я вернулся отъ батюшки очарованный, съ «Мертвыми душами» въ рукахъ и съ твердымъ намѣреніемъ прочитать какъ можно болѣе книгъ.

Съ той поры батюшка иногда звалъ меня къ себѣ, угощалъ чаемъ и съ снисходительнымъ терпѣніемъ слушалъ мои разсужденія о прочитанныхъ книгахъ.

X.

Кадетская жизнь въ морскомъ корпусѣ проходила однообразно, съ обычными внѣшними порядками закрытыхъ учебныхъ заведеній. Время было точно распредѣлено. За этимъ внѣшнимъ порядкомъ, главнымъ образомъ, и слѣ-

дили. До внутренней нашей жизни, до того, какъ мы проводимъ свободное время, разумѣется, никому не было ни малѣйшаго дѣла, и едва ли корпусные педагоги дѣйствительно знали кого-нибудь изъ своихъ питомцевъ. Въ психологическія тонкости тогда не входили, да, можетъ-быть, и къ лучшему, принимая во вниманіе эту обоюдуострую психологію педагоговъ новѣйшаго времени.

Кадеты вставали въ 6 часовъ утра. Унтеръ-офицеры въ ротахъ позволяли себѣ проспать лишніе полчаса. Это же дѣлалъ и старшій курсъ, т.-е. старшіе гардемарины, пользовавшіеся, по традиціи, нѣкоторыми особенными правами и, между прочимъ, правомъ притѣснять своихъ младшихъ товарищей: среднихъ и младшихъ гардемаринъ. На нашемъ курсѣ отразилось, впрочемъ, вліяніе шестидесятыхъ годовъ, и мы, старшіе гардемарины, въ значительномъ большинствѣ, добровольно отказались отъ правъ гегемоніи, и такимъ образомъ притѣсненія значительно смягчились.

Большинство кадетъ нанимали дневальныхъ, которые чистили платье, сапоги и наводили блескъ на мѣдныя пуговицы куртокъ и мундировъ и содержали въ порядкѣ аммуницію. Меньшинство все это дѣлало само. Къ семи часамъ, послѣ шумнаго мытья въ большой «умывалкѣ», всѣ были готовы и шли фронтомъ въ громадный залъ морского корпуса. Послѣ обычной молитвы, пропѣтой хоромъ пятисотъ человѣкъ, садились за столы и выпивали по кружкѣ чая и съѣдали по свѣжей булкѣ.

Эти вкусныя, горячія булки являлись иногда большимъ соблазномъ для унтеръ-офицеровъ, особенно въ младшихъ ротахъ. Желаніе съѣсть вмѣсто своей, одной законной, еще и другую, а то и третью булку вліяло на чувство справедливости обжоръ и влекло за собой поистинѣ варварское наказаніе: «остаться безъ булки» и выпить чай пустой. Этого наказанія кадеты боялись пуще всего и ненавидѣли унтеръ-офицеровъ, выискивающихъ предлоги, чтобы съѣсть чужую булку.

Въ восемь часовъ мы были въ классахъ, гдѣ оставались до одиннадцати, послѣ двухъ полуторачасовыхъ уроковъ. Въ началѣ двѣнадцатаго, ощущая уже аппетитъ, возвращались въ роту и тамъ получали по два тонкихъ ломтя чернаго хлѣба, чтобы заморить червяка передъ обѣдомъ. Счастливцы, имѣвшіе деньги или пользовавшіеся кредитомъ въ мелочной лавочкѣ, обыкновенно въ это время

уписывали за обѣ щеки булку или пеклеванникъ съ сыромъ, колбасой или вареньемъ, заблаговременно заказанный дневальному. За пять копеекъ (три копейки пеклеванникъ, а на двѣ начинка) получался весьма удовлетворительный для невзыскательнаго кадетскаго желудка завтракъ, и шаршавая колбаса и подозрительный сыръ изъ мелочной лавочки не возбуждали никакихъ брезгливыхъ сомнѣній. Въ понедѣльники и вообще послѣпраздничные дни завтраки были и обильнѣе, и роскошнѣе, и кадеты «кантовали» на широкую ногу, уничтожая принесенныя изъ дома яства и дѣлясь съ друзьями, ибо, по кадетскимъ правиламъ, съ другомъ обязательно слѣдовало дѣлиться всѣмъ поровну.

Время до часу обыкновенно проходило въ обязательныхъ занятіяхъ фронтовымъ ученьемъ, гимнастикой или танцами, или въ пригонкѣ разныхъ вещей. Если ожидали какого-нибудь почетнаго посѣтителя—суета шла отчаянная, и все принимало, разумѣется, блестящій видъ. Мы облекались въ новыя куртки, одѣяла стлались новыя, на парадной лѣстницѣ появлялся новый коверъ, ротный командиръ озабоченно бѣгалъ по ротѣ, оглядывая, все ли чисто, все ли въ порядкѣ, и щи въ такіе дни бывали жирнѣй, «говядина» какъ будто сочнѣе, и экономъ, жирный и полный корпусный офицеръ съ маленькими заплывшими глазками, какъ будто озабоченнѣе и напряженнѣе. Случалось, что подобное ожиданіе длилось по нѣскольку дней, держа нервы начальства въ напряженномъ состояніи, а его самого въ подначальномъ трепетѣ. Кадеты, разумѣется, видали всѣ эти сцены ожиданія и пріема, привыкали считать ихъ необходимымъ явленіемъ и сами потомъ, сдѣлавшись начальствомъ, пускали пыль въ глаза и такъ же трепетали... Уроки не пропадали даромъ.

Эта показная суматоха, къ сожалѣнію, обычная въ учебныхъ заведеніяхъ и которая такъ развращающе дѣйствуетъ на дѣтей, пріучая ихъ къ лицемѣрію и обману, была, какъ я слышалъ, уничтожена въ морскомъ корпусѣ при директорѣ В. А. Корсаковѣ. При немъ, кого бы ни ожидали, ничего не мѣнялось, и почетные посѣтители могли видѣть учебное заведеніе въ его обычномъ, будничномъ видѣ и кадетъ—въ ихъ старыхъ курткахъ, а не въ видѣ прилизанныхъ, пріодѣтыхъ благонравныхъ мальчиковъ, обожаемыхъ попечительнымъ начальствомъ и обожающихъ своихъ наставниковъ. Но это «новшество»

умнаго адмирала не привилось, какъ не привились и другія его благотворныя педагогическія идеи. Съ его смертью, снова, въ ожиданіи пріѣзда морского министра, появлялись новые ковры, новыя куртки, словомъ, показная комедія, и чуть ли не устраивались цѣлыя балетныя представленія.

Обѣдали мы въ часъ. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ по разъ составленному расписанію: супа, щей съ кашей или гороха, жареной говядины или котлетъ и слоеныхъ пироговъ съ мясомъ, капустой и вареньемъ. По праздникамъ прибавлялось четвертое блюдо. Черный хлѣбъ и превосходный квасъ, который мы пили изъ двухъ серебряныхъ старинныхъ стопъ, стоявшихъ на каждомъ столѣ для двадцати человѣкъ, были à discretion.

Не принимая даже въ соображеніе кулинарной неприхотливости кадетъ и ихъ постояннаго аппетита, надо сказать, что кормили насъ въ морскомъ корпусѣ вообще недурно (а при Римскомъ-Корсаковѣ, говорятъ, и отлично), и при мнѣ, сколько помнится, изъ-за пищи не было ни одного серьезнаго недоразумѣнія. Такъ-называемые безпорядки или, какъ въ старину называли, «бунты» происходили въ корпусахъ единственно по этому поводу, и опытные экономы отлично знали мѣру долготерпѣнія кадетскихъ утиныхъ желудковъ. При мнѣ ходила легенда объ одномъ изъ такихъ «бунтовъ» въ морскомъ корпусѣ, начавшемся изъ-за отвратительной каши и кончившемся не особенно пріятно для эконома, на голову котораго была вылита миска щей, и еще непріятнѣе для многихъ кадетъ, нещадно выпоротыхъ, и для двухъ, «записанныхъ», какъ тогда выражались, въ матросы.

Эти легенды о «бунтахъ», традиціонно передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, держали, такъ сказать, на извѣстной высотѣ цивическія требованія кадетъ отъ эконома и, въ свою очередь, не забывались и экономами, какъ внушительные уроки прошлаго.

Небольшія недоразумѣнія—въ видѣ окурка въ пирогѣ или черезчуръ большого обилія жилъ въ котлеткѣ—разрѣшались обыкновенно тихо и мирно, къ обоюдному удовольствію. Экономъ приказывалъ подать новые пироги или новыя котлетки на столъ протестантовъ, и тѣмъ дѣло кончалось. Вообще экономъ нашъ былъ очень любезный, обязательный на соглашенія человѣкъ, что, впрочемъ, не избавляло его—уже по своему званію эконома, кадетами

не очень уважавшемуся — отъ преданія «анаѳемѣ» во время ежегоднаго традиціоннаго празднованія старшимъ курсомъ дня «равноденствія», когда голый Нептунъ, въ сопровожденіи наядъ и тритоновъ, прочитываетъ параграфъ изъ астрономіи и затѣмъ предаетъ анаѳемѣ по очереди все начальство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ избранныхъ. Впрочемъ, объ этомъ характерномъ празднованіи равноденствія въ морскомъ корпусѣ будетъ разсказано подробно впереди.

До трехъ часовъ послѣ обѣда время было свободное, и можно было располагать имъ по усмотрѣнію. Прилежные готовили уроки или дѣлали задачи, немногіе читали; большинство бродило по коридорамъ, по ротной залѣ и собирались курить въ ватерклозетѣ, предварительно поставивъ часового. Близкіе пріятели и друзья ходили попарно и «лясничали», хотя самое обычное время для этого былъ вечеръ. Въ эти же часы обыкновенно приходили навѣщать родственники, и кадеты навѣщали своихъ больныхъ пріятелей въ лазаретѣ. Собственно говоря, настоящихъ больныхъ было мало, и большинство находящихся въ лазаретѣ «огурялось». На жаргонѣ кадетъ «огурнуться» значило избавиться отъ уроковъ, почему-либо непріятныхъ и обѣщающихъ единицу, изъ-за которой можно въ субботу не попасть «за корпусъ», то-есть домой.

Маленькіе кадеты передъ тѣмъ, чтобъ «огурнуться», обыкновенно усердно натирали себѣ глаза, набивали ударомъ локтя по столу пульсъ, отчаянно мотали головой и являлись на пріемъ съ самыми постными рожами. Врачи большей частью ихъ принимали въ лазаретъ въ качествѣ больныхъ, а старшій докторъ, старикъ-нѣмецъ, при осмотрѣ добросовѣстно осматривалъ языкъ и щупалъ пульсъ.

Но случалось — особенно, если въ лазаретѣ было довольно больныхъ,—что огурнуться нельзя было, несмотря на всѣ ухищренія. Особенно одинъ врачъ изъ молодыхъ любилъ устраивать кадетамъ каверзы. Бывало, придетъ кадетикъ какъ будто больной, продѣлавъ всѣ манипуляціи, и, видя ласковое на видъ лицо доктора, преисполненный надежды, что его примутъ, съ особенно жалобнымъ видомъ начнетъ распространяться, какъ у него голова болитъ.

— А еще что?..—спрашиваетъ, повидимому, вполнѣ сочувствуя, докторъ.

— Ломитъ всего...

— А правый бокъ болитъ? — продолжаетъ съ тою же серьезностью каверзный человѣкъ.

— Болитъ.

— И лѣвый глазъ покалываетъ?

— Покалываетъ.

— И правая нога какъ будто болитъ?

— Болитъ,—добросовѣстно поддакиваетъ не подозрѣвающій подвоха кадетикъ.

— Такъ ступайте вонъ! Вы все врете!—вдругъ мѣняетъ тонъ докторъ, и опѣшившій «больной» уныло возвращается въ классъ.

Воспитанники старшихъ классовъ прямо-таки просились отдохнуть, и, если мѣста были, ихъ принимали въ лазаретъ на день, на другой, и на доскахъ у ихъ кроватей писалось обычное «febris catharralis».

Послѣ вечернихъ классовъ, продолжавшихся отъ трехъ до шести, кадеты должны были готовить до ужина уроки и сидѣть въ ротномъ залѣ у своихъ конторокъ. Занимайся или нѣтъ, но сиди! Это принудительное сидѣнье, разумѣется, не по нутру было кадетамъ, и они то и дѣло перебѣгали одинъ къ другому, или уходили въ умывалку поболтать или покурить въ своемъ излюбленномъ мѣстѣ—въ этомъ кадетскомъ клубѣ, гдѣ всегда топился каминъ и всегда шли оживленныя бесѣды. Если дежурный офицеръ былъ изъ «любимыхъ», не ловилъ въ куреніи, не придирался, то и ему было покойно, но если на дежурствѣ былъ «злой»—положеніе его было далеко не изъ пріятныхъ. Кадеты выдумывали самыя разнообразныя штуки, чтобы только насолить «корпусной крысѣ». Среди тишины вдругъ раздавалось мяуканье или собачій лай, и только-что бросится «крыса» въ одну сторону, какъ на противоположной сторонѣ раздается пѣтушиный крикъ, и офицеръ мечется, какъ ошпаренный котъ, пока не догадается уйти въ дежурную комнату, поставивъ наугадъ нѣсколько человѣкъ «подъ часы». Но тогда начинались пререкапія. Наказанные утверждаютъ, что они не успѣютъ приготовить уроковъ и принуждены будутъ объяснить инспектору причину. А то вдругъ къ дежурному офицеру, завѣдомо не знающему никакихъ наукъ, начинаютъ являться съ просьбами разъяснить задачу или объяснить изъ аналитики. Являются кадеты одинъ за другимъ и всѣ говорятъ съ самымъ невиннымъ видомъ:

— Адольфъ Карлычъ, покажите... Адольфъ Карлычъ, не можете ли объяснить?

Адольфъ Карловичъ, старая корпусная крыса изъ остзейскихъ нѣмцевъ, долговязый, сухопарый и жесткій человѣкъ, озлобленный противъ кадетъ, дѣйствительно отравлявшихъ ему жизнь, какъ, въ свою очередь, отравлялъ и онъ кадетамъ,—обыкновенно сперва выдерживалъ хладнокровно первыя нападенія. Сохраняя свой обычный, нѣсколько величественный видъ, онъ говорилъ со своимъ нѣмецкимъ акцентомъ, что не его дѣло показывать, что онъ не желаетъ показывать и не будетъ показывать, ибо порядочные ученики сами должны понимать все безъ помощи, а дураковъ все равно не научишь. Но, видя насмѣшливыя лица, которыя недовѣрчиво улыбались, и замѣчая, что вмѣсто уходившихъ кадетъ являлись новые и все съ тѣми же просьбами: «показать» и «объяснить», долговязый Адольфъ Карловичъ, наконецъ, терялъ самообладаніе. Весь красный, трясясь отъ злобы, онъ бѣшено кричалъ: «въ карцеръ, въ карцеръ!» и, вцѣпившись въ руку кадета, на которомъ изливался его гнѣвъ, самъ тащилъ его въ карцеръ—маленькій, темный закутокъ, позади цейхгауза.

А во время этого спектакля сзади раздавались голоса:

— Ревельскій болванъ!

— Неучъ! Ничего не смыслитъ!

— А туда же: «Не хочу объяснять»!

И дьявольскій гоготъ сопровождалъ эти любезныя замѣчанія.

Подобныя «исторіи» бывали почти постоянно во время дежурства «ревельскаго болвана», который дѣйствительно былъ величественно-ограниченъ и, главное, золъ. И онъ, въ свою очередь, мстилъ кадетамъ и, считая ихъ своими врагами, съ особеннымъ удовольствіемъ излавливалъ ихъ, ставилъ подъ часы, сажалъ въ карцеръ, жаловался ротному командиру и злорадствовалъ, когда кадета наказывали.

Но онъ давно служилъ въ корпусѣ, и его держали, пока не назначенъ былъ директоромъ корпуса Римскій-Корсаковъ и не произвелъ чистки. Да и многихъ держали подобныхъ же наставниковъ, мѣсто которыхъ было гдѣ угодно, но только не около живыхъ маленькихъ людей.

Въ гардемаринской ротѣ, гдѣ были большей частью юноши и молодые люди, уже бривше усы, отношенія между дежурными офицерами и гардемаринами являлись,

такъ сказать, въ видѣ вооруженнаго нейтралитета. Обѣ стороны соблюдали свое достоинство и не особенно придирались другъ къ другу. Офицеры дѣлали видъ, что не замѣчаютъ курящихъ гардемаринъ, снисходительно относились къ опаздываніямъ изъ отпуска и даже иногда къ черезчуръ веселому виду возвратившагося гардемарина, а гардемарины, съ своей стороны, не устраивали офицерамъ скандаловъ и дѣлали ихъ жизнь на дежурствахъ болѣе или менѣе спокойною.

Въ восемь часовъ ужинали (супъ и макароны или какая-нибудь каша) и въ десять часовъ ложились спать. Это время послѣ ужина и до отхода ко сну было самымъ любимымъ временемъ для разговоровъ и интимныхъ бесѣдъ будущихъ моряковъ.

Нельзя сказать, чтобъ эти бесѣды отличались отвлеченнымъ характеромъ и имѣли въ виду рѣшеніе какихъ-нибудь общихъ вопросовъ, волновавшихъ въ то время общество. Какъ я уже упоминалъ, развитіе кадетъ того времени было довольно слабое, чтеніе было не въ особенномъ фаворѣ, да и домашняя среда, въ которой вращались кадеты по праздникамъ, едва ли могла дать богатый матеріалъ для этого. Среда эта, по большей части, были моряки николаевскаго времени, суровые деспоты, смотрѣвшіе на свои квартиры, какъ на корабли, а на домочадцевъ, какъ на подчиненныхъ, обязанныхъ трепетать. И, разумѣется, всѣ эти реформы, вводимыя тогда въ морскомъ вѣдомствѣ, всѣ эти слухи объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній не могли вызывать сочувствія у старыхъ моряковъ, привыкшихъ къ линьку и розгѣ. Очень малочисленный кружокъ, который читалъ и интересовался кое-чѣмъ, не пользовался никакимъ авторитетомъ, а на двухъ изъ насъ, писавшихъ стихи, смотрѣли съ снисходительнымъ сожалѣніемъ, какъ на людей, занимающихся совсѣмъ пустымъ дѣломъ. И только стихотворенія, обличавшія начальство, имѣли еще нѣкоторый успѣхъ.

Но тѣмъ не менѣе разговоры и споры, которые велись, имѣли, въ большинствѣ случаевъ, предметомъ: молодечество, удаль, самоотверженіе. Многіе закаливали себя: ходили по ночамъ на Голодай и на Смоленское поле. Въ разговорахъ молодыхъ людей того времени не слышно было той доминирующей нотки, которая слышится у теперешнихъ морскихъ юнцовъ. Правда, спорили и очень часто спорили о томъ, слѣдуетъ ли повѣсить двухъ-трехъ ма-

тросовъ, если взбунтуется команда, или слѣдуетъ ихъ просто-на-просто отодрать, какъ сидоровыхъ козъ; спорили: прилично ли настоящему моряку влюбиться, или нѣтъ, разсуждали объ открытіи сѣвернаго полюса, но никто не говорилъ о карьерѣ, о выгодныхъ мѣстахъ, никто не смотрѣлъ на плаваніе, какъ на возможность получить лишнюю копейку, и никто не смѣлъ даже и заикнуться о достиженіи успѣховъ по протекціи. Многіе, конечно, все это потомъ и продѣлывали, но тогда, на зарѣ своей жизни, все-таки имѣли возвышенные идеалы, хотя и ограниченные въ тѣсной служебной рамкѣ...

И хотя бы за это одно можно помянуть добромъ духъ прежняго морского корпуса.

Пока въ ротѣ, сидя на своихъ кроватяхъ, гардемарины лясничали, нѣсколько смѣльчаковъ были въ «бѣгахъ» изъ корпуса.

Побѣги эти обыкновенно совершались во время ужина. Оставшись въ ротѣ, доставали пальто, на пуговицы надѣвали чехольчики, на бѣлые погоны нашивали черный коленкоръ, или просто ихъ выворачивали, на голову нахлобучивали припасенную штатскую шапку и, давши дневальному двугривенный, айда изъ дверей и, разумѣется, не на главный подъѣздъ, а во дворъ, а тамъ по дворамъ въ однѣ изъ многочисленныхъ воротъ на улицу и—на свободѣ...

Я самъ два или три раза «бѣгалъ» такимъ образомъ изъ корпуса къ знакомымъ студентамъ и, признаюсь, всегда испытывалъ какое-то радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткое чувство, когда, пробираясь къ воротамъ, на каждомъ шагу рисковалъ опасностью неожиданной встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ корпуснаго начальства. То же чувство не оставляло, пока, бывало, не минуешь морского корпуса и не очутишься наконецъ на Николаевскомъ мосту. Однажды, уже успокоившись, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ директоромъ корпуса. Онъ, казалось мнѣ, пристально взглянулъ на меня, но прошелъ мимо, далекій, вѣроятно, отъ мысли, что могъ встрѣтить переодѣтаго кадета.

Возвращеніе было относительно безопаснѣе. Осторожность требовала возвращаться поздно, часу въ первомъ и, пробравшись въ роту, спрятать чехольчики и шапку и идти спать...

Эти «побѣги» такъ и прошли незамѣченными, да хранитъ Богъ бдительность начальства морского корпуса! А сколько они доставили наслажденія!

XI.

Экзамены окончены. Мы—старшіе гардемарины и черезъ годъ покинемъ корпусъ, а пока собираемся въ лѣтнее плаваніе на одномъ изъ кораблей. Я въ числѣ другихъ товарищей попалъ въ этомъ году на 84-хъ-пушечный корабль «Орелъ», которымъ командовалъ заслуженный севастопольскій герой и хорошій морякъ Ѳ. В. Кернъ.

Эти недолгія плаванія должны были пріучать будущихъ моряковъ къ морской жизни, и каждое лѣто кадеты расписывались по судамъ флота послѣ того, какъ прежняя кадетская эскадра была упразднена.

Въ плаваніе назначались только три старшіе класса, примѣрно сто восемьдесятъ человѣкъ, считая по тридцати воспитанниковъ въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій класса. Остальные воспитанники, не разъѣхавшіеся по домамъ, переѣзжали на лѣто въ «Бараки», дачу морского корпуса, верстахъ въ шести-семи отъ Ораніенбаума, по Нарвской дорогѣ.

Такимъ образомъ, кадеты до младшаго гардемаринскаго класса, случалось, и не видали ни моря, ни военнаго корабля и знакомились съ вооруженіемъ судна и съ парусами по бригу, стоявшему въ громадной залѣ морского корпуса. Парусныя ученія на этомъ бригѣ, производившіяся подъ наблюденіемъ корпусныхъ офицеровъ, моряковъ лишь по мундиру, были, разумѣется, одной забавой, не имѣющей ничего общаго съ ученіемъ въ морѣ. Въ теченіе шестилѣтняго или семилѣтняго пребыванія въ корпусѣ будущіе моряки находились въ плаваніи—да и то въ Финскомъ заливѣ — всего мѣсяцевъ шесть-семь — время, конечно, весьма недостаточное для подготовки мальчика къ тяжелому морскому ремеслу, требующему и особаго призванія, и извѣстной закалки, и наконецъ физической выносливости. При такой системѣ берегового воспитанія моряковъ, да еще педагогами, никогда не плававшими, неудивительно, что, по выходѣ изъ корпуса, многіе тотчасъ же бросали службу, какъ только знакомились съ ея тяжелыми условіями, совершенно напрасно потративъ время на приготовленіе себя въ моряки, и всѣ вообще выходили изъ корпуса очень мало приготовленные къ морскому дѣлу. Молодые офицеры, обязанные, по своему положенію, учить матросовъ, сами должны были учиться азбукѣ морского дѣла въ плаваніи.

Тогда еще были моряки, воспитанные въ школѣ Лазарева, Нахимова и Корнилова, и молодымъ офицерамъ была возможность дѣйствительно научиться морскому дѣлу, особенно если они попадали въ дальнее плаваніе къ хорошему капитану или въ эскадру адмирала, заботившагося о дѣйствительной морской выучкѣ и о развитіи тѣхъ качествъ, безъ которыхъ немыслимъ дѣльный морякъ: находчивости, хладнокровія въ опасности и умѣнья внушить къ себѣ довѣріе подчиненныхъ.

Такимъ морскимъ учителемъ въ то время былъ хорошо извѣстный во флотѣ, теперь уже маститый адмиралъ, а тогда еще молодой контръ-адмиралъ Андрей Александровичъ Поповъ, бывшій черноморецъ и севастопольскій герой, командовавшій нѣсколько разъ маленькими эскадрами кругосвѣтнаго плаванія, съ которыми онъ ходилъ по океанамъ, показывая русскій военный флагъ въ разныхъ уголкахъ земного шара.

Морская молодежь шестидесятыхъ годовъ (да и капитаны того времени), конечно, хорошо помнятъ этого «разносителя», грозу офицеровъ, вспыльчиваго до бѣшенства и въ то же время необыкновенно добраго человѣка, любимаго матросами, дѣятельнаго, энергичнаго и страстно преданнаго своему дѣлу моряка, который, бывало, въ океанѣ переводилъ съ судна на судно офицеровъ, или входилъ подъ парусами на рейдъ по ночамъ, самъ стоя на бакѣ. Съ шестидесятыхъ годовъ это былъ едва ли не единственный выдающійся адмиралъ, который дѣйствительно образовывалъ моряковъ и создалъ школу. По крайней мѣрѣ, по словамъ заслуживающихъ довѣрія почтенныхъ моряковъ, лучшіе командиры судовъ въ настоящее время почти всѣ—ученики А. А. Попова, плававшіе съ нимъ юными офицерами.

Здѣсь не мѣсто подробно говорить объ этомъ крайне своеобразномъ и интересномъ типѣ, какимъ былъ А. А. Поповъ и о которомъ среди моряковъ и до сихъ поръ ходитъ не мало разсказовъ. Эта оригинальная личность, сдѣлавшая для образованія моряковъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ адмираловъ, заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго и подробнаго описанія. Замѣчу только, что молодые гардемарины и мичмана, плававшіе съ А. А. Поповымъ, обязаны не только тѣмъ, что стали хорошими моряками, но и тѣмъ, что, благодаря ему, многіе пополнили крайне скудное образованіе, полученное въ морскомъ корпусѣ, из-

учили иностранные языки и вообще пріучились къ занятіямъ.

А. А. Поповъ, бывало, по вечерамъ требовалъ къ себѣ всѣхъ гардемариновъ въ адмиральскую каюту, читалъ имъ лучшія произведенія русской литературы и послѣ бесѣдовалъ о прочитанномъ, а то дастъ что-нибудь переводить или вручитъ какую-нибудь иностранную книгу и попроситъ разсказать потомъ содержаніе — волей-неволей приходилось заниматься. А когда судно приходило въ портъ, адмиралъ вмѣстѣ съ молодежью съѣзжалъ на берегъ и ходилъ, осматривая все достопримѣчательное, ходилъ по докамъ, по заводамъ, осматривалъ суда, укрѣпленія, предпринималъ экскурсіи и требовалъ затѣмъ подробнаго письменнаго описанія. Такимъ образомъ, благодаря адмиралу, молодые моряки дѣйствительно знакомились съ посѣщенными городами, а не съ одними только ресторанами и увеселительными заведеніями.

И бранили же тогда его, и какъ бранили! Но зато съ какою сердечной благодарностью вспоминали потомъ тѣ же моряки своего назойливаго и подчасъ бѣшенаго морского учителя, этого «неугомоннаго адмирала», такъ заботившагося о своихъ младшихъ товарищахъ.

Пора однако возвратиться къ прерванному разсказу.

Послѣ недѣльнаго отпуска передъ плаваніемъ, два казенные портовые парохода доставили всѣхъ насъ, назначенныхъ въ кампанію, въ первыхъ числахъ іюня, изъ Петербурга на большой кронштадтскій рейдъ и развезли по кораблямъ стоявшей на рейдѣ практической эскадры подъ вице-адмиральскимъ флагомъ на флагманскомъ кораблѣ.

Наше отдѣленіе старшаго гардемаринскаго класса, въ числѣ двадцати шести человѣкъ, было высажено на восьмидесятичетырехпушечный паровой корабль «Орелъ», поражавшій, какъ и всѣ суда, своимъ безукоризненно вытянутымъ такелажемъ, выправленными на диво реями и тою умопомрачительной чистотой, какою вообще отличаются военныя суда.

Корпусный офицеръ, бывшій при насъ въ качествѣ воспитателя, совсѣмъ безличный и ограниченный человѣкъ, показывавшійся ежедневно въ нашемъ помѣщеніи только для проформы и все плаваніе проскучавшій въ качествѣ «пассажира» на кораблѣ, поставилъ насъ на шканцахъ во фронтъ и представилъ старшему офицеру, высокому капитанъ-лейтенанту, видимо оторванному отъ какого-то дѣла.

Наше прибытіе не доставило, кажется, старшему офицеру большого удовольствія, и этотъ чѣмъ-то озабоченный морякъ съ маленькими, щурившимися глазами не особенно радушно принялъ своихъ новыхъ подчиненныхъ, прибавлявшихъ ему, и безъ того по горло занятому, лишнюю заботу. Онъ однако былъ «радъ познакомиться», объявилъ, что завтра распишетъ насъ по вахтамъ, внушительно попросилъ насъ «не загадить констапельской» (нашего помѣщенія) и исчезъ, объявивъ, что сейчасъ выйдетъ капитанъ.

Черезъ минуту изъ капитанской каюты вышелъ, направляясь къ намъ неторопливой, мѣрной походкой, низенькій, сутуловатый и кряжистый пожилой человѣкъ съ Георгіемъ 3-й степени за храбрость на своей короткой шеѣ, съ краснымъ загорѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми подстриженными бакенбардами. Опущенная его голова совсѣмъ уходила въ плечи.

Это былъ капитанъ I ранга Ѳ. С. Кернъ, извѣстный своей храбростью севастопольскій герой, описанный Толстымъ въ его севастопольскихъ разсказахъ.

Онъ глядѣлъ исподлобья и на видъ казался сердитымъ этотъ нашъ капитанъ, оказавшійся потомъ очень добрымъ и мягкимъ человѣкомъ, несмотря на свою суровую внѣшность медвѣдя. Говорилъ онъ, словно лаялся, отрывисто, лаконическими фразами. Короткое привѣтствіе, обращенное къ намъ, закончило представленіе, и мы спустились въ свое помѣщеніе—въ «констапельскую», довольно обширную каюту въ нижней жилой палубѣ, подъ каютъ-компаніей.

На слѣдующій день мы снялись съ якоря.

XII.

Наша «служба» на кораблѣ была очень легкая. Расписанные по вахтамъ, мы исполняли при вахтенныхъ офицерахъ роль посыльныхъ къ капитану и передатчиковъ приказаній, стояли у компаса, слѣдя за правильностью курса, ѣздили при шлюпкахъ, но бо́льшую часть времени проводили въ бездѣльничествѣ въ своей констапельской. Состоявшій при насъ корпусный офицеръ былъ самъ совсѣмъ невѣжественный человѣкъ, чтобы занять насъ какими-нибудь полезными для будущаго офицера занятіями, и, такимъ образомъ, пребываніе на кораблѣ имѣло только ту хорошую сторону, что мы могли «присматриваться»

къ строгому порядку судовой жизни и къ управленію кораблемъ. При съѣздахъ на берегъ мы вмѣстѣ съ офицерами посѣщали рестораны и, случалось, вмѣстѣ съ ними и кутили. А на нашемъ кораблѣ офицеры были большіе любители выпить. Особенно первый лейтенантъ Д* и начальникъ 2-й вахты, князь М., оба лихіе парусные моряки, были такіе завзятые пьяницы, что рѣдко ихъ можно было видѣть трезвыми. И на вахту они выходили зарядившись, что̀ не мѣшало однако имъ быть исправными вахтенными начальниками. На берегу они гуляли во всю, и рядъ скандаловъ ознаменовалъ ихъ пребываніе во всѣхъ портахъ, начиная отъ Ревеля и кончая Балтійскимъ-Портомъ. Возвращались оба эти пріятеля съ берега иногда въ такомъ видѣ, что ихъ должны были подъ руки поднимать по трапу на палубу и вести въ каюты, что, съ точки зрѣнія морской дисциплины, представляло явный соблазнъ. Капитанъ, суровый морякъ черноморской школы, конечно, зналъ это и косо поглядывалъ на этихъ офицеровъ, но онъ былъ слишкомъ добрый человѣкъ, чтобы, какъ выражаются на морскомъ жаргонѣ, «протестовать ихъ», т.-е. списать съ корабля и сообщить по начальству о причинахъ, и они, такимъ образомъ, проплавали все лѣто въ безпрерывно пьяномъ состояніи. Впрочемъ, репутація этихъ двухъ старыхъ лейтенантовъ, типичныхъ представителей кронштадтскихъ забубенныхъ головушекъ дореформеннаго времени, тѣхъ пьяницъ-моряковъ, о которыхъ слагались цѣлыя легенды и которые давали вообще всѣмъ морякамъ славу пьяницъ,—репутація ихъ и безъ того была слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ, и оба они, вскорѣ послѣ плаванія, были уволены въ резервъ, а затѣмъ и въ отставку. Въ тѣ времена «очищали» флотъ.

Приходилось намъ, юнцамъ, «присматриваться» и къ обращенію съ матросами и видѣть вопіющую жестокость по отношенію къ людямъ. Самъ капитанъ не прибѣгалъ къ кулачной расправѣ и, сколько помнится, ни разу не приказывалъ наказывать матросовъ линьками, а только ругался въ минуты гнѣва или служебнаго возбужденія. Но старшій офицеръ положительно былъ жестокъ, и притомъ жестокъ съ какою-то холодной, безстрастной выдержкой. Ни одного «аврала» или ученія не проходило безъ того, чтобы не было окровавленныхъ имъ лицъ; нерѣдко случалось слышать раздирающіе стоны, раздающіеся съ бака, гдѣ происходили экзекуціи. Намъ, юнцамъ, невольно

приходилось быть свидѣтелями этихъ отвратительныхъ сценъ, потому что старшій офицеръ, вѣроятно, для нашей «морской закалки», приказывалъ иногда кому-нибудь изъ насъ присутствовать при наказаніи. Я никогда не забуду этой обнаженной человѣческой спины, покрытой красными подтеками отъ линьковъ, этихъ короткихъ, отрывистыхъ стоновъ и вскрикиваній, этихъ озвѣрѣлыхъ боцмановъ, наносящихъ размѣренные удары, и этого улыбающагося лица старшаго офицера, присутствовавшаго при наказаніи.

Когда матросъ, наказанный за самую пустую вину, получивъ пятьдесятъ ударовъ линьковъ (линекъ—толстая веревка съ узломъ на концѣ), осторожно надѣвалъ рубаху на свою посинѣвшую спину, старшій офицеръ взглянулъ на меня и, удивленный, вѣроятно, моимъ взволнованнымъ видомъ, проговорилъ съ насмѣшкой:

— Что, молодой человѣкъ, взволновались? Вы не баба-съ. Надо пріучаться къ службѣ!

По счастью, если бы и была охота «пріучаться къ службѣ», столь своеобразно отожествляемой съ жестокостью, нашему поколѣнію пріучаться не приходилось. Русскій флотъ былъ наканунѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, и «жестокость» начинала выходить изъ моды.

Нечего и прибавлять, что у насъ на кораблѣ дрались почти всѣ офицеры, дрались, конечно, боцмана и унтеръ-офицеры; а самая невозможная и отборная ругань, свидѣтельствующая о виртуозной изобрѣтательности моряковъ по этой части, стономъ стояла во время ученій и авраловъ.

Вся эта отрицательная сторона морской службы тогдашняго времени на нѣкоторыхъ изъ насъ, уже нѣсколько охваченныхъ просвѣтительнымъ вѣяніемъ шестидесятыхъ годовъ, дѣйствовала удручающимъ образомъ. Двое товарищей рѣшительно собирались, по окончаніи курса, выйти въ отставку. Большинство, впрочемъ, «закаливало» свои нервы...

Само собою разумѣется, что всѣ мы восхищались капитаномъ, который въ нашихъ глазахъ являлся идеаломъ лихого и безстрашнаго моряка. Намъ, молодымъ морякамъ, и весело, и жутко было глядѣть, какъ однажды «Орелъ» подъ всѣми парусами влетѣлъ въ узкія ворота ревельской купеческой гавани, управляемый зоркимъ глазомъ стараго «парусника» капитана. И самъ онъ, сдержанный, молчаливый, изрѣдка отдающій рѣзкія, повели-

тельныя приказанія, и вся его крѣпкая фигура морского волка—все это, разумѣется, плѣняло и вызывало на подражаніе, такъ что многіе стали ходить сгорбившись, какъ и капитанъ, и говорить такъ же отрывисто и рѣзко.

Но особенные восторги возбудилъ онъ въ насъ послѣ весьма критическаго случая, бывшаго съ нами въ это плаваніе и, конечно, памятнаго всѣмъ, пережившимъ нѣсколько ужасныхъ минутъ, незабываемыхъ во всю остальную жизнь. Примѣръ хладнокровнаго безстрашія и мужества нашего капитана въ эти минуты былъ однимъ изъ цѣнныхъ морскихъ уроковъ для будущихъ моряковъ.

Какъ теперь помню, мы шли подъ всѣми парусами съ ровнымъ вѣтромъ, проходя мрачный и вѣчно туманный островъ Гогландъ, около котораго, въ 1857 году, такъ трагически, въ двѣ-три минуты, пошелъ ко дну во время поворота, на глазахъ всей эскадры, корабль «Лефортъ» съ восьмьюстами человѣками экипажа и тремястами уволенныхъ матросовъ съ ихъ женами и дѣтьми, которыхъ перевозили изъ Ревеля въ Кронштадтъ. Предполагали тогда, что корабль погибъ вслѣдствіе неправильной нагрузки, имѣя слишкомъ высоко центръ тяжести, или что, быть-можетъ, худо закрѣпленныя орудія перекатились во время поворота на подвѣтренную сторону на накренившійся бортъ. Какъ бы то ни было, но ни одна живая душа не могла ничего объяснить—ни одинъ человѣкъ не спасся. Катастрофа случилась въ пятомъ часу утра

Память объ этомъ трагическомъ событіи еще была жива среди моряковъ, и, проходя Гогландъ, мы всѣ жадно слушали въ констапельской разсказъ одного старика-матроса, бывшаго сигнальщикомъ на одномъ изъ кораблей эскадры и видѣвшаго гибель злосчастнаго «Лефорта».

Только-что кончилъ разсказъ свой старикъ-матросъ, какъ всѣ мы почувствовали, что вдругъ нашъ «Орелъ» положило совсѣмъ на бокъ, и услышали зычный голосъ боцмана, призывавшаго всѣхъ наверхъ.

Охваченные паникой, мы бросились наверхъ.

Наверху ревѣлъ набѣжавшій шквалъ, и нашъ «Орелъ» съ убранными парусами стремительно летѣлъ, поваленный шквалomъ, кренясь все болѣе и болѣе. На ютѣ, гдѣ я долженъ былъ находиться по расписанію, стоялъ капитанъ, серьезный и молчаливый. Ютъ представлялъ собою совершенно наклонную плоскость... Корабль все больше и больше ложился на бокъ. Невольно въ головѣ пронеслась

мысль о «Лефортѣ». Команда въ какомъ-то боязливомъ смятеніи столпилась на палубѣ. Многіе крестились. Выбѣжавшіе офицеры были блѣдны, какъ смертъ. Раздалась команда старшаго офицера—закрѣпить трепыхавшіеся паруса, но матросы не двигались съ мѣста.

Корабль кренило больше и больше.

Капитанъ стоялъ попрежнему безстрашный и тихо отдалъ приказаніе старшему офицеру готовить топоры, чтобы рубить мачты. Старшій офицеръ бросился внизъ. Прошло еще нѣсколько томительныхъ секундъ...

— Готово!—крикнулъ старшій офицеръ, показываясь въ люкѣ.

— Есть!—спокойно отвѣчалъ капитанъ.

И ни черточки страха, ни одной дрогнувшей нотки въ его голосѣ!..

Шквалъ пронесся далѣе. «Орелъ» сталъ медленно, словно съ усиліемъ, подниматься, и наконецъ поднялся. Радостное чувство озарило всѣ лица. И необыкновенно серьезное и напряженное лицо капитана прояснилось.

Снова поставили паруса, и капитанъ спустился къ себѣ въ каюту съ такимъ, повидимому, спокойнымъ видомъ, точно ничего особеннаго не случилось. Только теперь, казалось мнѣ, онъ какъ-то нервнѣе подергивалъ, по своему обыкновенію, плечами. Мы, молодежь, впервые испытавшіе страшныя минуты въ морѣ, глядѣли на капитана съ восторженнымъ удивленіемъ, и долго еще въ констапельской онъ былъ предметомъ нескончаемыхъ разговоровъ.

Тогда разсказывали, что этотъ критическій случай произошелъ отъ недостаточности балласта, бывшаго на кораблѣ, и обвиняли портовое начальство. Какъ бы то ни было, но по приходѣ въ Ревель мы прибавили балласту.

Вспоминается мнѣ еще одинъ эпизодъ, рисующій этого почтеннаго моряка.

Это было на Кронштадтскомъ рейдѣ. Часу въ пятомъ послѣ обѣда, старшій офицеръ послалъ одного изъ товарищей съ четверкой (небольшая шлюпка съ четырьмя гребцами)—отвезти больного матроса на берегъ и сдать въ госпиталь. Вѣтеръ былъ противный, и шлюпка отправилась подъ веслами.

Къ вечеру вѣтеръ сталъ свѣжѣть, разводя большое волненіе. Шлюпка не возвращалась. Капитанъ то и дѣло выходилъ наверхъ и спрашивалъ: «не видать ли четверки?» Получая отвѣтъ, что не видать, онъ безпокойно

двигалъ плечами, сердито крякалъ и, приказавъ сигнальщику не сводить глазъ съ рейда, нервно ходилъ по палубѣ, заложивъ руки за спину. Безпокойство его видимо росло съ каждой минутой, съ каждымъ усиливающимся порывомъ вѣтра. Онъ сдѣлалъ выговоръ старшему офицеру, что тотъ послалъ маленькую шлюпку на берегъ вмѣсто того, чтобы послать катеръ.

— Теперь, видите-съ... свѣжо... Имъ не выгрести... Они, разумѣется, пойдутъ подъ парусами...

Старшій офицеръ старался успокоить капитана предположеніемъ, что посланный со шлюпкой гардемаринъ Ф. не рѣшится возвращаться при такомъ вѣтрѣ на корабль и благоразумно переночуетъ у пристани.

— Вы думаете-съ? А я такъ думаю-съ, что Ф. именно и пойдетъ-съ и, конечно, поставитъ паруса... Молодость отважна-съ...

И капитанъ самъ взялъ бинокль и сталъ глядѣть въ заволакивавшійся мглой горизонтъ.

Начинало темнѣть. Вѣтеръ усиливался. Шлюпка не показывалась.

Капитанъ не сходилъ съ юта. Онъ то хватался за бинокль, то безпокойно ходилъ взадъ и впередъ, словно звѣрь въ клѣткѣ, то снова останавливался и вглядывался въ подернутое бѣлыми зайчиками волнующееся море.

— Четверка навѣрное осталась на берегу,—снова замѣтилъ старшій офицеръ, самъ видимо обезпокоенный.

— Не думаю-съ!—рѣзко отвѣтилъ капитанъ.

И какъ бы въ подтвержденіе его психологическаго пониманія, сигнальщикъ весело крикнулъ:

— Четверка идетъ!

Капитанъ стремительно спустился съ юта и бросился къ трапу.

Въ полумракѣ, едва освѣщаемомъ слабымъ свѣтомъ луны, совсѣмъ близко летѣла къ кораблю, накренившись и ныряя въ волнахъ, маленькая четверка подъ парусами.

— Видите-съ!—радостно промолвилъ капитанъ, обращаясь къ старшему офицеру.

И его, обыкновенно суровое лицо, освѣщенное свѣтомъ фонарей, которые держали выбѣжавшіе фалгребные, озарилось хорошей, свѣтлой улыбкой.

Черезъ минуты двѣ-три шлюпка, наполовину залитая водой, пристала къ борту. Гардемаринъ Ф., юноша лѣтъ шестнадцати, поднялся на палубу весь мокрый. Возбу-

жденный, съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ, онъ доложилъ старшему офицеру, что больной матросъ сданъ въ госпиталь, и вручилъ квитанцію.

— А зачѣмъ вы не остались на берегу? Развѣ вы не видѣли, что свѣжій вѣтеръ, а?—строго спросилъ капитанъ.

— Я полагалъ, что онъ не настолько свѣжъ, чтобъ не идти,—отвѣтилъ Ф.

— То-то полагали-съ... А онъ свѣжъ... Надѣюсь, рифы были взяты?..

— На ходу взялъ-съ.

— Ну, ступайте-съ, переодѣньтесь... Ишь мокрый совсѣмъ... Да потомъ ко мнѣ милости просимъ чай пить-съ... А вы молодецъ-съ! И я на вашемъ мѣстѣ тоже пошелъ бы... да-съ!—неожиданно прибавилъ капитанъ и крѣпко пожалъ руку молодому человѣку.

И, уходя въ каюту, приказалъ гребцамъ дать по чаркѣ водки.

Послѣ двухмѣсячной кампаніи, во время которой мы побывали въ Ревелѣ, Гельсингфорсѣ и Балтійскомъ-Портѣ и хорошо познакомились тамъ съ кюмелемъ, шведскимъ пуншемъ и финляндской «сексой», мы съ эскадрой вернулись въ Кронштадтъ, хотя и присмотрѣвшіеся къ морскому дѣлу, но все-таки очень мало въ немъ понимавшіе и даже ни разу за все время не бравшіе въ руки секстана. И такъ было на всѣхъ корабляхъ. Корпусные офицеры, посылавшіеся съ кадетами, и сами не умѣли обращаться съ секстаномъ, такъ ужъ куда показывать другимъ. Да и вообще эти господа въ большинствѣ были люди далеко не свѣдущіе, и посылка ихъ съ кадетами имѣла характеръ лишь полицейскаго надзора.

Черезъ день или два по приходѣ въ Кронштадтъ, за нами пришелъ изъ Петербурга пароходъ, и мы распростились съ «Орломъ», чтобы больше никогда его не видать. И онъ, и другіе деревянные корабли черезъ два-три года мирно стояли въ гавани и вскорѣ, когда на смѣну имъ явились броненосцы, были проданы на сломъ.

Не пришлось болѣе видѣть и той варварской дрессировки матросовъ съ порками, какую мы видѣли на «Орлѣ». Доброму «старому времени» со всѣми его ужасами пѣли отходную. Во флотѣ, какъ и вездѣ, повѣяло новымъ духомъ. И флотъ «не пропалъ», какъ предвѣщали тогда многіе старики-моряки, втайнѣ недовольные реформами, вво-

димыми великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и въ особенности—отмѣной тѣлесныхъ наказаній. Оказалось, что могла существовать и дисциплина, могли быть и хорошіе матросы и безъ варварствъ прежняго времени.

XIII.

Къ 15-му августа мы всѣ собрались въ классы, и снова пошла обычная корпусная жизнь, для насъ, впрочемъ, выпускныхъ нѣсколько свободная.

Въ началѣ сентября начали готовиться къ традиціонному празднованію старшимъ курсомъ дня равноденствія. По обыкновенію, сборы къ этому празднованію держались въ секретѣ отъ начальства, хотя начальство, разумѣется, хорошо знало, что и въ этомъ году, какъ и ранѣе, во всѣ предыдущіе года, этотъ традиціонный обычай повторится, и что помѣха ему можетъ только вызвать еще бо́льшій скандалъ. Съ каждаго человѣка собирали по два, по три рубля для шитья костюмовъ въ предстоящей процессіи. Вопросъ о костюмахъ вызывалъ горячіе дебаты.

Но въ нашемъ курсѣ явились и протестанты противъ этого обычая, находившіе, что тратить деньги на такое шутовство нелѣпо. Такихъ протестантовъ набралось насъ пять человѣкъ. Мы выпустили «прокламацію», въ которой убѣждали остальныхъ товарищей не устраивать шутовского маскарада и деньги, предназначенныя для этой цѣли, употребить на выписку нѣсколькихъ журналовъ и газетъ.

Несмотря на горячій тонъ и, казалось намъ, неопровержимую убѣдительность «прокламаціи», она не имѣла никакого успѣха и дала намъ лишь одного новаго приверженца. Огромное большинство крѣпко стояло за сохраненіе «обычая» и къ предложенію выписать журналы отнеслось безъ малѣйшаго сочувствія. Всѣхъ насъ, протестантовъ, не безъ ядовитой ироніи называли «литераторами». Мы, въ свою очередь, называли представителей большинства «шутами гороховыми».

Нѣсколько вечеровъ подъ рядъ происходили совѣщанія для выработки программы распредѣленія ролей и для рѣшенія существеннаго вопроса: кого изъ начальствующихъ лицъ слѣдуетъ на предстоящемъ празднествѣ предать анаѳемѣ и кому провозгласить многія лѣта. Совѣщанія эти были очень оживлены, и вопросъ объ анаѳемаствованіи,

надо признаться, не возбуждалъ большихъ разногласій. Рѣшено было предать проклятію почти все корпусное начальство, за весьма немногими исключеніями. Но такъ какъ преданіе проклятію столь значительнаго числа педагоговъ и учителей, каждаго въ отдѣльности, заняло бы слишкомъ много времени и могло вызвать нежелательное вмѣшательство начальства, то постановлено было: провозгласить анаѳему лишь болѣе выдающимся лицамъ, а остальныхъ проклясть въ общемъ перечисленіи фамилій.

Наканунѣ дня равноденствія всѣ костюмы были доставлены въ корпусъ и припрятаны въ надежныхъ мѣстахъ распорядителями. Ночью происходила примѣрка костюмовъ и кое-какія поправки. Все это дѣлалось въ величайшемъ секретѣ.

Слѣдующій день прошелъ какъ обыкновенно. Казалось, ничто не предвѣщало традиціоннаго празднества, и корпусное начальство, боящееся этого дня, казалось не особенно возбужденнымъ. Однако ротный командиръ нѣсколько разъ въ этотъ день показывался въ ротѣ, видимо желая узнать настроеніе. Но «настроеніе» было, повидимому, самое спокойное.

Наконецъ вернулись отъ ужина, и тотчасъ же въ роту стали собираться всѣ однокурсники, бывшіе унтеръ-офицерами въ другихъ ротахъ... Дежурный офицеръ благоразумно исчезъ, чтобы ничего не видѣть и не знать, такъ какъ хорошо понималъ, что всякая его попытка помѣшать манифестаціи вызвала бы крупный скандалъ. Такіе скандалы, при безтактности начальства, бывали и оканчивались не особенно пріятно для обѣихъ сторонъ. Не показывались въ этотъ вечеръ ни ротный командиръ, ни дежурный по корпусу, ни директоръ. Узнавши, что празднество будетъ, они сидѣли по своимъ квартирамъ и ждали, чтобы манифестація прошла только скорѣй и спокойнѣе, не осложнившись какими-нибудь серьезными безпорядками.

Тѣмъ временемъ участвовавшіе въ процессіи—весь старшій курсъ, за исключеніемъ шести протестантовъ—торопливо одѣвались въ спальной въ свои костюмы, приклеивали бороды, красили лица и т. п.

Въ сосѣднихъ залахъ роты уже нетерпѣливо ждутъ процессіи зрители: кадеты средняго и младшаго гардемаринскихъ классовъ и прибѣжавшіе тайкомъ воспитанники другихъ ротъ. Дневальные, въ ожиданіи хорошей по-

дачки, зорко сторожатъ за дверями, готовые предупредить, лишь только завидятъ начальство.

Все готово. Процессія въ стройномъ порядкѣ, при торжественномъ пѣніи гимна равноденствію, двинулась изъ спальной.

Среди двигавшихся тихимъ шагомъ различныхъ морскихъ божествъ миѳологіи, среди тритоновъ, нереидъ, русалокъ, наядъ,—одѣтыхъ или, вѣрнѣе, полуодѣтыхъ въ болѣе или менѣе подходящіе костюмы подводнаго царства, блестѣвшихъ фольгой и бусами, съ вѣнками на головахъ и съ зажженными свѣчами,—среди разныхъ морскихъ чудовищъ—рыбъ и черепахъ,—высоко надъ головами остальныхъ возсѣдалъ на тронѣ, несомый шестью полуголыми подводными придворными, Нептунъ съ длинной сѣдой бородой и въ большой блестящей коронѣ. Костюмъ его ограничивался поясомъ изъ зеленой изрѣзанной бумаги, замѣнявшей морскую траву. Въ одной рукѣ у него былъ трезубецъ, а въ другой—учебникъ астрономіи Зеленаго. Видъ у Нептуна былъ торжественно-серьезный.

«Астрономія» была въ золотомъ переплетѣ. Эта въ нѣкоторомъ родѣ «священная книга», съ которой много поколѣній праздновали равноденствіе, хранилась всегда въ старшемъ выпускѣ.

Въ 1861 г. старшіе гардемарины, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, книгу эту сожгли, и съ тѣхъ поръ, кажется, въ морскомъ корпусѣ не празднуется болѣе равноденствіе.

Процессія обошла обѣ залы и направилась, сопровождаемая зрителями, въ спальню средняго гардемаринскаго курса. Тамъ она остановилась. Пѣніе прекратилось.

Тогда, среди мертвой тишины, былъ прочитанъ изъ учебника астрономіи параграфъ, опредѣляющій равноденствіе и начинающійся, если мнѣ не измѣняетъ память, словами: «Когда солнце годовымъ своимъ движеніемъ приходитъ въ одну изъ точекъ *B* или *C*» и т. д.

По окончаніи чтенія этого параграфа, Нептунъ спустился съ трона. Выйдя впередъ, на середину спальни, между раздвинутыми кроватями, онъ проговорилъ:

— Слушайте, братія!

И затѣмъ торжественно-мрачнымъ голосомъ, стараясь брать своимъ басомъ низкія ноты, провозгласилъ:

— Директору морского корпуса, что въ г. С.-Петер-

бургѣ на Васильевскомъ островѣ, контръ-адмиралу «Сережкѣ» такому-то анаѳема!

— Анаѳема!—загремѣли въ отвѣтъ десятки голосовъ, подхваченные и зрителями.

Нептунъ стукнулъ трезубцемъ объ полъ и продолжалъ:

— Инспектору классовъ того же корпуса, капитану 1-го ранга такому-то... анаѳема!

— Анаѳема!—снова повторили всѣ.

— Дивенъ въ подлостяхъ своихъ. Онъ свинья! Онъ подлецъ!

И всѣ пропѣли церковнымъ напѣвомъ это прибавленіе къ проклятію особенно нелюбимаго инспектора.

— Батальонному командиру, капитану 1-го ранга, «Павлушкѣ» такому-то, по прозванію «Копчикъ»,—анаѳема!

— Анаѳема!

Нептунъ по очереди продолжалъ провозглашать имена эконома, нѣсколькихъ ротныхъ командировъ, дежурныхъ офицеровъ и двухъ особенно нелюбимыхъ преподавателей, и послѣ каждаго провозглашенія раздавалось протяжное и мрачное: «анаѳема».

Остальные затѣмъ были перечислены вмѣстѣ и преданы были проклятію en masse.

Послѣ паузы Нептунъ провозгласилъ уже въ мажорномъ тонѣ:

— Мудрому и славному нашему дежурному офицеру и преподавателю, преславнѣйшему и преблагороднѣйшему Ильѣ Павловичу Алымову многія лѣта!

— Многія лѣта!—весело загремѣли голоса.

Провозглашеніе многолѣтія заняло, впрочемъ, весьма немного времени, такъ какъ удостоившихся этой чести лицъ было мало—всего, сколько помнится, три или четыре человѣка.

Затѣмъ Нептунъ снова взобрался на тронъ, и процессія тѣмъ же порядкомъ, съ пѣніемъ, возвратилась въ спальню. Участвовавшіе быстро переодѣлись, и послѣ недолгихъ бесѣдъ всѣ улеглись спать. Все было окончено.

Явился и дежурный офицеръ и мирно зашагалъ по своей дежурной комнатѣ.

Оставить однако совсѣмъ безъ вниманія бывшую манифестацію начальство морского корпуса считало ниже своего достоинства, и потому на другой день, послѣ классовъ, нашу роту выстроили во фронтъ, объявивъ, что идетъ директоръ корпуса. Семеня ножками и старалась

казаться сердитымъ, къ намъ подошелъ, сопровождаемый батальоннымъ командиромъ, инспекторомъ и ротнымъ, директоръ, довольно неказистый на видъ старикъ, добродушный, незлобивый и очень простенькій человѣкъ, котораго вчера предавали анаѳемѣ, надо думать, болѣе для соблюденія традиціоннаго обычая, чѣмъ по заслугамъ. Никакого проклятія онъ не заслуживалъ, и всѣ очень хорошо знали, что почтенный старикъ никого не обижалъ, никого не преслѣдовалъ и управлялъ корпусомъ номинально, находясь подъ вліяніемъ инспектора классовъ. Кромѣ того, ходили слухи, что онъ на время лишь назначенъ директоромъ, и его, по правдѣ говоря, не ставили ни въ грошъ и совсѣмъ не боялись.

Выпучивъ свои глаза, директоръ поздоровался съ нами и, краснѣя болѣе отъ неумѣнія говорить, чѣмъ отъ негодованія, нѣсколько секундъ стоялъ въ безмолвіи, видимо затрудняясь, съ чего начать, и безпомощно озираясь на почтительно стоявшаго сзади «дипломата» — инспектора классовъ.

— Э... э... э... это какъ же?..—началъ наконецъ директоръ, сознавая, что надо же что-нибудь сказать.—Вчера... э... э... э... шумъ, безпорядокъ... Это срамъ-съ... И я не потерплю, понимаете, не потерплю-съ... Меня трудно разсердить, но если я разсержусь... выгоню изъ корпуса... Да-съ... Выгоню... Выгоню-съ!

Добрякъ клепалъ на себя безбожнымъ образомъ. Онъ и теперь не сердился, а исполнялъ свою «роль», вѣроятно, подсказанную инспекторомъ.

— И кто это выдумалъ вчера эти безпорядки-съ?.. Кто зачинщики-съ?.. Выходите впередъ...

Никто, разумѣется, не выходилъ.

— Значитъ, всѣ-съ? Ну, я со всѣхъ и взыщу-съ... Со всѣхъ... и строго взыщу-съ... Непремѣнно взыщу-съ... Э-э-э... Будете помнить-съ...

Вѣроятно, дѣло ограничилось бы этимъ обѣщаніемъ, и добрякъ ушелъ бы, убѣжденный, что напугалъ всѣхъ насъ, какъ взглядъ его случайно упалъ на маленькаго Г., который, слушая несвязную рѣчь директора, лукаво улыбался своими смѣющимися глазами.

Это ужъ было слишкомъ!

— Э-э-э... вы еще смѣяться... Директоръ говоритъ, а онъ смѣется... Вы, значитъ, зачинщикъ и есть... Подъ арестъ его!—вдругъ крикнулъ визгливымъ тенорокомъ по-

чтенный старикъ, внезапно закипая при видѣ этого насмѣшливаго взгляда. — На недѣлю... На хлѣбъ... на воду! Онъ всегда во всемъ коноводъ... Я знаю... Я все знаю-съ...

Директоръ, конечно, и не догадывался, что онъ сажалъ подъ арестъ «протестанта», не принимавшаго участія во вчерашней процессіи и не бывшаго никогда коноводомъ, и, еще разъ пригрозивъ, что онъ строго взыщетъ, ушелъ, сопровождаемый свитой.

Г. со смѣхомъ собирался идти въ «главную арестантскую» (главный карцеръ) и только просилъ, чтобъ товарищи не забыли ему приносить съѣстного. Товарищи предлагали идти къ директору и сказать, что онъ не принималъ никакого участія въ празднованіи равноденствія, но Г. не согласился. «Не все ли равно? Вѣдь онъ не за участіе меня посадилъ, а за улыбку!»—говорилъ, продолжая смѣяться, маленькій Г. Онъ, впрочемъ, просидѣлъ всего два дня. Послѣ двухъ дней директоръ позвалъ его къ себѣ и самымъ добродушнымъ образомъ простилъ, проговоривъ на прощанье:

— А вы, молодой человѣкъ, впередъ помните-съ... э-э-э... что, когда говоритъ начальникъ, надо слушать, а не смѣяться... А то что будетъ-съ, если всѣ будутъ смѣяться надъ начальниками?.. Какъ вы думаете-съ?

И такъ какъ Г. затруднялся отвѣчать, то добрякъ и поспѣшилъ объяснить ему:

— Будетъ-съ всеобщій кавардакъ... Вотъ что будетъ-съ!

— Дешево отдѣлались, почтенный,—ядовито замѣтилъ инспекторъ классовъ, обращаясь на другой день къ Г. въ классѣ.—Начальство надо почитать, а не улыбаться, когда оно говоритъ. Вотъ тоже и этотъ почтенный,—указалъ инспекторъ классовъ на меня:—стишки пописываетъ про начальство и думаетъ, что это очень либерально... Какъ бы за это серьезно не поплатиться... Какъ вы полагаете, почтенный?—обратился ко мнѣ инспекторъ классовъ, прочитавшій переписанное товарищемъ стихотвореніе, въ которомъ героемъ былъ онъ.—Вѣдь это вы занимаетесь стихоплетствомъ?—презрительно добавилъ онъ.

— Занимаюсь по временамъ,—отвѣчалъ я.

— Я такъ и думалъ... Смотрите, почтенный, какъ бы, вмѣсто выпуска изъ корпуса, не остаться еще годъ... Держите ухо востро... Начальство терпѣливо и попечительно, но и оно иногда теряетъ терпѣніе... и особенно не лю-

бить строптивыхъ... Видно, журналовъ нынѣшнихъ начитались... Разныя глупости нравятся?..

Несмотря на предостереженіе инспектора, мнѣ не пришлось «держать ухо востро». Черезъ мѣсяцъ совершенно неожиданно я оставилъ корпусъ. По просьбѣ отца я былъ назначенъ въ трехлѣтнее кругосвѣтное плаваніе и въ началѣ октября, простившись съ товарищами, уѣхалъ въ Кронштадтъ, чтобъ явиться на корветъ.

Экзаменъ мнѣ пришлось держать въ Печелійскомъ заливѣ, на эскадрѣ, передъ экзаменной комиссіей моряковъ, а не передъ сонмомъ корпусныхъ педагоговъ.

СЛОВАРЬ

морскихъ терминовъ, встрѣчающихся въ разсказахъ [1]).

Абордажъ—свалка или сцѣпка двухъ судовъ съ цѣлью нанести вредъ другъ другу.

Аварія—поврежденіе судна или груза.

Авралъ—работа на кораблѣ, въ которой принимаетъ участіе вся команда. Во время аврала командуетъ старшій офицеръ.

Адмиралъ—званіе начальствующаго флотомъ. Въ Россіи это званіе дѣлится на 4 чина: 1) генералъ-адмиралъ, 2) адмиралъ, 3) вице-адмиралъ и 4) контръ-адмиралъ. Во время пребыванія въ плаваніи адмиралъ имѣетъ флагъ на гротъ-мачтѣ, вице-адмиралъ на фокъ-мачтѣ и контръ-адмиралъ на бизанъ-мачтѣ.

Адмиральскій часъ — выраженіе, получившее начало во времена Петра Великаго; обозначаетъ часъ, когда надо приступить къ водкѣ передъ обѣдомъ. Петръ Великій и его сподвижники—члены коллегій—прерывали засѣданія присутствій передъ обѣдомъ въ 11 часовъ и, возвращаясь домой, заходили въ австеріи выпить водки.

Анкерокъ — бочекъ въ одно, два, три ведра; употребляется для водянаго баласта на шлюпкахъ, для вина, уксуса и прочей мокрой морской провизіи.

Апанеръ—положеніе каната перпендикулярное къ водѣ, при выхаживаніи якоря, когда послѣдній еще не всталъ, т. е. не отдѣлился отъ грунта.

Артель—команда на суднѣ дѣлится на артели, и каждая изъ своей среды выбираетъ артельщика.

Артиллерійскій офицеръ—офицеръ морской артиллеріи. Нынѣ этотъ корпусъ офицеровъ упраздненъ.

Ахтерштевень — брусъ, идущій вертикально или наклонно отъ киля и составляющій заднюю оконечность судна; къ ахтерштевню навѣшивается руль.

Баканъ—плавающій буй, ставится на якорь для обозначенія опасности или огражденія мели.

Баковый—имѣющій назначеніе работать на бакѣ или предметъ, помѣщаемый на бакѣ.

Бакштагъ (курсъ относительно вѣтра)—попутный вѣтеръ, составляющій съ діаметральной плоскостью судна уголъ болѣе 90° и менѣе 180°.

Бакштагъ—снасть, которая служитъ для укрѣпленія съ боковъ рангоутныхъ деревьевъ, трубы, боканцевъ и т. д.

Бакштовъ — толстая веревка, выпускаемая за корму; за нее крѣпятся гребныя суда во время якорной стоянки.

Бакъ — передняя часть судна до фокъ-мачты. Посадить на *бакъ*—

---

[1]) Заимствовано изъ объяснительнаго морского словаря В. В. Вахтина.

наказать. «*На баки!*» — такъ кричатъ, чтобы во время работы обратить вниманіе старшаго изъ находящихся на бакѣ чиновъ.

Бакъ—посуда; большая деревянная миса, употребляемая для пищи артели.

Баластина — чугунная или вообще металлическая плитка или брусокъ, употребляемые на судахъ для баласта.

Баластъ — грузъ судна для того, чтобы оно не оставалось пустое. Можетъ быть чугунный, каменный, песчаный или водяной.

Балконъ—галлерея за кормой.

Банка—мель среди глубокаго мѣста.

Банка (у шлюпки)—сидѣнье для гребцовъ.

Барашки или **зайчики**—бѣлыя верхушки у волнъ.

Баркасъ — самое большое гребное судно на кораблѣ. Бываетъ и паровой.

Баркъ—коммерческія парусныя суда, имѣющія двѣ мачты съ прямыми парусами и одну (бизань-мачту) съ косыми.

Барометръ—ртутный приборъ для измѣренія давленія атмосферы.

Баръ—мель или наносъ, образующійся у устьевъ рѣкъ.

Баталеръ — унтеръ-офицеръ на суднѣ, помощникъ комиссара. Содержатель провизіонныхъ запасовъ.

Батарея—на суднѣ такъ называется палуба, на которой стоятъ орудія.

Бейдевиндъ—курсъ самый близкій къ линіи вѣтра.

Береговые вѣтры (бризы)—правильно дующіе вѣтры близъ берега, днемъ съ моря, а ночью съ берега. Особенною правильностью отличаются въ жаркихъ странахъ.

Берегъ. *Навѣтренный*—если вѣтеръ отъ него и *подвѣтренный*—если вѣтеръ дуетъ на него.

Бесѣдка—доска, на которой матросъ, сидя, работаетъ. Доска вставляется въ петлю, образуемую снастью, такимъ узломъ, чтобы онъ не затянулся.

Бизань—парусъ на задней, бизань-мачтѣ.

Бимсъ—поперечный деревянный брусъ или желѣзная угольная полоса между бортами. На *бимсы* настилаются палубы.

Бить склянки—бить въ колоколъ число склянокъ.

Блокъ — бляха, комъ — деревянный или желѣзный; имѣетъ внутри шкивъ (бакаутное или мѣдное колесо, вращающееся между щеками блока) и служитъ для проводки снасти.

Боканцы — деревянные или желѣзные брусья по бокамъ судна, на которыхъ висятъ шлюпки.

Бора (отъ греч. и лат. Boreas) — жестокая приморская буря въ Адріатическомъ морѣ (на берегу Далмаціи), а также въ южной Россіи, особенно на восточномъ побережьѣ Чернаго моря.

Бортъ—сторона или бокъ судна.

Бортъ-о-бортъ—сближеніе двухъ судовъ, когда они почти касаются другъ друга.

Ботъ—одномачтовое судно. *Лоцманскій ботъ*—ботъ, на которомъ лоцманъ выходитъ въ море для встрѣчи судовъ.

Боцманъ — старшій строевой унтеръ-офицеръ; на суднѣ имѣетъ старшинство надъ всѣми нижними чинами, какъ строевыми, такъ и нестроевыми.

Брамсель — парусъ, поднимаемый надъ марселемъ. Смотря по тому, какой мачтѣ принадлежитъ, называется: гротъ-*брамсель*, фокъ-*брамсель* и крюйсъ-*брамсель*. Парусъ, поднимаемый надъ брамселемъ, называется *бомъ-брамселемъ*.

Брандвахта—караульное судно на рейдѣ или въ гавани.

Брандспойтъ — переносная пожарная помпа, употребляемая на судахъ помимо своего прямого назначенія и для другихъ надобностей, какъ-то: скачиванія палубы и каната, мытья бортовъ, обливанія матросовъ въ жаркихъ странахъ и проч.

Брасъ—снасть бѣгучаго такелажа, посредствомъ которой ворочаютъ рен. Брасы принимаютъ названія тѣхъ реевъ, къ которымъ они прикрѣплены (грота-*брасы*, фока-*брасы*, гротъ-марса-*брасы*, форъ-марса-*брасы*, и т. д.).

Брать высоты солнца — измѣрять угломѣрнымъ инструментомъ высоты солнца.

Брашпиль — горизонтальный воротъ, употребляемый для подъема якоря.

Брезентъ—сшитыя вмѣстѣ полотна парусины. Употребляются для застилки палубъ и вообще для прикрытія предметовъ, которые надо защитить отъ сырости или пыли.

Брейдъ-вымпелъ — широкій вымпелъ. Поднимается на судахъ въ знакъ присутствія особъ Императорской фамиліи, управляющаго морскимъ министерствомъ, главнаго командира порта или начальника отряда судовъ, не имѣющаго адмиральскаго чина.

Бригъ — двухмачтовое парусное судно съ прямыми парусами на прямыхъ мачтахъ.

Броненосецъ—судно, защищенное броней.

Брызгасъ—работникъ, исполняющій всѣ желѣзныя работы по судну.

Бугшпритъ—горизонтальное или наклонное дерево, выдающееся съ носа судна.

Буекъ—поплавокъ и спасательный кругъ.

Буксировать — тащить за собою другое судно на толстой веревкѣ, называемой *буксиромъ*.

Буревѣстникъ—птица изъ рода Procellaria.

Бурунъ — отбой и прибой волны между камнями или къ берегу и отъ берега.

Бухта—небольшой заливъ.

Бухта—тросъ, свернутый кругами, или снасть, уложенная въ круги.

Изъ бухты вонъ! — приказаніе отойти отъ каната передъ отдачей якоря.

Валекъ—утолщенная часть весла.

Валъ гребной—валъ, который приводитъ въ вращательное движеніе *винтъ* парового судна.

Ванты — пеньковыя или проволочныя снасти стоячаго такелажа, которыми укрѣпляются съ боковъ и сзади мачты, стеньги и брамъ-стеньги.

Ватервейсъ—водяные стоки. Толстый деревянный брусъ, накладываемый на бимсы и прилегающій къ борту; идетъ вокругъ всей палубы.

Вахта—дежурство. Четырехъ- или шести-часовой промежутокъ времени на судахъ, въ который вступаетъ на дежурство на верхъ офицеръ—вахтенный начальникъ—и съ нимъ половина судовой команды. По времени вахты различаются на дневныя и ночныя. Каждая вахта команды дѣлится на два отдѣленія. Ближайшій начальникъ вахты нижнихъ чиновъ — боцманъ. Сутки на военныхъ судахъ дѣлятся на пять слѣдующихъ вахтъ: 1) съ полдня до 6 ч. веч., 2) съ 6 ч. веч. до полночи, 3) съ полночи до 4 ч. утра, 4) съ 4 ч. до 8 ч. утра и 5) съ 8 ч. утра до полдня. Смѣнившіеся съ вахты называются подвахтенными.

Вахтенный начальникъ — офицеръ, правящій вахтой, лицо, которому подчинена вся вахтенная команда. Вахтенный начальникъ за все время своей вахты отвѣчаетъ за безопасность судна, за содержаніе въ постоянной исправности, за соблюденіе порядка и за исполненіе всѣхъ приказаній командира и старшаго офицера. Ему подчинены караулъ и всѣ вахтенные офицеры и нижніе чины. Отличительнымъ знакомъ вахтеннаго начальника служитъ рупоръ. Вахтенному начальнику не разрѣшается садиться, курить, вступать въ разговоры, не касающіеся его служебныхъ обязанностей, и спускаться съ верхней палубы, не сдавъ вахты другому вахтенному начальнику. Во время аврала на вахту вступаетъ старшій офицеръ.

Вахтенный (или шканечный) *журналъ*—шнуровая книга, въ которую заносятся всѣ событія изъ жизни судна и лицъ на немъ плавающихъ, случаи сношенія съ другими судами и вообще всѣ обстоятельства плаванія (курсъ, направленіе и сила вѣтра, ходъ, кренъ, температура воды, высота барометра, состояніе погоды, моря и неба, обороты винта, дрейфъ, паруса, подъ которыми идетъ судно, и т. п. Подписывается вахтеннымъ начальникомъ.

Вельботъ — шлюпка, имѣющая носъ и корму острые; она имѣетъ пять-шесть распашныхъ веселъ и, смотря по тому, для кого служитъ, получаетъ названіе адмиральскаго, капитанскаго или офицерскаго вельбота.

Верпъ—небольшой якорь, употребляющійся преимущественно для завозовъ.

Весло — деревянное орудіе для гребли. Части весла: *валекъ* (отъ уключины до рукоятки), *рукоятка* (мѣсто, за которое гребецъ держится руками) и *лопасть* (часть, погружаемая въ воду). По роду гребли весла бываютъ *распашныя*, когда на банкѣ сидитъ одинъ гребецъ, и *катерныя*, когда на каждой банкѣ сидитъ по два гребца. «*Суши весла!*»—команда, по которой гребцы, не вынимая веселъ изъ уключинъ, держатъ ихъ въ горизонтальномъ положеніи, лопастями параллельно воды. «Навались!»—греби сильнѣй. «Табань обѣ!» или «Табань правая!» «Табань лѣвая!»—та сторона, которой отдано приказаніе, или обѣ, гребутъ въ противную сторону, отъ себя, сообщая шлюпкѣ задній ходъ. «Шабашъ!»—по этой командѣ весла убираются.

Винтъ—двигатель, помѣщаемый за кормой парового судна.

Водоизмѣщеніе—вѣсъ воды, выдавливаемой судномъ при углубленіи его по грузовую ватерлинію.

Водолазъ—человѣкъ, опускающійся на дно въ водолазномъ аппаратѣ.

Водоопрѣснительный аппаратъ (опрѣснитель) — аппаратъ на суднѣ, служащій для опрѣсненія забортной соленой воды.

Волненіе — колебаніе воды отъ дѣйствія вѣтра. Образующіяся выпуклости называются валами или волнами. Неправильное волненіе называется *толчеей*.

Вооружать судно — оснастить его, снабдить артиллеріею и всѣмъ необходимымъ для плаванія.

Ворса—старыя спасти, распущенныя на пряди и каболки.

Впередъ смотрѣть! — приказаніе, отдаваемое часовымъ съ вахты для возбужденія ихъ вниманія.

Встать на якорь—бросить якорь.

Всѣхъ на верхъ!—команда, по которой вызываются люди на верхъ для работы.

Выблёнки—топкій тросъ поперекъ вантъ, составляющій лѣстницу, по которой поднимаются матросы для работъ на марсахъ и реяхъ.

Выбрать конецъ — вытянуть конецъ (веревки), поданный или брошенный на судно или на шлюпку.

Выгребать—подвигаться съ трудомъ на веслахъ впередъ.

Выйти на вѣтеръ—выйти на ту сторону, въ которую дуетъ вѣтеръ.

Вымбовка — рычагъ, деревянный длинный брусокъ, который вкладывается въ вырѣзки шпиля. Вымбовки служатъ для вращенія шпиля.

Вымпелъ—узкій и длинный флагъ, поднимаемый на брамъ-стеньгѣ.

Выстрѣлъ—рангоутное дерево, служащее для постановки нижнихъ лисселей. Во время якорной стоянки на выстрѣлахъ держатся привязанныя на концахъ шлюпки.

Вытравить канатъ—выпустить въ воду болѣе каната, чѣмъ было.

Вытягиваться на рейдъ—выходить изъ гавани посредствомъ завозовъ.

Вѣстовой—матросъ, назначенный для услугъ въ каютъ-компаніи и офицерамъ.

Вѣтеръ заходитъ—становится круче. *Отходитъ*—становится полнѣе.

Вѣха—шестъ на поплавкѣ, поставленномъ на камнѣ или баластинѣ (вмѣсто якоря) для указанія фарватера или на мѣстѣ утонувшаго корабля.

Гавань—мѣсто на водѣ, огражденное естественно или искусственно отъ волненія и представляющее удобную стоянку для судовъ.

Галета — морской сухарь; выпекается изъ ржаной или пшеничной муки и употребляется въ плаваніи вмѣсто хлѣба.

Галсъ—веревка, удерживающая на должномъ мѣстѣ нижній навѣтренный уголъ паруса.

Галсъ (курсъ корабля относительно вѣтра).—Если вѣтеръ дуетъ съ лѣвой стороны, то говорятъ, что судно идетъ *лѣвымъ галсомъ;* если же съ правой, то говорятъ, что оно идетъ *правымъ галсомъ. Лечь на другой галсъ*—значитъ, поворотить такъ, что вѣтеръ, дувшій, напримѣръ, въ правую сторону судна, будетъ дуть въ его лѣвую сторону. *Сдѣлать галсъ*—пройти однимъ галсомъ, не поворачивая.

Галфиндъ. Когда направленіе вѣтра съ курсомъ корабля составляетъ прямой уголъ, то говорятъ, что судно идетъ галфиндъ или въ *полъ-вѣтра.*

Гальюнъ — пристройка къ носу судна, гдѣ на старинныхъ судахъ помѣщались штульцы для команды.

Гальюнщикъ—матросъ, завѣдующій гальюнами.

Гандшпугъ—палки, спица, всякій деревянный или желѣзный рычагъ.

Гардемаринъ. Съ 1860 по 1882 г. это было офицерское званіе, которое давалось по окончаніи курса въ морскомъ корпусѣ на 2 года, до производства въ мичмана; теперь званіе это принадлежитъ кадетамъ старшаго класса морского корпуса.

Гарпунъ—небольшое желѣзное копье, надѣваемое на древко. Употребляется для ловли китовъ и другой большой рыбы.

Гитовы—снасти, которыми убираются паруса. *Взять на гитовы*—подобрать парусъ гитовами.

Гичка—легкая, узкая и длинная шлюпка съ тупой кормой.

Гнать къ вѣтру—идти бейдевиндъ, какъ можно круче.

Голанка или голландка—верхнее платье матроса. Родъ блузы изъ фланели или парусины. Въ русскомъ флотѣ шьется изъ сѣрой парусины.

Гордень у паруса—снасть, которою парусъ подтягивается къ рею.

Горизонтъ—кругъ, отдѣляющій видимую часть земной поверхности отъ невидимой. *Видимый горизонтъ* — окружность круга, раздѣляющая, повидимому, небо отъ воды. Въ сущности эта окружность есть

основаніе конуса, вершина котораго въ глазѣ наблюдателя, а образующія суть касательныя къ поверхности земли.

Кто **гребетъ?** — окликъ проходящей мимо судна шлюпки или подходящей къ нему шлюпки. На это со шлюпки отвѣчаютъ: «мимо!» — если она не пристаетъ къ борту, или: «матросъ, офицеръ съ такого-то судна!» Командиръ въ отвѣтъ называетъ имя своего судна, а адмиралъ отвѣчаетъ: «флагъ!»

Гротъ—нижній парусъ гротъ-мачты.

Грунтъ—дно моря, рѣки, озера, океана.

Гюйсъ—флагъ, ставящійся на военныхъ судахъ на бугшпритѣ, когда судно стоитъ на якорѣ.

Даглискъ—лѣвый становой якорь.

Двойка—двухвесельная малая шлюпка.

Дождевикъ—пальто изъ непроницаемой ткани.

Докъ — каналъ, который можетъ быть осушаемъ; въ него вводятъ суда для починки.

Долгота мѣста—дуга экватора между нѣкоторымъ меридіаномъ, принятымъ за первый, и меридіаномъ, проходящимъ черезъ данное мѣсто.

Дрейфъ — отклоненіе отъ пути. Всякое судно, идя бейдевиндъ, кромѣ поступательнаго движенія, имѣетъ боковое, по направленію вѣтра; это послѣднее называется дрейфомъ.

Лечь **въ дрейфъ**—расположить паруса такимъ образомъ, чтобы отъ дѣйствія вѣтра на одни изъ нихъ судно шло впередъ, а отъ дѣйствія вѣтра на другіе — пятилось назадъ. Во время лежанія въ дрейфѣ судно поперемѣнно то идетъ впередъ—восходитъ, то пятится назадъ—нисходитъ.

Дымовая труба — труба изъ машины, въ которую выходитъ дымъ изъ топки послѣ того, какъ онъ пройдетъ по *дымогарнымъ трубкамъ* и поступитъ въ *дымовой ящикъ*.

Дѣлать — столько-то миль въ часъ, въ сутки — проходить это число миль.

Ендова — мѣдная посуда съ носикомъ. Въ ендову наливаютъ водку передъ раздачей, и изъ нея матросы черпаютъ чарками, когда пьютъ.

Есть! — слово, принятое во флотѣ вмѣсто отвѣта: «слушаю», «хорошо» и т. д.

Завозъ. Чтобы протянуть судно впередъ, назадъ или въ сторону, на шлюпку подаютъ якорь или вершъ, къ которому привязываютъ кабельтовъ; шлюпка, отойдя въ желаемомъ направленіи, бросаетъ якорь. Говорится, что она сдѣлала завозъ. Тянуться на такихъ завозахъ, чтобы пройти впередъ безъ парусовъ, паровъ и веселъ, называется: верповаться.

Загребной—гребецъ или гребцы, дѣйствующіе первыми отъ кормы веслами.

Закрѣпить парусъ—обнести сезнями или концомъ послѣ того, какъ парусъ взятъ на гитовы.

Заливъ—губа или бухта. Часть моря, озера или рѣки, вдавшаяся въ берегъ.

Залпъ — выстрѣлы, произведенные вдругъ изъ нѣсколькихъ орудій.

Запасный такелажъ, паруса, стеньги и пр. — предметы судового вооруженія, отпускаемые въ запасъ.

Запеленговать—опредѣлить направленіе по компасу.

Зарываться—брать воду носомъ.

Зенитъ — точка на небѣ, находящаяся прямо надъ головой наблюдателя.

Зыбь — плавное волненіе или колебаніе моря, бывающее обыкновенно или послѣ вѣтра, или предвѣщающее его приближеніе.

Идти—плыть на суднѣ.

Интрепель — холодное оружіе въ родѣ топора; употребляется при абордажѣ.

Кабельтовъ—тросъ, толщиною отъ 6—13 дюймовъ.

Кабельтовъ—разстояніе въ 120 саженъ. Въ морѣ небольшія разстоянія принято считать кабельтовами.

Каболка—пеньковая нить, составная часть всякаго троса.

Каботажное судно — судно коммерческое, плавающее въ виду береговъ.

Кадка марса-фальная. Бухта марса-фала укладывается въ кадку для того, чтобы эта важная снасть, при отдачѣ, была всегда чиста. *Кадка фитильная*—кадка, въ которую ставится ночникъ съ фитилемъ.

Калноръ—діаметръ канала орудія.

Камбузъ—судовая кухня.

Канатъ якорный — цѣпной составляется изъ концовъ длиною каждый въ $12^1/_2$ саженъ; такой конецъ называется смычкой. Смычки соединяются между собою соединительными скобами.

Канонерская лодка—паровое военное судно, имѣющее двѣ или три голыхъ мачты и отъ одного до трехъ поворотныхъ орудій.

Капитанъ—командиръ военнаго судна или шкиперъ коммерческаго.

Флагъ-капитанъ—штабъ-офицеръ, состоящій при адмиралѣ, командующемъ эскадрою.

Карбасъ—лодка, употребляемая жителями Архангельской губ.

Карта — изображеніе земной поверхности на бумагѣ; къ такимъ изображеніямъ прибѣгаютъ по необходимости, за неудобствомъ имѣть глобусы большихъ размѣровъ, на которыхъ поверхность земли могла бы быть изображена съ достаточною подробностью. Морскія карты бываютъ меркаторскія и плоскія.

Меркаторская **карта** — карта съ меридіанами и параллелями прямыми и другъ къ другу перпендикулярными линіями. Эти карты впервые были изданы нидерландскимъ географомъ Меркаторомъ, во второй половинѣ XVI вѣка, и поэтому получили названіе меркаторскихъ. Градусы долготы на этихъ картахъ равны между собою и экваторному градусу. Градусы широты постепенно увеличены отъ экватора къ полюсамъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ градусы параллелей на земномъ шарѣ уменьшаются противъ экваторнаго градуса, такъ что всѣ точки изображаемой на картѣ поверхности находятся въ томъ же взаимномъ положеніи между собою, какъ и на земномъ шарѣ. Разстоянія между этими точками тѣ же самыя, что и на земномъ шарѣ, но измѣряются особымъ способомъ, т. е. снимаются циркулемъ и прокладываются къ меридіану, и именно къ той его части, противъ которой (по параллели) лежатъ данные пункты, такъ что масштабъ измѣняется съ измѣненіемъ широты пунктовъ. Меркаторскія карты употребляются для большихъ плаваній.

Плоская **карта**—употребляется для малыхъ плаваній; на плоскихъ картахъ меридіаны изображены прямыми линіями, параллельными между собою; параллели также прямыми линіями, перпендикулярными меридіанамъ. Градусы широты равны между собою; градусы долготы также равны между собою и экваторному градусу, если экваторъ включенъ въ карту.

Картушка (на компасѣ)—бумажный или слюдовый кругъ, соединенный съ магнитной стрѣлкой. Кругъ раздѣленъ на 32 дѣленія, назы-

ваемыя румбами, и на градусы. Каждое дѣленіе, кромѣ того, раздѣляется на 4 части: на четверти румба.

Катеръ—шлюпка съ болѣе острыми обводами и вообще болѣе легкой постройки, чѣмъ баркасъ. Преобладающій типъ шлюпокъ на военныхъ судахъ.

Качка — колебаніе корабля на волненіи. Если судно качается съ боку на бокъ, то говорятъ, что оно имѣетъ *боковую качку*. Колебаніе судна вдоль киля называется *килевою качкою*.

Каюта—комната на кораблѣ.

Каютъ-компанія—общая каюта, салонъ для офицеровъ.

Киль — четырехгранный брусъ, составленный по длинѣ судна изъ нѣсколькихъ штукъ; онъ служитъ основаніемъ судна.

Кильватеръ — струя, остающаяся за судномъ, когда оно идетъ. Такъ же называется строй, когда суда идутъ другъ за другомъ, строй *кильватера*.

Китобой—судно, занимающееся китовымъ промысломъ.

Класть руля—ворочать рулъ.

Кливеръ — косой треугольный парусъ, ставящійся впереди фокъ-мачты.

Клиперъ—судно, отличающееся отъ другихъ типовъ быстротой хода и остротой своихъ обводовъ. Вооружено тремя мачтами; задняя сухая, т. е. безъ прямыхъ парусовъ.

Клотикъ—довольно толстый точеный кружокъ, имѣющій четырехгранное отверстіе въ центрѣ, которымъ надѣвается на флагъ-штокъ или топъ мачты. Онъ имѣетъ два или три шкива для сигнальныхъ фаловъ.

Кнехтъ—вертикальные брусья, имѣющіе шкивы и оканчивающіеся сверху головками. Они служатъ для проводки снастей и крѣпленія и утверждаются или на палубѣ, или на внутреннемъ бортѣ, или между шпангоутами; въ послѣднемъ случаѣ открытою остается одна головка.

Сигнальная **книга** — книга, въ которой въ алфавитномъ порядкѣ помѣщены всѣ необходимыя для переговоровъ выраженія, а также комбинаціи буквъ, по которой производится сигналъ или нумеръ для ночныхъ и туманныхъ сигналовъ.

Койка—постель для матросовъ; шьется изъ бѣлаго коечнаго канифаса, длина ея равна 2 арш. $10^1/_2$ верш., а ширина 1 арш. 8 верш., глубина подвѣшенной койки 12 верш. Шьется изъ двухъ полотенъ, при чемъ одно разрѣзывается продольно и вмѣстѣ съ балтами наставляется къ краямъ другого полотна, такъ что швы приходятся по обѣимъ сторонамъ койки. Принадлежность койки: пробковый матрацъ, подушка, одѣяло и простыня. Всѣ эти вещи закатываются въ койку.

Койки на верхъ! — по этому приказанію койки, скатанныя, выносятся на верхъ своими хозяевами для укладки ихъ на мѣсто, въ коечныя сѣтки.

Кокъ — поваръ, который готовитъ на судахъ пищу для матросовъ.

Колдунчикъ—флюгарка изъ перьевъ на штокѣ, который ставится на навѣтренной сторонѣ мостика; по этой флюгаркѣ опредѣляютъ направленіе вѣтра. Способъ весьма неточный, потому что флюгарка увлекается ходомъ судна и не показываетъ вѣрнаго направленія вѣтра.

Водолазный **колоколъ**—аппаратъ, имѣющій форму колокола и открытый снизу. Внутри его помѣщается человѣкъ и въ немъ опускается на дно моря. Воздухъ подъ колоколомъ возобновляется посредствомъ воздушнаго насоса, соединеннаго гуттаперчевой трубкой съ аппаратомъ.

Комендоръ орудія — нумеръ, распоряжающійся дѣйствіемъ орудія; онъ наводитъ орудіе и производитъ выстрѣлъ. Это собственно первый

комендоръ, а 2-й комендоръ стоитъ рядомъ съ первымъ, по правую сторону, и завѣдуетъ клиномъ или подъемнымъ винтомъ. На обязанности комендора лежитъ исправное содержаніе орудія со всею принадлежностью. Онъ же долженъ знать, какъ обращаться со спасательнымъ линемъ, фалшфееромъ и сигнальной ракетой, а также уходъ за цѣпными канатами. Для образованія комендоровъ существуетъ особая школа при артиллерійской командѣ.

Комиссаръ — чиновникъ на кораблѣ, завѣдующій провизіей; онъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ ревизора.

Компасъ — приборъ, по которому правятъ кораблемъ, опредѣляютъ направленіе предметовъ и проч. Изобрѣтеніе его весьма древнее; свѣдѣніе о немъ въ Европу доставлено итальянцемъ Фловіо-Жоія, который жилъ около 1300 года по Р. Х. Нѣкоторыя преданія свидѣтельствуютъ, что еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи этотъ инструментъ былъ въ употребленіи въ Европѣ. Главныя части компаса: *стрѣлка* съ наклеенною на нее *картушкой*, *котелокъ* и *шпилька*, на которую накладывается центромъ картушка со стрѣлкой.

Конвоиръ или конвоирующее судно: сопровождающее.

Кондукторъ— воспитанникъ высшаго класса техническаго училища морского вѣдомства.

Конецъ—всякая свободная снасть небольшой длины.

Консулъ—агентъ отъ правительства одного государства, назначаемый для охраненія торговыхъ интересовъ подданныхъ этого государства за границей.

Контра-брасы — брасы спереди реевъ; такъ, напримѣръ, у гротарея, а на большихъ клиперахъ—и у фока-рея, контра-брасы постоянные и проводятся въ помощь заднимъ брасамъ, чтобы легче было бросать реи.

Корабельный инженеръ—строитель военныхъ судовъ.

Корабль—всякое судно вообще называется кораблемъ. Собственно же корабль есть трехмачтовое военное судно, нынѣ изгнанное изъ употребленія, какъ невыгодное для боя, потому что высокій бортъ корабля представляетъ слишкомъ большой щитъ для непріятельскихъ выстрѣловъ. Корабли прежде были трехъ ранговъ: 74-хъ-пушечн. и 84-хъ-пушечн., двухдечные и стопушечные, т. е. носившіе отъ 110 до 120 пуш.—трехдечные. Послѣдніе начали строить испанцы. Исторія въ первый разъ упоминаетъ объ испанскомъ кораблѣ «Филиппъ», съ тремя рядами пушекъ, который находился въ битвѣ при Азорскихъ островахъ съ англійскимъ кораблемъ «Ревенджъ» въ 1591 году. Въ каждомъ изъ трехъ рядовъ было поставлено по одиннадцати пушекъ на сторонѣ и, кромѣ того, находилось 8 погонныхъ портовъ въ носу и были порты въ кормѣ. Въ Англіи первый 3-хъ-дечный корабль построенъ въ 1637 году.

Адмиральскій или флагманскій **корабль** — корабль, на которомъ адмиралъ, флагманъ имѣетъ свой флагъ и мѣстопребываніе.

Корветъ — трехмачтовое военное судно съ открытою батареею. По новой классификаціи военныхъ судовъ такого типа болѣе не существуетъ.

Корма — задняя оконечность судна; смотря по формѣ своей, бываетъ: круглая, четыреугольная и заостренная.

Корсаръ—морской разбойникъ, грабящій коммерческія суда; слово заимствовано отъ итал.: corsare, corso; такъ назывались варварійскіе разбойничьи крейсеры въ XVI столѣтіи.

Кортикъ — ручное оружіе, носимое всѣми офицерами флота и

корпусовъ, а также чиновниками морского вѣдомства при сюртукѣ.

Кочегарня—отдѣленіе въ машинѣ передъ котлами: изъ этого отдѣленія заряжаются топки и поддерживается въ нихъ огонь.

Кочегаръ — такъ называются тѣ изъ машинной прислуги, которые назначаются собственно для ухода за котлами.

Кошка—конецъ, имѣющій девять хвостиковъ. Прежде кошкой наказывали виновныхъ.

Крамболъ, иначе *крамболъ-брусъ*, поддерживаемый снизу кницей (называемой санортусъ). Онъ прикрѣпленъ къ скулѣ судна и служитъ крепомъ для подъема якоря. Крамболы бываютъ и желѣзные, переносные, похожіе съ виду на шмонъ-балку.

На лѣвый *крамболъ*. На правый *крамболъ*—выраженія, которыми опредѣляютъ положеніе предмета или судна относительно того судна, на которомъ находятся. Судно видно на правый крамболъ,—значитъ, оно находится на той линіи, которая мысленно продолжена по направленію крамбола.

Крейсеровать — плавать въ извѣстномъ мѣстѣ или между опредѣленными мѣстами моря.

Крейсерство—плаваніе въ опредѣленномъ районѣ.

Кренометръ—инструментъ для измѣренія крена. Состоитъ изъ свободно висящей мѣдной стрѣлки, вращающейся въ центрѣ дуги сектора; дуга раздѣлена на градусы; середина обозначена нулемъ.

Кренъ—наклоненіе судна на бокъ.

Крѣпить паруса—завертывать ихъ или свертывать по реямъ, мачтамъ и проч., когда они были распущены, т. е. поставлены или отданы.

Крѣпленіе орудій по-походному — такое крѣпленіе, при которомъ орудія во время качки остаются неподвижными.

Крюйтъ-камера—погребъ на кораблѣ, гдѣ хранится порохъ; обыкновенно устраивается въ подводной части корабля.

Крюйтъ-камерный фонарь—фонарь, которымъ освѣщается крюйтъ-камера; ихъ обыкновенно бываетъ 2 или 4. Зажигаются внѣ крюйтъ-камеры, въ особыхъ отдѣленіяхъ.

Крюкъ! — приготовительная команда на шлюпкѣ передъ командой *шабашъ!* По командѣ: *крюкъ!* баковые кладутъ весла, берутъ крюки и становятся во весь ростъ на своихъ мѣстахъ. На четверкахъ, шестеркахъ, гичкахъ, вельботахъ-двойкахъ и тузахъ «крюкъ» не командуютъ.

Кто гребетъ? — окликъ, который дѣлаетъ часовой (отъ спуска до подъема флага) проходящей мимо или подходящей къ судну шлюпкѣ.

Кубрикъ—самая нижняя жилая палуба на кораблѣ; ниже ея идетъ трюмъ.

Купецъ—купеческое судно.

Курсъ — путь, по которому корабль плыветъ. Относительно вѣтра курсъ бываетъ: *бейдевиндъ*, когда уголъ, составляемый направленіемъ судна съ вѣтромъ, менѣе 8 румбовъ; *галфиндъ* или *полъ-вѣтра*, когда этотъ уголъ равенъ 8 румбамъ; *бакштагъ*—отъ 8 до 16 румбовъ и *фордевиндъ*—когда вѣтеръ дуетъ прямо по направленію движенія судна.

Продолжить курсъ—опредѣлить по картѣ направленіе, по которому надо идти.

Лавировать — идти по ломаной линіи, ложась то на правый, то на лѣвый галсъ бейдевинда.

Лагъ—инструментъ, имѣющій видъ сектора, служитъ для измѣренія переплытаго разстоянія. Устройство его основано на томъ, что при

равномѣрномъ ходѣ, по разстоянію, пройденному кораблемъ въ минуту или въ полъ, четверть минуты, можно судить о разстояніи, проходимомъ въ часъ.

Лагъ — борть судна; говорятъ, напримѣръ: поворотиться лагомъ, стать лагомъ, навалилъ лагомъ и проч.

Лагъ-линь или лаглинь — линь, который привязывается къ лагу (сектору). Онъ развязывается обыкновенно такъ: отъ вершины сектора оставляютъ на линѣ разстояніе, равное длинѣ судна или нѣсколько болѣе, и кладутъ въ этомъ мѣстѣ марку, т. е. ввязываютъ кусокъ флагдука. Отъ этого флагдука измѣряютъ линь на части въ 48 футъ, т. е. немного меньше $^1/_{120}$ итальянской мили. По размѣреніи его такимъ образомъ, черезъ каждые 48 футъ вплесниваются кончики веревокъ съ узелками: однимъ, двумя, тремя и т. д., почему и самыя разстоянія называются узлами. Каждый узелъ дѣлится пополамъ и въ средину ввязывается петелька, означающая половину узла, каждая половина опять дѣлится пополамъ, и ввязывается кончикъ, означающій четверть узла. Сколько узловъ высучитъ лагъ-линя въ теченіе 30 секундъ, столько миль судно проходитъ въ часъ. Объясняется это тѣмъ, что 30 секундъ составляютъ $^1/_{120}$ часть часа, и узелъ тоже почти $^1/_{120}$ часть мили ($1^3/_4$ версты). Принято считать узелъ въ 48 футъ, а не въ 50,7, какъ бы слѣдовало, для того, чтобы судно считало себя всегда нѣсколько впереди настоящаго мѣста, т. е. ближе къ опасности. Лаглинь наматывается на вьюшку.

Бросить лагъ—выраженіе, употребляемое на суднѣ,—значитъ бросить секторъ въ воду, набравъ бухточку линя, и замѣчать по склянкѣ, сколько высучитъ съ вышки линя; короче сказать, измѣрить ходъ судна въ данный моментъ.

Лайба — простая большая чухонская лодка, съ одною и съ двумя мачтами, на каждой изъ которыхъ по одному парусу. Эти лодки, до введенія пароходовъ, употреблялись въ окрестностяхъ Петербурга для перевоза дровъ, сѣна и т. д.

Лапа у якоря—лопасти, которыми заканчиваются рога якоря.

Лебедка — небольшой брашпиль, назначенный и приспособленный къ подъему тяжестей.

Лееръ—туго-вытянутая веревка, у которой оба конца закрѣплены. Употребленіе лееровъ весьма разнообразно: они служатъ для постановки косыхъ парусовъ, какъ-то: кливеровъ и стакселей, и смотря по тому, какой изъ парусовъ по нимъ ходитъ, называются кливеръ-лееромъ, стаксель-лееромъ. Леера прибиваются къ реямъ (эти бываютъ и изъ прутового желѣза), и за нихъ привязываются прямые паруса; бѣлье и койки поднимаютъ для просушки на *бѣльевыхъ* и *коечныхъ* лерахъ, и, наконецъ, леера протягиваютъ вдоль палубы, во время качки, чтобы люди могли держаться.

Лежать на боку—говорится о суднѣ, когда оно наклонено.

Лежать на такомъ-то румбѣ — говорится о суднѣ или о другомъ предметѣ, видимомъ по такому-то румбу.

Лейтенантъ—второй офицерскій чинъ въ русскомъ военномъ флотѣ. Золотые эполеты съ тремя звѣздочками, погоны имѣютъ одну продольную полосу и тѣ же три звѣздочки.

Линь—топкая веревка, трехпрядная, тоньше одного дюйма.

Лотъ-линь — линь, привязываемый къ лоту. Этимъ линемъ измѣряется глубина моря.

Лисель — паруса, ставящіеся съ боку прямого паруса, какъ-то: брамселя, марселя и фока; сообразно съ этимъ называется: брамъ-

мисель, марса-*мисель* и ундеръ-*мисель* — послѣдній бываетъ четыреугольный, какъ и всѣ предыдущіе, и треугольный; въ первомъ случаѣ онъ растягивается по выстрѣлу, во второмъ имѣетъ видъ треугольника, обращеннаго внизъ вершиной. На мелкихъ купеческихъ судахъ иногда ставятъ летучій ундеръ-*мисель*, особенно въ свѣжій вѣтеръ, потому что во время качки и когда судно рыскаетъ, выстрѣлъ зарывается въ волнахъ. Ставится летучій ундеръ-*мисель* слѣдующимъ образомъ: къ угламъ нижней шкаторины обыкновеннаго ундеръ-*миселя* привязываютъ реекъ одной съ ней длины, а къ концамъ рейка приплескиваютъ концы шпрюйта, длиною нѣсколько болѣе длины рейка; за середину шпрюйта привязываютъ задній выстрѣлъ-*брасъ*. Такой ундеръ-*мисель* часто, при большомъ волненіи, носятъ совершенно сухой.

Лотовый—человѣкъ, который бросаетъ лотъ.

Лотъ отъ голл.: lood,—свинцовая гиря конической формы; въ основаніи имѣетъ гаечку, въ которую передъ опусканіемъ лота кладутъ сало. Къ салу пристаетъ песокъ, ракушка, камень и проч., и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ глубиной, лотомъ опредѣляется характеръ грунта. Для малыхъ глубинъ употребляется ручной *лотъ*, а для большихъ дипъ-*лотъ*, отличающійся отъ перваго только бо́льшимъ вѣсомъ. Есть еще Массеевъ *лотъ* или ленъ, изобрѣтенный Массеемъ. Онъ употребляется для опредѣленія большихъ глубинъ.

Лотъ-линь—линь, привязываемый къ лоту; онъ размѣренъ или развязанъ на сажени, которыми принято выражать глубину.

Бросать лотъ—измѣрять глубину.

Лоція—руководство въ прибрежныхъ плаваніяхъ, какъ-то: въ шхерахъ, заливахъ, проливахъ, при входахъ въ портахъ и вообще въ моряхъ, стѣсненныхъ берегами, усѣянныхъ островами, мелями, подводными камнями, отмелями и проч. Лоція даетъ свѣдѣнія о глубинѣ, грунтѣ дна моря, якорныхъ мѣстахъ, о теченіяхъ, ихъ направленіи, времени большой и мелкой воды, о фарватерахъ, о створахъ на нихъ, однимъ словомъ, доставляетъ свѣдѣнія о всемъ, что́ служитъ руководствомъ къ безопасному плаванію въ тѣхъ мѣстахъ, для которыхъ лоція изложена.

Лоцманъ — морякъ, хорошо знающій характеръ извѣстнаго прибрежья и всѣ мѣстные проходы и фарватеры.

Люкъ—такъ называется какъ отверстіе въ палубѣ, служащее для схода внизъ или для освѣщенія палубъ,—свѣтлый *люкъ*,—такъ и прикрывающая его стеклянная рама или ставня.

Магнитная стрѣлка — желѣзная или стальная полоска намагниченная. На нее накладывается компасная картушка.

Марса-фалъ—снасть, которою поднимается марсель.

Марсель — парусъ, который ставится между марса-реемъ и нижнимъ реемъ.

Марсовой — работающій по расписанію на марсѣ. Старшій изъ матросовъ марсовыхъ или унтеръ-офицеръ называется *марсовымъ старшиной*.

Гротъ-**марсовой**—который служитъ на гротъ-марсѣ.

Форъ-**марсовой**—служащій на форъ-марсѣ.

Марсъ — деревянная площадка, наложенная на мачтовые лонга-салингги. Смотря по тому, какой мачтѣ принадлежитъ, называется гротъ-*марсомъ*, крюйсъ-*марсомъ* или форъ-*марсомъ*.

На марсѣ!—окликъ снизу, чтобы возбудить вниманіе марсовыхъ.

Матъ—бываетъ тканый, плетеный и шпикованный. Пеньковый коверъ или коврикъ, употребляемый на судахъ для предохраненія де-

рева или троса отъ порчи, въ мѣстахъ, гдѣ они могутъ подвергаться тренію, иногда же и для обтиранія ногъ.

Мачта — самая нижняя стоячая часть рангоута. Бываетъ деревянная или металлическая; смотря по мѣсту, занимаемому на палубѣ, называется:

Бизань-**мачта**—самая задняя или третья съ носа.

Гротъ-**мачта**—средняя или вторая отъ носа мачта.

Фокъ-**мачта**—самая передняя.

Фальшивая **мачта**—такая, которую ставятъ на время, вмѣсто потерянной настоящей мачты; она обыкновенно менѣе настоящей.

Мачты рубить! — команда на шлюпкѣ убрать паруса и мачты. Это дѣлается, или когда шлюпка пристаетъ къ борту, или пристани, или когда она шла подъ парусами и желаетъ идти на веслахъ.

Машинное отдѣленіе—отдѣленіе, занимаемое машиной.

Маякъ—башня съ фонаремъ; служитъ примѣтнымъ знакомъ только для судовъ. На отмеляхъ, идущихъ далеко отъ берега, или на банкахъ, ставятъ съ этою же цѣлью суда съ фонарями, называемыя плавучими маяками.

Меридіанъ — большой кругъ, проходящій черезъ полюсы міра, называется небеснымъ меридіаномъ, а черезъ земные полюсы— земнымъ.

Мертвый якорь — якорь или другой грузъ, положенный на какомъ-либо мѣстѣ съ поплавкомъ или бочкой. За послѣднюю привязываются суда, т. е. становятся на мертвый якорь.

Мертвый штиль—такое состояніе погоды, при которомъ вода представляетъ совершенно ровную, гладкую поверхность.

Миля (морская)—равна $1^3/_4$ версты.

Мичманъ—первый офицерскій чинъ въ русскомъ военномъ флотѣ.

Держаться **въ морѣ** — говорится о суднѣ. Значитъ, не входить въ портъ, а оставаться въ морѣ, по какимъ-либо причинамъ, напримѣръ, по случаю тумана, темноты и проч.

Идти **въ море**—говорится о суднѣ, оставляющемъ портъ.

Морской разбой или **пиратство**—разбирается по законамъ того государства, которому принадлежитъ судно, захватившее пирата. Пираты, употребившіе оружіе, подвергаются смертной казни. Судно, подозрѣваемое въ пиратствѣ, можетъ быть остановлено, но невинно заподозрѣнный можетъ взыскивать убытки за остановку.

Мостикъ — на судахъ устраиваются мостики между кожухами или бортами, для командира, старшаго офицера и вахтенныхъ начальниковъ.

Мусонъ — періодическій вѣтеръ, который начинается и кончается всегда въ тѣ же времена года.

Навались!—приказаніе гребцамъ на шлюпкѣ грести сильнѣе.

Найтовить—связывать веревкой, дѣлать найтовъ.

Нактоузъ — шкапокъ, въ которомъ стоитъ компасъ на мѣстѣ верхней крышки.

Нижніе паруса—такъ называются фокъ и гротъ на судахъ съ прямыми парусами.

Нижніе реи—реи, служащія для нижнихъ парусовъ.

Нижняя мачта—собственно мачта безъ стеньги и брамъ-стеньги.

Нокъ — такъ называется оконечность всякаго горизонтальнаго или почти горизонтальнаго рангоутнаго дерева, напр.: рея, бугшприта, выстрѣла, утлегаря и проч.

Нѣтчикъ — отсутствующій на перекличкѣ, не явившійся своевременно съ берега.

Образной — матросъ, назначенный смотрѣть за образомъ. Онъ прислуживаетъ въ походной судовой церкви.

Обрѣзать носъ или корму — пройти близко передъ носомъ судна или за его кормой.

Обшивка — доски, которыми обшиты шпангоуты. Обшивка внутренняя—которою обшиты шпангоуты съ внутренней стороны, и внѣшняя—съ внѣшней. Подводная часть судна, сверхъ наружной обивки, обивается мѣдными листами, это называется мѣдной *обшивкой* или металлической.

Оверъ-штагъ поворотъ—состоитъ въ томъ, что судно, лежавшее, положимъ, лѣвымъ галсомъ, помощью руля и особаго расположенія парусовъ, катится влѣво, пока не пройдетъ бейдевиндъ на правый галсъ.

Огни открыть! — команда, по которой одновременно ставятся на мѣста отличительные огни (боковые), а топовой поднимается на топъ.

Одежда (матросская) — различается на зимнюю и лѣтнюю. Зимняя состоитъ въ нашемъ флотѣ изъ синей фланелевой рубахи, черныхъ брюкъ и шинели (на берегу). Въ морѣ шинель не полагается, а вмѣсто нея выдается бушлатъ (укороченное пальто). Лѣтняя состоитъ изъ бѣлой рубахи съ синимъ воротникомъ и такими же обшлагами, бѣлыхъ брюкъ и полосатки.

Одержать или **одерживать** (говоря о рулѣ) — уменьшить быстроту, съ которой катится судно, когда положенъ руль право или лѣво. По командѣ *одерживай!* рулевой отводитъ руль, ставитъ его или прямо, или близко къ этому положенію.

Острога—копье, которымъ бьютъ китовъ и крупныхъ рыбъ.

Отваливать — отойти на суднѣ или шлюпкѣ отъ пристани или отъ борта судна. На шлюпкѣ обыкновенно командуютъ для этого: *отваливай!* — по этой командѣ баковый или двое баковыхъ берутъ крюки и ими отваливаютъ носъ шлюпки отъ борта судна или отъ пристани.

Отдай якорь!—команда, по которой бросаютъ въ воду якорь.

Отдать паруса—распустить сезни, которыми паруса были привязаны.

Отдать снасть — отвернуть снасть съ кнехта, съ утки и проч., гдѣ она была завернута.

Отдать якорь—бросить якорь въ воду.

Вахтенное **отдѣленіе**—половина вахты, или четверть всей судовой команды.

Открытый рейдъ — рейдъ, не защищенный отъ вѣтровъ и волненія.

Открыть берегъ—увидѣть, разсмотрѣть очертаніе берега.

Отливъ—ежедневное періодическое правильное движеніе моря, состоящее въ томъ, что во всякомъ мѣстѣ морскія воды въ продолженіе шести часовъ постоянно возвышаются и, достигнувъ наибольшей высоты, сохраняютъ ее около семи минутъ; послѣ того въ продолженіе шести часовъ онѣ понижаются и въ небольшомъ пониженіи остаются около семи минутъ; потомъ снова повышаются и т. д. Такимъ образомъ, море каждыя сутки два раза повышается и два раза понижается. Движеніе, дѣйствіемъ котораго море возвышается, названо *приливомъ*, то же, которымъ понижается — *отливомъ*. Состояніе моря при наибольшемъ возвышеніи называется *полной водой*, а при небольшомъ пониженіи—*низкою* или *малою водою*.

Отличительные огни—морскія паровыя суда на ходу обязаны имѣть: на форъ-марсѣ — яркій бѣлый огонь, на правой сторонѣ — зеленый огонь, на лѣвой сторонѣ—красный огонь.

Отмель — пологость, идущая отъ берега въ море, на которой глубина менѣе 5 саженъ.

Отрядъ — нѣсколько судовъ, плавающихъ соединенно, составляютъ отрядъ.

Отстаиваться—стоять въ порту, въ бухтѣ или на рейдѣ, въ ожиданіи благопріятныхъ условій для выхода въ море, напр., попутнаго вѣтра, высокой воды, когда стихнетъ жестоко дующій вѣтеръ и проч.

Отходить (говоря о вѣтрѣ)—дѣлаться попутнымъ.

Отшедшая широта—широта, отъ которой судно отправилось.

Отшедшій пунктъ—пунктъ, отъ котораго судно отправилось.

Очистить снасть—распутать, освободить ее.

Ошвартоваться — привязаться къ берегу или пристани помощью перлиней или кабельтововъ.

Пазъ — долевая щель между соприкасающимися досками или брусьями у наружной обшивки и у палубной настилки; его конопатятъ и заливаютъ смолой.

Палуба—помостъ или полъ на судахъ. На палубѣ военныхъ судовъ ставятъ артиллерійскія орудія.

Верхняя **палуба** — или онеръ-декъ; носовая часть ея называется бакомъ, затѣмъ слѣдуетъ шкафутъ, потомъ шканцы и, наконецъ, самая кормовая часть верхней палубы называется ютомъ; кормовой бортъ — называется бортомъ.

Пампуши—большіе башмаки, сшитые изъ кожи, войлока или сплетенные изъ волосъ; надѣваютъ ихъ на сапоги, когда идутъ въ крюйтъ-камеру или въ пороховой погребъ, гдѣ хранятъ порохъ, мякоть и прочія огнестрѣльныя вещества; пампуши нужны для предосторожности, чтобы отъ шарканья сапоговъ по полу не произвести искры.

Парадный трапъ—трапъ съ правой стороны военнаго судна.

Параллель—малый кругъ, параллельный экватору.

Верхніе **паруса**—паруса выше нижнихъ.

Задніе **паруса** — такъ называются паруса на гротъ и бизань-мачтахъ, въ отличіе отъ парусовъ фокъ-мачты, называемыхъ передними.

Крѣпить **паруса** — прямые паруса крѣпятся по реямъ, т. е. гитовами и горденями подтягиваются къ своимъ реямъ и тамъ скатываются и связываются сезнями. Косые паруса или опускаются внизъ и крѣпятся по утлегарю, по бугшприту, по топу мачты и проч., или гитовами подтягиваются къ своимъ гафелямъ и по мачтамъ и тамъ крѣпятся сезнями.

Нижніе **паруса**—фокъ и гротъ.

Отдать **паруса**—отвязать сезни, которыми паруса закрѣплены.

Паруса полощетъ — выраженіе, означающее, что паруса не стоятъ, что ихъ не надуваетъ вѣтромъ, а треплетъ; это случается, когда вѣтеръ дуетъ подъ очень малымъ угломъ къ поверхностямъ парусовъ.

Форсировать **парусами** — нести большую парусность, чѣмъ позволяетъ сила вѣтра.

Парусная каюта—каюта, въ которой хранятся запасные паруса.

Парусникъ—мастеровой, который шьетъ паруса.

Парусное судно—судно, плавающее исключительно подъ парусами.

Парусность—всѣ паруса одного судна составляютъ его парусность. Сумма площадей всѣхъ парусовъ—площади парусности.

Пассажиръ—лицо, не входящее въ составъ судовой команды. Этимъ именемъ въ военномъ флотѣ, въ насмѣшку, называютъ моряковъ, не интересующихся своею спеціальностью, плавающихъ въ составѣ команды, но небрежно относящихся къ своимъ судовымъ обязанностямъ.

Пассатный вѣтеръ—вѣтеръ, который сохраняетъ свое направленіе постоянно, въ теченіе цѣлаго года; пассаты встрѣчаются въ Атланти-

ческомъ и Тихомъ океанахъ. Въ первомъ между 29° и 8° сѣверной широты дуетъ постоянный сѣверо-восточный пассатъ, и между 3° сѣверной и 28° южн. шир. такой же постоянный юго-восточный. Страна между 8° и 3° сѣв. шир., раздѣляющая сѣверо-восточный пассатъ отъ юго-восточнаго, отличается совершеннымъ безвѣтріемъ, прерываемымъ только по временамъ сильными порывами вѣтра или шквалами, а потому эта страна называется поясомъ тишины или безвѣтрія.

Пеленговать — замѣчать по пель-компасу румбъ, на который съ судна виденъ какой-либо предметъ.

Пеленгъ — уголъ, заключенный между магнитнымъ меридіаномъ и румбомъ, на которомъ виденъ предметъ.

Переборка — перегородки, раздѣляющія трюмъ и части палубъ на каюты или отдѣленія, назначенныя для храненія различныхъ предметовъ.

Пересѣчь экваторъ—пройти экваторъ.

Переходъ—плаваніе отъ одного порта или мѣста до другого.

Перлинь—вантросъ толщиною отъ 4 до 6 дюймовъ.

Перты — родъ шпрюйтовъ подъ реями, на которыхъ стоятъ люди при крѣпленіи парусовъ.

Пика — трехгранное желѣзо, насаженное на длинное древко; одно изъ употребительнѣйшихъ абордажныхъ оружій.

Пластырь для задѣлыванія пробоинъ — изготовляется изъ двойной парусины и шпикованнаго мата. Подводится подъ пробоину на четырехъ концахъ троса парусиною къ пробоинѣ, а матомъ кнаружи. Нажимается давленіемъ воды.

Плехтъ—правый становой якорь.

Пли! — команда, по которой первый комендоръ сильнымъ и вѣрнымъ движеніемъ руки натягиваетъ шнуръ отъ трубки и въ то же время приставляетъ лѣвую ногу къ правой такъ, чтобы находиться внѣ отката орудія.

Пловучій маякъ—судно, поставленное на якорь вблизи опасности и приспособленное спеціально для того, чтобы служить маякомъ.

Поворотъ — переходъ съ одного галса на другой; если при этомъ корабль переходитъ линію вѣтра носомъ къ вѣтру, то такой поворотъ называется *оверштагъ;* если же кормою къ вѣтру, то — *черезъ фордевиндъ.*

Давать **погибь**—давать выпуклость.

Подать конецъ — бросить веревку пристающей къ борту шлюпкѣ, на пристань, другому судну и проч.

Подвѣтренная сторона. — Если судно идетъ правымъ галсомъ, то лѣвая его сторона называется подвѣтренной и обратно.

Подвѣтренный берегъ—относительно идущаго судна, напр., лѣвымъ галсомъ, берегъ, находящійся съ правой стороны, будетъ подвѣтреннымъ, а съ лѣвой—навѣтреннымъ.

Поддерживать пары—загрести жаръ въ топкахъ.

Поднимать пары — растопить хорошенько топку, чтобъ въ котлѣ образовалось больше пару.

Подтянись къ борту! — приказаніе шлюпкѣ подтянуться, помощью крюка, къ борту судна.

Подушка—всякій мѣшокъ, сшитый изъ парусины и набитый пенькой на подобіе обыкновенной подушки; подкладывается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ трутся между собою два дерева.

Подшкиперъ—помощникъ шкипера или самостоятельный содержатель унтеръ-офицерскаго званія.

Пожарная тревога — вызовъ людей по расписанію для тушенія пожара. Команда вызывается по звону въ колоколъ.

Позывные—флаги для распознаванія судна.

Истинный **полдень**—моментъ, когда солнце достигнетъ наибольшей высоты.

Штилевыя **полосы** — полосы океана, въ которыхъ господствуетъ штиль. Болѣе всего извѣстны *экваторіальныя штилевыя полосы.*

Полубаркасъ — второй баркасъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ противъ перваго.

Полундра! — окрикъ сверху вмѣсто «берегись!», когда что-нибудь падаетъ.

Помпа—постоянный, остающійся всегда на одномъ мѣстѣ, насосъ; называется такъ въ отличіе отъ переноснаго насоса, называемаго брандспойтомъ.

По мѣстамъ!—приготовительная команда передъ какимъ-либо судовымъ маневромъ: «*По мѣстамъ къ повороту!*», «*По мѣстамъ, паруса отдавать!*» и проч.

Попутный вѣтеръ—вѣтеръ, дующій въ корму или почти въ корму.

Портъ—отверстіе въ борту судна для орудія. Такъ же называется мѣсто, имѣющее рейдъ или гавань для судовъ.

Поручень — деревянный брусъ или металлическій прутъ, прикрѣпленный къ вершинамъ стоекъ у траповъ или мостика.

Послушное судно—хорошо слушаетъ руля.

Потравить—дать слабину снасти.

Пошелъ всѣ на верхъ!—вызовъ всей команды на верхъ для исполненія какого-либо маневра; при вызовѣ прибавляется всегда, для чего команда вызывается, напр., рифы брать, паруса крѣпить и проч.

Пошелъ шпиль!—команда для начала вращенія шпиля.

Править—направлять курсъ корабля. По-славянски: корманити.

Править вахтой—дежурить на суднѣ, стоять на вахтѣ.

Право на бортъ! — команда, по которой кладется руль право насколько можно.

Прекратить пары—выгрести жаръ изъ топокъ.

Претензія — заявленіе на смотру или на *опросѣ претензій* о незаконныхъ и несправедливыхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ начальства, о неудостоеніи за службу правъ и преимуществъ или о неудовлетвореніи положеннымъ довольствіемъ.

Привести къ вѣтру — взять курсъ, относительно вѣтра, ближе къ вѣтру, ближе къ линіи бейдевинда.

Придерживаться къ вѣтру—идти ближе къ линіи вѣтра.

Принайтовить—скрѣпить найтовомъ.

Принять волну — выраженіе, употребляемое, когда волна вкатится на палубу.

Приспуститься — идя подъ парусами бейдевиндъ, увеличить уголъ, составляемый направленіемъ вѣтра съ курсомъ.

Прокладывать по картѣ — наносить на карту курсъ судна, пришедшій пунктъ и проч.; самое дѣйствіе называется прокладкой.

Проложить курсъ — помощью транспортира и линейки провести на картѣ черту, соотвѣтствующую курсу судна.

Противное волненіе—волненіе, направляющееся противъ курса.

Противный вѣтеръ — дующій по направленію, противному курсу судна.

Прямо руль!—поставить руль въ діаметральной плоскости.

Прямой парусъ — парусъ, который привязанъ къ рею и можетъ

быть поставленъ поперекъ судна; таковы: нижніе паруса, марсели, брамсели и бомъ-брамсели.

Прямые паруса — паруса, которые привязываются къ реямъ и могутъ быть поставлены поперекъ судна.

Пузо—выпуклость паруса, когда онъ надутъ вѣтромъ.

Пунктъ—мѣсто корабля на картѣ.

Путевой компасъ—компасъ, по которому правятъ судномъ.

Равноденствіе — два времени въ году, въ которыя день равенъ ночи. Одно изъ равноденствій, называемое жителями сѣвернаго полушарія весеннимъ, всегда 10—23 марта, другое, называемое осеннимъ, 11—24 сентября.

Разводить пары — затопить топки и поддерживать огонь, пока не образуются пары въ котлѣ.

Снасти разбирать!—команда, по которой снасти убираются, каждая въ свою бухту; это дѣлается послѣ авральной работы, когда снасти еще не успѣли порядочно сложить.

Разружить, разружать — снять съ судна такелажъ и спустить рангоутъ.

Разсыльный—отряжаемый съ вахты матросъ спеціально для посылокъ вахтеннаго начальника.

Рангоутъ—мачты, снасти, реи, бугшпритъ и проч. деревья, на которыхъ ставятся паруса.

Рандеву—мѣсто встрѣчи или соединенія судовъ.

Расклепать цѣпной канатъ—разъединить канатъ въ мѣстахъ соединенія, т. е. у скобы; выколотить расклепку у скобы.

Расписаніе—распредѣленіе людей на суднѣ для различныхъ работъ и для завѣдыванія различными частями.

Расцвѣтиться флагами — поднять флаги, въ честь побѣды или царскаго дня, или особо-высокаго праздника.

Ревизоръ—офицеръ, завѣдующій хозяйственною частью на кораблѣ.

Рей (рея)—рангоутное дерево, подвѣшенное за середину и служащее для привязыванья паруса.

Рейдъ—часть моря, защищенная берегомъ и островами или моломъ отъ вѣтра. Если рейдъ не хорошо защищенъ отъ вѣтра, или не вполнѣ, то называется открытымъ; въ противномъ случаѣ—закрытымъ.

Рифъ — гряда каменьевъ на поверхности воды; если они скрыты подъ водой, то рифъ называется подводнымъ. По-славянски: гребень.

Рифъ — лееръ у паруса или рядъ сезней, посредствомъ которыхъ площадь паруса уменьшается.

Взять **рифы у паруса**—уменьшить площадь паруса, связывая рифъ-штерты или между собою, какъ у косыхъ парусовъ, или за лееръ, какъ у прямыхъ.

Отдать **рифы**—развязать рифъ-штерты, которыми были взяты рифы.

Ровный вѣтеръ—вѣтеръ безъ порывовъ.

Ростры—собраніе запасныхъ деревьевъ на суднѣ, какъ-то: стенегъ, реевъ, шкалъ и пр.; укладываются на судахъ различно, но, большею частью, между фокъ и гротъ мачтами, такъ что между ними остается мѣсто для баркаса и другихъ шлюпокъ, поднимаемыхъ на палубу.

Рубашка паруса—середина закрѣпленнаго прямого паруса.

Рубка—каюта на верхней палубѣ или полукаюта подъ люкомъ.

Рулевой—человѣкъ, который правитъ рулемъ.

Рулевой старшина — старшій изъ рулевыхъ, на обязанности котораго лежитъ исправное содержаніе штурвала, штуртроса, пактоузовъ и всего, что касается руля.

Руль—прежде называли—кормило; по-славянски: кармань. Приборъ для управленія судномъ.

Прямо руль — приказаніе рулевому, чтобъ онъ поставилъ румпель (прямой) въ діаметральную плоскость. При этомъ положеніи стрѣлка аксометра показываетъ нуль.

Не зѣвать на рулѣ!—напоминаніе рулевому, чтобы онъ не дремалъ.

Право руль—приказаніе поворотить румпель вправо.

Руль на бортъ—приказаніе поворотить румпель какъ можно больше вправо или влѣво, смотря по тому, «*право на бортъ!*» или «*лѣво на бортъ!*» было скомандовано.

Румбъ—румбомъ называется всякое направленіе отъ центра видимаго горизонта къ точкамъ его окружности. Изъ множества румбовъ, 32 носятъ особыя названія, и въ числѣ ихъ 2, именно О, W называются главными. Подъ словомъ румбъ подразумѣваютъ весьма часто величину угла между двумя румбами; въ этомъ смыслѣ говорятъ: одинъ румбъ равенъ 11°15′; два румба—22°30′ и т. д.

Румпель — деревянный или металлическій брусъ, надѣваемый на голову руля; служитъ онъ рычагомъ для поворачиванья руля вправо или влѣво.

Рупоръ — ручная трубка, сдѣланная изъ мѣди или жести, въ видѣ усѣченнаго конуса; служатъ для увеличиванья громкости голоса. Рупоръ употребляютъ во время командованія, при управленіи на суднѣ парусами, чтобы произносимыя командныя слова на всемъ пространствѣ судна были слышны.

Руслени—площадки, придѣлываемыя снаружи борта судна, на высотѣ верхней палубы; служатъ для отвода винта.

Рымъ—желѣзное кольцо, вбиваемое въ разныхъ мѣстахъ судна для закрѣпленія за него снастей.

Рыскать — говорятъ, что судно рыскаетъ, если оно виляетъ то въ одну, то въ другую сторону.

Ряжи — подводное загражденіе, большею частью состоящее изъ свай, вбиваемыхъ въ грунтъ.

Садить — тянуть внизъ; чтобы вытянуть фока или грота-галса, командуютъ: фока и грота галсы *садить!*

Сажень—морская сажень имѣетъ 6 футъ.

Салингъ — рама, состоящая изъ продольныхъ брусковъ, называемыхъ лонгасалингами, и изъ поперечныхъ, называемыхъ краницами. Надѣвается на топъ стеньги и служитъ для отвода брамъ и бомъ-брамъ бакштаговъ.

Салютъ—отданіе почести лицу, событію или флагу установленнымъ числомъ выстрѣловъ. Коммерческія суда при встрѣчѣ другъ съ другомъ или съ военными судами салютуютъ флагомъ, т. е. приспускаютъ и поднимаютъ до мѣста три раза кормовой флагъ.

Свалиться—сцѣпиться съ другимъ судномъ.

Свистать.—Команда на судахъ вызывается на верхъ свисткомъ въ дудки; такимъ же свисткомъ сопровождается всякая работа.

Свистокъ—дѣйствіе, производимое дудкой. Такъ же называется и самая дудка, составляющая принадлежность унтеръ-офицеровъ на суднѣ.

Секстанъ — отражательный и угломѣрный инструментъ, принятый на судахъ для астрономическихъ наблюденій.

Сигналъ — всякіе переговоры или предупрежденія на отдаленномъ разстояніи.

Поднять сигналъ — поднять въ извѣстномъ сочетаніи сигнальные флаги.

Сигналъ съ пушкой — если вмѣстѣ съ подъемомъ сигнала производится пушка, то это означаетъ: или что требуется скорое исполненіе, или—выговоръ.

Сигнальная книга—книга, по которой можно какъ сдѣлать, такъ и разобрать всякій сигналъ.

Сигнальная пушка — пушка въ извѣстный условленный моментъ, напр., для начала гонки.

Сигнальная ракета — служитъ приготовительнымъ сигналомъ для сигналовъ на дальнемъ разстояніи, которые производятся пушечными выстрѣлами.

Сигнальщикъ — матросъ, который имѣетъ спеціальное назначеніе слѣдить за всѣмъ окружающимъ и дѣлать сигналы по приказанію вахтеннаго начальника.

Сирокко — такъ называется въ Средиземномъ морѣ юго-восточный вѣтеръ.

Систерна — желѣзный ящикъ; въ систернахъ на судахъ хранится прѣсная вода.

Склянка — песочные часы. Состоятъ изъ двухъ стеклянныхъ конусовъ, соединенныхъ между собою ихъ вершинами и заключенныхъ въ деревянную или металлическую оправу. Оба конуса имѣютъ другъ съ другомъ сообщеніе сквозь отверстіе въ ихъ вершинахъ; въ одинъ изъ конусовъ насыпается мелкій и сухой песокъ въ такомъ количествѣ, чтобы онъ пересыпался въ другой конусъ въ опредѣленное время, напримѣръ, въ 30 сек. или въ 15 сек., если склянки держать вертикально. Большихъ размѣровъ склянки, какъ-то: получасовыя, часовыя и четырехчасовыя, замѣняли въ старину часы на часахъ и давно вывелись изъ употребленія, уступивъ мѣсто пружиннымъ стѣннымъ часамъ. Несмотря, однако, на это, выраженіе *склянка*, означающее получасовой промежутокъ, до сихъ поръ употребляется на судахъ.

Скрябка—инструментъ, служащій для отскабливанья старой краски съ борта, смолы съ палубы и проч.

Скула—выпуклости въ передней подводной части судна называются скулами.

Слабину выбрать!—приказаніе вытянуть снасть, чтобы она не имѣла слабины.

Слѣдовать движеніямъ адмирала—дѣлать то, что́ дѣлается на флагманскомъ суднѣ; напримѣръ, если тамъ ставятъ дождевые тенты, то слѣдуетъ ихъ ставить и на суднѣ, находящемся на одномъ рейдѣ съ адмираломъ; если у адмирала команда въ бѣлыхъ рубашкахъ, то слѣдуетъ и судовую команду переодѣть одинаково, и проч.

Смерчъ—водяной столбъ между небомъ и водой; состоитъ изъ двухъ конусовъ, сходящихся вершинами. Явленіе смерча сопровождается вихремъ.

Впередъ **смотрѣть!**—напоминаніе часовымъ, чтобы они не дремали. Послѣдніе отвѣчаютъ: *есть, смотримъ!*

Снасти — всѣ тросы, входящіе въ вооруженіе судовъ и служащіе для постановки и уборки парусовъ, для подъема и спуска рангоута.

Снасть—веревки, служащія на суднѣ для постановки и уборки парусовъ и имѣющія спеціальныя назначенія, называются вообще снастями.

Отдать **снасть**—отвернуть ее съ кнехта или съ утки, на которыхъ она была завернута, закрѣплена.

Очистить **снасть** — распустить ее, если она была спутана съ другими снастями или задѣла за рангоутное дерево.

Снайтовить—соединить найтовомъ.

Снять вахту—принять дежурство по судну отъ другого.

Сняться съ дрейфа — продолжать плаваніе послѣ того, какъ судно лежало въ дрейфѣ.

Собачья дыра — отверстіе, люкъ въ марсѣ, черезъ который пролѣзаютъ съ вантъ на марсъ.

Содержатель — на военныхъ судахъ бываютъ содержатели по шкиперской, комиссаріатской и артиллерійской части; послѣдній называется вахтеромъ, первый шкиперомъ или подшкиперомъ и второй комиссаромъ или баталеромъ.

Солнечный тентъ—тентъ, который ставится на суднѣ или шлюпкѣ для защиты отъ солнца.

Солнцестояніе — точки, въ которыхъ солнце бываетъ въ наибольшемъ удаленіи отъ экватора.

Спасательная лодка—ботъ для спасанія погибающихъ.

Спасательный буекъ — буекъ, назначенный для поданія помощи утопающему или упавшему въ воду. Бываютъ различныхъ формъ и устройствъ.

Спасательный поясъ — пробковый поясъ или нагрудникъ, надѣваемый въ случаѣ опасности быть смытымъ съ палубы или другимъ образомъ опрокинутымъ въ воду.

Сплесень — соединеніе двухъ веревокъ; чтобы сдѣлать сплесень, концы распускаютъ на пряди и пряди одного конца пробиваютъ въ переспущенныя пряди другого, а пряди этого послѣдняго пробиваютъ въ переспущенныя пряди перваго.

Сплеснивать—сращивать двѣ веревки, дѣлая сплесень.

Спускаться — отходить отъ линіи вѣтра, составлять уголъ курса съ направленіемъ вѣтра большій; напр., если судно шло бейдевиндъ и легло бакштагъ, то оно спустилось.

Спустить баркасъ—поднять его съ палубы судна и спустить на воду.

Срубить мачты—въ переносномъ значеніи, убрать мачты, если онѣ были поставлены на шлюпкѣ.

Стаксели—треугольные паруса, подымаемые по лееру или по штагу.

Станціонеръ—судно, находящееся постоянно на какой-нибудь станціи въ заграничномъ порту.

Баковый **старшина**—унтеръ-офицеръ на бакѣ.

Марсовой **старшина**—унтеръ-офицеръ, завѣдующій марсомъ.

Рулевой **старшина**—старшій изъ рулевыхъ.

Старшій офицеръ—старшій послѣ командира флотскій офицеръ.

Стать фертоингъ—стать на два якоря, имѣя такое количество каната у каждаго, чтобы носъ судна, при всѣхъ перемѣнахъ вѣтра, оставался между якорями.

Статья—степень матросскаго званія.

Створъ—направленіе, по которому видны вдругъ два или нѣсколько предметовъ одинъ за другимъ, или линія, на которой одинъ предметъ закрывается другимъ.

Стеньга—дерево, служащее продолженіемъ мачты. *Брамъ-стеньга*—дерево, служащее продолженіемъ стеньги.

Стопорить — остановить тягу снасти, завернуть, закрѣпить снасть. Остановить вообще какое-либо дѣйствіе.

Стопъ!—команда, которая останавливаетъ какое-либо дѣйствіе.

Сухая (или *голая*) мачта—мачта безъ реевъ.

Тайфунъ —ураганъ въ Китайскомъ морѣ.

Такелажъ — общее наименованіе всѣхъ снастей. Такелажъ, служа-

щій для удержанія рангоута (мачтъ, реевъ и т. п.) въ надлежащемъ положеніи, называется *стоячимъ*, весь же остальной—*бѣгучимъ*.

Тали—снасть, основанная между блоками.

Тендеръ—одномачтовое судно съ далеко выдающимся горизонтальнымъ бугшпритомъ.

Тентъ — полотно, или парусина, растягиваемая надъ палубой для защиты отъ солнца или дождя.

Тифонъ—воздушное явленіе, состоящее изъ водяного столба, который, подобно вихрю, поднимается съ чрезвычайной силой къ небу.

Толчея—неправильное волненіе.

Тонна—мѣра вмѣстимости = 60 пудамъ.

Траверзъ.—Направленіе, перпендикулярное къ курсу судна. *Быть на траверзѣ*—быть на линіи, перпендикулярной къ судну.

Травить—пропускать снасть, завернутую на кнехтѣ.

Транспортъ—судно, имѣющее грузовой трюмъ и назначеніе преимущественно для перевоза грузовъ.

Тропики — два малые круга, параллельные небесному экватору и удаленные отъ него одинъ къ сѣверу, другой къ югу на $23^0\,28'$. Таковые же два малые круга, параллельные земному экватору и отстоящіе отъ него на $23^0\,28'$, называются земными тропиками.

Тросъ—общее наименованіе веревокъ.

Трюмъ—самая нижняя часть внутренняго пространства судна.

Узелъ — величина узла (которыми измѣряютъ пройденное кораблемъ разстояніе) равна $^1/_{120}$ части итальянской мили, т. е. 50 футамъ 8 дюймамъ, но опытъ показываетъ, что при такой величинѣ узловъ скорость получается всегда меньше настоящей, почему постановлено дѣлать разстояніе между узлами въ 48 ф. (См. *лагъ-линь*).

Уключины — вырѣзки въ бортахъ для веселъ или металлическіе сектора, вставляемые на бортахъ шлюпокъ.

Ураганъ—особый родъ вѣтра, отличающійся необыкновенной силой и производящій вслѣдствіе того самыя ужасныя и разрушительныя дѣйствія. Скорость его доходитъ до 120 футовъ въ секунду. Ураганы образуются чаще всего въ тропикахъ и преимущественно въ двухъ странахъ: при Антильскихъ островахъ, въ Мексиканскомъ заливѣ и въ Индійскомъ океанѣ. Время, въ которое они наиболѣе свирѣпствуютъ, есть равноденствіе.

Утлегарь—дерево, служащее продолженіемъ бугшприта.

Уходить (убѣжать) отъ волны—идя фордевиндъ, нести столько парусовъ, чтобы волна не могла догнать судна.

Фалрепъ—тросы (веревки), замѣняющіе поручни у входныхъ траповъ. Матросы, назначаемые съ вахты для подачи фалреповъ, называются *фалрепными*.

Флагманъ—лицо, командующее эскадрой.

Флагманскій корабль—судно, на которомъ флагманъ держитъ свой флагъ.

Фокъ—самый нижній парусъ на передней фокъ-мачтѣ.

Фокъ-мачта—передняя мачта.

Фордевиндъ—вѣтеръ, дующій прямо въ корму или по курсу судна.

Форштевень—дерево, составляющее переднюю оконечность судна.

Форъ — слово, прибавляемое къ наименованіямъ реевъ, парусовъ и такелажа, находящихся выше марса фокъ-мачты.

Фрегатъ — военное трехмачтовое судно, имѣющее одну закрытую батарею.

Фрегатъ—большая морская птица изъ породы чаекъ.

Футъ—мѣра длины. Въ морской сажени 6 ф.

Ходомъ!—Приказаніе скорѣе тянуть что-нибудь или вертѣть шпиль.

Хронометръ—тщательно сдѣланные морскіе часы, подобные обыкновеннымъ карманнымъ, но отличающіеся отъ нихъ болѣе правильнымъ ходомъ, мало измѣняющимся отъ измѣненія температуры.

Шабашъ—окончаніе работы.

Шаланда—небольшое грузовое судно.

Швабра—метла, сдѣланная изъ хорошо разбитой ворсы.

Швартовъ — тяжелый, крѣпкій канатъ, веревка, кабельтовъ, цѣпь, завозимый съ судна на берегъ.

Широта—удаленіе мѣста отъ экватора, считаемое по меридіану.

Шканцы — часть верхней палубы военнаго судна отъ гротъ-мачты до бизань-мачты.

Шкаторина—сторона или край паруса.

Шкафутъ—пространство на верхней палубѣ между гротъ- и фокъ-мачтами. Середина шкафута занята ростpами.

Шквалъ—сильный порывъ вѣтра.

Шкиперская—помѣщеніе на военномъ суднѣ всѣхъ припасовъ, находящихся въ вѣдѣніи шкипера.

Шкиперъ — содержатель казеннаго имущества, какъ-то: такелажа, блоковъ, чоковъ, парусовъ и проч.

Шкотъ—снасть, которою разсѣчивается парусъ.

Шкуна — судно, имѣющее двѣ или три наклонныя мачты съ косыми парусами.

Шпигатъ—сквозное отверстіе въ борту для стока воды съ палубы.

Шпиль — вертикальный воротъ для подъема якорей и другихъ тяжестей.

Штагъ — снасть стоячаго такелажа, которая держитъ рангоутное дерево въ діаметральной плоскости.

Штормъ—буря.

Штормъ-трапъ—трапъ веревочный, свѣшиваемый за кормой судна. Къ этому трапу пристаютъ шлюпки въ очень свѣжую погоду и большое волненіе, когда къ борту корабля, безъ опасности для шлюпки, пристать нельзя.

Штурвалъ — механическое приспособленіе, облегчающее дѣйствіе рулемъ.

Штыкъ-болтъ—тонкая снасть, которой подтягиваютъ баковыя шкаторины парусовъ, когда у послѣднихъ берутся рифы.

Штыкъ-болтный—матросъ, находящійся у этой снасти.

Экипажъ—команда судна.

Экипажъ—часть строеваго состава на сухомъ пути, соотвѣтствующая въ арміи полку.

Элингъ — мѣсто строенія кораблей на берегу, устроенное скатомъ.

Эскадра — нѣсколько судовъ, плавающихъ подъ начальствомъ адмирала.

Юнга—мальчикъ, готовящійся быть матросомъ.

Ютъ—кормовая часть верхней палубы, сзади бизань-мачты.

Якорь—приборъ для задержанія судна на мѣстѣ.

Всталъ якорь!—значитъ, отдѣлился отъ грунта.

Ялъ—небольшая четыреугольная шлюпка на военномъ суднѣ.

Оглавленіе

I ТОМА.

СТР.

Константинъ Михайловичъ Станюковичъ. Біографическій очеркъ П. В. Быкова 3

Морскіе разсказы.

Василій Ивановичъ 29
Мрачный штурманъ 111
Бѣглецъ. 166
Человѣкъ за бортомъ 192
На каменьяхъ 212
Въ штормѣ 229
Между своими 244
Вдали отъ береговъ 257
Матросскій линчъ 275
Вѣстовой Егоровъ 302
Ночью 311
Въ море! 322
Рождественская ночь 467
Пассажирка 473
Ужасный день 550
Маленькіе моряки 577

Словарь морскихъ терминовъ, встрѣчающихся въ разсказахъ . 645

ПОПРАВКА.

На стран. 183-й, строку 7-ю снизу: «вѣроисповѣданіямъ... упрекалъ» слѣдуетъ читать такъ: (пока) «впослѣдствіи не увлекся и иными книгами. Ходили слухи,» (что Лютиковъ раскольникъ, и т. д.).